

ТВОРЧЕСТВО
И.А. БУНИНА
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия
«Академический Бунин»

Редакционная коллегия

*A.B. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Р. Дэвис, О.А. Коростелев,
С.Н. Морозов, В.В. Полонский, Е.Р. Пономарев*

Выпуск 1

Москва
Литфакт
2019

Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте

(биография, источниковедение, текстология)

Редакторы-составители
O.A. Коростелев, С.Н. Морозов

Москва
Литфакт
2019

УДК 821.161.1

ББК 83.3

Коллективный труд подготовлен в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН
в ходе работ по гранту Российского научного фонда (проект №17–18–01410).

Издание осуществлено за счет средств гранта Российского научного фонда
(проект №17–18–01410)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Серия
«Академический Бунин»

Выпуск 1

Рецензенты:

А.В. Лавров, академик РАН, главный научный сотрудник ИРЛИ РАН

М.В. Козьменко, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: Литфакт, 2019. — 896 с.: ил. — (Академический Бунин; вып. 1).

ISBN 978-5-6043382-4-7

В основу содержания первого выпуска серии легли доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И.А. Бунина (биография, источниковедение, текстология)», которая была организована и проведена в Москве Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН 12–13 ноября 2018 г. Помимо текстов докладов включены статьи, написанные специально для сборника, и таким образом в книге представлены материалы исследователей из десяти стран (Франция, Италия, Иран, Германия, Польша, Австрия, США, Великобритания, Венгрия, Белоруссия), а также из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Ефремов, Красноярск, Симферополь, Серпухов, Мытищи).

Отдельные разделы составили статьи, посвященные текстологии И.А. Бунина, а также материалы к его библиографии.

УДК 821.161.1

ББК 83.3

© О.А. Коростелев, С.Н. Морозов, составление, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Т.О. Прокофьева, оформление, 2019

© ООО «Литфакт», 2019

ISBN 978-5-6043382-4-7

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Академический Бунин» основана в рамках выполнения научного проекта Российского научного фонда (№ 17–18–01410) «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология». Характер и особенности работы по выполнению проекта, поиски и находки в архивах и библиотеках, методология исследования творческого наследия И.А. Бунина, библиография, текстологические вопросы и проблемы, формы научного комментария к текстам писателя, создание источниковедческой базы для подготовки научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина — вот далеко не полный перечень тем, которые будут рассматриваться в публикациях данной серии.

Сложность стоящих перед исследователями научных задач по подготовке текстов И.А. Бунина и их комментированию требует разнообразных подходов к их решению. В первую очередь необходимо продолжать создавать научную фундаментальную базу буниноведения, на что, главным образом, и направлен проект «Академический Бунин». За последние двадцать лет уже многое сделано в этом направлении: изданы два тома эпистолярного наследия И.А. Бунина «Письма 1885–1904 гг.» (Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003), «Письма 1905–1919 гг.» (Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007), продолжается подготовка пятитомной «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» (Сост. С.Н. Морозов. Т. 1: 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011; Т. 2: 1910–1919. М.: ИМЛИ РАН, 2017), активно публикуется переписка И.А. Бунина с современниками эмигрантского периода в научной серии «И.А. Бунин. Новые материалы» (Ред.-сост. О.А. Коростелев, Р.Д. Дэвис, Е.Р. Пономарев. М.: Русский путь, 2004–2014. Вып. 1–3), в сборнике «С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом» (Под ред. Р. Дэвиса, В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2002), альманахе «Диаспора» (Отв. ред. В.Е. Аллой, О.А. Коростелев. Париж; СПб., 2001–2002. Вып. 1–3), в четырехтомном издании «“Современные записки”. Париж, 1920–1940. Из архива редакции» (Под ред. О. Коростелева и М. Шруды. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2) и других изданиях. Недавно вышла в свет

первая книга нового бунинского тома серии «Литературное наследство» (т. 110 в четырех книгах. М.: ИМЛИ РАН, 2019). Проведена огромная работа по текстологии поэзии И.А. Бунина, в результате которой издан двухтомник поэта «Стихотворения» (Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 1–2) в серии «Новая Библиотека поэта». Но при всей масштабности проведенной и продолжающейся работы предстоит еще многое сделать для того, чтобы расширить источниковедческую базу буниноведения, приступить к исследованию текстологии прозы писателя, составить научную библиографию изданий произведений И.А. Бунина и литературы о нем и многое другое. Для решения поставленных научных задач и создана новая серия «Академический Бунин».

Исходя из многогранности выполняемого исследовательского проекта, проспект будущих выпусков серии состоит из различных по тематике, направлению, содержанию и типу изданий. Серию «Академический Бунин» планируется начать следующими выпусками:

Выпуск 1. Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): Сборник научных статей.

Выпуск 2. *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм. Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода: Монография.

Выпуск 3. «Сундук с вырезками». Библиография статей с публикацией маргиналий И.А. Бунина / Составители О.А. Коростелев, З.С. Закружная.

Выпуск 4. Сборник научных статей по итогам юбилейной конференции 2020 г. (возможно, совместный с ИРЛИ РАН).

Выпуск 5. *Зайцев К.И.* «И.А. Бунин. Жизнь и творчество». Статьи / Составитель С.Н. Морозов.

Выпуск 6. *Бунин И.А.* О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет 1911–1953 гг. / Составители А.В. Бакунцев, О.А. Коростелев, С.Н. Морозов.

Выпуск 7. Круг чтения И.А. Бунина / Составитель М.С. Щавлинский.

Выпуск 8. И.А. Бунин на страницах газеты «Сегодня» (1920–1939) / Составитель А.В. Бакунцев.

Выпуск 9. И.А. Бунин. Библиография изданий произведений и литературы о нем (1887–1955 гг.) / Составитель С.Н. Морозов.

Выпуск 10. *Бунин И.А.* Окаянные дни. Научное издание / Составитель А.В. Бакунцев.

Редакторы серии оставляют за собой право изменять последовательность выхода указанных книг и уточнять их названия.

Выпуски новой серии станут изданиями-спутниками будущего научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина. В них будут публиковаться источниковедческие работы, исследования творческого наследия пи-

сателя, научно подготовленные тексты произведений И.А. Бунина с комментариями, библиография и другие материалы. Таким образом, книги серии будут не только аккумулировать источниковедческий материал, но и станут научной площадкой для подготовки томов собрания сочинений и обсуждения проблемных вопросов текстологии, комментирования, датировки текстов, атрибуции и др.

В основу первого выпуска серии легли доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И.А. Бунина (биография, источникование, текстология)», которая была организована и проведена в Москве Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН 12–13 ноября 2018 г. Помимо текстов докладов включены статьи, написанные специально для сборника, и таким образом в книге представлены материалы исследователей из десяти стран (Франция, Италия, Иран, Германия, Польша, Австрия, США, Великобритания, Венгрия, Белоруссия), а также из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Ефремов, Красноярск, Симферополь, Серпухов, Мытищи).

Сборник делится на несколько разделов: «Историко-литературный контекст. Биография», «Восприятие И.А. Бунина за рубежом», «Текстология и комментарий», «Библиография».

В статьях рассматривается самый широкий спектр научных вопросов и тем современного буниноведения: от поэтики творчества писателя до находок в зарубежных архивах, от текстологии до творческих взаимосвязей И.А. Бунина с современниками, от источниковедческих вопросов до библиографии.

В разделе «Восприятие И.А. Бунина за рубежом» собраны статьи, в которых рассматриваются проблемы перевода произведений писателя на иностранные языки, особенности восприятия творчества И.А. Бунина в Италии, Франции, Иране и Белоруссии. В приложении к статье Э. Гаретто впервые публикуются полные переводы критических статей Р. Кюфферле о творчестве И.А. Бунина. Исследования данного раздела продолжают разрабатывать это важное направление, которое до сих пор еще остается малоисследованным.

Раздел «Текстология и комментарий» включает исследования, посвященные проблемам определения основного текста как для отдельных произведений, так и для целых сегментов бунинского наследия, особенностям работы автора со своими текстами, а также вопросам комментирования и датировок. Это научное направление в буниноведении начинает активно разрабатываться, свидетельством чему и являются статьи данного раздела.

Целый ряд статей сборника сопровождается иллюстрациями, которые представляют архивные документы, фотографии, дарственные надписи на книгах. Все эти изобразительные материалы публикуются впервые.

Собранный вместе, этот разнообразный материал продолжает создавать необходимую основу для дальнейшей работы над изучением жизни и творчества И.А. Бунина. Авторы сборника ссылаются на разные издания текстов И.А. Бунина, что лишний раз подчеркивает давно назревшую необходимость подготовки полного научного собрания сочинений писателя, которое могло бы служить единым источником при обращении к текстам И.А. Бунина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ. БИОГРАФИЯ

«МОМЕНТ ИТОГОВ И КОНЦОВ»: «СУХОДОЛ» И.А. БУНИНА И ЦИКЛ «ЗАВОЛЖЬЕ» А.Н. ТОЛСТОГО

© 2019, Г.Н. ВОРОНЦОВА

Аннотация: В центре внимания автора статьи написанная в 1911 г. повесть И.А. Бунина «Суходол» и прозаический цикл А.Н. Толстого «Заволжье», созданный и опубликованный на протяжении 1909–1910 гг., — произведения, объединенные одной темой, тесно связанной с процессами внутри русского общества конца XIX — начала XX вв., с уходом с исторической сцены, в его прежнем виде, русского дворянского сословия. Оба писателя по рождению принадлежали к старейшим русским дворянским родам, история которых была полна драматических и трагических коллизий, но прежнего великолепия родовых поместий не застали, что отчасти предопределило общность подхода Бунина и Толстого к теме. Одно из центральных мест на страницах и «Суходола», и «Заволжья» занимает образ ветшающего, доживающего свой век дома, который становится чуть ли не камертоном организации художественного повествования. И Бунин, и Толстой щедро пользуются в своих произведениях хорошо им известной семейной хроникой, а произведенный ими отбор событий, отраженных в художественных текстах, указывает на общность целеполагания авторов, рисующих на страницах повестей и рассказов безрадостную картину угасания рода и нисходящей смены поколений. В то же время и «Суходол», и «Заволжье» не только повествования о разоряющихся «дворянских гнездах», но и художественные исследования русской жизни, русского характера, русской души.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Суходол», А.Н. Толстой, «Заволжье», «дворянские гнезда», семейная хроника, сопоставительный анализ.

Информация об авторе: Галина Николаевна Воронцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Имена Ивана Алексеевича Бунина и Алексея Николаевича Толстого сближались не раз. Этому способствовали и неоднократно пересекавшиеся биографии писателей, и их творчество, взращенное одной эпохой и одними историческими событиями, которыми так насыщена была первая половина XX в.

В числе первых заговорил об этом А.М. Горький после публикации ранних повестей и рассказов Алексея Толстого и бунинской «Деревни». В ноябре 1910 г. он писал А.В. Амфитеатрову: «Бунин кончил “Деревню” — это первоклассная вещь. Первый раз в литературе нашей — если не считать “Утро помещика” — слишком отдаленное и “В овраге” — вещь эпизодическую, первый, говорю, раз, “Деревня” написана столь мужественно-правдиво, с таким искреннейшим стоном и так “исторически”. А какие

удивительные детали! <...> Вот тема для статьи “Дворянство Ал. Толстого и крестьянство Бунина”¹.

Та же мысль прозвучала в письме Горького М.К. Иорданской того же периода: «А “Деревня” будет оценена, будет. Это произведение исторического характера, так о деревне у нас еще не писали <...> Вот тема для статьи “Деревня и Дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина”, — но необходимо, чтобы статью писал человек, не токмо с русской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю»².

Творчество Толстого тогда же стало предметом обсуждения Горького и Бунина, о чем свидетельствует фраза из горьковского письма писателю от 23 ноября 1910 г.: «А Толстой Алексей, что вы не говорите, сила. Лишь бы не захвалили его»³.

Поводом к нашему сопоставительному анализу послужили написанная в 1911 г. повесть Бунина «Суходол» и прозаический цикл Толстого «Заволжье», созданный и опубликованный на протяжении 1909–1910 гг. и в конечном итоге составивший первую книгу Сочинений писателя, вышедших в издательстве «Шиповник»⁴.

«Суходол» и «Заволжье» объединены одной темой, тесно связанной с процессами внутри русского общества конца XIX — начала XX вв., с уходом с исторической сцены, в его прежнем виде, русского дворянского сословия. Разорявшиеся «дворянские гнезда» в это время стали предметом художественного осмысления. В качестве авторов литературных произведений, посвященных данной теме, как правило, выступали писатели, которые сами были носителями традиций старой дворянской культуры.

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. 1910–1911 (январь–февраль). М.: Наука, 2001. С. 194.

² Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. 1910–1911 (январь–февраль). С. 192–193.

³ Там же. С. 197. О своем личном знакомстве с Алексеем Толстым Бунин писал в очерке «Третий Толстой»: «Я познакомился с Толстым как раз в те годы, о которых (скорбя по случаю провала “первой революции”) так трагически декламировал Блок: “Мы, дети страшных лет России, забыть не можем ничего!” — в годы между этой первой революцией и Первой мировой войной. Я редактировал тогда беллетристику в журнале “Северное сияние”, который затеяла некая общественная деятельница, графиня Варвара Бобринская. И вот в редакцию этого журнала явился однажды рослый и довольно красивый молодой человек, церемонно представился мне (“граф Алексей Толстой”) и предложил для напечатания свою рукопись под заглавием “Сорочьи сказки”, ряд коротеньких и очень ловко сделанных “в русском стиле”, бывшем тогда в моде, пустяков. Я, конечно, их принял, они были написаны не только ловко, но и с какой-то особой свободой, непринужденностью (которой всегда отличались все писания Толстого). Я с тех пор заинтересовался им, прочел его “декадентскую книжку стихов”, будто бы уже давно сожженную, потом стал читать все прочие его писания» (Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 8. С. 305).

⁴ Толстой А.Н. Сочинения: В 2 кн. СПб.: Шиповник, [1910–1911]. Кн. 1.

К их числу относятся и Бунин, отразивший в своем творчестве, как писал один из рецензентов еще в 1912 г., «грустную поэзию разоряющихся дворянских гнезд»¹, и Толстой, которому хорошо его знавший М.А. Волошин однажды сказал: «...вы очень редкий и интересный человек. Вы, наверное, должны быть последним в литературе, носящим старые традиции дворянских гнезд», — чем, собственно, и подвигнул молодого писателя на создание произведений цикла «Заволжье»².

О том, что представляла собой картина умирания старой дворянской культуры и связанного с ней быта, образно и точно сказал в одном из своих выступлений С.П. Дягилев, устроитель знаменитой выставки русского портрета в Таврическом дворце в 1905 г.³: «Не чувствуете ли вы, что длинная галерея портретов великих и малых людей, которыми я постарался заселить великолепные залы Таврического дворца, есть лишь грандиозный и убедительный итог, подводимый блестящему, но, увы, и омертвевшему периоду нашей истории?.. Я заслужил право сказать это громко и определенно. Так как с последним дуновением летнего ветра я закончил свои долгие обезды вдоль и поперек необъятной России. И именно после этих жадных странствий я особенно убедился в том, что наступила пора итогов. Это я наблюдал не только в блестящих образах предков, так явно далеких от нас, но главным образом в доживающих свой век потомках. Конец быта здесь налицо. Глухие заколоченные майораты, страшные своим умершим великолепием дворцы, странно обитаемые сегодняшними милыми, средними, не выносящими тяжесть прежних парадов людьми. Здесь доживают не люди, здесь доживает быт. И вот когда я совершенно убедился, что мы живем в страшную пору перелома; мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости»⁴.

Общность художественного взгляда Бунина и Толстого на очевидную эволюцию русского общества проистекала, прежде всего, из общности их собственного места внутри той его части, которая стала объектом изображения в вышеназванных произведениях. Оба писателя по рождению принадлежали к старейшим русским дворянским родам, история которых была полна дра-

¹ А.Л. И.А. Бунин: (К 25-летию литературной деятельности) // Россия. 1912. 28 октября. № 2136. С. 3.

² А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Сов. писатель, 1984. С. 391.

³ Историко-художественная выставка русских портретов в пользу вдов и сирот павших в боях воинов работала в Таврическом дворце с 6 марта по 26 сентября 1905 г. На ней экспонировалось 2286 полотен из частных коллекций, в том числе из дворянских усадеб Российской империи. Все портреты были сфотографированы и частично опубликованы в издании: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого Князя Николая Михайловича: В 5 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905–1907.

⁴ Зильберштейн И.С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. М.: Изобразительное искусство, 1993. С. 125.

матических, а подчас и трагических коллизий. Оба писателя прежнего великолепия родовых поместий не застали, в их произведениях воспоминания о когда-то блестящей жизни предков сохраняют лишь старые обитатели угасающих «дворянских гнезд».

Все в прошлом у героя повести Толстого «Мишука Налымов» Петра Леонтьевича Репьева: «Хорошее было время. Многие, многие милые люди были еще живы. Сережа и Никита, славные мальчики, подавали большие надежды. Жива была дорогая Машенька, всегда в белом, всегда приветливая, всегда озабоченная, — как бы получше накормить гостей, или поженить кого-нибудь из близких родных, или уладить какую-нибудь неприятность. Каждый день в столовой или на балконе шумели гости, приезжал дядя, старый Налымов, большой шутник, — любил, бывало, на удивление всем, откушать ломоть дыни с нюхательным табаком. Приезжала с прогулки Ольга, красавая, веселая и загадочная, в бархатной амазонке. Снимая высокую перчатку, давала целовать руку... Многие, многие были в то время влюблены в Ольгу Леонтьевну... Ушло все, как туман, ушли хорошие дни...»¹.

В «Суходоле» хранительницей воспоминаний об ушедших в прошлое события становится дворовая Наталья, вся жизнь которой неразрывно связана с именем Хрущевых. На вопрос детей Аркадия Петровича «Хорошо жилось прежде?» она, не раздумывая, отвечает: «Хорошо-с...»². Рассказывая о «золотых» днях Суходола, Наталья упоминает и сад — «чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берез, вишеники, тонувшие в крапиве, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть не целая роща серебристых тополей на окраинах, сливавшихся с хлебами»³. И дом — «под соломенной крышей, толстой, темной и плотной», глядевший на двор, «по сторонам которого шли длиннейшие службы и людские в несколько связей, а за двором расстился бесконечный зеленый выгон и широко раскидывалась барская деревня, большая, бедная и — беззаботная»⁴. Денег, «по словам Натальи, прежде не знали куда девать» и дедушка Петр Кириллыч, доживавший свой век «в тихом помешательстве», «заботливо и неслышно бродил по дому и, оглядываясь, совал в трещины дубовых бревен золотые»⁵. Все изменилось после того «как дедушка померли, как вошли в силу молодые господа и женился покойник Петр Петрович»⁶. Но и при дедушке Петре Кириллыче жизнь поместья уже клонилась к закату, так как только «при бабушке» «были в нем и господа, и хозяева, и власть, и подчинение, и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники»⁷.

¹ Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 195.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Московский рабочий, 1994. Т. 3. С. 144.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же. С. 149.

Одно из центральных мест на страницах и «Суходола», и «Заволжья» занимает образ ветшающего, доживающего свой век дома, который становится чуть ли не камертоном организации художественного повествования. Именно такой дом, «невзрачный», оставшийся от «дедовского дубового <...> много раз горевшего», встречает приехавшего в Суходол героя-рассказчика в бунинской повести: «Все было черно от времени, просто, грубо в этих пустых, низких горницах, сохранивших то же расположение, что и при дедушке, срубленных из остатков тех самых, в которых обитал он. В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского <...> заветный образ дедушки, переживший несколько страшных пожаров, раскололшийся в огне, толсто окованный серебром и хранивший на обратной стороне своей российской Хрущевых, писанную под титлами. Точно в лад с ним тяжелые железные задвижки и вверху и внизу висели на тяжелых половинках дверей. Доски пола в зале были непомерно широки, темны и скользки, окна малы, с подъемными рамами»¹.

Дополнено гнетущее описание барского жилища в произведении лаконичной, но очень емкой характеристикой всего поместья, где остались «от сада — кустарники да несколько старых берез и тополей, от служб и людских — изба, амбар, глиняный сарай да ледник, заросший польникою и подсвекольником»².

В таком же обреченнем доме, подобно суходольским Хрущевым, доживает свой век и тетушка Анна Михайловна, героиня толстовской повести «Петушок (Неделя в Туреневе)»: «Дверь спальни отворялась в широкий и низкий коридор, куда выходили бывшие лакейские; в конце его витая лестница вела наверх, в девять барских комнат; туда никто теперь не ходил, и деревянная решетка в зале, когда-то обвитая плющом, и огромные очаги, похожие на пещеры, высокие шкафы в библиотеке, столы и кресла, сваленные в угол друг на дружке, — все это было покрыто густой пылью, потому что во всех комнатах на пол-аршина лежала пшеница и хозяинчиали мыши <...> Все вымерли, унеся с собою в сырую землю веселье, богатство и несбывшиеся мечты, и тетушка Анна Михайловна одна-единешенька осталась в просторном туреневском дому»³.

Бунин писал в «Суходоле»: «Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей, да вот еще преданиями, прошлым и сильна-то она»⁴. К этому источнику и припадают как Бунин, так и Толстой, щедро пользуясь в своих произведениях хорошо им известной семейной хроникой.

Прототипом Суходола стало родовое имение Буниных — Каменка. Некоторые черты деда — Николая Дмитриевича — писатель передал Петру Ки-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1994. Т. 3. С. 140–141.

² Там же. С. 140.

³ Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. 1982. Т. 1. С. 101–102.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1994. Т. 3. С. 138.

риллычу Хрущеву, отразив в повести и судьбу его детей — собственного отца Алексея Николаевича, дяди Николая Николаевича и тетки Варвары Николаевны. Обстоятельства кончины брата матери Бунина, Ивана Чубарова, отозвались в «Суходоле» в картине смерти одного из братьев Хрущевых, Петра Петровича¹.

В то время, когда Бунин подростком бывал в Каменке, она уже принадлежала семье покойного брата отца, Николая Николаевича. Там, как вспоминала В.Н. Муромцева-Бунина, будущий писатель впервые увидел «свою родную тетку, Варвару Николаевну Бунину, жившую рядом с барским домом во флигеле, вернее в просторной избе. Тетя Варя была не совсем нормальна: заболела после того, как отказалась товарищу брата Николая жениху-офицеру, которому все играла полонез Огинского. А отказав, после его отъезда, заболела нервно. Она прототип Тони в “Суходоле”»². Далее Вера Николаевна писала: «Когда они подъезжали к Каменке, то увидели согбенную странную фигуру в шлыке на голове и халате, как потом оказалось, надетом прямо на голое тело, по описанию напоминавшую им Плюшкина. Это была их тетя Варя. Она хворостиной подгоняла корову. Поразило детей ее бледно-восковое лицо с крючковатым носом, с острым подбородком, загибавшимся вверх, что напоминало открытый клюв птицы»³.

Этот запечатлевшийся в сознании подростка образ почти с фотографической точностью будет воспроизведен Буниным на страницах «Суходола»: «И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидали мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пегую комолую корову. При нашем приближении хворостина заработала сильнее, и корова неуклюже, крутя хвостом, выбежала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась к тарантасу и, подойдя, потянулась к нам бледным лицом. Со страхом глядя в черные безумные глаза, чувствуя прикосновение острого холодного носа и крепкий запах избы, поцеловались мы с подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга? Но высокий шлык из какой-то грязной тряпки торчал на голове Бабы-Яги, на голое тело ее был надет рваный и по пояс мокрый халат, не закрывавший тощих грудей»⁴.

Отразилось в повести и участие братьев Буинных, Алексея Николаевича и Николая Николаевича, в Крымской войне. Отец писателя «часто вспоминал

¹ В.Н. Муромцева-Бунина писала о матери Бунина: «Людмила Александровна, рожденная Чубарова, происходила тоже из хорошего рода. Она была дальней родственницей Алексею Николаевичу <отцу писателя>, и в ней текла бунинская кровь. Мать ее была в девичестве Бунина, дочь Ивана Петровича» (Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. С. 30).

² Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. 2007. С. 50.

³ Там же. С. 50–51.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1994. Т. 3. С. 139–141.

Севастопольскую кампанию, когда они с братом Николаем, рано умершим, с собственным ополчением отправились на войну»¹.

Свой узнаваемый прототип есть и у большинства персонажей центрального произведения «заволжского» цикла Алексея Толстого, повести «Мишука Налымов (Заволжье)». В основу произведения положена сохранившаяся в семейных преданиях история несложившейся любви одной из теток писателя, Ольги Леонтьевны Тургеневой, к своему дальнему родственнику Сергею Шишкову. В 1882 г. она вышла замуж за брата Сергея — Николая, а через год умерла от скоротечной чахотки, но как считали родные — от несчастной любви. В повести герояня, Вера Ходанская, не гибнет, но впадает в состояние полного безразличия ко всему происходящему и, в конечном итоге, уехав с мужем в Петербург, производит впечатление заживо погребенной.

Старик Репьев в повести отчасти дед Толстого — Леонтий Борисович Тургенев. В образе Мишуки Налымова проступают черты его двоюродного брата, члена земской Губернской управы Михаила Михайловича Наумова.

Эпизод из жизни семьи Тургеневых, родственников Толстого по материнской линии,ложен и в основу сюжета толстовской повести «Петушок». В образе тетушки, Анны Михайловны, отразились черты сестры матери писателя — Марии Леонтьевны Тургеневой. Он ее любил «не только как родного человека, но и как женский тип, как образ чистой и талантливой женщины»². Изобразил Толстой в повести и одного из своих двоюродных братьев, Леонтия Николаевича Комарова, который по воспоминаниям Софьи Исааковны Дымшиц «подолгу жил в Париже, таскался по заграницам, увлекался кутежами и связями с малопристойными женщинами»³.

Характерен уже сам отбор событий семейной хроники, произведенный писателями. Как правило, это смерть барина от рук ближнего слуги, который может, к тому же, оказаться незаконным сыном убитого (как Герваська в «Суходоле»⁴ или Архип в одноименном рассказе Толстого⁵), душевные расстройства представителей рода, семейные распри (ссора братьев Хрущевых и распра Репьевых и Мишуки Налымова), малоприбыльное прожекторство молодого поколения «дворянских гнезд», несчастная любовь, заканчивающаяся либо болезнью, либо смертью (душевная болезнь Тони Хрущевой,

¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. 2007. С. 35.

² Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Сов. писатель, 1982. С. 69.

³ Там же. С. 61.

⁴ Первая редакция повести содержала еще одно упоминание о смешении крови поместных дворян и их дворни: «Откуда истекало столь резкое несходство в характерах отца и дяди? Об этом тоже разно говорят [, нередко связывая с именем отца имя дворового Ткача]» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 7). Впервые исправлено: Бунин И.А. Деревня. Суходол. Париж: Русская земля, 1921. С. 273.

⁵ У Толстого ситуация осложняется тем, что барин, молодой помещик Собакин, становится невольным инициатором поимки сына Архипа (Оськи-конокрада) и, как следствие, его гибели.

«тихое помешательство» Петра Кириллыча и отказ от любимого человека Веры Ходанской). Все это в целом указывает на общность целеполагания авторов, рисующих в своих произведениях безрадостную картину угасания рода, дополненную чертами его вырождения (яркий образец — племянник Анны Михайловны Николушка в повести Толстого «Петушок»), и нисходящей смены поколений¹, в которой объективные характеристики вполне естественно уживаются с ностальгическими и даже сочувственными нотами.

Герой-рассказчик в «Суходоле», в котором угадывается сам автор произведения, и его сестра, уже знавшие, что «темен и сумрачен был старый суходольский дом», в котором убит был их сумасшедший дед Петр Кириллыч «незаконным сыном своим, Герваськой», «млели» и «восторженно переглядывались» при словах Натальи о родовом имении: «...долго представлялся нам потом огромный сад, огромная усадьба, дом с дубовыми бревенчатыми стенами под тяжелой и черной от времени соломенной крышей — и обед в зале этого дома: все сидят за столом, все едят, бросая кости на пол, охотничим собакам, косятся друг на друга — и у каждого арапник² на коленях: мы мечтали о том золотом времени, когда мы вырастем и тоже будем обедать с арапниками на коленях»³.

Не стал сознательным критиком своих героев, Мишку Налымова, Сергея Репьева, Николушки (все трое имеют реальных прототипов из числа родственников писателя) и Алексей Толстой.

Что же касается авторской интонации рассматриваемых произведений, то, несомненно, в «Суходоле» Бунина трагических нот больше, чем в «заповолжском» цикле Толстого. Это обусловлено, в том числе, разностью мироощущения (у Толстого оно все пронизано в это время неистребимой авторской иронией) и стилевых манер двух авторов. Смех Бунина (а в «Суходоле» его почти нет, несмотря на наличие ряда комических ситуаций, проявленных, например, в рассказах о дедушке Петре Кириллыче) и смех автора «Заволжья», безусловно, разной природы. Однако и художественное повествование последнего об угасающих очагах старой дворянской культуры получилось достаточно печальным. В страшных физических мучениях умирает герой однотипной повести Мишку Налымов; погибают, убитые мужиками, помещик

¹ Любопытна с этой точки зрения попытка сравнительного анализа героев А.Н. Толстого с персонажами произведений М. Горького: «Уродлива, развратна и дика их жизнь. Но ужас здесь в том, что уродство и разврат — здесь не падение, а житейские черты своеобразного богатырства, порыва к раздолю. И все-таки при всей отвратительной грязи, которой залит этот быт, есть в этих мелких людях широкий размах, в трусливых дерзость, чего не встретишь у мещан Максима Горького» (Морозов М.В. Очерки новейшей литературы. Пб.: Прометей, 1911. С. 211). В данном случае речь могла бы идти о представителях старшего поколения, так как поколение молодое, поколение детей к «мещанам Максима Горького» гораздо ближе.

² Арапник — длинный охотничий кнут на коротком кнутовище; применялся на псовой охоте.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1994. Т. 3. С. 136–137.

Собакин («Архип»), дворянин Михаил Камышин и дочь земского начальника Катенька Павала-Шимковская («Сватовство»); обречены на небытие лишившиеся своей собственности бывшие помещики Теплов и Языков («Актриса»); доживают свой век, угасая в глухи, старики брат и сестра Репьевы («Мишука Налымов»), тетушка Анна Михайловна и Африкан Ильич («Петушок»), дополняет этот ряд наследник Обломова Аггей Коровин («Мечтатель»), имение покинувший, но и в городе не прижившийся¹.

Трагизм ухода, свойственный эпохам перелома, кризисным по существу, в той или иной степени ощущим во всех произведениях Толстого, посвященных этой теме. Его не удалось затушевать ни мягким юмором, ни авторской иронией, отчасти превратившейся позже, в результате работы над текстом, в сатирический гротеск.

И в «Суходоле», и в «Заволжье» мы имеем дело со взглядом изнутри описанного процесса, что придавало произведениям убедительность не только художественную, но и историческую.

Так, А.В. Амфитеатров, автор статьи о рассказах Толстого «Новая сила», отмечал: «Попробуйте-ка написать Мишку Налымова, который в своем имении восстановил властью капитала крепостное право <...> Писатель из кровных демократов не мог бы воспользоваться этой дикой фигурою иначе, как в враждебном тоне обличительного протesta, и вышел бы у него полупублицистический очерк с дидактикой, — либо сатира, либо мелодрама. Для графа Алексея Толстого Мишку Налымов “одним миром мазан”, и художник пишет его с таким же спокойствием любопытного наблюдения, как всякую новую модель»².

А Горький в одном из писем убеждал Бунина: «И Вы — дворянин Бунин, Иван Алексеевич. Не улыбайтесь, тут ни иронии, ни зависти, тут просто факт: не дворянин — не напишет так, вот и всё. На днях я прочитал в рукописи одного эмигранта-революционера: “...нет предостерегающего голоса трехсотлетней дворянской крови и оттого он провокатор”. Я, разумеется, знаю — не совсем и не всегда “оттого”, но “предостерегающий голос” — великолепно сказано! Это голос культуры, в наши дни он слышен все слабее»³.

Как представляется, рисуя завершающие исторический цикл «последние дни» русского дворянства, и Бунин, и Толстой одновременно решали и стоявшую перед ними сверхзадачу, о которой прямо говорил Бунин сразу после

¹ Этот ряд можно было бы и продолжить: гибнут, не выдержав столкновений с новой, непонятной им реальностью, герои первого романа писателя «Чудаки» («Две жизни») генерал Брагин и его жена, а в первой редакции произведения и старик Репьев, отец Сонечки, сама Сонечка оказывается в монастыре.

² Амфитеатров А.В. Собрание сочинений: В 34 т. СПб.: Просвещение, [1911–1916]. Т. 15. С. 336.

³ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. 1910–1911 (январь–февраль). М.: Наука, 2001. С. 196.

выхода своей повести: «В моем новом произведении “Суходол” рисуется картина жизни следующего (после мужиков и мещан “Деревни”) представителя русского народа — дворянства <...> Мне кажется, что быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; все различие обусловливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, близко не связана, как у нас. Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская. Выявить вот эти черты дворянской мужицкой жизни, как доминирующие в картине русского поместного сословия, я и ставлю своей задачей в своих произведениях»¹.

Правда, впоследствии убеждение Бунина в общности душ дворянина и мужика было, видимо, несколько поколеблено, о чем свидетельствует правка в первой главе повести: «...столбовые мы, Хрущевы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой крови, да татарских князьков [, чья порода и сказалася в нас не однажды. *A все же мы на деле — мужики. Говорят, что составляли и составляем мы какое-то особое сословие. А не проще ли дело? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищие, величали одних господишками, а других холопами — вот, по-моему, и разница вся. Исключения не в счет, и тем более не в счет, что ведь нам, Хрущевым, степнякам, числа нет. Быт наш с мужицким был почти что ровен,]. Но ведь кровь Хрущевых мешалась с кровью дворни и деревни спокон веку»².*

Кроме того, в первой редакции своего произведения писатель пытался доискаться и очертить круг причин, по которым закончилась крахом блестящая эпоха в жизни русского поместного дворянства. И делал он это не с тихой грустью, не обольщаясь и не очаровываясь преданиями и легендами. По крайней мере, так выглядит целый ряд высказываний героя-рассказчика, разрушавших гармонию его взаимоотношений с разоренным Суходолом, которые по интонации своей, отмеченной эмоциональным накалом, близки к критическим. Показателен в этом отношении снятый Буниным большой фрагмент текста в конце второй главы: «Велико было наше разочарование! Ведь как долго и жадно слушали мы повествования о Суходоле. Все говорили о нем так, точно был он великокняжеским поместьем. Увидели же мы скучность, убожество, увидели сумасшедшую полутискую женщину, образ которой романтизировали. Не по усадьbam Лариных, Лаврецких представляли мы себе Суходол. И все же все предания, все поэтические были Суходола померкли для нас в этот вечер, в этой бедной глупши, стали представляться проще, обыденнее, грубее... До правды тогда нам еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаем ее! Да, ни к разумной любви, ни к разумной ненависти, ни

¹ У И.А. Бунина: [Интервью] // Московская весть. 1911. 12 сентября. № 3. С. 4.

² Вычеркнутый текст дан курсивом в прямых скобках, вписанные слова — полужирным прямым шрифтом. Впервые исправлено: Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Пепрополис, 1934. Т. 2. С. 197.

к разумной привязанности, ни к здоровой семейственности, ни к труду, ни к общежитию не были способны в Суходоле. Чуть не поголовно страдали телесными и душевными недугами все Хрущевы из поколения в поколение, равно как и близкие их. Нелепыми и страшными былями полна суходольская летопись. Мы последние в этой летописи, мы порвали последние нити, связывавшие нас с землею. Даже самое имя Хрущевых скоро исчезнет навсегда. Но, право, мысль об этом только радует меня теперь. На прошлом Суходола познали мы душу его. Но ведь этой же душой и создано оно. В нем еще резче и яснее, чем в настоящем, выступали истинно-славянские черты ее, гибельно обособленной от души общечеловеческой»¹.

Алексей Толстой же сам неоднократно признавался, что в основном интересовали его трагические и одновременно творческие периоды русской истории, ее «коренные узлы», в которых завязывался русский характер. Под это определение попадают практически все герои его прозы, начиная с помещика Мишуки Налымова и кучера Архипа и заканчивая Петром Великим и советскими людьми, персонажами цикла времен Великой отечественной войны «Рассказы Ивана Сударева».

Е.А. Колтоновская, размышляя о характере главного героя «заволжской» повести «Мишука Налымов» и наследовании Толстым традиций русской классической литературы, писала: «Это не только помещик, представитель оскудевающего дворянства, но и вообще русский человек, с богатыми задатками — и без всякой выдержки, без культуры <...> Русь гоголевская с ее безумной тройкой, отупляющая “обломовщина” и нежная, поэтичная Русь Тургенева переплелись у гр. А. Толстого в очень богатом и своеобразном узоре»². Главное открытие писателя критик видела не столько в «характерно обрисованном быте и типичных фигурах», но в «любопытной психологической экскурсии»: «Гр. А. Толстой, может быть, незаметно для самого себя, заглянул в самую сущность природы русского человека. От его повести подлинно “Русью пахнет”»³.

В полной мере это перекликается с одним из отзывов на «Суходол» Бунин: «Бунин, как художник проявил в “Суходоле” силу и чистоту таланта, пре-восходящие все прежде им написанное. Повесть чисто бытовая, “Суходол” местами обращается в яркий и громадный символ: из-за помещичьей усадьбы Хрущевых вдруг выступает вся Россия, проглядывает лицо всего русского народа»⁴.

¹ Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 11–12. Исключено из текста произведения: Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2.

² Колтоновская Е.А. Гр. А.Н. Толстой. I. «Сорочьи сказки», СПб., 1910 г. II. Повести и рассказы, СПб., 1911 г. // Вестник Европы. 1911. Январь. С. 353–354.

³ Колтоновская Е.А. Пути и настроения молодой литературы // Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. С. 47.

⁴ Петров Г.С. Суходоля // Кругозор. 1913. № 2. С. 34.

Литература

- А.Л. И.А. Бунин: (К 25-летию литературной деятельности) // Россия. 1912. 28 октября. С. 3.
- А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1984. 559 с.
- Амфитеатров А.В. Собрание сочинений.: В 34 т. СПб.: Просвещение, [1911–1916]. Т. 15. 387 с.
- Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.
- Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 3–60.
- Воспоминания об Алексее Толстом. М.: Советский писатель, 1982. 492 с.
- Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. 1910–1911 (январь–февраль). М.: Наука, 2001. 607 с.
- Зильберштейн И.С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. М.: Изобразительное искусство, 1993. 292 с.
- Колтоновская Е.А. Гр. А.Н. Толстой. I. «Сорочьи сказки», СПб., 1910 г. II. Повести и рассказы, СПб., 1911 г. // Вестник Европы. 1911. Январь. С. 353–354.
- Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. 292 с.
- Морозов М.В. Очерки новейшей литературы. Пб.: Прометей, 1911. 254 с.
- Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
- Петров Г.С. Суходоля // Кругозор. 1913. № 2. С. 33–34.
- Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. литература, 1982. Т. 1. 600 с.
- Толстой А.Н. Сочинения: В 2 кн. СПб.: Шиповник, [1910–1911]. Кн. 1. 235 с.
- У И.А. Бунина: [Интервью] // Московская весть. 1911. 12 сентября. № 3. С. 1.

References

- A.L. I.A. Bunin: (K 25-letiiu literaturnoi deiatel'nosti) [I.A. Bunin: (To the 25th anniversary of literary activity)]. *Rossiya*, 1912, October 28, p. 3. (In Russ.)
- A.N. Tolstoi o literature i iskusstve [A.N. Tolstoy on literature and art]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 559 p. (In Russ.)
- Amfiteatrov A.V. Sobr. soch.: V 34 t. [Collected Works: In 34 vols.]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., [1911–1916]. Vol. 15. 387 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Sobr. soch.: V 8 t. [Collected Works: In 8 vols.]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1993–2000. Vol. 3. 560 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Sukhodol [Dry Valley]. *Vestnik Evropy*, 1912, no 4, pp. 3–60. (In Russ.)
- Gor'kii M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 8. 1910–1911 (ianvar'–fevral') [Complete Works. Letters: In 24 Vols. Vol. 8. 1910–1911 (January — February)]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 607 p. (In Russ.)
- Koltonovskaia E.A. Gr. A.N. Tolstoi. I. «Soroch'i skazki», SPb., 1910 g. II. Povesti i rasskazy, SPb., 1911 g. [Gr. A.N. Tolstoy. I. “Magpie Tales”, St. Petersburg, 1910. II. Stories and short stories, St. Petersburg, 1911]. *Vestnik Evropy*, 1911, January, pp. 353–354. (In Russ.)
- Koltonovskaia E.A. Kriticheskie etiudy [Critical Etudes]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1912. 292 p. (In Russ.)

Morozov M.V. *Ocherki noveishei literatury* [Essays on the latest literature]. Petersburg, Prometei Publ., 1911. 254 p. (In Russ.)

Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

Petrov G.S. *Sukhodoliia* [Around "Dry Valley"]. *Krugozor*, 1913, no 2, pp. 33–34. (In Russ.)

Tolstoi A.N. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982–1986. Vol. 1. 600 p. (In Russ.)

Tolstoi A.N. *Sochinenia: V 2 kn.* [Works: In 2 books]. St. Petersburg, Shipovnik Publ., [1910–1911]. Book 1. 235 p. (In Russ.)

U I.A. Bunina: [Interv'iu] [By I.A. Bunin: an interview]. *Moskovskaia vest'*, 1911, no 3, September 12, p. 1. (In Russ.)

Vospominaniia ob Aleksee Tolstom [Memories about Alexei Tolstoy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 492 p. (In Russ.)

Zil'bershtein I.S. *Parizhskie nakhodki. Epokha Pushkina* [Paris finds. The epoch of Pushkin]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1993. 292 p. (In Russ.)

“THE MOMENT OF RESULTS AND ENDS”: “SUKHODOL” BY IVAN BUNIN AND THE “ZAVOLZHYE” CYCLE BY ALEXEY TOLSTOY

© 2019, GALINA VORONTSOVA

Abstract: The author of the article focuses her attention on the story by Ivan Bunin "Sukhodol", written in 1911, and the prose cycle "Zavolzhye" by Alexey Tolstoy, written and published during 1909–10s. Those works, united by a single theme, are closely connected with the processes within Russian society of the late 19th — early 20th centuries, when the Russian noblemen as they were known before gave up the leading role in history. Both writers belonged by their birth to the oldest Russian noble families, whose history was full of dramatic and tragic collisions, but they missed the period of the splendour of family estates, which partly predetermined the common approach of Bunin and Tolstoy to the topic. One of the central places on the pages of "Sukhodol" and "Zavolzhye" is taken by the image of a dilapidated house, living its final years, which almost becomes a tuning fork for organizing an artistic narrative. Both Bunin and Tolstoy generously use family chronicles well-known to them in their works, while their selection of events as reflected in literary texts points to the common goal of both authors, who are drawing on the pages of their stories a bleak picture of family extinction and downward alternation of generations. At the same time, "Sukhodol" and "Zavolzhye" are not the only narrations about dilapidating "noble nests", but also artistic studies of Russian life, Russian character, and Russian soul.

Keywords: Ivan Bunin, "Sukhodol", Alexey N. Tolstoy, "Zavolzhye", "noble nests", family chronicles, comparative analysis.

Information about the author: Galina Vorontsova, Candidate of Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya str., 25a, 121069 Moscow, Russia, E-mail: Voroncova.96@mail.ru

БАЛЛАДНОСТЬ БУНИНСКОГО «СУХОДОЛА»: ВЛИЯЕТ ЛИ ИСТОРИОСОФИЯ НА ЖАНРОВУЮ ПОЭТИКУ?*

© 2019, К.В. АНИСИМОВ

Аннотация: На примере «Суходола» в работе исследуются способы выражения балладной поэтики на разных уровнях структуры текста, определяются эстетические и исторические причины реактуализации балладного жанра поэтом и прозаиком начала XX в.

Ключевые слова: И.А. Бунин, повесть «Суходол», историософия, историческая поэтика, нарратология, баллада.

Информация об авторе: Кирилл Владиславович Анисимов — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет, E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Известный эпизод повести, в котором один из героев по фамилии Войткевич, ухажер Тони Хрущевой, читает ей «Людмилу» Жуковского и пугает страшным балладным сюжетом свою возлюбленную («помру и приду за тобой...»¹), нуждается, как кажется, в особенно пристальном рассмотрении и исследовании всех отголосков этого фрагмента в поэтической структуре произведения.

* * *

Понятие «прозаическая баллада» применительно к наследию И.А. Бунина было впервые предложено шесть лет назад Е.В. Капинос в ее статье о миниатюре «В некотором царстве» (1923)². Однако как ранее, так и позднее интересующий нас жанровый аспект творчества художника исследователями не раз подчеркивался: в рассказах — часто и вполне ожидаемо на примере «Баллады» (1938), произведения, которое, как отметил А.К. Жолковский, «предстает подпадающим под этот жанр»³, то есть соответствующим своему

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046 А.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Худож. литература, 1987. Т. 3. С. 126.

² Капинос Е.В. Прозаическая баллада И. Бунина «В некотором царстве» // «Точка, распространяющаяся на всё...». К 90-летию Ю.Н. Чумакова. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2012. С. 432–449.

³ Жолковский А.К. Место «Визитных карточек» в эrotической картотеке Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 172. По мысли другого автора, «Баллада» воскрешает «этот жанр во всей его атрибутике “тайного и ужасного”» (см.: Марченко Т.В. Поэтика совершенства. О прозе И.А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 79).

терминологическому заглавию, а в поэзии — на примере ряда стихотворений, написанных в 1910-е гг., время, когда, по наблюдениям О.Н. Владимирова¹, Бунин с особенным вниманием разрабатывал возможности традиции, заложенной в нашей словесности В.А. Жуковским.

Приступая к анализу «Суходола», созданного в 1911 г., то есть в период, прошедший под знаком баллады, нам представляется насущным прояснить конкретно-исторический фон воссозданных в фабуле событий, а также жанровые слагаемые поэтики повести. Данная задача отнюдь не кажется тривиальной, так как чувство «ошеломляющей новизны»² этого бунинского текста иногда подталкивало ученых к разговору о нём в отвлеченно-эстетических терминах. Тенденция заметна, например, в словах Ренато Поджоли, создателя одной из давних работ о писателе: «Недостаток ощущения заметных личностных отличий между членами семьи <Хрущевых — К.А.>, с одной стороны, и их дворней — с другой, одновременно и поэтичен, и естествен, ибо “Суходол”, возможно, единственное произведение в своем роде, где землевладельцы и крестьяне, хозяева и крепостные, слиты воедино. Они могут относиться к разным классам и рангам, но в большей степени все они принадлежат роду людскому. Это в особенности присуще дворовым, которые практически не отделены от хозяев. И все, как представители семейства, так и их слуги, выводят свое родство из чего-то более существенного, чем социальная зависимость или кровные связи — а именно из их общей привязанности к земле. Потому-то истинным протагонистом этой истории является не Наталья, не клан Хрущевых, но вся деревня, вся местность Суходола. А антагонистом его, которому в итоге суждено победить, выступает само время»³.

Принципиально эта характеристика, конечно, справедлива, но нельзя не отметить, что ученый, видящий конфликт в столкновении приземленной повседневности со временем как таковым, невольно начинает рассуждать о произведении с какой-то космически удаленной точки зрения. Между тем, несмотря на символическую многозначность, неоднократно отмечавшуюся литературоведами⁴, в своих главных исторических пунктах бунинское повествование предельно точно.

Аграрный историк Л.Н. Литошенко выделил главное противоречие деревенской экономики рубежа веков: старое общинное правило выдавать больший надел многодетным крестьянским семьям обеспечило произошедший на фоне скудости качественного земельного фонда двукратный рост

¹ Владимиров О.Н. Жанровое движение в лирике И.А. Бунина 1886–1952 годов. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. С. 126–159 (Гл. 3. «Баллада в поэзии 1910-х годов»).

² Мальцев Ю. Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. С. 191.

³ Poggiali R. The Phoenix and the Spider. A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. Cambridge, Harvard University Press, 1957. P. 152.

⁴ См., в частности: Kryzyski S. The Works of Ivan Bunin. The Hague; Paris, Den Haag, 1971. P. 101.

сельского населения в европейской части империи — с 50 млн. в 1850–х гг. до 103 млн. в 1914 г.¹ Демографический подъем обострил проблему малоземелья до предела. Тем временем наряду с инициированными правительством переселениями в Сибирь, созданный в 1890-е гг. Крестьянский банк стал предоставлять мужикам кредиты для приобретения государственной и помещичьей земли. Л.Н. Литошенко приводит цифру в 4 млн. 900 тыс. десятин купленных в 1896–1903 гг. дворянских угодий — и это на фоне того, что «пережитые аграрные беспорядки» и так «побудили многих землевладельцев ликвидировать свою земельную собственность»². Демографического давления это нововведение, однако, не только не облегчило, но в какой-то мере ему даже поспособствовало: снабженный выгодным кредитом мужик не имел стимула уезжать, и крестьянская миграция в Сибирь стала сокращаться.

Приведенная статистика позволяет, не прибегая к затронувшим и науку элегическим медитациям о знаменитом «дворянском оскудении», охарактеризовать процесс как неумолимую аккультурацию старых собственников земли. Нулевая fertilitas геройни «Суходола» Тони и Натальи (у второй — идущая вразрез с семантикой ее имени и, мало того, дополненная известием о гибели ее не родившегося ребенка) предстает зловещим знаком именно на фоне этих данных. И хотя пионерские труды своего современника Льва Литошенко Бунин, конечно, не читал, но сделанная им дневниковая запись от 26 мая 1909 г. о «мужицком бессмысленном и грубом разврате с женами, следствие которого невероятное количество детей»³, неудобная, впрочем, для полного цитирования, не дает усомниться в проницательности бунинского социального анализа. Текст «Суходола» спустя два года продолжает этот эго-документальный фрагмент, переводя преобладание демографическое в экономическое: «То место, где стояла суходольская усадьба, было давно уже распахано и засеяно, как распахана и засеяна была земля на местах многих других усадеб. Суходол еще кое-как держался. Но, вырубив последние березы в саду, по частям сбыв почти всю пахотную землю, покинул ее даже сам хозяин ее, сын Петра Петровича, — ушел на службу, поступил кондуктором на железную дорогу. И тяжело доживали свои последние годы старые обывательницы. <...> Летом те места, где прежде широко раскидывалась усадьба, тонули в мужицких ржах...»⁴

¹ Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 104–105.

² Там же. С. 134.

³ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Т. 1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. С. 83–84.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 161.

* * *

С этих слов повествователя уместно начать реконструкцию балладного жанрового корня повести. Примем за точку отсчета хорошо читающееся в «Суходоле» взаимное сорасположение слоев жанровой памяти, границы между которыми подчас оказываются зонами проблематических мотивно-смысловых диффузий. Наряду с балладой, основные слагаемые жанровой поэтики повести — элегия и идилия.

Притом что говорить о бунинском элегизме в науке стало почти штампом¹, при внимательном взглядывании в текст «Суходола» один эпизод должен обратить на себя внимание как прецедент осознанного понижения потенциальной элегической доминанты текста, если не как полный отказ от нее в принципе. Суходольские мужики памятны повествователю своими визитами в Лунево «насчет земельки», когда и баре, и Наталья, целовались с ними, а те в ответ одаривали Хрущевых медом, яйцами и полотенцами. К концу пассажа интонация повествователя несколько меняется: «Мужики суходольские ничего не рассказывали. Да и что им рассказывать-то было! У них даже и преданий не существовало. *Их могилы безыменны. А жизни так похожи друг на друга, так скучны и бесследны! Ибо плодами трудов и забот их был лишь хлеб, самый настоящий хлеб, что съедается.* Копали они пруды в каменистом ложе давно иссякнувшей речки Каменки. Но пруды ведь ненадежны — высыхают. Строили они жилища. Но жилища их недолговечны: при малейшей искре дотла сгорают они... Так что же тянуло нас всех даже к голодному выгону, к избам и оврагам, к разоренной усадьбе Суходола?»²

Созерцание крестьянских могил лирическим наблюдателем, рассуждающим о жизни своей и покойных, точно указывает на текст-архетип — «Сельское кладбище» Жуковского, «родину русской поэзии», по словам Вл. Соловьева. Интрига, однако, здесь заключается в том, что у Жуковского «сравнение неизвестного селянина с великими деятелями»³ гарантировано опытом «вживания в этих неизвестных, в их повседневные заботы и судьбы», каковой опыт — «идеализирующий, позволяющий допускать в неизвестном “другом” максимально творческий и чувственный потенциал»⁴. У Бунина, отталкивающегося в цитированном фрагменте от того же элегического топоса «безыменной» мужицкой могилы, налицо деформация элегической установки: и безысходный, трагический отказ видеть в крестьянской судьбе хоть какой-то след, оставленный ею в жизни, вместе с «горьковским» по духу замечанием о том, что миссия

¹ «Суходол» иногда показательно включают в обширный круг русских «меланхолических» сочинений. См.: *Tangemann C.J.H. Das Unheil der Melancholie*. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 2002. S. 459–501.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 119.

³ Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 47.

⁴ Там же. С. 45.

возделывателя земли подчинена лишь стремлению есть хлеб¹, — служат тому подтверждением. Элегическое душевное единение автором сильно проблематизировано, а мир, давший трещину, — сфера компетенции баллады.

Классическая стихотворная баллада, канонизированная у нас трехкратным, настойчивым обращением Жуковского к «Леноре» Бюргера, должна, по мысли В.И. Тюпь, содержать парадигмальную историю о том, как «пришелец из потустороннего мира проникает в повседневную жизнь с катастрофическими для нее последствиями»². Другим ближайшим «соседом» баллады в этом отношении оказывается идиллия с ее образом идеально-гармонического мироустройства, скрепляющие звенья которого далее разрушаются трагическим своеолием балладного героя³. Типология конструктивного взаимодействия идиллии и баллады, по-видимому, имеет и диахронический аспект: особенности балладного конфликта позволяют идентифицировать жанр как «младший» сравнительно со «старшей» идиллией. Глубокое внутреннее родство обеих художественных форм не укрылось уже от внимания Жуковского, который в балладе «Пустынник»⁴, оканчивающейся счастливым взаимным узнаванием возлюбленных и заключением ими духовного брака, словно раскручивает линию исторической преемственности в обратном направлении, демонстрируя при этом не только основу своего персонального мифа (восстановление космической гармонии в духовном союзе любящих сердец — см. об этом недавнюю книгу И. Виницкого⁵), но и прекрасное понимание систематики межжанровых взаимодействий.

Оставленный в поэтике «Суходола» след идиллии позволяет, например, понять именно конструктивно-жанровый, а не только отвлеченно-символический смысл имени Аркадия Петровича («Русскую Аркадию, несомненно, следует рассматривать в русле идиллической традиции», — отметил Петер Тирген⁶), а также пристрастие героя к «жалеечным хитро-

¹ Ср. у Горького в «Несвоевременных мыслях»: «Я неоднократно говорил, что промышленность — одна из основ культуры <...>, что фабрично-заводской рабочий <...> не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках. Всё, что крестьянин вырабатывает, он продает и съедает, его энергия целиком поглощается землей, тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему подчинению сил природы интересам человека» (*Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре*. М.: Советский писатель, 1990. С. 181).

² *Tiona V.I. Дискурс / Жанр*. М.: Intrada, 2013. С. 133.

³ Там же. С. 129 и сл.

⁴ Русский поэт, как известно, опирался на английский источник — «Эдвина и Анжелину» О. Голдсмита. См. подробнее в коммент. И.А. Поплавской: *Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 277–280.*

⁵ *Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2015.

⁶ *Tирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика*. 2015. № 2. С. 98.

стям»¹ (жалейка — дудочка, непременный атрибут аркадских пастушков; в «Суходоле» на ней играет пастух Стёпа). И хотя после работ В. Щукина нет нужды специально говорить об идиллической, аркадской и, в конечном счете, «райской» историко-поэтической подоплеке усадебного сада², важным нам представляется немного иное: при помощи своего ландшафтного языка, ныне в науке хорошо изученного³, художник историзует движимый тектоническими плитами обоих жанров конфликт. Вспомним, что сначала леса, а потом и сады в повести уничтожает равнодушная к ним соха хлебороба: «И как под сохой, идущей по полю, один за другим бесследно исчезают холмики над подземными ходами и норами хомяков, так же бесследно и быстро исчезали на наших глазах и гнезда суходольские»⁴. То есть на смену тенистому, сохраняющему влагу лесу, а также исполненному токов культуры дворянскому саду приходит сухая степная пашня. Сам по себе несложный, но содержащий многие историософские нюансы смысл сухости, превращающей плодородную почву в камень (ср. имя Петра Петровича⁵), без труда извлекается из пространственной поэтики текста.

Далее образно-ассоциативные ряды «Суходола» усложняются. Известен разделяемый многими суходольцами, живущими в начисто высушенной местности, где даже грозы — скорее пламенно-огненная, чем водная стихия, «древний страх огня»⁶. Рассматриваясь изолированно, это суеверие может показаться еще одним штрихом, дополняющим картину саморазрушительной жизни персонажей. Однако дело далеко не только в этом. Как позднее в «Солнечном ударе», проанализированном Барбарой Лённквист⁷, в «Суходоле» встречаем пронизывающую весь текст мастерски выполненную перекличку корней *пыл-/пыль* (детализируя контекст, вспомним также о расска-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 130.

² Щукин В. Миф дворянского гнезда. Геокультурное исследование по русской классической литературе // Щукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–458. О Бунине см. указ. имен.

³ См.: Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. С. 66–83; Юрченко Л.Н. «Суходол»: символика хронотопических образов // Бунинская Россия: Уездное. Коллективная монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2007. С. 132–140; Она же. Миф русского пространства в повести И.А. Бунина «Суходол» // Метафизика И.А. Бунина. Межвуз. сб-к науч. тр. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. С. 74–83.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 161.

⁵ Жемчужный И.С. «Суходол» И.А. Бунина в контексте русской культурной традиции // Вестник Алтайской гос. пед. академии. 2009. № 9. С. 6.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 134.

⁷ Лённквист Б. Паронимия как текстопорождающий принцип — *пыл/пыль* у Ивана Бунина. Анализ рассказа «Солнечный удар» // Лённквист Б. Кленовая Ветвь: статьи разных лет о русской литературе. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 100–107.

зе «Пыль», 1913), в которой синкретически, по правилу параллелизма, слиты три концепта: страх пламени-пылания, любовная пылкость и сухой пыльный ландшафт. «Все в ту пору были *пылькие...*»; «Только *пыль* столбом завихрилась!..»; «Но Тонечка бешено *вспыхивала* при каждой его даже самой невинной попытке выразить свои чувства...»; «...увидала она предвечернее время знойного, *пыльного*, тревожно-ветреного дня...»; «Лето же было знойное, *пыльное*, ветреное, с каждодневными грозами»; «...по возвращении молодых господ с войны, загорелся и долго, страшно *пыпал* суходольский дом»; «...все это быстро изменило лица и души господ, лишило их молодости, беззаботности, прежней *вспыльчивости* и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость друг к другу»¹ и т.д.

Характерно, что бесплодность «иссушающих» влюбленностей Тони и Натальи показана Буниным-психологом скорее как *страх* перед их визави, чем как притяжение к ним. С учетом ассоциации этимологически и произносительно близких друг другу корней ухаживающий за барышней Хрущевой Войткевич, похожий на «калмыка»², то есть обитателя *пыльной* степи, убив в присутствии Тони бабочку, от которой на лакированной поверхности фортепиано осталась одна «серебристая *пыль*»³, оказывается не только функциональным двойником другого «жениха» — Юшки, чья огненная символика подчеркнута рыжим («красно-бронзовым»⁴) цветом его волос, прозвищем, означающим кровь, а также обещанием поджечь дом, показательно высказанным как угроза, продолжающая его вожделение («Приду. <...> А закричишь — дотла вас сожгу»⁵), но также и парадоксально сближенным с ним в семантическом пространстве пылкого/пыльного/пылания.

С точки зрения фабулы — и тот и другой *женихи*; в интертекстуальной реальности сюжета — они женихи *инфериальные*, балладные; в геокультурном подтексте произведения «калмык» Войткевич усиливает «степное», аккумулирующее начало, доводящее Суходол до *потери памяти*, когда «письменными и прочими памятниками Суходол не богаче любого улуса в башкирской степи»⁶ —ср. идиому «без памяти», как, в том числе, относящуюся к влюбленности. Причем Юшка, оказываясь в этих координатах двойником Войткевича, делается одновременно и обратной проекцией Меркурия Смоленского, символической фигуры, самой по себе крайне далекой от балладного генезиса, но в которой подчеркнут омонимический балладному мо-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 126, 129, 138, 148, 153, 158, 159.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 122.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 118.

тив возвращения мертвеца с того света¹. И если Меркурий существует из гречной жизни в святость, то Юшка — наоборот: из святости Киевской лавры в гречную жизнь. Так, в паутине сложных мотивных перекличек грозящие Суходолу неминуемые беда и разорение соотносятся автором с трагическими любовными историями, итог которых — бесплодность / бесплодие — может по логике древнего параллелизма означать исторический прогноз для всего суходольского мира. Жанровым контекстом этой мотивной связи несомненно является баллада, подкрепленная именами Жуковского и Лермонтова, а также называнием их стихотворений — соответственно «Людмилы» и «Любви мертвца».

Таким образом, на самом первом этапе прочтения исследователь получает картину системного взаимодействия идиллической топографии (некогда бывшего «единства») с балладными вторжениями опасных, как Петр Петрович, а иногда и прямо потусторонних, как Юшка, «чужаков».

* * *

Мотивный аспект жанрового взаимодействия дополняется идеологической программой, изложенной писателем в окружающих «Суходол» интервью, — программой драматически противоречивой, но честной и лишенной всякого намека на желание спекулятивно свести концы с концами. Действительно, влияние идиллии, на которое Бунин реагировал особенно чутко, ло-

¹ К балладе отсылает тонко подмеченная Буниным повествовательная (а по отношению к тексту повести — метаповествовательная) роль Меркурия: свидетельствовать о своем подвиге из-за порога смерти. При переносе функции из мира средневековой агиографической мистики в сферу конкретно-исторической событийности конца XIX — начала XX вв., читатель должен ощутить эффект встречи и говорения с «мертвецами», эффект по своей эстетической природе балладный. Повествовательные «рифмы», многозначительно увязывающие обезглавленного святого с выморочным (обезглавленным) родом Хрущевых, заметны в упоминании о том, что родовое древо суходольского семейства изображено на тыльной стороне иконы смоленского кефалофора, а также в нарративной эквивалентности: обезглавленный Меркурий / обезглавленный Петр Петрович / смертельно раненый в висок Петр Кириллович. Обе роли образа смоленского мученика — метаповествовательная и метасюжетная — отмечены в науке. См.: Померанцева Э.В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 145; Peterson D. Russian Gothic: The Deathless Paradoxes of Bunin's *Dry Valley* // The Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. № 1. P. 46; Никонова Т.А. «Душа русского человека в глубоком смысле» (Повесть «Суходол») // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. К 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 63; Владимиров О.Н. Жанровое движение в лирике И.А. Бунина 1886–1952 годов. С. 145; Брайтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890 — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: Наследие, 2001. С. 555; Грекалова Н.Ю. Аллегория повествования (об одном иконографическом мотиве в повести И.А. Бунина «Суходол») // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Филология. 2014. № 5. С. 51–54. Последняя работа не содержит ни одной ссылки на посвященные образу Меркурия наблюдения предшественников.

кализуя ее мотивы, как это недавно показал В.И. Козлов¹, в самой сердцевине своего поэтического мира, без труда подвергается идеологической конвертации (такова, по-видимому, участь любого жанра, конструирующего отвлеченный идеал). Едва ли поэтому будет ошибкой, увидеть в главном социальном тезисе повести — бытовой совместности, сложном родовом единстве бар и дворни — отсылку к первобытной целостности идиллического мира. В интервью от 12 сентября 1911 г. в газете «Московская весть» эта многократно цитированная исследователями мысль звучит так: «Мне кажется, что был и душа русских дворян те же, что и у мужика; всё различие обусловливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, близко не связана, как у нас. Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская. <...> На фоне романа я стремлюсь дать художественное изображение развития дворянства в связи с мужиком и при малом различии в психике»².

Однако первоидее единства вызывающее противопоставлен в другом авторкомментарии образ распада. Если первая содержала в себе мысль об «утробном» единении, то второй говорит о фатальном культурном несходстве. Вот эти слова писателя, зафиксированные журналистом «Московской газеты» 23 июля 1912 г.: «Между тем язык русского интеллигента и русского мужика — совершенно различны. <...> Ни в какой стране нет такого разительного противоречия между культурной и некультурной массой, как у нас»³. Подобно тому, как в идеологическом «паратексте» «Суходола» единение поверяется дезинтеграцией, в основном тексте произведения идиллия испытывается балладой, причем за мотивным слоем «тайственного» (исследователи недаром говорили о «Суходоле» как о готическом романе⁴) прочитывается культурный конфликт.

Например, характерно, что, как и требуется «идиллическому» герою, Аркадий Петрович — *местный*; именно его связывает настоящая дружба с тоже *местным* (хоть и изгоем) Герваськой. Такова же Наталья с ее принципом «где родился, там годился...»⁵. Напротив, Петр Хрущев, его субSTITУция Войткевич, а также сниженная проекция последнего Юшка⁶ — все играют роль

¹ Козлов В. Идиллическая революция Ивана Бунина // Prosōdia. 2017. № 6. С. 35–40.

² «Литература последних годов — не прогрессивное, а регressive явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 493.

³ Бунин И.А. Интервью «Московской газете» 23 июля 1912 г. // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 372.

⁴ Peterson D. Russian Gothic: The Deathless Paradoxes of Bunin's *Dry Valley*. P. 36–49.

⁵ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 117.

⁶ Крайние позиции этого персонажного ряда были в первопубликации явственно соединены навязчиво повторенной деталью — карими глазами Петра Петровича и Юшки. **Петр Петрович**:

балладных «пришельцев», после появления которых в усадьбе суходольский мир раскалывается. В любовные истории Бунин всякий раз внедряет то или иное «разительное противоречие» — культурное и/или этическое.

Так, в паре Войткевич — Тоня обращает на себя внимание символическая встреча «приземистого, темноликого»¹, «вроде калмыка»² «жениха» со своей пусть провинциальной, но получившей французское воспитание избранницей. Замечательно, что вечером в имении Тоня, играя свой полонез, сидит по отношению к стоящему за нею Войткевичу, обратившись «спиной к заре»³, то есть, получается, — лицом к востоку. Аллегорическая Европа сталкивается здесь с такой же аллегорической Азией, причем образы обоих героев сложны, каждый из них в равной степени сочетает в себе условный Запад и Восток (польское, французское, степное). В отношениях бессердечного, «каменно-го» Петра Петровича к Наталье читается старая социальная тема русской литературы — жестокость барина к слуге⁴, причем налицо здесь именно семиотический, «языковой» конфликт: для герони похищенное и спрятанное в бане зеркальце — ритуальная реликвия, намекающая на приуроченное к локусу бани гадание на жениха⁵, а для виновника ее беды случившееся — повод превратить «преступление в простое воровство, в глупую проделку дворовой девчонки»⁶. Наконец, катастрофическая связь Юшки и Натальи выглядит как соблазнение грешником праведницы, решившей укрощать плоть и обрекшей себя на безбрачие. Сюжеты геокультурный, социальный и нравственный, выступающие слагаемыми общей проблемы «души славянина», составляются по правилам баллады.

* * *

Аналогичным образом балладная топика позволяет, как кажется, пролить свет на самое существо поднятой Буниным в «Суходоле» национальной проблематики. Оттолкнемся здесь от давних наблюдений Л. Крутиковой. Акцентируя в духе времени, которому принадлежали ее работы, публицистическое

«Прекрасные блестящие глаза его, к удивлению всех, оказались не черными, а карими, как и подобает смуглому» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 31). **Юшка**: «И правда, смотрел он своими карими глазами, как горбун — едко и умно...» (Там же. С. 51). Такая подсказка читателю была затем по понятным причинам устранена.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 135.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 135.

⁴ Первопубликация содержала позднее уничтоженные примечательные детали: «Я попалась раз под ноги Петру Петровичу, так они меня арапником этим ровно шилом каким прожгли» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 5).

⁵ Подробнее о мотиве зеркала в «Суходоле» см. в: Анисимова Е.Е. Жуковский и Бунин: эволюция образа зеркала в русской литературе XIX — начала XX веков // Филология и человек. 2010. № 2. С. 66–78.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 133.

звучание «Суходола», исследовательница подчеркнула его «летописную» установку («летописная поэма»¹), близко подойдя здесь к позднейшим осмыслениям «поэмности» повести². Сопоставляя при этом первопечатную редакцию с последующими изданиями, Л. Крутикова отметила, что Бунин, стремясь избежать «прокурорской определенности выводов»³, смягчил изначально звучавшие бескомпромиссно приговоры повествователя. Но некоторым из них, по-видимому, наилучшим, концептуальным, суждено было сохраниться до самого финала истории текста. Вот один из них — удивительный по своей публицистичности и открытости геостратегической концепции: «Имена наши поминают хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и “мужами именитыми”, ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнее, как бы твердо говорили мы о них, как долго еще держались бы! Не мог бы потомок рыцарей сказать, что за полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, что столько нас выродилось, сошло с ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось где-то! Не мог бы он признаться, как признаюсь я, что не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и працедоров, что с каждым днем все труднее становится нам воображать даже то, что было полвека тому назад!»⁴

Странная тоска по «Западу» и «рыцарству» дополняется близким к инвективе наименованием суходольцев потомками «степных кочевников»⁵, что в очередной раз заостряет важную для писателя вплоть до «Чистого понедельника» (1944) тему России как исторического гибрида⁶ с проблематической легитимностью. Опять-таки поэтика баллады в ее системных отношениях с идилией поддерживает эту художественную концепцию (автора с нею, конечно, нельзя ассоциировать всецело, но как болезненный узел в общей картине она предстает весьма явственно).

Мир баллады — лиминальный. «Поистине инвариантным для баллады как лирического жанра, — пишет В.И. Тюпа, — представляется архитектоника пограничной ситуации <...>. Лирическое откровение баллады есть

¹ Крутикова Л. «Суходол», повесть-поэма И. Бунина // Русская литература. 1966. № 2. С. 50.

² См.: Брайтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин. С. 554 и сл.

³ Крутикова Л. «Суходол», повесть-поэма И. Бунина. С. 50.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 161.

⁵ Там же.

⁶ Известная фраза «Правда, столбовые мы, Хрушевы...», оканчивающаяся в финальной редакции указанием на обычные для России смешения «людей вековой литовской крови да татарских князьков» (Там же. С. 118), в первопубликации завершалась более прямолинейно: «...да татарских князьков, чья порода и сказалась в нас не однажды. А все же мы на деле — мужики» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 6). Оттого-то «...мало был похож и Суходол на то, что обычно рассказывается о помещичьих гнездах» (Там же. С. 9). Эти подробности были впоследствии удалены как, очевидно, демаскировавшие социо-исторический подтекст замысла.

откровение одновременной причастности личности двум мирам: светлому и темному, живому и мертвому, повседневному покойному “миру сему” и тревожно загадочному, пугающему миру “потустороннего” бытия¹. И хотя Наталью с ее кредо «где родился, там годился...» и привязанностью к Суходолу, сформировавшей стержень ее образа, трудно отождествить с мятущимися героинями классических баллад, однако ее субъектность, косвенно обоснованная повествовательной активностью («главная сказительница»²), не позволяет редуцировать ее и до идиллической всеобщности. Наталья как образ именно «погранична», и это ее свойство позволило Бунину включить в действие балладную поэтику, последовательно поставив героиню в пары с Петром Петровичем и Юшкой.

Знаменательна в данной связи подвижность символической границы, отделяющей ситуации лиминальной периферии от стабильного мира идиллии. Последний, в чем уверяет нас повествователь, остался в далеком прошлом суходольской жизни. Он выразился в «древней семейственности, что *воедино* сливалась и деревню, и дворню, и дом в Суходоле». «Дворня, деревня и дом в Суходоле составляли *одну семью*»³ и т.д. Позднее этот мир, который в конце николаевского царствования еще застала Наталья, был почти уничтожен Великими реформами Александра II: неявный, но крайне важный образ исторической границы проясняется хронологическими привязками Натальиных воспоминаний (важнейшая из них — несомненно, Крымская война).

Границность/лиминальность (отсюда и тоска: «родись мы западнее...»), подвластность суровому историческому и ландшафтному дыханию степи, буквальное и фигулярное иссушение источников жизни — все эти обстоятельства постепенно маргинализировали Суходол, что заставило автора, сознававшего правила взаимодействия идиллии и баллады, создать новый идиллический мирок, противопоставленный Суходолу. Речь идет о хуторе Сошки, в котором живет похожая на Филемона и Бавкиду бездетная чета Марины и Шарого. Вновь сошлемся на наблюдение Б. Лёнквист, исследовавшей функционирование семантического поля *пыл/пыль*: буквально за одни сутки иссущенный своей мгновенной страстью герой «Солнечного удара» «медленно <...> начинает приходить в себя, и его выздоровление свершается соприкосновением с водой»⁴. Офицер «...не спеша умылся, <...> позвонил и спросил самовар и счет, долго пил чай с лимоном»⁵.

В тяжкой поездке Натальи в ссылку образы жары всемерно усилены: «А потом она заснула — и очнулась уже в городе. И город поразил ее только

¹ Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. С. 133.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 121.

³ Там же. С. 118.

⁴ Лёнквист Б. Паронимия как текстопорождающий принцип — *пыл/пыль* у Ивана Бунина. С. 106.

⁵ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Худож. литература, 1988. Т. 4. С. 387.

скукой, сушью, духотой...»; «Запомнилось за этот день только то, что очень жарко летом в степи...»; «Евсей отпряг и поставил лошадь к телеге, к корму; сдвинул на затылок горячую шапку, вытер рукавом пот и, весь черный от зноя, ушел в харчевню...»¹. Но как бы ни опасалась героиня найти в Сошках продолжение Суходола («...там она спечется на солнце, забытая всем светом; там как годы будут долгие степные дни...»²), на самом деле ее ожидает встреча с областительницей «водного» имени Марина, и постепенное возвращение к жизни.

Однако далеко не только в тематизме отдельных мотивов решается (а точнее — глубоко и трагически формулируется) автором проблема национального. Многие бунинские ходы на этом уровне построения текста могут ныне читаться как идеологические провокации со скандальным оттенком. Особенно заметно это на примере украинской темы и вообще противопоставления Малороссии Суходолу (Шарый, напомним, хоть и с татарскими усами, но похож на серба), а также такой детали из жизни Юшки: *Киевская лавра* его отторгла, а суходольская «Русь приняла его, бесстыжего грешника, с не меньшим радушием, чем спасающих души»³. Не здесь, повторим, кроется главное.

Вспомним, что в свое время появление первых баллад Жуковского вызвало бурную полемику о национальном в поэзии. Изящным стихотворением создателя русской разновидности жанра его критик П.А. Катенин противопоставил свою нарочито русифицированную «Ольгу» (1816). С.Н. Бройтман, оттолкнувшись от этого спора при анализе пушкинских «Бесов», наполненных аллюзиями на обоих балладников, акцентировал введенную Пушкиным фигуру ямщика — усилившего диалогизм текста, в котором, по мысли исследователя, запечатлена встреча «двух типов сознания», когда «фольклорно-мифологическое сознание и слово ямщика не отрицается, а, наоборот, подхватывается словом “я” и входит в его кругозор». Неудивительно поэтому, резюмирует ученый, что «...Пушкин создал национальный миф, развитый впоследствии русской литературой от Достоевского до Блока и Булгакова»⁴. Нет сомнений, что с учетом этого опыта строит нарративную поэтику своего «Суходола» и Бунин, часто делавший центром своих текстов противопоставление интеллигентного наблюдателя народной жизни ее представителю, условному Таганку или вознице из «Грамматики любви».

Сообщив статус «главной сказительницы» бывшей дворовой девке Наталие — как если бы четыре года спустя, в 1915 г., он сделал рассказчицей Лушку⁵ (занятная дистрибуция свойств захватывает эту гипотетическую

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 133–134.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 155.

⁴ Бройтман С.Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: РГГУ, 1997. С. 126; 130; 132.

⁵ Близость «Грамматики любви» «Суходолу» и в известном смысле производность первой от второго уже обращали на себя внимание. См.: Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»:

пару целиком: счастье Лушки с ее барином Хвощинским / несчастье Натальи; краткая жизнь Лушки / долгая Натальи; фертильность / бесплодие; отсутствие в фабуле / присутствие) — Бунин окрасил интерес своего образованного alter ego ощущением неуклонного *втягивания* в повествуемые события. Вариантом этой психологической ситуации в «Грамматике любви» была давняя увлеченность Ивлева обаянием Лушки, почти влюбленность в нее, «легендарную», лишь усилившаяся ныне, в момент свершения Илевым его путешествия, влюбленность тем более странная, что Лушка давно мертва. Буквально первые слова повести 1911 г. сообщают читателю эту интонацию: «В Наталье всегда поражала нас ее привязанность к Суходолу»¹. Финальные строки по принципу композиционного кольца направлены на вступительную фразу: «Только на погостах чувствуешь, что было так; чувствуешь даже *жуткую близость к ним*. Но и для этого надо сделать усилие, посидеть, подумать над родной могилой, — если только найдешь ее. <...> Под какими же буграми кости бабушки, дедушки? А бог ведает! Знаешь только одно: *вот где-то здесь, близко*»².

Эта «близость» и вызываемая ею в герое смесь ужаса с восхищением производят так нужный балладе, словно исподволь присутствующей здесь, эффект оживления мертвого, самообнаружения в логике актуальных, «сегодняшних» событий того, что давно исчезло.

Проследим за взаимодействием голоса Натальи с воспринимающим сознанием второго рассказчика. Героиня обычно задает тему, а продолжает, развивает и на свой лад коннотирует ее повествователь. Резонируя скромным, протокольным словам³ Натальи, открывающим повесть, о том, что ее «батюшку господа в солдаты отдали за провинности, матушка веку не дожила из-за индюшат господских»⁴, повествователь эмоционально драматизирует полученные сведения. «И вот оказывается, что господа эти загнали отца ее в солдаты, а мать в *такой трепет*, что у нее *сердце разорвалось* при виде погибших индюшат!»⁵. Далее нагнетание под пером повествователя продолжается: «А потом узнали мы о Суходоле нечто еще более *странное*. <...> Узнали, что *темен и сумрачен* был старый суходольский дом... <...> Наши *страстные мечты* о Суходоле были понятны. Для нас Суходол был только

мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. С. 197. Лушка, кстати, фигурирует в «Суходоле». Этим имеется в начальной редакции названа позднее ставшая безымянной лунёвская любовница Петра Петровича, из-за косвенной вины которой герой погибает. См.: Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 56.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 115.

² Там же. С. 162.

³ Замечателен здесь целый ряд примеров скромного *отказа* Натальи от общения: «Да я и не упомню-с теперь. — Неправда, неправда! — Ну, извольте-с...» (Там же. С. 125).

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 115.

⁵ Там же. С. 116.

поэтическим памятником былого»¹. На первых порах можно подумать, что эмоциональные (да и эстетические — Наталье старое имение, очевидно, не могло казаться «поэтическим памятником») настрои информанта и воспринимающего субъекта различны, и последний как бы «дописывает» повествуемую историю («летопись»²) от себя. Но это не так.

Практически сразу же дает о себе знать то самое втягивание слушателя в удивительный мир рассказов героини, то есть типичное для баллады положение «на границе» начинает распространяться и на повествователя. «Мы-то млеши при ее словах и восторженно переглядывались»³. Далее слово Натальи внедряется в его речь, возникает интерференция голосов. Ср.:

Как, бывалыча, дело после обеда, так
и почнет орать иволга, и пойдут из-за саду
тучки... потемнеет в доме, зашуршит бу-
рьян да глухая крапива, попрячутся ин-
диюшки с индюшатами под балкон,... пря-
мо жуть, скуча-с!⁴

Скучные, глухие времена дедушки
сменились временами молодых гос-
под⁵.

Натяжки, спонтанного совпадения здесь нет: в обоих случаях речь идет о Петре Кирилловиче: сначала Наталья (главка IV) рассказывает о его боязни грозы, затем повествователь обобщает ее замечания емким историческим заключением и переходит к следующей истории — о приезде Петра Петровича (главка V). А в первопубликации единогласие даже усилено: IV-я главка открывалась повествовательской сентенцией, позднее убранной: «Детство Натальи, — или, говоря иначе, дедушкино время, — было скучное»⁶. То есть речевые пересечения не только заметны, но изначально даже расположены были симметрично (начало IV гл. — середина ее — начало V гл.) и группировались вокруг одного и того же героя.

Наконец, сообщения героини дают жизнь непростой символике текста, конструктивным приемом которой оказывается параллелизм. Нам памятна характеристика Войткевича, данная ему Натальей: «вроде калмыка был», «всё стихи ей читал, всё напугивал». Повествователь, увидев в Войткевиче человека «приземистого, темноликого», затем продолжил и сложно соединил свое слово с воспоминанием героини времён ее поездки в «ссыльку». Мало того, что перед нами новый пример слияния голосов (чуть раньше читаем о том, как Тоня играет полонез Огинского — жанр музыкального произве-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 116.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 20.

дения и его автора Наталья, конечно, знать не могла), но признак «приземистого», а также «напугивания» Тони откликаются во введенной рассказчиком картине таинственных ночных визитов филина: «Филин сидел и ждал ночи. Ночью всё спало — и поля, и деревня, и усадьба. А филин только и делал, что ухал и плакал. Он неслышно носился вокруг риги, по саду, прилетал к избе тети Тони, легко опускался на крышу — и болезненно вскрикивал... Тетя просыпалась на лавке у печки.

— Иисусе сладчайший, помилуй мя, — шептала она, вздыхая. <...>

Он почти *касался земли*, плавно доносился до риги и, взмыв, садился на ее хребет. И в усадьбу опять доносился его плач. Он сидел, как будто что-то вспоминая, — и вдруг испускал вопль изумления; смолкал — и внезапно принимался *истерически ухать, хохотать и взвизгивать*; опять смолкал — и *разражался стонами, всхлипываниями, рыданиями...*¹

Образ филина, начинающего часть своего полета до риги от земли, поэтически рифмуется и с «приземистым» Войткевичем, и с самой Тоней, заходившейся в истерических припадках аккурат после (и вследствие) внезапного отъезда своего балладного «жениха»². Так, выраженное в сложных комбинациях голосов двух рассказчиков втягивание обладателя второго из них, изначально от Суходола дистанцированного («Так путем и не видали мы в детстве Суходола: были там только раз, да и то проездом в Задонск»; «...мы застали не быть, не жизнь, а лишь воспоминания о них...»)³ в речь первого, раскрытие «сумеречного» сознания Натальи сознанию повествователя становится нарративным выражением главной мифологемы повести — «быт и душа русских дворян те же, что и у мужика». Так ли это и какова природа этого единства? Зачем все-таки для обоснования этого на первый взгляд элементарного отождествления автор совершил столь долгий экскурс в поэтику жанра?

* * *

Вспомним, что «письменными и прочими памятниками Суходол не богаче любого улуса в башкирской степи». Мысль, однако, далее продолжена: «Их на Руси заменяет предание. А предание да песня — отрава для славянской души»⁴. То есть беспамятность материальная («Ни портретов, ни писем, ни даже простых принадлежностей своего обихода не оставили нам наши

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 123.

² Спонтанным комментарием к эпизоду с филином выступает давнее наблюдение М.Д. Чулкова, составителя «Абевеги русских суеверий...»: «...птица сия почитается предвестницею пагубы, и когда прилетев на кровлю чьего-нибудь дома станет кричать, то кому-нибудь из того дома умереть вскоре, или чувствовать беду» (Абевеги русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. Сочиненная М.Ч. М., 1786. С. 304).

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. С. 118, 161.

⁴ Там же. С. 118.

отцы и деды. А что и было, погибло в огне»)¹ компенсируется прихотливостью устного рассказа и песней — глоссой к эмоциональному состоянию человека. Но песни, введенные в текст повести, — любовные, а с любовью автор связывает отключение памяти. На расспросы рассказчика и его сестры о развязке истории с Петром Петровичем Наталья отвечает так:

«— Ты, говорят, в обморок упала, когда тебя везли в Сошки?

— В оморок-с. Мы, дворовые, страшные нежные были... жидки на расправу... не сравнять же с серым однодворцем! Как повез меня Евсей Бодуля, отупела я от горя и страху...»²

Любовь, причем любовь беззаконная, — фабульный стержень классической баллады, где мертвец посягает на живую невесту, а потусторонний дух, как, например, в «Лесном царе», — на роль настоящего отца. Именно своей страстностью суходольцы в их собирательном психологическом портрете противопоставлены идиллическим Марине и Шарому, заменившим Наталье родителей («Я иной раз по отцу-матери не жалкую так-то, как по холмам своим»)³). Но от страсти — один шаг до карамазовщины, след которой в «Суходоле» давно уловлен исследователями⁵. А парадигмальной историей (первоисторией) суходольской жизни оказывается отнесенная к незапамятным временам связь бабушки с дворовым по прозвищу Ткач. Ему, «отчаянному негодяю и вору, сосланному <...> в Сибирь, на поселение» (опять тема Азии!), бабушка, «властная красавица», «как говорят, не смела противиться»⁶. Вспомнившееся Наталье давнее суходольское предание появляется на страницах повести крайне своевременно: когда к самой Наталье приходит ее Юшка. Судьба суходольцев словно соткана неведомым Ткачом, властвовавшим над своей госпожой так же, как властвует Гервасий, сам плод такой же гибридной связи, над Аркадием и Петром Кирилловичем.

Тема трагического смешения, посягательства на статус (укажем на ясную любому читателю поведенческую стратегию лакея Гервасия — встать выше барина: «Поцелуйте перва ручку у меня»)⁷) рассматривается Бунином на разных уровнях. Ее относительно невинная и даже благостная разновидность

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 160.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 145.

⁴ Вносявшую диссонанс в мысли Натальи о Марине и Шаром фразу «Но отцом-матерью хохлов она никогда не считала» (Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 40) писатель своевременно убрал.

⁵ См.: Woodward J. Ivan Bunin. A Study of His Fiction. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 63; Peterson D. Russian Gothic: The Deathless Paradoxes of Bunin's *Dry Valley*. P. 43; Елисеев Н.Л. Бунин и Достоевский // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 694–699.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 158.

⁷ Там же. С. 130.

читается в признании Натальи своим молодым господам в том, что она им «тетенька вторая», «молочная Аркадь Петровичу», за что ее, «грешную, барышней ославили»¹. Идилличность этого единства, впрочем, — лишь поверхностный слой характеристики, т.к. позднее читатель узнает, что двоюродное родство Натальи с господами («тетенька») пропорционально уравновешивается такой же двоюродной ее связью (сестра) с убийцей Гервасием.

Катастрофизм, неограниченность новых социо-исторических гибридов («двоюродность», а не истинное родство) усиlena метатекстуально: имя и отчество старого Хрущева буквально повторяют имя Пьера Безухова, инвертируют — пушкинского Троекурова², но в фабуле герой наследует старику Карамазову. Бунин нарочито сочетает несочетаемое, ввергая героя в беспамятство безумия.

Наконец, «подсветкой» этих странных сочетаний предстает данная по-вествователем оценка суходольцев как мастеров «играть роли, внушать себе непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумывают это должное»³.

Декларативно заявленное Буниным как идиллическое, социальное единство суходольских бар и дворни оказывается на поверку трагическим разменом статусами, не интеграцией, имевшей, весьма вероятно, нациестроительную перспективу, а дезинтеграцией, безысходным клубком противоречий. Проникнуть в его тесные сплетения, как в старый суходольский дом с его маленькими подслеповатыми окнами и иконой обезглавленного Меркурия внутри, подобно тому, как Людмила Жуковского наблюдает уготованный ей мертвецом дом в «шесть досток» (не является ли дальним отголоском этого мотива устроенное Гервасием Аркадию и грозящее последнему смертью стремительное скатывание под гору в деревянной бочке?), помогает эффектно задействованная Буниным поэтика балладного жанра.

* * *

Как ни странно, на пути возможной полной «элегизации» бунинской поэтики, ожидаемой от художника, навязчиво декларировавшего свою идеологическую и психологическую обращенность к прошлому культуры, стоял важнейший компонент его эстетики: напряженное, памятливое взглядывание в минувшее как опыт его непосредственного проблематического «оживления». Спонтанный историзм писателя обусловливался, на что не раз обращалось внимание, идеей *наследования*, актуальной для Бунина и как ресурс для его собственного позиционирования в литературном «поле», и как востребованный эпохой, граничащий одновременно с позитивизмом и модернизмом

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 115.

² Подмечено в: Жемчужный И.С. «Суходол» И.А. Бунина в контексте русской культурной традиции. С. 9.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1987. Т. 3. С. 149.

дискурс «расы», «вырождения» и т.д. Неотъемлемой чертой этого дискурса является насущная активность признаков, приписываемых прошлому. Проще говоря, наследственность — это прошлое, возникшее въяве здесь и сейчас. Как нетрудно понять, транскрибируясь в терминах жанровой поэтики, данная ситуация становится не элегической, а балладной. Суходол умер, но он превратился не в сентиментально-романтическую «руину», предмет элегического созерцания, а в компанию «скелетов в шкафу», с ужасом открываемых повествователем по ходу его общения с собеседницей. Причем именно позднее исключенные из текста публицистические интерполяции в максимальной степени усиливают балладный жанровый акцент повести.

Пожалуй, самый сильный фрагмент этого типа — подробный и безжалостный портрет отца повествователя, поначалу представлявший собой финал второй главки, затем исключенный из текста, но своими отрывками сохранившийся в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной. Выдержаненный в духе теории наследственности, пассаж начинался от реплики учительницы-француженки «где вы, дети мои?», причем символизм этой реплики, служившей переходом к рассказу об *отце*, был в первопубликации отчетливо сильнее. А далее читатель знакомился словно с кратким конспектом авторской идеологии: Суходол — это совсем не литературное «дворянское гнездо», в этом странном месте живет семейство, члены которого «чуть не по-головно страдали телесными и душевными недугами...»¹, а наипаче всех — отец, создавший в своей душе саморазрушительную смесь доброты и зверства, трезвости и пьянства, здравого смысла и самодурства. Приговор Бунина был эссециалистским — это известные слова о душе Суходола, в которой «выступили истинно славянские черты ее, гибельно обособленной от души общечеловеческой»², а также о том, что «устои Суходола» оказались на удивление слабы, т.к. «не устои там были, а косность...»³. Всё это из текста позднее было изъято. Но выраженный здесь прямо страх перед прошлым, которое неумолимо воскресало в настоящем, повлиял на балладную поэтику повести весьма заметно.

Литература

Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. Сочиненная М.Ч. М.: Типография у содерхателя Ф. Гиппиуса, 1786. 326 с.

Анисимова Е.Е. Жуковский и Бунин: эволюция образа зеркала в русской литературе XIX — начала XX веков // Филология и человек. 2010. № 2. С. 66–78.

¹ Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: РГГУ, 1997. 307 с.

Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890 — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: Наследие, 2001. С. 540–585.

Бунин И.А. Интервью «Московской газете» 23 июля 1912 г. // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 372.

Бунин И.А. Суходол // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1987. С. 115–163.

Бунин И.А. Суходол // Вестник Европы. 1912. № 4. С. 3–60.

Владимиров О.Н. Жанровое движение в лирике И.А. Бунина 1886–1952 годов. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 224 с.

Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.

Грякалова Н.Ю. Аллегория повествования (об одном иконографическом мотиве в повести И.А. Бунина «Суходол») // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Филология. 2014. № 5. С. 51–54.

Елисеев Н.Л. Бунин и Достоевский // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 694–699.

Жемчужный И.С. «Суходол» И.А. Бунина в контексте русской культурной традиции // Вестник Алтайской гос. пед. академии. 2009. № 9. С. 5–10.

Жолковский А.К. Место «Визитных карточек» в эrotической картотеке Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 164–185.

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2008. 456 с.

Капинос Е.В. Прозаическая баллада И. Бунина «В некотором царстве» // «Точка, распространяющаяся на всё...». К 90-летию Ю.Н. Чумакова. Новосибирск: НГПУ, 2012. С. 432–449.

Козлов В. Идиллическая революция Ивана Бунина // Prosōdia. 2017. № 6. С. 35–40.

Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.

Крутикова Л. «Суходол», повесть-поэма И. Бунина // Русская литература. 1966. № 2. С. 44–59.

Лёнквист Б. Паронимия как текстопорождающий принцип — *пыл/пыль* у Ивана Бунина. Анализ рассказа «Солнечный удар» // Лёнквист Б. Кленовая Ветвь: статьи разных лет о русской литературе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 100–107.

«Литература последних годов — не прогрессивное, а регressive явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 402–563.

Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 536 с.

Мальцев Ю. Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с.

Марченко Т.В. Поэтика совершенства. О прозе И.А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. 208 с.

Никонова Т.А. «Душа русского человека в глубоком смысле» (Повесть «Суходол») // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. К 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 60–69.

Померанцева Э.В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 139–152.

Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 254 с.

Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. С. 69–110.

Tюна В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

Устами Буниных: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Т. 1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. 367 с.

Щукин В. Миф дворянского гнезда. Геокультурное исследование по русской классической литературе // *Щукин В.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.

Юрченко Л.Н. «Суходол»: символика хронотопических образов // Бунинская Россия: уездное. Елец: Елецкий Государственный Университет им. И.А. Бунина, 2007. С. 132–140.

Юрченко Л.Н. Миф русского пространства в повести И.А. Бунина «Суходол» // Метафизика И.А. Бунина. Межвуз. сб-к науч. тр. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. С. 74–83.

Kryzyski S. The Works of Ivan Bunin. The Hague; Paris: Den Haag, 1971. 283 p.

Peterson D. Russian Gothic: The Deathless Paradoxes of Bunin's *Dry Valley* // The Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. № 1. P. 36–49.

Poggiali R. The Phoenix and the Spider. A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. Cambridge: Harvard university press, 1957. 238 p.

Tangemann C.J.H. Das Unheil der Melancholie. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 2002. 531 s.

Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2015. 386 p.

Woodward J. Ivan Bunin. A Study of His Fiction. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. 275 p.

References

Abevega russkikh sueverii, idolopoklonicheskikh zhertvoprinoshenii i svadebnykh prostonarodnykh obriadov, koldovstva, shemanstva i proch. Sochinennaia M.Ch. [Abevega of Russian superstitions, idolatrous sacrifices and wedding ceremonies, witchcraft, shamanism and so on. Created by M.Ch.]. Moscow, Tipografiya u soderzhatelya F. Gippiusa Publ., 1786, 326 p. (In Russ.).

Anisimova E.E. *Zhukovskii i Bunin: evoliutsiia obrazza zerkala v russkoi literature XIX — nachala XX vekov* [Zhukovskii and Ivan Bunin: the evolution of the image of mirror in Russian literature of the 19th — early 20th centuries]. *Filologiya i chelovek*, 2010, no 2, pp. 66–78. (In Russ.).

Brojtman S.N. *Russkaia lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Subektno-obraznaia struktura)* [Russian lyrics of 19th — beginning of the 20th centuries in the light of historical poetics. (Subject-shaped structure)]. Moscow, RGGU Publ., 1997, 307 p. (In Russ.).

Brojtman S.N., Magomedova D.M. *Ivan Bunin. Russkaia literatura rubezha vekov (1890 — nachalo 1920-h godov)* [Russian literature at the turn of the century (1890 — early 1920s)]. Bk. 1. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 540–585. (In Russ.).

Bunin I.A. *Interv'iu “Moskovskoi gazete” 23 iilija 1912 g.* [An interview with “Moskovskaia Gazeta” on 23 July 1912]. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Bk. 1. Moscow, Nauka Publ., 1973. p. 372. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sukhodol*. Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 3* [Collected works: In 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1987, pp. 115–163. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sukhodol. Vestnik Evropy*, 1912, no 4, pp. 3–60. (In Russ.).

Eliseev N.L. *Bunin i Dostoevskii* [Bunin and Dostoevsky]. *I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost’ i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologija* [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp. 694–699. (In Russ.).

Gor’kii M. *Nesvoevremennye mysli: Zametki o revoliutsii i kul’ture* [Untimely thoughts: Notes on revolution and culture]. Moscow, Sovetskii pisatel’, 1990, 400 p. (In Russ.).

Griakalova N.Iu. *Allegoriia povestvovaniia (ob odnom ikonograficheskem motive v povesti I.A. Bunina “Sukhodol”)* [The allegory of the narrative (on one iconographic motive in the story of Ivan Bunin “Sukhodol”)]. *Uch. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta, Ser. Filologiya*, 2014, no 5, pp. 51–54. (In Russ.).

Iurchenko L.N. “Sukhodol”: simvolika khronotopicheskikh obrazov [“Dry Valley”: symbolism of chronotopical images]. *Buninskaia Rossiia: uezdnoe* [Bunin’s Russia: uezdnoe]. Elets, Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ., 2007, pp. 132–140. (In Russ.).

Iurchenko L.N. *Mif russkogo prostranstva v povesti I.A. Bunina “Sukhodol”* [The myth of Russian space in the short novel of Ivan Bunin “Dry Valley”]. *Metafizika I.A. Bunina. Mezhvuz. sb-k nauch. tr.* [Ivan Bunin’s metaphysics. Interuniversity collection of academic papers], Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2008, pp. 74–83. (In Russ.).

Kapinos E.V. *Prozaicheskai ballada I. Bunina “V nekotorom tsarstve”* [The ballad in prose of Ivan Bunin, “In One Kingdom”]. “Tochka, rasprostranaiushchaisia na vse...”. *K 90-letiyu Y.N. Chumakova* [“A point extending for everything...”]. For Yu.N. Chumakov’s 90th anniversary]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2012, pp. 432–449. (In Russ.).

Kozlov V. *Idillicheskaia revoliutsia Ivana Bunina* [Ivan Bunin’s idyllic revolution]. *Prosōdia*, 2017, no 6, pp. 35–40. (In Russ.).

Kozlov V.I. *Russkaia elegiia nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian Elegy of the non-canonical period: essays on typology and history]. Moscow, Iazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2013, 280 p. (In Russ.).

Krutikova L. «Sukhodol», povest’-poema I. Bunina [“Dry Valley”, a novel-poem by Ivan Bunin]. *Russkaia literatura*, 1966, no 2, pp. 44–59. (In Russ.).

Kryzitski S. *The Works of Ivan Bunin*. The Hague; Paris: Den Haag, 1971, 283 p.

Lennkvist B. Paronimiia kak tekstoporozhdaiushchii printsip — pyl/pyl' u Ivana Bunina. Analiz rasskaza “Solnechnyi udar” [Paronymy as texturology principle — *pyl/pyl'* by Ivan Bunin. Analysis of the story “Sunstroke”]. Lennkvist B. *Klenovaia Vetr': stat'i raznykh let o russkoi literature* [Maple Branch: articles of different years about Russian literature]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2013, pp. 100–107. (In Russ.).

“Literatura poslednikh godov — ne progressivnoe, a regressivnoe iavlenie vo vsekh otnosheniakh...”: Ivan Bunin v russkoi periodicheskoi pechati (1902–1917) [*Recent literature — not progressive, but regressive phenomenon in all aspects...*]: Ivan Bunin in the Russian periodical press (1902—1917)], ed. by D. Riniker. I.A. Bunin. *Novye materialy. Vyp. I* [New materials. Issue I] / Coll. and ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 402–563. (In Russ.).

Litoshenko L.N. *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of land in Russia]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001, 536 p. (In Russ.).

Mal'tsev Iu. *Ivan Bunin 1870–1953*. Moscow — Frankfurt am Main, Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).

Marchenko T.V. *Poetika sovershenstva. O proze I.A. Bunina* [Poetics of perfection. On Ivan Bunin's prose]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna, 2015, 208 p. (In Russ.).

Nikonova T.A. “Dusha russkogo cheloveka v glubokom smysle” (Povest’ “Sukhodol”) [*Soul of a Russian man in its profound meaning (“Dry Valley” short novel»)*]. *Tsarstvennaya svoboda. O tvorchestve I.A. Bunina. K 125-letiiu so dnia rozhdeniya pisatelia* [Royal freedom. On Ivan Bunin's works. For the 125th anniversary of the writer's birth]. Voronezh, Kvadrat Publ., 1995, pp. 60–69. (In Russ.).

Peterson D. Russian Gothic: The Deathless Paradoxes of Bunin's Dry Valley. *The Slavic and East European Journal*, 1987, Vol. 31. no 1, pp. 36–49.

Poggiali R. The Phoenix and the Spider. A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. Cambridge, Harvard university press, 1957, 238 p.

Pomerantseva E.V. Fol'klor v proze Bunina [Folklore in Ivan Bunin's prose]. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 84: *Ivan Bunin*, Bk. 2. Moscow, Nauka, 1973, pp. 139–152. (In Russ.).

Prashcheruk N.V. *Khudozhestvennyi mir prozy I.A. Bunina: iazyk prostranstva* [The artistic world of Ivan Bunin's prose: the language of space]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 1999, 254 p. (In Russ.).

Shchukin V. Mif dvorianskogo gnezda. Geokul'turnoe issledovanie po russkoi klassicheskoi literature [The myth of a noble nest. Geo-cultural study on Russian classical literature]. Shchukin V. *Rossiiskii genii prosveshcheniya. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [Russian genius of education. Research in the field of mythopoetics and history of ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 157–458. (In Russ.).

Slivickaia O.V. “*Povyshennoe chuvstvo zhizni*”: *mir Ivana Bunina* [“A heightened sense of life”: Ivan Bunin's world]. Moscow, RGGU Publ., 2004, 270 p. (In Russ.).

Tangemann C.J.H. Das Unheil der Melancholie. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 2002, 531 p.

Tirgen P. Obrazy Arkadii v russkoi literature XVIII–XIX vv. [Images of Arcadia in Russian literature of the 18th — 19th centuries.]. *Imagologiya i komparativistika*, 2015, no 2, pp. 69–110. (In Russ.).

Tiupa V.I. Diskurs [Discourse]. *Zhanr* [Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013, 211 p. (In Russ.).

Ustami Buninykh: V 3 t. [From the mouth of the Bunins. In 3 vols.] Ed. by M. Grin. Vol. 1. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977. 367 p. (In Russ.).

Vinitsky I. *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*. Evanston, IL, Northwestern University Press, 2015, 386 p.

Vladimirov O.N. *Zhanrovoe dvizhenie v lirike I.A. Bunina 1886–1952 godov. Dis. ... kand. filol. nauk* [Movement of genre in the lyrics of Ivan Bunin, 1886—1952. PhD thesis]. Tomsk, 1999, 224 p. (In Russ.).

Woodward J. *Ivan Bunin. A Study of His Fiction*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1980, 275 p.

Zhemchuzhnyi I.S. “Sukhodol” I.A. Bunina v kontekste russkoi kul’turnoi traditsii [Ivan Bunin’s “Dry Valley” in the context of Russian cultural tradition]. *Vestnik Altajskoi gos. ped. akademii*, 2009, no 9, pp. 5–10. (In Russ.).

Zholkovskii A.K. Mesto “Vizitnykh kartochek” v eroticheskoi kartoteke Bunina [“Visiting cards” in Bunin’s erotic card index]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, no 2, pp. 164–185. (In Russ.).

Zhukovskii V.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 3* [Collected works and letters: In 20 vols. Vol. 3]. Moscow, Iazyki slavianskih kul’tur Publ., 2008, 456 p. (In Russ.).

BALLAD FEATURES IN “DRY VALLEY” BY IVAN BUNIN: DOES HISTORIOSOPHY INFLUENCE THE GENRE POETICS?

© 2019, KIRILL ANISIMOV

Abstract: The author takes “Dry Valley” story in order to research various ways the poetics of a ballad are expressed on different text structure levels, while aesthetic and historical reasons for reactualization of the ballad genre by the poet and writer of the beginning of the 20th century are also explored.

Keywords: Ivan Bunin, “Dry Valley” story, historiosophy, historical poetics, narratology, ballad.

Information about the author: Kirill Anisimov, PhD (Dr.hab.), Assistant Professor, head of Journalistics and Literary Studies Department, Institute of Philology and Linguistic Communication, Federal University of Siberia, E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

РАССКАЗ И.А. БУНИНА «БАЛЛАДА»: КОМПОЗИЦИОННО-ОБРАЗНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

© 2019, С.Н. МОРОЗОВ, Ю.Г. МОРОЗОВА

Аннотация: В статье приводится история создания рассказа И.А. Бунина «Баллада», по автографу уточнена дата написания рассказа. Выявляются истоки образов и мотивов рассказа, многие из которых имеют фольклорное происхождение; рассматриваются композиционные и жанровые особенности. Обращается внимание на этнографические и топонимические детали. Предпринята попытка реконструировать место происходящих в «Балладе» событий. Выявляются источники цитируемых в рассказе песен и их место в композиции произведения.

Ключевые слова: И.А. Бунин, рассказ «Баллада», проза, текстология, датировка, научное собрание сочинений.

Информация об авторах: Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069, Москва, Россия. E-mail: mgorozov.sn@yandex.ru

Юлия Григорьевна Морозова — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, биоэтики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова. E-mail: ygmorozova@yandex.ru

В своем позднем творчестве И.А. Бунин особенно выделял рассказ «Баллада». В записях «Происхождение моих рассказов» он оставил такое объяснение: «Некоторые из них мне особенно дороги, кажутся особенно восхитительны — и вот “Баллада” в числе таких. А меж тем написать его, как и многие другие рассказы, в разные прежние годы, — побудила меня нужда в деньгах. Как-то... в Париже, я увидел однажды утром, что кошелек мой совсем пуст, и тотчас решил написать что-нибудь для “Последних новостей”, выдумать что-нибудь. И стал вспоминать Россию, ту усадьбу, где нередко жил почти каждый год в разные времена года, мысленно увидал зимний вечер в ее старом доме под какой-то большой праздник... И Бог дал быстро выдумать нечто совершенно прекрасное (с вымыщенной странницей Машенькой, главной прелестью рассказа, с ее дивным ночным бдением, дивной речью)»¹.

О «Балладе» отдельных и содержательных работ пока нет. Ранее появлялись публикации, в которых так или иначе содержалось упоминание о рассказе. Так, например, работа Э.В. Померанцевой («Фольклор в прозе Буни-

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410).

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 371–372.

на»), в которой указывается имя Машеньки — главной героини «Баллады» в связи с «умением <писателя> передать характер бытования устной поэзии <...> и дать портрет ее “носителя”»¹. Надо сказать, что любовь писателя к народному поэтическому творчеству была столь проникновенно-органичной, что послужила поводом к отдельному изучению данного вопроса в буниноведении в 50–90-е гг. XX столетия. При этом особо следует отметить воронежскую (О.А. Бердникова), белгородскую (Г.М. Благасова) и елецкую (С.В. Краснова) школы буниноведения. Фольклорно-краеведческая школа г. Ельца, сформировавшаяся на базе Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (бывшего ЕГПИ), в настоящий момент ведет активные научно-исследовательские работы по изучению языка бунинских произведений, изобилующих диалектизмами и просторечиями (И.М. Курносова). Народные пословицы и поговорки, песни и баллады, передающие колорит живого русского языка, яркие образы, которыми так богато творчество Бунина, отражают историю русского народа, его мировоззрение. Да и сам писатель нередко подчеркивал, что его интерес к фольклору, в первую очередь, обусловлен стремлением постичь «меру неизреченной красоты русской души»².

Поэтика звука и красота народного слова, предстающая на страницах бунинских произведений, в том числе в «Балладе», неоднократно отмечалась исследователями. А М.Ю. Фиш подчеркивает, что помимо звука в бунинских рассказах цикла «Темные аллеи» «тишина особым образом формирует время—пространство произведения»³.

В настоящее время появляются публикации, в которых рассматривается жанровая специфика бунинских произведений, в частности, можно упомянуть статью И.Г. Минераловой «Четыре этюда на заданную тему (“Темные аллеи любви в прозе И.А. Бунина”)»⁴ и Н.Д. Есиковой «Жанровая природа рассказов И.А. Бунина “Баллада” и “Ночлег”»⁵. Также предпринимаются попытки в изучении методики преподавания бунинских произведений в школе и вузе (статья И.В. Ксенофонтова «Методические аспекты изучения рассказа

¹ Померанцева Э.В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 150.

² Бунин И.А. Святитель // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., примеч. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. Т. 4. С. 416.

³ Фиш М.Ю. Поэтика звука в цикле рассказов Ивана Бунина «Темные аллеи» // Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. Вып. VII: Народная культура и проблемы ее изучения: Материалы научной региональной конференции 2008 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. С. 188.

⁴ Минералова И.Г. Четыре этюда на заданную тему («Темные аллеи любви в прозе И.А. Бунина») // Писатель & Литературовед. Интернет-альманах / Отв. ред. Ю.И. Минералов и О.Ю. Юрьева. 2009. № 3. <https://www.mineralov.su>

⁵ Есикова Н.Д. Жанровая природа рассказов И.А. Бунина «Баллада» и «Ночлег» // Филологос (Елец). 2018. Вып. 36 (1). С. 23–29.

И.А. Бунина “Баллада” в школе»¹). Однако до сих пор остается не исследованной текстология этого произведения, мало изучено содержание и композиция рассказа, не выявлены источники, послужившие для написания рассказа и ставшие органичным звеном композиционно-жанрового единства текста.

Бунин публиковал рассказ «Баллада» только три раза: впервые он появился в парижской газете «Последние новости» (1938. 20 февраля. № 6175. С. 3), затем рассказ был включен в первое издание книги «Темные аллеи» (Нью-Йорк: Новая земля, 1943), последняя прижизненная публикация рассказа была во втором издании книги «Темные аллеи» (Париж: Издание О. Зелюка, 1946).

В Русском архиве в Лидсе (Великобритания) сохранился черновой автограф рассказа «Баллада» (РАЛ. MS 1066/87–89). Рукопись содержит большую правку, иногда в два слоя. Первоначально рассказ назывался «Божий зверь», в автографе это заглавие зачеркнуто и сверху написано новое — «Баллада». В верхнем левом углу поставлена дата: «11–II–38», указывающая начало работы над рассказом. В конце рукописи стоит авторская дата: «12–II–38. Париж»². Следовательно, на основании чернового автографа рассказ «Баллада» должен датироваться так: 11–12.02.1938. Париж. Однако в двух изданиях книги «Темные аллеи» (Нью-Йорк, 1943; Париж, 1946) под этим рассказом напечатана другая авторская дата: «3.2.38», что является очевидной ошибкой, вероятно, просто опечаткой.

Начало рассказа подверглось особенно большой правке, практически весь первоначальный текст его был перечеркнут. Приведем его полностью, заключив зачеркнутое в квадратные скобки: «Под большие зимние праздники, [я [почему-то] сейчас вспоминаю [все] лишь зимние,] был [похож по вечерам тот бревенчатый деревенский дом, жарко натопленный и освещенный свечами и лампадами, на какую-то странную церковь: странную потому, что состояла] всегда как баня натоплен к вечеру деревенский дом [нашей бабушки] и являл картину странную, ибо состояла она из нескольких просторных и низких комнат, двери которых все были раскрыты на пролет, — от прихожей до диванной, находившейся в [самой глубине дома] самом конце дома, — и блистала в углах восковыми свечами и лампадами»³.

Эта большая правка показывает, что Бунин действительно начал вспоминать давние времена в русской деревне, однако затем все эти (лишние с авторской точки зрения) указания на мемуарный характер были вычеркнуты.

¹ Ксенофонтов И.В. Методические аспекты изучения рассказа И.А. Бунина «Баллада» в школе // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции (20–21 сентября 2018 г.). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. С. 146–148.

² РАЛ. MS 1066/87.

³ Там же.

Между тем воспоминания о «давних временах» в русской деревне, о «мужицких избах» органично вошли в текст «Баллады». Вспомним, как начинается рассказ: «Под большие зимние праздники был всегда как баня натоплен деревенский дом и являл картину странную, ибо состояла она из просторных и низких комнат, двери которых все были раскрыты напролет, — от прихожей до диванной, находившейся в самом конце дома, — и блистала в красных углах восковыми свечами и лампадами перед иконами»¹. «Странная картина» деревенского дома, воссозданная в рассказе, навеяна воспоминаниями детства: милое, деревенское, родное, а, главное, русское, о чем так тосковал в Париже писатель. Это и село Васильевское (Глотово), и Озёрки, и Огнёвка, и другие места Черноземья, которые знал и любил Бунин. Красный угол с восковыми свечами и лампадами — непременный атрибут русского дореволюционного дома; гладкие дубовые полы, «от топки скоро сохнувшие», чистые попоны, золоченные и серебряные оклады древних икон, спальные горницы, лари, странницы в шерстяных чулках и валенках — все это осталось в далеком прошлом. И читатель не только видит, он слышит медовый аромат и гарь восковых свечей, жар деревенского дома, запах старинных книг в книжных «шкапах». В нескольких поэтических фразах писателю удается воссоздать колорит ушедшей эпохи, усадебной жизни дворян и в то же время деревенского, «мужицкого» быта.

Одной из ключевых фигур рассказа является странница Машенька, в образе которой, безусловно, во многом собирательном, запечатлена та самая «душа русского народа», которая так волновала писателя. В образе странницы, в ее словах и поступках раскрываются славянские представления и учение православной веры. Почему Бунин назвал свое прозаическое произведение балладой? В беседе Машенька восклицает: «Да ведь это дело темное, давнее, сударь, — может, баллада одна»². Название рассказа, безусловно, связано с образом странницы, с ее ночными «посиделками» в православные зимние праздники, с ее трепетной молитвой и верой в то, что все живое на земле благословлено. Не случайно в структуре текста псалмы, которые читает нараспев странница, реминисцентно связаны с молитвой «Всякое дыхание да хвалит Господа»³.

Вот как описывает странницу писатель: «седенькая, сухенькая и дробная, как девочка»⁴. И в другом месте: «Я заглянул в прихожую: она сидела на ларе, ровно спустив с него маленькие ноги в шерстяных чулках и крестом держа руки на груди»⁵. Маленькая старушка так и осталась на всю жизнь Машенькой. Уже в имени с уменьшительно-ласкательным суффиксом -еньк-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 184.

² Там же. С. 187.

³ Псалом 150 хвалебный.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

подчеркнута набожность странницы, ее мечтательность и детская непосредственность. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное», — сказано в Евангелии от Матфея¹. Странница верит в сказки и предания, и ее детская чистая вера в Христа не может вытеснить из сердца баллады, которыми любили в святые вечера баловать себя князья. Она говорит об этом так: «Баллада, сударь. Так-то все наши господа говоривали, любили эти баллады читать. Я, бывало, слушаю — мороз по голове идет»². И прибавляет присказкой: «Ведь когда это было? Уж так-то давно, — все царства-государства прошли, все дубы от древности рассыпались, все могилки сровнялись с землей»³. Так начинается баллада — со сказочного зачина о «давних временах». Напомним, что наиболее древними по происхождению были баллады, имеющие сказочный зачин и в которых главными действующими героями оказывались загадочные, мифические существа, наделенные хтонической символикой (у Бунина в рассказе этим существом оказывается волк).

Баллада странницы — древнее предание о том, как старый князь влюбился в молодую жену сына. Но греховный замысел старому князю не удалось осуществить — на его пути появляется волк. Вот как описывает волка Машенька: «...несется <...> по снегам, под месяцем, великий, небывалый волк, с глазами, как огонь, красными и с сияньем вокруг головы!»⁴. Волк кидается на сластолюбца и, тем самым, спасает молодых. Истерзанный волком князь перед смертью успевает покаяться и принять причастие. Он уверяется в том, что каждый живущий на земле, даже бессловесная тварь, должны исполнять волю Творца, иначе «Скажите Богу: как страшен ты в делах Твоих!»⁵. В назидание потомкам князь приказывает написать волка в часовне над своей могилой. «Кто ж его мог по тем временам ослушаться? Да и церковь-то была его домашняя, им самимстроенная»⁶, — заключает рассказ Машенька.

Не случайно рассказ назван «балладой». Во-первых, баллада является главным композиционным элементом произведения, а, во-вторых, опосредованно указывает на образ странницы, от которой читатель узнает о «божьем звере». Все происходящее в рассказе органично «вписывается» в атмосферу русской жизни, где есть место и сказкам, и мифам, и преданиям, но, главное,

¹ Более полно: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает...» (Мф. 18:1–5).

² Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 187.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Псалом 65 — один из псалмов, которые зимней ночью поет странница.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 189.

слову веры и любви. В итоге произведение Бунина предстает, по верному замечанию Ксенофонтова, «не просто как утверждение великой силы веры, которую способен обрести даже самый лютый грешник, но и как гимн любви, без которой действительно “все ничто”»¹.

Действие «баллады», со слов странницы, происходит в Задонщине, в «заглазной деревне», в дедовском имении Крутые Горы при «великой царице». Подобные топонимы (Задонщина, Крутые Горы) указывают на реальное географическое место. Хотя на географической карте название Задонщины и встречается на территории Белоруссии, все же ассоциативно в памяти возникает образ Куликова поля, поскольку с древности на Руси «Задонщиной» называли местность, ныне в пределах Тульской области, расположенной в верховьях реки Дон. В древности Куликово поле представляло собой северную границу огромного Дикого поля, на месте которого впоследствии выросли села и города Орловской, Калужской, Курской, Тульской и Рязанской губерний, из последней и была родом бунинская странница. «Я и сама дальняя, — может, изволили слышать: рязанская, — а тот край еще ниже будет, в Задонщине»². Другой топоним — село Крутые Горы — на карте Российской империи встречается в Калужской области, в Бабынинском районе, в Вятской области, в Луганской и Николаевской областях (Украина в то время была частью Российской империи) и др. Однако «Крутые Горы» — это традиционное название местности, отличающейся холмистым рельефом.

В письме к архимандриту Киприану от 1 августа 1944 г. Бунин рассказывает о том, что источником для написания «Баллады» послужили его воспоминания о селе Васильевское (Глотово), имении двоюродной сестры, где писатель часто гостил в дореволюционные годы³. Таким образом, село Васильевское (Орловская губерния, Елецкий уезд) и есть та часть Задонщины, о которой повествует писатель. «Тысяча глиняных изб по голым буграм-косогорам, а на самой высокой горе, на венце ее, над рекой Каменной, господский дом, тоже голый весь, трехъярусный, и церковь желтая, колонная...»⁴. Между тем в Орловской губернии не было селения Крутые Горы, которое упоминается в рассказе, а есть деревня Крутая Гора и село Крутые Хутора. Выскажем предположение, что действие «баллады» происходит еще дальше, в селе, расположенном на правом берегу излучины Дона, при впадении речки Каменки в Дон (в рассказе — река Каменная). По всей видимости, это селение, за которым закрепилось впоследствии название Каменка, появилось в конце XVI в.

¹ Ксенофонтов И.В. Методические аспекты изучения рассказа И.А. Бунина «Баллада» в школе. С. 148.

² Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 186.

³ Иван Бунин и архимандрит Киприан Керн: Переписка (1940–1948) / Подгот. текста и примеч. А. Клементьева; вступит. заметка Н. Струве // Вестник Русского христианского движения. 1992. № 164. С. 171–172.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 186.

(об этом свидетельствуют архивные данные, в частности, это известно из архива В.А. Заусайлова¹) и подходит под бунинское описание.

В русском фольклоре с образом дома и домашнего очага перекликаются образы домового, кошки, петуха². В бунинском рассказе образ петуха связан с зооморфной трансформацией огня, в связи с чем на уровне текста наблюдается своеобразная перекличка с цитатой из стихотворения А.П. Сумарокова («Жар любви во всяком царстве...»), использованного Буниным в рассказе. Петух — страж, которого помещали на крышах домов, шестах, шпилях, флюгерах, а также на ларцах и сундуках (в рассказе Бунина Машенька сидит на черном ларе, «спокон веку» стоявшем «в прихожей деревенского дома»). Также в «Балладе» образ петуха ассоциативно связан с «золотом свечных огоньков», псалмами, читаемыми странницей в лютую зимнюю ночь, с народным древним поверьем мыть полы и застилать их чистыми попонами накануне больших праздников. И в такую «потаенную» ночь, оказывается, «лишь актер, петух по-нашему, да еще нощный вран, сова, может не спать»³. Петух будителен и всевидящ и участвует в Божьем суде.

В рассказе Бунина контаминация баллады со святочным рассказом дополнена лирическим песенным началом, ритмической организацией, поэтическими конструкциями в описании традиции мыть полы накануне великих праздников, в описании зимней ночи, обряда со свечами, церковнославянскими словами и архаизмами, которыми изобилует речь странницы Машеньки.

Помимо баллад, которые слышала странница Машенька от своих князей, песни и романсы постоянно звучали в господском доме. Бунин приводит в рассказе два отрывка: «Воет сыр-бор за горою...» из стихотворения А.Ф. Мерзлякова «Чернобровый, черноглазый...»⁴ и «Жар любви во вся-

¹ Заусайллов В.А. Село Каменка. История родного села «Здесь Родины моей начало». МОУ СОШ с. Каменка. Приводится по: http://schkamenka.narod.ru/page1_1_1.html. В статье, в частности, упоминается барский дом, принадлежащий роду Писаревых.

² О том, что петух был символом домашнего очага, см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Издание К. Солдатенкова, 1868. Т. 2. С. 106, 118.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 187.

⁴ Полный текст стихотворения А.Ф. Мерзлякова: «Чернобровый, черноглазый, / Молодец удалый, / Вложил мысли в мое сердце, / Зажег ретивое! / Нельзя солнцу быть холодным, / Светлому погаснуть; / Нельзя сердцу жить на свете, / И не жить любовью! / Для того ли солнце греет, / Чтобы травке вянуть? / Для того ли сердце любит, / Чтобы горе мыкать? / Нет, не дам злодейке-скуке / Ретивого сердца! / Полечу к любезну другу / Осеннею пташкой. / Покажу ему платочек, / Его же подарок: / Сосчитай горючи слезы / На алом платочке. / Иссущи горючи слезы / На белой ты груди / Или сладкими их сделай, / Смешав со своими... / Воет сыр-бор за горою, / Метелица в поле; / Встала выюга, непогода, / Запала дорога. / Оставайся, бедна птичка, / Запертая в клетке! / Не отворишь ты слезами / Отеческий терем; / Не увидишь дорогого, / Ни прежнего счастья! / Не ходить бы красной девке / Вдоль по лугу, лугу; / Не искать было глазами / Пригожих, удалых! / Не любить бы красной девке / Молодого парня; / Поберечь бы красной девке / Свое нежно сердце!» (Русские песни / Сост. проф. И.Н. Розанов. М.: Гослитиздат, 1952. С. 85–86). На эти слова Д.Н. Кашин написал роман «Чернобровый, черноокий...» (1830).

ком царстве...» из песни на стихи Сумарокова «Если девушки метрессы...» (1781)¹. Эти произведения помогают не только воссоздать колорит ушедшей эпохи, жизни в дворянских усадьбах, но и раскрыть авторский замысел, поскольку песня и романс в структуре произведения выполняют архитектоническую функцию и на сюжетно-образном уровне обращены к лейтмотиву рассказа. Романс заостряет внимание читателя на жанровой специфике баллады, ее вневременной соотнесенности с действующими персонажами, эмоциональной настроенности странницы. Музыкальные лирические произведения обостряют эмоциональность изображаемого, содержат авторскую оценку, переживание, чего не было прежде в балладах. Кроме того, реминисцентно текст романса связан с образом старого князя (князь-то «очень еще в силе был, а касательно наружности отлично красив, и будто бы не было ни на дворне у него, ни по деревням его ни одной девушки, какую бы он к себе в свою сераль на первую ночь не требовал»²). Выбор отрывка из романса также не случаен, поскольку предвосхищает дальнейшее развитие событий («Воет сыр-бор за горою, / Метет в белом поле, / Стала выюга-непогода, / Запала дорога...»)³. Старый князь отправляется в погоню за молодыми в ночь, в «мороз несказанный», когда «аж кольца округ месяца лежат, снегов в степи выше роста человеческого...»⁴.

В другом поэтическом тексте — стихотворении Сумарокова — дано объяснение внезапному помешательству старого князя: «Если девушки метрессы, / Бросим мудрости умы; / Если девушки тигрессы, / Будем тигры так и мы. <...> Жар любви во всяком царстве, / Любится земной весь круг»⁵. Так в рассказе Бунина образ князя иносказательно оказывается связан с образом волка и тигра.

Образ волка, особо почитаемого Машенькой и называемого ею не иначе, как «Божий зверь, Господень волк», архитектонически перекликается с образом выюги-непогоды, метелью.

О.А. Лиденкова подробно исследовала специфику европейской литературной баллады. В своей работе «Особенности фольклорных символов европейских традиционных баллад» она отмечает: «Круг животных, которые упоминаются в балладных текстах, достаточно ограничен и их роль и значения,

¹ Полный текст песни на стихи А. Сумарокова: «Если девушки метрессы, / Бросим мудрости умы; / Если девушки тигрессы, / Будем тигры так и мы. / Как любиться в жизни сладко, / Ревновать толико гадко, / Только крив ревнивых путь, / Их нетрудно обмануть. / У муринов в государстве / Жаркий обладает юг. / Жар любви во всяком царстве, / Любится земной весь круг» (Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов: В 2 кн. / Сост. Л. Озеров. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1988. С. 13).

² Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 188.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Чудное Мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 1. С. 13.

как правило, заимствуются из фольклора, вследствие чего их образные характеристики оказываются устойчивыми и мало подвергаются авторской модификации¹. Образ волка, священного животного в древнем мире, в Средние века становится символом зла (в более широком значении) и символом ереси (в более узком смысле). Вместе с тем Бунину удается переиграть жанровую традицию и сделать волка исполнителем Божией воли, как прежде и было в фольклоре. В частности, у А.Н. Афанасьева находим такую трактовку: «Что бы ни делал человек, каких бы предосторожностей ни принимал, он не может воспрепятствовать божьей воле <...> зверь этот явится в урочный час к своей жертве, хотя бы она скрывалась за каменными стенами». И далее: Род — «божество, заправляющее весенними грозами, <...> как повелитель волков (“волчий пастырь”), он определяет, какие именно люди должны умереть от зубов этого хищного зверя, и приговоры его также неотвратимы»².

Многие исследователи (А.Н. Афанасьев, А.В. Гура, В.Я. Пропп) обращали особое внимание на амбивалентный характер образа волка. Волк в бунинском рассказе оказывается «божьим зверем», символом божественной справедливости и хранителем закона.

Гура в своей книге «Символика животных в славянской народной традиции» (1997) указывает еще на то, что «волк связан с *пересечением границы* и различными пограничными, *переломными моментами*³. В бунинском рассказе таким переломным моментом является покаяние «лютого грешника», то есть князя. И здесь возникает еще один мотив, довольно распространенный как в славянской, так и в христианской литературе. Это мотив жертвы. Волк задирает князя, и это та жертва, которая была необходима для спасения не одной души. «Волк исполняет медиаторскую функцию, он посредник между людьми и силами иного мира. Задирая скотину, он действует не по своей, а по Божьей воле»⁴.

Вспомним, первоначально Бунин хотел назвать рассказ «Божий зверь». Странница Машенька молится волку, как православному святыму: «Она смотрела перед собой, не видя меня. Потом подняла глаза к потолку и раздельно промолвила:

— И ты, Божий зверь, Господень волк, моли за нас Царицу Небесную»⁵.

Как же соотносится вера в Христа с верой в животных и силу природы? Исконно у восточных славян покровителем волков и одновременно охранителем стад считается святой Георгий (Курская, Белорусская, Могилевская

¹ Лиденкова О.А. Анималистическая символика в европейской литературной балладе // Мова — Літаратура — Культура: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск: Беларускі дзярж. ун-т; РІВШ, 2010. С. 211.

² Афанасьев А.Н. Поэтические взрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 335, 336, 387.

³ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 158.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 185.

области). Возможно, что именно покровительство св. Георгия над волками привело к своеобразному восприятию хищных действий зверя. «Что у волка в зубах, то Егорий дал», «На то Георгий волку зубы дал, чтобы кормиться» — говорят нам народные пословицы и поговорки. В народе существовало поверье, что волк не задавит ни одной твари без Божьего соизволения; что на Юрьев день Егорий Храбрый разъезжает по лесам на белом коне и раздает волкам наказы. Это же подтверждает и старинное предание «Про Егория Храброго»:

«Ехал раз мужик лесом. Дело днём было, летом. Только вдруг видит: на овцу волк кинулся. Овца испугалась, кинулась под телегу. Волк испугался, убежал.

Мужик взял овцу и повёз с собой, проехал сажен пять от того места, стало ни зги не видно — тёмная ночь. Он диву дался. Ехал, ехал и сам не знает куда.

Вдруг видит огонёк.

— А, — думает, — это, видно, гуртовщики. Хоть у них спрошу, куда ехать.

Подъезжает и видит — костёр разложен, а кругом волки сидят и с ними сам Егорий Храбрый. А один волк сидит в сторонке да зубами щёлкает.

Говорит мужик, что, мол, так и так, заплутался, не знаю, где дорогу найти. Егорий ему и говорит:

— Зачем, — говорит, — у волка овцу отнял?

— Да она, — говорит мужик, — ко мне бросилась. Мне её жаль стало.

— А чем же волки-то кормиться будут? Вот эти, видишь, сытые лежат, а этот голодный, зубами щёлкает. Я их кормлю; все довольны, только один жалуется. Брось ему овцу, тогда укажу дорогу. Ведь эта овца была волку обречена, так чего ты её отнял?

Мужик взял и бросил волкам овцу. Как только бросил, стал опять ясный день, и дорогу домой нашёл¹.

В народных поверьях волки характеризуются как собаки святого Георгия. Для сравнения, в Сербии и Герцеговине волки — псы святого Саввы, который собирает их и указывает на добычу. Покровителем волков у восточных славян считается также пророк Даниил, святой Мартин, архангелы Михаил и Гавриил. На Украине к этому списку исследователи добавляют святых Михаила, Луппа, Петра, Павла и даже святителя Николая, Мирликийского чудотворца². В день святителя Николая пастухи идут в церковь на исповедь и приносят дары. Не случайно, в бунинском произведении действие происходит под один «большой зимний праздник», каким, предпо-

¹ Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступит. статья и примеч. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 259. У А.Н. Афанасьева также содержатся упоминания о фольклорных текстах, в которых святой Егорий Храбрый является покровителем волков (Афанасьев А.Н. Поэтические возврзения славян на природу. Т. 3. С. 529).

² Более подробно см.: Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. С. 131–158.

ложим, является, согласно христианской традиции, день памяти святителя Николая — 6 (19) декабря.

Таким образом, можно полагать, что некоторые древние поверья и предания о святости животных Бунин мог читать в переработке Афанасьева и П.В. Киреевского, что-то слышать в детстве, что-то записывать самостоятельно, наблюдая за жизнью крестьян, и после переносить свои наблюдения, воспоминания о прочитанном и услышанном в тексты рассказов и стихотворений¹. Но также вероятно и то, что Бунин мог так перерабатывать фольклорные тексты, что они становились уже «выдумкой» автора. Как вспоминал писатель, дал же Бог «быстро выдумать нечто совершенно прекрасное (с вымышленной странницей Машенькой, главной прелестью рассказа, с ее дивным ночным бдением, дивной речью)².

Обратимся снова к письму писателя архимандриту Киприану от 1 августа 1944 г.: «Нынче посылаю Вам на память, в знак моей любви к Вам, мой уже давний рассказ “Баллада”. Он последние дни лежал у меня на столе — я недавно прочитал, что гиляки считают медведя “святым зверем” — и ужасно обрадовался, сказал себе: “значит, недаром написал я про святого волка!”»³. Кто такие «гиляки»? В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона дано такое толкование этого слова: «Гиляки — инородческое племя дальнего русского Востока, живущее в Приморской обл., в низовьях Амура, по лиману этой реки и далее на север, по южн. Побережью Охотского моря, до Ульбанского и Тугурского заливов, а также в сев. части о-ва Сахалина...»⁴, то есть гиляки — устаревшее название народов нивхи. В традициях народов нивхи зоолатрия, то есть наделение животных сакральными функциями и последующее их обожествление, распространялась не только на медведя (как в письме указывает Бунин), но и на других животных. Не исключено, что и волк был их священным животным.

Двойственное отношение к волку, возникающее вследствие его связи с миром усопших и миром преисподней, в конечном счете, подтолкнуло христианскую церковь в Новое время отказаться от признания волка как святого и запретить его изображение в иконографии.

Вместе с тем, несмотря на запреты русской православной церкви, почитание волка продолжалось. Языческий культ волка в сочетании с анималисти-

¹ Более подробно о фольклоре в произведениях Бунина см.: Фольклорные записи <И.А. Бунин> / Публ. А.К. Бабореко; предисл. и примеч. Э.В. Померанцевой // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 399–418; Померанцева Э.В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 139–152; Смирнов Н.П. Русская древность и фольклор в поэзии Бунина // Там же. С. 408–411.

² Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 372.

³ Иван Бунин и архимандрит Киприан Керн: Переписка (1940–1948). С. 171.

⁴ Анучин Д. Гиляки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона: В 86 т.: Т. VIIIА (16). СПб., 1893. С. 686.

ческой символикой, тотемической мифологией и сакральной персонификацией нашел свое отражение в различных песнях, прежде всего в обрядовых, эпических, балладных, в сказках, былинах, топонимических и исторических преданиях и соединился с христианскими представлениями, о чем свидетельствует рассказ Машеньки в «Балладе». Бунинская странница — воплощение народных представлений, не померкнувших за почитанием Христа и Богородицы, а, наоборот, являющихся прямым свидетельством живой народной веры. Образ волка, созданный воображением странницы, несет в себе архетипические черты и, вместе с тем, это поэтическое иносказание, своеобразное фольклорным произведениям. Лютый зверь становится исполнителем Божественной воли. На это косвенно указывают псалмы, которые читает странница (Пс. 142, 65, 90, 49), и песни, которые она поет, и приговорки, архаизмы и просторечные слова («темнозрачный бес», то есть имеющий темный вид, мрачный; «нощный вран», то есть сова; «земь», то есть земля; «зарить в глаза», то есть зорко смотреть; «остистый», то есть обильный, густой; «доезжачий», то есть старший пса, распоряжающийся собаками во время охоты; «алектор», то есть петух), диалектизмы («баять», то есть говорить; «округ», то есть вокруг; «заглазный», то есть далекий; «ихний», то есть их; «ожерелок», то есть шея).

Странница Машенька, почитающая Господня волка наряду с другими святыми и Божией Матерью, по-детски непосредственно отвечает на вопрос о святости волка: «Раз в церкви написан, стало быть, есть. Я сама его видела-с»¹. Для православных показателен в этом отношении образ святого мученика Христофора, жившего, по преданию, в III веке н.э. На древних иконах его часто изображали с собачьей (волчьей) головой. Большинство подобных икон было уничтожено в период реформирования Православной Церкви (XVI–XVIII вв.), однако по России сохранилось изображение святого с волчьим оском. Фрески в Успенском монастыре города Свияжска, в Макарьевском монастыре, в Спасском монастыре в Ярославле, в церкви святого Николая Чудотворца Пермского края (пос. Ныроб), в художественных музеях России (Череповец, Ростов, Пермь, Егорьевск) передают древнюю народную традицию почитания святого. Следовательно, и бунинская странница могла видеть образ волка в одной из церквей, тем более, в домашней, княжеской, где-то в Задонщине, в «заглазной деревне» (то есть «тайной», «невидимой», «далекой»).

На образ святого Христофора был наложен запрет, который распространился не только на иконографию, но и на литературу, упоминавшую о волчьей голове святого. Так, в 1880 г. архиепископ Ионафан Ростовский при обозрении своей епархии в Успенской церкви села Богоявленское в Осеку увидел икону святого Христофора с песней головой и приказал убрать эту

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 185.

икону из храма¹. Подобные случаи были нередки в истории православной церкви XIX в.

Интересен в рассказе Бунина и образ невиданного зверя Тигра-Ефрата. В ответ на сомнение в святости волка странница восклицает: «Стало быть, есть, сударь. Есть же зверь Тигр-Ефрат»². Вместе с хтонической символикой образов волка и петуха зверь «Тигр-Ефрат» косвенно указывает на общность тотемистических представлений разных народов: русских, монголов, гиляков (или иначе «нивхов» — народа, о котором в статье мы упоминали ранее). В «Балладе» Бунина образ тигра оказывается метафорическим и символическиозвучным образу старого князя, наделенного такими чертами характера, как страсть, безудержность, безрассудность, властолюбие.

Древняя традиция почитания животных связывает хтонические образы и на уровне мифологем сообщает бунинскому тексту иносказательность и метафоричность. Поэтика текста, пронизанная реминисценциями и аллюзиями (как, например, образ Тигра-Ефрата и образ тигра в стихотворении Сумарокова), сближается в жанровом отношении с балладой, поскольку в балладе (лирической по своей природе) используются такие же стилистические средства: эпитеты, метафоры, символы, иносказания, уменьшительно-ласкательные суффиксы и образы мифических и фантастических существ. В мышлении бунинской странницы смешались топонимические и мифологические понятия. На уровне текста и подтекста воссоздается колорит славянской культуры, в частности, русской культуры, которой свойственен некоторый дуализм, так сказать, антитетичная гармония мифического и религиозного. Иными словами, на примере странницы Машеньки — героини «Баллады» Бунина — можно проследить, как развивалось народное двоеверие, как постепенно из народного сознания вытеснялось (феномен вытеснения или репрессии) мифологическое и происходило преобразование мифологических понятий в религиозные.

Постепенно рассказ странницы приобретает черты святочного рассказа, где обычно главными действующими героями оказываются святые и угодники Божии. «Ибо Его (Бога) все звери в лесу и скот на тысячи гор...» (Пс. 49). В святочных историях, которые любили сказывать в рождественские дни, темные силы оказываются побежденными промыслом Бога, и нет таких грехов, которые бы не простил Отец Небесный человеку, если только сам человек искренне раскается. В «Балладе» старый князь перед смертью покаялся, принял причастие и умер, как и подобает православному. А волк — зверь Божий — стал «благословенным»³.

¹ Более подробно см.: Юрьева Т.В. Почитание св. Христофора и его отражение в ярославском круге памятников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 338.

² Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 185.

³ О понимании святости образа волка у тюрksких народов см.: Липец Р.С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 120–133.

В этом рассказе, как и в других произведениях цикла «Темные аллеи», тема любви является сквозной. Она органично встраивается в сюжет баллады. Песни, которые приводятся в рассказе и о которых мы упоминали выше, также обращены к теме любви. Бунин, как всегда, мастерски передает природу любви, разные ее состояния¹. Темное, страстное, тварное начало (в образе старого князя), родовое, плотское (отношения отец–сын); жертвенное, животворящее (проводником этой любви в мир людей становится волк, оберегающий молодых), благодатное, очищающее душу (эта любовь даруется Богом через покаяние и веру). Победа животворящей и благодатной, просветляющей любви означает не только символическую победу света над тьмой, добра над злом, но и, в соответствии с требованиями к жанровому канону, является необходимым элементом композиции баллады — завершением действия. В рассказе есть и другие оттенки и грани любви, которые выходят за границы собственно повествования Машеньки и сообщают всему тексту особый, неповторимый, «буинский» колорит. Это любовь к России, к ее православному народу, к ее поруганным и попранным святыням, к «древним временам», о которых так часто в эмиграции вспоминал писатель.

Маленький прозаический шедевр Бунина, «простая выдумка» (как определил произведение сам писатель²) сохраняет свою связь с генетической памятью жанра баллады. То, что М.М. Бахтин называл «жанровым архетипом», в рассказе выявляется спецификой композиционного, ритмического построения, некоторых синтаксических конструкций и стилистических фигур. Кроме того, в тексте «Баллады» репродуцированы образы и мотивы, многие из которых имеют фольклорное начало.

Итак, в небольшом произведении Бунина «Баллада» фольклорное начало раскрывается на уровне текста, поэтики образов, языковой и жанровой организации. К сожалению, многие древние тексты, служившие первоисточником для написания не только этого рассказа, но и других бунинских произведений, до сих пор не выявлены. Также сложность представляет рассмотрение круга чтения писателя. Безусловно, труды Афанасьева, Киреевского Бунин знал, но многое из фольклора писатель записывал сам — то, что слышал от народа, от мужиков Орловской губернии, от странниц. В одном небольшом произведении актуализируются образы, которые можно найти у разных на-

¹ Более подробно о природе любви см.: Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Самопознание: Избранное. М.: РИПОЛ Классик, 2014; Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука–классика, 2007; Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 493–547; Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.

² Мы склонны полагать, что так оно и есть, поскольку до сих пор фольклорные источники, послужившие основой для написания многих бунинских произведений, так и не обнаружены. Более подробно об этом см.: Фольклорные записи <И.А. Бунина> // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 399–418.

родов. Это образы петуха, волка, дома и домашнего очага, хозяина, тигра. Но всякий раз писатель по-новому переосмысливает их, наполняя новым содержанием, соответствующим авторскому замыслу. Многие мифологемы становятся сюжетообразующими, как, например, мифологема волка.

Рассказ «Баллада» является показательным примером богатства содержания и смыслов, которыми обладает поздняя проза писателя, которую еще предстоит исследовать.

Литература

Анучин Д. Гиляки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона: В 86 т.: Т. VIIIА (16) (Германия — Го). СПб., 1893. С. 686–688.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.

Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. Вып. VII: Народная культура и проблемы ее изучения: Материалы научной региональной конференции 2008 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 280 с.

Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Самопознание: Избранное. М.: РИПОЛ Классик, 2014. 530 с.

Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука–классика, 2007. 219 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. 622 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Есикова Н.Д. Жанровая природа рассказов И.А. Бунина «Баллада» и «Ночлег» // Filologos (Елец). Вып. 36 (1). 2018. С. 23–29.

Заусайлов В.А. Село Каменка. История родного села «Здесь Родины моей начало». МОУ СОШ с. Каменка. http://schkamenka.narod.ru/page1_1_1.html [электронный ресурс].

Иван Бунин и архимандрит Киприан Керн: Переписка (1940–1948) / Подгот. текста и примеч. А. Клементьева; вступит. заметка Н. Струве // Вестник Русского христианского движения. 1992. № 164. С. 159–187.

Ксенофонтов И.В. Методические аспекты изучения рассказа И.А. Бунина «Баллада» в школе // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции (20–21 сентября 2018 г.). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. С. 146–148.

Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступит. статья и примеч. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. 286 с.

Лиденкова О.А. Анималистическая символика в европейской литературной балладе // Мова — Літаратура — Культура: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск: Беларускі дзярж. ун-т; РІВШ, 2010. С. 211–215.

Липец Р.С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 120–133.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.

Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

Минералова И.Г. Четыре этюда на заданную тему («Темные аллеи любви в произведении И.А. Бунина») // Писатель & Литературовед. Интернет-альманах / Отв. ред. Ю.И. Минералов и О.Ю. Юрьева. 2009. № 3. <https://www.mineralov.su>

Протоп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.

Русские песни / Сост. проф. И.Н. Розанов. М.: Гослитиздат, 1952. 404 с.

Русский эрос, или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. 448 с.

Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 493–547.

Толкование на Псалтырь, по тексту еврейскому и греческому. В 2 ч. 9-е изд. М.: Синодальная типография, 1903. Ч. 2. 440 с.

Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов / Сост. Л. Озерова. М.: Художественная литература, 1988. 447 с.

Юрьева Т.В. Почитание св. Христофора и его отражение в ярославском круге памятников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 334–339.

References

Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavian na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniiia slavianskikh predanii i verovanii, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov: V 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature. The experience of comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with the mythical tales of other related nations: In 3 vols.]. Moscow, Izd. K. Soldatenkova Publ., 1865–1869. (In Russ.).

Afanas'evskii sbornik: Materialy i issledovaniia. Vyp. VII: Narodnaia kul'tura i problemy ee izucheniiia: Materialy nauchnoi regional'noi konferentsii 2008 g. [Afanasiev collection: Materials and research. Issue. VII: folk culture and problems of its study: Proceedings of the regional scientific conference-2008]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2009, 280 p. (In Russ.).

Anuchin D. Giliaki. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona V 86 t.* [Encyclopedic dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron: In 86 vol.]: T. VIIIA (16) (Germaniiia — Go). Saint Petersburg, 1893, pp. 686–688. (In Russ.).

Berdiaev N.A. *Eros i lichnost': Filosofia pola i liubvi.* [Eros and personality: Philosophy of sex and love]. Saint Petersburg, Azbuka–klassika Publ., 2007, 219 p. (In Russ.).

Berdiaev N.A. *Metafizika pola i liubvi. Samopoznanie: Izbrannoe.* [Metaphysics of sex and love. Self-knowledge: Selected works]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2014, 530 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1993–2000. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.], ed. by A.S. Miasnikova and others. Vol. 9. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 622 p. (In Russ.).

Chudnoe mgnoven'e. Liubovnaia lirika russkikh poetov [A wonderful moment. Love lyrics of Russian poets]. Ed. by L. Ozerova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, 447 p. (In Russ.).

Esikova N.D. *Zhanrovaia priroda rasskazov I.A. Bunina "Ballada" i "Nochleg"* [Genre of Ivan Bunin's stories "Ballad" and "A Night stay"]. *Filologos (Elets)*, Issue 36 (1), 2018, pp. 23–29. (In Russ.).

Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (In Russ.).

Iur'eva T.V. Pochitanie sv. Khristofora i ego otrazhenie v iaroslavskom kruge pamiatnikov [Veneration of St. Christopher and its reflection in the Yaroslavl circle of monuments]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2015, no 6, pp. 334–339. (In Russ.).

Ivan Bunin i arkhimandrit Kiprian Kern: *Perepiska (1940–1948)* [Ivan Bunin and Archimandrite Cyprian Kern: Correspondence (1940–1948)], ed. and comment. by A. Klement'eva, introd. by N. Struve. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*. [Bulletin of the Russian Christian movement], 1992, no 164, pp. 159–187. (In Russ.).

Ksenofontov I.V. Metodicheskie aspekty izucheniiia rasskaza I.A. Bunina "Ballada" v shkole [Methodical aspects of studying the Ivan Bunin's story "Ballad" at school]. *I.A. Bunin: ot veka XX k veku XXI: materialy iubileinoi vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (20–21 sentiabria 2018 g.)*. [Ivan Bunin: from the 20th to the 21st century: proceedings of the anniversary all-Russian (with international participation) scientific conference (20–21 September 2018)]. Elets, Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ., 2018, pp. 146–148. (In Russ.).

Legendy. Predaniia. Byval'shchiny [Legends. Traditions. Byval'shchiny]. Ed. by N.A. Krinichnaia. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 286 p. (In Russ.).

Lidenkova O.A. Animalisticheskai simvolika v evropeiskoi literaturnoi ballade [Animalistic symbolism in the European literary ballad]. *Mova — Litaratura — Kul'tura: materyialy VI Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi*. [Language — Literature — Culture. Proceedings of the VI International scientific conference]. Minsk, Belaruski dzyarzh. un-t Publ., RIVSH Publ., 2010, pp. 211–215. (In Russ.).

Lipets R.S. "Litso volka blagoslovenno..." (Stadial'nye izmeneniiia obraza volka v tiurko-mongol'skom epose i genealogicheskikh skazaniakh) [“The face of the wolf is blessed...” (Stadial changes of the image of wolf in the Turko-Mongolian epics and genealogical tales)]. *Sovetskaia etnografia*. [Soviet ethnography], 1981, no 1, pp. 120–133. (In Russ.).

Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin. In 2 bks. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p. + 551 p. (In Russ.).

Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary encyclopedic dictionary], ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1987, 752 p. (In Russ.).

Mineralova I.G. Chetyre etiuda na zadanniu temu ("Temnye allei liubvi v proze I.A. Bunina") [Four essays on a given topic ("Dark alleys of love in Ivan Bunin's prose")]. *Pisatel' & Literaturoved. Internet-al'manakh* [Writer & Literary Critic. An internet-almanac], ed. by Iu.I. Mineralov i O.Y. Iur'eva, 2009, no 3, Available at: <https://www.mineralov.su> (In Russ.).

Propp V.Ia. *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 326 p. (In Russ.).

Russkie pesni [Russian songs]. Ed. by Prof. I.N. Rozanov. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952, 404 p. (In Russ.).

Russkii eros, ili filosofia liubvi v Rossii [Russian Eros, or the philosophy of love in Russia]. Ed. by V.P. Shestakov. Moscow, Progress Publ., 1991, 448 p. (In Russ.).

Solov'ev V.S. *Smysl liubvi* [The meaning of love]. Solov'ev V.S. *Sochineniia: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 493–547. (In Russ.).

Tolkovanie na Psalym', po tekstu evreiskomu i grecheskomu V 2 ch. 9-e izd. [Interpretation on the Psalter, according to the Hebrew and Greek texts. In 2 parts. 9th edition]. Moscow, Sinodal'naia tipografia Publ., 1903, part 2, 440 p. (In Russ.).

Zausailov V.A. *Selo Kamenka. Istoryia rodnogo sela “Zdes' Rodiny moei nachalo”*. [The Village Of Kamenka. The history of my village. “Here my homeland begins”]. MOU SOSH (school) of Kamenka. Availbale at: http://schkamenka.narod.ru/page1_1_1.html [electronic source]. (In Russ.).

IVAN BUNIN'S "A BALLAD" STORY: COMPOSITION, IMAGERY AND GENRE FEATURES

© 2019, SERGEI MOROZOV, IULIIA MOROZOVA

Abstract: The article gives the history of creation of one of Ivan Bunin's stories, "A Ballad", and defines more accurately its date of creation by the autograph. Also, the story's images and motives are traced to folklore and other sources, the composition and genre features are analyzed as well as ethnographic and toponymic details. The authors try to reconstruct where the action takes place in "A Ballad". The sources for the songs cited in the story are discovered and their place in the story's composition is specified.

Keywords: Ivan Bunin, "A Ballad" story, prose, textology, dating, academic Complete works.

Information about the author: Sergei Morozov, PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russia. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Iuliia Morozova, PhD, Assistant Professor, Department of Philosophy, Bioethics and Humanities, Evdokimov Moscow State Medical Stomatological University. E-mail: ygmorozova@mail.ru

«ПРУСТОВСКИЕ МЕСТА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

© 2019, А.В. ЛУШЕНКОВА ФОСКОЛО

Аннотация: Несмотря на довольно частое обращение исследователей к вопросу о параллелях между творческим наследием И.А. Бунина и Марселя Пруста, остался без должного внимания тот факт, что сам Бунин в личной переписке не только выражает общую мысль о присутствии «прустовских мест» в своем романе «Жизнь Арсеньева. Юность», но и открыто указывает на один из таких фрагментов: «<...> путешествие Арсеньева в Севастополь, “в молодость отца”...¹». Принимая во внимание особенности позиционирования Буниным собственного творчества в контексте современных ему литературных процессов, обращает на себя внимание то, что в данном случае автор сопоставляет свои произведения с творчеством французского писателя-модерниста. Аналогии, которые проявляются между этими великими авторами первой половины XX в. на уровне поэтики, позволяют говорить о вхождении в литературу принципов импрессионизма, а также о глубинных сдвигах на уровне автобиографического нарратива и роли творческой памяти, как о «литературном факте» первой половины XX в.

Ключевые слова: импрессионистический принцип письма, интертекстуальные связи, писатель как читатель, память, автобиографический нарратив

Информация об авторе: Анна Викторовна Лушенкова Фосколо — доктор филологических наук, доцент, Лионский университет им. Жана Мулена. E-mail: anna.lushenkova-foscolo@univ-lyon3.fr

В переписке Ивана Бунина и Петра Бицилли неоднократно идет речь о созвучиях между романом «Жизнь Арсеньева. Юность» и художественной концепцией Марселя Пруста. Иван Бунин первым отмечает, что в его романе есть «немало мест совсем прустовских»². Он подчеркивает, что речь идет не о влиянии, а скорее об опыте неожиданного узнавания в себе черт, свойственных другому писателю. Интерес подобных утверждений со стороны Бунина усиливается тем, что его многочисленные отзывы о Прусте носят противоречи-

¹ Письмо И.А. Бунина П.М. Бицилли, 16 мая 1936 г., Грасс // Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / Публ. Т. Двинягиной и Р. Дэвиса // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. С. 137.

² Мещерский А. Неизвестные письма Бунина // Русская литература. 1961. № 4. С. 154. Помимо этого письменного свидетельства, об использовании этого выражения писателем говорит А. Бахрах: «<...> в другой раз он как-то ошарашил меня словами о том, что в некоторых главах “Жизни Арсеньева” есть, мол, немало мест совсем “прустовских”, хотя это влияние на него Пруста неизвестенному читателю малоприметно». Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville, NJ: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 104.

вый характер¹. Приведем одно из свидетельств, оставшихся в тени. В 1933 г. в интервью писателю и переводчику Марку Семенову Бунин определяет особенности собственного творчества, а затем говорит о французской литературе. Отдавая среди современников бесспорное предпочтение Франсуа Мориаку, Бунин рассказывает, как менялись его предпочтения. Вслед за некоторым охлаждением по отношению к кумирам молодости, Мопассану и Флоберу, которых, как известно, Бунин читал на французском, приходит интерес к Прусту. Бунин выделяет его оригинальность как писателя, одновременно подчеркивая собственные расхождения с ним: «Марсель Пруст привлек меня своей оригинальностью... Но нельзя сказать, чтобы он совершенно покорил меня. Манера его письма оставалась чуждой мне» («Déjà, l'originalité de Marcel Proust me fixa. Cela n'a pas été la plénitude dans l'attraction... Sa manière me restait étrangère»²). Это интервью, последовавшее за вручением Бунину Нобелевской премии по литературе, хронологически предшествует удивленному откровению в переписке с Бицилли: «Когда на что-нибудь мода, я “назло” отвертываюсь от модного. Так было и с Прустом. Только недавно прочел его — и даже испугался: да ведь в “Жизни Арсеньева” (и в “Истоках дней”, и в том начале 2-го тома, что я написал три года тому назад...) немало мест совсем прустовских! Поди доказывай, что я и в глаза не видел Пруста, когда писал и то, и другое!»³. Таким образом, можно сделать вывод, что именно в трехлетний отрезок времени, разделяющий эти два высказывания, Бунин по-настоящему открывает для себя Пруста, хотя первое знакомство происходит раньше, в частности, посредством переводов, выполненных Галиной Кузнецовой⁴. Высказываясь о французском предшественнике с позиции читателя—писателя, автор говорит о собственном творчестве. Высказывания Бунина о собственных произведениях не так часты, чтобы можно было их игнорировать. К тому же, принимая во внимание особенности позиционирования Буниным собственного творчества в контексте современных ему литературных процессов, обращает на себя внимание сам факт того, что автор сопоставляет свои произведения с творчеством французского писателя-модерниста⁵.

¹ Широко известны, в частности, полемические замечания Н.Н. Берберовой в ее не менее полемических мемуарах «Курсив мой». Большинство свидетельств сходятся, однако, на положительной оценке Буниным писательского таланта Пруста. См., напр., письмо Георгия Адамовича Татьяне Николеску: *Николеску Т.Н.* По следам парижской командировки. Из писем Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 361; *Бахрах А. Из разговоров с Буниным // Нева.* 1993. № 8. С. 293–308.

² Ivan Bounine, prix Nobel, nous parle de Guy de Maupassant et de François Mauriac [Entretien d'Ivan Bounine avec Marc Semenoff] // *Le Jour*. 1933. 29 novembre. P. 4.

³ Мещерский А. Неизвестные письма Бунина. С. 154.

⁴ РАЛ. MS 1067/323–326.

⁵ Наряду с положительными оценками творчества Пруста самого по себе, сопоставление с этим писателем звучит как приговор, когда речь идет о В. Набокове, литературном «сопернике»

Неизбежно возникает вопрос: о чём говорит признание Буниным наличия сходных элементов в романе «Жизнь Арсеньева. Юность» с произведениями писателя, «манеру письма» которого незадолго до этого он характеризовал как «чуждую»¹ себе? Ведь «неискушенному читателю»² в первую очередь бросаются в глаза различия их художественной манеры: большая аналитичность стиля Марселя Пруста, глобальность архитектоники его цикла, контрастирующей с художественным подходом Бунина. Это проявляется в частности в том, что Пруст большую часть своей творческой жизни пишет одно многотомное произведение, объединенное цельностью плана, а также вполне последовательной перекличкой его отдельных фрагментов, в то время как Бунин предпочитает пробовать себя в новых жанрах, нежели продолжать развивать исходный замысел «Книги своей жизни». И все же автор, не терпевший сравнений с другими писателями, говорит о созвучности собственного романа именно творчеству Пруста. Вслед за проницательными наблюдениями В.В. Вейдле, блестяще сформулированными в статье «На смерть Бунина»³, вопрос о параллелях между двумя писателями в той или иной мере затрагивался в работах О.Н. Михайлова⁴, А.Д. Михайлова⁵, Л.А. Смирновой⁶, В.Я. Гречнева⁷, С.А. Кривцовой⁸. Отдельно отметим публикации Ю.В. Мальцева⁹ и А.Н. Таганова¹⁰, которые предлагают достаточно аргументированный

Бунина. См. «Современные записки» (т. 63, 64) с первыми главами «Дара» и пометами Бунина: «Пруст! Пруст! И какая дьявольская болтливость! И сколько идиотских, непонятных, косноязычных фраз, периодов!» (РАЛ. MS 1066/10273, 1066/10385; информация любезно предоставлена Т.М. Двинягиной). В этом последнем случае негатив относится в большей степени к роману самого Набокова. Отсылка к Прусту читается как обвинение в отсутствии оригинальности у Набокова и соседствует с негативной оценкой его стиля. Тем выразительнее звучит контраст этой записи в сравнении с положительным пафосом констатации «прустовских черт» в собственном романе; подчеркивается отсутствие влияния как такового, и речь идет именно о созвучности.

¹ Ivan Bounine, prix Nobel, nous parle de Guy de Maupassant et de François Mauriac [Entretien d'Ivan Bounine avec Marc Semenoff] // *Le Jour*. 1933. 29 novembre. P. 4.

² Бахрах А. Бунин в халате: по памяти, по записям. С. 104.

³ Вейдле В.В. На смерть Бунина // Опыты. Нью-Йорк, 1954. № 3. С. 80–93.

⁴ Михайлов О.Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 40.

⁵ Михайлов А.Д. Русская судьба Марселя Пруста // Михайлов А.Д. Поэтика Пруста. М.: Языки славянской культуры. 2012. С. 60–64.

⁶ Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1991.

⁷ Гречнев В.Я. «О Бунине» // Гречнев В.Я. О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, И. Бунин, Г. Иванов и др. СПб.: Соларт, 2009. С. 26–49.

⁸ Кривцова С. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2008.

⁹ Мальцев Ю. Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994.

¹⁰ Таганов А.Н. И. Бунин и М. Пруст: потаенное сродство // Таганов А.Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920–1950-е годы). Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. С. 124–135.

анализ ряда художественных особенностей «Жизни Арсеньева», исходя из сопоставлений с творчеством Пруста. Сравнительный подход использовался и в монографии, посвященной изучению связей поэтики художественного становления и мотива чтения в романах Бунина и Пруста¹. Однако, чтобы ответить на поставленный в статье вопрос, необходимо в первую очередь подчеркнуть, что Бунин не только выражает общую мысль о присутствии «прустовских мест» в «Жизни Арсеньева», но еще и открыто указывает на один из таких фрагментов. В письме Петру Бицилли от 1936 г. автор подтверждает свое намерение однажды написать подробнее о параллелях с Прустом: «Напишу как-н<ибудь> о Прусте. Да вот хоть путешествие Арсеньева в Севастополь, “в молодость отца”...»². Речь идет о фрагменте, повествующем о долгожданном путешествии в город, который связан в восприятии героя с отцовским прошлым. Именно вокруг этого прошлого структурируется образ города, представление о котором начинает формироваться в воображении героя в раннем детстве: семейные рассказы о местах, в которых прошла военная служба отца, способствуют зарождению осознанного восприятия героем своих близких. Этот момент совпадает с пробуждением самосознания Арсеньева и откладывается в памяти наряду с самыми яркими впечатлениями первых лет жизни. Помимо ассоциаций с «отцовской молодостью»³, образ впитывает в себя и элементы других семейных легенд, связанных с Крымом (гибель дяди на Малаховом Кургане). Кроме того, семейная память соединяется с литературной благодаря имплицитным интертекстуальным связям с «Севастопольскими рассказами» Льва Толстого. Наконец, образ вбирает в себя некие общие представления об эпохе Крымской войны, «того особенного времени, что называлось “крепостным” временем»⁴. Эти представления, «смутные»⁵ и расплывчатые по самой своей природе, участвуют в процессе формирования элементов образа, конкретизируемых и, в то же время, отмеченных аурой неопределенности: «какие-то редуты, какие-то штурмы, какие-то солдаты того особого времени <...>»⁶. Действительные средства подчеркивают сложность временной системы координат: «Это был какой-то бесконечно-давний светлый осенний день»⁷. Невозможно определить отдаленность во времени образа, как и нельзя с уверенностью обозначить саму точку отсчета: находится ли она в системе координат фабулы или же сюжета? Идет ли речь об

¹ Lushenkova Foscolo A. Les artistes-lecteurs chez Marcel Proust et Ivan Bounine. Paris: Classiques Garnier, 2017. 404 р.

² Письмо И.А. Бунина П.М. Бицилли, 16 мая 1936 г., Грасс // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II. С. 137.

³ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1966. Т. 6. С. 174.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

отдаленности от точки повествования или от определенного момента бытия героя? Более того, это вполне может быть и определенный момент жизни отца. Возникновение подобной контаминации бытия героя и отца не случайно, учитывая особую природу творческой памяти в концепции Бунина, и, в частности, ее «атавический»¹ характер. Стоит отметить, что наследственность как характерное свойство творческой памяти, не чуждо и концепции Пруста, хотя и не играет в ней той же основополагающей роли. Что касается колебания границ между повествователем и героем, характерного для нарративной ткани «Жизни Арсеньева»², этот аспект сам по себе сближает роман Бунина с романским циклом Пруста «В поисках утраченного времени». В данном конкретном фрагменте эта неоднозначность усиливает неустойчивый характер образа, который поддерживается на синтаксическом уровне посредством повторяющихся неопределенных местоимений, а также предлога со значением неопределенности: «какой-то», «какие-то», «что-то», «вроде». В то же время, воображаемый образ города обладает и вполне конкретными элементами. Приведем полное описание:

«<...> я шел на все — где-то там, вдали, ждала меня отцовская молодость.

Видение этой молодости жило во мне с младенчества. Это был какой-то бесконечно-давний светлый осенний день. В этом дне было что-то очень грустное, но и бесконечно счастливое. Было что-то, что связывалось с моим смутным представлением дней Крымской войны: какие-то редуты, какие-то штурмы, какие-то солдаты того особенного времени, что называлось “крепостным” временем, и смерть на Малаховом кургане дяди Николая Сергеевича, великана и красавца полковника, человека богатого и блестящего, память которого была в нашей семье всегда окружена легендой. А главное — был в этом дне какой-то пустынный и светлый приморский холм, а на этом холме, среди камней, какие-то белые цветы вроде подснежников, что росли на нем только потому, разумеется, что еще в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца:

— А мы, бывало, в Крыму, в это время цветочки рвали в одних мундир-чиках!»³

Романский цикл Пруста содержит ряд примеров формирования образа незнакомого географического места, наиболее ярким среди которых является образ города Бальбек. Но если у Бунина речь идет о реальном городе, то

¹ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. С. 31.

² См. анализ особенностей нарратива романа: Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть 1 // Вестник СПбГУК. 2014. № 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-arsenieva-kak-istoriya-moego-sovremennika-dvizhenie-avtobiograficheskikh-form-povestvovaniya-ot-v-g-korolenko-k-i-a-buninu-chast-1> (дата обращения: 23.11.2018).

³ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 174.

Пруст в данном конкретном примере «создает» вымышленный город, который вбирает в себя черты нескольких курортных городков Нормандии. Зарождение образа города в сознании героя отражено в двух перекликающихся фрагментах цикла: в третьей части первой книги, получившей название «Имена местностей: имя» и в первой части шестого тома, озаглавленного в русском переводе «Беглянка». Представление о городе основывается на впечатлениях, полученных благодаря чтению описания церкви Бальбека в книге об археологии, фиктивно атрибутированной в романе перу Д. Рёскина. Так появляется образ церкви на берегу бушующего моря. Распаляя свое желание увидеть город в реальности, герой расспрашивает о нем у бывавших там знакомых. Однако у Пруста инспирирующую роль выполняют не родственники, транслирующие семейную память, а персонажи, которых объединяет одна основная черта: они обладают творческими задатками, реализовать которые так и не смогли. Речь идет о друзьях семьи героя, Леграндене и Шарле Сване. В отличие от них, главному герою удается избежать опасности стать несостоевшимся писателем. Сван и Легранден являются в этом смысле антимоделями, но также и косвенно вдохновляют его. Рассказывая о Бальбеке, Легранден рисует картину старинного рыбакского городка с древней историей:

«И имя Бальбек, которое называл нам Легранден, запечатлелось в моем сознании как имя городка, расположенного “у мрачных морских берегов, славившихся многочисленными кораблекрушениями и ежегодно в течение шести месяцев окутанных саваном густых туманов и пеной волн”.

“<...> там чувствуется настоящий предел французской, европейской земли, старого мира. И это последняя стоянка рыбаков, похожих на всех рыбаков, живших с начала мира у порога незапамятно древнего царства морских туманов иочных теней”»¹.

Так рождается мечта о прекрасном далеком месте, позволяющем ощутить дыхание древности. Сван, в свою очередь, детально описывает городскую церковь, построенную в XII–XIII вв., и подчеркивает неповторимое сочетание черт романского и готического стиля. Ассоциации с прошедшими столетиями (изначально возникнувшие благодаря упоминаниям Легранденом дикой, неподвластной человеку природы), укрепляются через отсылки к культурному наследию: «<...> эти места, казавшиеся мне до сих пор нт чем иным, как куском незапамятно древней природы, современной великим геологическим эпохам, — места, столь же далекие от истории человечества как Океан или

¹ Пруст М. В сторону Сvana // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1: В сторону Сvana. Под сенью девушек в цвету / Пер. с фр. А. Франковского. М.: Альфа-книга, 2009. С. 322. В оригинале: «Or j'avais retenu le nom de Balbec que nous avait cité Legrandin, comme d'une plage toute proche de "ces côtes funèbres, fameuses par tant de naufrages qu'enveloppent six mois de l'année le linceul des brumes et l'écumé des vagues"» (Proust M. Du côté de chez Swann // Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1987 (Bibliothèque de la Pléiade). Т. I. Р. 377.

Большая Медведица и населенные диким племенем рыбаков, для которого так же, как и для китов, не существовало средневековья, — приобрели в моих глазах еще большую прелесть, когда вдруг представились вплетенными в ряд веков, переживших эпоху романского стиля <...>¹

Разговор со Сваном окончательно закрепляет в представлении героя образ церкви, вырисовывающийся на фоне дикой природы и беснующегося моря. Реализация желания увидеть город сопровождается серией разочарований. Обнаруживается, что церковь отделена от моря значительной дистанцией, что разрушает лелеемый образ здания, подножие которого орошаются брызгами волн. Кроме того, Бальбек встречает героя ярким солнцем и не совпадает с картинкой города «окутанного саваном густых туманов» и пеной морских бурь. Наконец, герою не удается рассмотреть персидских мотивов на фасаде церкви до тех пор, пока ему не помогает это сделать еще один проводник в мир искусства — художник Эльстир. Это на долгое время погружает героя в глубокое разочарование и зарождает в нем сомнение в собственных способностях видеть прекрасное. Если Арсеньев мечтает увидеть «какой-то бесконечно-давний светлый осенний день» и погрузиться в «молодость отца», герой Пруста стремится в Бальбек, как в город, отмеченный вневременностью, оторванностью от хода истории человечества и в то же время «вплетенностью в ряд веков»². Реальное путешествие погружает героев в неизбежный контакт с настоящим. Ослепительно-белые яхты курортного города, наполненного отдыхающими, не дают возможности ощутить готическую атмосферу жизни средневекового рыбацкого города, затерянного во времени. Летний жаркий Севастополь, отстроенный, заполненный разноязычной толпой, не оставляет возможности погрузиться в боевое прошлое отца. Важная деталь, если прямой контакт с городом отбирает такую возможность, то взгляд, обращенный в сторону «Северной стороны, Братской могилы», позволяет сохранить ощущение, что где-то рядом существует это особое временное измерение, в котором хранится «прелест прошлого», в котором вновь переплетается прошлое героя, прошлое повествователя и отцовское прошлое: «Город уже давно-давно жил без них, вновь отстроенный, белый, нарядный и жаркий, с просторными извозчичими колясками под белыми навесами, с караимской и греческой толпой на улицах, осененных светлой зеленью южной акации, с великолепными табачными магазинами, с памят-

¹ Пруст М. В сторону Сvana // Пруст M. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1. С. 322. В оригинале: «Et ces lieux qui jusque-là ne m'avaient semblé être de la nature immémoriale, restée contemporaine des grands phénomènes géologiques — et tout aussi en dehors de l'histoire humaine que l'Océan ou la Grande Ourse, avec ces sauvages pêcheurs pour qui, pas plus que pour les baleines, il n'y eut de Moyen âge — ç'avait été un grand charme pour moi de les voir tout d'un coup entrés dans la série des siècles, ayant connu l'époque romane <...>» (Proust M. Du côté de chez Swann. P. 378).

² Пруст M. В сторону Сvana // Пруст M. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1. С. 322. В оригинале: «série de siècles» (Proust M. Du côté de chez Swann. P. 378).

ником сутулому Нахимову на площади возле лестницы, ведущей к Графской пристани, к зеленой морской воде со стоящими на ней броненосцами. Только там, за этой зеленой водой, было нечто отцовское — то, что называлось Северной стороной, Братской Могилой; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми давно забытого...»¹

Многогранный образ города возрождается в повествовании, пройдя через призму творческой памяти. В романе Пруста с Бальбеком связан опыт реминисценции, а главы, посвященные ему, изобилуют импрессионистическими описаниями, что позволяет говорить о стилистическом импрессионизме. В целом, эстетика импрессионизма характерна для творческого метода Пруста и проявляется как на уровне поэтики (в частности, в использовании метода синтеза при создании персонажей и т.д.), так и в непосредственном вдохновении картинами импрессионистов при работе над некоторыми описательными фрагментами, например, при описании кувшинок в Вивоне². В качестве общего принципа, объединяющего способы проявления импрессионизма в литературе (или «литературного импрессионизма» по выражению самого автора³), можно выделить основополагающую роль субъективного восприятия. Перенос стилистических принципов импрессионизма в сферу литературной поэтики наблюдается и в «Жизни Арсеньева». В этом отношении нельзя не подчеркнуть стилистические аналогии между страницами, посвященными описанию вокзала Севастополя, и серией картин Клода Моне «Вокзал Сен-Лазар» (1877). В романе вокзал представлен не через описание здания как такового, а через воссоздание окружающего его атмосферного эффекта, созданного особенностями воздуха, света, температуры: «Какой роскошный вокзал, весь насквозь нагретый нежным воздухом! Как горячи, как блещут рельсы перед ним! Небо, от зноя даже бледное, серое, но и в этом роскошь, счастье, юг»⁴. Сходным образом в картинах Моне очертания предметов и здания вокзала теряются за утренней дымкой, а в центре внимания художника — воспроизведение сиюминутного визуального впечатления, созданного сложным сочетанием атмосферных условий. В литературе импрессионистический способ письма позволяет воссоздать многомерность впечатления. Вспомним в этой связи замечания Ивана Ильина о языке Бунина, в котором, согласно философу, особенности синтаксического строя подчинены «психологии чувственного восприятия»⁵. В этом

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 177.

² Goujon F. Notes et variantes // Proust M. A la recherche du temps perdu. T. I. P. 1177.

³ Proust M. Les Éblouissements, par la Comtesse de Noailles // Proust M. Essais et articles / Édition établie par Pierre Clarac avec la collaboration d'Yves Sandre. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pleiade), 1971. P. 543. В оригинале: «l'impressionnisme littéraire».

⁴ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 176.

⁵ Ильин И.А. Творчество И.А. Бунина // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6, кн. 1 / Сост. и comment. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 247.

отношении проводимая нами аналогия между Буниным и Прустом, с одной стороны, а также Буниным и художниками-импрессионистами, с другой, напоминает сходство, устанавливаемое Прустом между живописью Эльстира, являющего собой в романе собирательный образ художника-импрессиониста, и художественными принципами маркизы де Севинье: «<...> г-жа де Севинье является великой художницей, принадлежащей к той же семье, что и живописец, которого мне предстояло встретить в Бальбеке и который оказал такое глубокое влияние на мою манеру видеть вещи, — Эльстир. В Бальбеке я отдал себе отчет в том, что она показывает нам вещи тем же самым методом, в порядке наших восприятий, не объясняя нам их предварительно путем причинной связи»¹.

Фрагменты, передающие впечатление от предмета или феномена, не называя или «растушевывая» его — одно из проявлений импрессионистичности прозы Бунина. В качестве иллюстрации процитируем еще одно «прустовское место» в романе: «<...> внезапно очнулся я на какой-то станции — и увидел уже что-то райское: белое летнее утро — тут было уже совсем лето — и что-то очень тесное и сплошь цветущее, росистое и благовонное, какой-то маленький белый вокзал, весь увитый розами, какой-то лесистый обрыв, отвесно поднимающийся над ним, и какие-то густые, тоже цветущие заросли в обрывах с другой стороны <...>»²

Избыточное использование неопределенных и относительных местоимений («что-то», «какой-то», «какие-то») придает пейзажу эскизность. Впечатления находят многомерное выражение, в то время как их источник дается размыто. В романах Пруста схожими чертами обладают пейзажи художника Эльстира, который стремится «изображать вещи не такими, какими они являются с точки зрения нашего знания, но в согласии с теми оптическими иллюзиями, из которых складывается наше первоначальное зрительное восприятие»³.

¹ Пруст М. Под сенью девушек в цвету // В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1. С. 322.

В оригинале: «Mme de Sévigné est une grande artiste de la même famille qu'un peintre que j'allais rencontrer à Balbec et qui eut une influence si profonde sur ma vision des choses, Elstir. Je me rendis compte à Balbec que c'est de la même façon que lui qu'elle nous présente les choses, dans l'ordre de nos perceptions, au lieu de les expliquer d'abord par leur cause» (Proust M. À l'ombre des jeunes filles en fleurs // Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1987 (Bibliothèque de la Pléiade). Т. I. Р. 880).

В продолжении повествования эти особенности письма маркизы де Севинье сравниваются с методом изображения персонажей в романах Достоевского.

² Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Юность. С. 175.

³ Пруст М. Под сенью девушек в цвету // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1. С. 781. В оригинале: «<...> ne pas exposer les choses telles qu'il savait qu'elles étaient, mais selon ces illusions optiques dont notre vision première est faite <...>» (Proust M. À l'ombre des jeunes filles en fleurs // Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1988 (Bibliothèque de la Pléiade). Т. II. Р. 195).

Важность субъективного восприятия, характерного для импрессионизма, проявляется также в том, как оба писателя описывают в своих паратекстах моменты вдохновения: «Я <...> всегда писал “из самого себя”. Нужно, чтобы что-то родилось во мне самом, а если этого нет, я писать не могу. <...> Какое-нибудь отдельное слово, часто самое обыкновенное, какое-нибудь имя пробуждает чувство, из которого и рождается воля к писанию. И тут как-то сразу слышишь тот призывный звук, из которого и рождается все произведение...»¹

Это замечание Бунина перекликается с высказыванием Пруста по поводу генезиса «Любви Свана»: «Малейшие детали были подсказаны моей чувствительностью, <...> я сначала ощутил их внутри себя, не понимая их, и выразить их было мне так же трудно, как если бы они были чем-то столь же непостижимым и не доступным уму как, скажем, музыкальный мотив»².

Восприятие зарождающегося произведения как «музыкального мотива» перекликается с еще одним утверждением Бунина: «Не готовая идея, а только самый общий смысл произведения владеет мною в этот начальный момент — лишь звук его, если можно так выразиться»³.

В 1920 г. Пруст подчеркивает: «Я стремлюсь лишь к одному: прояснить»⁴. «Прояснить», что стоит «за» воображаемым образом, «за» притягательным именем, названием местности, чарующим заголовком книги, а также «за» ощущением восторга от восприятия деталей окружающего мира, а затем и от переживания былого времени в момент всплесков непроизвольной чувственной памяти — двигательная сила многотомного труда Пруста, а также основная пружина повествования. Это проявляется, прежде всего, на уровне композиции: реализация этого устремления на текстуальном уровне является связующей нитью повествования, объединяя первую и заключительную части цикла, что позволяет говорить о романах, составляющих «Поиски утраченного времени», как о едином произведении. Это же стремление мотивирует и импульс движения героя, являясь таким образом мотором, двигателем сюжета. В томе «Под сенью девушки в цвету» повествователь утверждает, что он стремится обнаружить подлинный мир, скрытый под оболочкой ви-

¹ Бунин И.А. Как я пишу // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 374–375.

² Proust M. «Swann expliqué par Proust» // Proust M. *Contre Sainte-Beuve*, précédé de *Pastiches et Mélanges* et suivi de *Essais et articles* / Édition établie par Pierre Clarac avec la collaboration d'Yves Sandre. Paris: Gallimard. 1971 (Bibliothèque de la Pléiade). Р. 559. В оригинале: «<S>es moindres éléments m'ont été fournis par ma sensibilité, <...> je les ai d'abord aperçus au fond de moi-même, sans les comprendre, ayant autant de peine à les convertir en quelque chose d'intelligible que s'ils avaient été aussi étrangers au monde de l'intelligence que, comment dire? un motif musical».

³ Бунин И.А. Как я пишу. С. 375.

⁴ Proust M. Lettre à Jacques Boulanger // Proust M. Correspondance. T. XIX / Texte établi, présenté et annoté par Philip Kolb. Paris: Plon, 1991. Р. 60. В оригинале: «Je ne cherche qu'une chose, c'est à éclaircir». Перевод А.В. Лушенковой Фосколо.

димой действительности. В «Комбре» повествователь воспроизводит мысль Пруста из процитированного выше письма: «Мне следовало бы постараться прояснить, что скрывается за моим восторгом»¹, называя это своим «долгом» (*devoir*)². Именно в честной реализации этого писательского долга Пруст видит нравственный идеал творчества. С этой точки зрения, герой «Поисков» подчеркивает необходимость преобразования ощущений в «аналогичные впечатления разума»³. При этом чувственная составляющая остается центральной в этом процессе: разум подчинен художественному воспроизведению впечатлений. Рождающееся таким образом произведение не является, по выражению Пруста, «продуктом рассудочной деятельности»⁴. Для Бунина этот аспект первостепенен. По его мнению, работа мысли является плодотворной только в том случае, если она подчинена стремлению проникнуть в глубину данных чувственной памяти художника. «Особенно живая и особенно образная (чувственная) Память»⁵ художника, о которой говорит повествователь рассказа «Ночь», отпечатывает впечатления бытия на «несметных, бесконечно малых сокровеннейших пластинках <своего> Я»⁶. Он подчеркивает способность художников к «умствованию», то есть к удивлению «собственному существованию»⁷. Эта черта отличает их от остальных живых существ и людей, погруженных в «блаженный сон жизни»⁸. Таким образом, слияние с «непрестанным течением»⁹ бытия не является достаточным условием, чтобы достигнуть «полноты» жизни. В этом Бунин близок Прусту, который полагает, что жизнь не может быть «прожита в полной мере» при полном отсутствии рефлексии: художник должен подвергнуть осмыслинию свой личный чувственный опыт, чтобы обрести «живую реальность»¹⁰.

¹ Proust M. Du côté de chez Swann. P. 153. (Пер. А.В. Лушенковой Фосколо). В оригинале: «<...> mon devoir eût été <...> de tâcher de voir plus clair dans mon ravissement».

² Proust M. Le Temps retrouvé // Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1989 (Bibliothèque de la Pléiade). Т. IV. Р. 102.

³ Пруст М. Обретенное время / Пер. с фр. А. Смирновой // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2: Содом и Гоморра. Пленница. Беглянка. Обретенное время. М.: Альфа-книга, 2009. С. 1230. В оригинале: «en équivalents d'intelligence» (Proust M. Le Temps retrouvé. Р. 621).

⁴ Proust M. Swann expliqué par Proust // Proust M. Contre Sainte-Beuve, précédé de *Pastiches et Mélanges* et suivi de *Essais et articles*. P. 559. В оригинале: «œuvre de raisonnement».

⁵ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собрание сочинений. М.: Худож. литература, 1966. Т. 5. С. 302.

⁶ Там же. С. 303.

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Там же.

⁹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 153.

¹⁰ Пруст М. Содом и Гоморра / Пер. с фр. А. Федорова и Н. Суриной // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2. С. 1230.

В оригинале: «la réalité vivante» (Proust M. Sodome et Gomorrhe // Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1988 (Bibliothèque de la Pléiade). Т. III. Р. 153).

Безусловно, «истинная жизнь», как утверждает повествователь «Поисков», есть все та же «жизнь, которую проживает ежесекундно каждый человек, а не только лишь художник»¹. Но лишь художник способен прожить ее в полной мере, то есть художественно переработать полученный опыт. В заключительном томе романного цикла «В поисках утраченного времени», озаглавленном «Обретенное время», говоря о способах познания «истинной жизни», повествователь видит такую возможность в литературном творчестве: «Истинная жизнь, наконец-то найденная и проясненная, то есть единственная жизнь, прожитая в полной мере, — это литература»².

Уточнение «жизнь, прожитая в полной мере», вводимое Марселеем Прустом в определение истинной жизни, сближает этот концепт с понятием ««полной» жизни»³, которое фигурирует в романе Ивана Бунина. В концепции Пруста стремление к творческой реализации соответствует попытке «увидеть за материей, за опытом, за словами нечто другое <...>»⁴ и таким образом выявить «качественное различие между способами, с помощью которых нам открывается мир <...>»⁵. Герой «Поисков» определяет свое основное стремление как желание «лучше видеть»⁶. Таким образом, доступ к «полной» жизни связан у обоих писателей с выявлением невидимых, а также мало заметных сторон бытия. В томе «Под сенью девушек в цвету» повествователь утверждает, что он стремится обнаружить подлинный мир, скрытый под оболочкой видимой действительности⁷. В этом смысле Прусту близки идеи Льва Шестова, философа, которого ценил и цитировал и Бунин⁸. Шестов утверждает необходимость выявления художником невидимых сторон бытия: «<...> нужно заботиться не о том, чтобы превращать заметное в незаметное, а о том, чтобы выявлять даже чуть-чуть заметное»⁹. Пруст сходным

¹ Пруст М. Обретенное время // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2. С. 1100. В оригинале: «Cette vie qui, en un sens, habite à chaque instant chez tous les hommes aussi bien que chez l'artiste» (Proust M. Le Temps retrouvé. P. 474).

² Пруст М. Обретенное время // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2. С. 1100. В оригинале: «La vraie vie, la vie enfin découverte et éclaircie, la seule vie par conséquent pleinement vécue, c'est la littérature» (Proust M. Le Temps retrouvé. P. 474).

³ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Юность. С. 116

⁴ Пруст М. Обретенное время // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2. С. 1100. В оригинале: «<...> chercher à apercevoir sous de la matière, sous de l'expérience, sous des mots quelque chose de différent <...>» (Proust M. Le Temps retrouvé. P. 474).

⁵ Там же. В оригинале: «<...> de la différence qualitative qu'il y a dans la façon dont nous apparaît le monde <...>».

⁶ В оригинале: «<...> voir plus clair» (Proust M. Du côté de chez Swann. P. 153). Пер. с фр. А.В. Лушенковой Фосколо.

⁷ Proust M. Le Temps retrouvé. P. 102.

⁸ См.: Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 9. С. 123, 132–133.

⁹ Шестов Л. Соч.: В 2 т. Т. 2: На весах Иова (Странствования по душам). М.: Наука, 1993. С. 168.

образом полагает, что художнику свойственно сопоставлять явления и устанавливать связи между ними. Так, повествователь «Поисков» утверждает: «<...> истина появится лишь тогда, когда писатель, взяв два различных предмета, установит их связь <...>»¹. Этот принцип отражается в самой манере письма французского писателя и, в частности, в ключевом значении для него метафоры и метонимии. Эти тропы, основанные на выявлении оригинальных параллелей между предметами или явлениями, являются одной из основополагающих характеристик его стиля. Согласно Прусту, познание «волшебства сходства»² играет центральную роль в процессе доступа к реальности. Несмотря на то, что комплексные, сложные метафоры, характерные для Пруста, не свойственны Бунину, «чужды» его стилю, однако восприятие феноменов внешнего мира по принципу аналогии тем не менее выступает в «Жизни Арсеньева» как важнейший художественный принцип, проявляющийся, в частности, на уровне эпитетов. В этой связи необходимо отметить, что Бицилли в ответ на замечание Бунина о «прустовских местах» в своем произведении выделяет в качестве параллели «воспоминания “Арсеньева” и прустовского “я” о том, как они учились наблюдать мир и усматривать аналогии между вещами»³. Выделим моменты узнавания подобных неожиданных аналогий, которые становятся для Арсеньева обжигающим, мучительным и вездесущим источником вдохновения: «Низко, с притворным смирением, клонил передо мной густую седую голову нищий, приготовив ковшиком ладонь, когда же ловил и зажимал пятак, взглядал и вдруг поражал: жидкко-бирюзовые глаза застарелого пьяницы и огромный клубничный нос — тройной, состоящий из трех крупных, бугристых и пористых клубник... Ах, как опять мучительно-радостно: тройной клубничный нос!»⁴

Или, наблюдая за лунным небом: «<...> ночь, оказывается, лунная: за мутно идущими зимними тучами мелькает, белеет, светится бледное лицо. Как оно высоко, как чуждо всему! Тучи идут, открывают его, опять заволакивают — ему все равно, нет никакого дела до них! Я до боли держу голову закинутой назад, не свожу с него глаз и все стараюсь понять, когда оно, сияя, вдруг выкапывается из-за туч: какое оно? Белая маска мертвеца? Все изнутри светящееся, но какое? Стеариновое? Да, да, стеариновое! Так и скажу где-нибудь!»⁵

И другие фрагменты такого рода: «Это тоже надо записать — у селедки перламутровые щеки»⁶.

¹ Пруст М. Обретенное время. С. 1094. В оригинале: «La vérité ne commencera qu’au moment où l’écrivain prendra deux objets différents, posera leur rapport» (*Proust M. Le Temps retrouvé*. P. 468).

² Пруст М. Обретенное время. С. 1079. В оригинале: «miracle de l’analogie» (*Proust M. Le Temps retrouvé*. P. 450).

³ Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II. С. 135.

⁴ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 233.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 244.

Или: «Но теперь меня все ранило — чуть не всякое мимолетное впечатление — и, ранив, мгновенно рождало порыв не дать ему, этому впечатлению, пропасть даром, исчезнуть бесследно, — молнию корыстного стремления тотчас же захватить его в свою собственность и что-то извлечь из него. Вот он мелькнул, этот извозчик, и все, чем и как он мелькнул, резко мелькнуло и в моей душе и, оставшись с ней каким-то странным подобием мелькнувшего, как еще долго и тщетно томит ее! <...> вдруг вижу: за стеклянной дверцей кареты, в ее атласной бонбоньерке, сидит, дрожит и так пристально смотрит, точно вот-вот скажет что-нибудь, какая-то премилая собачка, уши у которой совсем как завязанный бант. И опять, точно молния, радость: ах, не забыть — настоящий бант!»¹

В этом отношении стоит подчеркнуть систематичность присутствия в романе эпитетов, соединяющих в себе указание на цвет и отсылку к определенной текстуре. Определения «дымный», «дымчатый», «свинцовый» передают одновременно оттенок и впечатление особой фактурности элементов пейзажа и атмосферы: «яркое небо, кое-где сиявшее острой прозеленою между быстро плывущими дымчато-белыми облаками...»², «дымные, свинцовые, а то и совсем темные облака»³, «дымную морскую синеву, в которой чуть белеет вдали парус»⁴. Аналогичные эпитеты также используются Прустом в описании качественных характеристик атмосферы, света, неба, а также для передачи изменений их восприятия в зависимости от времени суток и погодных условий. Так, в романе «Под сенью девушек в цвету» повествователь фиксирует смену оттенков далекого морского горизонта, прибегая к аналогичному эпитету: «<...> сквозисто-дымчатого, подернутого синевой <...>»⁵. Схожесть подхода при выборе эпитетов становится тем более очевидна, что определение «vaporeux», фигурирующее у Пруста в оригинале, используется и во французском переводе выражений «дымчато-белый» и «дымный» в процитированных выше отрывках романа Бунина, выполненного Клер Ошар: «<...> le ciel brillant, qui étincelait en vives trouées vertes au milieu des rapides processions de blancs nuages vaporeux...»⁶, «<...> le bleu vaporeux de la mer où se devine à peine, au loin, une voile blanche <...>»⁷. Однако схожесть эпитетов в пейзажных описаниях двух авторов показывает не только точки соприкосновения художественного под-

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. С. 231.

² Там же. С. 88.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ В оригинале: «<...> transparent, vaporeux et bleuâtre» (*Proust M. A l'ombre des jeunes filles en fleurs*. P. 33). Пер. А.В. Лушенковой Фосколо.

⁶ *Bounine I. La Vie d'Arséniev: Jeunesse / Traduit du russe et annoté par Claire Hauchard, préface Jacques Catteau. Paris: Bartillat, 1999 («Collection étrangère»).* P. 132.

⁷ Там же. Р. 236.

хода, но и их различия. Особенность письма Пруста, отличающая его стиль от прозы Бунина, — углубление, усложнение аналогий. Эпитеты зачастую становятся составной частью метафоры. Рассмотрим это на примере того же эпитета, «*vaporeux*». Описание морского горизонта в Бальбеке во втором томе романного цикла соотносится с описанием платья Фортуни на герцогине Германтской в пятом томе, «*Пленница*». Помимо объединения в образе «атмосферного» эффекта, производимого оттенком ткани и ее воздушной фактурой («в дымчатом облаке платья из серого крепдешина»¹), Пруст развивает аналогию между туалетом герцогини и эффектом, производимым «серовато-жемчужной дымкой легкого тумана»², и приравнивает туалеты герцогини даже не к произведению искусства, а к столь же непреложным данным реальности, как, например, сочетания погодных данных и элементов пейзажа. Сходным образом, образный элемент описания «свинцовый отблеск грозы» — как таковой, вполне «буинский», у Пруста фигурирует не сам по себе, в описании природы, а как элемент сравнения: «Его сероватая физиономия казалась освещенной свинцовыми отблесками грозы»³.

В заключение подчеркнем, что для Пруста, как и для Бунина, чувственный опыт первичен в отношениях человека с миром. Повествователи «*Поисков*», «*Жизни Арсеньева*», рассказа «*Ночь*» стремятся достичь взаимодействия впечатлений, полученных посредством чувственного опыта и удвоенных благодаря действию памяти, с рефлексией и тем самым проникнуть за пределы, предлагаемые человеку органами его чувств в познании мира. Согласно заключению Мишеля А. Субботника, роман Пруста излагает прохождение пути от получения впечатления к его выражению в литературном творчестве⁴. Для обоих писателей память занимает в этом процессе безусловно важное, но, в то же время, промежуточное положение. Как подчеркивает повествователь рассказа «*Ночь*», частицы «Я» художника могут вновь погаснуть «во тьме <его> существа»⁵, если он не осуществит необходимую работу выражения и сохранения их посредством письма. Герой романного цикла Пруста сходным образом утверждает не-

¹ Proust M. *La Prisonnière* // Proust M. *À la recherche du temps perdu: En IV tomes.* T. III. P. 542. В оригинале: «<...> ennuagée dans la brume d'une robe en crêpe de Chine gris <...>». Пер. А.В. Лушенковой Фосколо.

² Там же. В оригинале: «<...> ouatée en gris perle par un brouillard vaporeux <...>».

³ Пруст М. Пленница / Пер. А. Франковского // Пруст М. В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2. С. 594. В оригинале: «Sa mine grisâtre semblait éclarée par le reflet plombé d'un orage» (*Proust M. La Prisonnière*. P. 730).

⁴ Soubbotnik M.A. «Note sur Schopenhauer et Proust, les moyens de la connaissance et l'acte de création» // Proust et les moyens de la connaissance / Textes réunis par Annick Bouillaguet. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2008. P. 89.

⁵ Бунин И.А. Ночь. С. 304.

обходимость «продумать, то есть извлечь из тьмы то, что <он> почувствовал, превратить знаки в их духовный эквивалент»¹ посредством создания литературного произведения. Этот этап творческой деятельности требует от художника связать воедино способность к ощущениям и к рефлексии. И.П. Карпов выражает аналогичную идею, комментируя поэтику художественного творчества И.А. Бунина: в качестве ее основных составляющих он указывает «впечатлительность» и «интеллектуальную рефлексию»². Сходным образом, анализируя концепцию и поэтику творческого процесса у Пруста, Жан Мийи отмечает взаимодействие рефлексии и впечатлительности в стадии, на которой впечатления воспроизводятся в виде образов, перемещаясь в сферу писания³.

Таким образом, чтобы достичь «полноты» жизни, прожитый опыт должен быть выражен в художественном повествовании, что подразумевает «рефлексивную организацию»⁴ его содержания. Признание субъективного характера этого процесса, основанного на чувственном опыте и обращении к памяти художника, сближает концепцию Бунина и Пруста. Кроме того, аналогии, которые проявляются между этими великими авторами первой половины XX в. на уровне поэтики, позволяют говорить о вхождении в литературу принципов импрессионизма, а также о глубинных сдвигах на уровне автобиографического нарратива и роли в нем творческой памяти как о «литературном факте» эпохи. Очевидно, что именно по причине существования глубоких, хотя и не всегда явных перекличек чтение Пруста вызвало у Бунина эффект удивленного «узнавания» и даже «испуга». Такая реакция писателя дает основание выйти за рамки традиционных споров о влиянии одного автора на другого. Анализ созвучий между столь яркими современниками позволяет не только подчеркнуть глубину оригинальности каждого из них, но и говорить об определенных закономерностях литературного процесса.

Литература

Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville, NJ: Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.

Бахрах А. Из разговоров с Буниным // Нева. 1993. № 8. С. 293–308.

¹ *Пруст М.* Обретенное время. С. 1085. В оригинале: «<...> de penser, c'est-à-dire de faire sortir de la pénombre ce que j'avais senti, de le convertir en un équivalent spirituel» (*Proust M. Le Temps retrouvé*. Р. 457).

² *Карпов И.П.* Проза Ивана Бунина. М.: Флинта–Наука, 1999. С. 90, 97.

³ *Milly J.* La Phrase de Proust: des phrases de Bergotte aux phrases de Vinteuil. Paris: Larousse, 1975 («Collection L»). Р. 45.

⁴ *Bessière J.* Dire le littéraire: points de vue théoriques. Bruxelles: Pierre Mardaga, 1990 («Philosophie et langage»). Р. 139. В оригинале: «une organisation réflexive». Перевод А.В. Лушенковой Фосколо.

- Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Юность // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6: Жизнь Арсеньева. М.: Художественная литература, 1966. 340 с.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9: Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. М.: Художественная литература, 1967. 622 с.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5: Повести и рассказы 1917–1930. М.: Художественная литература, 1966. 543 с.
- Вейдле В.В.* На смерть Бунина // Опыты. Нью-Йорк, 1954. № 3. С. 80–93.
- Гречнев В.Я.* О Бунине // *Гречнев В.Я.* О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, И. Бунин, Г. Иванов и др. СПб.: Соларт, 2009, С. 26–49.
- Ильин И.А.* Творчество И.А. Бунина // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6, кн. 1 / Сост. и comment. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 207–267.
- Карпов И.П.* Проза Ивана Бунина. М.: Флинта–Наука, 1999. 334 с.
- И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 581 с.
- И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 534 с.
- Кривцова С.* Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики. Автореферат дис. канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2008. 23 с.
- Мальцев Ю.* Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с.
- Мещерский А.* Неизвестные письма Бунина // Русская литература. 1961. № 4. С. 152–158.
- Михайлов А.Д.* Русская судьба Марселя Пруста // *Михайлов А.Д.* Поэтика Пруста. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 31–82.
- Михайлов О.Н.* Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 7–56.
- Пономарев Е.Р.* «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть 1 // Вестник СПбГУК. 2014. № 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n-zhizn-arsenieva-kak-istoriya-moego-sovremennika-dvizhenie-avtobiograficheskikh-form-povestvovaniya-ot-v-g-korolenko-k-i-a-buninu-chast-1> (дата обращения: 23.11.2018).
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 1: В сторону Свана. Под сенью девушки в цвету / Пер. с фр. А. Франковского и А. Федорова. М.: Альфа-книга, 2009. 1246 с.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: В 2 т. Т. 2: Содом и Гоморра. Пленница. Беглянка. Обретенное время / Пер. с французского А. Франковского, А. Федорова, Н. Суриной, Н. Любимова, А. Смирновой. М.: Альфа-книга, 2009. 1237 с.
- Сливницкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 268 с.
- Смирнова Л.А.* Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1991. 192 с.
- Таганов А.Н.* И. Бунин и М. Пруст: потаенное сродство // *Таганов А.Н.* Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920–1950-е годы). Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. С. 124–135.
- Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т. 2: На весах Иова (Странствования по душам). М.: Hayka, 1993. 558 с.

Bounine I. La Vie d'Arséniev: Jeunesse. Traduit du russe et annoté par Claire Hauchard, préface Jacques Catteau. Paris: Bartillat, 1999 («Collection étrangère»). 476 p.

Proust M. À la recherche du temps perdu: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1987–1989 («Bibliothèque de la Pléiade»).

Proust M. Correspondance. T. XIX / Texte établi, présenté et annoté par Philip Kolb. Paris: Plon, 1991. 857 p.

Proust M. Essais et articles / Édition établie par Pierre Clarac avec la collaboration d'Yves Sandre. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade), 1971. 499 p.

Bessière J. Dire le littéraire: points de vue théoriques. Bruxelles: Pierre Mardaga, 1990 («Philosophie et langage»). 338 p.

Ivan Bounine, prix Nobel, nous parle de Guy de Maupassant et de François Mauriac [Entretien d'Ivan Bounine avec Marc Semenoff] // *Le Jour*. 1933. 29 novembre. P. 4.

Lushenkova Foscolo A., Les artistes-lecteurs chez Marcel Proust et Ivan Bounine. Paris: Classiques Garnier, 2017. 404 p.

Milly J. La Phrase de Proust: des phrases de Bergotte aux phrases de Vinteuil. Paris: Larousse, 1975 («Collection L»). 223 p.

Soubbotnik M.A. «Note sur Schopenhauer et Proust, les moyens de la connaissance et l'acte de création» // Proust et les moyens de la connaissance / Textes réunis par Annick Bouillaguet. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2008. P. 89.

References

Bakhrakh A. *Bunin v khalate: Po pamiatii, po zapisiam* [Bunin in dressing gown: by memory, by records]. Bayville, NJ, Tovarishchestvo zarubezhnykh pisatelei Publ., 1979, 176 p. (In Russ.)

Bakhrakh A. *Iz razgovorov s Buninym* [From conversations with Bunin]. Neva, 1993, no 8, pp. 293–308. (In Russ.)

Bessière J. Dire le littéraire: points de vue théoriques. Bruxelles, Pierre Mardaga, 1990 («Philosophie et langage»), 338 p.

Bounine I. La Vie d'Arséniev: Jeunesse. Traduit du russe et annoté par Claire Hauchard, préface Jacques Catteau. Paris, Bartillat, 1999 («Collection étrangère»), 476 p.

Bunin I.A. *Sobr. soch. T. 5: Povesti i rasskazy 1917–1930* [Collected Works. In 9 vols. Vol. 5: Novels and stories 1917–1930]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, 543 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 9: Osvobozhdenie Tolstogo. O Chekhove. Izbrannye biograficheskie materialy, vospominaniia, stat'i* [Collected Works. In 9 vols. Vol. 9: Liberation of Tolstoy. About Chekhov. Selected biographical materials, memoirs, articles]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 622 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva: Iunost'* [The Life of Arseniev: Youth]. Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 6: Zhizn' Arsen'eva* [Ivan Bunin. Collected Works. In 9 vols. Vol. 6: The Life of Arseniev]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, 340 p. (In Russ.)

Grechnev V.Ia. “O Bunine” [About Bunin]. Grechnev V.Ia. *O proze i poezii XIX–XX vv.: L. Tolstoi, I. Bunin, G. Ivanov i dr.* [About the prose and poetry of the 19th — 20th centuries: L. Tolstoy, I. Bunin, G. Ivanov, etc.]. Saint Petersburg, Solart Publ., 2009, pp. 26–49. (In Russ.)

- I.A. Bunin: *Novye materialy. Vyp. I.* [Ivan Bunin. New materials. Issue 1]. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, 581 p. (In Russ.)
- I.A. Bunin: *Novye materialy. Vyp. II.* [Ivan Bunin. New materials. Issue 2]. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, 534 p. (In Russ.)
- Il'in I.A. *Tvorchestvo I.A. Bunina* [The works of Ivan Bunin]. Il'in I.A. *Sobr. soch. T. 6, kn. 1* [Collected works. Vol.6, bk. 1]. Ed. by Iu.T. Lisica. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1996, pp. 207–267 (In Russ.)
- Ivan Bounine, prix Nobel, nous parle de Guy de Maupassant et de François Mauriac [Entretien d'Ivan Bounine avec Marc Semenoff]. Le Jour, 1933, 29 novembre, p. 4.
- Karpov I.P. *Proza Ivana Bunina* [Prose of Ivan Bunin]. Moscow, Flinta–Nauka Publ., 1999. 334 p. (In Russ.)
- Krivtsova C. *Lichnost' i tvorchestvo I.A. Bunina v otsenke frantsuzskoi kritiki. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Personality and works of I. Bunin in the evaluation of French criticism. PhD thesis summary]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2008, 23 p. (In Russ.)
- Lushenkova Foscolo A. Les artistes-lecteurs chez Marcel Proust et Ivan Bounine. Paris: Classiques Garnier, 2017, 404 p.
- Mal'tsev Iu. *Ivan Bunin 1870–1953*. Moscow, Frankfurt am Main, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
- Meshcherskii A. *Neizvestnye pis'ma Bunina* [Unknown letters by Bunin]. *Russkaia literatura*, 1961, no 4, pp. 152–158. (In Russ.)
- Mikhailov A.D. *Russkaia sud'ba Marselia Prusta* [Russian fate of Marcel Proust]. Mikhailov A.D. *Poetika Prusta* [Proust's Poetics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. 2012, pp. 31–82. (In Russ.)
- Mikhailov O.N. Put' Bunina-hudozhnika [The way of Bunin-artist]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Bk. 1. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 7–56. (In Russ.)
- Milly J. La Phrase de Proust: des phrases de Bergotte aux phrases de Vinteuil. Paris: Larousse, 1975 («Collection L»), 223 p.
- Ponomarev E.R. “Zhizn’ Arsen’eva” kak istoriia moego sovremennika: dvizhenie avtobiograficheskikh form povestvovaniia ot V.G. Korolenko k I.A. Buninu. Chast’ 1 [“The life of Arseniev” as a story of my contemporary: the movement of autobiographical forms of narration from Korolenko to Bunin. Part 1]. *Vestnik SPbGU*, 2014, no 4 (21), Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-arsenieva-kak-istoriya-moego-sovremennika-dvizhenie-avtobiograficheskikh-form-povestvovaniya-ot-v-g-korolenko-k-i-a-buninu-chast-1> (Accessed on 23.11.2018).
- Proust M. *À la recherche du temps perdu*: En IV tomes. Paris: Gallimard, 1987–1989 («Bibliothèque de la Pléiade»).
- Proust M. *Correspondance*. T. XIX. Texte établi, présenté et annoté par Philip Kolb. Paris: Plon, 1991, 857 p.
- Proust M. *Essais et articles*. Édition établie par Pierre Clarac avec la collaboration d’Yves Sandre. Paris: Gallimard (Bibliotheque de la Pléiade), 1971. 499 p.
- Prust M. *V poiskakh utrachennogo vremeni. V 2 t. T. 1: V storonu Svana. Pod sen'yu devushek v cvetu* [In search of lost time. In 2 vols. Vol. 1: In the direction of the Swan. Under the shadow of young girls in flower]. Transl. by A. Frankovskii and A. Fedorov. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2009, 1246 p. (In Russ.)

Prust M. *V poiskakh utrachennogo vremeni. V 2 t. T. 2: Sodom i Gomorra. Plennitsa. Beglianka. Obretennoe vremia* [In search of lost time. In 2 vols. Vol. 2: Sodom and Gomorrah. Captive. Runaway. Acquired time]. Transl. by A. Frankovskii, A. Fedorov, N. Surina, N. Liubimov, A. Smirnova. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2009. 1237 p. (In Russ.)

Shestov L. *Soch. V 2 t. T. 2: Na vesakh Iova (Stranstvovaniia po dusham)* [Works. In 2 vols. Vol. 2: On the scales of Job. Wandering by souls]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 558 p. (In Russ.)

Slivitskaia O.V. “*Povyshennoe chuvstvo zhizni*”: *Mir Ivana Bunina* [“A heightened sense of life”: Ivan Bunin’s world]. Moscow, RGGU Publ., 2004, 268 p. (In Russ.)

Smirnova L.A. *Ivan Alekseevich Bunin: zhizn’ i tvorchestvo* [Ivan Alekseevich Bunin: life and works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991, 192 p. (In Russ.)

Soubbotnik M.A. «Note sur Schopenhauer et Proust, les moyens de la connaissance et l’acte de création». Proust et les moyens de la connaissance. Textes réunis par Annick Bouillaguet. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2008, p. 89.

Taganov A.N. I. Bunin i M. Prust: potaennoe srodstvo [I. Bunin and M. Proust: a secret affinity]. Taganov A.N. *Marsel’ Prust v russkom literaturnom soznanii (1920–1950-e gody)* [Marcel Proust in the Russian literary consciousness (1920s–1950s)]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2013, pp. 124–135. (In Russ.)

Veidle V.V. Na smert’ Bunina [For the death of Bunin]. *Optyty (N’iu-Iork)*, 1954, no 3, pp. 80–93. (In Russ.)

“PROUSTIAN FRAGMENTS” IN IVAN BUNIN’S WORKS

© 2019, ANNA LUSHENKOVA FOSCOLO

Abstract: Even if the researchers frequently address the issue of parallels between the works of Ivan Bunin and Marcel Proust, they still disregard the fact that Bunin himself in his letters not only admits to a general presence of “Proust moments” in his “The Life of Arseniev” novel, but also explicitly points to one such fragment: “a travel Arseniev took to Sevastopol’, ‘to his father’s youth’.” While taking onto account the specifics of positioning of Bunin’s works in the context of contemporary literary process by Bunin himself, one still notes, that in this particular case the author compares his writings to the works of a great French modernist writer. The similarities between the two great writers of the first half of the 20th century that can be found in the poetics of their works tell about the impressionism being introduced into the literature, about the major shifts in the autobiographical narrative and about the role of creative memory as a fact of literature of the first half of the 20th century.

Keywords: impressionistic writing, intertextuality, writer as a reader, memory, autobiographical narrative.

Information about the author: Anna Lushenkova Foscolo, PhD (Dr.hab.), Assistant Professor, Jean Moulin. Lyon 3. University, MARGE research unit (E. A. 3712). E-mail: anna.lushenkova-foscolo@univ-lyon3.fr

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ НОВЕЛЛЫ «ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ И.А. БУНИНА

© 2019, Е.Ю. ПЕРОВА

Аннотация: Совершенство формы и духовная высота содержания новеллы И.А. Бунина «Холодная осень» позволяют отнести ее к вершинам русской прозы. Композиционно она находится в центре цикла «Темные аллеи», и в ней сходятся многие нити повествования цикла: любовь, трагизм судьбы, величие равнодушной природы, Россия, эмиграция. Нет лишь одной и почти главной для цикла — страсти. И это отсутствие значимо.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Холодная осень», любовь, вера, художественный образ.

Информация об авторе: Екатерина Юрьевна Перова — кандидат культурологии, доцент, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, 119034 Москва, Россия. E-mail: ererova71@list.ru

Совершенство формы и духовная высота содержания новеллы И.А. Бунина «Холодная осень» позволяют отнести ее к вершинам русской прозы. Композиционно она находится в центре цикла «Темные аллеи», и в ней сходятся многие нити повествования цикла: любовь, трагизм судьбы, величие равнодушной природы, Россия, эмиграция. Нет лишь одной и почти главной — страсти. И это отсутствие значимо.

Новелла «Холодная осень» — не только реальная картина, но и развернутая метафора душевного состояния. «Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький шелковый мешочек, — мы знали какой, — и это было трогательно и жутко»¹.

Слова как будто замерли, ими обменивались редко, «ледяные» звезды сверкали «остро» на «черном небе», холод одного острого чувства сковал мысли и движения, «рассеянно» смотрел отец, мама старательно, будто прикована была, зашивала, и приковала к своему занятию взгляды остальных, которые знали, что это за мешочек, и молчали.

Метафора начинает прослеживаться в тексте сопоставлением противоположных по смыслу слов, прямых и контекстуальных: жаркий — холодный, ле-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. С. 367.

дяной; обменивались словами — скрывая мысли; притворная простота — тайные чувства; черный — яркий. Слова можно разделить и поместить в два мира человеческих состояний: холодному миру внешних трудностей и тяжелых обстоятельств противостоят горячая преданность и верность души. Далее образ расширяется, затрагивая глубокие чувства и проблемы человеческой жизни.

Небольшой по времени период из жизни героини написан большим отрывком, а последующая ее судьба рассказана схематично. Дробность времени, быстротечность жизни усиливают напряжение чувств и мыслей. Постоянный взгляд «из времени в вечность», включенность лирического «я» в движение «большого времени» (термин М.М. Бахтина) — особенность художественного приема.

Метафора, прямая или косвенная, стягивает временное и вечное, далекое и близкое. С одной стороны, жизнь после того холодного вечера бесконечна («многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими»¹), но она же — один миг (кстати, именно в связи с творчеством И.А. Бунина в литературоведении говорится о введении слова-понятия «миг»), «ненужный сон», в сравнении с тем холодным вечером («вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер»²).

Интересна графика текста в отрывке с диалогом героев. Короткие, как будто незаконченные реплики, разбитая стихотворная фраза повышают выразительность отдельных слов, их трагическую иронию в контексте будущего повествования.

И.А. Бунин неоднократно помещает в новеллы поэтические отрывки. Однако поэзия выступает не только в стихотворной форме, но и в прозаической. В тексте присутствуют отдельные ритмизированные пассажи: «за обедом он был объявлен моим женихом»³. Слова как бы чеканятся, почти после каждого следует цезура, усиливающая их значимость. Слова объединены общими гласными звуками, «о» и «е». Другой пример: «свадьба наша была отложена до весны»⁴, — может показаться, что этих ассонансов не слышно, но они воздействуют на наше эмоциональное восприятие, не достигая иногда порога сознания. Можно найти и метрические ударения, которые дополнены смысловыми; столкновение разных размеров также усиливает психологизм художественного образа. Г. Кузнецова в дневнике пишет о впечатлении от чтения Буниным своих рассказов: «Как точны, великолепны, несомненны все слова в этих “маленьких рассказах”! Точны, как самые совершенные стихи. Это особенно чувствуется, когда он читает вслух»⁵.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1999. Т. 6. С. 369.

² Там же. С. 371.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же.

⁵ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. С. 177.

И.А. Бунину дано с предельной зрительной ясностью фиксировать детали: «девочка... стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлэн, холеными ручками с серебряными ноготками завертывала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками...»¹. Или: «Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть во весь голос...»². Г. Кузнецова записала слова И.А. Бунина: «Вот так надо, как бы случайно, уметь сказать о какой-нибудь детали, и сказать щедро»³.

В конце «Жизни Арсеньева» можно найти утверждение, что время беспомощно убить подлинные чувства. Мысль о смерти и забвении, которые отступают перед силой любви и обостренным чувством автора и героя к жизни, присутствуют и в новелле «Холодная осень».

Героиня живет то надеждой, то воспоминаниями. Прошлое волнует той неуловимой грустью, которая выходит за рамки определенного быта и заключает в себе вечный мотив расставания с прошлым или соприкосновения с давно ушедшим.

Начало новеллы похоже на письмо к давнему другу или дневник, написанный после раздумий в тоне печальной описательности. Спустя долгое время память крепко держит и бережет далекое дорогое воспоминание, которое бывает единственным. Отсюда — подробность и внимательность к датам: «в июне того года», «пятнадцатого июня», «утром шестнадцатого привезли с почты газеты». Далее временное пространство, разделяющее настоящий момент новеллы и предмет повествования, сокращается, как бы перетекает в то утро того года, в ту столовую и, хотя повествование ведется, как прежде, от лица того же героя, кругом осматривается уже не только герой, но и автор замечает детали обстановки.

Это и дневник И.А. Бунина, его тридцатилетняя жизнь за границей, вдали от Родины, когда «многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым»⁴. Кажется, что это сказано автором и от своего имени.

И.А. Бунин описывал любовь в различных ее состояниях, мог заметить там, где ее еще нет, там, где она едва брезжит и никогда не сбудется. «Холодная осень» в этом отношении — безбурное воспоминание, тихая, ровная любовь и преданность. Она длится и не обрывается. Сюжет новеллы не похож на другие сюжеты цикла: любовь здесь не ослепила героиню. Как буд-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1999. Т. 6. С. 371.

² Там же С. 369.

³ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. 1995. С. 33.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1999. Т. 6. С. 369.

то премудрость этой новеллы является пояснением того, что это может быть добрым продолжением всех «солнечных ударов» любви и «темных аллей» греха.

Поиск ответов на «вечные» вопросы не останавливается с последней фразой новеллы. И для читателя несомненно, что существует ненаписанное продолжение. Новелла заканчивается единственным глаголом будущего времени (все остальные в рассказе употреблены в прошедшем): «Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду»¹. Оборвавшаяся земная любовь кристаллизуется в духовную.

Такое впечатляющее основание новеллы напоминает о памяти прошлого как драгоценных зернах прожитой жизни, и память эта, сохраненная среди невзгод жизни, все-таки тревожит вопросами о смысле бытия и гармоничном участии в нем веры. Корневая религиозность была у И.А. Бунина, хотя одновременно с духовной уверенностью спорил разум.

Вопрос веры — один из главных в творчестве писателя, эта тема присутствует так или иначе всегда. Отношение к религии трудно и противоречиво выражалось в жизни и творчестве И.А. Бунина.

Возможно, что цикл «Темные аллеи», написанный в конце жизненного пути, был своеобразной исповедью, где встретились две могучие темы: любви и веры. И с этой точки зрения можно говорить, как ни парадоксально, о контексте новеллы «Холодная осень» для цикла в целом. В новелле присутствует уверенное спокойствие и гармония, что является редкостью для цикла «Темные аллеи».

И.А. Бунин считал, что в сущности люди мало отличаются друг от друга, и говорил, что каждый человек, он сам, его герой, каждый из нас стремится так или иначе к Богу. И любовь в различных своих проявлениях — попытка и возможность приблизиться к великой тайне, и, несмотря на то, что небесное соседствует с грехом, открыть в своей душе божественное начало.

Литература

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. 656 с.

Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.

References

Bunin I.A. *Sobranie sochinений: V 8 t. T. 6* [Collected Works: In 8 vols. Vol. 6]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1999. 656 p. (In Russ.)

Kuznetsova G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [Grasse diary. Stories. Olive garden]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)

¹ *Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1999. Т. 6. С. 371.*

**POETICS OF THE NOVEL “COLD AUTUMN”
IN THE CONTEXT OF IVAN BUNIN’S WORLDVIEW**

© 2019, EKATERINA PEROVA

Abstract: Perfection of form and spiritual height of the content of Ivan Bunin’s novel “Cold Autumn” bring it to the top of Russian prose. Compositionally, it is located in the center of the “Dark Alley” cycle, and many threads of the cycle narrative converge in it: love, tragedy of fate, greatness of an indifferent nature, Russia, emigration. There is only one missing, easily one of the most important features for the cycle, and that is passion. And this absence is significant.

Keywords: Ivan Bunin, “Cold Autumn”, love, faith, creative image

Information about the author: Ekaterina Perova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka str., 38, bldg. 1, 119034 Moscow, Russia, E-mail: eperova71@list.ru

**ПУТЬ БУНИНА.
ДИНАМИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОСНОВЫ
БУНИНСКОЙ ПОЭТИКИ***

© 2019, Е.Р. ПОНОМАРЕВ

Аннотация: Статья развенчивает Бунинский миф в отечественном литературоведении — сложившееся представление о Бунине как «последнем классике». Автор доказывает, что творчеству Бунина присущ постоянный эксперимент (без стремления теоретизировать на литературные темы). Кроме того, главным свойством бунинской поэтики оказывается постоянная динамика как отдельного текста, так и всего творческого процесса. Автор переносит метафору «путь», использованную Д.Е. Максимовым для анализа творчества Блока, на творчество Бунина, при этом указывая, что путь Бунина, в отличие от пути Блока, — не предмет осмыслиения и хронологизации собственного творчества, а динамика художественной мысли. Любой бунинский текст следует представлять не как сложившееся целое, а как нечто складывающееся и текущее — как процесс, а не результат. По этой причине для плодотворного изучения Бунина синтагматический подход следует заменить парадигматическим.

Ключевые слова: парадигматический подход, литературный путь, путь творчества, Бунин, модернизм, постмодернизм, поэтика, динамика, экспериментальность.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, профессор, ФГБОУВО Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Дворцовая наб., д. 2, 191186, Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: eponomarev@mail.ru

*Работа над статьей совпала с безвременной кончиной
Бориса Валентиновича Аверина.*

Его светлой памяти посвящается эта статья

Наиболее устойчивым мифом об И.А. Бунине стал миф о традиционности, «классичности» его творчества. Этот миф был сформирован в контексте Серебряного века (в котором писатели традиционного склада противостояли сомнительным «модернистам» или, с противоположной точки зрения, модернисты-новаторы противостояли писателям-консерваторам, обращенным к прошлому, а не к будущему), а затем активно поддерживался эмигрантской критикой и самим писателем, которому роль «последнего русского классика» чрезвычайно нравилась. Этот миф окончательно утвердился в формулировке Нобелевского диплома, а затем — по причинам идеологического удобства — поддерживался и в СССР. Сегодня это одностороннее, доставшееся нам по на-

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (№ 17–18–01410).

следству представление о писателе-классике по-прежнему пронизывает большинство литературоведческих работ, мешая глубоко и серьезно изучать наследие И.А. Бунина. Потому что (несмотря на целый ряд традиционных, а иногда и архаичных элементов поэтики Бунина, а также его собственные весьма традиционные представления о писательстве и «словесной живописи») редкий писатель Серебряного века, перешедший в литературу эмиграции, столь часто менял (не резко, но постепенно и последовательно) основополагающие принципы поэтики.

Кроме того, пожалуй, никто из писателей серебряного века, а потом и литературы эмиграции не испытывал такого внутреннего отвращения к устоявшимся жанровым формам и их повторению в собственном творчестве. Например, в 1910 г. Бунин публикует повесть «Деревня» (сильно отличающуюся своей архитектоникой от традиционной повести XIX столетия), принесшую ему долгожданную всероссийскую славу. Любой писатель в этой ситуации попытался бы повторить успех и написать еще одну повесть, похожую на первую тематически и композиционно. Так, собственно, поступали классики: найдя собственную романную форму, И.С. Тургенев или Ф.М. Достоевский создали несколько произведений, сходных по своей архитектонике и отличавшихся композиционно-тематическими нюансами. Бунин не следует этой традиции¹ и никогда больше не вернется к жанровой форме «Деревни» (хотя к теме деревни будет возвращаться постоянно, вплоть до последних лет жизни²), через год он выпустит совершенно иную повесть — «Суходол», закладывающую основы «поэтики воспоминания». Новеллы Бунина 1910-х гг. так или иначе переламывают традиционный механизм новеллы, причем все они существенно различаются по темам и композиционным формам. Называя «Господина из Сан-Франциско» (1915) — одно из самых популярных произведений Бунина — одним из самых «небунинских» (и по идейному замыслу, и по художественному строению), исследователи, безусловно, правы. Но пристальный взгляд на другие бунинские тексты этого периода выявляет целую серию «небунинских» произведений иного толка. «Петлистые уши» (1916) — уникальная в творчестве писателя рецепция Достоевского. В «Чаше жизни» (1913) особая жизненная философия, слегка отдающая чеховским отношением к жизни, отлита в необычную композиционную форму, обусловленную многогеройностью; ничего похожего в последующем творчестве Бунина нет. «Отто Штайн» (1916) — совершенно необычный рассказ,

¹ Классическая традиция в идейном плане связана с общими закономерностями сознания XIX века — с представлениями о постоянстве и неизменности форм человеческой жизни, а также отношений между людьми. Стабильность и прочность литературных форм — явление того же порядка. Модернистская культура приносит мысль о постоянной изменчивости сущностей, явлений, характеров. Отсюда стремление к уникальности каждой литературной формы.

² На это указывают наброски Бунина (РАЛ. MS 1066/589, 602 (1)), которые планируется опубликовать в 2019 г. в первой книге Бунинского тома (Т. 110) «Литературного наследства».

имитирующий травелог, но весь построенный на ожидании новеллистической концовки, которой так и не случится. И даже «Легкое дыхание» (1916) с его сложной (псевдо)новеллистической структурой, предваряющее тематику «Темных аллей», для этого периода творчества, можно сказать, уникально. В эмигрантском творчестве Бунина есть всего один роман («Жизнь Арсеньева»), всего одна житийная биография¹ («Освобождение Толстого»), всего один цикл рассказов («Темные аллеи») и всего один текст эпического масштаба, погружающий псевдодневниковый жанр в политическую публицистику («Окайанные дни»). Произведения, средние по объему, каждый раз предлагают нам единственный в своем роде жанрово-тематический эксперимент: таковы «Митина любовь» и «Дело кornета Елагина». Знаменитые «Краткие рассказы» 1930-х годов, если сравнить их между собой, окажутся очень различны: кроме краткости в них, пожалуй, нет ни одного общего признака. Возвращение к краткому рассказу в последние годы жизни имеет совершенно иной фундамент (это окончательное «растворение новеллы», прошедшее несколько этапов в «Темных аллеях»²); краткий рассказ конца 1940-х — начала 1950-х гг. выводит творчество Бунина за пределы модернистской поэтики и приближает к уже зародившемуся постмодернистскому искусству. Так что, если отрешиться от привычного нам со школьных лет Бунинского мифа, приходится признать, что И.А. Бунин — писатель-экспериментатор, прошедший в своем творчестве от народнических рассказов раннего периода — через модернистскую «импрессионистичность» (по выражению Ю. Айхенвальда), через классико-модернистские и чисто модернистские повествовательные формы Серебряного века, через уникальное соединение классической традиции с усложненной поэтикой позднего модернизма — к постмодернистскому наброску и почти современной документальной прозе.

Здесь уместно вспомнить об идее Пути, прослеженной Д.Е. Максимовым в творчестве другого великого модерниста — А.А. Блока³. Метафора Пути, по мнению Максимова, создает как динамику отдельных стихотворных циклов поэта, так и всех трех книг — трех этапов его творчества. Бунин, в отличие от Блока, не сделал собственный Путь предметом художественной рефлексии (пожалуй, только в «Жизни Арсеньева» есть нечто подобное), но его творческое сознание невозможно воспринимать статически — в духе традиционных историй литературы. Университетская и академическая наука, говоря о писателях-классиках, обычно использует понятия «эволюция творчества», «развитие художественной системы», «жанровая эволюция» и пр. Этот восходящий к XIX столетию эволюционный подход совершенно не применим к Бунину

¹ Подробнее об этом жанре см.: Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

² Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей». Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). С. 186–203.

³ Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1975.

(причем к целому ряду авторов-модернистов он применялся и применяется весьма успешно — в том же творчестве Блока легко прослеживается эволюционная последовательность художественной мысли), поскольку его развитие — не прямая линия, а скачки и переломы, забегания вперед и возвраты в прошлое, постоянные изменения творческого метода при сохранении некоторых общих мировоззренческих установок.

Для плодотворного изучения Бунина синтагматический подход следует заменить парадигматическим. Например, представить творчество писателя как несколько развивающихся параллельно, но в некоторых точках сближающихся линий. Тогда «Деревня» и «Суходол» окажутся вариантами текста об уходящих формах жизни; «Чаша жизни», «Господин из Сан-Франциско», «Петлистые уши», «Отто Штейн» и «Легкое дыхание» будут восприняты как параллельно протекающие эксперименты в области новеллистического повествования; «Окаймленные дни» и рассказы 1920-х гг., близкие документальной манере («Конец», «Книга», «Воды многие» и др.) будут противопоставлены созданным в этот же период философским рассказам-воспоминаниям и рассказам-рецепциям («Косцы», «Преображение», «Неизвестный друг», «Цикады (Ночь)» и др.); «Жизнь Арсеньева» с его возможными продолжениями (пятая книга, позднее получившая заглавие «Лика», наброски шестой и седьмой книг — будут опубликованы в первой книге Бунинского тома «Литературного наследства») развивается параллельно «Темным аллеям» (особенно если увидеть начало «Темных аллей» в рассказах середины — конца 1920-х гг. («Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан»; ряд кратких рассказов)). Иногда роман и цикл рассказов встречаются в общих точках («Поздний час», «На постоялом дворе» — последний рассказ будет опубликован в Бунинском томе «Литературного наследства»). Другой способ представить творчество Бунина парадигматически — это, используя метафорическую игру значений из предисловия А.А. Блока к поэме «Возмездие», наметить некие концентрические круги: круг «Жизни Арсеньева» с альтернативным развитием первой книги (ряд глав кристаллизовался еще в дореволюционном творчестве Бунина в виде отдельных рассказов, которые переделывались и перепечатывались Буниным вплоть до конца 1940-х гг.), отделенной от общего целого «Ликой», безграничными возможностями второго тома и возможным финалом «Позднего часа» (этот рассказ в момент его создания В.Н. Бунина посчитала финалом романа); круг «Темных аллей» с массой альтернативных вариантов: выпадением или, напротив, включением в него тех или иных текстов (существует несколько созданных Буниным «программ», по-разному представляющих содержание книги); круг «Воспоминаний», тоже неоднородный (целый ряд текстов, написанных для «Воспоминаний» не был включен в книгу; после выхода книги Бунин печатал в периодике статьи-продолжения — «К моим воспоминаниям» и др.), включающий в себя также «Освобождение Толстого» и недописанную (практически не написанную) книгу «О Чехове».

«Путь» существует для Бунина не как предмет осмыслиения и хронологизации собственного творчества (так было у Блока), а как постоянный поиск новых жанровых форм и способов выражения новых художественных значений. Реалистические элементы поэтики легко взаимодействуют на этом пути с элементами модернистскими и даже (в последние годы жизни) постмодернистскими. При этом теория литературы и всевозможные «измы», школы и направления Бунину принципиально не интересны; все опыты в области поэтики имеют для него сугубо практическое значение. Показательно, например, что рассказ, построенный на основе ресторанныго меню («Новая шубка») — с современной точки зрения, чисто постмодернистский ход, — вырастает из реалистического по природе своей стремления максимально точно изложить ситуацию и передать сущность взаимоотношений героев.

«Путь» реализуется в творчестве Бунина как динамика художественной мысли. Любой бунинский текст следует представлять не как сложившееся целое, а как нечто складывающееся и текущее — как процесс, а не результат. Текст продолжается в бесконечность, формируя новые и новые значения. Открытый финал «Жизни Арсеньева» (в последнем прижизненном издании 1952 г.) — лучшая иллюстрация этой мысли. Текст Бунина практически «пишет сам себя». И даже смерть писателя не может остановить развитие его творчества: не случайно новые (не печатавшиеся ранее) тексты Бунина продолжали публиковаться в эмигрантской периодике (преимущественно в «Новом журнале») в течение 1950-х — 1960-х — 1970-х — 1980-х гг. За последние годы несколько новых текстов Бунина опубликованы автором настоящей статьи в российских научных изданиях¹. Новый том «Литературного наследства» (его первая книга, выпуск которой планируется в 2019 году) представит читающей публике несколько сот страниц совершенно нового для нее Бунина.

Наброски, в большом количестве сохранившиеся в так называемом «Парижском архиве» писателя (хранится в Русском архиве в Лидсе, Великобритания), демонстрируют, что генетическая основа его творчества (по крайней мере, позднего творчества: «Парижский архив» позволяет уверенно судить о периоде, начинающемся с 1930-х гг.) — краткая запись в несколько слов, содержащая в себе целый веер потенциальных сюжетов. Эта запись может многократно воспроизводиться в разных тетрадях набросков или в записных книжках. При этом может сохраняться весь спектр ее потенциальных значений. А может выделиться (благодаря уточняющей детали) некоторое семантическое русло, направляющее нарратив в определенную сторону. Этот этап развития текста мы называем *начальным текстом*, выделяя при необходимости начальные тексты первого, второго, третьего уровня (больше, как правило, не требуется). В дальнейшем краткая запись начинает разрастаться.

¹ Пономарев Е.Р. Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 3–7; Пономарев Е.Р. Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 318–330.

Она обретает цепочку подробностей, превращаясь либо в эпизод (пока еще оторванный от какого-либо целого), либо в намеченную нарративную канву, еще не имеющую определенного стержня. Этот второй этап мы называем *промежуточным текстом*. Из растущего при переработке промежуточного текста (чаще) или комбинации нескольких промежуточных текстов (значительно реже) возникает на третьем этапе *текст произведения* или *готовый текст*¹. Мы принципиально не называем его «завершенным», потому что представления о завершенном тексте у Бунина нет. Он переделывает и правит текст на протяжении всего процесса подготовки первой (газетной или журнальной) публикации. Затем правит его для первого книжного издания. Затем существенно изменяет от издания к изданию, вплоть до последних лет жизни. Но едва создав последний вариант текста и начертав на нем «Исправлено мною для будущих изданий», Бунин стремится улучшить и его. Таким образом, творческому процессу Бунина прежде всего свойствен динамизм, непрекращающаяся переработка текста.

Кроме того, трансформировав начальный текст в промежуточный и доведя его до готового, Бунин иногда возвращается к уже использованным начальным и промежуточным текстам, чтобы использовать их еще раз. Многократное использование набросков в различных контекстах характерно скорее для современной литературы, чем для писателей-классиков. Классики старались не повторяться, сюжетный повтор казался им проявлением непрофессионализма, отсутствием живого воображения; современные писатели пытаются таким образом освоить многообразие жизни, ее неисповедимые пути. Следовательно, бесконечность развития обретают не только готовые тексты Бунина, но и любой бунинский набросок. Он продолжает сохранять свои неиспользованные возможности, которые — даже если никогда не были использованы автором в готовых текстах — могут быть додуманы и развиты читателем. Сознательный авторский расчет на додумывание читателем оборванных или едва намеченных сюжетов проявляется уже в «Жизни Арсеньева» и широко разворачивается в «Темных аллеях». Если Бунин предполагал (вероятнее всего, предполагал), что сохранившиеся в его архиве наброски когда-либо будут опубликованы, то предполагал и развертывание читателем шлейфа потенциальных сюжетов, содержащихся в каждом из начальных и промежуточных текстов. Динамика и путь бунинских текстов становятся поистине бесконечными, ибо они включают читателя в сотворчество культурных смыслов.

Примечательно, что такой принцип работы характерен не только для художественных текстов Бунина, но для всего им написанного. Точно таким же образом Бунин ведет дневник. Среди сохранившихся дневниковых записей

¹ Подробнее, а также примеры см.: Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям»: Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238; Пономарев Е.Р. [Предисловие к разделу «Наброски】 // Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1 (в печати).

(известно, что некоторые дневники уничтожались писателем в разные годы жизни) есть высказывания двух типов: с одной стороны, предельно краткие, понятные во многом лишь автору (с определенной точки зрения можно употребить слово «зашифрованные») — похожие на начальные тексты набросков; с другой стороны, развернутые записи на один-два-три абзаца, посвященные впечатлениям, испытанным автором в тот или иной день, — похожие на промежуточные тексты. Готовым текстом в данном случае может быть только общий текст дневника. Или текст иного — художественного — произведения, созданного на основе дневника. Как известно, Бунин несколько раз (совершенно по-разному в «Тени птицы» и в «Октябрьских днях») применил этот прием.

Особый случай представляет собой «Автобиографический конспект», созданный Бунином в последние годы жизни для потенциальных биографов (имеется в виду первую очередь Ю.Л. Сазонова, которая пыталась, но не смогла написать биографическую книгу о писателе). Текст этот рассчитан на внешнего читателя, но заполняют его записи, аналогичные дневниковым записям первого типа, — скучая канва: зашифрованные, лишь намеченные события. Без разъяснений самого Бунина понимать этот текст довольно сложно. Случай противоположного рода — книга «Воспоминания», некоторые главы которой («Репин», «Джером Джером») представляют собой развернутую дневниковую запись о конкретном событии, запись второго типа. Так дневник превращается в художественный текст, а жизненный путь Бунина — в литературный Путь.

Не менее интересно, что дневниковые записи (или записи, близкие дневниковым) постоянно мелькают среди набросков художественных текстов: в записных книжках и даже (иногда) в развернутых набросках. Динамизм бунинского творчества проявляется еще и в размытости границ между художественной и нехудожественной прозой. Любой из начальных или промежуточных текстов может теоретически оказаться в готовом беллетристическом тексте, а может — в окологородническом тексте автобиографического характера. Это свойство бунинского наброска было использовано В.Н. Муромцевой-Буниной в работе над «Жизнью Бунина»: целый ряд эпизодов перешел из тетрадей с набросками в биографическую книгу как иллюстрации деревенского детства и сложной юности писателя. Более того, назвав свою книгу «Жизнь Бунина» — в пику всем критикам, кто видел в «Жизни Арсеньева» автобиографический роман, — Вера Николаевна добилась во многом обратного эффекта. Во-первых, получилась книга, адресованная в первую очередь тем, кто уже прочитал «Жизнь Арсеньева», — своего рода метатекстовый эксперимент. Во-вторых, из-под ее пера вышел альтернативный вариант «Жизни Арсеньева» — как бы в продолжение бунинского эксперимента. Роман второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. обрел новую жизнь в 1958 г., отразившись в биографии, написанной вдовой писателя.

Еще сложнее работа В.Н. Муромцевой-Буниной над книгой «О Чехове». Книга, по сути, собрана из начальных и промежуточных текстов, оставшихся от Бунина. Собственно, писательское взаимодействие супругов Буниных началось значительно раньше — в середине 1930-х гг., когда (во многом под воздействием «Жизни Арсеньева») Муромцева-Бунина начала «Беседы с памятью» — собственную беллетризованную автобиографию. В отличие от более поздних «Бесед с памятью», продолжающих «Жизнь Бунина», этот текст до сих пор не опубликован (рукопись и несколько вариантов машинописи хранятся в Русском архиве в Лидсе). На этапе готового текста произведение вычитано и отредактировано Буниным, чему свидетельством правка его собственной рукой поверх одной из машинописных редакций. Можно сказать, что в 1950-е гг. супруги поменялись местами: основу книги заложил Бунин, композиция и всякого рода внешняя отделка принадлежат Муромцевой-Буниной. И здесь, как видим, путь Бунина не останавливается с его смертью. Да и сама фигура автора, в духе раннего постструктурализма, начинает размываться, соприкасаясь с творчеством главного писателя бунинской школы — В.Н. Муромцевой-Буниной¹. Грань между тем, что написано Буниным, и тем, что сделано в этой книге за него и «под него», едва ощутима.

Логичным продолжением этого пути — по загадочной иронии истории — становятся изменения, которые бунинские тексты претерпели в СССР. Из них выбрасывают большие куски, которые составители советских изданий и советские цензоры считают противоречащими советскому духу. Их мелочно правят так, как требуют советские представления о классическом тексте. Редакции, по которым публикуются произведения, выбираются либо случайным образом, либо по принципу максимального соответствия идеологическим нормативам. Бунинские тексты продолжают меняться независимо от авторской воли, но сохраняя принцип динамичности текста. Для советских читателей (то есть абсолютного большинства русскоязычных читателей) основными текстами произведений Бунина становится совсем не те редакции, которые выбрал на эту роль автор. В конце 1980-х гг. (с выходом Собрания сочинений в 6 томах под редакцией Ю.В. Бондарева, О.Н. Михайлова, В.П. Рынкевича) ситуация несколько меняется. Бунинские тексты приближаются к последней авторской воле, но не во всем и не до конца.

Трудно сказать, завершил ли путь бунинских текстов Полное научное собрание сочинений писателя, которое сотрудники ИМЛИ РАН планируют на-

¹ О писателях бунинской школы эмигрантская критика много говорила в 1930-е гг. К этой школе относили, в первую очередь, тех авторов, кто жил с Буниным под одной крышей: В.Н. Муромцеву, как подписывала В.Н. Бунина свои тексты в эмигрантской периодике, Л.Ф. Зурова и Г.Н. Кузнецовой. Нередко в эту школу записывали сблизившихся с Буниным в жизни и литературе других «молодых» (в терминологическом значении первой эмиграции) авторов: Н.Я. Рошина (наст. фамилия Федоров), Андрея Седых (наст. имя Я.М. Цвибак) и др.

чать в ближайшие годы. Потому что принципы подготовки текстов для этого собрания могут быть весьма и весьма разнообразны.

Но только научное издание всего наследия писателя позволит развенчать серию мифов о Бунине, которыми научное сообщество живет более полувека. Публикация практически всех творческих материалов «Парижского архива» (всех набросков, дневников, записных книжек и отдельных записей, проливающих яркий свет на творческий процесс писателя), которая ожидается в новом бунинском томе «Литературного наследства», существенно изменит наше представление о великом писателе, вышедшем из классической русской литературы XIX столетия, но сумевшем стать одной из крупнейших фигур в литературе XX века. Претензии Бунина на роль «современного Пушкина», которые он высказывал то шутливо, то серьезно, начиная с конца 1920-х гг., действительно обоснованы. Как и Пушкин, Бунин сумел поработать во всех художественных системах, которые существовали при его жизни.

Литература

Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1975. 528 с.

Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей». Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). С. 186–203.

Пономарев Е.Р. Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 318–330.

Пономарев Е.Р. Неопубликованный рассказ И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 3–7.

Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям»: Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238.

Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

References

Maksimov D.E. *Poeziia i proza Al. Bloka* [Poetry and prose of Al. Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1975. 528 p. (In Russ.).

Ponomarev E.R. Intertekst “Temnykh allej”. Rastvorenie novelly v pozdnem tvorchestve I.A. Bunina [Intertext of the “Dark alleys”. The dissolution of the novel in the later works of Ivan Bunin]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, no 2 (150), pp. 186–203. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Krug “Temnykh allei”. Neopublikovannyi rasskaz I.A. Bunina [Circle of the “Dark alleys”. An unpublished Ivan Bunin's story]. *Voprosy literatury*, 2015, no 5, pp. 318–330. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Neopublikovannyj rasskaz I.A. Bunina [An unpublished Ivan Bunin's story]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015, no 4 (134), pp. 3–7. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Ot "Zhizni Arsen'eva" k "Temnym allejam": Emigrantskoe tvorchestvo I.A. Bunina v svete poslednikh tekstologicheskikh izyskanii [From "The Life of Arseniev" to the "Dark alleys": Ivan Bunin's emigrant works in the light of the last textual researches]. *Russkaia literatura*, 2017, no 4, pp. 228–238. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Rossiia, rastvorennia v vechnosti. Zhanr zhitiinoi biografii v literature russkoi emigratsii [Russia, dissolved in eternity. The genre of the hagiographical biography in the literature of Russian emigration]. *Voprosy literatury*, 2004, no 1, pp. 84–111. (In Russ.)

IVAN BUNIN'S WAY.

DYNAMICS AND EXPERIMENT AS A BASE FOR BUNIN'S POETICS

© 2019, EVGENII PONOMAREV

Abstract: The article aims to debunk a myth about Bunin common for the Russian literary studies that he was the "last classical writer". The author tries to prove the thesis a Bunin is constantly experimenting within his works, with no intention to make any literary theories. Moreover, the dynamics of both a single text and the whole of his creative process are discovered to be the main feature of Bunin's poetics. The metaphor of a "way", used by D. Maksimov for the works of Blok, is transferred here to the works of Bunin, with a point that such "way" here is not a subject of thinking about one's own creations and putting them into some chronological line, but rather a dynamics of creative thought. Any text by Bunin should be perceived not as a something whole, but as something still in process of being made, not a result. Therefore, an effective way of assessing the works of Bunin should be not syntagmatic, but paradigmatic.

Keywords: paradigmatic approach, literary way, creative way, Ivan Bunin, modernism, postmodernism, poetics, dynamics, experiment.

Information about the author: Evgenii Ponomarev, PhD (Dr.hab.), Professor, Saint Petersburg State University of Culture, Dvortsovaia quai, 2, 191186, Saint Petersburg, Russia; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russia. E-mail: eponomarev@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЯ И.А. БУНИНА: ТЕКСТОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2019, О.А. БЕРДНИКОВА

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы научной интерпретации стихотворений И.А. Бунина в свете существенных текстологических уточнений, сделанных в новейших изданиях и публикациях. Уточнения касаются вопросов датировки, изменения, совпадения или снятия заголовков ряда концептуально значимых поэтических текстов.

Ключевые слова: текстология, научная интерпретация, датировка текста, заголовок, «парные тексты».

Информация об авторе: Ольга Анатольевна Бердникова — доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». E-mail: olberd@mail.ru

В начале XXI в. — в научной и читательской рецепции — поэзия И.А. Бунина по-прежнему остается в «тени» его прозы. Между тем его поэзия — уникальный художественный феномен, который таит в себе вполне ощутимую при попытках научной интерпретации, но трудную в логическом и терминологическом выражении тайну.

Бунин-поэт занимает совершенно особое положение и в поэзии Серебряного века, и в русской поэзии XX в. в целом. И эту особость еще предстоит осмыслить и оценить современным исследователям. При этом необходимо учитывать, что в его художественном мире поэзия и проза имеют свои «векторы» развития.

До революции 1917 г. поэзия и проза сосуществуют в творческом сознании Бунина как равноправные составляющие. Даже в период написания социально значимых, эпических произведений — «Деревни» (1909–1910) и «крестьянских рассказов» (1912–1916), когда Бунин становится известен всей России как писатель, он пишет много стихов и неизменно считает себя, прежде всего, поэтом. Этот «паритет» был нарушен в 1917 г.: в это время Бунин почти не писал собственно художественную прозу (только дневники и небольшие заметки), зато 1917–1922 гг. ознаменованы мощным и последним всплеском поэзии: почти все стихи этих лет — шедевры его лирики. После 1923 г. он очень редко обращается к стихам, но именно с этого времени начинается яркий, разнообразный и плодотворный этап его прозы.

Заметное расхождение Бунина-поэта и Бунина-писателя с точки зрения проблематики точно охарактеризовал архимандрит Кирилл Зайцев: «...Он болел вопросами вечными с большей <...> силой и напряжением, чем когда-нибудь ранее. Однако именно в силу сложности и напряженности религиозных

исканий поэта, всю религиозную проблематику он оставляет за скобками текущей писательской работы, как прозаика¹. Этот фрагмент выделен самим Бунином при чтении книги К. Зайцева на полях чертой, означающей, по-видимому, его согласие с данным утверждением. Действительно, еще в 1900-е гг. в поэзии заметно усилилась религиозная насыщенность, а в 1912–1916-е гг. это проявилось в активизации Библейских и агиографических мотивов, тем и сюжетов Псалтири, народной духовной поэзии.

Вл. Вейдле разграничивал поэзию и прозу в аспекте соотношения в творчестве Бунина реализма и модернизма, рассматривая свойственную прозе писателя «словесную чувственность», которой «он превосходит всех своих предшественников»: «Как поэт он принадлежит девятнадцатому веку, но как прозаик он старший из писателей, открывающих в нашей литературе двадцатый век»². Ему вторит Г. Адамович: на вопрос, «признавала ли эмигрантская литературная молодежь Бунина своим учителем», он отвечает: «Молодежь скорее училась у прежних «модернистов», которых Бунин терпеть не мог. Допускаю, что как прозаик он мог быть учителем. Но *не как поэт* <курсив Г. Адамовича. — О.Б.>. Стихов его молодежь не любила, Бунин это знал и это его огорчало... А сам он был очень высокого мнения о своей поэзии»³.

Между тем, еще современники Бунина именно в поэзии отмечали модернистские тенденции («в меру модернист»⁴, как охарактеризовал его в свое время И. Анненский), и современные ученые, изучающие бунинскую поэзию, идут именно по этому пути. В то же время Бунин осознавал себя и был осознан своими современниками как хранитель и продолжатель русской классической традиции в литературе ХХ в.

В свете этих и других проблемных вопросов изучения творчества Бунина издание двухтомного собрания стихотворений в серии «Новая библиотека поэта» в 2014 г. — долгожданное и научно значимое событие, актуализирующее исследовательский и читательский интерес к его поэзии. При этом выверенные текстологические данные двухтомника не просто уточняют — существенно изменяют представления о многих значимых текстах. Именно поэтому в свете новых текстологических открытий научная интерпретация многих стихотворений нуждается в существенной корректировке.

¹ Зайцев К. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. С. 108.

² Вейдле В.В. На смерть Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 431.

³ По следам парижской командировки: Из писем Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Сологуб / Публ. Татьяны Николеску // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 363.

⁴ Анненский И.Ф. <Рецензия на 1–5 тома сочинений Бунина 1904–1909 гг.> // Иван Бунин: pro et contra. С. 302.

1. Датировка стихотворений

В научных исследованиях большинства ученых стихотворные тексты Бунина цитировались по первым томам 9-томного и 6-томного собраний сочинений, в 1990-е гг. прибавился и первый том 8-томного собрания¹. Во всех этих изданиях содержался комментарий с указанием места и даты первой публикации, давалась информация об изменении заголовков.

В этих изданиях приводилось несколько последних стихотворений И.А. Бунина, ранее датированных 1947–1952 гг. и завершивших его творческий путь: «NEL MEZZO DEL CAMMIN DI NOSTRA VITA» (1947), «Изгнание» (1952) и «Ночь» («Ледяная ночь, мистраль», 1952). Самые существенные текстологические уточнения коснулись именно этих стихотворений.

Уточненная первоначальная датировка стихотворения «NEL MEZZO DEL CAMMIN DI NOSTRA VITA» — 1916 г.² и появление в 1947 г. дантовского заголовка у стихотворения «Абрикосы», под которым оно было опубликовано в 1916 г., позволяет предложить новую трактовку этого текста и по-новому оценить его значимость в творчестве Бунина.

NEL MEZZO DEL CAMMIN DI NOSTRA VITA

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу Божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза...
Таилась хмурая угроза,

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М.: Художественная литература, 1965–1967; Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Сост. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Художественная литература, 1988–1989; Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.

² Об особенной значимости 1916 г. в стихотворном творчестве Бунина точно написал Б.К. Зайцев: «Наивысший расцвет стихов Бунина — 1916 год. Самые сильные, мрачные, полновесные пьесы написаны накануне гибели той России, которая его родила и чью гордость он сейчас составляет... Их общее настроение — трагедия, надвигающаяся туча, — хотя говорят они о самом разном. Среди них есть перлы». См.: Зайцев Б.К. Бунин (Речь на чествовании писателя 26 ноября) // Иван Бунин: Pro et contra. С. 411.

В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На их синеющие кручи...
Дни, вечно памятные мне!¹

7.04. 1916<1944>1947

В этом стихотворении под неброским заглавием «Абрикосы» Бунин, изображая холодное и сырое раннее утро и голубеющий в утреннем тумане цветущий абрикосовый сад в Италии², констатирует: «Так сладок сердцу Божий мир». Но, характеризуя мир, подаривший ему «сладость», он цитирует начальные строки своего стихотворения «Оттепель» («Еще и холоден и сыр», 1901). Это стихотворение известно тем, что в нем Бунин, отвечая на упреки критиков в «описательности», полемично заявляет: «Нет, не пейзаж влечет меня, / Не краски жадный взор подметит, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия»³.

При этом холод и сырость в «Оттепели» характеризуют «февральский воздух», от которого, в предчувствии весны, «молодеет Божий мир». Однако и в итальянском стихотворении, хотя и указан апрель — символический центр весны, фактически, единственный «чистый» и уже теплый весенний месяц — тем более в Италии, снова холод и сырость⁴ (акцентированные и усиленные словом «так»), которые характеризуют уже весь «Божий мир».

Актуализируются и мотивы стихотворения «Русская весна» (1905)⁵: «туманно и тихо в степи» (1905) — «в них голубой стоял туман» (1916), «кон-

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. («Новая Библиотека поэта»). Т. 2. С. 142.

² Первую строку Бунин неоднократно менял: «В помпейский серый день, в апреле...» (с датой 7 апреля 1916 г.), «Дни близ Сорренто, дни в апреле» (в письме Б.К. Зайцеву в 1944 г.). «Дни близ Неаполя, в апреле» — самый поздний вариант в прижизненной публикации в книге «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (1953). См.: Двинягина Т. Две ночи позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах) // Текст и традиция: альманах. Вып. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 120.

³ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 215. Эта полемика была продолжена и после публикации стихотворения Ю. Айхенвальд посчитал его «неудачным комментарием к собственному художественному тексту» и настаивал на приверженности Бунина именно пейзажу. См.: Двинягина Т.М. Примечания // Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 484.

⁴ Вместе с тем, в этих характеристиках можно усмотреть и некоторое влияние «образца» национального образа мира, данного А.С. Пушкиным, у которого «русский холод» дарует человеку любовь к «привычкам бытия». М. Эпштейн справедливо пишет о том, что «единство, воспринятое от Пушкина, сохранилось в масштабе всей национальной литературы». См.: Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 169.

⁵ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 1. С. 291.

ским размокшим навозом / В тумане чернеется шлях» (1905) — «Вдыхая в полусне дурман / Земли разрытой и навоза» (1916). Подобные черты «пейзажа» можно найти и в ряде других стихотворений: «Не видно птиц. Покорно чахнет» («Грибы сошли, но крепко пахнет / В овраге сыростью грибной», 1898), «Апрель» («Туманный серп, неясный полумрак», 1906), «Ландыш» («В голых рощах веял холод», 1917). То есть, «дни близ Неаполя в апреле» воспринимаются поэтом так же, как начало весны в русской степной глухи.

Таким образом, «холод и сырость» — лейтмотивные и индивидуальные приметы бунинского переживания весны, несущего «радость бытия» и ощущение красоты Божьего мира, не случайно и «легкое дыхание» в одноименном рассказе «расселялось...» в «холодном весеннем ветре»¹.

Но концептуально значимой строка о «сладости Божьего мира» становится при ее повторном появлении в стихотворении «Стали дымом, стали выше», написанном уже в катастрофичном 1917 г.:

Стали дымом, стали выше
Облака, — лазурь сквозит
И на шиферные крыши
Голубой водой скользит.

Что с того, что крыши стары
И весенний воздух сыр!
Даже запахом сигары
Снова сладок Божий мир².

27.09.1917

Примечательно, что это стихотворение о весне написано осенью — очень значима здесь датировка стихотворения — 27 сентября 1917 г., перед отъездом из Глотово, с которого начался путь Бунина на чужбину. Это означает, что для Бунина главным становится не изображение и переживание собственно весны, а «чувство весны»³ как радость и счастье земного бытия, которое уже не зависит от «красок» и ощущений весны как времени года. Но не зависит

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1988. Т. 4. С. 98.

² Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 176.

³ В «Октябрьских днях» Бунин пишет: «И весна какая-то октябрьская! Главное — совсем нет чувства весны. Да и на что весна теперь?» (курсив И. Бунина. — О.Б.) См.: Бунин И.А. Октябрьские дни. Статьи. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 48. Показательно, что именно это стихотворение вместе с 15 другими под общим заглавием «Путевая книга» было напечатано в литературном сборнике «Отчизна», изданном в Симферополе в страшном для России 1919 г. См.: Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 761.

оно и от исторического времени, что подтверждается записями¹ в дневниках о происходящем в социальной действительности этих дней, поэтому столь полемично по отношению к революционной эпохе звучат строки о «запахе сигары» и столь выразительно это «снова», заставляющее вспомнить стихотворение «Абрикосы».

«Чувство весны» соотносимо в бунинском мире с той «несрочной весной», о которой поэт напишет в одноименном рассказе уже в 1923 г., в эмиграции, и здесь в самом словосочетании содержится противопоставление сроков весны и отсутствия сроков, ее творческой способности вечного омоложения и обновления бытия и человеческих чувств.

Можно предположить, что именно эта дважды повторенная строка о сладости Божьего мира и вернула Бунина в 1947 г. к «пейзажному» итальянскому стихотворению «Абрикосы». Но лишь спустя тридцать лет он осмысливает 1916 г. как в определенной степени итоговый, как вершину его творчества в России (ведь и в прозе к 1916 г. созданы основные шедевры дореволюционного периода). Так у его старого стихотворения появится новое — единственное иноязычное — заглавие «NEL MEZZO DEL CAMIN DI NOSTRA VITA» («Земную жизнь пройдя до половины» — первая строка «Божественной комедии» Данте)². Однако в контексте идеи Данте об итогах пройденной до половины земной жизни утверждение о «сладости Божьего мира» звучит уже совсем по-иному.

Действительно, писатель почти 30 лет провел вне России, получил Нобелевскую премию, пережил войну, голод в оккупированной Франции. В 77 лет он возвращается к этому стихотворению 1916 г. и дает ему столь значимое и «говорящее» заглавие, чтобы сказать всему миру, что и в конце земной жизни он вновь провозглашает — полемичное уже и по отношению к печальному размышлению Данте об утрате «правого пути», и собственной старости — утверждение: «Так сладок сердцу Божий мир». По сути, эта строка прозвучала в стихотворении с новым заголовком и новой датировкой в третий раз, то есть приобрела новое смысловое наполнение, окончательно закрепив доминанту его мироощущения.

Текстология этого стихотворения, рассмотренного в собственно бунинском «контексте понимания», позволяет предположить, что Бунин словно

¹ В дневниковых записях сентября–октября 1917 г. часто упоминаются погромы в деревнях, устраиваемые пьяными мужиками, угрозы в адрес «буржуев и господ», наглые выходки мужиков, всегда резко пресекаемые Буниным, встречи с мужиками, настроенными враждебно: «Остановят, могут убить». См.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 889–891.

² В письме Б.К. Зайцеву, которому Бунин послал это стихотворение в 1944 г., этого заголовка еще нет. См.: Двинятина Т.М. Примечания // Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 435. Только в последней прижизненной публикации Бунин дал тексту новое заглавие: «Nel mezzo del camin in nostra vita» (в книге «Весной, в Иудее. Роза Иерихона», 1953).

проверял себя, свою способность сохранить «любовь и радость бытия» — в испытаниях революциями, войнами, чужбиной, старостью.

Новое издание стихотворений Бунина позволило по-иному оценить и стихотворение «Испытание», ранее датированное 1952 г. Первоначальная датировка стихотворения (30.01. 1916) — снова 1916 год — и первоначальный заголовок «Райское древо» переводят его в широкий контекст стихотворений 1916 г. и в более узкий контекст стихотворений, написанных 30 января, и эти контексты существенно уточняют смысловую парадигму «Испытания» и во многом объясняют факт возвращения к нему в 1952 г.

Тематика стихотворений 1916 г. чрезвычайно разнообразна, но в количественном отношении заметно выделяются тексты с религиозными, фольклорными и мифологическими мотивами. Стихотворения написаны на библейские и агиографические сюжеты: «Бегство в Египет», «Стой, солнце!», «Псалтирь», «На исходе», «Матфей Прозорливый», «Сон епископа Игнатия Ростовского», «Святой Прокопий»; на сюжеты русских былин, летописей, народных и литературных сказок: «Святогор и Илья», «Князь Всеслав», «Людмила», «Руслан», «Молодой король», «Песня», «Сон», «На помории далеком»; на мифологические сюжеты: «Кадильница», «Цирцея», «У гробницы Виргилия», «Эллада», «Колизей», «Калабрийский пастух», «Аркадия», «Конь Афины-Паллады»», «Помпея». Узкий контекст дает тему мистической, непостижимой силы любовного влечения, завороженности страстью. В день создания стихотворения — 30 января 1916 г. — написаны: «Сон», «Дурман», «Поэтесса», «Цирцея», а несколькими днями раньше «Молодой король», «Заклинание».

Значимость темы первородного греха и испытания для творческого сознания Бунина трудно переоценить, что и определяет особое место и особую значимость этого текста в творческом наследии поэта:

ИСПЫТАНИЕ

В час полуденный, зыбко свиваясь по Древу,
Водит, тянется малой головкой своей,
Ищет трепетным жалом нагую смущенную Еву
Искушающий Змей.
И стройна, высока, с преклоненными взорами Ева,
И к бедру ее круглому гривою ластится Лев,
И в короне Павлин громко кличет с запретного Древа
О блаженном стыде искушаемых дев¹.

30.01. 1916; 1952

На уровне строфики в самых длинных строках выделены и весьма наглядно рифмуются не только в пределах четверостишия, но и внутри всего текста

¹ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 131.

(1, 3, 5, 7 строки) центральные персонажи «картины» — Древо и Ева, таким образом, и визуально, и на уровне рифмы на них падает смысловое и ритмическое ударение. А самая короткая четвертая строка, визуально выделяющаяся в тексте, содержит только два слова — «Искушающий Змей» — главное действующее «лицо» сюжета, причем эта короткая строка получает статус центра восьмистroчного стихотворения.

Кроме того, к стихотворению «Искушение» сам Бунин делает примечание о том, что, «по древним преданиям, в искушении Евы участвовали Лев и Павлин»¹. Зачем понадобились Бунину дополнительные участники того события, с которого, собственно, и началась история человечества, потерявшего рай? На наш взгляд, ответ кроется в пространственном расположении персонажей бунинского стихотворения. Ева оказывается окруженной со всех сторон искуителями: внизу — Лев, вверху — Павлин, а посередине — Змей, поэтому у Евы как бы не остается выбора и грехопадение становится неизбежным. Таким же неизбежным оно будет и для всех «искушаемых дев» во все времена, о чем и возвещает крик Павлина в последней строке стихотворения, по композиционным законам лирического текста несущей обобщающую мысль.

«Блаженныйстыд» есть типичный для творческого сознания Бунина оксюморон, в котором антиномически соединяются осознание греховности человека и вместе с тем признание открывшейся в нем чувственности как источника телесного и душевного наслаждения. Эта аксиологическая двойственность в целом характерна для авторской позиции Бунина.

Обращает на себя внимание и образ полдня², который отличается высокой частотностью в творчестве Бунина и символизирует именно искушающую и всепоглощающую мощь любовного чувства. Это тем более значимо для 1916 г. как времени «половины жизни земной» с доминирующим ощущением «счастья Божьего мира» во всех его проявлениях.

Тем более показательно возвращение к этому тексту в 1952 г., что делает «Искушение» своего рода поэтическим завещанием. Бунин, подводя итог своему жизненному и писательскому пути, определяет одну из главных тем не только своего творчества, но художественного творчества вообще, имеющего истоком вечную драму искушения как зародыш неисчерпаемого числа сюжетов мирового искусства.

Архивные изыскания последних лет, уже после выхода в свет стихотворного двухтомника, перевернули устоявшиеся представления о самом послед-

¹ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 131.

² Вл. Вейдле, используя образность самого писателя, писал по этому поводу: «Творчество Бунина связано в своей тайной глубине с образом сияющего полдня... Торжествуя над обветшанием, над тлением, оно возвращает нам полдень: зрелость, полноту и равновесие всех сил». При этом «дивное и грозное полуденное чувство» осознается Вейдле как «воплощение того духовного опыта, которому в разной мере причастны бываем и все мы...» (Вейдле В.В. На смерть Бунина // Иван Бунин: Pro et contra. С. 430).

нем тексте Бунина — «Ночь». Как известно, Бунин — поэт ночной, «ночь» и производные от этого слова встречаются в заголовках только в его стихотворном творчестве более 40 раз.

Т.М. Двинятина, кропотливо собравшая все дневниковые записи, письма и свидетельства, связанные в историей последнего стихотворения И.А. Бунина, замечает: «Становится ясно, что первые восемь строк своего последнего стихотворения Бунин пишет осенью 1938 года (в один день с неопубликованным при жизни и оставшимся в его бумагах стихотворением “Вечерний Ангел грустным звоном...” и за четыре дня до рассказа “Поздний час”) <...> Последние четыре строки дописывает спустя 14 лет и за год до смерти»¹.

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль².

<15 октября 1938>—1952

Ночь в стихотворениях Бунина всегда является временем Богообщения, постижения тайн мироздания, прикосновением к вечности. Но весьма любопытно сравнение «Ночи» 1901 г. и «Ночи» варианта 1938 г. Морской пейзаж в стихотворении 1901 г. сменяется горным, хотя «бледная сталь Понта» вполне соотносится «с холодом и блеском» дальних гор. Но если в 1901 г. «в подлунной» — только он и она, тайна любви и вечности, то в 1938 г. — только Бог и человек, тайна вечности и жизни, «ненужности и значительности всего земного» («Сосны», 1901).

Воссоздание биографического контекста создания основного текста стихотворения в 1938 г. — очень значимый факт для исследователей бунинского творчества, прояснивший вовсе не случайную «встречу» в 1952 г. двух, на первый взгляд, очень разных стихотворений — «Испытание» и «Ночь». Без-

¹ Двинятина Т. Записи И.А. Бунина 1934–1939 годов: разрозненное и уцелевшее // Текст и традиция: альманах. Вып. 6. Санкт-Петербург: Росток, 2018. С. 156.

² Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 196.

условно, это открытие позволило проследить саму логику творческого процесса: по существу, из маленького стихотворения 1938 г., которое отражало переживания Бунина-поэта по поводу расставания с Г.Н. Кузнецовой, особенно обидного для него в силу известных обстоятельств, получился своего рода реквием. Ведь приписанные в 1952 г. заключительные строки существенно меняют его смысл и общее настроение, внося в это, изначально светлое, стихотворение мотив «мертвой печали». Но «мертвая печаль» переживается как глубоко сокровенное, спрятанное в сердце чувство, ведомое только Богу. Кроме того, поэтический контекст, в частности, соотнесение «Ночи» с написанным же в 1938 г. ядовито-скептическим стихотворением «Ночная прогулка» (вторая дата: 1944 г.) позволяет Т.М. Двинягиной сделать справедливый вывод: «При всем одиночестве и последней печали в “Ночи” есть божественный свет и божественное присутствие»¹.

Безусловно, эти два стихотворения, помеченные автором 1952 г. как второй датой, имеют принципиальную значимость в творчестве Бунина. Для исследователя и читателя две даты под последними стихотворениями поэта со всей очевидностью свидетельствуют о выборе из достаточно обширного стихотворного наследия тех текстов, в которых Бунин стремился подвести итоги своего творческого и жизненного пути. В этом смысле эти итоги и разнонаправлены, и вместе с тем едины. Бунин осмысливает свой финал в аспекте Библейской метаистории — вечного и неисчерпаемого «сюжета» искушения человека земными радостями, «сладостью» земного бытия. В то же время он осознает, что в конечном итоге человека понимает и принимает таким, каким он есть, только Бог.

2. Снятие заглавий

Заголовок как сильная позиция текста призван обозначить смысловую доминанту произведения. Отличительная черта поэтики Бунина — частая смена заголовков в публикациях разных лет, причем это особенно характерно для поэтической составляющей его творчества. Более редким, но тем более значимым является снятие заглавия в поэтическом тексте, при том, что подавляющее большинство стихотворений Бунина озаглавлено.

В изданном в 2014 г. двухтомнике «утратили» свои заголовки и стали именоваться по первой строке два самых социально значимых стихотворения, которые в предыдущих собраниях сочинений были озаглавлены: «Семнадцатый год» (1917)² и «России» (1922)³. Однако снятие заголовков по-разному отразилось на понимании и интерпретации этих двух текстов.

¹ См.: Двинятина Т. Две ночи позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах). С. 128.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 350.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1994. Т. 1. С. 347.

В стихотворении «Наполовину вырубленный лес» («Семнадцатый год») датировка — 27 июня 1917 г. — проясняет общий смысл и основные образы. Это первое стихотворение, написанное Буниным в 1917 г., возможно, этим и обусловлен его первоначальный заголовок: автор хотел подчеркнуть значимость этого года как начала революционной эпохи в России. Уже произошла Февральская революция, и началось, по словам Бунина, «великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека»¹.

В первых строках стихотворения «заалевшие» на вечерней заре «вершины осин» вполне в традициях русской классической поэзии сравниваются с «пожаром» — «далеким озаренные пожаром». Но живущий в дни революционных потрясений лирический герой осознает, что пожар становится реальным событием — называется его точное место и причины: «Пожар! Но где? Опять у нас, — недаром / Вчера был сход». «Опять» указывает на повторяемость этого происшествия, ставшего уже устойчивой приметой новых времен. Но самое главное в этом стихотворении — сравнение бесстрастия природы и страстей человеческих:

<...> И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожий лепет в вышине,
Такой дремотно-сладкий и бесстрастный
К тому, что *там* и что так страшно мне².

27. 06.1917

Лирический герой стихотворения, находящийся «на отлогом косогоре», располагается как бы посередине мироздания: над ним «высокие дрожащие осины», «вершины», «розовая облачность небес», а внизу — «*там*» — историческая жизнь, страшная для героя и онтологически чуждая мирозданию, отсюда и курсив как ее графическое выключение из общего мироустройства.

Все авторские заголовки («Семнадцатый год», «Пожары», «Лето 1917 года»)³ на первый план выдвигали это «*там*», и потому не отражали глубинный смысл стихотворения. Они совсем не вписывались в заголовочный ряд стихотворений 1917 г.: «Змея», «Луна», «Волны», «Эпитафия», «Ландыш», «Свет незакатный», «Восход луны». В бунинском принципе работы с заголовочным комплексом заметно стремление к точности и одновременно метафорической смысловой ёмкости, включающей бытийные, природные, культурологические константы.

Снятие заголовка делает это стихотворение «рядовым», а по его первой строке — «Наполовину вырубленный лес» — вполне отражающим уникаль-

¹ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Бунин И.А. Окаянные дни. Статьи. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 352.

² Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 171.

³ Двинятина Т.М. Примечания // Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 452.

ную бунинскую способность, невзирая на катаклизмы эпохи, сохранять способность слышать «дремотно-сладкий» «лепет» «дрожащих осин»¹.

В стихотворении 1922 г. «О, слез невыплаканных яд!» вместе с заголовком снимается и адресация. Ведь фактор адресации (не «Россия», а «России», в одном из прижизненных изданий еще более определенно — «России Ленина»)² усиливал обличительный пафос авторского голоса. Вместе с тем интонация негодования остается в стихотворении и без адресации и обусловлена жанровой спецификой — поэтическим переложением псалма 136 «На реках Вавилонских...», самого перелагаемого в русской и европейской поэзии³:

О, слез невыплаканных яд!
О тщетной ненависти пламень!
*Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех — и наших мук!*

Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!⁴

22.08.1922

Чрезвычайно важным становится тот факт, что самая узнаваемая, почти точная цитата заключительной строки 136 псалма («Блажен, кто имеет и разбивает младенцы твоя о камень»)⁵, символизирующей ветхозаветный закон мести, в тексте бунинского стихотворения из восьми строк помещается в 3 и 4 строки, а «младенцы» заменяются на «чада». Замена этого слова особенно значима: В.И. Даль указывает на старое русское слово «чадъ», обозначающее «че-

¹ Только одно стихотворение 1917 г. «Мы сели у печки в прихожей» выделяется столь редко-ми у Бунина, можно сказать, блоковскими настроениями: «И в сердце моем так могильно, / Как мерзлое это окно» (Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. 177–178).

² Двинятина Т.М. Примечания // Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 463.

³ Вполне возможно, что напомнить Бунину образы Псалма 136 могли подготовка и издание в 1917 г. книги «У рек Вавилонских. Национально-еврейская лирика в мировой поэзии» (М.: Сафрут, 1917), куда Бунин по просьбе Л.Б. Яффе послал три своих стихотворения на Библейские темы: «Долина Иосафата», «Гробница Рахили», «Иерусалим». См.: Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 738. Впервые на факт переложения Буниным 136 псалма в этом стихотворении указала Н.П. Саблина в статье «Не слышатели забытливы слова, но творцы»: Органическое православие русской поэзии // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 4.

⁴ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 188.

⁵ Псалтирь на церковно-славянском языке с параллельным переводом на русский язык. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. С. 463.

льдь», «дружины», «ополчение», «войны»¹, и это влечет за собой существенное уточнение смысла и обличительного пафоса стихотворения. «Господнее святое мщенье» направлено на новых «воинов» России, то есть той части ее народа, которая оказалась втянутой в «страшную воронку» (М. Цветаева) революции.

Существенно и другое отличие: первая строка бунинского стихотворения противоречит начальной строке 136 псалма: «На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали мы Сион» — «О, слез невыплаканных яд!» (Курсив наш. — О.Б.). «Невыплаканные слезы» в бунинском стихотворении рождают «яд», жгущий душу, отправляющий ее «тщетной» ненавистью, потому что кому мстить? Своему народу? Своей душе? Именно осознание тщетности и бесплодности ненависти по отношению к родине рождает призыв к наказанию, идущему не от «нас», мучающихся, а поэтому мстящих, но от высшего Судии, «мщение» Которого единственно справедливо и свято.

«Сила Божия не в избавлении от бедствий, но в ниспослание бедствий на самих победителей»² — эти слова Святителя Иоанна Златоуста как нельзя более точно характеризуют истинный смысл того «Господнего святого мщения», которое призываются в стихотворении Бунина на «новых чад» Блудницы-России. Вместе с тем венчающее стихотворение единственно возможное справедливое Возмездие становится своеобразным катарсисом, призванным освободить души от «пламени» «тщетной ненависти».

Что изменяется в стихотворении, когда снято столь значимое в русской поэтической традиции заглавие — «России»? Понятен ли адресат стихотворения, его исторический смысл? В целом — да, и это понимание проясняет как раз узнаваемая цитата из псалма, историческая подоплека которого сводится к пленению иудеев, захваченных вавилонянами. Святитель Иоанн Златоуст дает интересный исторический комментарий, позволяющий раскрыть не только глубинный смысл самого Псалма, но и стихотворения Бунина: «Вместе с вавилонянами тогда напали на иудеев и аравитянे, ... которые, несмотря на свое с ними родство, поступали хуже врагов»³. Так имплицитно возникает у Бунина указание на родство двух противостоящих лирических субъектов стихотворения: «Ты, Блудница» (не случайно здесь заглавная буква), в облике которой предстает Россия, изменившая Иерусалиму, то есть своему духовному, христианскому предназначению, и «мы», изгнанные с родной земли, бывшие когда-то частью народного целого.

Однако снятие заголовка, безусловно, редуцирует исторический смысл поэтического переложения псалма: Бунин, возможно, намеренно гасит обли-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание: В 4 т. М.: Русский язык, 1990. Т. IV. С. 580–581.

² Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. С. 508.

³ Там же. С. 507.

чительный пафос, убирает адресацию в заголовке, чтобы этот текст не трактовался как программный, что было бы (и было в научных интерпретациях¹) неизбежно, если бы оставался заголовок «России».

Вместе с тем снятие заголовка актуализирует духовный смысл бунинского поэтического переложения этого знаменитого псалма — обличение пороков, грехов и страстей, которые, как вавилоняне иудеев, захватывают человека в плен, отсюда плач души, духовная борьба, направленная на подавление в зародыше («разбивает младенцев») греховых побуждений.

3. Тексты с одинаковыми заголовками

Выверенные по рукописям и авторским публикациям заголовки бунинских стихотворений позволяют поставить еще одну проблему интерпретации — повторение заголовков в стихотворениях, приведшее к появлению 2–3 (даже 4) стихотворений с одинаковыми заглавиями.

Вот далеко не полный список таких «парных текстов»: «В горах» (1903) — «В горах» (1916) (вариант «На горах», не вошедшее в авторские издания (1901)), «Закат» (1900) — «Закат» (1901) — «Закат» (1903–1904) (вариант «На закате» 1897, не вошедшее), «Змея» (1905) — «Змея» (1917), «Одиночество» (1903–1905) — «Одиночество» (1915), «Ночь» (1901) — «Ночь» (1938, 1952), «Песня» (1905) — «Песня» (1907) — «Песня» (1911) — «Песня» (1916), «Портрет (1903 или 1905) — «Портрет» (1917, 1924, не вошедшее), «Рассвет» (1900) — «Рассвет» (1909) — «Рассвет» (1900, не вошедшее), «Родина» (1896) — «Родине» (1898), «Сон» (1905–1906) — «Сон» (1916), «Степь» (1913) — «Степь» (1916), «Сумерки» (1900) — «Сумерки» (1903), «Эпитафия» (1902) — «Эпитафия» (1917).

Собранные воедино, эти стихотворения наглядно и очевидно обозначают в повторяющихся заголовках ключевые образы творчества Бунина, а сравнительный анализ «парных текстов» позволяет сопоставить переживания и восприятия поэта в разные периоды жизни.

И все-таки остается вопрос: почему Бунин, первоклассный стилист, очень придирчиво относившийся к своим произведениям, в прямом смысле работавший с заголовочным комплексом (неоднократно менял, варьировал заголовки — особенно в стихотворном творчестве), оставил одни и те же заглавия в стихотворениях разных лет?

Выскажем лишь несколько предположений: анализ «парных текстов» позволяет обнаружить, что в одном из них заголовок чаще всего содержит прямое значение слова, в другом — метафорическое. Так, к примеру, «Одиноче-

¹ Бердинкова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...». Творчество И.А. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова, 2009. 272 с.

ство» 1903 г. — о том особом творческом состоянии души, о котором Бунин однажды написал: «Как хороша, как одинока жизнь!». «Одиночество» 1915 г. дает образ-переживание действительного одиночества человека в чужом и чуждом ему мире.

Очень интересна с точки зрения интерпретации текста проблема, связанная с межтекстовыми «отношениями» внутри пары-тройки текстов с одинаковыми заголовками. Конечно, логично предположить развитие мотивов более раннего в позднем, но нередко тексты соотносятся по принципу антиномичности.

Особенно заметна эта тенденция в стихотворениях под заголовком «В горах». Локативная сфера горной местности неизменно предполагает в мире Бунина религиозно-философские размышления и переживания¹. Как и ночь, горы давали возможность остаться наедине с собой и одновременно наедине с миром в его определяющих бытийных координатах, ощутить сочетание «прекрасного и тайного», соединить в одном мгновении все времена, почувствовать реальную связь с вечностью.

Причем, Бунин, как всегда, очень точен в обозначении места пребывания его лирического героя: так, в стихотворении «На горах» (1901) он поднимается в горы, на вершину, находится действительно *на* горах: «Один, в пустынной высоте, / Я чую высших сил томленье»². В обоих стихотворениях «В горах» не описана сама ситуация подъема на высоту, да и самих гор в стихотворениях по сути нет, то есть герой находится в окружении гор, в горной долине, где сходятся горизонталь и вертикаль мироздания. Вот почему, в отличие от ночи, как сугубо временной характеристики, горы дают возможность человеку соединить переживание времени и пространства.

«В горах» 1903 г. — о том, как «Не время в вечность убегает / А нашей жизни бледный сон!», и образ дыма символизирует призрачность и быстротечность человеческой жизни³. Стихотворение «В горах» 1916 г., представленное жанром сонета, становится признанной поэтической декларацией Бунина. Здесь дается его определение поэзии и звучит один из главных философско-эстетических постулатов: «Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»⁴,

¹ В этом отношении исследователи выделяют у Бунина в ранних прозаических лирико-философских рассказах рубежа 1890–1900-х гг. («Перевал», «Святые горы», «Тишина») космогоническую ритуальность мотива восхождения, перемещающего человека в иное, метафизическое пространство–время и духовно–душевное состояние творческого одиночества. См.: Мущенко Е.Г. В поисках первообразности (ранняя проза И.А. Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Квартет, 1995. С. 45–60.

² Бунин И.А. Стихотворения. Т. 1. С. 230.

³ Там же. С. 267.

⁴ Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. С. 139.

а «горький запах дыма» заявляет тему «древнего детства» человечества и преобразуется уже внутри текста в «сладкий аромат» предания.

В стихотворении 1916 г. создается библейский «пейзаж», точно и густо очерненный в первом катрене («дикий скат», «кремнистый дол», овчины стада, «пастушеский костер», «горький запах дыма»), и такое бытийное пространство, как это часто бывает в художественном мире Бунина, преобразует время, соединяя настоящее одновременно с прошлым и вечным. Кроме того, настоящее время лирического героя вбирает в себя не только прошлое, но и одновременно (с позиции «пращура», наследие которого он воспринял), будущее.

Утверждение «Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» является разъяснением того, почему поэзия в «наследстве», которое делает человека поэтом и которое поэт воспринимает от «пращура», в свою очередь, воспринявшего ее в «древнем детстве». При этом «древнее детство» в контексте творчества Бунина означает «потерянный» человечеством «рай», поскольку отсутствие времени означает и отсутствие смерти, то есть действительно райское состояние мира, «почувствовать» которое призван поэт, способный вспомнить и ощутить в себе Адама.

Проблема «парных текстов» оставляет широкий простор для исследователей и еще ждет своего интерпретатора, как и другие текстологические открытия двухтомного собрания стихотворений Бунина.

Литература

Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...». Творчество И.А. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова, 2009. 272 с.

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.

Бунин И.А. Окаянные дни. Статьи. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. 414 с.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014 («Новая Библиотека поэта»).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание: В 4 т. М.: Русский язык, 1990.

Двинягина Т.М. Две ночи позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах) // Текст и традиция: альманах. Вып. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 114–129.

Двинягина Т.М. Записи И.А. Бунина 1934–1939 годов: разрозненное и уцелевшее // Текст и традиция: альманах. Вып. 6. СПб.: Росток, 2018. С. 155–172.

Зайцев Б.К. Бунин (Речь на чествовании писателя 26 ноября) // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 409–411.

Зайцев К. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 267 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с

Иван Бунин: *Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология*. СПб.: РХГИ, 2001. 1015 с.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Мущенко Е.Г. В поисках первоначальности (ранняя проза И.А. Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Квартал, 1995. С. 45–60.

Псалтирь на церковно-славянском языке с параллельным переводом на русский язык. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. 659 с.

Саблина Н.П. «Не слышатели забытымы слова, но творцы»: Органическое православие русской поэзии // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 3–25.

Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. 640 с.

Энштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

References

Berdnikova O.A. “*Tak sladok serdtsu Bozhii mir...*”. *Tvorchestvo I.A. Bunina v kontekste khristianskoi duchovnoi traditsii* [“So sweet is for the heart the world of God...”]. Works of Ivan Bunin in the context of Christian spiritual tradition]. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaia tipografia-izdatel’stvo im. E.A. Bolkhovitinova Publ., 2009, 272 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Pis’ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919], ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 832 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Okaianne dni. Stat’i. Vospominania* [Cursed days. Articles. Memoirs]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990, 414 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Stikhotvoreniia. V 2 t.* [Poems. In 2 vols.]. Ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izdatel’stvo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2014 (“Novaia Biblioteka poeta”). (In Russ.).

Dal’ V.I. *Tolkoyyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka. Reprintnoe izdanie: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the live great Russian language. Reprinted edition. In 4 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1990. (In Russ.).

Dviniatina T.M. Dve nochи pozdnego I. Bunina (eshche raz o poslednikh stikhakh) [Two nights in the late life of Ivan Bunin (once more on his last poems)]. *Tekst i traditsiia: al’manakh* [Text and tradition. An Almanach], issue 4, Saint Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 114–129. (In Russ.).

Dviniatina T.M. Zapisи I.A. Bunina 1934–1939 godov: razroznennoe i ucelevshee [I.A. Bunin’s notes 1934–1939: isolated and survived]. *Tekst i traditsiia: al’manakh* [Text and tradition. An Almanach], issue 6, Saint Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp. 155–172. (In Russ.).

Zaitsev B.K. Bunin (Rech’ na chestovaniy pisatelia 26 noiabria) [Bunin (Speech at the celebration of the writer on November 26th]. *Ivan Bunin: Pro et contra. Lichnost’ i*

tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologija [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp.409–411. (In Russ.).

Zaitsev K. *I.A. Bunin. Zhizn' i tvorchestvo* [Ivan Bunin. Life and works]. Berlin, Parabola Publ., 1934. 267 p. (In Russ.).

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. I. [Ivan Bunin. New materials. Issue 1]. ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, 584 p. (In Russ.).

Ivan Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologija [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, 1015 p. (In Russ.).

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 2 (1910–1919) [A chronicle of the life and works of Ivan Bunin. Vol. 2 (1910–1919)], ed. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, 1184 p. (In Russ.).

Mushchenko E.G. V poiskakh pervoreal'nosti (ranniaia proza I.A. Bunina) [In search of primary reality (early prose of Ivan Bunin)] *Tsarstvennaia svoboda. O tvorchestve I.A. Bunina. Mezhvuz. sb. nauch. trudov.* [Royal freedom. On works of Ivan Bunin. Interuniversity collection of academic works]. Voronezh, Kvarta Publ., 1995, pp. 45–60. (In Russ.).

Psaltir' na tserkovno-slavianskom iazyke s parallel'nym perevodom na russkii iazyk [Psalter in Church Slavonic with parallel translation into Russian]. Moscow, Pravoslavnii Sviato-Tikhonovskii bogoslovskii institut Publ., 2003, 659 p. (In Russ.).

Sablina N.P. “Ne slyshateli zabytliiv slova, no tvortsy”: Organicheskoe pravoslavie russkoi poezii [“Not hearers forget words, but creators”: Organic Orthodoxy of Russian poetry]. *Khrustianstvo i russkaia literatura. Sb. 3* [Christianity and Russian literature. Coll. 3]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 3–25. (In Russ.).

Svyatitel' Ioann Zlatoust. Besedy na psalmy [St. John Chrysostom. The conversation on the Psalms]. Moscow, Pravoslavnii Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2005, 640 p. (In Russ.).

Ehpshtejn M. “*Priroda, mir, tainik vselennoi*”. *Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [“The Nature, the world, the secret of the univers”. A system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990, 303 p. (In Russ.).

IVAN BUNIN'S POEMS: TEXTOLOGY AND INTERPRETATION

© 2019, OLGA BERDNIKOVA

Abstract: The article deals with the actual problems of academic interpretation of Ivan Bunin's poems taking into account recent textological finds published in various editions and articles. Among them are problems of date and changes in the texts, including taking down a number of headings for conceptual poetic texts.

Keywords: textology, scientific interpretation, dating the text, heading, “double texts”.

Information about the author: Olga Berdnikova, PhD (Dr.hab.), Professor, Voronezh State University, E-mail: olberd@mail.ru

СБОРНИК И.А. БУНИНА «ИЗБРАННЫЕ СТИХИ» 1929 ГОДА: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ*

© 2019, Е.В. КУЗНЕЦОВА

Аннотация: В статье проводится структурно-композиционный, стилистический и семантический анализ итогового авторского собрания стихотворений И.А. Бунина «Избранные стихи». Выделяются сквозные темы (Россия, Бог, жизнь, смерть, память, культура, история, творчество и др.), мотивы и образы (море, звезды, олень и др.), рассматриваются особенности реализации авторского «Я». На основании ряда характерных черт доказывается предположение о влиянии сборника Е.А. Баратынского «Сумерки» на состав, композицию и стилистику сборника Бунина, а также гипотеза о том, что перед нами не просто выборка разрозненных избранных произведений, а сложное целое с внутренним сюжетом, проблематикой и завершенностью.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Е.А. Баратынский, Русское Зарубежье, книга стихов, художественная целостность.

Информация об авторе: Екатерина Валентиновна Кузнецова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069, Москва, Россия. E-mail: katkuz1@mail.ru

В 1929 г. в издательстве «Современные записки» вышел итоговой сборник И.А. Бунина «Избранные стихи». Его составили двести лучших, по мнению автора, стихотворений, созданных за двадцать пять лет, с 1900 по 1925 гг. Позднее Бунин, действительно, практически отошел от поэзии и до своей смерти написал буквально единичные произведения. По словам Галины Кузнецовой, музы и вдохновительницы писателя, она принимала участие в отборе текстов, хотя конечно, основным составителем был сам автор¹.

Этому сборнику Иван Алексеевич придавал исключительно важное, итоговое для своей поэтической деятельности значение. «Избранные стихи» не прошли незамеченными. Положительные, даже восторженные рецензии поместили все крупные эмигрантские издания. Хотя были и отрицательные отклики². Между В. Сириным (Набоковым), с одной стороны и А. Эйснером и В. Лебедевым, с другой, которым сборник не понравился, развернулась эмо-

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410).

¹ «И.А. дал мне пачку своих стихов для того, чтобы я отобрала их для книги, которую он хочет давно издать» (Кузнецова Г.Н. Грасский дневник // Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. М.: Грифон, 2006. С. 420).

² См.: Двинятина Т.М. Модернисты против академика: «Избранные стихи» И.А. Бунина в критике русской диаспоры // Русская литература. 2005. № 1. С. 53–66.

циональная полемика¹. Но Бунин был глубоко разочарован и до конца своих дней считал, что его книгу не оценили². Такое мнение сложилось у него, видимо, по некоторым причинам. Во-первых, положительные отклики последовали не от тех, от кого автор больше всего надеялся их получить. Георгий Адамович, первый критик эмиграции, промолчал, не желая публиковать отрицательный отзыв, а для положительного он, видимо, не видел оснований, так как относился к стихам Бунина весьма скептически³. Георгий Иванов, ведущий поэт молодого поколения, выступил не с рецензией, а с краткой иронической и даже язвительной заметкой⁴. Во-вторых, остальные критики, в том числе, в более поздних обзорных статьях, рассуждали не столько о самом сборнике, сколько о принципиальных особенностях бунинской лирики, которую многие не вполне справедливо называли поэзией прозаика (А. Эйснер, В. Лебедев, Г. Адамович, Ю. Иваск и др.)⁵. Промежуточную позицию занял В. Ходасевич. Он тоже использовал факт издания книги как повод говорить о Бунине-поэте и его эволюции и почти не уделил самому сборнику внимания⁶.

Несмотря на ряд ценных наблюдений, относительного явленного в «Избранных стихах» поэтического мировоззрения Бунина, о которых мы еще скажем подробнее, никто из критиков не взялся оценить книгу как целостное литературное явление, выявить ее особенности или художественное своеобразие. Однако, логично предположить, что Бунин издал именно новую книгу, а не собрание разрозненных, пусть даже и лучших, стихотворений. Не был проанализирован сборник с этой точки зрения, насколько нам известно,

¹ См.: Сирин (Набоков) В. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929> // Руль. 1929. 22 мая. № 2577. С. 2–4; Сирин (Набоков) В. На красных лапках // Руль. 1930. 29 января. № 2789. С. 23; Эйснер А. Прозаические стихи // Воля России. 1929. № 12. С. 75–88; Лебедев В. О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле // Воля России (Прага). 1930. № 7–8. С. 656–661.

² В дневнике от 18 июня 1943 г. Бунин сделал следующую запись: «Перечитывал стихи А.К. Толстого — многое удивительно хорошо — и свои “Избр. стихи”. Не постигаю, как они могли быть не оценены (курсив Бунина — Е.К.)» // Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 3. С. 151.

³ Вместо Г. Адамовича на страницах «Последних новостей» в качестве рецензента с дежурными и самыми общими похвалами выступил друг Бунина М. Алданов (Алданов М. О новой книге Бунина // Последние новости. 1929. 18 июля. № 3039. С. 3).

⁴ Любитель прекрасного. <Иванов Г.В.> Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности // Числа. 1930. № 2/3. С. 315.

⁵ Подробнее о рецепции сборника «Избранные стихи» в критике русского зарубежья см.: Двинятина Т.М. Модернисты против академика: «Избранные стихи» И.А. Бунина в критике русской диаспоры // Русская литература. 2005. № 1. С. 53–66; Мельников Н.Г. Введение // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы). М.: Книжица; Русский путь, 2010. С. 333–340.

⁶ Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535. С. 3–4.

и позднее. Тем не менее, подход к «Избранным стихам» именно как особому, единственному в своем роде и внутренне целостному художественному явлению представляется по ряду причин наиболее продуктивным для понимания поэтического мировоззрения зрелого Бунина, для определения уникального места этой книги в ряду его итоговых произведений («Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева»), а также в череде значимых поэтических сборников русского зарубежья.

Важно отметить, что Бунин не ставит целью показать свой *поэтический путь*, что было бы вполне закономерно для финального сборника. Ни первое опубликованное стихотворение («Над могилой С.Я. Надсона», 1887), ни стихи ранних двух сборников («Стихотворения 1887–1891 годов», 1891; «Под открытым небом», 1898) не вошли в «Избранные стихи». Отсчет начинается с 1900 г., тридцать лет спустя после начала поэтической карьеры. А всего до начала нового XX в. Буниным было опубликовано 156 стихотворений согласно подсчету Т.М. Двинятиной¹, и впоследствии он не стыдился издавать свои ранние поэтические опыты. Например, достаточно много их вошло в «Полное собрание сочинений» 1915 г. Вероятно, в анализируемом сборнике он хотел сделать акцент не на творческой эволюции, а на стабильности, устойчивости, монолитности своей поэтической системы на протяжении двадцати пяти лет, явить ее в законченном и неизменном виде так, как выстраивается авторское мировоззрение, например, в романе или в другой крупной форме.

Многих современников удивил подбор произведений, вошедших в «Избранные стихи». Так, В. Ходасевич писал: «Можно бы многое возразить против того, как составлена эта книга. Мне кажется, прежде всего, что в нее не вошли некоторые из лучших стихотворений Бунина — и попали пьесы гораздо менее удачные; затем — разные стороны бунинской поэзии здесь представлены вряд ли в их верном соотношении»². В. Сирин (Набоков) сожалел: «Среди “Избранных стихов” Бунина нет многих, которые бы хотелось перечесть»³. Скорее всего, производя отбор, автор оставлял не просто тексты, совершенные по поэтической форме, но и соответствующие его эмоциональному состоянию, настроению и мировосприятию в 1929 г. Поэтому сборник отражает не столько Бунина-поэта 1900-х или 1910-х, а в большей мере — конца 1920-х гг.

Основной принцип расположения стихотворений в книге — хронологический, начиная с 1900 г. и с пропуском одного года — 1920-го. Но единожды он

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. («Новая Библиотека поэта»). Т. 1. С. 188.

² Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 3–4. С. 3.

³ Сирин (Набоков) В. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929> // Руль. 1929. 22 мая. № 2577. С. 2.

сознательно нарушается, что говорит о продуманности композиции. Сборник открывается стихотворением «Петух на церковном кресте» 1922 г., которое помещено еще и на отдельном листе, предваряющем все остальные тексты, идущие далее подряд без пропусков страниц. Более никаких посвящений, цитат или вступлений сборник не содержит. Такое размещение говорит о том, что стихотворение «Петух на церковном кресте» выполняет роль эпиграфа или введения ко всей книге. Оно задает определенный вектор прочтения всех последующих 199 стихотворений¹.

Основными темами этого произведения являются вечные философские вопросы жизни и смерти, временного и вечного, человеческого и божественного. Заданные мотивы, а также вертикаль земли и неба, звучат, варьируясь, и в других произведениях сборника. Человеческое существование преходящее, люди смертны и тленны. Телом они связаны с животной и растительной жизнью, но душой и сознанием они соединены с божественным началом. Жизнь со всеми ее радостями и невзгодами дается каждому на краткий миг, а смерть — это растворение в вечности. Но стихотворение не оставляет впечатления угнетенности и мрачности, примирение возникает в результате принятия незыблемого закона бытия. Слияние и противопоставленность таких антитез как «жизнь-смерть», «прошлое-будущее», «счастье-страдание» были выявлены и проанализированы О.В. Сливицкой на материале многих произведений Бунина², но особенно выпукло и наглядно эта «нераздельность и неслияность» оксюморонных понятий представлена, на наш взгляд, в «Избранных стихах», что доказывает внутреннее родство сборника с духовной культурой русского модернизма.

Следующее произведение, открывающее уже основной блок текстов, «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...», развивает идею противоположности и единства земли и неба, образующих дихотомию, заданную еще в творчестве М. Лермонтова. Стихотворение Бунина 1900 г. можно считать вариацией знаменитого «Выхожу один я на дорогу...»³. В нем также создается картина ясной звездной ночи и одинокого путника, ощущающего себя наедине с мирозданием и Богом:

<...> С опушки на луга гляжу из-под ветвей,
И дышит ночь теплом и сердце верит ей, —
Колосьям **Божьих нив**, на гнездах смолкшим птицам,
Мерцанью **кортких звезд** и ласковым зарницам,

¹ Выбор первого стихотворения, нарушающего общий хронологический принцип, и его эпиграфическую функцию, отметил П. Пильский в своей рецензии (*Пильский П. Поэт Иван Бунин // Сегодня. 1929. 25 июня. № 174. С. 3.*)

² См.: Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни». Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

³ Подробнее о влиянии на Бунина творчества Лермонтова см.: Дякина А.А. Иван Бунин — поэт Серебряного века. Елец: ЕГПИ, 2000. 115 с.

Играющим огнем вокруг немой земли
Пред взором *путника*, звенящего вдали
Валдайским серебром, напевом беззаботным
В просторе полевом, спокойном и дремотном¹.

Точнее, одиноких странников в стихотворении два: лирический субъект, чьими глазами дана картина летней ночи, и тот, кого он видит вдали, «путник», звенищий валдайским колокольчиком. Подобная двойственность приводит к усложнению исходной лермонтовской матрицы за счет внесения дополнительного смысла: *я как и он*. Множество текстов сборника композиционно строятся по этой же схеме: взгляд лирического субъекта перемещается с небес на землю, а с земли на небо («Был поздний час — и вдруг над темнотой...» 1901, «Зеленый цвет морской воды...» 1901, «Раскрылось небо голубое...» 1901, «Багряная печальная луна...» 1902, «Полярная звезда...» 1904, «Огонь на мачте» 1905, «Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...» 1905, «На пути под Хевроном...» 1907, «Холодная весна» 1913 и др.) и зачастую сопровождаются именно этим дополнением: *я, как и он, она, они* в этом мире сейчас, как и прежде. Причем нередко эти уподобления распространяются и на зверей, птиц, насекомых. Именно такие произведения можно назвать бунинской онтологией, ярче всего отражающей его мировидение.

«Верху» в его картине мира соответствуют звезды, облака, Млечный путь, Луна, а «низу» — трава, колосья, земля, сухие листья, водная гладь. Лирический субъект занимает промежуточное положение между небом и землей, но он ближе к земле, к ее материальности. Бунин фиксирует свой взгляд даже на таких проявлениях земной плоти, как пыль, грязь, навоз, болотная тина и гниль, описываемых без отрицания, с интонацией принятия. Сюда же можно отнести все образы малого и ветхого, которых столь много в его текстах, отобранных для «Избранных стихотворений»: насекомые, деревянные избушки и часовни, бедные степные деревеньки, «преющие» завалинки, «прогнившие половицы», старые, поблекшие фотографии и т.д. Не о смерти, а именно о жизни говорят эти образы. Человек родственен этому тлену, праху, в который обратится после смерти его тело и даст новую жизнь, а также он связан со всем тварным миром (образы собаки, оленя, вола, змеи, волка, седого орлена и т.д.). Но при этом человек постоянно устремляет свой взор к вечному, бессмертному небу, к Богу. По Бунину именно причастное смерти, причастно и жизни, звезды прекрасны и бессмертны, но они и безжизненны или, точнее, «внежизненны». Бог — вечен и бесстрастен, но он нем, безмолвен и отделен от человека, несмотря на его постоянное присутствие во всех проявлениях земного бытия². Поэтому с такой любовью поэт описывает

¹ Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. С. 11.

² Идеи немоты Бога, одиночества человека и пристрастия Бунина к суетной и даже беспечальной жизни, в противовес вечному божественному бытию, высказаны Федором Степуном

мелкие цветочки, сухую солому, «живой и четкий след ступни» на тысячелетней пыли древней гробницы.

В отличие от философской лирики Лермонтова, в произведениях Бунина о жизни и смерти отсутствует романтический пафос, а индивидуально-биографическое авторское «Я» приглушено, убрано на периферию или заменено бессубъектной, формально объективной точкой зрения¹. В этом, а также в обилии метафизических «ночных» и «звездных» стихотворений оказывается уже отмеченное в ряде работ влияние Ф. Тютчева². «Избранные стихотворения» отражают тяготение Бунина к ночным пейзажам: «Был поздний час — и вдруг над темнотой...» (1901), «Зеленый цвет морской воды...» (1901), «Багряная печальная луна» (1902), «Полярная звезда» (1904), «Огонь на мачте» (1905), «Луна еще прозрачна и бледна...» (1906), «Полночь» (1909), «Цикады» (1910), «Ночь зимняя мутна и холодна» (1912), «Ночная змея» (1912), «Летняя ночь» (1912), «Вздыди, о Ночь, на горний свой престол...» (1915) — самое тютчевское стихотворение Бунина, «Ты светлая ночь, полуночная высь!» (1916), «Полночный звон степной пустыни» (1916), «Среди звезд» (1916), «Как много звезд на тусклой синеве!» (1917), «Звезда дрожит среди вселенной...» (1917), «На даче тихо, ночь темна...» (1918), «Сириус» (1922), «В полночный час я встану и взгляну...» (1922), «Одно лишь небо, светлое, ночное...» (1923) и др. Всего около 45 стихотворений из 200 можно отнести к «ночным».

Особенно ярко бунинская дилютотомия земли и неба представлена, на наш взгляд, в последних строках стихотворения «Холодная весна» 1913 г.:

Бесцветный запад чист — жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом **дымящего навоза**,
В серебряной пыли **туманно-ярких звезд**³.

(Степун Ф. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929> // Современные записки. 1929. № 39. С. 528–532).

¹ Уход Бунина от субъективности и его стремление представить в поэзии объективный, внеличностный взгляд на мир неоднократно отмечались критиками (В. Брюсов, А. Блок, В. Ходасевич и др.) и исследователями (Т.М. Двинятина, А.А. Дякина, И.Б. Ничипоров и др.). Мы еще скажем об этом подробнее.

² Ощущимое воздействие Тютчева на Бунина отмечал Блок, отзываясь на сборник «Стихотворения 1903–1906 гг.» (Блок А. О лирике // Золотое руно. 1907. № 6. С. 47). Подробнее этот вопрос рассматривался в монографиях Р.С. Спивак (Спивак Р.С. Русская философская лирика. 1910–е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. М.: Флинта; Наука, 2005), О.Н. Владимирирова (Владимириров О.Н. Бунин–поэт. Логика творчества. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016); Т.М. Двинятиной (Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2015. С. 32) и др.

³ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 102.

Семантическая противопоставленность «навоза» и «звезд», провокационная и, в целом, модернистская, и заявляется, кодируя полярность мироздания, и снимается, нивелируется их слиянием в едином образе пространства. Более отчетливо эта идея взаимосвязанности полярных начал проговаривается в стихотворении «Цикады» 1910 г.:

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И *до земли*, где стынет лунный сон,
Текут хрустально-трепетные *нити*¹.

Эмоциональная тональность всей книги приглушенная. Стихотворения радостные по интонации и настроению присутствуют, но в заметном меньшинстве. Они выглядят как яркие вспышки, мгновения счастья на фоне жизни все же печальной, одинокой, обреченной. Автор исключил юношеские восторги перед этим миром, красота которого не поблекла для него с годами, но усложнилась сложными переливами, подернулась пеленой неизбежного умирания, распада. Исключением, подтверждающим правило, выглядит стихотворение «О радость красок, снова, снова...» 1917 г. Но и в этом тексте, несмотря на тему возвращения, проговаривается мотив утраты, потерянного рая. Отчужденность от мира в целом нарастает в более поздних произведениях и особенно ярко звучит в финальных строках стихотворения «В полночный час я встану и взгляну...» (1922): «И эти одинокие часы / Безмолвного полуночного бденья, / Презрения к земле и *отчужденья* / От всей земной *бессмысленной красы*².

Сборник Бунина лишен каких-либо разделов или подразделов, хотя тематические блоки можно легко вычленить: стихи о Руси-России, ее быте, старине; экзотические стихотворения о дальних странах и морях; онтологические философские пьесы; бытовые сценки, мини-рассказы, притчи; размышления о великих городах и культурах древности; несколько, совсем немного, стихотворений о любви. Практически полностью исключена пейзажная, описательная лирика. Те немногие произведения, которые все же можно определить как пейзажные, получают иное, иносказательное прочтение, за счет окружающих их произведений, наполненных философскими раздумьями. Это можно отнести и к знаменитой поэме «Листопад», единственному длинному произведению, которое Бунин включил в свой последний сборник. Она идет третьим текстом после уже рассмотренных нами двух стихотворений.

Можно предположить, что Бунин старался избавиться от ярлыков «поэта-живописца», «певца русской природы», которые закрепились за ним еще в начале XX в. Он хотел представить перед литературными кругами русской эмиграции поэтом-мыслителем, раздумья которого над загадкой мироздания

¹ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 77.

² Там же. С. 222.

и сутью человеческого бытия выкристаллизовались за двадцать пять лет и вылились в различных стихотворных формах. Безусловно, поэт ставил целью показать тематическое и стилистическое разнообразие своей лирики, но не менее важно было продемонстрировать идейное и художественное единство своей поэтической и мировоззренческой системы. Поэтому Бунин отказывается от вычленения каких-либо разделов, хотя такой путь был представлен во многих сборниках его современников, например, в книгах В. Брюсова или К. Бальмонта. Данный подход изолировал бы стихотворения друг от друга и не позволял бы им стать свободно перекликаться. Не идет он и по пути создания стилистически и тематически единообразного сборника, который представлен, например, «Стихами о Прекрасной Даме» А. Блока, а позднее «Розами» Г. Иванова. На наш взгляд, Бунин опирается на принцип составления поэтической книги, осуществленный в итоговом сборнике Евгения Баратынского «Сумерки» 1842 г.: разнородные по стилистике и тематике тексты объединены внутренней, подспудной авторской логикой. Многократно перекликаясь, они образуют единство всей книги и дают читателю представление о взглядах немолодого уже поэта на жизнь, смерть, человека и искусство.

Баратынский был одним из любимых авторов Бунина, как в молодости, так и в зрелые годы. Очевидно, что он ощущал глубинную связь с творчеством и мировоззрением старшего предшественника, что следует из написанной им в 1900 г. статьи «Е.А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения». Т.М. Двинятина отмечает, что последний поэтический взлет Бунина, пришедшийся на 1922 г., прошел под знаком Баратынского и русской элегии начала XIX в. в целом¹. Оба обращаются к темам памяти, прошлого, воспоминания, предназначения поэта и его судьбы. Например, бунинское стихотворение «Портрет» (1917, 1924) варьирует мотивы и образы стихотворения Баратынского «Мой дар убог и голос мой негромок...» (1828), «Запустение» Бунина (1903) — «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...») Баратынского (1832–1834). Цитация из этой элегии Баратынского присутствует и в бунинском рассказе «Несрочная весна» (1923). Тоскуя по родине, писатель-изгнаник обращается к модели элегического лирического героя и хронотопа².

Но влияние предшественника определило поэтику и философию Бунина не только первой, но и второй половины 1920-х гг., времени создания основного корпуса текста «Жизни Арсеньева» и публикации «Избранных стихов»³. Возможно, именно «тенью» Баратынского обусловлена легкая, но ощутимая языковая поэтическая архаичность или, другими словами, классичность всего сборника. Такое впечатление, возможно, возникает у читателя благодаря отбору определенных, метрически сложных текстов, написанных, например,

¹ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 237–253.

² Там же. С. 225–253.

³ Там же. С. 244.

белым шестистопным ямбом, и исключению других стихотворений, звучащих более современно и легче воспринимающихся. Например, пьеса «Морфей» (1922), вошедшая в сборник, написана классическим alexandrijским стихом. По верному наблюдению Т.М. Двинягиной, стихам 1922 г. присущ «резкий всплеск ямбичности» по сравнению со всем остальным творчеством поэта, и архаичная, условно-поэтическая лексика¹. Именно стихи 1922 г. фактически завершают сборник, создавая у читателя конечное впечатление о нем, хотя самыми последними стоят несколько более поздних произведений.

Две темы раскрываются в сборнике особенно подробно — это *смерть и Бог*. В разной форме и в разных образах предстает смерть в стихах Бунина, отобранных для финальной книги. Это и историческая зарисовка, где она присутствует лишь в подтексте, — «После землетрясения» (1909), и аллегорическая притча «Смерть» (1907), и лирическое размышление «Настанет день — исчезну я...» (1916), и такие разные по стилистике и жанрам стихотворения как «Эпитафия» (1917), «Кончина» (1916), «Гробница Рахили» (1907), «На пути под Хевроном...» (1907), «Канун Купалы» (1903), «Храм солнца» (1907), «Могила в скале» (1909), «Зеркало» (1916) и др. В стихотворениях Бунина о смерти неоднократно повторяется его излюбленный мотив — жизнь и смерть идут рука об руку, одна сменяет другую, их силы равны, и это обеспечивает равновесие всего бытия.

Особенно ярко эта мысль звучит в двух текстах 1906 г., которые расположены друг за другом и создают диптих или мини цикл, варьирующий противоречивый, но взаимосвязанный комплекс чувств: просветленная радость умирания или примирения со смертью. Это стихотворения «Ограда, крест, зеленая могила...» и «Растет, растет могильная трава...». Как новая трава пробивается сквозь могильные плиты, так и в сердце лирического субъекта растет радость жизни наперекор неизбежности смерти. Финальное двустишие сонета «Растет, растет могильная трава...» кодирует этот вывод: «Земля, земля! Весенний сладкий зов! / Ужель есть *счастье даже и в утрате?*²». Ф. Степун следующим образом определил эту сторону бунинской поэтической философии: «“Восторг и печаль”, вернее, восторг печали, что сильнее страха смерти, — какой это характерно бунинский мотив — быть может, корень его религиозного восприятия трагедии жизни и мира»³. Этот же эмоциональный комплекс, смиренение со смертью через радость воскресения, вновь возникает в самом конце книги в стихотворении «Зачем пленияет старая могила...» 1922 г., возвращая читателя к идейному содержанию начальных произведений⁴.

¹ Двинягина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 226–228.

² Бунин И.А. Избранные стихи. С. 43.

³ Степун Ф. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929>. С. 530.

⁴ Подробнее о нерасторжимости жизни и смерти в сознании Бунина см.: Сливцкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. С. 83–112.

Философские пьесы «На пути под Хевроном...» и «Гробница Рахили» тоже стыкуются друг с другом и освещают тему смерти через описание могил ветхозаветных праотцов Авраама, Исаака, Сарры и Рахили. Такая избыточность (два текста со схожей стилистикой, тематикой, героями) не характерна для основного принципа «сборника избранных произведений». То, что Бунин не стал выбирать одно стихотворение и поместил оба, говорит о том, что ему важнее было прояснение некоторых принципиальных точек его мировидения, нежели демонстрация лучших и самых разных образцов своей поэзии.

Бог, а точнее божественное, предстает в книге также во множестве воплощений, которые свойственны выражению высшего начала бытия в различных культурах и исторических эпохах: Иисус Христос («Новый храм» 1907), ветхозаветный Бог древних иудеев («Саваоф» 1908, «Иерихон» 1908, «Карavan» 1908, «Долина Иосафата» 1908), языческие божества и герои античной мифологии («Гальциона» 1908, «В архипелаге» 1908), еще более архаичные культы («Горный лес» 1908), пантеистический Бог, растворенный в природе («Бог» 1908). Все вышеперечисленные стихотворения следуют в сборнике друг за другом, с 56 по 65 страницу, образуя внутри книги продуманный, хотя и не выделенный как-то графически, цикл, раскрывающий размышления Бунина о проявлениях божественного в мире. Последним произведением этого имплицитного цикла можно считать стихотворение «Люцифер» (1908), содержащее аллюзии почти на все значимые религии настоящего и прошлого: мусульманство, греческое и египетское язычество, христианство. Обозначив их, Бунин обращается к самым истокам зарождения веры и, следовательно, человеческой цивилизации:

Мир Авеля! Дни чистых *детских вер!*
Из-за нагих хребтов Антиливана
Блистает, угасая, Люцифер¹.

Люцифер в данном контексте — это утренняя звезда, которая гаснет на рассвете, а не одно из имен Сатаны. Автор рисует зарю мира, детство человечества до возникновения зла на земле, олицетворением которого и стал позднее Дьявол.

Конечно, тема божественного раскрывается и в других пьесах книги. Яркий образ пантеистического Бога, присутствующего во всех явлениях природы, создается в стихотворении «Как дым пожара, туча шла...» (1912). Тексты «Богиня» (1916) и «Святилище» (1916) образами древних ритуалов и первобытным религиозным чувством перекликаются с «Горным лесом» (1908). Все культурные, визуальные, ритуальные воплощения представлений человека о божественном начале для Бунина одинаково важны, это лики

¹ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 65.

Единого Бога, а автор выступает в роли *наблюдателя*, фиксирующего виды и способы его проявления.

Связь с Богом Бунин ощущает постоянно, хотя и занимает по отношению к нему благоговейную дистанцию и не ожидает ответа. Напрямую он выражает эту мысль в стихотворении «Как много звезд на тусклой синеве!» (1917): «Чернеет сад. За ним — обрывы, море. / Оно молчит. Весь мир молчит — затем, / Что в мире Бог, а **Бог от века нем**¹»¹.

Короткая пьеса «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» 1918 г. — одно из самых проникновенных и интимных стихотворений Бунина. Его сюжет представляет собой идеалистическую чаемую проекцию гармоничного соединения с Богом, мечту о вербальном и физическом контакте с ним («...К милосердным коленям припав»)². Но подчеркнем, что действие отнесено в будущее, а настоящему принадлежит только надежда. Наряду с соседними стихотворениями 1917–1918 гг. «Звезда дрожит среди вселенной...», «В дачном кресле, ночью, на балконе...» и «Древняя обитель супротив луны...» этот текст образует еще один «божественный» цикл внутри всего сборника, позволяющий читателю увидеть уже не разные обличья Абсолюта вообще, а «индивидуального» Бога автора, его отношение к нему. Эти произведения, более личные по интонации, чем составившие имплицитный цикл 1908 г., рассмотренный нами выше. При этом все стихотворения скорее дополняют друг друга, нежели представляют собой эволюцию взглядов поэта.

Максимальному субъективизму символистов Бунин противопоставляет поэзию, стремящуюся уйти от личного, биографического «Я» автора, заменить его обобщенным «Я» человека, взирающего на мир во все времена и во всех уголках земли. Не мой Бог, моя любовь, судьба, смерть, печаль или радость раскрываются перед читателем на страницах «Избранных стихов», а Бог, любовь, судьба, смерть, печаль и радость *Человека*. Заметили эту черту поэтики Бунина еще его современники: «Прекрасный писатель, тонкий чудесный поэт, в тайне своего вдохновения Бунин стоит перед нами, как строгий исполнитель чьих-то давних велений, и в эти минуты душа его кажется обретшей бесконечный опыт, обогащенный вековыми искушениями и прозрениями», — писал П. Пильский³. Иван Алексеевич выразил идею воплощения в каждом индивидууме общечеловеческого начала следующими словами: «Я человек: как бог, я обречен / Познать тоску всех стран и всех времен» («Собака» 1909)⁴.

Именно из-за этой особенности растворения собственного «Я» в коллективном бунинской поэзии многие критики отказывались считать лирикой. Установка на объективного всеведующего автора, действительно, более ха-

¹ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 195.

² Там же. С. 213.

³ Пильский П. Поэт Иван Бунин // Сегодня. 1929. 25 июня. № 174. С. 3.

⁴ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 72.

рактерна для прозы, в частности, для творчества любимого писателя Бунина — Льва Толстого. Но перенесение точки зрения автора-демиурга в поэзию можно считать, как минимум, интересным экспериментом. Безусловно, в «Избранных стихах» перед нами мир природы, культуры, истории, космоса и повседневного быта, явленный через индивидуальное сознание авторской личности. Но в процессе чтения эта личность скорее скрывает, нежели обнаруживает себя, и не мешает читателю воспринимать все вышеперечисленное. Читателю легко поставить себя на точку зрения автора и видеть не его, а *мир*, но как бы его глазами¹. В «Избранных стихах» Бунин хочет создать впечатление, что не страницы собственной жизни он перелистывает, а читает страницы *книги бытия*, которые видит перед собой повсюду: «По жестким склонам каменные плиты / Стоят раскрытой **книгой бытия**» («Долина Иосафата»)². О.В. Сливицкая полагает, что читателю передается бунинская повышенная острота восприятия самого феномена жизни³. Именно за это З. Гиппиус называла поэзию и прозу Бунина «целомудренной», то есть, в данном контексте — бесстрастной и скромной в выражении самого себя⁴. Конечно, иногда прорываются и личные чувства писателя, его собственные умиления и скорби, но стремится он все же к другому эффекту.

Показательно, что, несмотря на критику своей «холодной», лишенной лиризма лирики (М. Волошин, В. Брюсов, В. Ходасевич и др.), Бунин настаивает на этой особенности и отбирает для «Избранных стихов» преимущественно «объективные» произведения. За местоимением «я» у Бунина, как правило, стоит не только он сам, но и *любой* человек, живший на земле. Порой он прибегает к обобщающим выводам, как в стихотворении «Летняя ночь» 1912 г., в котором он размышляет об абстрактной, космической *душе*:

Прекрасна ты, ***душа людская!*** Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звезд подобна ты порой!⁵

Еще более точно отношение Бунина к человеческой индивидуальности выражено в стихотворении «У гробницы Вергилия» 1916 г.:

¹ Ф. Степун считал главной чертой бунинской поэтики особый способ презентации реальности: «Созерцание мира умными глазами стоит любой мироизмерительной глубины» (Степун Ф.А. Иван Бунин // Степун Ф.А. Встречи / Сост. С. Стакорский. М.: Аграф, 1998. С. 95).

² Бунин И.А. Избранные стихи. С. 64.

³ Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. С. 11.

⁴ «Во всяком случае, у нас в данную минуту нет художника, равного Бунину по умению так последовательно, под такими целомудренно длинными одеждами скрывать себя — в своем» (Гиппиус З.Н. В целомудренных одеждах (К 25-летию литературной деятельности И.А. Бунина) // Солнце России. 1912. № 141—(42). С. 2).

⁵ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 90.

Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер... Счастлив я,
Что **моя душа**, Вергилий,
Не моя и не твоя¹.

Бунин настойчиво противопоставляет гипертрофированному индивидуализму, занявшему крепкие позиции в поэзии модернизма, общечеловеческий, как бы абсолютный, антииндивидуализм. Сливицкая отмечает, что бунинская мысль о «единой душе» свидетельствует о кризисе антропоцентризма, соотносится с идеями русского космизма и близка взглядам Л.Н. Толстого². Ю.В. Мальцев указывает на тяготение Бунина к стиранию границ между субъектом и объектом, как на одну из ключевых черт его поэтики. Бунинское поэтическое «Я» — это «обобщенная форма универсальной субъективности»³. Об этом же явлении пишет и Т.М. Двинятина⁴.

Но подобное обобщенное, вневременное и внеличностное «Я» характерно и для зрелой поэзии Е. Баратынского. Л.Я. Гинзбург пишет о поэтике его поздних произведений, что это «миропонимание, выраженное интеллектуально <курсив мой. — Е.К.>. Заряженная им мысль не центростремительна, а центробежна. Она образует многие призмы, преломляющие мир»⁵. Таким образом, лирика Баратынского обращена не на себя, а сквозь себя на мир. Гинзбург отмечает также, что его финальный сборник «Сумерки», не отличаясь единством метода, представляет собой прорыв «в новый смысловой строй», который заключается в том, что «свою тревогу и горечь Баратынский выразил не байронической исповедью, но строгим языком поэтических размышлений»⁶. На наш взгляд, эти характеристики приложимы и к зрелой поэзии Бунина, и к художественному своеобразию «Избранных стихотворений» 1929 г.

Сам Бунин высказал в стихотворении «Завеса» (1912) нежелание пускать кого-либо в свою душу, то есть создавать интимную, исповедальную лирику:

И сокровенных чувств и тайных мыслей много
От вас **я утаил**. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он сам нас разделил завесою своей⁷.

¹ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 148.

² Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. С. 53–60.

³ Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994. С. 110.

⁴ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 201–205.

⁵ Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1995. С. 79.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 97.

Но при отказе от исповедальности Бунин отстаивал свое право быть в первую очередь поэтом, а не прозаиком, право на существование подобной аналитической, рациональной поэзии. Галина Кузнецова, размышляя над лирикой Бунина, пришла к схожим с Гиппиус выводам, что «непопулярность его стихов — в их отвлеченности и скрытности, прятании себя за некой завесой, чего не любит рядовой читатель, ищущий в поэзии прежде всего обнаружения души»¹.

Не мог избежать в финальной книге Бунин тем поэзии и искусства, которые раскрываются в таких пьесах, как «Поэту» (1915), «Взды, о ночь, на горний свой престол...» (1915), «У гробницы Вергилия» (1916), «В горах» (1916), «Этой краткой жизни вечным измененьем...» (1917). Концепция поэтического творчества окончательно сформировалась у него в 1915–1916 гг. во время жизни и работы в Глотово. На этот период приходится один из бунинских поэтических взлетов, и произведения именно этих лет входят в «Избранные стихи» для раскрытия темы поэта и поэзии. Бунин не обращается к образу художника-гения, столь популярному у модернистов, но всегда вызывавшему у него отторжение². Другой культурный код, пушкинский мотив «нерукотворного памятника», явленного в творчестве, получает у него новое оригинальное развитие. Бунин-человек надеется обрести бессмертие не в собственном искусстве, а в творениях и мечтах других поэтов:

Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну — ***память обо мне***:
Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным, — призраком чудесным
В этом парке розовом, в этой тишине³.

Для грядущих поэтов бунинский жизненный и творческий опыт станет тем же полезным наследством, как и для него — опыт уже умерших. Эта концепция назначения поэта и поэтического творчества родственна мыслям Баратынского, высказанным в его стихотворении 1828 г. «Мой дар убог, и голос мой негромок...». Опустив первую строку, Бунин завершил этим стихотворением свою статью о Баратынском 1900 г., к которой мы уже обращались:

<...> Но я живу, и на земли ***моё***
Кому-нибудь любезно ***бытие***:
Его ***найдёт далекий мой потомок***
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник // Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. С. 420.

² См. образ несостоявшегося гения в рассказе «Безумный художник» 1921 г.

³ Бунин И.А. Избранные стихи. С. 209.

И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я¹.

Но человеческий удел поэта не отличается от удела всех остальных людей, обреченных уйти в свое время. Песенный дар — это просто особый склад личности, более зоркое видение жизни и «души мятежный жар», внутреннее состояние, а не его внешнее воплощение на бумаге. И в этом Бунин развивает идеи Баратынского о связи поколений:

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве,
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почувяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— *Нет в мире разных души и времени в нем нет!*²

Поэзию Бунин воспринимает как одно из высших проявлений человеческого сознания, обусловленного эмоциональным, бытовым и творческим опытом предшествующих поколений, наряду со способностью любить, видеть красоту мира, строить города. Она не вечна, как и все деяния рук человеческих, и не важнее их. Бунин не настаивает на какой-либо исключительности словесного творчества. «Искусство есть, по Бунину, малая частица огромного мира, способная лишь в отдельные мгновения прозреть и передать его таинственные ритмы», — пишет И.Б. Ничипоров³. В этом коренное отличие бунинской концепции от понимания искусства младосимволистами как действенного, теургического, преображающего мир, или от гиперсубъективного эстетизма Брюсова и Бальмонта, поставленного превыше жизни.

Завершая обзор содержательного плана сборника, точнее — тех сквозных тем и мотивов, которые его образуют, следует сказать еще об одной важной его составляющей — *хронотопе*. Единство хронотопа, особых устойчивых характеристик времени и пространства, в полной мере вырисовывается из совокупности всех произведений книги. Прошлое мыслится поэтом как присущее в настоящем, настоящее — как несущее в себе груз прошлого. Пространственная протяженность мира по горизонтали предстает также как множество равноценных локусов, налагающихся друг на друга, как временные пласти. По вертикали — это уже рассмотренная нами дилемма земли и неба. Очевидно, что подобные особенности хронотопа связаны с такими

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 9. С. 524.

² Бунин И.А. Избранные стихи. С. 155.

³ Ничипоров И.Б. «Поэзия темна, в словах невыразима...»: Творчество И.А. Бунина и модернизм. М.: Метафора, 2003. С. 44.

чертами поэтики Бунина, как субъектно-объектная организация (универсальное «Я»), установка на прозаизацию (метонимичность в противовес метафоричности) и концепция культурной памяти¹.

Композиция сборника «Избранные стихи» сложна и хорошо продумана. Стихотворения со схожим лирическим сюжетом, идейным содержанием, сквозными образами или стилистикой постоянно повторяются в разных частях книги, устанавливая внутренние связи, необходимые для создания художественной и содержательной целостности. У читателя возникает ощущение *дежавю*. Новый текст наслаждается на впечатление, оставленное другим, прочитанным несколькими страницами ранее. Стихотворение «Могила в скале» перекликается с «Гробницей Рахили», «Долиной Иосафата» и «Гробницей». Образ каравана проходит сквозь произведения «Мулы», «Среди звезд» и «Волны» (караван кораблей). Картина старого корявого дерева, зацветающего последними цветами, возникает в пьесе «Открыты окна. В белой мастерской...» (1908) и в лирической медитации «Холодная весна» (1913). Дважды в разном стиле рассказывается история бегства Марии с младенцем Иисусом в Египет: «Мать» (1912) и «Бегство в Египет» (1915). Неоднократно повторяется сквозной образ пустого дома: «Люблю цветные стекла окон...» (1906), «В пустом доме» (1916), «Настанет день — исчезну я...» (1916), «Зеркало» (1916). Перекликаются тексты на темы истории (русское Средневековье, Древний Восток), образы культурного пространства великих городов прошлого («Иерусалим», «Вход в Иерусалим», «Венеция» 1913 г. и «Венеция» 1922 г., «Иерихон», «Помпей» и др.), фольклорные стилизации («Канун Купалы», «Петров день»). Мотив святости, подвижничества, аскезы звучит в стихотворениях «Смерть» (1907), «Св. Евстафий» (1915), «Святой Прокопий» (1916) и «Кончина» (1916). Лирическая ситуация встречи с женщиной, реальной или воображаемой, но всегда оставляющая глубокий след в сердце повествователя, варьируется также в ряде стихотворений: «Мы встретились случайно на углу...», «Мать», «Миньона», «Встреча». Пейзажное апрельское стихотворение о пробуждении природы 1901 г. «Раскрылось небо голубое...» словно в зеркале отражается в апрельском стихотворении 1917 г. «Как в апреле по ночам в аллее...». Также неоднократно повторяется мотив сна, который пересекается с мотивом воспоминания: «Сон», «Морфей», «Все снится мне заросшая травой...», «Печаль ресниц, сияющих и черных...», «Дочь» и др.

Тема человеческой и культурной памяти проходит красной нитью через весь сборник и звучит в таких лирических миниатюрах как «Мулы», «Могила в скале», «Гробница», «Гробница Рахили», «Эпитафия», «Первый соловей»,

¹ И.Б. Ничипоров также отмечает стремление Бунина к стиранию пространственно-временных границ и за счет этого к расширению пределов художественного образа, что роднит его поэтику с достижениями символистов и постсимволистов (Ничипоров И.Б. «Поэзия темна, в словах невыразима...»: Творчество И.А. Бунина и модернизм. С. 89–90).

«Среди звезд», «Зачем пленяет старая могила...», «Свет незакатный» и многие другие. Ф. Степун, которого сам Бунин считал своим лучшим критиком, связывал ее с познанием себя и Бога: «Ничто с такой силой не свидетельствует о подлинной религиозности бунинской музы, как ее связанность с памятью. <...> Тема памяти неоднократно повторяется в стихах Бунина. Но важно, конечно, не столько то, что Бунин часто говорит о памяти, сколько то, что почти все его стихи можно в известном смысле рассматривать как углубление сознания поэта через воспоминания, то есть через перевоплощение в дальнее»¹. Т.М. Двинятина рассматривает концепцию памяти в связи с представлениями Бунина о всеобщей мировой душе и времени: «Ближайшим синонимом к *душе* в бунинском мире оказывается *память*. Разделенная между *мирьядами* душ, она вбирает и далекий опыт предка, и сиюминутное впечатление потомка: их ощущения тождественны, и в мимолетном движении потомка оживает сознание его связи с прошлым»² (курсив автора. — Е.К.). А.А. Дякина полагает, что память становится для Бунина путем постижения закономерностей развития человека, мира и Вселенной³.

Намеренное обращение к сквозным образам можно проследить на примере стихотворений, в которых поэт описывает оленя. Благородное животное возникает то как центральный и реалистичный образ, хотя и с иносказательным подтекстом («Густой зеленый ельник у дороги...» 1905, «Белый олень» 1912), то как периферийный и аллегорический, метафорический («Св. Евстафий» 1915, «Сон» 1916, «Мечты любви моей весенней...»). Но всегда олень соотнесен с человеком, как соотнесены с ним у Бунина все твари земные: змея, соловьи, цикады, муха, собака и т.д.

Звезды, мировой океан и волны приобретают качества символов вечного, бессмертного и прекрасного бытия, знаков божественного присутствия, возникшая во множестве стихотворений⁴. И в этом Бунин наследует не только Тютчеву, но и Баратынскому. Первое и последнее четверостишия из стихотворения Баратынского «Звезда» 1924 г. Бунин объединяет и ставит эпиграфом к своей статье о нем:

Взгляни **на звезды: много звезд**
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.
Ту назови **своей звездой**,

¹ Степун Ф. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929>. С. 530–531.

² Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 88–89.

³ Дякина А.А. Иван Бунин — поэт Серебряного века. Елец: ЕГПИ, 2000. С. 24.

⁴ Подробнее об этом см.: Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина (образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 109–116.

Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит¹.

Не менее важны для осознания авторской концепции сборника произведения, завершающие его. Образ осени, возникающий в самом начале книги в поэме «Листопад» и, возможно, соотносимый самим автором со знаменитой «Осенью» Баратынского², повторяется в осеннем стихотворении 1923 г. «Опять холодные седые небеса...». Но теперь это совсем другая, печальная, последняя осень. Усиливается иносказательное прочтение этого вечного образа-символа: закат жизни, после которого наступит смерть, а не новая весна.

Особая интимность возникает в тексте за счет создания в первом четверостишии иллюзии отрывка из дневника. Вслед за этим, словно под влиянием искреннего и открытого читателю дневникового «Я», образа повествователя, свойственного этому жанру, прорывается прямая речь автора, обозначенная тире. Стихотворение вносит в смысловую ткань сборника биографический подтекст: указание на уже немолодой возраст автора («в те года») и на утраченный им образ жизни («тройка у крыльца», «слуги на пороге»). Т.М. Двинятина высказала интересное предположение, что эта, одна из последних лирических пьес Бунина является эхом его самого первого дошедшего до нас юношеского осеннего стихотворения 1883 г., описывающего его отъезд из родного дома в Елец на учебу в гимназию³. Действительно, словно прочитав в «старой наивной тетради» одно из своих первых стихотворений, немолодой поэт создает одно из последних.

Мотивные и образные пересечения связывают также два стихотворения 1922 г.: «Петух на церковном кресте», вынесенное в качестве вступления к сборнику, и «Венеция» («Колоколов средневековый...»), которое является одним из заключительных. Вечное и преходящее, смертное и бессмертное в круговороте жизни составляют содержание этих произведений. Объединяет их и прием поэтических повторов, оформленный с помощью перечислений с союзом «и». Т.М. Двинятина отмечает, что в 1920-х гг. Бунин осознал цикличность своей поэзии и внутренние переклички произведений не только одного года, но и разных десятилетий. Он начинает сознательно обращаться к *автоцитации*, в ряде стихотворений она становится почти дословной⁴.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. С. 507.

² Бунинский «Листопад» в ряду осенних стихотворений Державина, Карамзина, Пушкина и Баратынского проанализирован, напр., Г.А. Глотиной (Глотина Г.А. Эволюция темы природы в лирике И.А. Бунина 1900-х годов // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 508–517).

³ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 231–232.

⁴ Там же.

На наш взгляд, этот принцип становится определяющим и для создания композиционного единства «Избранных стихов».

Финальным текстом всего сборника является стихотворение о России «День памяти Петра» 1925 г. Две пушкинских строки «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия...» введены в основной текст стихотворения, но, по сути, являются эпиграфом. Посып этого произведения прост: Санкт-Петербург — это город «Петром и Пушкиным созданный». Он воплощает в себе всю Россию, навсегда потерянную для Бунина. Последние мысли умирающего поэта будут не о себе, а о Родине, о ее восстании из хаоса, «И воскресенья и деянья, / Прозрения и покаянья»¹.

Анализ сборника «Избранные стихи» позволяет сделать вывод, что Бунин в структурном и композиционном плане создал поэтический аналог своей итоговой книги рассказов «Темные аллеи»: разные произведения образуют единое целое, и транслируют устойчивую картину мира. Но если «Темные аллеи» посвящены исследованию любви и страсти, то в поэтической книге эта тема как раз почти не звучит. Философские вопросы жизни и смерти, временного и вечного, человека и Бога, индивидуального и общественного, памяти и забвения составляют ее стержень, что заявляется в самом первом эпиграфическом стихотворении «Петух на церковном кресте», а концепция человеческого «Я» объединяет «Избранные стихи» и «Жизнь Арсеньева». Сцепление произведений в сборнике происходит на разных уровнях: тематическом, образном и мотивном, стилистическом, ритмическом, но при этом каждое отдельное стихотворение представляет собой завершенное целое, понятное и вне контекста всего сборника. Именно единство философского взгляда на мир, а не устойчивый образ лирического героя, образует художественную целостность «Избранных стихов».

Обращение Бунина к внешне бессистемному принципу составления поэтической книги, к длинным размерам, усложненному синтаксису и традиционным поэтизмам, как и его отказ от образа лирического героя или попыток преображения мира в слове, обусловили непринятие его финального сборника или сдержанное отношение к нему со стороны таких поэтов, как Г. Адамович, Г. Иванов и В. Ходасевич. С другой стороны, П. Пильский, В. Сирин (Набоков) и Ф. Степун высоко оценили как содержательную сторону бунинской поэзии (его концепцию вечно повторяющегося бытия, бесконечного во времени и пространстве), так и его словесную точность и строгость.

Безусловно, в лирике Бунина есть неизменные основы, константы, она не претерпевала резкой эволюции, поэтому он и смог составить единую книгу из стихотворений, написанных за двадцать пять лет. Но представляется возможным утверждать, что путем отбора в «Избранных стихах» он выдвинул на первый план определенные черты своей поэтической системы, отчасти идущие от поздней лирики Баратынского, Лермонтова и Тютчева. А именно:

¹ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. С. 237.

на содержательном уровне — это метафизические проблемы, установка на философичность; на уровне субъектно-объектной структуры книги — преобладание коллективного универсального «Я» над индивидуально-биографическим; на стилистическом уровне — особая, новая лексическая и ритмическая классичность, «ветхозаветность» стиха, метонимичность, прозаичность, сюжетность, повествовательность (новеллистичность), лаконизм художественных средств. Одновременно Бунин несколько нивелировал другие стороны своей поэтики: описательную пейзажность, светлый лиризм, субъективность, исповедальность, простоту. На создание внутреннего единства картины мира всего сборника направлены также симультанность хронотопа и внутренняя композиционная цикличность стихотворений, повторяемость сюжетов, тем и сквозных образов-символов. Все вышеперечисленное позволяет говорить о сознательной авторской установке не на подборку избранных произведений, а на *единый текст*, составленный по принципу мозаики.

Бунинские «Избранные стихи» — это не брюсовское страстное освоение всех времен, культур, масок и ролей, но это и не дневник душевной эволюции, не блоковское «вочеловечивание», и не гумилевский «путь конкистадора», открывающего разные стороны своего «Я» в мире. Это *лирическое философское эссе*, программа которого была сформулирована Буниным еще в статье о Баратынском 1900 г.¹ Самым ценным и достойным внимания в поэзии он считал тогда «те психические движения, которые направлены на разрешения *вечных вопросов бытия и смысла человеческой жизни*, <...> а это достижимо только в том случае, когда человек будет ознакомляться с жизнью *всесторонне*, когда он будет в состоянии понять и почувствовать, какие идеи и настроения волнуют теперь наше общество и какие волновали поколения, создавшие нашу современную культуру»² (курсив Бунина. — E.K.). Таким образом, «Избранные стихи» являются зрелым воплощением давнего, выполненного замысла: через всестороннее ознакомление с человеческой жизнью современности и прошлых веков дать изложенные в поэтической форме ответы на вечные онтологические вопросы.

Литература

Алданов М. О новой книге Бунина // Последние новости. 1929. 18 июля (№ 3039). С. 3.

Блок А. О лирике // Золотое руно. 1907. № 6. С. 46–48.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1 / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. («Новая Библиотека поэта»). 541 с.

¹ Показательно, что 1900 г. датируются и первые тексты, вошедшие в «Избранные стихи». Вероятно, Бунин сам считал эту дату пороговой для становления своего поэтического сознания.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. С. 523.

- Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. 237 с.
- Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. 622 с.
- Владимиров О.Н. Бунин-поэт. Логика творчества. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 256 с.
- Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрагада, 1995. 415 с.
- Гиппкус З.Н. В целомудренных одеждах (К 25-летию литературной деятельности И.А. Бунина) // Солнце России. 1912. № 141–(42). С. 2.
- Глотина Г.А. Эволюция темы природы в лирике И.А. Бунина 1900-х годов // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 508–517.
- Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Эволюция. Поэтика. Текстология. Дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2015. 442 с.
- Двинятина Т.М. Модернисты против академика: «Избранные стихи» И.А. Бунина в критике русской диаспоры // Русская литература. 2005. № 1. С. 53–66.
- Дякина А.А. Иван Бунин — поэт Серебряного века. Елец: ЕГПИ, 2000. 115 с.
- Кузнецова Г.Н. Грасский дневник // Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. М.: Грифон, 2006. С. 401–426.
- Лебедев В. О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле // Воля России (Прага). 1930. № 7–8. С. 656–661.
- Любитель прекрасного <Иванов Г.В.> Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности // Числа. 1930. № 2/3. С. 315.
- Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994. 432 с.
- Мельников Н.Г. Введение // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы). М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 333–340.
- Ничипоров И.Б. «Поэзия темна, в словах невыразима...». Творчество И.А. Бунина и модернизм. М.: Метафора, 2003. 256 с.
- Пильский П. Поэт Иван Бунин // Сегодня. 1929. 25 июня. № 174. С. 3.
- Сирин (Набоков) В. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929> // Руль. 1929. 22 мая. № 2577. С. 2–4.
- Сирин (Набоков) В. На красных лапках // Руль. 1930. 29 января. № 2789. С. 23.
- Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
- Спивак Р.С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. М.: Флинта; Наука, 2005. 407 с.
- Степун Ф. <Рецензия: Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929> // Современные записки. 1929. № 39. С. 528–532.
- Степун Ф.А. Иван Бунин // Степун Ф.А. Встречи / Сост. С. Стакорский. М.: Аграф, 1998. С. 90–104.
- Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина (образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 109–116.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Т. 3. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 224 с.
- Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535. С. 3–4.
- Эйнер А. Прозаические стихи // Воля России. 1929. № 12. С. 75–88.

References

- Aldanov M. O novoi knige Bunina [On Bunin's new book]. *Poslednie novosti*, 1929, July 18 (no 3039), p. 3. (In Russ.).
- Blok A. *O lirike* [About the lyrics]. *Zolotoe runo*, 1907, no 6, pp. 46–48. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1929, 237 p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 9.* [Collected works: In 9 vols. Vol. 9]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 622 p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Stikhovoreniia: V 2 t. T. 1* [Poems. In 2 vols. Vol. 1]. Ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ.; Vita Nova Publ., 2014. ("Novaia Biblioteka poeta"). 541 p. (In Russ.).
- Diakina A.A. *Ivan Bunin — poet Serebrianogo veka* [Ivan Bunin — poet of the Silver age]. Elets, EGPI Publ., 2000, 115 p. (In Russ.).
- Dviniatina T.M. Modernisty protiv akademika: "Izbrannye stikhi" I.A. Bunina v kritike russkoi diasporы [Modernists against an academician: "Selected poems" by Ivan Bunin in criticism of the Russian diaspora]. *Russkaia literatura*, 2005, no 1, pp. 53–66. (In Russ.).
- Dviniatina T.M. *Poeziia I. A. Bunina. Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiya. Diss. ... doktora filol. nauk* [The Poetry of Ivan Bunin. Evolution. Poetics. Textology. PhD thesis]. Saint Petersburg, 2015, 442 p. (In Russ.).
- Eisner A. *Prozaicheskie stikhi* [Prosaic poems]. *Volia Rossii*, 1929, no 12, pp. 75–88. (In Russ.).
- Ginzburg L.Ia. *O lirike* [About the lyrics]. M., Intrada Publ., 1995, 415 p. (In Russ.).
- Gippius Z.N. V tselomudrennykh odezhakh (K 25-letiiu literaturnoi deiatel'nosti I.A. Bunina) [In chaste clothes (to the 25th anniversary of Ivan Bunin's literary activity)]. *Solntse Rossii*, 1912, no 141–(42), p. 2. (In Russ.).
- Glotina G.A. Evoliutsiia temy prirody v lirike I.A. Bunina 1900-kh godov. [Evolution of the theme of nature in Ivan Bunin's lyrics of the 1900s]. *I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiia* [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp. 508–517. (In Russ.).
- Khodasevich V. O poezii Bunina [About Bunin's poetry]. *Vozrozhdenie*, 1929, August 15, no 1535, pp. 3–4. (In Russ.).
- Kuznetsova G.N. Grasskii dnevnik [The Grasse diary]. *Bunin i Kuznetsova. Iskusstvo nevozmozhnogo. Dnevniki, pis'ma* [Bunin and Kuznetsova. The art of impossible. Diaries, letters]. Moscow, Grifon Publ., 2006, pp. 401–426. (In Russ.).
- Lebedev V. O krasnykh lapkakh, dedushkinykh portretakh i golom korole [On red legs, grandfather's portraits and naked king]. *Volia Rossii (Praga)*, 1930, no 7–8, pp. 656–661. (In Russ.).
- Liubitel' prekrasnogo <Ivanov G. V.> Buket liubitelia prekrasnogo na grud' zarubezhnoi slovesnosti* [The lover of the beautiful, <Ivanov G.V.> A bouquet of the lover of the beautiful on the chest of foreign literature]. *Chisla*, 1930, no 2/3, p. 315. (In Russ.).
- Mal'tsev Yu.V. *Ivan Bunin, 1870–1953*. Frankfurt am Main, Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).

Mel'nikov N.G. *Vvedenie* [Introduction]. *Klassik bez retushi: Literaturnyj mir o tvorchestve I.A. Bunina: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890-e–1950-e gody)* [A classic unretouched: Literary world on Ivan Bunin's works: Critical reviews, essays, parodies (1890s–1950s)]. Moscow, Knizhitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010, pp. 333–340. (In Russ.).

Nichiporov I.B. “*Poeziia temna, v slovah nevyrazima...*”. *Tvorchestvo I.A. Bunina i modernism* [“Poetry is dark, inexpressible in words...”]. The works of Ivan Bunin and the modernism]. Moscow, Metafora Publ., 2003, 256 p. (In Russ.).

Pil'skii P. *Poet Ivan Bunin* [Ivan Bunin, a poet]. *Segodnia*, 1929, June 25, no 174, p. 3. (In Russ.).

Sirin (Nabokov) V. <Retsenziia: Izbrannye stikhi. Parizh: Sovremennye zapiski. 1929>. [Review. Selected poems. Paris, Sovremennye zapiski. 1929]. *Rul'*, 1929, May 22, no 2577, pp. 2–4. (In Russ.).

Sirin (Nabokov) V. *Na krasnyh lapkah* [On red little paws]. *Rul'*, 1930, January 29, no 2789, p. 23. (In Russ.).

Slivitskaia O.V. “*Povyshennoe chuvstvo zhizni*”: *Mir Ivana Bunina* [“A heightened sense of life”: Ivan Bunin's world]. Moscow, RGGU Publ., 2004, 270 p. (In Russ.).

Spivak R.S. *Russkaia filosofskia lirika. 1910-e gody. I. Bunin, A. Blok, V. Maiakovski* [Russian philosophical lyrics. 1910's years. I. Bunin, A. Blok, V. Maiakovskii]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2005, 407 p. (In Russ.).

Stepun F. <Retsenziia: Izbrannye stikhi. Parizh: Sovremennye zapiski, 1929> [Review: Selected poems. Paris, Sovremennye zapiski, 1929]. *Sovremennye zapiski*. 1929, no 39, pp. 528–532. (In Russ.).

Stepun F.A. *Ivan Bunin*. Stepun F.A. *Vstrechi* [Meetings], comp. S. Stakhorskii. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 90–104. (In Russ.).

Ter-Abramants A.P. *Sozvezdiia Ivana Bunina (obrazy zvezdnogo neba v tvorchestve Bunina)* [Constellations of Ivan Bunin (images of the starry sky in Bunin's works)]. *I.A. Bunin i russkaia literatura XX veka* [Ivan Bunin and the Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 109–116. (In Russ.).

Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny: V 3 t. [From the mouth of the Bunins. The diaries of Ivan and Vera Bunin. In 3 vols.]. Ed. by M. Grin. Vol. 3. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1982. 224 p. (In Russ.).

Vladimirov O.N. *Bunin-poet. Logika tvorchestva* [Bunin as a poet. The logic of creation]. Barnaul, Izd-vo AltGU Publ., 2016, 256 p. (In Russ.).

IVAN BUNIN'S “SELECTED POEMS” COLLECTION OF 1929: A PROBLEM OF INTEGRITY

© 2019, EKATERINA KUZNETSOVA

Abstract: The author gives an analysis of the structure, composition, style and semiotics of the final “Selected poems” collection made by Ivan Bunin himself. Various cross-cutting themes (Russia, God, life, death, memory, culture, history, creative work

etc.) and motives (sea, stars, deer etc.) are discovered together with the special ways of manifesting the poet's "Ego". A number of characteristic traits lets the author to suppose the influence of E. Baratynskii's "Twilight" collection on composition, structure and style of Bunin's collection and to presume that this collection is not a mere selection of odd poems, but an integral whole characterized by the plot, problems and completeness.

Keywords: Ivan Bunin, E. Baratynskii, Russian emigration, a book of poems, creative integrity.

Information about the author: Ekaterina Kuznetsova, PhD, researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of sciences, Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russia, E-mail: katkuz1@mail.ru

МИФОПОЭТИКА ОБРАЗА Л.Н. ТОЛСТОГО В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «НОЧЬ»

© 2019, В.С. ТИМОЩЕНКОВА

Аннотация: В данной статье рассматривается рассказ И.А. Бунина «Ночь» как авторский миф писателя. Образы природы способствуют созданию особого «ночного» мира в рассказе и побуждают автора к философским размышлениям. Бунин высказал в рассказе «Ночь» мысли об особом жизненном предназначении некоторых великих личностей в истории человечества с их особенной судьбой. В ряду таких личностей у Бунина оказываются очень похожие, с его точки зрения, друг на друга Соломон, Будда и Лев Толстой.

Ключевые слова: авторский миф, миф о Природе, буддизм, Соломон, Будда, Лев Толстой.

Информация об авторе: Валерия Сергеевна Тимошенкова — студент 5 курса, Институт филологии Московского педагогического государственного университета, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 Москва, Россия. E-mail: tim.valerija@rambler.ru

Иван Алексеевич Бунин — выдающийся русский писатель XX в., лауреат Нобелевской премии. Еще в юности Бунин проникся особым чувством к великому русскому писателю Л.Н. Толстому, про которого гораздо позднее, в эмиграции, он напишет биографическую книгу «Освобождение Толстого». Как писатель Бунин никогда сознательно не стремился стать похожим на Толстого, но, по его собственному признанию, всегда ощущал человеческую близость к нему и, как художник, безусловно, многому у него учился.

Л.Н. Толстой во многих отношениях был близок Бунину по духу. В частности, это выражалось в стремлении обоих исследовать себя, свой путь и свою личность.

В 1925 г. Бунин написал лирико-философский рассказ «Ночь», в котором высказал свои мысли об особом жизненном предназначении некоторых великих личностей в истории человечества с их особенной судьбой. В ряду таких личностей у Бунина оказываются очень похожие, с его точки зрения, друг на друга Соломон, Будда и Лев Толстой.

В данной статье мы выдвигаем гипотезу, что бунинский рассказ «Ночь» может быть рассмотрен как авторский миф писателя. В XX в. понятие мифа активно используется как в зарубежной, так и в русской литературе. В нашем понимании авторский миф — это индивидуальная авторская концепция, система взглядов с сильным художественным элементом, то есть сознательно допускаемым автором элементом домысла и вымысла. Бунин в рассказе «Ночь» выступает в роли автора-творца, создающего свой особый мир, в котором выделяются следующие временные пласти:

- реальное время, в котором существует и размышляет автор;
- ночь;
- историческое прошлое как объект авторских размышлений.

Первые два абзаца рассказа вводят читателя в гипнотическое состояние, созданию которого способствуют такие образы, как «бездонность неба», «разноцветные звезды»; «бледное», «млечно-зеркальное» море, которое «лентаргически-недвижно, молчит»; вокруг — тишина, в которой слышится «хрустальное журчание», «хрустальный звон». При том, что описывается покой ночи, душевное состояние автора не соответствует гармоничному состоянию природы. Окружающая обстановка побуждает Бунина к философским размышлениям о существовании человека в этом мире.

Образы природы способствуют созданию особого «ночного» мира в рассказе. Установившаяся тишина вокруг будто застыла в ожидании, и в этот момент автор-рассказчик задается вопросом: «О чём я думаю?»¹.

Особое место в системе «природных» образов в этом рассказе принадлежит планете Юпитер. Юпитер является самой большой планетой Солнечной системы, а по яркости занимает четвертое место по сравнению с Солнцем, Луной и Венерой. Планета обладает сильным золотистым свечением. Название свое она получила в честь древнегреческого бога Зевса, властелина Неба и Земли, которого древние римляне называли Юпитером. В рассказе Бунин также наделил Юпитер царственностью и величием: «Юпитер, золотой, огромный, горит в конце Млечного Пути так царственно, что на балконе лежат чуть видные тени от стола, от стульев»². Мощь и величие планеты таковы, что вызывают у рассказчика даже чувство страха: «Юпитер, золотым потоком льющийся в великое зерцало вод, блещет в небесах как будто еще страшнее и царственнее...»³. В то же время планета Юпитер выступает в рассказе знаком некоего особого, другого — «божественного» мира: «Он кажется маленькой луной какого-то иного мира <...> он как знак святого духа»⁴.

Ночь в рассказе — это иной мир: «Горний свет Юпитера жутко озаряет громадное пространство между небом и морем, великий храм ночи <...>. И я один в этом храме, я бодрствуя в нем»⁵. Ночи противопоставлен День: «День есть час делания, час неволи. День — исполнение земного долга, служения земному бытию»⁶. Бунин четко выделяет Ночь как время, когда человеческое сознание не подвержено никаким ограничениям, Ночь предназначена для «умствования».

¹ Бунин И. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2010. С. 312.

² Там же. С. 314.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 314.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

К противопоставлению Дня и Ночи, к образам Света и Тьмы, звезд и солнца писатель в своих произведениях обращался неоднократно. Тут есть прямая связь с интересом Бунина к странам Ближнего и Дальнего Востока. Известно, что в период с 1903 по 1911 г. им было осуществлено несколько путешествий на Восток. В наибольшей мере восточные мотивы присущи поэзии Бунина, в которой он обращается к мифологии, истории, религии и философии Ближнего Востока. Присутствует восточная тема и в рассказе «Ночь». Применяя «восточный» подход, писатель в своем рассказе как бы делит мир на две «части»: мир как гармония и мир как дисгармония.

Бунин признается в рассказе, что ощущает сильную связь с Индией. Он полагает, что его пращур обитал в Индийских краях. Важно отметить, что писатель не был ни буддистом, ни индуистом. Он переосмысливал восточные религиозные учения в своем творчестве, что сближает его с Толстым. «Буддизм» Бунина — это кладезь человеческой мудрости, «великих истин», с помощью которых писатель пытался познать мир. В рассказе цитируется ветхозаветная книга Екклезиаста: «Решился я испытать разумом все, что делается под солнцем; но это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтобы они мучили себя... Бог сотворил людей разумно, но, увы, люди пустились в большую затейливость». И Екклезиаст отечески советует: «Не будь слишком правдив и не умствуй слишком»¹.

Бунин отмечает в рассказе, что способность человека думать о своем существовании отделяет его от прочих живых существ. Думы, которые завладели автором ночью, порождают в нем чувства «тоски и корысти» и счастья «от этого великого покоя, великой гармонии ночи»². Они вызваны томлением по вечному знанию и одновременно «каждой как-то использовать это счастье»³, создать что-то из этой «тоски и корысти». Для писателя думанье есть нечто непостижимое и удивительное, но оно же есть и самое роковое в жизни. Бунин говорит о том, что из-за этой способности к думанью он отменен «роковой» печатью. Писатель задается вопросом: к какому разряду относятся подобные люди? Верно ли называть таковыми поэтов и художников? Да, эти личности объединены «способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое <...> то есть, как принято говорить, способностью перевоплощения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью»⁴.

Испытывая тягу к восточной мудрости, Бунин выделяет в отдельный ряд Соломона и Будду как носителей этой мудрости. По мнению Бунина, в этот ряд вписывается и русский писатель Лев Толстой. И вот что общего находит Бунин между ними. И Соломон, и Будда, и Толстой сначала живут насыщен-

¹ Бунин И. Малое собрание сочинений. С. 312–313.

² Там же. С. 313.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316.

ной чувственной жизнью, а потом — разочаровываются в ней. Толстой еще в молодые годы испытывал терзания из-за своих чувственных влечений, которые не мог в себе побороть. В период духовного кризиса Толстой отвергает чувственное начало в человеке, выдвигая на первый план духовное начало и работу над своим нравственным развитием. Согласно легенде, отец Будды ограждал его от знаний о человеческих страданиях и специально построил для своего сына три дворца. Однако в 29 лет Будда покидает пределы дворца и видит ужасы жизни, о которых не знал прежде: бедность, болезнь, смерть. После увиденного Будда пытается осмыслить данное открытие и уходит из дома в поисках Истины. Бунин указывает на необычное сходство Будды и Толстого с гориллой, выделяя общее как в их внешнем облике, так и во внутренних качествах: «Всякий знает бровные дуги Толстого, гигантский рост и бугор на черепе Будды»¹. Также, по Бунину, им всем присуща «безмерная чувственность», желание насытить свою похоть — в молодости, и «нерешительность», «задумчивость» и «жалостливость» — в старости. В данном случае жизнь духа Бунин смело поверяет физиологией и биологией. Это его наблюдение, конечно, является очень спорным и даже провокационным, но в то же время оно есть часть его индивидуального авторского мифа.

Темой Востока Л.Н. Толстой заинтересовался довольно рано, однако поначалу его увлечение данной темой не выходило за рамки простого интереса. Известно, что в 1847 г. в казанском госпитале Толстой познакомился с буддийским ламой, который рассказывал ему историю о том, как на него напал разбойник, а он, будучи буддистом, не оказал этому разбойнику никакого сопротивления. Так Толстой впервые узнал о законе «непротивления злу насилием». В период духовного кризиса, в 1870-е гг., интерес Толстого к буддизму возрастает, и он всерьез обращается к его изучению. В его домашней библиотеке в Ясной Поляне до сих пор хранится соответствующая литература. В 1883 г. Толстой встречался в Туле с выдающимся индологом И.П. Минаевым, с которым вел беседы о буддизме и, вероятно, читал его научные труды о буддизме². Позже Толстой предпримет попытку написать очерк, посвященный жизни Будды. В 1905 г. очерк «Будда» был помещен в первое издание «Круга чтения»³. Таким образом, мы видим, что связь Толстого с буддийским учением, отмеченная и особым образом истолкованная в рассказе Бунина «Ночь», имела реальные основания в биографии писателя.

¹ Бунин И. Малое собрание сочинений. С. 317.

² Серебряный С.Д. Лев Толстой и Буддизм // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 3. С. 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lev-tolstoy-i-buddizm> (дата обращения: 08.03.2018)

³ Толстой Л.Н. Сиддарта, прозванный Буддой, то есть святым. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/siddarta-prozvannyj-buddoj.htm> (дата обращения: 08.03.2018)

В финальной сцене рассказа имеет место сложное переплетение авторского мифа Бунина с его пониманием жизни Природы. Ночь достигла «пределного часа своей красоты и величия», на небе уже появляются первые предутренние звезды: «“Ночь ночи передает знание”. Какое? И не в этот ли сокровенный, высший час свой?»¹. Автор все еще слышит звон, который становится похожим на «растущие хрустальными винтами цветы», он ждет: «Чего же наконец достигнет это звенящее молчание?»². Вместе с шорохом «накатившейся на берег и разлившейся волны» наступает как бы пробуждение рассказчика ото сна, и он получает нечто вроде откровения. Бунин осознает свое сходство с описываемыми им великими личностями, но признается, что сам пока не готов к переходу в мир Чистого Духа. Морская вода, в которую рассказчик «с упоением» погружает руки, сравнивается им с манящим женским началом, от которого он, в отличие от Будды и Толстого, не может отказаться. Отсюда последняя фраза рассказа: «Боже, оставь меня!»³.

Литература

Бунин И. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2010. 800 с.

Серебряный С.Д. Лев Толстой и Буддизм // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 3. С. 13.: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lev-tolstoy-i-buddizm> (дата обращения: 08.03.218)

Толстой Л.Н. Сиддарта, прозванный Буддой, то есть святым. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/siddarta-prozvannyj-buddoj.htm> (дата обращения: 08.03.2018)

References

Bunin I. *Maloe sobranie sochinenii* [Collected Works. Minor edition]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 800 p. (In Russ.)

Serebryanyy S.D. Lev Tolstoy i Buddizm [Leo Tolstoy and Buddhism]. *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*. 2016. № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/lev-tolstoy-i-buddizm> (Accessed 08 March 2018). p. 13

Tolstoy L.N. *Siddarta, prozvannyy Buddoy, to est' svyatym* [Siddhartha proclaimed Buddha, that is, a saint]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/siddarta-prozvannyj-buddoj.htm> (Accessed 08 March 2018).

¹ Бунин И. Малое собрание сочинений. 2010. С. 321.

² Там же. С. 322.

³ Там же.

**MYTHOPOETICS OF THE IMAGE OF LEO TOLSTOY IN THE STORY
OF IVAN BUNIN “THE NIGHT”**

© 2019, VALERIYA TIMOSHCHENKOVA

Abstract: This article discusses the story of Ivan Bunin “The Night” as the author’s myth of the writer. The images of nature contribute to the creation of a special “night” world in the story and encourage the author to philosophical reflections. Bunin expressed in this story his thoughts on the special purpose of life of some great personalities in the history of mankind, with their particular destiny. Among such personalities, Bunin counts such similar, from his point of view, ones as Solomon, Buddha, and Leo Tolstoy.

Keywords: author’s myth, the myth of Nature, Buddhism, Solomon, Buddha, Leo Tolstoy.

Information about the author: Valeriya Timoshchenkova, 5th year student, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya str., 1, bldg. 1, 119991 Moscow, Russia, E-mail: tim.valerija@rambler.ru

ГИ ДЕ МОПАССАН В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БУНИНА

© 2019, В.А. МЕСКИН, К.Н. ГАЛАЙ

Аннотация: В статье сопоставляется типология творчества старшего и младшего современников — Ги де Мопассана и Ивана Бунина. Рассматриваются многие мемориальные публикации, подтверждающие тот факт, что на протяжении всей жизни русский писатель уделял внимание французскому коллеге и что это внимание имело определенную эволюцию. Сопоставляя большое число формально-тематически близких произведений, авторы доказывают несходность этих произведений в содержательно-поэтическом плане. Утверждается, что Бунин преодолел притяжение реализма XIX в., одним из столпов которого был Мопассан, и вышел на платформу модернистского, неореалистического творчества.

Ключевые слова: Ги де Мопассан, Иван Бунин, французская литература, русская литература, эволюция, реализм, модернизм, неореализм, форма, содержание, поэтика

Информация об авторах: Владимир Алексеевич Мескин — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: vameskin@yandex.ru

Карина Назировна Галай — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: galay_karina@mail.ru

Иван Бунин хорошо известен во Франции. Еще в 1920-е гг. его творчество многократно сравнивали с творчеством Мопассана. «Иван Бунин, — утверждал рецензент популярной газеты, — среди своих соотечественников своего рода Мопассан»¹. Известный критик Андре Делакур в статье «Европейские писатели» писал: «Реалист, но не натуралист, равно далекий как от Достоевского, так и от Золя, часто напоминающий Мопассана, но остающийся типично русским писателем по манере наблюдать, рассуждать и выражать, Иван Бунин обладает творческой мощью своих соотечественников-романистов и в равной степени даром рассказчика, вниманием к форме, лаконичностью и ясностью французских новеллистов»².

¹ Это был отклик на сборник рассказов «Господин из Сан-Франциско», вышедший в 1921 г. и включавший в себя рассказы «Соотечественник», «Братья», «Готами», «Сны Чанга», «Сын», «Легкое дыхание», «Весенний вечер», «Аглая», «Грамматика любви», «Илья Пророк», «Ночной разговор», «Я все молчу», «Хорошая жизнь», «Смерть». *Revue française*. 1922. 2 avril. Цит. по: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы) / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; Сост., подгот. текста, comment. Н.Г. Мельников, Т.В. Марченко. М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 502.

² Delacour André. Des écrivains européens // L'Européen. 1934. 6 juillet. № 247. P. 5.

Рассмотрение того, что сближает, что отдаляет Мопассана и Бунина представляет научный историко-литературный интерес. Французский прозаик упоминается в ранних и поздних бунинских записях много раз. Об этом не-преходящем внимании одного писателя к другому говорили люди, хорошо знавшие своего соотечественника. «Из французских писателей, — писал Г. Адамович о Бунине, — он особенно ценил Флобера и отчасти Мопассана¹. В книге Л. Любимова есть такие строки: «За долгие годы Бунин, так и не овладев в совершенстве французским, читал в подлиннике своего любимого Мопассана»². Это подтверждает, дважды, и Г. Кузнецова в «Грасском дневнике», замечая, что Мопассана Иван Алексеевич читал «с величайшим вкусом»³. Другое дело, что никто из них не говорил, что Бунин в оценке Мопассана склонялся то к «превосходно», то к «пошло». Очевидную эволюцию мопассановский дискурс претерпевает и в бунинской прозе.

Ранний Бунин не подражал Мопассану, но перенимал у него тематику, прежде всего любовную. У того и у другого автора встречаются удивительно схожие сюжеты о коварных перипетиях этого чувства: любовь-ловушка, муки неразделенной любви, адлютер, таинства любви, гибельность любви и т.д. Явно корреспондируют рассказы Мопассана «Брошенный» (1884), «Гарсон, кружку пива» (1884), «Избавилась» (1885) и Бунина «Грамматика любви» (1915), «Митина любовь» (1924).

В одних случаях мопассановское реминисценцирует в содержании бунинских произведений, взять, к примеру, «Поездку за город» (1881) одного и «Солнечный удар» другого (1925). Корреспондируют вfabульном плане рассказы Мопассана «Сумасшедший» (1884) и Бунина «Пароход “Саратов”» (1944), оба они об убийственной, лишающей рассудка силе ревности. В других случаях мопассановское и реминисценцирует, и упоминается, как, например, в музыкальном бунинском рассказе «Тишина» (1901). Лирико-эпический герой, несомненно, близкий по мироощущению самому автору, видит здесь Мопассана в самой высокочтимой компании: «Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пройдем и мы с тобой...». Это вполне по-бунински — ощущать счастье и говорить о несчастье, чувствовать бесконечность бытия и говорить о кратковременности человеческой жизни, но это характерно и для Мопассана.

Имя французского писателя не однажды так или иначе вспоминается в связи с прозой Бунина. Например, в «Новом году» (1901) имя французского

¹ Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: портреты писателей эмиграции / Сост. и comment. В. Крейда. М.: Республика, 1994. С. 17.

² Любимов Л. На чужбине. Ташкент: Узбекистон, 1990. С. 32.

³ Кузнецова Г. Грасский дневник. Последняя любовь Бунина. М.: Олимп, Астрель, 2010. С. 86.

писателя всплывает в разговоре героев этого рассказа. Мопассановское, по тонкому наблюдению исследовательницы творчества Бунина, ощутимо присутствует в рассказе «Неизвестный друг» (1923)¹.

Творчество Мопассана и Бунина связано многими перекличками, родство их писаний не вызывает сомнений. Переклички со всей очевидностью проявляются, например, в изысканных описаниях природы, в излюбленных рассуждениях прозаиков о бренности жизни, о ее прелести — при всей неизбежности в ней драм. Оба сопрягали здесь восторженное и трагедийное. Есть близость в плане схожих сюжетно-композиционных построений и т.д. Но переклички и сходства, конечно же, не затмевают основательных расхождений. Прежде всего, в видении человека. Расхождения особенно очевидны при сопоставлении женских образов. Здесь Бунин, если можно так сказать, более джентльмен. У Мопассана немало низких женских характеров — похотливых, корыстных, лишенных материнских чувств. Таких женщин у Бунина нет. Среди его героинь преобладают натуры демонические, они способны на коварство, но это коварство высшего порядка, их коварство — следствие высокой таинственной страсти. Трудно не согласиться с Ю. Мальцевым, автором самого полного исследования творчества Бунина. По доказательному мнению ученого, «у Мопассана нет идеи катастрофичности любви и нет взгляда на женщину, как на существо таинственное»². Много сложнее и мужские характеры Бунина. Французский прозаик здесь более физиологичен.

Мопассан и Бунин — писатели не близкородственные, образно говоря, они близнецы, но не двойняшки. Бунин — писатель новейшего времени, преодолевший манеру реализма прошлых десятилетий, у него уже другая типология художественного мышления, его поэтика немало связана с поэтикой модернистской. И не стоит придавать большого значения тому, что долгие годы он ругал символистов. В 1930-е гг. он уже обижался на тех, кто называл его реалистом³. Ю. Мальцев так определил своеобразие писателя Бунина — «скрытый модернист». Но, думается, правильнее называть его неореалистом. В его сочинениях нивелирован социальный фактор, а бытийное превалирует над бытовым. Это трудно сказать о Мопассане. Если сопоставить буквально все выше упомянутые произведения французского и русского писателя, можно заметить их формальную схожесть и разницу в содержании.

Не случайно поздний Бунин смотрел на Мопассана не так однозначно, как в начале творчества: уважение здесь уже перемежается с иронией. В путевой поэме «Воды многие» (1925–1926) его повествователь рассуждает о «превысившем» значении произведений Мопассана, чей томик летит здесь за борт. Правда, книги Мопассана противопоставлены Библии, Корану, Ведам.

¹ Сливцкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. С. 19.

² Мальцев Ю. Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. С. 219.

³ Письма И.А. и В.Н. Буниных Л.Д. Ржевскому // Русская литература XX века. Итоги и перспективы изучения. М.: Советский спорт, 2002. С. 351.

Но книги каких писателей в этом смысле не меркнут в сравнении с Книгами Книг? Снисходительное отношение Бунина к Мопассану проявлялось и раньше, в его дневниковых записях 1917–1918 гг. и совершенно определенно — в поздней прозе, например, в рассказах «Антигона» (1940), «Галя Ганская» (1940).

В первом рассказе упоминание французского писателя, часто указывавшего на фальшь в отношениях между людьми, очевидно, понадобилось автору, чтобы подчеркнуть фальшь в отношениях между главными героями. Во втором рассказе самокритичный главный герой уличает себя, как ему видится, в мопассановской пошлости: «Я как раз в ту пору провел две весны в Париже, вообразил себя вторым Мопассаном по части любовных дел и, возвращаясь в Одессу, ходил пошлейшим щеголем: цилиндр, гороховое пальто до колен, кремовые перчатки, полулацовые ботинки с пуговками, удивительная тросточка, а к этому прибавь волнистые усы, тоже под Мопассана, и обращение с женщинами совершенно подлое по безответственности». Правда, в конце жизни, в философском рассказе «Бернар» (1952), содержащем вольный перевод отрывка из очерка Мопассана «На воде» (1888), Бунин не прямо, но косвенно дал самую высокую оценку творчеству своего французского предшественника.

Мопассан — писатель более имманентный, в том смысле, что преимущественно с объективным миром связано содержание его произведений, Бунин — более метафизичен. Сказать, что «Солнечный удар» — рассказ об адюльтерном случае — значит не сказать нечто главное об этом произведении. И вообще, сформулировать идею многих и многих бунинских вещей чрезвычайно трудно, гораздо труднее мопассановских. О чем «Легкое дыхание»? О чем «Темные аллеи»? О чем «Чистый понедельник»? Вот уже почти век Иван Алексеевич с усмешкой смотрит «оттуда» на все наши малоуспешные попытки разгадать тайны его творчества.

Литература

Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: портреты писателей эмиграции / Сост. и comment. В. Крейда. М.: Республика, 1994. 384 с.

Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; Сост., подгот. текста, comment. Н.Г. Мельников, Т.В. Марченко. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

Кузнецова Г. Грасский дневник. Последняя любовь Бунина. М.: Олимп, Астрель, 2010. 382 с.

Любимов Л. На чужбине. Ташкент.: Узбекистон, 1990. 384 с.

Мальцев Ю. Иван Бунин 1870–1953. М.; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с.

Письма И.А. и В.Н. Буниных Л.Д. Ржевскому / Публ. В. Агеносова // Русская литература XX века. Итоги и перспективы изучения. М.: Советский спорт, 2002. С. 349–355.

Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 268 с.

Delacour André. Des écrivains européens // L'Eropéen. 1934. 6 juillet. № 247. P. 5.

References

Adamovich G. Bunin. Vospominaniia [Bunin. Memoirs] *Dal'nie berega: portrety pisatelei emigratsii* [Distant shores: portraits of writers in exile]. Ed. by V. Kreid. Moscow, Respublika, 1994. 384 p. (In Russ.).

Delacour André. Des écrivains européens. *L'Européen*, 1934, 6 juillet, № 247, p. 5.

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina. Kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890-e–1950-e gody): Antologiya [An unretouched classic. Literary world on the works of Ivan Bunin. Critical reviews, essays, parodies (1890–1950s). An anthology]. Ed. by N.G. Mel'nikov; text, comm. by N.G. Mel'nikov, T.V. Marchenko. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 928 p.

Kuznetsova G. *Grasskii dnevnik. Posledniaia liubov' Bunina*. [Grasse diary. Bunin's last love]. Moscow, Olimp Publ., Astrel' Publ., 2010, 382 p. (In Russ.).

Liubimov L. *Na chuzhbine*. [In foreign land]. Tashkent, Uzbekiston Publ., 1990, 384 p. (In Russ.).

Mal'tsev Iu. *Ivan Bunin 1870–1953*. Moscow, Frankfurt am Main, Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).

Pis'ma I.A. i V.N. Buninykh L.D. Rzhevskomu. Publ. V. Agenosova [The letters of Ivan and Vera Bunin to L. Rzhevskii. Publ. by V. Agenosov]. *Russkaia literatura XX veka. Itogi i perspektivy izucheniiia* [Russian literature of the XXth century. Results and prospects of study]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 2002, pp. 349–355. (In Russ.).

Slivitskaia O.V. “*Povyshennoe chuvstvo zhizni*”: *Mir Ivana Bunina*. [“A heightened sense of life”: Ivan Bunin’s world]. Moscow, RGGU Publ., 2004, 268 p. (In Russ.).

GUY DE MAUPASSANT IN IVAN BUNIN'S WORKS

© 2019, VLADIMIR MESKIN, KARINA GALAI

Abstract: Typological features of works of Guy de Maupassant and Ivan Bunin, his younger contemporary, are analyzed. Various memorial publications are taken into account to prove the fact that during all his life the Russian writer paid much attention to his French colleague's works and that this attention evolved with time. Comparing a large number of formally and thematically close works the authors aim to show that on the content and poetical level they remain much different. Bunin has overgrown the realism of the 19th century, where Maupassant was one of the giants, and came to create modernist, neorealistic works.

Keywords: Guy de Maupassant, Ivan Bunin, French literature, Russian literature, evolution, realism, modernism, neorealism, form, content, poetics.

Information about the author: Vladimir Meskin, PhD (Dr.hab.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Russian University for the Friendship of Peoples. E-mail: vameskin@yandex.ru

Karina Galai, PhD, Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Russian University for the Friendship of Peoples. E-mail: galay_karina@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА В КОНТЕКСТЕ МЕМОРОЦЕНТРИСТСКОЙ ПРОЗЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

© 2019, О.В. РЕЗНИК

Аннотация: В статье проанализированы индивидуальные особенности авторского сознания И.А. Бунина в автобиографическом произведении «Окаянные дни». Отмечено, что «синхрон-картины» и «ретро-картины» в данном произведении значительно дополняют и корректируют друг друга. Концепт «дом» как мировоззренческая категория достаточно презентативен для социально-исторического дискурса. Он не только объединяет в эмиграции авторов-политиков и обывателей, но и раскрывает те внутренние противоречия в отношении к прошлому, которые выражаются в ретро-картинах и оценках. Субъективность, пристрастность в изображении исторических реалий не меняет художественную стратегию автора, а, скорее, обогащает ее эмотивными типическими деталями.

Ключевые слова: автобиографическая проза, русская эмиграция первой волны, дом, И.А. Бунин, революция, память, народ.

Информация об авторе: Оксана Владимировна Резник — доктор филологических наук, профессор, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия. E-mail: oreznik2005@yandex.ru

Изучение наследия И.А. Бунина в контексте русской автобиографической прозы начала XX в. обусловлено той спецификой авторского сознания, которая позволяет классифицировать его «Окаянные дни» как мемороцентристское произведение. Пристальное внимание к бытовым мелочам, заинтересованное и субъективное отношение к происходящим в социуме переменам делает актуальным рассмотрение данного произведения в эмигрантском дискурсе указанного периода. По мнению А.С. Трусовой, «Окаянные дни» во многом определяли тон эмигрантской публицистики первых десятилетий «русской смуты», они же обусловили пафос «диссидентской» литературы¹.

Как уже отмечалось ранее, мемороцентризм² является характерной и неотъемлемой чертой тех произведений русской эмиграции первой волны, в которых прослеживается желание автора сохранить (хотя бы на бумаге) уже исчезнувшие реалии дореволюционной России. Вместе с ними память изгнанников подвергала переосмыслинию и этапы расставания с родиной, те трагические приметы пространственно-временной трансформации, которая

¹ Трусова А.С. Мифопоэтическая парадигма «Окаянных дней» И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2004. 195 с.

² Резник О.В. Литературоцентризм и мемороцентризм русской литературы Великого Раскола // Таврические студии. Культурология. № 7. Симферополь: Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2016. С. 6–14.

приобрела в их понимании статус глобальной, мировой катастрофы. Анализируя художественное воплощение данных категорий, уместно проследить несколько уровней организации и постижения действительности в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: религиозно-философский уровень, социально-исторический, этический. Для каждого из них характерны свои ключевые концепты, универсальное дискурсивное воплощение.

Каждое новое произведение в жанре воспоминаний становилось для эмиграции своего рода синтезом философии, мифологии, искусства, литературы, религии, обыденного опыта. Такое понятие, как «синхрон-картина» — атрибуция эмигрантского творчества, концентрировавшего внимание на субъективном восприятии и осмыслении действительности — достаточно точно, на наш взгляд, передает особенность художественного мира И.А. Бунина. В ретро-картине писатель стремился воссоздать те приметы прошлого, которые служили своеобразным культурным наследием и определяли границы личного мира. Чаще всего реальность была субъективно трансформирована или гипертрофирована, но автор считал именно такой ракурс достойным описания и сохранения. В лирических отступлениях, напротив, чаще фигурирует «ретро-картина», которая не только корректирует изображенное, но и раскрывает значимые изменения внешнего и внутреннего мира автора. По мнению Д. Риникера, «Окайные дни» достаточно репрезентативны в историко-культурологическом плане, так как отражают, порой с фотографической точностью, эпоху революции и Гражданской войны и являются свидетельством восприятия, переживаний и раздумий русского интеллигента этого времени¹. Поэтому целью данной публикации становится рассмотрение «Окайных дней» с точки зрения именно социально-исторического уровня мемороцентраизма.

В монографии О.В. Сливицкой «“Повышенное чувство жизни”: мир Ивана Бунина» высказано утверждение о том, что в творчестве остается только то, что достойно памяти, а недостойное забывается: «Поэтому память так тесно сопряжена с художественным творчеством»², а Ю.В. Мальцев в фундаментальном исследовании «Иван Бунин» резюмировал: «Память — вечное настоящее»³. Углубляя эту мысль, отметим, что, как правило, каждый писатель-эмигрант настаивает на подлинности изложенного. Поскольку предполагается, что стороннему наблюдателю трудно поверить в описания, даже поданные максимально реалистически, в заглавия автобиографических произведений авторы нередко стараются выносить не просто эпоним

¹ Риникер Д. «Окайные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/64_Riniker.pdf (дата обращения: 19.11.2018).

² Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004. С. 124.

³ Мальцев Ю.В. Иван Бунин. М.; Франкфурт н/М., Посев, 1994. С. 12.

«воспоминания» (как Н. Тэффи), а эмоциональную оценку («Окайяные дни» И. Бунина, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Рядовой русский беженец...» П. Бобровского) или, наоборот, безличную, отстраненную конструкцию («История одной жизни» о. Александра (Семенова-Тян-Шанского), «Крым в 1917–1920-е годы. Воспоминания» Н. Епанчина, «Путь русского офицера» А. Деникина и др.). Выбор названия бунинского произведения подчеркивает совмещение документального и субъективного начал. Следует отметить, что воспринимать автобиографическую прозу как источник подлинной информации достаточно проблематично, так как фактическая составляющая в данных произведениях представляет собой в значительной мере противоречивый и субъективно отобранный материал.

Различные писатели типологически совпадают в желании передать своеобразие эпохи через введение в речь слухов, реплик, диалогов, лаконичных портретных зарисовок. В текст произведений включаются выдержки из газет, прокламаций, афиш, плакатов и т.д. Причем все это пропущено «сквозь автора». В частности, Бунин ищет причины социальных трансформаций и духовные пути сопротивления сложным обстоятельствам, в указанном произведении доминирует рефлексия, свидетельствующая о стремлении писателя не только воспроизвести увиденное и пережитое, но, прежде всего, осмыслить глубинные изменения в социуме и во внутреннем мире человека в ситуации Великого Раскола¹.

При всем разнообразии индивидуального стиля представителей русской эмиграции первой волны следует отметить подчеркнутое стремление авторов к обобщению исторических событий, к отражению тенденций массового сознания. Обращение к документам и свидетельствам современников придает автобиографической прозе того времени конкретность, достоверность и всесторонность изображения. Однако при этом личностная доминанта социально-исторического дискурса эмигрантской литературы обусловила тяготение к выявлению философско-исторических аналогий, раскрытию вневременно-го содержания событий и значения действующих лиц эпохи.

В эмигрантском дискурсе автобиографической литературы выстраивались персональные координаты мира, в условиях которого личность переживала сложные проблемы социализации. В выборе топосов, образов, мотивов и других компонентов текста прослеживается знаковость, культурные ассоциации и изменение ценностных ориентаций в ситуации общественного слома. Авторы могут демонстрировать дифференциацию жанров, но общность нарративных позиций несомненна на этическом уровне.

Творческий и душевный отклик художника на историческую трагедию был сопряжен с ностальгией и обидой за пережитое, поэтому мы можем говорить о преобразующей, трансформирующей роли памяти в эмигрантском

¹ Резник О.В. Великий Раскол: взгляд с того берега (автобиографическая проза первой волны русской эмиграции). Симферополь: Доля, 2010. 336 с.

дискурсе. Отмечаемый исследователями эффект равноправия полярных сторон бытия (радости и страдания, жизни и смерти и т.д.) в творчестве Бунина может быть скорректирован обстоятельствами изгнания. О.И. Капчинский в своем исследовании подчеркивает, что, в отличие от Москвы, в Одессе Бунин пережил не только те негативные явления, которые были присущи революции 1917 г. и Гражданской войне, но и ощутил специфику портового города, в котором значительную роль при любой власти играли уголовные элементы, являющиеся непосредственной частью изображенной писателем социально-экономической действительности¹. Ретро-картины в «Окайанных днях» относятся к той эпохе, когда сам автор был другим: на что-то надеялся, во что-то страстно верил. В момент написания произведения это уже был другой И. Бунин: усталый, постоянно напряженный от ощущения бездомности и безысходности. Интенсивность изображения ретро-картин демонстрирует не попытку представить исторический и культурный фон прошлого, а желание разобраться в первопричинах личной и общенациональной трагедии, что является проявлением мемороцентристской этики. Прошлое — это и события, и культура, и время, которые являются частью личной истории, но формируются под воздействием истории всеобщей.

Симптоматично, что события, последовавшие за Февральской революцией, воспринимаются писателем как реализация его пророческих предчувствий. И. Бунин видит ужас действительности в «безмерности», «высшей степени страха»: «...и я — только стараюсь ужасаться, а по-настоящему не могу»².

Проанализируем, что же больше всего ужасает И. Бунина в революции, что воспринимается им как наибольшее зло. В конце 1919 г. Одессу захватили большевики, и Бунин стал свидетелем социальных и нравственных изменений человека под влиянием страха и «свободы». В автобиографическом произведении «Окайанные дни» писатель изображает революцию такой, какой она представляла в эмпирической реальности: массовые убийства и грабежи, презрение к человеческой жизни, личности и ее достоинству, низкая демагогия, рассчитанная на самое неразвитое сознание, произвол, нарушение этических норм, торжество грубых, ничтожных и подлых, унижение благородных и достойных. Бунин испытывает ко всему этому почти физическую брезгливость.

Еще один мотив бунинских воспоминаний — это страх³. Не просто безразличие и предельная отстраненность, как у И. Шмелева, а ощущение «последнего времени». Страх перед неизвестностью, страх перед будущим,

¹ Капчинский О.И. «Окайанные дни» Ивана Бунина. URL: <http://www.litres.ru/oleg-kapchinskij/okayannye-dni-ivana-bunina-14653884/chitat-onlayn/> (дата обращения: 19.11.2018).

² Бунин И.А. Окайанные дни. М.: Сов. писатель, 1990. С. 104.

³ Бунин И.А. Под серпом и молотом; Русь; Гегель, фрак, метель; Миссия русской эмиграции // Слово. 1990. № 10. С. 62–69; Бунин И. Устами Буниных: дневники 1919–1920 гг. // Нева. 1991. № 5. С. 121–129; № 6. С. 142–155.

страх за себя и за Родину. Автор «Окайных дней» пытается скрупулезно, исследовательски выяснить природу животного ужаса, трепета перед новой властью. Он отмечает проливающиеся реки крови и море слез и делает вывод о необъяснимости всего происходящего — все сошли с ума.

В «Окайных днях» революция изображена страшной еще и потому, что в человеке исчезает человеческое: «В человеке просыпается обезьяна»¹. И. Бунин все чаще оперирует словом «смерть», он размышляет и анализирует это явление: «Какое вообще громадное место занимает смерть в нашем и без того крохотном существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти»².

Третьим обстоятельством, которое превращает революцию в ужас и страх, И. Бунин называет ложь, которая царит во всех сферах жизни. Это патологическое стремление казаться осведомленнее, увереннее, чем другие. И. Бунин так представляет причину этого явления: «И все это от нестерпимой жажды, чтобы было так, как нестерпимо хочется»³. Однако в определении ответственных за эту нравственную трансформацию И. Бунин неоднозначен. Виноваты интеллигенция (демократы, писатели типа М. Горького) и народ, поддавшийся на обещания свободы, не умеющий сдерживать себя. Поэтому при всем обилии имен и фамилий, введенных в текст «Окайных дней», в контексте вины оказывается также безличная судьба, замененная у И. Бунина ярким «вдруг». И. Бунин объясняет сложившуюся ситуацию словами А. Блока — «народ объят музыкой революции...», но это нисколько не объясняет адресность вины.

Отметим, что разрушительное начало в сочетании с бессмысленным кровопролитием типизируется И. Буниным. В синхрон-картинах доминируют люди и культура, нашедшие свое отражение во времени. Как реалист Бунин далек от изображения статического мира, его привлекают динамические оппозиции таких разновеликих величин, как индивидуальность и масса, прошлое и настоящее, внутреннее противостояние и сосуществование с новым режимом.

В автобиографической прозе писателей-эмигрантов (И. Бунин, З. Шаховская, И. Шмелев и др.), которые не были ни военными, ни профессиональными политиками, представлена точка зрения обычного человека, оказавшегося в эпицентре истории и испытавшего на себе все последствия насилия. Кардинальное изменение привычной среды обитания, резкая трансформация привычного уклада, разрушение семейных и социальных связей обусловили развитие темы «жестокой судьбы», трагическую раздвоенность автора-героя, сосредоточенность на внутренних переживаниях и ощущениях. Обилие лирических отступлений, культурные аллюзии и реминисценции, постоянное обращение к себе и к читателю создают трагический образ личности, которая

¹ Бунин И.А. Окайные дни. 1990. С. 91.

² Там же.

³ Там же. С. 99.

пытается сохранить в себе утраченные ценности и вместе с тем найти себя в полном противоречий, изменившемся мире.

Социально-исторический дискурс автобиографической прозы первой волны русской эмиграции объединяет произведения разных жанров, которые обнаруживают тенденцию к взаимопроникновению и наслаждению. Соединение разнообразных стилевых тенденций и нарративных приемов позволило писателям-эмигрантам всесторонне представить личность в ее отношениях к истории, социуму, эпохе, а также особенности общественного сознания в разных пространственно-временных измерениях (прошлое и настоящее, действительное и желаемое, реальное и мифологизированное).

Совсем иную позицию по отношению к мотивно-тематическому комплексу «память» демонстрирует И. Бунин. Основные вопросы, которые он решает в «Октябрьских днях», — деформация лучших человеческих качеств (доброты, самопожертвования, отзывчивости) под влиянием трагических событий, проблема ответственности за происходящее и страх, характерный для обеих сторон Великого Раскола.

Он активно вводит понятие «народ», причем это не классовая, а отвлеченная категория: к народу относит себя и бывшая хозяйка частной школы, и тамбовские мужики, и рабочий. Их объединяет обида на прошлое или настоящее, память о том, как было раньше. Народ стоит в очередях в кинематограф, активно обсуждает новости, шумит на улицах. Спасением от власти толпы, стихии в произведениях эмигрантов традиционно выступает образ дома, антонимичный образам улицы и города. В «Октябрьских днях» встречается эпизод, когда тихий темный переулок сменяется на глазах у рассказчика идиллической бытовой картиной: открытые ворота, за ними, в глубине двора, темнеющий на фоне «совсем другого неба» силуэт старинного дома. Упоминание «другого» неба, распахнутых ворот невольно вызывает ассоциации с Градом Небесным, возводя конкретный образ дома в разряд символов.

Однако в произведении И. Бунина дом-убежище настолько ненадежный и нестабильный, как сама изменившаяся жизнь. Практически все страницы посвящены голосам на улицах, газетным новостям, разговорам на собраниях и в транспорте. Применяя модернистскую практику построения полилога улицы, Бунин сохраняет в памяти потомков и стихию, и искаженную логику революционных ретро-картин.

«Синхрон-картины» и «ретро-картины» в «Октябрьских днях» значительно дополняют и корректируют друг друга. С учетом того обстоятельства, что Бунин впоследствии дорабатывал, уточнял событийную и фактическую составляющие изображенного исторического периода, концепт «дом» как мировоззренческая категория достаточно репрезентативен для социально-исторического дискурса. Он не только объединяет в эмиграции авторов-политиков и обывателей, но и раскрывает те внутренние противоречия в отношении к прошлому, которые выражаются в ретро-картинах и оценках. На примере данного произведения мы можем проследить процесс «внутренней» эмигра-

ции, выражающийся в латентном противостоянии установившемуся режиму. Социальные и психологические предпосылки бегства за границу Бунин сочетает с мировоззренческими, изображая последние отчаянные попытки оставаться человеком культурным в условиях нового строя, что проявляется через использование библейских и исторических аллюзий. Субъективность, пристрастность в изображении исторических реалий не меняет художественную стратегию автора, а, скорее, обогащает ее эмотивными типическими деталями.

В изменившихся исторических условиях внутренние изменения занимают все меньше места в автобиографических произведениях, а культурные нормы резко трансформируются. Самопрезентация авторского персонажа оказывается вторичной по сравнению с необходимостью осмыслиения сложных социально-исторических обстоятельств и поиска духовных путей сопротивления им.

Литература

Бунин И.А. Окайянные дни. М.: Советский писатель, 1990. 416 с.

Бунин И.А. Под серпом и молотом; Русь; Гегель, фрак, метель; Миссия русской эмиграции // Слово. 1990. № 10. С. 62–69.

Бунин И. Устами Буниных: дневники 1919–1920 гг. // Нева. 1991. № 5. С. 121–129; № 6. С. 142–155.

Капчинский О.И. «Окайянные дни» Ивана Бунина. URL: <http://www.litres.ru/oleg-karpchinskij/okayannye-dni-ivana-bunina-14653884/chitat-onlayn/> (дата обращения: 19.11.2018).

Мальцев Ю.В. Иван Бунин. Франкфурт н/М.; М.: Посев, 1994. 432 с.

Резник О.В. Великий Раскол: взгляд с того берега (автобиографическая проза первой волны русской эмиграции). Симферополь: Доля, 2010. 336 с.

Резник О.В. Литературоцентризм и мемороцентризм русской литературы Великого Раскола // Таврические студии. Культурология. № 7. Симферополь: Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2016. С. 6–14.

Риникер Д. «Окайянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/64_Riniker.pdf (дата обращения: 19.11.2018).

Сливецкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

Трусова А.С. Мифопоэтическая парадигма «Окайянных дней» И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Миасс, 2004. 195 с.

References

Bunin I.A. *Okaiannye dni* [Cursed days]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ, 1990. 416 p. (In Russ.)

Bunin I.A. Pod serpom i molotom; Rus'; Gegel', frak, metel'; Missiia russkoi emigratsii [Under the sickle and hammer; Russia; Hegel, tail-coat, blizzard; Mission of Russian emigration]. *Slovo*, 1990, no 10, pp. 62–69. (In Russ.)

Bunin I. Ustami Buninykh: dnevniki 1919–1920 gg. [Spoken by Bunins: diaries of 1919–1920]. Neva, 1991, no 5, pp. 121–129; no 6, pp. 142–155. (In Russ.)

Kapchinskii O.I. «*Okaiannye dni*» Ivana Bunina [“Cursed Days” by Ivan Bunin]. Available at: <http://www.litres.ru/oleg-kapchinskiy/okayannye-dni-ivana-bunina-14653884/chitat-onlayn/> (Accessed 19 November 2018). (In Russ.)

Mal'tsev Iu.V. *Ivan Bunin*. Frankfurt am Main — Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)

Reznik O.V. *Velikii Raskol: vzgliad s togo berega (avtobiograficheskaiia proza pervoi volny russkoi emigratsii)* [The Great Schism: a view from the other shore (autobiographical prose of the first wave of Russian emigration)]. Simferopol', Dolia Publ., 2010. 336 p. (In Russ.)

Reznik O.V. *Literaturotsentrizm i memorotsentrizm russkoi literatury Velikogo Raskola* [Literary centrism and memory centrism of Russian literature of the Great Schism]. *Tavricheskie studii. Kul'turologiia. № 7* [Tavrichesky studies. Culturology. No. 7]. Simferopol', Krymskii universitet kul'tury, iskusstv i turizma Publ., 2016, pp. 6–14. (In Russ.)

Riniker D. «*Okaiannye dni*» kak chast' tvorcheskogo nasledia I.A. Bunina [“Cursed Days” as part of the creative heritage of Ivan Bunin]. Available at: http://russianway.rhga.ru/upload/main/64_Riniker.pdf (Accessed 19 November 2018). (In Russ.)

Slivitskaia O.V. «*Povyshennoe chuvstvo zhizni*: mir Ivana Bunina [“Increased sense of life”: the world of Ivan Bunin]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 270 p. (In Russ.)

Trusova A.S. *Misopoeticheskaiia paradigma «Okaiannye dni» I.A. Bunina: dis. ... kand. filol. nauk* [Mythopoetic Paradigm of “Cursed Days” by Ivan Bunin: PhD thesis]. Michurinsk, 2004. 195 p. (In Russ.)

IVAN BUNIN'S WORKS IN THE CONTEXT OF MEMORY-CENTRIC PROSE OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE FIRST WAVE

© 2019, OKSANA REZNIK

Abstract: The article analyzes the individual peculiarities of the author's consciousness of Ivan Bunin in his autobiographical work “Cursed Days”. It is noted that the “synchronous images” and “retro images” in this work significantly complement and correct each other. The concept of a “home” as an ideological category is representative enough for the socio-historical discourse, uniting not only the emigré authors-politicians and ordinary people, but also revealing those internal contradictions in relation to the past, which are expressed in retro images and evaluations. Subjectivity, bias in depicting historical realities does not change the creative strategy of the author, but rather enriches it with emotive typical details.

Keywords: autobiographical prose, Russian emigration of the first wave, house, Ivan Bunin, revolution, memory, people.

Information about the author: Oksana Reznik, Doctor of Philology, Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia. E-mail: oreznik2005@yandex.ru

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА И КОРАН АЛЬБЕРА ДЕ БИБЕРШТЕЙН-КАЗИМИРСКОГО

© 2019, Р.М. САФИУЛИНА

Аннотация: В статье анализируются аллюзии из «Корана» Альбера де Биберштейн-Казимирского в раннем творчестве И.А. Бунина. Автор приходит к выводу, что произведения Бунина, написанные под впечатлением от «Корана» Биберштейн-Казимирского, представляют собой эклектически сложный синтез сведений из глав и примечаний «Корана» А. де Биберштейн-Казимирского в переводе К. Николаева, дополненные стихотворениями Саади, христианскими, иудейскими, арабскими, суфийскими, зороастрискими источниками.

Ключевые слова: Бунин, Биберштейн-Казимирский, Коран, эклектика, Соломон.

Информация об авторе: Рано Мирзахановна Сафиуллина — кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», ул. Измайловский вал, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: ranovi@mail.ru

Русский перевод «Корана» Альбера де Биберштейн-Казимирского (1808–1997) (переводчик К. Николаев), выдержавший несколько изданий во второй половине XIX в. (1864, 1865, 1876, 1880, 1901 гг.), был очень популярен в России вплоть до XX в. К Корану Биберштейн-Казимирского обращались В.С. Соловьев, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, М. Кузмин. Успех его можно объяснить поэтичностью и образностью текста, это скорее не настоящий Коран, а «поэма о Коране».

Биберштейн-Казимирский ссылается во вступительной статье на труды ученых-востоковедов К. Савари, Гарсен-де-Тасси, Мирзы Казем-бек, А. Бейдгави, Флюгель, Вормс, Дюкорруа, Халила ибн Исака в переводе Перрона, оказавших ему помощь в переводе Корана [в трактации переводчика К. Николаева. — Р.С.]. Особое место он уделяет Кассену де Персивалю и его труду «Опыт арабской истории», отмечая: «... оно заключает в себе все, что нам известно об арабах до Магомета и во времена его проповедания. Все представляемые примечания взяты непосредственно из сочинения де Перси-валя»¹.

Перевод «Корана» Биберштейн-Казимирского носил просветительский характер. В своем «Коране» он воспроизводит коранические имена в христианском звучании. Текст Корана предваряет вступительная статья «Заметки о жизни Магомета и Коране». Подробные примечания дополняют суры «Корана» (главы — как перевел Николаев), в них содержится много дополните-

¹ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. М., 1865. С. XXXIII.

тельной информации, полезной для ознакомления российской публики с традициями исламской культуры. Безусловно, прав И.Ю. Крачковский, отмечая полезность таких изданий: «... они сыграли свою положительную роль, дав возможность русскому читателю непосредственно познакомиться с главной религиозной книгой мусульман, способствовать устраниению бытовавших подчас нелепых представлений об этом памятнике и тем самым — лучшему пониманию особенностей быта и культуры народов мусульманского Востока»¹. Современный исследователь переводов Корана на русский язык П. Густерин отмечает: «Роль переводной литературы по исламу в целом и коранистике в частности была незначительной. Сюда, прежде всего, следует отнести перевод Корана Биберстайн-Казимира благодаря обстоятельному введению и обширным комментариям, сопровождающим весь текст перевода, а также “Алфавитному указателю к Корану”, что встречается только здесь»².

Однако современный исследователь переводов Корана на русский язык критически оценивает «Коран» Биберштейна-Казимира в переводе К. Николаева: «Российские мусульмане, а также русскоязычные читатели были вынуждены довольствоваться переводами Корана, выполненными неспециалистами с несовершенных европейских переводов. Большую популярность, в частности, приобрел перевод, сделанный К. Николаевым с французского текста А.Б. Казимира и выдержавший пять изданий»³.

«Коран» Биберштейн-Казимира стал неотъемлемой частью мульткультурного мировоззрения И.А. Бунина. Молодой писатель впервые познакомился с этим изданием в апреле 1903 г., когда он готовился к посещению стран Востока. Его жена В.Н. Муромцева-Бунина вспоминает: «Он в первый раз целиком прочел Коран, который очаровал его, и ему хотелось непременно побывать в городе, завоеванном магометанами, полном исторических воспоминаний, сыгравшем такую роль в православной России, особенно в Московском царстве»⁴.

Надо отметить, что, несмотря на огромное количество исследований по коранистике Бунина, связь раннего творчества И.А. Бунина и Корана Альбера де Биберштейн-Казимира мало изучена. В связи с этим необходимо решить следующие проблемы:

— Интерпретационной основой произведений раннего Бунина стали не только непосредственно главы Корана, но многочисленные примечания автора. В связи с этим необходима разграничительная работа по выявлению

¹ Коран / Пер. и предисл. И.Ю. Крачковского. М.: Раритет, 1990. С. 4.

² Густерин П. Русскоязычная коранистика досоветского периода // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 160.

³ Ханджани Л. Перевод Корана на русский язык: история, современное состояние, перспективы развития // Филология и лингвистика. 2015. № 2. С. 36–39; 120–121.

⁴ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1860–1908. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. С. 143.

в произведениях раннего Бунина собственно коранического текста, христианских включений, суфийского материала, текстов иудейского, зороастрийского, легендарно-исторического направлений.

На раннее творчество Бунина сильное воздействие оказал персидский поэт Саади. И многие коранические, суфийские аспекты текстов Бунина связаны с аллюзиями из Саади, переданы через интерпретацию персидского поэта. Важно выделить «след» Саади в коранических и, в целом, в произведениях русского писателя.

Еще одна проблема возникает в связи с «Кораном» Биберштейн-Казимира, связанная с уточнением основополагающего принципа художественного метода Бунина. Русский писатель называл свое поэтическое творчество «чеканом», «следом» — бесконечно малым «следом» в культурной «цепи» человечества. «След» духовных открытий самых разных народов, цивилизаций, континентов виден в сложном переплетении во всем творчестве русского писателя. Этот мультикультурный взгляд не менялся на протяжении всей жизни писателя, только углублялся, усложнялся, расширялся, обогащался во времени и пространстве.

Т.Н. Ковалева отмечает преемственность бунинской эстетики: «Синтезируя опыт религиозных культур народов Востока, сопоставляя их ответы на «вечные вопросы», Бунин искал истины, общие для всего человечества. В своих восточных стихах Бунин стремился проникнуть в самую сердцевину иной культуры и в то же время найти вечные начала, объединяющие народы разных стран»¹.

На наш взгляд, термин «синтез», «синкретизм» для эстетики Бунина не вполне уместны. Творческое кредо писателя — эклектика. «Синкретизм... — так называется сочетание различных философских начал в одну систему. Понятие С. близко подходит к эклектизму; различие между ними некоторые видят в том, что **эклектизм** старается путем критики выделить из различных систем состоятельные принципы и органически связать их в одно целое, а **синкретизм** соединяет разнородные начала, не давая им истинного объединения»².

Для творчества Бунина наиболее приемлемым можно считать выражение Дидро (написанное в духе Саади): цель эклектиков «...расспросить разные народы, собрать отдельные истины, рассеянные по поверхности земли, и вернуться на Родину обогащенными мудростью всех наций»³.

Рассмотрим на примере стихотворения Бунина «Трон Соломона» принципы художественной организации писателя, основанные на эклек-

¹ Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900–1910-х годов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2017. Т. 11. № 1. С. 74.

² Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 28.

³ Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / отв. ред. и вступит. ст. В.М. Богуслаевский. М.: Наука, 1994. С. 618.

тическом переплетении вековых общечеловеческих и общенациональных ценностей.

Стихотворение-притча «Трон Соломона» (1906–1908) передает историю мудрого, справедливого, трудолюбивого правителя, сумевшего подчинить себе и ветер, и тучи, но не всесильное время. Бунин использует главы и примечания из «Корана» Биберштейн-Казимира, переплетая их с притчей Саади о троне Сулеймана из «Бустана». Все образы стихотворения поэта «Трон Соломона» исходят из «Корана» К. Николаева («гений пустынь» — джинны, описание трона). Нarrатив стихотворения выстроен на основе легенды о царе Соломоне, о создании им великолепного трона с помощью «гениев» (ангелов).

Соломон — один из часто упоминаемых личностей в «Коране» Биберштейн-Казимира.

В «Алфавитном указателе к Корану» эта легендарная личность выделяется так:

Соломон (Сулейман) — II, 60, VI, 86;

Его суд, мудрость и могущество — XXI, 78–82;

Повелевает гениями и ветрами — XXI, 81, XXVII, 16–28, XXXIV, 11, 13, XXXVIII, 29, 38.

В главе XXXIV «Саба» «Корана» Биберштейн-Казимира говорится:

11. Мы подчинили Солому ветер. Он дул месяц утром и месяц вечером. Мы заставили для него течь медный фонтан. Гении работали на его глазах по повелению Божию, а кто удалился от наших приказаний, тот был предан мучению горящего пламени.

12. Они исполнили для него все работы, какие он хотел, дворцы, статуи, подносы широкие как водоемы, котлы твердо поставленные. О семейство Давидово! Воздай нам делами признательности. Как мало признательных людей между моими слугами!

13. А когда мы определили, чтоб он умер, то земная гадина узнала это прежде всех; она подточила палку поддерживающую труп, а когда он упал, то гении узнали, что если бы проникли в тайну, то не оставались бы так долго в унижительном труде¹.

Современный исследователь личности Соломона трактует деяния легендарного царя, цитируя сведения из «Корана» Биберштейн-Казимира в переводе К. Николаева: «В европейских и арабских сказках Бог даровал Солому не только неземную мудрость, но и власть над обитателями созданного Им мира — рыбами, птицами, животными, а также всевозможными духами, демонами и ангелами, им, говоря в понятиях арабской мифологии, джиннами»².

¹ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимира. Пер. с фр. К. Николаева. М., 1865. С. 314.

² Люкимсон П.Е. Царь Соломон. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 41.

В примечаниях к главе «Саба» «Корана» Биберштейн-Казимирского читаем: «Некоторые подробности о Соломоне известны из гл. II и XXVII. Он представлял образец мудрого и могущественного царя, его великолепие вошло в пословицу. Толкователи рассказывают, что Соломон, видя приближение старости, молился Богу скрыть его смерть, покуда кончатся предпринятые им постройки; ибо боялся, что гении, увидя его смерть, прекратят работы. Бог внял ему, и царь умер на молитве, стоя на коленях. А гении, не подозревая его смерти, кончили работы»¹.

Бунин описывает легендарный трон Соломона так:

<...> И был окончен трон:
Из яшмы древней царственной породы,
Из белой яшмы был изваян он.
Под троном львы, над троном кондор горный.²

Русский писатель близок к тексту Биберштейн-Казимирского: «Между прочими изделиями гениев, говорят о престоле Соломона, поддерживаемом двумя лежащими львами, на котором сверху были сделаны два орла, когда Соломон всходил на престол, то львы растягивали лапы, а когда он садился, то орлы покрывали его своими крыльями»³.

В комментарии «Корана» Биберштейн-Казимирского отмечается: «Демоны, говорят толкователи, спрятали под троном Соломона книги магии и после его смерти распространили слух, что под его троном отыскались книги, заключающие познания, которыми Соломон подчинил своей власти людей, гениев и ветры»⁴.

Бунин начинает стихотворение «Трон Соломона» с образа Времени, которому подвластно все в мире:

На письмена исчезнувших народов
Похожи руны Времени — значки
Вдоль старых стен и полутемных сводов,
Где завелись точильщики-жучки.
Царь Соломон повелевал ветрами,
Был маг, мудрец. <...>⁵

¹ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. С. 314.

² Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 39–40.

³ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. С. 314.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. Т. 2. С. 39.

Времени подвластны и владыки, и рабы, мудрецы и глупцы, сталь и дерево. Поэтому мудрость не спасает Сулеймана (Соломона). В примечании «Корана» Биберштейн-Казимирского дается характеристика Соломона как мудрого и справедливого правителя: «Мусульмане смотрели на Соломона, как на пророка и царя мудрого и сильного. Блеск его двора, великолепие дворцов, полная власть над ветрами и гениями, понимание языков всех творений и при всех знаках величия его такая обходительность (он позволил муравью беседовать с собой и благосклонно принял от него в знак подданства часть кузничика); все это доставляет всегда приметы для намеков и сравнений арабским писателям. Магомет, почерпнув из еврейских сказок о Соломоне чудесное, не знал ничего о его заблуждениях, которые ввели его в заблуждение. См. гл. XXXVIII, 33. Может быть он с умыслом умолчал об падении столь славного по мудрости государя. См. гл. XXXIV, 11, 12, 13. Соломон по-арабски Сулейман»¹.

Образом «руны Времени» из «Бустана» Саади Бунин дополняет текст «Корана» Биберштейн-Казимирского. Персидский поэт пишет:

Скрижаль твою великих имена
На вечные украсят времена.
И до тебя здесь шахи подвизались,
И все ушли; лишь надписи остались.²

(перевод В. Державина)

Легенда о Сулеймане и его троне упоминается и в «Бустане» Саади. Но персидский поэт избирает нравственно-морализаторскую оценку судьбы мудрого Соломона (Сулеймана):

Величье мира этого не вечно,
Все в нем неверно, бренно, быстротечно.
Ведь, рассекая крыльями эфир,
Трон Сулеймана облетел весь мир;^{*}
Но ветер смерти и его развеял.
Блажен, кто мудро жил и правду сеял.
При ком народ в довольстве процветал,
Кто себялюбцем низменным не стал!
Блажен, кто груз добра с собой уносит,
И жалок тот, кто собранное бросит

(«Трон Сулеймана облетел весь мир — Сулейман — библейский царь Соломон. У него, по преданию, был перстень с именем бога, благодаря этому перстню он якобы достиг невиданного могущества»)³.

(перевод В. Державина)

¹ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. С. 274.

² Саади. Стихотворения // Ирано-таджикская поэзия. М.: Худож. лит., 1974. С. 578.

³ Саади. Стихотворения // Ирано-таджикская поэзия. 1974. С. 588.

Также Бунин отказывается от богоческого мотива легенды о троне Соломона, трактовки постройки трона как символа безмерной гордости человека и вызова богам. В суфийской и зороастрской традициях символ трона связан с легендарным Джамшидом. «Джамшид (Джам) — авестийский йима, который воплотился в Хазрет Сулеймана (ибн Дауда) [Отсюда Соломон. — Р.С.]. Джамшид так возгордился от своего содеянного для людей, что сделал себе трон из драгоценностей до самого неба и объявил себя богом. В народе началась смута. Джам был убит Заххаком»¹.

Бунина интересует в этой истории философская тема, которая пройдет все его творчество — смертность человека. Поэт завершает свое стихотворение «Трон Соломона» величественным и грозным предостережением:

Но рухнет он! Древко копья из кедра,
Оно — как сталь. Но уж стучат жучки!
Стучат, стучат — и рассыпают щедро
Зловещие, могильные значки.²

Бунин точно передает текст главы «Саба» «Корана» Биберштейн-Казимирского: «А когда мы определили, что он умер, то земная гадина узнала это прежде всех; она подточила палку поддерживающую труп, а когда он упал, то гении узнали, что если бы проникли в тайну, то не оставались бы так долго в унизительном труде»³.

Если Саади считает, что человеческая жизнь не бесполезна, она продолжается и после смерти человека, остается в памяти людей добрыми делами, правдой и мудростью поступков, то Бунин смотрит на смерть более рационально. Парадоксальность кончины человека в том, что самый великий, мудрый человек не может спастись от ничтожных, мелких могильных жучков. Трагизм смерти — в ее безликости, равнодушии к тому, к кому она приходит. Бунин смотрит на судьбу человека как на изначально трагически обреченную на смерть. Судьба Соломона превращается в стихотворении в общечеловеческую трагедию. И поэт проецирует трагический финал деяний Соломона и других своих героев на самого себя: «А у меня все одно, одно в глубине души: тысячу лет вот так же будут сиять эти дни, а меня не будет. Вот-вот не будет»⁴.

Таким образом, для Бунина обращение к Корану де Биберштейн-Казимирского стало важным моментом в его раннем творчестве. В отличие от писателей-модернистов своей эпохи — Кузмина, Гумилева, Бунин далек

¹ Рак И.В. Зороастрская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.: Журн. «Нева»: Изд.-торговый дом «Летний Сад», 1998. С. 177–178.

² Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 40.

³ Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. Пер. с фр. К. Николаева. С. 314.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 6. С. 466.

от стилизации Корана, в целом — Востока, «восточного», он ее не приемлет. Коран интерпретируется русским писателем как часть грандиозной и бессмертной общечеловеческой культуры, которую важно понять, трактовать, описать, не потерять по пути эволюции человечества. В основу своей ориентальной творческой манеры Бунин положил стремление к «источникам». Коран помогает добиться глубокого постижения исторической, национальной, культурной, религиозной сущности бытия и человека. История Соломона и его трона превращается в трактовке русского писателя в философское осмысление неизбежности смерти и трагизма человеческого существования.

Литература

Богуславский В.М. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / отв. ред. и вступит. ст. В.М. Богуславский. М.: Наука, 1994. 720 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014.

Густерин П. Русскоязычная коранистика досоветского периода // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 160–166.

Ирано-таджикская поэзия. М.: Художественная литература, 1974. 621 с.

Ковалева Т.Н. Мир востока в лирике И.А. Бунина 1900–1910-х годов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2017. Т. 11. № 1. С. 72–76.

Коран / Пер. и предисл. И.Ю. Крачковского. М.: Раритет, 1990. 528 с.

Коран Магомеда / Пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимиридского. Пер. с фр. К. Николаева. М., 1865. 522 с.

Люкимсон П.Е. Царь Соломон. М.: Молодая гвардия, 2012. 315 с.

Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 27–43.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. М.: Советский писатель, 1989. 507 с.

Нефедов В. Чудесный призрак. Минск: Полымя, 1990. 320 с.

Рак И.В. Зороастрская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.: Журн. «Нева»: Изд.-торговый дом «Лет. Сад», 1998. 559 с.

Ханджани Л. Перевод Корана на русский язык: история, современное состояние, перспективы развития // Филология и лингвистика. 2015. № 2. С. 36–39.

References

Boguslavskii V.M. *Filosofia v «Entsiklopedii» Didro i Dalambera* [Philosophy in the “Encyclopedia” by Diderot and D’Alembert], ed. by V.M. Boguslavskii. Moscow, Nauka Publ., 1994. 720 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaiia literatura Publ., 1987–1988. (In Russ.)

- Bunin I.A. *Stikhotvoreniia: V 2 t.* [Poems: In 2 Vols.], ed. by T.M. Dviniatina. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo doma Publ., “Vita Nova” Publ., 2014. (In Russ.)
- Gusterin P. Russkoiazychnaia koranistika dosovetskogo perioda [Russian-language Quran studies of the pre-Soviet period]. *Voprosy istorii*, 2015, no 5, pp. 160–166. (In Russ.)
- Irano-tadzhikskaiia poezia* [Iranian-Tajik poetry]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. 621 p. (In Russ.)
- Khandzhani L. *Perevod Korana na russkii iazyk: istoria, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia* [Translation of the Quran into Russian: history, current state, development prospects]. *Filologiya i lingvistika*, 2015, no 2, pp. 36–39. (In Russ.)
- Koran* [Quran] / transl. by I.Iu. Krachkovskii. Moscow, Raritet Publ., 1990. 528 p. (In Russ.)
- Koran Magomeda* [Quran of Magomed], transl. from Arabic into French by A. Bibershtein-Kazimirskii; transl. from French by K. Nikolaev. Moscow, 1865. 522 p. (In Russ.)
- Kovaleva T.N. *Mir vostoka v lirike I.A. Bunina 1900–1910-kh godov* [World of the East in the lyrics of Ivan Bunin of the 1900–1910s]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, vol. 11, no 1, pp. 72–76. (In Russ.)
- Liukimson P.E. *Tsar' Solomon* [King Solomon]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. 315 p. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. *Eklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti filosofskogo znaniiia* [Eclecticism and syncretism: on the issue of the systemic character of philosophical knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, vol. XXXVIII, no 4, pp. 27–43. (In Russ.)
- Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina* [Bunin's life]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 507 p. (In Russ.)
- Nefedov V. *Chudesnyi prizrak* [Wonderful ghost]. Minsk, Polymia Publ., 1990. 320 p. (In Russ.)
- Rak I.V. *Zoroastriiskaia mifologiiia. Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana* [Zoroastrian mythology. Myths of ancient and early medieval Iran]. Saint Petersburg, Zhurn. “Neva”; Izd.-torgovyi dom “Let. Sad” Publ., 1998. 559 p. (In Russ.)

THE EARLY WORKS OF IVAN BUNIN AND THE QURAN BY ALBERT DE BIBERSTEIN-KAZIMIRSKY

© 2019, RANO SAFIULINA

Abstract: The article analyzes the allusions to Albert de Biberstein-Kazimirsky’s Quran in the early works of Ivan Bunin. The author concludes that the works of Bunin, written under the impression of Biberstein-Kazimirsky’s Quran, represent an eclectically complex synthesis of information taken from the chapters and notes from the A. de Biberstein-Kazimirsky’s Quran translated by K. Nikolaev, supplemented by Saadi’s poems, Christian, Jewish, Arab, Sufi, Zoroastrian sources.

Keywords: Ivan Bunin, Biberstein-Kazimirsky, Quran, eclecticism, Solomon.

Information about the author: Rano Safiulina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 25, Izmailovsky Val str., 121069 Moscow, Russia. E-mail: ranovi@mail.ru

КИТАЙСКИЕ РЕАЛИИ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

© 2019, Е.А. ОСЬМИНИНА

Аннотация: В статье анализируется рассказ И.А. Бунина «Сны Чанга». Китайские реалии выявлены на всех уровнях его художественной системы: в теме и идее (буддийско-даосская проблематика), композиции, образах героев, изображении пространства. Источниками Бунину служила «Сутта-Нипата», книга Г. Ольденберга о буддизме и, вероятно, перевод «Дао дэ цзина». Сделан вывод о совершенстве мастерства Бунина, его глубоком постижении иной (в данном случае китайско-буддийской) культуры.

Ключевые слова: Бунин, литература Серебряного века, буддизм, даосизм, Китай.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Осьминина — доктор филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, 119034 Москва, Россия. E-mail: eleosminina@mail.ru

И.А. Бунин — совершенный художник слова во всех смыслах, сочетающий в себе талант и прозаика, и поэта. Поэзия предполагает лаконизм в выборе изобразительных средств, смысловую нагруженность каждого слова. Эти ее качества Бунин переносит в свою прозу. Его рассказы представляют собой единое художественное целое, мельчайшие элементы которого взаимосвязаны, значимы.

Это относится и к рассказу «Сны Чанга» (1916, оп. 1918). Рассматривая его как единую художественную систему, можно сказать, что все ее уровни связаны, и «китайский след» обнаруживается на каждом из них: в теме, проблеме, поднимаемой темой; композиции; образах героев; особенностях изображения пространства...

Тема рассказа — излюбленная бунинская: тема смерти и бессмертия, страсти и любви. Насколько она важна для писателя наглядно видно по «теоретической» книге Бунина, по «Освобождению Толстого». Младший писатель выделяет у старшего то, что интереснее и ближе ему самому — а именно, отношение к смерти и к страсти (и к освобождению от нее).

И в «Снах Чанга» капитан, герой рассказа, под необоримой силой страсти к нелюбящей его жене, спивается и умирает; женой же его также движет своего рода страсть: «печальная жажда любви»¹ при невозможности полюбить.

Для иллюстрации губительности плотской страсти Бунин вспоминает буддизм, который является, наряду с конфуцианством и даосизмом, одной из религиозно-философских систем Китая — на что указывает эпитет «ваши»

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Московский рабочий, 1995. Т. 4. С. 227.

при обращении к китайской собаке, Чангу: «Да и вообще, следует ли кого-либо любить так сильно? — спросил он. — Разве глупее нас с тобой были все эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорят об этой любви к миру и вообще ко всему телесному — от солнечного света, от волны, от воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха белой акации!»¹.

Буддийской теме в творчестве Бунина посвящен ряд работ: Т.В. Бернюкович, Г.И. Карпенко, О.С. Ким Кен-Тэ, Т.К. Лобановой, Т.Г. Марулло, О.В. Сливицкой, Е.Б. Смольниковой, О.С. Чебоненко и др. Исследователи пишут о силе цейлонских впечатлений Бунина, знакомстве его с «Суттой-Нипатой», переведенной в конце XIX в. на русский язык, и с книгой Г. Ольденберга о буддизме.

Поэтому как основу для высказывания капитана можно привести многочисленные строки «Сутты-Нипаты», например, «Отбросив телесные наслаждения и печали, отбросив и все душевые радости и страдания, ты, обретший спокойствие, чистоту и мир, гряди одиноко, подобно носорогу»².

Для иллюстрации же неотвратимости страсти — Бунин обращается к даосизму. Капитан говорит: «Или знаешь ли ты, что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Я, брат, сам плохо знаю, да и все плохо знают это, но насколько можно понять, ведь это что такое? Бездна-праматерь, она же родит и поглощает и, поглощая, снова рождает все сущее в мире, а иначе сказать — тот Путь всего сущего, коему не должно противиться ничто сущее. А ведь мы поминутно противимся ему, поминутно хотим повернуть не только, скажем, душу любимой женщины, но и весь мир по-своему!»³.

Капитан и путь женщин, томящихся по любви, пытается объяснить с помощью Тао: «Всякому свое, Чанг, и не следуют ли они сокровеннейшим велениям самой Тао, как следует им какая-нибудь морская тварь,вольно ходящая вот в этих черных, огненно-панцирных волнах?»⁴.

Ко времени написания рассказа существовало несколько переводов первого важнейшего трактата даосизма, «Дао дэ цзина», на русский язык. В 1893–1894 гг. в журнале «Вопросы философии и психологии» был опубликован перевод Д.П. Конисси, в 1913 г. он вышел отдельно книгой, под ред. Л.Н. Толстого. В 1908 г. в сборнике «Зовы древности» К.Д. Бальмонт опубликовал ряд фрагментов из трактата, переложенных с французского перевода Ст. Жюльена. В 1893 г. Л.Н. Толстой редактировал перевод Лао-Тзе, сделанный Е.И. Поповым, пользуясь, в основном, немецким переводом В. фон Штраусса и французским Ст. Жюльена, в 1910 г. вышел ряд фрагментов, пе-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1995. Т. 4. С. 221.

² Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений, Буддийская каноническая книга, переведенная с языка пали доктором Фаусбеллем. Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова. М.: Издание Товарищества А.А. Левенсона, 1899. С. 39.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. С. 221–222.

⁴ Там же. С. 227.

реложенных Л.Н. Толстым. Бунин мог пользоваться книгой Д.П. Конисси или Л.Н. Толстого, потому что они обозначают Путь как Тао (Бальмонт — как Дао).

Высказывания капитана можно соотнести со следующими отрывками из «Дао дэ цзина»: «То, что не имеет имени — есть начало неба и земли; то, что имеет имя — есть мать всех вещей»¹. «Есть существо непостижимое, которое существовало раньше неба и земли <...> Чтобы обозначить его, я называю его Тао»².

«Высоконравственный посвящается только одному Тао»³. «Когда ученый услышит о Тао, то будет стараться осуществить услышанное в жизни»⁴. «Когда высшие ученые узнают о Тао, они старательно исполняют его»⁵.

Таким образом, капитан в вышеприведенных утверждениях вполне каноничен. Но в оценке Тао — нет: «<...> темен и зол этот Путь или же совсем, совсем наоборот?»⁶. С первых страниц указывается на эту альтернативу: «Было когда-то две правды на свете, постоянно сменяющих друг друга: первая — та, что жизнь нескованно прекрасна, а другая — что жизнь мыслима только для сумасшедших»⁷.

В конце концов, капитан уверяется: «Жизнь — скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...»⁸. Это не правда даосизма: Путь, Дао — однозначно положительно, высшая ценность.

Зато можно опять вспомнить буддизм. В предисловии к «Сутте-Нипате» Н.И. Герасимов пишет: «<...> земная жизнь — сон, то томительный, то ласкающий; люди все грезят, как во сне, чего-то ищут, к чему-то стремятся и, как во сне, они не могут отдать себе ясного отчета, для чего это постоянное волнение, эта жажда, борьба, замыслы?.. Готами стряхнул с себя сон со всеми его мечтаниями и, сквозь убегающие его признаки, увидел свет незакатного дня, — он понял, что истинное и должное, обычно видимое в земном, здешнем, в действительности лежит не здесь и дышит не случайным земным дыханием»⁹.

То, что понял Готами (Будда, царевич Гаутама) — и есть та самая «третья правда», утверждаемая в конце рассказа. Это правда художника, к которому

¹ «Тао те Кинг» Лаоси // Вопросы психологии и философии. 1894. № 23. С. 380.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 40. Произведения 1886, 1903–1909. С. 356.

³ «Тао те Кинг» Лаоси // Вопросы психологии и философии. 1894. № 23. С. 387.

⁴ Там же. С. 395.

⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 40. Произведения 1886, 1903–1909. С. 356.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1995. Т. 4. С. 221–222.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений, Буддийская каноническая книга, переведённая с языка пали доктором Фаусбеллем. Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова. М.: Издание Товарищества А.А. Левенсона, 1899. С. 6.

перешел Чанг после смерти капитана: «и глаза их, полные слез, встречаются в такой любви другу к другу, что все существо Чанга беззвучно кричит всему миру: их, нет, нет — есть на земле еще какая-то, мне неведомая, третья правда!»¹. Она царит и в мире, недоступном смерти: «В мире этом должна быть только одна правда, — третья, — а какая она, — про то знает тот последний Хозяин, к которому уже скоро должен возвратиться и Чанг»².

Здесь чрезвычайно важен эпитет «хозяина». Китаец обозначен «первым хозяином Чанга»³, капитан — просто «хозяином»⁴, художник — «третьим хозяином»⁵. Везде слово пишется с маленькой буквы. В последнем абзаце появляется «последний Хозяин», уже с большой буквы и утверждается его правда — правда любви и бессмертия.

В «Освобождении Толстого» также появляется это словосочетание, когда Бунин рассуждает о том, что Левин продолжил жить: «Почему продолжил? Потому что была на то воля Хозяина, которую он невзирая ни на что, не-престанно чувствовал в себе так же сильно, как его работник Федор <...> Уже тогда слышал в себе “голос Высшего Я”. Зачем надо было продолжать жить? Затем, что этот голос говорил, что нужно спастись при жизни»⁶. Что это за «Высшее Я»? Далее Бунин поясняет: «Брама есть свойственно человеку истинное Я, сущий во мраке телесного Атман, Единое, Целое, Вечное. Освобождение — в стремлении лишь к Атману, к тому состоянию, что подобно сну, в котором не видишь сновидений и не чувствуешь никаких желаний»⁷.

Таково буддийское понимание души, Атмана. Соответственно, у Г. Ольденбурга: «“То что было”, говорится теперь, “то что будет, почитаю я великим Брамой, единственным, непреходящим, безграничным Брамой, Единым вечным”. “Да поклоняются Атману бесплотному, чье тело есть дыхание, чей образ — есть свет, чья самость уподобляется эфиру, принимающему по своему усмотрению все образы, быстрому как мысль, полному правых стремлений, истинной сдержанки, источнику всех благоуханий, всех соков, проникающему во все пространства мира, незримо, безгласно парящему над этой вселенной. Как мало места занимает зерно риса, или ячменя, или пшена, так же незаметно пребывает этот дух в Я; лучезарный, как свет, но без дыму, таков он; он пространнее неба, пространней эфира, пространнее этой земли, пространнее всех существ; он есть Я дыхания; он — мое Я (Атман); с этим Атманом соединюсь я, покинув этот мир”»⁸.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. С. 230.

² Там же.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Там же. 1999. Т. 6. С. 49–50.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Ольденберг Г. Будда. Его жизнь, учение и община. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1884. С. 24.

Но об этом говорит и высказывание из рассказа: «Если Чанг любит и чувствует капитана, видит его взором памяти, того божественного, чего никто не понимает, значит, еще с ним капитан: в том безначальном и бесконечном мире, что не доступен Смерти»¹. Этот «безначальный и бесконечный мир» напоминает нирвану. И не случайно эпитет «божественный» дан памяти — буддизм, как известно, ставит знак равенства между космическим и психическим.

Есть буддийско-даосский след и на втором уровне — композиции. Рассказ складывается из постоянно сменяющихся картинок: убогого существования капитана и Чанга в Одессе и снов Чанга, одурманенного водкой, в которых перед ним проходит прошлое: покупка его у китайца, путешествие по реке, в море и в океане, рассказы капитана. Грань между реальностью и сном стирается... — как стирается она в начальном фрагменте второго важнейшего сочинения даосизма, трактата «Чжуан цзы». В дореволюционном переводе В.П. Васильева он звучит так: «Некогда Чжуан-Чжоу (Чжуан-цзы) видел во сне, что он превратился в бабочку, со всеми свойствами и мыслями, как будто и не знал, что есть Чжуан-Чжоу; проснувшись, он опять стал Чжуан-Чжоу»².

Читал ли Бунин книгу В.П. Васильева? Или общая европейская рецепция Китая, как царства сна, дурмана, опиума (у Бунина — водки), объясняемая историко-политическими причинами (опиумные войны)? У Р. Киплинга в очень сильном рассказе «Ворота ста печалей» эти мотивы замечательно проявлены.

Но может быть, это также влияние буддизма. В вышеприведенном высказывании Герасимова жизнь сравнивается со сном. Таким «соном» является земная жизнь капитана и Чанга, пробуждение же — впереди.

В трактовке образов можно увидеть буддийский след. Рассказ начинается словами: «Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живущих на земле»³. В комментариях к рассказу А.К. Бабореко приводит источник высказывания, «Сутту-Нипату»: «Да будут счастливы все существа. И слабые, и сильные, и видимые, и невидимые, и родившиеся, и нерожденные еще»⁴, ссылаясь на указание О. Сливицкой. Это высказывание иллюстрируется. О том, что Чанг — китайская собака, читателю сообщается только на третьей странице рассказа. Правда, уже во втором абзаце говорится, что капитан — хозяин Чанга, но по фразе третьего абзаца: «Чанг стар, Чанг пьяница — он все дремлет»⁵, — может создаться впечатление, что Чанг — человек, слуга капитана.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1995. Т. 4. С. 230.

² Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб: Типография В.С. Балашова, 1873. С. 79.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1995. Т. 4. С. 214.

⁴ Там же. С. 501.

⁵ Там же. С. 214.

Китайское происхождение подчеркивается и именем собаки. Откуда Бунин мог его позаимствовать? В «Зовах древностей» Бальмонт переложил несколько китайских стихотворений, в том числе и поэта, которого он назвал Чанг-Чанг-Линг (Ван Чан-Лин в современной транскрипции). У Л.Н. Толстого в «Мыслях мудрых людей на каждый день» от 3 августа упоминается король Чинг-Чанг¹.

Как эпизодический персонаж в снах Чанга фигурирует китаец, продавший собаку капитану. Характеристика его сугубо реалистическая: «старый, кислоглазый», «стал скучить, упрашивать всех проходящих мимо, чтобы купили у него плетушку тухлых рыбок»².

В изображении пространства есть черты и символизма, и реализма. Рассуждения капитана о «Бездне-праматери» подкреплены многочисленными картинами водной (морей и океана) и небесной стихий, возникающими в снах Чанга. Картина же Китая, снявшегося Чангу, — совершенно реалистическая: «широкая китайская река», «лодка под камышовым парусом, качавшаяся на речной мутни», «плоские побережья»³. Предположительно, это Хуанхэ, мутная из-за леса, с высоким руслом. Создавая эту картину, Бунин мог принять во внимание специфику альманаха журнала «Творчество», где и был опубликован рассказ. М.Л. Гальперин писал Бунину: «Интересуют, главным образом, такие произведения, которые, не касаясь войны, и, вообще, тенденциозных тем, были бы просто художественны и, по возможности, поддавались бы иллюстрации»⁴.

Эта картина возникает в снах лишь однажды, в связи с первым хозяином Чанга, и необходима, вероятно, для доказательства «китайского» происхождения собаки (которой капитан излагает некоторые положения китайской философии: буддизма и даосизма).

Таким образом, рассказ, при всей его изобразительности, логичен и гармоничен. С «Бездной-праматерью», из которой все выходит и в которуюозвращается, связана и «первая», и «третья» правда, она обозначается водной морской стихией, «вторая» же правда — правда города и грязного кабака — ей противопоставлена. Все элементы художественной системы связаны между собой, и китайские реалии, проявляющиеся на всех уровнях, служат для того, чтобы подчеркнуть главную проблему рассказа. Поскольку в основе рассказа лежит мысль буддийская, нельзя сказать, что Китай, при всей эпизодичности его описания, играет роль «подчиненную». Бунин глубоко погружается в иную культуру и видит самую ее суть, в данном случае — ее религиозно-философскую основу.

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 40. Произведения 1886, 1903–1909. С. 169.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. 1995. Т. 4. С. 216.

³ Там же.

⁴ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 732.

Литература

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текста и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, comment. и подбор илл. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. Т. 4. 527 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, comment. и подбор илл. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. 635 с.

Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1873. 184 с.

Ольденберг Г. Будда. Его жизнь, учение и община. М.: Издание К.Т. Солдатенко-ва, 1884. 318, XLIV с.

Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений, Буддийская каноническая книга, переведённая с языка пали доктором Фаусбеллем. Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова. М.: Издание Товарищества А.А. Левенсона, 1899. 197 с.

«Тао те Кинг» Лаоси // Вопросы психологии и философии. 1894. № 23. С. 380–409.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 40. Произведения 1886, 1903–1909. М.: ГИХЛ, 1956. 542 с.

References

Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 4* [Collected Works: In 8 vols. Vol. 4]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 527 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 6* [Collected Works: In 8 vols. Vol. 6]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1999. 635 p. (In Russ.)

Ol'denberg G. *Buddha. Ego zhizn', uchenie i obshchina* [Buddha. His life, teaching and community]. Moscow, Izdanie K.T. Soldatenkova Publ., 1884. 318, XLIV p. (In Russ.)

Sutta-Nipata. *Sbornik besed i pouchenii, Buddiiskaia kanonicheskaiia kniga, perevedennaia s iazyka pali doktorom Fausbellem. Russkii perevod i predislovie N.I. Gerasimova* [A collection of conversations and teachings, the Buddhist canonical book, translated from the pali language by Dr. Fausbelle. Russian translation and foreword by N.I. Gerasimov]. Moscow, Izdanie Tovarishchestva A.A. Levinsona Publ., 1899. 197 p. (In Russ.)

Tao te King Laosi [Tao te King Laosi]. *Voprosy psikhologii i filosofii*, 1894, no 23, pp. 380–409. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 40. Proizvedeniia 1886, 1903–1909* [Complete works. Vol. 40. Works of 1886, 1903–09]. Moscow, GIKhL Publ., 1956. 542 p. (In Russ.)

Vasil'ev V.P. *Religii Vostoka: konfutsianstvo, buddizm i daosizm* [Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism]. Saint Petersburg, Tipografia V.S. Balashova Publ., 1873. 184 p. (In Russ.)

CHINESE CULTURE SPECIFIC ELEMENTS IN THE STORY OF IVAN BUNIN “DREAMS OF CHANG”

© 2019, ELENA OSMININA

Abstract: The article analyzes the story by Ivan Bunin “Dreams of Chang”. Chinese culture specific elements are revealed at all levels of his artistic system: in the theme and idea (Buddhist-Taoist perspective), composition, characters, representation of space. Bunin’s sources were “Sutta-Nipata”, G. Oldenberg’s book on Buddhism and, probably, the translation of “Tao Te Ching”. The author comes to a conclusion on the excellence of Bunin’s mastery, his deep comprehension of a different (in this case, Chinese-Buddhist) culture.

Keywords: Bunin, Silver Age literature, Buddhism, Taoism, China.

Information about the author: Elena Osminina, Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka str., 38, 119034 Moscow. Russia, E-mail: eleosminina@mail.ru

ДОМ В ВОРОНЕЖЕ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ И ЖИЛ И.А. БУНИН

© 2019, А.Н. АКИНЬШИН

Аннотация: Определение места рождения И.А. Бунина в Воронеже, при отсутствии архивных документов, с опорой на свидетельство племянника Н.И. Ласкаржевского (сына сестры Бунина Марии). В переписке с Ю.Д. Гончаровым в 1970 г. он указал на дом № 3 по проспекту Революции. Раскрывается строительная история дома, начиная с 1865 г.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.А. Бунина, Ю.А. Бунин, Н.И. Ласкаржевский, Ю.Д. Гончаров, Государственный архив Воронежской области, Большая Дворянская улица, Дом Германовской–Фетисовой, строительная история

Информация об авторе: Акиньшин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета. 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: akinshin55@mail.ru

Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже 10 октября 1870 г. Факт этот непреложный, о нем не раз сообщал сам писатель. Его семья жила в Воронеже с лета 1870 г. до начала зимы 1873 г., то есть примерно три с половиной года¹. Где именно жила семья из шести человек, не считая прислуги? Поиск ответа на этот вопрос длится уже полвека, а однозначного вывода не было. Виной тому — отсутствие документов в местном архиве и нежелание принимать во внимание свидетельства близкого родственника писателя. Сам Бунин облегчает наш поиск только одним свидетельством: «23 октября 1940 (10.X.40 по старому стилю), 11 ½ ч. вечера. 70 лет тому назад на *рассвете* этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже, на Дворянской улице». Такую запись обнаружила и привела в своей книге жена писателя В.Н. Муромцева². Из трех Дворянских улиц — Большая, Малая (Вторая), Третья — так могли называть только Большую Дворянскую улицу. К тому же именно на этой улице находилась мужская гимназия.

Поиск архивных документов для определения места проживания семьи Буниных предпринимался несколькими исследователями и не дал никаких результатов. Буны принадлежали к орловскому дворянству, поэтому отец писателя Алексей Николаевич не участвовал в работе Воронежского дворянского собрания. На службе он не состоял, следовательно, в «Адрес-календаре» чиновников не представлен. Архив губернской гимназии не сохранился,

¹ См.: Акиньшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 5–9.

² Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 26.

а значит — личных дел учеников Юлия и Евгения Буниных у нас нет. Наем квартиры (дома, части дома) производился при помощи маклера и договор между владельцем и квартиросъемщиком записывался в маклерские книги. Такие книги в воронежском архиве не сохранились. Нет также архива городского полицейского ведомства — вдруг оно по какой-то причине интересовалось местом проживания Буниных. Не сохранились оба (консисторский и приходской) экземпляра метрических книг по городу. Предпринятый мною поиск в Государственных архивах Орловской и Липецкой областей каких-либо прошений А.Н. Бунина за 1870–1873 гг., где бы указывался его воронежский адрес, оказался безрезультатным. Семейного архива Буниных, в котором могли бы отыскаться адресованные им в Воронеж письма, как такового не существует.

Перечень возможных архивных источников исчерпан практически полностью. В такой ситуации следует полагаться на субъективное свидетельство, каковым являются воспоминания племянника Бунина, Николая Иосифовича Ласкаржевского (1902–1990). Он — сын Марии Алексеевны Буниной (1873–1930). Она родилась в Воронеже, по ее словам, в том же доме, что и Иван Алексеевич. Ласкаржевский утверждал, что Иван Алексеевич и Мария Алексеевна были крещены дома. Метрические свидетельства обоих не разысканы¹. Разумеется, в конце того же 1873 года вместе с родителями Мария покинула Воронеж, однако она вновь жила здесь в 1918–1920 гг. вместе с сыновьями Евгением и Николаем. Причем жила практически в том же районе, что и полвека назад — на бывшей Бринкмановской даче на окраине Троицкой пригородной слободы. Адрес указан в личном деле студента Воронежского университета Евгения Ласкаржевского: улица Старый бег, дом 1, квартира 12². Николай в эти годы учился в средней школе. Его путь вместе с матерью на центральные улицы лежал через железнодорожный мост, разделявший город и слободу Троицкую, и далее — мимо нужного нам дома. За прошедшие с 1870 г. полвека эта часть города мало изменилась (см. рис. 1).

Переписка Н.И. Ласкаржевского (он жил в Бобруйске) и воронежского писателя Юрия Даниловича Гончарова (1923–2013) завязалась в 1970 г. на почве общего интереса к творчеству Бунина. 4 августа 1970 г. Ласкаржевский отправил Гончарову схематический чертеж Большой Дворянской улицы от ее начала до здания гимназии, где отметил примерное местоположение бунинского дома³. Получив от Гончарова фотографии существующих на начальном отрезке улицы строений, он уверенно указал на дом под номером три: «Я вспомнил и то, что он был не одноэтажный (по снимку глядя), а двухэтажный. На этот дом показывала мне моя мама. В этом доме (месте) Бунины

¹ См. письмо Н.И. Ласкаржевского к Ю.Д. Гончарову (Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. 402. Оп. 2. Д. 59. Л. 12 об.).

² Там же. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 13193.

³ Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 59. Л. 8.

Фрагмент плана Воронежа 1910 г.

жили с 1870 по 1873-й год на квартире!»¹. Строительной истории дома, его внутренней планировки и фамилий владельцев Ласкаржевский не знал. Особо отмечу, что он определил бунинский дом до своего приезда в Воронеж. 27 октября 1970 г. краеведами с участием Н.И. Ласкаржевского, А.К. Бабореко и О.Г. Ласунского был составлен акт о признании дома № 3 по проспекту Революции местом рождения И.А. Бунина². Однако мемориальная доска из-за негативного отношения к писателю-эмигранту на этом доме появилась только в октябре 1990 г. Хроника событий конца 1960-х — начала 1990-х гг., связанных с признанием дома № 3 по проспекту Революции местом рождения И.А. Бунина, изложена в воспоминаниях Ю.Д. Гончарова³.

Обратимся теперь к истории дома № 3 по проспекту Революции. Участок проспекта от современных улиц Кольцовской и Коммунаров до железнодорожного моста застраивался довольно поздно. Четная сторона до 1867 г. была занята ипподромом («рысистый бег»). После того, как территория ипподрома была разрезана железной дорогой, и он был перенесен в другое место, оставшийся в городе участок получил название «Старый бег». Участок к северо-востоку от линии железной дороги отошел к слободе Троицкой. «Старый бег» был отдан под застройку только в начале XX в. Прежде всего речь шла о строительстве общественных зданий на участке, примыкающем к улице

¹ ГАВО. Ф. 402. Оп. 2. Д. 59. Л. 17 и об.

² Там же. Ф. Р-3025. Оп. 1. Д. 137. Д. 1.

³ Гончаров Ю.Д. Неужели это Россия и есть? // Подъем. 2011. № 1. С. 168–187.

Кольцовской¹. Противоположная, нечетная, сторона Большой Дворянской нередко, для уточнения адреса, именовалась «против Старого бега». На этой стороне находятся так называемые «казармы Арнольди» (пр. Революции, 5), которые могут быть отнесены к числу старейших построек на главной городской улице. Дом принадлежал советнику наместнического правления князю Андрею Александровичу Волконскому (1753–1813) и построен в начале 1780-х гг. В 1840-е гг. дом перестроен и приобрел нынешний облик². В 1871 г. он был куплен городом под казармы и приобрел название по фамилии последней владелицы Елизаветы Алексеевны Арнольди.

Была ли какая-либо застройка левее (восточнее) казарм Арнольди в середине XIX в., выяснить по планам города не удается. Ближайший по времени план воспроизведен в «Памятной книжке для жителей Воронежской губернии» на 1856 г., на нем показаны лишь границы кварталов да казенные и общественные здания. Жилые строения нанесены на план 1862 г.³. Границы земельного участка слева от казарм по этому плану сформированы, но жилых домов там еще нет. Самое раннее упоминание о наличии здесь дома относится к 1865 г. Участок имел тогда следующий адрес: Воронеж, Дворянская часть, 63-й квартал, № 986.

Первым известным нам владельцем дома и участка был отставной поручик Дмитрий Егорович Бенардаки (1799–1870). Грек по национальности, он в 1819–1823 гг. состоял на военной службе и ушел в отставку в чине поручика. В дальнейшем стал миллионером, заложив основу состояния на винных откупах. Он владел чугуноплавильными и железоделательными заводами, золотыми рудниками, Сормовским судостроительным заводом. В 1861 г. Сенат утвердил его в потомственном дворянстве. Бенардаки был крупным благотворителем, меценатом, коллекционером западно-европейской живописи. Он оказывал финансовую помощь Карлу Брюллову и Николаю Гоголю, который вывел его во втором томе «Мертвых душ» под именем Костанжогло.

У Д.Е. Бенардаки были финансовые интересы в Воронежской губернии. Ему принадлежали винокуренные заводы в с. Касторное Землянского уезда. В 1865–1867 гг. поверенный в его делах, эстляндский гражданин К.А. Вейнштейн вел тяжбу с арендатором этих заводов⁴. Никаких указаний на место жительства Д.Е. Бенардаки в архивных делах нет. Предположительно, дом в Воронеже мог потребоваться для проживания поверенного в делах Бенардаки, хотя в документах 1867–1868 гг. указано, что тот живет при арендованном винокуренном заводе в с. Меловое Нижнедевицкого уезда.

¹ Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 296–297.

² Там же. С. 353; Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2009. С. 300–301.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 166. Воронежская губерния. Д. 4.

⁴ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21164; Оп. 2. Д. 77, 4732, 7279.

Материалы фонда городской управы до реформы 1870 г. сохранились фрагментарно. Поэтому выявить время приобретения земельного участка и строительства дома Дмитрием Егоровичем Бенардаки не представляется возможным. Известно лишь, что 22 января 1865 г. по купчей за № 30, зарегистрированной в губернской палате гражданского суда, он продал свой дом жене губернского секретаря Анне Евтихиевне (Евтеевне) Германовской (ок. 1834 — после 1874)¹. Текст купчей крепости, как и журнал регистрации, не сохранились, поэтому нельзя установить, что же именно было продано (размеры дома, размеры участка), ясно только, что это было деревянное одноэтажное строение.

Муж домовладелицы, Андрей Герасимович Германовский (ок. 1827—1871/1872), личный дворянин, служил канцеляристом в губернской Казенной палате. Упоминаний о доме А.Е. Германовской в архивных документах нет до 1871 г. В этом году сообщается, что А.Е. Германовская содержит в собственном доме, Дворянской части, близ Старого бега, белую харчевню. В доход города она платила 150 рублей в год и акцизного сбора за продажу спиртных напитков в доход казны 55 рублей². На таких же условиях содержала она харчевню и в 1872 г.³. Белая харчевня — закусочная, столовая, где подавали простые блюда, чай, как видно из платежа акциза в данном случае — и спиртное.

Германовская задумала строить новый дом. В мае 1872 г. был заложен фундамент. Однако утвержденного проекта на строительство или перестройку дома у нее еще не было. 16 июля 1872 г. она продала жене отставного фельдшера Анне Сергеевне Фетисовой «деревянный дом со строением и местом», состоящий Дворянской части, 63 квартала под № 986 за 800 рублей серебром⁴. Возможно, необходимость продажи дома была вызвана смертью мужа. Очередными владельцами усадьбы на Большой Дворянской стала жена отставного фельдшера Петра Ивановича Фетисова Анна Сергеевна. Биографических сведений о Фетисовых разыскать не удалось.

Наличие «строений» на усадьбе, помимо дома, позволяет предполагать, что это был флигель, который и снимала семья Буниных. Хозяева могли жить в доме, выделив там же помещение под харчевню. Добиваясь льготы по уплате квартирного налога, Фетисова позднее, противореча тексту купчей, утверждала, что на усадьбе стоял только одноэтажный флигель. По-видимому, перестройку дома планировалось провести в летние месяцы, когда, как следует из воспоминаний Евгения Алексеевича Бунина, «на каникулы мы все уезжали в деревню, т.е. на хутор Бутырки»⁵.

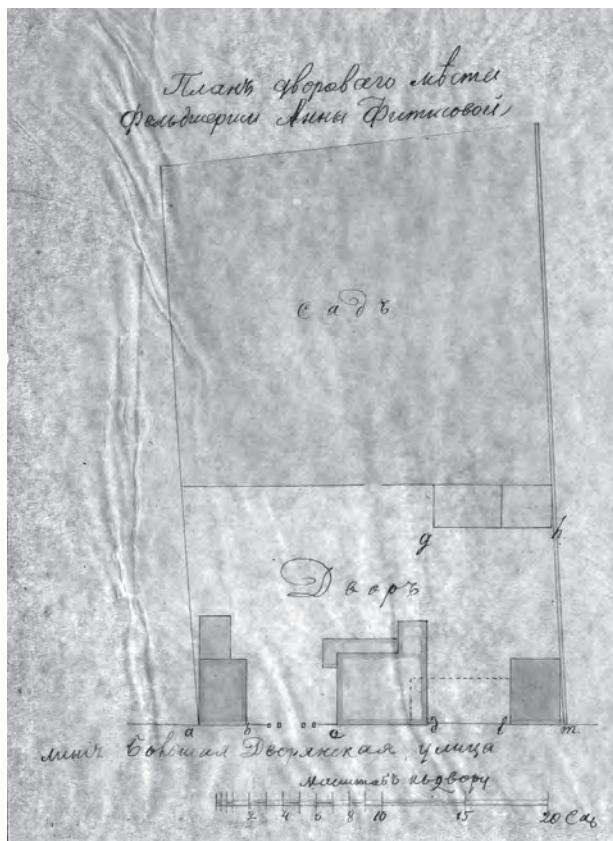
¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 689. Л. 12 и об.

² Там же. Д. 151. Л. 15; Д. 281. Л. 9.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же. Д. 689. Л. 12.

⁵ Бунин Е.А. Раскопки далекой темной старины // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 228.

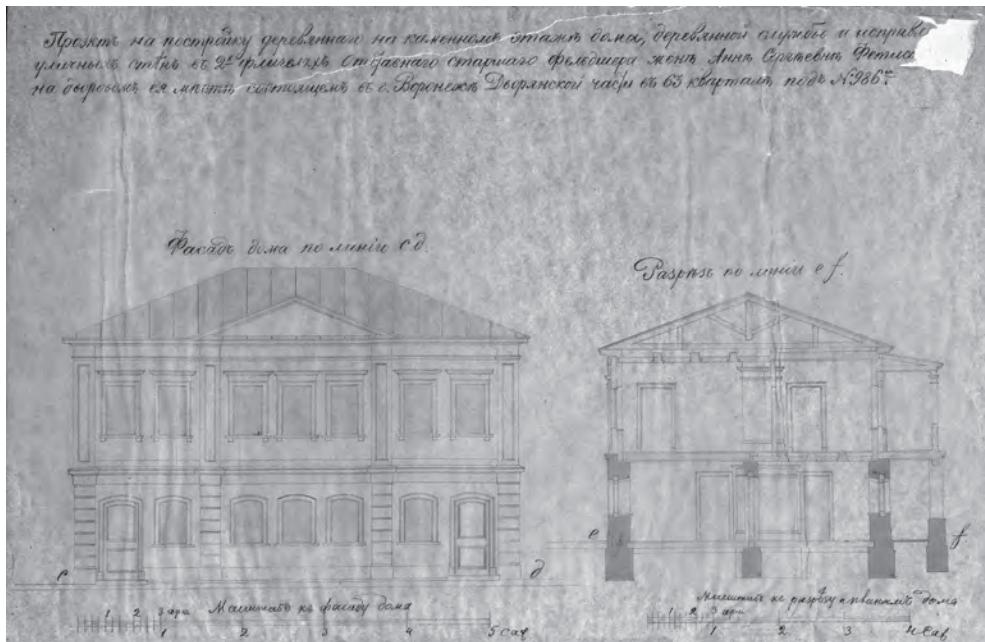
План дворового места. 1873 г.

В конце февраля 1873 г. А.С. Фетисова представила в городскую управу проект на постройку «деревянного на каменном этаже дома, деревянной службы и исправление уличных стен двух флигелей». В начале марта проект был утвержден¹ и к декабрю 1873 г. работы были завершены. В глубине участка появились деревянные службы, по линии Большой Дворянской исправлены наружные стены двух флигелей. Угловой левый флигель стоял по краю усадьбы и был вытянут во двор, между ним и домом находились въездные ворота.

Правый флигель к дому не прилегал (он был меньших размеров, чем ныне: входная дверь и окна по бокам). Пунктиром на плане был очерчен прямоугольник примерными размерами 6,4 саж. на 2 саж., так показано местоположение прежнего, разобранного деревянного дома² (см. рис. 2). Несовпадение

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–5 об.

² Там же. Л. 3–4. См. также: Попов П.А. Указ. соч. С. 296; Он же. Загадки «дома Бунина» // Воронежский телеграф. 2010. № 129. С. 7.

Фасад дома. 1873 г.

его размеров с вновь выстроенным домом заставляет с сомнением отнестись к предположению В.С. Петровского о том, что старый деревянный сруб был перенесен на каменный этаж и превратился, таким образом, во второй этаж ныне стоящего особняка¹ (см. рис. 3).

Находившийся слева от фетисовской усадьбы дом принадлежал крестьянке Татьяне Тибекиной (63 квартал, № 985), в нем тоже находилась белая харчевня. В 1873 г. крестьянин Федор Раков содержал там уже не харчевню, а трактир². В сентябре 1873 г. он намеревался содержать там трактир и на следующий год, но уже в ноябре ходатайствовал о переводе трактира до 1 января 1874 г. в соседний дом А.С. Фетисовой, а 3 декабря 1873 г. был заключен договор об аренде им нижнего этажа фетисовского дома под трактирное заведение сроком до 1 января 1875 г.³. Можно полагать, что именно в конце ноября — начале декабря 1873 г. Бунины приняли решение об отъезде из Воронежа. Найти новых жильцов зимою не так просто и хозяйка сдала весь этаж под трактир. С 1875 г. трактир или белая харчевня в доме Фетисовой не упоминаются.

После отъезда родителей с младшими детьми в Воронеже остался старший сын, Юлий Бунин. Он жил здесь до окончания гимназии в 1877 г. Про-

¹ Гончаров Ю. Хозяин ветхого флигеля // Воронежский курьер. 1996. 20 апр.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 151. Л. 14; Д. 281. Л. 100, 122.

³ Там же. Д. 435. Л. 8; Д. 689. Л. 3.

должал ли он жить на прежнем месте, или, что более вероятно, сменил квартиру — можно только гадать.

В марте 1874 г. на дом и флигели А.С. Фетисовой была предоставлена шестилетняя льгота по уплате квартирного налога, начиная с даты закладки фундамента, то есть с мая 1872 г. по май 1878 г., как это и положено для смененных деревянно-кирпичных строений. Все хлопоты по оформлению документов взял на себя поверенный Фетисовой, тамбовский мещанин Семен Павлович Никитин, который жил в ее доме¹.

В июне 1877 г. отставной фельдшер П.И. Фетисов по доверенности жены получил в городском общественном банке ссуду в три тысячи рублей под залог дома с усадьбой. По этому поводу было составлено подробное описание усадьбы, из которой я приведу характеристику главного дома: «Дом двухэтажный под железою крышею новый, низ каменный, а верх деревянный дубового пятичетвертого леса; мера в длину 19 ½ аршин, в ширину 18 аршин (13,8 на 12,7 м. — А.А.), комнат в нижнем этаже 6, а в верхнем 7. Полы внизу досточные крашеные, дверей вверху и внизу столярной работы 19, плотницкой работы 6, всех 25; окон с рамами столярной работы вверху и внизу вместе 36, все окна и двери крашены масляною краскою, а также и снаружи весь дом кругом. Стены нижнего этажа вышиною 4 ½ аршина, а верхнего 4 ¼ аршина»². Далее следует описание двух флигелей, двух ледников, конюшни и каретного сарай, деревянной погребицы и деревянного сарай. Все строения с земельным участком, размеры которого не претерпели изменений, были оценены в 4000 рублей³.

В 1870-е гг. во многие городские дома, находящиеся в центре, был проложен водопровод, но в доме Германовской / Фетисовой его не было, прошений домовладелиц по этому поводу не обнаружено. В казарме, которая примыкала справа к усадьбе Фетисовой, размещался 141-й пехотный Можайский полк. Для солдатских нужд требовалось много воды и на границе с домом Фетисовой была устроена водоразборная («бассейная») будка, из-за чего под окнами ее флигеля стала скапливаться грязная вода, а в самом флигеле завелись сырость и гниль. Да еще водовозы, подъезжающие с бочками, и окрестные жители, приходящие с ведрами, заводят шум и брань, по этой причине «в моем флигеле не хотят жить квартиранты, отчего я должна нестъ убытки». В 1878 г. управа распорядилась «закрыть кран, обращенный к дому Фетисовой»⁴.

А.С. Фетисова как владелица усадьбы последний раз значится в 1880 г., когда просила управу о возврате переплаченного ею квартирного налога⁵.

¹ ГАВО. Д. 689. Л. 7–8.

² Там же. Д. 1029. Л. 200.

³ Там же. Л. 200–201.

⁴ Там же. Д. 1061. Л. 48.

⁵ Там же. Д. 1138. Л. 112–120.

Выяснить точное время очередной смены владельцев не удалось. В 1885 г. упоминается новый хозяин — мещанин Козьма Александрович Бодрых¹.

В июле 1885 г. К.А. Бодрых просил разрешения провести водопровод на свою усадьбу, при этом обязывался испорченное при прокладке труб полотно немощеной дороги и тротуара привести в прежний вид за свой счет. «У живущих в моем доме в настоящее время четырех человек скотины не имеется»². На указанных условиях водопровод тем же летом был проведен³. В ходе озеленения центральных улиц города в 1880-е гг. на тротуаре были высажены клены и пирамидальные тополя.

В мае 1892 г. К.А. Бодрых, к этому времени уже купец второй гильдии, подарил дом дочери Марии, которая была замужем за офицером Федоровым⁴. Проживая по месту службы мужа, М.К. Федорова доверила управление домом на Большой Дворянской, который сдавался внаем, своей матери, Евдокии Петровне Бодрых. В июне 1898 г. Е.П. Бодрых, «доверительница дома Федорова, находящегося на Старом бегу», просила закрыть водопроводный кран, ведущий в дом, поскольку вода пока не нужна⁵. В сентябре 1899 г. она оплатила работы по ремонту водопровода на усадьбе своей доверительницы⁶.

В 1890–1900-е гг. дом Бодрых / Федоровой не подвергался перестройке, не предоставлялся в залог для получения банковского займа, не имел задолженности по уплате городских и казенных сборов, поэтому не упоминается в соответствующих документах городской управы. Удалось выявить только две семьи, проживавших в этом доме. До 1895 г. в доме жил провизор Павел Владимирович Кимменталь, управлявший аптекой ЮВЖД. После его смерти управлять аптекой стал его брат Федор (Фридрих) Кимменталь, поселившийся в том же доме Федоровой. С дочерью аптекаря Дагмарой Федоровной Кимменталь-Нечаевой (1902 — ?) в конце 1970-х гг. беседовал Ю.Д. Гончаров. По ее словам, мать владелицы жила в левом флигеле, сдавая жильцам весь дом и правый флигель. В правом флигеле была лавочка, которую содержал некий Ермаченко⁷.

21 мая 1913 г. жена подполковника М.К. Федорова продала свою усадьбу, теперь уже имевшую номер 1035 в 63-м квартале Дворянской части, с двухэтажным смешанным домом, со строениями и местом, присяжному поверенному Сергею Антоновичу Петровскому (1863–1944)⁸. Летом того же года новый хозяин сделал кирпичную пристройку к дворовому фасаду главного

¹ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 13534.

² Квартиранты могли иметь конный выезд и тогда на усадьбе содержались лошади.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1261. Л. 42–43.

⁴ Там же. Д. 2825. Л. 91.

⁵ Там же. Д. 1755. Л. 164.

⁶ Там же. Д. 1754. Л. 462.

⁷ Запись беседы Ю.Д. Гончарова с Д.Ф. Кимменталь-Нечаевой. Архив автора.

⁸ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2825. Л. 91.

дома. Для складирования строительных материалов ему было разрешено занять часть тротуара по линии Большой Дворянской улицы на срок с 25 июня по 1 сентября 1913 г.¹. Жильцов Петровский не выселил. На время ремонтных работ семья Кимменталь переселилась в правый флигель. Затем вплоть до оккупации немцами Воронежа в июле 1942 г. жили в нижнем этаже, поскольку квартира была большой, сюда подселили учительницу Казаневскую-Никитинскую.

Во время Великой Отечественной войны левый флигель усадьбы был полностью разрушен. После смерти С.А. Петровского владелицей дома стала его дочь Зоя Сергеевна Гаек (1896–1992), флигель перешел к сыну Владимиру Сергеевичу Петровскому (1892–1980). Зная от Н.И. Ласкаржевского и Ю.Д. Гончарова о том, что здесь родился И.А. Бунин, он завещал свой флигель Воронежскому областному краеведческому музею для создания музея писателя. Из-за ветхости флигель этот был разобран и в 1989 г. перестроен в каменный с сохранением подлинных размеров. Двухэтажный дом ныне принадлежит внукам Зои Сергеевны, родным братьям Виктору и Владимиру Викторовичам Тригубам и их двоюродной сестре Ларисе Чуркиной. В 2006 г. на доме была установлена мемориальная доска, посвященная видному общественному деятелю, депутату III Государственной Думы Сергею Антоновичу Петровскому. Во флигеле создается музей, посвященный И.А. Бунину. Открытие намечено на осень 2020 г. Полтора века спустя Бунин вернется в Воронеж.

Литература

Акиньшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 5–9.

Бунин Е.А. Раскопки далекой темной старины // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 224–235.

Гончаров Ю.Д. Неужели это Россия и есть? // Подъем. 2011. № 1. С. 168–187.

Гончаров Ю. Хозяин ветхого флигеля // Воронежский курьер. 1996. 20 апр.

Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. 575 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 507 с.

Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж: Изд-во «Квартал», 2003. 532 с.

Попов П.А. Загадки «дома Бунина» // Воронежский телеграф. 2010. № 129. С. 7.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2865. Л. 187–188.

References

- Akin'shin A.N. Sem'ya Buninov v Voronezhe [Bunin's family in Voronezh] // *Vestnik VGU. Seria: Filologiya. Zhurnalistika.* no 1, 2019. pp. 5–9. (In Russ.)
- Bunin E.A. *Raskopki dalekoj temnoj stariny* [Excavations of distant dark past] // *Literaturnoe nasledstvo T. 84. Ivan Bunin. Kn. 1.* [Literary Heritage. Vol. 84, book 1. Ivan Bunin]. Moscow, 1973. pp. 224–235. (In Russ.)
- Goncharov Iu.D. *Neuzheli eto Rossiya i est?* [Can that be Russia?!] // *Podzem.* no 1, 2011. pp. 168–187. (In Russ.)
- Goncharov Iu. *Hozyain vethogo fligelya* [Owner of a dilapidated wing] // *Voronezhskij kur'er.* 20 April 1996. (In Russ.)
- Istoriko-kul'turnoe nasledie Voronezha. Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury Rossijskoj Federacii* [Voronezh historical and cultural heritage. Materials from the Book of historical and cultural monuments in Russian Federation]. Voronezh, Centr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraia Publ., 2009. 575 p. (In Russ.)
- Muromceva-Bunina V.N. *ZHizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu.* [Life of Bunin. Conversation with memory] Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1989. 507 p. (In Russ.)
- Popov P.A. *Voronezh. Istoryia goroda v nazvaniyah ulic.* [Voronezh. A history of the town in the names of the streets]. Voronezh, Izd-vo "Kvarta" Publ., 2003. 532 p. (In Russ.)
- Popov P.A. *Zagadki «doma Bunina»* [Mysteries of "Bunin's house"] // *Voronezhskii telegraf.* no 129, 2010. p. 7. (In Russ.)

A HOUSE IN VORONEZH WHERE IVAN BUNIN WAS BORN AND SHORTLY LIVED

© 2019, ALEXANDER AKIN'SHIN

Abstract: In absence of any archive documents, a place of birth of Ivan Bunin in Voronezh is determined using the evidence of N.I. Laskarzhevskii, his nephew (son of Bunin's sister Maria). In correspondence with Iu.D. Goncharov he pointed to the house 3 on prospect Revol'utsii. A history of the house is given, starting from 1865.

Keywords: Ivan Bunin, Maria Bunina, Iulii Bunin, N.Laskarzhevskii, Iu. Goncharov, State Archive of Voronezh region, Bolshaia Dvoriantskaia street, Germanovskaia-Fetisova house, building history.

Information about the author: Alexander Akin'shin, Candidate of History, Assistant Professor, Department of Russian history, Voronezh State University, Voronezh, Univesitetskaia place, 1, 394018. E-mail: akinshin55@mail.ru

НОВЫЕ БУНИНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ПАРИЖСКИХ АРХИВОВ

© 2019, В.В. БОЙКОВ

Аннотация: Французские архивы и бунинское источниковедение. Брак И.А. Бунина с А.Н. Цакни. Гражданский брак И.А. и В.Н. Буиних в контексте их окружения. Развод А.Н. и И.А. Буиних. Официальное оформление брака И.А. и В.Н. Буиних в 1922 г. в Париже. XVI округ — «русский район» французской столицы 1920–1950-х гг. Свидетельство о бракосочетании Буиних — неизвестный документ в биографии писателя. Самоопределение вступающих в брак. Метрическое свидетельство И.А. Бунина как один из источников выявленного документа. Метрическая запись о венчании И.А. и В.Н. Буиних в храме Св. Александра Невского в Париже.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.Н. Бунина, мэрия XVI округа Парижа, свидетельство о регистрации брака Буиних, метрическая запись о венчании в храме Св. Александра Невского.

Информация об авторе: Владимир Васильевич Бойков — историк, Воронеж, Россия. E-mail: bogvel@mail.ru

Для биографии И.А. Бунина особую ценность имеют источники, хранящиеся в архивах различных французских учреждений и еще не введенные в научный оборот. Во Франции Буинины по тем или иным причинам имели дело с государственными и частными учреждениями, в архиве которых отложились соответствующие документы. И бунинским биографам необходимо обратить пристальное внимание на такие источники, потому что здесь возможны интересные находки.

В свой первый брак Иван Алексеевич Бунин вступил 23 сентября 1898 г. в Одессе с Анной Николаевной Цакни. Через два года они расстались, но официального (церковного) развода от нее Бунин не получил. Когда в 1906 г. он встретил Веру Николаевну Муромцеву, их отношения не могли быть соединены церковным браком — единственной юридической формой брачных отношений в Российской империи. Шестнадцать лет они жили так называемым гражданским браком, т. е. неофициальным. Надо сказать, что подобные семейные пары были не редкостью в бунинском окружении — писатель Борис Зайцев и Вера Смирнова (урожденная Орешникова) долгие годы жили также гражданским браком, пока в 1912 г. Вера Алексеевна не получила развод от своего первого мужа. Воронежская приятельница Бунина Евгения Николаевна Граф, в девичестве Клочкива, пять лет жила гражданским браком с приват-доцентом Московского университета Владимиром Михайловичем Устиновым, пока в 1912 г. не был расторгнут Церковью ее первый брак.

И лишь в июне 1920 г., когда И.А. Бунин был уже в эмиграции, А.Н. Буинина оформила в Одессе церковный развод из-за предстоящего брака с А.М. Дерибасом. Узнав об этом гораздо позже, и, вероятно, получив из

Одессы бракоразводный документ, Бунин предпринимает соответствующие действия со своей стороны. 8 июня 1922 г. Епархиальное Управление Русскими Православными Церквями в Западной Европе регистрирует развод И.А. Бунина¹. И тогда же он узаконивает брак с Верой Николаевной, но теперь это приходится делать дважды — по французским законам в мэрии, в данном случае в мэрии XVI округа по месту проживания, и по русской традиции венчаться в соборе Св. Александра Невского на улице Дарю в Париже.

Жизнь И.А. и В.Н. Буниных в Париже главным образом была связана с XVI округом. Здесь, на улице Жака Оффенбаха, в Пасси (название находившейся ранее здесь деревушки и распространившееся затем на этот район округа) или, как наши эмигранты на русский манер говорили, «в Пассях», они жили почти с самого начала парижской эмиграции². В 1953 г. в некрологе писателю одна из парижских газет назвала Бунина гражданином Пасси, что очень точно передает его положение изгнанника в Париже³.

У XVI округа Парижа еще до революции была репутация русского места — здесь в основном селилась наша знать. После 1920 г. русское присутствие значительно увеличилось, и не только за счет дворянства. Современный французский историк на основе архивных данных насчитывает в 1926 г. в XVI округе три с половиной тысячи русских эмигрантов различного социального происхождения⁴. Здесь жили многие писатели-эмигранты: А.И. Куприн, А.Н. Толстой, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И.С. Шмелев, К.Д. Бальмонт, А.М. Ремизов. В этом же округе в своем доме жил и умер Ф.И. Шаляпин.

Именно к этому времени относится известная острота Н.А. Тэффи, что однажды в XVI округе в дождливую осеннюю ночь один почтенный француз повесился «от тоски по родине». Сохранилось бесценное свидетельство журналиста Андрея Седых о бунинском доме в газетном очерке за 1927 г., посвященном П.А. Нилусу: «Есть в Париже такие улицы, где никогда не слышно французской речи. Говорят только по-русски, и случайно зашедший сюда парижанин должен чувствовать себя как на чужбине. На улице Оффенбаха в доме художника П.А. Нилуса живут только иностранцы. На всех дверях —

¹ 20 июня 1922 г. В.Н. Бунина записывает в дневнике: «Ян получил сегодня развод». См.: Устами Буниных. М.: Посев, 2005. Т. 2. С. 72. Здесь имеется в виду более позднее время получения на руки бракоразводного свидетельства. Дата регистрации развода со стороны И.А. Бунина 8 июня 1922 г. указана в публикуемом документе.

² У Буниных было еще два кратковременных адреса в районе Пасси. В феврале 1926 г. они жили на rue de Lubek 33 и в феврале 1929 г. на rue de la Tour 37. См.: Архив BDIC (Париж), F Δ res 57 (1) (8). Письма И.А. и В.Н. Буниных к Э. Пети и С.Г. Пети-Балаховской.

³ В моем распоряжении оказалась ксерокопия части листа безымянной парижской газеты за ноябрь 1953 г. со статьей G. S. «La mort d'Ivan Bounine. Prix Nobel de literature romancier russe "citoyen" de Passy».

⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции. Социальная история (1920–1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 140.

визитные карточки с русскими именами, а в третьем этаже висит бумажка — синим карандашом написано: “Я уехал в город. И.Б.”. Писал записку Иван Бунин, и его длинный, слегка наклонный почерк узнается легко”¹.

Почти до военных 1940-х гг. XVI округ сохранял провинциальное очарование маленьких французских городков, что успел запечатлеть на своих картинах П.А. Нилус.

Сегодня о былом русском присутствии в этом районе Парижа напоминает лишь Русская консерватория им. С.В. Рахманинова: 26, Avenue de New York (до войны avenue de Токуо). Она была основана эмигрантами-музыкантами и представителями Императорского Русского Музыкального Общества в 1923 г. Консерватория была местом притяжения парижской эмиграции, где проходили различные вечера, многочисленные собрания, выступали ученые, писатели, поэты. Здесь неоднократно читал свои произведения И.А. Бунин.

В архиве мэрии XVI округа Парижа мне удалось найти ранее неизвестное свидетельство о регистрации брака И.А. и В.Н. Буниных. Ниже приводится его полный текст на французском языке:

[№ — В. Б.] 1126 DE BOUNINE MOUROMTZEFF

Le quatre juillet mil neuf cent vingt deux, dix heures quarante minutes, devant Nous ont comparu publiquement en la maison commune: Jean de Bounine, homme de lettres, de l'académie russe, cinquante un ans, né à Voronej (Russie), le dix/ vingt-deux octobre, mil huit cent soixante-dix, domicilié à Paris, rue Jacques Offenbach 1, fils de Alexis de Bounine et de Ludmila Tchoubaroff, époux décédés Divorcé de Anna Tsakni, depuis le huit juin, mil neuf cent vingt-deux; d'une part et: Véra Muromtzeff, femme de lettres quarante ans, née à Moscou (Russie) le deux/ quatorze octobre, mil huit cent quatre vingt-un, domiciliée, rue Jacques Offenbach 1, fille de Nicolas Mouromtzeff, ingénieur, et de Lydie Sokoloff, son épouse, sans profession, domiciliés à Moscou Povarskaia 26; d'autre part, aucune opposition n'existant. Les futurs époux déclarent qu'il n'a pas été fait de contrat de mariage; Jean de Bounine et Vera Mouromtzeff ont déclaré l'un après l'autre vouloir se prendre pour époux et Nous avons prononcé au nom de la Loi qu'ils sont unis par le mariage. En présence de Alexandre Kouprine, homme de lettres, rue du Ranelagh 137, et de Alexandre Likchocherstov, colonel, rue Fabert 50, témoins majeurs qui, lecture faite, ont signé avec les époux et Nous Edgard Berthemet, chevalier de la Légion d'honneur, adjoint au Maire du XVI arrondissement de Paris.

Jeane de Bounine

V. Muromtzeff

Alexandre Kouprine

Al. Likchocherstov

Edgard Berthemet

¹ Седых А. В мастерской П.А. Нилуса (От парижского корреспондента «Сегодня») // Сегодня (Рига). 1927. 6 февраля. № 29. С. 5.

*Перевод с французского:*¹

1126 ДЕ БУНИН-МУРОМЦЕВА

Четвертого июля тысяча девятьсот двадцать второго года, десять часов сорок минут, в мэрии перед Нами представили публично: Жан де Бунин, писатель, из русской академии, пятьдесят один год, родился в Воронеже (Россия) десятого/двадцать второго октября тысяча восемьсот семидесятого года, проживающий в Париже по адресу: улица Жака Оффенбаха 1, сын от брака Алексея де Бунина и Людмилы Чубаровой, ныне покойных, разведен с Анной Цакни восьмого июня тысяча девятьсот двадцать второго года — с одной стороны — и Вера Муромцева, писательница, сорок лет, родилась в Москве (Россия) второго/четырнадцатого октября тысяча восемьсот восемьдесят первого года, проживающая по адресу: улица Жака Оффенбаха, 1, дочь Николая Муромцева, инженера, и его супруги Лидии Соколовой, без профессии, проживающих в Москве по адресу: Поварская, 26 — с другой стороны — при отсутствии каких-либо препятствий. Будущие супруги объявили об отсутствии брачного контракта, Жан де Бунин и Вера Муромцева заявили по очереди о своем желании вступить в брак, и Мы объявили от имени Закона, что они соединены браком. При этом присутствовали: Александр Куприн, писатель, улица Ранелаг, 137 и Александр Лихошерстов, полковник, ул. Фабер, 50; свидетели, прочитав, подписали документ вместе с супругами и Нами, Эдгаром Бертеметом, кавалером Почетного Легиона, заместителем мэра XVI округа Парижа.

Жан де Бунин

В. Муромцева

Александр Куприн

Ал. Лихошерстов

Эдгар Бертеме

Почему в этом акте И.А. Бунин — Жан де Бунин? Еще в письме к Н.С. Клестову от 24 декабря 1911/6 января 1912 гг. с Капри Бунин, ожидая гонорар, объясняет такое именование: «Имейте в виду — здесь, за границей, называюсь я Jean de Bounine, — это *de* ставят мне в паспорте у московского генерал-губернатора»². То есть традиция такого французского именования писателя восходит к канцелярии московского генерал-губернатора.

В брачном свидетельстве присутствует протокольная точность — в мэрии был предъявлен заграничный паспорт писателя, с разделами на русском, немецком и французском языках³. В начале паспорта присутствуют графы на трех языках: «Подпись владельца», «Unterschrift des Inhabers», «Signature du porteur». Бунин соответственно расписался: «Ив. Бунин», по-немецки ро-

¹ Перевод с французского В.Н. Исаевой.

² Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 198.

³ Русский Архив в Лидсе / Leeds Russian Archive. University of Leeds. Great Britain (Далее — РАЛ). MS 1066/1253. Заграничный паспорт, выданный в 1919 г. в Одессе.

1126
de Bounine
Nouromtzeff

Le quatre juillet, nul - neuf cent vingt deux, dix heures quarante minutes du matin, devant nous ont comparu publiquement en la maison commune Jean de Bounine, homme de lettres de l'académie russe, cinquante un ans, né à Kéroun¹ (Russie) le six / vingt deux octobre, nul huit cent vingt et six, domicilié à Paris, rue Jacob 1, fils de Alexis de Bounine, et de Ludmila Choubaroff, époux, décédé. Décédé le 21 juillet 1901, depuis lequel jour, nul - neuf cent vingt deux, il n'a pas porté le nom Nouromtzeff, femme de lettres, quarante ans, née à Moscou (Russie) le deux / quatorze octobre, nul huit cent quatre vingt une, domiciliée rue Jacob 1, fille de Nicolas Nouromtzeff, bûcheron, et de Lydia Tokoloff, son épouse, sans profession, domiciliée à Moscou Tchobarskaia 36, d'autre part, au cours d'opposition n'existant. Les futurs époux se déclareront qu'ils n'ont pas fait de contrat de mariage. Jean de Bounine et Vera Nouromtzeff ont déclaré l'un pour l'autre avoir le jure de faire et faire avoir, par tout au moins de la loi qui est portée par le mariage, le poste de Alexandre Kniprins, honoraire de l'Art, rue de Rambouillet 137, et de Alexandre Likhachov, Colonel, rue Robert 50, tous deux - propriétaires, leur faire, ou l'agréer avec les époux et leur élégant Berthier, chevalier de la Légion d'honneur, adjoint au Maréchal d'Armée et commandant de Paris.

Jean de Bounine
Alexandre Kniprins

V. Nouromtzeff
A. Likhachov

Брачное свидетельство И.А. и В.Н. Буниных

список отсутствует, а по-французски: «Jean de Bounine». И далее в той части паспорта, где присутствуют французские отметки, повторялось такое же правоисжение имени. Поэтому в мэрии он был записан как Жан де Бунин. В Русском архиве Лидского университета сохранились также визитные карточки Бунина с именованием Jean (Ivan) de Bounine¹.

Интересно обозначение профессионального положения вступающих в брак: писатель не только академик Бунин, но и Вера Николаевна Бунина. В том и другом случае употребляется уже устаревшее выражение — «homme de lettres» и «femme de lettres», дословно — «мужчина-писатель» и «женщина-писатель». Сейчас это обозначение вышло из употребления, используется слово «écrivain». Ее профессиональное положение на первый взгляд выглядит неожиданным, но, по сути, вполне справедливым. И, конечно, здесь чувствуется воля Ивана Алексеевича — обозначив профессию жены, он тем самым даже в таком документе еще раз подчеркивает их близость, утверждает социальное положение Веры Николаевны. Не писательская жена, а жена-писатель. С 1907 г. она помощница, литературный секретарь Бунина и дей-

¹ РАЛ. MS 1066/1247.

ствительно становится человеком русской литературы. К 1922 г. у нее была репутация переводчика, изданы ее переводы с французского Мопассана, Флобера, Ленотра. В эмиграции она публиковала статьи, очерки в газете «Последние новости». Точнее, конечно, было бы ее называть литератором. Основные произведения — «Жизнь Бунина» и «Беседы с памятью» — еще впереди.

«Будущие супруги объявили об отсутствии брачного контракта...». Если во Франции брачный контракт укоренился еще в XVIII в., то в России начала XX в. эта форма правовых взаимоотношений супругов была неизвестна, а у Буниных, скорее всего, вызвала недоумение.

Свидетели. Александр Иванович Куприн, *homme de lettres*. В это время он с семьей живет на улице Ренелаг, также в XVI округе, недалеко от улицы Ж. Оффенбаха. Второй свидетель — человек малоизвестный в бунинском окружении и появившийся, скорее всего, благодаря А.И. Куприну — Александр Александрович Лихошерстов (1874–1958), полковник лейб-гвардии Финляндского полка, во Франции председатель объединения полка. Помимо профессиональных интересов — большой любитель русской литературы. Жил относительно неподалеку от Буниных, но не в шестнадцатом, а в седьмом округе Парижа, ближе к Дому Инвалидов. Ведущий брачной церемонии кавалер ордена Почетного легиона, заместитель мэра Эдгар Бертемет безу可疑но выполнил свой служебный долг¹.

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. В публикуемом акте о бракосочетании отчетливо присутствуют следы метрического свидетельства о рождении И.А. Бунина в Воронеже, которое до сих пор буниноведами не обнаружено. Упоминание родителей Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, место и время рождения вступающих в брак — это и есть выписки из метрических свидетельств. На слово, на веру такие сведения нигде не принимаются, как и упоминание о разводе Бунина².

После бракосочетания в мэрии Бунины уехали в Амбуаз, где пробыли до осени 1922 г. После возвращения в Париж 24 ноября состоялось церковное венчание в соборе Св. Александра Невского на улице Дарю. Об этом событии сохранилась запись в метрической книге собора на 1922 г.: «Почетный Академик Российской Академии Наук Иван Алексеевич Бунин из потомственных дворян Орловской губ_{ернии}, разведенный по первому браку, правосл_{авного} вероиспов_{едания}. 52 _{года}. Потомственная дворянка Московской губ_{ернии} Вера Николаевна Муромцева, православного вероисповедания, первым браком. 41 _{год}»³.

«Поручитель по жениху: полковник Александр Александрович Лихошерстов, и поручик в отставке Александр Иванович Куприн». Указание сослов-

¹ В дневнике В.Н. Бунина ошибочно упомянула его как мэра XVI округа. См.: Устами Буниных. М.: Посев, 2005. Т. 2. С. 74.

² Свидетельство о разводе с А.Н. Буниной хранится в: РАЛ. MS 1066/1264.

³ Архив Свято-Александро-Невского кафедрального собора. Метрическая книга на 1922 г.

Метрическая запись о венчании И.А. и В.Н. Буниных

ного положения (даже в эмиграции) в соответствии с законами Российской Империи для шаферов было обязательно — пришлось А.И. Куприну вспомнить не об основной профессии как в мэрии XVI округа, а о далеком военном прошлом.

Венчание совершили настоятельprotoиерей Иаков Смирнов (1854–1936), старейший клирик храма, с протодьяконом Николаем Тихомировым (1879–1956) и дьяконом Евгением Вдовенко (1880–1944). С начала 1922 г. это было пятидесятое венчание в соборе Св. Александра Невского. Никаких других документов, связанных с венчанием Буниных, в архиве храма не обнаружено.

Сюжет, связанный с бракосочетанием и венчанием Буниных, известен по дневнику Веры Николаевны и ее письмам. Но обнаруженный в архиве мэрии XVI округа документ, несмотря на его официальный характер, открывает неизвестные подробности важного события в жизни И.А. и В.Н. Буниных и их личных взаимоотношений. Открытие документа связано с поиском метрического свидетельства И.А. Бунина. Была небольшая надежда, что в архиве мэрии или собора Св. Александра Невского оно сохранилось хотя бы в копии. Брачная запись из мэрии XVI округа доказывает, что метрика была у Бунина в Париже, но остается открытым вопрос — где она находится.

Автор выражает признательность за помощь в работе о. Александру Кедрову (Свято-Александро-Невский кафедральный собор), М.И. Парфенову (Издательство *Actes Sud*, Париж), Ричарду Дэвису (Русский Архив в Лидсе).

Литература

Бойков В.В., Рыженко Г.Н. Устинов Владимир Михайлович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж: Центр Духовного возрождения Черноземного края, 2009. С. 557.

Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

Нив'єр А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.; Париж: Русский Путь–Ymca-Press, 2007. 573 с.

Ростова О.А. «Напишите мне в альбом ...». Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От. М.: Русский Путь, 2004. 274 с.

Heywood Antony J. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / Edited by Richard Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. 393 p.

References

Boykov V.V., Ryzhenko G.N. Ustinov Vladimir Mikhaylovich. *Voronezhskaya istoriko-kul'turnaya entsiklopedia* [Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia]. Voronezh, Tsentr Dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraia Publ., 2009, p. 557. (In Russ.)

Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

Niv'єr A. *Pravoslavnye sviazhchennosluzhiteli, bogoslovы i tserkovnye deiateli russkoi emigratsii v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope. 1920–1995. Biograficheskii spravochnik* [Orthodox priests, theologians and church leaders of the Russian emigration in Western and Central Europe. 1920–1995. Biographical guide]. Moscow–Paris, Russkii Put’–Ymca-Press Publ., 2007. 573 p. (In Russ.)

Rostova O.A. «Napishite mne v al'bom ...». *Besedy s N.B. Sollogub v Biussi-an-Ot* [“Write me an album ...”. Conversations with N.B. Sollogub in Bussy-en-Othe]. Moscow, Russkii Put’ Publ., 2004. 274 p. (In Russ.)

Heywood Antony J. *Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections*, ed. by Richard Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds, Leeds University Press, 2000. 393 p. (In English)

NEW BUNIN DOCUMENTS FROM THE PARIS ARCHIVES

© 2019, VLADIMIR BOYKOV

Abstract: French archives and source study of Bunin materials. The marriage of Ivan Bunin and Anna Tsakni. The civil marriage of Ivan and Vera Bunin in the context of their milieu. The divorce between Anna and Ivan Bunin. The official registration of marriage between Ivan and Vera Bunin in 1922 in Paris. The sixteenth district being a “Russian district” of the French capital in 1920–50s. The Bunin marriage certificate, an

unknown document in the writer's biography. Self-determination of Bunin couple entering into marriage. The birth certificate of Ivan Bunin as one of the sources of the identified document. The wedding certificate of Ivan and Vera Bunin from the church of St. Alexander Nevsky in Paris.

Keywords: Ivan Bunin, Anna Bunin, Vera Bunin, city hall of the 16th arrondissement of Paris, marriage certificate of Bunin, wedding certificate from the church of St. Alexander Nevsky.

Information about the author: Vladimir Boykov, historian, Voronezh, Russia,
E-mail: bogvel@mail.ru

И.А. БУНИН И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1920–1955 гг.)^{*}

© 2019, М.М. АБОЛИНА

Аннотация: Статья представляет краткий обзор истории издания произведений И.А. Бунина в эмиграции в период 1920–1955 гг.: факты, позволяющие реконструировать каждый эпизод взаимодействия Бунина с эмигрантскими издательствами, относятся с историей книжного дела Русского зарубежья.

Ключевые слова: Иван Бунин, Русское зарубежье, издательская деятельность.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Аболина — аспирант, Санкт-петербургский государственный институт культуры. E-mail: amarguerite@mail.ru

За 33 года, прожитых в эмиграции, И.А. Бунин получил мировую известность, стал лауреатом Нобелевской премии и издал 36 русскоязычных книг, вышедших на территории Европы и США в 15 издательствах русских эмигрантов.

Этапы истории издания книг Бунина в эмиграции в целом совпадают с этапами становления и развития истории русского книжного дела за рубежом — за исключением эпизода с изданием Собрания сочинений в 1934–1936 гг., о котором будет сказано ниже.

Первый этап можно назвать «И.А. Бунин и формирующееся издательское дело русской эмиграции: 1920–е гг.», — где на первую половину десятилетия приходится период становления издательского дела Русского зарубежья. Уникальное сообщество, образовавшееся за границей после первой «волны» русской эмиграции, поставило своей целью (или даже «миссией», как называл это сам Бунин в 1924 г.)¹ воссоздание и развитие привычной культурной среды —

* В основе настоящей статьи — материалы докторской диссертации «И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции: 1920–1955 гг.», готовящейся к защите. Исследование имеет хронологические (1920–1955 гг.) и тематические (только оригинальные книжные издания на русском языке) рамки. Временное ограничение объясняется, во-первых, годами жизни Бунина за рубежом; в качестве второго ограничителя выбран 1955 г., так как в этом году вышла последняя книга, которую Бунин успел наметить до смерти. Тематическое ограничение обусловлено как обширностью издательской истории писателя — история издания переводов произведений Бунина на другие языки, опубликованных при жизни «последнего классика», представляется темой для отдельного исследования, — так и большой рассеянностью архивных материалов, требующихся для такой работы.

¹ См. подробнее: Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апреля. С. 5–6; Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920–х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. М.: Русский путь, 2014. С. 268–337.

атмосферы Серебряного века¹. Печатное дело было главным инструментом для решения этой задачи². Издательским центром русской эмиграции сначала стал Берлин (этот период потом называли «романтическим»: русские эмигранты еще верили в скорое возвращение на родину)³, но к середине 1920-х гг. переместился в Париж⁴; возникли издательские предприятия и в других странах «рассения»⁵.

Место Бунина в литературно-издательской среде Русского Зарубежья с самого начала было одним из первых: из России Бунин эмигрировал, будучи уже зрелым, признанным не только на уровне читательском, но и на уровне Императорской академии наук⁶, много и хорошо издававшимся писателем.

Но сразу найти в эмиграции более-менее постоянного издателя не удалось, и издание бунинских произведений в 1920-е гг. в целом получило хаотичный характер⁷.

С очень немногими издательствами писателю удавалось сотрудничать больше одного раза; в указанный период таких издательств было три. Первое — парижское издательство «Русская земля»⁸, выпустившее повести

¹ См. подробнее: *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции 1920–1930-х гг.: культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник: web-проект. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (дата обращения: 07.11.2018).

² См. подробнее: *Раев М.* Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс–Академия, 1994. С. 96–123.

³ См. подробнее: *Быстрова О.В.* Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С.22–32.

⁴ См. подробнее: *Быстрова О.В.* Парижские издательства // Там же. С. 303–307.

⁵ См. подробнее: *Баренбаум И.Е., Шомракова И.А.* Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. СПб.: СПбГУКИ, 2001. С. 110–115.

⁶ В 1903 г. Бунин получил половинную Пушкинскую премию (премию Императорской академии наук им. А.С. Пушкина) — за сборник стихотворений «Листопад» и перевод поэмы «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло: см., например: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 517–518. В 1909 г. Императорская академия наук второй раз присудила Бунину половинную премию (вторую половину получил А.И. Куприн) — за 3-й и 4-й тома своих сочинений, изданных в «Знании» у М. Горького; месяцем позже на заседании Разряда изящной словесности Бунина избирают почетным академиком: см. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. С. 830, 834.

⁷ См. также: *Аболина М.М.* И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4(25). С. 108–111.

⁸ «Русская земля» (1920–1921) — эмигрантское кооперативное издательство, где кроме Бунина также участвовали А. Толстой, А. Куприн и К. Бальмонт. Директор — Т.И. Полнер. Подробнее об издательстве см.: *Баренбаум И.Е., Шомракова, И.А.* Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 108.

1910–х гг. «Деревня» и «Суходол» в одной книге (1921)¹, а также дореволюционные рассказы, объединенные в сборники: «Господин из Сан-Франциско» (1921)² и «Чаша жизни» (1921)³. Второе — берлинское издательство «Слово»⁴, в котором вышли: сборник дореволюционных рассказов «Крик» (1921)⁵, бунинские переводы произведений Дж. Байрона под одной обложкой (1921)⁶, и сборник новых, написанных уже в эмиграции рассказов — «Роза Иерихона» (1924)⁷. Третье — парижское издательство «Родник»⁸, где были опубликованы как минимум две бунинские книги: сборник «Митина любовь» (1925)⁹ и сборник «Солнечный удар» (1927)¹⁰; переиздание «Родником» сборника «Митина любовь»¹¹ в 1930 г. остается под вопросом.

¹ Бунин И.А. Деревня. Париж: Русская земля, 1921. 368 [1] с.

² Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская земля, 1921. 213 с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Нац. библ. Чеш. Республики. Славян. библ., 2007. С. 63–65.

³ Бунин И.А. Чаша жизни. Париж: Русская земля. 280 [1] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 69–70.

⁴ «Слово» (1920–1935) — эмигрантское издательство. Директор — И.В. Гессен. Подробнее об издательстве см.: Быстрова О.В. Берлинские издательства. С. 24–25.

⁵ Бунин И.А. Крик. Берлин: Слово, 1921. 273 [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 67.

⁶ Байрон Дж. Каин. Манфред. Небо и Земля / Пер. с англ. И. Бунина. Берлин: Слово, 1921. 187 [1] с.

⁷ Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. 310 [1]. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 71–73.

⁸ «Родник» («Русское книжное дело “Родник”», «La Source»; 1923–1933) — эмигрантское книжное контрагентство, издательство и магазин. Директор — И.Н. Коварский. Подробнее об издательстве см.: Быстрова О.В. Парижские издательства. С. 305. Долгое время считалось, что «Родник» заявил о себе не раньше 1927 г., однако тщательный анализ архива «Современных записок», много лет занимавших помещение рядом с конторой «Родника», позволил О.А. Коростелеву и М. Шрубе указать 1923 г. в качестве года основания предприятия, см. письмо М. Вишняка от 10 июня 1926 г. и примечание № 4 к нему: Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 1./ Под. ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.328–330.

⁹ Бунин И.А. Митина любовь. Париж: <б.м.>, 1925. 201 [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 73–74.

¹⁰ Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. 164 [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 76.

¹¹ Бунин И.А. Митина любовь. Париж: <б.м.>, 1930. 174 с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 82.

Среди издательских предприятий эмиграции, сотрудничавших с Бунином один раз, были: пражское «Славянское издательство»¹, издавшее сборник дореволюционных рассказов «Начальная любовь» (1921)²; парижское «Товарищество Н.П. Карбасников»³, где вышел сборник «Последнее свидание» (1926)⁴; «Издательская комиссия» в Белграде⁵, выпустившая сборник «Грамматика любви» (1929)⁶; парижское издательство «Север»⁷, издавшее бунинский перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате»⁸.

С некоторыми успешными эмигрантскими предприятиями контакта не получилось вовсе (пражское «Пламя»)⁹ — из-за личного недопонимания¹⁰,

¹ «Славянское издательство» (1920–1924) — эмигрантское издательство, возникшее по инициативе издателя газеты «Русское дело» Г.О. Тилля, выпускавшейся в Праге в 1919–1920 гг. Подробнее об издательстве см.: *Vače Ž.* Пражские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. С. 331.

² Бунин И.А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. 268 [1] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 67–69.

³ «Товарищество Н.П. Карбасников» (1924–1928) — эмигрантское издательство, созданное Н.Н. Карбасниковым в качестве возрождения одноименного дореволюционного издательства. О парижском периоде деятельности «Товарищества» известно очень мало. О дореволюционном периоде см., например: Белов С.В. Книгопродавец Н.П. Карбасников: (Из истории русской книжной торговли) // Книжная торговля: Опыт, проблемы, исследования. М.: Книга, 1985. Вып. 16. С. 230–242.

⁴ Бунин И.А. Последнее свидание. Париж: Издание Тов. Н.П. Карбасников, 1926. 170 с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 74–75.

⁵ См. подробнее: Бакунцев А.В. К истории книжного дела русского зарубежья. Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 10. № 3. С. 30–43.

⁶ Бунин И.А. Грамматика любви (Избранные рассказы). Белград: Русская типография, 1929. 140–[1] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 77.

⁷ «Север» (1920–1921) — эмигрантское издательство, специализировавшееся на выпуске детской литературы. Подробнее об издательстве см.: Быстрова О.В. Парижские издательства. С. 304.

⁸ Лонгфелло Г.У. Песнь о Гайавате / Пер. И.А. Бунина. Париж: Север, 1921. 190 с. О работе Бунина над переводом поэмы см.: Шаламов В.Т. Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

⁹ «Пламя» (1923–1938) — эмигрантское издательство, контрагентство, склад и магазин. Ди-ректором издательства был историк Е.А. Ляцкий. Подробнее об издательстве см.: Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–4.

¹⁰ См. подробнее: Преписка Ивана Буњина са Евгенијем Љацким = Письма Ивана Алексеевича Бунина Евгению Александровичу Ляцкому / Слободанка Драшкоци // Зборник матице српске за славистику. Белград: Нови сад, 1997. Кн. 52. С. 209–226.

или сам Бунин не желал печататься в потенциально перспективных, но «идеологически» чуждых ему издательствах (берлинское «Издательство З.И. Гржебина»)¹.

Территориальная удаленность издательств, с которыми приходилось работать, часто дополнительно затрудняла взаимоотношения с автором, живущим в Париже. Гонорары, полученные от издательств, были невелики, процентов с продаж (если они были) приходилось ждать долго, и самые элементарные бытовые расходы быстро покрывали их, заставляя Бунина быть в постоянном поиске литературной работы.

Интересно сравнить разницу в количестве, объеме и характере произведений, опубликованных Буниным за этот период. В первые годы эмиграции количество включенных в издание прозаических произведений явно уступает стихотворным — это видно практически в любой книге 1920–1921 гг. В сборник «Господин из Сан-Франциско», вышедший первым, вошло 76 произведений (8 рассказов и 68 стихотворений); в книгу «Деревня», изданную следом, были включены только две повести (составленно «Деревня» и «Суходол»); в сборнике «Начальная любовь» числилось 90 произведений (11 рассказов и 79 стихотворений); сборник «Чаша жизни» содержал 50 произведений (7 рассказов и 43 стихотворения). И все это были дореволюционные произведения писателя. Новые, написанные уже в эмиграции тексты в книгах Бунина можно наблюдать в переломные для Русского Зарубежья 1924–1925 гг.: сборник «Роза Иерихона» содержал 25 рассказов (из них — 9 новых) и 89 стихотворений (из них — 20 новых), сборник «Митина любовь» — 16 рассказов (все новые) и 27 стихотворений (из них — 10 новых). К концу 1920-х гг. становится очевиден спад — возвращение небольших по количеству включенных текстов изданий, отражающих все менее устойчивое положение издательского дела в «России за рубежом»: в сборнике «Последнее свидание» числилось только 17 рассказов; сборник «Солнечный удар» насчитывал 11 рассказов; в «Грамматику любви» Бунин дал всего 10 рассказов — как новых, так и старых. Средний тираж бунинской книги, вышедшей до конца 1920-х гг., составляет 2000 экземпляров. Средний объем книги, изданной в первую половину 1920-х гг. — 250 стр. Средний объем книги второй половины 1920-х гг. — 150 стр.: уменьшение объема соответствует уменьшению количества произведений в издании. Причина такой издательской экономности Бунина была не только в изначально стесненных финансовых обстоятельствах, но и в резонных опасениях насчет плохих продаж — особенно после 1924 г., когда связь с СССР прервалась и многие издательства, рассчитывавшие

¹ «Издательство З.И. Гржебина» (1919–1923) — изначально петроградское, после 1920 г. — эмигрантское издательство. В начале 1920-х гг. З.И. Гржебин был фактическим контрагентом советской «Всемирной литературы» (именно эта связь, вероятно, и отвратила Бунина от возможного сотрудничества), но потом договор был нарушен советской стороной и дело Гржебина потерпело крах. См. подробнее: *Быстрова О.В. Берлинские издательства. С. 31.*

на советский книжный рынок, разорялись и закрывались. К относительной стабильности издательскому процессу удалось прийти только к 1930-м гг., но вскоре стало понятно: стабильность эта скорее негативного характера — положение эмигрантов и многих их предпринимательских дел ухудшались год за годом. Тем не менее, для долгой истории эмигрантского издания книг Бунина 1920-е гг. были только первым этапом.

Некоторые эпизоды этого этапа пока остаются нераскрытыми: не хватает данных для полной реконструкции истории сотрудничества Бунина с издательствами «Слово», «Славянское издательство», «Товарищество Н.П. Карбасников».

Некоторые эпизоды раскрываются постепенно. К примеру, материалы из архива Т.И. Полнера¹ позволяют уточнить тиражи бунинских книг, изданных «Русской землей» (3000 экземпляров), и гонорары Бунина за каждое издание² — но не дают представления о процессе издания. Куда четче выстраивается история издания сборника «Митина любовь» (1925), вышедшего у И.Н. Коварского в издательстве «Родник». Долгое время считалось, что эта книга тоже была издана «Русской землей», но материалы опубликованной переписки между Буниным и И.И. Фондаминским доказывают, что издателем сборника был именно Коварский³. Убедительным доказательством является и то, что для сборников «Митина любовь» и «Солнечный удар» была использована одна и та же партия дорогой бумаги: на страницах обеих книг видны одинаковые водяные знаки (филигрань)⁴.

Эпизод сотрудничества Бунина с «Издательской комиссией» в Белграде, увенчавшегося изданием сборника «Грамматика любви» (1929), подробно раскрыт А.В. Бакунцевым⁵.

Второй этап истории издания бунинских книг в эмиграции относится к 1930-м гг. Это был период, когда сложившаяся в 1920-х гг. издательская

¹ Коллекция Т.И. Полнера хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (The Bakhmeteff Archive, Нью-Йорк, США; далее: BAR).

² Документы в коллекции касаются периода ликвидации издательства «Русская земля» в 1923 г. В расчетном листе по авторскому гонорару указано: за «Деревню» Бунин получил 3953,70 фр., за сборник «Господин из Сан-Франциско» — 2418,75 фр., за «Чашу жизни» — 2734,35 фр.; в том же документе имеется графа «осталось в аванссе» — напротив фамилии Бунина значится сумма 2893,20 фр. (BAR Ms Coll/Polner. Box 5).

³ См. примечание к письму Фондаминского от 1 сентября 1927 г.: «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступит. статья О.А. Коростелева // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 752.

⁴ Подробнее об истории издания сборника см.: Аболина М.М. Об издателе книги И.А. Бунина «Митина любовь» (1925) // Русская литература. 2018. № 3. С. 233–236.

⁵ Бакунцев А.В. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.

среда русской эмиграции переживала кризис, связанный с тяжелым состоянием европейских стран накануне Второй мировой войны: разорялись книгоиздательства, переставали выходить газеты и журналы, распадались творческие объединения.

В этот период Бунин издавался всего в трех издательствах. Первым из них было издательство «Современные записки»¹, сотрудничество с которым пришлось на самый конец 1920-х — начало 1930-х гг. Совместная работа Бунина с журналом и издательством получилась краткой, но весьма плодотворной — в большей степени, благодаря постоянному посредничеству И.И. Фондаминского. Результатом этой работы стали 4 бунинские книги: сборник «Избранные стихи» (1929)², единственный роман Бунина, «Жизнь Арсеньева» (1930)³, и два сборника — «Божье древо» (1931)⁴ и «Тень птицы» (1931)⁵.

1933–1936 гг. занимают особое место во всей издательской истории Бунина в эмиграции. С одной стороны, это были годы бунинского триумфа: получение Нобелевской премии, мировое признание, издание собрания сочинений — масштабный, беспрецедентный для Русского Зарубежья издательский проект, осуществленный в период упадка издательской деятельности эмиграции. С другой стороны, процесс издания Собрания⁶ обернулся для писателя двухлетним, тяжелым и совершенно убыточным сотрудничеством с берлинским издательством «Петрополис»⁷; однако под маркой этого издательства

¹ «Издательство “Современные записки”» (1928–1940) — эмигрантское издательство, возникшее при одноименном журнале (редакторы — Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский и В.В. Руднев). Издательство печатало в основном книги тех авторов, кто публиковался на страницах журнала. Подробнее об издательстве см.: Шруба М. К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 275–294.

² Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. 237 [2] с. Перечень опубликованных стихотворений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 77–82.

³ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. 263 [1] с.

⁴ Бунин И.А. Божье древо. Париж: Современные записки, 1931. 174 [2] с. Перечень опубликованных рассказов см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 82–84.

⁵ Бунин И.А. Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931. 207 [1] с. Перечень опубликованных рассказов см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 84.

⁶ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936. Перечень опубликованных произведений см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 84–96.

⁷ «Петрополис» (1918–1939) — издательство, созданное в Петрограде Я.Н. Блохом, А.С. Каганом и Г.Л. Лозинским. В 1923 г. филиал издательства открылся в Берлине, с 1924 г. деятельность «Петрополиса» в Петрограде прекратилась. К 1939 г. «Петрополис» перебрался

в 1939 г. также вышла 5-я книга романа «Жизнь Арсеньева» — отдельным изданием¹.

Завершает период 1930-х гг. в издательской истории Бунина короткое сотрудничество с парижским издательством «YMCA-Пресс»², где вышла всего одна³ книга — «Освобождение Толстого»⁴, в которой писатель обратился к популярному в те годы в эмиграции жанру «житийной биографии»⁵.

В целом, 1930-е гг. были для Бунина периодом подведения литературных итогов: помимо совершенствования техники рассказов и поисков новых прозаических форм (сборник короткой прозы «Божье древо»), писатель, наконец, взял новую для себя вершину — закончил работу над романом («Жизнь Арсеньева»). Литературные заслуги Бунина именно в этот период получили мировое признание — «последний классик» русской литературы был удостоен Нобелевской премии, что не только упрочило его высочайшее место в табели о рангах эмигрантских писателей, но и способствовало, впоследствии, возращению на одно из первых мест в постсоветской литературе. Во-вторых, сам характер многих бунинских изданий, вышедших в 1930-е гг., подразумевал определенную «итоговость». В сборник «Избранные стихи» вошли тщательно отобранные произведения 1900–1925 гг., в Собрание сочинений, изданное «Петрополисом» — тексты, написанные за почти 40 лет литературной деятельности; в «Освобождение Толстого» Бунин вложил итог своих размышлений о великом писателе и его месте в русской культуре. Практически все опубликованные дореволюционные тексты подверглись в этот период существенной авторской правке. В-третьих, обстоятельства публикаций Бунина в период 1930-х гг. наглядно отражают собой те итоги, к которым пришла издательская практика Русского Зарубежья за 20 лет своего существования. Экономическая и политическая ситуация в Европе оставили на книжном

в Брюссель, где и закончил свое существование в том же году. Подробнее об издательстве см.: Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79; Лозинский Г.Л. Petropolis // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1989. Сб. 59. С. 158–162.

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Роман. II. Лика. Брюссель: Петрополис, 1939. 170 [1] с.

² «YMCA-Пресс» (YMCA Press publishing house, ИМКА-Пресс; 1921–...) — издательство русской книги, созданное представителями международной христианской ассоциации молодёжи YMCA. Начало свою работу в Праге, к 1925 г. перебралось в Париж, где существует до сих пор. Подробнее об издательстве см.: Карташев А.В. «ИМКА-ПРЕСС» (YMCA-Press). Издательство // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. С. 184–187; Баренбаум, И.Е., Шомракова, И.А. Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 109–110.

³ Ввиду особенностей договора с издательством «Петрополис», Бунин в то время не мог издать ни одно произведение, входившее в состав Собрания сочинений.

⁴ Бунин И.А. Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. 254 [1].

⁵ О жанре см. подробнее: Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

рынке русской эмиграции не так много издательств; тем фирмам, которые устояли в кризис, можно было доверить издание больше одной книги — но без гарантии какого-либо дохода. Поэтому, с одной стороны, в это десятилетие Бунин нашел более-менее постоянных издателей — парижские «Современные записки» в лице И.И. Фондаминского и берлинский «Петрополис». А с другой стороны, финансовая сторона сотрудничества с ними чаще всего крайне разочаровывала писателя. С точки зрения количества изданных книг, именно 1930-е гг. можно назвать «издательским пиком» Бунина в эмиграции: 17 изданий, считая каждый том Собрания. Средний тираж книги, изданной в этот период, составляет около 1000 экземпляров. Количество опубликованных произведений сильно разнится в зависимости от характера издания и характера самого текста: наибольшее количество рассказов — в сборнике «Божье древо» (51 короткий рассказ) и в 9-м т. Собрания сочинений (61 рассказ), наименьшее — в 6-м т. Собрания (9 рассказов, к которым прибавлено 41 стихотворение). Средний объем бунинской книги в это время — 200–250 стр. В целом, в истории издания бунинских книг 1930-е гг. — не всегда радостный и не слишком прибыльный, но все же довольно ровный, стабильный, продуктивный период.

Из трех названных эпизодов этого периода пока лучше всего раскрыта история сотрудничества Бунина с «Петрополисом»: статья С.Н. Морозова, продолжая тему ранней публикации, сделанной в соавторстве с В.В. Леонидовым¹, упоминает все нюансы, возникшие в процессе издания Собрания сочинений². Истории издания бунинского «Освобождения Толстого» в издательстве «YMCA-Пресс» посвящена статья М.М. Аболиной³: материалы Русского архива в Лидсе (The Leeds Russian Archive, Великобритания; далее — РАЛ), включающие договор с издательством и переписку Бунина с его представителями, позволили реконструировать издательский процесс достаточно подробно⁴. Оставшийся эпизод — история сотрудничества Бунина с издательством «Современные записки» — выстраивается из материалов статьи Д. Риникера о взаимоотношениях писателя с журналом⁵ и уже упоминавшейся переписки Бунина с редакторами журнала⁶.

¹ Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис». С. 79–91.

² Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

³ Аболина М.М. Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА-Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49.

⁴ См. также: Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119.

⁵ Риникер Д. «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). С. 120–128.

⁶ См.: «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступит. статья О.А. Коростелева // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 2. С. 737–836.

Третий этап издательской истории Бунина относится к периоду 1940 — середине 1950-х гг. Во время Второй мировой войны издательская деятельность русских эмигрантов в Европе прекратилась практически полностью. Некоторые деятели Русского Зарубежья уехали в США и начали новые издательские проекты там — именно с американскими издателями связаны первые два издания, вышедшие у Бунина до середины 1940-х гг. Обе книги касаются публикации цикла рассказов «Темные аллеи», большей частью написанных во время войны: сборник «Темные аллеи» (1943)¹, вышедший в нью-йоркском издательстве «Новая земля»², и рассказ «Речной трактир» (1945)³, к 75-летию Бунина изданный М.О. Цетлиным.

С середины 1940-х гг. начинается сотрудничество Бунина с возрождающимися после войны парижскими издательствами: «Франко-русская печать»⁴ выпустила второй вариант сборника «Темные аллеи» (1946)⁵, включивший новые рассказы цикла, написанные за это время, а в издательстве «Возрождение»⁶ вышли бунинские «Воспоминания» (1950)⁷.

На период 1952—1955 гг. приходится сотрудничество Бунина и В.Н. Буниной с американским «Издательством имени Чехова»⁸, где за короткий проме-

¹ Бунин И.А. Темные аллеи. Нью-Йорк: Новая земля, 1943. 151 с. Перечень опубликованных рассказов см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 96.

² «Новая земля» (1943 — ?) — эмигрантское издательство, созданное Я.М. Цвибаком (А. Седых) специально для бунинской публикации. Подробная информация об издательстве пока не найдена.

³ Бунин И.А. Речной трактир. Нью-Йорк: M. Zetlin [Grenich printing corp.], 1945. 16 с. Подробнее о рассказе см.: Пономарев Е.Р., Аболина М.М. Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: материалы для научного комментария // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2(19). С. 144–148.

⁴ Типография «Франко-русская печать» («La Presse Française et Étrangère»; 1920 — ?) — издательство, созданное О.Г. Зелюком с целью знакомства русских и французов с культурой друг друга. Подробнее об издательстве см.: Баренбаум И.Е., Шомракова И.А. Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 108.

⁵ Бунин И.А. Темные аллеи. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1946. 324—[3] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 97.

⁶ «Возрождение» (1926—1940; 1948—) — эмигрантское издательство, созданное при одноименной газете и воссозданное под тем же названием после войны уже при одноименном журнале. Владельцем всех указанных предприятий был А.О. Гукасов. Подробнее об издательстве см.: Базанов П.Н. Парижское издательство первой русской эмиграции «Возрождение» (1925—1940 гг.) // Библиография. 2017. № 6. С. 105—110; Базанов П.Н. Парижское книгоиздательство «Возрождение» // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 4. С. 467—472.

⁷ Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение — La Renaissance, 1950. 272—[1] с.

⁸ «Издательство имени Чехова» (Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.; 1952—1956) — эмигрантское издательство, основанное в Нью-Йорке. Директором издательства был Н.Р. Вреден. Подробнее об издательстве см.: Базанов П.Н. Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276—287; Трибунский П.А. Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» /

жуток было напечатано 5 бунинских книг: «Жизнь Арсеньева» (1952)¹ — все части романа в одном издании; сборники рассказов «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (1953)² и «Митина любовь. Солнечный удар» (1953)³, составившие своеобразный двухтомник лучших эмигрантских рассказов Бунина⁴; сборник «Петлистые уши» (1954)⁵ и книга «О Чехове» (1955)⁶ — последние два издания Бунин успел только наметить, заканчивала работу над ними уже В.Н. Бунина.

За последние 13 лет своей жизни Бунин издал 9 книг — почти такое количество, как за первые 10 лет своего пребывания в эмиграции, но не будет преувеличением сказать, что качественно все издания послевоенного периода стоят выше. Во-первых, был переиздан единственный роман Бунина — «Жизнь Арсеньева», впервые — полностью, все пять частей под одной обложкой. Во-вторых, рассказы из цикла «Темные аллеи» стали своего рода революцией в любовной и эротической прозе, приблизив «последнего классика» к литературным модернистам. В-третьих, большим вкладом Бунина в литературный процесс Русского Зарубежья следует считать тексты мемуарного характера, включенные в сборник «Воспоминания» и книгу «О Чехове», законченную уже В.Н. Буниной. В-четвертых, немалая часть литературного наследия писателя в этот период подверглась активнейшей систематизации и правке: Бунину было жизненно важно не только максимально проконтролировать все нюансы издания тех текстов, которые он успевал отобрать, выправить и опубликовать сам, но и позаботиться о правильном, с его точки зрения, состоянии любых будущих публикаций.

¹ Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. С. 577–599; Трибунский П.А. «Издательство имени Чехова» Восточно-Европейского фонда // Про книги: журнал библиофила. 2013. № 1 (25). С. 46–52.

² Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952, 387–[2] с.

³ Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953, 229–[4] с.

⁴ Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953, 214–[3] с.

⁵ Перечень опубликованных рассказов см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 98–100.

⁶ Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы [The knotted ears and other stories]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954, 382–[2] с. Книга имеет подзаголовок: «Последняя книга рассказов, отобранных руковою И.А. Бунина». Перечень опубликованных рассказов см. в: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С.100–101.

⁷ Бунин И.А. О Чехове (Незаконченная рукопись). [About Chekhov. An unfinished manuscript]. Предисл. М.А. Алданова, [вступл. В.Н. Буниной]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955, 412–[2] с.

При комплексном сравнении изданий 1940–1953 гг. хорошо видна относительная зависимость объема книги от ее содержания. Количество опубликованных в одном издании текстов, как и прежде, зависит от характера текстов и самого издания: книга подарочного формата «Речной трактир» (1945) содержит один рассказ, последний сборник «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (1954) — 55 рассказов. Объемы бунинских книг этого периода неуклонно растут: сборник «Темные аллеи» (1943) насчитывает 151 страницу, сборник «Темные аллеи» (1946) — уже 324 страницы; книги, выпущенные «Издательством имени Чехова», по количеству страниц варьируются от 214 («Митина любовь. Солнечный удар») до 412 («О Чехове»). При сравнении тиражей выпущенных книг очевидно, что именно под конец эмигрантской литературной деятельности Бунин вышел на свой максимум: 3 его книги, изданные «чеховским» издательством, имеют первоначальный тираж в 3000 экземпляров, и 2 вышли тиражом в 2000 экземпляров — не считая допечаток.

Издательства, публикавшие произведения Бунина в это время, можно условно разделить как минимум на две группы. По локализации: европейские (парижские издательства) — и американские (ניו-йоркские издательства). По длительности сотрудничества: издательства «одной книги» (издательства А. Седых, М. Цетлина, А. Гукасова, О. Зелюка) — и издательства, выпустившие несколько книг («Издательство имени Чехова»). Ввиду ряда обстоятельств, как объективных, так и субъективных, издательская динамика Бунина в последние 13 лет его жизни скорее прерывиста. В начале этого периода, отчасти повторяя период начала эмиграции, книгоиздательство было практически случайным: с американскими публикациями 1943–1945 гг., состоявшимися по инициативе друзей, Бунину просто повезло. К середине 1940-х — началу 1950-х гг. Бунин уже был готов сотрудничать с издательствами лично, но с немногочисленными парижскими предприятиями отношения не складывались, заканчиваясь изданием только одной книги. Только в последние годы писателю удалось найти стабильного издателя в США, в лице Н. Вредена. Технической стороной издания Бунин чаще всего оставался недоволен — особенно болезненно пережил писатель вынужденную необходимость перейти на ненавистную ему новую орфографию. С точки зрения финансовых взаимоотношений, описываемый период также был нестабилен и неспокоен: лучше и стабильнее всего платили американские предприятия, но у Буниных в это время сильно возросла статья расходов, связанная с медициной. Третий этап эмигрантского творчества и существования Бунина завершился смертью писателя, но показательно, что даже это не стало препятствием для издания еще двух книг.

Этот этап пока изучен сравнительно мало. Не хватает данных для восстановления истории издания бунинских «Воспоминаний» — к примеру, договор Бунина с Гукасовым в каталоге РАЛ не значится.

Эпизоду издания «Темных аллей» посвящены статьи М.М. Аболиной: первая восстанавливает хронологию издания рассказов цикла при жизни Бунина — от первых публикаций в эмигрантской периодике до упомянутого сборника 1946 г.¹; вторая подробно рассматривает историю издания «Темных аллей» в типографии «Франко-русская печать», вводя в оборот договор Бунина с Зеликом, хранящийся в РАЛ².

Эпизода сотрудничества Бунина с «Издательством имени Чехова» немного касается статья И.А. Шомраковой³ — но этот краткий обзор нуждается в дополнении материалами из РАЛ⁴ и Бахметевского архива⁵, позволяющими реконструировать работу Бунина с «Чеховским издательством» во всех подробностях. Двухлетний период сотрудничества с «чеховцами» В.Н. Буниной следует выделить отдельно: используя те же материалы РАЛ и Бахметевского архива, а также переписку Буниной с Г.Н. Кузнецовой, опубликованную Р. Дэвисом и Е.Р. Пономаревым⁶, можно наглядно проиллюстрировать разницу взаимоотношений внутри системы «автор—издатель» в случае, когда автора заменяет наследник.

Комплексного исследования, целиком посвященного истории издания книг Бунина в период эмиграции, пока нет — настоящую работу можно считать первой попыткой подобной реконструкции, позволяющей изучить эмигрантское творчество «последнего классика» с непривычной стороны, ввести в научный оборот большой массив архивных документов, а также наметить линии будущих исследований в рамках заявленной темы.

Литература

Аболина М.М. «Темные аллеи» И.А. Бунина: к вопросу о каноническом варианте издания // Библиография и книговедение. 2018. № 2. С. 143–147.

Аболина М.М. И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920–е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 108–111.

¹ Аболина М.М. История издания сборника рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 174–180.

² Аболина М.М. «Темные аллеи» И.А. Бунина: к вопросу о каноническом варианте издания // Библиография и книговедение. 2018. № 2. С. 143–147.

³ Шомракова И.А. И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // За рубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. статей. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2000. С. 324–328.

⁴ РАЛ MS 1066/1472–1492; 1066/2210–2219; 1066/5512–5536; 1066/5808–5815.

⁵ BAR MS Coll / Chekhov Publishing House (Box № 1).

⁶ См.: И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Аболина М.М. История издания сборника рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 174–180.

Аболина М.М. Об издателе книги И.А. Бунина «Митина любовь» (1925) // Русская литература. 2018. № 3. С. 233–236.

Аболина М.М. Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА-Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49.

Базанов П.Н. Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276–287.

Базанов П.Н. Парижское издательство первой русской эмиграции «Возрождение» (1925–1940 гг.) // Библиография. 2017. № 6. С. 105–110.

Базанов П.Н. Парижское книгоиздательство «Возрождение» // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 4. С. 467–472.

Байрон Дж. Каин. Манфред. Небо и Земля / Пер. с англ. И. Бунина. Берлин: Слово, 1921. 187 [1] с.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.

Бакунцев А.В. К истории книжного дела русского зарубежья. Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 10, № 3. С. 30–43.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. М.: Русский путь, 2014. С. 268–337.

Баренбаум И.Е., Шомракова И.А. Всеобщая история книги. Ч. 3: «Книга в первой половине XX века». СПб.: Издательство СПбГУКИ, 2001. 122 с.

Белов С.В. Книгопродавец Н.П. Карбасников: (Из истории русской книжной торговли) // Книжная торговля: Опыт, проблемы, исследования. М.: Книга, 1985. Вып. 16. С. 230–242.

Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции 1920–1930-х гг.: культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник: web-проект. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (дата обращения: 07.11.2018).

Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

Бунин И.А. Божье древо. Париж: Современные записки, 1931. 174 [2] с.

Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 229–[4] с.

Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение — La Renaissance, 1950. 272–[1] с.

Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская земля, 1921. 213 с.

Бунин И.А. Грамматика любви (Избранные рассказы). Белград: Русская типография, 1929. 140–[1] с.

Бунин И.А. Деревня. Париж: Русская земля, 1921. 368 [1] с.

Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Роман. И. Лика. Брюссель: Петрополис, 1939. 170 [1] с.

- Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952, 387–[2] с.
- Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. 263 [1] с.
- Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. 237 [2] с.
- Бунин И.А. Крик. Берлин: Слово, 1921. 273 [2] с.
- Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апреля. № 1013. С. 5–6.
- Бунин И.А. Митина любовь. Париж: <б.м.>, 1925. 201 [2] с.
- Бунин И.А. Митина любовь. Париж: <б.м.>, 1930. 174 с.
- Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953, 214–[3] с.
- Бунин И.А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. 268 [1] с.
- Бунин И.А. О Чехове (Незаконченная рукопись). [About Chechov. An unfinished manuscript]. Предисловие: М.А. Алданов, [вступление: В.Н. Бунина]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955, 412–[2] с.
- Бунин И.А. Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. 254 [1].
- Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы [The knotted ears and other stories]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954, 382–[2] с.
- Бунин И.А. Последнее свидание. Париж: «Издание Тов. Н.П. Карбасников», 1926. 170 с.
- Бунин И.А. Речной трактир. Нью-Йорк: M. Zetlin [Grenich printing corp.], 1945. 16 с.
- Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. 310 [1].
- Бунин И.А. Собр. соч. И.А. Бунина: В 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.
- Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. 164 [2] с.
- Бунин И.А. Темные аллеи. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1946. 324–[3] с.
- Бунин И.А. Темные аллеи. Нью-Йорк: Новая земля, 1943. 151 с.
- Бунин И.А. Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931. 207 [1] с.
- Бунин И.А. Чаша жизни. Париж: Русская земля. 280 [1] с.
- Быстрова О.В.* Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 22–32.
- Быстрова О.В.* Парижские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 303–307.
- Вацек Й.* Пражские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 331.
- Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 1 / Под. ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 328–330.
- «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступит. статья О.А. Коростелева // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 737–836.
- И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун.

1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Národní Knihovna České Republiky. Славян. библ., 2007. 503 с.

Карташев А.В. «ИМКА-ПРЕСС» (YMCA-Press). Издательство // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 184–187.

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–4.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 943 с.

Лозинский Г.Л. Petropolis // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1989. Сб. 59. С. 158–162.

Лонгфелло Г.У. Песнь о Гайавате / Пер. И.А. Бунина. Париж: Север, 1921. 190 с.

Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

Пономарев Е.Р., Аболина М.М. Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: материалы для научного комментария // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2 (19). С. 144–148.

Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119.

Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

Преписка Ивана Буњина са Евгенијем Љацким = Письма Ивана Алексеевича Бунина Евгению Александровичу Ляцкому / Публ. Слободанка Драшкоци // Зборник матице српске за славистику. Белград: Нови сад, 1997. Кн. 52. С. 209–226.

Раев М. Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс–Академия, 1994. С. 96–123.

Ринкер Д. «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 120–128.

Трибунский П.А. «Издательство имени Чехова» Восточно-Европейского фонда // Про книги: журнал библиофила. 2013. № 1 (25). С. 46–52.

Трибунский П.А. Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–599.

Шаламов В.Т. Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

Шомракова И.А. И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2000. С. 324–328.

Шруба М. К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920—1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 275–294.

References

Abolina M.M. “Temnye allei” I.A. Bunina: k voprosu o kanonicheskem variante izdaniia [Ivan Bunin’s “Dark alleys”: on the question of the canonical version of the publication]. *Bibliografija i knigovedenie*, 2018, no 2, pp. 143–147. (In Russ.).

Abolina M.M. *I.A. Bunin v knizhnnoi kul'ture russkoi emigratsii, 1920-e gg.* [Ivan Bunin in the book culture of Russian emigration, 1920s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, no 4 (25), pp. 108–111. (In Russ.).

Abolina M.M. *Istoriia izdaniia sbornika rasskazov I.A. Bunina “Temnye allei”* [Publication history of the collection of Ivan Bunin’s short stories “Dark alleys”]. *Bibliotekovedenie*, 2017, Vol. 66, no 2, pp. 174–180. (In Russ.).

Abolina M.M. *Ob izdatele knigi I.A. Bunina “Mitina liubov’” (1925)* [About the publisher of Ivan Bunin’s book “Mitya’s Love” (1925)]. *Russkaia literatura*, 2018, no 3, pp. 233–236. (In Russ.).

Abolina M.M. *Sud’ba knigi I.A. Bunina “Osvobozhdenie Tolstogo”* (K istorii vzaimootnoshenij pisatelya i izdatel’stva “IMKA-Press”) [The fate of Ivan Bunin’s book “The liberation of Tolstoy” (to the history of relationship between the writer and the publishing house “YMCA-Press”)]. *Bibliografija*, 2018, no 2 (415), pp. 41–49. (In Russ.).

Bajron G. *Kain. Manfred. Nebo i Zemlia* / Per. s angl. I. Bunina [Byron G. Cain. Manfred. Heaven and Earth / Translation from English by Ivan Bunin]. Berlin, Slovo Publ., 1921. 187 [1] p. (In Russ.).

Bakuncev A.V. *I.A. Bunin i Russkii kul’turnyi komitet v Belgrade (1928–1937)* [Ivan Bunin and the Russian cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no 6, pp. 70–91. (In Russ.).

Bakuncev A.V. *K istorii knizhnogo dela russkogo zarubezh’ia. Izdatel’skaia komissiia Russkogo kul’turnogo komiteta v Belgrade (1928–1937)* [On the history of the book business of the Russian emigration. Publishing Commission of the Russian cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2016, Series 10, no 3, pp. 30–43. (In Russ.).

Bakuncev A.V. *Rech’ I.A. Bunina “Missiia russkoi emigratsii” v obshchestvennom soznanii epohi (po materialam emigrantskoi i sovetskoi periodiki 1920-kh gg.)* [Ivan Bunin’s speech “Mission of Russian emigration” in the social consciousness of the epoch (on materials of emigrant and Soviet periodicals of the 1920s)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia imeni A. Solzhenitsyna*, 2013. Moscow, Russkii put’ Publ., 2014. pp. 268–337. (In Russ.).

Barenbaum I.E., Shomrakova I.A. *Vseobshchaia istoriia knigi. Ch. 3: “Kniga v pervoi polovine XX veka”* [The General history of the book. Part 3: “Book in the first half of the 20th century”]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2001. 122 p. (In Russ.).

Bazanov P.N. *Izdatel’stvo imeni Chekhova* [A Publishing house in the name of Chekhov]. *Novyj zhurnal*, 2014, no 276, pp. 276–287. (In Russ.).

Bazanov P.N. *Parizhskoe izdatel'stvo pervoi russkoj emigratsii "Vozrozhdenie"* (1925–1940 gg.) [Publishing house of the first Russian emigration in Paris “The Revival” (1925–1940s)]. *Bibliografija*, 2017, no 6, pp. 105–110. (In Russ.).

Bazanov P.N. *Parizhskoe knigoizdatel'stvo "Vozrozhdenie"* [Publishing house in Paris “The Revival”]. *Bibliotekovedenie*, 2016, Vol. 65, no 4, pp. 467–472. (In Russ.).

Belov S.V. *Knigoprodavets N.P. Karbasnikov: (Iz istorii russkoi knizhnoi torgovli)* [Bookseller N.P. Karbasnikov: (from the history of Russian book trade)]. *Knizhnaia torgovlia: Opyt, problemy, issledovaniia* [Book trade: Experience, problems, research]. Moscow, Kniga Publ., 1985. Iss. 16. pp. 230–242. (In Russ.).

Berezovaia L.G. *Kul'tura russkoi emigratsii 1920–1930-kh gg.: kul'turnaia missiia porevoliutsionnoi emigratsii kak nasledie Serebrianogo veka* [Russian emigration culture in the 1920–1930s: the cultural mission of post-revolutionary emigration as a legacy of the Silver age]. *Novyi istoricheskii vestnik: web-proekt*. Available at: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (Accessed on 07 November 2018). (In Russ.).

Bunin I.A. “*Hochu pechatat' sam, ibo vy, izdateli, vse zveri*”: *Perepiska I.A. Bunina s izdatel'stvom “Petropolis”* [“I want to publish on my own, as you, the publishers, are all beasts”: Correspondence with the publishing house “Petropolis”]. Introd. by S.N. Morozov, V.V. Leonidov; text, comment. by S.N. Morozov (with participation of V.V. Leonidov). *Nashe nasledie*, 2001, no 57, pp. 79–91. (In Russ.).

Bunin I.A. *Bozh'e drevo* [God's Tree]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931. 174 [2] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Chasha zhizni* [The Chalice of Life]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 280 [1] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Derevnya* [The Village]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1921, 368 [1] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Gospodin iz San-Francisko* [The Gentleman from San Francisco]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1921, 213 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Grammatika lyubvi (Izbrannye rasskazy)* [The Grammar of Love. Selected stories]. Beograd, Russkaia tipografia Publ., 1929, 140–[1] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1929, 237 [2] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Krik* [The Scream]. Berlin, Slovo Publ., 1921, 273 [2] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Missiia russkoi emigratsii* [Mission of Russian emigration]. *Rul'*, 1924, 3 april, no 1013, pp. 5–6. (In Russ.).

Bunin I.A. *Mitina liubov'* [Mitya's Love]. Paris, <no Publ.>, 1930, 174 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Mitina liubov'* [Mitya's Love]. Paris, <no Publ.>, 1925, 201 [2] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Mitina liubov'. Solnechnyi udar* [Mitya's Love. Sunstroke]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953, 214–[3] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Nachal'naya lyubov'* [First love]. Prague, Slavianskoe izdatel'stvo Publ., 1921, 268 [1] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *O Chekhove (Nezakonchennaia rukopis')* [About Chekhov. An unfinished manuscript]. Foreword by M.A. Aldanov, [introd. by V.N. Bunina]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1955, 412–[2] p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Osvobozhdenie Tolstogo* [The Liberation of Tolstoy]. Paris, YMCA-Press Publ., 1937, 254 [1] p. (In Russ.).

- Bunin I.A. *Petlistye ushi i drugie rasskazy* [The Knotted Ears and other stories]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1954, 382-[2] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Poslednee svidanie* [The Last Rendez-Vous]. Paris, "Izdanie Tov. N.P. Karbasnikov" Publ., 1926, 170 p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Rechnoi traktir* [Riverside Inn]. New York, M. Zetlin [Grenich printing corp.], 1945, 16 p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Roza Ierikhona* [The Rose of Jerico]. Berlin, Slovo Publ., 1924, 310 [1] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Sobr. soch. I.A. Bunina*: V 10 t. [Collection of works of Ivan Bunin. In 10 vols.]. Berlin, Petropolis Publ., 1934–1936. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Solnechnyj udar* [Sunstroke]. Paris, Rodnik Publ., 1927, 164 [2] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Temnye allei* [The Dark Alleys]. New York, Novaia zemlia Publ., 1943, 151 p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Temnye allei* [The Dark Alleys]. Paris, La Presse Française et Étrangère Publ., 1946, 324-[3] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Ten' pticy* [Bird's Shadow]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931, 207 [1] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Vesnoj, v Judee. Roza Ierihona* [Judea in Spring. The Rose of Jerico]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 229-[4] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Vozrozhdenie — La Renaissance Publ., 1950, 272-[1] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva. Iunost'. Pervoe polnoe izdanie* [The Life of Arseniev. Youth. First full edition]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1952, 387-[2] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva. Roman. II. Lika* [The Life of Arseniev. A novel. II. Lika]. Brussels, Petropolis Publ., 1939, 170 [1] p. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva: Istoki dnej* [The Life of Arseniev. The Outset of days]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1930, 263 [1] p. (In Russ.).
- Bystrova O.V. Berlinskie izdatel'stva [Berlin publishing houses]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2. Periodika i literaturnye tsentry*. [Encyclopedia of literature of Russian emigration: 1918–1940. Vol. 2. Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 22–32. (In Russ.).
- Bystrova O.V. Parizhskie izdatel'stva [Paris publishing houses]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2. Periodika i literaturnye tsentry*. [Encyclopedia of literature of Russian emigration: 1918–1940. Vol. 2. Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 303–307. (In Russ.).
- "*Esli hotite menya pechatat', terpite*": I.A. Bunin ["If you want to publish me, bear with me": Ivan Bunin], ed. and comment by O. Korostelev and M. Schruba, introd. by O. Korostelev. "*Sovremennye zapiski*" (1920–1940): *Iz arhiva redaktsii*. [Contemporary Papers (1920—1940: from editorial board's archive]. In 4 vols. Vol.2 . Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 737–836. (In Russ.).
- I.A. Bunin. *Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisivaiutsia blizkie lyudi"*: *Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetcovoi i M.A. Stepun. 1934–1961* [Ivan Bunin. New materials. Vol. III: "...when close circle writes letters": Letters of Ivan Bunin, V. Bunina, L. Zurov to G. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], Ed. by E. Ponomarev and R. Davies, article by E. Ponomarev. Moscow, Russkij put' Publ., 2014, 714 p. (In Russ.).

Ivan Alekseevich Bunin: bibliografiia original'nyh knizhnyh izdanii (1891–1990) [Ivan Bunin: a bibliography of the original editions (1891–1990)], ed. by J. Krzhesalkova. Praga: Nár. Knih. ČR; National library of Czech Republic, Slavoinec Library Publ., 2007, 503 p. (In Russ.).

Kartashev A.V. “IMKA-PRESS” (YMCA-Press). *Izdatel'stvo* [YMCA-Press. A Publishing house]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2. Periodika i literaturnye tsentry.* [Encyclopedia of literature of Russian emigration: 1918–1940. Vol. 2. Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 184–187. (In Russ.).

Kishkin L.S. *Russkaia emigratsiia v Prague: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920–1930-e gody)* [Russian emigration in Prague: press, education, humanities (1920–1930s)]. *Slavianovedenie*, 1996, no 4, pp. 3–4. (In Russ.).

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of Bunin's life and works]. Vol. 1 (1870–1909). Ed. by S. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, 943 p. (In Russ.).

Longfello G.U. *Pesn' o Gajavate / Per. I.A. Bunina* [The Song of Hiawatha. Transl. by Ivan Bunin]. Paris, Sever Publ., 1921, 190 p. (In Russ.).

Lozinskii G.L. *Petropolis. Kniga: Issledovaniya i materialy* [The Book. Studies and materials]. Moscow, Kniga Publ., 1989, Coll. 59. pp. 158–162. (In Russ.).

Morozov S.N. *Istoriia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel'stve “Petropolis” (po materialam perepiski)* [The history of the preparation of the collected works of Ivan Bunin in the “Petropolis” publishing house (on correspondence materials)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no 5, pp. 248–265. (In Russ.).

Ponomarev E.R. *O tvorcheskoi istorii knigi Bunina “Osvobozenie Tolstogo”* [On the creative history of Bunin's book “The Liberation of Tolstoy”]. *Russkaia literatura*, 1998, no 1, pp. 109–119. (In Russ.).

Ponomarev E.R. *Rossiia, rastvorenniaia v vechnosti: Zhanr zhitiinoi biografii v literature russkoi emigratsii* [Russia, dissolved in eternity: the genre of hagiography in the literature of Russian emigration]. *Voprosy literatury*, 2004, no 1, pp. 84–111 (In Russ.).

Ponomarev E.R., Abolina M.M. *Rasskaz I.A. Bunina «Rechnoi traktir»: materialy dlja nauchnogo kommentariia* [Ivan Bunin's story “The Riverside Inn”: materials for academic commentary]. *Vestnik SPbGU Ki*, 2014, no 2 (19), pp. 144–148. (In Russ.).

Prepiska Ivana Buњina sa Evgenijem Јatskim = *Pis'ma Ivana Alekseevicha Bunina Evgeniu Aleksandrovichu Liatskomu* [Letters of Ivan Bunin to Evgenii Liatskii]. Publ. by Slobodanka Drashkotsi. *Zbornik matitse srpske za slavistiku*. Belgrad, Novi sad Publ., 1997. Bk. 52, pp. 209–226. (In Russ.).

Raev M. *Galaktika Gutenberga: Izdatel'skoe delo na chuzhbine* [Gutenberg's galaxy: publishing in a foreign country]. *Rossiia za rubezhom: Iстoriia kul'tury russkoi emigratsii 1919–1939* [Russia abroad: history of Russian emigration culture], Moscow, Progress–Akademiia Publ., 1994, pp. 96–123. (In Russ.).

Riniker D. “*Prostit' vas, “dovedshih stranu do Uchreditel'nogo sobraniia”, nikak ne mogu*”: *Ivan Bunin i zhurnal “Sovremennye zapiski”* [“In no way can I forgive you, who brought the country to the Constituent Assembly”: Ivan Bunin and the “Modern notes” magazine]. *Vokrug redaktsionnogo arhiva “Sovremennyh zapisok” (Parizh, 1920–1940): Sbornik statei i materialov* [The editorial archive of “Modern notes” magazine: Collection of papers and materials], ed. by O. Korostelev and M. Schruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 120–128. (In Russ.).

Shalamov V.T. *Rabota Bunina nad perevodom “Pesni o Gajavate”* [Bunin’s work on the translation of “The Song of Hiawatha”]. *Voprosy literatury*, 1963, no 1, pp. 153–158. (In Russ.).

Shomrakova I.A. *I. Bunin, G. Ivanov i Izdatel’stvo im. Chekhova. Po materialam Coll. Chekhov Publishing House v Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box no1)* [Ivan Bunin, Georgii Ivanov and Chekhov publishing house. According to the materials of collection Chekhov Publishing House in the Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive (Box No. 1)]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939 gg. Sbornik statei* [Russia abroad. 1917—1939s. Collection of papers]. Saint Petersburg, Izdatel’stvo “Evopeiskii Dom” Publ., 2000, pp. 324–328. (In Russ.).

Shrub M. *K istorii izdatel’stva “Sovremennye zapiski”* [Materials for the history of “Sovremennye zapiski” publishing house]. *Vokrug redaktsionnogo arhiva “Sovremennyyh zapiskov” (Parizh, 1920—1940): Sbornik statei i materialov* [The editorial archive of “Modern notes” magazine: Collection of papers and materials], ed. by O. Korostelev and M. Schruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 275–294. (In Russ.).

Tribunskii P.A. *“Izdatel’stvo imeni Chekhova” Vostochno-Evropejskogo fonda* [“Chekhov publishing house” of Eastern European Foundation]. *Pro knigi: zhurnal bibliofila*, 2013, no 1 (25), pp. 46–52. (In Russ.).

Tribunskii P.A. *Fond Forda, fond “Svobodnaia Rossiia”, Vostochno-evropejskij fond i sozdanie “Izdatel’stva imeni Chekhova”* [The Ford Foundation, the “Free Russia”. Eastern European Fund and the creation of “Chekhov publishing house”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2013, Moscow, 2014, pp. 577–599. (In Russ.).

Vacek J. *Prazhskie izdatel’stva* [Prague publishing houses]. *Literaturnaya entsiklopedia russkogo zarubezh’ia: 1918–1940. T. 2. Periodika i literaturnye tsentry.* [Encyclopedia of literature of Russian emigration: 1918–1940. Vol. 2. Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, p. 331. (In Russ.).

Vnutriredaktsionnaia perepiska / Publ. i primech. M. Shruby [Intra-editorial correspondence. Ed. and comment. by M. Schruba]. *“Sovremennye zapiski” (1920–1940): Iz arhiva redaktsii.* [Contemporary Papers (1920–1940: from editorial board’s archive]. In 4 vols. Vol. 1, ed. by O. Korostelev and M. Schruba, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 328–330. (In Russ.).

IVAN BUNIN AND PUBLISHING IN RUSSIAN EMIGRATION (1920–1955)

© 2019, MARGARITA ABOLINA

Abstract: The article provides a brief review of Bunin’s published emigration works (1920–1955): the facts that reconstruct each episode of Bunin’s interaction with emigration publishing houses are put in line with the history of publishing of Russian emigration.

Keywords: Ivan Bunin, Russian emigration, publishing.

Information about the author: Margarita Abolina, postgraduate studies senior, Saint Petersburg State Institute of Culture. E-mail: amarguerite@mail.ru

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. БУНИНА
ЭМИГРАНТСКОГО ПЕРИОДА
В КОНТЕКСТЕ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА**

© 2019, Л.А. СИЛИНА

Аннотация: Статья посвящена значению эпистолярного наследия великого русского писателя И.А. Бунина в пространстве музейной экспозиции. Письма писателя, его переписка с друзьями, литераторами помогут воссоздать более полную картину эмиграционного периода жизни.

Ключевые слова: И.А. Бунин, эмиграция, эпистолярное наследие, переписка, музейная экспозиция, мультимедийные средства.

Информация об авторе: Людмила Алексеевна Силина — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина, ул. Плехановская, д. 3, 394018 Воронеж, Россия. E-mail: silinal2018@gmail.com

Иван Алексеевич Бунин — яркое и неповторимое явление в отечественной и мировой литературе. Значение художественного наследия этого выдающегося писателя было признано как в России, так и в эмиграции. Бунинское творчество и сегодня не перестаёт волновать читателей своими высокими художественными достоинствами, психологизмом, постановкой вечных бытийных вопросов. Неослабевающий интерес к личности художника и его творчеству ставит перед научными сотрудниками музея ряд задач по формированию экспозиции будущего музея И.А. Бунина, открытие которого планируется к 150-летнему юбилею писателя в 2020 году как одного из подразделений Воронежского государственного областного литературного музея имени И.С. Никитина.

Бунинский фонд литературного музея им. И.С. Никитина, содержащий четыреста семьдесят три единицы хранения, сложился в результате многолетней собирательской работы. Основой его послужили мемориальные предметы из одесского дома художника Евгения Осиповича Буковецкого, в котором Бунины прожили около двух лет вплоть до отъезда в эмиграцию в феврале 1920 года. Из интерьера дома Буковецкого фонд музея пополнился рядом предметов: столик для игры в шахматы, шкаф резной работы, шкатулка, курильница, несколько восточных ваз и др. Бунин неоднократно приезжал в Одессу и входил в круг одесских художников, поэтому живописные работы П.А. Нилуса и Е.О. Буковецкого, имеющиеся в фонде музея, дают представление о литературно-художественном окружении писателя, на долгие годы сохранившего теплые дружеские отношения с Петром Нилусом и Евгением Буковецким.

К числу особо ценных экспонатов относятся охотничья сумка, семейная Библия Буниных, прижизненные издания дореволюционного (Бунин И.А.

Суходол. Повести и рассказы. 1911–1912 г. М.: Книгоиздательство писателей, 1912; Бунин И.А. Полное собрание сочинений в VI томах. — Петроград: Изд. товарищества А.Ф. Маркса, 1915; Бунин И. Весенний вечер. Одесса: Русское книгоиздательство, 1918) и эмигрантского периодов (Бунин И.А. «Чаша жизни». Париж: «Русская земля», 1922; Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: «Родник», 1927; Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Ч. II. Лика. Брюссель: Петрополис, 1939; Бунин И.А. Темные аллеи. Париж: La presse Française et Etrangère O. ZELUCK, Editeur, 1946), издания с инскриптами (Бунин И. На край света и другие рассказы. СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1897. Инскрипт И.А. Бунина; Бунин И.А. Последнее свидание. Париж: Издание т-ва «Н.П. Карбасников», 1927. Инскрипт А. Цетлиной; Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж, 1958. Инскрипт В.Н. Буниной; Кузнецова Г. Утро. Париж: Современные Записки, 1930. Инскрипт Г.Н. Кузнецовой; Шаховская З. Отражения. Париж: YMCA-PRESS, 1975. Инскрипт З. Шаховской) и маргиналией (Бунин И. Избранные стихотворения. Париж: Современные записки, 1929. Маргиналия И.А. Бунина и комментарий В.Н. Буниной). В фондах также имеются фотографии, пригласительные билеты с автографами И.А. Бунина и его эмигрантского окружения, авторизованная машинопись «Воспоминания В.Н. Муромцевой-Буниной» (авторская дата: «Приморские Альпы. 10 (23) апреля 1927 г. — 1 (14) февраля 1928 г.». 91 лист. Бумага, машинопись, рукописный текст)¹.

Особого внимания при формировании экспозиции заслуживает эпистолярное наследие писателя, которым располагает бунинский фонд нашего музея. Хронологически эпистолярные материалы можно разделить на два периода.

Первый период относится к 1896–1908 гг. В него входит письмо И.А. Бунина к А.И. Эртелю от 10 мая 1908 г.² и дарственная надпись Бунина на титульном листе сборника «На край света»: «Глубокоуважаемому Александру Ивановичу Эртелю от И. Бунина Спб. 24.XII.96»³.

Второй период охватывает двенадцать лет: 1940–1952 гг. и включает в себя переписку Буниных с эмигрантским окружением. Всего насчитывается 122 письма, из которых значительную долю составляет переписка Буниных с Яковом Борисовичем и Любовью Александровной Полонскими (32 письма). Остальная часть эпистолярного наследия включает в себя письма Буниных к Струве (письмо В.Н. Буниной к Н.А. Струве, жене П.Б. Струве от 1.04.1943, письмо И.А. Бунина к А.П. Струве от 27.02.1950), Жировым (письма И.А. Бунина к О.А. Жировой от 18.12.1942, от 29.12.1942, от 11.09.1952, от 18.11.1952; письмо И.А. Бунина к Е.Н. Жировой от 25.06.1950; письма В.Н. Буниной к О.А. Жировой от 7.09.1952, от 10.09.1952; письмо В.Н. Бу-

¹ ВМН 8406.

² ВМН 167/1.

³ ВМН 975.

ниной к Е.Н. Жировой от 7.09.1952), а также письма Я.Б. и Л.А. Полонских к М.А. и Т.М. Алдановым (письмо Полонских к Алдановым от 22.12.1945, письмо Я.Б. Полонского к Алдановым от 27.01.46, письмо Я.Б. Полонского к М.А. Алданову от 01.11.1950, письмо Я.Б. Полонского к М.А. Алданову от 05.11.1951), письма Б.К. Зайцева к А.П. Струве (письмо от 08.06.1949, письмо от 18.03.1964), письмо И.А. Бунина к М.С. Цетлиной (от 01.01.48. Копия с авторскими правками), письмо М.А. Алданова к И.А.Бунину от 23.08.40, открытка И.А. Бунина к М.А. Алданову от 24.08.1940 и другие письма.

Особое место в экспозиции займёт переписка Буниных с Я.Б. и Л.А. Полонскими, большая часть которой относится к периоду с 1940 по 1948 гг. Содержание переписки представляется весьма важным, если учесть, что она носит откровенный и доверительный характер. Общение с Полонскими не прекращалось вплоть до самой смерти Я.Б. Полонского. Искренность в отношениях определяет характер этих писем, в которых обсуждаются не только личные или бытовые темы, затрагиваются серьёзные политические, мировоззренческие и творческие вопросы. Бунинские письма воспринимаются как свидетельство времени, отражающее чувства и настроение писателя в разные моменты его личной и писательской судьбы. В этом смысле примечательным является письмо И.А. Бунина к Я.Б. Полонскому от 4 сентября 1940 г., в котором он делится своими волнениями, касающимися его дальнейшей судьбы¹. Здесь же Бунин практически полностью передаёт содержание письма Г.Д. Гребенщикова, русского писателя, эмигрировавшего из России в 1920 г. С 1924 г. Гребенщиков уже жил и работал в Америке. Георгий Дмитриевич Гребенников — сын сибирского горного рабочего, ставший впоследствии по чётным доктором филологии, обладателем литературных премий. В письме содержатся подробности жизни русских эмигрантов в Америке. По всей вероятности, И.А. Бунин накануне Второй мировой войны, думал о возможностях отъезда в более безопасное место, нежели фашистская Европа:

Серьезно, — я без ужаса не могу думать о своем будущем, без истинного ужаса. Нынче получил от Гребенщикова (писателя, живущего в Америке уже чуть не 20 лет) ответ на свои вопросы о жизни в этой самой Америке: «16 мая вышел наконец мой английский роман. Из прилагаемых отзывов можете видеть, как блестяще принят он печатью. Даже самый выпуск означенован приемом в Колумбийском Университете. И всё-таки до сих пор (до 31 июля) разошлось 300 экз. Страна наша в смысле интереса к литературе крайне бедна. Вы и не представляете себе её рабской зависимости от сугубого материализма. В результате всех наших с женой всяческих страшных трудов у нас нет теперь ни здоровья, ни свободы, ни денег, ни читателя. Если бы в Ев-

¹ Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной к Я.Б. и Л.А. Полонским печатаются по нормам современного правописания, с сохранением особенностей стиля и пунктуации автора. Авторские исправления (вставки) отражены в тексте публикации по умолчанию. Авторские подчеркивания заменены курсивом.

ропе был заключен прочный мир, мы бы устремились во Францию. Я боюсь, что жизнь здесь покажется Вам настолько ускоренной, грубой и в смысле заработка безнадежной, что Вы затоскуете даже о теперешней Европе.

Все эти мечты о лекциях, об издании книг здесь — одна цепь разочарований... В нашем литературном фонде беспомощность, а вопли со всех сторон. *Спектакль в пользу Тэффи дал прибыли... 29 сентов — не долларов, а сентов. Кошмар*. Вот, мои милые, вот Вам Америка. Целую Вас, и жду вестей.

4.IX.40. Grasse¹.

Письмо В.Н. Буниной к Л. А. Полонской, датированное 3 февраля 1945 г., отражает бытовые подробности жизни Буниных в тяжелые военные годы:

Дорогая моя Любовь Александровна, что с Вами? Даже не отвечаете на письмо Ивана Алексеевича! И мы не можем еще вернуться домой, а как бы хотелось. А И.А. нужно показаться хорошим врачам — какие-то боли в области печени... Нужно сделать и радиографию. У нас главная злоба дня сейчас — полное, честное отсутствие всяких овощей (легумов). Доедаем картошку и сухие бобы, горох. В январе выдали по кило на рот макарон и кукурузной муки, этим и спасаемся. Мясо редко. Бывают американские консервы — тогда мы радуемся. С Ниццей всякое почти общение прекращено. С осени у моих близких много было неприятностей и горя. Дай Бог, вам всем трем здоровья, денег и всяких радостей. Что пишут американцы? Привет дружеский от нас всех Якову Борисовичу. И.Ал. и Л.Ф. кланяются Вам и Ляле <А.Я. Полонский>.

Ваша В. Бунина².

Тоска по Родине, болезнь, отсутствие денег и продуктов, но самое главное — «потепление» отношений между Россией и частью эмигрантского сообщества — стали своеобразным толчком к размышлению Бунина о возможном, если не возвращении на родину, то хотя бы её посещении в качестве гостя. Этими раздумьями писатель поделился с Я.Б. Полонским, который в письме к Бунину от 6 марта 1945 г., написанном на 4-х листах, советует со всей серьёзностью подумать над вопросом о возможности возвращения в Россию. Я.Б. Полонский приводит разумные доводы об истинной политической ситуации в Советском Союзе:

Нам нужен самый минимум: демократическая свобода самой элементарной формы. По-видимому, Россия к этому идёт при нынешнем режиме, но в данный момент этого ещё нет, вероятнее в эту сторону власть пойдёт после войны. Вот почему нам сейчас очень трудно было бы вернуться, правильнее сказать — невозможно³.

¹ BMH 6697-20.

² BMH 6697-25.

³ BMH 6697/37/1-4.

Известно, что война расколола русскую эмиграцию на два лагеря. Многие воспринимали её актом возмездия большевикам, силой захватившим власть, но в ходе войны и после её окончания, мнение части общества поменялось. Бунин не принимал Советскую власть, но и фашизм для него был настоящим безумием. После войны перед писателем встал вопрос: изменился ли советский режим или остался прежним? Любовь к России, неразрывная связь со своим народом — были главными темами раздумий писателя. Понимая порыв Бунина и разделяя его чувства, Я.Б. Полонский призывал писателя не искать помощи у просоветских организаций, а найти единственно верное решение в этом сложном и противоречивом вопросе.

Я.Б. Полонский особо подчёркивал, что «импонируют им только <...> немногие, которые держатся с достоинством. Вы сами по себе и только на этом пути Вы для России и для русских писателей будете авторитетным гостем» (письмо от 6.03.1945 г.)¹. Несмотря на серьёзность темы письма, Я.Б. Полонский не забывает о творчестве и просит Бунина сообщить ему подробности работы над «Темными аллеями». Это письмо очень важно для раскрытия внутреннего состояния, нравственных движений, владевших писателем, определяющих не только его личность, но и облик эпохи. Таким образом, в письмах через индивидуальное восприятие событий и явлений вырисовывается портрет времени.

Бунинское литературно-художественное наследие займёт достойное место в экспозиции музея и будет представлено современными экспозиционными и мультимедийными средствами. Так, переписка, отдельные письма, маргиналии, которые не представляется возможным в полном объёме представить в экспозиции, планируется экспонировать в контексте интерактивного стола. Использование мультимедийных технологий в презентации такого рода экспонатов создаёт дополнительные возможности и новые способы передачи информации широкой посетительской аудитории.

Эпистолярные материалы в контексте музеиного пространства позволяют глубоко и полно раскрыть тему изгнаннической судьбы писателя, создать музеиную иллюстрацию важнейших событий, явлений в жизни и творчестве Ивана Алексеевича Бунина. Письма воссоздают реальность исторического факта, достоверность и документальность в восприятии музейной экспозиции посетителями.

Литература

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998.

¹ ВМН 6697/37/1-4.

- Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Иванов Ю.Н., Морозов С.Н.* Дарственные надписи на книгах из парижской библиотеки И.А. Бунина // Культурное наследие российской эмиграции: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 237–243.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicism of 1918–1953]. Chief ed. O.N. Mikhailov; Introd. article O.N. Mikhailov; Comment. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 1998. (In Russ.)

Baboreko A.K. *Bunin. Zhizneopisanie* [Bunin. A Biography]. 2nd edition. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2009. (In Russ.).

Ivanov Yu.N., Morozov S.N. Darstvennye nadpisi na knigah iz parizhskoj biblioteki I.A.Bunina [The signed books of the Paris library of Ivan Bunin] // *Kul'turnoe nasledie rossijskoj emigracii: V 2 kn.* [Cultural heritage of the Russian emigration. In 2 vols.]. Vol. 2, Moscow, 1994, pp. 237–243. (In Russ.)

Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy [From the mouth of the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]. Ed. by Milista Grin: In 3 vols. Frankfurt am Main, 1977–1982. (In Russ.)

LETTERS OF IVAN BUNIN'S EMIGRANT PERIOD IN THE CONTEXT OF A MUSEUM SPACE

© 2019, L'UDMILA SILINA

Abstract: The article is dedicated to the significance of the epistolary heritage of a great Russian writer Ivan Bunin in the museum exhibition space. Letters of the writer, his correspondence with friends and writers helps in reconstructing more complete picture of the emigration period of life.

Keywords: Ivan Bunin, emigration, epistolary heritage, correspondence, museum exposition, multimedia.

Information about the author: L'udmila Silina — Candidate of Philology, Assistant Professor, Chief Researcher, I.S. Nikitin Voronezh Region Literary Museum, Plekhanovskaya str., 3, Voronezh, Russia. E-mail: silinal2018@gmail.com

ВОСПОМИНАНИЯ Н.И. ЛАСКАРЖЕВСКОГО О ПРЕБЫВАНИИ И.А. БУНИНА В ГОРОДЕ ЕФРЕМОВЕ

© 2019, С.С. ИВАНОВА

Аннотация: Статья посвящена воспоминаниям современников И.А. Бунина о его пребывании в городе Ефремове Тульской области. В статье описываются письма племянника Бунина Николая Иосифовича Ласкаржевского. Автор приводит малоизвестные факты ефремовского периода жизни и творчества Бунина. Выполненный автором анализ архива Н.И. Ласкаржевского в Ефремовском Доме-музее И.А. Бунина лег в основу научно-проектной документации для производства работ по сохранению объекта культурного наследия.

Ключевые слова: Ласкаржевский, Бунин, племянник, Ефремов, реконструкция, исследование.

Информация об авторе: Светлана Станиславовна Иванова — директор МБУК «Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина», ул. Тургенева, д. 47, 301840, Ефремов, Россия. E-mail: buninefr@yandex.ru

Город Ефремов самым тесным образом связан с жизнью и творчеством великого русского писателя И.А. Бунина. Сюда, в годы первой русской революции, в 1906 г., бежала от крестьянских погромов семья Буниных.

Наиболее полно ефремовский период жизни и творчества Бунина описан в воспоминаниях его жены В.Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина. Беседы с памятью», в которых она «рассказывает о том, что знала его лучше кого бы то ни было»¹.

В дневниковых записях брата Бунина, Евгения «Раскопки далекой темной старины», которые он писал в Ефремове, в октябре–декабре 1932 г., содержатся сведения об истории семьи писателя и обстановке, окружавшей Бунина в детские и юношеские годы.

Литератор А.В. Бахрах, проживший у Буниных четыре года, в своих воспоминаниях «Бунин в халате» приводит интересные факты, связанные с юношеской любовью Бунина в Ефремове.

В Ефремовском Доме-музее И.А. Бунина хранятся письма племянника писателя, Н.И. Ласкаржевского, в которых он детально описывает последнее пристанище семьи Буниных перед Октябрьской революцией 1917 г. Этот дом, единственно сохранившийся до сегодняшнего дня, принадлежал с 1906 по 1921 гг. Евгению, среднему брату, здесь подолгу жила Мария (в замужестве Ласкаржевская), младшая из детей Буниных, среди родных предпочитал проводить часть отпуска старший брат писателя Юлий, сюда посыпал письма,

¹ Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. С. 170.

просил писать на ефремовский адрес родных и друзей и приезжал сам Иван Алексеевич. В этой усадьбе последние три с небольшим года провела Людмила Александровна Бунина, мать семейства, обретшая вечный покой под сенью ефремовской кладбищенской рощи.

Провинциальный Ефремов (по меткому выражению А.П. Чехова, «воплощение российской социальной дичи»¹) под названием «Стрелецк», и дом Евгения Алексеевича как фотография «вошли» в рассказ Бунина «Чаша жизни». В рукописях И.А. Бунина (дата: 31.08.1913) рассказ имел первоначальное заглавие «Дом», позднее (02.09.1913) получил название «В Стрелецке», которое в итоге было зачеркнуто и написано «Чаша жизни»².

Прототипом героини рассказа Сани Диесперовой стала сестра писателя Маша, Селихова — брат Евгений.

«То, что у каждой девушки бывает счастливое лето — это, между прочим, вспомнилась сестра Машенька. Перед замужеством она все выходила в сад, повязывала ленточку, напевала лезгинку. А после замужества, когда на год оставила мужа, помощника машиниста, то тоже как-то повеселела, часто ездила на заводы в соседнее имение Колонтаевку, там была сосновая аллея, как-то особенно пахло жасмином в то лето... <...> А мордовские костюмы носили барышни Туббе, и там же был аристон и опять эта лезгинка. <...> А кое-что в Селихове — от брата Евгения. И он тоже купил себе граммофон, и в гостиной у него стояла какая-то пальма. А главное, отчего написалось все это, было впечатление от улицы в Ефремове.

Представь песчаную широкую улицу на полугоре, мещанские дома, жара, томление и безнадежность... От одного этого ощущения, мне кажется, и вышла «Чаша жизни»³.

Ефремов прочно вошел в жизнь Ласкаржевских. На улице Подъяческой, в доме бывшего управляющего, винокура помещиков Бахтеяровых в Васильевском-Глотово Отто Карловича Туббе состоялась первая встреча будущих отца и матери Николая Иосифовича Ласкаржевского. Об этой истории пишет со слов Ивана Алексеевича его жена В.Н. Муромцева: «Сестра была невестой, ей шел двадцать пятый год. По деревенским понятиям, она считалась перестаркой. Бывала только в Ефремове в семье Отто Карловича <Туббе>.

Там она познакомилась с молодым машинистом, водившим поезда мимо Бабарыкина, довольно культурным по виду, — он был поляк, Иосиф Адамович Ласкаржевский, моложе ее года на два. Братья были в ужасе, но что делать? Она была настроена романтически, писала стихи и видела его преображенным. На своей карточке, снятой в Ельце, когда она была невестой, написано: «Моему

¹ Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1968. Т. 4. С. 493.

² РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 36–37.

³ Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. С. 229.

будущему другу жизни и возлюбленному мужу Иосифу Ласкаржевскому от его Марии". А он был высокий брюнет с правильными чертами угрюмого лица, лишенный чувства какой-либо поэзии и большой хвастун¹.

Молодая семья поселилась в Ефремове. М.А. Ласкаржевская с матерью Л.А. Буниной приехали из Калуги в Ефремов, вероятно, в середине мая 1900 г. Очевидно, к этому времени относится недатированное письмо М.А. Ласкаржевской к Ю.А. Бунину, в котором она сообщала: «Мы вот уже третий день в Ефремове, доехали благополучно, наняли квартиру. <...> Адрес: г. Ефремов Тульской губернии, Большая улица, дом Курносова»².

Это подтверждается воспоминаниями В.Н. Муромцевой (1900 г.): «Маша была замужем, переселилась в Ефремов, с ней жила и Людмила Александровна. Ласкаржевские ждали ребенка <Евгения>. Иван Алексеевич ежедневно, до самых родов, писал ей письма, умоляя ее быть осторожной»³.

Из письма Бунина брату Юлию (26 или 27 апреля 1901 г., Ефремов): «Я в Ефремове, приехал в Огневку, а затем отправился с Евгением сюда к Маше. Все слава <Богу>, только Женя немножко хворает и денег у них нету. Квартира хорошая»⁴.

Беспокойство Ивана Алексеевича о Маше как о младшей в семье, дружба с ней — все шло из детства и юности. В.Н. Муромцева писала: «С Машей Ваня все больше и больше дружил, ей уже было семь лет, она была очень горячей, веселой девочкой, но тоже вспыльчивой, больше всех походила характером на отца, но была не в пример ему нервна, заносчива и, как и он, очень отходчива; если они с братомссорились, то ненадолго»⁵.

Двоих детей четы Ласкаржевских родились в Ефремове: первенец, Евгений — 27 ноября 1899 г. (по письму М.А. Буниной-Ласкаржевской Ю.А. Бунину без даты⁶), Николай — 11 января 1902 г.⁷

Николаем Ласкаржевского называли по настоюнию Бунина в память о его домашнем учителе Николае Осиповиче Ромашкове, послужившем прототипом Баскакова в «Жизни Арсеньева».

В письме А. Коринфскому 1895 г. Бунин подробно останавливается на характеристике своего домашнего учителя: «Как я выучился читать, право, не помню, но правильно учиться я начал только тогда, когда ко мне пригласили

¹ Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 170.

² Бунин И.А. Письма 1885–1904 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 316, 615.

³ Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 46.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904. С. 371, 650.

⁵ Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 46.

⁶ Бунин И.А. Письма 1885–1904. С. 306, 611.

⁷ Дата установлена по архивной справке ГУ «Государственный архив Тульской области» (ГУГАТО), предоставленной в электронном виде юристами внуки племянницы И.А. Бунина Т.А. Родионовой (Буниной), занимающимися наследственным правом.

губернера, студента Моск^{овского} университета, некоего Н.О. Ромашкова, человека странного, вспыльчивого, неуживчивого, но очень талантливого — и в живописи, и в музыке, и в литературе. Он владел многими языками — английским, французским, немецк^{им} и знал даже восточные, так как воспитывался в Лазаревском институте, много видел на своем веку, и вероятно, его увлекательные рассказы в зимние вечера, когда метели буквально до верхушек заносили вишненник нашего сада на горе, и то, что первыми моими книгами для чтения были “Английские поэты” (изд^{ания} Гербеля) и “Одиссей” Гомера, пробудили во мне страсть к стихотворству, плодом чего явилось несколько младенческ^{их} виршей¹.

Коля рос любимцем всех Буниных, особенно Ивана Алексеевича. Николай Иосифович вспоминал в разговоре с ефремовцами в 1972 г.: «Я помню Ивана Алексеевича с той поры, с какой помню самого себя. Он часто приезжал к нам, любил возиться со мной, катать на спине, шутить. Привозил подарки. Особен-но мне запомнилась разрисованная шкатулка-копилка палехской работы.

Сам выбор подарка был сделан с учетом моей страсти к собиранию разных коробок. Однажды в разговоре с Иваном Алексеевичем я вместо “шкатулка-копилка” сказал “шкапилка”. Иван Алексеевич долго смеялся, а затем, сколько помню, всегда называл меня “Шкапилкой”².

В 1958 г. в Париже была издана книга В.Н. Муромцевой «Жизнь Бунина. 1870–1906», один из экземпляров Вера Николаевна прислала Н.И. Ласкаржевскому: «Милому и дорогому Коле Ласкаржевскому (Шкапилке) на память о всех дорогих ушедших наших. Сердечно. Тетя Вера Бунина. Париж. 17.5.1959 г.»³.

Писатель Л.В. Никулин, в конце 1950-х гг. неоднократно выезжавший во Францию для переговоров с Муромцевой-Буниной о передаче литературного архива Бунина на родину (что и было частично осуществлено при его содействии), говорил Н.И. Ласкаржевскому во 2-й половине 1950-х гг.: «Я видел в Париже Веру Николаевну и был даже о Вас разговор, она интересовалась, как Вы живете»⁴.

В архиве Ласкаржевского есть фото открытки, адресованной И.А. Бунином на ул. Тургенева: «Посылаем из Африки портрет Шкапилки — передайте ему ее»⁵. Вероятно, очень похож был этот чернокожий мальчик на любимого племянника Бунина!

¹ Там же. С. 210–211.

² Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/27 (Семейный альбом, лист 117).

³ Лиокумович Т. У племянника Бунина // Неман: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1970. № 8. С. 188–189.

⁴ Там же.

⁵ Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/27 (Семейный альбом, лист 118).

В.Н. Муромцева, жена писателя, вспоминала свой первый приезд в Ефремов: «В столовой застенчиво жались к стульям двое детей Ласкаржевских: старший, миловидный, с голубыми глазами, высокий для своего семилетнего возраста Женя и прелестный в своей некрасивости черноглазый малыш Коля»¹.

Из интервью Н.И. Ласкаржевского корреспонденту газеты «Заря коммунизма» З. Ереминой: «Иван Алексеевич, дядя по матери, был удивительно общительным и обаятельным человеком. Он любил наш маленький город с его тенистой рощей, городским садом, где он часто бывал. Иногда Иван Алексеевич наведывался к нам и к своему брату Евгению Алексеевичу (он жил в доме 47 по улице Тургенева). Нередко они брали лодку и отправлялись кататься на реку. Частенько и я “увязывался” за ними. Плыли мы обычно по направлению к железнодорожному мосту, далее — под Покровку. Там купались. Иван Алексеевич очень любил нашу небольшую речушку, ее неброскую красоту... Иван Алексеевич очень часто и подолгу писал в небольшом кабинете своего брата Евгения Алексеевича. Он любил, чтобы в часы, когда он работает, в доме было тихо. <...> О прототипах. Мнения на этот счет разные. Но я знаю доподлинно одного из них — маленького мальчика, который, увидев через окно силуэт заснеженной бабы, очень испугался, подумав, что это страшный, рогатый бык. Долго плакал. Взрослым, среди которых был И.А. Бунин, не скоро удалось его уговорить. Этим маленьким мальчиком был я. А данный небольшой эпизод послужил Ивану Алексеевичу темой для рассказа “Снежный бык”»².

По нашему мнению, Н.И. Ласкаржевский является прототипом еще одного рассказа И. Бунина — «Цифры».

Во-первых, дядя в рассказе — из Москвы (как Бунин). Читаем в рассказе: «А то дядя рассердится и уедет в Москву, — говорила бабушка грустным тоном. — И никогда больше не приедет к нам»³.

Во-вторых, герой рассказа — мальчик Женя любит играть спичечными коробочками (Коля Ласкаржевский мальчиком любил собирать коробочки-шкатулочки). Читаем в рассказе: «Ты сидел на полу, изредка подергивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слез лицом забавлялся своими незатейливыми игрушками — пустыми коробочками от спичек, — расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке»⁴.

¹ Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 382.

² Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/14 (газета «Заря коммунизма» от 5.09.1972 г.).

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, comment. и подбор илл. А.К. Бабореко. Т. 2. М.: Московский рабочий, 1994. С. 284.

⁴ Там же. С 283.

В-третьих, Женя живет с мамой и бабушкой (Л.А. Бунина много лет жила у Ласкаржевских, помогая растить внуков). В рассказе: «И вот, когда мы — бабушка, мама и я — сидели перед вечером за чаем, ты нашел еще один исход своему волнению»¹.

В-четвертых, дядя в рассказе привозит игрушки, гостицы (как и Бунин — любимому Шкапилке). В рассказе: «Но тут послышался шепот бабушки.

— Бесстыдник, бесстыдник! — зашептала она укоризненно. — Дядя тебя любит, возит тебе игрушки, гостицы...»².

Последний раз Ласкаржевский встречался с Буниным в июле 1917 г. в Васильевском-Глотово. Николай вместе с матерью приехал сюда к Бунину, который отдыхал у своей двоюродной сестры. Это подтверждается фотографией, представленной в архиве Ласкаржевского, фотографировал сам Иван Бунин³.

Слева направо: В.Н. Муромцева, М.А. Ласкаржевская, Н.А. Пушешников, С.Н. Пушешникова, впереди — Николай Ласкаржевский в гимназической форме

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, comment. и подбор илл. А.К. Бабореко. Т. 2. С. 280.

² Там же. С. 284.

³ Эта фотография представлена в альбоме Н.И. Ласкаржевского с датой: «Июль 1917 года» (Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/27. Семейный альбом, лист 110).

Родственные узы Николая Иосифовича с писателем-эмигрантом наложили отпечаток на его жизнь. Н.И. Ласкаржевский в первые послереволюционные годы окончил 17-ю Воронежскую трудовую школу, затем учился в Ростовском практическом политехническом институте и Донском политехническом институте в Новочеркасске. Он преподавал в институте, работал главным инженером монтажной организации «Сантехмонтаж», конструктором весового завода, был членом комиссии по приему в строй «Ростсельмаша».

3 июля жуткого 1937 г. любимый племянник Бунина был арестован. В это время он работал старшим инженером в Ростове-на-Дону. Из протеста Ласкаржевского: «...26 месяцев идет следствие, и оно не закончено. Не разрешают очных ставок, не вызывают свидетелей, не дают читать документы. Последнее обвинение, как и первое, что я, якобы, поляк...»¹.

23 августа 1939 г., после двухлетнего следствия, особым совещанием заочно он приговаривается к 8 годам ИТЛ (исправительно-трудового лагеря) за «...участие в антисоветской право-троцкистской организации и агитацию...»².

Ласкаржевский ни в каких партиях никогда не состоял: «...Работать и жить самостоятельно начал с 17 лет... Вся моя жизнь — учеба и работа...»³.

Под усиленным конвоем он направляется в Сороклаг, где посылается на общие работы и очень скоро превращается в «доходягу».

Совершенно удивителен документ, отправленный начальником подкомандировки Бондаренко: «...Не вырабатывает нормы выработки, в последнее время занимается членом самовредительства, истощением самого себя и этим вызывая отеки всех частей тела...»⁴.

В критическом состоянии попадает в больницу, выживает и после выздоровления благодаря помощи врачей направляется работать по специальности в Северное Геологическое управление (с. Мотыгино Красноярского края) для проектирования и строительства ГЭС на реке Суме и вносит множество рационализаторских предложений.

Все эти годы посылает во все инстанции письма, пытаясь доказать свою невиновность, и отовсюду получает отказы. В 1944 г. Ласкаржевскому приходится подписать документ, что он предупрежден об ответственности (увеличении срока заключения), если опять пошлет жалобу.

3 июля 1945 г. кончается его 8-летний срок, однако следует резолюция из центра: «...Ласкаржевского оставить в лагере по вольному найму до особого распоряжения без права выезда...»⁵.

¹ А в России опять окаянные дни... [Электронный ресурс]. URL: <http://memorial.krsk.ru/memuar/Laskarjevskiy.htm> (дата обращения: 31.01.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Но Ласкаржевский полон надежд, снимает квартиру, вызывает жену. Он работает руководителем проектного бюро, не подозревая, что уже 16.01.46 пришел следующий донос: «...В настоящее время возводит антисоветские клеветнические измышления...»¹.

Донос связан с намерением получить его квартиру. При этом доносчики проявляют нетерпение: «...Прощу сообщить, осужден ли Ласкаржевский, чтобы ведомство могло бы использовать его квартиру...»².

Из протокола комиссии по рассмотрению материалов на заключенных, которым продлевается срок содержания в ИТЛ, мы видим истинную причину его ареста и задержания в лагере: «...По имеющейся в деле Ласкаржевского переписке за 1937 год видно, что он является племянником бежавшего за границу во время революции писателя БУНИНА. Исходя из изложенных материалов Ласкаржевский Н.И. является социально опасный элемент. ...Направить учетное дело на рассмотрение особого совещания при МВД для применения к нему ссылки на пять лет...»³.

Николай Иосифович был репрессирован и провел в Сибири долгих 17 лет. С 1954 г. он жил в Белорусской ССР на родине жены, Квятковской Марии Флориановны по адресу: г. Бобруйск, ул. Советская, д. 103, кв. 64.

Иван Алексеевич, живя в Париже, не знал об аресте любимого племянника Шкапилки. В письме своему троюродному брату К.А. Бунину (1923 г.) он говорит о нем как о пропавшем: «Дорогой и милый Константин Алексеевич, снова делаю попытки узнать что-либо о Петре Константиновиче — и снова безуспешно! У сестры Маши тоже пропал сын и тоже без вести. Не было времени на земле страшнее. Получили ли вы мое парижское письмо? Судя по вашему молчанию, думаю, что нет. Отзовитесь. Я в Грассе близ Канн, но пишите вы мне в Париж, по тому же адресу... Обнимаю вас от всей души! Ваш Ив.

Брат Евгений, старый, больной, нищий в Ефремове Тульской губернии, Красноармейском, д. Подъяльского. Подробности смерти Юлия узнал только недавно. Умер, слава Богу, как заснул!»⁴.

Это письмо в музей И.А. Бунина г. Ельца передала внувшая племянница писателя — Раиса Михайловна Колтыгина (1923–1999 гг.), проживавшая в Краснодарском крае, село Соколовское.

В фондах Ефремовского Дома-музея И.А. Бунина находятся 8 писем Н.И. Ласкаржевского⁵, написанных директору музея С.С. Ивановой за период 1986–1987 гг., и 3 письма, написанных руководителю отдела культуры Ефре-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Жердева М.В., Колтыгина Р.М. «В родную гавань он вошел...» (И.А. Бунин и Кубань). Краснодар, 1991. С. 57.

⁵ ЕРХКМ. ЕИК 6259/2–9.

мовского горисполкома Г.Ф. Афанасьеву за период 1970–1971 гг. В письме С.С. Дубинской (Ивановой) от 18.10.1986 г. Н.И. Ласкаржевский подробно описывает отдельные предметы интерьера дома Буниных:

Получил Ваше последнее письмо от 10.10.1986 г. Большое Вам спасибо за подробное изложение, за Ваш четкий почерк. Радует и то, что у Вас идут «Чтения Бунина»...

Попробуйте — поискать черного дерева полированный буфет из столовой. У него вместо ручек были выточены крупная птица и приставлена к каждой дверке, за эту птицу (за ее груды открывали каждую дверку буфета...).

Советую: собрать все репродукции с картин дяди Жени, переснять из альбома их, увеличить и повесить на месте пропавших (украденных официально) картин и повесить их на прежнем месте. «Зима» — висела над черным пианино, а «Лето», висела картина напротив, через зал у третьего окна от входа. Я имею цветную репродукцию из журнала «Огонек» картины «Оправдали», ее можно перерисовать в большем размере и повесить над спинкой дивана в гостиной (там же была копия дяди с картины Айвазовского — «Девятый вал»). Названные картины (у вас в чертежах) объявите по местному радио. Уверен: — многое найдется!

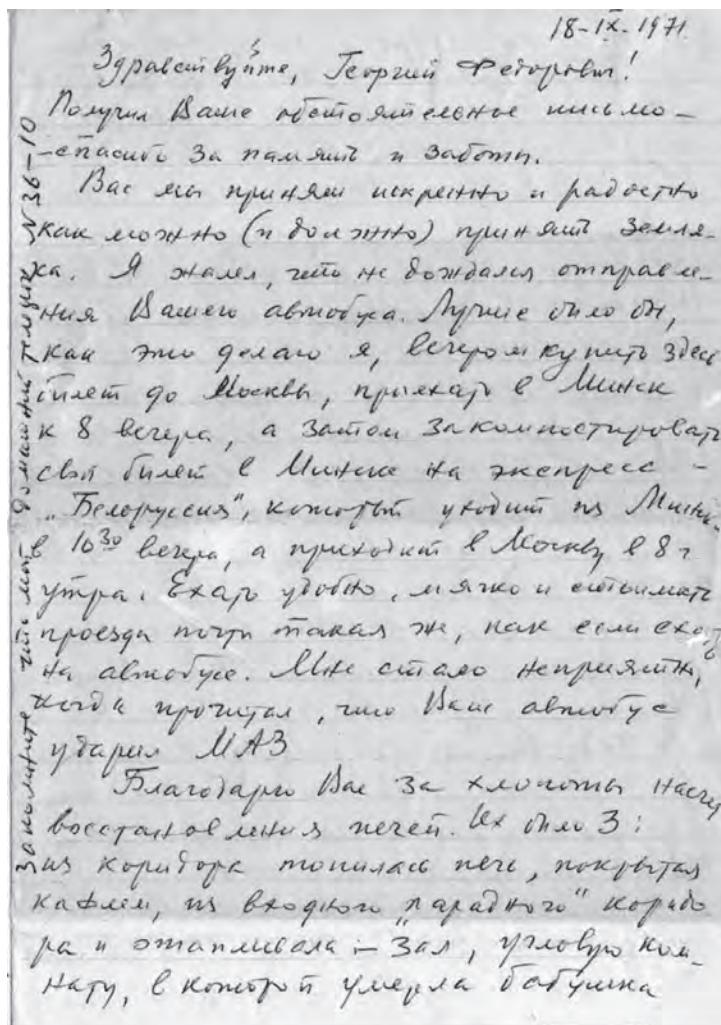
С левой стороны дивана, что в кабинете, стояла картина (копия — работы дяди) (из картины Иванова «Явление Христа народу»). Там кусок метра 2 высотой и 1,5 шириной. Во весь рост там нарисованы: старик полуодетый с палкой опирается и рядом молодое тело молодого еврея. Имею фото отличное, могу прислать. Пишите поскорее, пока я жив.

С уважением Н.И. Ласкаржевский¹.

Стараниями Николая Иосифовича Ласкаржевского в 1985 г. в Ефремове на улице Тургенева был открыт литературный отдел краеведческого музея, с 2001 г. ставший Домом-музеем И.А. Бунина. В 1970 г., в столетний юбилей Бунина, племянник писателя дважды обращался к министру культуры СССР Екатерине Алексеевне Фурцевой с предложением создать в доме № 47 по ул. Тургенева музей, посвященный памяти писателя. Просьба осталась без ответа.

Ласкаржевский начинает переписку о судьбе дома Буниных с Георгием Федоровичем Афанасьевым, в лице которого он встретил активного помощника. В своих письмах Афанасьеву Ласкаржевский уточняет многие детали быта дома Буниных, внешний вид здания, прилегающей к дому территории, расположение комнат, особенности их интерьера. Выдержки из письма Н.И. Ласкаржевского Г.Ф. Афанасьеву от 18.09.1971 г. (с описанием обстановки дома Буниных) — илл. 1–4.

¹ ЕРХКМ. ЕИК 6259/5.

Илл. 1

«Здравствуйте, Георгий Федорович!

Получил Ваше обстоятельное письмо — спасибо за память и заботы. <...>

Благодарю Вас за хлопоты насчет восстановления печей. Их было 3: из коридора топилась печь, покрытая кафелем, из входного «парадного» коридора и отапливала — зал, угловую комнату, в которой умерла бабушка».

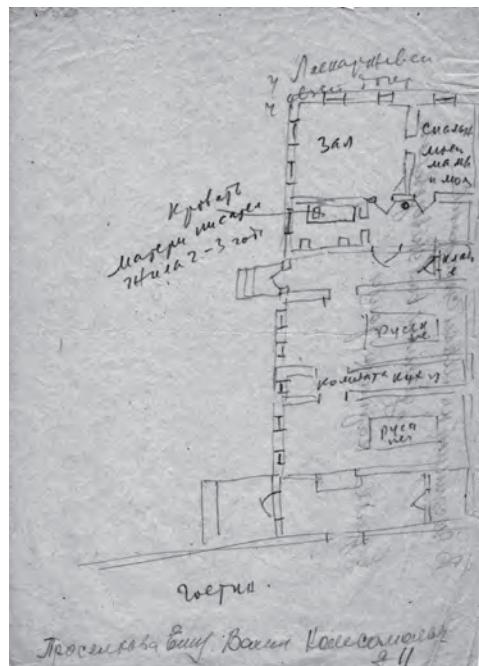
мотком гурута, ~~лампа~~^{Письменный стол}, лампа
на ~~столе~~^{огонько красилась} синими
Комнаты, где спалась Гадюшка
была спасена, что в этот час спала
а позже спала и спалась лягушка
искалась на бутылке.

Кровать стояла за ширмой (краси-
вой ширмой) в спальне спали
в Кабинете на высоком из кожи
коричневом диване, к окну стоял
письменный стол. Как входишь в
гостиную (2 окна), в дальнем
углу спальни цвет филадендро-
— пальма с большими листьями
имеющими разрезы в виде шир-
оких полос. В гостиной была
мебель зеленого бархата: диван,
круглый стол с кружком бархата;
на нем стояла лампа с белым
абажуром, корпус высокий из белого материала и на
нем были в эллиптическом овале с разных сторон рисунки в красках (красочные!).
Под круглым столом был ковер богатый с зеленым оттенком —
ковер.

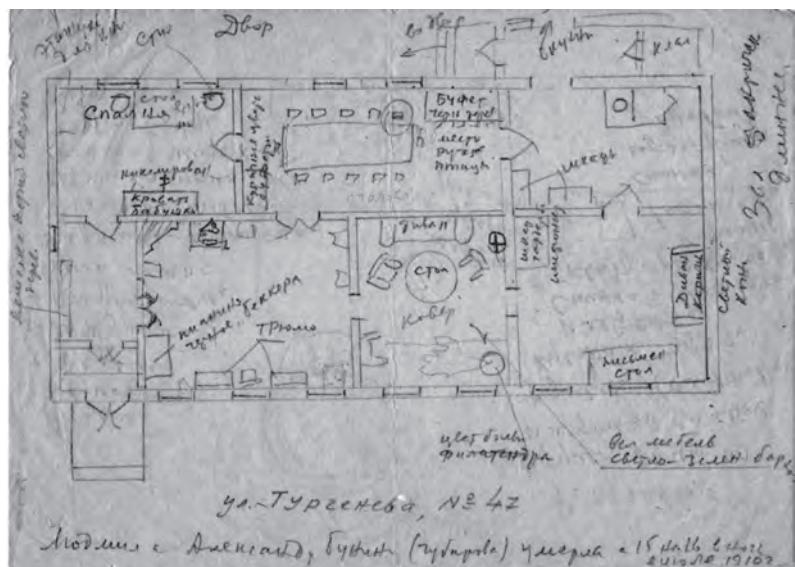
Илл. 2

«<...> Кровать стояла за ширмой (красивая ширма) в столовой, спали в кабинете на высоком из кожи коричневом диване, к окну стоял письменный стол. Как входишь в гостиную (2 окна), в дальнем углу стоял цвет филадендра — пальма с большими листьями, имеющими разрезы в виде широких полос. В гостиной была мебель зеленого бархата: диван, круглый стол с кружком бархата; на нем стояла лампа с белым абажуром, корпус высокий из белого материала и на нем были в эллиптическом овале с разных сторон рисунки в красках (красочные!). Под круглым столом был ковер богатый с зеленым оттенком»¹.

¹ ЕРХКМ. ЕИК 6259/1.

Илл. 3

Илл. 4

В июле 1972 г. сам Ласкаржевский приезжает в Ефремов, встречается с работниками культуры города.

В ходе трехдневного пребывания в городе своего детства Николай Иосифович посетил те места, по которым он гулял ребенком со своим знаменитым дядей. Николай Иосифович вспоминал:

Я, пожилой человек, родился в Ефремове на улице бывшей Никольской, бывшей Державина, а теперь — Комсомольской в доме из 4-х окон братьев Евгения Александровича Шарова — глухонемого переплетчика и его брата писателя СССР Дмитрия Александровича Шарова. Домик этот — кирпичный, одноэтажный, из 4-х окон. Я его видел с 26–31 VIII 1972 г. Он, возможно, из-за гигантомании или пренебрежения к истории (а, м. быть, по дикости) — теперь мог быть уничтожен руководством города (а там бывал И.А. Бунин)...

№ дома Шаровых (бывш. Державинская № 9) по ныне Комсомольской ул. (...) Домик маленький, беленький, с 3-мя или 4-мя окнами, одноэтажный!!! Если идти по Державинской (Комсомольской) в сторону реки от напорной башни — он (домик) будет с левой стороны. Выше немнога его стояла посередине улицы Никольская церковь, где меня крестили¹.

Ласкаржевский побывал у пруда на Подъяческой улице: указал дорогу, по которой он в детстве ходил в рощу с Иваном Буниным. Показал домик лесника, изображенный на картине Евгения Бунина. В своих рассказах Ласкаржевский отметил, что роща была любимым местом Ивана Бунина в Ефремове. Николай Ласкаржевский рассказал как вместе с Буниным сплавлялся на лодке по Красивой Мече от дома помещика Шорина до села Новокрасивое. А главное Ласкаржевский указал на место захоронения членов семейства Букиных на заброшенном кладбище.

В свой приезд он передал первые экспонаты для будущего музея. Из выступления Ласкаржевского в Ефремове в 1972 г.:

Разрешите мне в вашем присутствии передать в дар городу для музея Ивана Алексеевича Бунина мой семейный альбом, где собрано до 500 фотографий и документов, отражающих жизнь и быт Ивана Алексеевича, его родных, великих писателей и артистов — его друзей: Горького, Чехова, Шаляпина, Рахманинова, Куприна, Андреева, Найденова и др. Я передаю две картины (масло) работы Евгения Алексеевича Бунина для водворения их на новое место в доме-музее И.А. Бунина.

Также передаю кофеварку, из которой в Москве пили все Букины, несколько книг (шесть) и газет советского издания, а также два пригласительных билета Правления Союза писателей СССР².

¹ Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/3 (письмо Н.И. Ласкаржевского в Ефремов от 31.07.1986 г.).

² Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/18 (выступление Н.И. Ласкаржевского в Ефремове 30.08.1972 г.).

Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина располагает уникальными документами, на основании которых возможно провести масштабные работы по исторической реконструкции усадьбы Буиних: залов мемориальной части здания, деревянного флигеля (пристройки), прилегающей территории, ориентируясь на архив Н.И. Ласкаржевского.

Разработана научно-проектная документация для производства работ по сохранению объекта культурного наследия.

В Ефремове продолжается бунинская ветвь: внучатые племянники Ивана Бунина — Татьяна Арсеньевна, ее старшие братья Владимир и Михаил, дети Арсения Евгеньевича Бунина (сына Е.А. Бунина) — живут и здравствуют в нашем городе.

Литература

Бабореко А.К. Поззия и правда Бунина: Дневники. Воспоминания и письма современников // Подъем. 1980. № 1. С. 132–140.

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.

Бунин Е.А. Раскопки далекой темной старины / Предисл. и публ. Л.К. Кувановой // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 224–235.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2: Рассказы. Повести. Переводы. 1892–1909 / Предисл. П. Пильского; сост., подгот. текста, comment. и подбор илл. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1994. 556 с.

Жердева М.В., Колтыгина Р.М. «В родную гавань он вошел...» (И.А. Бунин и Кубань). Краснодар, 1991. 64 с.

Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.

Муромцева В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1968. 712 с.

А в России опять окаянные дни... [Электронный ресурс]. URL: <http://memorial.krsk.ru/memuar/Laskarjevskiy.htm> (дата обращения: 31.01.2019).

Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/3 (письмо Н.И. Ласкаржевского в Ефремов от 31.07.1986 г.).

Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/14 (газета «Заря коммунизма» от 5.09.1972 г.).

Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина. Архив Н.И. Ласкаржевского. ЕРХКМ. ЕИК 6259/18 (выступление Н.И. Ласкаржевского в Ефремове 30.08.1972 г.).

Материалы из фондов МБУК «Ефремовский Дом-музей И.А. Бунина».

References

- A v Rossii opiat' okaiannye dni...* [Cursed days again in Russia...]. Digital source. Accessed: <http://memorial.krsk.ru/memuar/Laskarjevskiy.htm> (Accessed on 31 January 2019). (In Russ).
- Baboreko A.K. Poeziia i pravda Bunina: Dnevniki. Vospominaniia i pis'ma sovremennikov [Bunin's poetry and truth: Diaries. Memoirs and letters of contemporaries]. *Pod'em*, 1980, no 1, pp. 132–140. (In Russ).
- Bakhraph A.V. *Bunin v khalate. Po pamiatu, po zapisiam* [Bunin in Dressing Gown. By memory, by records]. Moscow, Vagrius Publ., 2005, 592 p. (In Russ).
- Bunin E.A. *Raskopki dalekoi temnoi stariny, Predisl. i publ. L.K. Kuvanovo* [Excavations of a dark and distant antiquity. Ed. by L.K. Kuvanova]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Bk. 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 224–235. (In Russ).
- Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904* [Letters 1885–1904], ed. by O.N. Mikhailov; ed. and comment. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, 768 p. (In Russ).
- Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 8 t. T. 2: Rasskazy. Povesti. Perevody. 1892–1909* [Collected works: In 8 vols. Vol. 2: Stories. Tales. Translations. 1892–1909], preface by P. Pil'skii, ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1994, 556 p. (In Russ).
- Efremovskii Dom-muzei I.A. Bunina. Arkhiv N.I. Laskarzhevskogo* [Efremov House-Museum of Ivan Bunin. Archive of N.I. Laskarzewskii]. ERHKM. EIK 6259/3 (pis'mo N.I. Laskarzhevskogo v Efremov ot 31.07.1986 g. [Letter by N. Laskarzhevskii to Efremov on 31 July 1986]).
- Efremovskii Dom-muzei I.A. Bunina. Arkhiv N.I. Laskarzhevskogo* [Efremov House-Museum of Ivan Bunin. Archive of N.I. Laskarzewskii]. ERHKM. EIK 6259/14 (gazeta "Zarya kommunizma" ot 5.09.1972 g. ["Zarya kommunizma" newspaper. 05.09.1972]).
- Efremovskii Dom-muzei I.A. Bunina. Arkhiv N.I. Laskarzhevskogo* [Efremov House-Museum of Ivan Bunin. Archive of N.I. Laskarzewskii]. ERHKM. EIK 6259/18 (vystuplenie N.I. Laskarzhevskogo v Efremove 30.08.1972 g. [N. Laskarzhevskii's speech in Efremov. 30 August 1972]).
- Kuznetsova G. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad.* [Grasse diary. Tales. Olive garden]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995, 410 p. (In Russ).
- Materialy iz fondov MBUK "Efremovskij Dom-muzej I.A. Bunina"* [Materials from the collections of MBUK "Efremov House-Museum of Ivan Bunin"].
- Muromtseva V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1989, 512 p. (In Russ).
- Paustovskii K.G. *Sobr. soch.: V 8 t. T. 4* [Collected works: In 8 vols. Vol. 4]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1968, 712 p. (In Russ).
- Zherdeva M.V., Koltygina R.M. *"V rodnuyu gavan'on voshel..." (I.A. Bunin i Kuban')* [“His native Harbor he entered...” (I.A. Bunin and Kuban')]. Krasnodar, 1991, 64 p. (In Russ).

N. LASKARZHEVSKII'S MEMOIRS ON BUNIN IN EFREMOV

© 2019, SVETLANA IVANOVA

Abstract: The article deals with Bunin's contemporaries' memoirs of his stay in Efremov (Tula region). The letters of his nephew Nikolai Iosifovich Laskarzhevskii are described and little known facts about Efremov period in Bunin's life are given. The author has analyzed the archive of N. Laskarzhevskii (House-museum of Ivan Bunin in Efremov), so it will become a base for project documentation for the preserve on the cultural heritage object.

Keywords: N. Laskarzhevskii, Ivan Bunin, nephew, Efremov, reconstruction, research.

Information about the author: Svetlana Ivanova, Director of House-museum of Ivan Bunin in Efremov, Turgeneva str., 47, 301840, Efremov, Russia. E-mail: buninefr@yandex.ru

ТЕМА «БУНИН И ЕВРЕИ» В КОНТЕКСТЕ ВОСПОМИНАНИЙ А. БАХРАХА О ЕГО «ГРАССКОМ СИДЕНИИ»

© 2019, М.Л. УРАЛЬСКИЙ

Аннотация: Статья посвящена анализу фактов пребывания Александра Бахраха под бунинской кровлей — «гравасское сидение», во время фашистской оккупации Франции, описанных в его мемуарах. Показано, что пребывание в доме Буниных позволило Бахраху, как еврею, выжить в годы Холокоста. Как спаситель евреев Иван Бунин вправе быть удостоен почетного звания «Праведника народов мира».

Ключевые слова: Иван Бунин, Александр Бахрах, «Гравасское сидение», «Праведник народов мира», буниноведение, вилла «Жанетт».

Информация об авторе: Марк Леонович Уральский (Dr. Mark Uralski) — доктор технических наук, писатель и публицист, Georg-Grosserstr. 4, 50321 Brühl-NRW, Germany, E-mail: mark.uralski@gmail.com

После опубликования документальных материалов, свидетельствующих о спасении Иваном Буниным евреев в годы Второй мировой войны¹, тема «Бунин и евреи», помимо своего несомненного научно-биографического интереса, приобрела еще определенную общественно-политическую значимость, ибо Иван Бунин таким образом становится номинантом на звание «Праведник народов мира»².

Бунин спас трех человек³, одним из них является Александр Васильевич Бахрах (3 сентября 1902, Киев — 23 ноября 1985, Париж, пох. на клад. Хиетаниemi в Хельсинки). Имя этого публициста, литературного критика и мемуариста Русского Зарубежья, хорошо известно всем, кто интересуется историей русской культуры в изгнании. Он принадлежит к самому молодому поколе-

¹ Уральский М. «Бунин и евреи»: По дневникам, воспоминаниям и переписке современников. СПб.: Алетейя, 2018. 448 с.; Уральский М. Под Бунинской кровлей // Новый журнал. 2016. № 281. С. 202–221; Уральский М. Спасенный Буниным: Александр Борисович Либерман // Русские евреи в Америке (РЕВА). № 10. Торонто-СПб.: Гиперион, 2015. С. 170–188.

² Праведники народов мира (ивр. יְהוָה תָּמֹרֶךְ «хасидей умот ха-олам») — почетное звание, присваиваемое Израильским институтом катастрофы и героизма национального мемориала Катастрофы (Холокоста) и Героизма «Яд-ва-Шем», неевреям, спасавшим евреев от истребления в годы нацистской оккупации Европы (Шоа, Холокаст). Признанные получают именную медаль и Почетную грамоту, а их имена увековечиваются в Яд Вашем на Горе Памяти в Иерусалиме.

³ Имеются в виду пианист Александр Борисович Либерман (1896–1978) и его жена Стефа (1899–1983), которых Бунин укрывал на вилле «Жанетт» во время облав на евреев в 1942 г. См.: Уральский М. Под Бунинской кровлей // Новый журнал. 2016. № 281. С. 202–221; Уральский М. Спасенный Буниным: Александр Борисович Либерман // Русские евреи в Америке (РЕВА). № 10. Торонто; СПб.: Гиперион, 2015. С. 170–188.

нию литераторов-эмигрантов «первой волны». В 1920 г. Бахрах с родителями эмигрировал в Варшаву, в том же году переехал через Берлин в Париж. Учился на юридическом факультете Сорбонны. В 1922 г. поселился в Берлине, стал секретарем берлинского «Клуба писателей» (1922–1923). Писал критические статьи для газеты «Дни». В 1923 г. окончательно перебрался в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Участник литературных собраний «Кочевье» и «Зеленая лампа» (1927–1939). В 1928 г. входил в инициативную группу по организации «Русского художественного цеха». В 1939 г. добровольцем пошел во французскую армию, а после ее капитуляции перед немцами перебрался на юг Франции в Грасс, и все годы войны прожил вместе с Буниными на вилле «Жаннетт». После окончания Второй мировой войны Бахрах недолгое время был близок к движению советских патриотов. Участвовал в создании газеты «Честный слон» (Париж, 1945), работал в редакции газеты «Русские новости». В 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов в знак протesta против исключения из Союза его членов, принявших советское гражданство. Член ревизионной комиссии Объединения русских писателей (1947–1948). В 1950–1960-х гг. проживал в Мюнхене, возглавлял русский литературный отдел радиостанции «Свобода». Печатался в «Русских новостях», «Новом русском слове», журналах «Новоселье», «Мосты», «Континент», «Новом журнале». Многолетний сотрудник газеты «Русская мысль». Автор мемуаров «Бунин в халате» (США, 1979) и «По памяти, по записям. Литературные портреты» (Париж, 1980).

Венцом мемуарной прозы Бахраха является «Бунин в халате». Эта книга, сочетающая в себе два противоположенных, казалось бы, качества — субъективность и достоверность, была на редкость доброжелательно встречена современниками. Воспоминания Бахраха в ней носят характер личных, даже интимных зарисовок, сделанных человеком, общавшимся с Буниными в течение тридцати лет, а в годину лихолетья — немецкой оккупации Франции, жившим с ним вместе под одной крышей. Более того, как сообщал Бахрах в письме к Глебу Струве от 07.09.1976 г., эти зарисовки были сделаны «с натуры», то есть по горячим следам эпизодов и событий, которые в них отражены¹.

Бахрах, по его утверждению, «познакомился с Буниным в Париже в 1923-м году на весьма пышном в эмигрантских условиях балу, ежегодно для пополнения своей кассы устраиваемом “Союзом писателей и журналистов”». <...> <Их> “сближение” <...> произошло почти тотчас же. Это было облегчено тем, что Буини были хорошо знакомы со старшим поколением моего семейства² и его дружеское ко мне отношение я получил, так сказать, “по на-

¹ Хазан В. «Отблеск чудесного» прошлого». Переписка М.А. Осоргина и А.В. Бахраха в годы Второй мировой войны // Новый журнал. 2011. № 262. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/262/ha13-pr.html> (дата обращения: 12.01.2019)

² К сожалению, подробная информация о биографии А.В. Бахраха в литературе отсутствует. По сообщению Г. Суперфина в списке выпускников петербургской гимназии К. Мая за 1913 г.

следству”. Я не могу вспомнить толком, как и под какими предлогами я стал “захаживать” к нему на дом <...> на улице Оффенбаха <...>¹.

«Секретарство» Бахраха, о котором упоминают все солидные биографии Бунина, по всей видимости, было дружеской помощью, оказываемой имени-тому маэстро со стороны молодого начинающего литератора, а не служебной деятельностью, предполагающей ряд взаимных обязательств, в том числе и материального характера. Секретарские обязанности такого рода, щедро оплаченные Буниным, при нем исполнял лишь «Яшенька Цвибак» он же Андрей Седых, однако только в 1933 г., да и то не весь год². Что касается знакомства Бунина с родителями Бахраха, то в обширной литературной буниниане этот факт нигде не отмечен. Имя «Александр Бахрах» впервые появляется в дневниковых записях Буниных только в 1940 г.³.

Уникальными являются те части книги «Бунин в халате», которые относятся к периоду 1940–1944 гг. Эти годы Бахрах провел под бунинской кровлей, которая, как следует из анализа реальной ситуации тех лет, являлась для него в буквальном смысле спасительной⁴:

«Когда я очутился на “Жаннетте” <22 сентября 1940 года. — М.У.>, бунинское “семейство” состояло из четырех человек. Кроме самих Буниных у них жила поэтесса Галина Кузнецова и ее подруга — сестра философа Степуна, Марга, певица, обладавшая сильным характером и недюжинным голограмом, в прошлом выступавшая на некоторых провинциальных немецких оперных сценах, а теперь услаждавшая редких гостей пением <...>. Непременный член бунинского окружения, Зуров, тогда еще отсутствовал, он находился на излечении в какой-то санатории и появился несколько позже»⁵.

Вскоре к бунинскому «семейству» присоединился и страстно опекаемый Верой Николаевной Леонид Зуров.

Бахрах уважительно, но без какой-либо лакировки, рисует психологический портрет капризного, склонного затевать ссоры по мелочам Бунина. Хо-

значится, как отец А.В. Бахраха, некто Василий Аронович Бахрах 1872 г. р., купец 1-й гильдии из г. Каунас. См.: *Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Часть I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918*. СПб.: Наука, 2005. 547 с. Других сведений, касающихся старшего поколения семейства Бахрах, автору обнаружить не удалось.

¹ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Джерси (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 6.

² Уральский М. «Бунин и евреи»: По дневникам, воспоминаниям и переписке современников. СПб.: Алетейя, 2018. С. 142–153; Уральский М., Новак М. «Новое русское слово»: 1910–1985 годы. Часть 2.: Андрей Седых // Новый журнал. 2015. № 280. С. 268–284.

³ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под ред. Милицы Грин. Т. III. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. С. 74.

⁴ Уральский М. Под Бунинской кровлей // Новый журнал. 2016. № 281. С. 202–221.

⁵ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Джерси (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 14.

зянин дома, «князь», как его за глаза именовали домочадцы¹, конфликовал главным образом с Леонидом Зуровым. По утверждению Бахраха, вполне подтверждающему высказываниями самого Бунина (см., например, выдержку из его письма к М.С. Цетлинской от 19.04.41 г.: «<Вы> верите этому наглому хаму Зурову, который опять влез в мой дом и, живя за 10 франков в сутки совершенно на всем готовом, распоряжается *полностью* не только Верой Никлаевной, но всем моим домом и орет на меня»)², — он выказывал жгучую неприязнь к «человеку, который уже годами живет под его крышей (а Зуров с редкими промежутками прожил у Буниных до самой их смерти, унаследовал часть их парижской квартиры, а заодно с ней и архив Ивана Алексеевича), человеку, которого он сам выписал из прибалтийских стран, которому по началу он всячески литературно покровительствовал. <...> отношения между ними были не только нелегкими, но настолько запутанными, что распутать их уже не было возможности»³.

Сам же Бахрах, судя по дневникам и переписке Буниных, вел себя исключительно выдержанно и предупредительно и, несмотря на накаленную в эмоционально-психологическом отношении атмосферу в бунинском доме, за все время «грасского сидения» ни с кем не ссорился. Что касается обстоятельств его появления под бунинской кровлей, то он утверждает, что отнюдь не обращался к Бунину «с просьбой приютить меня», и вовсе не «скрывался» у него в доме от нацистов: «На “Жаннетте” я всегда жил легально, под своим именем, имел все виды продовольственных карточек, получал письма, даже подружился с местным полицейским комиссаром. А когда появились немцы», — он был «признан непригодным» для отправки на работы в Германию и эта, как он утверждает, «бумажонка» спасла его: «когда совсем перед освобождением <он> был арестован “эсэсами”. <...> Можно ли тогда говорить о том, что я “скрывался”?» — задает своим читателям риторический вопрос Бахрах. Буквально через год, однако, в своей следующей книге «По памяти, по записям» (1980), в эссе «Последний день Бунина» Бахрах оценивает свое пребывание на вилле «Жаннетт» уже совсем по-иному: «Одной из больших удач моей жизни я считаю встречи, а иной раз — говорю это без преувеличения или желания прихвастинуть — и очень дружеские отношения с рядом людей, которых принято называть “людьми выдающимися”. Одним из них был Иван Алексеевич Бунин, которому я очень, очень многим обязан (*кто знает, может быть, даже жизнью*) <курсив мой. — М.У.>»⁴.

¹ Муравьева-Логинова Т.Д. Живое прошлое: Воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 312.

² Винокур Надежда. Новое о Буниных (письмо № 8) // Семь искусств. 2015. № 1 (59): URL: <http://7iskusstv.com/2015/Nomer1/NVinokur1.php>

³ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Джерси (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 20.

⁴ Бахрах А.В. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. С. 9.

Бахрах явно не желал углублять тему своего нравственного долга перед Бунином. Однако простой анализ фактов показывает, что в годы «грасского сидения» Александр Бахрах являлся самым уязвимым членом бунинской «коммуны» и: «Несмотря на то, что под бунинской кровлей он оказался, по собственным словам, забронирован “чистейшим арийством и комбатантностью”¹, и мимо него <якобы! — М.У.> пронеслись “все враждебные вихри” (из письма Осоргину от 4 октября 1942 г.) <...>, <он> испытал душевные муки <...> от тупикового и бездейственного существования. Это был собственный горький “военный” опыт, приобретенный в “неносные годы оккупации”, пусть в обстоятельствах, далеких от линии фронтового огня, однако потребовавший нелегких драматических испытаний, неизбежных жертв и потерь и оплаченный тревогой за судьбу близких людей, оставшихся в оккупированной зоне, собственными отчаянием и страхом быть в любую минуту арестованным и депортированным в лагерь смерти. Письма этой поры полны обменом известий о родственниках, друзьях и знакомых, которых постигла трагическая участь»².

Андрей Седых вспоминает, что в 1942 г. в Ницце Бунин ему жаловался: «Плохо мы живем в Грассе, очень плохо. <...> Живем мы коммуной. Шесть человек. И ни у кого гроша нет за душой <...>. Один вот приехал к нам по гостить денька на два... Было это три года тому назад. С тех пор вот и живет, гостит. Да и уходить ему, по правде говоря, некуда: еврей. Не могу же я его выставить...»³.

В контексте нашей темы нельзя не отметить, что Александра Бахраха, который, видимо, числился по документам лютеранином, все в его эмигрантском окружении считали евреем. Например, Марк Алданов, обращаясь в письме от 22 августа 1950 г. к их общему хорошему знакомому Илье Троцкому⁴ с просьбой подключиться к кампании по оказанию материальной помощи больному Бунину, делает особый акцент на его в высшей степени достойном поведении в годы войны: «не только ни одной строчки при Гитлере не напечатал, но и кормил и поил несколько лет других людей, в том числе одного писателя-еврея <имеется в виду А.В. Бахрах. — М.У.>»⁵.

¹ Здесь имеется в виду, что Бахраху удалось добиться у местного начальства признания его «комбатантом» — т.е. бывшим военнослужащим в действующей армии, имеющим согласно Женевской конвенции в этом качестве особый юридический статус.

² Хазан В. «Отблеск чудесного» прошлого». Переписка М.А. Осоргина и А.В. Бахраха в годы Второй мировой войны // Новый журнал. 2011. № 262. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/262/ha13-pr.html> (дата обращения: 12.01.2019).

³ Седых А. Далекие, близкие: воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 212.

⁴ Уральский М. Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. М.; И.: Мосты культуры — Гешарим, 2017. 704 с.

⁵ Там же.

Леонид Зуров сообщает в письме к Милице Грин от 02.11.1954 г., что: «Во время немецкой оккупации на бунинской вилле скрывался наш общий знакомый журналист, еврей (его даже Вера Николаевна Бунина перевела из лютеранства в православие) и бежавший из Канн во время арестов *<евреев. — M. Y.>* один пианист с женой (сейчас они в Америке)¹»².

В этом отрывке из письма бросается в глаза сочетание «знакомый журналист, еврей», то есть человек, исповедующий иудаизм, и «перевела из лютеранства в православие». По российским законам (как, впрочем, и по еврейским) выкrest любой христианской конфессии евреем уже не считался. Но в массовом сознании еврей всегда оставался евреем, что вполне невинно, без уничтожительной коннотации, демонстрирует такой культурный человек, как Леонид Федорович Зуров. Урожденное еврейство навряд ли отягчало житие-бытие Бахраха на Лазурном берегу под итальянской оккупацией³. Однако с приходом немцев, буквально вынуждавших повсюду *любых* евреев, он, обладая выраженной, с точки зрения «арийских стандартов», еврейской внешностью, нуждался в дополнительном подтверждении своего *не*иудейства. С этой целью и был, скорее всего, организован его переход из лютеранства в православие — акт, который должен был в глазах «наци» удостоверять его арийство.

К Буниным Бахрах попал 22 сентября, а не «поздней осенью», как сказано в книге «Бунин в халате» — судя по началу его письма Осоргину от 23 сентября 1940 г.: «Только вчера приехал в Грасс». Рассчитывая первоначально на короткую остановку, Бахрах «задержался» надолго.

«Я забрел сюда на день, другой, — писал он Осоргину 30 сентября 1940 г., — и встретил столько ласковости и теплоты, что застрял уже на неделю и, вероятно, пробуду еще несколько дней». «Несколько дней», однако, растянулись на годы: Бахрах провел в доме Бунина более четырех лет, вплоть до освобождения Франции. Покинул Грасс он 23 октября 1944 г. См. в письмах Бунина Б. Зайцеву — соответственно от 22 и 26 октября 1944 г.: «Милый друг, пишу тебе с Александром Васильевичем Бахрахом, который завтра покидает нас после нашего четырехлетнего сожительства, летит “в пыли, на тройке борзой” в Париж»; «В доме стало еще более пусто — 23-го уехал в Париж Бахрах — навсегда...»⁴.

¹ Речь идет о пианисте Александре Борисовиче Либермане и его жене Стефе.

² Varley K. Between Vichy France and Fascist Italy: Redefining Identity and the Enemy in Corsica during the Second World War // Journal of Contemporary History. 47:3 (2012). P. 505–527.

³ Итальянские военные категорически отказывались проводить политику геноцида в отношении евреев.

⁴ Хазан В. «Отблеск чудесного» прошлого». Переписка М.А. Осоргина и А.В. Бахраха в годы Второй мировой войны // Новый журнал. 2011. № 262. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/262/ha13-pr.html> (дата обращения: 12.01.2019).

Бахрах, навсегда выпорхнув из-под «бунинской кровли», отправился в только что освобожденный от немцев Париж. Его дружеские отношения с Буниными все годы их последующей жизни не прерывались, и он был последним посторонним человеком, который посетил Бунина накануне его кончины.

Итак, по каким-то соображениям, о которых можно только гадать, Александр Бахрах считал за лучшее не выписывать в своей биографии страницы, касающиеся роли «бунинской кровли» в его выживании как еврея во время оккупации Франции. Заявив на весь мир, что в годы нацистского террора против евреев его жизни ничто не угрожало, он тем самым как бы вычеркнул Буниных из списка «Праведники народов мира». Однако все, что известно о «грасском сидении» Бахраха, свидетельствует о том, что ему на самом деле *некуда было идти* и, конечно же, он должен был *затаиться* в тихом месте, чтобы как можно меньше попадать в поле зрения вишистских и немецких властей. Таким местом оказалась Бунинская кровля. Конечно, и здесь над ним постоянно довлела опасность оказаться изобличенным в «еврействе» по доносу какого-либо знакомого из числа русских эмигрантов, быть арестованным и депортированным в концлагерь. Эта скорбная участь постигла немало его хороших знакомых, в том числе и христианского вероисповедания¹. Что касается Буниных, то, случись такое несчастье, им тоже пришлось бы не сладко. Русские беженцы, живущие на вилле, принадлежащей какой-то англичанке, то есть врагу, и укрывающие у себя еврея, они в такой ситуации были практически беззащитны. Приютив Александра Бахраха, а также, как отмечалось выше, супругов Либерман, Иван Алексеевич и Вера Николаевна Бунины совершили гражданский подвиг, о котором надо помнить и рассказывать подрастающим поколениям. Настало время, опираясь на факты, исправить историческую несправедливость, основанием для которой послужили недостоверные сведения о «грасском сидении», обнародованные Бахрахом.

Литература

Бабореко А.К. Бунин: жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Джерси (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.

Бахрах А.В. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. 204 с.

Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Часть I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб.: Наука, 2005. 547 с.

¹ В нацистских концлагерях погибло немало русских эмигрантов-христиан еврейского происхождения, среди них в частности последняя жена В. Ходасевича Ольга Борисовна Марголина (1890–1942), хорошая знакомая Бахраха.

Муравьева-Логинова Т.Д. Живое прошлое: Воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных. Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М.: Наука, 1974. 551 с.

Российское зарубежье во Франции (1919–2000): биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

Седых А. Далекие, близкие: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 269 с.

Уральский М. «Бунин и евреи»: По дневникам, воспоминаниям и переписке современников. СПб.: Аллестейя, 2018. 448 с.

Уральский М. «Милая и дорогая Марья Самойловна». Письма Веры Буниной к Марии Цетлиной 1940–1946 // Знамя. 2017. № 4. С. 162–192.

Уральский М. Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. М.; И.: Мосты культуры — Гешарим, 2017. 704 с.

Уральский М. Под Бунинской кровлей // Новый журнал. 2016. № 281. С. 202–221.

Уральский М. Спасенный Бунином: Александр Борисович Либерман // Русские евреи в Америке (РЕВА). № 10. Торонто; СПб.: Гиперион, 2015. С. 170–188.

Уральский М., Новак М. «Новое русское слово»: 1910–1985 годы. Часть 2: Андрей Седых // Новый журнал. 2015. № 280. С. 268–284.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt-amMain: Посев, 1977–1982.

Хазан В. «Отблеск чудесного прошлого». Переписка М.А. Осоргина и А.В. Бахракха в годы Второй мировой войны // Новый журнал. 2011. № 262. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/262/ha13-pr.html> (дата обращения: 12.01.2019).

Varley K. Between Vichy France and Fascist Italy: Redefining Identity and the Enemy in Corsica during the Second World War // Journal of Contemporary History. 47:3 (2012). P. 505–527.

References

Baboreko A.K. *Bunin: zhizneopisanie* [Bunin: A Biography]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 457 p. (In Russ.)

Bakhraph A.V. *Bunin v khilate. Po pamiatu, po zapisiam* [Bunin in a dressing gown. By memory, by records]. New Jersey, Tovarishchestvo zarubezhnykh pisatelei Publ., 1979. 176 p. (In Russ.)

Bakhraph A.V. *Po pamiatu, po zapisiam: Literaturnye portrety* [By memory, by records: Literary portraits]. Paris, La presse libre, 1980. 204 p. (In Russ.)

Blagovo N.V. *Shkola na Vasil'evskom ostrove. Istoricheskaiia khronika. Chast' I: Gimnaziia i real'noe uchilishche Karla Maia v Sankt-Peterburge. 1856–1918* [School on Vasilyevsky Island. Historical Chronicle. Part I: The gymnasium and the Realschule of Karl May in St. Petersburg. 1856–1918]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005. 547 p. (In Russ.)

Khazan V. “Otblesk chudesnogo proshloga”. Perepiska M.A. Osorgina i A.V. Bakhrakha v gody Vtoroi mirovoi voiny [“Reflection of a wonderful past”. Correspondence between M.A. Osorgin and A.V. Bakhrakh during the Second World War]. *Novyi zhurnal*, 2011, no 262. Available at: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/262/ha13-pr.html> (Accessed 12 January 2019). (In Russ.)

Murav'eva-Loginova T.D. *Zhivoe proshloe: Vospominaniia ob I.A. i V.N. Buninakh*. [Living Past: Memories of Ivan and Vera Bunin]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 84. Bk. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974. 551 p. (In Russ.)

Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii (1919–2000): biograficheskii slovar': V 3 t. [Russian emigration in France (1919–2000): a biographical dictionary: In 3 vols.], ed. by L. Mnukhin, M. Avril', V. Losskaya. Moscow, Nauka Publ. Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008–2010. (In Russ.)

Sedykh A. *Dalekie, blizkie: vospominaniia* [Far, near: memoirs]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 269 p. (In Russ.)

Ural'skii M. "Bunin i evrei": Po dnevnikam, vospominaniam i perepiske sovremenников ["Bunin and the Jews": diaries, memoirs and correspondence of the contemporaries]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2018. 448 p. (In Russ.)

Ural'skii M. «Milaia i dorogaia Mar'ia Samoilovna». Pis'ma Very Buninoi k Marii Tsetlinoi 1940–1946 ["Sweet and dear Marya Samoilovna." Letters of Vera Bunina to Maria Tsetlina 1940–1946]. *Znamia*, 2017, no 4, pp. 162–192. (In Russ.)

Ural'skii M. *Neizvestnyi Trotskii: Il'ia Trotskii, Bunin i emigratsiia pervoi volny* [Unknown Trotsky: Ilya Trotsky, Bunin and the first wave of emigration]. Moscow; Jerusalem, Mosty kul'tury — Gesharim Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

Ural'skii M. *Pod Buninskoi krovlei* [Under the Bunin's roof]. *Novyi zhurnal*, 2016, no 281, pp. 202–221. (In Russ.)

Ural'skii M. *Spasennyi Buninym: Aleksandr Borisovich Liberman* [Saved by Bunin: Alexander Lieberman]. *Russkie evrei v Amerike* (REVA). № 10. Toronto—Saint Petersburg, Giperion Publ., 2015, pp. 170–188. (In Russ.)

Ural'skii M., Novak M. "Novoe russkoe slovo": 1910–1985 gody. Chast' 2: Andrei Sedykh ["New Russian word": 1910–1985. Part 2: Andrei Sedykh]. *Novyi zhurnal*, 2015, no 280, pp. 268–284. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

Varley K. Between Vichy France and Fascist Italy: Redefining Identity and the Enemy in Corsica during the Second World War. *Journal of Contemporary History*, Vol. 47, no 3 (2012), pp. 505–527. (In English)

"BUNIN AND THE JEWS" THEME IN THE CONTEXT OF THE A. BAKHRAKH MEMOIRS ABOUT HIS "GRASSE SITTING"

© 2019, MARK URALSKY

Abstract: The article is devoted to the analysis of the facts of the stay of Alexander Bakhrakh in the Bunins house — the so-called "Grasse sitting", which occurred during the fascist occupation of France, described in his memoirs. It is shown that the stay in the Bunin house allowed Bakhrakh, who was a Jew, to survive during the Holocaust years. As the savior of the Jews, Ivan Bunin has the right to be awarded the honorary title of "The Righteous Among the Nations of the World."

Keywords: Ivan Bunin, Alexander Bakhrakh, "Grasse sitting", "The Righteous Among the Nations of the World", Bunin studies, "Jeanette" villa.

Information about the author: Mark Uralski, Doctor of Technical Sciences, writer and publicist, Georg-Grosser str. 4, 50321 Brühl-NRW, Germany. E-mail: mark.uralski@gmail.com

БУНИН И ЧЕХОВ: К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ

© 2019, Л.А. МАРТЫНОВА

Аннотация: Статья посвящена книге И.А. Бунина «О Чехове» и тому, какую роль в ее создании и структуре сыграл мемуарный текст Л.А. Авиловой, почти полностью помещенный Бунином в эту книгу. Воспоминания Авиловой «А.П. Чехов в моей жизни» придали работе Бунина над книгой о Чехове новый импульс, заставили поменять ее структуру и изменить давно сложившееся у писателя мнение и по поводу сердечных привязанностей, и по поводу образа Чехова вообще. Помещенные в книгу Бунина о Чехове мемуары Авиловой стали ее эмоциональным центром. Выстраивая книгу таким образом, Бунин ломает многие стереотипы: и композиционные, и мемуарные, и смысловые, «переформатируя» мемуарный образ Чехова, открывая и утверждая иные биографически важные точки его жизни. Также рассматриваются причины такого доверия Бунина к мемуарам Авиловой. Особое место в статье занимает анализ текста Авиловой, который рассматривается как романский, беллетристический, с определенными сюжетными линиями, хронотопом и композиционными приемами.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Л.А. Авилова, мемуары, воспоминания, беллетристический текст, автобиографическое пространство, автобиографический текст, биографический факт, биографическая легенда, прото событие, романский пласт, мемуарный пласт, достоверность.

Информация об авторе: Лариса Анатольевна Мартынова — кандидат филологических наук, ГМИРЛИ им. В.И. Даля, Дом-музей А.П. Чехова, E-mail: larissa.m@mail.ru

И.А. Бунин познакомился с А.П. Чеховым в 1895 г., сблизился с ним в начале 1900-х гг., неоднократно бывал и жил в его доме в Ялте, хорошо и по-доброму общался с его семьей. Так в письме своему брату Ю.А. Бунину Иван Алексеевич пишет 8 апреля 1901 г.: «В Ялте давно. Тут Книппер и Марья Павловна. У Чеховых я как родной»¹. Бунин переписывался с Марьей Павловной и после смерти Чехова. Известны 14 писем Чехова к Бунину (1891, 1901, 1902, 1904) и 17 писем Бунина к Чехову за те же годы.

Бунин начал работать над воспоминаниями о Чехове в августе 1904 г. для «Сборника товарищества «Знание» за 1904 г., посвященного Чехову, где они и были опубликованы². В октябре Бунин закончил эту работу. 24 октября 1904 г.

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 369

² Бунин И. Памяти Чехова // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. Кн. 3. СПб.: Товарищество «Знание», 1905. С. 247–268.

он читал свои воспоминания в Обществе любителей российской словесности. Правда, 4 ноября 1904 г. Бунин жалуется К.П. Пятницкому: «Воспоминания о Чехове на днях вышло. В рукописях и письмах его Ольга Леонардовна и Марья Павловна мне отказали»¹. Из чего можно сделать вывод, что Бунин очень серьезно отнёсся к этой работе о Чехове и хотел быть как можно более точным и глубоким.

Широкое распространение и определённую «текстовую закрепленность» воспоминания Бунина о Чехове получили в 1954 г., будучи напечатанными в третьем издании сборника «Чехов в воспоминаниях современников», текст которых — перепечатка его воспоминаний, опубликованных в 1915 г. в составе собрания сочинений писателя в шести томах. Воспоминания состояли из 2 частей (11 страниц): 1-я часть — «Чехов», датированная «Москва IX.1904» и 2-я часть — «Из записной книжки», датированная «VI. 1914» и впервые опубликованная в 1914 г. во втором сборнике «Слово».

И именно в этой публикации Бунин смело, пожалуй, единственный из всех мемуаристов того времени, касается темы любви в жизни Чехова и задает прямой вопрос: «Была ли в его жизни любовь страстная, “романтическая”, слепая?». И в следующем абзаце отвечает: «Думаю, что нет. И это очень знаменательно. А жаждать такой любви он, несомненно, мог. Удивительно знал он женское сердце, тонко и сильно чувствовал женственность, среди образов, рождавшихся в его мечте, есть образы пленительные. Много было любивших его, и редко кто умел так, как он, говорить с женщинами, трогать их, входить к ним в душевную близость. Не в том ли разгадка, что уж очень зоркие глаза дал ему Бог?»². То есть Бунин утверждает, что Чехов не мог по-настоящему полюбить, потому, что очень хорошо видел и чувствовал все недостатки женщин. Именно поэтому ниже в своем тексте, закрывая тему любви в жизни Чехова, он приводит хорошо известное сегодня высказывание Чехова из его записной книжки: «Любовь — это или остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь»³. В следующем издании сборника «Чехов в воспоминаниях современников» 1960 г. воспоминания Бунина расширяются до 17 страниц, носят название «Чехов. Дополнения». Это тоже, как и в первый раз, перепечатка. В этом случае — переработанных воспоминаний из собрания сочинений 1915 г., опубликованных в Париже в 1950 г.⁴

Вопрос о любви в жизни Чехова оставлен и в этом варианте, но эмоционально-выразительные эпитеты к слову «любовь» первого варианта («романтическая, страстная, слепая») заменены на одно емкое определение: «Была

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 449.

² Чехов в воспоминаниях современников. 3-е изд, доп. М.: ГИХЛ, 1954. С. 486.

³ Там же.

⁴ Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1950.

ли в его жизни хоть одна большая любовь? Думаю, что нет». И — никаких рассуждений по поводу любви, какие были в первом варианте! Далее идет только цитата о любви из записных книжек Чехова, уже приведенная Буниным в первом варианте и процитированная нами выше. Как видим, высказывание Бунина о любви Чехова лаконично и за счет этого более безапелляционно. Однако несколько позже, по свидетельству В.Н. Буниной, Иван Алексеевич подчеркнул эти слова в своей книге красным карандашом и на нижнем поле страницы твердым почерком написал: «Нет, была. К Авиевой». Что же произошло? Почему Иван Алексеевич изменил свое суждение?

В 1952 г. здоровье Ивана Алексеевича резко ухудшилось. Он почти не вставал с постели, но с помощью Веры Николаевны работал над своими книгами, готовя их к посмертному, как он говорил, изданию. Работал он и над новой книгой воспоминаний о Чехове. Во вступлении к книге Бунина «О Чехове» В.Н. Бунина пишет: «А здоровье его все время слабело, он боялся — хватит ли сил? Но тем не менее с большим вниманием он продолжал делать заметки, перечитывать произведения и письма Чехова. Его колебания продолжались до тех пор, пока он не прочел воспоминания Л.А. Авиевой.

Вот как об этом записал Иван Алексеевич: “Сегодня Зуров принес мне книгу “Чехов в воспоминаниях современников” со словами: “Прочтите прежде всего “Чехов в моей жизни” Авиевой, я ничего лучше не читал из женских воспоминаний, — необыкновенно талантливо, живо написано, с внутренней правдивостью, с исключительной деликатностью”. Я очень заинтересовался, так как Лидию Алексеевну я знал еще в молодых годах, а в эмиграции мы даже переписывались, но я ничего никогда не слыхал о ее отношениях с Чеховым”.

Прочитав с изумлением эти воспоминания, Иван Алексеевич твердо решил “дописать” о Чехове и написать о Л.А. Авиевой, которую всегда чрезвычайно ценил¹.

Таким образом, прочитанные Бунином воспоминания Авиевой становятся в прямом смысле катализатором его работы над книгой о Чехове, окрашивают ее новыми красками. И то, что он написал когда-то карандашом внизу страницы своих старых воспоминаний, в его новой книге о Чехове обретает весомость и определенность. Бунин пишет: «А ведь до сих пор многие думают, что Чехов никогда не испытал большого чувства.

Так думал когда-то и я.

¹ Вступление В.Н. Буниной // Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись / Предисл. М.А. Алданова; вступит. статья В.Н. Буниной, послесл. от издательства. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 22–23. Речь идет о втором издании сборника «Чехов в воспоминаниях современников», вышедшем в 1952 г. Именно по этому изданию Бунин познакомился с воспоминаниями Авиевой.

Теперь же я твердо скажу: испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Ави-ловой»¹.

Таким образом, воспоминания Ави-ловой «А.П. Чехов в моей жизни» не только дали Бунину новый импульс к работе о Чехове, но и заставили его переменить давно сложившееся у него мнение и по поводу сердечных привязанностей Чехова, и по поводу его образа вообще. Под их влиянием Бунин, во-первых, перестраивает всю структуру задуманной им книги о Чехове, во-вторых, что беспрецедентно, он помещает в главу VI своего труда практически полностью, с небольшими купюрами, весь текст Ави-ловой.

Вообще, в связи с этим интересна сама структура незавершенной книги Бунина «О Чехове», изданной уже после его смерти В.Н. Буниной. Основной текстовой корпус предваряет «Предисловие» М. Алданова и «Вступление» В.Н. Буниной. В своем «Предисловии», весьма пространном и композиционно неровном, Алданов посвящает большому блоку главы VI всего лишь следующие строки: «В.Н. Бунина ниже сообщает о материалах этой книги, выходящей посмертным изданием. Особое место в ней занимают письма Л.А. Ави-ловой. Читатели с волнением прочтут историю любви к ней Чехова»². Но вот «Вступление» самой В.Н. Буниной в связи с изучаемой нами темой весьма интересно. Его условно можно разделить на 3 части. В первой Вера Николаевна сообщает, какое огромное впечатление произвели на Бунина воспоминания Ави-ловой о Чехове и какой эмоциональный толчок они придали всей его работе. Во второй части она говорит о том, как и когда познакомились Бунин и Ави-лова, рассказывает о встречах семьи Буниных с семьей Ави-ловой, о взаимных визитах и разговорах. Из этих воспоминаний Веры Николаевны можно понять, что общение двух семей было очень дружеским и теплым. Так, например, Вера Николаевна была на отпевании мужа Ави-ловой, а Лидия Алексеевна в трудные революционные времена заходила к родителям Веры Николаевны. В письме Буниным в Париж от 10 ноября 1922 г. Лидия Алексеевна пишет: «Перед отъездом была у Лидии Федоровны <мать В.Н. Буниной> и могу сообщить Вам, что она бодра, мало изменилась... Попала я как раз в день рождения отца Веры Николаевны <праздновали 70-летие Николая Андреевича Муромцева>, было много гостей <...>»³. Написана эта часть «Вступления» ярко, с диалогами, которые, безусловно, оживляют и картину встреч, и сам образ Ави-ловой, но, конечно же, не являются документальными. В третьей части «Вступления» Вера Николаевна сообщает о том, какие книги о Чехове последнего времени попали к Бунину, и, в первую очередь, «Письма Чехова», как Иван Алексеевич внимательно с ними знакомился и просил делать выписки, чтобы использовать их в своей работе. То есть эти три части «Вступления», по сути, объясняют струк-

¹ Бунин И.А. О Чехове. Нью-Йорк, 1955. С. 135.

² Алданов М.А. Предисловие // Бунин И.А. О Чехове. С. 16.

³ Бунин И.А. О Чехове. С. 184.

туру книги «О Чехове», которую «собрала» В.Н. Бунин. И важно то, что «конспект» этой «сборки» сделал сам Бунин. Вот, что мы читаем во «Вступлении»: «Иван Алексеевич уже вплотную засел за работу: в книге он решил соединить многое из того, что он когда-либо писал о нем с тем, что после прочтения изумительных воспоминаний Авиловой открылось ему (как и все то, что он при чтении писем Антона Павловича вспомнил)»¹.

«Он попросил меня переписать ее письма, где ярко проявляется личность этой незаурядной, одаренной женщины.

“Ведь всем будет интересно знать, что за женщина, которую Чехов любил, — сказал тогда Иван Алексеевич и добавил при этом: — Так вот почему он так долго не женился...”»².

«В VII главу первой части книги вошли письма Лидии Алексеевны Авиловой, которые Иван Алексеевич думал включить в книгу о Чехове»³.

Это 10 писем Авиловой к Бунинным 1922–1923 гг., никак не связанные с Чеховым, но немало дающие для представления о самой Авиловой. То есть, другими словами, и для самого Бунина, и для Веры Николаевны тот материал, который связан с Лидией Алексеевной Авиловой, стал в незаконченной рукописи о Чехове очень значимым. С одной стороны, помещенные Бунином в книгу «О Чехове» письма и воспоминания Авиловой стали эмоциональным центром этой книги. С другой стороны, Бунин благодаря такому содержательно-композиционному ходу сознательно в своей работе нарисовал другого Чехова, сделав любовь эмоциональным, смысловым центром его жизни. В.Н. Бунина писала: «В 1953 году, перечитывая воспоминания Авиловой и делая на страницах многочисленные отметки, Иван Алексеевич говорил, что он теперь по-новому почувствовал скрытую от всех внутренне целомудренную жизнь Чехова»⁴.

Бунин, компонуя материал своей книги вокруг помещенных в неё почти без изменений воспоминаний Авиловой, прекрасно понимал, что ломает многие стереотипы: и мемуарные, и композиционные, но, в первую очередь, — смысловые, «переформатируя» мемуарный образ Чехова, открывая и утверждая иные биографически важные точки его жизни. «И до чего все было сложно. Разве можно после опубликования воспоминаний Авиловой серьезно говорить о Мизиновой»⁵, — писал Бунин. Таким образом, он вычеркивает из жизни Чехова О.Л. Книппер, зачеркивает Л.С. Мизинову и легитимирует взаимную любовь Авиловой и Чехова.

«Бунин был до мозга костей литератором...»⁶, — писал в своих воспоминаниях Г. Адамович. Именно поэтому Бунину с его художественной воспри-

¹ Вступление В.Н. Буниной // Бунин И.А. О Чехове. С. 28.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Бунин И.А. О Чехове. С. 157.

⁶ Адамович Г. Сомнения и Надежды / Сост., вступит. статья и comment. С. Федякина. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 125.

имчивостью, работающему над книгой (именно книгой, а не воспоминаниями!) о Чехове, не хватало в жизненной канве Антона Павловича личного, интимного аспекта. Да, до воспоминаний Авиловой он не мог найти этого «сюжета» в жизни Чехова, по крайней мере, такого, каким он его представлял.

И, в первую очередь, не видел (а он многому был свидетель) ничего романтического в отношениях Антона Павловича с Ольгой Леонардовной Книппер ни до их свадьбы, ни после нее. К слову сказать, Ольга Леонардовна в своих воспоминаниях, которые печатались в тех же сборниках «Чехов в воспоминаниях современников», что и воспоминания Авиловой, не раскрыла, не посчитала нужным и возможным показать какие-то личные, интимные переживания в отношениях с Чеховым. И, наверное, не потому что нечего было рассказать (их переписка как раз говорит об обратном), но именно потому, что нагло закрыла для чужих глаз эту тему. И вот «историю любви», да еще и тайную, мучительно нереализованную, взаимную Бунин находит в мемуарах Авиловой, называя их не иначе, как исповедь.

Более того, Иван Алексеевич настолько доверяет Авиловой и тому, что она пишет, что включает в свою мемуарную книгу текст ее воспоминаний почти полностью и не позволяет себе усомниться в их правдивости. Он пишет: «Чувствую, что некоторые спросят: а можно ли всецело доверять ее воспоминаниям?

Лидия Алексеевна была необыкновенно правдива. Она не скрыла даже тех отрицательных замечаний, которые делал Чехов по поводу ее писаний, как и замечаний о ней самой. Редкая женщина!»¹. Доверие Бунина к мемуарам Лидии Алексеевны Авиловой происходит еще и потому, что он очарован этой женщиной: «В ней все было очаровательно: голос, некоторая застенчивость, взгляд чудесных серо-голубых глаз...

И как хороша была она в трауре по ее рано умершему развязному мужу <...>.

Для меня целовать ее нежную благородную руку было всегда истинно счастьем»².

Воспоминания Авиловой, пожалуй, единственные в этом сборнике, о которых Бунин отзывается благосклонно. Многое из напечатанного там заслуживает самой низкой его оценки, на страницах рядом появляются такие подписи, как «вздор», «брехня!», «фу!», «никогда этого не было», «все выдумано», «все ложь», «никогда они этого не говорили».

Так что же представляют собой сами воспоминания Авиловой? Основной корпус воспоминаний Авилова закончила в 1940 г., когда ей было 76 лет и назвала их «А.П. Чехов в моей жизни». В этих воспоминаниях, напечатанных в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников» и прочитанных Буниным, обращают на себя внимание два факта. Во-первых, не может не

¹ Бунин И.А. О Чехове. 1955. С. 135.

² Там же. С. 136–137.

удивлять объем текста Авиловой по сравнению с другими воспоминаниями, входящими в сборник. Это 90 (в издании 1952 — 68 стр.) страниц при общем объеме книги 682 страницы (в издании 1952 — 568 стр.) и 37 авторах (в издании 1952 — 29 авторов). Для сравнения: у Станиславского воспоминания занимают 12 страниц, у Немировича — 20, у Книппер-Чеховой — 21 страницу. Во-вторых, на фоне названий других авторов сборника («О Чехове», «А.П. Чехов», «Антон Павлович Чехов», «Несколько лет с Чеховым», «Две встречи», «Из воспоминаний о былом», «О встречах с Чеховым») название Авиловой «А.П. Чехов в моей жизни» говорит о личностном посыле и открытости мемуаристки. Таким заглавием заявлено разрушение канонических условных рамок жанра воспоминаний. Задача мемуариста, создающего воспоминания о современнике, — рассказать о каком-то факте из биографии писателя, ситуации, событии, свидетелем которого он был, показать манеру и стиль поведения, особенности общения, речи, то есть добавление новых штрихов и красок, восполнение пробелов и лакун в представлениях о его образе жизни, окружении, творческом мире и т.д. Конечно, в каждом мемуаре неизбежны оценочность и определенная степень субъективности. Но в целом мемуарист внутренне всё же настроен на достоверность. Что же происходит с воспоминаниями Авиловой? В центр своих мемуаров она сознательно ставит себя, и об этом однозначно говорит выбранное ею название. Главным становится не рассказ о Чехове, а она сама. Это, пожалуй, первый случай, когда в мемуарах сознательно и открыто вектор перенесен с Чехова на мемуариста. Под влияние этого посыла попадает Бунин. Он, конечно, видит, что главный герой этих воспоминаний не Чехов, а Авилова. Но именно это ему и нужно: в частном событийном пространстве рядом с Чеховым появляется интересная значимая фигура, привязанная к Чехову, связанная с ним глубокими чувствами.

Интересно, что первоначально Авилова пишет некий текст, который сама называет «О любви». Уже само заглавие однозначно заявляет главную тему этого текста, претендующего, однако, на воспоминания. И, конечно же, нельзя не заметить, что это заглавие полностью повторяет заглавие повести Чехова «О любви» (1898), тем самым отсылает к сюжету его повести, намекает на повторение ее канвы (Алехин влюбляется в Анну Алексеевну Луганович; как оказалось, любовь их взаимна, но они не признаются в этом; герои не могут быть вместе, так как она замужем, у нее семья, дети. Он не может что-либо изменить ни в ее, ни в своей жизни). А в самих воспоминаниях Авилова однозначно утверждает, что повесть Чехова «О любви» рассказывает именно об их отношениях с Антоном Павловичем. Но что-то мешает ей идти этим путем. Она, очевидно, понимает, что название «О любви», выбранное ею для своего сочинения, слишком субъективно, эмоционально, беллетристично, а значит, на написанное сразу ложится тень недоверия читателей. И тогда она меняет название на «А.П. Чехов в моей жизни» и делает кульминационными

событиями текста признания Чехова ей в любви, причем в двух различных точках воспоминаний. То есть, Лидия Алексеевна меняет заглавие своих воспоминаний и корректирует сюжетную линию, заявляя таким образом, что ее текст — это не беллетристическое произведение, а именно воспоминания. И они претендуют на достоверность. Таким образом, замысел ее грандиозен и сложен: одновременно она должна соблюдать баланс двух пластов:

1. Повествовательного (романного), где возможны фантазия и выдумывание.

2. Мемуарного (объективного), где представлена жизнь реальных людей в реальном времени.

И оба эти пласта переплетаются, эти два различных явления Авилова пытается совместить в своих воспоминаниях, которые после публикации воспринимались современниками как документальное биографическое повествование.

Таким образом, с одной стороны, при написании своей мемуарной книги о Чехове Бунин, используя в ней мемуары Авиловой, проявил себя как литератор, которого увлекла «история любви», столь недостающая биографии Чехова. Но, с другой стороны, он по этой же причине не захотел увидеть всей романности, беллетристичности, выстроенности текста Авиловой.

Проведенный текстуальный и интертекстуальный сравнительный анализ текста Авиловой «А.П. Чехов в моей жизни» и переписки Чехова и Авиловой показывает, что в нем существует две сюжетные линии (две любимые идеи автора):

1) Моя любовь к Чехову. Наша тайная любовь с Чеховым.

2) Я — писательница.

Эти линии пересекаются и переплетаются. Структура текста мозаична, отрывочность изложения продиктована сюжетной линией, в основе которой — реальные события биографии автора. И эти события не что иное, как встречи Авиловой и Чехова. Каждая такая встреча лежит в основе своеобразной новеллы. И каждая новелла имеет свою композицию и тему, поэтому каждой из них можно дать заглавие. Например, «Первая встреча», «Встреча на маскараде» и т.д. Все новеллы складываются в один роман, объединенный одной общей идеей и одним общим героем, в данном случае — двумя.

Авилова в пространстве текста выступает в трех функциях, которые часто переплатаются: 1) автора, 2) повествователя, 3) героя. В этой связи выявляется, что Чехов — не мемуарное историческое лицо, произвольные действия которого фиксируются наблюдателем, и впоследствии этим наблюдателем описываются как воспоминание. Нет, при анализе текста становится понятно, что Чехов — герой, которым «управляет» автор (он наделяет его монологами, включает в диалоги, создает поведенческие ситуации, наделяет эмоциями). В мемуарах Авиловой нет других действующих лиц. События происходят как бы в безлюдном пространстве. Хотя, например, первая встреча ее с Чеховым

происходит в гостях, где присутствуют хозяин — С. Худяков, его жена — Н. Худякова, их гости. «Неожиданная» встреча на праздновании 25-летия «Петербургской газеты», редактором и издателем которой был Худяков, происходит при огромном количестве приглашенных. Но в описании этих событий Авиловой других людей как бы не существует. То же происходит и в описании встречи с Чеховым на масленицу в доме Н. Лейкина или на маскараде в театре Суворина. Авилова сознательно «выбеливает» фон, отключает себя и Чехова в момент встречи от внешнего мира, сосредотачивает внимание читателя только на «здесь и сейчас». Он и Она. Мужчина и Женщина. Авилова и Чехов. Поэтому в повествование не включается ни исторический, ни литературный контекст. Для нее, по сути, не важны даты — поэтому мы их и не найдем в ее мемуарном романе.

Реально происходивший факт встречи взят в определенную событийную рамку, то есть Лидия Алексеевна обрамляет встречу (которая была в реальностях) событиями и эмоциями, достоверность которых установить невозможно. И наполняет эти события определенными смыслами, которые важны Ей и Ему. Остальное для нее несущественно — и оно отсекается.

Однако из новеллы в новеллу переходит еще одно действующее лицо — муж Авиловой — Михаил Федорович Авилов. Он, безусловно, вынесен на периферию повествования, но у его фигуры несколько важнейших функций. Во-первых, поддержание пусты и слабой, но идеи «любовного треугольника». Во-вторых, Авилова показывает, что именно в муже причина того, почему у нее несчастная семейная жизнь, а значит, она имеет внутреннюю причину полюбить кого-то другого. В-третьих, очень явно звучит идея: у нее, Лидии Авиловой, есть муж, дети и семья, и это причина того, почему она не может быть с Чеховым, почему они оба должны страдать. Безусловно, все это абсолютно созвучно сюжету рассказа Чехова «О любви», что собственно и нужно Авиловой.

При анализе текста Авиловой можно увидеть, что в ее воспоминаниях присутствуют сюжет, сюжетные ходы, устойчивые темы и мотивы.

Отсюда — особенности хронотопа этих воспоминаний. Если, в принципе, исходить из того, что некое событие происходит в реальности, в объективно текущем времени жизни людей, встречающихся иногда по разным поводам, то оно происходит спонтанно, непредсказуемо и нелинейно. Но именно этого-то мы и не наблюдаем в тексте Авиловой. События, о которых пишет Авилова, имеют заданность, подчинены определенной задаче и сюжету, то есть выстроены как художественный, а не как автобиографический текст.

Для создания нужного событийного пространства Лидия Авилова использует приемы перестановки, умолчания, замены, отмены, ретроспекции, подмены. Таким образом, текст изобилует недоговоренностями, намеками, должно скрытыми ситуациями.

Опираясь на реальный биографический факт, Авилова делает его протособытием для сюжетной, повествовательной канвы, создавая биографическую

легенду, которая прочно занимает место достоверно свершившегося исторического факта в биографии исторического лица. На самом же деле то, о чем пишет Лидия Авилова, является фактом литературного творчества и, по большому счету, фактом ее литературной биографии, так как именно эти воспоминания вывели ее из безвестности в середине XX в.

Литература

Adamovich G. Somnения и надежды / Сост., вступит. статья и comment. С. Федякина. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с.

Бунин И. Памяти Чехова // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. Кн. 3. СПб.: Товарищество «Знание», 1905. С. 247–268.

Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1950. 272 с.

Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись / Предисл. М.А. Алданова; вступит. статья В.Н. Буниной, послесл. от издательства. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. 414 с.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

Чехов в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. М.: ГИХЛ, 1954. 682 с.

References

Adamovich G. *Somneniya i Nadezhdy* [Doubts and hopes]. Ed. by S. Fediakin. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 448 p. (In Russ.).

Bunin I. *Pamiati Chekhova* [In memory of Chekhov]. *Sbornik tovarishchestva “Znanie” za 1904 god. Kn. 3* [Collection of the “Knowledge” Association for 1904. Bk 3]. Saint Petersburg, Tovarishchestvo “Znanie” Publ., 1905, pp. 247–268. (In Russ.).

Bunin I.A. *O Chekhove. Nezakonchennaia rukopis’* [About Chekhov. Unfinished manuscript], preface by M. Aldanov, introd. by V. Bunina, postface from the publisher. New York, Izdatel’stvo imeni Chekhova Publ., 1955, 414 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Pis’ma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904], ed. by O.N. Mikhailov, ed. and comment. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, 768 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Knigoizdatel’stvo “Vozrozhdenie” Publ., 1950, 272 p. (In Russ.).

Chekhov v vospominaniakh sovremenников [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. 3rd edition, expanded. Moscow, GIHL Publ., 1954, 682 p. (In Russ.).

BUNIN AND CHEKHOV: A HISTORY OF ONE MISTAKE

© 2019, LARISA MARTYNNOVA

Abstract: The article deals with Ivan Bunin's book "On Chekhov" and the role a memoirs' text by L. Avilova, placed inside the book almost entirely by Bunin, played in its creation and structuring. Avilova's memoirs about Chekhov "Anton Chekhov in My Life" created a new momentum for Bunin's own book on Chekhov, made him change its structure and even his old enough opinion both on love life, and on the image of Chekhov. The memoirs of Avilova placed inside the book became its emotional center. Due to such book structure, Bunin broke many stereotypes of composition, memoirs, sense, thus "remaking" the image Chekhov had in memoirs, opening new and pointing to other important moments in his life. Also the author poses a question as to why Bunin was so confident in Avilova's memoirs. The analysis of Avilova's memoirs takes a special place in the article: it is regarded as a novelistic, fictional text with certain plotlines, chronotope and methods of composition.

Keywords: Anton Chekhov, L. Avilova, memoirs, recollections, fictional text, autobiographical space, autobiographical text, a fact of biography, biographical legend, protoevent, novel layer, memoirs layer, authenticity.

Information about the author: Larisa Martynova, PhD, Dal' State Museum of the History of Russian Literature, A. Chekhov House-museum, E-mail: larissa.m@mail.ru

И.А. БУНИН И М.П. ЧЕХОВА В ПЕРЕПИСКЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

© 2019, Т.В. ГОРДИЕНКО

Аннотация: В статье рассматриваются письма, которыми обменивались с 1901 по 1911 г. И.А. Бунин и М.П. Чехова. В этой дружеской переписке и в последующих воспоминаниях отражены не только их отношения, но и литературная среда, круг общения и окружение А.П. Чехова в ялтинский период его жизни.

Ключевые слова: Крым, Ялта, М.П. Чехова, А.П. Чехов, Амаранта, Дон Зинзага, рассказ «Свиданье».

Информация об авторе: Тамара Викторовна Гордиенко — кандидат филологических наук, доцент, Москва, Россия. E-mail: tamara_gordienko@mail.ru

И.А. Бунин очень любил юг России, особенно Крым и Ялту. Здесь подолгу жил А.П. Чехов, который испытывал к нему большое расположение, и когда Бунин приезжал в Крым, всегда просил бывать у него. Неистощимый на выдумки и шутки, Чехов придумал ему прозвище «Букишон», иногда обращался высокопарно: «Господин французский депутат Букишон», однажды даже выписал шутливый счет господину Букишону, «французскому депутату и маркизу», за проживание в его ялтинском доме и подписал: «С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы». Шутки и розыгрыши звучали постоянно. Часто Бунин с присущим ему артистизмом «читал вслух старые чеховские рассказы», неизменно вызывая при этом смех у автора. Бунин с Чеховым познакомился в 1895 г., и они подружились, им всегда было интересно и весело вместе, а главное, между ними не было никаких разногласий и ссор, и Бунин вспоминал, что у него «ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший»¹. Дружил Бунин и с сестрой Чехова, с которой впервые увиделся в апреле 1900 г., когда в Крыму гастролировал Московский Художественный театр². Естественно, в репертуаре театра были пьесы Чехова, их сначала смогли увидеть жители Севастополя, а после выступлений в Севастополе артисты прибыли в Ялту, где тоже каждый день шли репетиции и автор бывал на просмотрах и участвовал в обсуждениях. Публика собиралась интересная, в это время среди отдыхающих были писатели, художники, деятели культуры. Все с нетерпением ждали премьер, ведь это было не рядовое событие: «В 1900 г. у Ан-

¹ Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 80.

² М.П. Чехова (1863–1957) — педагог, художница, создатель Дома-музея А.П. Чехова в Ялте, бессменный его руководитель с 1922 по 1957 гг.

тона Павловича осложнилась его болезнь, и он не мог поехать в Москву, чтобы лично посмотреть свои ставившиеся тогда в Московском Художественном театре пьесы — “Чайку” и “Дядю Ваню”. Поэтому его друзья — руководители этого театра Константин Сергеевич Станиславский и Вл^{адимир} Ив^{анович} Немирович-Данченко — решили приехать к нему в Ялту с труппой и сценическим инвентарем, чтобы дать в Ялте несколько спектаклей. Антон Павлович узнал об этом, радостно поехал им навстречу в Севастополь, вернулся с ними в Ялту и здесь в городском театре смотрел свои пьесы¹.

Позже в воспоминаниях «О Чехове» Бунин писал: «Весною 1900 года, когда в Крыму играл Художественный театр, я тоже приехал в Ялту. Встретился тут с Маминым-Сибиряком, Станюковичем, Горьким, Телешовым, Куприным. Привезены были четыре пьесы: “Чайка”, “Дядя Ваня”, “Однокие” Гауптмана и “Гедда Габлер” Ибсена. Спектакли шли сначала в Севастополе, потом в Ялте»².

Весна, море, поэзия, искусство, присутствие на репетициях до поздней ночи, а потом дом Чехова, где всех встречала радушная хозяйка. «Приезжали и уезжали. Кончался один завтрак, подавался другой, Марья Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна, как верная подруга или как будущая хозяйка дома, с засученными рукавами деятельно помогала по хозяйству», но было весело, шумно, соединяло всех в одну семью художников, — обрисовал обстановку тех дней К.С. Станиславский³.

Раньше Бунин часто бывал гостем А.П. Чехова, но с Марией Павловной увиделся впервые, и, по ее словам, произвел на нее приятное впечатление «воспитанного, остроумного, живого, веселого человека»⁴. Она судя по всему тоже не оставила его равнодушным, ибо сообщая брату о своих встречах и новых знакомствах, Бунин написал, что «был у Чехова, который, кажется, женится на Книппер», и не преминул сообщить новость: «ухаживаю за Марией Павловной Чеховой. Все это очень полезно [курсив мой. — Т.Г.]»⁵.

В том апреле Бунин пробыл в Крыму недолго, дождался приезда старшего брата, с которым, как и собирался, уехал в Одессу. Следующий его приезд в Ялту был в декабре. Этому предшествовала встреча в Москве с О.Л. Книппер, и он, по ее словам, был похож на человека, который не знает куда себя деть и собирается ехать или в Ялту, или в Ниццу; она уговаривала его ехать в Ялту и сообщила об этом М.П. Чеховой. 23 декабря 1900 г. Бунин получил

¹ Мария и Михаил Чеховы. Дом-музей А.П. Чехова в Ялте (каталог) / Под ред. А.Р. Эйгес. М., 1937. С. 67.

² Бунин И.А. О Чехове // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 191.

³ Там же. С. 192.

⁴ Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. М.: ГИХЛ, 1960. С. 233.

⁵ Письмо Ю.А. Бунину от 18 апреля 1900 года // Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 314.

телеграмму: «*Приезжайте, ждем. Чехова*»¹. Он воспользовался приглашением и остановился у Чеховых. Друзьям отправил свой адрес: «Ялта, дача Чехова на Аутке», а в письме Н.Д. Телешову, которое отправил 28 декабря, писал: «Изнемога от радости, так здесь хорошо! Целую тебя и люблю» и сделал приписку: «Это письмо пишет Мар~~ия~~ Пав~~ловна~~, котор~~ой~~ я диктую»². В письме, адресованном 31 декабря брату, немного взгрустнул, сопоставив свое материальное положение с действительностью: «Милый и дорогой Юринька! Я, конечно, у Чеховых, очень любезно принят и живу прекрасно, причем, ей-богу упорно пишу — пока стихи. Но деньги меня приводят в отчаяние. М~~ария~~ П~~авловна~~ зовет то в Кучукой, то в Гурзуф, то на вечера. А у меня, клянусь Богом, 1 р.!! Нынче или завтра шлю три стиха Тихомирову [Д.И. Тихомиров — издатель. — Т.Г.]. *Христа ради, вышли мне 9 р. немедленно: я тебе сейчас же вышилю расписку на получение этих денег в "Курьере"*»³.

Бедственного положения, о котором он писал, похоже никто у Чеховых не замечал, ему были рады, приезд его, по словам Марии Павловны, оказался очень кстати, «так как Антон Павлович был в это время в Ницце», а им с матерью «тоскливо было проводить рождественские праздники»: Бунин «вносил большое оживление в нашу жизнь, скрасив наше одиночество», — отметила она⁴. Если не думать о безденежье, то гость чувствовал себя здесь превосходно, об этом он часто вспоминал, а позже опубликовал небольшую зарисовку, сделанную в те дни. Она лучше всего характеризует его настроение и творческое вдохновение: «Да, в январе 1901 года я все еще жил у Чеховых. Сохранилась у меня даже запись тех времен.

“Крым, зима 1901 года на даче Чехова.

Чайки, как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки, возле клоняющейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-ук-су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака”.

Красавица Березина (1)»⁵.

В расцвете творческих сил, очарованный окружающей природой, гостеприимством, он был надломлен безденежьем и слал отчаянные письма старшему брату Юлию, от которого не было тайн и который всегда приходил на

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 632.

² Там же. С. 344. Текст письма написан рукой М.П. Чеховой, а Бунин поставил подпись.

³ Там же. С. 344–345.

⁴ Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 234.

⁵ Бунин И.А. О Чехове. С. 193–194.

помощь: «Утро 1 янв. 1901. Ялта, дача А.П. Чехова. С Новым Годом! Вчера послал тебе письмо, а сегодня уже опять пишу, потому что положение мое отчаянное. Все эти дни я так натянут, так взвинчен тем, что у меня буквально ни гроша, что мечусь по комнате и ничего не делаю. Вчера был с М^{<арией>} П^{<авловной>} у Елпатьевск^{<ого>}¹ — и так как это очень далеко, то я истратил на извозчика 80 к. Теперь у меня 20 к.!! <...> Ради Христа, сию же минуту вышли мне телеграфом 10 р. <...> Не манкируй, Бога ради, — мое положение из рук вон»². В письме от 5 января просьбу повторил. Брат откликнулся тут же, и 12 января Иван искренне благодарил его за деньги и сообщал, что Мария Павловна уехала в Москву, что «она очень хорошая и умная» и они «с ней очень подружились. Тут осталась мать Чехова и попросила меня по-быть у них, — зачем вам, мол, съезжать в гостиницу. Мамаша одна боится. Я, конечно, рад этому. Но дела мои все-таки очень плохи <...> совсем денег нет. А надо писать не скороспелое что-нибудь, а путное»³.

Мария Павловна 15 января из Москвы отправила Бунину, гостившему в ялтинском доме, письмо: «Что Вы теперь кушаете? Орехи? Вас без меня плохо кормят? А мне скучно, милый поэт, без вас, без Ялты, без ялтинского дома! Я пока хожу как чужая. <...>. Завтра уроки и опять поиски квартиры. Напишите мне, как там у нас все. Что подельываете? Как моя мать? Не начали ли скучать? В Севастополь ехать было очаровательно, и если бы еще интересный спутник, то было бы прямо восхитительно! Вагонное же путешествие меня очень утомило.

Ну, до свидания, будьте здоровы, не скучайте, работайте поменьше...»⁴. Ответных писем получила два: 21 января краткое, в телеграфном стиле: «Все благополучно и хорошо, от А^{<нтона>} П^{<авловича>} было несколько открыток — жив, здоров, собирается скоро сюда. Е^{<вгения>} Я^{<ковлевна>} здорова. Пишу Вам завтра поподробнее. Дон Зинзага»⁵. И 22 января с подробностями: «Очень виноват перед Вами, милая и хорошая Амаранта, но, право, я не вижу дней. Они мелькают так, что их за хвост не поймаешь, благодаря моему трудолюбивому и аскетическому образу жизни. Читаю, думаю, думаю, мечтаю, иногда кое-что запишу, кушаю на доброе здоровье, беседую за столом с милой и кроткой Евгенией Яковлевной, бегаю на почту... <...> И часто, очень часто из этой тихой моей жизни пробивается самая искренняя грусть по Вас, большая потребность поговорить с умной и милой Мафою <так иногда Марию Павловну называли близкие по примеру Левитана. — Т.Г.>. <...> Напишите тотчас же после этого письма.

¹ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) — врач, писатель, публицист, совмещал литературную деятельность с врачебной практикой, с 1933 г жил в Ялте.

² Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 345.

³ Там же. С. 346.

⁴ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. Симферополь: Крым, 1969. С. 120.

⁵ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 350–351.

Если бы Вы были здесь сейчас, я бы крепко поцеловал у Вас ручку и рассказал бы Вам много трогательного и красивого, что придумал и видел за последнее время. А сколько экспромтов пропало задаром!

Как это дико, но я еще у Вас! Так говорит Зоратустра».

В заключение попросил описать премьеру «Трех сестер», которая состоялась в МХТ 31 января, «поклонитесь Книпперам. Прощайте, Амаранта. Ваш до гроба Дон Зинзага»¹. За этим письмом последовали другие: «Иван Алексеевич стал писать мне в Москву, и с этого времени началась наша дружеская с ним переписка, продолжавшаяся более десяти лет»². Письма друг другу они часто подписывали именами героев чеховского рассказа «Жены артистов»: Амаранта и Дон Зинзага. Известно 52 письма Бунина к Чеховой и 24 письма — ее ответы.

Переписка, которая продолжалась с 1901 по 1911 г. (РГБ, РГАЛИ), по определению С.Н. Морозова, биографа И.А. Бунина, «носила шутливо-дружеский характер и касалась жизни и творчества А.П. Чехова, событий в литературном мире и новостей об общих знакомых [курсив мой. — Т.Г.]»³. С 1901 по 1906 г. они переписывались особенно интенсивно, по годам это распределилось так:

1901. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 12 писем (21, 22 января; 1, 6, 18 февраля; 3, 12 марта; 28 апреля, до 12 мая, 28 мая, 1 июня; 7 июля); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 4 письма (15 января, 8 марта, 6 июня, 10 июня).

1902. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 4 письма (2 июня; 2, 11 августа; 23 декабря); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 3 письма (12 июня; 5, 25 августа).

1903. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 1 письмо (7 июня); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 2 письма (1 января, 10 июля).

1904. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 3 письма (17 (4) января открыта из Ниццы; 5, 9 июля после известия о смерти А.П. Чехова. Писем Чеховой не было или они были утрачены).

1905. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 6 писем (12 мая; 29 июля; 24 августа; 7 сентября; 16 сентября телеграмма; 5 ноября); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 3 письма (9 июня; 12, 29 августа).

1906. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 13 писем (10 января — 2 письма, 18 января; 10, 20 февраля; 7 апреля письмо и открытка; 1, 8, 13, 19 мая; 7 июня; 1 июля); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 7 писем (14 января; 13 февраля; 20 (7) февраля; 13 февраля (31 января); 12 марта; 13 апреля; 28 мая).

1907. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 3 письма (2 февраля; 3 мая (20 апреля); 18 (5 мая); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 3 письма (6 апреля (24 марта), 5 марта (20 февраля); 20 (7) марта).

1908. Переписка, видимо, не велась.

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 350–351.

² Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 235.

³ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 636.

1909. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 6 апреля (24 марта) открытка из Сиракуз.

1910. Писем не было.

1911. И.А. Бунин — М.П. Чеховой — 8 писем (29 (16) января открытка; 5 марта (20 февраля) открытка; 3 мая; 12 августа; 9, 25 сентября; 18 (5) ноября); М.П. Чехова — И.А. Бунину — 6 писем (27 апреля; 9 мая; 3, 18 августа; 9 сентября; 1 октября).

В эти годы Бунин и Чехова писали друг другу часто, в письмах этих лет нередко звучало имя А.П. Чехова, его друзей, авторы касались многих тем, связанных с литературой, искусством, при этом всегда чувствуется, что пишут близкие по духу люди. По происхождению и воспитанию они были разными, но с первых дней знакомства между ними установились теплые дружеские отношения. Для Бунина Мария Павловна была не только сестрой его любимого писателя, но и хозяйкой чеховского дома. Натура яркая, творческая, к нему она проявляла особое внимание. Почувствовав к нему симпатию, как человек тонкий и чувствительный, Чехова заметила его тревожность и смятение, а потому старалась сделать все от нее зависящее, чтобы ему было в чеховском доме хорошо и уютно. И это ей удалось. Благодаря Марии Павловне, он, «скиталец по жизни» (В.Н. Муромцева), возможно, впервые после родительского гнезда, обрел у Чеховых чувство дома.

М.П. Чехова работала в Москве и в Ялте бывала наездами. В ее отсутствие Бунин скучал, писал ей, что ему «одиноко, но дивно»; радовала окружающая природа, вид из окна, «дни протекали в каком-то поэтическом опьянении», а главное — рождались стихи, проза, в основном рассказы, появлялись новые замыслы. Творческое вдохновение в ялтинском доме, где он в течение нескольких лет был желанным гостем, никогда не покидало его. Возможно, Мария Павловна была первой читательницей его рассказов, написанных тогда, исключать этого нельзя, хотя подтверждений найти не удалось. Чем дальше продолжалось знакомство, тем теснее становилась их дружба. Чехова вошла в бунинский круг общения, бывала вместе с ним на заседаниях кружка «Среда», где председательствовал Ю.А. Бунин, на различных юбилеях и прочих торжествах. Редко какое событие в те годы, проходившее с участием Бунина или в его честь, где ее не было бы в числе желанных гостей. Она запечатлена на групповых фотографиях, чаще всего как единственная женщина среди именных известных деятелей культуры и литературы. У нее было много достоинств: «Стойная, всегда подтянутая, элегантная, она обладала безупречным вкусом. От нее как бы веяло изяществом. Одевалась всегда безукоризненно, преимущественно в серые, коричневые, лиловые тона. Никогда не носила ничего яркого, крикливого. Походка у нее была легкая и вместе с тем спокойная. Голос негромкий <...>. Она любила и понимала тонкий юмор, любила посмеяться и пошутить, сказать острое словцо, дать меткое сравнение, прозвище»¹.

¹ Чехова Е.М. Воспоминания // Чехов М.П. Вокруг Чехова. М.: Худож. лит., 1981. С. 195.

Одно из своих писем брату (Антон Павлович в то время находился в Ницце), Мария Павловна начала бунинским экспромтом, написанным в ее честь: «По-забывши снег и выногу, / Я помчался прямо к югу. / Здесь ужасно холодно. / Целый день мы топим печки, / Глядим с Буниным в окно. / И гуляем, как овечки». «По-моему, — писала она, — последняя строчка глупа, но Бунин, который сочинил мне сейчас эти стихи, находит, что эта строчка самая лучшая! Напиши свое мнение»¹. Вспоминала она и другой экспромт, написанный в канун Нового года, который они встречали вместе: «Гуляй, гуляй, Маша, / Пока воля наша, — / Когда замуж отадут, / Такой воли не дадут!»².

Их отношения постепенно крепли, о чем свидетельствует переписка. Из письма Марии Павловны от 8 марта 1901 г.: «Ровно через две недели, тесть 23 марта я уезжаю в Ялту, дорогой Иван Алексеевич. Я не могу теперь себе представить Ялты без вас! С кем я буду гулять по набережной и читать по вечерам? Дона Зинзаги не будет? Это ужасно! <...> Приезжайте прямо в Ялту к пасхе, а оттуда мы, вместе отплывем и поедем в Москву».

И далее немного о своих переживаниях: «Вам очень завидую, что у вас есть голубоглазый бутуз [сын Бунина и Анны Цакни. — Т.Г.]. За одно это всем остальным можно пренебречь.

Очень рада была получить от Вас письмо, тысячу раз mersi. Итак, скоро увидимся в Ялте, но надеюсь еще в Москве получить от Вас письмо непременно. Ваша М. Чехова»³.

Бунин приехал к 1 апреля в Ялту и пасхальные дни они провели вместе. Он очень дорожил этой дружбой. С Марией Павловной судьба свела его в самый сложный период жизни, когда он был особенно раним. Разрыв отношений с первой женой А.Н. Цакни, последовавшая затем смерть единственного сына, тоска по уходящей молодости и постоянное ощущение одиночества, заглушить которое он при всем старании не мог, владело им и в тот приезд к Чехову. И корректно внимательное отношение Марии Павловны, несомненно, помогало ему обрести душевное равновесие и создавало обстановку, благоприятную для плодотворного творчества: в Ялте написано несколько стихотворений, заметки о поездке вместе с В.П. Курковским за границу, восемь рассказов, в частности, «Туман», «Сосны» и др.

В июле 1902 г. в «Русской мысли» был опубликован рассказ «Свиданье» с посвящением М. П. Ч., то есть, Марии Павловне Чеховой. Конечно, она была польщена этим⁴. Трогательный рассказ о чувствах юной девушки, которая «еще не успела насладиться ни своей ролью хозяйки, ни свободой после гимназии», но уже должна думать о замужестве. Проснувшись среди ночи, девушка вспоминает, что накануне вечером отец сказал: «...завтра к нам при-

¹ Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 234.

² Там же. С. 234.

³ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 123.

⁴ Бунин И.А. Свиданье. М. П. Ч. // Русская мысль. 1902. № 7. С. 159–168.

дет Сиверс <...> свататься за тебя». Девичьи раздумья о предстоящем замужестве длиятся всю ночь, она «проследила весь сокровенный переход ночи в рассвет», она «видела, как сумрак стал бледнеть, как заалело белесое облачко на севере, сквозившее сквозь вишеник в отдалении»,казалось, все прекрасно, во всем чувствуется гармония. Но вдруг в этой прелестной ночи «послыпался резкий визг водовозки», «потом на дворе кто-то крякнул сиплым, утренним голосом», и очарование у героини пропало. «Сиверс утром стрелял в нашем саду галок, а мне казалось, что в дом вошел пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне крепко спать». Рассказ немножко печальный и символический, автор постепенно как бы готовит читателя к тому, что счастливого финала не будет, что героиня подумает и непременно откажет жениху. Бунин не раз возвращался к этому рассказу, он включал его в сборники и собрания сочинений и под другими названиями: «Заря всю ночь», «Счастье», редактировал, улучшал, делал стилистические поправки и потомуставил дату — 1902–1926; посвящение в его прижизненных изданиях не повторялось. Оттиск этого рассказа из «Русской мысли» с посвящением ей сохранился в архиве М.П. Чеховой, на нем ее рукой пронумерованы листы и поставлена дата публикации¹.

Переписка, которую Бунин и Чехова вели в течение одиннадцати лет, вызывает интерес не только как факт их биографий, но и как документ эпохи. Из писем можно узнать об их окружении, интересах, о событиях, участниками которых они были; письма — надежный документ, с помощью которого многое из происходящего можно уточнить, подтвердить или опровергнуть: например, признание Бунина в том, что письма он писать вообще не умел и даже в одно из своих литературных завещаний включил просьбу никогда их не публиковать². Но на самом деле его переписка, личная и деловая, в том числе и с Чеховой, свидетельствует об обратном. Корпус его писем к ней интересен во всех отношениях, в том числе и в литературном. Среди них есть иногда столь поэтичные, что их можно публиковать в разделе художественных текстов, как новеллу или эссе. Таков текст письма от 2 августа 1902 г.:

«Сижу на приморском бульваре в Севастополе, на скамеечке у самой воды, которая шумит и полощется, прямо против солнца, спускающегося к морю, против нестерпимо блестящей полосы по морю, в желтоватом вечернем освещении, обвеваемый ласковым ветром с моря. Второй день, то есть, с самого отъезда из Гурзуфа, до физической боли тоскую. Опять я в пути, в своем бесконечном пути, и так, как и вчера, и сегодня нет поблизости ни одного более или менее родного человека, хочется плакать от одиночества. Впрочем, этих близких людей у меня на всем свете не более десяти. Вы одна из них, и вчера я даже хотел снова проехать к Вам в Гурзуп провести вечер, так

¹ Оттиск из журнала «Русская мысль» с нумерацией страниц и другими пометами, сделанными М.П. Чеховой, см.: РГБ ОР. Ф. 429. К. 87. Ед. хр. 54.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 480.

как было страшно одиноко, а мне так грустно за последнее время! <курсив мой. — Т.Г.> Мафочка, крепко целую Ваши ручки, вспоминаю Вашу милую мазанку среди камней в Гурзуфе и прошу Вас немного пожалеть меня <курсив мой. — Т.Г.>. Ваш И. Бунин»¹.

Мария Павловна, оценив лиризм этого послания, 5 августа 1902 г. свой ответ начала стихотворной цитатой, вынесенной в эпиграф: «Скалистый берег, бешеный прибой / И в шуме волн сверкающая пена... / Ты помнишь этот берег окаймленный / Его широкой снежною грядой?» И не преминула высказать обиду: «Дорогой Букишон, мне было очень грустно, когда Вы уехали, я стала усиленно работать и отгонять всякие, не соотвественные моему положению мысли [курсив мой. — Т.Г.]. Письму очень обрадовалась. Конечно, приятно быть одной из десяти, но было бы еще приятнее соединить в себе якутку, татарку, сингалезку и пр. и быть единственной, но все от Бога! <...> Кончайте скорее Ваши дела и приезжайте, буду ждать Вас»². Вместе с этим письмом она послала статью, перепечатанную ялтинской газетой «Крымский курьер» из «Одесских новостей», где было опубликовано сообщение, искажающее инцидент между Буниным и капитаном парохода «Святой Николай», советуя Бунину не оставлять это без ответа. Она знала, что Бунин дорожил своей репутацией, и, как правило, всегда добивался восстановления истины³.

По поводу допущенной неловкости по отношению к Марии Павловне, которую она восприняла болезненно, Бунин ответил ей 11 августа, разъясняя, что он имел в виду: «Дорогая Мария Павловна, я так и знал, что Вы не поймете меня относительно “десяти”. Я говорил о близких людях, а не о женщинах, и напрасно поэтому Вы так ядовито вспомнили мою фразу о сингалезках. <...> Да, впрочем, в письме этого не объяснишь <...>. Эпиграфом снова был очень тронут»⁴. 25 августа в ответном письме Чехова пишет: «Дорогой Иван Алексеевич, надеюсь, что Вы перестали волноваться по поводу Вашей этой истории с “дезабилье” и плонули на них. Забудьте об этом, не стоит. Мне очень грустно, что Вам не удалось пожить подольше в Крыму и покушаться, — об этом вот нужно пожалеть!

Последнее письмо я Вам писала в весьма благодушном состоянии и потому напомнила о сингалезках, но далека была от ядовитости. Ведь я к Вам очень хорошо отношусь и если сделала больно, то невольно. <...> Будьте здоровы, не волнуйтесь и не забывайте Вашего друга Мария Чехову. <...>»⁵.

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 413.

² Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 129–130.

³ Подробнее об этом: Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 683–684; Гурьянова Н.М. Инцидент И.А. Бунина у Чеховых в Ялте и Гурзуфе // Чеховские чтения в Ялте. М.: Наследие, 1997. С. 161–168.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 415.

⁵ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 130.

23 декабря 1902 г. Бунин послал открытку, на которой изображен его фотографический портрет: «Красив?.. Целую Ваши ручки, кланяюсь дорогому Ан Павл и Евг Як, очень прошу написать мне. Еду в Одессу с Найденовым: Софиевская, 5. Ваш И. Бунин»¹. Любопытен ответ Марии Павловны, которая 1 января 1903 г. отправила из Ялты в Одессу щутливое новогоднее поздравление: «С Новым годом, милый Букишончик! Желаю Вам здоровья и счастья, если только оно не заключается в желании открыть зубоврачебный кабинет. Очень грустно, что Вы не приехали в Ялту. Вчера приятно встретили Нов год у Татариновой. Пили шампанское». И обратив внимание, что послание на открытке с портретом автора, добавляет еще одну фразу, которая говорит о ее скромности: «*Mersi за открытку. Вы знамениты, но зачем Вы хотитеувековечить и мое имя?* <курсив мой. — Т.Г.>. См. «О нов»». Больше не буду давать вам читать писем брата. Ну, до свиданья, когда опять в Москву? Я выезжаю из Ялты 11 января. Напишите мне в Ялту, еще успеете. Антоша жалеет, что Вы не приехали, ждет вас все-таки.

Целую вас ваша М Ч.

Передайте мой привет Нилусу и Найденову»².

В конце марта Бунин снова провел несколько дней в Ялте, затем побывал в Константинополе, вернувшись, очевидно, должен был встретиться в Москве с Марией Павловной, но они разминулись. 17 мая Чехов писал сестре: «Сегодня приходил Бунин, удивлялся, что ты уже уехала»³. Из письма Бунина от 7 июня: «Дорогая Амаранта, целую Ваши ручки, очень часто думаю о Вас, очень жалею, что никуда не поехали с Вами. Как живете? Много ли купаетесь? Хорошо ли у Вас? Пожалуйста, напишите мне — побольше. Я сижу в деревне и пишу. Страшно тянется на юг, к морю, но боюсь, что не буду там заниматься».

Кланяюсь Евг Яковл и всем Вашим. Преданный Вам всей душой Ив. Бунин»⁴.

10 июля 1903 г. Из ответного письма Чеховой: «За разными приготовлениями к Антошиному приезду, дорогой Иван Алексеевич, я не смогла собраться Вам написать. Моя поездка канула в воду... Антоша приехал с женой. Стало очень жарко. В начале августа я Вас буду ждать. Антоша рад, что вернулся домой, супруга скучает, я томлюсь духом»⁵.

23 октября 1903 г. состоялось заседание литературного кружка «Среда», поехали туда большой компанией, отобедав у О.Л. Книппер. Только что вы-

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 418

² Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 130–131.

³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 11: Письма: Июль 1902 — декабрь 1903. С. 210.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 429.

⁵ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 131.

шла поэма Д.Г. Байрона «Манфред» в переводе И.А. Бунина и он щедро дарил книгу друзьям, на экземпляре, подаренном Марии Павловне, тоже оставил дарственную надпись: «Дорогому другу М.П. Чеховой. Ив. Бунин. 23 окт. 1903»¹.

В декабре Бунин с С.А. Найденовым отправился в заграничное путешествие во Францию и Италию, из Ниццы Бунин послал Чеховой открытку с небольшим текстом: «Низко кланяюсь Вам, дорогой друг. Nice, poste restante. И. Бунин 4 янв. 1904»². А по возвращении 27 февраля вместе с Марией Павловной побывали в Художественном театре, где смотрели «Вишневый сад» с участием О.Л. Книппер в роли Раневской³.

5 июля 1904 г. Бунин писал Чеховой, еще не зная о смерти Чехова: «Дорогая и милая Амаранта, напишите мне, пожалуйста, как здоровье Антона Павловича и где он? Я слышал, что он не здоров, и мне это очень-очень грустно. Напишите и о себе два словечка. Я был в деревне, потом 18 дней шатался по Кавказу, измучился от жары и поспешил снова в деревню. Собираюсь на август или сентябрь в Крым. Когда уедете оттуда? Крепко хотелось бы поговорить с Вами и поцеловать Ваши ручки! Преданный Вам Ив. Бунин»⁴. Грустная весть дошла до него 9 июля, воспринял он ее тяжело, по его словам, был «буквально как громом поражен»⁵, будто «ледяная бритва полоснула мне по сердцу»⁶. Сразу же отправил Ольге Леонардовне и Марии Павловне письма сочувствия и невыразимой боли, разделяя с ними горечь тяжелой утраты. Вскоре начал писать свои воспоминания об Антоне Павловиче. Мария Павловна рассказывала, что вначале он прочитал их в доме у О.Л. Книппер, а 24 октября выступал с их чтением в публичном заседании Общества любителей российской словесности, и везде они вызывали огромный интерес. Горький отметил, что Бунин написал их «нежно, как женщина, и мужественно, как друг»⁷. В декабре ОЛРС издало сборник воспоминаний «Памяти Чехова», в котором помещен и очерк Бунина.

Со времени их знакомства с Марией Павловной прошло пять лет, дружеские отношения не угасали: они часто виделись, переписывались, собирались вместе путешествовать, обсуждали планы на будущее. 12 мая 1905 г. Бунин писал Чеховой: «Дорогой друг, очень-очень жалею, что нам не пришлось повидаться. Пожалуйста, напишите мне (на Лукьянovo, Тульской губ.)

¹ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 77.

² Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 436.

³ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 535.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 444.

⁵ Там же. С. 444.

⁶ Бунин И.А. Чехов // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. С. 274.

⁷ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4. С. 182.

о своем здоровье и о своих планах относительно поездки за границу. Очень хорошо было бы, если бы Вы поехали не ранее половины августа. Тогда все шансы за то, что я с Вами поеду, а главное — отдохните летом, не мыкайтесь, укрепите здоровье: ведь летом по вагонам — ад. Крепко целую Ваши ручки и кланяюсь всем Вашим. Ваш Ив. Бунин»¹. 9 июня 1906 г. Мария Павловна сообщала, что ей будет приятно, если они решат ехать вместе и приглашала для переговоров приехать в Ялту: «Дорогой Иван Алексеевич, Ваше письмо мне переслали из Москвы. За границу я могу ехать после 15-го августа. Если мы говоримся ехать вместе — будет мне приятно. Для переговоров приезжайте в Ялту, комната для Вас всегда будет за умеренную плату и с вином, и с приятными квартирантками. Вообще Вам везет! Квартирантки к Вам весьма расположены. Погода у нас великолепная, жары еще не было, дожди идут часто, все зелено необычайно, и никогда еще так хорошо не было! Я долго не отвечала Вам потому, что хворала и довольно серьезно. Ночей десять совсем не спала, ни одного часа. Спать хотелось, но мозг работал непрерывно, и была невыносимая боль сердца <...> Теперь сплю и почти здорова, стала мечтать о поездках за границу»².

Поинтересовавшись тем, как Бунин собирается провести лето, она перешла к тому, что ее особенно волновало и нужен был его совет. К ней стали обращаться с просьбами по поводу литературного наследия А.П. Чехова, «прислала письмо г-жа Маркс с договором, пишет, что набирает еще книгу и требует от меня посмотреть произведения покойного брата. Не знаю, что и писать. Переписывалась с Голоушевым насчет Левитана, собирается писать его биографию. Послала ему письмо Левитана к Антоше... <...> Будьте здоровы. Ваша М. Чехова»³.

В письмах этого времени речь часто идет о совместной поездке за границу, которую они давно планировали, но все не складывалось. Пришлось и на этот раз отложить: Мария Павловна вплотную занялась литературным наследием брата, начала подготовку к изданию его писем. Бунин тоже был чрезвычайно занят, о чем и писал 29 июля 1905 г.: «Дорогой друг, горячо прошу Вас простить меня за молчание. Все хотелось написать Вам что-нибудь наверняка о загранице. Но у меня столько литературных планов и делишек, что я никак не мог сообразить, когда я смогу вырваться. Да и чувствую себя вроде Вашего: слабость, бессонница. А поездка в Финляндию и жары — у нас невероятно жаркое лето, — совсем меня доконали.

Как Вы себя чувствуете и не раздумали ли ехать за границу? Что до меня, то я еще не знаю — поеду ли. До середины сентября нужно сидеть в деревне, кое-что писать. А затем можно бы и поехать. Но куда? Мне хотелось бы в Ита-

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 10.

² Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 100.

³ Там же.

лию, через Вену. Да и Вам это было бы полезно. Вас интересуют, конечно, диковинки заморские и музеи, картины. А где же их больше, чем в Италии? Вот и поехали бы в Венецию, Флоренцию, Рим. А там отдохнуть в Неаполе или Сорренто — как раз в ту пору, когда у нас слякоть и болезни. А из Италии можно в конце ноября вернуться в Россию — через Южную Францию, Париж и Берлин. Что Вы об этом думаете? Жду от Вас известий и крепко цепью Ваши ручки. Кланяюсь всем Вашим. Преданный вам. Ив. Бунин. Пожалуйста, ответьте поскорее Лукьяново Тульск^{ой} губ^{ернии»}¹. Бунин рассматривает всякие варианты, но в целом полагается полностью на ее выбор и просит ее подумать. Кроме того, судя по письму, ему не хочется покидать деревню, где он привык всегда работать и где ему всегда хорошо пишется и как раз сейчас много работы. Мария Павловна в письме от 12 августа 1905 г. написала, что предложение о поездке за границу принимает, маршрут ей очень нравится, но она надеялась, что удастся выехать сразу после 15 августа, чтобы в конце сентября вернуться в Ялту, так как «октябрь хотела употребить на разборку кабинета и писем покойного брата, а также привести в зимнее положение сад, чтобы в начале ноября уехать спокойно зимовать в Москву»². В связи с этим именно сейчас она очень занята, у нее много дел, которые придется делать наспех. Ей нужно разобрать кабинет и особенно письма Антона Павловича, «многое отправить в таганрогскую библиотеку и музей»³, а главное — в случае поездки пришлось бы «мамашу перевезти в Москву до середины сентября — было бы жаль так рано»⁴. Сожалея, что «задуманных дел» так быстро переделать не успеет, она делает Бунину встречное предложение: отложить поездку за границу и приехать на осень в Ялту: «Отдохнете хорошенько, не будете тормошиться, поживете спокойно и поправите здоровье. Потом, хотя бы перед рождественскими праздниками и на праздники, если у Вас будет охота, проедемтесь за границу, где потеплее, или уже оставим до весны. Этот год у меня трудный, много болела и жизнь еще не наладилась, трудно что-нибудь определенно решить.

Здоровьем я теперь могу похвастаться, совсем здорова, сплю чудесно, настроение хоть куда! Я жить хочу — дайте мне пива!!

Жары у нас слава Богу нет, в природе восхитительно — все время сидим на воздухе. Пишу Вам это сидя на крылечке, за табуреткой лень было идти наверх. Ну пока, прощайте. Думаю, что через месяц Вы мне ответите, буду терпеливо ждать.

Желаю вам быть здоровым, кушать побольше, спать спокойней. Будьте умником. Дружески жму Вашу писательскую руку. Мария Чехова.

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 13–14.

² Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 98.

³ Там же.

⁴ Там же.

Приезжал дня на три Куприн, приятно было его повидать»¹.

В ответном письме 24 августа Бунин обещал подумать над ее предложением относительно Ялты, при этом поинтересовался, не стеснит ли он хозяев «в качестве квартиранта». Об этом просил написать поскорее и вполне откровенно, а также уточнил, точно ли Мария Павловна пробудет в Ялте до ноября; «а то мне не стоит ломаться», писал он². 29 августа 1905 г. Мария Павловна повторила свое предложение: «Милый Зинзага, стеснить Вы нас не можете, было бы Вам удобно. Погода у нас очаровательная, немного жарковато — в тени 23 градуса, но это скоро пройдет. Не верится, что где-нибудь существуют дождь, слякоть и холод!». Как всегда, не обошлось без шуток: «Приезжайте, дорого с Вас не возьму, вспрыскивание мышьяка под кожу бесплатно. Операцию эту успешно производит наша квартирантка Екатерина Георгиевна.

О дне приезда напишите или телеграфируйте, все приготовим»³.

16 сентября Бунин отправил телеграмму о том, что «будет в воскресенье», то есть, 18 сентября. Приехал в срок, остановился у Чеховых, как оказалось в последний раз, о чем позже написал прощальные строки и этому дому, и счастливым дням, проведенным в нем, и его обитателям: «В 1905 году, с конца сентября и до 18 октября я последний раз гостили в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова, жил с Марьей Павловной и “мамашей”, Евгенией Яковлевной. Дни стояли серенькие, солнные жизнь наша шла ровно, однообразно и очень нелегко для меня: все вокруг, — и в саду, и в доме, и в его кабинете было, как при нем, а его уже не было! Но нелегко было и решиться уехать, прервать эту жизнь. Слишком жаль было оставлять в полном одиночестве этих двух женщин, несчастных сугубо в силу чеховской выдержанки, душевной скрытности; часто я видел их слезы, но безмолвно, тотчас преодолеваемые; единственное, что они позволяли себе, были просьбы ко мне побывать с ними подольше.: “Помните, как Антоша любил, когда вы бывали или гостили у нас!” Да и мне самому было трудно покинуть этот уже ставший чуть ли не родным для меня дом, — а я уже чувствовал, что больше никогда не вернусь в него, — этот кабинет, где особенно все осталось, как было при нем: его письменный стол со множеством всяких безделушек милых, изящных, но всегда дививших меня, — я бы строки не мог написать среди них, — его узенькая, белая, опрятная, как у девушки, спальня, в которую всегда отворена была дверь из кабинета. А в кабинете, в нише с диваном (сзади кресла перед письменным столом), в которой он любил сидеть, когда что-нибудь читал, лежало “Воскресение” Толстого,

¹ Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 98.

² Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 15.

³ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов; науч. ред. О.Н. Михайлов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 577.

и я все вспоминал, как он ездил к Толстому, когда Толстой лежал больной в Крыму, на даче Паниной»⁴.

На этот раз его приезд был омрачен событием планетарного масштаба: в России произошла революция; получив об этом сообщение, он поспешил на пароходе «Ксения» отплыл в Одессу. Во время поездки вел записи, остались его размышления о происходящем, о том, что вынудило его покинуть этот благословенный край:

«“Ксения” 18 октября 1905 года

Жил в Ялте, в Аутке, в чеховском опустевшем доме, теперь всегда тихом и грустном, гостил у Марии Павловны. Дни все время стояли серенькие, осенние, жизнь наша с М.П. и мамашей (Евгенией Яковлевной) текла так ровно, однообразно, что это много способствовало тому неожиданному резкому впечатлению, которое поразило нас всех вчера перед вечером, вдруг зазвонил из кабинета Антона Павловича телефон и, когда я вошел туда и взял трубку, Софья Павловна стала кричать мне в нее, что в России революция, всеобщая забастовка, остановились железные дороги, не действует телеграф и почта, государь уже в Германии — Вильгельм прислал за ним броненосец. Тотчас пошел в город — какие-то жуткие сумерки и везде волнения, кучки народа, быстрые и таинственные разговоры — все говорят почти то же самое, что Софья Павловна. Вчера стало известно, уже точно, что действительно в России всеобщая забастовка, поезда не ходят... Не получили ни газет, ни писем, почта и телеграф закрыты. Меня охватил просто ужас застывать в Ялте, быть ото всего отрезанным. Ходил на пристань — слава Богу, завтра идет пароход в Одессу, решил ехать туда»⁵. Бунин жадно искал новостей, подробностей происходящего. На следующий день прибыл в Одессу, которая жила в условиях военного времени; здесь шли перестрелки, были еврейские pogromы, грабежи, разгромили редакцию газеты «Южное обозрение», с которой была связана журналистская деятельность его брата, да и сам он печатался там в былые времена. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный», очевидцем которого он стал, потряс его. Родные тоже сообщали из деревни неутешительные новости. Маша с детьми и матерью уехала из деревни к брату в Ефремов, «частью от нестерпимого холода, частью же от страха перед мужиками»⁶. В Москве, куда он вернулся в конце октября, тоже тревожно. Об этом он писал Чеховой 5 ноября 1905 г.: «Дорогая Мария Павловна, простите, что долго не писал: уж очень много было новых сильных впечатлений. Теперь я в Москве, пробуду, вероятно, почти до Рождества. А Вы? Думаю, что скоро увижу Вас — пора, пора Вам возвратиться к жизни! Целую Вашу руку <...>, низко кланяюсь Е^{<вгении>} Я^{<ковлевне>}, Леле и художнице.

⁴ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a. M.: Посев, 1977–1982. Т. 1. С. 44–45.

⁵ Там же. С. 45–46.

⁶ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 16.

Пожалуйста, все-таки напишите мне — скоро ли Ялту покинете? А то мне надо переслать Вам 60 р. Я хотел, чтобы не смущать Вас, передать их на пароходе Леле, но по дороге, на извозчике, испугался: а ну-ка я засяду в Одессе? Было же со мной всего 160 р. И действительно, в Одессе можно было засесть крепко»¹.

Из Москвы Бунин уехал в Глотово. Новый год встречал в Ефремове и 10 января оттуда, обеспокоенным молчанием Марии Павловны, в письме к О.Л. Книппер-Чеховой спрашивал, где она теперь и отправлял ей одно за другим два послания — письмо и открытку: «Дорогой друг, где Вы? Я писал Вам <речь идет о письме Бунина от 5 ноября 1905 г. — Т.Г.> — никакого ответа. Пишу Вам и в Москву — может быть Вы уже в Москве. Напишите мне, как поживаете, как Ваше здоровье и что Вы думаете относительно заграницы? Что до меня, то я пока в деревне, в конце января думаю побывать в Москве. Адрес мой — ст. Измалково, Юго-Вост. ж. д., с. Глотово. Кланяюсь Е<вгении> Я<ковлевне> и целую Вашу руку. Ив. Бунин»². В открытке тоже беспокойство: «Снова пишу Вам в Ялту, но думаю, что больше шансов на то, что Вы в Москве, и посему пишу и в Москву. Где Вы, как здоровье и что думаете о поездке за границу? Пожалуйста, ответьте, — я так давно ничего не знаю о Вас. Адрес — ст. Измалково, Юго-Вост. ж. д. Душевно Ваш. Ив. Бунин»³.

В письме, отправленном 14 января 1906 г., Чехова сообщила, что она уже давно в Москве, приехала в самый разгар революции и описала свои впечатления: «Милый Букишон, <...> 9 декабря ночью, едва переехала Тверскую под выстрелами, потом была в засаде больше недели. Я не знала, что Вы уехали 21 декабря, а то я все-таки дала бы Вам знать». И сообщала, что 25 уезжает в Берлин с Ольгой Леонардовной, где будет гастролировать Художественный театр. «Было бы весьма недурно, — писала она, — если бы Вы приехали в Берлин, и оттуда мы поехали бы ненадолго только в Италию. Правда, Вы согласитесь? Я буду Вас ждать. А то валяйте сейчас в Москву, сговоримся. Сколько мне Вам нужно рассказать! Вы меня не узнаете теперь!.. И чего Вы сидите в деревне? В Москве совершенно тихо. Целую и жду ответа»⁴.

18 января 1906 г. Бунин из Глотова отправил открытку: «Дорогой друг, все шансы за то, что приеду в Москву 23–24. Тогда поговорим и об Италии (Ваш план меня очень-очень соблазняет), и о многом другом, ибо соскучился я по Вас чрезвычайно. Если же, паче чаяния, не приеду, тотчас же напишите мне сюда, долго ли пробудете в Берлине и берлинский адрес. Тогда постараюсь приехать прямо в Берлин. Поклон О<льге> Л<еонардовне> и Е<вгении> Я<ковлевне>. Ваш душой. Ив. Бунин»⁵.

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 17.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

⁴ Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 98–99.

⁵ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 20.

Однако поездка Бунина в Берлин не состоялась, несмотря на настойчивые приглашения Марии Павловны, которая открыткой от 25 января сообщила и дату отъезда, и предполагаемый адрес в Берлине: «Будем ждать, приезжайте»¹. Но Бунин по-прежнему оставался в Глотове, жил у сестры, много работал, в Москву приехал 30 января 1906 г. 13 февраля (31 января) Мария Павловны снова приглашала за границу: «Букишон, милый, приезжайте. Сейчас я в Дрездене и, конечно, восторгаюсь, бегаю по галереям и магазинам. Завтра опять в Берлин»². 7 (20) февраля отправила новое письмо: «Дорогой Иван Алексеевич, получили ли Вы мое письмо из Берлина? Напишите, пожалуйста, приедете ли Вы и когда? Если нет, то я изменю свои планы»³. В ответном письме, отправленном из Глотова, Бунин сожалел, что они не встретились и, судя по датам, которые он указывает, просто разминулись: «Дорогой друг, Вы уехали из Москвы 26-го, а я приехал туда числа 30-го. Как жаль, что не встретились! Очень тянет меня к Вам, но нужно писать, ехать в деревню... Да и где Вы теперь? Говорят, скоро уезжаете в Прагу? Может быть и в Москву скоро возвратитесь?

В Москве надеюсь получить от Вас описание Ваших заграничных впечатлений. Если же не получу — очень прошу, напишите. Мне очень хочется знать Ваши дальнейшие планы. Пока крепко целую Вас и желаю всех благ земных <...>⁴. 20 февраля 1906 г. из Москвы Бунин, не разделяя восторженность Марии Павловны, рассказал в письме о своей занятости и о необходимости много работать: «Дорогой друг, я уже писал Вам из Птб. Приехать не могу, надо в деревню, работать, — денег нет. Думаю, что к Святой Вы приедете. Приеду и я к этому времени в Москву. Клянусь Вам — прямо-таки соскучился без Вас и посему особенно крепко целую Ваши ручки. <...>. Пишите по московскому адресу — на “Вестник воспитания”. Ваш душой. Ив. Бунин»⁵. Однако в Москву Бунин не поехал.

Вернувшись из-за границы, Чехова сообщила Бунину о своих планах на ближайшее время в письме от 12 марта: «Я вернулась из-за границы здоровой, веселой и цветущей... На шестой неделе в пятницу уезжаю в Ялту. В конце мая еду в Париж, в июне буду в Лондоне — там будет Худ<ожественный> театр. Успех театра небывалый, шумный. Приглашения со всех концов Западной Европы. <...> При свидании расскажу много разных вещей. Увидимся ли в Москве, где Вы? <...> Женились ли Вы наконец? Adieu»⁶.

¹ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов; науч. ред. О.Н. Михайлов. С. 589.

² Там же. С. 590.

³ Там же.

⁴ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 22.

⁵ Там же. С. 23–24.

⁶ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. Симферополь: Крым, 1969. С. 134.

С этого времени что-то в их отношениях изменилось, но переписка не прерывалась. 7 апреля 1906 г. Бунин писал из Глотова в Ялту: «Дорогой друг, наконец-то Вы отыскались! А я уже, вспоминая Вас, начал было обижаться, ибо писал Вам несколько раз в Берлин и не получал в ответ ни звука! Теперь получил Ваши два письма почти одновременно, — первое порядочно постранствовало, — и сразу и обрадовался, и огорчился: я, значит, опять не увижу Вас Бог знает сколько! Весна, Вы, Париж — это все дьявольски заманчиво, но я почти до сентября буду беден — и посему с болью ставлю крест на поездке на теплые воды. Ограничусь пока Одессой, куда думаю направиться 20-го апр. Если бы знал наверняка, что Вы еще будете в этих числах в Ялте, — проехал бы, может быть, через Крым, — Бог свидетель, с наслаждением поцеловал бы Ваши ручки и наговорился бы до упаду, — но я даже не знаю, застанет ли Вас это письмо. (Пишу на всякий случай записочку и в Москву, Вы ведь через Москву поедете?) Все же очень прошу Вас ответить мне: где Вы? Здесь, в деревне, я пробуду, вероятно, до 15-го, так что уж пишите на Москву — я перед Одессой заверну туда денька на два. Помните адрес? Арбат, Староконюшенный, д. Михайлова, ред^{<акция>} “Вестника воспитания” ^{<адрес Юлия Бунина. — Т. Г.>} А пока — будьте здоровы и счастливы, передайте мой низкий поклон Е^{<вгении>} Я^{<ковлевне>} и всем прочим обитателям Вашего дома и примите от меня признание в пламенной любви к Вам... Да хоть изредка пишите из-за границы. Ив. Бунин.

Посылаю Вам 60 р. Простите, дорогой друг, что так поздно: осень вся прошла в забастовках и драке, а потом Вы уехали¹. Сохранилось еще одно письмо из Глотова, дatedированное 7 апреля 1906 г., в котором он пишет, что рад был получить наконец весточку от нее и сокрушается, что «по причине бедности» не может отправиться с ней в путешествие, а едет «всего-навсего в Одессу — числа 20 апреля (через Москву)»².

13 апреля 1906 г. Чехова писала из Ялты: «Милый Букишончик, зачем Вы посыпаете мне деньги? Я об них совершенно забыла. Еду ли я в Париж — неизвестно пока. Каждый день перебрасываемся с Ольгой Леонардовной телеграммами и сегодня пришла из Франкфурта, что в Париж не едут и дальнейшее неизвестно. Если в Париж не едут, то и я не поеду, отложу. Не минуйте, пожалуйста, Крыма, когда будете ехать в Одессу — я Вас очень об этом прошу. У меня настроение путешествующее и очень возможно, что я поеду посмотреть Одессу. Приезжайте прямо к нам на дачу и будете гостем самым дорогим. Если остановитесь в гостинице, то этим нанесете мне большое огорчение, и я буду плакать. Здесь Куприн, мы с ним подружились, и он бывает у нас каждый день. Приезжайте скорее и его застанете. Телеграфируйте о приезде.

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 29. Поездка Бунина в Одессу состоялась лишь 24 апреля.

² Там же.

Я стала грешной, и, пожалуй, Вы теперь меня любить не будете. Жду Вас»¹. 1 мая 1906 г. Бунин из Одессы отправил М.П. Чеховой открытку: «Дорогой друг, если Вы в Ялте, то я через неделю поеду домой — через Ялту. Черкните два <слова> — где Вы? Всей душой преданный Вам Ив. Бунин. Одесса, Софиевская, 5. кв. Кировского, мне»². Она подтвердила свое приглашение телеграммой, и Бунин поблагодарил ее в открытке от 8 мая, отправленной из Одессы: «Дорогая Амаранта, тронут Вашей телеграммой³, целую Ваши ручки. В Ялте надеюсь быть в пятницу 12-го. Только я все-таки беспокоюсь: а вдруг Вы уедете в Москву? Если да, — напишите немедленно, тогда я в Ялту не поеду — увидимся в Москве. Если же не уезжаете, ничего не пишите. Поклон всем Вашим. Ваш душой И. Бунин»⁴.

Однако в Ялту он не смог приехать, о чем сообщал 13 мая в своем послании из Киева: «Дорогой друг, я чуть не плачу от досады! Черт меня дернул остаться в Одессе до пятницы! Еду в пятницу на пароход и узнаю, что сообщение с Крымом кончено — забастовали. А кто знает, когда кончится забастовка? Дождешься еще и железнодорожной забастовки! А старики в деревне умоляют приехать. И вот я на пути в Москву. Дорогая, не сердитесь — очень прошу. И напишите в Москву — Арбат, Староконюшенный, “Вестник воспитания”. Напишу из Москвы»⁵. Пробыв в Москве несколько дней, Бунин 19 мая уже по пути в деревню отправил со станции письмо: «Дорогой друг, так хотелось Вас видеть, что чуть не уехал из Москвы в Крым. Но — время тревожное, пароходы не ходят, в Севастополе, по газетам судя, что-то затевается… И вот еду в деревню. Чудесная, чисто русская, прохладная, с соловьями, лягушками и свежестью ночь, стоим на ст<анции> Ока.

Думаю побывать в деревне с месяц, а затем… вероятно, в Крым. Если Пятницкий заплатит, поеду с Вами в Кисловодск. Возьмете? Про Кислов<одск> слышал от Олечки, у которой был и которую нашел в добром здоровье и веселой. От нее же слышал — с неудовольствием про Ваш флирт с Куприным. Надеюсь, этот демон уже уехал?»⁶ Свое «неудовольствие» Бунин подчеркнул подписью: «Ваш доброжелатель»⁷. «Неудовольствие» Бунина не имело никаких оснований, хотя Куприну Мария Павловна нравилась, и он действительно немного ухаживал за ней. В Крым Бунин не поехал, что-то и на этот раз помешало, и он остался в деревне.

¹ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 135.

² Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 30.

³ В «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» отмечено, что телеграмма неизвестна. См.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. С. 597.

⁴ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 30.

⁵ Там же. С. 30–31.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же.

«Как жалко, — писала ему Чехова 28 мая 1906 г., — что Вы не приехали, дорогой Иван Алексеевич! Комнатку Вашу подготовили, все там вычистили, вымыли и настоящий письменный стол поставили. Думали, что будете нашим гостем надолго. Дело поправить, конечно, можно — приезжайте скорее, не бойтесь революции, *все равно от нее никуда не уйдешь* [курсив мой. — Т.Г.]. Из Севастополя ежедневно стал ходить частный пароход. Из Ялты он выходит в 8 ч. утра и из Севастополя в 3 часа дня. Линейка тоже ходит каждый день.

Если все будет благополучно, мы с Вами придумаем какую-нибудь поездку, хотя бы и в Кисловодск. Возьмите у меня взаймы денег, я надеюсь на честность Вашего старшего брата».

Куприн «уже уехал, мы с ним пока в переписке. Приедете, много расскажу разных разностей. Во всяком случае, на июль, самый жаркий в Крыму, мне хочется куда-нибудь удрать. Вы мне напишите поскорее, приедете ли Вы и когда? Кормить и поить буду бесплатно. <...> Ваше письмо со ст. Оки получили, но что за манера не подписываться под письмами и писать без обращения. Чего Вы боитесь?»¹.

В ответном письме М.П. Чеховой от 7 июня 1906 г. из Огневки Бунин сообщал: «Милый друг, пожалуйста, простите за поздний ответ — был в имении сестры [в Глотово у Софьи Николаевны Пушешниковой. — Т.Г.], а потом случился у нас пожар — сожгли-таки! Пока дело ограничилось погоревшими лошадьми, свиньями, птицей, сараев, людскими избами и скотным двором, но, вероятно, запалит еще разок, ибо волнуются у нас мужики сильно и серьезно, в один голос говоря, что ни единому человеку из помещиков не дадут убрать ни клока хлеба. Приходится, значит, решать, как быть, куда удирать всей семье — с детьми и стариками — и вот почему я еще не могу сказать ничего определенного, когда именно выберусь отсюда. Думаю только, что м. б., даже раньше, чем предполагал: говорят, напр., что 10-го снимут от помещиков всех служащих — тогда поневоле удерешь скорым маршем, и вовсе не страха ради иудейска, а просто потому, что существовать будет невозможно. А Вас все-таки прошу написать сюда еще раз — и не так сердито, как прошлый: неужели Вы серьезно обиделись за шутливую подпись? <«Ваш доброжелатель».— Т.Г.>. Ах, молодой человек, молодой человек! Целую Ваши ручки, впрочем, так же крепко, как и прежде и кланяюсь всем Вашим. Ив. Бунин. <...>»². Бунины, как известно, были встревожены происходящим в усадьбе. Там был настоящий крестьянский бунт, поэтому не только у Буниных, но и во всей округе поселилась тревога, о чем Бунин, остававшийся в Глотове, сообщал Марии Павловне в письме 1 июля 1906 г.: «Дорогой друг, Вы, м^{ожет} б^{ыть}, сердитесь за молчание? Не сердитесь — было много хлопот и непри-

¹ Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 99–100.

² Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 32–33.

ятностей: мужики еще наскандалили — и так, что пришлось перебираться в город, хлопотать о квартире, сидеть там — и все это среди неимоверной жары. Теперь я на время приехал к сестре <С.Н. Пушешниковой. — Т.Г.>, где пока еще тихо. Подумываю о юге. Что с Вами? Узнали от Софьи Павловны <знакомая Чеховых. — Т.Г.>, что Вы больны. Чем? Напишите, дорогой друг, хоть два словечка. Надеюсь, что у Вас пустяки и Вы скоро поправитесь. Понесла поклон Вашим и целую Ваши ручки. Ив. Бунин»¹. За 1900–1906 гг. сохранилось много писем, в эти годы они писали друг другу часто, всегда были откровенны, всегда приходили друг другу на помощь. Каждому дружба принесла немало светлого и радостного.

Из воспоминаний Марии Павловны, которые характеризуют их отношения тех лет: «Куприн и Бунин были дружны между собой, вместе бывали в Ялте, и я иногда в шутку называла их “двумя Аяксами”. <...> Бунин и Куприн в письмах ко мне подтрунивали друг над другом. Бунин писал: “Слышал с неудовольствием про Ваш флирт с Куприным. Надеюсь, что этот демон уже уехал?” Куприн же писал: “Скажите Ваничке Бунину, что всякого другого на его месте я возненавидел бы, но ему великодушно прощаю...”».² Но самый яркий период их переписки, да и в целом дружбы подходил к концу. Письма они друг другу писали и в 1907–1911 гг., но реже, чем прежде.

В жизни Бунина произошло событие, которое определило всю его дальнейшую жизнь: 4 ноября 1906 г. на литературном вечере в доме Б.К. Зайцева он познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, 13 ноября вновь увидел ее на заседании Общества любителей российской словесности, затем в Литературно-Художественном Кружке, увлекся ею, несколько раз провожал, стал бывать у Муромцевых дома, ей в его компании тоже «было весело и радостно». Дружеским отношениям с М.П. Чеховой это повредить не могло, но теперь они виделись и общались не так часто, как раньше. В январе 1907 г. Чехова получила от Бунина в подарок книгу Д. Байрона «Каин» в его переводе с надписью: «Марии Павловне Чеховой преданный ей Иван Бунин»³. 26 января 1907 г. в Большом зале Московской консерватории Бунин участвовал в литературно-музыкальном вечере, устроенном артисткой Художественного театра М.Г. Савицкой в пользу голодающих Казанской губернии. В вечере также принимала участие О.Л. Книппер (объявления о вечере были даны в «Русских ведомостях» 21 и 24 января (№ 16, 18)). Возможно, там они виделись с Марией Павловной, но уточнить это не удалось⁴. 2 февраля 1907 г. из Глотова Бунин отправил М.П. Чеховой письмо с извинениями, что не зашел

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 34.

² Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 243.

³ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. С. 635.

⁴ Там же. С. 634.

к ней перед отъездом в деревню, ибо «чувствовал себя больным и кислым». Теперь чувствует себя лучше: «и очень желал узнать о Вас то же самое <...> и напишите мне несколько слов (между прочим, и о романе Вашем с Шемшуриным. Пробуду здесь до 19 февраля, после чего — в Москву. Крепко целую Ваши ручки. Ваш до гроба Букишон»¹. О каком Шемшурине идет речь, установить не удалось. Возможно, Шемшурин Андрей Акимович (1872–1937) — литературовед, искусствовед, очевидно, Мария Павловна не придала этому никакого значения, и ее реакция на этот упрек неизвестна.

Вскоре в переписке И.А. Бунина с М.П. Чеховой наступил перерыв, впрочем, он вполне объясним. В двадцатых числах февраля Бунин вернулся из деревни в Москву, а 10 апреля они с В.Н. Муромцевой отправились в загадочное путешествие, сначала прибыли в Одессу, а 14-го на пароходе отплыли в Константинополь. С этого путешествия, как она написала в воспоминаниях, «мы должны были начать нашу новую жизнь»². Путешественники побывали во многих городах, почти отовсюду М.П. Чехова получала весточки. 3 мая (20 апреля) 1907 г. Бунин опправил из Александрии открытку с видом города и надписью: *Alexandrie. Vue generale: «Кланяюсь Вам, дорогой друг, из Африки! Ив. Бунин»*³. 5 (18) мая 1907 г. помечена новая открытка с видом руин и надписью: «Поклон из Сирии, с пути в Дамаск, из Баальбека, от руин Храма Солнца! Ив. Бунин»⁴. Путешествие завершилось, и 25 мая Бунин с В.Н. Муромцевой вернулись в Москву, в тот же день он уехал в Грязи проводить мать и сестру, но, очевидно беспокоился о Марии Павловне, потому что 26 мая 1907 г. *Вера Николаевна сообщила ему в письме следующее*: «Сейчас говорила с Книппер. М.П. <Чехова> — в Ялте, где пробудет до половины июня. В понедельник туда уезжает Ольга Леонардовна, которая приглашала тебя приехать в Ялту»⁵. Видимо, это приглашение не было принято, и в переписке наступил перерыв. Бунин много работал, путешествовал, весточки отправлял из дальних стран. В архиве Чеховой сохранилась открытка, отправленная 6 апреля (24 марта) 1909 г., с видом руин древнего театра и надписью: *Siracusa. Teatro Greco: «Кланяюсь из Сиракуз, где жил Архимед и где растут папирусы! Ив. Бунин»*⁶.

Когда Бунин бывал в Москве, они, как и раньше, встречались с Чеховой на различных мероприятиях. Так 24 декабря 1909 г. (четверг) в санатории близ станции Крюково Николаевской железной дороги состоялось откры-

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 43.

² Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989. С. 291.

³ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 48.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. С. 674.

⁶ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 107–108.

тие комнаты им. А.П. Чехова с маленькой выставкой о нем по случаю его пятидесятилетия. Предполагалось, что здесь в будущем будут бесплатно отдохать писатели, отведены были специальные комнаты для больных туберкулезом. Конечно, в этом принимали участие Чеховы — Мария Павловна, Иван Павлович, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Бунин был среди гостей один, Вера Николаевна болела и с сожалением писала, что не удалось побывать на открытии санатория¹. Как всегда, в юбилейные дни проводилось много мероприятий. 17 января 1910 г. в Москве, в Художественном театре, прошел литературный утренник, посвященный А.П. Чехову. Бунин читал свои воспоминания о Чехове и присутствующие мать и сестра Антона Павловича плакали. Бунину тоже запомнился этот день: «театр был переполнен. В литературной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей. <...> Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я читал наши разговоры с Антоном Павловичем, *его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали <курсив мой. — Т.Г.>*². На следующий день чету Буниных пригласила на обед О.Л. Книппер-Чехова, а на 24 января М.П. Чехова пригласила их на обед к себе. Бунин был рад, что там он смог увидеться со всеми Чеховыми, живущими в Москве. С Евгенией Яковлевной они не виделись пять лет, и «обрадовались друг другу как родные»³.

В.Н. и И.А. Бунины много путешествовали, и Мария Павловна получала весточки из дальних стран, как всегда колоритные и яркие не только по тому, что на них изображено, но по неповторимому бунинскому стилю. 29 (16) января 1911 г. И.А. Бунин отправил Марии Павловне иллюстрированную открытку с видом резной каменной стены и надписью: Phile — ar sacre: «Дорогая Мария Павловна, кланяюсь Вам из Ассуана! Пишу на театр — забыл Ваш переулок. И. Бунин»⁴. 5 марта (20 февраля) 1911 г. из Джибути он отправил открытку с видом стада коров на водопаде с изображением огромных каменных ворот и надписью: «Дорогая Мария Павловна, я черт знает где — в Африке, среди сомалиев, совершенно голых людей, шоколадных с ног до головы (страшно курчавой и облитой известкой). Если меня не съедят, напишу с Цейлона. Возвратиться мечтаю в конце апреля. Целую Ваши ручки, поклон мамаше и Ольге Л^{еонардовне}. И. Бунин»⁵. 20 (7) марта 1911 г. из Нурильи фотооткрытка, на которой пять аборигенов, двое из которых стреляют из

¹ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. С. 857–858.

² Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 11.

³ Там же. С. 14–15.

⁴ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 165.

⁵ Там же. С. 172.

лука, на обороте: надпись *Veddhas (Wild Men). Ceylon. (Поклон с Цейлона).* И подпись: «*И. Бунин*»¹.

Чехову и Бунина всегда связывала память об Антоне Павловиче. Мария Павловна начала готовить письма Чехова к печати и попросила Бунина помочь ей. 27 апреля 1911 г. она напомнила ему письмом о его обещании принять участие в этом проекте: «Дорогой Иван Алексеевич! Сегодня узнала от С.А. Найденова, что Вы уже вернулись в Москву. Решила написать Вам. Во-первых, спасибо за милые открытки из разных стран, во-вторых, *позвольте напомнить Вам об обещании написать предисловие к первой книжке писем покойного Антоши* <курсив мой. — Т.Г.>. Хочется выпустить первый том осенью, Сытин будет печатать, уже условились. Напишите мне, что Вы думаете насчет предисловия. Не обманете ли? Ужасно боюсь. Писем имею уже 1890!

Зимою ездила по делам в Петербург, там П.В. Быков (из “Нивы”) просил меня указать, кто бы мог написать для издательства Маркса биографию Чехова. Я указала на Вас и отвергла предложенного им Айхенвальда. Если бы Вы согласились и позволили написать Быкову?! Вероятно, и заплатят Вам хорошо. Буду ждать ответа, а пока будьте здоровы, крепко жму Вашу руку и остаюсь бывшая Амаранта, а теперь Мария Чехова.

Как Вам путешествовалось? Как Ваше здоровье? Не собираетесь ли в Ялту? Передайте мой привет Вашей супруге. А пока будьте здоровы, крепко жму Вашу руку и остаюсь *бывшая Амаранта, а теперь Мария Чехова* <курсив мой. — Т.Г.>². В смелости ей не откажешь, многозначительная подпись впечатляет. Заключив свое письмо словами «*бывшая Амаранта*», она определила их деловые отношения и свое дальнейшее положение.

Именно ей, Марии Чеховой, завещал издание своих произведений, в том числе и писем, ее знаменитый брат, который Бунина очень любил, и ей было важно, чтобы именно Бунин написал предисловие к письмам и биографию Чехова для издания А.Ф. Маркса, 3 мая 1911 г. по поводу предисловия Бунин написал ей следующее: «Дорогая Мария Павловна, обещание свое помню, предисловие, — если оно удастся мне, — дам с великим удовольствием, сообщите только, как мне получить письма для прочтения <курсив мой. — Т.Г.>. Я хотел прожить лето под Одессой или в Крыму — тогда прочитал бы письма в рукописи. Но боюсь чумы, холеры... да и четырехмесячное путешествие по странам, где благодаря мерзавцам-англичанам, золотой считается чуть не вроде нашего целкового, и где я хворал порою (почками — в Египте, печенью — на Цейлоне), подорвали мои средства. И, значит, надо ехать в деревню. Верно, побываю летом в Крыму, но когда — еще не знаю. А посему — не лучше ли всего присыпать мне письма в корректуре? Жду от Вас известий.

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 174.

² Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Время: Сб. Смоленск, 1962. С. 102–103.

Сообщением о Быкове очень заинтересован — напишите ему, пожалуйста! Желаю всех благ земных Евг^ении Яковл^евне, с неизменной преданностью целую ручки Амаранты. Ив. Бунин.

Вера Вам кланяется. В деревню едем на днях: *Измалково, Орловской губ.* Письма туда посыпать следует заказные¹. 9 мая 1911 г. Чехова отправила письмо и предложила приехать в Крым, сообщив о работе над письмами А.П. Чехова, которые готовила к публикации: «Теперь о письмах. Могу присыпать Вам для прочтения, но материал для первой книжки Вы уже читали, хотя еще прибавилось порядочно новых писем <...> Значит, Вы читали письма до 1888 года. Если напишете куда и когда прислать, то пришлю материал, напечатанный мною для второй книги — с 1888 г. по 1899 г. писем 300. <...> Материал для первого тома уже готов, письма в строго хронологическом порядке. Клише с фотографий тоже готовы. Ожидаю брата Михаила, чтобы сделать с ним примечания к каждому письму, так как многие события ему больше известны. Я очень рада, что он согласился мне помочь. Письма Антоши к нему очень интересны. Сытину надо сдать материал для печатания в августе. Сердечный привет Вере Николаевне. Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего. Мария Чехова»².

И вновь, 3 августа 1911 г. М.П. Чехова писала И.А. Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич, не знаю, где Вы находитесь в данный момент, но все-таки пишу Вам в деревню. Два месяца тому назад я послала Вам заказное письмо, но ответа, к сожалению, не получила. <...> В заказном письме я просила Вас написать мне, куда и когда я могла бы выслать Вам письма Антона Павловича. Суворин прислал мне 360 писем! Очень интересных! Напишите, в чем должно заключаться мое посредничество между Вами и Быковым? Письма Быкова верните назад. Будьте здоровы, желаю всего хорошего. Привет вашей супруге. М. Чехова. У нас очень жарко. До сентября мой адрес: Кореиз, Нов. Мисхор, соб^ственная дача»³.

И.А. Бунин сообщает в письме М.П. Чеховой от 12 августа 1911 г. из Одессы: «Дорогой друг, простите Христа ради: я не писал Вам потому, что все не мог — заранее — определить, когда буду свободен, когда попаду в Крым, очень строчил, а потом — даже совестно сказать: опять хворал, наткнулся на инфлюэнцу, по причине люто-холодного и дождливого лета. Теперь я приехал, оставив супругу в деревне, на дачу к друзьям, под Одессу, *а возвратиться в свои палестины надеюсь через Крым, ибо очень хочется видеть Вас и потолковать о деле, о письмах* <курсив мой. — Т.Г.>. Правда, то, что будет в 1-м т^еме, я читал, но мне необходимо еще раз прочесть и сделать заметочки для себя. Буду, значит, читать в корректуре. А уж материал дальнейший прочту в Крыму, где надеюсь быть в конце августа, в на-

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 178.

² ОР РГБ. Ф. 429. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 1, 2.

³ ОР РГБ. Ф. 429. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 15, 16.

чале сентября. <...> Целую Ваши ручки, кланяюсь мамаше. Преданный Вам Ив. Бунин»¹.

Готовя письма к печати, Чехова многое обсуждала с Буниным. Из письма И.А. Бунина от 9 сентября 1911 г. из Одессы: «Дорогая Мария Павловна, прошу Вас во имя старой дружбы нашей — не сердитесь на меня!! Всей душой хотел попасть к Вам — и не мог: только что собрался, как переломилась погода и, д<олжно> б<ыть>, в связи с этим, начались у меня опять те жестокие, колющие боли возле правой почки, от которых я чуть не помер зимой в Египте, начались замирания сердца до ужаса смерти — и вот я бегу в Москву. Простите, дорогая! Первый том писем еще раз просмотрю по корректуре (верно, уже Сытин печатает) — и напишу предисловие <курсив мой. — Т.Г.>. Второй, когда вы приедете в Москву, если это не будет поздно. От предложения Маркса отказался: дает сроку до 1-го ноября. Ваш Ив. Бунин»². Это тоже свидетельство того, что Бунин очень занят. Следующее письмо отправлено 25 сентября 1911 г.: Москва. Столовый, 11. М.П. Чеховой: «Дорогая Мария Павловна, Вы не написали мне в ответ на мое письмо — значит сердитесь на меня? Очень прошу Вас еще раз — поверьте мне, что мои дела и впрямь плохи, что только крайность заставила меня не исполнить своего обещания — не заехать к Вам: я и сейчас едва таскаю ноги и всячески — и водами, и мышьяком — поправляю свою плохую машину.

Письма Антона Павловича брал у Сытина и, мгновенно перечитав, снова возвратил ему для набора. Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью. Но тем более берет меня сомнение: нужно ли мне писать вступление к ним? Крепко подумавши, прихожу к заключению, что не нужно. Ибо, что я могу сказать во вступлении? Похвалить их? Но они не нуждаются в этом. Они — драгоценный материал для биографии, для характеристики Антона Павловича, для создания портрета его. Но уж если создавать портрет, так надо использовать не один том их, а все, да многое почерпнуть и из других источников. А какой смысл во вступительной заметке? Пожалуйста, напишите мне Ваше мнение. Думаю, что Вы согласитесь со мной, тем более что ведь и выпускать письма надо поскорее»³. «Я согласилась с Иваном Алексеевичем, — писала Мария Павловна в воспоминаниях, — и вместо вступительной статьи моим братом Михаилом Павловичем были написаны биографические очерки к каждому тому писем»⁴. Чутье не подвело ее, очерки, написанные М.П. Чеховым, оказались очень уместными, не утратили своего значения и сегодня читаются с интересом. Но Чехова сожалела, что Бунин не выполнил свое обещание и 1 октября 1911 г. писала ему: «Дорогой Иван Алексеевич, я не сержусь на Вас — а мне просто жалко,

¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 183.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 185.

⁴ Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 242.

что Вы не приехали. Я собиралась Вам писать, но разные хозяйствственные дела и переезд из Мисхора отнимали у меня все время. <...> Во всяком случае желаю Вам поскорее поправиться и подарить всей мыслящей России (я очень часто эту фразу читала и слыхала) что-нибудь великое.

Теперь о деле: я все-таки надеюсь, что Вы напишете что-нибудь для первой книги, хотя бы как будто от меня — выразили бы мою цель обнародования этих писем. Мне бы очень хотелось самой что-нибудь написать, но ведь я же не умею! Приеду я в Москву 1-го ноября, повидаюсь с Вами и посоветуюсь о многом. Раньше не выпущу книги, чем сама не буду чувствовать, что все хорошо. <...> Спешить некуда»¹.

Она понимала, что лучше Бунина никто не сможет написать биографию и предисловие, но смирилась и как бы подводя черту под несбышившимся, написала: «Жаль, что Вы не сошлись с т-ме Маркс, конечно, насчет биографии. Очень жаль, я так мечтала, что Вы напишете»². 18 (5) ноября 1911 г. с Капри Бунин, объясняя причину такого позднего ответа на ее последнее письмо плохим самочувствием, жаловался, что «неважно и теперь», писал, что перед отъездом видел Ольгу Леонардовну, «получил от нее приглашение побывать у нее — да не мог им воспользоваться»³. Не смог он принять участие и в подготовке к изданию писем А.П. Чехова, так как был занят работой: в сентябре 1911 г. в интервью московской газете «Театр» он сказал, что «за летний период интенсивной работы закончил несколько рассказов и одну повесть, которая появится в сборнике “Знания”. Кроме того, написал еще первую часть большого романа под заглавием “Суходол”»⁴.

В конце 1911 г. М.П. Чехова и И.А. Бунин обменялись последними письмами. Шесть томов писем А.П. Чехова были изданы в 1912–1916 гг. под редакцией М.П. Чеховой при участии М.П. Чехова, именно эти письма вошли впоследствии в собрания сочинений *как неотъемлемая часть наследия писателя* (Л. Никулин) и стали, как справедливо считал Бунин, «драгоценным материалом для биографии, для характеристики Антона Павловича, для создания портрета его». После 1911 г., видимо, Бунин и Чехова не переписывались и не встречались, во всяком случае, сведений об этом пока найти не удалось. И.А. Бунин, как известно, в 1918 г. из России уехал, и с М.П. Чеховой они оказались по разные стороны так называемого «железного занавеса»: он жил во Франции, она в СССР. В поздних воспоминаниях, написанных уже в советское время, Чехова подвела черту под их отношениями: «В последние годы мы уже реже виделись с И.А. Буниным. Он женился вторично и стал мало бывать в Крыму. Переписка тоже заглохла. А после революции

¹ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. С. 149.

² Там же. С. 149–150.

³ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. С. 187.

⁴ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. С. 120.

мы и совсем расстались. Бунин не был ни капиталистом, ни помещиком, хотя у него и было небольшое старинное родительское имение в одной из деревень Тульской губернии. Жил он только своим литературным трудом и всегда был стеснен в деньгах». «*И тем не менее — И.А. Бунин не мог понять Великую Октябрьскую социалистическую революцию и эмигрировал за границу. Печально закончились дни этого талантливого человека, любившего свою родину, но не сумевшего отказаться от некоторых своих взглядов. Он умер за границей в 1953 году восьмидесяти трех лет от роду* <курсив мой. — Т.Г.>¹».

В авторских рукописных текстах Чеховой этих строк найти не удалось. Они опубликованы в ее книге «Из далекого прошлого», на титульном листе которой было написано: «Запись Н.А. Сысоева». Ему Мария Павловна диктовала свои воспоминания.

Что знала Чехова о жизни Бунина в эмиграции, где широко издавались его книги не только на русском языке, но и на других языках за рубежом, как относилась к тому, что его почти не издавали в России, как восприняла известие о присуждении ему Нобелевской премии по литературе (1933)? Все это вопросы, на которые надо искать ответ.

В «Автобиографических заметках» в комментарии к своему тексту о Чеховой Бунин фактически определил это в первой фразе — «Как Кремль умеет запугивать!». И объяснил на примере: «И вот передо мной книга, изданная в Москве в 1947 году — “Чехов в воспоминаниях современников”, среди этих воспоминаний есть воспоминания М.П. Чеховой, и между прочим такие слова её: “Люди науки, искусства, литературы и политики окружали Антона Павловича: Алексей Максимович Горький, Л.Н. Толстой, В. Короленко, Куприн, Левитан бывали здесь...”. В последние годы Чехова я не только бывал, приезжая в Ялту, каждый день бывая в его доме, но иногда гостил в нем по неделям, с М.П. Чеховой был в отношениях почти братских, однако она, теперь глубокая старуха, не посмела даже упомянуть обо мне, трусливо пишет полностью: “Алексей Максимович Горький и Вячеслав Михайлович Молотов”, подобострастно говорит: «Вячеслав Михайлович Молотов выразил, очевидно, не только свое, но и всей советской интеллигенции мнение, написав мне в 1936 году: “Домик А.П. Чехова напоминает о славном писателе нашей страны, и надо, чтобы многие побывали в нем. Почитатель Чехова В. Молотов”. Какие мудрые и благословенные слова!», — продолжает цитату Бунин с явным сарказмом².

М.П. Чехова так же, как и Бунин, прожила жизнь в двух мирах: он — в России и в эмиграции, она — в России и в СССР. Разные миры — разные жизни. Живя в Советском Союзе, Мария Павловна оставалась такой, как ее знал Бунин, по всей вероятности, сохранила и воспоминания о нем. Побы-

¹ Цит. по: Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. С. 242.

² Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1950. С. 13–14.

вавший в Ялте летом 1946 г. журналист из Амстердама Леонард Гендлин отметил ее радушие, приветливость, безукоризненный вкус в одежде: «Она не носила ничего яркого, крикливого, понимала тонкий юмор, любила посмеяться и пошутить. На безымянном пальце левой руки постоянно носила кольцо с круглым зеленым камнем, которое подарил ей художник Константин Коровин. *А в торжественных случаях надевала кулон в виде цифры “13”, который преподнес ей когда-то влюбленный в нее писатель Бунин. Мария Павловна не решилась оставить Чехова одного и отказалась Бунину. Через тридцать лет все еще влюбленный в нее Иван Алексеевич прислал ей бриллиантовый кулон, напоминавший надгробный памятник, под которым лежит навеки скончавшаяся любовь <курсив мой. — Т.Г.>»¹.* Что здесь правда, а что часть легенды, сказать трудно, всему надо искать подтверждения, вряд ли Мария Павловна при ее сдержанности могла так откровенничать с посетителем музея. Выдержки ей не занимать, и в советское время все было в ее жизни не просто, поэтому о многом она могла умолчать. Так, в цитированных ранее воспоминаниях, написанных в мае 1948 г. и сохранившихся в машинописной копии, которые, без сомнения можно сказать, писались под чьим-то неусыпным оком, она сочла нужным сделать приписку: «Бывало временами очень и очень нелегко, например, в годы 1905, 1914–1920, когда резко нарушилось течение жизни, потом в 1927 году, когда дом сильно пострадал от землетрясения, потом во время оккупации Крыма, но, к счастью, мне удалось преодолеть все трудности и сохранить музей»².

В 1918 г. М.П. Чехова оставалась в Крыму. По распоряжению советской власти в апреле этого года без ее участия и других родственников А.П. Чехова были реквизированы все ценные вещи писателя, в том числе и архив, который долгие годы собирала и бережно сохраняла Мария Павловна. Власть в Ялте часто менялась, переходила из рук в руки, разбой и грабежи касались и дома-ка Чехова, Мария Павловна несколько раз была на грани гибели. С Иваном Алексеевичем Буниным она больше не виделась. Жила в Ялте, в том же доме, в котором был открыт Дом-музей А.П. Чехова и которым она заведовала до конца своих дней. Скончалась Мария Павловна Чехова в 1957 г.

Литература

Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.

¹ Гендлин Л.Е. Перебирая старые блокноты... Амстердам: Геликон, 1986. С. 1.

² Чехова М.П. «Сейф № 315». Воспоминания в записи С.М. Чехова / Публикация Г.А. Шалягина и А.Г. Головачевой // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век. М., 1997. С. 234–236.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общей ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1965–1967.

Гендлин Л.Е. Перебирая старые блокноты... Амстердам: Геликон, 1986. 498 с.

Книппер-Чехова О.Л. Воспоминания и статьи. Переписка: В 2 ч. М.: Искусство, 1972.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов; Науч. ред. О.Н. Михайлов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. 552 с.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. Милицы Грин. Frankfurt a. M.: Посев, 1977–1982. Т. 1. 366 с.

Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. Симферополь: Крым, 1969. 231 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1982. 718 с.

Чехов М.П. Вокруг Чехова. М.: Худож. литература, 1981. 335 с.

Чехова М.П. Из далекого прошлого / Запись Н.А. Сысоева. М.: ГИХЛ, 1960. 272 с.

References

Baboreko A.K. *Bunin: Zhizneopisanie* [Bunin: A Biography]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 457 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919], ed. by O.N. Mikhailov. Chief ed. S.N. Morozov; Text, comment. S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904], ed. by O.N. Mikhailov. Text, comment. S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 9 t.* [Collected Works: In 9 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 718 p. (In Russ.)

Chekhov M.P. *Vokrug Chekhova* [Around Chekhov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 335 p. (In Russ.)

Chekhova M.P. *Iz dalekogo proshloga* [From the distant past], record by N.A. Sysoev. Moscow, GIKhL Publ., 1960. 272 p. (In Russ.)

Gendlin L.E. *Perebiraia starye bloknoty...* [Fingering old notebooks...]. Amsterdam, Gelikon Publ., 1986. 498 p. (In Russ.)

Khoziaika chekhovskogo doma: Vospominaniia. Pis'ma [Mistress of Chekhov's house: Memoirs. Letters]. Simferopol', Krym Publ., 1969. 231 p. (In Russ.)

Knipper-Chekhova O.L. *Vospominaniia i stat'i. Perepiska. V 2 ch.* [Memoirs and articles. Correspondence. In 2 parts]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 1 (1870–1909) [Chronicle of life and work of Ivan Bunin. Vol. 1 (1870–1909)], comp. by S.N. Morozov; ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 2. (1910–1919) [Chronicle of life and work of Ivan Bunin. Vol. 2. (1910–1919)], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84. [Ivan Bunin] [Literary heritage. Vol. 84. [Ivan Bunin]]. Moscow, Nauka Publ., 1973. Book 2. 552 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by Miltitsa Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. Vol. 1. 366 p. (In Russ.)

IVAN BUNIN AND MARIIA CHEKHOV IN CORRESPONDENCE AND MEMORIES

© 2019, TAMARA GORDIENKO

Abstract: The article deals with letters exchanged in 1901–1911 between Ivan Bunin and Mariia Chekhov. This friendly correspondence and subsequent memoirs reflect not only their relations, but also the literary milieu, the social circle and the environment of Anton Chekhov in the Yalta period of his life.

Keywords: Crimea, Yalta, Mariia Chekhov, Anton Chekhov, Amarantha, Don Zinzaga, “Goodbye” story.

Information about the author: Tamara Gordienko, Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow, Russia. E-mail: tamara_gordienko@mail.ru

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ М. ГОРЬКОГО И.А. БУНИНУ: (К ПРОБЛЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ)

© 2019, О.В. БЫСТРОВА

Аннотация: В статье представлены результаты исследований дарственных надписей на книгах М. Горького и И.А. Бунина. Предпринята попытка оценить информативную ценность дарственных надписей корпуса инскриптов обоих писателей. Представленные в статье авторские дарственные надписи, являющиеся информативными для моделирования личностных отношений между двумя авторами, позволяют выявить не только биографические связи между Горьким и Буниным, но и социальные связи писательского сообщества периода 1899–1936 гг.

Ключевые слова: Горький, Бунин, образ адресата дарения, инскрипт, каталог, эпистолярий, датировка, личностные отношения.

Информация об авторе: Ольга Васильевна Быстрова — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: bystrova63@mail.ru

Издание дарственных надписей в советской эдиционной практике имеет свою традицию. В большей части — это были, приоритетно, каталоги библиотек¹, частных собраний², а также музейные публикации книжных даров, хранящихся в фондах³.

Воссоздавая колорит эпохи, дарственные надписи, выполненные автором книги (в других случаях, редактором или третьим лицом), рассказывают о литературных связях писателя, характере взаимоотношений с современниками, примечательных эпизодах личной и творческой биографии, а также его мыслях, чувствах и переживаниях. Так, «при наличии изрядного корпуса инскриптов, адресованных одному лицу, можно составить достаточно полное представление, как о самом реципиенте, так и об его отношении с окружающими его коллегами»⁴. Иными словами, дарственная надпись входит в сферу социологии творчества и психологии человеческих отношений. Помимо

¹ Личная библиотека А.М. Горького. Описание: В 2 кн. / Ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 412 с.

² Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннотированный каталог. М.: Всесоюзное добровольное о-во любителей книги, 1989. 464 с.

³ Библиотека М.А. Шолохова. Книги с автографами. Каталог: В 2 ч. / Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова. Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблишер», 2009. Ч. 1. 120 с.; 2013. Ч. 2. 144 с.

⁴ Дружинин П.А. Книги с дарственными надписями в библиотеке Г.П. Макогоненко // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 431.

этого, писательский инскрипт — это еще и особый литературный жанр, он может быть лапидарным или, наоборот, развернутым; выполненным в прозе и в стихах; сопровождаться рисунками и фотографиями.

Можно говорить и о публикации части коллекций дарственных надписей в каком-то собрании. Так в предисловии к каталогу собрания Библиотеки Пушкинского дома РАН оговаривалось, что при публикации картотеки библиотеки: «...воспроизведется будет далеко не все — речь идет о выборе наиболее интересных в исследовательском отношении дарственных надписей на русском языке, оставленных на изданиях, вышедших в России. Раскрытие с возможной полнотой информации, связанной с дарителями и их адресатами (расшифровка подписей, раскрытие псевдонимов и т.д.), и представление всех доступных сведений об именах (фамилия, имя, отчество, даты жизни, профессия, род занятий и, по возможности, место работы) в виде именного указателя были определены также как важные составляющие предлагаемой работы. Издание не преследует цели глубокого изучения автографов в контексте биографии и творчества отдельных лиц — мы оставляем эту нишу специалистам — литератороведам, историкам литературы, книговедам и др., считая для себя первоочередным предоставить ученым материал, необходимый им для работы»¹.

Публикации, разрозненные и посвященные как дарителям, так и адресатам, — являются все-таки сопутствующими материалами для подготовки к публикации в полных собраниях сочинений, которые остаются приоритетными в системе творческого наследия писателя. Это важно и потому, что: «авторская дарственная надпись на книге занимает промежуточное место между литературным произведением и “бытовым документом”, она связывает, соединяет собственно литературу с литературным бытом»². Именно дарственная надпись на книге, или фотографии позволяет не только реконструировать события давно ушедшего времени, но и понять причины и следствия событий, давно или недавно вошедших в научный оборот. И с другой стороны — помогает выявить факты, которые нигде не были отражены, т.е. еще не стали фактом достояния научного сообщества.

Творческому коллективу Отдела издания и изучения творчества М. Горького только предстоит такая работа — в настоящее время собираются материалы для двадцать четвертого тома серии «Письма», в который войдут дарственные надписи на книгах, фотографиях. Тем более, что в преамбуле ко всему изданию эпистолярия Горького специально оговаривалось это: «Дарственные надписи Горького на книгах и фотографиях, имеющие форму

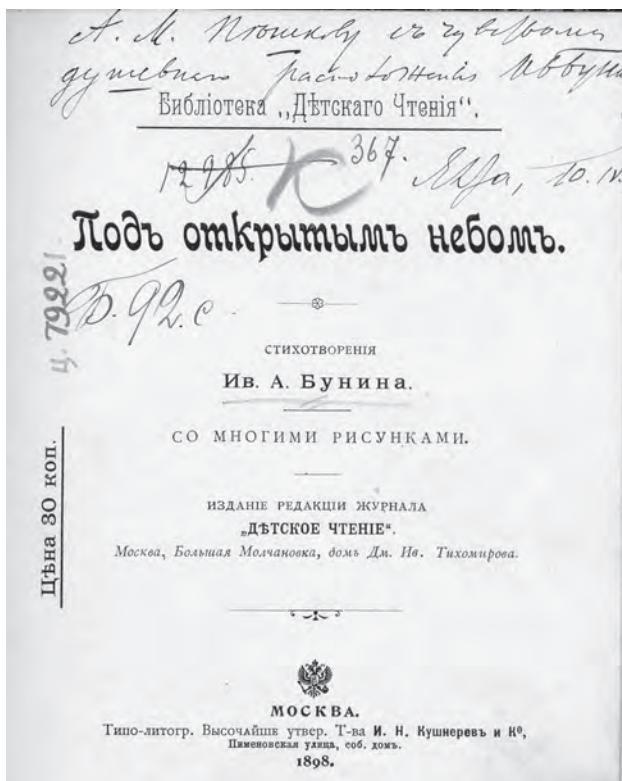
¹ Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского дома. Каталог: В 3 вып. / Сост. Н.С. Беляев. СПб.: Библиотека РАН, 2014. Вып. 1. С. 4–5.

² Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 4 кн. М.: Наука, 1982. Кн. 3. С. 6.

письма и характеризующие его отношения с адресатом, т.е. несущие ценную информацию, помещены по хронологии в основной корпус. Все остальные дарственные надписи... даются по хронологии в последнем томе Писем»¹.

Имя Ивана Алексеевича Бунина — одно из многих в перечне известных адресатов, кому были подарены Горьким и книги, и фотографии. Хотя стоит отметить, что в многолетнем обмене книгами и фотографиями с дарственными надписями первенство дарения принадлежит Ивану Алексеевичу.

Первой подаренной книгой Бунина Горькому стала книга «Под открытым небом: Стихотворения со многими рисунками»². На книге, хранящейся в архиве писателя в ИМЛИ РАН, можно прочитать дарственную надпись: «А.М. Пешкову с чувством душевного расположения. Ив. Буни[н]. Ялта. 10.IV.»³.

И.А. Бунин. Под открытым небом. 1898 г. Титул. (ИМЛИ. Архив А.М. Горького).

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. М.: Наука, 1997—. Т. 1. С. 9.

² Бунин И.А. Под открытым небом: Стихотворения со многими рисунками / Издание редакции журнала «Детское чтение». М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 64 с.

³ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Б-ка Г.-2-4-1.

Обращает на себя внимание дата, которая свидетельствует о том, что дарственная надпись Буниным была сделана «в память» о событии. В корпусе инскриптов такие дарственные надписи «в память о <чем-то или ком-то>» посвящены, как правило, конкретной встрече или периоде совместной деятельности, где на первом плане частная жизнь. Такие дарственные надписи «способны расширить наше представление о личных и творческих взаимоотношениях авторов, уточнить творческую и издательскую историю их книг, напомнить о встречах и пристрастиях, дружбе и сотрудничестве»¹.

Эта дарственная надпись Бунина, сделанная Горькому, вписывается в биографию обоих авторов, уточняя факты бытовой и литературной жизни.

В дате дарственной надписи, сделанной на книге, отсутствует год и буква «н» в фамилии дарителя²; этап реконструкции полной датировки можно начать с факта издания самой книги, которая вышла в 1898 г. Однако, эта же реконструкция заставляет задуматься над вопросом: когда именно познакомились писатели?

Сам И.А. Бунин считал временем своего знакомства с Горьким — весну 1899 г. Он сам писал об этом: «...познакомились мы весной девяносто девятого года... иду как-то в Ялте по набережной и вижу: навстречу идет с кем-то Чехов, закрываетя газетой, не то от солнца, не то от этого кого-то, идущего рядом с ним, что-то басом гудящего и все время высоко взмахивающего руками из своей крылатки. Здороваюсь с Чеховым, он говорит: “Познакомьтесь, Горький”. Знакомлюсь, гляжу и убеждаюсь, что в Полтаве его описывали правильно: и крылатка, и вот этакая шляпа, и дубинка <...>. Чуть не в тот же день между нами возникло что-то вроде дружеского сближения, с его стороны несколько сентиментального...»³.

Супруга писателя Е.П. Пешкова, вспоминая о знакомстве Горького с Буниным, уточняла временные рамки: «Март 19 ... апрель, до 15. <...> у А.П. Чехова встречается с И.А. Буниным»⁴. Но эта дата тоже не точна.

¹ Эфендиева Г.В., Потапова А.С. О чем говорят инскрипты: Дарственные надписи на книгах харбинских поэтов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. Вып. 10. С. 300.

² Правый край книги, вероятно, был отрезан при переплете. Исследователь творчества И.А. Бунина С.Н. Морозов высказал предположение, что переплет на книге был владельческим (т.е. выполненным по заказу М. Горького). Действительно, книга И.А. Бунина вышла в свет в мягкой обложке, а в московском архиве писателя книга хранится в твердом переплете. Это может служить доказательством того, что И.А. Бунин надписал книгу М. Горькому в издательском мягком переплете.

³ Бунин И.А. Автобиографическая заметка // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Редкол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худож. литература, 1988. Т. 6. С. 578–579.

⁴ Летопись жизни и творчества А.М. Горького: В 4 вып. / Редколлегия: Б.В. Михайловский, Л.И. Пономарев, В.Р. Щербина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Вып. 1. 1868–1907. С. 231–232.

Конкретизировать дату знакомства помогают письма М. Горького: в письме от 19 марта 1899 г. он сообщает жене, что «прибыл в Ялту»¹. Однако, все последующие письма, вплоть до письма от 11 апреля 1899 г. не содержат в себе даже намека о знакомстве с Бунином, хотя Пешков весьма подробно сообщает обо всех ялтинских знакомствах. В письме от 11 апреля 1899 г. он сообщает: «Сижу с Буниным»². Таким образом, в письме зафиксировано, что 11-го апреля между писателями уже дружественные отношения, но вопрос остается — когда именно состоялось знакомство, т.к. в письме к жене содержится подтверждение, что знакомство состоялось несколько ранее.

Хроника жизни И.А. Бунина помогает максимально конкретизировать дату знакомства: 6-го апреля 1899 г. Бунин уезжает из Одессы; и в этот же день прибывает в Евпаторию, откуда, далее, выезжает в Ялту. Об этом он пишет своему брату Ю.А. Бунину в письме, датированном 6 апреля 1899 г.: «Еду в Ялту, проветриться дней на пять, увидаться с Миролюбовым, Чеховым и Горьким, которые в Крыму»³.

Таким образом, писатель мог приехать в Ялту 7-го или 8-го апреля 1899 г. И тогда Бунин мог «увидеть» Чехова с Горьким на Ялтинской набережной в период с 7-го по 10 апреля 1899 г. Дарственная надпись на книге позволяет сузить временные рамки знакомства до одного дня — 10 апреля 1899 г.

Но вновь возникает вопрос — как именно книга с дарственной надписью оказалась у Горького? Была ли она вручена лично дарителем Горькому или отправлена по почте в Нижний Новгород вместе с письмом Бунина?

Так, в конце апреля 1899 г. Горький пишет письмо Бунину, в котором сообщил: «Получил Вашу книжку. Сердечное спасибо!»⁴. О какой книге идет речь?

Комментатор опубликованного письма в Полном собрании сочинений (серия «Письма») историк литературы И.А. Ревякина предположила, что речь идет о книге «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897 г.)⁵.

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. М.: Наука, 1997. Т. 1. С. 317.

² Там же. С. 326.

³ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 280.

⁴ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. Т. 1. С. 337.

⁵ Стоит заметить, что точку зрения И.А. Ревякиной разделяет С.Н. Морозов, мотивируя это тем, что свою книгу «Под открытым небом» Бунин подарил Горькому лично, захватив в Ялту с собой несколько экземпляров своей книги. Книгу «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897 г.) послал по почте, т.к. во время личных бесед в Ялте Горький мог расспрашивать Бунина о его литературной деятельности и вышедших к тому времени книгах. В письме Бунину, написанном после 19 апреля 1899 г., Горький просил: «И пришлите мне Вашу книжку» (см.: Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. Т. 1. С. 327). В письме к А.П. Чехову от 26 апреля 1899 г. Горький писал: «Стал читать рассказы

Однако текст письма позволяет сделать иной вывод; позволим привести цитату из письма Горького от конца апреля 1899 г.: «Дорогой и славный Иван Алексеевич!

Пишу уже второе письмо Вам. Получил Вашу книжку. Сердечное спасибо.

Читал и читаю стихи. Хорошие стихи, ей-богу! Свежие, звучные, в них есть что-то детски-чистое и есть огромное чутье природы. Моим приятелям, людям строгим в суждениях о поэзии и поэтах, Ваши стихи тоже очень по душе, и я очень рад, что могу сказать Вам это.

Весел мирный проселочный путь,
Хороши вы, степные дороги!..

Это просто и красиво, а главное — это искренно и верно!

И хутора, и тополя
Плынут, скрываясь за полями!..

Миленьевский мой, это и есть самая чистая поэзия.

...а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

Так оно и бывает — красиво, просто, музикально»¹.

В письме цитируются стихи Бунина «На проселке», «В поезде», «Как дымкой даль полей...», которые вошли в состав подаренной книги «Под открытым небом» (М., 1898). И вслед за этим логично предположить, — что и текст надписи, и дата под дарственной надписью являются напоминанием о знакомстве.

Однако, подаренная Горькому книга все равно вызывает вопросы. Полное библиографическое описание книги таково: «Под открытым небом. Стихи-

Бунина. Порой у него совсем недурно выходит... “Фантазер”, по-моему, написан под прямым влиянием Вашим...» (см.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. С. 335). Упоминаемый в письме рассказ «Фантазер» входил в состав книги «На край света и другие рассказы». Однако, к вопросу о лично врученной или отправленной вместе с письмом книге (и какой именно!) еще стоит вернуться, т.к. в 1900 г. Горький сделал подарок в общественную библиотеку Нижнего Новгорода: среди книг были три книги Бунина — «На край света и другие рассказы», «Под открытым небом» и «Стихи и рассказы» (М., 1900) (см.: *Балика Д.А.* Личная библиотека А.М. Горького нижегородских лет / Труды Горьковской областной библиотеки имени Ленина. Вып. 1. — Горький, 1948. С. 17 (№№ 51, 52, 53).

¹ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. М.Г. Петрова. Т. 1. С. 337.

творения Ив. А. Бунина. Со многими рисунками. Издание редакции журнала “Детское чтение” / Издатель Е.Н. Тихомирова; редактор Д.И. Тихомиров. Москва: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 64 стр.; с илл.». На авантилете указана цена в 30 копеек. Сама книга в коленкоровом переплете с тиснением золотом и черной фольгой на верхней крышке и корешке.

Но часть помет на титульном листе сделана черными чернилами, которая, на сегодняшний день, не поддается расшифровке: так, над заголовком стоит цифра «367», или проставленная красным карандашом буква «к», или зачеркнутый номер «12985»; под заголовком сделаны пометы «ц. 79221» (эта помета сделана вертикально по одной линии с ценой книги), «Б.92.с.»¹. Говорить о том, что они сделаны или рукой Бунина, или рукой Горького не приходится. Это пометы иного рода и явно разных людей, вероятно, сделанные в разное время. Но они тоже нуждаются в комментировании.

В обмене дарственными надписями между писателями выделяется целый пласт записей — так называемых пояснений к фотографиям². Рассмотрим некоторые.

12 апреля 1900 г. И.А. Бунин и Н.Д. Телешов приехали в Ялту, где встретились с Горьким и его семьей, к тому времени уже живущими в Ялте.

Спустя четыре дня, т.е. 16 апреля 1900 г. группа писателей — М. Горький, Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.А. Бунин и Н.Д. Телешов — была сфотографирована Леонидом Валентиновичем Срединым. Это был лечащий врач Горького, с которым тот познакомился в 1899 г. в Ялте. Кстати, писатель подарил ему первый том собрания сочинений Н.С. Лескова с такой надписью: «Душе тонкой, чуткой и отзывчивой — хорошему моему человеку, приятну которого горжусь — Леониду Валентиновичу Средину на память. М. Горький. 1900. Май. В трудную минуту жизни вспомните о Алексее Пешкове — он с великой, искренней радостью откликнется Вам, как сумеет»³.

На фотографии изображены Горький, в белой косоворотке и темных брюках, сидит нога на ногу, и его правая рука лежит на правом колене. Справа от него за столом сидит Д.Н. Мамин-Сибиряк, в костюме, далее рядом с ним — Н.Д. Телешов в полуфренче. Бунин сидит на столе, одна нога заложена на другую. По низу фотоснимка автографы писателей, в правом нижнем углу рукой Л.В. Средина сделана запись: «16-го апреля 1900 года. Ялта. Л. Средин»⁴.

¹ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Б-ка Г.-2-4-1.

² Так, например, в Музее А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН) хранится фотография И.А. Бунина и С.А. Найденова, сделанная К.А. Фишером. На фирменном паспорту чернилами рукой Бунина сделана надпись: «С С.А. Найденовым» (Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание / Отв. ред. Л.П. Быковцева, Л.Н. Иокар. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 227). Эта фотография может служить классическим примером такой «пояснительной» подписи.

³ Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание / Отв. ред. Л.П. Быковцева, Л.Н. Иокар. С. 96.

⁴ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). ДнГ-фп-1-54-1.

А.М. Горький, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.Д. Телешов, И.А. Бунин.
16 апреля 1900 г. Ялта. (ИМЛИ. Архив А.М. Горького).

Ценность фотографии не только в изображении, но и в подписях, сделанных собственноручно писателями и пометой Средина: «М. Горький [Д. Мамин] <вымарано — О.Б.> Н. Телешов Ив. Бунин. 16-го апреля 1900 года. Ялта. Л. Средин»¹.

В Музее А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН) хранятся записи Н.Д. Телешова, сделанные к этой фотографии 19 апреля 1936 г.: «Все автографы, за исключением Мамина, подлинные. А Мамин ввиду отсутствия не успел подписать. Уже в Москве, на одной из “Сред” у меня кто-то из товарищей ради шутки подписался за Мамина. Возможно, что это был или Ив. Бунин, или Леонид Андреев, а может быть, кто иной»².

Как аналогичный пример можно привести и фотографический снимок 1902 г., сделанный фотографом К.А. Фишером. В своих воспоминаниях Н. Телешов уделил внимание снимкам 1902 г.: «В конце 1902 года была сфо-

¹ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). ДнГ-фп-1-54-1.

² Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание / Отв. ред. Л.П. Быковцева, Л.Н. Иокар. С. 32.

тографирована Фишером группа из семи человек: Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шаляпин. Эти снимки разошлись по всему миру. Не было, кажется, такого журнала, где бы не появились эти репродукции за всевозможными подписями¹.

На фотографии, хранящейся в московском Архиве М. Горького, сидят слева направо М. Горький, И.А. Бунин, Ф.И. Шаляпин, Скиталец, Н.Д. Телешов; стоят между Горьким и Буниным Л.Н. Андреев, между Буниным и Шаляпиным Е.Н. Чириков. Ценность снимка в автографах сфотографированных лиц: «Леонид Андреев. Евгений Чириков, М. Горький, Ив. Бунин, Федор Шаляпин, С. Петров, Н. Телешов»².

**А.М. Горький среди участников литературного кружка «Среда». 1902 г.
(ИМЛИ. Архив А.М. Горького).**

¹ Телешов Н. Записки писателя. М.: Москов. рабочий, 1958. С. 53.

² Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Г-фг-1-28.

А.М. Горький. Рига, 1905 г. (ОГЛМТ).

В 1905 г. Горьким была подарена фотография, на которой Горький сидит на деревянном кресле (нога на ногу) на фоне окна со ставней. Вертикально изображению рукой писателя сделана дарственная надпись: «И.А. Бунину — А. Пешков»¹. В Архиве А.М. Горького хранится копия этой фотографии, подлинник — в Музее писателей-орловцев (г. Орел)².

¹ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Дн.Г.-фп.-1-73-1.

² ОГЛМТ. Ф. 14. № 3760 о. Выражаю благодарность сотрудникам музея за предоставленный подлинник фотографии для публикации.

Фотография Горького была сделана в фотоателье Грюка в Риге, предположительно, в период пребывания в этом городе. Так, после освобождения из-под ареста 14-го февраля 1905 г. он выехал из Москвы в Ригу, приехал 15-го февраля, и пробыл здесь до 21-го марта 1905 г.

Доподлинно известно, что в эти месяцы Бунин находился в Москве и в Риге они встретиться не могли. Где же могла быть вручена фотография и когда?

Итак, Горький, приехав в Москву 22 марта 1905 г., уже через пять дней — т.е. 27 марта — выехал в Ялту, где пробыл с 29 марта по 7 мая 1905 г.

Бунин же приехал в Ялту только 6 апреля 1905 г., о чем Горький уведомлял директора-распорядителя книгоиздательства «Знание» К.П. Пятницкого в письме от 6 апреля: «Приехал сюда Бунин»¹. И после 3 мая Бунин приехал в Огневку. Вполне вероятно, что именно в эти дни Горький мог подарить свою фотографию другу. Этому отчасти могла способствовать инициатива Горького — сделать подарок К.П. Пятницкому от писателей круга «Знание». Горьким был сделан заказ типографии и переплетной И.В. Вахтина на художественный переплет книг, изданных книгоиздательством «Знание», для подарка директору-распорядителю в день его юбилея. Вместе с книгами было решено подарить и фотографии писателей, сотрудничающих с издательством².

Однако возможен и другой вариант развития событий: Горький мог и не привозить с собой фотографии в Ялту, оставив их в Москве. 10 июля 1905 г. в Куоккале писатели встречались на организационном собрании, посвященном созданию нового журнала «Жупел». О приезде Бунина Горький просил в письме, отправленном между 3-м и 6-м июля 1905 г.: «...у меня соберутся художники: Сомов, Билибин, Бенуа, Щербов, Галлен, Ернефельдт и т.д. Речь пойдет о издании журнала в духе и виде “Симплициссимуса”. Очень желательно Ваше присутствие, приезжайте, пожалуйста!»³.

Последний подарок, который был предназначен Бунину, относится к 1917 г. В Архиве А.М. Горького (ИМЛИ РАН) хранится книга писателя «Статьи 1905–1916 гг.» (Петроград, 1917) с дарственной надписью Бунину, сделанная черными чернилами на титульном листе: «Любимому писателю и другу Ивану Алексеевичу Бунину. А. Пешков. 2-е апреля 17 г. Светлое Христово Воскресенье. Петроград»⁴.

Предыстория этого подарка и дарственной надписи такова. В 1915 г. в Книгоиздательстве писателей в Москве вышла книга И.А. Бунина «Чаша жизни. Рассказы 1913–1914 гг.». Эту книгу автор преподнес Горькому с интересной надписью: «Алексею Максимовичу, который никогда не присыпает мне своих книг»⁵. Думается, эта надпись врезалась в память Горькому.

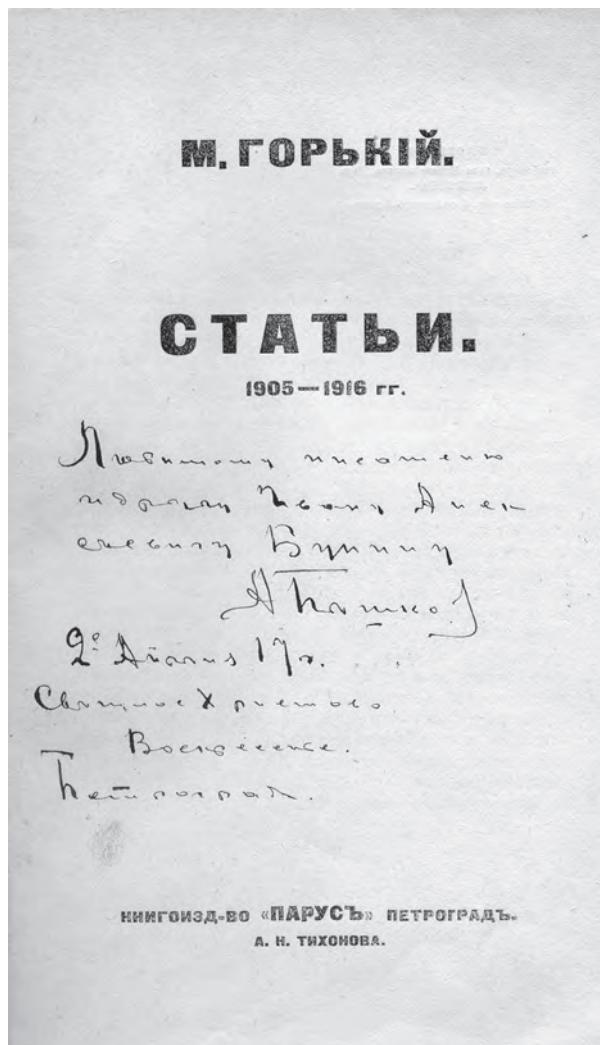
¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 44.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 67.

⁴ Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН). Дн-Г-кн.-3-5-1.

⁵ Личная библиотека А.М. Горького. Описание: В 2 кн. / Ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова. Кн. 1. С. 65.

М. Горький. Статьи 1905–1916 гг. Титул. (ИМЛИ. Архив А.М. Горького).

30-го марта Горький написал Бунину, сообщая, что тот избран в состав «Свободной ассоциации положительных наук»: «Единогласно избраны в члены Комитета Вы, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, Владимир Галактионович и Алексей Пешков»¹. Горький приглашал Бунина приехать в Петроград для участия в организационном собрании 9 апреля 1917 г.

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. И.А. Ревякина. М.: Наука, 2006. Т. 12. С. 131.

2 апреля 1917 г. Бунин приехал в Петроград и 5-го апреля сообщал жене: «В день приезда, то есть 2-го был у Горького, прост, мил, спокоен¹. Можно предположить, что именно в день встречи с Буниным Горький подарил ему книгу своих публицистических статей.

Однако, в конце декабря 1917 г. отношения между писателями были прерваны по инициативе Бунина. Отказавшись говорить с Горьким по телефону, Бунин просил его жену Е.П. Пешкову передать ему дословно: «говорить нам теперь не о чем, я считаю наши отношения с ним навсегда конченными².

Возвращаясь к подаренной книге 1917 г. — стоит упомянуть и тот факт, что она всегда находилась в личной библиотеке писателя. И перед исследователем вопрос, на который еще предстоит ответить: так была ли вручена эта книга?

События Октябрьской революции развели писателей по разные стороны. Но Горький оказался мудрее. Оценив однажды любовь Бунина к русской литературе, — он верил художественному чутью этого тонкого писателя. Об этом его признание А.В. Амфитеатрову: «Был Бунин — хороший это человек и воистину поэт! Главное — честный человек, литературу любит как мать³.

В личной библиотеке писателя в Музее А.М. Горького хранятся книги И.А. Бунина, которые тот дарил и сопровождал их своими записями, — их ровно 7. Последняя подаренная книга относится к 1916 году. Это первый том собрания сочинений, на титуле которого Бунин написал: «Алексею Максимовичу — от друга и почитателя. 25.П.16»⁴.

М. Горький свое добродетельное отношение к русскому писателю Бунину сохранил на все годы, считая его учителем для подрастающего поколения советских авторов. И как завет поколениям читателей звучат его слова: «Посмотрите, какой отличнейший язык... у Бунина в рассказах 6-го — 14-го годов»⁵.

Литература

Бабореко А. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457(7) с.

Библиотека М.А. Шолохова. Книги с автографами. Каталог: В 2 ч. / Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова. Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблишер», 2009. Ч. 1. 120 с.; 2013. Ч. 2. 144 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Редкол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худож. литература, 1987–1988.

Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.

¹ *Бабореко А.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 223.

² *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 129.

³ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. И.А. Ревякина. М.: Наука, 1999. Т. 7. С. 124.

⁴ Личная библиотека А.М. Горького. Описание: В 2 кн. / Ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова. Кн. 1. С. 65.

⁵ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. / Отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: Наука, 2014. Т. 17. С. 99.

Бунин И.А. Под открытым небом: Стихотворения со многими рисунками / Изданье редакции журнала «Детское чтение». М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997—.

Дружинин П.А. Книги с дарственными надписями в библиотеке Г.П. Макогоненко // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 430—439.

Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского дома. Каталог: В 3 вып./ Сост. Н.С. Беляев. СПб.: Библиотека РАН, 2014. 170 с.

Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннотированный каталог. М.: Все-союзное добровольное о-во любителей книги, 1989. 464 с.

Летопись жизни и творчества А.М. Горького: В 4 вып. / Редкол.: Б.В. Михайловский, Л.И. Пономарев, В.Р. Щербина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Вып. 1. 1868—1907. 704(2) с.

Личная библиотека А.М. Горького. Описание: В 2 кн. / Ред. Л.П. Быковцева, А.М. Крюкова. М.: Наука, 1981. Кн. 1. 412 с.

М. Горький и его современники: Фотодокументы. М.: Наследие, 1997. 694 с.

Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 4 кн. М.: Наука, 1982. Кн. 3. С. 5—23.

Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание / Отв. ред. Л.П. Быковцева, Л.Н. Иокар. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 694 с.

Эфендиева Г.В., Потапова А.С. О чем говорят инскрипты: Дарственные надписи на книгах харбинских поэтов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. Вып. 10. С. 299—322.

References

Baboreko A. *Bunin: Zhizneopisanie* [Bunin. A Biography]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 457 p. (In Russ.)

Biblioteka M.A. Sholokhova. Knigi s avtografami. Katalog: V 2 ch. Gosudarstvennyi muzei-zapovednik M.A. Sholokhova [Sholokhov's library. Inscribed books. A catalogue. In 2 parts. State museum-estate of Mikhail Sholokhov]. Rostov on Don, OOO “Omega Publisher” Publ., 2009. Part 1. 120 p.; 2013. Part 2. 144 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pod otkryтым небом: Stikhotvoreniiia so mnogimi risunkami. Izdanie redaktsii zhurnala “Detskoe chtenie”* [In the open air. Poems richly illustrated. Edition of the editorial board of the “Reading for children” journal]. Moscow, Tipo-litografia T-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1898. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works. In 6 vols.]. Ed. by Iu. V. Bondarev, O.N. Mikhailov, V.P. Rynkevich. Moscow, Khudozh. Literatura Publ., 1987—1988. (In Russ.)

Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1950. 272 p. (In Russ.)

Druzhinin P.A. *Knigi s darstvennymi nadpisiami v biblioteke G.P. Makogonenko* [Inscribed books from G. Makogonenko library]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007. no 88. pp. 430—439. (In Russ.)

Efendieva G.V., Potapova A.S. O chem govoriat inskripty: Darstvennye nadpisi na knigakh kharbinskikh poetov [What the inscriptions tell: dedicatory inscriptions of the books of Kharbin poets]. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: etnokul'turnye protsessy v politicheskem kontekste* [Russia and China on Far East borders: ethnocultural process in a political context]. Blagoveschensk, 2013. Issue 10. pp. 299–322. (In Russ.)

Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: V 24 t.* [Complete works. Letters. In 24 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1997—. (In Russ.)

Izdaniia s darstvennymi nadpisiami iz sobranii Biblioteki Pushkinskogo doma. Katalog: V 3 vyp. [Inscribed books from the Library of Pushkinskii Dom collection. A catalogue. Issues 1–3]. Ed. by N.S. Beliaev. Saint Petersburg, Biblioteka RAN Publ., 2014. 170 p. (In Russ.)

Knigi i rukopisi v sobrani M.S. Lesmana: Annotirovannyi katalog [Books and manuscripts from M. Lesman collection. An annotated catalogue]. Moscow, Vsesoiuznoe dobrovol'noe o-vo liubitelei knigi Publ., 1989. 464 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo: V 4 vyp. [Chronicle of life and works of Maxim Gorky. Issues 1–4]. Ed. by B.V. Mikhailovskii, L.I. Ponomarev, V.R. Shcherbina. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. Issue 1. 1868–1907. 704 p. (In Russ.)

Lichnaia biblioteka A.M. Gor'kogo. Opisanie: V 2 kn. [Personal library of Maxim Gorky. A description. In 2 vols.]. Ed. by L.P. Bykovtseva, A.M. Kriukova. Moscow, Nauka Publ., 1981. Bk. 1, 412 p. (In Russ.)

M. Gor'kii i ego sovremenniki: Fotodokumenty [Maxim Gorky and his contemporaries. Photodocuments]. Moscow, Nasledie Publ., 1997. 694 p. (In Russ.)

Morder V.Ia., Parnis A.E. *Darstvennye nadpisi Bloka na knigakh i fotografiakh* [Dedicatory inscriptions of Blok on books and photographs]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 4 kn.* [Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New materials and research. In 4 bks.]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Bk. 3. pp. 5–23. (In Russ.)

Sovremenniki A.M. Gor'kogo. Fotodokumenty. Opisanie [Gorky's contemporaries. Photodocuments. A description]. Ed. by L.P. Bykovtseva, L.N. Iokar. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002. 694 p. (In Russ.)

DEDICATORY INSCRIPTIONS OF MAXIM GORKY TO IVAN BUNIN (PROBLEMS OF PUBLICATION)

© 2019, OLGA BYSTROVA

Abstract: The article presents the research of Maxim Gorky's dedicatory inscriptions to Ivan Bunin. The information presented in them is analyzed in the context of both writers' corpus of inscriptions that enables a better interpretation of the relationship between two authors, to uncover not only the biographical connections between them, but also the social connections in the writers' circle of the 1899–1936s.

Keywords: Gorky, Bunin, image of an addressee, inscription, catalogue, epistolary, dating, personal relationship.

Information about the author: Olga Bystrova, PhD, Assistant Professor, Senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia str., 25a, Moscow, Russia. E-mail: bystrova63@mail.ru

И. БУНИН И В. ВЕРЕСАЕВ: РОДСТВЕННЫЕ КАРТИНЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ХРОНИКАХ РЕВОЛЮЦИИ

© 2019, Д.А. НОВИЧКОВА

Аннотация: Цель данной работы — наблюдение над заметками двух писателей о послереволюционной действительности и Гражданской войне. Сопоставляются хронологические записи «Октябрьских дней» И. Бунина и повествование «В тупике» В. Вересаева. Сделан вывод, что свидетельства о событиях и поведении людей двух писателей имеют множество перекличек и достаточно достоверно передают нравственное состояние русского народа на рубеже 1910–1920-х гг.

Ключевые слова: революция, гражданская война, И. Бунин, «Октябрьские дни», В. Вересаев, «В тупике».

Информация об авторе: Дарья Александровна Новичкова — аспирант, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Мытищи, Россия. E-mail: da.novichkova@yandex.ru

Творческий путь писателей И. Бунина и В. Вересаева выпал на сложный переломный период в истории России. Последствия свержения монархического строя, кровопролитная Гражданская война, нравственный кризис нашли свое отражение в творчестве практически всех представителей культуры того времени. Среди них видное место занимают наблюдения о жизни людей в период революции И. Бунина и В. Вересаева.

Оба писателя являлись наследниками русской дворянской культуры, примерно в одном возрасте встретили революцию (на тот момент Бунину было 47 лет, Вересаеву — 50). Их объединяла совместная издательская деятельность. Вересаев трудился над выходом сборника Бунина. Писатели взаимодействовали и в бытовой жизни, о чем свидетельствует их обширная переписка (эпистолярное наследие). Несмотря на разногласия, оба являлись членами Московского писательского клуба, объединявшего писателей «разных верований»¹. Однако изначально отношение к грядущему перевороту было у писателей противоположным. Вересаев в своих воспоминаниях о 1917 г. зафиксировал, что в этот момент он явно отделял себя от круга писателей, к которым относился Бунин.

Нередко исследователи имя И.А. Бунина связывали с темой гибнущих «дворянских гнезд», образы которых символизировали всю русскую культуру². Писатель с болью доверял дневнику свои пессимистические мысли:

¹ Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 643.

² Там же. С. 542.

«И всё это уже навеки погибший золотой век. Уже давно во всем идет неуклонное падение»¹. После революции Бунин активно критиковал новую власть, отражая свои наблюдения в публицистических статьях, письмах и мемуарно-дневниковых произведениях: «Окайяные дни», «Дневник 1917–1918 года» и др. Бескомпромиссное отношение к происходящему повороту к «новой» жизни, неприятие слома истории, активная критика бунтующего народа — все это сконцентрированно отразилось в записях этих лет. «Вообще этот последний год будет стоить мне, верно, не меньше десяти лет жизни»², — с горечью обозначил писатель разрушительное воздействие эпохи на собственную судьбу.

В.В. Вересаев же в свою очередь был поборником революции, активным участником подпольных кружков, создателем прокламаций, призывающих к свержению царской власти (например, брошюра «Овцы и люди»³). Произведения писателя дореволюционного периода, повести «На повороте», «Поветрие», «Без дороги», наполнены надеждой на новый прогрессивный виток развития русского народа после свержения монархии. Однако после исторического катаклизма, обнажившего сущность идей и самого народа, писатель разочаровался в революции. По этому поводу Вересаев опубликовал в 1922 г. роман «В тупике», где нашел отражение зрелый взгляд автора на послереволюционное состояние народа. Нам уже приходилось писать об этом произведении⁴.

Вересаев, как и многие другие представители культуры, «верил в народ», в его мудрость, в его нравственную силу. Иван Ильич Сартанов, главный герой романа «В тупике», восклицает: «Да, и все-таки верю в русский народ!»⁵. По замечанию Бунина в «Окайяных днях», народную идею разделяли и писатели противоположного лагеря, выступавшего против переворота: «Один Шмелев не сдавался, всё восклицал: / —Нет, я верю в русский народ!»⁶. Бунин же в этом вопросе был категоричен: «Да, но во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?»⁷.

Поставив целью соотнесение жанровых форм двух произведений, мы можем отметить также некоторое сходство. Исследователь А.В. Бакунцев утверждает, что «Окайяные дни» — это произведение, которое лишь напо-

¹ Бунин И.А. Темные аллеи. Окайяные дни. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 301.

² Там же. С. 303.

³ Вересаев В.В. Овцы и люди // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 45: В.Вересаев. Оп. 1. Ед. хр. 2.

⁴ Новичкова Д.А. Роман В.В. Вересаева «В тупике»: летопись «хамского» царства революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 141–148.

⁵ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и comment. Ф.И. Кулешова. Минск: Мастица литература, 1989. С. 375.

⁶ Бунин И.А. Темные аллеи. Окайяные дни. Повести и рассказы. С. 286.

⁷ Там же. С. 338.

минает дневник. «Условно его жанр можно было бы обозначить как документальный роман-эссе»¹. В свою очередь исследователь Ю.Ф. Фохт-Бабушкин сравнивал творчество Вересаева с «отжатым дневником эпохи»². В самом деле, некоторые произведения, в том числе и роман «В тупике», напоминают «исторические хроники», описанные автором достаточно честно и правдиво, несмотря на изначальное сочувствие перевороту. Попытаемся более обстоятельно сравнить творческое наследие двух писателей одной эпохи.

И. Бунин, наблюдая за происходящим в культуре и жизни народа, с горестью отмечал: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»³. Вересаев также упоминал о разрушении культуры и науки в «новой» стране. Эта мысль присутствовала не только в его личных размышлениях, но и подтверждалась судьбами героев: «Несколько лет назад он (академик Дмитриевский) изобрел способ перенесения морской воды силою солнечной энергии и работал над удешевлением этого способа. Но все сложные аппараты остались в России, а он второй год проживал на своей крымской даче, паял музыкам посуду и готовил для потребиловки жестяные копилки»⁴. Низведение ученого до примитивного ремесленника — показательная черта снижения уровня науки в стране.

И. Бунин и В. Вересаев создают работы, которые не только описывают события постреволюционных лет, но и отражают духовное состояние народа. Люди, легализовавшие разграбление сокровищниц культуры царской России, жестоко наказывали мелких воров, укравших что-то у них, о чем свидетельствовали распространявшиеся самосуды. О двойных стандартах высказывался главный герой романа Вересаева Иван Ильич Сартанов: «Не люди, а жадное зверье, с одною меркою для себя и с иною меркою для других»⁵.

Бунин в дневниках цитировал заметки из газет, рассказывающие о самосудах: «Вскоре были захвачены с поличным два вора. Их немедленно “судили” и приговорили к смертной казни. Сначала убили одного: разбили голову безменом, пропороли вилами бок и мертвого, раздев догола, выбросили на проезжую дорогу. Потом принялись за другого...»⁶. Вересаев в публицистической статье «Бей его» пересказывал заметку из газеты о самосуде: «В ней

¹ Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 4. С. 27.

² Русская литература рубежа веков (1890-е—начало 1920-х годов). Кн. 1. С. 626.

³ Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. С. 306.

⁴ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и comment. Ф.И. Кулешова. Минск: Мастацка литература, 1989. С. 348.

⁵ Там же. С. 436.

⁶ Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. С. 280.

сообщалось, что вчера, в районе Второго Мясницкого комиссариата, два вора забрались в швейцарскую, их поймали и повели в комиссариат. По дороге собралась толпа и стала избивать воров. Проходивший мимо студент Лашков стал убеждать толпу прекратить самосуд. Толпа, заметив на нем револьвер, приняла студента за сообщника и стала его бить. Милиционер выстрелил Лашкову в спину. В участке оба вора и студент Лашков умерли»¹.

Оба писателя упоминают об упадочническом настроении среди народа. Бунин рассказывал о том, как наблюдал панихиду в храме. «Завидую...»² — вздыхала старуха, глядя на покойника. Сам Бунин констатировал: «В сущности всем нам давно пора повеситься — так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрестанных заушений, издевательств»³. Подобные мысли о смерти как об освобождении от проклятья жизни возникают так же и у героев Вересаева. Любовь Алексеевна Мириманова, жена «бывшего» академика, восклицает: «Господи, Господи! Когда же смерть?»⁴. А Иван Ильич Сартанов открыто предлагает дочери покинуть эту жизнь: «Давай умрем»⁵. Вспоминаются слова из Апокалипсиса, слова о последних временах земной жизни: «Живые будут завидовать мертвым» (Откровение Иоанна Богослова, глава 9, стих 6).

Исследователи Бунина считали, что «события, последовавшие за Февральской революцией и Октябрьским переворотом, воспринимаются писателем как реализация его пророческих предчувствий»⁶. Если Бунин убедился, что он предвидел развитие революционной ситуации достаточно правдоподобно, то Вересаеву оставалось признаться в ошибочном представлении о результатах свержения самодержавия. Врач Сартанов, говоря об итогах революции, обнаживших нравственное состояние народа, воскликнул: «И проскочила у меня мысль: вот для кого я всю жизнь мыкался по тюрьмам и ссылкам, вот для кого терпел измывательства становых и околоточных!»⁷.

Иван Бунин свои дневниковые заметки, которые отображают его отношение к последствиям революционных событий, называет «Окаянные дни». Семантическое значения слова «окаянные» близко к «проклятые», «отверженные». Бунин видит причиной исторического кризиса духовные проблемы.

¹ Вересаев В. Бей его // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Вып. 5. Самара, 2017. С. 372. URL: <http://sbornik.libs.msu.ru/> (дата обращения: 25.12.2018).

² Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. С. 323.

³ Там же.

⁴ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и comment. Ф.И. Кулешова. 1989. С. 432.

⁵ Там же. С. 548.

⁶ Русская литература рубежа веков (1890-е—начало 1920-х годов). Кн. 1. С. 579.

⁷ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и comment. Ф.И. Кулешова. 1989. С. 374.

Ведь быть проклятым, значит, по духовным законам, лишиться помощи Бога. Первым «проклятым» человеком на земле считается Каин, убивший своего родного брата из желания превосходить и получать его блага. Русский народ повторяет грех Каина, соглашаясь на убийство соотечественников ради будущего «счастья», за что, по мнению Бунина, проклят и обречен.

Вересаев заглавию произведений также придавал особое значение. Название романа, по воспоминаниям исследовательницы творчества Вересаева Валерии Михайловны Нольде¹, пришло к автору не сразу. Он рассматривал варианты «В огне революции», «В шквале революции». Но остановился на названии «В тупике». Конечное называние имеет некую завершенность, свершившееся действие, итог. Тупик — это обреченность, безысходность, отсутствие пути.

Вересаев не высказывал явно своих религиозных убеждений, но, будучи зорким наблюдателем, психологом, он верно обрисовал эмоционально-нравственные поиски, блуждания и тупики, в которых оказалось население России. Это, безусловно, перекликается с произведением Бунина «Окаянные дни», что позволяет говорить об общности взглядов писателей на реалии современной жизни, хотя прежде они имели идеиные разногласия.

Литература

Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 4. С. 22–36.

Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

Вересаев В. Бей его // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Вып. 5. Самара, 2017. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 25.12.2018).

Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и comment. Ф.И. Кулешова. Минск: Мастацка литература, 1989. 605 с.

Новичкова Д.А. Роман В.В. Вересаева «В тупике»: летопись «хамского» царства революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 141–148.

Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 196 с.

Русская литература рубежа веков (1890-е—начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 960 с.

¹ См.: Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. С. 127.

References

- Bakuntsev A.V. “Okaiannye dni”: osobennosti raboty I. Bunina s fakticheskim materialom [“Cursed Days”: peculiarities of Ivan Bunin’s work with the actual material]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 10: Journalism, 2013, no 4, pp. 22–36. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Temnye allei. Okaiannye dni. Povesti i rasskazy* [Dark alleys. Cursed days. Stories and short stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 640 p. (In Russ.)
- Nol’dе V.M. *Veresaev. Zhizn’i tvorchestvo* [Veresaev. Life and works]. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1986. 196 p. (In Russ.)
- Novichkova D.A. *Roman V.V. Veresaeva “V tupike”: letopis’ “khamskogo” tsarstva revoliutsii* [Roman V.V. Veresaeva “At a dead end”: the chronicle of the “boorish” kingdom of the revolution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Series: Russian Philology, 2017, no 5, pp. 141–148. (In Russ.)
- Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e–nachalo 1920-kh godov). Kn. 1* [Russian literature of the turn of the century (1890 — early 1920s). Book 1]. Moscow, IMLI RAN; Nasledie Publ., 2001. 960 p. (In Russ.)
- Veresaev V. *Bei ego* [Beat him]. *XX vek i Rossija: obshchestvo, reformy, revoliutsii: elektronnyi sbornik. Vyp. 5* [The twentieth century and Russia: society, reforms, revolutions: electronic collection. Issue 5]. Samara, 2017. Available at: <http://sbornik.libsmr.ru/> (Accessed 25 December 2018). (In Russ.)
- Veresaev V.V. *K zhizni: Povesti, roman, rasskazy* [To the life: Stories, novel, short stories], ed. by F.I. Kuleshov. Minsk, Mastatska literatura Publ., 1989. 605 p. (In Russ.)

I. BUNIN AND V. VERESAEV: RELATED PICTURES IN THE LITERARY CHRONICLES OF THE REVOLUTION

© 2019, DARIA NOVICHKOVA

Abstract: The purpose of this article is to observe the notes of two writers about post-revolutionary reality and the Civil War. The chronological records of the “Cursed Days” by Ivan Bunin and the story “At the Dead End” by Vikentii Veresaev are compared. The authors come to a conclusion that the testimonies about the events and the people’s behavior of both writers have many things in common and quite reliably convey the moral condition of the Russian people at the turn of the 1910–20s.

Keywords: revolution, civil war, comparison, Ivan Bunin, «Cursed Days», Vikentii Veresaev, “At the Dead End”.

Information about the author: Daria Novichkova, graduate student, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region, Moscow State Regional University (MGOU), Mytischi, Russia. E-mail: da.novichkova@yandex.ru

**«ЗЛЕЙШИЙ ЧЕРНОСОТЕННИК И ТУПИЦА,
ОН ОКОНЧАТЕЛЬНО РАЗЛОЖИЛСЯ...»:
И.Ф. НАЖИВИН ОБ И.А. БУНИНЕ (1930-е гг.)***

© 2019, А.В. БАКУНЦЕВ

Аннотация: В статье раскрываются причины ненависти И.Ф. Наживина к И.А. Бунину, обнаружившей себя в середине 1930-х гг. Развернутая Наживиным антибунинская кампания представлена в статье как многоходовая комбинация. Наживин порочил корифея эмигрантской литературы в личной переписке с М. Горьким, М.А. Алдановым, М.А. Осоргиным, С.Г. Сватиковым, в критико-публицистических произведениях, предназначенных для печати, но не опубликованных, а также в романе «Неглубокоуважаемые» (Тяньцзинь, 1935). Статья основана на малоизвестных материалах из фондов РГАЛИ, ГАРФ, РАЛ и Библиотеки международной современной документации (La bibliothèque de documentation internationale contemporaine — BDIC, Paris — Nanterre).

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, И.А. Бунин, эмиграция, травля, переписка, «Уездный моншер», «Неглубокоуважаемые».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев — к.ф.н., доцент кафедры теории и методики редактирования, факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: auctor@list.ru

По свидетельству Г.Н. Кузнецовой¹, вскоре после присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии Н.А. Тэффи придумала шутливое выражение: «Общество обиженных Буниным», — имея в виду тех, кто был недоволен распределением сумм, выделенных писателем для вспомоществования нуждающимся эмигрантам. Однако в шутке Тэффи была, как говорится, лишь доля шутки: некое подобие такого «общества» действительно существовало, причем не только в эмиграции.

Недоброжелателей и клеветников у Бунина хватало задолго до нобелевских лавров, не перевелись они и после его смерти. Имена наиболее «злостных» бунинских недоброхотов хорошо известны: это Н.Н. Берберова, В.С. Яновский, В.В. Набоков, оставившие о Бунине весьма едкие, пристрастные и далеко не во всем правдивые воспоминания. Неприязнь к Бунину в той или иной мере питали В.В. Вересаев, И.М. Василевский (Не-Буква), З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, П.Н. Милюков, И.С. Шмелев, И.А. Ильин, М.И. Цветаева, М.А. Осоргин, С.П. Мельгунов, историк, публицист, общественный деятель С.Г. Сватиков, историк русского масонства В.Ф. Иванов, дочь поэта

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

¹ См. ее письмо к А.К. Бабореко от 12 октября 1971 г. (*Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма*. М.: Скифы, 1993. С. 137).

Д.М. Ратгауза — актриса и поэтесса Т.Д. Клименко-Ратгауз. Были у Бунина недруги и среди рядовых обывателей, чьи имена либо просто неведомы, либо ничего не говорят даже узко ориентированным специалистам¹.

Человек, о котором пойдет речь в нашей статье, тоже входил в когорту «буниофобов» и даже в определенном смысле — по накалу своей ненависти к Бунину — превзошел их всех. Пожалуй, он был единственным среди них, кто уже при жизни мэтра осмелился замахнуться на его общественно-литературную репутацию и с упорством, достойным лучшего применения, тщился разрушить ее в своей личной переписке, публицистике, критике, литературно-художественном творчестве. Имя этого человека — Иван Федорович Наживин (1874–1940)².

«С моей стороны нет против Вас ничего...»

Наживин познакомился с Буниным в конце 1918 — начале 1919 гг. в Одессе. «На днях был Наживин, — читаем в дневнике В.Н. Муромцевой (запись от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.). — Коренастый, среднего роста человек, с широким лицом и довольно длинным носом. Он производит впечатление человека с еще большим запасом жизненных сил, хотя по виду он немного сумрачен благодаря большим, нависшим, немного толстовским бровям»³.

В Одессе Наживин пробыл недолго: уже в феврале 1919 г. он с семьей переехал в Геленджик. Вторично судьба свела Наживина с Буниным в Белграде весной 1920 г. После этого жизненные пути двух писателей навсегда разошлись. Тем не менее эпистолярное общение между ними продолжалось — пусть и с перерывами — до 1927 г. Причем со стороны Наживина

¹ В числе таких обывателей — зять Л.Н. Толстого князь Н.Л. Оболенский (см. его письмо к И.Ф. Наживину от 26–28 ноября 1933 г.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 10), некто В.К. Александров (см. его письмо к Л.Ф. Зурову от 10 декабря 1938 г.: Жожина О. Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике. Приложение // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. Белобровцева. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 252–253), полуанонимный автор злопыхательского письма от 24 ноября 1936 г. в редакцию газеты «Последние новости» по поводу печально известного инцидента в Линдау (см.: ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25–27 об.) и др.

² Думается, излагать биографию Наживина излишне: это уже сделано другими исследователями, притом весьма обстоятельно. Наиболее полную на сегодня библиографию работ о Наживине см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 317–318. В дополнение к перечисленным там работам назовем еще одну: Труболова Е.М. Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 194–218.

³ Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. статья Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2004. Т. 1. С. 170.

оно было более интенсивным: в Бунинской коллекции РАЛ сохранилось 29 наживинских писем, в то время как в личном фонде Наживина в РГАЛИ имеется только три бунинских послания (одно из них — в виде фрагмента), хотя, несомненно, были и другие — об этом ясно говорит содержание некоторых писем Наживина¹.

Из переписки Наживина с Бунином видно, что их взаимоотношения были неровными. Однако ни эта переписка, ни ряд фактов историко-биографического свойства не дают взятного ответа на вопрос, что стало причиной той безудержной, жгучей ненависти Наживина к Бунину, которая обнаружила себя в середине 1930-х гг. Ведь Бунин не только не причинял Наживину никакого зла, но, напротив, проявлял к нему — по крайней мере, в первые годы знакомства — особое и во многом незаслуженное участие, искренно считая его «талантливым и умным русским писателем»².

Когда осенью 1919 г., после выхода наживинской брошюры «Что же нам делать?» (Ростов-на-Дону; Одесса, 1919), против ее автора ополчилась вся демократическая печать Одессы и И.М. Василевский (Не-Буква) в газете «Современное слово» обозвал его «лысой душой» (за ряд высказываний откровенно антисемитского свойства)³, именно Бунин заступился за Наживина, отстаивая его право на собственное, независимое мнение, чем вызвал шквал критики со стороны левых уже в свой адрес⁴. А в начале 1920-х гг., уже бу-

¹ Переписка Бунина с Наживиным опубликована частями и притом не полностью (см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 317–332; И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., comment. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326). Неопубликованными почему-то оказались два письма Наживина к Бунину, одно из которых совсем не имеет даты, другое датировано 17 марта, без указания года. Оба письма написаны Наживиным в Париже. Первое из этих двух посланий (в Бунинской коллекции оно значится под № 23) В. Куденис датирует 23 июля 1924 г., второе (№ 28) — 17 марта 1930 г. Эти письма только упомянуты и скромно процитированы в предисловии ко второй из указанных здесь публикаций (см.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279, 281, 282). Однако предложенная биографом Наживина датировка этих посланий представляется спорной. С.Н. Морозов, в переписке с автором данной статьи, основываясь на фактах, высказал предположение, что письмо № 23 могло быть написано либо до 29 апреля, либо после 6 ноября 1924 г. — именно тогда Наживин мог застать Бунина в Париже (из письма следует, что оба присутствовали на одном и том же публичном собрании), — а письмо № 28, вероятнее всего, было написано 17 марта 1927 г., вскоре после выхода бунинского сборника «Последнее свидание» (Париж, 1927).

² Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. ст. О.Н. Михайлова; comment. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 40.

³ См.: Василевский (Не-Буква) И. Лысая душа // Современное слово (Одесса). 1919. 6 ноября. № 21. С. 2.

⁴ См., напр.: <Б.п.> Правогазетный шаблон // Одесские новости. 1919. 10 (23) ноября. № 11055. С. 2; <Б.п.> Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. 13 (26) ноября. № 11058. С. 1.

дучи в эмиграции, Бунин пытался содействовать Наживину в печатании его произведений.

Но, несмотря на все это, *искреннего* расположения к Бунину Наживин, похоже, никогда не испытывал. Иначе трудно объяснить тот непостижимо-, а порой и нестерпимо-фамильярный тон, каким пронизаны почти все его письма к мэтру за 1919–1922 гг. Они то нарочито-небрежны, то безоговорочно-требовательны, то нагло-высокомерны. И при этом почти в каждом из них «просвечивает» недоброжелательство, нарастающее раздражение, балансирование на грани эмоционального срыва, скандала, истерики. Возникает естественный вопрос: почему?

Дело в том, что Наживин, мечтавший в первой половине 1920-х гг. направить идеиную и культурную жизнь эмиграции в определенное, одному ему ведомое русло, уговаривал Бунина стать своего рода духовным лидером русского зарубежья и объединить вокруг себя разрозненные, а то и враждующие меж собой эмигрантские литературные и политические группировки. Однако Бунина подобная роль не прельщала, наживинские замыслы не вызывали в нем сочувствия: он не хотел поступаться личной и творческой свободой, становиться марионеткой в чьих бы то ни было руках, что было бы неизбежно, прими он предложение Наживина. Кроме того, Бунина не могла не раздражать «фирменная» наживинская фамильярность. Потому-то, надо полагать, его письма к Наживину были, с одной стороны, предельно сдержаны, а с другой — не столь регулярны, как того хотелось адресату.

С большой долей уверенности можно утверждать, что эти два обстоятельства были расценены болезненно самолюбивым Наживиным как пренебрежение к собственной персоне. И все же в 1920-х гг. он еще держал себя в руках и старался сохранить хотя бы видимость добрых отношений с Буниным. Некоторые свои книги, отправляемые на улицу Жака Оффенбаха, 1, он надписывал едва ли не подобострастно: «Дорогому И.А. Бунину, любимому писателю моему, на нестрогий суд...», «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от большого почитателя его...»¹. В 1924 г. Наживин, нескрываемо обиженный действительным или мнимым нежеланием мэтра узнать его на каком-то публичном собрании в Париже, тем не менее, заверял своего «обидчика»: «...Бунин для меня Бунином и остался, так что с моей стороны нет против Вас ничего»².

Долго зревший нарыв наживинской ненависти прорвался в конце 1933 г., когда пришла весть о присуждении Бунину Нобелевской премии. Вероятно, именно в ту пору Наживин и начал вынашивать план своей «страшной мести» несостоявшемуся духовному вождю русской эмиграции.

Как отмечают биографы Наживина, этот «талантливый и умный русский писатель», ученик и последователь Л.Н. Толстого, издавший свыше 40 томов

¹ Цит. по: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 322, 323.

² РАЛ. MS 1066/4004. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.

своих сочинений, был не только болезненно самолюбив, но и столь же болезненно (если не сказать — патологически) завистлив.

Бунину он завидовал, скорее всего, с самого начала своей литературной карьеры, причем (как это часто бывает с людьми подобного склада) своей зависти он пытался придать вид высокой, гражданственной взыскательности. Так, бунинскую «деревенскую» прозу Наживин и до, и после Октября, — по-видимому, непрятворно — считал «злостной болтовней человека в фуражке с красным окольшем»¹, намекая на ее будто бы «барский», «кузко-дворянский» характер. По крайней мере, именно так он отзывался о ней в письме к Бунину от 7 сентября 1920 г., словно забыв, что за полтора года до этого, еще в Одессе, при первой личной встрече с мэтром говорил ему (согласно записи в дневнике В.Н. Муромцевой от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.) следующее: «Вот <...>, Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и все за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. <...> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы»².

В 1927 г. Наживин точно так же «забудет» свои же слова о «злостной болтвне человека в фуражке с красным окольшем» и воздаст хвалу (искреннюю ли?) бунинским рассказам о народе, включенным в сборник «Последнее свидание»: «Бесподобные страницы! Но никогда, никогда, никогда не будет понята “интеллигенцией”, т.е. Вашими читателями, их жуткая красота и их *правда*, от которой волосы встают дыбом: поймут их только те очень немногие, которые, как Вы, действительно видели наш народ, то ядро каторжника, которое приковано к нашей ноге. <...> Спасибо за хорошую книгу»³. А в середине 1930-х гг. Наживин столь же «гражданственно» обрушится на все эмигрантское творчество Бунина, с «Жизнью Арсеньева» во главе, обвинит мэтра в том, что в эпоху великих потрясений тот не дал ничего стоящего, не дал поистине значительного произведения, в котором отразились бы эти катаклизмы (намеренно замалчивая при этом и «Великий дурман», и «Окайяные дни»), и не раз попрекнет Бунина именно его дворянской «фуражкой с красным окольшем».

Вообще при сопоставлении наживинских высказываний о Бунине как писателе невольно напрашивается вывод либо о непоследовательности, либо о беспринципности их автора. Впрочем, удивляться этому не приходится — особенно с учетом тех идеино-политических зигзагов, которые Наживин проделал за время своего пребывания на чужбине, многократно меняя убеждения, друзей, места жительства, стремясь из всего извлечь для себя выгоду и не умея ни с кем поладить надолго.

¹ Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 330.

² Устами Буниных. Т. 1. С. 171.

³ РАЛ. MS 1066/4005. Курсив Наживина. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.

«Земских начальников надо хоронить...»

Кампания против Бунина, развернутая Наживиным в 1934–1936 гг., носила характер многоходовой комбинации. Начало ей было положено в наживинской переписке с коллегами по цеху, которые хорошо знали Бунина, а в некоторых случаях, подобно М. Горькому и М.А. Алданову, в разное время были с ним накоротке. Например, Горькому 31 мая 1934 г. Наживин писал, что Бунин «стал невыносимо гнусен: спустился ниже всякого земского начальника»¹. Письма к Алданову, которого Наживин выделял из числа прочих писателей-эмигрантов (вероятно, за его беззаветную любовь к Л.Н. Толстому), пестрят еще более резкими, уничижительными характеристиками («бывший Бунин»² — самая невинная среди них). Вне всяких сомнений, подобная бес tactность была умышленной: Наживин демонстративно не желал считаться с тем, что Алданов не только дружил с Буниным, но и по-настоящему любил его как писателя и человека.

Вот несколько наиболее показательных наживинских суждений о Бунине, встречающихся в его посланиях к Алданову (нам они известны по машинописным копиям, которые хранятся в личном фонде Наживина в РГАЛИ).

17 ноября 1934 г., раскрывая причины своей неприязни к Милюкову и критикуя Алданова за его будто бы чрезмерную терпимость к собратьям по перу, Наживин, между прочим, замечал: «В частной жизни, за рюмкой водки, и Бунин приятен, пока не впадает в матерный стиль (замечательно, мои мужики-владимирцы при мне НИКОГДА не осмеливались впадать в этот стиль), но это нисколько не обязывает меня слепнуть и не видеть его творческое бессилие и ничтожество»³. «Бесплодной смоковницей, комм эн икон су сон образ»⁴ назван «Иван де Бунин» в наживинском письме от 19 марта 1935 г.⁵ По мнению Наживина, самым убедительным доказательством бунинской деградации служила «Жизнь Арсеньева». «Это не литература, — писал он Алданову 27 марта 1935 г., — а словесные бирюльки. Зачем он их точит, я не знаю. <...> Когда я вспоминаю этот гимн Земскому Начальному <т.е. великому князю Николаю Николаевичу-младшему»⁶, у меня в глазах зеленеет⁷.

¹ М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступит. ст., публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. С. 651.

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 2.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Придуманное Наживиным французско-русское выражение: comme un (правильнее — une) ёсбне sous son образ, — смысл которого не вполне ясен. Возможные варианты перевода: сам себе икона; жалкое подобие себя самого. Подобное язвительное «идиомотворчество» — одна из особенностей наживинского злоязычия.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 16 об.

⁶ Имеются в виду заключительные главы 4-й книги «Жизни Арсеньева».

⁷ Особо отметим, что эти слова принадлежат человеку, который в начале 1920-х гг. прымкал к монархистам и даже участвовал в знаменитом Рейхенгалльском съезде!

А это утверждение Пушкина как “нашего”, “дворянского” поэта¹. Дурак он и больше ничего. И как его многие теперь ненавидят за эти шалые выходки». В том же письме по поводу избрания Бунина нобелевским лауреатом говорится: «Гадость вышла. Земских начальников надо хоронить. Впрочем, все равно сопьется. Это им всем на роду написано»².

В своем стремлении любой ценой опорочить мэтра Наживин не знал меры, не гнушался ничем, вплоть до откровенной лжи и клеветы. Так, в письме от 26 ноября 1934 г. к Алданову он утверждал, что накануне своего отъезда из Парижа в Берлин А.Н. Толстой будто бы писал ему, что «Ваня Бунин, земский начальник, спасает духовную культуру своими акафистами пьяному псарю»³, т.е. опять-таки великому князю Николаю Николаевичу-младшему. Хотя ничего подобного Толстой, разумеется, написать не мог — просто потому, что решил «сменить вехи» за 8 лет до того, как в «Современных записках» появилась 4-я книга «Жизни Арсеньева», финальные главы которой и содержат так называемый «акафист пьяному псарю».

Лгал Наживин и своим явным единомышленникам, в числе которых был, например, С.Г. Сватиков. В письме к нему от 19 января 1936 г. Наживин «каялся»: «И что меня угрывает накануне ухода — мне 62-й <год> — это то, что я весьма повинен в получении “нашей славой” премии Нобеля. Она предназначалась Горькому. Старому Эммануилу Нобелю с моей — и других — помощью удалось провалить это дело. Тогда встал вопрос: так кому же — надо Россию почтить. Я тогда ничего еще не знал о верноподданныческих выступлениях Ивана де Бунина и посоветывал старику Эммануилу Людвиговичу: тогда попробуйте провести хотя <бы> Бунина. Я охотнее посоветывал бы Алексея Толстого, но это было безнадежно из-за его перехода в московский лагерь. И они провели Ваньку де Каина»⁴.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Наживин в переписке с Э.Л. и Г.Л. Нобелями действительно интриговал против Горького и даже предлагал устра-

¹ Наживин тенденциозно толкует строки из VIII главы 3-й книги «Жизни Арсеньева», где сказано: «Пушкин <...> был для меня вовсе не чтением, а подлинной частью моей жизни. <...> Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне “нашего” по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал, казалось мне, все только наше, для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, “вихри снежные крутя”, была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне с грустной и ласковой улыбкой: “Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел” — и я спрашивал: “С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?” Она читала: “Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я” — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме...» (Бунин Ив. Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. С. 176–177). Под словом «наш» Бунин, несомненно, разумел не «дворянский», а «семейный», «домашний», «родственный».

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 17 об.–18.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Ед. хр. 44. Л. 1. Сохранено авторское написание слова «посоветовал».

нить его физически¹, однако свою роль в присуждении Бунину Нобелевской премии он, мягко говоря, преувеличивал. По крайней мере, в сохранившихся письмах к нему Э.Л. Нобеля о Бунине как возможном претенденте на премию не сказано ни слова².

Отдельным «пунктом» в наживинской кампании против Бунина было присыпывание мэтру то «яростного», то «хитрецкого» антисемитизма. В процитированном письме к Сватикову есть и такие строки: «...И заметьте: Ванька <Бунин> — яростный антисемит (с глазу на глаз), и жидки все же тянут его вверх. Какой бардак этот наш литературный мир»³. Приведенные строки перекликаются с другими, столь же лживыми, клеветническими строками, содержащимися в недатированном письме Наживина к неизвестному лицу⁴: «...видимо, жидовско-газетная сволочь (между евреями и жидами я делаю

¹ См., напр., его письмо к Г.Л. Нобелю от 11 февраля 1932 г.: «Опять предлагаю себя, старика (мне терять нечего уже) для организации тут, на местах, ударных дружин: убирать полпредов, торгпредов, Максимку Горького — увеличить панику в Кремле этими раскатами грома» (Там же. Ед. хр. 35. Л. 1; курсив Наживина).

² См.: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1, 2.

³ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

⁴ Есть основания предполагать, что этим лицом был М.А. Осоргин, с которым у Наживина были почти такие же странные взаимоотношения, как с Бунином и Горьким: Наживин Осоргина глубоко презирал — и все-таки зачем-то в 1932–1935 гг. переписывался с ним. В послании к Алданову от 25 июня 1934 г. Наживин отзывался об Осоргине следующим образом: «Осоргин — нарцисс, который никак собой достаточно не налюбуется, но зарядов для боя у которого нет совсем. Он ограничен и совершенно лишен творческой фантазии, без которой писатель сразу превращается в писаря» (Там же. Ед. хр. 19. Л. 1). В письме от 18 октября 1934 г. читаем: «Осоргин — ничтожество и как человек, и как писатель. Он даже совсем не писатель, а литератор, омм де леттр <homme de lettres (фр.)>» (Там же. Л. 7). В письме от 2 декабря того же года Осоргин назван «слабеньким — умом и талантом» (Там же. Л. 16 об.). Примерно так же Наживин характеризовал Осоргина и в своих произведениях, предназначенных для печати. Осоргин, зная натуру Наживина, не слишком с ним церемонился. Например, 3 августа 1933 г. в ответ на наживинское предложение «работать вместе» Осоргин писал: «Что же касается до Вас, Иван Федорович, то разве же можно с Вами совместно работать! Вы — присяжный ругатель, часто — за дело, чаще — зря, и притом грубо. Прямота, надеюсь, и мне свойственна, но грубость окончательно чужда: не чувствую в ней потребности. Окатывали всякими словами Алданова — а потом ему пишете письма и сами же называете его “живым”. Вероятно, и со мной так же поступаете. В счет Вам этого я не поставлю (по привычке и равнодушию), но другие не могут не поставить, и ведь они правы! Как же иметь с Вами дела? Любите Вы себя; Ваше право; я тоже себя люблю, хоть и не так уж пламенно. А кому Вы что сделали? Простите, я этого не знаю, не слыхал. Но ведь таковы же и другие: себе помогали, на других плевали. Одно в Вас ценю очень: милостыни не просите, не прибегаете к благотворительности, а бьетесь за себя и свое писательство. Охотно бы был с Вами рядом, но, повторяю, очень уж трудно с Вами ладить» (Там же. Ед. хр. 87. Л. 1 об.). Переписка была прекращена по инициативе Осоргина: в письме от 6 июля 1935 г. он уличил Наживина в «глупой неправде» (см.: Там же. Л. 7). Через два с небольшим месяца, в середине сентября того же года, отношения с Наживиным порвал и Алданов.

весьма большую разницу) никак не хочет мне забыть моих кубанских выступлений¹, в которых, однако, принимал ближайшее участие Иван де Бунин, хитренький антисемит, разговоры с которым на эти темы мною записаны и опубликованы, что и послужило причиной разрыва с ним: ему хотелось бы делать погром потихоньку, из-под кровати»².

Так спустя годы Наживин «отблагодарил» своего заступника перед лицом левой одесской печати, взбудораженной неоднозначным содержанием брошюры «Что же нам делать?».

«Статья о Бунине нужна...»

Разумеется, Наживин не мог удовольствоваться одной лишь эпистолярной травлей Бунина: его истинной целью была *публичная* расправа над корифеем эмигрантской литературы.

В книге воспоминаний З.А. Шаховской «Отражения» говорится, что уже «во время избрания Бунина нобелевским лауреатом» Наживин «написал статью — нигде не напечатанную — “Стокгольмские идиоты, или Венчание мертвеца”»³. По мнению В. Кудениса, «Шаховская ошиблась в названии статьи (“Уездный моншер”), но дала точное определение ее содержания». Далее исследователь пишет: «Статья должна была войти в книгу “Материалы по истории новейшей русской литературы”, над которой Наживин в это время работал и в которой он писал обо всем том, что ему не нравилось в русской (эмigrantской) литературе»⁴. Однако оба эти утверждения, при всей их категоричности, на самом деле являются не более чем гипотезой В. Кудениса.

¹ Очевидно, имеется в виду работа Наживина в Отделе пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России, а также его брошюры, изданные в годы Гражданской войны.

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 31. Не лишним будет сопоставить это утверждение с тем, что сам Наживин писал Бунину еще 8 июня 1920 г.: «Вы знаете, я *не антисемит ни на йоту*, и я готов это сказать с высоты Arc de Triomphe всем, *urbi et orbi*, но я полагаю, что вместе со многими уродствами “старого режима” умерло и то нестерпимое уродство, что от имени русского народа его защитниками, вождями и истолкователями *преимущественно* выступали Айзенштадты и Гильденштерны. Я не хочу лишить их права голоса, но с этой их “naglesse impostigible” должно быть покончено. В Белграде Вы не раз восклицали: “О, евреи, это сила!...”. Не спорю, но сила их только в нашей слабости и разобщенности, от нас зависит, и без большого труда даже, если не совсем сломить эту злую силу, то, по крайней мере, внести сильное противодействие в ее зловоредное “планетарное” действие, мы должны дать голос здесь и настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвившей и практичной России, мы должны помочь тем людям, которые, как П.Н. Врангель, борются и умирают за эту Россию, за нас» (Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 324–325; курсив Наживина).

³ Шаховская З. Отражения. Paris: YMCA-PRESS, 1975. С. 8.

⁴ И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279.

Документальных свидетельств того, что Шаховская ошиблась в названии Наживинской статьи и что именно эта статья должна была войти в наживинские «Материалы», не существует. Неопровергимо лишь одно: с конца 1933 г. Наживин работал над двухтомным трудом под заглавием «Материалы к истории новейшей русской литературы»¹, где Бунину уделялось немало внимания.

Своими замыслами Наживин делился с Алдановым; ему же он, как можно понять, присыпал и фрагменты рукописи. Алданов с самого начала скептически отнесся к «Материалам» и даже пытался отговорить Наживина от их написания: «Не имею никакого права что бы то ни было советовать, но, право, мне кажется, что Вы напрасно взялись за эту книгу. Всех нас, и Вас, и Бунина, и Мережковского, и всех нас, ждет тот скромный “суд истории”, на который могут рассчитывать писатели: скажем, будущий Скабичевский. Его дело будет во всем разобраться. Вы напишете страстно, сгоряча. Если б еще Вы как писатель говорили только о книгах других писателей, это я понял бы. Но Вы, очевидно, хотите говорить и о людях. Не могу этому сочувствовать. Для этого время не наступило, и не нам об этом писать»².

Однако Наживин не внял алдановским увещаниям. К июню 1934 г. он вчерне закончил свой двухтомный труд, который представлял собой собрание критико-публицистических очерков о наиболее заметных русских писателях, оказавшихся по обе стороны советской границы. Первый том «Материалов», имевший подзаголовок «Властили дум», был посвящен эмигрантской литературе и открывался обширным очерком, который первоначально назывался «Похороны Бунина»³. Вероятно, в процессе авторской правки это заглавие было заменено другим, более звучным: «Уездный моншер». Тем самым Наживин наносил Бунину как бы двойное оскорбление, выступая одновременно в качестве плагиатора и ниспровергателя. «Уездными моншерами» во 2-й книге «Жизни Арсеньева» лакей Дворянской гостиницы в Ельце Михеич называет «людей с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства голосами»⁴. И Наживин не только заглавием, но и всем содержанием своего очерка хотел внушить потенциальным читателям, что Бунин — вовсе не «настоящий барин», а такой же «уездный моншер», бездарный писатель, дутая величина.

В этом сочинении встречаются те же «коронные» антибунинские шаблоны, что и в наживинском эпистолярии. Помимо собственно «уездного моншера», тут наличествуют и «земский начальник», и «фуражка с красным

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 1–278; Ед. хр. 9. Л. 1–260. О том, что писать эту книгу Наживин начал в указанный период, косвенно свидетельствуют некоторые письма к нему Алданова за декабрь 1933 г.

² Письмо от 24 декабря 1933 г. (Там же. Ед. хр. 55. Л. 9; курсив Алданова).

³ См.: Там же. Ед. хр. 9. Л. 19–46.

⁴ Бунин Ив. Жизнь Арсеньева. С. 102.

околышем», и «творческое бессилие», и «акафист пьяному псарю» (как вариант — «царственному доезжачему»), и «матерный стиль», и «хитренъкий/яростный антисемит»... Все это обильно «сдобрено» с виду «праведным», а на деле — завистливым негодованием по поводу «совершенно непристойного шабаша», который начался в эмигрантской прессе после присуждения Бунину Нобелевской премии; безапелляционным преуменьшением бунинской известности; высмеиванием бунинских языка и стиля; бездоказательными обвинениями в адрес писателя, будто бы тосковавшего по «исторической блевотине», под которой Наживин подразумевал разнообразные реалии «старого режима»; и проч.

Видимо, поняв, что издать «Материалы» не удастся — причем не только в эмиграции, но и в Советской России, — Наживин решил опубликовать хотя бы фрагменты этого труда (правда, Алданову в письме от 25 июня 1934 г. он засем-то солгал, что уничтожил оба тома книги).

Кое-что Наживин вкраплял в отдельные критико-публицистические произведения — например, в некий обзор эмигрантской литературы, где Бунин был назван «земским начальником», что чрезвычайно смущило и огорчило Алданова¹. «Я отлично знаю, — писал он Наживину 14 сентября 1934 г., возражая против его оценки бунинского творчества, — что Бунин идеализирует старую Россию. Страна была изумительная, — другой такой я не видал, изъездив весь свет, — но Вы правы, темного было много. Согласитесь же все-таки, что Бунин в старой России “воспевает” не крепостное право, не розги и не право первой ночи. А если попадаются у него страницы непонятные, вроде конца “Жизни Арсеньева”, то, по совести, по человечеству это можно и понять, и простить, — реакция довольно естественная у эмигранта, который вдобавок в старой России был, как пишут в передовых статьях, “членом привилегированного сословия”. Бунин, как все мы, грешные, человек со слабостями. Писатель же он истинно замечательный, и в той же “Жизни Арсеньева” много страниц изумительных»².

Однако Наживин стоял на своем. Ему не терпелось печатно расkvивать-ся с нобелевским лауреатом. Еще 25 июня 1934 г. он убеждал Алданова: «Статья о Бунине нужна, потому что этот курунованный <так!> уездный моншер водит за нос тысячи дураков. Злойший черносотенник и тупица, он окончательно разложился», — и тут же добавлял, что такая статья, «вероятно, будет напечатана в американской рабочей газете»³. Возможно, Наживин в данном случае имел в виду анархистскую газету «Рассвет» (Чикаго), с которой он сотрудничал в первой половине 1930-х гг. Однако это издание не стало бы помещать на своих страницах наживинский памфлет

¹ К сожалению, полный текст и место обнародования этого обзора (если только он был обнародован) неизвестны.

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 19.

³ Там же. Ед. хр. 19. Л. 1.

против Бунина, так как относилось к нобелевскому лауреату с искренним уважением¹.

Не исключено, что Наживин многократно переписывал свою статью о Бунине, оттачивая ее стилистику и обличительный пафос. В итоге к середине октября 1934 г. окончательный текст был готов и тоже отправлен Алданову². Основой для статьи послужил очерк о Бунине из «Материалов». Оттуда же было заимствовано и заглавие — «Уездный моншер»: видимо, Наживину оно представлялось наиболее удачным. Фразеология и тон наживинских филиппик также остались прежними³.

Особенно грубы финальные абзацы статьи. В одном из них, вспоминая некую — то ли действительную, то ли вымышленную — беседу с Буниным, будто бы бывшимся в истерике и требовавшим денег «на создание великих произведений», Наживин пророчествует: «Злодейка-судьба задумала посмеяться над вами и денег вам дала. Но именно теперь-то вы и не дадите больше ничего. Раньше хоть нужда заставляла вас делать какое-то подобие работы, а теперь вы среди погибающих будете бражничать в вашем “Мажестике” <так!>⁴, спальном вагоне и у Корнилова⁵ и будете — это у вас *spécialité de la maison*⁶ — садить грязной матерщиной. В уже первом интервью вашем, данном разным демократическим прихлебателям, вы пустили осторожное словечко: “я — ленив”. Вы лжете, моншер! Вы не ленивы, но окончательно придавлены к земле темным и ужасным сознанием вашего полного бессилия. Вы — импотент⁷. Вы — каплун, который, оstarев, не годен даже на жаркое»⁸.

В каком именно издании Наживин намеревался опубликовать свою статью, неизвестно. В его переписке с Алдановым речь идет о каком-то журнале, выходившем то ли в Париже, то ли где-то еще. В письме от 26 ноября 1934 г. Наживин просил Алданова послать «Уездного моншера» по адресу, который, очевидно, был вписан от руки (на копии письма, хранящейся в РГАЛИ, эта рукописная вставка отсутствует). Однако Алданов, возмущенный содержани-

¹ См., напр.: *П. С. <Сватикова П.>* Школа имени И.А. Бунина // Рассвет. 1934. 27 января. № 23. С. 5; *Бернов А.* У бунинцев // Там же; <Б.н.> Вечер школы им. Бунина // Там же. 10 февраля. № 35. С. 5.

² См. в письме Наживина от 18 октября 1934 г.: «О Бунине послал целую статью Вам» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 7).

³ См.: Там же. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 1–15.

⁴ Имеется в виду парижский отель «Мажестик» (Majestic), где Бунин жил перед отъездом в Стокгольм.

⁵ Имеется в виду русский ресторан «Осетр» Ф.Д. Корнилова, открытый в Париже в 1924 г.

⁶ Фирменное блюдо (фр.).

⁷ «Импотент» — одна из самых излюбленных наживинских характеристик. Импотентами Наживин в своих письмах и «Материалах» называл поголовно всех писателей-эмигрантов, делая исключение, пожалуй, только для себя и Алданова.

⁸ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 14–15.

ем наживинской статьи, отказался выполнить просьбу ее автора. «Простите меня, — писал он Наживину 1 декабря 1934 г., — я не могу переслать ее по указанному Вами адресу. Вы знаете, что я считаю эту Вашу статью ошибкой, и даже передаточной инстанцией не желал бы быть при ее печатании. Вдобавок меня с Буниным связывает 20-летняя дружба, — мне было бы неловко и сказать ему, и скрыть от него, что я переслал эту статью в журнал, — хоть, разумеется, роль передаточной инстанции почти не отличается от роли по-чтальона. Поэтому сегодня заказным возвращаю Ваши статьи *Вам*»¹.

Сегодня машинопись «Уездного моншера» хранится почему-то в бунинском, а не в наживинском фонде РГАЛИ. Это тем более странно, что автографы бунинских писем к Наживину, как уже указывалось, остались в личном фонде последнего.

«Мощи писателя»

Неудачи с обнародованием «Материалов» и «Уездного моншера» не только не угасили в Наживине мстительный пыл, но, напротив, разожгли его еще больше, как бы вынудив «талантливого и умного русского писателя» прибегнуть к «последнему средству». Поставив себе целью во что бы то ни стало донести до широкой читательской аудитории свою излюбленную мысль, которую он без конца, как одержимый, повторял в своих «Материалах» и в письмах разным лицам — что «НИКАКОЙ литературы в Париже нет, просто нет», что «все там кончилось»², Наживин обратился к самому привычному для себя виду литературного творчества: он задумал и очень быстро, по своему обыкновению³, написал роман, изданный предположительно в августе 1935 г. в Тяньцзине под заглавием «Неглубокоуважаемые»⁴. Одного из своих корреспондентов (скорее всего — Осоргина) Наживин уверял: «...этот титул выдуман не мною, а идет из публики»⁵. Под «неглубокоуважаемыми» (в дальнейшем это словечко в наживинском эпистолярно-публицистическом лексиконе стало нарицательным) в первую очередь понимались главные представители эмигрантской литературы и прессы, осевшие в Париже.

Бунин в «Неглубокоуважаемых» упоминается неоднократно. Более того, ему посвящено целых две главы (XVII и XVIII), в которых, по сюжету, главный герой романа, «в прошлом видный писатель и музыкант», Андрей Ива-

¹ Там же. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 25 об. Курсив Алданова.

² Там же. Ед. хр. 19. Л. 20.

³ «Вообще, месяца для романа обычного раньше мне хватало. Я запойный», — признавался он Алданову 17 ноября 1934 г. (Там же. Л. 12 об.).

⁴ О том, что роман должен был выйти именно в августе, говорится в наживинском письме к Алданову от 26 июля 1935 г. (Там же. Л. 21).

⁵ Там же. Л. 31.

нович Булановский, alter ego автора¹, зачитывает на одном публичном собрании, посвященном «властителям дум» (т.е. лидерам литературной эмиграции), свой заведомо скандальный, провокационный реферат о «бывшем» русском писателе, о москах писателя, <...> об Иване де Бунине². Этот реферат, представляющий собой очередную — слегка подчищенную и сокращенную — версию «Уездного моншера», предсказуемо приводит к карикатурно изображенной (точь-в-точь как в старом советском кино о белогвардейцах и эмиграции) потасовке, которой «публичное собрание» и заканчивается³.

В романе также приведено (в оригинале и наживинском переводе) интервью с Буниным сотрудника брюссельской газеты «Суар» (*Le Soir*) Р. Дюпьерре, поражающее главного героя некоторыми действительно нелепыми пассажами, которые, впрочем, несомненно, возникли по вине интервьюера, а вовсе не его собеседника. Вот один из таких пассажей:

«— Я уже много рассказывал, — говорит он <Бунин> с улыбкой на своем лице веселого Макиавелли, — как те стихи удостоились в 1909 премии Пушкина и сделали из меня Бессмертного. Это было, верьте мне, совершенно неожиданно, так как я в конце концов был только поэтом своих полей. Неподалеку от меня на собрании Академии серьезный и молчаливый старик гладил свою длинную бороду. Это был Лев Толстой, мой учитель и друг. Я считаю его одним из величайших писателей всех времен. Но он направлял мои усилия не к литературе, а к земле. Однажды он увидел меня на пашне за сохой и посоветовал мне заняться лучше литературой: я пахал так плохо, что я думаю, что он был прав...

И Савонарола-Бунин весело смеется⁴.

Наживин достиг своей цели лишь отчасти: эмиграция встретила «Неглубокоуважаемых» неоднозначно. Наряду с благодарными читателями у романа было и немало противников. Эмигрантская критика его проигнорировала, что позволило автору обвинить ее в «заговоре молчания». Тем не менее Сватиков, один из немногих поклонников и единомышленников Наживина, сообщал ему 18 января 1936 г. о впечатлении, произведенном в Париже «Неглубокоуважаемыми», следующее: «Вы, по-видимому, руководитесь правилом

¹ Булановский — один из псевдонимов Наживина, по названию села Буланова Владимирской губернии, где Наживин ребенком часто бывал в гостях у своей бабушки.

² Наживин Ив. Неглубокоуважаемые: Роман. Тяньцзин: Изд-во А.И. Серебренникова и К°, 1935. С. 156.

³ По поводу этой потасовки («скандала и драки») В. Куденис замечает, что о ней «Наживин в действительности мог только мечтать» (И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280).

⁴ Цит. по: Наживин Ив. Неглубокоуважаемые. С. 407. Оригинальный текст — на с. 393. Вырезку с этим интервью, без даты (*Dupierreux R. Avec Ivan Bounine, prix Nobel 1933 // Le Soir*) см. в авторизованной машинописи «Неглубокоуважаемых» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 331–332).

бл^{<аженного>} Августина: “Если говорить правду — значит бесчинствовать, то давайте бесчинствовать”!..¹ Ваше “бесчинство” оказалось подобно бомбе, взорвавшейся в болоте. Если Вы мечтали: “Вот-то брызг-то будет!” — то успокойтесь: в Париже *вой* стоит от Вашей книги. Это искусство: на 408 стр^{<а-ница>}х наступить на столько тысяч любимых мозолей. <...> А вот сколь Вы ни облажали И.А. Бунина, а правда о нем (тщательно скрываемая, ибо это — “наша гордость”) гораздо хуже всякой Вашей беллетристики. Факт! И я имею тому твердые доказательства².

Обрадованный и ободренный этой вестью, Наживин уже 19 января 1936 г. отвечал Сватикову: «Здесь мне за мою новую книгу пригрозили пулей, но так как эти угрозы я слушаю уже лет 5–6, то большого впечатления на меня они не производят. И даже маленько... Но раз зашумел Париж, “столица эмиграции”, по мнению г-на Осоргина, то слава Богу: значит, на мозоль я наступил хорошо, что и было нужно. Ибо как же уйти в могилу, не сказав тяжкой правды. Зачем же тогда мы жили, если даже на краю ямы мы не посмели посмотреть правде в глаза и не сказали о ней вслух. <...> Прямо скорблю, что о Бунине я сказал не все. Во всяком случае, я сказал решительно все, что мне известно. А если бы мне дали дополнительные материалы, я, ни минуты не колеблясь, огласил бы их в особом прибавлении к книге. Недавно эта “наша слава” приезжала сюда, пьянилась здесь и В ПЬЯНОМ ВИДЕ ВЫСТУПАЛА С РЕЧЬЮ О ТОЛСТОМ, как было объявлено в местном листке³.

¹ В переписке с автором данной статьи доцент факультета журналистики МГУ Г.В. Прутников отметил, что принадлежность процитированных Сватиковым слов блаженному Августину не доказана.

² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 2 об. Эти строки Наживин впоследствии пересказывал уже в собственных письмах, адресованных издателю «Неглубокоуважаемых» — А.И. Серебренникову, от 19 января 1936 г. (Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 6), и Алданову, от 3 марта 1936 г. (Там же. Ед. хр. 19. Л. 32).

³ Имеется в виду публичное выступление Бунина 17 ноября 1935 г. в Брюсселе. Писатель был принят русской диаспорой восторженно. Спустя два дня, 19 ноября, Бунин сообщал Н.Я. Рощину об этом так: «Меня оч^{<ень>} чествуют. На вокзале — встреча: представители рус^{<ской>} колонии, журналисты, фотографы (это 16-го вечером). После сего (вечером же) — обед в Рус^{<ском>} клубе. Речи, приветствия. 17-го, в 5 часов, было мое выступление — народу пушки не пробьешь. Читал не плохо! Овации» (Там же. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 14). Наживин на этом вечере не присутствовал. В его бумагах сохранилась копия письма к брюссельской «Инициативной группе по устройству лекций» от 3 декабря 1935 г., где говорится: «Мм. Гг., — мои знакомые, бывшие на вечере г-на Бунина, рассказали мне только что о подробностях этих веселых поминок по Толстому и обратили мое внимание на отчет о денежной стороне этого дела, помещенный в местном листке. <...> Ванька Бунин читал полуписьмый» (Там же. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 2). К письму приклесна вырезка из газеты с финансовым отчетом о бунинском вечере. Согласно этому отчету, «путевые расходы лектора <т.е. Бунина> и его секретаря, а также расходы по проживанию в Брюсселе» составили 1500 бельгийских франков, а чистый доход — 701,70 франков. Одна половина этой суммы передавалась «в Четверговую школу при церкви св. Николая Чудотворца», другая — «в фонд будущих лекций» (Там же. Л. 1). Видимо, Наживина возмутила сумма, выплаченная Бунину.

На самом же деле речь эта оказалась об Иване де Бунин. Все порядочные люди — а их немного — были скандализованы этим пьяным выступлением, но за Иваном де Бунин стояла вся благомыслящая — а тут благо мыслят почти все — эмиграция. Если соберется достаточно материалов для добавления, я расскажу и об этом похабстве. Непременно¹.

Однако радость Наживина по поводу того, как были восприняты в Париже его «Неглубокоуважаемые», оказалась преждевременной: «Ходят слухи, — писал ему Сватиков уже 30 января 1936 г., — что на сию книгу наложили херем, сиречь великую клятву, главные изобиженные Вами: Иван де-Бунин и др.; а именно — отчетов о ней не давать, в кн^ижных магазинах ни в Париже, ни на периферию не посыпать (якобы, мол, нет ее, не слыхали такой). Кому ни говорю, — а читали ли, мол, все говорят, — и не слыхали, мол, а не только што читать. Так что вой-то я слыхал лишь от тех, кому особенно тяжко наступлено было на хвост, а “толпа” ничего не знает из-за “бойкота молчания”. С этим Вы смогли бы и бороться, потребовавши срочного включения книги в объявления складов и в обязательный набор рассылаемых по магазинам книг»².

Между тем, наряду с неприятными для Наживина известиями, письмо Сватикова содержало в себе и такие сведения, которые не могли не обнадежить автора «Неглубокоуважаемых». В своем послании Сватиков весьма подробно излагал обстоятельства «дела Ивана Алексеевича Бунина», на которые он намекал ранее.

Суть этого «дела» заключалась в том, что Бунин после получения Нобелевской премии будто бы отказался пожертвовать деньги в пользу Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, к услугам которого он не раз обращался прежде, в пору безденежья. По словам Сватикова, Бунин «за 10 лет перебрал в Комитете более 10 тыс. фр^ианцузских фр^ианков ссуд»³. При этом Сватиков упоминал ряд лиц, имевших прямое отношение к Комитету и вступавших в переписку с Буниным по указанному поводу, — в том числе председателя Комитета И.Н. Ефремова и секретаря С.В. Познер-ра. «Председателю Ком^итета пом^иощи И.Н. Ефремову, напоминавшему официально <...>, И^иван А^илексеевич ответил длинным посланием, доказывая, что он ссуд и тем более пособий не получал, а если и брал деньги, то без обязательства возврата, бессрочно, и то это были деньги, адресованные Европой и Америкой великим писателям, а не литераторам вообще. Так что Комитет в долг у него, ибо это ради него и для него раскошеливались иностранцы, а не он у Комитета. Так он Комитету и не вернул ни сантима! <...> Да простит Господь И^ивану А^илексееви^ичу это ненужное его жестокосердие и забвение долга чести. Секретарь Комитета Соломон Вл^иадимирович»

¹ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4 об.

Познер глубоко запрятал и письма Бунина, и ответы Комитета, и протоколы. Все шито-крыто¹.

По счастью, архив Комитета помочи русским писателям и ученым во Франции не пропал. Так случилось, что он оказался разделен на две неравные части: меньшая хранится в РГАЛИ (Ф. 1569. Оп. 1. Ед. хр. 7), большая — в Библиотеке международной современной документации (BDIC. F/DELTA/RES/0832)². Не пропали и те бумаги, которые, по выражению Сватикова, «Познер глубоко запрятал». Судя по их содержанию, сватиковский «компромат» на Бунина был достоверен лишь отчасти. Хронологически они относятся к ноябрю 1933 — январю 1934 гг. и представляют собой ряд писем Сватикова и Ефремова к Познеру, а также копии переписки указанных лиц с Буниным и членами Комитета по распределению его пожертвований — Н.К. Кульманом, В.Ф. Зеелером и В.Б. Ельяшевичем.

Бунинского «длинного послания», о котором идет речь в процитированном выше письме Сватикова к Наживину — насчет возврата полученных от Комитета ссуд, — среди названных документов нет. По всей видимости, под этим «посланием» Сватиков имел в виду письмо Бунина к Ефремову от 22 января 1934 г., копия которого приведена Ефремовым уже в его собственном, датированном тем же днем письме к Познеру. Согласно этой копии, Бунин писал Ефремову следующее: «Глубокоуважаемый Иван Николаевич, / Я был в числе тех, кто основал Комитет и состоял в числе его членов много лет. Почему мне прекрасно известно, что то, что мы давали нуждающимся писателям и ученым, только для проформы называлось “ссудами”. Комитет просто раздавал те деньги, кои он получал от разных лиц и обществ, пользуясь именами нескольких известных писателей, — в том числе и моим именем. Все это известно и Вам. Не понимаю поэтому, зачем нужно Комитету писать мне о каких<-то> моих “долгах” ему, о каких-то ”ссудах”, будто бы мною от него полученных, да еще с ошибками в ”выметке” насчет оных (ибо, напр<имер>, 3000 фр<анков>, отнесенные Вами к июню 1920 года, никогда не были даже номинальным достоянием Комитета). / С совершенным почтением / (подписано) Ив. Бунин. / 22.I.1934 г.»³.

Этому тексту предпослана весьма пессимистичная «преамбула»: «Глубокоуважаемый и дорогой Соломон Владимирович, / Вы были правы в том

¹ Там же. Л. 5 об. Курсив Сватикова.

² См.: <http://www.calames.abes.fr/pub/lacontemporaine.aspx#details?id=FileId-816> (дата обращения: 28.02.2019). Ряд материалов из этой, французской, части архива опубликован (см.: Кельнер В.Е., Познер В. Комитет помочи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд; Борей, 1994. С. 269–313).

³ BDIC. F/DELTA/RES/0832/10/6/14–15. В оригинале выделенные курсивом слова подчеркнуты. Впервые этот текст был опубликован (с купюрами) в монографии: Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. С. 504.

отношении, что нуждающиеся писатели и ученые ничего не получат вследствие обращений Комитета к И.А. Бунину¹. Однако опасения Ефремова и Познера оказались напрасными: уже 24 января 1934 г. Ельяшевич сообщал Ефремову, что Комитетом по распределению пожертвований Бунина была «препровождена Союзу писателей и журналистов сумма в 10.000 франков», посредством которой предполагалось «удовлетворить, по возможности, всех лиц», обратившихся в Комитет помочи нуждающимся писателям и ученым².

Таким образом, Бунин все-таки выполнил просьбу Комитета о пожертвовании, хотя и сделал это «окольными путями». По-видимому, история с «возвратом» комитетских ссуд так его разозлила, что он уничтожил все ее письменные свидетельства³: те послания от Ефремова, Познера и Сватикова, что были получены Буниным в его «нобелевские дни» и в итоге отложились в его Парижском архиве, представляют собой традиционные поздравительные адресы⁴.

Как бы то ни было, сам Сватиков — видимо, сознавая недостаточную основательность своих обличений, — открыткой от 4 февраля 1936 г. предостерегал Наживина: «Что касается Бунина, то я думаю, что опубликовывать его подвига не надо. Я сообщил Вам о нем, чтобы показать, что истина хуже беллетристики, но для публикации нужно было бы извлечь документы у С.В. Познера <...>, а он их глубоко запрятал. Без цитирования же точных выражений с обеих сторон начинать дело — неудобно»⁵.

Однако, вопреки предостережению Сватикова, Наживин хотел как можно скорее предать гласности новые «духовитые материалы» о Бунине (возможно, в виде брошюры), но затем отказался от этого намерения: у него возник замысел очередного романа, который должен был стать продолжением «Неглубокоуважаемых». В наживинском письме от 27 февраля 1936 г. к тяньцзинскому издателю есть такая фраза: «ПЕЧАТАТЬ ДОПОЛНЕНИЕ О БУНИНЕ НЕ НАДО: оно пойдет в другом месте. НЕ ЗАБУДЬТЕ»⁶. А уже через четыре дня, 3 марта 1936 г., Наживин не без ехидства извещал Алданова: «...я их <материалы, порочащие Бунина> думаю пустить в оборот в следующем томе “Неглубокоуважаемых”, который для краткости думаю назвать просто “Сволочь”»⁷. Правда, несколько позже Наживин решил озаглавить этот том иначе. Сватикова он после 15 апреля 1936 г. уведомлял: «Так, “Песнями

¹ Ibid./14.

² Ibid./16-17.

³ Мы имеем в виду соответствующие обращения к писателю от имени Комитета, проекты которых также хранятся в архиве Библиотеки современной международной документации.

⁴ Эти сведения сообщены С.Н. Морозовым. Письма указанных лиц хранятся в РАЛ (MS 1066/2334–2335; MS 1066/4670; MS 1066/5373–5374). Подробнее об обстоятельствах этого «дела» см.: Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 495–506.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 1–1 об.

⁶ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 7 об. Курсив Наживина.

⁷ Там же. Ед. хр. 19. Л. 32.

мухами” думаю я назвать следующий том “Неглубокоуважаемых” — если будет время написать его¹.

В личном фонде Наживина в РГАЛИ сохранилась лишь одна страница, относящаяся к «Песьим мухам», — она представляет собой набросок дневниковой записи некоего Коли (вероятно, главного героя романа). В этой записи на новый лад повторяется то, что Наживин уже не раз писал об эмигрантской литературе и ее творцах, маститых и молодых, которых Коля, вслед за своим автором, называет «импотентами». О Бунине там сказано всего несколько слов — опять-таки в духе «Неглубокоуважаемых» и обеих версий «Уездного моншера»: «Ванька Бунин с мучительным усилием выпускает толстенные тома своего Анабазиса, еще не сделав своего похода»². Но если раньше (в «Уездном моншере») под «Анабазисом» Наживин подразумевал «Жизнь Арсеньева», то теперь — «Собрание сочинений», которое в 1934–1936 гг. издавал «Петрополис».

Что стало с основной рукописью «Песьих мух» (если таковая вообще существовала), неизвестно. Не исключено, что Наживин ее уничтожил. Столь же правдоподобной представляется и гипотеза В. Кудениса, согласно которой Наживин попросту не успел написать этот роман³.

Как бы то ни было, к середине или концу 1936 г. Наживин, по-видимому, все-таки смирился с тем, что разрушить общественно-литературную репутацию Бунина ему не удастся. Или же он просто исчерпал свой антибунинский ресурс. Во всяком случае, ни «Освобождение Толстого», ни другие произведения нобелевского лауреата, написанные и опубликованные между 1936 и 1940 гг., Наживин своим вниманием не удостоил.

* * *

Автор считает своим долгом поблагодарить за помощь, оказанную при подготовке данной статьи, сотрудников РГАЛИ, ГАРФ, Отдела литературы русского зарубежья РГБ, а также лично Р. Дэвиса (РАЛ), С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), Г.В. Прутцкова (МГУ), Д.-А. Хасан (МГУ), А.В. Вырковского (МГУ), Т.В. Марченко (ДРЗ), Ю.Т. Веред (МГИМО).

¹ Там же. Ед. хр. 44. Л. 3. «Песьи муhi» — ветхозаветное выражение, из Книги Исхода: «И сказал Господь Моисею: завтра встань рано и явись пред лицем фараона. Вот, он пойдет к воде, и ты скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение. А если не отпустишь народа Моего, то вот, Я пошлю на тебя, и на рабов твоих, и на народ твой, и в дома твои песьих мух, и наполнятся дома Египтян песьими мухами и самая земля, на которой они живут. И отделяю в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой, и там не будет песьих мух; дабы ты знал, что Я Господь среди земли. <...> Так и сделал Господь: налетело множество песьих мух в дом фараонов, и в дома рабов его, и на всю землю Египетскую; погибала земля от песьих мух» (8:20–24).

² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 1. Неясно, с каким из «Анабазисов» связана эта наживинская аллюзия. В эпоху античности были созданы два сочинения под таким заглавием — «Анабазис Кира» (автор — Ксенофонт) и «Анабазис Александра» (автор — Арриан).

³ См.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280.

Литература

- Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М.: Скифы, 1993. 211 с.
- Бернов А.* У бунинцев // Рассвет (Чикаго). 1934. 27 января. № 23. С. 5.
- <Б. н.> Вечер школы им. Бунина // Рассвет (Чикаго). 1934. 10 февраля. № 35. С. 5.
- <Б. н.> Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. 13 (26) ноября. № 11058. С. 1.
- <Б. н.> Правогазетный шаблон // Одесские новости. 1919. 10 (23) ноября. № 11055. С. 2.
- Бунин И.А.* Публистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. статья. О.Н. Михайлова; comment. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.
- Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. 263 с.
- Василевский (Не-Буква) И.* Лысая душа // Современное слово (Одесса). 1919. 6 ноября. № 21. С. 2.
- Жожина О.* Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Под ред. И. Белобровцевой. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 241–253.
- И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., comment. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326.
- Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб.: Пушкинский фонд; Борей, 1994. Т. 1. С. 269–313.
- Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. 626, 5 с.
- М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступит. статья, публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 617–664.
- Наживин Ив.* Неглубокоуважаемые: Роман. Тяньцзин: Изд-во А.И. Серебренникова и К°, 1935. 409, IX с.
- П. С. <Сватикова П.> Школа имени И.А. Бунина // Рассвет (Чикаго). 1934. 27 января. № 23. С. 5.
- Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 317–332.
- Трубилова Е.М.* Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 194–218.
- Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. ст. Ю.В. Мальцева. Т. 1. М.: Посев, 2004. 304 с.
- Шаховская З.* Отражения. Paris: YMCA-PRESS, 1975. 280 с.

References

- <not signed> Malen'kii chelovek v bol'shom pisatelye [A little man in the big writer]. *Odesskie novosti*, 1919, November 13 (26), no 11058, p. 1. (In Russ.).
- <not signed> Pravogazetnyi shablon [Right newspaper template]. *Odesskie novosti*, 1919, November 10 (23), no 11055, p. 2. (In Russ.).
- <not signed> Vecher shkoly im. Bunina [A soiree in the school in the name of Bunin]. *Rassvet (Chikago)*. 1934, February 10. no 35. p. 5. (In Russ.).
- Baboreko A.K. *Dorogi i zvony: Vospominaniia, pis'ma* [Roads and ringing: Memories, letters]. Moscow, Skify Publ., 1993, 211 p. (In Russ.).
- Bernov A. U bunintsev [At Bunin's fans]. *Rassvet (Chikago)*, 1934, January 27, no 23, p. 5. (In Russ.).
- Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Journalism of 1918–1953s], ed. by O.N. Mikhailov; introd. by O.N. Mikhailov; comment. by S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 640 p. (In Russ.).
- Bunin Iv. *Zhizn' Arsen'eva: Istoki dnei* [The Life Of Arseniev. Origins of days]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1930. 263 p. (In Russ.).
- I.A. Bunin i I.F. Nazhivin. Perepiska [Ivan Bunin and Ivan Nazhivin. Correspondence], Publ., comment. by V. Kudenis, N.N. Primochkina, R. Davies; introd. by V. Kudenis. *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two riversides. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 277–326. (In Russ.).
- Kel'ner V.E., Pozner V. Komitet pomoshchi russkim pisatelyam i uchenym vo Francii (Iz arkhiva Solomona Poznera) [Committee for assistance to Russian writers and scholars in France (from the archive of Solomon Posner)]. *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury*. Saint Petersburg, Pushkinskii fond Publ., Borei Publ., 1994, Vol. 1, pp. 269–313. (In Russ.).
- M. Gor'kii i I.F. Nazhivin. Perepiska, Introd., publ., comment. N.N. Primochkinoi // *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two riversides. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 617–664. (In Russ.).
- Nazhivin Iv. *Neglubokouvazhaemye: Roman* [Not highly esteemed. A novel]. Tianjin, Izd-vo A.I. Serebrennikova i Ko Publ., 1935. 409, IX p. (In Russ.).
- P. S. <Svatikova P.> *Shkola imeni I.A. Bunina* [A school in the name of Ivan Bunin]. *Rassvet (Chikago)*, 1934, January 27, no 23, p. 5. (In Russ.).
- Pis'ma I.F. Nazhivina k I.A. Buninu (1919–1920) [Letters of Ivan Nazhivin to Ivan Bunin (1919–1920)]. Publ. by V. Kudenis and R. Davies. *I.A. Bunin: Novye materialy* [Ivan Bunin. New materials]. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Issue I. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 317–332. (In Russ.).
- Shahovskaia Z. *Otrazheniya* [Reflections]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1975. 280 s. (In Russ.).
- Trubilova E.M. Nazhivin. *Literatura russkogo zarubezh'ia. 1920–1940* [Literature of Russian emigration. 1920–1940]. Ed. by O.N. Mikhailov; chief ed. Iu.A. Azarov. Issue 4. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 194–218. (In Russ.).
- Ustami Buninyh: Dnevnniki I.A. i V.N. Buninyh i drugie arhivnye materialy*: V 2 t. [From the mouth of the Bunins. Diaries of Ivan and Vera Bunin and other archive materials. In 2

vols.]. Ed. by M.E. Grin; introd. by Iu.V. Mal'tsev. Vol. 1. Moscow, Posev Publ., 2004. 304 s. (In Russ.).

Zhozhina O. Literaturnoe turne I.S. Shmeleva po Pribaltike [Ivan Shmelev's literary tour of the Baltic States]. *Russkie v Pribaltike. Sb. st.* [Russians in Baltic States. A collection of papers]. Ed. I. Belobrovceva. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. pp. 241–253. (In Russ.).

“BITTEREST MEMBER OF BLACK HUNDRED AND A DIM-WIT,

HE IS FINALLY ROTTEN...”:

IVAN NAZHIVIN ABOUT IVAN BUNIN (1930S)

© 2019, ANTON BAKUNTSEV

Abstract: The article aims to uncover the reasons for the hatred Ivan Nazhivin felt towards Ivan Bunin that revealed itself in the middle of the 1930s. We claim that the anti-Bunin campaign that Nazhivin launched was a complex operation. Nazhivin discredited Bunin, a leader of Russian emigration literature, in his correspondence with M. Gorky, M. Aldanov, M. Osorgin, S. Svatikov, in his critical publications and in his novel “Not highly esteemed” (Tianjin, 1935). The article is based on little known materials from RGALI, GARF, RAL (all — Moscow) and La Contemporaine library (Paris — Nanterre).

Keywords: Ivan Nazhivin, Ivan Bunin, emigration, bulling, correspondence, “District Mon cher”, “Not-much’esteemed”.

Information about the author: Anton Bakuntsev, PhD, Assistant Professor, Department of theory and editing methods, Faculty of Journalism, Moscow State Lomonosov University. E-mail: auctor@list.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И.А. БУНИНА: ВЫСТАВКА В КЕМБРИДЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

© 2019, В.Л. ЦАРЁВА-БРАУНЕР

Аннотация: В статье рассказывается о прошедшей недавно в Кембриджском университете выставке неизвестных ранее автографов И.А. Бунина, истории их нахождения, атрибуции, провенанса. Статья также затрагивает общий вопрос истории книг русской эмиграции первой волны из Славянских Коллекций университетской библиотеки Кембриджа.

Ключевые слова: И.А. Бунин, неизвестные автографы, собрание книг русской эмиграции первой волны.

Информация об авторе: Вера Львовна Царёва-Браунер — MA, BA, MPhil (Manchester), сотрудник кафедры Славистики, факультет Современных и Средневековых языков (MML), Университет Кембриджа (Великобритания), Sidgwick Avenue, Cambridge CB3 9DA, UK. E-mail: vt220@cam.ac.uk

Памяти Л.Н. Царева

5 ноября 2018 г. в главном здании Центральной библиотеки Кембриджского университета открылась выставка под названием, которое можно вольно перевести как «Вышедшие (или появившиеся) из теней» (*Out of the Shadows*). В английском названии отсутствует глагол, поэтому, увы, его приходится додумывать при переводе. Название это, выбранное устроителями выставки, — с определенным готическим оттенком, — довольно емко характеризует необычную и даже загадочную судьбу представленных здесь уникальных книг¹.

Экспозиция приурочена к столетию начала Великого русского исхода в 1918 г., и все экспонаты — это книги с автографами писателей русской эмиграции первой волны, которые впервые вводятся в научный оборот. Появление подобного рода образцов «материальной культуры» всегда — событие, поскольку они воплощают собой истинную, ощущимую, а не гипотезированную или «дискурсную» историю. Чем более мы отдаляемся от трагических событий столетней давности, тем все более редкими становятся подобные находки, а крайне необычные обстоятельства обнаружения (или «вывода из теней») этих книг придают данному событию особый оттенок.

Однако случилось так, что данная находка — не просто факт обнаружения библиографической редкости. Она послужила толчком большого исследования, поскольку за каждым из этих автографов оказались истории людей, оказавшихся, подобно самим книгам, потерянными и почти забытыми. Подробное описание находок, их провенанса, автографов на них, но самое главное — удивительные истории людей, стоявших за этими автографами, — тема

¹ Постоянный сайт выставки: <https://exhibitions.lib.cam.ac.uk/outoftheshadows/>

отдельного, значительно более обширного исследования, которое сейчас готовится к изданию¹.

Всего на выставке представлено шесть книг с неизвестными ранее автографами И. Бунина, Н. Тэффи и А. Толстого. Эти книги никогда ранее не представлялись и не атрибутировались. Более того, о существовании столь ценных авторских автографов в этих книгах никто не знал, поскольку по прибытии в Кембридж, некоторые из них были неправильно закаталогизированы, и рассказ об этом — далее. В результате, несколько лет назад, когда каталоги библиотеки переводились в цифровой формат, эти книги чудом, а точнее, благодаря административному «недосмотру», избежали уничтожения как «невостребованные на протяжении более 50 лет». Спасла эти поистине драгоценные экземпляры от такой участи чистая случайность.

В данной статье мы подробно остановимся на бунинских автографах, в то время как остальные книги — и удивительные истории, стоящие за ними, — представляются темой отдельного, достаточно объемного исследования.

Несколько слов о том, что представляет собой Центральная библиотека Кембриджского университета, поскольку это представляется важным для общего фона повествования. Как и многое в Кембридже, структура его университетской библиотеки весьма своеобразна и построена по средневековой модели: Центральная библиотека — это нечто вроде главного собора, в котором хранятся книги, доступные всем колледжам (бывшим средневековым монастырям), в то время как каждый отдельный колледж, а их на данный момент 31, имеет свою суверенную «монастырскую» библиотеку, доступ к которой ограничен. Таким образом, существует как бы два отдельных потока обращения книг внутри одного университета, и они часто абсолютно друг с другом не связаны. Конечно, существует единый каталог, однако даже согласно официальному сайту Кембриджского университета, структура коллекций и хранения характеризуется как «несколько идиосинхронная». Учитывая колossalный объем книг существующего с 1209 г. Кембриджского университета, а также множества научных институтов, центров и лабораторий, входящих в него, неудивительно, что такая «идиосинхронность» нередко вносит элемент творческой непредсказуемости в процесс поиска нужной книги.

Славянские же коллекции библиотеки, объемом примерно в 140000 единиц хранения, особенно славятся своей «идиосинхронностью»: расположенные на предпоследнем этаже так называемой «Северной башни» главного здания, эти два огромных отдела («Литература» и «История») всегда пустынны, с весьма своеобразным освещением, которое необходимо периодически «перезаводить» на таймере. Системность классификации здесь особенно расплывчата, поскольку книги нередко группируются по размеру, нежели по имени автора или эпохи. Большинство из тех, кто в 1920–1930-х гг. занимался

¹ Книга В.Л. Царёвой-Браунер «Автографы не горят: Письма к Буниным» (рабочее название) планируется к публикации (на английском языке) в издательстве *Academic Studies Press* (USA) в 2020 г.

систематизацией размещения славянских коллекций, не просто не знали русского языка, но даже не умели читать кириллицу. Об одном поистине невероятном примере такой экспертной каталогизации, касающейся непосредственно книг И.А. Бунина, мы расскажем позднее.

Что же касается самих находок, то история первой из них, «**Митиной любви** И.А. Бунина¹», особенно примечательна, поскольку, судя по всему, эта книга случайно оказалась во втором ряду, — или же, просто говоря, «заявились» за весьма увесистый том художественного альбома «Архитектура средневековой Москвы» издания шестидесятых годов прошлого века. Именно там она и провела, никем и ничем не потревоженная, почти 60 лет. Этим «счастливым» положением — в своеобразном вакууме, куда не попадали ни пыль, ни свет, — объясняется исключительная сохранность и самой книги, и бунинского автографа.

Первое издание «Митиной любви» И.А. Бунина вышло в свет в Париже в 1925 г. в издательстве «Родник». Оригинал (мягкая обложка) был переплетен в светло-бежевую твердую обложку вскоре после поступления в библиотеку Кембриджского университета в 1961 г., о чем свидетельствует штамп внутри переплета. Книга напечатана на высококачественной меловой бумаге с водяными знаками, и эксперты по реставрации книг единодушно признали качество и сохранность этого экземпляра «совершенно исключительными» для возраста издания.

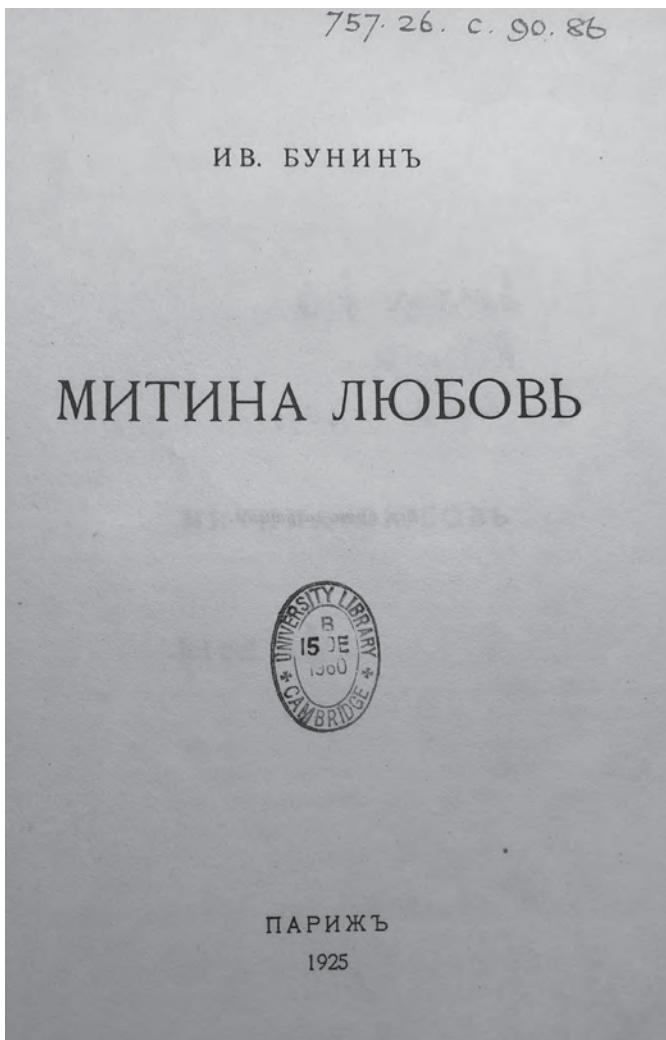
На втором внутреннем листе — круглый штамп с датой «15 декабря 1960 года» — это день регистрации книги в библиотеке Кембриджского университета. Здесь же — буква «В», обозначающая, что книга была куплена, то есть, не является даром, заемом или переводом из одной из коллежских библиотек или кафедр. На переднем крае внутренней обложки — надпись карандашом: «Mouton & Co., Rijswijk», а также «E-250». В момент нахождения книги (сентябрь 2016 г.) в ней не было формуляра, то есть, с 1960 г. она ни разу не была востребована.

Другая интересная деталь — остатки клейкой ленты на страницах, на которых находится собственно бунинский автограф. Может сложиться впечатление, что автограф пытались скрыть, склеив вместе две страницы. Эксперты не смогли с точностью определить возраст клейкой ленты, но, по их мнению, это не современная разновидность.

И, наконец, главное: на авантитуле, в верхнем правом углу — надпись черными чернилами:

*«Съ Новым годом,
дорогие Наталья Ивановна
и Николай Карлович!
Ив. Бунин.
Париж,
30 — XII — 1925 ».*

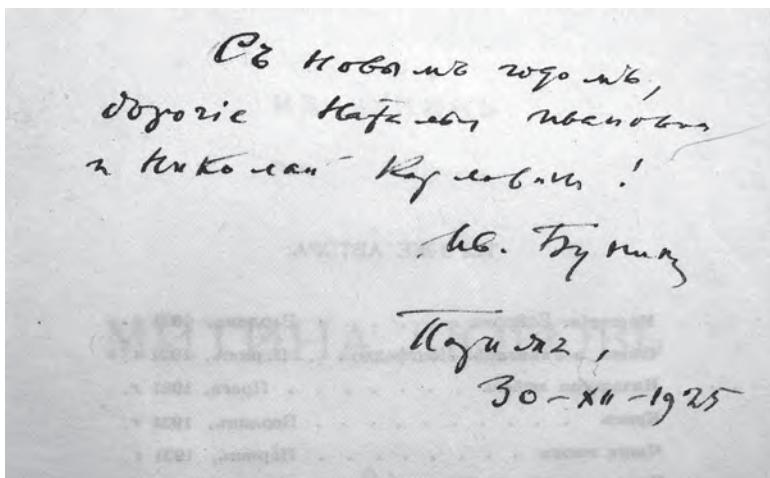
¹ В данном описании мы придерживаемся не исторической хронологии публикаций, а хронологии их обнаружения (2016–2017 гг.).

Титульный лист книги И.А. Бунина «Митина любовь» (Париж, 1925).

Как достаточно четко видно на фотографии этой страницы на сайте выставки, первая буква, — «С», — прописывалась Буниным несколько раз. Возможно, засохли или заканчивались чернила.

Автору удалось с точностью определить адресатов первого автографа Бунина. Это — Николай Карлович и Наталья Ивановна Кульманы, близкайшие друзья, соратники, редакторы, корреспонденты Буниных на протяжении почти 50 лет. Свидетельством тому — более 250 писем Кульманов к Буниным, которые хранятся в Русском Архиве в Лидсе (РАЛ), в Великобритании. Жизнь и наследие этих людей, представителей дореволюционной интеллигентской элиты, а после эмиграции — важнейших фигур культурной

Дарственная надпись И.А. Бунина на обороте титульного листа книги «Митина любовь» (Париж, 1925)

жизни довоенного «русского Парижа», — удивительны тем, что в настоящий момент их имена практически забыты, стерты из памяти, а если и упоминаются, то очень часто с ошибочными ссылками. Даже в таких серьезных публикациях как «...Когда переписываются близкие люди»¹ имеют место некоторые фактические неточности о Н.К. Кульмане, допущенные не по вине составителей сборника.

Более того, на немногочисленных сохранившихся фотографиях Н.К. Кульмана иногда стоят самые неожиданные подписи, например, «А. Деникин», с которым Николай Карлович был очень дружен в эмиграции и даже чем-то действительно на него похож, — что, однако, никак не извиняет такой оплошности, — и даже «К. Бальмонт», тоже хороший знакомый и соавтор нескольких трудов, посвятивший Кульману свой перевод «Слова о Полку Игореве». Однако Бальмонт, с его львиной шевелюрой даже в преклонном возрасте, трудно спутать с абсолютно лысым Николаем Карловичем!

Как следует из дарственной надписи, первое издание «Митиной любви» — новогодний подарок Кульманам, вместе с которыми Бунины встречали наступающий 1926 г., и 1 января 1926 г. Вера Николаевна Бунина записывает в своем дневнике: «Новый год встречали в “Возрождении”... Кульман поднял тост за букву “Ъ”!»².

Естественно, эта первая находка вдохновила автора статьи немедленно провести системное исследование всего обширного корпуса произведений И.А. Бунина разных лет, — дореволюционных, эмигрантских, советских, —

¹ И.А.Бунин: Новые материалы. Выпуск III. «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста Е.Р. Пономарева и Р.Дэвиса. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

² Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. Т. 2. М.: Посев, 2005. С. 153.

сначала по общему каталогу, а потом и «прямым путём» осмотра всех полок (и потенциальных ниш) в радиусе первой находки. Возможно, именно так ищут золото или нефть? — однако, увы, эта работа, занявшая около полугода, не принесла никаких результатов.

Надо сказать, что в тот момент все попытки найти какую-либо информацию об архиве Кульманов — в Москве, в Петербурге, в Лондоне, в США, в Париже, где Кульманы жили в эмиграции и где похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Николай Карлович скончался в 1940 г., Наталья Ивановна — в 1956 г.) — также оказывались тщетными. Их имена были знакомы моим многочисленным корреспондентам, но преимущественно по ассоциации с другими, более «звёздными» именами — Буниных, Тэффи, Шмелевых, Зайцевых, Деникина, Бальмонта. Однако, увы, ничего об архиве — если такой сохранился, — узнать не удалось.

Поиск осложнялся одной ошибкой, повторяющейся во многих источниках: в них говорится, что у Кульманов был сын, Владимир Николаевич, ставший видной фигурой русской церкви в изгнании, известный в сане как Митрополит Мефодий. Ошибка заключается в том, что Владимир Николаевич был сыном Н.К. Кульмана от первого брака, а Наталья Ивановна была его мачехой. Брак Кульманов был вторым для обоих, и общих детей у Кульманов, как выясняется из письма В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 20 марта 1958 г.¹ не было, а поэтому и поиск по линии общих детей Кульманов, которые могли бы дать информацию об архиве, оказался непродуктивным. На самом же деле, у Николая Карловича было трое детей от первого брака: две дочери и один сын. О дочерях известно только, что они также эмигрировали и жили в Германии и Чехии, одна из них была врачом. Их имена периодически появляются в письмах Натальи Ивановны Кульман к Вере Николаевне Буниной, с которой она была в очень доверительных отношениях, а потому и писала «о больном»: судя по всему, отношения с дочерьми и внуками Н.К. Кульмана у Натальи Ивановны не сложились. Что же касается Владимира Николаевича Кульмана, единственного сына Н.К. Кульмана, надо сказать, что хотя он и был более близок Наталье Ивановне и даже помогал ей в последние годы жизни, маловероятно, чтобы он взял на хранение архив отца и мачехи, поскольку к середине 50-х гг. окончательно отошел от светского мира и вел аскетический образ жизни. Своих детей у него, разумеется, не было.

Как уже упоминалось, в РАЛ хранится весьма значительный корпус писем Кульманов к Буниним, свидетельствующий об их активнейшей научной, просветительской, издательской, благотворительной деятельности. Как говорилось ранее, Кульманы были близкими — действительно близкими, а не «светскими» друзьями многих ключевых фигур русской эмиграции первой

¹ И.А.Бунин: Новые материалы. Выпуск III. «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста Е.Р. Пономарева и Р.Дэвиса. М.: Русский путь, 2014. С. 430.

волны. И тем не менее, все запросы автора в разнообразные организации, архивы, церкви оказались, увы, пока безрезультатны.

Почему вопрос об архиве Кульманов представляется автору столь важным? Во-первых, корпус писем, хранящихся в РАЛ — это письма Кульманов к Бунинам, то есть, отражает движение только в одном направлении, хотя и свидетельствуют об активной переписке с обеих сторон. Поскольку отношения были очень доверительными, то в этих письмах немало неизвестных ранее и никогда не публиковавшихся фактов — и о жизни Буниных в Грассе и Париже, и об их отношениях с общими друзьями и знакомыми, и о жизни парижской эмиграции вообще. Николай Карлович Кульман был распорядителем Нобелевского фонда Бунина, однако в РАЛ хранится всего одно письмо на эту тему. Где находятся письма Буниных к Кульманам — неизвестно, в архиве их нет.

Во-вторых, учитывая близость и непрерывность отношений, существовавших почти 50 лет, — что само по себе достаточно уникально для Ивана Алексеевича! — можно с достаточной степенью уверенности сказать, что в архиве Кульманов было значительно больше книг с дарственными надписями Ивана Алексеевича Бунина. Более того, Наталья Ивановна Кульман была одним из первых читателей и редакторов «Тёмных аллей» и многих других произведений Бунина конца 1930-х — начала 1950-х гг., о чем свидетельствуют ее письма к И.А. Бунину, также хранящиеся в РАЛ; они будут опубликованы в ранее упомянутой книге. Можно предположить, что в архиве были и черновики рукописей И.А. Бунина с пометками Натальи Ивановны, поскольку они упоминаются в письмах. Где все эти материалы теперь — тоже неизвестно.

Важно также заметить, что после смерти мужа Наталья Ивановна Кульман трепетно хранила и собирала все, что было связано с его жизнью и деятельностью, и поэтому невозможно представить, что письма Буниных или книги с личными автографами Ивана Алексеевича могли — по крайней мере, при жизни Натальи Ивановны, — просто исчезнуть. Сохранить наследие мужа стало поистине целью ее жизни после ухода Н.К. Кульмана — а она пережила его на 16 лет.

...Именно в период такого исследовательского тупика, когда казалось, что все очевидные поисковые резервы использованы, автору снова улыбнулась удача. Увы, это не был архив Кульманов, но нечто не менее неожиданное: небольшой синий том, очутившийся в ряду книг о реформах Столыпина — вдали от «буинского» корпуса, вдали от места нахождения «Митиной любви», — что было бы более логичным.

На титульном листе этой небольшой по размеру книги читалось:

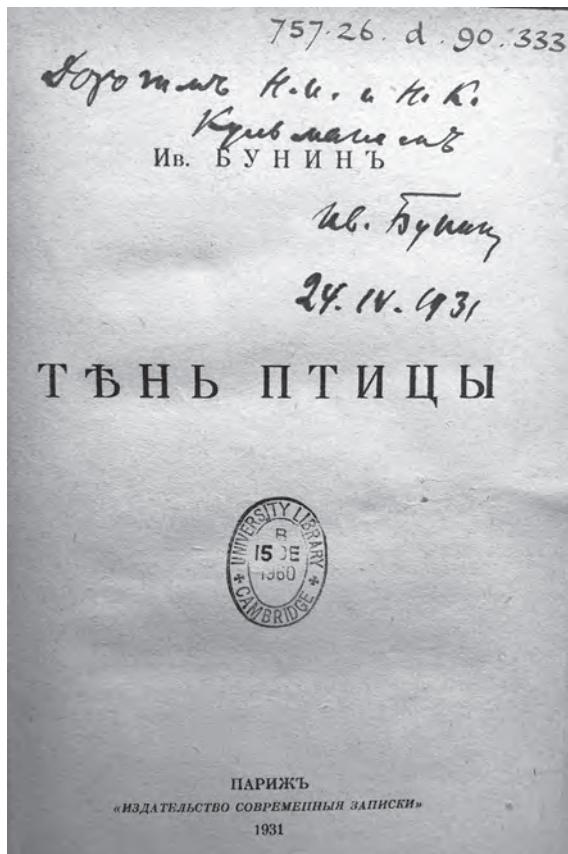
«Ив. Бунин.
Тень птицы.
Париж
Издательство Современные записки
1931».

А в самой верхней ее части, которая, судя по всему, была несколько срезана при переплете — знакомым почерком, черными чернилами написаны слова:

**«Дорогим Н.И. и Н.К.
Кульманам.**

**Ив. Бунин.
24.IV.1931».**

Непросто описать ощущения по прочтении этой дарственной надписи: после почти годовых системных поисков и запросов, и буквального прочесывания сотен томов славянских коллекций — именно в результате такого прямого метода были обнаружены остальные экспонаты выставки, — держать в руках своеобразную «расшифровку кода»... Напомним, что на первом экземпляре указываются только имя и отчество адресатов, и хотя к тому времени их фамилия уже была установлена, подобное подтверждение, написанное рукой Бунина, не могло не показаться сродни проведеческому.

Дарственная надпись на титульном листе книги И.А. Бунина «Тень птицы»
(Париж, 1931).

Общее качество издания «Тени птицы» значительно уступает «Митиной любви»: бумага — желтоватая, тонкая, без водяных знаков, и поэтому чернила автографа кажутся немного размытыми. Однако практически все другие вводные данные книги — идентичны. Так же, как «Митина любовь», «Тень птицы» поступила в библиотеку 15 декабря 1960 г., является приобретением и была переплетена в синюю кожаную обложку в 1961 г. На второй странице — идентичная с первым экземпляром надпись карандашом «Mouton & Co., Rijswijk». Как и в случае с «Митиной любовью», формуляр книги — чистый, то есть, она ни разу не была востребована.

Представляется очевидным, что эти книги поступили в Кембридж вместе: идентичная дата регистрации, идентичные карандашные надписи (о них — ниже), наконец, — обе подарены Буниным одним и тем же людям, то есть, предположительно, поступили из одного источника, скорее всего, из личной библиотеки. Казалось бы, вопрос их провенанса должен быть также относительно простым. Увы, здесь все оказалось значительно сложнее. Карандашная надпись на обеих книгах привела к старой голландской книжной фирме Mouton & Co, которая еще в середине прошлого века активно занималась куплей и продажей как антикварных, так и просто старых книг, однако давно прекратила свое независимое существование, поскольку в 1977 г. была поглощена крупным книжным концерном de Gruyter. Сотрудник этой фирмы подтвердил в переписке с автором статьи, что в 1950–1960 гг. через Mouton & Co действительно проходил большой поток книг русской эмиграции, большей частью, из Франции. Представители первой волны к тому времени уже практически ушли, и в отсутствие наследников, огромное количество таких бесхозных книг оказалось либо на «развалих» Парижа, Ниццы, Канн, либо — проданными «валом» в компании, подобные Mouton & Co.

Как ранее говорилось, Наталья Ивановна Кульман скончалась в 1956 г., и так как прямых наследников у нее не было, то можно предположить, что именно такая судьба постигла два этих ценнейших издания. Судя по всему, Владимир Николаевич Кульман (архиепископ Мефодий) не принимал участия в судьбе архива отца: трудно представить, чтобы он отдал столь ценные экземпляры на валовую распродажу.

Существует еще один гипотетический сценарий провенанса этих книг: Наталья Ивановна Кульман была активной прихожанкой храма Покрова на улице Люремель, в 15-м округе Парижа. Возможно, она завещала архив своей церкви, но через несколько лет, по каким-либо причинам, он был распродан, и некоторая его часть, в том числе, две наших книги, оказались в Голландии. Несколько известно, сейчас этого храма не существует.

Важно заметить, что о существовании бунинских автографов в этих двух книгах в момент их поступления в Кембридж и каталогизации известно не было, и мы подробнее остановимся на этом позже. Однако возвращаясь к отпечаткам клейкой ленты, о которых говорилось ранее, возможно, кто-то пытался утаить наличие этих автографов?

По словам Мэл Бах, нынешнего куратора Славянских Коллекций университетской библиотеки, на некоторых приобретениях того периода ставилась не только дата регистрации, но и номер накладной или счета, по которому книга была приобретена, однако, на наших экземплярах такой информации, к сожалению, нет.

Следующий вопрос: каким образом эти две книги могли попасть из Голландии в Кембридж? Возможно предположить два сценария: либо они были куплены напрямую по каталогу Mouton & Co, который являлся одним из многочисленных поставщиков библиотеки Кембриджского университета на протяжении многих лет, либо были приобретены напрямую в известном кембриджском магазине букиниста Гюстава Дейвида. Основанный в 1896 г., он и сегодня активно работает: от библиотеки до этого магазина — 5 минут пешком. Обе версии приоткрывают интереснейший пласт кембриджской русистики, и здесь представляется уместным сделать небольшое отступление и рассказать о человеке, который наверняка имел прямое отношение к появлению всех этих книг в университетской библиотеке.

Речь пойдет о личности весьма выдающейся во многих отношениях — первой женщины-профессоре Славистики Кембриджского университета, Элизабет — или как ее часто называли, — Лизе Хилл. В советские времена к ней бы непременно прикрепили штамп «человек удивительной судьбы»! И судьба ее, действительно, была удивительна. Елизавета Федоровна Хилл, дочь англичанина и обрусовшей немки, родилась в Санкт-Петербурге в 1900 г. И хотя в 1917 г. семья репатриировалась в Англию, Елизавета Федоровна всегда считала себя исключительно русской, решительно поправляя тех, кто считал ее англичанкой. После долгих лет лишений (семья потеряла все свое значительное состояние в 1917 г.) и скитаний по случайным работам, Елизавета Федоровна, защитив диссертацию, наконец получила постоянное место преподавателя русского языка в Кембридже в 1936 г. С 1948 по 1968 гг. она являлась бессменным заведующим кафедры славистики и, как уже говорилось, первой женщиной-профессором в этой области, — что для консервативного Кембриджа тех лет было практически неслыханным.

Однако в биографии Елизаветы Федоровны есть еще один, не менее интересный пласт: Джордж Блейк, один из «кембриджских шпионов», двойной агент, завербованный СССР во времена корейской войны, был любимым учеником профессора Хилл, и по его собственному признанию, именно она пробудила в нем интерес к России и ко всему русскому, став для Блейка неким «русским пастырем»¹. Блейк по сей день живет в Москве.

В 1941–1945 гг. Хилл числилась «особым консультантом» при Министерстве Информации Великобритании, и к ней, скорее всего, тоже делались «подходы» на предмет сотрудничества с Москвой. Но Елизавета Федоровна

¹ Hermiston R. The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake. London: Aurum Press, 2013. 352 p.

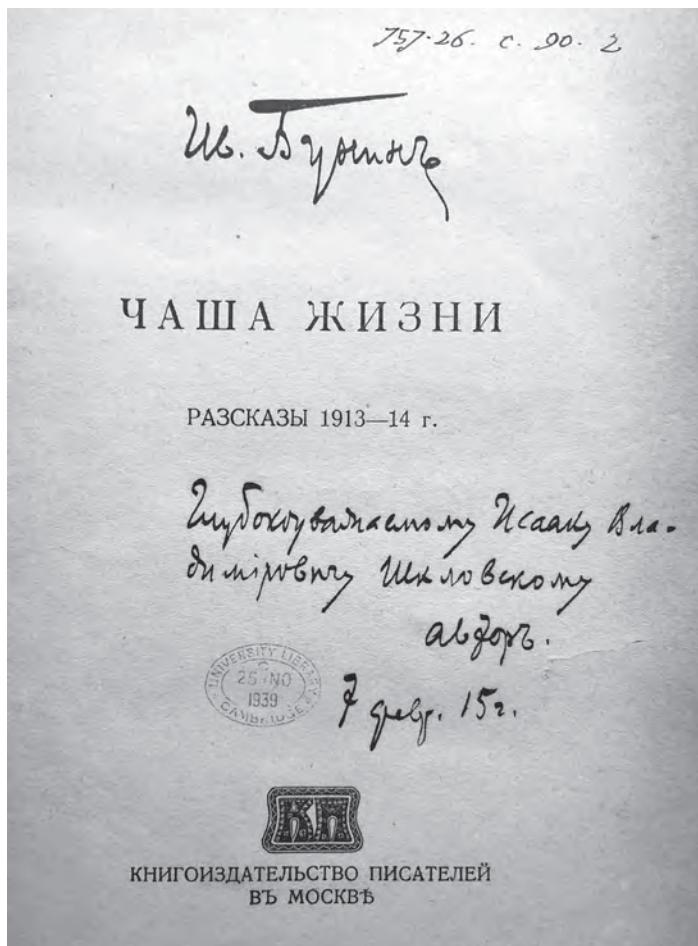
всегда слыла страстью русофилкой, и такой же страстью антисоветчицей, поэтому вербовки явно не произошло.

Во времена холодной войны, с 1951 по 1960 г., когда Европа впервые активно ждала «прихода русских», Хилл возглавила Joint Services School for Linguists (Школу для военных лингвистов), курс настолько исключительного уровня, что его выпускники, — Хилл называла их «курсанты», — на протяжении многих лет считались лучшими русистами в Великобритании, хотя, к счастью, их навыки не пригодились по прямому назначению, поскольку русские, вопреки ожиданиям, так и не пришли... Однако множество будущих дипломатов, министров, государственных чиновников высокого уровня Великобритании, и даже писателей и драматургов — а общий выпуск «курсантов» составил около 5000 человек, — на всю жизнь прониклись любовью к России, к ее языку и культуре именно стараниями «Лизы» Хилл. За свои заслуги она была удостоена титула «Дамы Британской Империи» (Dame).

С ранней молодости одной из страостей Елизаветы Федоровны было собирание книг, и, сразу по назначении на пост преподавателя русского в Кембридже, она начала активно заниматься закупками для растущей библиотеки славистики. Важно заметить, что никаких «грантов» Хилл не имела, но поскольку это была ее первая стабильная зарплата (скорее всего, весьма скромная), она решила ежемесячно тратить определенную сумму на покупку книг для библиотеки. Начало коллекции положил профессор Минн, передав свою личную огромную библиотеку славистики в дар университету в 1936 г., и Елизавета Федоровна энергично подхватила эстафету. В книге воспоминаний профессора Хилл, которая была опубликована уже после ее смерти в 1996 г., она пишет: «Каждую субботу я отправлялась в подвалчик букинистического магазина “Дэйвид”, находящегося в самом центре Кембриджа, рядом с рыночной площадью, и почти всегда уходила с добычей»¹. Далее в книге Хилл вспоминает, что, путешествуя по Европе, тоже всегда старалась зайти к местным букинистам — посмотреть, нет ли чего интересного на русском языке. Похоже, такие походы часто оказывались успешными — к середине-концу 30-х гг. первая волна русской эмиграции начала уходить из жизни, и, как уже говорилось ранее, многие ценнейшие коллекции просто выбрасывались. Что касается европейских путешествий (и приобретений), неутомимая профессор Хилл вполне могла посетить Рийсвик, или же купить две бунинские книги по каталогу дилера в 1960 г. Могло ли случиться так, чтобы Елизавета Федоровна не заметила ценного автографа автора? Увы, вполне — и рассказ об этом чуть ниже.

А пока — рассказ о последней «бунинской» находке, представленной на выставке. Подобно «кульмановским» экземплярам, этот темно-синий том был найден там, где не должен был быть: в разделе русской мемуарной литературы конца XIX в.

¹ Jean Stafford-Smith (ed). In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. Lewes: Book Guild, 1999. 520 p. Перевод с английского — здесь и далее — автора статьи.

Дарственная надпись на титульном листе книги И.А. Бунина «Чаша жизни»
(Москва, 1915).

Перед нами — книга И.А. Бунина «Чаша жизни. Рассказы 1913—1914 годов», выпущенная Книгоиздательством писателей в Москве в 1915 г. Книга — в оригинальном переплете, внутри обложки стоит штамп с датой поступления — 25 ноября 1939 г. Более никаких знаков или надписей в книге нет, равно как и формуляра — эта книга не была востребована почти 80 лет!

На титульном листе, под заглавием книги: «Чаша жизни. Рассказы 1913 — 14 годов» — автограф:

*«Глубокоуважаемому Исааку Владимировичу Шкловскому
автор.
7 февр. 15 г.»*

Исаак Владимирович Шкловский (1865–1935), известный также под псевдонимом Дионео, — выдающийся журналист, очеркист, этнограф, который был хорошо знаком с Буниным по издательским делам — до революции они нередко печатались в одних журналах. (Интересно, что, живя в эмиграции в Лондоне, Исаак Владимирович был дружен с Ариадной Владимировной Тырковой-Вильямс, которой адресован автограф Тэффи, представленный на этой же выставке.)

«Чаши жизни» поступила в библиотеку значительно раньше двух предыдущих книг. Дата ее поступления (после 1936 г.) свидетельствует о том, что эта книга, скорее всего, была приобретена стараниями Елизаветы Федоровны Хилл, а не входила в изначальную коллекцию профессора Минна. Хотя на книге стоит код «приобретена», нет пометки, что она поступила от какого-либо дилера. Пометок нет вообще.

Заметим, что после 1917 г. Кембридж, вместе с Оксфордом и Лондоном, стал одним из «русских» центров Англии — здесь поселилось немало представителей первой волны эмиграции, многие из которых работали в университете: в 1920 — 1930-х гг. здесь учились Владимир Набоков, Николай Бахтин, защищивший в Кембридже докторскую диссертацию, работали Дмитрий Оболенский, Петр Капица и многие другие. Существовала активная русская диаспора, и поэтому вполне возможно предположить, что «Чаша жизни» попала в библиотеку именно таким путем: кто-то сдал старые русские книги кембриджскому букинисту, а Елизавета Федоровна купила ее в один из своих субботних походов.

Представленные здесь версии о поступлении из Голландии двух книг с автографами Кульманам и версия относительно «Чаши жизни» с автографом Шкловскому — гипотезы, основанные, однако, на документальных исследованиях. К общему сожалению автора, сотрудников и куратора славянского отдела библиотеки Кембриджского университета, не осталось никаких накладных или других «вещественных доказательств», которые могли бы с абсолютной уверенностью подтвердить провенанс этих книг, однако приведенные здесь гипотезы представляются достаточно вероятными.

И, наконец, последний вопрос: как могло случиться так, что эти ценнейшие книги оказались там, где они были найдены? В начале статьи уже говорилось о весьма своеобразном подходе к каталогизации славянских коллекций в 1930 — 1960-х гг.: он был во многом обусловлен историческими причинами, отсутствием структурного подхода и нехваткой сотрудников со знанием русского языка. Хотелось бы проиллюстрировать этот тезис примером из воспоминаний Элизабет Хилл, где описывается, к примеру, такой «забавный» эпизод:

«...в то время коллекция разрослась, и нам пришлось искать какого-нибудь аспиранта, который мог бы заняться каталогизацией в свободное время. Им оказался Сергей Хаккель, впоследствии ставший видной фигурой в Русской Православной церкви в Лондоне. Его интересовали только религиозные книги, на остальное он вообще не обращал внимания. Вскоре его ненадолго сменил поляк Сигизмунд Рукальский, потом — бывший “курсант” Феэрс, ставший

много позднее куратором Славянских Коллекций Британской библиотеки. Наконец, в конце 50-х годов Министерство финансов выделило нам грант на ставку библиотекаря, и им стал некто Павлович, серб по национальности, который занялся составлением первого каталога. Надо сказать, что господин Павлович довольно плохо знал и русский, и английский, и потому наделал немало забавных¹ ошибок при каталогизации. Вот пример одного такого *курьёза*: в карточке написано: «Автор: **Шмелёв**. Название: **Жизнь**. Ссылка *Арсеньев*»². Можно, конечно, оставить этот «курьез» без комментариев... Проверив каталог, автор статьи, конечно же, обнаружил «Жизнь Арсеньева», к которой Иван Сергеевич Шмелев, разумеется, не имел никакого отношения... Этот бунинский том, находящийся в библиотеке с конца 1950-х гг., тоже никогда не был востребован, что, учитывая столь запутанное описание, совсем не удивительно.

Возможно, что именно стараниями загадочного серба Павловича — к сожалению, отсутствуют даже его инициалы, и никаких документов о нем в библиотеке тоже не сохранилось, — первые издания книг с автографами Бунина, а также Н. Тэффи и А. Толстого, оказались в столь неожиданных местах, где провели в полной неизвестности многие десятилетия. Хронологически это весьма вероятно, поскольку даже поступившая в 1939 г. «Чаша жизни» Бунина, не могла быть системно закаталогизирована до середины 1950-х гг. по описанным ранее причинам. Что же касается «Митиной любви» и «Тени птицы», поступивших в библиотеку в конце 1960 г., можно с уверенностью предположить, что они попали именно в заботливые руки господина Павловича, у которого, по словам Елизаветы Хилл, наблюдались сложности и с английским, и с русским языками...

Нет необходимости говорить, что подобный «забавный анекдот» вряд ли бы привел в восторг буниноведов и других исследователей наследия русской эмиграции. К счастью, в данном случае руководство библиотеки Кембриджского университета действовало оперативно и профессионально: при содействии куратора Славянских Коллекций, книги были переведены в особый фонд хранения, где они находились до открытия выставки 5 ноября 2018 г. В то же время была проведена реставрационная работа, сделаны высококачественные фотографии, которые теперь можно видеть на сайте выставки, создан удачный дизайн экспозиции. Выставка продлилась месяц, и по ее окончании все книги были переведены в особый фонд. Казалось бы, «хэппи энд»: ценнейшие образцы материальной культуры русской эмиграции спасены, описаны и введены в научный оборот.

Однако возникает вопрос: может ли где-то, в недрах библиотеки, существовать другой, пока не обнаруженный пласт? Учитывая общую бессистемность исторической каталогизации, увы, нельзя с уверенностью утверждать, что такой вариант невозможен, и автор, безусловно, продолжит поиски.

¹ Курсив автора статьи.

² Jean Stafford-Smith (ed). In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. Lewes: Book Guild, 1999. P. 327.

Литература

И.А. Бунин: Новые материалы. Выпуск III. «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М. Грин. М.: Посев, 2005. Т. 2. 432 с.

Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London: Aurum Press, 2013. 352 p.

Stafford-Smith J. (ed). *In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill*. Lewes: Book Guild, 1999. 520 p.

References

Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London: Aurum Press, 2013. 352 p. (In English)

I.A. Bunin: *Novye materialy. Vypusk III. «... Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi»: Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961* [I.A. Bunin: New materials. Release III. “... when close people are in correspondence”: Letters to I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun 1934–1961], ed. by E.R. Ponomarev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Stafford-Smith J. (ed). *In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill*. Lewes, Book Guild, 1999. 520 p. (In English)

Ustami Buninyh. Dnevniyi Ivana Alexeevicha i Very Nikolaevny i drugie arhivnye materialy: v 2 t. [From the mouth of the Bunins. Ivan Alexeevich and Vera Nikolaevna diaries and other archive materials. In 2 vols.]. Ed. by M. Grin. Vol. 2. Moscow, Posev Publ., 2005. 432 p. (In Russ.).

UNKNOWN AUTOGRAPHS OF IVAN BUNIN: EXHIBITION AT THE CAMBRIDGE UNIVERSITY (UK)

© 2019, VERA TSARYOVA-BRAUNER

Abstract: The article describes the exhibition of the autographs of Ivan Bunin, which was recently held at the University of Cambridge, the history of their location, attribution, and provenance. The article also touches upon the history of the Russian first wave emigration books from the Slavic Collections of the Cambridge University Library.

Keywords: Ivan Bunin, unknown autographs, a collection of books of the first wave of Russian emigration.

Information about the author: Vera Tsareva-Brauner, MA, BA, MPhil (Manchester), employee of the Department of Slavistics, Faculty of Modern and Medieval Languages (MML), University of Cambridge (UK), Sidgwick Avenue, Cambridge CB3 9DA, UK, E-mail: vt220@cam.ac.uk

НЕОЖИДАННЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ИВАН БУНИН — МАРИЯ БАШКИРЦЕВА — ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА

© 2019, М.В. МИХАЙЛОВА, К. ЛЕ ГУИ

Аннотация: В статье раскрывается история создания очерка «Мария Башкирцева», написанного Галиной Кузнецовой в Грассе. Этот очерк родился во многом в противовес бунинскому мнению о его героине и ее известном дневнике. Создав этот текст, Кузнецова подспудно вступила с Бунином в спор, желая доказать право женщины не придерживаться традиционных норм поведения, ее способность проявлять свою самобытность наперекор устоявшимся правилам. Авторы статьи «угадывают» скрытые интенции очерка, расшифровывают его «подтекст» и доказывают, что через какое-то время Бунин изменил свое суждение о Башкирцевой именно благодаря Кузнецовой.

Ключевые слова: «Дневник» Марии Башкирцевой, «Грасский дневник», Грасс, эмиграция, Бунин, Кузнецова, феминистский дискурс, газета «Последние новости».

Информация об авторе: Мария Викторовна Михайлова — доктор филологических наук, заслуженный профессор ФГОУ ВПО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор филологического факультета по кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, профессор, Ленинские горы, ГСП, д. 1, стр. 51, 119991, Москва, Россия, E-mail: mary1701@mail.ru

Катрин Ле Гуи — Catherine Le Gouis, Professor of French, Mount Holyoke College, South Hadley, Massachusetts 01075-6430, USA, E-mail: clegouis@mtholyoke.edu

О плодотворности для Г.Н. Кузнецовой времени, проведенного в Грассе, и «обучении» в школе бунинского мастерства написано немало. Именно здесь, прислушиваясь к советам мэтра, стараясь поддерживать (опять же по его настоянию) хорошую творческую форму, написаны лучшие ее произведения. По преимуществу художественные. Но среди них попадаются и такие, которые нельзя с определенностью отнести к тому или иному прозаическому жанру. Таким можно считать ее очерк «Мария Башкирцева», помещенный в парижской газете «Последние новости» (12 января 1929)¹. Он написан на основании чтения знаменитого дневника рано умершей художницы. По своей жанровой структуре он напоминает «Конец Мопассана» Бунина, также вкратце воспроизведяший содержание книги Г. Норманди (G. Normandy) «Конец Мопассана» (La fin de Maupassant. Paris, 1927), поразившей русского писателя настолько, что он обратился к совершенно нехарактерному для него типу повествования — пересказу. Кузнецова и Бунин читали упомянутые тексты практически одновременно.

¹ Далее цитаты из очерка приводятся по этому изданию.

Обращение к дневнику Марии Башкирцевой (1858–1884) у Кузнецовой было продиктовано в первую очередь тем, что она, начиная писать «Грасский дневник», искала для себя образцы. Так, в Грассе ею были прочитаны «Записки» Е. Сушковой, дневники Пьера Лоти, Анны де Ноай, Кэтрин Мэнсфилд и др.

О трудностях творческого процесса над статьей о Башкирцевой имеются записи в ее дневнике, где она признается, что работа продвигается «страшно медленно»¹. Но все же, в конце концов, ей удается закончить статью и отослать текст в газету «Последние новости». Довольно скоро пришел ответ помощника редактора, что он принят.

Стоит задаться вопросом, почему работа шла так медленно? Ведь задача, на первый взгляд, не была сложной: надо было всего-навсего познакомить читателя с основными фактами биографии молодой художницы. Возможно, трудности были связаны с тем, что Кузнецовой приходилось преодолевать сопротивление Бунина, который неоднократно негативно высказывался об авторе дневника, хотя, по видимости, дневник целиком не читал (поскольку, вероятнее всего, это было французское издание 1925 года, а Бунин в недостаточной степени владел французским). Он явно основывался на своих впечатлениях от внешнего вида изданной книги и знакомстве с окружением Башкирцевой.

Каковы же были те соображения, которыми Бунин делился с Кузнецовой? Неприязнь Бунина к Марии Башкирцевой с очевидностью прочитывается в следующем высказывании: «Всё говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Вспоминаю ее брата, в Полтаве, на террасе городского сада. Наглое и мрачное животное, в башке что-то варварски-римское. Снова думаю, что слава Б[ашкирцевой] (основанная ведь больше всего на этом дневнике) непомерно раздута. Снова очень непр[иятный] осадок от этого дневника. Письма ее к Мопас[сану] задирчивы, притязательны, неуверены, несмотря на все ее самомнение, сбиваются из тона в тон, путаются и [в] конце концов пустяковы. Дневник просто скучен. Французская манера писать, книжно умствовать; и все — наряды, выезды, усиленное напоминание, что были такие-то и такие-то депутаты, графы и маркизы, самовосхваление и снова банальные мудрствования»². Позже, уже, правда, в 1942 г., Бунин изменит свое мнение, записав, что окончание дневника «примирило» его с автором и он даже готов признать, что у Башкирцевой была «действительно» несчастная судьба³.

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., comment. О.Р. Демидовой. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. С. 104.

² Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 156–157.

³ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. С. 139.

Значит ли это, что во время создания Кузнецовой своего текста он дневник не дочитал до конца? А поинтересовался ли он тем, что написала о Башкирцевой Кузнецова? Думается, что да, но весьма поверхностно, ибо был уверен, что его послушная ученица ретранслирует его мнение в своей статье и просто не посмеет от него отступить. Однако все произошло иначе. Думается, что в процессе работы над очерком Кузнецова начала, возможно, не до конца осознанно, сопротивляясь, во-первых, мнению Бунина о независимости и надменности Башкирцевой, поскольку косвенно чувствовала в этих словах упрек себе, так как тоже пыталась как-то отстаивать собственную независимость. Во-вторых, в его словах она услышала явное желание принизить привлекательность Башкирцевой, что тоже не могло не задевать Кузнецову, потому что в этом она могла увидеть стремление отвлечь ее внимание от собственной внешности. И наконец, в-третьих, в указании на неподобающий тон писем Башкирцевой к Мопассану она могла прочитать требование Бунина относиться к своему наставнику с необходимым пietetом, «не задираться», не проявлять «самомнения». Таким образом, можно сделать предположение, что его замечания по отношению к Башкирцевой она принимала на свой счет. И если не могла перечить ему в реальной жизни (его диктат как художника она ощущала очень отчетливо, о чем и написала позже в неоконченной повести «Художник»), то хотя бы частично попробовала это делать через «литературный дискурс».

Попытаемся это доказать, анализируя ее очерк о Башкирцевой.

Несомненно, автор очерка расширяет рамки только лишь биографического повествования, рисуя картину эмигрантской жизни и, косвенно, российской общины во Франции в 80-е гг. XIX в. Этим она, конечно, обязана своему пребыванию в эмиграции и наблюдениям над жизнью русских эмигрантов 20-х гг. Следовательно, возникает довольно интересная ситуация: Кузнецова, по сути, транслирует мнения о Башкирцевой, сложившиеся в среде русской интеллигенции спустя почти 50 лет после ее смерти, как бы рассматривает жизнь своей героини сквозь призму размышлений изгнанников. И это придает особый колорит ее статье и определяет ее оригинальность. Автор явно держит в уме своих читателей, которые будут узнавать о судьбе женщины, которая не чувствовала себя изгнаницей, как они, но все же в какой-то степени оказалась изгоем (тому, как Башкирцевых не принимал свет, отведена большая часть очерка).

Важно помнить, что эта статья написана для русских эмигрантов в 1928 г. Это очень трудное время для них, когда постепенно становится все более очевидным, что пути назад нет и не будет и надо как-то примиряться с обстановкой и обустраиваться в жизни. (Кстати, этой неприкаянности, бесприютности, времени «нахождения в пути» посвящено большинство произведений малой прозы Кузнецовой.) Наступал новый день, открывавший для эмигрантов совсем другой, очень неприветливый для них мир. Поэтому то, что мы

имеем в ее статье, — представляет собой двойной анализ двух различных исторических периодов двух миров — России и Франции.

Это «двойное зрение», на наш взгляд, помогает создать образ трагической красоты жизни Башкирцевой, приобретающей ностальгическую привлекательность. При всей критичности настроя автора по отношению к своей героине в самом начале очерка в его finale Башкирцева становится в некотором роде трагической фигурой. Возникает некий ореол красоты не только внешней, но и красоты рассказываемой истории в целом (что косвенно противодействует бунинскому ниспровержению этой красоты).

Кузнецова очень тщательно отбирает те моменты в жизни Башкирцевой, которые, по ее мнению, определяют ее характер и манеру общения с миром. В ее очерке вырисовываются «опорные вехи» жизни героини. Так, с самого начала акцентируется необычность Башкирцевой, ее «невписанность» в установленные рамки — общественные и поведенческие. Подспудно в этом педалировании ситуации прослеживается и собственная неудовлетворенность Кузнецовой своим положением в доме Бунина, где она существовала непонятно на каких правах. Ученицы? Секретаря писателя? Его возлюбленной? Наперсницы его жены? Приживалки? Кузнецова это очень хорошо ощущала (Гиппиус, например, постоянно давала ей понять ложность ее положения).

Башкирцева также не была допущена во французское высшее общество, строго соблюдающее кастовые различия, потому, что отсутствие отца в их семье воспринималось как клеймо (российское эмигрантское сообщество ее спокойно принимало). И наличие довольно хорошего финансового положения ничуть не смягчало ситуации. Так происходило почти вплоть до самой ее смерти, хотя она и получила известность как художница.

Еще большую изоляцию Башкирцевой определяет то, что она явилась «дважды» изгнем. Ее путешествие в Россию доказывает, что и на родине ее не принимают и не понимают. И это несмотря на то, что она все время твердит: «Я русская». Но те, с кем она встречалась, были буквально ошеломлены ее манерами и поведением. Она оказалась никакой не русской, а «виртуальным» иностранцем. Обстоятельства ее пребывания в России доказывают, что она плохо представляла себе реальность и жила в некоем выдуманном мире. (Заметим, что какое-то время в «выдуманном мире» жила и Кузнецова, но жизнь вносила свои коррективы, и туман рассеивался.)

Таким образом, можно утверждать, что Кузнецова выходит на очень значимую проблему: проблему «людей без корней», у которых постоянно возникают сложности с идентичностью и которые мучительно ищут себя и точку приложения своих сил. Думается, что нечто подобное испытывала сама Кузнецова, поначалу твердо намеревавшаяся стать писательницей, а потом столь же твердо отринувшая эту возможность.

Близок Кузнецовой и импульс к “celebrity”, то есть горячее желание Башкирцевой получить известность. Ведь Башкирцева, словно заклинание, по-

вторяет: «Я хочу быть знаменитой». Здесь можно провести сопоставление ее поведения с поведением Оскара Уайльда. Ведь первоначально англичанин хотел быть только знаменитым. И во время своего путешествия в Америку в 1882 г. был занят исключительно тем, что искал повода ошеломить аудиторию своей экстравагантностью и даже нахальством. И в какой-то степени добился этого, ибо до своих ярких литературных достижений 1890-х гг. был известен, прежде всего, как остроумный журналист, денди, эстет, человек, который жаждал публичности. Вот и Кузнецова выделяет в жизни Башкирцевой моменты вызывающего поведения (когда она признается потенциально му жениху¹, что в момент опасности предпочла бы ему собачку). Собственно, эти «всплески» капризов делали Башкирцеву своего рода «зрелищем» в обществе того времени. Но все это происходило до тех пор, пока она не погрузилась в творчество...

Поэтому так разнятся две части очерка: *до* и *после* серьезных занятий живописью. Можно сказать, что Башкирцева сначала творит свой имидж, занята своим обликом (именно поэтому разговоры о туалетах ведутся постоянно, и она поражает окружающих необычайными нарядами), а потом уже как бы погружается в искусство полностью. Она как бы балансирует на грани между поисками самоидентификации и созданием внешнего облика и стиля.

Думается, поэтому Башкирцеву можно назвать создателем или, по крайней мере, участником процесса создания новой культуры, которая начала возникать в последней трети XIX в., когда центром культурной жизни становилось моделирование определенного типа поведения. И желание славы, ранее, возможно, тщательно скрываемое, начинало настойчиво прорываться наружу. Особенно заметным это становится в отношении поведения женщин, которым ранее предназначалось быть в тени своих талантливых или гениальных спутников или, в крайнем случае, выступать в роли музы. Отсюда столь возмущивший Бунина вызывающий тон ее писем, обращенных к Мопассану. Она чувствует себя ровней ему.

Конечно, во всем этом заметны отзвуки нарождавшейся массовой культуры. Концепция поведения знаменитости менялась, менялась и сама Башкирцева. Известность уже обрамлялась целым рядом сопутствующих явлений: фотографии, визитки, изображения в газетах, отслеживание чуть ли не каждого их шага. Выделившиеся фигуры начинают находиться в постоянном поле внимания, их действия фиксируются газетчиками и светскими завсегдатаями. И о Башкирцевой начинают писать в колонках газет, сплетни о ней передаются из уст в уста, она становится предметом фантастических слухов. Очень показательной была фамильярность, которая теперь намертво срослась с Башкирцевой. Она для всех стала «Мусей». И она наслаждалась этим.

¹ Кассаньяк Пол де (1842–1904) — весьма неоднозначная фигура на французской политической арене и, кроме того, известный дуэлянт.

«Восторги толпы — её жизнь», — так точно формулирует Кузнецова «передачу» Башкирцевой собственной жизни во всеобщее владение. Молодая девушка теперь жаждала быть персоной, которая принадлежит толпе, а не только определенному кругу (например, светскому обществу), в который она так безуспешно прорывалась. Анекдотически можно воспринять ситуацию ее встречи с итальянским королем Виктором Эммануилом, которого она останавливает на скачках по пути в ложу, чтобы сказать два слова и протянуть руки (до этого она несколько недель холит их, чтобы они доставили удовольствие королю нежностью своей кожи). Ведь она фактически использовала королевскую особу в качестве некоей театральной колонны — будто весь мир был сценой и на них были устремлены взоры публики... И она оказалась не так уж неправа: на следующий день весь Неаполь говорил об этом двухминутном разговоре. Но кульминацией этих романтических представлений можно считать ее мольбы о том, чтобы ее любимый, граф Ларделэ, упал с лошади и был ранен, а она бы ухаживала за ним (действительность пародийно «отозвалась» на эту ее мольбу: и граф, действительно упал, но только потому, что был мертвецки пьян). Поражает и по-своему ошеломляет в поведении Башкирцевой невероятная смесь устремлений к совершенствованию, особенно в области искусства, с навязчивыми идеями в области «имиджа» при характеристике своего облика. Чего стоит хотя бы завещание Башкирцевой о том, как она должна выглядеть умершей (с него и начинается очерк Кузнецовой): «На смертном ложе я хочу лежать во всем белом, с цветами в руках, на серебряной парче, которая должна спускаться до полу и широко простираясь вокруг, при блеске множества свечей...».

И важно, что Кузнецова фиксирует этот разрыв желаемого и действительного как бы в назидание самой себе!

Последняя часть очерка, как уже упоминалось, разительно отличается по тональности от первой. Если вначале улавливается ирония автора по отношению к героине, то теперь о реальных усилиях Башкирцевой по овладению мастерством, ее трудолюбии, целеустремленности и самоотверженности говорится всерьез. Кузнецова подробно перечисляет вехи ее творческого пути: занятия в студии Роберта Флери и в Академии Джулиана¹, участие в выставках Салона с 1880 г. до самой смерти в 1884 г.² (Стоит указать, что

¹ В 1866 г. Родольф Джулиан основал первое из шести живописных ателье Академии Джулиана, в которую вошла и единственная школа рисования в Париже, в которую принимались и женщины, в том числе и иностранного происхождения (в Национальную высшую школу изящных искусств — École nationale supérieure des Beaux-Arts — они не были допущены). В разное время в ней обучались М. Башкирцева, Л. Бакст, А. Матисс, Э. Вюйар.

² Первоначально Парижский Салон был предназначен для демонстрации работ выпускников Национальной высшей школы изящных искусств, но постепенно стал одним из важнейших мировых художественных событий. Он предоставлял свои площади большему количеству участников, включая иностранцев. «Салон отверженных» (Salon des Refusés) состоялся в 1863 г. и был открыт по приказу Наполеона III специально для независимых художников, противостоявших официальному канону.

две ее лучшие картины — «Un Meeting» и «В мастерской», рисующая студентов за работой в Академии Джулиана, — находятся в музее Орсе в Париже и в Днепропетровском государственном художественном музее.) Отныне она настолько отдается работе, что порой забывает о своем здоровье, которое ухудшается с каждым днем (туберкулез прогрессирует). Но при этом, как ни парадоксально, ни на минуту не забывает о своем «художническом» облике. Ее монашеская келья и капюшон монаха (чтобы ничего не отвлекало от размышлений) на самом деле очень театральны. И хотя Кузнецова специально не подчеркивает этой театральности, читатель не может не фиксировать на ней свое внимание. И ее изображение — лежащей на кровати, покрытой серебряной материей, — говорит о том, что ее желание превратить себя в смоделированный образ, которым каждый мог бы наслаждаться, сосуществует наравне с настоящей художественной дисциплиной и талантом.

В конечном счете, по прочтении очерка возникает твердое убеждение, что в Башкирцевой нелегко отделить поверхностное от существенного. Но если вновь обратиться к Уайльду, то следует напомнить, что он считал, что вообще нет жесткой границы между банальным и подлинным. Напомним, что своей пьесе «Как важно быть серьёзным» он дал подзаголовок «серезная комедия для тривиальных людей», но затем поменял слова местами. И это стало звучать так: «тривиальная комедия для серьезных людей». Так и в случае Башкирцевой: тривиальное и серьезное соперничают друг с другом.

К сопоставлению Уайльда и Башкирцевой прибегли мы, но статья Кузнецовой, выделяя наиболее яркие проявления личности последней, поневоле наталкивает на это сравнение. Проблема взаимодействия искусства и жизни, проницаемость этих сфер — вот что в итоге оказывается выведенным на первый план в искусстве нового времени. И Кузнецова, наблюдая за поведением Бунина в реальной жизни и видя систему его работы, не могла не задуматься над ней, тем более что рядом находились и часто посещали Грасс символисты, охваченные идеей жизнетворчества, создававшие свое бытие по законам искусства.

Парадоксы — вот что такое Уайльд и Башкирцева. Но и ворчливый и брюзжащий Бунин, одновременно все подчинивший идеи писательства (что не захотела принять Кузнецова, выбравшая в конце концов жизнь, а не ярмо писательского труда), — тоже в ее восприятии парадоксален. Парадокс не допускает легких оппозиций, он их взрывает изнутри и играет с ними. Люди оказывались неподготовленными в своей реакции на проявления нового образа творческой личности, какой явила публике Башкирцева (и неприязнь Бунина к ней тоже своего рода продиктована именно этим). И Кузнецова своей статьей пока не отвечает на вопрос, можно ли воспринимать Башкирцеву всерьез, тривиальна она или глубока, комична или трагична. Скорее — она улавливает возникающий диссонанс и заставляет о нем задуматься... И Бунин, изменивший в конце концов свое отношение к Башкирцевой, очень презентативен в этом плане.

Если обратиться вновь ко времени написания очерка, то еще раз хочется понять, почему же Кузнецова взялась за эту работу именно в конце 20-х гг. Не потому ли, что она хочет по-иному взглянуть на жизнь героини?

Культурный контекст, несомненно, влияет на наше восприятие соотношения тривиального и сложного. Такие люди, как Уайльд и Башкирцева, подвергались остроклизму в свое время. Уайльд был просто уничтожен. И во многом не за особенности личной жизни, а потому, что избрал определенную линию публичного поведения, создал такое культурное событие, какое было преждевременным. Ненависть, которую люди к нему испытывали, была связана в основном с его позой, а не с его любовными привязанностями. Башкирцева же уничтожила себя сама, ибо одержимость собой и своим искусством, потребность в обнаженной самопрезентации и индивидуалистические проявления личности оказались несовместимы даже с ее сильным организмом и общественным резонансом, который все это вызвало. Надо думать, что погружение в биографию Башкирцевой, перенесение на себя ее переживаний, во многом подготовили «взрыв», который произошел в судьбе самой Кузнецовой, когда она все же решила не отдаваться искусству целиком, а, уйдя с виллы «Бельведер» с Марго Степун, предпочла жизнетворчеству просто жизнь с ее обычными горестями и радостями.

Но рядом с Кузнецовой тоже оказался художник, который именно в это время создавал роман о человеке, осмелившемся заявить о полноправности принципа «искусства для искусства» в атмосфере российской этической ответственности за созидаемое. Именно таков Алексей Александрович Арсеньев. И Бунин именно за «Жизнь Арсеньева» получил Нобелевскую премию как за роман, воспевающий «освоение» жизни художником во всем ее великолепии. И возможно, в этом контексте не таким уж случайным выглядит обращение Кузнецовой к теме Башкирцевой. Создается впечатление, что разговоры о ней, возникавшие на вилле Бельведер, тоже сыграли свою роль в формировании и развитии замысла этого оригинальнейшего романа XX в.

Литература

Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., comment. О.Р. Демидовой. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. 496 с.

Кузнецова Г. Мария Башкирцева // Последние новости. 1929. 12 января.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. 366 с.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. 222 с.

References

- Kuznetsova G.N. *Grasskii dnevnik* [Grasse diary]. Ed. by O.R. Demidova. St. Petersburg, Izd. dom “Mir” Publ., 2009. 496 p. (In Russ.)
- Kuznetsova G. Mariia Bashkirtseva. *Poslednie novosti*, 1929, January 12. (In Russ.)
- Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [From the mouth of the Bunins: Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials], ed. by Miliitsa Grin. Frankfurt am Main, 1977. Vol. 1. 366 p. (In Russ.)
- Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [From the mouth of the Bunins: Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials], ed. by Miliitsa Grin. Frankfurt am Main, 1982. Vol. 3. 222 p. (In Russ.)

UNEXPECTED TRIANGLE:

IVAN BUNIN — MARIA BASHKIRTSEVA — GALINA KUZNETSOVA

© 2019, M.V. MIKHAILOVA, C. LE GOUIS

Abstract: The article reveals the story of creation of the essay “Maria Bashkirtseva”, written by Galina Kuznetsova in Grasse. This essay was born largely in opposition to Bunin’s opinion about his heroine and her famous diary. By creating this text, Kuznetsova implicitly entered into a dispute with Bunin, in order to prove a woman’s right not to adhere to traditional norms of behavior, her ability to manifest her originality in spite of the established rules. The authors of the article try to “guess” the hidden intentions of the essay, decipher its “subtext” and argue that after a while Bunin changed his opinion about the Bashkirtseva precisely because of Kuznetsova.

Keywords: “Diary” of Maria Bashkirtseva, “Grassky dnevnik”, Grasse, emigration, Bunin, Kuznetsova, feminist discourse, “Last News” newspaper.

Information about the authors: Maria Mikhailova, Doctor of Philology, professor Emeritus, MSU, professor, Faculty of Philology, Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process, professor, Leninskoe Gory, GSP, 1, p. 51, 119991, Moscow, Russia, E-mail: mary1701@mail.ru

Catherine Le Gouis, Professor of French, Mount Holyoke College, South Hadley, Massachusetts 01075-6430, USA, E-mail: clegouis@mtholyoke.edu

**ПРОЗА И.А. БУНИНА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ
В ОЦЕНКЕ Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ)**

© 2019, И.В. КОЧЕРГИНА

Аннотация: В статье затронута история взаимоотношений И.А. Бунина и Ю.И. Айхенвальда в дореволюционный период, а также анализируются их личностные и творческие связи в пореволюционное время. Выявлено сходство многих суждений, касающихся политических и мировоззренческих вопросов, сделана попытка выявить причину такого совпадения. Дан обзор всех статей критика, касающихся прозы Бунина периода эмиграции, выявлены их ключевые особенности. Делается вывод о значимости для писателя критических отзывов Айхенвальда и дальнейшем развитии умозаключений, содержащихся в них, критикой русского зарубежья.

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, И.А. Бунин, эмиграция, критика, русское зарубежье.

Информация об авторе: Ирина Владимировна Кочергина — кандидат филологических наук, преподаватель ГБОУ «Пятьдесят седьмая школа» г. Москвы. E-mail: irepismo@yandex.ru

Критика Ю.И. Айхенвальда связывало с И.А. Буниным не только общение по литературно-журнальным делам. Между ними существовала и человеческая приязнь, и во многом мировоззренческая схожесть: это был тот человек, которого писатель не только очень уважал, но в ком находил отклик своим послереволюционным настроениям.

Когда Айхенвальд трагически погиб, Бунин, по воспоминаниям Г.Н. Кузнецовой, отреагировал болезненно: «И^{<ван>} А^{<лексеевич>} расстроился так, как редко я видела. Весь как-то ослабел, лег, стал говорить: “Вот и последний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни — он был таким»¹. То же пишет В.Н. Бунина в дневнике: «Потрясены смертью Юл^{<ия>} Ис^{<аевича>} Айхенвальда. Ян, как прочел, так и упал на спину. А затем у него было такое же выражение глаз, как при известии о смерти Юлия Алексеевича. И за обедом он был грустно-расстроенный, все молчал»².

Их общение началось еще в конце 1896 г., когда Айхенвальд написал Бунину. Об этом упоминает Кузнецова, приводя слова писателя: «Я с ним знаком 25 лет. Он написал мне когда-то первый»³. Сохранилось несколь-

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы / Сост., подгот. текста, предисл. и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 93.

² Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М Грин. Франкфурт на Майне: Посев, 1981. Т. 2. С. 188.

³ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы / Сост., подгот. текста, предисл. и comment. А.К. Бабореко. С. 93.

ко писем Айхенвальда к Бунину дореволюционной поры, они хранятся в РГАЛИ, в фонде Бунина и носят, как правило, деловой характер: просьбы дать в номер журнала какое-то новое произведение, благодарности за присланные книги. Рецензии Айхенвальда на стихи и рассказы Бунина очень благожелательные: критик признает Бунина одним из крупнейших писателей современной России, восторгается стилем и образностью, верностью традициям. Если есть замечания, то они делаются очень аккуратно (о субъективизме писателя, которому «свойственно что-то ожесточившееся», о чрезмерном внимании к «случайному» и пр.). Вошла глава «Бунин» и в третий выпуск «Силуэтов русских писателей». Видимо, общение между Айхенвальдом и Буниными было очень дружеским. В.Н. Бунина вспоминает, как «мы раз ехали вместе из Киева в Москву и часами просиживали в вагоне-ресторане, споря о женщинах»¹. Айхенвальд был москвичом, Бунин тоже часто жил в Москве, их сближала и любовь к этому городу.

Революция, сначала февральская, а затем октябрьская, потребовала от всех самоопределения. Айхенвальд не сразу сформировал свое отношение к февральскому перевороту. Но к началу осени 1917 г. его отношение было уже отрицательным: с ужасом он смотрел на разграбление барских усадеб, ущемление свободы слова, разгул насилия, государственный хаос². Хотя, конечно, ощущения от происходящего у него не были так остры, как у Бунина, разумеется, он не знал так хорошо мир деревни, не видел так ясно, к чему идет дело. Да и жил он в городе, тогда как Бунин все лето и часть осени 1917 г. провел в Глотово, где воочию видел и хорошо понимал, чем обернулось свержение самодержавия.

Активное неприятие большевистского переворота и всей действительности, воцарившейся после него, сблизило их позиции. Видимо, в Москве в первой половине 1918 г. они часто общались, о чем свидетельствует их совместная поездка в мае в Тамбов и Козлов, где «устраивались «Бунинские вечера»: Айхенвальд читал реферат о творчестве Бунина, а писатель — свои произведения»³. Поехать в столь опасную поездку по России в 1918 г., когда то и дело в поездах грабили и убивали, можно было только с человеком, которому абсолютно доверяешь.

Затем Бунин в мае 1918 г. покинул Москву, а зимой 1920 г. из Одессы, в которую вступали большевики, отплыл в эмиграцию. Айхенвальд после нескольких ярких антисоветских публикаций выслан в 1922 г. за рубеж на «философском пароходе». Дневники Бунина и его жены, а также эмигрантская

¹ Устами Буниных. Том 2. С. 188–189.

² См. об этом: Кочергина И.В. К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2017. № 11 (77). В 3 ч. Ч. 3. С. 27.

³ См. об этом: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 930.

публицистика писателя и публикации Айхенвальда в газетах «Руль» и «Сегодня» дают обширный материал для сопоставления позиций этих мыслителей относительно исторических событий в России.

Прежде всего, обращает на себя внимание абсолютно непримиримое отношение и Бунина, и Айхенвальда к большевистскому режиму. А.И. Рейтблат пишет о жизни критика в первые годы после установления Советской власти: «Айхенвальд почти не печатался и перебивался случайными заработками <...>. Однако, несмотря на материальные трудности, на государственную службу Айхенвальд не шел и в государственных изданиях не публиковался. Он прекрасно понимал, какую опасность представляет “коллективистская” коммунистическая идеология для отстаиваемого им индивидуалистического мировоззрения, и, будучи человеком принципиальным, утверждал, что “для нас <интеллигенции> правильнее было бы совсем не ходить к ним <большевикам>, не просить, не принимать их унижающих подачек и до конца сохранить всю возможную в нашем положении независимость. Лично для себя я всегда их милости предпочту их преследование и даже насилие”»¹. В парижском «Возрождении», в статье от 3 января 1929 г. О. Васильев пишет: «Он <Айхенвальд. — И.К.> оставался и тут непримиримым и своеобразным, предпочитая быть в бездействии, терпеть лишения, невзгоды, неприятности, но не идти на службу, оставаться самим собой. Когда стало уже очень плохо, он пошел в продавцы в частную книжную лавку <лавка «Содружества писателей». — И.К.> и здесь целыми днями выстаивал за прилавком.

Он не печатался в советских изданиях. Первый раз после молчания напечатал в “Вестнике литературы” крамольную статью по поводу предстоящего чествования сорокалетия смерти и столетия рождения Ф. Достоевского, — настолько “крамольную”, что редакция должна была ее назвать “особым мнением” и сопроводить передовой статьей, в которой содержались оправдания редакции за публикацию².

Бунинское отношение к службе у большевиков общеизвестно. Приведу только две выдержки из дневника В.Н. Буниной. Она приводит слова Бунина: «Все отнято — печать, средства к жизни. Ну, несколько месяцев протянем полуголодное состояние, а затем что? Идти служить к этим скотам я не в состоянии. Я зреТЬ не могу их рожи, быть с ними в одной комнате»³. Будучи в Одессе во время захвата ее большевиками в 18 году на уговоры С.С. Юшкевича идти служить в Агитпросвет Бунин отвечал: «Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду туда. Пусть этот факт останется в истории...»⁴.

¹ Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 244.

² Васильев О. Крамольный Айхенвальд // Возрождение. 1929. 3 января. № 253. С. 3.

³ Устами Буниных. Т. 1. С. 240–241.

⁴ Там же. С. 257.

Близки взгляды критика и писателя на большевизм в России и его истоки, совпадает их отношение к советской власти. Бунин, хорошо знавший деревню, видевший озлобление крестьянства из-за войны, понимавший нерешенность земельного вопроса и яростное желание мужика забрать всю помещичью землю, ясно видел повсеместную большевизацию, осознавал гибельность этого процесса для дворянской культуры императорской России, к которой принадлежал он сам. Глубокая ненависть к воцарению «поголовного хама и зверя» выражена писателем в одесской публицистике, в «Окайанных днях», в статьях и дневниках 1920-х гг. Писатель видел неготовность «Сысойки» к управлению государством, его моральную «шаткость» и страшные последствия «русских бунтов» — такие как «саморазорение» и «самоистребление»¹. Бунин видел причины катастрофы в самом народе, склонном к разрушению, озлобленном и бездуховном, а также в интеллигенции, с ее слепым народолюбием и подстрекательством к бунту. В знаменитой лекции «Великий дурман», выдержанной из которой он опубликовал в газетах Одессы, говорилось: «Я касаюсь литературы, ее деятелей, ее знатоков и изобразителей народа потому, что все те, которые так много способствовали всему тому, что случилось, и большинство которых еще и теперь,вольно и невольно, способствует продолжению этого случившегося, весьма и весьма питались в своих идеологиях и в своих знаниях о народе именно литературой. А литература эта была за последние десятилетия ужасна»².

Айхенвальд, несомненно, будучи человеком городским, не видел и не чувствовал с такой остротой мир деревни, его неприятие новой власти коренилось в отторжении насилия как главного средства насаждения нового режима, в разрушении большевиками всей культуры старой России. Критик не принимает саму власть большевиков, поскольку они попирают нравственные законы. Именно нравственным критерием, который в дореволюционный период у него далеко не являлся основным, он меряет людей, события и литературные произведения в эту эпоху; сразу после октября 1917 г. он пишет: «наше социалистическое отечество» заслужило Нобелевскую премию за «обильный вклад» в «отдел социальной патологии»³. Уже в эмиграции он выскажет еще более определенно⁴: «... обезумленная Россия показала миру ужасное зрелище — помешательство целой страны, умственное и нравственное»⁵ (ср. у Бунина: «кровавое безумие», «повальное сумасшествие»⁶), «...никем

¹ Бунин И.А. Из «Великого дурмана» // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общей ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 2000. С. 52.

² Там же. С. 57.

³ Айхенвальд Ю. В интересах науки // Раннее утро. 1918. 12 июня. № 105. С. 1.

⁴ Находясь в эмиграции, до середины 1925 г. Айхенвальд подписывал свои статьи псевдонимом «Б. Каменецкий».

⁵ Каменецкий Б. Бездуховность // Руль. 1924. 20 января. № 950. С. 2.

⁶ Бунин И.А. Окайанные дни // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 8. С. 125.

еще не было брошено такого принципиального вызова всем человеческим и божеским ценностям, как именно большевиками, никто еще не писал такой наглой теоретической апологии братоубийству, и никто еще не осуществлял его так в своей страшной практике. Они достигли пределов государственного цинизма; они разбили все мыслимые скрижали, они надругались над всеми святынями¹ (сравним с бунинской фразой что «горьковская Россия ужаснула и опозорила все человечество»²). Айхенвальд, человек глубоко литературный, близкий к философским кругам, видел истоки большевизации населения в том, что большевики разбудили дремавшие в народе «темные силы», революция «обнаружила темные и зловещие провалы народной психики»³. Называя революцию «локомотивом, который «мчит не вперед, а назад», «злом в облике добра»⁴, которое манило установлением царства справедливости, равенства и братства, он говорит о том, что, соблазнившись быстрым и радикальным решением земельного вопроса, Россия в одночасье потеряла все. Для Айхенвальда народ — жертва, а большевики предстают в облике дьявола-искусителя и поработителя.

Но в целом, и Бунин, и Айхенвальд сходятся в том, что страна погибла, что на ее месте создается, строится нечто новое на ложных основах: безнравственности, отрицания исторической России, уничтожения одним классом других, всеобщего насилия. Оба они негативно относятся к любым революциям: Айхенвальд вообще сторонник эволюционного развития цивилизации, Бунин же однозначно считает русский народ неготовым к революционным преобразованиям и к народовластию, а революционный способ развития общества одним из самых жестоких и антигуманных⁵.

Бунин и Айхенвальд едины и в своем крайне негативном отношении к писателям, поддерживающим советскую власть и имеющим контакты с советским правительством. Это касается, прежде всего, Горького (укажем на яростные филиппики Бунина в его адрес, а также на статьи Айхенвальда в газете «Руль»⁶), Маяковского⁷, поэмы «Двенадцать» Блока⁸ (Бунин наиболее резко откликнулся на нее в статье «Ионния и Китеж»), стихов и деятельности Брюсова в СССР⁹. Если Бунин к недостаткам Горького относит искусствен-

¹ Каменецкий Б. Карфаген или Каносса // Руль. 1923. 15 июля. № 797. С. 2.

² Бунин И.А. Суп из человеческих пальцев // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 67.

³ Каменецкий Б. Духовные эмигранты // Руль. 1923. 2 июля. № 785. С. 2.

⁴ Каменецкий Б. Оценка революции // Руль. 1923. 16 декабря. № 923. С. 2.

⁵ Бунин И.А. Заметки // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 36.

⁶ См., напр.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 4 мая. № 1953. С. 2.

⁷ Каменецкий Б. [Рец. на кн.:] В. Маяковский. Вещи этого года // Руль. 1924. 3 февраля. № 962. С. 7.

⁸ Айхенвальд Ю. Отражения. О поэме Блока «Двенадцать» // Раннее утро. 1918. № 117. 27 июня. С. 4.

⁹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 3 августа. № 2029. С. 2–3.

ность, то и Айхенвальд говорит о схематизме. Если Бунин вскользь говорит о «литературщине» и о «подделках под художество» советских писателей Сейфуллиной или Бабеля¹, Айхенвальд детально разбирает их стиль и идеи и после этого выносит свой приговор² (уточним, что для берлинской критики ранне-эмигрантского периода такое отношение к этим советским писателям было характерным). Оговоримся, что Айхенвальд резко отзывался о творчестве Горького и Брюсова дореволюционного периода, Бунин же редко выступал до революции с критическими статьями, а отношение его к Горькому было сложным, но не выплескивалось в публичное пространство.

Схожим было отношение критика и писателя к новой орфографии. Вообще надо отметить, что позиция газеты «Руль» по многим политическим и литературным вопросам была близка Бунину, не случайно он поместил там свою знаменитую речь «Миссия русской эмиграции». А литературное направление газеты до 1928 г. определял во многом именно Айхенвальд.

Обратимся непосредственно к критическим статьям и заметкам Айхенвальда, посвященным Бунину. Критик называл свой критический метод «имманентным» и сам объяснял его так: «когда исследователь художественному творению органически соприкашается и всегда держится внутри, а не вне его»³. Критик-модернист Айхенвальд оказался близок не только писателям-модернистам (символистам, акмеистам), но и Бунину, не только потому, что метод критика позволял «вчувствоваться», настроиться на волну любого произведения, но и потому, что, как много раз отмечалось, важной чертой писателя является «импрессионизм восприятия»⁴. Еще И.А. Ильин назвал Бунина «поэтом внешнего, чувственного опыта»⁵, а Н.Я. Берковский заметил, что «чувственное описание у Бунина чуть ли не галлюцинация», «наваждение»⁶. Можно сказать, что в Бунине метод Айхенвальда нашел своего писателя, потому что погружение в бунинский мир, «вчувствование» в него происходит само собой даже у самого неискусшенного читателя. Не случайно, что доля критических разборов бунинских произведений эмигрантского периода в статьях Айхенвальда очень высока. Можно сказать, что из живых современников критика это был его любимый писатель. Следует указать и на то, что Айхенвальд — эстетик, в произведении, прежде всего, он ценит кра-

¹ Бунин И.А. Безграмотная ерунда // Бунин И.А. Публистика 1918–1953 годов. С. 244.

² Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 3 сентября. № 1140. С. 2–3.

³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Вступление // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Терра; Республика, 1998. Т. 1. С. 22.

⁴ Конюшенко Е.И. Литературные связи И.А. Бунина: проблема творческого самоопределения: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1993. С. 120.

⁵ Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 31.

⁶ Берковский Н. О русской литературе: сборник статей. Л.: Худож. литература, 1985. С. 243–244.

соту, и, конечно, тщательнейшая отделка формы Буниным не могла не восхищать критика.

Эмигрантская критика в подавляющей своей части была единодушна в признании художественных заслуг Бунина-писателя, его талант почти никем не оспаривался, но в политическом отношении эмиграция была очень неоднородна, и взгляды писателя на исторические события разделяли далеко не все. В лице Айхенвальда Бунин видел критика, который не только признавал его первым из современных писателей, но и в целом разделял его взгляды на революцию и ее последствия в России. В опубликованных письмах редакторам «Современных записок» И.И. Фондаминскому и М.В. Вишняку писатель несколько раз просит переслать отзывы Айхенвальда на свои произведения, опубликованные в журнале¹, и не только потому, что «Руль» выходил в Германии, а значит, купить его было не так просто, но и потому, что очень ценил мнение критика, доверял ему. Оттого так глубока была скорбь писателя при известии о гибели критика.

Обратимся к критическим отзывам Айхенвальда о Бунине. В эмигрантский период им было опубликовано 17 статей и заметок, в которых разбираются произведения Бунина, размещены они были в берлинской газете «Руль» в разделе «Литературные заметки» (это еженедельный обзор, который вел критик) и в «Библиографии», а также в рижской газете «Сегодня». Только три из них посвящены отдельным изданиям произведений писателя, в остальных анализируются произведения Бунина, размещенные в журналах (например, в «Современных записках», «Окне», альманахе «Медный всадник»).

Перечислим данные публикации. Газета «Руль»: от 15 апреля, 29 апреля и 8 июня 1923 г., 23 июля и 15 октября 1924 г., 18 февраля и 22 июля 1925 г., 13 января, 10 февраля, 18 апреля, 17 ноября и 15 декабря 1926 г., 4 января, 14 марта и 13 июня 1928 г. Газета «Сегодня»: от 26 июня 1925 г. и от 23 января 1926 г.

Статья от 15 апреля 1923 г. касается рассказа «Косцы», размещенного в альманахе «Медный всадник», и сводится к пересказу². В статье от 29 апреля того же года комментируется рассказ «Безумный художник», напечатанный в сборнике «Окно». Критик проецирует образы, рождаемые безумием живописца, на впечатления от современной ему российской действительности, что, несомненно, содержится и в рассказе писателя: «И “мерзостные лица, искаженные ненавистью и злобой, сладострастием братоубийства” вызывают в памяти необычайно сильное, апокалиптическим пафосом дышащее стихотворение того же автора, напечатанное в другом сборнике (“Медный Всадник”):

О, слез невыплаканных яд! <...>³

¹ См. напр., письмо Бунина Вишняку от 29 мая 1927 г. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под. ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 747.

² Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1923. 15 апреля. № 722. С. 10.

³ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1923. 29 апреля. № 734. С. 2.

Более того, критик вычитывает в рассказе подозрение, что «пелена безумия» «застыла порою и светлейший разум небесный», иначе невозможно объяснить «мертвую картину, какую представляет собой Россия». В таком смелом прочтении художник — аллегория теурга, который погрузил современный мир в кровь, страдание и ужас.

В номере от 8 июля 1923 г. Айхенвальд, обозревая журнал «Окно», пишет о сказке «О дураке Емеле, который вышел всех умнее». Критик ясно видит смысл произведения не в искусном подражании народному языку, а в сарказме последних строк: «я на том пиру, как говорится, был, да признаться, все это дело забыл — дюже пристально угощали: и теперь глаз от синяков не продеру!». Он сразу обнаружил политическую аллегорию в сказке, и был со смыслом этой аллегории совершенно согласен¹.

В «Литературных заметках» от 30 марта 1924 г. содержится обзор 3-го номера альманаха «Окно», в котором напечатан рассказ «В ночном море». По мнению Айхенвальда, «произведение “воплощает какой-то психологический нигилизм”. В нем теряется различие между добром и злом. Слишком явно звучит там мотив “смерти в самой жизни”, “опустошенности сердца”, “небытия среди бытия”, и слишком безнадежна “философия душевной оцепенелости”, пронизывающая рассказ. Критик, вопреки своим прежним взглядам на автономность писателя, его независимость от окружающей его исторической обстановки, склонен видеть источник и причину этих ощущений в “особенностиях нашей цинической эпохи”»².

«Литературные заметки» от 23 июля 1924 г. посвящены обзору XX книги «Современных записок», в которой помещены два рассказа Бунина: «Звезда любви» и «Преображение»³. Эти эссе критика представляют собой в чистом виде растворение в самой ткани рассказа, когда комментатор говорит языком комментируемого текста и как бы продолжает этот текст своими словами, своими чувствами.

В большой статье от 15 октября 1924 г. содержится разбор сборника Бунина «Роза Иерихона». Внимание уделено рассказам «Роза Иерихона», «В ночном море», «Несрочная весна». Восхищенный красотой произведений Бунина, Айхенвальд говорит о «художественном счастье, которое испытываешь над страницами»⁴. В то же время он четко оговаривает свою идеиную позицию, полностью схожую с бунинской: называя писателя «певцом усадеб», полностью принадлежащим «старой России», упоминая, что «только она для него подлинная, и ничего общего не имеет и не хочет, и не может иметь с тою

¹ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1923. 8 июля. № 791. С. 6.

² Там же. 1924. 30 марта. № 1010. С. 2. См.: Риппинг М. Литературная критика Ю.И. Айхенвальда периода эмиграции: дисс... канд. филол. наук. Иваново, 2003. С. 93.

³ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 23 июля. № 1104. С. 2.

⁴ Там же. 15 октября. № 1176. С. 2.

новой жизнью, похожей на смерть, которая своим чертополохом для него, или для героя «Несрочной весны», «опустошила вселенную»¹. Восторгаясь тем, что у Бунина слово неотделимо от содержания, критик называет «счастливым то, что берешь от Бунина все это целиком и зараз»². «Особенности его творчества, — утверждает критик, — уделяют ему первое место» среди современных ему русских писателей и «делают его законным наследником знатных предков нашей словесности»³.

В эссе от 11 февраля 1925 г. критик делает обзор XXII книги «Современных записок» и останавливается на опубликованных там рассказах «Товарищ Дозорный» и «Красный генерал»; он говорит о том, что писатель «из тьмы пренебрежения извлекает» каждую самую незначительную личность и тем делает ее существование необычайно важным в наше время, когда «так дешева ее жизнь, так незамечаема ее смерть»⁴.

Большие споры в эмигрантской критике вызвала повесть «Митина любовь»: З.Н. Гиппиус в эссе «О любви» отказалась ей в достоверности изображения главного героя, «в падение которого с Аленкой», по ее словам, «мы не поверим все равно»⁵. Айхенвальд пишет об этом более мягко, говоря, что в таком развитии событий «нет типичности», «убедительности», но здесь же оговаривается, что сила писательского таланта Бунина не в воспроизведении фактов, а в преодолении их художественностью⁶. Если Г.В. Адамович в своих статьях, возражая Гиппиус, говорит о слабости Мити и, хорошо зная отношение писателя к декадентам, подчеркивает, что «столичная» Катя губит героя⁷, то Айхенвальд считает, что герой гибнет оттого, что «не соединились для него в каком-то высшем смысле физиология и psychology», то есть он оказался незрелой личностью, и тоже подчеркивает, что в любви Кати много «городского»⁸. Айхенвальд позволяет себе немного покритиковать стиль писателя, говоря о «замедленном темпе», недостатке «динамики и драматизма»⁹. Однако нам неизвестны факты, указывающие на то, что писатель обижался на критические замечания Айхенвальда. Критик размещает краткий отзыв на этот рассказ и в газете «Сегодня». Сравнивая Митю с героем рассказа А.П. Чехова «Володя», он находит в типологии этих персонажей много общего.

¹ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 15 октября. № 1176. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. 1925. 11 февраля. № 1274. С. 2.

⁵ Гиппиус З. О любви // Последние новости. 1925. 2 июля. № 1591. С. 3.

⁶ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1925. 22 июля. № 1408. С. 2.

⁷ Адамович Г. Литературные беседы: [«Митина любовь» И. Бунина] // Адамович Г.В. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 2: Литературные беседы: «Звено» (1923–1928) / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. М.: Дмитрий Сечин, 2015. С. 273.

⁸ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1925. 22 июля. № 1408. С. 3.

⁹ Там же.

го и указывает на корень трагедии опять-таки в «разобщении между физиологией и психологией»¹.

13 января 1926 г. в обзоре XXVI номера «Современных записок» встречаем отклик на очерк «Цикады», в основном, сводящийся к цитированию².

Статью от 10 февраля 1926 г. критик посвящает сборнику «Митина любовь»; он цитирует с сочувствием «День памяти Петра», упрекает в «ненужной грубости выражений» рассказ «Слава», восхищается душевной красотой человека в рассказе «Лапти»³. Видимо, Бунин высказал в рассказе «Богиня» то самое, что думал и в чем находил утешение в эмиграции и Айхенвальд: «после всех потрясений истории в числе вечных достижений мира остаются «лучшие страницы лучших книг»⁴. Рецензию на этот сборник он размещает и в газете «Сегодня», в основном, повторяя то, что писал уже об одноименном рассказе⁵.

В обзоре от 28 апреля 1926 г., посвященном XXVII книге «Современных записок», встречаем неожиданно резкий отзыв о «Деле корнета Елагина»: ««Дело» <...> является для нас психологическим шумом из пустяков», «рассказ неубедителен», поскольку «внутренней значительности в преступнике, в преступлении, в его жертве не чувствуешь», поскольку «среди современной крови и слез их слезы и кровь не заслуживают преимущества»⁶. Однако, как справедливо пишет М. Риппинг, критик утверждал, что эти недостатки «не влияют на общее развитие писательского дарования»⁷. В ответ на некоторые высказывания, которые появлялись на страницах эмигрантской печати о том, что Бунин принадлежит хоть и к совершененному, но уже отжившему стилю русской литературы, Айхенвальд говорит: «Не говоря уже о том, что совершенство вообще истории не имеет, творчество Бунина и поныне остается таким же свежим и современным, таким же уместным и своевременным, каким оно было всегда»⁸.

17 ноября 1926 г. в обзоре XXIX книги «Современных записок» помещен отзыв на отрывок из книги «Воды многие»: «тон их — повышенный, они как

¹ Каменецкий Б. Володя и Митя // Сегодня. 1925. 26 июля. № 163. С. 9.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 13 января. № 1554. С. 2.

³ Там же. 10 февраля. № 1578. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Айхенвальд Ю. [Рец. на кн.:] Ив. Бунин Митина Любовь. Париж, 1925 // Сегодня. 1926. 23 января. № 18. С. 4.

⁶ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 28 апреля. № 1642. С. 2. Кстати, здесь же Айхенвальд в высшей степени одобрительно отзывает о критической статье Степуна по поводу «Митиной любви», находя в ней пример «творческого чтения» и контакта «двух душ, читательской и писательской», что для критика является идеалом критического разбора.

⁷ Риппинг М. Литературная критика Ю.И. Айхенвальда периода эмиграции. С. 93.

⁸ Айхенвальд Ю. [Рец. на кн.:] Ив. Бунин Митина Любовь. Париж, 1925 // Сегодня. 1926. 23 января. № 18. С. 4.

будто на органе разыграны; и понравятся они только тем, кто любит духовную торжественную музыку»¹.

В рецензии от 15 декабря 1926 г. на сборник «Солнечный удар» критик обращает внимание на «смелость ситуаций», в которую ставит автор героев, «чувство меры», соединение «глубины размышления с приветливостью»². «Цикады» и «Воды многие», — пишет он, — ставят нас «перед конечными вопросами бытия», «лицом к лицу с метафизикой и мистикой»³.

Восторг вызвал у эссеиста и рассказ «Божье древо». В заметках от 4 января 1928 г. он указывает, что герой «напоминает Платона Карагаева, роднится с ним в его мудрой покорности Божьей воле», в рассказе Бунина «не чувствуется никакой идеализации»: «Из общего трагизма жизни вырвана, спасена фигура этого необыкновенного сторожа, какой-то воплощенной психологической идиллии...»⁴. И снова Айхенвальд видит Бунина главным продолжателем традиций русской словесности классического периода.

14 марта 1928 г. критик пишет без особого восторга о первой части «Жизни Арсеньева»: это «повесть писателя о самом себе», «пейзажами он иногда злоупотребляет», «словесная ткань» «тяжела» «роскошью литературной парчи», пока «его новому духовному детищу недостает “легкого дыхания”»⁵. Однако в рецензии на вторую часть романа тон Айхенвальда меняется на восторженный. Останавливаясь на том, что писателю дан редкий дар «удивляться жизни», «видеть, слышать, обонять», он приписывает несомненной победе писателя то, что свою «естественную чувственность» он «претворил в чувственность словесную»⁶. «Да и вообще, — пишет критик, — Бунин преодолевает и овладевает. Самые ничтожные и мимолетные впечатления прошлого отпечатлеваются для него, а через него — и для читателей, вечными следами»⁷.

Подводя итог, можно сказать, что критик отзывался обо всех значимых прозаических произведениях писателя периода эмиграции и многие мысли и суждения, только намеченные в критических выступлениях Айхенвальда по поводу Бунина, были в дальнейшем развиты критикой русского зарубежья. Из всех писателей эмиграции Бунин по своим воззрениям и особенностям писательского дарования был особенно близок критику, поэтому доля рецензий на его произведения так высока, причем большинство оценок — восторженно-положительные. Специфика метода Айхенвальда приводила к тому, что часто вместо разбора он давал пересказ, словно растворяясь в стилистике

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 17 ноября. № 1813. С. 2.

² Там же. 15 декабря. № 1836. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Руль. 1928. 4 января. № 2159. С. 2.

⁵ Там же. 14 марта. № 2219. С. 2.

⁶ Там же. 13 июня. № 2292. С. 2

⁷ Там же.

автора, вставляя то и дело меткие комментарии и беря своей эмоциональностью читателя в плен. Критик считал Бунина главным продолжателем традиций классического периода русской словесности, неизменно восхищаясь его мастерством. Бунин же, в свою очередь, проявлял человеческую симпатию к Айхенвальду, и считал, что его критические отзывы наиболее верно отражают суть произведений. Кроме того, взгляды Бунина и Айхенвальда на произошедшие политические события и их последствия были довольно близки.

Литература

Адамович Г. Литературные беседы: [«Митина любовь» И. Бунина] // *Адамович Г.В.* Собр. соч.: В 18 т. Т. 2: Литературные беседы: «Звено» (1923–1928) / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. М.: Дмитрий Сечин, 2015. С. 270–273.

Айхенвальд Ю. [Рец. на кн.:] Ив. Бунин Митина Любовь. Париж, 1925 // Сегодня. 1926. 23 января. № 18. С. 4.

Айхенвальд Ю. В интересах науки // Раннее утро. 1918. 12 июня. № 105. С. 1.

Айхенвальд Ю. Отражения. О поэме Блока «Двенадцать» // Раннее утро. 1918. 27 июня. № 117. С. 4.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 13 января. № 1554. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 10 февраля. № 1578. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 28 апреля. № 1642. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 17 ноября. № 1813. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 15 декабря. № 1836. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 4 мая. № 1953. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 3 августа. № 2029. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 4 января. № 2159. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 14 марта. № 2219. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 13 июня. № 2292. С. 2–3.

Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Вступление // *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М.: Терра; Республика, 1998. Т. 1. 304 с.

Берковский Н.Я. О русской литературе: сборник статей. Л.: Художественная литература, 1985. 381 с.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общей ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 2000. 640 с.

Бунин И.А. Окаянные дни // *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Воскресение, 2006. С. 275–387.

Васильев О. Крамольный Айхенвальд // Возрождение. 1929. 3 января. № 253. С. 3.

Гипплиц З. О любви // Последние новости. 1925. 2 июля. № 1591. С. 2–3.

«Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступит. статья О.А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 697–933.

- Ильин И.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев М.: Скифы, 1991. 211 с.
- Каменецкий Б.* Духовные эмигранты // Руль. 1923. 2 июля. № 785. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1923. 15 апреля. № 722. С. 10–11.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1923. 29 апреля. № 734. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1923. 11 июля. № 791. С. 6–7.
- Каменецкий Б.* Карфаген или Каносса // Руль. 1923. 15 июля. № 797. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Оценка революции // Руль. 1923. 16 декабря. № 923. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Бездуховность // Руль. 1924. 20 января. № 950. С. 2.
- Каменецкий Б.* [Рец. на кн.:] В. Маяковский. Вещи этого года // Руль. 1924. 3 февраля. № 962. С. 7.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1924. 30 марта. № 1010. С. 2.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1924. 23 июля. № 1104. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1924. 3 сентября. № 1140. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1924. 15 октября. № 1176. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1925. 11 февраля. № 1274. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1925. 22 июля. № 1408. С. 2–3.
- Каменецкий Б.* Володя и Митя // Сегодня. 1925. 26 июля. № 163. С. 9.
- Конюшенко Е.И.* Литературные связи И.А. Бунина: проблема творческого самоопределения: дисс. канд. филол. наук. Томск, 1993. 160 с.
- Кочергина И.В.* К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2017. № 11 (77). В 3 ч. Ч. 3. С. 25–30.
- Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы / Сост., подгот. текста, предисл. и comment. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 416 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.
- Рейтблот А.И.* Писать поперец: статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
- Риппинг М.* Литературная критика Ю.И. Айхенвальда периода эмиграции: дисс.... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 186 с.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт на Майне: Посев, 1977–1982.

References

Adamovich G. Literaturnye besedy: [“Mitina lyubov”] I. Bunina] [Literary conversations: [“Mitya’s love” by I. Bunin]]. Adamovich G.V. *Sobr. soch.: V 18 t. T. 2: Literaturnye besedy: “Zveno” (1923–1928)* [Collected works: In 18 vols. Vol. 2: Literary conversations: “Zveno” (1923–1928)]. Ed. by O. Korostelev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2015, pp. 270–273. (In Russ.).

Aikherval’d Iu. [Rec. na kn.:] Iv. Bunin Mitina Lyubov’ [[Book review] Iv. Bunin “Mitya’s Love”]. Paris, 1925. *Segodnia*, 1926, January 23, no 18. p. 4. (In Russ.).

Aikherval’d Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul’*, 1926, January 13, no 1554, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1926, February 10, no 1578, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1926, April 28, no 1642, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1926, November 17, no 1813, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1926, December 15, no 1836, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1927, May 4, no 1953, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1927, August 3, no 2029, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1928, January 4, no 2159, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1928, March 14, no 2219, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1928, June 13, no 2292, pp. 2–3. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Otrazheniya. O poeme Bloka “Dvenadtsat” [Reflections. On Blok’s poem “Twelve”]. *Rannee utro*, 1918, 27 iyunya, no 117, p. 4. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. Siluety russkikh pisatelei. Vstuplenie [Silhouettes of Russian writers. An introduction]. Aikherval'd Iu.I. *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Terra Publ. Respublika Publ., 1998, vol. 1, 304 p. (In Russ.).

Aikherval'd Iu. V interesakh nauki [In the interests of science]. *Rannee utro*, 1918. June 12, no 105, p. 1. (In Russ.).

Berkovskii N.Ia. *O russkoi literature: sbornik statei* [About Russian literature: a collection of articles]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, 381 p. (In Russ.).

Bunin I.A. Okaiannye dni [Cursed days]. Bunin I.A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 6* [Complete works: in 13 volumes. Vol. 6]. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, pp. 275–387. (In Russ.).

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Journalism of 1918–1953], ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, Nasledie Publ., 2000, 640 p. (In Russ.).

“Esli khotite menia pechatat’, terpiti”: I.A. Bunin / Publ. i primech. O.A. Korosteleva i M. Shruby; vstupit. stat’ia O.A Korosteleva [“If you want to publish me, bear with me”: Ivan Bunin, publ. and comment. by O.A. Korostelev and M. Shruba; introd. by O.A. Korostelev]. “*Sovremennye zapiski*” (*Parizh*, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Modern notes” (Paris, 1920–1940). From the editor’s archive], ed. by O. Korostelev and M. Shruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. 2, pp. 697–933. (In Russ.).

Gippius Z. O liubvi [About love]. *Poslednie novosti*, 1925, July 2, no 1591, pp. 2–3. (In Russ.).

Il’in I. *O t’me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki: Bunin. Remizov. Shmelev* [On darkness and enlightenment. Book of literary criticism: Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 1991, 211 p. (In Russ.).

- Kameneckii B. [Rets. na kn.:] V. Maiakovskii. Veshchi etogo goda [[Book review:] V. Maiakovskii. Things of this year]. *Rul'*, 1924, February 3, no 962, p. 7. (In Russ.).
- Kameneckii B. Bezdukhovnost' [In spirituality]. *Rul'*, 1924, January 20, no 950, p. 2. (In Russ.).
- Kameneckii B. Dukhovnye ehmigranty [Spiritual emigrants]. *Rul'*, 1923, July 2, no 785, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Karfagen ili Kanossa [Carthage or Canossa]. *Rul'*, 1923, July 15, no 797, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1923, April 15, no 722, pp. 10–11. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1923, April 29, no 734, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1923, July 11, no 791, pp. 6–7. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1924, March 30, no 1010, p. 2. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1924, July 23, no 1104, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1924, September 3, no 1140, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1924, October 15, no 1176, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1925, February 11, no 1274, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*, 1925, July 22, no 1408, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Otsenka revoliutsii [Evaluation of the revolution]. *Rul'*, 1923, December 16, no 923, pp. 2–3. (In Russ.).
- Kameneckii B. Volodia i Mitia [Volodia and Mitia]. *Segodnia*, 1925, July 26, no 163, p. 9. (In Russ.).
- Kochergina I.V. K voprosu ob otsenke russkoi revoliutsii v kritike i publitsistike Iu.I. Aikhenval'da [To the question of the rating of Russian revolution in criticism and journalism of Iu. Aikhenval'd]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Tambov), 2017, no 11 (77), in 3 parts, part 3, pp. 25–30. (In Russ.).
- Koniushenko E.I. *Literaturnye sviazi I.A. Bunina: problema tvorcheskogo samoopredeleniya: diss. ... kand. filol. nauk* [Literary connections of Ivan Bunin: the problem of creative self-determination: PhD thesis]. Tomsk, 1993, 160 p. (In Russ.).
- Kuznetsova G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy* [Grasse diary. Stories]. Ed. by A.K. Babo-reko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 416 p. (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 2 (1910–1919)* [A chronicle of life and works of Ivan Bunin. Vol. 2 (1910–1919)], ed. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, 1184 p. (In Russ.).
- Reitblat A.I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Write across: articles on biographics, sociology, and literary history]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 416 p. (In Russ.).

Ripping M. *Literaturnaia kritika Iu.I. Aikhenval'da perioda emigratsii: diss... kand. filol. nauk* [Literary critic of Iu.I. Aikhenval'd of the emigration period: PhD thesis]. Ivanovo, 2003, 186 p. (In Russ.).

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins. Diaries of Ivan and Vera Bunin and other archive materials. In 3 vols.]. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.).

Vasil'ev O. *Kramol'nyj Aikhenval'd* [Seditious Aikhenval'd]. *Vozrozhdenie*, 1929, January 3, no 253, p. 3. (In Russ.).

**IVAN BUNIN'S EMIGRATION PROSE
FROM IULII AIKHENVAL'D POINT OF VIEW
(BASED ON THE EMIGRANT PRESS MATERIALS)**

© 2019, IRINA KOCHERGINA

Abstract: The article deals with the relationship between Ivan Bunin and Iulii Aikhenval'd before Revolution and their personal and creative connections afterwards. The author aims to show that they often displayed similar attitude towards politics and general questions and tries to give the reason for such agreement. Also, a survey of all the critic's papers on Bunin's emigration works is given, their principal features revealed. The author concludes that Aikhenval'd's critical reviews were important for the writer, while his thoughts were subsequently developed in further Russian emigration literary criticism.

Keywords: Iulii Aikhenval'd, Ivan Bunin, emigration, criticism, Russian emigration.

Information about the author: Irina Kochergina, PhD, teacher, School 57, Moscow.
E-mail: irepismo@yandex.ru

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА: ИВАН БУНИН И АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

© 2019, А.Л. ГОРОБЕЦ

Аннотация: На материале дневниковых записей, воспоминаний и писем в статье воссоздается история взаимоотношений Ивана Бунина и Антонина Ладинского в межвоенном Париже в 20–30-е гг. XX в. В то время как И. Бунин был признанным мэтром русской литературы и представителем «старшего» поколения в литературной иерархии русской эмиграции, в середине 20-х гг. А. Ладинский только осуществлял свои первые литературные публикации. О том, как развивались взаимоотношения литераторов и представителей разных литературных поколений и какое влияниеоказал Бунин на Ладинского, свидетельствуют ранее не публиковавшиеся материалы: письма, дневники, рукописи мемуаров «Встречи с Буниным» и «Парижские воспоминания» Антонина Ладинского. Статья основана на неопубликованных материалах из личного архива Буниных, хранящегося в Русском архиве Лидса, и личном фонде А. Ладинского, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.П. Ладинский, архивные материалы, эмиграция, литературные поколения, взаимоотношения «старших» и «младших», эгодокументы, дневники, мемуары, письма, межвоенный Париж.

Информация об авторе: Анастасия Леонидовна Горобец — магистр философии, Венский университет (Австрия), Universitätsring 1, 1010 Wien, Österreich. E-mail: anastasija.gorobez@univie.ac.at

В судьбах первого нобелевского лауреата в истории русской литературы, академика Ивана Бунина и его младшего современника, поэта и писателя, реэмигранта Антонина Ладинского «железные занавесы» опускались неоднократно, то объединяя их по одну сторону, то разводя в противостоящие лагеря. Впервые Бунин и Ладинский встретились в Париже, вынесенные потоком послеоктябрьской эмиграции за пределы России и ставшие частью литературного процесса эмигрантского Парижа. Как и для многих парижских младоэмигрантов, то есть поэтов и писателей формально начавших свое литературное творчество за пределами России, для Ладинского Иван Бунин был не только знаменитым писателем, признанным мэтром, представителем «старшего» поколения, что было немаловажно для эмигрантской литературной иерархии, но и живым источником богатого русского языка¹. Знакомство

¹ Помимо Антонина Ладинского общением и профессиональным мнением Бунина чрезвычайно дорожил начинающий автор Владимир Набоков, который в начале литературной карьеры посыпал Бунину свои стихотворные тексты и писал проникновенные письма: «посылаю вам несколько — наудачу выбранных — стихотворений и пользуюсь случаем сказать вам, как ободрило меня то, что писали вы о моем робком творчестве, — тем более, что хорошие

Ладинского с Буниным-писателем произошло в школьные годы. Еще будучи гимназистом Псковской гимназии Антонин Ладинский (род. 1895) зачитывался произведениями Бунина, бывшего к 10-м годам XX века уже знаменитым писателем. В рукописи неопубликованных «Парижских воспоминаний», написанных Ладинским в 1955 г. в Москве, есть свидетельство о роли Бунина в формировании писательской биографии Ладинского:

«В наши гимназические годы Бунин был одним из тех, кто научил нас, гимназистов, изнывавших на уроках словесности, любить русскую литературу. У многих из нас он даже зародил мечту самим стать писателями, хотя тогда и казалось, что писатели — люди совершенно другого порядка, полубоги. Мы жили в провинциальных городах, где вяло тянулась серенькая жизнь. Какое событие было в доме, когда приходил бородатый почтальон, весь в инее, в башлыке, и вынимал из кожаной сумки очередной номер “Нивы” и в виде “приложения” к нему книгу Бунина или Куприна.

...

Слава Бунина в те годы была уже всероссийской. В те годы нам казалось, что поэтами и писателями могут быть только отдельные счастливые избранные судьбы. Позднее мы поняли, что это не только счастье, но и тяжкий и ответственный перед народом труд. Бунин был одним из тех, у кого нужно учиться этому литературному труду»¹.

Личное знакомство Ладинского с Буниным состоялось вскоре после переезда Ладинского из Египта в Париж в 1924 г. В Египте Ладинский оказался в 1920 г. с остатками армии Деникина на госпитальном судне и находился в союзническом лагере для беженцев Тель-эль-Кибир, в который попал кроме того и Иван Билибин. Именно под влиянием Билибина формируются египетские впечатления Ладинского, определившие впоследствии возникновение не только устойчивого поэтического мотива, но и целого ряда рассказов и очерков, публиковавшихся в газете «Последние новости» и вызвавших особенный интерес Бунина.

Слова эти исходят именно от вас — единственного писателя, который в наш кощунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чуя прекрасное во всем <...>. Простите, что так неладно выражаясь: это так же трудно, как признанье в любви» (*Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 33–34*). Набоков был первым рецензентом первого стихотворного сборника Ладинского «Черное и голубое», опубликованного в Париже в 1931 г. в издательстве «Современные записки». Эта рецензия, появившаяся в газете «Руль» под псевдонимом Владимир Сирин уже 28 января, была первым отзывом на творчество Ладинского в печати. В своей рецензии Набоков не только выделяет Ладинского среди «молодых» поэтов, но и отмечает в его стихах влияние Бунина, не замеченное ни одним другим рецензентом (*Набоков В. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. 28 января. № 3092. С. 2*).

¹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 10, 11. Рукопись «Парижских воспоминаний» сохранилась в нескольких вариантах. До настоящего времени была осуществлена публикация отдельных отрывков текста в альманахе «Встречи с прошлым» (*Ладинский А. О. Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... (Из «Парижских воспоминаний А.П. Ладинского) / Публ. Е. Филькиной. Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 214–226*).

Сохранилась записка Бунина от 27 июня 1932 г., отправленная Ладинскому после появления в газете очерка «Письмо из Египта»¹: «Дорогой Антонин Петрович, жму Вашу руку и целую Вас за “Письмо из Египта”. Ив~~ан~~ Бунин»². 4 июля Ладинский пишет Бунину ответное письмо из Ля Фавье в Провансе³:

Ant~~<онин>~~ Ladinsky
 La Favière
 par
 Bormes
 Var

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Сердечно благодарю Вас за внимание, которое Вы оказали моей маленькой вещице о Египте и которое мною не заслужено. Теперь я живу (на 2 месяца — с ногой неприятности) совсем недалеко от Вас и, может быть, найду случай явиться к Вам на поклон. Здесь — чудесно. Я впервые на юге Франции и в восторге от моря, от воздуха, солнца и цикад.

Мой низенький поклон Вере Николаевне, Галине Николаевне и Леониду Федоровичу⁴.

Позвольте мне крепко пожать Вашу руку. Большое Вам спасибо за карточку, я буду ее хранить, как зеницу ока.

Преданный Вам Ант~~<онин>~~ Ладинский⁵.

Бунин откликнулся на это письмо приглашением в Грасс на виллу Бельведер, Ладинский поблагодарил его открыткой от 21 июля с видом морского курорта Лаванду:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

спасибо Вам за любезное приглашение. Очень бы хотелось побывать у Вас, но не знаю удастся ли это. Позвольте пожать Вашу руку.

Преданный Вам Ант~~<онин>~~ Ладинский⁶.

¹ Последние новости. 1932. 26 июня. № 4113. С. 5.

² РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56.

³ В Ля Фавье департамента Вар приобрели земельные участки и построили небольшие дачные домики Иван Билибин с женой Александрой Щекатихиной-Потоцкой, Саша Черный с женой Марией Гликберг, Павел Милюков и многие другие. Ладинский с женой Татьяной снял комнату и провел в 1932 г. в русском поселении в Ла Фавье 2 месяца (с 1 июня до 2 сентября), став свидетелем смерти Саши Черного (А.М. Гликберга) 5 августа.

⁴ Имеются в виду, помимо Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, Галина Кузнецова и Леонид Зуров, жившие с Буинными в Грассе.

⁵ РАЛ. MS 1066/3509.

⁶ РАЛ. MS 1066/3504. Примечательны комментарии Бунина, сделанные на открытке цикламеновой шариковой ручкой. Он не только исправляет орфографическую ошибку, сделанную

Факт написания письма Бунину Ладинский фиксирует в дневнике: «4 июля. В 4 часа пойдем купаться. Ответил Бунину на его хвалебное письмо, написанное на карточке—фотографии по поводу моего “Письма из Египта”»¹.

Однако, несмотря на кажущуюся нежность, доверительные отношения между Буниным и Ладинским сложились не сразу. «Молодому» поколению приходилось в середине 20-х годов еще отстаивать свои права. По инициативе и при активном участии Ладинского, Ю. Терапиано, Д. Кнута, В. Мамченко и В. Андреева в 1925 г., как известно, был создан Союз молодых поэтов и писателей в Париже, призванный защищать в первую очередь право «молодого» поколения на существование и публикации². В 1926 г. Ладинский стал председателем Союза, в том же году стихотворения Ладинского начинают печатать сразу несколько журналов: после парижского «Звена» они появляются в «Современных записках», пражских «Воле России» и «Своими путями», рижских «Перезвонах». На июньский номер журнала «Своими путями» (№ 12/13), в котором было напечатано стихотворение Ладинского «Сентиментальный корабль», Бунин реагирует одноименной заметкой в газете «Возрождение» от 22 июля: «Плохие пути, горестный уровень! Правда, имена, за исключением Ремизова, все не громкие <...>. Правда, все это люди, идущие путями “новой” русской культуры, недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка?»³

Приводя затем примеры опубликованных в номере стихотворений «молодых» поэтов, Бунин упоминает и Ладинского, подражавшего, по его мнению, Тредиаковскому. По свидетельству Юрия Софиева «самолюбивый Ладинский очень обиделся и рассердился на Бунина. Быть “каким–то неизвестным” Ладинским для Бунина он не мог. Они были не только знакомы, но и постоянно встречались на литературных вечерах “Зеленой Лампы”, а по воскресеньям и за чайным столом у Мережковских. <...> При первой же встрече Антонин свои справедливые обиды Бунину высказал и, рассказывая об этом, прибавлял: “И знаете, Бунин извинился?”»⁴.

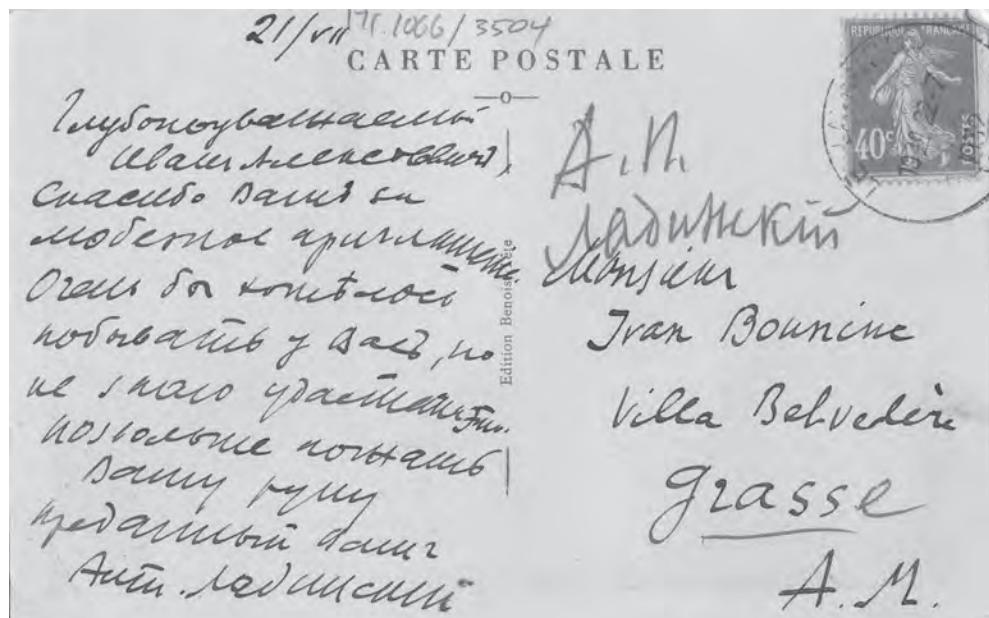
Ладинским в адресе (Ладинский пишет «Grass» вместо «Grasse»), но и дополнительно надписывает имя отправителя «А.П. Ладинский» и название курорта на лицевой стороне открытки по-русски «Лаванду». Различного рода маргиналии содержат и другие письма Ладинского.

¹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 48 об.

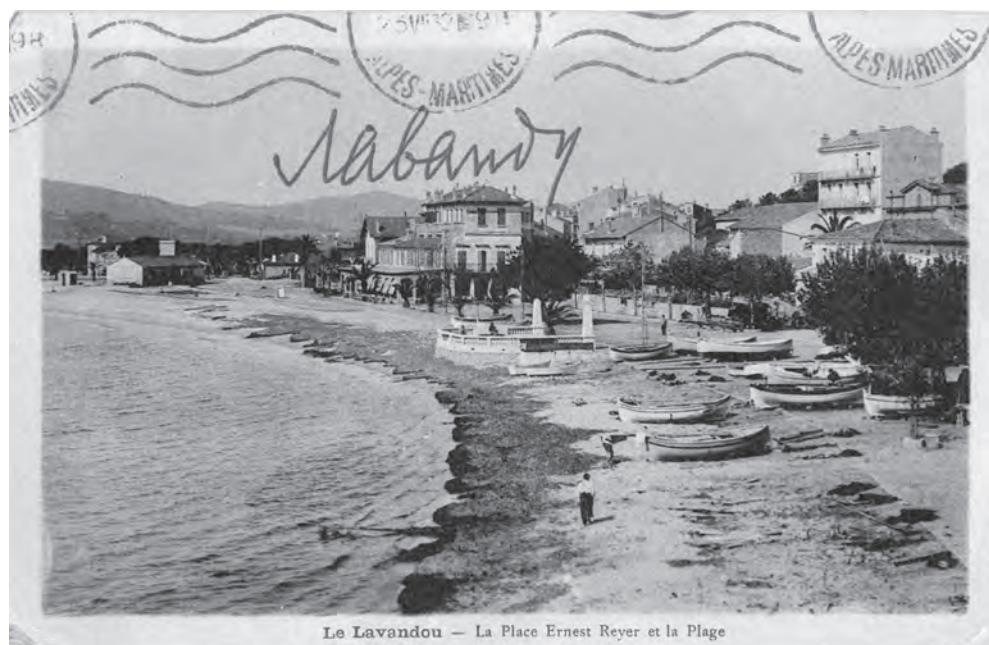
² Союз молодых поэтов и писателей являлся организацией профессионального типа и не выдвигал никакой определенной литературной программы, благодаря чему мог объединять в своей среде представителей самых различных школ и направлений. См. об этом: Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971 / Вступит. статья, сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М.: Intrada, 2002. С. 166.

³ Бунин И. «Своими путями» // Возрождение. 1926. 22 июля. № 415. С. 3.

⁴ Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Чернова. Алматы, 2013. С. 52. «В начале эмиграции, может быть, в течение первого десятилетия до начала 30-х годов, многие “старики”, “маститые” писатели, в том числе и Иван Алексеевич, не особенно милостиво и внимательно

Открытка А. Ладинского к И. Бунину из Лаванду в Грасс от 21.07.1932 г. с приписками И. Бунина, сделанными цикламеновой шариковой ручкой позже, предположительно в конце 1940-х гг. (РАЛ. MS 1066/3504b)

Лицевая сторона открытки А. Ладинского к И. Бунину. (РАЛ. MS 1066/3504a)

На бунинскую открытку с извинениями Ладинский ответил следующим письмом:

18 av. des Gobelins V.
4/VIII/26.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

меня в высшей степени тронуло, что Вы мне написали. Ваше письмо я сохранию, как память о Вашем благородном характере. Я очень рад, что вся эта история с «избиением младенцев» так закончилась. Позвольте пожать Вашу руку и примите уверения в моем искреннем и глубоком уважении.

Ант~~онин~~ Ладинский¹.

Несмотря на поколенческие разногласия и необходимость отстаивать позиции «молодых» Ладинский в дневнике критически оценивал вклад «молодого» поколения в литературный процесс, отдавая пальму первенства Бунину:

В «Рожд~~ественском~~» номере мой рассказ². Хвалят. Но я-то знаю, что <...> так писать для российской литературы нельзя, как и многим другим. Молодой писатель Я~~нов~~ский как-то сказал: Бунин — это трансатлантический пароход, а мы (молодые) — ракета в межпланетные пространства, на луну.

Гордо звучит. Я лично боюсь, что пароход «Бунин» вполне стоящий пароход, не «Чехов», конечно, и не «Толстой», а вот наши ракеты едва ли долетят до луны. М~~ожет~~ б~~ыть~~, какая-нибудь одна и долетит, но большинство упадут в лужу, пошипят и потухнут³.

На превосходстве Чехова над Буниным Ладинский продолжает настаивать двадцать лет спустя в Москве, вспоминая встречи с Буниным в Париже:

Бунин был безусловно умным человеком, но с хитринкой и был о себе очень высокого мнения. Премию он получил, конечно, по заслугам. Ее можно было бы дать ему за один рассказ «Человек из Сан-Франциско». Но едва ли он написал бы его, если бы не было примера Чехова. Чехов, на мой взгляд, был гениальнее. Однажды на Монпарнасе зашел спор о Чехове и Бунине. А~~дамович~~ из сnobизма или чтобы Ив~~ану~~ Алексеевичу передали, доказывал, что Бунин «выше» Чехова. Я яростно протестовал. Очевидно Бунину рассказали об этом диспуте. Как-то мы встретились с ним на каком-то литер~~атурном~~

относились к так называемому “молодому поколению” литераторов <...>. Этому поколению пришлось употребить много усилий, упорства и настойчивости для своего самоутверждения в эмигрантской литературной среде» (там же).

¹ РАЛ. MS 1066/3503.

² Рассказ знакомого // Последние новости. 1935. 25 декабря. № 5389. С. 5.

³ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 27, 27 об.

собрании. Бунин подошел, поздоровался и, глядя куда-то в сторону, очевидно ему было все-таки неловко, сказал: «Ведь что Чехов, Чехов все в одну дудку. А я... разнообразен». Я не выдумал эту историю и мне не для чего было бы ее выдумывать. Я так растерялся, что не нашелся ничего сказать, чтобы оправдаться к^{<а>}к-нибудь в его глазах, п^{<отому>} ч^{<то>} всегда ценил его талант¹.

Присуждение Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 г. стало для всей русской эмиграции событием чрезвычайно важным, широко отмечавшимся и взволновавшим умы всей русской диаспоры. Ладинский узнал о присуждении премии одним из первых в редакции «Последних новостей» 9 ноября и отправил Бунину 11 ноября поздравительное письмо:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

среди всяких блестящих приветствий примите и мое скромное поздравление. Так приятно за Вас и за русскую литературу. Приятно и то, что премию получил такой независимый и гордый русский человек, как Вы.

Почтительно целую руку Вере Николаевне и поздравляю с именинником. Какой это праздник для Вас и Ваших друзей!

Преданный Вам Ант^{<онин>} Ладинский².

К радости от получения премии первым русским писателем в истории литературы примешивались ревность соперничества (на Нобелевскую премию претендовало сразу несколько эмигрантских писателей)³ и различного рода обиды и претензии⁴. Ладинский вспоминает, уже будучи в Москве, о найден-

¹ «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. Л. 34 об.). Г. Адамович опубликовал в октябре 1933 г. в журнале «Современные записки» статью «Лица и книги», в которой он в частности утверждал о Бунине следующее: «Замечательный писатель. Оглядываясь и подводя итоги, надо признать, что в области чистой “беллетристики” это лучшее наше достояние со времен Толстого... Не исключая и Чехова, насчет которого, скажу мимоходом, я лично еще остаюсь при “особом мнении”, — вопреки теперешнему хорошему тону, требующему преклонения» (Адамович Г. Лица и книги // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 326).

² РАД. MS 1066/3505. Около даты — 11.11.1933 — в правом углу письма схематично нарисована Буниным улыбка.

³ Об обстоятельствах получения Буниным Нобелевской премии и других кандидатах на премию см.: Марченко Т. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017.

⁴ 9 ноября 1934 г. В.Н. Бунина сделала в дневнике следующую запись: «Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали, или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 3. С. 12). Об обстоятельствах вручения Нобелевской премии и возникших после присуждения премии многочисленных

ной им во время дежурства в редакции «Последних новостей» открытке Бунина, адресованной Михаилу Осоргину:

Я как-то разбирал почту в редакции «Последних новостей». Вдруг на глаза попалась открытка, самая обыкновенная открытка, но на ней стояло не-приличное заборное слово и подпись: Ив^{<ан>} Бунин. Я не мог не прочитать ее. Тем более, что все содержание открытки составляли два слова: «Выкусил...»

Дело в том, что на премию метили и другие эмигрантские писатели. В том числе О^{<сорги>}н, пославший в Стокг^{<ольмский>} унив^{<ерситет>} свои произведения. Это возмутило Б^{<унина>}. Получив премию, он адресовал открытку сопернику. Я спрятал открытку в карман и при случае передал О^{<соргину>}. Тот прочел, покраснел, и с гримаской спрятал открытку, поблагодарив меня, когда я сказал, что не могу ее не передать ему и что ее никто не читал.

Хотелось получить премию и Мережковскому. Говорят (да, я, кажется, сам от М^{<ережковского>} слышал, когда еще, до войны, водил с ним знакомство), что М^{<ережковский>} предложил Б^{<унину>} перестраховку: разделить премию, если кто-нибудь из них двоих ее получит. Бунин отказался¹.

Хотя Ладинский и не входил в состав близкого окружения Бунина, однако он имел возможность регулярного общения с мэтром эмигрантской литературы на протяжении всего четвертьвекового пребывания в Париже с 1924 по 1950 гг. Их встречи происходили в монпарнасских кафе, в эмигрантских салонах, на литературных вечерах, на многочисленных балах русской эмиграции, публичных выступлениях, театральных представлениях, в редакции газеты «Последние новости», в приемной которой состоял на службе Ладинский и постоянными авторами которой были оба писателя. Бунин был постоянным гостем на поэтических вечерах Ладинского и председательствовал на одном из таких вечеров, который состоялся 16 апреля 1935 г. в «Очаге русской культуры» на av. de Tokyo. В своем дневнике Ладинский оставил свидетельство этого события:

амбивалентных реакциях и материальных претензиях см.: Белобровцева И. Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // Русская литература. 2007. № 4. С. 158–168; Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981; Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Изд-во «Нового русского слова», 1962; Кузнецова Г. Грасский дневник / Вступит. статья, comment. О. Демидовой. М.: Изд-во АСТ, 2017; Струве Г. Историко-литературные заметки: К истории получения И.А. Буниным Нобелевской премии // Записки Российской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. Т. 1; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «... Когда переписываются близкие люди» (Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961) / Сост., ред., подгот. текста О. Коростелева, Р. Дэвиса, Е. Пономарева. М.: Русский путь, 2014.

¹ «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 35).

<...> сегодня мой вечер. Народу очень много, прибывает и прибывает. Явился Бунин, согласившийся председательствовать. Перед началом разговор с Буниным:

— Трудно писать римские романы. Это все квовадисы¹ нагадили. Ну, что ж напишишь. Опять загородный пир и ветерок колебал пламя светильник<a>... Римляне возлежали...

— Да ведь они в самом деле возлежали.

— Да возлежали. Без портока.

Бунин выглядит не плохо, такой же барин, как всегда. Еще присутствуют: Алданов, Тэффи, Ходасевич, Зайцев, Бенуа, Билибин, Гронский, Вейдле, Адамович... Мережковские отказались прийти из-за Бунина. Будто бы они встретили его, а он на другую сторону перебежал.

Наконец поднялись на эстраду. Б<унин> за стол. Я стоя прочел “византийские” рассказы: Анна, сестра Василия II, осада Корсуня, обряд рукоположения друнгария адмирала виз<антийского> флота и т.д.² Очень много по этому поводу прочел. Ходил в Библ<иотеку> Института славянских языков на ул. Michelet. Там так приятно: книги, каждому отдельный удобный стол. Рассказы, очевидно понравились, похлопали. Потом стихи. В общем — «самый удачный вечер сезона». «Заработал» — около 1000 фр<анков>³.

На следующий день 17 апреля Ладинский послал Бунину письмо с благодарностью за участие в его вечере:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за оказанное мне внимание. Вчера Вы председательствовали на моем вечере, были аплодисменты, а сегодня опять телефон, коридор, и доклады по начальству. C'est la vie, как сказал по-французски Расин.

¹ Имеется в виду «Quo vadis» («Камо грядеши») — исторический роман Генрика Сенкевича о Древнем Риме эпохи императора Нерона, преследованиях христиан и сожжении Рима. Роман был опубликован на русском языке полностью в 1896 г., переведен на многие языки и стал мировым бестселлером. В 1905 г. Г. Сенкевич был удостоен Нобелевской премии по литературе. К 1935 г. было осуществлено 2 экранизации романа в 1901 и в 1913 гг.

² Ладинский работал в это время над романом «XV легион» из истории падения Римской империи эпохи императора Каракаллы, напечатанном в Таллине в 1937 г., и романом «Голубь над Понтом» из истории Византии X в. о византийской принцессе Анне Порфирогените, ее браке с князем Владимиром и принятии им христианства, опубликованном также в Таллине в издательстве «Русская книга» в 1938 г. К корпусу византийских текстов могут быть отнесены «Анна Багрянородная» (Последние новости. 1935. 28 апреля. № 5148. С. 3), «Борисфен, река скифов» (Русские записки. 1937. № 2. С. 59–71), «В либрарии Прокопия» (Последние новости. 1934. 7 октября. № 4945. С. 4), «В Херсонесе Таврическом» (Последние новости. 1935. 2 июня. № 5183. С. 4), «Падение Константинополя» (Иллюстрированная Россия. 1931. № 34. С. 8–10), «Под стенами Херсонеса» (Иллюстрированная Россия. 1938. № 23. С. 6–7) — глава из романа «Голубь над Понтом».

³ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 15, 15 об.

Позвольте мне пожать Вашу руку.

Преданный Вам навсегда Ант^{<онин>} Ладинский.

В сутолоке я потерял Вас и даже ничем не угостил¹.

Начало Второй мировой войны и оккупация Парижа привели к массовому отъезду из Парижа представителей русскоязычной диаспоры и закрытию эмигрантских периодических изданий. Последние из них прекратили свое существование в 1940 году, 6 июня 1940 г. вышел последний номер «Последних новостей». Вместе с редакцией газеты Ладинский был эвакуирован в Пуатье, жил затем в Оверне и обращался к своим знакомым, находящимся вне зоны оккупации, с просьбой прислать ему необходимые для пересечения демаркационной линии документы, намереваясь отправиться на юг Франции. Одним из знакомых был И.А. Бунин. 19 сентября 1940 г. Ладинский пишет Бунину письмо из Бертолена департамента Аверон, входящего в состав административного региона Овернь:

19 сент^{<ября>} 1940
 Banc
 par Bertholène
 (Aveyron)

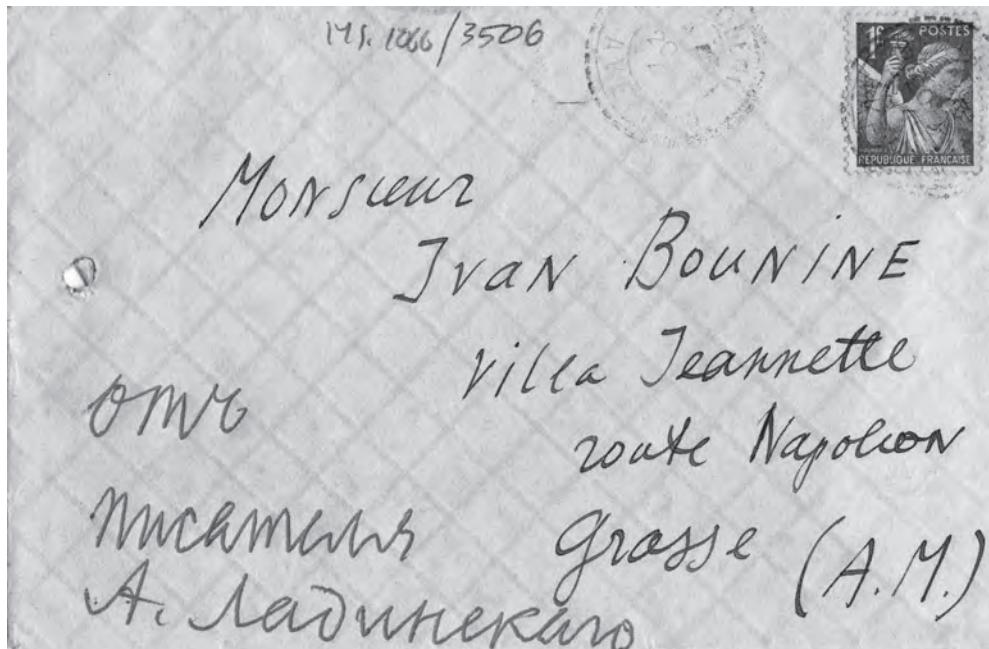
Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич,

Вот уже скоро 3 месяца, к^{<а>} я живу в глухой овернской деревушке и, вероятно, все мои добрые знакомые даже забыли, что существует на свете такой человек, по фамилии Ладинский. Теперь я решился напомнить Вам о своем существовании.

Помню, что иногда Вы адресовали мне ласковое слово и позволю себе обратиться к Вам с просьбой. Хотелось бы перебраться в департ^{<амент>} Alpes-Maritimes. Не могли бы Вы прислать мне certificat d'hébergement², которое я должен приложить к прошению для префекта. Здесь я прожил благополучно несколько недель, но теперь начинают идти дожди, скука смертельная и не с кем слова сказать. Единственный приятель мой собака Тигру. Хотелось бы поселиться где-нибудь недалеко от Грасса или в самом Грассе.

¹ РАЛ. MS 1066/3570. Ладинский часто сетовал на свое место работы в приемной редакции «Последних новостей»: «его любимым рефреном стали иронические слова — “Мы — телефонисты”, за которыми подразумевалось “где уж нам!”» (Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. С. 147); «Затерли нас, задавили. На лакейской должности состою. А вы вот — машинисткой. Была бы Россия, были бы у нас виллы в Крыму, да не от дедушки или папаши, а собственные, благоприобретенные, были бы мы знаменитыми. А теперь один хам даже на чай дал» (Берберова Н. Курсив мой. München: Fink, 1972. С. 321–322). Г. Кузнецова записывает со слов Г. Адамовича: «О Ладинском говорил, что несмотря на все хвалебные рецензии о нем, он все недоволен. Сидит под телефоном в “Последних новостях” вот так (он, показывая, плачевно подпирает голову рукой и говорит “Все равно Блоком не быть!”» (Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 2017. С. 214).

² Свидетельство о месте жительства, прописке.

Конверт письма А. Ладинского И. Бунину от 19.09.1940 г. из Бертолена в Грасс с поздней припиской И. Бунина цикламеновой шариковой ручкой.
(РАЛ. MS 1066/3506с)

Тут, если угодно, даже поэтично. Какие волы! Какие дома с очагами! От скуки пишу (для своего собственного удовольствия), но дальше становится невмоготу.

В Париж возвращаться очень бы не хотелось. Что там делается, я не знаю. И вообще в этой деревушке я отрезан от всего мира. Очень было бы приятно получить от Вас весточку.

Итак, дорогой Иван Алексеевич, вспомните о Вашем адъютанте по бальной части и помогите бедному служителю муз. С нетерпением жду от Вас ответа.

Привет Вере Николаевне и всем Вашим.

Хотелось бы знать также, где сейчас Mme Marcus (Часинг¹)!

Преданный Вам

Ант^{<онин>} Ладинский².

¹ Лидия Часинг (Tschassing-Marcus), урожд. Лидия Викторовна Арсеньева — писательница, состояла в дружеских отношениях с Ладинским и входила в круг знакомых Буниных. Ладинский написал рецензию на книгу рассказов Арсеньевой «Концерт», опубликованную в журнале «Современные записки» № 65 за 1937 г. В эссе «О Куприне» Арсеньева упоминает о своих встречах с Ладинским и описывает обстоятельства несостоявшейся дуэли между Куприным и Ладинским, свидетельницей которых она стала (Арсеньева Л. О Куприне // Границы. 1959. № 43. С. 125–131).

² РАЛ. MS 1066 /3506.

Бунин прислал Ладинскому ответную открытку из Грасса, датированную 25 сентября 1940 г.:

Дорогой Антонин Петрович,

очень рад был получить от Вас весть и рад буду видеть Вас в наших местах.
Приглашение послать Вам, увы, никак не могу — делал их уже слишком много
и на меня, при засвидетельствовании моей подписи, стали уже косо смотреть.
<...>

Ив~~ан~~ Бунин¹.

Бунин предложил адрес живущего по соседству знакомого — отца Лидии Часинг, который обещал помочь, Ладинский, однако, вернулся в Париж и провел всю войну в оккупированном городе. Но история взаимоотношений Ладинского и Бунина и, тем более, влияния Бунина на судьбу Ладинского на этом не заканчивается.

Архивы

Личный фонд Антонина Петровича Ладинского. Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1, 2).

Архив Ивана и Веры Буниных. Ivan Bunin Papers and Vera Bunina Papers. The Leeds Russian Archive. Brotherton Library. University of Leeds (РАЛ. MS 1066, 1067).

Литература

Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Знамя. 1988. Кн. 4. С. 178–191.

Адамович Г. Лица и книги // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 324–334.

Алданов М. Письма к И.А. и В.Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 80–81. С. 258–287.

Арсеньева Л. О Куприне // Границы. 1959. № 43. С. 125–131.

Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. 206 с.

Белобровцева И. Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // Русская литература. 2007. № 4. С. 158–168.

Берберова Н. Курсив мой. München: Fink, 1972. 709 с.

Бунин И. «Своими путями» // Возрождение. 1926. 22 июля. № 415. С. 3.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. 536 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди». (Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой

¹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1. Часть открытки вместе с маркой и частью текста отрезана.

и М.А. Степун. 1934–1961) / Сост., ред., подгот. текста О. Коростелева, Р. Дэвиса, Е. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

И.А. Бунин: *Pro et contra* (Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей). Антология / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, comment. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинягиной, А.Я. Лапидус. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2001. 1001 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Изд-во «Наука», 1973. Кн. 1. 696 с.

Варшавский, В. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь. 2010. 544 с.

Горобец А. Метаморфоза текста или метаморфоза сознания в творчестве Антонина Ладинского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34. С. 243–253 (Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf).

Горобец А. «После смерти» Антонина Ладинского // *Rossica*. 2012. С. 189–199.

Грин М. (публ.) Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным // Новый журнал. 1980. № 140. С. 157–181.

Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и развернутый указ. имен О. Коростелева. Т. 2: Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. 512 с.

Классик без ретуши: литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н. Мельникова. М.: Книжица, Русский путь, 2010. 928 с.

Кузнецова Г. Грасский дневник / Вступ. ст., comment. О. Демидовой. М.: Изд-во АСТ, 2017. 464 с.

Ладинский А. О Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... / Под ред. Е. Филькиной // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1988. Вып. 6. С. 214–228.

Ладинский А. Письмо из Египта // Последние новости. 1932. 26 июня. № 4113. С. 5.

Ладинский А. Рассказ знакомого // Последние новости. 1935. 25 декабря. № 5389. С. 5.

Ладинский А. Лидия Арсеньева (Чассинг): Концерт // Современные записки. 1937. № 65. С. 433.

Марченко Т. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник. 2017. 671с.

Набоков В. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. 28 января. № 3092. С. 2.

Седых А. Далекие, близкие. New York: Изд-во «Нового русского слова», 1962. 265 с.

Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Чернова. Алматы, 2013. 244 с.

Струве Г. Историко-литературные заметки: 2. К истории получения И.А. Буниным Нобелевской премии // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. Т. 1. С. 134–147.

Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971 / Вступит. статья, сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М.: Intrada, 2002. 384 с.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.

Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.

Archives

Personal stock of Antonin Ladinskii. RGALI. F. 2254. Op. 1, 2.

Ivan and Vera Bunin archive. The Leeds Russian Archive. Brotherton Library. University of Leeds (RAL. MS 1066, 1067).

References

- Adamovich G. Bunin. Vospominaniia [Bunin. Memoirs]. *Znamia*. 1988. Bk. 4, pp. 178–191.
- Adamovich G. Litsa i knigi [Faces and books]. *Sovremennye zapiski*. 1933. Bk. 53, pp. 324–334.
- Aldanov M. Pis'ma k I.A. i V.N. Buninym [Letters to Ivan and Vera Bunin]. *Novyi zhurnal*. 1965. No 80–81, pp. 258–287.
- Arsen'eva L. O Kuprine [On Kuprin]. *Grani*. 1959. no 43, pp. 125–131.
- Bakhraph A. Po pamiatu, po zapisiam: Literaturnye portrety [By memory, by faces. Literary portraits]. Paris, La presse libre, 1980. 206 p.
- Belobrovtseva I. Nobelevskaia premiia v vospriiatii I.A. Bunina i ego blizkikh [Nobel prize as seen by Bunin and his relatives]. *Russkaia literatura*. 2007. no 4, pp. 158–168.
- Berberova N. *Kursiv moi* [Cursive is mine]. München, Fink Publ., 1972. 709 p.
- Bunin I. “Svoimi putiami” [“By his own ways”]. *Vozrozhdenie*. 1926. July 22, no 415, p. 3.
- I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. I* [Ivan Bunin. New materials. Issue I]. Ed. by O. Korostelev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p.
- I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II* [Ivan Bunin. New materials. Issue II]. Ed. by O. Korostelev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 536 s.
- I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: «... Kogda perepisyvayutsya blizkie lyudi».* *Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun.* 1934–1961 [Ivan Bunin. New materials. Issue III: «...when close persons correspond»: Letters of Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov to Galina Kuznetsova and Margarita Stepun. 1934–1961]. Series eds. O. Korostelev and R. Davies, ed. by E. Ponomarev and R. Davies, articles by E. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.).
- I.A. Bunin: Pro et contra (Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei). Antologija* [Ivan Bunin: Pro et contra (Personality and works of Ivan Bunin as seen by Russian and foreign thinkers and researchers). An anthology]. Ed. by B.A. Averin, D. Riniker, K.V. Stepanov; comment. by B.V. Averin, M.V. Virolainen, D. Riniker, bibliogr. by T.M. Dviniatina, A.Ia. Lapidus. Saint Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2001. 1001 p.

Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Ed. by A.N. Dubovikov and S.A. Makashin with T.G. Dinesman. Moscow, Izd-vo “Nauka” Publ., 1973. Bk. 1. 696 p.

Varshavskii V. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. Moscow, Dom russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna Publ., Russkii put’ Publ., 2010. 544 p.

Gorobets, A. Metamorfoza teksta ili metamorfoza soznaniia v tvorchestve Antonina Ladinskogo [Metamorphosis of the text or a metamorphosis of the mind in the works of Antonin Ladinskii]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010. no 34, pp. 243–253 (Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf).

Gorobets A. “Posle smerti” Antonina Ladinskogo [“After death” by Antonin Ladinskii]. *Rossica*. 2012, pp. 189–199.

Grin, M. (ed.) Pis’ma B.K. Zaitseva k I.A. i V.N. Buninym [Letters of Boris Zaitsev to Ivan and Vera Bunin]. *Novyi zhurnal*. 1980. no 140. pp. 157–181.

Gul’ R. *Ia unes Rossiu. Apologiia emigratsii: V 3 t.* [“I have taken Russia away”. Apology of emigration. In 3 vols.]. Ed. by O. Korostelev. Vol. 2: Rossiia vo Frantsii [Russia in France]. Moscow, B.S.G.-Press, 2001. 512 p.

Klassik bez retushi: literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890-e–1950-e gody). Antologiiia [A classic without retouching: literary world on the works of Ivan Bunin: critical reviews, essays, parodies (1890–1950s). An anthology]. Ed. by N. Mel’nikov. Moscow, Knizhitsa Publ. Russkii put’ Publ., 2010. 928 p.

Kuznetsova G. *Grasskii dnevnik* [Grasse diary]. Ed. by O. Demidova. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2017. 464 p.

Ladinskii A. O F.I. Shaliapine, I.A. Bunine, K.D. Bal’monte... [On F. Shaliapin, Ivan Bunin, K. Balmont]. Ed. by E. Fil’kina. *Vstrechi s proshlym*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1988. Issue 6, pp. 214–228.

Ladinskii A. Pis’mo iz Egipta [A letter from Egypt], *Poslednie novosti*. 1932. June 26. no 4113, p. 5.

Ladinskii A. Rasskaz znakomogo [A acquaintance’s story]. *Poslednie novosti*. 1935. December 25. no 5389, p. 5.

Ladinskii A. Lidiia Arsen’eva (Chassing): Kontsert [Lidiia Arsen’eva (Chassing): a concert]. *Sovremennye zapiski*. 1937. no 65, p. 433.

Marchenko T. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature and the Nobel prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p.

Nabokov V. Ant. Ladinskii. Chernoe i goluboe [Antonin Ladinskii. Black and blue]. *Rul’*. 1931. January 28. no 3092, p. 2.

Sedykh A. *Dalekie, blizkie* [Far and close]. New York, Izd-vo “Novogo russkogo slova” Publ., 1962. 265 p.

Sofiev Iu. *Sinii dym. Stikhi i proza* [Blue smoke. Poems and prose]. Ed. by N. Chernova. Almaty, 2013. 244 p.

Struve G. *Istoriko-literaturnye zametki: 2. K istorii polucheniiia I.A. Buninym Nobelevskoi premii* [Notes on history and literature: 2. The story of Ivan Bunin receiving the Nobel prize]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SSHA* [Notes of Russian academic group in the USA]. New York, 1967. Vol. 1, pp. 134–147.

Terapiano Iu. *Vstrechi: 1926–1971* [Meetings. 1926–1971]. Ed. by T.G. Iurchenko. Moscow, Intrada Publ., 2002. 384 p.

Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins. Diaries of Ivan and Vera Bunin and other archive materials. In 3 vols.]. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982.

Shraer M. *Bunin i Nabokov. Istoryia sopernichestva* [Bunin and Nabokov. A history of rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 222 p.

BY BOTH SIDES OF THE IRON CURTAIN: IVAN BUNIN AND ANTONIN LADINSKII

© 2019, ANASTASIIA GOROBETS

Abstract: The article is based on diaries, memoirs and letters aims to reconstruct the history of Bunin's relationship with Antonin Ladinskii in interbellum Paris in 1920–1930s. While Bunin was already a famous Russian writer and a member of the “old generation” in the Russian emigration literary hierarchy, A. Ladinskii in the 1920s was only starting with his first literary publications. The development of the relationship between writers from different “literary generations” as well as the influence of Bunin on Ladinskii is witnessed in the previously unpublished materials, such as the letters, diaries, Ladinskii's manuscript memoirs “Meetings with Bunin” and “Paris memoirs”. The article uses previously unpublished materials from the personal archive of the Bunins in the Russian archive in Leeds and the personal archive of A. Ladinskii (RGALI).

Keywords: Ivan Bunin, Antonin Ladinskii, archive materials, emigration, literary generations, relationship between the “young” and the “old”, ego-documents, diaries, memoirs, letters, interbellum Paris.

Information about the author: Anastasiia Gorobets, MA in Philosophy, University of Vienna, Austria, Universitätsring 1, 1010 Wien, Österreich. E-mail: anastasija.gorobezi@univie.ac.at

БУНИНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В «МАШЕНЬКЕ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

© 2019, И.М. РАЦ

Аннотация: Романы, написанные молодым Набоковым-Сириным в 1920–1930-е гг., выявляют непрерывающийся диалог с работами Ивана Бунина. Влияние искусства Бунина наблюдается одновременно на разных уровнях набоковских текстов. До сих пор в связи с первым романом Набокова, «Машенькой», специальная литература отмечала влияние на нее импрессионистического пейзажа бунинской прозы. В настоящей работе мы стремимся проследить те переклички в сюжетах, композиционной структуре и системе мотивов «Машеньки» и «Митиной любви», на основании которых мы можем с определенной уверенностью утверждать, что повесть Бунина «Митина любовь» присутствует в «Машеньке» в качестве некоего «вторичного текста».

Ключевые слова: Иван Бунин, Владимир Набоков, Машенька, София, эмигрантская литература, композиция, вторичный текст.

Информация об авторе: Ильдиго Мария Рац — доктор философии (*PhD*), Университет им. Лоранда Этвеша, Факультет Гуманитарных Наук, ул. Музей, д. 6–8, 1088 Будапешт, Венгрия. E-mail: ildiko@gaczt.hu

Самое первое сопоставление творчества Ивана Бунина и Владимира Набокова датируется 1929 г., когда литературный критик Кирилл Зайцев публикует в парижской газете «Россия и славянство» статью «“Бунинский” мир и “Сиринский” мир». Эмигрантская литературная критика в лице Зайцева провозглашает Набокова литературным соперником Бунина². Но еще раньше, в 1926 г., в рецензии на первый роман Набокова «Машенька» (1926) Глеб Струве называет молодого Сирина учеником Бунина: «Для тех, кто любит сравнивать и прослеживать влияния, скажем, что на романе Сирина, если не считать Тургенева, больше всего сказалось влияние Бунина. Бунин вправе гордиться им как своим учеником»³. Два года спустя Михаил Цетлин, соредактор эмблематического парижского эмигрантского журнала «Современные записки», в рецензии на роман Набокова «Король, дама, валет» (1928) также отмечает бунинское влияние⁴, равно как и годом позднее Александр Амфитеатров в белградской русской газете «Новое время»: «В первом своем романе “Машенька” он <Сирин> подражательно колебался между Б. Зайцевым

¹ Псевдоним Владимира Набокова до 1940 г.

² Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 17.

³ Струве Г. <Рец. на кн.: В. Сирин. Машенька. Берлин, 1926> // Возрождение. 1926. 1 апреля. № 303. С. 3.

⁴ Цетлин М. «Король, дама, валет» В. Сирина // Современные записки. 1928. Кн. 37. С. 536–538.

и И.А. Буниным, успев, однако, показать уже и свое собственное лицо с “необщим выражением”»¹.

Когда в 1933 г. Шведская королевская академия вручает Бунину Нобелевскую премию по литературе, повсюду в мире внимание литературных критиков обращается к русской эмигрантской литературе. К середине 30-х гг. написано уже множество критических статей и литературных исследований, сравнивающих творчество Бунина и Набокова, противопоставляющих двух писателей друг другу или просто упоминающих их рядом, как наиболее значительных современных авторов. И хотя сам Набоков относился к своему следующему классической традиции предшественнику амбивалентно, поэзию его и пейзажи он неизменно ценил очень высоко. Углубленное чтение их личной переписки, дневников Бунина, воспоминаний Веры Муромцевой или книги о Набокове хорошо знавшей обоих по Парижу Зинаиды Шаховской² высвечивает, как перерастают в соперничество дружеские поначалу отношения двух писателей.

Максим Шраер в своей монографии датирует начало этой истории 1920 г., когда отец Набокова, Владимир Дмитриевич Набоков, знакомится в Берлине с уже знаменитым тогда писателем и поэтом. Отец шлет Бунину только что опубликованные стихи сына, спрашивая его мнения о них³, а уже в 1921 г. молодой Набоков пишет «мастеру» проникнутое пафосом письмо, в котором благодарит за обнадеживающие слова и снова прилагает изрядную порцию стихов⁴. Набокова, по его собственному признанию, вдохновляла поэзия Бунина, которая «в наш кощунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чуя прекрасное во всем»⁵. В 1922 г. в Берлине отец Набокова был убит монархистами, и с этих пор Бунин становится важен для молодого человека не просто как поэт, а по-человечески, как один из тех немногих, кого он после гибели отца мог окликнуть в своем берлинском одиночестве. Поздней осенью того же года Набоков посыпает Бунину письмо с посвященным ему стихотворением. Клятвенные завершающие строки⁶ ясней всего свидетельствуют о тогдашнем благоговейном отношении к «мастеру», который и в этом «новом, кощунственном» мире служит эстетическим мерилом, храня чистый голос искусства⁷.

¹ Амфитеатров А.В. Литература в изгнании // Новое время. 1929. 22 мая. № 2416. С. 2.

² Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 320 с.

³ В.В. Набоков и И.А. Бунин. Переписка / Вступ. статья М.Д. Шраера; Публ. и примеч. Р. Дэвиса и М.Д. Шраера // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 190–191.

⁴ Там же. С. 191–193.

⁵ Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. С. 33.

⁶ «...ни помыслом, ни словом / не согрешу пред музою твоей».

⁷ В 1949 г. в письме американскому писателю Эдмунду Уилсону Набоков признается: «“упадок” русской литературы в 1905–1917 годах — советский вымысел. Блок, Белый, Бунин и другие

М. Шраер различает три периода в отношениях двух писателей. Первый с 1920 по 1933 г., когда Бунину вручают Нобелевскую премию и когда в Париже им впервые представился случай встретиться лично. Второй длится до 1940 г., когда Набоков с семьей покидает Европу и отправляется в Новый свет. Третий охватывает поздний период творчества Бунина вплоть до его смерти в 1953 г. Первый период характеризуют отношения мастера-ученика и почти два десятка лет переписки. Бунин выслал Набокову сборник своих рассказов, написанных в 1910-е гг., за ним последовали и другие вещи, и так вплоть до 1930-х гг.¹ В это время оба писателя уже подумывают о встрече. В декабре 1933 г. на праздничном ужине в честь нобелевского лауреата Набоков произносит речь, вплетая в нее и свои любимые бунинские стихи. Фотографы запечатлели их для потомства, стоящими на сцене рядом, двое великих мастеров русской эмиграции². О встрече, произошедшей год спустя, в своей мемуарной книге «Другие берега»³ (1954) Набоков пишет как о первой, где «почему-то завелся между [ними] какой-то удручающе-шутливый тон»⁴.

В романах и рассказах, написанных молодым Набоковым-Сириным в 1920–1930-е гг.⁵, явственно прослеживается непрестанный диалог с бунинскими произведениями, одновременно ощущимый на самых разных уровнях набоковского текста: от сюжета и композиции до выстраивания системы мотивов⁶. Влияние бунинских поэзии и прозы у Набокова литературная критика обсуждает уже с 1920-х гг. В последнее время исследованием перекличек между «Жизнью Арсеньева» Бунина и «Другими берегами» Набокова занимались Александр Долинин и Анна Лушенкова⁷. В связи с первым романом

в те годы создали лучшие свои произведения. <...> Я продукт этого времени, я был взращен в этой атмосфере» (Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971. Revised and expanded edition. Ed. Simon Karlinsky. Berkeley, 2001, p. 246).

¹ В.В. Набоков и И.А. Бунин. Переписка / Вступ. статья М.Д. Шраера; Публ. и примеч. Р. Дэвиса и М.Д. Шраера // С двух берегов. М., 2002. С.193, 195, 196, 199, 201.

² Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. С. 84.

³ Десятилетие спустя Набоков дополнил свои воспоминания о Бунине в расширенном англоязычном варианте автобиографии «Speak, Memory: An Autobiography Revisited» (1966) («Память, говори: К вопросу об автобиографии», New York: G. P. Putnam's Sons, 1967. Перевод с английского Сергея Ильина).

⁴ Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстая. СПб., 1997–2006. Т. 5. С. 319.

⁵ В 1930 г. у Набокова выходит «Возвращение Чорба» — сборник, составленный из пятнадцати рассказов и двадцати четырех стихотворений, в котором также довольно заметно влияние Бунина.

⁶ См. подробнее: Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. 2015. 222 с.

⁷ См.: Долинин А. Кубовый цвет (Из комментария к словарю Набокова) // Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Lazar Fleishman, Christine Götz und

Набокова «Машенька» литературоведы отмечают влияние пейзажного импрессионизма бунинской прозы¹. Нам представляется, что между «Машенькой» Сирина, опубликованной в Берлине в 1926 г. эмигрантским издательством «Слово», и вышедшей в парижских «Современных записках» в 1924 г. «Митиной любовью» Бунина существует более близкое родство, не сводимое к простой перекличке стилистических особенностей. Что Набоков был знаком с «Митиной любовью», мы можем смело предполагать хотя бы потому, что оба они печатались в «Современных записках», не говоря уже о том, что Бунин вплоть до 1930-х гг. высыпал Набокову подборки своих публикаций. Шраэр упоминает, что в мае 1926 г. Набоков тоже отправил Бунину первое издание «Машеньки», спрашивая его мнения о ней². Из письма Веры Муромцевой к Н.П. Смирнову мы узнаем, что Бунину роман Сирина понравился³. В дальнейшем мы попытаемся представить те определяющие сюжетные ходы, композиционные структуры и совпадения мотивов, на основании которых мы можем с определенной уверенностью утверждать, что повесть Бунина «Митина любовь» присутствует в «Машеньке» в качестве некоего «вторичного текста»⁴.

Действие первого романа Набокова, являющего мифологему изгнания из потерянного рая детства⁵, разыгрывается в двух разных мирах: настоящему

Aage A. Hansen-Löve. Hamburg, 2004. С. 563–573; Lushenkova A. L'errance dans La Vie d'Arséniev d'Ivan Bounine et dans Autres Rivages de Vladimir Nabokov // Slavica Occitania. 2013. № 37. С. 179–192.

¹ Влияние Бунина в ранних произведениях Набокова-Сирина отмечали и современники. Об этом пишет поэт и редактор Михаил Цетлин или Глеб Струве, находящий в описаниях «Машеньки» влияние бунинской прозы (*Струве Г.П. Русская литература в изгнании*. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 278–290). Юрий Левин считает «Машеньку» романом в стиле Бунина, где порожденное воображением и реальность создают своеобразный синтез (См.: *Левин Ю.И. Заметки о «Машеньке» В.В. Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Т. 1. СПб.: Русский путь, 1997. С. 364–374.*). Из современных литературных критиков Магдалена Медарич также упоминает влияние Бунина, говоря об импрессионизме пейзажных описаний «Машеньки» (См.: *Medarić M. Владимир Набоков и роман XX столетия // Russian Literature. XXIX. North-Holland. 1991. С. 79–100*).

² Шраэр М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. С. 44.

³ См.: письмо В.Н. Буниной к Н.П. Смирнову от 14 января 1961 г. (Письма В.Н. Буниной Н.П. Смирнову // Новый мир. 1969. № 3. С. 228).

⁴ В связи с «Защитой Лужина» специальная литература указывает, что ее характер метаромана усиливает использование «вторичного материала», подчеркнутая «сделанность» текста. Использование в построении скрытых цитат и чужих текстов придает роману характер игры с пазлами, где читателю приходится выкладывать разные мозаичные картины. Как нам видится, такие формирующие структуру романа «вторичные тексты», «пазлы» налицо и в «Машеньке», хотя, в сравнении с более поздними набоковскими произведениями, ее композиция куда проще.

⁵ В эссе «В поисках потерянного рая» Виктор Ерофеев — на примере его ранних, написанных по-русски романов — утверждает, что множество романов Набокова образуют метароман

берлинских будней противостоит память мифологизированного прошлого России. Эти два мира, очерченные различными метаморфозами одного и того же женского образа, в обоих романах построены на традиционно полемических отношениях города и деревни. У Бунина Митя уезжает из Москвы в деревню, в тот самый родительский дом, где прошло его детство. В романе Набокова воспоминания Ганина о Машеньке также привязаны к русской деревне и к отрочеству. Шаховское «Митиной любви» оживает в картинах Воскресенска: сосновые перелески, придорожные поля предстают обоим главным героям в красках заката. В романе Набокова серые, туманные, статичные картины Берлина лишь в воспоминаниях о русском прошлом сменяют цвета, звуки и запахи. У Бунина чередуются картины безотрадного настоящего и воображаемого, исполненного надежд. В сознании Мити образ реальной Кати неуклонно бледнеет под натиском ее воображаемого идеализированного двойника.

Оба этих *романа* строятся на сплетении любви и памяти. Через поток сознания памяти раскрывается всеопределяющий опыт: внезапный катарсис осознавшего самого себя пола предрешает судьбу обоих героев. В «Митиной любви» образ Кати является Мите еще до встречи с девушкиной наяву: «Сном или, скорее, воспоминанием о каком-то чудесном сне была тогда его беспредметная, бесплотная любовь. Теперь же в мире была Катя, была душа, этот мир в себе воплотившая и надо всем над ним торжествующая»¹. Ганину, герою Набокова шестнадцать, когда подобно Мите он создает в своем воображении образ девушки — счастья, которое вскоре встретит наяву. Потому сейчас, в Берлине «что та встреча, которая мерещилась ему, и та встреча, которая наяву произошла, сливаются, переходят одна в другую незаметно, оттого что она, живая, была только плавным продлением образа, предвещавшего ее»².

Герой Набокова «самой важной и возвышенной во всей его жизни»³ считает минуту, когда затемно возвратившись с сельского концерта, где впервые увидал барышню с черным бантом в коse, он, сидя на подоконнике домашней уборной, напрасно ждал, чтобы в тополиных ветвях защелкал фетовский⁴ со-

с одной и той же «прафабулой» утраченного детства как изгнания из рая — при всем разнообразии сюжетных ходов и связок (См.: Ерофеев В. В поисках потерянного рая (Русский мэтароман В. Набокова). URL: http://samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskakh_raya.shtml (дата обращения: 08.02.2018)).

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. С. 198.

² Набоков В. Машенька. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 77–78.

³ Там же. С. 81.

⁴ У Афанасия Фета в «Соловье и розе» соловей поет ночью, когда роза спит, роза просыпается утром — влюбленных разлучает время. Первые литературные памятники истории розы и соловья происходят из Персии, родины садовых роз. Миф о влюбленном в розу соловье — древнейший и самый трогательный в персидской народной поэзии. Из персидских песен мы узнаем, что сам Аллах сотворил белую розу, величайшее чудо живой природы. Больше всех очарован

ловей. В «Митиной любви» герой тоже переживает экстаз, ту «самую возвышенную минуту» выпадения из времени, когда получив, наконец, от Кати письмо, выбегает с ним в сад, и земля плывет у него под ногами: «над садом торжественно и радостно сияло небо, вокруг сиял сад своей снежной белизной, соловей, уже чуя предвечерний холодок, четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, щелкал в свежей зелени дальних кустов»¹. То есть и у Бунина присутствуют сад, закатное небо и забывшийся в песне любви соловей, как метафорически явленная Митина любовь к Кате. Есть здесь и аллюзия к розе в виде цитаты из стихотворения Фета «Роза», как аллегорическое выражение тоски Мити по Кате. В обоих повествованиях, у Бунина, правда, лишь в пространстве, влюбленные разлучены друг с другом. И заглядывающаяся на Митю деревенская девушка Сонька лишь растревляет тоску «Мити-соловья» по «Кате-розе», лишь мучит «жалкой какого-то сверхчеловеческого счастья».

Лиричность набоковского романа, богатство деталей, говорящий пейзаж, импрессионистическая манера письмаозвучны бунинскому стилю. Расходящиеся веером лучи, разделяющий два села сосновый перелесок, Воскресенск, дальняя черная зубчатая опушка, нежно гудящий телеграфный столб, пустыня солнечного вечера — все это таит в себе существо Машеньки, бесконечно для сакрального мгновения очарованности: «Машенька, — опять говорил Ганин, стараясь вложить в эти три слога все то, что пело в них раньше, — ветер, и гудение телеграфных столбов, и счастье»². У Бунина в «Митиной любви» есть похожее описание, где все кругом отзывается Катей — закатные краски, белизна полевых цветов, дурманящий запах жасмина: «Белые цветы на меже мгновенно связывались с мыслью о ее белых перчатках, синие медвежьи ушки — с цветом ее вуали <...> взглянув на красно-золотой вечерний свет в аллее <...> он вдруг увидел Катю <...> во всем расцвете женской прелести...»³ (курсив мой. — Р.И.М.). В памяти Ганина на Машеньке в Воскресенске темно-синяя юбка и белая блузка.

Сходно дано и описание внешности Машеньки и Кати, главных женских персонажей у Набокова и у Бунина. И там, и здесь их фотокарточки хранят

был ею соловей; Влюбленный, вне себя от радости, он метался меж розовых кустов, позабыл о шипах, созданных Аллахом, чтобы защитить розу, и раненный шипами, испустил дух, истекая кровью, в счастливых грезах. С тех пор, окрашенная кровью соловья, роза и стала красной. Еще печальней гибель соловья в сказке-парафразе Оскара Уайльда «Соловей и роза». В Персии время цветения розы и соловьиного пенья совпадает: у Фарида-ад-дин Аттара (1119/1140–1230) соловей умолкает, когда отцветает роза; у поэта 13 в. Руми роза — цветок тленного — преображается в символ вечности, прекрасная, — но лишь в союзе с любовью, садом, сиянием, душой, мечтой, пением соловья (Источник: Géczy János. Allah rózsái. Budapest: Terebess Kiadó, 2000).

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. С. 202.

² Набоков В. Машенька. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 84.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. С. 216.

ящики письменного стола, Митин и Алферова. Шелковая лента из Катиной косы является Машенькиным черным бантом, мелькающим, «как огромная траурница». И цвет обеих белый. Машенька на фотокарточке Алферова сидит в белом платье в саду, и в воспоминаниях Ганина она тоже появляется в белом. Мите тоже не раз вспоминается Катя вся в белом, как невеста. Олицетворяющий в символике цветов чистоту, очищенье «белый» обрастает в обоих романах новыми коннотациями, и благодаря «земному» воплощению идеала «небесной» любви Вечной Женственности, обретает сакральный характер. Но «недостижимая невеста» Катя существует лишь в Митином воображении. На разрыве идеала и реальности Катя так и остается бессмертным идеалом, равно как и Машенька, обозначающая для Ганина связь с прошлым, с Россией. Через воплощение идеала Вечной Женственности в Святой Софии, Премудрости Божией, метафора России как мистической невесты неизменно присутствует в русской культурфилософии¹. У Павла Флоренского София — невеста святого Кирилла и олицетворение Киевской Руси, мистическая и недоступная. София Владимира Соловьева не есть существующая помимо и вне материального мира сущность, а — в отличие от гностического мировосприятия — при этом еще и земное, доступное непосредственному восприятию воплощение Мировой Души, выступающее посредником между мирами земным и небесным.

Столь важной в бунинских текстах природе и в «Машеньке» принадлежит особая роль. Единство с природой, гармоническое согласие с ней открываются лишь в воспоминаниях о России, о том давнем-предавнем лете, которое, по свидетельству Бунина, дается человеку лишь однажды («Чаша жизни», «Легкое дыхание»). Так, блуждая по Берлину, Ганин бережно, в роскошных цветовых пятнах импрессионистского полотна² воссоздает в памяти первую свою после выздоровления от тифа прогулку:

«Он медленно шел по широкой аллее, что вела от площадки дома в деревни парка. Там и сям вздувались на лиловатой от лиственной тени земле черные червистые холмики, — работа кротов. Он надел белые панталоны, сиреневые носки. Он мечтал встретить кого-нибудь в парке, кого — он еще не знал. Дойдя до конца аллеи, где сияла в темной зелени хвой белая скамья, он повернулся обратно, и далеко впереди в пролете между лип виден

¹ См. подробнее: Rutten E. Unattainable Bride Russia. Engendering Nation, State and Intelligentsia // Twentieth Century Russian Intellectual Culture (Studies in Russian Literature and Theory). Evanston: Northwestern University Press, 2010. О русском понимании Эроса см. также: Boeke O. Erotic Nihilism in Late Imperial Russia. The Case of Mikhail Artsybashev's Sanin. Madison: University of Wisconsin Press, 2009. 225 р. Этую же тему рассматривает: Йожа Д.З. Русская Софиология и Владимир Набоков: автореф. дис... д. филол. наук. Будапешт, 2001.

² В книге воспоминаний «Говори, память» Набоков рассказывает о своей синестезии. В пейзажах «Машеньки», выполненных в методике бунинского импрессионизма, возможно, пригодилась и она.

был оранжевый песок садовой площадки и блестевшие стекла веранды» (курсив мой. — Р.И.М.)¹.

В «Митиной любви» в первую же неделю приезда Мити в деревню расцветает сад:

«...быстро стал одеваться сад свежей, мягкой даже на вид зеленью, залиловели и запахли серые кисти сирени, и уже появилось множество черных, металлически блестящих синевой крупных мух на ее темно-зеленой глянцевитой листве и на горячих пятнах света на дорожках. На яблонях, грушах еще были видны ветви, их едва тронула мелкая, сероватая и особенно мягкая листва, но эти яблони и груши, всюду простиравшие сети своих кривых ветвей под другими деревьями, все уже закудрявились млечным снегом, и с каждым днем этот цвет становился все белее, все гуще и все благовоннее» (курсив мой. — Р.И.М.)².

В набоковском романе Ганин заново воссоздает весь погибший мир, воскрешая в памяти идеальный облик Машеньки в окрестностях родительского поместья. Так Митя у Бунина в деревенском весеннем пейзаже с силой воскресающей природы создает образ идеальной Кати. У Набокова Ганин-подросток одевается в белое и сиреневое, у Бунина — природа; у Набокова аллея ведет в парк, у Бунина дорожка в сад. Цвета в обоих романах одни и те же: «темно-зеленый», «белый», «оранжевый» (горячие пятна света), «серый» и «черный» (норы кротов). И появляются отраженья: «блестевшие» стекла веранды и «металлически блестящие синевой» мухи³.

Еще в 1910-е гг. в рассказах Бунина появляется мысль о том, что единению с бесконечной природой, слиянию с ней препятствует конечность земного бытия. В краткие моменты опыта полноты, волшебного чуда «космической синхронизации» еще острой ощущима конечность, зыбкость границ личности, а тоска по метафизическому опыту счастья ввергает в почти невыносимые муки. И «Митина любовь», и «Машенька» проникнуты этим душевным настроем. Вот Митя, подремав после обеда, выходит в сад, где безудержное цветенье начала лета, вся эта разлитая кругом чувственная женственность живой природы напоминает о Кате; и вот Митя кладет голову на колени одной из работающих в саду девушек, и — «томное цоканье соловьев вдали и вблизи, немолчное сладострастно-дромотное жужжание несметных пчел, медвяный теплый воздух и даже простое ощущение земли под спиною мучи-

¹ Набоков В. Машенька. 2008. С. 60.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. С. 201–202.

³ Вероятно, у Бунина здесь *Lucilia sericata* (зеленая мясная муха). Весьма распространенный вид насекомых, обладающих металлическим блеском. Достигает 10–14 мм в длину, крупнейшей машиной мухи, тельце отливает сверкающе-зеленым, иногда синим.

ло, томило жаждой какого-то сверхчеловеческого счастья»¹. Вот у Набокова юный Ганин, гоняющий вслед за Машенькой «как тихий ветер», останавливается и, опираясь на велосипед, смотрит на облако, из-за которого «огненным веером» расходятся лучи. «И глядя на небо, и слушая, как далеко-далеко на селе почти мечтательно мычит корова, он старался понять, что все это значит — вот это небо, и поля, и гудящий столб; казалось, что вот-вот сейчас он поймет, — но вдруг начинала кружиться голова, и светлое томление становилось нестерпимым»².

По ходу сюжета в обоих повествованиях происходит внезапный сбой. В «Митиной любви» для возвратившегося домой, в деревню, Мити все кругом — весна, просыпающаяся природа, счастливые московские воспоминания исполнены радостным ожиданьем, верой, что теперь все непременно обернется к лучшему. Из состояния счастливых надежд однажды ночью юношу выбивают дьявольские крики сыча, и Катя впервые за все эти дни напоминает о себе зловеще. В народных поверьях сыч — предвестник смерти³, появление его и на уровне фабулы может быть истолковано как дурное предзнаменование, и в сюжетной структуре оно также предвосхищает трагическую развязку. В набоковском романе в последнюю ночь проведенного вместе лета с Ганиным и Машенькой тоже происходит что-то страшное и гадкое, о чем главный герой вспоминает годы спустя как о символе «быть может, всех грядущих кощунств». Подглядывающее за влюбленными чье-то наглое лицо, драка с сыном сторожа, стоны, сопение, вкус и вид крови — все это в структуре сюжета для Ганина знак судьбы, отведенная наперед будущая разлука с Машенькой, разлука с Россией. Дальше, в бездомных зимних городских скитаньях он чувствует, как «от этих несовершенных встреч мельчает, протирается любовь»⁴. И Ганин заводит роман с замужней дамой, а Митя ищет любовного удовлетворенья у замужней Аленки.

Для бунинского героя сакрализация возлюбленной начинается с отъездом из Москвы. Писатель живо рисует разлуку Мити и Кати, людный вокзал, трогательное прощанье, голубую шляпку девушки и ее грустный взгляд, все быстрее уплывающие вместе с перроном. В Митиной памяти Катя сублимируется в соловьевский идеал небесной красоты, она кажется ему «совершенно особым существом не только во всей этой толпе, но и во всем мире»⁵. У Набо-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. С. 208.

² Набоков В. Машенька. 2008. С. 82–83.

³ Во многих местностях по всей Европе сыча называют птицей смерти: считается, что в доме, вблизи которого он появляется, кто-то умрет. Это поверье могло зародиться, когда в доме покойника близкие сидели до утра, на свет в ночи слетались насекомые — а следом охотящиеся на них сыч или сова.

⁴ Набоков В. Машенька. 2008. С. 119.

⁵ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. С. 192.

кова Ганин в последний раз, уже в год революции встречается с Машенькой случайно: на площадке *синего* вагона их дачного поезда. Машенька слезает на первой станции, Ганин долго смотрит ей вслед, и чем дальше отходит ее *синяя* фигура, тем ясней становится для него, что он никогда не разлюбит ее. В сцене встречи на площадке поезда Набоков тоже возносит на метафизический уровень Машеньку-любовь, и здесь идея и реальность разлучаются друг с другом, и образ Машеньки преображается в идеал, недоступный и недостижимый навсегда.

Сюжет обоих повествований разворачивается в разных временных плоскостях, образуя единое целое. У Бунина «измеримое время» простирается от последних проведенных героями в Москве двух месяцев и отъезда до совершенного им в деревне самоубийства. У Набокова оно занимает одну-единственную неделю: от застрявшего с ним в лифте соседа по берлинскому пансиону Алферова Ганин узнает, что через шесть дней к тому приезжает жена, Машенька. История давнишнего знакомства Ганина и Машеньки, их любви, разлуки и завязавшейся позже переписки — все это, как в кино, прокручивается в сознании Ганина. У Бунина картины Митиных воспоминаний, сны и мечты в его настоящем вдыхают жизнь в Катю как опредмечивание любви-святыни в сознании Мити, таким образом внутреннее время охватывает всю жизнь героя. И в том и в другом повествовании налицо третья времененная плоскость, космическое время, где неизмеримые друг с другом ньютоновское и бергсоново время параллельны, и где временных границ уже не существует вовсе, так как и времени нет. У Бунина космическое самооткровение Бесконечного связано с садом, с его преизбытком цветов, звуков и запахов, одурманивающих сознание героя вневременностью прекрасного. У Набокова это время того расширенного мгновенья, когда Ганин прощается с умирающим поэтом и собственным прошлым заодно, и — «жизнь на мгновенье представилась ему во всей волнующей красе ее отчаяния и счастья, — и все стало великим и очень таинственным...»¹. В романе Алферов называет такое время «метафизическим», а Ганин сам знает, что «бывают такие мгновения, когда все становится чудовищным, бездонно-глубоким, когда кажется так страшно жить и еще страшнее умереть»², когда прежняя жизнь обитателей берлинского пансиона теряется в тумане вневременного.

Оба повествования, и у Бунина, и у Набокова проникнуты романтическим жизнеощущением, желанием вырваться из безотрадного настоящего, тоской по бесконечному. Назад, к природе, саду, морю, тоскуя по их красоте. Назад, к прошлому, младенчеству, отрочеству, покинутой родине, лишь бы воссоздать данную тебе однажды гармонию и заново жить ею. Чувства и инстинкты восстают против разума, и призывают на помощь сны, суеверия, скрытое в подвалах бессознательного. Для обоих романов характерны лирический

¹ Набоков В. Машенька. С. 177.

² Там же. С. 50.

настрой, музыкальность, живописные пейзажи, интертекстуальность. Накал жизнеощущения обеих вещей питается перспективой, возможностью перемен. Но если бунинского героя внезапная утрата надежды толкает на самоубийство, то набоковского спасительная жажда жизни гонит прочь от прозябания тени, дальше — во Францию, в Прованс, к морю.

Литература

Анненкова Е.С. Любовь как свойство бытия в художественном мире И. Тургенева и И. Бунина. URL: <http://litzbirnyk.com.ua/wp-content/uploads/2013/12/4-12-5.pdf> (дата обращения: 23.01.2018).

Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=200771> (дата обращения: 21.01.2018).

В.В. Набоков: pro et contra / Сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; comment. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; bibliogr. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. 974 с. (Русский путь).

Дрозда М. Нarrативные маски русской художественной прозы (от Пушкина до Белого) // Russian Literature. 1994. XXXV. North-Holland. С. 287–548.

Ерофеев В. В поисках потерянного рая (Русский метароман В. Набокова). URL: http://samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskax_raya.shtml (дата обращения: 08.02.2018).

Иван Бунин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. 1016 с.

Иезуитова Л.А. В поисках выражения «самого главного, самого подлинного, что есть у нас» — «счастья жизни». Бунин в работе над рассказами: по материалам русского архива в Лидсе (Великобритания) // Русская литература. 1996. № 3. С. 214–226.

Русский Берлин, 1921–1923: по материалам архива Б.И. Николаевского в Гувер. ин-те / сост. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Париж: Ymca-press, 1983. 422 с.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. Милицы Грин. Frankfurt a. M.: Посев, 1977–1982.

Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

Boele O. Erotic Nihilism in Late Imperial Russia. The Case of Mikhail Artsybashev's Sanin. Madison: University of Wisconsin Press, 2009. 225 p.

Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press, 1990. 619 p.

Hetényi Zs. Nabokov regényösvényein. Budapest: Kalligram, 2015. 928 p.

Medarić M. Владимир Набоков и роман XX столетия // Russian Literature. 1991. XXIX. North-Holland. С. 79–100.

Rutten E. Unattainable Bride Russia. Gendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture (Studies in Russian Literature and Theory). Evanston: Northwestern University Press, 2010. 340 p.

References

- Annenkova E.S. *Liubov' kak svoistvo bytiia v khudozhestvennom mire I. Turgeneva i I. Bunina* [Love as a property of being in the creative world of Ivan Turgenev and Ivan Bunin]. Available at: <http://litzbirnyk.com.ua/wp-content/uploads/2013/12/4-12-5.pdf> (Accessed 23 January 2018). (In Russ.)
- Boele O. *Erotic Nihilism in Late Imperial Russia. The Case of Mikhail Artsybashev's Sanin*. Madison, University of Wisconsin Press, 2009. 225 p. (In English)
- Boyd B. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton, Princeton University Press, 1990. 619 p. (In English)
- Buks N. *Eshafot v khrustal'nom dvortse. O russkikh romanakh Vladimira Nabokova* [Scaffold in a crystal palace. On Russian novels by Vladimir Nabokov]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=200771> (Accessed 21 January 2018). (In Russ.)
- Drozda M. Narrativnye maski russkoi khudozhestvennoi prozy (ot Pushkina do Belogo) [Narrative masks of Russian art prose (from Pushkin to Belyi)]. *Russian Literature*, 1994, XXXV, North-Holland, pp. 287–548. (In Russ.)
- Erofeev V. *B poiskakh poteriannogo raia (Russkii metaroman V. Nabokova)* [In search of a paradise lost (Russian metanovel by V. Nabokov)]. Available at: http://samlib.ru/v/victor_v_e/v_poiskax_raya.shtml (Accessed 08 February 2018). (In Russ.)
- Hetényi Zs. *Nabokov regényösvényein*. Budapest, Kalligram Publ., 2015. 928 p. (In Hungarian)
- Iezuitova L.A. V poiskakh vyrazheniiia «samogo glavnogo, samogo podlinnogo, chto est' u nas» — «schast'ia zhizni». Bunin v rabote nad rasskazami: po materialam russkogo arkhiva v Lidse (Velikobritaniia) [Looking for a way to express “the most important, the most authentic, that we have” — “the happiness of life”. Bunin working on the stories: based on the materials of the Russian archive in Leeds (United Kingdom)]. *Russkaia literatura*, 1996, no 3, pp. 214–226. (In Russ.)
- Ivan Bunin: pro et contra*. Saint Petersburg, RKhGI Publ., 2001. 1016 p. (In Russ.)
- Medarić M. Vladimir Nabokov i roman XX stoletia [Vladimir Nabokov and the 20th century novel]. *Russian Literature*, 1991, XXIX, North-Holland, pp. 79–100. (In Russ.)
- Russkii Berlin, 1921–1923: po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guver. in-te* [Russian Berlin, 1921–1923: based on the materials of the B. Nikolaevskii archive from the Hoover Institute], ed. by L. Fleishman, R. Hughes, O. Raevskaia-Hughes. Paris, YMCA-press Publ., 1983. 422 p. (In Russ.)
- Rutten E. Unattainable Bride Russia. Gendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture. Studies in Russian Literature and Theory Series. Evanston, Northwestern University Press, 2010. 340 p. (In English)
- Shraer M.D. *Bunin i Nabokov. Istoriia soperничествa* [Bunin and Nabokov. History of rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 222 p. (In Russ.)
- Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t.* [From the mouth of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by Miliitsa Grin. Frankfurt a. M., Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)
- V.V. Nabokov: pro et contra*, ed. by B. Averin, M. Malikova, A. Dolinin; comment. by E. Belodubrovskii, G. Levinton, M. Malikova, V. Novikov; bibliogr. M. Malikova. Saint Petersburg, RKhGI Publ., 1997. 974 p. (In Russ.)

BUNIN'S INFLUENCE IN "MASHEN'KA" BY VLADIMIR NABOKOV

© 2019, ILDIKO MARIA RACZ

Abstract: Novels written by young Nabokov-Sirin in the 1920–30s reveal an uninterrupted dialogue with the works of Ivan Bunin. The influence of the art of Bunin is observed simultaneously at different levels of Nabokov's texts. So far, in connection with Nabokov's first novel, "Mashen'ka", academic literature has noted the influence on her of the impressionistic landscape of Bunin's prose. In the present work, we strive to trace those roll calls in the plots, compositional structure, and the system of motives in "Mashen'ka" and "Mitya's Love", on the basis of which we can with certain confidence assert that Bunin's "Mitya's Love" story is present as a "secondary text" in "Mashen'ka".

Keywords: Ivan Bunin, Vladimir Nabokov, "Mashen'ka", Sofia, émigré literature, composition, secondary text.

Information about the author: Ildiko Maria Racz, PhD, University Lorand Etvesh, Faculty of Humanities, Museum str., 6–8, 1088 Budapest, Hungary. E-mail: ildiko@raczt.hu

ИВАН БУНИН В ПРОЧТЕНИИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

© 2019, Д.В. ГРИЦАЕНКО

Аннотация: В статье рассмотрено парадоксальное отношение Варлама Шаламова к Ивану Бунину как прозаику, поэту и переводчику.

Ключевые слова: XX век, Иван Бунин, Варлам Шаламов, поэзия, проза, литература, Нобелевская премия.

Информация об авторе: Дарья Владимировна Грицаенко — аспирантка Литературного института им. А.М. Горького. E-mail: otradninskaya@gmail.com

Как известно, в 1943 г. Варлам Шаламов пострадал за Ивана Бунина: ему дали третий, десятилетний срок в лагере за то, что он назвал писателя-эмигранта русским классиком. Это беспрецедентный случай в истории мировой литературы. Хотя, как указывает исследователь Валерий Есипов, после этого Шаламов был осужден по менее строгой статье (ранее его судили за «троцкизм»), а значит, благодаря новому приговору получил шанс на выживание в лагере.

Исходя из того, что Бунин сыграл исключительную роль в биографии Шаламова, можно предположить исключительное отношение Шаламова к Бунину, но это не так. В начале 1970-х гг. Шаламов пишет в дневнике: «Что касается Бунина, то я, хоть меня и обвинил военный трибунал в 1943 г. за то, что я сказал, что Бунин — русский классик, не думаю, что русская литература кончилась на Бунине»¹. Взгляд Шаламова на Бунина — это не взгляд ученика, не взгляд поклонника и даже не взгляд единомышленника. Хотя Шаламов и Бунин совпадали во мнениях о русском народе — на эту тему есть известная статья Валерия Есипова «Пусть мне не поют о народе»².

Но очевидно, что не близость в социально-политических воззрениях дала Шаламову основание так отозваться о Бунине. Его высказывание, за которое он пострадал — это сугубо эстетическая, культурная позиция. Специфика изучения этого вопроса заключается в том, что Шаламов написал о Бунине относительно немного и «в стол» — в дневниках, в записных книжках, черновиках и личной переписке. Это разрозненные тезисные записи, по которым видна сложность отношения Шаламова к Бунину.

Шаламов высоко ценил Бунина как прозаика, о чём говорил в переписке с А.З. Добровольским: «Бунина я читал. Это — совершенство. Глаза волков

¹ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 179. Л. 1.

² Есипов В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Республика, 1997. С. 86–103.

озаряли весь рассказ. Да, именно так надо строить рассказ. А сапоги, старинные смазные сапоги в крошечном шедевре¹. Имя Бунина встречается в записных книжках Шаламова 1960-х гг.: «Больше всего отвечают моему нынешнему идеалу рассказы Бунина последних лет — только не такие, как “Чистый понедельник”. <...> Речь идет о рассказах Бунина, как “Сапоги”, как рассказ о мужике в поезде. Это — не зарисовка из записной книжки. Это продуманные законченные рассказы»². Шаламов обращает пристальное внимание на малую форму, ведь и сам он работал в жанре рассказа и считал этот жанр наиболее перспективным в литературе XX в.

Вероятно, «такими, как “Чистый понедельник”», Шаламов называет «Тёмные аллеи» и некоторые рассказы из второй части сборника «Роза Иерихона», в которых, по его мнению, Бунин предстаёт как автор «эротических старческих рассказов»³. Бытует мнение, что Шаламов был подвержен стереотипу советской критики Бунина (вспоминается статья Твардовского о «Тёмных аллеях»). Однако Шаламов мыслил шире, снова вписывая Бунина в контекст классической литературы, на этот раз — мировой: «“Чистый понедельник” — это рассказ старика, психологический феномен, объясненный ещё Мечниковым в его этюдах о природе человека. Суть дела в том, что стареющие люди незаметно для себя концентрируют художественное внимание на вопросах пола особенным образом. Этого не избежали ни Толстой, ни Гете, ни Виктор Гюго»⁴.

Кроме того, и сам Шаламов писал о физическом проявлении любви. Эта тема не заняла серьёзного места в художественном мире Шаламова, но свою позицию по этому вопросу он недвусмысленно выразил в письме к И.П. Сиротинской: «Ханжеский призыв запретить доступ секса в литературу лишь отделяет, отсекает художника реалистического направления, от живой жизни. Просвещение по вопросам семьи не разрушает семью, которую разрушает семейная тайна, где в каждом браке скрыты тысячи сюрпризов самых зловещих»⁵. Эта позиция видна и по таким рассказам, как «Уроки любви» и «Чёрная мама». Название первого вызывает ассоциацию с бунинской «Грамматикой любви», а во втором сексуальный опыт представлен как одна из ступеней инициации в новую жизнь после лагеря, выживания и выздоровления. Можно заключить, что у Шаламова были свои собственные мотивы низко оценивать любовные рассказы Бунина.

¹ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2005. Т. 1. С. 121.

² Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2005. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. С. 114–115.

³ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 170. Л. 23.

⁴ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2005. Т. 5. С. 114–115.

⁵ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. Т. 4. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/sha/lam/ovv/ar1/aam/shal_4/index.htm

О том, какое место в русской и мировой литературе Шаламов отводил Бунину, недвусмысленно говорится в его манифесте «О новой прозе»: «Чехов и Бунин только латали бесконечную, бесформенную и претенциозную толстовскую фразу, ремонтировали её. Бунин — это конец описательного романа в русской литературе»¹. Здесь видна парадоксальность оценки: нужно высоко ценить талант современника, чтобы вписать его в ряд классиков, но для Шаламова классика уходит в прошлое — не потому, что мы сбрасываем её с парохода современности, а потому, что опыт катастроф XX в. беспрецедентен в истории человечества и требует новых способов выражения в искусстве. Говорить об этом опыте средствами классической литературы для Шаламова не представлялось возможным.

Ещё более парадоксально отношение Шаламова к поэзии Бунина: «Я не особенный поклонник стихов Бунина. При всем их мастерстве, наблюдательности, стихам Бунина недостает страсти, жизни, живой крови. Бунин далек от анимизма, от очеловечивания природы. Пейзажи его академичны, суховаты. Многие, Паустовский, например, хвалил стихотворение Бунина о Чехове «Художник». Да, здесь удачно сформулирована чуть не главная мысль, развитая Буниным в «Жизни Арсеньева», в «Лике». <...> Стихи Бунина говорят каждый своей строкой, что автор — несравненный прозаик»².

Однако известно, что Шаламов переписывал стихотворения Бунина «Каин» и «Ра-Озирис» в личные тетради для Н. Савоевой и Б. Лесняк; его стихи включены в круг чтения героев рассказа Шаламова «Афинские ночи». Разрабатывая теорию поэтической интонации, Шаламов также обращается к бунинскому наследию: «Может быть, нигде так не ясна, не ярка поэтическая интонация, как в переводах Пастернака, которые точны и в то же время — это сам автор, сам «монстр» и уникум, единственный и неповторимый. То же Бунин и его «Песнь о Гайавате»»³.

Этому переводу Шаламов посвятил отдельную статью «Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате»», которая была опубликована в журнале «Вопросы литературы»⁴. В этом исследовании Шаламов устанавливает год первой публикации поэмы в переводе Бунина, сравнивает разные редакции перевода и предисловия к нему. По мнению Шаламова, задача авторедакции перевода Бунина — «это улучшение русской поэтической речи, большее поэтическое совершенство языка. Отрабатывается стих, усиливается образность речи. <...> За бунинской строфой видна поэтическая картина. Образность

¹ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2005. Т. 5. С. 160.

² Там же. С. 114–115.

³ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. Т. 4. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/sha/lam/ovv/arl/aam/shal_4/index.htm

⁴ Шаламов В.Т. Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

развита и усложнена в духе Лонгфелло. И в духе русской поэзии»¹. Шаламов высоко ценит талант Бунина не только как переводчика, но, в первую очередь, как поэта и наследника русской поэтической традиции. Вероятно, по этой же причине он уделяет особое внимание Бунину в заметке об истории Пушкинской премии Академии наук².

Однако последнее, что Шаламов написал о Бунине, — это незаконченная абсурдистская пьеса «Вечерние беседы», где в главных ролях — русские лауреаты Нобелевской премии по литературе: Иван Бунин, Борис Пастернак, Михаил Шолохов, Александр Солженицын. По сюжету, Бунин появляется в тюремной камере Бутырской тюрьмы в генеральском мундире сталинского покроя со словами: «Да, это Сталин помог мне прийти в себя. Я сразу увидел, что мундир спасет Россию. И признал, так сказать, духовное поражение в этом мундирном споре»³. Этот мундир отсылает к новой офицерской форме, похожей на дореволюционную и введённой в годы Великой Отечественной войны; то есть в то самое время, когда Шаламов понёс жестокое наказание за своё высказывание о великом русском писателе Иване Бунине. По Шаламову, Бунин — антисемит и государственник, «простивший» Сталина после великой победы, подобно некоторым другим писателям-эмигрантам⁴.

Сейчас мы знаем, что это была несправедливая оценка: антисемитом Бунин не был, а на смерть Сталина откликнулся следующим образом: «Вот на конец издох скот и зверь, обожравшийся кровью человеческой...»⁵. Очевидно, в поздних произведениях Шаламова эстетические взгляды уступили место политическим, проис текающим из трагического лагерного опыта. Но хотя Шаламов написал о Бунине немного, он отдал дань уважения его таланту как прозаика, поэта и переводчика, и это дало ещё несколько интересных штрихов к портрету Бунина глазами современников.

Литература

Есипов В. Иван Бунин в судьбе и творчестве Шаламова // Есипов В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 201–223.

¹ Шаламов В.Т. Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963 № 1. С. 153–158.

² Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2013. Т. 7: Рассказы и очерки 1960–1970; Стихотворения; Статьи, эссе, публицистика; Из архива писателя. С. 246–251.

³ Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. Т. 7. С. 371–392.

⁴ Есипов В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Республика, 1997. С. 86–103.

⁵ Из письма Бунина М. Алданову 10 марта 1953 года // Октябрь. 1996. № 3. С. 150.

Есипов В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Республика, 1997. С. 86–103.

«Этому человеку я верю больше всех на земле». Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / Вступл., публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156.

Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М.: Эксмо, 2004. 1072 с.

Шаламов В.Т. Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 / Сост., подгот. текста, примеч. И.П. Сиротинской. М.: Терра-Книжный клуб, 2005. 382 с.

Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 7, доп.: Рассказы и очерки 1960–1970; Стихотворения; Статьи, эссе, публицистика; Из архива писателя. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. 528 с.

References

Esipov V. “Pust’ mne “ne poyut” o narode...” (obraz naroda v proze I. Bunina i V. Shalamova) [“Let them not “sing me” the people...” (the image of people in Ivan Bunin’ and Varlam Shalamov’s prose)]. *IV Mezhdunarodnye Shalamovskie chteniia. Moskva, 18–19 iiunia 1997 g.: Tezisy dokladov i soobshchenij* [IV international Shalamov readings. Moscow, June 18–19, 1997: Abstracts and presentations]. Moscow, Respulika Publ., 1997, pp. 86–103. (In Russ.).

Esipov V. Ivan Bunin v sud’be i tvorchestve Shalamova [Ivan Bunin in the life and works of Shalamov]. Esipov V. *Varlam Shalamov i ego sovremenniki* [Varlam Shalamov and his contemporaries]. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2007, pp. 201–223. (In Russ.).

“Etomu cheloveku ia veriu bol’she vsekh na zemle”. Iz perepiski I.A. Bunina i M.A. Aldanova [“This is the man I believe the most on earth”]. From the correspondence between Ivan Bunin and Mark Aldanov]. Ed. by A. Chernyshev. *Oktiabr’*, 1996. no 3, pp. 115–156. (In Russ.).

Shalamov V.T. *Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigation files], ed. by I. Sirotinskaiia. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 1072 p. (In Russ.).

Shalamov V.T. Rabota Bunina nad perevodom “Pesni o Gajavate” [Bunin working on the translation of “the Song of Hiawatha”]. *Voprosy literatury*, 1963, no 1, pp. 153–158. (In Russ.).

Shalamov V.T. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 5: Esse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979* [Collected works: In 6 vols. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. Ed. by I. Sirotinskaiia. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 2005, 382 p. (In Russ.).

Shalamov V.T. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 7, dop.: Rasskazy i ocherki 1960–1970; Stikhotvoreniia; Stat’i, esse, publitsistika; Iz arkhiva pisatelia* [Collected works: In 6 vols. Vol. 7, add.: Stories and essays 1960–1970; Poems; Articles, essays, journalism; From the writer’s archive]. Ed. by I. Sirotinskaiia. Moscow, Knizhnyi klub “Knigovek” Publ., 2013, 528 p. (In Russ.).

IVAN BUNIN READ BY VARLAM SHALAMOV

© 2019, DAR'IA GRITSAENKO

Abstract: The article tells about the paradoxical attitude of Varlam Shalamov towards Ivan Bunin as a prose writer, a poet and a translator.

Keywords: 20th century, Ivan Bunin, Varlam Shalamov, poetry, prose, literature, Nobel prize

Information about the author: Dar'ia Gritsaenko, Postgraduate student, A.M. Gorky Institute of Literature. E-mail: otradninskaya@gmail.com

И.А. БУНИН И М.А. БУЛГАКОВ: ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

© 2019, О.В. ЧУПКОВА

Аннотация: В данной статье рассматривается преломление темы одиночества в творчестве И.А. Бунина через призму произведений М.А. Булгакова. Тема одиночества достигла пика своего развития в эпоху романтизма, когда исключительный герой противостоял и противопоставлял себя обществу, оставаясь для большинства загадкой. В начале XX в. тема одиночества прозвучала на весь мир через литературу «Потерянного поколения». Конечно, ни Бунин, ни Булгаков не относятся к «Потерянному поколению», Булгаков даже не является представителем Серебряного века, но при этом в творчестве Булгакова происходит развитие большинства тем и вопросов, заданных не только переломной эпохой, но и эпохой Серебряного века. Творческие реминисценции на произведения Бунина особенно ярко выражены в рассказе «Псалом» и в «Белой гвардии», когда раскрывается тема предательства семьи-первоосновы Тальбергом.

Ключевые слова: реминисценция, аллюзия, символ, композиция.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Чупкова — учитель русского языка и литературы, Средняя общеобразовательная школа № 5, ул. Чернышевского 42 А, 142209 Серпухов, Россия, E-mail: monika6455@yandex.ru

Литературные реминисценции свойственны всем писателям, М.А. Булгаков неоднократно обращался к творчеству И.А. Бунина при создании художественной реальности. Например, при написании рассказа «Псалом» и описании в романе «Белая гвардия» чувств Елены к Тальбергу, чтобы подчеркнуть, каким одиноким может быть человек, теряя любовь.

Лирические размышления Бунина перекликаются с прозой Булгакова, создавая образы одиноких и глубоко несчастных героев. Но что же такое одиночество? Почему даже в семье человек может быть одинок? Как можно спастись от одиночества, да и нужно ли? И почему после исполнения мечты человек чувствует себя опустошенным?

Тема одиночества — это вечная тема, которая, наряду с основными вопросами бытия, привлекает не только авторов произведений, но и читателей.

В рассказе Бунина **«Заря всю ночь» (1902–1926)** представлено желанное одиночество. Юная Наталья мечтает о любви, но при этом она не желает выходить замуж за человека, которого ей с самого детства прочили в женихи. Картины природы оттеняют эмоции девушки: на вечерней заре отец ей сказал, что отдал ее руку Сиверсу, а на утренней — Наталья решила, что не выйдет замуж.

Гармония природы и неясные мечты девушки, узнавшей о скором замужестве, тождественны друг другу: «Всё было неопределённо и на земле,

и в небе, всё смягчено лёгким сумраком ночи, и всё можно было разглядеть в полусвете непогашенной зари»¹. Наталья смущена, растеряна, не знает, в чём же счастье и достижимо ли оно в браке с человеком, которого она плохо знает, поэтому она не спала, а ждала рассвет и «всё более теряла чувство действительности»². Гармония ночной природы увлекает девушку в сад, словно она ищет ответ именно в тенистой беседке, скрытой душистым кустарником: «Всё вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, особой ночной жизнью, которая непонятна утром»³. Ночная жизнь отвечает запутанным чувствам девушки, раскрывает их: можно ли полюбить после свадьбы, можно ли назвать любовью детские шутки, можно ли выходить замуж по решению отца и человека, которого она не видела почти год, но и до этого она не видела его — не видела женихом.

Всю ночь Наталья искала в себе ответ на вопрос о том, где и в ком её счастье и обрела его: «Близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, — то страшное и большое, что в тот или иной момент встречает всех нас на пороге жизни. Оно вдруг коснулось меня — и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти»⁴. Уловимо ли счастье — вот новый вопрос, который находит для себя героиня и обретает спокойную уверенность в себе: «Дрожала яркой и чистой каплей Венера. Я кого-то любила, и любовь моя была во всём: в холоде и в аромате утра, в свежести зелёного сада, в этой утренней звезде...»⁵. Венера здесь выступает символом всего рассказа: утром и вечером царит она на небосклоне, даря мечты, радость и грусть, заслоняя второстепенное и открывая важное.

Героиня рассказа выбирает свой путь — нет, и не может быть, счастья там, где не было любви, пусть трепетно-юношеской, наивной. Наталья отказывает Сиверсу, который с утра пораньше приехал, чтобы пострелять в галок, тем самым разрывая гармоничную картину летнего утра, отказывает, потому что для нее любовь естественна, как сама природа. Если бы лирическая героиня любила, она бы, не размышляя, ответила согласием, ведь заснула она только на утренней заре, приняв решение не выходить замуж. Рассказ написан от первого лица, что придает повествованию особый лиризм, приближая его к дневниковой исповеди, призванной уловить малейшее движение чувств героини. Наталья выбирает одиночество и ожидание любви, равной по силе воздействия преображающей силе природы.

Герои булгаковского рассказа **«Псалом» (1923)**, наоборот, выбирают самообман страсти, устав от одиночества. Композиция произведения — лирический дневник, раскрывающий суть переживаний героя-повествователя.

¹ Бунин И.А. Солнечный удар. СПб.: Амфора, 2014. С. 312.

² Там же. С. 313.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 314.

⁵ Там же.

Неслучайно в название рассказа вынесено церковное песнопение, прославляющее любовь — основу бытия. Любовь — религия, ей поклоняются, ее воспевают художники, о ней мечтают. Но иногда любовь уходит от человека, и остается одиночество, которое способствует подмене любви страстью — в этом писатель видит трагедию своих героев.

Удивительная цветотпись и тонкая звукопись передают мельчайшие оттенки чувств булгаковского героя-повествователя. С приходом соседского мальчика мрачная комната приобретает иной вид: множество оттенков золотого согревают одинокую душу рассказчика. В комнате становится тепло и уютно, все вещи словно приветствуют маленького гостя: «Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джерома Джерома»¹. Через аллюзию на роман Дж.К. Джерома «Тroe в лодке, не считая собаки» Булгаков характеризует троих героев рассказа, которые в водовороте жизни оказались в одной лодке, мечтая о собаке, как о символе преданности и семейного уюта. Одиночество мучает рассказчика, что выражается в постоянном поиске золотого света и тепла.

Лейтмотив рассказа складывается из стихотворения, которому герой-повествователь научил ребенка:

Куплю я себе туфли
К фраку и буду петь по ночам
Псалом... И заведу... себе собаку...
Ничего... как-нибудь проживем².

Здесь прослеживается реминисценция на стихотворения Бунина «Одиночество» (1903) и «Собака» (1909). В стихотворении «Одиночество» царит уныние:

И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму. <...>
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить³.

В стихотворении «Собака» поэт говорит о том, что тоска — вечный спутник человека, ведь постоянный поиск идеала, несмотря на присутствие преданной собаки, рождает душевную усталость и грусть:

¹ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 336.

² Там же.

³ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 271–272.

Я человек: как Бог, я обречён
Познать тоску всех стран и всех времен¹.

Этот лейтмотив восходит к стихотворению в прозе *И.С. Тургенева «Собака» (1878)*, где страшная буря сеет одиночество в душах лирического героя и его пса: «Нет! Это не животное и человек меняются взглядами... Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке, — одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой»². Здесь буря является метафорой — это сама жизнь, которая порой объединяет даже тех, кто случайно оказывается рядом в момент острой тоски и страха перед величайшей тайной бытия.

Образ любви выражен звуковой и световой антитезой: Вера, одинокая женщина, брошенная своим мужем, появляется и дверные «петли поют приятно»³, она зовет домой ребенка, но тот ждет сказки и остается, тогда мать уходит, а «петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен»⁴. Одиночество липкой паутиной охватывает героя, но рядом мальчик, и он требует обещанной истории, поэтому звучит сказка о нем. Рассказчику больно от того, что женщина, которую он любит, одинока, что почти год она тщетно ждет мужа и скрывает горькие слезы. Эти слезы причиняют почти физическую боль повествователю, он хочет видеть Веру счастливой, но только рядом с собой. Ощущение сиротства является ведущим чувством в рассказе.

Есть отчаявшаяся женщина, которая остро переживает свое одиночество, чувствует себя преданной, брошенной, и мужчина, тоскующий по любви и верности, уюту, который они приносят в жизнь. Неслучайно при приходе Веры, «радостно спели петли»⁵, несмотря на то, что за окном непроглядная тьма, женщина придает комнате особый свет — тепло зарождающегося чувства. Антитеза света и тьмы, уюта и заброшенности, любви и равнодушия подчеркивает минорный настрой рассказа.

Когда Вера и Славка рядом, жизнь рассказчика перестает быть тоскливой и мрачной, потому что, казалось бы, есть любовь и нежность: «У меня тоска, знаете ли»⁶. Скуку и тьму ночи прогоняет страсть, которая, пусть на миг, но спасает героев от одиночества: «Что я делаю... Что вы делаете...»⁷, — шепчет Вера и уступает. Здесь происходит низвержение любви до страсти, которую рождает одиночество, герои пытаются спастись от самих себя, от грусти

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. С. 71.

² Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. М.: Худож. лит., 1984. С. 214.

³ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. С. 336.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же. С. 339.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

и мрачных мыслей. Но между ними не любовь, потому «конусов нет. Давно замолк чайник. Мгла. Мгла. Пуговиц нет. Не куплю себе туфли к фраку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживем»¹. Таким образом, герой-рассказчик опровергает лейтмотив стихотворения И. Бунина: в отчаянии тонуть больше нет смысла, но и ничего нового тоже не появится. Псалом не получился, любви нет, в finale она превращается в страсть, в спасение от одиночества. Любовь перестает быть религией, а страсть становится недолгим спасением от тоски по семейному теплу и участию.

В «Белой гвардии» образ Елены, сестры-заступницы братьев, складывается не только через отношение автора, других героев и речевую характеристику, но и с помощью литературных реминисценций, например, когда Елена плачет из-за предательства Тальберга, она сравнивается с Лизой, обманутой Германом. Когда героине только предстоит пережить предательство мужа, Булгаков соединяет ее путь, да и путь мировой истории человечества, с судьбой богатого господина из Сан-Франциско, способного купить все и всех, кроме всемогущего времени.

В первой главе романа переживания за мужа наполняют душу женщины тоской и дурными предчувствиями: «Перед Еленой остывающая чашка и “Господин из Сан-Франциско”. Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова: “...мрак, океан, выюгу”. Не читает Елена»². Тревожная метель за окном напоминает зловещий морской пейзаж из рассказа Бунина **«Господин из Сан-Франциско» (1915)**. Квартира Турбинах в эпоху безвременья — аллюзия на корабль: «Океан, ходивший за стенами, был страшен, но о нём не думали, твёрдо веря во власть над ними командира»³. Елена также верила в гетмана, обещавшего безопасность и спокойную жизнь, охраняемую немецкими частями. Всю свою тревогу она обращает в отчаянную ненависть к союзникам: «Возможно ли, чтобы они за это не ответили? Они ответят. Будут они мучиться так же, как и мы, будут. Она упрямо повторяла “будут”, словно заклинала»⁴. Но океан жизни, несущий Турбинах, «с гулом ходил за стеной чёрными горами, выюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая её»⁵. Дрожь неизвестности, дурных предчувствий и вечного ожидания поселилась в душе Елены: «Нас обманули, послали на смерть... Откуда же взялась эта страшная армия?.. Соткалась из морозного тумана в игольчатом синем и сумеречном воздухе»⁶. Елена понимает, что ее муж и братья в опасности, что с каждым днем все ближе банда Петлюры, что ее семья находится на грани, что они плывут в тумане океана истории вместе.

¹ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. С. 339.

² Там же. С. 186.

³ Бунин И.А. Солнечный удар. С. 16.

⁴ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. С. 320.

⁵ Бунин И.А. Солнечный удар. С. 17.

⁶ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. С. 320.

сте с несущей несчастье “Атлантидой”. А безымянный господин отправился с семьей в морской круиз: «До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но всё же возлагая все надежды на будущее»¹, — так же жил и Тальберг в уютном доме Турбинах.

Лейтмотив рассказа Бунина — быстротечность жизни, ведь «люди до сих пор ещё больше всего дивятся и ни за что не хотят верить смерти»². Иллюзия света и защищенности богатством таит перед неминуемой смертью, обесценившей господина в глазах окружающих: «Его больше не было, — а кто-то другой»³. Печален обратный путь парохода “Атлантида”, таящего в себе ужасный груз — господина, «напугавшего... напоминанием о смерти»⁴ каждого пассажира. Неслучайно Елена читает рассказ о зыбкости бытия, бессилии богатства и тщетности попыток вернуть радость жизни.

При появлении Сергея Тальберга Булгаков раскрывает противоречивое отношение братьев к избраннику Елены, совершенно неподходящему к жизни их дома, но любимому сестрой: «Образовалась какая-та трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через неё незаметно»⁵. За полтора года брака с Еленой Сергей так и не смог стать своим из-за вечного притворства и малодушия. Братья не понимают, почему Елена выбрала себе в мужья фальшивого человека, презирают его за «двухэтажные глаза»⁶. По взгляду пришедшего Сергея становится понятно, что грядет непоправимое в жизни Турбинах: «Самое же глубокое было, конечно, скрыто, как всегда». Внешне Тальберг напоминает бездушную машину: «Поворачивается под черными часами, как автомат. <...> Глянул на часы и неожиданно добавил: — Елена, пойдём-ка на пару слов»⁷, — подгоняя роковое мгновение. Сцену в спальне Булгаков описывает через прием кинематографичности, заменяя мгновение рокового известия сценой в гостиной, где братья помогали продрогшему Мышлаевскому, разделяя тем самым жизнь Елены на до и после.

Радость от возвращения мужа становится яркой антitezой состоянию женщины после разговора с ним: «Елена рыжеватая сразу постарела и подурнела. Глаза красные. Свесив руки, печально она слушала Тальберга. А он сухой штабной колонной возвышался над ней»⁸. Автору искренне жаль свою героиню, каждое сравнение, брошенное в сторону Тальберга, наполнено едкой иронией и презрением.

¹ Бунин И.А. Солнечный удар. С. 14.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. С. 194.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Там же. С. 194–195.

⁸ Там же. С. 195.

Женщина нашла в себе силы не унижаться перед предателем, несмотря на всю свою любовь и нежность к нему. Единственный момент, когда Сергей, не умеющий любить, становится похожим на человека — это прощание с семьей и почти благословление Елены: «Тальбергу, которому не были свойственны никакие сентиментальные чувства, запомнились в этот миг и чёрные аккорды, и истрёпанные страницы вечного “Фауста”»¹. Молитва Елены была услышана — муж вернулся домой, но только для того, чтобы попрощаться навсегда, предать.

В финале романа Елена получает письмо-известие из Варшавы, не затягивающееся в революционной метели, нашедшее ее своим приговором. Состояние героини Булгаков снова передает через описание спальни, окольцовывая композицию: «Хоть на лампе был абажур, в спальне Елены стало так нехорошо, словно кто-то сдёрнул цветистый шёлк и резкий свет ударил в глаза и создал хаос укладки»². Что зеркально ситуации прощания с Тальбергом: абажур, снятый при сборах, и просьба вспомнить о девичьей фамилии; абажур, развеянный горьким известием, и скорая женитьба неожиданно свободного мужа. В этой сцене Булгаков усиливает прочность семейных уз — Елена и Алексей, похожие на мать, утешают друг друга. Кольцо композиции замыкается: в гостиной друзья, как и в тот момент, когда Тальберг уходил из дома, а Елена находит утешение в безусловной любви семьи.

В композиции булгаковских произведений творчество Бунина подчеркивает и усиливает мотивы бесконечности человеческого одиночества, его поиска самого себя и его восприятия бытия — как вечного и всесильного, расставляющего все по своим местам. При этом человек не является песчинкой в общемировых часах, он, совершая выбор, как в великих, так и в малых вещах, по мере своих сил творит вековую Историю человечества.

Литература

Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1, 2. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. М.: Художественная литература, 1989. 622 с.

Бунин И.А. Солнечный удар. Рассказы. Дневники. Новеллы. СПб.: Амфора, 2014. 464 с.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014.

Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. М.: Художественная литература, 1984. 223 с.

¹ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. С. 120.

² Там же. С. 419.

References

- Bulgakov M.A. *Sobr. soch.: V 5 t. T. 1, 2. Zapiski iunogo vracha; Belaia gvardiia; Rasskazy; Zapiski na manzhetakh* [Collected Works: In 5 vols. Vol. 1, 2. Notes of the young doctor; White Guard; Stories; Cuff notes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 622 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Solnechnyi udar. Rasskazy. Dnevnikи. Novelly* [Sunstroke. Stories. Diaries. Short stories]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2014. 464 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Stikhotvoreniia. V 2 t.* [Poems. In 2 vols.]. Ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo doma Publ., Vita Nova Publ., 2014 (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Stikhotvoreniia v proze* [Prose poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 223 p. (In Russ.)

IVAN BUNIN AND MIKHAIL BULGAKOV: THE PROBLEM OF LONELINESS IN THE LITERATURE

© 2019, OLGA CHUPKOVA

Abstract: This article discusses the idea of loneliness in Ivan Bunin's works through the lens of the works by Mikhail Bulgakov. The theme of loneliness reached the peak of its development in the romantic era, when an exceptional hero confronted and opposed himself to the society, remaining a mystery to the majority of people. At the beginning of the 20th century the theme of loneliness has resurfaced in the literature of the "lost generation". Of course, neither Bunin nor Bulgakov belong to the "lost generation", Bulgakov does not even belong to the Silver Age, but at the same time most of the topics and questions relevant both for the times of change and the Silver Age, are developed in Bulgakov's works. Creative reminiscences of the Bunin's works are vividly expressed in the story "The Psalm" and in "The White Guard" novel, where the theme of the betrayal is revealed when Thalberg betrays his foundation-family.

Keywords: reminiscence, allusion, symbol, composition.

Information about the author: Olga Chupkova, teacher of Russian language and literature, Secondary school № 5, Chernyshevskogo str., 42A, 142209 Serpukhov, Russia. E-mail: monika6455@yandex.ru

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН И НАТАША ЗАЙЦЕВА

© 2019, О.А. РОСТОВА

Аннотация: В статье рассматривается история дружеских отношений И.А. Бунина и Н.Б. Соллогуб, дочери Б.К. Зайцева. В основу положены документы, письма и воспоминания Наталии Борисовны о встречах с Буниным, начиная с 1920-х гг. до последних дней жизни писателя. О драматическом периоде разрыва отношений Бунина и Зайцева глазами «Наташи», которой дороги были оба этих замечательных человека. В статье приводятся выдержки из писем 1930-х гг. Н.Б. Соллогуб к родителям, посвященные И.А. Бунину и его окружению, фрагменты ее воспоминаний.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.Н. Бунина, Б.К. Зайцев, В.А. Зайцева, Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, Н.Б. Соллогуб, А.В. Соллогуб, А.С. Эфрон, С.Я. Эфрон, переписка, воспоминания.

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Ростова — старший научный сотрудник, Дом-музей Марины Цветаевой, Борисоглебский пер., д. 6, стр. 1, 121069 Москва, Россия, E-mail: olga.rostova27@gmail.com

Дорогая Наташенька¹, ты очень мила мне, от всего сердца желаю тебе и я всего лучшего в жизни.

Ив. Бунин

30 марта 1928 г.

Париж².

Эту памятную запись в девичьем альбоме³ Наташи Зайцевой Иван Алексеевич Бунин сделал, когда Наташе шел шестнадцатый год. Тогда они встречались очень часто. Наталия Борисовна вспоминала:

¹ Соллогуб Наталия Борисовна (урожд. Зайцева; 1912–2008) — дочь Б.К. Зайцева, мемуарист, хранитель архива и библиотеки отца. В 1922 г. выехала с родителями в Берлин, с 1924 г. жила в Париже. Ее устные рассказы легли в основу книг «Я вспоминаю...» (впервые — РМ. 1997. № 4163–4166), «Напишите мне в альбом. Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От» (Авт.-сост. О.А. Ростова. М.: Русский путь, 2004). Составитель посмертных изданий произведений отца, в частности, сборника «Мои современники» (Лондон, 1988) и др., участвовала в подготовке к изданию собраний сочинений Б.К. Зайцева в 3 т. (сост. Е. Воропаева. М., 1993) и в 11 т. (сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001).

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова; Коммент. Л.А. Мнухин, О.А. Ростова. М.: Русский путь, 2004. С. 62–63.

³ Альбом, в котором И.А. Бунин сделал памятную запись Наташе Зайцевой, был подарен Б.К. Зайцевым дочери ко дню ее рождения — 27 августа 1927 г. В период до конца 1930 г. в нем оставили свои автографы 33 ярчайших представителя русской эмиграции. Хранится в домашнем архиве Б.К. Зайцева в семье Соллогуб в Париже.

Может быть, Бунины были у нас в гостях в Париже. Хотя мы у них в парижской квартире бывали чаще. Но вряд ли я брала с собой альбом... Думаю, что все-таки именно в тот раз они пришли к нам. Я, конечно, тогда очень его стеснялась, но в какой-то момент, видимо, подошла и попросила: «Иван Алексеевич, напишите мне, пожалуйста, что-нибудь в альбом». Он полистал¹ его, а потом уже сделал свою надпись. Ведь я тогда была девочкой. Ну что такое шестнадцать лет! Вот если бы какую-то надпись пришлось сделать лет через десять... Это были бы уже, наверное, совсем другие слова!².

Конечно, Бунин видел дочку Зайцевых и раньше, еще в Москве, но тогда это была просто маленькая девочка. В эмиграции Наташа быстро взросла — непростые ежедневные дела и заботы родителей, особенный круг общения отца, друзья дома становились для девочки и ее кругом общения, частью ее жизни. «Ни у кого из писателей не было детей или у кого-то они были, но уже взрослые, у кого-то погибли или остались в России», — вспоминала Наталия Борисовна. Свою индивидуальность, непосредственность, «взросłość» и рассудительность Наташа проявляла уже годам к одиннадцати. Не случайно Надежда Александровна Тэффи³ свой маленький фельетон «Цветик белый»⁴ писала с Наташи, ей и посвятила.

Когда мы приехали в Париж, с Буниными мои родители виделись регулярно. Я помню, был какой-то момент, что Вера Николаевна⁵ была очень серьезно больна: у нее было что-то с печенью. И все страшно волновались... Мама⁶ с Верой Николаевной были дружны с молодости, а мой отец и Иван Алексеевич были тогда еще на «Вы». Да-да! Но они очень скоро перешли на «ты».

<...> В эти годы Бунины жили в Grasse, а мы с папой и мамой в 1925–26-м годах жили на юге Франции в имении Ельяшевичей, куда Василий Борисович⁷

¹ До И.А. Бунина памятные записи в альбоме Наташи Зайцевой оставили митрополит Евлогий (Георгиевский), Б.К. Зайцев, М.А. Алданов, М.А. Осоргин, Н.А. Бердяев, А.М. Ремизов, Саша Черный, И.С. Шмелев.

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 67.

³ Н.А. Тэффи познакомилась и подружилась с Зайцевыми в 1922 г. в Берлине, в Париже, с осени 1924 г., длительное время жила с ними в квартире на улице Belloni.

⁴ Маленький фельетон Тэффи «Цветик белый» впервые был опубликован в парижской газете «Звено» 3 марта 1924 г., впоследствии был включен в книгу «Городок» (Париж, 1927).

⁵ В.Н. Бунина.

⁶ Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова, 1878–1965) — жена Б.К. Зайцева. Общественная и церковная деятельница.

⁷ Василий Борисович Ельяшевич (1875–1956) — адвокат, историк, благотворитель. Близкий друг Зайцевых.

и его жена¹ нас приглашали. Так что Иван Алексеевич и Вера Николаевна приезжали к нам на машине — они снимали машину и приезжали к нам. Это было километров в шестьдесят. И мы к ним ездили. Но, конечно, не на автомобиле, а на каких-то бесконечных автобусах! (Смеется.).

<...> Вера Николаевна страшно любила детей. А Ивана Алексеевича я смущалась! Он это, конечно, замечал, подшучивал немножко! С этого и началась наша дружба...

Их вилла Бельведер очень красиво стояла над Grasse. К ней надо было подниматься в гору, и вид оттуда был замечательный! Море, красота. Мы делали чудесные прогулки.

Бунин запомнился мне таким элегантным, в белом... Он всегда немножко позировал. Вообще он очень любил внимание, любил быть в центре. Очень интересный был мужчина. И так слегка подтрунивал надо мной. Я, видимо, смотрела на него с обожанием. Думаю, еще и потому, что папа всегда о нем прекрасно говорил.

Иван Алексеевич всегда был такой оживленный, милый. С нами он был совершенно свободный, без всякой позы... Папа у них иногда проводил две-три недели. И так до войны... Папа любил Бунина, несмотря ни на что — ни на его сложный, такой взрывной нрав...².

В 1929 г. Иван Алексеевич подарил Зайцевым книгу избранных рассказов «Грамматика любви», вышедшую в Белграде, впервые с дарственной надписью и дочери Зайцева:

*Вере, Борису и Наташе Зайцевым
любящий их Ив.³*

Всю жизнь Наталия Борисовна оберегала архив отца, а его библиотеку с автографами «братьев-писателей» и, конечно же, Бунина, держала в кабинете Бориса Константиновича. К сожалению, не все книги с дарственными надписями сохранились. Виной тому и война, и переезды, и недобросовестные люди.

В свой альбом, который Наталия Борисовна всегда хранила в укромном месте, она когда-то вложила памятное письмо от Бунина — небольшой лист плотной бумаги с закрепленным на нем засушенным букетиком грасских цветов, которые до сегодняшнего дня удивительным образом сохранили окраску.

¹ Фаина Осиповна Ельяшевич (урожд. Моргулис, 1877–1941) — жена В.Б. Ельяшевича; общественная деятельница.

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 62, 64.

³ Там же. С. 64.

Милая Наташенька, это сорвано совсем недалеко от нас.

*И.Б.
6.IV.1931¹*

Дни, проведенные в Грассе, беседы и прогулки с Буниным на всю жизнь остались незабываемыми. Наталия Борисовна вспоминала, что в очень хорошую погоду, с виллы Бельведер было видно море, а по вечерам воздух был напитан изумительными ароматами цветущих роз.

Папе в Grasse очень хорошо работалось. У Ивана Алексеевича внизу был большой кабинет, а он жил наверху. Работали все² по утрам, и в доме была тишина. Встречались, в основном, за столом. Спорили, конечно, обсуждали новости, литературу. Иван Алексеевич был очень острым на язык. У него был свой взгляд на многие вещи, на писателей. Он, например, не все принимал у Чехова, а пана его обожал... Вообще, Бунин иногда был категоричным и нетерпимым, а пана — сдержаным. Но они всегда находили общий язык³.

В марте 1932 г., сразу после свадьбы, Наташа с мужем⁴ уехала в Канны. Иван Алексеевич часто приезжал к ним позавтракать, и молодая хозяйка всегда старалась приготовить «что-нибудь вкусненькое». А когда Зайцев гостили у Буниных, то приезжал к молодым Соллогубам с Иваном Алексеевичем. Все вместе ходили на пляж, купались или просто гуляли. Наталия Борисовна всегда вздыхала, говоря о Вере Николаевне, которая только и могла отдохнуть, когда выбиралась куда-то: «...она ведь кормила, поила, гладила целыми днями, пока все писали».

Когда пришло известие о том, что Бунину присуждена Нобелевская премия, нужно было много всего решить. Оказалось, что нужен был секретарь, который говорит по-английски. А Андрей блестящее знал английский и часто бывал в Англии. А мы с Иваном Алексеевичем уже были очень дружны. Андрей ему нравился. Так вот Иван Алексеевич предложил ему ехать с ним в Стокгольм в качестве его секретаря. Да еще у Андрея был шикарный смокинг!

¹ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова; С. 65.

² В этот период в доме Буниных в Грассе жили молодые писатели: с 1929 г. Леонид Федорович Зуров (1902–1971), с 1927 г. Галина Николаевна Кузнецова (1900–1976).

³ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 66.

⁴ Андрей Владимирович Соллогуб (1906–1996) — доктор юридических наук (1938), финансист, благотворитель. Муж Н.Б. Соллогуб. В 1920 г. эмигрировал с родителями. По окончании Парижского университета с конца 1920-х гг. служил во французском отделении английского Barclays Bank. В 1964 г. был назначен на пост главного директора Barclays Bank во Франции.

Но Андрей не смог поехать — он просто был очень занят на службе и никак не мог рисковать. И поехал Яков Цвибак^{1,2}.

В доме Зайцевых было принято хранить все письма. Даже короткие записочки и пометки на календарях Борис Константинович не разрешал выбрасывать. Сохранились и Наташины письма к родителям — где бы она ни находилась, всегда писала им. Вскоре корреспонденция Натальи Борисовны влилась в домашний архив Зайцевых-Соллогуб.

Из писем Н.Б. Соллогуб родителям:

14. IV. 34

Cannes

Дорогой мой папенька! Здесь совсем рай! Я вчера ездила в Grass к Буинным. Они тебя очень ждут. Галина показывала мне твое письмо³. У них сейчас изумительно. Весь сад в цветах (которые рассадил Зуров и показывал, хвастаясь), но настроение ужасное! Когда мы пили чай все вместе, то чувствовалось, как они друг друга ненавидят!⁴ Спор главным образом из-за покупки Belveder. Ив.А. хочет купить и ведет уже переговоры, а все трое рвут и мечут, и не хотят. Галина проводила меня до автобуса (она шла в город на урок французского) и жаловалась, ужасно им всем тяжело. Но ты этим не стесняйся. Они наоборот жаждут твоего приезда, чтобы «размять атмосферу»! Ив.А. плохо выглядит; нервный, отсутствующий. В.Н., как всегда, говорит, см[<]еется — нрзб>, но тоже больная, несчастная. Один Зуров процветает. Чувствует себя великим писателем и неотразимым мужчиной (Lilya d'eau), а Галина все-таки самая симпатичная (на вид).

Между Галиной Кузнецовой и Наташой, тогда еще Зайцевой, «любви» не было. Наблюдательная девушка понимала, что в доме Буинных не совсем

¹ Яков Моисеевич Цвибак (псевд.: Андрей Седых, 1902–1976) — писатель, журналист. В 1922 г. был выслан в Германию. Свою поездку с Буинным в Стокгольм описал в книге: Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962. С. 189–201.

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 66.

³ Речь идет о письме Зайцева Бунину от 23 марта 1934 г., в которое вложена вырезка со статьей А.А. Мордвинова (Младорусская искра. 1934. 25 февраля) с коротким комментарием Зайцева и сообщение о его приезде: «Надеюсь в конце апреля лично всех расцеловать» (Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. (Т. 6–11 доп.) / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 11. С. 64). Зайцев приехал в Грасс 25 апреля.

⁴ 26 апреля 1934 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Вчера приехал Борис Зайцев <...> очень родной нам, точно из семьи <...> Приезд Бори может принести в наш дом мир» (Устами Буинных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt-am-Main: Посев, 1977–1982. Т. 3. С. 9).

обычная обстановка. Голубые глаза Наташи, видимо, выдавали ее чувства. Еще в сентябре 1930 г., когда Зайцевы посетили Буниных в Грассе, Кузнецова написала в альбоме Наташи ко дню ее рождения:

«Самое милое в Вас, Наташа, голосок.

Г. Кузнецова. Грасс

3 сентября 1930»

— Не знаю, почему она так написала.

— Ты ей не нравилась?

— Я этого не ощущала. Она была мила. Но тепла не было.

— В тридцатом году тебе было уже восемнадцать лет, а ей — двадцать восемь...

— Я, конечно, во многом уже разбиралась тогда. И все несуразности этого дома, конечно, видела. Ведь Ивану Алексеевичу было за шестьдесят... (Пауза.) Галина появилась у них в 27-м... Почти семь лет...¹

Мой отец никогда ни во что не встревал. Он любил Бунина — человека и писателя. Он, конечно, видел весь этот “бедлам”, но никогда никого не осудил»².

5 мая 1934

Вчера у нас завтракали папа и И.А. Он привез сыр, вино, а потом поехали хлопотать насчет вечера папиного³. Потом поехали смотреть виллу (И.А. имеет *pirouette*⁴, чтобы купить, но ничего кроме Belveder не хочет, поэтому заранее можно сказать, что все, что ему предлагают — неподходящее!)

В Grass И.А. уехал часа в 4, а мы с папенькой гуляли...

12. 2 1935

Cannes

Сегодня я звонила Буниным. Вы знаете, Ив.А. болен, он упал и сломал ногу (или вытянул?). Лежит уже больше 2-х недель. В.Н. была очень мила, звала к себе.

¹ Свои отношения с Кузнецовой Бунин скрывал. «Они иногда уезжали на несколько дней на автомобиле вдвоем... Что-то осматривать... Прованс... Все это выглядело элегантно», — вспоминала Наталия Борисовна. На вопрос о слухах, которые ползли, она ответила: «Это все знали сразу. Сплетничали, больше ничего. Галина с ним специально не появлялась. Внешне, по-моему, все было очень благородно» («Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Сост. О.А. Ростова. С. 69).

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 218, 219.

³ Лекция Б.К. Зайцева «Русский человек в современности» состоялась в Ницце 27 мая 1934 г. по адресу: 1, av. Notre-Dame. Председательствовал И.А. Бунин.

⁴ Пируэт, вертушка. Здесь: сделать пируэт (*фр.*).

14. 2. 1935

Cannes

Буинны были страшно милы (я звонила В.Н. еще третьего дня, и она звала как можно скорее. И.А. уже лучше, уже два дня как он ходит с палочкой, хотя мало <нрзб>, но все-таки. В.Н. счастлива, что может за ним выносить горшки (т. к. Галины он стесняется...) и вообще она (В.Н.) себя чувствует «на закрепленных позициях». Она была очень мила со мной, и, хотя очень устала, по-моему, чувствует себя лучше и физически, и морально.

Г.Н. в плохом виде. У нее температура повышается, какие-то прыщи на лице, а ж... растолстела еще. Вообще вид у нее плохой. Ей все надоело страшно. По-моему, она влюблена в М...¹ и, кажется, в апреле опять собирается туда.

Зато Леня — герой нашего времени, он сейчас там любимчик. Да и правда, он очень хорошо себя держит, много работает, кроме того, начал учиться у какого-то химика делать essence de parfums², и даже немного заработал комиссионных. Долго объяснять, но есть даже надежда, что еще подработает. Но это все между нами. Он тоже был очень мил, провожал меня до автобуса. Взошла луна, такая красота! У них очень тепло, купили новую печку, так что топят вовсю. «Ваня» был в ударе, острил со мной: так рассказал о бале и о Кедровой³, что я помирала со смеху. Какой он талантливый!

16.II.35

Cannes

Завтра едем к Буинным.

Наталия Борисовна очень часто ездила к Буинным с мужем. Это был обаятельный, безукоризненно воспитанный, немногословный человек, но с изящным чувством юмора. Живя в Ницце, Каннах, Наташа и Андрей приезжали к Буинным под вечер, ночевали. Наталия Борисовна вспоминала: «Иван Алексеевич всегда был с нами очарователен. Никогда его плохой характер на нас не отражался. Напротив, он молодел с нами»⁴.

21.II.35

Буинны с нами очень милы. Встретили нас как родных. И.А. страшно смешил нас своими рассказами о генералах и т.д. В.Н. очень ласкова. Она

¹ Имеется в виду Маргарита Августовна Степун (1895–1972) — оперная певица, сестра Ф.А.Степуна.

² Основа парфюмерии (эссенция для изготовления парфюмерии) — *фр.*

³ Елизавета Николаевна Кедрова (была больше известна как Лия Кедрова, 1909–2000) — драматическая актриса, играла в известных театрах русского Парижа, выступала и на французской сцене. Участвовала в благотворительных концертах, в традиционных литературных балах.

⁴ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 66.

начинает «выигрывать партию». И.А. с ней гораздо теперь лучше, чем раньше, а это необходимо там очень. С Зуровым мы в оч. дружеских отношениях. Только, как всегда, он не дает сказать слова! Вчера он к нам приехал в 3 часа дня, я с ним встретилась на Croisette. Мы гуляли.

В 1936 г. Наталия Борисовна довольно часто виделась с родителями — иногда сами Соллогубы приезжали в Париж по служебным делам Андрея Владимировича, долгое время на Лазурном берегу гостили и Зайцевы.

В июле приехала Ариадна Эфрон¹, в это же время Вера Алексеевна с Борисом Константиновичем жили у Буниных. Наташа как-то приезжала к Буниным с Алей, в прогулках их сопровождал Зуров. Сохранились и частично опубликованы некоторые фотографии этих прогулок. Но об этом времени Наталия Борисовна всегда говорила с тревогой и грустью:

«— Когда я уже вышла замуж за моего Андрея, у нас была компания моих друзей, появилась и Аля. <...> Вся наша компания была определенно настроена ехать в Россию. Все они были очень «левые». Мой отец это моментально раскусил. Он был не в восторге. Он чувствовал, к чему все там идет. Но мы с Андреем, конечно, тоже это понимали, но не явно, как отец... Мы спорили с папой, даже ссорились.

В этот период мы с Алей встречались часто. Она приезжала к нам по-гостить на море — в Ниццу или Канны, где Андрей бывал с инспекторскими поездками, или где мы жили какое-то время. Жила у нас дома. Я тогда ее хорошо узнала, но, я думаю, что она ни с кем и никогда не была полностью откровенной. Никогда.

Она была, по-моему, членом партии. А ее отец, Эфрон², конечно, коммунист, видимо, не только Алю смог совершенно изменить, но и пытался моего Андрея сбить»³.

Историю о том, как Эфрон в Монте-Карло посещал Соллогубов и пытался завербовать Андрея Владимировича, Наталия Борисовна рассказала давно. Но работая над дневниками Веры Алексеевны, я случайно напала на завершение этой истории в письме Наташи родителям. Речь идет об анонимном письме в дирекцию банка в Монте-Карло, в котором аноним обвинял Соллогуба в связях с Эфроном и участии в просоветском Союзе возвращения на родину. Эта анонимка могла стоить Андрею Владимировичу краха удачно

¹ Ариадна Сергеевна Эфрон, Аля (1912–1975) — переводчица, мемуарист, художница. Дочь М.И. Цветаевой. В марте 1937 г. вернулась в СССР.

² Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) — журналист, редактор. Муж М.И. Цветаевой. В эмиграции с 1931 г. был сотрудником иностранного отдела ОГПУ, генеральным секретарем Союза возвращения на родину. Расстрелян в Москве.

³ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 187–188.

начавшейся карьеры. Об этом происшествии тогда не знали даже Бунины — оно навсегда осталось одной из немногих семейных тайн Зайцевых¹.

И вновь о Бунине:

«Иван Алексеевич любил моих родителей. Но только всегда боялся какой-то конкуренции... Да папа и не претендовал ни на какую конкуренцию... А Иван Алексеевич очень часто присыпал ему рукописи. Папа был бунинским дружеским рецензентом, немножко так поправлял его...»

— А Иван Алексеевич?

— Злился, но часто с папой соглашался... Вообще удивительный мир это был. Понимаешь, сейчас это даже трудно себе представить, что такое было общение тесное, жизненное, даже интимное во многом, с такими людьми...»²

Из неопубликованных воспоминаний Наталии Борисовны:

«Мама всегда очень тонко чувствовала людей и какие-то нюансы в их поведении, в разговоре всегда улавливала. В 1937 папа ездил на неделю в Лондон по приглашению Саблина³ читать в Русском доме, и с большим успехом выступал. Об этом в Париже тут же узнавали и маме сообщали. А она каждый день писала ему. У них так было заведено. И вот что она написала тогда:

18 июня 1937

«...Вчера была в Русском театре. Был в театре Ив. Бунин. Мне кажется, что ему не очень приятно, что тебя хорошо встречают. Он любит тебя, но... Лучше бы было, если бы ты не был писателем. (Впрочем, может быть я и ошибаюсь)».

11 ноября 1938

Монте-Карло⁴

У Буниных часто бываю. Деньги В.Н. я давно послала, и она их, наверное, получила. Ее ждут здесь с нетерпением. Отношения между И.А. и Лялей⁵

¹ См.: Вера жена Бориса. Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. / Авт.-сост. О.А. Ростова. М., 2016. С. 46–49.

² «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 217.

³ Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) — дипломат, публицист. До 1924 г. исполнял обязанности посла в Лондоне. Вместе с женой основал в Лондоне на свои средства Русский дом — центр эмигрантской культуры и общественной жизни.

⁴ С 1937 г. Соллогубы жили в Монте-Карло, куда Андрей Владимирович получил назначение в качестве юрисконсультя банка в Монако.

⁵ Жировы — Елена (Ляля) Николаевна (урожд. Лишина; 1903–1960) — бывшая жена Н.Я. Рошина. Колар (урожд. Жирова) Ольга Алексеевна (1933–1964) — ее дочь от брака с Алексеем Матвеевичем Жировым (1898–1982).

довольно трудные, главное, из-за денег. Он может «правду-матку» в глаза — это, конечно, ей очень обидно и тяжело. С другой стороны — она дико может собою раздражать — и в конце концов elle ne fione pas grand close!¹. Олечка ходит, наконец, в школу, но не регулярно и только по утрам (хотя все дети ее возраста остаются там до 4-х и уже не спят после обеда).

Вторник, 29 ноября 1938

Монте-Карло

Дорогой мой папочка! <...> Видели В.Н., очень приятно, что она приехала. Ляля немного ожила, а то она [В.Н.] совсем изнемогает от работы. Оля 2 дня уже ходит аккуратно в школу.

30 декабря 1938

Монте-Карло

Во время праздников были в Ницце. <...> Погода была дивная, горы в снегу, яркое море, все это чудесно! Тут холодно (но не ниже нуля), в квартире тепло. А у Буниных холода, хотя протапливают они франков 200–300 в месяц! Вообще, так все не организовано! С В.Н. мы очень дружны. Мы у них ужинали после Réveillon², принесли им остатки от нашего бала (закуски, холодное мясо и т.д.). В.Н. мне рассказывает свои переживания по поводу Ляля: я такую, как Ляля, редко видела! В ней какое-то бесстыдство. Теперь fame de menage³ — В.Н. — moet посуду и делает гораздо больше, чем Л. А Ляля только занята девочкой. Обо всем этом, пожалуйста, не говорите Ив. Ал., да он и так все отлично знает, но вы не говорите.

2 февраля 1939

Сейчас уже вечер. Забегала к Буниным. В.Н. какая-то «одурелая» последнее время: ничего не понимает, переспрашивает и т.д. У Олечки все температура 37,3, доктора здесь г... Ждут Ив. Ал.

Пятница 10-го февр. 1939

Вчера днем были с Ириной⁴ у Буниных. Бедная Ляля так измучена с девочкой: у Олечки все время 37,2, теперь надо брать analyse «кала» — будет стоить 100 фр. <...> Денег ни гроша — отец [Жиров А.М.] посыпает так неаккуратно. В.Н. и Ляля на всем экономят, едят плохо — а переживают все-та-

¹ Она не очень близка (*фр.*)

² Ужин в Рождественскую ночь (*фр.*)

³ Домашняя работница (*фр.*)

⁴ Ирина Сергеевна Мамонтова (урожд. Серова, 1913–1998) — художница. С детских лет подруга Н.Б. Соллогуб. Дочь бывшего военного врача Сергея Михеевича Серова (1884–1960), семейного доктора и друга Буниных и Зайцевых.

ки очень много (топливо 200 фр. в месяц и femme¹ 200 = 400; и квартира 800 = 1.200 — и на воду 1.200 — вот 2,5 тысячи и никаких удовольствий и покупок), да Ляля получает около 500/total = 3000.

Пятница 3 марта 1939

... Вчера как раз зашла к Бунинам и говорили, что очень соскучились о вас и как-то беспокойно. <...> Вчера в четверг у нас ужинали Филатьевы². Пришел Ив. Ал. часов в 9 — мы еще за столом. Его угостили коньяком. Конечно, он ругал вино и коньяк, но коньяк (*Courvoisier*) выпил все же 2 стаканчика. Он был в ударе, смешил всех своими рассказами

Среда, утром

15 марта 1939

Вчера было Олечкино рождение — 6 лет. Мы все были приглашены к Бунинам и очень веселились. С Ириной пошли туда к 4½ и помогли все приготовить. Было очень вкусно. Мужья пришли к 7½. Мы выпили — Ив. Ал. был очень веселый. Олечка прелестно себя вела и вообще было нарядно, весело и приятно. В.Н. очаровательна. К нашему 7-летию³ подарила нам термос. Правда, мило?

Осенью 1939 г. Соллогубы вернулись в Париж — 17 октября Андрея Владимировича мобилизовали и отправили в офицерскую школу, но воевать ему не пришлось: в июне 1940 г. в Париж вошли немцы. Зайцевы и Бунины как могли поддерживали связь.

«Сразу же после войны началась страшная пропаганда по возвращению русских в Россию. Издавались газеты, создавались всякие просоветские общества. Кто только не приезжал сюда, чтобы вербовать в Россию...»

— Вот тогда Иван Алексеевич и не выдержал...

— Да. (Вздыхает.) Знаешь, на него была просто охота! Вся эта история с Советским посольством... Бог знает, что ему обещали.

— Но, может быть, для Бунина, Нобелевского лауреата, все было бы исполнено?

— Возможно. Даже наверняка. Здесь уже была скорее политика. В эмиграции начался страшный раскол. Вот тогда мой отец и Иван Алексеевич и оказались в разных лагерях... Но папа не верил Сталину ни под каким видом. Он был непоколебим.

¹ Прислуга (фр.).

² Вадим Дмитриевич Филатьев (1903–1953) — финансист, сослуживец А.В. Соллогуба по Barklays bank в Ницце.

³ Имеется в виду семь лет со дня свадьбы Соллогубов (6 марта 1932 г.).

А насчет их расхождений вышло все очень досадно. Иван Алексеевич в это время уже очень тяжело болел, и ему надо было прощать многое. Я думаю, что он все равно никуда бы не поехал, но он, как каждый писатель, мечтал о том, чтобы его книги издавались на Родине... Отношения испортились окончательно. И Вера Николаевна была очень категорична...

В русских газетах здесь началась целая кампания против Бунина, и он решил, что все это затеял мой отец, так как он был Председателем Союза писателей. Но это было совсем не так, хотя отец принципиально не поддерживал Бунина, его взгляд на то, что в России все переменилось. Года четыре они были совершенно непримиримы. Полный дипломатический разрыв.

Но мы с мужем с Буниными виделись, приходили к ним. Мы были такой связующей ниточкой между моими родителями и Буниным. Он нас любил, как своих детей, и принимал, несмотря ни на что.

— Твои родители знали, что вы бываете у Ивана Алексеевича?

— Конечно. Не только знали, но и поощряли эти визиты. Папа всегда очень внимательно нас расспрашивал обо всем.

— А Иван Алексеевич?

— Никогда. Знаешь, когда он уже слег, но не хотел, чтобы мы видели, как он плох, и мы с ним разговаривали из другой комнаты. Он очень боролся... В последний раз мы были у него за неделю до его смерти... А на отпевании Ивана Алексеевича народу была масса. Мои родители, конечно, были. Мой Андрей в числе близких людей нес его гроб...

Папа очень страдал.

— Ведь каждый из современников твоего отца во что-то верил...

— Кто в Бога, кто в черта. Но у всех у них по очереди все рушилось. Кроме, пожалуй, моего отца... Даже Бунин, такой тертый калач, такой антисоветчик вдруг на старости лет развернулся... Он был, конечно, польщен, что его будут печатать... Он был очень тщеславный, безумно честолюбивый... (Задумывается.)

— Он все хотел успеть при жизни...

— Вот-вот. Ой, как все это трудно»¹.

Архивы

Архив и библиотека Б.К. Зайцева в Париже. Хранится в семье Соллогуб.

Архив русского зарубежья Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой».

Архив аудиоматериалов О.А. Ростовой.

¹ «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова. С. 196, 217.

Литература

«Вера жена Бориса»: Дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 гг. / авт.-сост., подгот. текста, comment., сопроводит. ст. О.А. Ростова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2016. 752 с.

«Напишите мне в альбом...»: беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост., подгот. текста, comment., сопроводит. ст. О. Ростова, comment. Л. Мнухина. М.: Русский путь, 2004. 280 с.

Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. (Т. 6–11 доп.) / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 1999–2001.

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 3 / Сост. Е. Пономарев, Р. Дэвис, науч. ред. О. Коростелев, Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

Русское зарубежье во Франции: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995–1997.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt-am-Main: Посев, 1977–1982.

References

«*Napishite mne v al'bom...»: besedy s N.B. Sollogub v Biussi-an-Ot* [“Write me in the album ...”: conversations with Natalia Sollogub in Bussy-en-Othe], ed. by O. Rostova, comment. by L. Mnukhin. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 280 p. (In Russ.)

«*Vera zhena Borisa»: Dnevniki Very Alekseevny Zaitsevoi 1937–1964 gg.* [“Vera, Boris's wife”: Diaries of Vera Zaitseva 1937–1964], ed. by O.A. Rostova. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

I.A. Bunin: Noyye materialy. Vyp. 3 [Ivan Bunin: New materials. Issue 3], comp. by E. Ponomarev, R. Davies, ed. by O. Korostelev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii 1919–2000. Biograficheskii slovar': V 3 t. [Russian emigration in France 1919–2000. A Biographical dictionary: In 3 vols.], ed. by L. Mnukhin, M. Avril', V. Losskaia. Moscow, Nauka Publ. Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008–10. (In Russ.)

Russkoe zarubezh'e vo Frantsii: Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni: 1920–1940. Frantsiia [Russian emigration in France: Chronicle of scholarly, cultural and public life: 1920–1940. France], ed. by L.A. Mnukhin. Vol. 1–4. Moscow–Paris, EKSMO; YMCA-Press Publ., 1995–97. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by Militsa Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

Zaitsev B.K. Sobr. soch.: V 5 t. (T. 6–11 dop.) [Collected Works: In 5 vols. (Vol. 6–11, add.)], ed. by T.F. Prokopov. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1999–2001. (In Russ.)

IVAN BUNIN AND NATASHA ZAITSEVA

© 2019, OLGA ROSTOVA

Abstract: The article deals with the history of friendship between Ivan Bunin and Natalia Sollogub, the daughter of Boris Zaitsev. The article is based on the documents, letters, and memoirs of Natalia Sollogub about the encounters with Bunin, starting from the 1920s and up until the last days of the writer's life. The author describes the dramatic period of the disruption in the relationship between Bunin and Zaitsev through the eyes of "Natasha", both of those remarkable people being dear to her heart. The article contains excerpts from the letters of the 1930s of Natalia Sollogub to her parents, dedicated to Ivan Bunin and his entourage, fragments of her memoirs.

Keywords: Ivan Bunin, Vera Bunin, Boris Zaitsev, Vera Zaitsev, Leonid Zurov, Galina Kuznetsova, Natalia Sollogub, Andrey Sollogub, Ariadna Efron, Sergey Efron, correspondence, memoirs.

Information about the author: Olga Rostova, Senior Researcher, House Museum of Marina Tsvetaeva, Borisoglebsky lane, 6, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia. E-mail: olga.rostova27@gmail.com

«В ЕГО СТИХАХ – ВЕСЁЛАЯ КАПЕЛЬ...» (ОБРАЗ ИВАНА БУНИНА В ЛИРИКЕ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА)

© 2019, В.В. НИКУЛЬЦЕВА

Аннотация: В статье идёт речь о стилистических приёмах Игоря-Северянина, применяемых им как в процессе создания образа И.А. Бунина, так и в «мемуарной» поэзии в целом. Приводится филологический анализ сонета «Бунин» (1926), вошедшего в книгу «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (1934). Композиция, образная система, идеально-тематический план стихотворения рассматриваются через анализ языковых уровней текста — лексико-семантического, фонетического, морфологического, синтаксического, ритмико-пунктуационного. В стилистическом отношении несомненный интерес для исследователя поэтического текста представляет и палитра изобразительно-выразительных средств, применяемых Игорем-Северянином.

Ключевые слова: филологический анализ, сонет, Игорь-Северянин, И.А. Бунин, языковые уровни текста, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка.

Информация об авторе: Виктория Валерьевна Никульцева — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, АЧОУ Московский финансово-юридический университет МФЮА. E-mail: severjanin@list.ru

*Ивану Зайцеву — блистательному премьеру
Михайловского театра — в знак нашей добрых дружбы.*

Вопрос о творческих связях и взаимовлияниях Игоря-Северянина¹ и И.А. Бунина в современном литературоведении недостаточно полно разработан. Трудно сказать, что с Буниным Игоря-Северянина связывали того или иного рода отношения, устойчивые симпатии или антипатии. В дореволюционной России они не были лично знакомы, со стороны поэта-классика не возникло интереса к поэту-эгофутуристу: «...странным и непонятным для меня являются серьёзные статьи об Игоре Северянине — об этой слишком мелкой величине в литературе»². Однако у Игоря-Северянина интерес к бунинскому творчеству носил устойчивый характер. Так, в письме Л. Афанасьеву от 23 сентября 1910 г. содержится такая характеристика: «Не будете ли любезны, не пришлите ли мне Бунина: настроение читать его, изящного, тонкопёгого, атласистого...»³. В очерке 1939 г. «Моя первая встреча с Буниным», рас-

¹ Дефисное написание псевдонима выбрано в соответствии с авторской волей поэта, см.: Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98; Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. В.В. Лопатина. М.: ИРЯ РАН, 2008.

² Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 376.

³ РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45.

сказывающем о поездке в Таллин на творческий вечер Бунина, состоявшийся 11 мая 1938 г. в концертном зале «Эстония», Игорь-Северянин даёт высокую оценку его творчества: «В России и в эмиграции я лично с ним никогда не встречался, всегда ценя его как беллетриста, а ещё больше как поэта»¹.

Немногочисленные поэтические оценки Бунина появляются в творчестве Игоря-Северянина после Октябрьской революции 1917 г. В стихотворении «Второе письмо» из цикла «Письма из Парижа» (1920), вошедшем в книгу «Фея Eiole» (1922), среди прочих русских эмигрантов, поселившихся во Франции, назван Бунин:

Литературно обрусл
Париж достаточно. На кайфе
Живет в Contrexéville Тэффи,
И Бунин прочно здесь осел².

Более развёрнутая поэтическая оценка стилистической системы Бунина встречается в стихотворении «Пять поэтов» (1918), увидевшем свет в составе сборника «Соловей» в 1923 г.:

Пастельно-мягок ясный Бунин,
Отчётлив и приятно-свеж.
Он весь осолнечен, олунен,
Но незнаком ему мяtek³.

В характеристике героя романа в стихах «Рояль Леандра» (1925), северянинской стилизации под «Евгения Онегина», используется ещё один эпитет, рождающий «бунинские» аллюзии:

В его устах — прозрачный Бунин...⁴

Помимо этих отдельных строк, полных эпитетами и метафорами, классику посвящён сонет 1926 г. «Бунин», вошедший в книгу «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (1934):

¹ Игорь-Северянин. Моя первая встреча с Буниным // «Я — гений Игорь Северянин» [Сборник] / Сост., вступит. статья и comment. В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Полиграф, 2013. С. 513.

² Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, стихотворения Игоря-Северянина цитируются по изданию: Северянин Игорь. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., предисл. и comment. Е. Филькиной. М.: Республика, 1999 («Прошлое и настоящее»). С. 297.

³ Там же. С. 319.

⁴ Северянин Игорь. Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах. Бухарест: Издание автора, 1935.

В его стихах — весёлая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою,
И спетая берёзой молодою
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель,
То он бежит проточнаю водою,
То теплится студёною звездою,
В нём есть какой-то бодрый, трезвый хмель.

Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночства отрада.
Ружьё. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчуждённой женщине тоска.

Кроме общего настроения поэтического сборника «Листопад» (М.: «Скорпион», 1901), отмечаемого Д.С. Прокофьевым (слова «Камин. Вино... По отчужденной женщине тоска» — реминисценция стихотворения И. Бунина 1903 г. «Одиночество»)¹, в сонете речь идёт и о влиянии И.С. Тургенева на поэтику бунинских образов (*вешних вод купель; уют усадеб; по отчуждённой женщине тоска*). Наряду с А.К. Толстым, И.А. Гончаровым, А.С. Пушкиным, Г. де Мопассаном, Г. Ибсеном, М. Метерлинком и О. Уайльдом, Тургенев был одним из любимых Игорем-Северянином писателей:

В два года, проведённых в Петербурге,
Мне удалось, томов в пятьсот, любовно,
Составить библиотеку, где были
Все классики и много иностранных
Фантастов с Марриэтом во главе. <...>

Из классиков Тургенев с Гончаровым
Излюблены мной были: русских женщин
Они познали сущность. Мопассан
Гуманность воспитал во мне, и Пушкин
Мой стих всегда заботливо яснил².

¹ Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание: В 2 т. / Сост. Д.С. Прокофьев. Псков: Гименей, 2007. Т. 1. С. 56.

² Северянин Игорь. Тост безответный. С. 419.

Сонет «Бунин» строится как череда поэтических образов, что влияет на синтаксис текста. Первый катрен, первый терцет и последние два стиха второго терцета представляют собой ряд номинативных предложений, первое из которых является расчленённым за счёт введения детерминанта *в его стихах*, одной из важнейших композиционных составляющих текста. Первая строфа состоит из сложного предложения с бессоюзной и союзной (сочинительной) связью между структурно-семантическими частями, представляющими собой назывные конструкции, две из которых осложнены обособленными (*блестящие слюдою*) и необособленными (*спетая берёзой молодою*) определениями — причастными оборотами, и простого неосложнённого распространённого номинативного предложения (*И веших вод купель*).

Если в первом катрене все номинативные предложения распространены согласованными либо несогласованными определениями, то в терцетах появляются нераспространённые конструкции (*Ружьё. Собака. <...> Камин. Вино*), оформленные как отдельные простые предложения. Остальные назывные предложения, подобно аналогичным в катрене, распространены за счёт введения согласованных (*Благая одиночества отрада; Серая Ока*) и несогласованных (*Уют усадеб в пору листопада; Благая одиночества отрада; Перо из мягкой стали; По отчуждённой женщине тоска*) определений.

Второй катрен и первый стих последнего терцета построены на основе ряда двусоставных полных предложений. Если катрен представлен бессоюзным сложным предложением из трёх структурно-семантических частей, каждая из которых осложнена либо сравнительным оборотом (*как северный апрель*), либо однородными сказуемыми (*то бежит, то теплится*), либо однородными определениями (*бодрый, трезвый*), то первый стих терцета оформлен в виде простого двусоставного предложения, осложнённого за счёт введения однородных подлежащих (*Душа и воздух скованы в кристалле*).

Чередование строф и отдельных стихов, попеременно представленных односоставными и двусоставными конструкциями, создаёт эффект зеркального параллелизма, на который накладывается эффект неявной инверсии (*берёзой молодою, прозрачен стих, благая одиночества отрада, по отчуждённой женщине тоска*). В терцетах синтаксический параллелизм осложнён хиазмом (*Благая одиночества отрада. / Ружьё. Собака. Серая Ока. <...> Камин. Вино. Перо из мягкой стали. / По отчуждённой женщине тоска*) и асиндтоном.

Лексика стихотворения определяет статический характер текста: если глагольных слов (4 причастия — *блестящий, спетый, скованный, отчуждённый*; 3 глагола — *бежать, теплится, быть ‘существовать’*) применено только 7, то из 50 имён и местоимений большинство составляют имена существительные (*стихи, стих, капель, откосы, горы, слюда, берёза, песнь, солнышко, воды, купель, апрель, вода, звезда, хмель, уют, усадьба, пора, листопад, одиночество, отрада, ружьё, собака, Ока, Бунин, душа, воздух, кристалл, камин, асиндтон*).

вино, перо, сталь, женщина, тоска) и прилагательные (*весёлый, молодой, вешний, северный, проточный, студёный, бодрый, трезвый, благой, серый, мягкий*), местоимения же редки, либо дублируются (*его — личное в значении притяжательного, он — 2 раза, какой-то*). Из служебных слов активен предлог *в* (*в его стихах; в нём есть; в пору листопада; скованы в кристалле*); единичны предлоги *из* (*перо из стали*) и *по* (*тоска по женщине*), частица *как* (*прозрачен стих, как северный апрель*), редки союзы *и* (3 раза), соединяющий части предложений и однородные члены, *и то... то... (То он бежит... то теплится...)*, разделяющий однородные сказуемые. Числительные, деепричастия, наречия, предикативы, междометия, модальные слова в тексте отсутствуют.

Среди существительных, составляющих основной слой лексики, прилагательных, глаголов и причастий особо выделяются слова, обладающие разнообразной семантикой:

- со звуковой семантикой: *капель, песнь, спетый;*
- со световой семантикой: *слюда, солнышко, звезда, воздух, кристалл, блестящий, прозрачный;*
- с цветовой семантикой: *серый;*
- с семантикой творчества: *стихи, стих;*
- с временной семантикой: *апрель, пора, листопад, молодой, вешний, северный;*
- с семантикой запаха: *хмель;*
- с тактильно-температурной семантикой: *теплится, студёный, вода* (2 раза), *Ока;*
- с пространственной семантикой: *откосы, горы;*
- с семантикой движения, перемещения, трансформации: *бежать, проточный, скованный;*
- с конкретной семантикой: *берёза, купель, усадьба, ружьё, собака, камин, вино, перо, сталь;*
- с гендерной семантикой: *женщина, Бунин;*
- с семантикой бытийности: *быть (есть), душа, бодрый, трезвый;*
- с абстрактной семантикой: *угол, одиночество;*
- с эмотивной семантикой: *отрада, тоска, весёлый, благой, отчуждённый.*

На фоне этих слов, большинство из которых не обладает цветовой семантикой, возникают некие пятна и оттенки полихромного спектра: зелёный (берёза, вешний, апрель, хмель, листопад); серый (серая Ока, откосы гор, перо из стали), прозрачный, блестящий (капель, блестящая слюда, вода, северный апрель, проточная вода, кристалл), жёлтый (солнышко, студёная звезда, листопад), коричневый (собака), красный (камин, вино, листопад). Характерно, что абстрактная лексика будто становится зрителем, обрастаая семами «цвет» и «звук» (см. 2-ю строфу и начальный стих последнего терцета: *Душа и воздух скована в кристалле*).

Семантика текста порождает его образную систему: лирический герой (Бунин), его быт (усадьба с камином, охота с собакой), его творчество (стихи, природа, тоска о женщинах), рассказчик-повествователь, он же автор (Игорь-Северянин), время и пространство. В роли связующего эти поэтические образы звена выступает понятие души, получающей наслаждение от красот среднерусских пейзажей, искания идеала, творческих поисков и достижений.

Временной план текста постоянно смешается: то речь идёт о весне (капель, молодая берёза, вешние воды, северный апрель), то об осени (пора листопада, охота, вечера у камина), то о зиме (душа и воздух скованы в кристалле); в финале хронологические границы теряются, образы размываются не то в воспоминаниях, не то под влиянием алкоголя (заключительные стихи последнего терцета).

Пространство текста также не является статичным: с одной стороны, вся образная система включена в само понятие творчества Бунина (*В его стихах... Душа и воздух скована в кристалле*), с другой — внутри этих образов нет чётких ориентиров (*откосы гор... проточная вода... звезда... усадьбы... Ока... комната с камином*), пространство меняется то по вертикали (небо — земля), то по горизонтали (горы, водоёмы, усадьбы), постепенно трансформируясь из реального, то есть осязаемого, видимого и слышимого, в ирреальное, где теряются все ощущения и пропадают все чувства, кроме тоски и одиночества.

Образная система текста опирается на тропы, служащие стилистическими средствами создания плана выражения. Излюбленным приёмам Игоря-Северянина — метафоризации, персонификации, эпитетике, контрастам — здесь отводится важное место.

Среди метафор встречаются в тексте как стертая (*откосы гор*), так и авторская — трёхчленная (*вешних вод купель ‘разлив весной’*), предикативная (*душа и воздух скованы в кристалле* — о поре поздней осени и зимы, когда чувства «замерзают»), одночленная (*хмель* в стихе ‘бодрящий заряд’). Из метафорических эпитетов привлекают внимание такие, как *весёлая (капель)*, *прозрачен (стих)*, *студёная (звезда)*, *бодрый (хмель)*, *благая (отрада)*. Некоторые из них в соединении с существительными создают оксюморон: *трезвый хмель*, *благая одиночества отрада*. Эпитет *прозрачен (стих)* входит во взаимодействие со сравнением *как северный апрель*, образуя тем самым ещё один синкретический троп.

Олицетворение вводится только в катрены, в которых речь идёт о весне: *спетая берёзой молодою песнь солнышку; стих... бежит проточною водою... теплится студёною звездою*. Второй случай применения персонификации связан с осложнением оборота за счёт введения метаморфозы (*бежит прозрачно водою... теплится студёною звездою*).

Синкретизм тропов и фигур — приём, характерный для стилистической системы Игоря-Северянина, особо важный при создании лаконичных портретов-характеристик, укладывающихся в строгую сонетную форму.

Работе над метрикой, ритмикой и строфикой Игорь-Северянин традиционно отводит важнейшее место. Сонет, состоящий из двух катренов и двух терцетов, имеет следующую рифмовку:

Абба
Абба
ввГ
ддГ

Точность и нетривиальность мужских (*капель — купель — апрель — хмель; Ока — тоска*) и женских (*слюдою — молодою — водою — звездою; листопада — отрада; крислалле — стали*) рифм свидетельствует о блестящем мастерстве поэта. Сонет написан 5-стопным ямбом с пирихиями, отягчённым кодой в стихах с женской рифмой. В 4-м (*нЕснь сО-лнышку*) и 8-м (*в нЁм Есть*) стихах ритм несколько затрудняется за счёт соединения двух ударных слогов.

Не избегает Игорь-Северянин и другого излюбленного стилистического приёма — звуковой инструментовки стиха. Из 44 ударных гласных доминируют [о] (24 употребления), [а] (14), [э] (12). Если при описании весенней поры поэт применяет ассонанс на [о] и [э] вкупе с аллитерацией, образуемой сонорными [л] — [л'] и щелевыми [в] — [в'] — [с] — [с'], то в создании картины осени ему важно сочетание гласных [а] и [о] в соединении с [ч'], [щ], [ж].

Интонационный рисунок текста неоднороден: в катренах он восходяще-нисходящий с паузой после двух первых стоп, в терцетах — нисходящий, с одной паузой в 9-м, 10-м, 12-м, 14-м стихах, с двумя паузами в 11-м и 13-м стихах.

Наличие анжамбмана в 3-м стихе несколько видоизменяет интонацию первого катрена: в 3-м стихе пауза после двух начальных ямбических стоп пропадает.

В 4-м стихе два ударных слога в пределах одной стопы провоцируют труднопроизносимое сочетание [с'н'с'], возникшее из-за ритмической замены более благозвучного словосочетания *песня солнышку* на ямбическое *песнь солнышку*.

Пунктуация носит традиционный характер, за исключением применения ритмико-интонационного тире в первом стихе (*В его стихах — весёлая капель...*), постановка которого не соответствует пунктуационным нормам. Повествовательные интонации присутствуют во всех синтаксических конструкциях, что подчеркивается постановкой точки в конце предложений и на водоразделах между строфами.

* * *

Особый синтаксис, создающий синтаксический параллелизм, наряду со статикой текста (на 50 имён и местоимений приходится 7 глагольных слов), отсутствием наречий и абсолютно оригинальной лексикой (лексические повторы касаются только местоимённых слов и одного существительного), изысканная инструментовка стиха за счёт ассоциативной и аллитеративной звукописи, исполненной тончайших нюансов, вкупе с пятистопным ямбом, обрамлённым до блеска отточенной рифмой, и восходящими-нисходящими интонациями, облечёнными в строгую сонетную форму — это черты «мемуарной» поэзии Игоря-Северянина, одним из лучших образцов которой является «сонет-характеристика» «Бунин». Светлая печаль, тихое восхищение, умиротворённое любование бунинскими образами, вошедшими в сокровищницу мировой литературы, в оценке Игоря-Северянина становятся доминантами лирической поэзии и прозы писателя-классика, а сам образ Бунина, будто созданный кистью художника-авангардиста, кажется туманным, неясным, но от этого таким таинственным и притягательным, как акварельный этюд в экспрессионистической манере.

Литература

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. 696 с.
Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98.

Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. В.В. Лопатина. М.: ИРЯ РАН, 2008. 380 с.

Письмо Игоря-Северянина Л. Афанасьеву от 23 сентября 1910 года // РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45.

Северянин Игорь. Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах. Бухарест: Издание автора, 1935. 66 с.

Северянин Игорь. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., предисл. и comment. Е. Филькиной. М.: Республика, 1999 («Прошлое и настоящее»). 543 с.

Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание: В 2 т. / Сост. Д.С. Прокофьев. Псков: Гименей, 2007. 252 + 180 с.

«Я — гений Игорь Северянин» [Сборник] / Сост., вступит. статья и comment. В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Полиграф, 2013. 605 с.

References

“Ia — genii Igor’ Severianin” [Sbornik] [“I am a genius, Igor Severyanin” [A collection]]. Ed. by V.N. Terekhina and N.I. Shubnikova-Guseva. Saint Petersburg, Poligraf Publ., 2013, 605 p. (In Russ.).

Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Moscow, Nauka Publ., 1973. Kn. 1, 696 p. (In Russ.).

Nikul'tseva V.V. *Istoriia odnogo literaturnogo psevdonima* [The history of one literary pseudonym]. *Russkaia rech'*, 2009, no 3, pp. 96–98. (In Russ.).

Nikul'tseva V.V. *Slovar' neologizmov Igoria-Severianina* [Dictionary of neologisms of Igor-Severyanin], ed. by V.V. Lopatin. Moscow, IRYA RAN Publ., 2008, 380 p. (In Russ.).

Pis'mo Igoria-Severianina L. Afanas'evu ot 23 sentiabria 1910 goda [Letter of Igor-Severyanin to L. Afanasyev, dated September 23, 1910]. RGALI. F. 1152. Op. 1. Ed. khr. 45.

Severianin Igor'. *Roial' Leandra (Lugne). Roman v strofakh* [Leandr's piano (Lugne). A novel in verses]. Bukharest, Izdanie avtor Publ., 1935, 66 p. (In Russ.).

Severianin Igor'. *Tost bezotvetnyi: Stikhotovoreniia. Poemy. Proza* [One-sided toast: Lyrics. Poems. Prose]. Ed. by E. Fil'kina. Moscow, Respulika Publ., 1999 (“Proshloe i nastoiaishchee” [“Past and present” series]), 543 p. (In Russ.).

Slovar' literaturnogo okruzheniya Igoria-Severianina (1905–1941): bio-bibliograficheskoe izdanie: V 2 t. [The dictionary of literary entourage of Igor-Severyanin (1905–1941): a bio-bibliographical edition: In 2 vols.]. Ed. by D.S. Prokof'ev. Pskov, Gimenei Publ., 2007, 252 + 180 p. (In Russ.).

“A CHEERFUL THAW IS IN HIS POEMS” (THE IMAGE OF IVAN BUNIN IN IGOR' SEVERIANIN'S POEMS)

© 2019, VIKTORIIA NIKULTSEVA

Abstract: The article analyzes the stylistic touches Igor' Severianin employs both in creating the image of Ivan Bunin and in “memoirs” poetry. A philological analysis of “Bunin” sonnet (1926), part of the book “Medallions. Sonnets and variations on poets, writers and composers” (1934) is given. The composition, imagery, ideological and thematical plan of the poem are considered through the linguistic level of the text (vocabulary, semantics, phonetics, morphology, syntax, rhythm, punctuation). The palette of the expressive instruments used by Severianin for creating the images is of special importance for studying the poetic text.

Keywords: philological analysis, sonnet, Igor' Severianin, Ivan Bunin, linguistic levels of the text, special style of the author, expressive means for the imagery.

Information about the author: Viktoriiia Nikultseva, PhD, Assistant Professor, head of the Department of Humanities, Moscow University of Finance and Law. E-mail: severjanin@list.ru

ВОСПРИЯТИЕ И.А. БУНИНА ЗА РУБЕЖОМ

ВОСПРИЯТИЕ И.А. БУНИНА В ИТАЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2019, Д. РИЦЦИ

Аннотация: В статье прослеживается история переводов и восприятие творчества И.А. Бунина итальянскими литературными кругами в первые десятилетия XX в., до Второй мировой войны. На фоне рецепции русской литературы — как эмигрантской, так и советской — в итальянской культуре данного периода выделяется вклад известного слависта Ренато Поджоли (Renato Poggiali, 1907–1963), главной фигуры в итальянской критической «буниниане».

Ключевые слова: восприятие русской литературы в Италии; итальянская славистика; И.А. Бунин; Р. Поджоли.

Информация об авторе: Даниела Рицци — профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Венецианского Университета Ка Фоскари (*Università Ca'Foscari*), Dipartimento di Studi Linguistici e Culturali Comparati, Venezia, Италия. E-mail: darizzi@unive.it

Работы, посвященные рецепции творчества И.А. Бунина, только в очень ограниченной мере касаются его восприятия в Италии. Даже наиболее полные библиографические справочники, такие как «Материалы к библиографии» в издании «И.А. Бунин: pro et contra»¹ и антология «Классик без ретуши»², по сути дела почти обходят молчанием итальянскую «буниниану».

В инонациональной рецепции творчества Бунина прижизненного периода итальянская страница занимает, безусловно, далеко не первостепенное место. В Италии Бунин так и не смог завоевать внимания видных деятелей литературного поля (в отличие от их французских и английских коллег)³. Не-

¹ И.А. Бунин: *Pro et contra* (Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей). Антология. / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, comment. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинягиной, А.Я. Лапидус. СПб.: РХГИ, 2001.

² Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста, comment. Н.Г.Мельникова, Т.В.Марченко. М.: Книжица; Русский путь, 2010.

³ См., напр.: Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору». Французская пресса о Нобелевской премии Бунина // Материалы Международной научной конференции «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям)». М.: Русский путь, 2011. С. 131–151; Климова С.Б. Восприятие творчества И.А. Бунина в контексте английского диалога о русской эмиграции и Советской России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2012. Вып. 11 (75). С. 130–133.

которое исключение представляет собой разве что весьма скромный интерес к нему со стороны юного Томмазо Ландольфи, ставшего впоследствии известным писателем и крайне плодовитым переводчиком с русского (см. примеч. 5 на с. 452). В любом случае, итальянская рецепция Бунина была все же богаче, чем это обычно отражается в справочных изданиях.

Цель настоящей статьи — попытаться восполнить этот пробел.

Следует сразу сделать оговорку, что прямые отношения Бунина с представителями итальянской культуры не прослеживаются — ни во время его продолжительных поездок в страну в 1910-е гг.¹, ни позже, в эмиграции². Не зафиксировано никаких контактов даже с теми интеллектуалами, которые более или менее регулярно бывали у Горького на Капри. Известно, с одной стороны, что Бунин искал на острове творческого уединения, которое было ему необходимо для литературной деятельности. С другой стороны, отсутствие каких-либо контактов с итальянской литературной средой объясняется еще и тем, что Бунин был почти вовсе не известен в Италии в те годы, когда он бывал в стране и общался с Горьким и его окружением. Не удивительно, что его присутствие в Италии не вызвало интереса в литературных кругах.

Первое упоминание о Бунине в итальянской прессе культурного направления появилось, по нашим сведениям, в 1903 г. в статье под названием «Letterature straniere» (Иностранные литературы), опубликованной в знаменитом журнале «Nuova antologia» (Новая антология)³. Статья представляет собой обзор последних европейских литературных новинок; в сжатой, прописанной с относительным знанием дела, части ее, посвященной России, автор утверждает, что в стране «зародилась новая поэтическая школа, в кото-

¹ О пребывании Бунина в Италии и об итальянской теме в его творчестве см.: Ревякина И.А. Италия в путешествиях и поэтическом творчестве И.А. Бунина // Toronto Slavic Quarterly. 2006 (Summer). № 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/revyakina17.shtml> (дата обращения: 24.11.2018); Роцина О.С. Италия в творчестве И.А. Бунина // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: Сб. ст. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 182–193; Двинятина Т. И. Бунин в 1910 году // L'anno 1910 in Russia / A cura di D. Colombo e C. Graziadei. Salerno: Europa Orientalis, 2012. P. 131–144; Рицци Д. Бунин И.А. // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / сост. А. д'Амелия и Д. Рицци. Москва: Изд. Политической энциклопедии, 2019. С. 131–133.

² Как следует из писем к жене, Бунин еще раз побывал в Италии между 9 и 16 ноября 1936 г., съездил в Рим, где встречался исключительно с представителями местной русской диаспоры: с В.И. Ивановым, Т.Л. Сухотиной-Толстой, Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Интересно отметить, что писатель, хотя и продолжал испытывать тягу к Италии, считал невозможной идею там поселиться: «Из мельком брошенной фразы в письме жене от 11 ноября 1936 г. можно заключить, что в ту поездку Бунин примерял возможность переезда в Рим, но быстро отказался от этой мысли: “Колония тут, — это все говорят, — оч^{<ень>} небольшая, нищая, старорежимная... Нет, я думаю, нам тут не жить — огромный город, и будет оч^{<ень>} одиноко”» (Двинятина Т. Переписка И.А. и В.Н. Буниных 1920–1940-х годов как биографический источник // [Само]репрезентация в литературе: судьбы забытых текстов / Rusistica Latviensis. 6. Рига: Латвийский университет, 2017. С. 23–24).

³ Nemi. Letterature straniere // Nuova Antologia. 1903. № 762. P. 333–334.

рую входят Вячеслав Иванов, Мирра Лохвицкая и Иван Бунин». Под статьей стоит подпись «Неми» — этим псевдонимом редакция обычно подписывала коллективные статьи. В тот период главным редактором журнала был Джованни Чена¹, который через несколько лет войдет в круг итальянских приятелей Горького и который, хоть и испытывал сильнейший интерес к русской литературе, не знал русского языка, а потому, вероятно, позаимствовал информацию из какого-то французского источника.

Пройдет еще двадцать лет, прежде чем упоминания имени Бунина станут более частыми. В Италии в этот период вырос интерес к русской культуре в целом, а все более ширящееся знакомство с лицами и событиями современной русской литературы — как советской, так и эмигрантской, — стало более плотным и непосредственным. Первыми двигателями этого процесса были представители русской интеллигенции, обосновавшиеся в Италии.

В первой трети ХХ в. появляется несколько небольших обзоров современной русской литературы, где нередко фигурирует и Бунин².

В 1922 г. Этторе Ло Гатто публикует свою статью в ежемесячном книжном обозрении «I libri del giorno» (Последние книги)³, в которой речь идет о европейской и, в частности, итальянской рецепции Бунина, Сологуба и Вяч. Иванова. В случае Бунина критик предполагает, что независимое положение по отношению к литературным школам было одной из причин, по которой творчество писателя получило достаточно позднее признание, в том числе — и в самой России.

Борис Зайцев в журнале Ло Гатто «Russia» в 1923 г.⁴, обрисовывая тематическое развитие русской литературы последних пятидесяти лет, уделяет Бунину весьма скромное место в главе, посвященной реалистической прозе.

¹ Джованни Чена (Giovanni Cena, 1870–1917), писатель и поэт социального направления. В годы его управления редакцией «Nuova antologia» в журнале были опубликованы переводы произведений М. Горького, А.П. Чехова, В.Г. Короленко.

² Бунин не упоминается, однако, ни в обзоре С.А. Адрианова о современной русской литературе, появившемся в одном из важнейших литературных журналов начала века (*Adrianov Sergio. Le condizioni attuali della letteratura russa // Il Marzocco*. 1913. № 14. Р. 5), ни в статье о русской эмигрантской литературе, опубликованной в ежемесячнике «La lettura» в 1924 г. историком европейского романа Лоренцо Джильи, много писавшим и о русской прозе (*Gigli Lorenzo. Scrittori russi in esilio // La lettura*. 1924. № 3. Р. 211–217). Бунин также не включен в знаменитую антологию русской современной прозы, составленную писателем Корrado Альваро (Corrado Alvaro) в 1920 г., где представлены и второстепенные писатели, такие как Николай Тимковский и Игнатий Ломакин (*Novelle russe / A cura di Corrado Alvaro. Vol. I-II*. Milano: Quintieri, 1920). Примечательно и то, что на Бунина не обратил внимания даже Пьеро Гобетти, один из самых внимательных для своего времени обозревателей русской политической и литературной культуры (см. его кн.: *Paradosso dello spirito russo*. Torino: Edizioni del Baretti, 1926, неоднократно переиздававшуюся).

³ *Lo Gatto Ettore. Russia. Scrittori contemporanei // I libri del giorno*. 1922. № 10. Р. 545–547.

⁴ *Zaitsev Boris. La letteratura russa contemporanea (Uomini e movimenti) // Russia: rivista di letteratura, arte, storia*. 1923. № 3–4. Р. 474–504.

Раиса Олькеницкая-Нальди переводит на итальянский язык несколько лирических стихотворений Бунина и включает их в свою антологию современной русской поэзии, определив автора как «истинного и тончайшего писателя, чьи произведения отличают великолепный язык и изысканный стиль, при всей меланхолической простоте его поэтических пейзажей»¹.

Лишь во второй половине 1920-х гг. начинают выходить первые переводы бунинской прозы на итальянский, в сопровождении более глубоких критических оценок. Наиболее значимые отзывы принадлежат четырем русским критикам, которые, будучи связанными с итальянскими интеллектуальными кругами уже в 1910-е гг. (по довольно несходным биографическим причинам), после 1917 г. оседают в Италии более или менее стablyно. Ринальдо Кюфферле пишет о Бунине в апреле 1928 г. в «*Rivista d'Italia*» (Итальянском журнале)², Марк Слоним в 1929 г. в «*L'Italia letteraria*» (Литературной Италии)³, Александр Амфитеатров в 1930 г. на страницах ежемесячника «*Le opere e i giorni*» (Труды и дни)⁴, и в том же году Евгений Ананьев в своей колонке в авторитетной «*Nuova antologia*» (Новой антологии)⁵.

Вкладу Кюфферле в итальянскую «буниниану» посвящена статья Эльды Гаретто, публикуемая в настоящем сборнике, поэтому соответствующую часть нашей статьи мы опускаем. В остальных трех статьях Бунин в той или иной степени признается первостепенным писателем, по праву входящим в русский литературный Пантеон. Амфитеатров начинает с заявления о своем «в целом оптимистическом, даже восторженном, отношении к русской эмигрантской литературе», о которой говорит исключительно в апологетических тонах: «Невольно зародившаяся в эти последние годы, литература русских изгнанников показала больше жизненной силы, творческой способности и изобразительного богатства, чем за всю эпоху, прошедшую со смерти Чехова до самой Революции». В этом контексте, по мнению Амфитеатрова, Бунину принадлежит первенствующее место: он «король нашей современной прозы», «наиболее значительный из наших писателей», чье величие состоит в «глубокой провидческой способности, отличающей его словесные картины и скульптуры. Он создан для прозрения вечного во временном, для узнавания неизменного во второстепенном, непреложного закона в каждодневной чепухе <...>. Некоторым творческий гений Бунина кажется холодным. Но это все равно, что сетовать на холоданость мрамора, из которого была высечена “Ночь” Микеланджело, или бронзы, в которой Челлини отлил “Персея”»⁶.

¹ *Antologia dei poeti russi del XX secolo / Trad. R. Olkienizkaia-Naldi.* Milano: Treves, 1924. P. 75.

² *Küfferle Rinaldo. L'arte di Ivan Bunin // Rivista d'Italia.* 1928. Aprile. P. 663–667.

³ *Slonim Marco. La nuova letteratura degli emigrati russi // L'Italia letteraria.* 1929. № 45. P. 6.

⁴ *Amfiteatroff Alessandro. Una letteratura in esilio // Le opere e i giorni.* 1930. № 6. P. 46–65.

⁵ *Anagnine Eugenio. Nuova letteratura russa // Nuova Antologia.* 1930. № 1408. P. 248–266.

⁶ *Amfiteatroff Alessandro. Una letteratura in esilio.* P. 46, 62, 65, 64.

Слоним и Ананын, хотя и дают исключительно высокую оценку стилистическому мастерству Бунина, на общее состояние русской словесности смотрят совершенно иначе, чем Амфитеатров.

Слоним задается вопросом о том, сколько русских литератур существует — одна или две, — и законно ли отрицание ими друг друга. Хотя и заявляя, что «неправильно было бы делить русское искусство на два враждебных поля», автор признает наличие глубинных различий и, несколько упрощая проблему, утверждает, что писатели-эмигранты принадлежат к старшему поколению и придерживаются консервативной линии в искусстве, в то время как российские писатели почти все молоды и склонны к авангарду. По мнению Слонима, в общей панораме эмигрантской литературы (которую он делит на реалистов, символистов и «итальянствующих», замечая, что только Марк Алданов взошел на литературный Пантеон уже в эмиграции, и, оставляя за рамками общей классификации Ремизова и Цветаеву) Бунин выступает как наиболее характерный ее представитель, несмотря на чрезмерную сосредоточенность на былом и на собственных переживаниях.

Статья Ананына также стоит внимания: в своем обзоре русской литературы первого тридцатилетия XX в. он не делит ее на собственно-российскую и эмигрантскую и обрисовывает картину, где на общем фоне ярко выделяются Чехов, Горький и Андреев как «властители дум», давшие новое литературное сознание (основанное на преодолении народничества) поколению, родившемуся между 1875 и 1890 гг. Бунину отведено видное место в «реалистической школе, отталкивающейся от чеховского и горьковского реализма»: «стилист сдержанного склада и вдумчивый художник, Бунин обрисовал в своей “Деревне” архитектурно точную картину — безупречную стилистически — деревенской жизни, лишенную лицемерной стилизации и безжалостную в своем убедительном и выразительном реализме»¹. Однако, очевидно, что кажущаяся Ананыну наиболее живыми и интересными литературные явления принадлежат литературе советской, от Маяковского до Вс. Иванова, от Бабеля до Пильняка, от Катаева до Зощенко, а Леонов и Федин названы «двумя самыми значительными писателями своей эпохи».

Наряду с упоминаниями Бунина в критических и историко-литературных обзорах — а может быть, благодаря им, — ближе к концу 1920-х гг. появляются и первые итальянские переводы его главных произведений, отчасти вызванные, вероятно, публикацией французских переложений: в 1928–1930 гг. вышли целых две итальянских версии «Деревни» (одна из них получила заглавие «Il villaggio», а другая — «Campagna»)² и перевод «Исто-

¹ Anagnine Eugenio. Nuova letteratura russa. P. 251.

² Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina-Racovska e S. Cata-lano. Milano: Ediz. Delta, 1928 (2-е изд.: 1929); Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio; con prefazione di Renato Poggiali. Torino: Slavia, 1930 (2-е изд.: 1934).

ков дней» (первой части «Жизни Арсеньева», перевод носит название «*La giovinezza di Arseniev*»), наспех выпущенный в серии при издательстве Биетти, руководил которой Кюфферле¹. Поэтическое творчество Бунина тоже удостаивается, наконец, должного внимания, правда, на страницах узкоспециального периодического издания, не имевшего широкого хождения².

Вообще в конце 1920-х — начале 1930-х гг. культурный климат в Италии был исключительно оживленным, несмотря на приход фашистов к власти. Интерес к иностранным литературам был огромен: писатель Чезаре Павезе ничуть не преувеличивал, когда уже после Второй мировой войны говорил о тех годах, что «они войдут в историю нашей культуры как эпоха перевода, <...> это был роковой момент, и именно в его кажущемся экзотизме и мятежничестве билась единственная живая вена нашей недавней литературной культуры. Изолированную, одичавшую, заскорузлую Италию нужно было растрясти, расчистить и подставить под все весенние ветра Европы и остального мира. <...> Мы открыли для себя Италию — в этом все дело, — через людей и слова, которых мы искали в Америке, в России, во Франции, в Испании»³.

Постоянно появлялись новые журналы и издательские проекты, посвященные культуре славянских стран. Особое место в этой перспективе занимала Россия. В 1930 г. славист Энрико Дамиани отметил, что «славянские писатели, в первую очередь русские, которые в большинстве своём были никому не известны ещё несколько лет назад, завоевали любовь итальянского читателя»⁴. Статистика выхода итальянских переводов с русского подтверждает его слова: если в 1924 г. вышла тридцать одна книга, то в 1930 г. их уже сто две (не считая многочисленных публикаций в периодической прессе).

Эта волна интереса лишь частично касалась эмигрантской литературы и во многом была связана с тем одобрением, с которым режим Муссолини

¹ Bunin Ivan. *La giovinezza di Arseniev: romanzo / Traduzione dall'originale di Valentina Dolghin-Badoglio; introduzione di Rinaldo Küfferle*. Milano: Bietti, 1930 (2-е изд.: 1933).

² Bunin Ivan. *Quindici poesie / Traduzione di Giovanni Gandolfi // Rivista di letterature slave*. 1932. № 1–2. P. 106–117. Переведены следующие стихотворения: «Луна» (1917), «Настанет день — исчезну я» (1916), «Сириус» (1922), «Ракета» (1901), «Первый соловей» (1916), «Русская весна» (1905), «Канун Купалы» (1903), «Аленушка» (1916), «Уж как на море, на море» (1923), «Дедушка в молодости» (1916), «Мы сели у печки в прихожей» (1917), «День памяти Петра» (1925), «Венеция» (1922), «В Сицилии» (1912), «Помпейя» (1916). К названным публикациям следует добавить перевод рассказа «Сын» (1916): *Bunin Ivan. Il figlio (Novella) / Trad. dal russo di Erme Cadei // Le opere e i giorni*. 1930. № 7. P. 36–47 (переизданный в том же журнале в 1933 г.: № 11. P. 41–53).

³ Pavese C. *L'influsso degli eventi // Pavese C. Saggi letterari*. Torino: Einaudi, 1968. P. 223. Об издании переводческой литературы в Италии во время фашизма см. монографию: Billiani F. *Culture nazionali e narrazioni straniere: Italia, 1903–1943*. Firenze: Le lettere, 2007.

⁴ Damiani E. Lingue e letterature slave e mondo slavo // *Nuova Antologia*. 1930. Vol. 271. № 1396. P. 193.

поначалу — и, по крайней мере, до 1935 г. — смотрел на Советский Союз (итальянское правительство официально признало его уже в 1924 г., сразу после того, как это сделала Великобритания). Обаяние революционного задора и признание новой силы на международной сцене переплетались с «исследованием славянской души» и подпитывались мифом о культурном сходстве Италии и России.

Итальянские исследования, посвященные рецепции русско-советской литературы в Италии фашистского периода, в основном говорят о том, что отношение представителей муссолиниевского режима к советской литературе было вполне благоприятным или даже «либеральным». Однако, если всмотреться в историю восприятия русской литературы в Италии того времени, то нельзя не заметить, что уже в течение первой половины 1930-х гг. ситуация начинает меняться, и интерес к русской литературе, эмигрантской и советской, постепенно спадает. Этую перемену отмечает открыто писатель Джованни Комиссо¹, составивший вместе с Марком Слонимом антологию современной русской литературы (Бунина в нее не включили), вышедшую в 1928 г. в монографическом номере журнала «Il Convegno» (Симпозиум)², а вместе с Ольгой Ресневич-Синьорелли — антологию советской прозы, занявшую большую часть третьего выпуска журнала «L’Italiano» (Итальянец) за 1931 г.³ В предисловии к ней он скептически отзыается о литературном потенциале советских писателей и поясняет: «Необходимо сразу же сказать, что эпоха великих русских шедевров уже позади». По мнению Комиссо, «война, революция, голод, стычки с белыми и поляками, опрокидывание общественных ценностей не вдохновили русских писателей на произведения, которые бы хоть сколько-то можно было сопоставить с написанным в предшествующие эпохи». К этому заявлению он добавляет еще более радикальное: «Русские писатели, сжегшие все мосты с прошедшим, пока не в состоянии высказаться в новом стиле и с новыми намерениями и только пережевывают наименее удачные формы и наиболее затертые темы прошлого»⁴.

¹ Giovanni Comisso (1895–1969), прозаик, был важной фигурой итальянской литературы в течение первой половины XX в. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. живо интересовался русской и советской художественной культурой.

² Il Convegno. Rivista di letteratura e di tutte le arti / Trad. di Marco Slonim e Giovanni Comisso. 1928. № 3.

³ L’Italiano. Foglio della rivoluzione fascista: Numero dedicato alla nuova letteratura russa / Traduzioni originali dal russo di Olga Resnevic e Giovanni Comisso. 1931. № 3.

⁴ Там же. Р. 115, 116, 117. В ряде отзывов на антологию советской прозы под редакцией Комиссо и Ресневич-Синьорелли выявляется растущая усталость от советских литературных произведений. См., напр., анонимную рецензию: L’Ambrosiano. 1931. 29 giugno; и рецензию известного писателя Элио Витторини: Il Bargello. 1931. 6 luglio. Еще раньше вышла сходная по духу статья: Ramperti M. Suicidi in Russia // La stampa. 1930. 27 maggio.

Статистика подтверждает этот вывод: она показывает, что после 1930 г. в публикации переводов из русской литературы наблюдается резкий спад с восьмидесяти книг в 1933 г. до пятидесяти в 1934 г.

Таким образом, пик известности Бунина в Италии, сопряженный с присуждением Нобелевской премии, совпадает с переломным моментом, когда возраставший было интерес к русской литературе начинает снижаться, и продолжает снижаться до полного исчезновения в 1939 г., когда Министерство образования опубликует «списки, запрещенные Министерством народной культуры к публикации, распространению или переизданию на территории Королевства». В эти списки было включено все, что имело какое бы то ни было отношение к России и к ее языку, в том числе произведения эмигрантских писателей, и даже учебники русского языка.

В год присуждения Бунину Нобелевской премии выходит третий итальянский перевод «Деревни»¹, переиздается «La giovinezza di Arseniev», выходит «Суходол» в переводе и с предисловием Ренато Поджоли², которому принадлежит и предисловие к одному из переводов «Деревни» 1930 г. (см. примеч. 18). Годом позже издаются два сборника рассказов³, куда входят лучшие образцы короткой бунинской прозы как эмигрантского, так и доэмigrantского периодов. Однако присуждение Нобелевской премии не приводит к издательскому успеху и после 1934 г. Бунина практически перестают печатать. Если не считать двух рассказов, вышедших в журнальных публикациях в 1937 г.⁴, и появления в двух антологиях русской прозы «от истоков до наших дней», изданных Ло Гатто и Ландольфи сразу после войны⁵, можно сказать, что Бунин вернется в каталоги итальянских издательств лишь в 1960-е гг.

¹ Bunin Ivan. Il villaggio: romanzo / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933.

² Bunin Ivan. Valsecca: romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano: G. Carabba, 1933.

³ Bunin Ivan. Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia, 1934 (содержание: Il signore di San Francisco [Господин из Сан-Франциско], Conversazione notturna [Ночной разговор], La coppa della vita [Чаша жизни], Una bella esistenza [Хорошая жизнь], La grammatica dell'amore [Грамматика любви], Giovanni il singhiozzante [Иоанн рыдалец], Fratelli [Братья], Una sera di primavera [Весенний вечер], Un grido [Крик], Un fiato leggero [Легкое дыхание]); Bunin Ivan. L'amore di Mitia ed altre prose / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934 (содержание: L'amore di Mitia [Митина любовь], L'affare dell'alfiere Elagin [Дело корнета Елагина], Ida [Ида], Un colpo di sole [Солнечный удар], Il romanzo di un gobbo [Роман Горбун], Lanterne rosse [Красные фонари], Il libro [Книга], Vestaglia a ricami [Мордовский сарафан], Una gola montana [Ущелье], I grilli [Цикады]).

⁴ Bunin Ivan. In mare [В ночном море] / Le grandi firme. 1937. № 324. Р. 11; Bunin Ivan. Un delitto [Петлистые уши] / Le grandi firme. 1937. № 332. Р. 6. Ни в одной из двух публикаций переводчик не указан.

⁵ Praz M., Lo Gatto E. Antologia delle letterature straniere. Firenze: Sansoni, 1946; Narratori russi: raccolta di romanzi e racconti dalle origini ai nostri giorni / A cura di Tommaso Landolfi. Milano: Bompiani, 1948.

Трудно сказать, насколько качество итальянских переводов Бунина повлияло на его известность среди широкой публики (к которой Бунин в Италии так никогда и не пробился) и на господствующее мнение о «сдержанности и тяжеловесности» его стиля¹, но очевидно, что русский писатель так и не нашел в Италии своего Мориса Парижанина, способного подобрать достойные оригинала лингвистические и стилистические эквиваленты. Только о работе Кюфферле и Поджоли современные им рецензии отзываются умеренно одобрительно; остальные переводы признаются «хоть и не блестящими, но сносными»² или же «без полета, но и без чрезмерных неточностей, в целом приемлемыми и верными»³. Слишком бледно для того, чтобы передать тончайшую стилистическую работу Бунина — которая так и осталась скрытой от итальянского читателя.

В завершение этого обзора, обратимся еще раз к статистике: в рейтинге русских писателей, выходивших отдельными изданиями в итальянских переводах между 1924 и 1945 гг., Бунину принадлежит четырнадцатое место (кроме классиков, из современников его опережают не только Андреев, Мережковский, Куприн, Шолохов и Эренбург, но и генерал Петр Краснов; практически наравне с ним находим католическую монахиню Фанни Моисееву — создательницу текстов мистической направленности на итальянском языке⁴, давно и справедливо забытую).

История переводов бунинских текстов, которую мы здесь наметили, переплетается в 1930-е гг. с эволюцией взглядов на него среди итальянских критиков. Присуждение Нобелевской премии и в Италии закономерно обратило на писателя, относительно недавно появившегося в поле зрения итальянских литературных деятелей, известное внимание; однако в прессе совсем немногого было откликов, превышающих размер краткой заметки в литературной хронике и носящих какой-либо иной характер, чем чисто информационный.

Отношение к награждению Бунина Нобелевской премией со стороны представителей литературного мира было преимущественно скептическим: преобладало мнение, что премия была ему присуждена скорее по соображе-

¹ Messina G. Le traduzioni dal russo nel 1920–1943 // Belfagor. 1949. № 4. P. 696.

² Salvini L. Recensione a Bunin Ivan. «Campagna» (Versione di V. Dolghin Badoglio). Torino: Slavia, 1930 // Bibliografia Fascista. 1930. № 12. P. 1128.

³ Landolfi T. Recensione a Bunin Ivan. «Il signore di San Francisco. Racconti» / A cura di A. Polledro. Torino: Slavia, 1934 // Occidente. 1934. № 6. P. 136–137. Цит. по изд.: Landolfi T. I russi / A cura di G. Maccari. Milano: Adelphi, 2015. P. 241–242. В этом издании впервые опубликован перевод Ландольфи «Легкого дыхания» Бунина, относящийся к 1933 г. («Un soffio leggero». P. 283–289).

⁴ Фанни Моисеева (1895—?), автор религиозных книг и рассказов, которые имели большой успех у публики, о чем свидетельствуют их многочисленные переиздания в различных миланских издательствах, в частности, книга «Nove giorni nell’aldilà: ciò che ho visto nel mio sonno letargico» (Девять дней на том свете: что я увидела в летаргическом сне). Milano: Arti Grafiche Seti, 1933, выдержала шесть изданий между 1933 и 1937 гг. О ней см. на сайте www.russinitalia.it

ниям политического порядка, чем за литературные заслуги. В качестве хорошего примера можно привести слова Леона Гинзбурга, видного интеллектуала русского происхождения, весьма авторитетного в итальянской антифашистской культуре, и близкого друга издателя известной антологии «Panorama de la littérature russe» Владимира Познера (где содержался весьма нелестный отзыв о Бунине), изданной в Париже в 1929 г. Гинзбург откликнулся на присуждение премии такими словами: «Бунина предпочли Горькому, старую традицию — новой», хотя «Горький <...> представляет собой поистине новый мир по сравнению с Буниным»¹.

Не сильно разнится и мнение Джакомо Антонини, — критика совершенно иного, чем Гинзбург, направления², — который в своей пространной статье, вышедшей через некоторое время после присуждения премии, писал о Бунине как о «личности суровой и аристократичной, <которая> вряд ли может снискать любовь и восхищение толпы; после революции он стал держаться с тем бесстрастным высокомерием, которое как раз в полной мере выражает истинную сущность и дух его художественных произведений»; по мнению Антонини, Бунин настолько занят оттачиванием формы и стиля, что «порой это лишает его произведения всякого очарования и убедительности, какими обладает творение непосредственное и безыскусное», в результате чего его сочинения «интересны для читателя, но редко трогают его душу»³. Критик признавал в Бунине высокий литературный талант, но считал его «слишком пропитанным художественными идеалами ушедшей уже эпохи, чтобы быть в состоянии повлиять на новые поколения», и заключал: «Не думаю, чтобы Нобелевская премия, увенчавшая долгую и достойную уважения литературную карьеру, могла как-нибудь изменить это положение вещей»⁴.

Более глубокие и, главное, основывающиеся на более основательном знании русского литературного процесса суждения можно прочитать на — немногих, правда, — страницах, посвященных Бунину итальянскими славистами. Кроме Кюфферле, важнейшей фигурой итальянской «бунинианы» выступает тут Ренато Поджоли, который впоследствии станет одним из самых крупных славистов, компаративистов и теоретиков литературы в итальянской панораме XX в. Именно ему, тогда еще молодому журнальному критику, при-

¹ Ginzburg L. Il premio Nobel a Ivan Bunin // Illustrazione italiana. 1933. № 47. P. 776. Цит. по изд.: Ginzburg L. Scritti / A cura di D. Zucaro. Prefazione di L. Mangoni. Introduzione di N. Bobbio. Torino: Einaudi, 2000. P. 327.

² Джакомо Антонини был тонким и влиятельным литературным критиком, искушенным в самых прогрессивных на тот момент теоретических возвзрениях на литературу XX в., знатоком французской культуры и современной ему итальянской прозы. В муссолиниевский период работал осведомителем итальянского правительства во Франции.

³ Antonini G. Ivan Bunin // Leonardo. 1934. № 6. P. 253.

⁴ Там же. Р. 255.

надлежит несколько статей о Бунине¹, составляющих, может быть, наиболее интересную страницу бунинской критики в Италии, не только в тот период, но и в целом. В его анализе бунинского творчества встречается целый ряд довольно оригинальных суждений, зачастую лишь намеченных и выраженных в том насыщенном метафорами стиле, который отличал известную часть флорентийских критиков начала XX в. Поджоли говорит о «поразительном анахронизме», который позволяет отнести Бунина к поколению классиков (а именно — к линии Пушкин—Тургенев—Толстой); «недвижная фигура посреди авангардистских бурь», «ближе всего к которой из европейских писателей находятся Гюстав Флобер и Джордж Мур»². В другой работе, развивая выдвинутый Б. Зайцевым тезис о близости бунинской прозы к «французскому натурализму прошлого века»³, Поджоли сравнивает Бунина с итальянским писателем Джованни Верга (главным выразителем так называемого веризма, чьи литературные принципы схожи с идеями французского натурализма) и говорит об общих чертах персонажей Тихона Ильича (из «Деревни») и Маestro Дон Джезуальдо в одноименном романе. Обоим присуще «твердое осознание собственной силы, та гордость, которая свойственна тем, кто сам построил свою судьбу, сильнейшее чувство собственности; <они представляют собой> любопытную смесь чувства справедливости с самоуправством». На обоих лежит «печать наказывающего их рока»⁴. Но параллелизм между двумя писателями лежит не только в сходстве главных героев двух романов, но и в том, что в обоих произведениях слышен отзвук «невольно вырывающейся из изможденного тела просительной молитвы, обращенной к богине распада и конца: именно поэтому каждая страница Бунина, даже самая теплая и живая, оставляет кисловатый привкус разложения», — которым пропитаны и тексты Верги⁵. Основания для такого сравнения Поджоли находит и в том факте, что английский писатель Д.Г. Лоуренс одинаково ценил Бунина и Вергу и перевел как «Деревню», так и «Маestro Дон Джезуальдо».

Основной характеристикой бунинской прозы Поджоли считает не то отсутствие жизни, в котором его упрекал Познер, а ее статичность: «если

¹ Poggiali Renato. Prefazione a Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio. Torino: Slavia, 1930. P. I–XVI; Poggiali Renato. Suchodol di Bunin // Rivista di letterature slave. Vol. VI. № 1–3. Roma. 1931. Gennaio-febbraio. P. 170–177; Poggiali Renato. Introduzione a Bunin, Ivan. Valsecca: romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano: G. Carabba, 1933. P. I–XXIII; Poggiali Renato. Ivan Bunin. Premio Nobel 1933 // L’Italia letteraria. 1933. 3 dicembre. P. 1–3; Poggiali Renato. Ivan Bunin // La nazione. 1933. 12–13 novembre; Poggiali Renato. Ivan Bunin (premio Nobel 1933) // Nuova Antologia. 1934. № 1483. P. 134–144; Poggiali Renato. L’arte di Ivan Bunin // Pietre di paragone. Firenze: Parenti, 1939. P. 87–103.

² Poggiali R. L’arte di Ivan Bunin. P. 92–93.

³ Классик без ретуши. С. 842.

⁴ Poggiali R. Prefazione a Bunin Ivan. Campagna: romanzo. P. VIII.

⁵ Poggiali R. L’arte di Ivan Bunin. P. 94.

у Горького и Чехова персонажи роятся, как бабочки или муравьи, у Бунина они двигаются медленно и тяжело, как кроты или черепахи, а иной раз их движения так медленны, что вообще не заметны глазу. Иногда это движение прекращается полностью, и именно в этот момент вселенная Бунина, составленная из тщательно отобранных и скомпонованных объектов, становится окончательно похожей на музей»¹. Этую идею статичности критик передает через серию образов из мира скульптуры. Разбирая структуру «Деревни», Поджоли отмечает, что в рассказе «сцены и эпизоды чередуются в беспорядке, как ветхозаветные истории на вратах средневековых церквей»². «Идеал письма для Бунина — миф о Горгоне: перехватить взгляды людей и вещей, чтобы обратить их в камень и таким образом сохранить навеки <...>. Вот почему он <...> зачастую выступает как первый и единственный скульптор в русской литературе, богатой в основном композиторами и художниками»³. Развивая эту метафору, Поджоли сравнивает русскую литературу со строящимся городом, где в будущем «можно будет на многих перекрестках видеть оставленные там навеки Буниным статуи с опечаленными и мрачными ликами»⁴.

Интересно и то, что критик рассматривает своеобразный бунинский анахронизм и отсутствие интереса к острым проблемам современности как один из факторов сложения его художественной манеры: «... безразличный к прошлому и будущему, Бунин любит лишь то настоящее, через которое просвечивает вечность <...>. Поэтому его манера отличается жесткостью правил и устойчивостью <...>»⁵.

Короткая серия публикаций Поджоли о Бунине — конечно, намного более обстоятельных и сложных, чем позволяют передать рамки данной статьи — не дала нужного стимула итальянским славистам, которые еще долго не уделяли Бунину никакого внимания. Характерно, что опубликованная на исходе предвоенного периода первая в итальянском культурном поле систематизация русской литературы XX в., ставшая канонической, а именно «История русской литературы» Этторе Ло Гатто (Firenze: Sansoni, 1942), говорит о Бунине в довольно шаблонной манере, в рамках главы «От реализма к неоромантизму», где он поставлен в один ряд с Горьким, Чеховым, Гаршиным, Короленко, Куприным и другими писателями группы «Знание», от которой Бунина отличает — по мнению Ло Гатто — восприятие искусства «как порядка, правила, стиля, гармонии. Стилистическая гармония — вот секрет отличия бунинских “натуралистических” зарисовок от писателей-натуралистов в более расхожем смысле этого слова»⁶.

¹ Poggiali R. Prefazione a Bunin Ivan. Campagna: romanzo. P. XVI.

² Там же. Р. X.

³ Там же. Р. 103.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. Firenze: Sansoni, 1942. P. 546–547.

Литература

Двинятина Т. И. Бунин в 1910 году // L'anno 1910 in Russia / A cura di D. Colombo e C. Graziadei. Salerno: Europa Orientalis, 2012. P. 131–144.

Двинятина Т. Переписка И.А. и В.Н. Буниных 1920–1940-х годов как биографический источник // [Само]репрезентация в литературе: судьбы забытых текстов / Rusistica Latviensis. 6. Рига: Латвийский университет, 2017. С. 20–37.

И.А. Бунин: *Pro et contra* (Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей). Антология / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, comment. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лапидус. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 1001 с.

Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста, comment. Н.Г. Мельников, Т.В. Марченко. М.: Книжица; Русский путь, 2010. 928 с.

Климова С.Б. Восприятие творчества И.А. Бунина в контексте английского диалога о русской эмиграции и Советской России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2012. Вып. 11 (75). С. 130–133.

Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору». Французская пресса о Нобелевской премии Бунина // Материалы Международной научной конференции «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям)». М.: Русский путь, 2011. С. 131–151.

Ревякина И.А. Италия в путешествиях и поэтическом творчестве И.А. Бунина // Toronto Slavic Quarterly. 2006 (Summer). № 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/revyakina17.shtml> (дата обращения: 24.11.2018).

Рицци Д. Бунин И.А. // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / сост. А. д'Амелия и Д. Рицци. Москва: Изд. Политической энциклопедии, 2019. С. 131–133.

Роцина О.С. Италия в творчестве И.А. Бунина // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: Сб. ст. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 182–193.

Adrianov Sergio. Le condizioni attuali della letteratura russa // Il Marzocco. 1913. № 14. P. 5.

Amfiteatroff Alessandro. Una letteratura in esilio // Le opere e i giorni. 1930. № 6. P. 46–65.

Anagnine Eugenio. Nuova letteratura russa // Nuova Antologia. 1930. № 1408. P. 248–266.

Antologia dei poeti russi del XX secolo / Trad. R. Olkienizkaia-Naldi. Milano: Treves, 1924. 256 p.

Antonini G. Ivan Bunin // Leonardo. 1934. № 6. P. 253.

Billiani F. Culture nazionali e narrazioni straniere: Italia, 1903–1943. Firenze: Le lettere, 2007. 374 p.

Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina-Racovska e S. Catalano. Milano: Ediz. Delta, 1928. 292 p.

Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio; con prefazione di Renato Poggiali. Torino: Slavia, 1930. 302 p.

Bunin Ivan. Il figlio (Novella) / Trad. dal russo di Erme Cadei // Le opere e i giorni. 1930. № 7. P. 36–47.

Bunin Ivan. La giovinezza di Arseniev: romanzo / Traduzione dall'originale di Valentina Dolghin-Badoglio; introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1930.

Bunin Ivan. Quindici poesie / Traduzione di Giovanni Gandolfi // Rivista di letterature slave. 1932. № 1–2. P. 106–117.

Bunin Ivan. Il villaggio: romanzo / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933. 304 p.

Bunin Ivan. Valsecca: romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano: G. Carabba, 1933.

Bunin Ivan. Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia, 1934. 285 p.

Bunin Ivan. L'amore di Mitia ed altre prose / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934.

Bunin Ivan. In mare [В ночном море] / Le grandi firme. 1937. № 324. P. 11.

Bunin Ivan. Un delitto [Петлистые уши] / Le grandi firme. 1937. № 332. P. 6.

Damiani E. Lingue e letterature slave e mondo slavo // Nuova Antologia. 1930. Vol. 271. № 1396. P. 193.

Il Convegno. Rivista di letteratura e di tutte le arti / Trad. di Marco Slonim e Giovanni Comisso. 1928. № 3.

Gigli Lorenzo. Scrittori russi in esilio // La lettura. 1924. № 3. P. 211–217.

Ginzburg L. Il premio Nobel a Ivan Bunin // Illustrazione italiana. 1933. № 47. P. 776.

Ginzburg L. Scritti / A cura di D. Zucaro. Prefazione di L. Mangoni. Introduzione di N. Bobbio. Torino: Einaudi, 2000. 489 p.

Gobetti P. Paradossalismo dello spirito russo. Torino: Edizioni del Baretti, 1926.

Küfferle Rinaldo. L'arte di Ivan Bunin // Rivista d'Italia. 1928. Aprile. P. 663–667.

Landolfi T. Recensione a Bunin Ivan. «Il signore di San Francisco. Racconti» / A cura di A. Polledro. Torino: Slavia, 1934 // Occidente. 1934. № 6. P. 136–137.

Landolfi T. I russi / A cura di G. Maccari. Milano: Adelphi, 2015. 365 p.

L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista: Numero dedicato alla nuova letteratura russa / Traduzioni originali dal russo di Olga Resnevič e Giovanni Comisso. 1931. № 3.

Lo Gatto Ettore. Russia. Scrittori contemporanei // I libri del giorno. 1922. № 10. P. 545–547.

Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. Firenze: Sansoni, 1942. 569 p.

Messina G. Le traduzioni dal russo nel 1920–1943 // Belfagor. 1949. № 4. P. 696.

Narratori russi: raccolta di romanzi e racconti dalle origini ai nostri giorni / A cura di Tommaso Landolfi. Milano: Bompiani, 1948.

Nemi. Letterature straniere // Nuova Antologia. 1903. № 762. P. 333–334.

Novelle russe / A cura di Corrado Alvaro. Vol. I–II. Milano: Quintieri, 1920.

Pavese C. Saggi letterari. Torino: Einaudi, 1968. 349 p.

Poggiali Renato. Prefazione a Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio. Torino: Slavia, 1930. P. I–XVI.

Poggioli Renato. Suchodol di Bunin // Rivista di letterature slave. Vol. VI. № 1–3. Roma. 1931. Gennaio-febbraio. P. 170–177.

Poggioli Renato. Introduzione a Bunin, Ivan. Valsecca: romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggioli. Lanciano: G. Carabba, 1933. P. I–XXIII.

Poggioli Renato. Ivan Bunin. Premio Nobel 1933 // L’Italia letteraria. 1933. 3 dicembre. P. 1–3.

Poggioli Renato. Ivan Bunin // La nazione. 1933. 12–13 novembre.

Poggioli Renato. Ivan Bunin (premio Nobel 1933) // Nuova Antologia. 1934. № 1483. P. 134–144.

Poggioli Renato. L’arte di Ivan Bunin // Pietre di paragone. Firenze: Parenti, 1939. P. 87–103.

Praz M., Lo Gatto E. Antologia delle letterature straniere. Firenze: Sansoni, 1946.

Ramperti M. Suicidi in Russia // La stampa. 1930. 27 maggio.

Salvini L. Recensione a Bunin Ivan. «Campagna» (Versione di V. Dolghin Badoglio). Torino: Slavia, 1930 // Bibliografia Fascista. 1930. № 12. P. 1128.

Slonim Marco. La nuova letteratura degli emigrati russi // L’Italia letteraria. 1929. № 45. P. 6.

Zaitsev Boris. La letteratura russa contemporanea (Uomini e movimenti) // Russia: rivista di letteratura, arte, storia. 1923. № 3–4. P. 474–504.

References

Adrianov Sergio. Le condizioni attuali della letteratura russa. *Il Marzocco*, 1913, № 14, p. 5.

Amfiteatroff Alessandro. Una letteratura in esilio. *Le opere e i giorni*, 1930, № 6, pp. 46–65.

Anagnine Eugenio. Nuova letteratura russa. *Nuova Antologia*, 1930, № 1408, pp. 248–266.

Antologia dei poeti russi del XX secolo, trad. R. Olkienizkaia-Naldi. Milano, Treves, 1924, 256 p.

Antonini G. Ivan Bunin. *Leonardo*, 1934, № 6, p. 253.

Billiani F. *Culture nazionali e narrazioni straniere: Italia, 1903–1943*. Firenze, Le lettere, 2007, 374 p.

Bunin Ivan. Il figlio (Novella), trad. dal russo di Erme Cadei. *Le opere e i giorni*, 1930, № 7, pp. 36–47.

Bunin Ivan. In mare [В ночном море]. *Le grandi firme*, 1937, № 324, p. 11.

Bunin Ivan. Quindici poesie, traduzione di Giovanni Gandolfi. *Rivista di letterature slave*, 1932, № 1–2, pp. 106–117.

Bunin Ivan. *Campagna: romanzo*, prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio; con prefazione di Renato Poggioli. Torino, Slavia, 1930, 302 p.

Bunin Ivan. *Il villaggio*, traduzione integrale dal russo di Maria Karklina-Racovska e S. Catalano. Milano, Ediz. Delta, 1928, 292 p.

Bunin Ivan. *Il villaggio*: romanzo, traduzione di N. Artinoff. Milano, Corbaccio, 1933, 304 p.

Bunin Ivan. *L'amore di Mitia ed altre prose*, traduzione di Rinaldo Küfferle. Milano, A. Mondadori, 1934.

Bunin Ivan. *La giovinezza di Arseniev: romanzo*, traduzione dall'originale di Valentina Dolghin-Badoglio, introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano, Bietti, 1930.

Bunin Ivan. *Il signore di San Francisco: racconti*, prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino, Slavia, 1934, 285 p.

Bunin Ivan. *Un delitto* [Петлистые уши]. Le grandi firme, 1937, № 332, p. 6.

Bunin Ivan. *Valsecca: romanzo*, traduzione e introduzione di Renato Poggioli. Lanciano, G. Carabba, 1933.

Damiani E. Lingue e letterature slave e mondo slavo. *Nuova Antologia*, 1930, vol. 271, № 1396, p. 193.

Dviniatina T. I. Bunin v 1910 godu [I. Bunin in 1910]. *L'anno 1910 in Russia*, a cura di D. Colombo e C. Graziadei, Salerno, Europa Orientalis Publ., 2012, pp. 131–144. (In Russ.).

Dviniatina T. Perepiska I.A. i V.N. Buninykh 1920–1940-kh godov kak biograficheskii istochnik [Correspondence between Ivan and Vera Bunin of the 1920–1940s as a biographical source]. *[Samo]reprezentatsiia v literature: sud'by zabytykh tekstov* [[Self]representation in literature: the fate of forgotten texts]. Rusistica Latviensis. 6. Riga, Latvijiskij universitet Publ., 2017, pp. 20–37. (In Russ.).

Gigli Lorenzo. Scrittori russi in esilio. *La lettura*, 1924, № 3, pp. 211–217.

Ginzburg L. Il premio Nobel a Ivan Bunin. *Illustrazione italiana*, 1933, № 47, p. 776.

Ginzburg L. *Scritti*, a cura di D. Zucaro, prefazione di L. Mangoni. Introduzione di N. Bobbio. Torino, Einaudi, 2000, 489 p.

Gobetti P. *Paradosso dello spirito russo*. Torino, Edizioni del Baretti, 1926.

I.A. Bunin: *Pro et contra (Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei)*. Antologiia [I.A. Bunin: Pro et contra (Personality and works of Ivan Bunin in the evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers). An anthology], comp. by B.V. Averin, D. Riniker, K.V. Stepanov, comment. by B.V. Averin, M.V. Virolainen, D. Riniker, bibliogr. by T.M. Dviniatina, A.Ia. Lapidus. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, 1001 p. (In Russ.).

Il Convegno. Rivista di letteratura e di tutte le arti, trad. di Marco Slonim e Giovanni Comisso, 1928, № 3.

Klassik bez retushi: literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: kriticheskie otzovy, esse, parodii (1890-e–1950-e gody). Antologiia [An unretouched classic: the literary world on Ivan Bunin's works: critical reviews, essays, parodies (1890–1950s). An anthology]. Ed. by N.G. Mel'nikov; comp., ed., comment. by N.G. Mel'nikov, T.V. Marchenko. Moscow, Knizhitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010, 928 p. (In Russ.).

Klimova S.B. Vospriiatie tvorchestva I.A. Bunina v kontekste angliiskogo dialoga o russkoi emigratsii i Sovetskoi Rossii [The perception of Ivan Bunin's works in the context of the English dialogue on Russian emigration and Soviet Russia]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya "Filologicheskie nauki"* [News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences series], 2012, Issue 11 (75), pp. 130–133. (In Russ.).

Küfferle Rinaldo. L'arte di Ivan Bunin. *Rivista d'Italia*, 1928, Aprile, pp. 663–667.

L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista: Numero dedicato alla nuova letteratura russa, traduzioni originali dal russo di Olga Resnevic e Giovanni Comisso, 1931, № 3.

Landolfi T. *I russi*, a cura di G. Maccari. Milano, Adelphi, 2015, 365 p.

Landolfi T. Recensione a Bunin Ivan. «Il signore di San Francisco. Racconti», a cura di A. Polledro. Torino: Slavia, 1934. *Occidente*, 1934, № 6, pp. 136–137.

Lo Gatto E. *Storia della letteratura russa*. Firenze: Sansoni, 1942, 569 p.

Lo Gatto Ettore. Russia. Scrittori contemporanei. *I libri del giorno*, 1922, № 10, pp. 545–547.

Marchenko T.V. “Venok laureata emu tochno vporu”. Frantsuzskaia pressa o Nobelevskoi premii Bunina [“The winner’s wreath definitely fits him”. The French press about the Bunin’s Nobel prize]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Ot Bunina do Pasternaka: russkaia literatura v zarubezhnom vospriiatii (k iubileiam prisuzhdeniya Nobelevskoi premii russkim pisateliam)”* [Proceedings of the International scientific conference “From Bunin to Pasternak: Russian literature in the foreign perception (for the anniversaries of the Nobel prizes awarded to Russian writers)"]. Moscow, Russkii put' Publ., 2011, pp. 131–151. (In Russ.).

Messina G. Le traduzioni dal russo nel 1920–1943. *Belfagor*, 1949, № 4, p. 696.

Narratori russi: raccolta di romanzi e racconti dalle origini ai nostri giorni, a cura di Tommaso Landolfi. Milano, Bompiani, 1948.

Nemi. Letterature straniere. *Nuova Antologia*, 1903, № 762, pp. 333–334.

Novelle russe, a cura di Corrado Alvaro. Vol. I–II. Milano, Quintieri, 1920.

Pavese C. *Saggi letterari*. Torino, Einaudi, 1968, 349 p.

Poggioli Renato. *Introduzione a Bunin, Ivan. Valsecca: romanzo*, traduzione e introduzione di Renato Poggioli. Lanciano: G. Carabba, 1933, pp. I–XXIII.

Poggioli Renato. Ivan Bunin (premio Nobel 1933). *Nuova Antologia*, 1934, № 1483, pp. 134–144.

Poggioli Renato. Ivan Bunin. *La nazione*, 1933, 12–13 novembre.

Poggioli Renato. Ivan Bunin. Premio Nobel 1933. *L’Italia letteraria*, 1933, 3 dicembre, pp. 1–3.

Poggioli Renato. *L’arte di Ivan Bunin. Pietre di paragone*. Firenze, Parenti, 1939, pp. 87–103.

Poggioli Renato. *Prefazione a Bunin Ivan. Campagna: romanzo*, prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin-Badoglio. Torino, Slavia, 1930, pp. I–XVI.

Poggioli Renato. Suchodol di Bunin. *Rivista di letterature slave*, vol. VI. № 1–3. Roma, 1931, Gennaio–febbraio, pp. 170–177.

Praz M., Lo Gatto E. *Antologia delle letterature straniere*. Firenze, Sansoni, 1946.

Ramperti M. Suicidi in Russia. *La stampa*, 1930, 27 maggio.

Reviakina I.A. Italiia v puteshestviiakh i poeticheskikh tvorchestvakh I.A. Bunina [Italy in travels and poetic works of Ivan Bunin]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2006 (Summer), no 17, Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/revyakina17.shtml> (Accessed on 24.11.2018). (In Russ.).

Ritstsi D. Bunin I.A. In: *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka. Entsiklopedia* [Russian presence in Italy in the first half of the twentieth century. Encyclopedia]; comp. A. d’Amelia and D. Rizzi]. Moscow, Publishing House Political Encyclopedia, 2019, pp. 131–133. (In Russ.).

Roschchina O.S. Italiia v tvorchestve I.A. Bunina [Italy in Ivan Bunin’s works]. *Obrazy Italii v russkoi slovesnosti XVIII–XX vv.: Sb. st.* [Images of Italy in Russian literature of the 18th—20th centuries. A collection of papers]. Ed. by O.B. Lebedeva, N.E. Mednis. Tomsk,

Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2009, pp. 182–193. (In Russ.).

Salvini L. Recensione a Bunin Ivan. «Campagna» (Versione di V. Dolghin Badoglio). Torino, Slavia, 1930. *Bibliografia Fascista*, 1930, № 12, p. 1128.

Slonim Marco. La nuova letteratura degli emigrati russi. *L'Italia letteraria*, 1929, № 45, p. 6.

Zaitsev Boris. La letteratura russa contemporanea (Uomini e movimenti). *Russia: rivista di letteratura, arte, storia*, 1923, № 3–4, pp. 474–504.

PERCEPTION OF IVAN BUNIN IN ITALY IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

© 2019, DANIELA RIZZI

Abstract: The article follows the history of translation and perception of Ivan Bunin's works in Italian literary circles from the first decades of the 20th century till the Second World War. In the perception of both emigrant and Soviet Russian literature Renato Poggiali (1907–1963), a famous Slavonic scholar, takes a special place as he is a main figure in the Italian literary criticism of Bunin.

Keywords: Russian literature in Italian perception, Italian Slavistics, Ivan Bunin, Renato Poggiali.

Information about the author: Daniela Rizzi, Professor, Professor of Russian Language and Literature, Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies, Ca'Foscari University, Venezia, Italy. E-mail: darizzi@unive.it

**РИНАЛЬДО КЮФФЕРЛЕ (1903–1955) — ПЕРЕВОДЧИК, ИЗДАТЕЛЬ,
КРИТИК И КОРРЕСПОНДЕНТ И.А. БУНИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ И ИЗДАТЕЛЬСКИХ АРХИВОВ)**

© 2019, Э. ГАРЕТТО

Аннотация: В статье рассматривается роль поэта, прозаика, журналиста и переводчика Ринальдо Кюфферле (1903–1955) в распространении творчества И.А. Бунина в Италии в 1920-е и 1930-е гг. Выявлены и проанализированы критические статьи Кюфферле о Бунине в итальянских литературных журналах, его переводы бунинских стихов и рассказов, и разные этапы продвижения творчества писателя в миланских издательствах (издание романа «Жизнь Арсеньева» и сборника рассказов). В статье приводится также ряд архивных материалов, свидетельствующих о личных отношениях Кюфферле с Буниным.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Ринальдо Кюфферле, Бунин в Италии, переводы, эмиграция в Италии.

Информация об авторе: Эльда Гаретто — литературовед, педагог, профессор Миланского государственного университета. E-mail: elda.garetto@unimi.it

Творчество писателей парижской diásporы и, в частности, И.А. Бунина имело бы, наверное, очень ограниченное распространение в Италии 1920-х и 1930-х гг., если бы не вклад переводчика Ринальдо Кюфферле. Родившийся в Петербурге в 1903 г. в семье известного скульптора итальянско-немецкого происхождения¹, Кюфферле сбежал из России с родителями за несколько дней до октябрьского переворота. Приехав в Италию, завершил свое образование в лицее и на филологическом факультете миланского университета с выдающимися преподавателями — Дж. А. Борджезе в первую очередь — и погрузился в изучение итальянской культуры, сохраняя при этом постоянное внимание к литературе своей первой родины и особое пристрастие к поэзии. В 1927 г., будучи еще студентом, Кюфферле начал свою переводческую деятельность (драматические произведения Пушкина и Тургенева и оперные либретто для театра La Скала)²; параллельно начал печатать заметки, статьи и рецензии о русской литературе в миланских литературных журналах и в других периодических изданиях.

Благодаря его контактам с такими крупными миланскими издательствами, как «Мондадори», и, прежде всего, благодаря проекту серии «Русская библиотека» при издательстве «Биетти», в течение 1930-х гг. Кюфферле уда-

¹ Пьетро Кюфферле (1871–1942), известный в российской столице скульптор родом из Венеции.

² *Pushkin A. Teatro / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle.* Milano: Unitas, 1928; *Turgheniev I. Scene e commedie / Traduzione di Rinaldo Küfferle.* Torino: Slavia, 1927. Среди первых переводов либретто русских опер — «Хованщина» и «Садко».

лось опубликовать значительный ряд произведений русской диаспоры, от Марка Алданова до Бориса Зайцева, от Ивана Бунина до Ивана Шмелева, от Тэффи до Василия Яновского, либо в собственном переводе, либо под своей редакцией¹.

Мы располагаем многочисленными и разнообразными материалами, свидетельствующими о глубоком интересе Кюфферле к творчеству Бунина про-заика и поэта.

Первое проявление интереса относится к самому началу 1927 г., когда молодой Кюфферле, еще не окончивший университет, но уже входящий в миланские литературные круги, начинает вести в литературном журнале «Novella»² рубрику о литературных новостях русского Парижа и других центров диаспоры (советская литература слабо привлекает беженца Кюфферле, для него подлинная современная русская литература — исключительно эмигрантская). Рубрика под любопытным заголовком «Corriera della Russia» — как бы звуковое отражение «Русского Курьера» — хотя и занимает всего одну-две страницы, свидетельствует о том, что Кюфферле был довольно хорошо осведомлен о литературных новостях диаспоры, и в первую очередь о новых изданиях Бунина, Алданова, Зайцева, Шмелева и др. В течение 1927 г. рубрика посвящает Бунину две рецензии о сборниках «Солнечный удар» и «Последнее свидание», только что опубликованных, и заметку о рассказе «Ермил»³. В них Бунин представлен как один из главных русских современных писателей; Кюфферле хвалит его стиль и неиссякаемое разнообразие тем и образов, дает информацию об истории произведений, о составе сборников, предлагает вниманию читателя самые интересные из них, как например «Дело корнета

¹ В переводе или под редакцией Р. Кюфферле вышли книги русских писателей: *Aldanov M. Sant'Elena piccola isola. Romanzo*. Milano: Bietti, 1929; *Aldanov M. 9 Thermidor*. Milano: Ed. Universum, 1933; *Aldanov M. Contemporanei: profili di grandi capi della politica europea*. Milano: Universum, 1933; *Aldanov M. L'ultima sinfonia*. Milano: Minerva, 1935; *Bunin I. La giovinezza di Arseniev / Traduz. dall'orig. di Valentina Dolghin Badoglio. Introd. di Rinaldo Küfferle*. Milano: Bietti, 1930; *Bunin I. L'amore di Mitia ed altre prose*. Milano: A. Mondadori, 1934; *Zaitsev B. Ricamo d'oro. Traduzione integrale dal russo, autorizzata dall'autore, introduzione e note di Rinaldo Küfferle*. Milano: Corbaccio, 1930; *Zaitsev B. La vendicatrice; traduzione dall'originale di Ossip Felyne / Introduzione e note di Rinaldo Küfferle*. Milano: Bietti, 1930; *Zaitsev B. L'Athos. Impressioni di viaggio*. Milano: Bietti, 1933; *Janovskij V. L'altro amore*. Milano: V. Bompiani, 1937; *Merežkovskij D. Dante*. Bologna: Zanichelli, 1938; *Merežkovskij D. L'atlantide*. Milano: Hoepli, 1941; *Šmelëv I. Il calice inconsuabile / Traduzione autorizzata di E. Grigorovich*. Milano: Bietti, 1932; *Šmelëv I. Ciò è stato*. Milano: V. Bompiani, 1945; *Teffi. Un romanzo di avventure / Traduzione dall'originale e introduzione di Ilaria Amfiteatrov*. Milano: Bietti, 1932.

² «Novella», ежемесячный литературный журнал миланского издательства Mondadori (1919–1944).

³ Рецензия без заглавия на сборник: *Бунин И.А. Солнечный удар*. Париж: Родник, 1927 (Novella. 1927. № 1. Р. 58); Рассказ «Ермил» вышел в рождественском номере «Возрождения» 7 января 1927 г. (Novella. 1927. № 3. Р. 168); рецензия на сборник «Последнее свидание», Париж: Т-во «Н.П. Карбасникова» (Novella. 1927. № 4. Р. 275). См. переводы указанных статей в приложении.

Елагина», подчеркивает мастерство рассказов «Ида» и «Цикады», в которых, по его словам, «Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева», хвалит стиль рассказа «Воды многие», который «красотой и наблюдательностью не уступает известной книге путешествий Гончарова»¹.

В поддержку собственной оценки Кюфферле в рецензиях ссылается на отзывы Александра Амфитеатрова, с которым состоит в дружеской переписке². И на самом деле информация и самые первые заметки для рубрики «Corriera della Russia», в том числе и о Бунине, подсказаны Кюфферле именно Амфитеатровым, который регулярно отправляет ему новости из разных центров диаспоры³. Кюфферле переводит и перерабатывает эту информацию для итальянской публики и одновременно, благодаря посредничеству того же Амфитеатрова, вступает в личную переписку с отдельными писателями, с Бунином в первую очередь. О желании Кюфферле перевести произведения Бунина на итальянский язык сам Амфитеатров пишет Бунину с шутливым предостережением насчет амбиций молодого литератора: «Синьор Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle) желает весьма перевести на итальянский язык Ваши произведения и писать о Вас статью. Так как с присылом “Солнечного удара” у меня “Цикады” и “Дело корнeta Елагина” оказываются в двойном количестве, а из “Возрождения” я вырежу “Notre Dame de la Garde” и “Обузу”, — то пошлю ему покуда их, как материал для статьи. Он Вам будет писать. Мальчик стара-

¹ Novella. 1927. № 1. Р. 58.

² Двухсторонняя переписка Амфитеатрова и Кюфферле охватывает период с 1926 г. до смерти Амфитеатрова в 1938 г.; самый интенсивный период — до начала 1930-х гг. Письма Кюфферле хранятся в архиве Амфитеатрова (Amfiteatrov MSS., Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN); письма Амфитеатрова — в архиве Кюфферле в Фонде Мондадори (Fondazione Arnaldo e Alberto Mondadori/ FAAM, Milano).

³ Например, в письме от 10 декабря 1926 г. Амфитеатров пишет: «Глава современной русской литературы Иван Алексеевич Бунин только что выпустил в свет новый сборник рассказов, в кторый вошли “Солнечный удар” (по этому первому рассказу называется и книжка), “Ида”, “Дело корнeta Елагина”, “Цикады” и другие, более мелкие вещи, печатавшиеся в журналах 1925–1926 гг. Каждое из названных произведений при появлении своем делало большой шум. В особенности “Дело корнeta Елагина”, в ктором Бунин гениально анализировал давний процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего знаменитую польскую комедийную артистку Висновскую. С точки зрения чисто художественной наиболее замечательны рассказы “Ида” и “Цикады”. “Ида” — высшее достижение школы мопассано-чеховского рассказа, я считаю ее лучшим рассказом в русской литературе, по психологически тонкой правдивости, изяществу, глубине в будничном, силе в ничтожном. “Цикады” замечательны многими интересными поэтическими мыслями автора (это — большое рассуждение о жизни и смерти, под пение цикад) и исключительно красотою языка. Бунин в них пошел музыкальностью фразы даже дальше Тургенева, кторого он, из всех русских писателей, наиболее выразительный ученик. Великолепны в том же сборнике “Воды многие” — описание путешествия по Красному морю и Индийскому океану. По красоте и наблюдательности не слабее, а часто и сильнее “Фрегата “Паллады”» Гончарова» (Архив Ринальдо Кюфферле, Фонд Мондадори (FAAM), Milan).

тельный и очень деловой. Но не балуйте его очень в ответ. Уже с павлином в голове. Большие связи»¹.

Переписка Кюфферле с И. Бунинным завязывается в начале 1927 г., от нее сохранились лишь 8 писем Кюфферле за 1927–1936 гг.²; дополнительные детали можно узнать из переписки Амфитеатрова с Буниным³.

10 марта 1927 г. Амфитеатров пишет Бунину: «Посылаю Вам итальянский литературный журнал “Novella”, весьма распространенный, с заметкою Ринальдо Кюфферле о “Солнечном ударе”»⁴. 25 апреля напоминает: «Кюфферле стенает, что Вы ему не отвечаете. Ответьте. Он очень старается во славу русской литературы вообще, в Вашу в частности. В “Novella” ежемесячно появляется взгляд и нечто»⁵. И в дальнейшем Амфитеатров регулярно уведомляет Бунина о новых статьях Кюфферле о нем.

В начале июня 1927 г. Кюфферле пишет Амфитеатрову, что Бунин прислал ему любезное письмо и несколько книг⁶. И 11 июня отвечает Бунину:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше любезное письмо. Имел много срочной работы, которая не давала мне возможности оторваться ни на минуту от дела. Сердечно благодарю Вас за портреты⁷, за книги. В июле прочту все и буду о Вас писать. Помещу статью в «Novella». Буду о Вас писать и в литературном миланском еженедельнике «La Fiera Letteraria» и в одной туринской газете. Для «Novella» я мог бы с удовольствием перевести один Ваш коротенький рассказ. Пишу я Вам, как видите, по-русски, но плохо. Со дня моего бегства из России мне почти ни разу не пришлось писать по-русски, так что я поневоле разучился. Поэтому прошу Вас не обращать внимания на слог этого письма. От души желаю Вам и супруге Вашей доброго здоровья. Я тоже был в прошлом году серьезно болен. Крепко жму Вашу руку. Посылаю Вам и я свою фотографию с самым искренним приветом⁸.

Rinaldo Küfferle⁹.

¹ Из письма Амфитеатрова к Бунину от 27 декабря 1926 г. (РАЛ. MS 1066/1562).

² В архиве Бунина сохранились 8 писем Р. Кюфферле 1927–1936 гг.: РАЛ. MS 1066/3403–3410. Письма Бунина в архиве Кюфферле отсутствуют.

³ Письма Бунина хранятся в архиве Амфитеатрова (Amfiteatrov MSS., Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN), письма Амфитеатрова — в архиве Бунина (Leeds Russian Archive Collections, далее — РАЛ).

⁴ Из письма Амфитеатрова Бунину (РАЛ. MS 1066/1567).

⁵ Из письма Амфитеатрова Бунину от 25 апреля 1927 г. (РАЛ. MS 1066/1568).

⁶ Indiana University, Lilly Library, Amfiteatrov MSS, folder R. Küfferle.

⁷ В архиве Кюфферле (FAAM) хранятся два фотопортрета писателя разных лет с дарственными надписями, но книги не сохранились.

⁸ Портрет Кюфферле с дарственной надписью «Allo Scrittore Ив. Бунин con la più viva ammirazione. R. Küfferle. 1927» (Писателю Ив. Бунину с глубочайшим уважением. Р. Кюфферле. 1927 — ит.) хранится в архиве Бунина (РАЛ MS 1066-7237). См. илл. на с. 467.

⁹ Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/3403.

Р. Кюфферле. 1927 г.

Несмотря на объявленные в письме планы, после этой даты в журнале «Novella» больше не появилось ни переводов¹, ни статей Кюфферле о Бунине, если не считать одной заметки, в 9-м номере журнала, касающейся

¹ В № 10 журнала «Novella» того же 1927 г. опубликован рассказ Бунина «Цифры» в переводе Эрме Кадей (*Bunin Ivan. Le cifre / Traduzione di E. Cadei // Novella. 1927. № 10. P. 607–612*).

«Обращения русских писателей к писателям мира» и откликов на него со стороны Бунина и других эмигрантских писателей¹. В заметке, после краткого введения, в котором подчеркивалась поддержка несчастных соратников в советской России со стороны эмигрантских писателей, Кюфферле приводил точный перевод последнего абзаца отклика Бунина «К писателям мира» из газеты «Возрождение»:

«Мы, писатели изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах. Слышали ли вы нас, “писатели мира”? У меня горит лицо от стыда за себя, за свою новую, может быть, напрасную попытку, — и все-таки я снова и снова говорю: — Отзовитесь!»².

Причиной прекращения сотрудничества Кюфферле в журнале «Novella» стали существенные изменения в формате и в содержании журнала, в связи с переходом от Мондадори к издательству Риццоли. Из переписки с Амфитеатровым мы узнаем о решении Кюфферле больше там не печататься³ и о предложении публициста Ромоло Каджезе (Romolo Caggese), главного редактора журнала «Rivista d’Italia»⁴, вести новую рубрику о русской литературе⁵. В апрельском номере Кюфферле печатает эссе на пяти страницах под названием «L’arte d’Ivan Bunin (Искусство Ивана Бунина)»⁶. Но журнал закрывается в конце 1928 г. С начала 1929 г. Кюфферле заключает договор

¹ Novella. 1927. № 9. Р. 610. Имеется в виду «Обращение русских писателей к писателям мира», напечатанное впервые в газете «Последние новости» (1927. 10 января. № 2300) и широко перепечатанное в эмигрантской прессе. На него откликнулись многие писатели, среди них Бунин. 20 июля 1927 г. в газете «Corriere della Sera» (C. 5), появилась заметка без подписи под названием «Un disperato appello di russi agli scrittori di tutto il mondo» (Отчаянное возвзание из России писателям всего мира) о том, что «возвзание это передает литератор и академик И. Бунин». Не исключается, что заметка была подсказана или составлена Кюфферле. 31 июля 1927 г. возвзание было также напечатано в журнале «Fiera Letteraria» с сопроводительным письмом А. Амфитеатрова (Lettera degli scrittori russi agli scrittori di tutto il mondo // Fiera Letteraria. 1927. 31VII. Р. 6).

² Бунин Ив. К писателям мира // Возрождение. 1927. 10 июля. № 768. С. 2; см. также: Последние новости. 1927. 10 июля. № 2306. С. 2.

³ Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 12 сентября 1927 г. (Amfiteatrov MSS. Lilly Library, folder R. Küfferle).

⁴ «Rivista d’Italia» — ежемесячный журнал (Милан), выпускавшийся издательством «Unitas». С 1898 г. до 1928 г. журнал издавался в Риме, а с 1928 г. в Милане. В 1928 г. Кюфферле вел рубрику «Rassegna di Letteratura Russa» («Обзор русской литературы»).

⁵ Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 16 ноября 1927 г. (Amfiteatrov MSS. Lilly Library, folder R. Küfferle).

⁶ Küfferle Rinaldo. L’arte d’Ivan Bunin <Искусство Ивана Бунина> // Rivista d’Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667 (см. перевод статьи в приложении). Кроме этой статьи Кюфферле печатал в журнале обзоры и статьи о других эмигрантских писателях (Алданов, Амфитеатров, Шмелев).

с газетой «*Corriere della Sera*», с которой он будет сотрудничать более или менее регулярно до начала войны. В новом периодическом издании он пытается возобновить рубрику об эмигрантских писателях под заглавием «*Scrittori russi all'estero* (Русские писатели за рубежом)». В первой статье из этой серии, посвященной «друзьям Италии» Амфитеатрову и Зайцеву, Бунин упоминается кратко, но его роль ясно подчеркивается: «эмигрантские писатели никогда не прекращали писать, следуя призыву Бунина, корифея современной русской литературы»¹. Дальше Кюфферле приводит перевод стихотворения «Слово»: «*Tacciono le tombe, le mummie e le ossa...* (Молчат гробницы, мумии и кости)»². Эпитет «корифей» по отношению к Бунину повторяется в статье на две колонки, полностью посвященной Бунину, под заглавием «*Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin*» («Русские писатели за рубежом. Корифей Бунин»)³.

Статьи 1928 и 1929 гг. свидетельствуют о глубоком проникновении в творчество писателя со стороны молодого критика, который следит за многочисленными рецензиями в русской зарубежной периодике.

Какова специфика этих статей? Во-первых — надо учесть, что в Италии это почти единственые статьи о Бунине за до-нобелевские годы, и в них Кюфферле старается открыть итальянскому читателю богатый и разнообразный мир бунинского творчества, также обращая внимание на самые значительные черты его биографии: дворянская семья и любовь к земле; подростковые травмы и известные литературные предки (поэтесса Анна Бунина и Жуковский, который итальянской публике представлен как переводчик «Одиссеи»), присуждение премии имени Пушкина, а затем смутные революционные годы, начало эмиграции.

Статья в «*Ривиста д’Италия*» является своего рода вдохновенной творческой биографией Бунина, написанной молодым литератором-эмигрантом, который, несмотря на быструю «итальянизацию», еще смотрит на русскую литературу как на неотъемлемую составляющую своего культурного я.

Говоря о раннем творчестве Бунина, Кюфферле упоминает острую реакцию дореволюционной критики на «отчаянный пессимизм» повести «Деревня» и противопоставляет ему распространенное эмигрантское мнение тех лет о ее пророческом значении.

Молодой Кюфферле, изгнаник и начинающий поэт, особенно ценит поэтическое творчество Бунина, не подчиняющееся никакой школе, его уникальность в общей картине русской литературы тех лет. «Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих “жанров” и считает, что подражание определенным

¹ *Küfferle R. Due amici dell’Italia. Scrittori russi all'estero <Два друга Италии. Русские писатели за рубежом> // Corriere della sera. 1929. 29.VIII. P. 3.*

² Там же.

³ *Küfferle R. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin // Corriere della sera. 1929. 12 Novembre. P. 5. (см. перевод в приложении).*

канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно “книжным”, в недостаточной степени похожим на тех, кто уже прославился. <...> Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты и натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении¹.

Кюфферле подчеркивает также оригинальность принципа, которого Бунин долго придерживался: делить каждый том собственных сочинений на две части — проза и поэзия, и оценивает идею такой композиции, как бы заставляющей «рассеянную и спешащую публику покупать ее силой»: стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают «читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт»².

Целая часть статьи «Корифей Бунин» посвящена литературному перевоплощению странствий Бунина по миру, описанных как поэтические поиски самого себя.

«Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь, и там, среди развалин алтаря, увидел потухшую кадильницу и приказал своему сердцу, исполненному огня, пылать до конца, как некогда уgli и смола в этой кадильнице»³.

Упоминаемое здесь стихотворение «Кадильница» будет переведено Кюфферле, вместе с другими, и прочтено на конференциях и по радио — это объясняет их публикацию в 1932 г. в главном радиофоническом итальянском журнале — и опубликовано в сборнике стихов 1934 г. (см. письмо от 25 августа 1934) — искренняя дань почитания молодого поэта великому мастеру⁴.

Кюфферле высоко ценит сочинения Бунина эмигрантского периода, подтверждающие уникальность писателя: «Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого) но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя “шедевра”, в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и неизменность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но также и сложность, на первый взгляд непреодолимая, — как вкратце представить его самые характерные произведения»⁵.

¹ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

² Там же.

³ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

⁴ Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio–6 Febbraio. P. 13. См. перевод статьи в приложении.

⁵ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

И по-своему толкует вопрос автобиографичности бунинской прозы: «он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое “я”, но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох»¹.

Драматическая судьба страны и самого поэта передана в этих словах: «До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад <...>. Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле»².

И еще одна как бы итоговая цитата: «Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок. Творчество Бунина этим выделяется: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры, свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя. <...> Творчество Ивана Бунина в большей своей части пронизано глубинным пантеистическим чувством»³.

Не умалчивается также переводческая деятельность Бунина: «Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантное русское облачение»⁴.

Для Кюфферле Бунин — настоящее литературное открытие, он разделяет мнение многих современников о его роли *корифея* русской литературы, как гласит статья 1929 г., той литературы, которая продолжала, во всей своей многогранности, культурные традиции XIX века: «Таким образом, центр русской культуры и литературной деятельности переместился с родины на Запад и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях»⁵.

Современному читателю некоторые крылатые обороты рецензий и эссе Кюфферле могут показаться вычурными, витиеватыми, например, в статье для «*Cortigere*» он сравнивает Бунина с огромным дубом, «укрепленным своими корнями в суровую действительность»⁶.

¹ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

² «Корифей Бунин» (см. в приложении).

³ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

⁴ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

⁵ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

⁶ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

Или: «По мере того, как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему было уже легко воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе; и, с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско <...>. Долгая разлука позволила также Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию, с ее бедами, с предназначенней ей исторической судьбой. <...> Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, не отказываясь никогда от высокого призыва, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать»¹.

Такие выражения, безусловно, отражают не только стиль эпохи, но и стремление Кюфферле к высокому литературному стилю, достойному мастерства Бунина.

Самый интенсивный период взаимоотношений Кюфферле и Бунина относится к 1930 г. и связан с работой над изданием первой части «Жизни Арсеньева» в издательстве Биетти², с которым Кюфферле начинает сотрудничать с конца 1929 г., создавая в начале 1930 г. серию «Biblioteca russa» (Русская библиотека).

О переводе и издании «Жизни Арсеньева» мы узнаем ряд подробностей из писем Кюфферле к Бунину и, параллельно, из переписки Кюфферле с Амфитеатровым. Кюфферле был знаком с журнальным изданием «Арсеньева» 1928 и 1929 гг.³ и в упомянутой статье для «Corriere della Sera» писал о том, что Бунин начал «большой роман». Проект итальянского издания обсуждается с автором, начиная с конца 1929 г. Кюфферле, очень занятый другими переводами и разной публицистической работой⁴, поручает переводческую

¹ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

² Издательский дом «Bietti» был основан в Милане в 1870 г.; в 1920-х гг. выпускал русских классиков (Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова). В 1930-е гг. была основана серия «Русская библиотека», которую курировал Р. Кюфферле и в которой издавались многочисленные переводы русских писателей-эмигрантов (Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, М.А. Алданова, И.А. Бунина).

³ Первые четыре книги романа были напечатаны в журнале «Современные записки» (№№ 34, 35, 37 и 40).

⁴ Кюфферле переводил роман Ф.М. Достоевского «Игрок» (*Dostoevski Fiodor. Il giocatore / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1930*), активно печатался в «Corriere della Sera».

работу Валентине Долгиной-Бадольо, учитывая, по всей вероятности, два момента: ее хорошую профессиональную репутацию и некоторый опыт перевода бунинских текстов (она уже работает над переводом «Деревни» для туринского издательства «Славия»)¹.

Милан, 25-го янв^{яр}я 1930 г.²

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за книги и за любезные письма. Извините, что не ответил Вам сразу. Очень Вам признателен за пересылку Алданову «Св^ятой» Елены³. По-видимому, в издательстве перепутали адреса, т.к. я отдал для посылки и экземпляр с надписью Вам. С удовольствием получу отдельное издание «Жизни Арсеньева»⁴. Ее будет переводить одна из самых лучших переводчиц, и книга выйдет в свет в апреле с моим предисловием. До ее появления я буду говорить о Вас по радио⁵.

С искренним приветом горячо жму Вашу руку.

Ваш Rinaldo Küfferle⁶.

Насчет решения поручить В. Долгиной-Бадольо перевод романа выражает опасения Амфитеатров: «Об “Арс^яньеве” я, прочитав “Деревню”, писал Кюфферле, чтобы он очень следил за переводчицей (Долгина-Бадольо). Она добросовестная и точная (даже слишком), но грубая, с несвободным языком. Боюсь за словесную музыку “Арс^янєва”. Лучше бы Кюфферле сам переводил»⁷.

Опасения Амфитеатрова оказались не напрасными. Р. Кюфферле писал Бунину:

¹ *Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggioli.* Torino: Slavia, 1930.

² На бланке: *Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.*

³ Речь идет об итальянском издании романа Алданова в переводе и с предисловием Кюфферле: *Aldanov Marco. Sant’Elena piccola isola / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle.* Milano: Bietti, 1929.

⁴ Имеется в виду: *Бунин Иван. Жизнь Арсеньева. Ч. 1. Истоки дней.* Париж: Современные записки, 1930.

⁵ О своем выступлении о Бунине по радио Кюфферле пишет Амфитеатрову 30 октября 1930 г. (Amfiteatrov MSS.). За этот год известно также выступление на конференции в Милане, в обществе «Convegno».

⁶ Автограф: РАЛ. MS 1066/3404; на бланке: *Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.*

⁷ Из письма Амфитеатрова Бунину от 2 июля 1930 г. (РАЛ. MS 1066/1586).

Milan 3-го июля 1930 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Наконец я сдал в типографию «Юность Арсеньева»¹. Просидел над ней три недели. Ее перевела дословно, но не справившись с музыкой Вашего слога, M-me Dolghin-Badoglio (та самая, что перевела «Деревню» для «Славии»)², а на мою долю выпала литературная обработка ее труда. Надеюсь, что в настоящем виде «Юность Арсеньева» вполне Вас удовлетворит. Насчет «Деревни» скажу Вам следующее: ни протестовать, ни возбуждать процесса я Вам не советую, т.к. книга, по истечении десятилетия со дня ее первого издания, считается уже не защищенной для перевода на иностранные языки. Поэтому обратитесь просто в издательство с письмом в роде того, которое Вы намеревались написать, но несколько смягчив его. Адрес: Casa Editrice «Slavia». Corso Oporto 2 Torino³. Когда-то я Вам, кажется, писал, что «Деревня» вышла и в другом издании, в переводе отвратительном (1928 г.)⁴. Там даже говорится в предисловии, что Вы «figlio di Atanasio Bunin e di una turca di nome Salma»⁵ и что Вы — «membro onorario di dodici accademie»⁶. Если хотите написать и этому издательству, то его адрес: Soc<ietà> An<onima> Edizioni «Delta». Corso Garibaldi, 22. Milano. Т.к. я давно порвал свои сношения со «Славией», то в письме туда Вы обо мне не говорите. К «Юности Арсеньева» будет приложен Ваш портрет⁷. Он у меня имеется. Это, наверно, одна из последних Ваших фотографий; я получил ее от Вас недавно с «Избранными стихами»⁸. Шлю Вам сердечный привет и горячо жму руку.

Ваш Ринальдо Кюфферле (по отчеству — Петрович).

P.S. Извините за ужасный почерк: мне так редко приходится писать по-русски, что рука совсем отвыкла⁹.

¹ Итальянское издание романа носило заглавие «La giovinezza di Arseniev» (Milano: Bietti, 1930).

² *Bunin Ivan. Campagna.* Torino: Slavia, 1930.

³ Издательство «Slavia», основанное в 1926 г. в Турине Альфредо Полледро, выпускало переводы с русского и других славянских языков.

⁴ *Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina Racovska e S. Catalano.* Milano: Ediz. «Delta», 1928.

⁵ «сын Афанасия Бунина и турчанки Салмы» (*ut.*) — издатели явно перепутали с родителями В.А. Жуковского, исковеркав имя его матери.

⁶ «почетный член 12 академий» (*ut.*).

⁷ *Bunin Ivan. La giovinezza di Arseniev / Introduzione di Rinaldo Kufferle, traduzione Badogeto.* Milano: Casa Editrice Bietti, 1930. См. илл. на с. 475.

⁸ Имеется в виду вышедшее с фотографией автора издание: *Бунин И. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.* Книга и фотопортрет Бунина в архиве Кюфферле не сохранились.

⁹ Автограф: РАЛ. MS 1066/3405; на бланке: *Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.*

IVAN BUNIN

**Итальянское издание романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»
(Милан, 1930). Фотопортрет и титул.**

Из письма мы узнаем о полемике, возникшей между Буниным и туринским издательством «Славия» по поводу издания «Деревни» без оплаты Бунину гонорара. Вопрос обсуждается и в переписке Бунина с Амфитеатровым того периода и в следующем письме Кюфферле, в котором также решается вопрос о выборе портрета для издания «Арсеньева»:

Милан, 10-го июля 1930 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Очень благодарю Вас за чудный портрет. Для книги у меня уже имеется другой, который мне кажется не менее удачным. Этот же может пригодиться для какого-нибудь журнала. А затем я заберу его к себе. Вы на меня смотрите таким усталым взглядом с фотографии, которая здесь в моей комнате, что я хочу заменить ее новым портретом. Та, наверно, фотография тех тяжелых дней, которые предшествовали Вашему выезду из России¹.

Спасибо за письмо. Хорошо сделали, что написали «Славии» в такой форме. Закон о десятилетнем сроке находится в той же самой *Convention de Berne*²,

¹ В архиве Кюфферле хранятся два фотопортрета Бунина, из которых один не имеет даты, а другой, большого формата, датирован автором: «Снято в апреле 1930» (См. илл. на с. 476, 477.).

² Бернская конвенция (Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений) — *phr.*

И.А. Бунин. 1919 г.

о которой Вы упоминаете. Гласит он так: Art<icle>. 5. Les auteurs ressortissant à l'un des pays de l'Union¹, ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs ouvrages jusqu'à l'expiration de dix années à partir de la publication de l'oeuvre originale dans l'un des pays de l'Union². Etc. О том же говорится в *Acte Additionnel du 1 mai 1896*: Art<icle>1, III. Article 5. «Les auteurs ressortissant à l'un des pays de l'Union, ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs oeuvres pendant toute la durée du droit sur l'oeuvre originale. Toutefois, le droit exclusif de traduction cessera d'exister lorsque l'auteur n'en aura pas fait usage dans un délai de dix ans à partir de la première publication de l'oeuvre originale, en publiant ou en faisant publier, dans un des pays de l'Union, une traduction dans la langue pour laquelle la protection sera réclamée»³. На этом-то и основывается право издателей. Ал. Вал. Амфитеа-

тров мне пишет по этому поводу вот что: «Для Бунина необходимо как-нибудь усовестить Полледро. Вообще, это пресловутое *dominio pubblico*⁴ — такая штучка, что нам, русским писателям эмигрантам, приходит от нее голодная смерть. Нехорошо будет, хотя бы той же “Славии”, рекламирующей свою любовь к русской литературе и разжившейся на своем “Русском гении”⁵, если все мы, однажды, потеряв терпение, выступим с таким же коллективным

¹ Имеется в виду Union Internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques (Международный союз по охране литературных и художественных произведений — фр.).

² Статья 5. Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение десяти лет с момента публикации оригинального произведения в одной из стран Союза (фр.).

³ Дополнительный акт от 1 мая 1896 года: статья 1, III. Статья 5. «Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение всего срока действия права на оригинальное произведение. Однако исключительное право на перевод прекращает действовать, если автор не воспользовался им в течение десяти лет после первой публикации оригинального произведения, опубликовав, лично или опосредованно, в одной из стран Союза перевод на иностранный язык, требующий охраны права» (фр.).

⁴ общественное достояние (*ut.*).

⁵ Серия «Славии», посвященная русской литературе, называлась «Il genio russo» (Русский гений).

протестом, как недавно против нового закона о печати, принятого в Югославии¹. Я сделал выписку из *Convention de Berne*, чтобы Вы могли показать ее Вашим друзьям и посоветоваться с ними. На днях будут готовы корректуры «Жизни Арсеньева». Я писал в «Corriere della Sera» о «Современниках» Алданова² и послал ему статью в Париж, но до сих пор не получил ответа. Если он еще в Грассе, то скажите ему, пожалуйста, что я желал бы получить его летний адрес. Я пока в Милане. Адресуйте мне на дом: via Ampère 46, Milano (132). Если Вам еще что-нибудь понадобится, то я весь к Вашим услугам.

Шлю Вам сердечный привет.
Преданный Вам
Ринальдо Кюфферле³.

И.А. Бунин. 1930 г.

Перевод «Арсеньева» вышел в октябре 1930 г. Предисловие Кюфферле (с. 9–21) в большей части составлено из материала уже опубликованных статей (о литературном таланте Бунина, о его творчестве, о «Деревне», о сборниках «Митина любовь» и «Солнечный удар»). О самом романе написано довольно кратко, хотя из переписки Кюфферле с разными лицами узнаем, что он читал отдельные страницы романа на конференциях (в Генуе, Милане и в итальянской части Швейцарии):

«С такой же непосредственностью воскресает далекая Россия в большом романе, который Бунин пишет сейчас, под названием “Жизнь Арсеньева”, отчасти автобиографическом. Он, как фокус линзы, вобрал в себя жизненный опыт автора и свет его искусства. В нем, возможно, Бунину дано будет, по замечанию Амфитеатрова, “договорить то, чего не успели сказать Толстой, Достоевский и Чехов, и уяснить наконец Западу загадку, что такое вечно приводящая его в недоумение ‘славянская душа’”. Написанная к настоящему

¹ Цитируемое Кюфферле письмо Амфитеатрова утрачено. Тема проходит также в переписке Бунина и Амфитеатрова.

² Имеется в виду статья: *Küfferle R. Bivacco di un rivoluzionario. Trozki narra se stesso // Corriere della Sera*. 1930. 17.VI. P. 3. Рецензируя итальянское издание автобиографии Л. Троцкого (*Trotzki L. La mia vita (tentativo di autobiografia)*, Mondadori, 1930), Кюфферле ссылается на книгу «Современники» Алданова.

³ Автограф: РАЛ. MS 1066/3406; на бланке: *Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano*.

моменту часть может считаться отдельным произведением, и в этом качестве она выходит под заголовком, который сам автор выбрал для итальянского издания. Мысль и поэзия, переживание действительности и стремление к идеалу, отвращение и радость, боль и любовь, история молодости, достойной того, чтобы обдумать ее и восхититься тем, как она рассказана: это веха, у которой Бунин оставляет взволнованного путника, а сам прорубает ударами кирки путь в царство красоты, прокладывая для тех, кто последует за ним, новый участок той великолепной дороги, часть которой уже пройдена¹.

В конце октября Кюфферле пишет Бунину:

Милан, 27-го октября 1930 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Не знаю, получили ли Вы авторские экземпляры «Giov<inezza> di Arseniev», которые я выслал в Грасс еще в начале месяца 19-го октября, в 10 часов вечера, я говорил по радио (Eiar, Stazione di Milano, Torino, Genova) о Вашем творчестве. На днях я перевел «Рассказ Петра Петровича» для сборника Русских юмористов². Я составляю его в сотрудничестве с Ал. Вал. Амфитеатровым. Как только появятся в газетах отзывы о «Giov<inezza> di Arseniev» я Вам пришлю их³.

Примите от меня на память мою карточку⁴.

До Рождства я буду занят переводом «Садко» для Teatro Reale dell’Opera di Roma⁵. А потом надеюсь побывать в Париже⁶. Мне необходимо иметь с Вами

¹ Bunin I. La giovinezza di Arseniev / Introduzione di Rinaldo Kufferle, traduzione di Valentina Dolghin Badoglio. Milano: Casa Editrice Bietti, 1930. P. 18–19.

² Имеется в виду сборник: *Amfitheatrov A. — Küfferle R. Intorno al samovar. Umoristi russi moderni <Вокруг самовара. Русские современные юмористы>*. Milano: Bompiani, 1931. В качестве предисловия (С. 5–50) был опубликован очерк Амфитеатрова: «Le vie e le sorti dell’umorismo russo» («Пути и судьбы русского юмора»). «Рассказ Петра Петровича» — под таким названием был напечатан в журнале «Иллюстрированная Россия» (1928. № 17. 21 апреля. С. 1–8) выходивший ранее в газете рассказ Бунина «Алексей Алексеич» (Возрождение. 1927. 2 июля. № 760. С. 2). При публикации рассказа в сборнике «Божье дерево» (Париж: Современные записки, 1931) ему было возвращено первоначальное название. Рассказ вошел в антологию Бомпиани под названием «Alessio Alesseic è morto» (С. 109–124).

³ Отзывы на перевод «Жизни Арсеньева», который переиздавался у Биетти в 1933 г., не обнаружены.

⁴ Фотопортрет Р. Кюфферле 1930 г. не сохранился.

⁵ Опера Римского-Корсакова была поставлена в Римском Королевском Оперном Театре в апреле 1931 и в начале 1932 г. (режиссер — А. Санин, художники — Александр и Николай Бенуа). Итальянский перевод либретто вышел у миланского издателя Сондзоньо: *Rimskij-Korsakov N.A. Sadko. Leggenda lirica in sette quadri, traduzione di R. Küfferle*. Milano: Casa musicale Sonzogno (edit. Tip.), 1931.

⁶ Не удалось найти сведений об этой поездке, по всей вероятности, она не состоялась.

беседу для интервью в «Corriere della Sera». От души буду рад познакомиться с Вами лично.

Горячо жму Вашу руку. Весь к Вашим услугам

Rinaldo Küfferle¹.

В архивных материалах Кюфферле за 1931 г. данные о контакте с Бунином не обнаружены, но из переписки Бунина с Амфитеатровым этого года мы узнаем, что Бунин, обращаясь к Амфитеатрову с просьбой о поддержке его кандидатуры на Нобелевскую премию со стороны деятелей культуры Италии, рассчитывал также на содействие Кюфферле:

Насчет премии Вы правы — достаются они всегда неожиданным кандидатам. И все-таки надо что-то делать — тем более, что уж очень измучен я вечным страхом за кусок хлеба, — часто буквально за кусок хлеба, — и всяческими лишениями, уже весьма трудными мне в моем возрасте. Совестно было беспокоить Вас, но раз разрешаете сами, очень прошу: да, помогите, если можете! Помогите и сами и через Кюфферле. Ему я уже писал эту просьбу (и получил сейчас от него ответ, где говорится, что «он весь к моим услугам»).

<...> P.S. Все это, конечно, пусть “останется между нами”. Откровенно поговорите об этом письме только с Кюфферле².

В письме Амфитеатрову от 8 марта того же года Кюфферле писал: «Получил от Ло Гатто письмо. Он хлопочет в Падуе по устройству Вашей лекции и извещает, что сделал все, от него зависящее в пользу кандидатуры Бунина»³.

Единственное письмо Кюфферле за 1932 г. свидетельствует о его непрекращающемся интересе к творчеству Бунина:

Милан, 17-го января 1932 г.

Дорогой Иван Алексеевич,

получил я в свое время «Тень птицы»⁴, прочел с восторгом, но до сих пор еще не поблагодарил Вас за присланную книгу. Простите великодушно. Мне до того редко приходится не только писать, но и говорить по-русски, что я совсем разучился! За весь прошлый год почти не занимался переводами, а писал свое и выпустил недавно сборник рассказов: с удивлением читаю о них довольно лестные отзывы⁵. Во вторник вечером, 19-го с.м., буду говорить по радио (Eiar Nord Italia)

¹ Автограф: РАЛ. MS 1066/3407; на бланке «Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle. Casa Editrice Bietti. Viale Monza N. 53. Milano. Tel. 27065».

² Из письма Бунина к Амфитеатрову от 6 января 1931 г. (Amfiteatrov MSS. Lilly Library)

³ Amfiteatrov MSS. Lilly Library, folder R. Küfferle.

⁴ Бунин И. Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931.

⁵ Сборник рассказов автобиографического характера: Küfferle R. Il cavallo cosacco. Memorie e racconti. Milano: La Prora, 1931.

о Вашей поэзии и прочту следующие, мной переведенные стихотворения: «Кадильница», «Ритм», «Ночлег», «У гробницы Виргилия, весной». Если беседа моя появится в очередном номере «Radiocorriere», то я обязательно пришлю Вам ее¹. По-прежнему страстно люблю и то и дело перечитываю Ваши бессмертные произведения и горячо жму Вашу руку. Всей душой преданный Вам

Rinaldo Küfferle².

Присуждение Бунину Нобелевской премии пробудило интерес итальянских издателей к творчеству писателя, и началось настоящее соревнование (за 1933 и 1934 гг. вышел целый ряд переводов: «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и два издания «Деревни»)³. По списку произведений видно, что издатели выбирали дореволюционную прозу, частично уже переведенную и свободную от издательского права, как свидетельствует полемика 1930 г. со «Славией». Кюфферле, наоборот, ведет переговоры с автором и с Мондадори (сохранились его письма к издателю 1933–1934 гг.)⁴ о публикации более новых и неизвестных в Италии произведений. Речь идет о книге, куда Кюфферле хочет поместить лучшие рассказы из сборников «Митина любовь», «Солнечный удар» и «Божье древо», а именно рассказы «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Ида», «Солнечный удар», «Ущелье». В силу этих переговоров и в попытке приостановить другие возможные издания конкурентов, властный Мондадори объявляет официально, в печати и по радио, что Бунин предоставил ему полный эксклюзив, изрядно удивив этим автора. 1 января 1934 г. Амфитеатров сообщает Бунину: «Вчера же по Radio издательство Mondadori объявило, что приобрело исключительное право на перевод Ваших сочинений. Надеюсь, не продешевили? Это сейчас единственная итальянская фирма, с которой можно и стоит иметь дело в смысле платежеспособности, ибо Муссолини в прошлом году выручил ее из опасности краха и поддержал субсидией. Переводить будет Ринальдо Кюфферле? Это неплохо»⁵. Озадаченный ответ Бунина не замедлил появиться: «Про издательство Mondadori первый раз слышу!»⁶.

¹ Текст выступления и переводы стихотворений Бунина были опубликованы в журнале: Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. год VIII. 30 Gennaio–6 Febbraio. С. 13. (см. в приложении).

² РАЛ. MS 1066/3408.

³ Речь идет об изданиях: *Bunin Ivan. Valsecca. Romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano: G. Carabba, 1933; Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933; Bunin Ivan. Il villaggio (campagna) / Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggiali. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934; Bunin Ivan. Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934.*

⁴ Фонд Мондадори, Милан.

⁵ РАЛ. MS 1066/1599.

⁶ Письмо Бунина Амфитеатрову от 4 января 1934 г. (Amfiteatrov MSS. Lilly Library).

В последующем обмене информацией упоминается решение Бунина назначить Марка Слонима уполномоченным представителем во всех издательских переговорах. По всей вероятности, Мондадори не связывался напрямую ни со Слонимом, ни с Буниным. Итальянский сборник «L'amore di Mitia ed altre prose» вышел в престижной серии «Medusa», но редактор отнесся крайне поверхностно и пренебрежительно и к тексту, и к переводчику, своевольно корректируя его работу по вкусу «среднего читателя» и по требованиям фашистской цензуры. Об этом свидетельствует удрученное письмо Кюфферле Бунину, написанное после выхода сборника¹:

Дорогой Иван Алексеевич,

получив от издательства «Митину любовь», я был огорчен не менее Вас, т.к. я бился два с половиной месяца над художественной обработкой дословной передачи текста, а в редакции некий проф. Bianchetti (он же оркестрант, играет на скрипке в Scal'e) сунулся, по желанию издательства, «исправить» перевод. К счастью, все рассказы напечатаны полностью, без сокращений; а единственная — увы, безобразная — купюра в конце «Митиной любви» не зависит от издательства. Цензура не допускает больше появления книг с самоубийством, под угрозой сектвестра. Мне просто больно писать об этом.

На днях Вы получите сборник «Fuochi costieri» («Прибрежные огни»); там Вы найдете кое-какие мои вещи и, в моем переводе, семь Ваших стихотворений². Я все не решался послать Вам письма после «Митиной любви»; а потом было у меня горе. Жена³ чуть не утонула в Viareggio и заразилась брюшным тифом от морской воды; пролежала три недели в больнице и только теперь поправляется. Нервы у меня издерганы; да и жить трудно, а печатать еще труднее. Мой роман выйдет, по всей вероятности, на немецком языке, т.к. в нем говорится о самоубийстве, и об *adultére*, а это запрещается.

Буду Вам чрезвычайно благодарен за доброе, успокоительное слово для меня лично насчет «Митиной любви». Адрес мой, до 2-го сентября, VIALE BEVERORA, 38, PIACENZA; а затем будет VIA MOSCOVA, 42, MILANO.

Крепко, дружественно жму Вашу руку и шлю Вам сердечный привет.

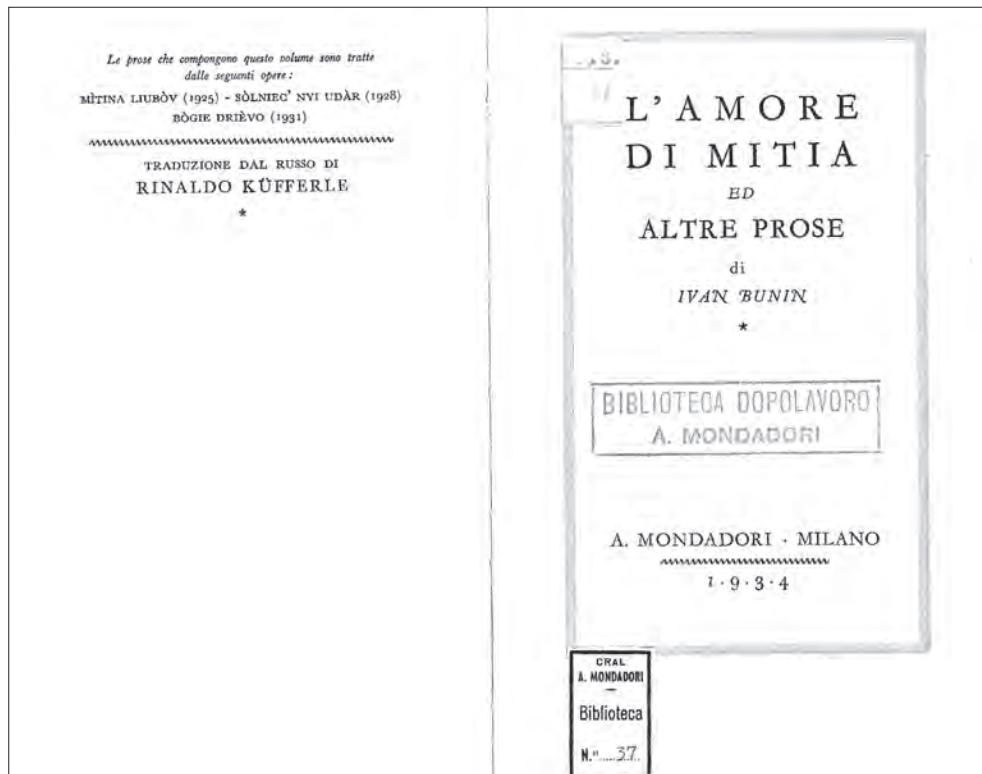
Ваш Rinaldo Küfferle⁴.

¹ Bunin Ivan. L'amore di Mitia ed altre prose / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934. Кюфферле перевел повесть по первому журнальному варианту: Современные записки. 1925. № 23. С. 13–54; № 24. С 5–40. См. илл. на с. 482.

² Küfferle R. Fuochi costieri. Milano: La Prora, 1934. В разделе «Esotiche» («Экзотические») были опубликованы переводы стихотворений «Слово», «Луна» («Настанет ночь моя, ночь долгая, немая...»), «Ночлег», «Ритм» («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»), «Кадильница» («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»), «Леконт де Лиль» («В темную ночь, в штиль, под экватором...»), «У гробницы Виргилия» («Дикий лавр, и плющ, и розы...»).

³ Giana Anguissola (1906–1966) — писательница и журналистка.

⁴ Письмо от 25 августа 1934 (РАЛ. MS 1066/3409).

Итальянское издание романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (Милан, 1934).

О том, что Кюфферле неоднократно просил гранки «Митиной любви», свидетельствуют его письма к Мондадори. В статье, опубликованной через несколько месяцев после смерти Бунина, Кюфферле снова сожалеет по поводу того, что в течение двадцати лет итальянская публика не знала истинного конца истории главного героя одного из шедевров Ивана Бунина¹.

Несмотря на этот досадный результат, Бунин не затаил обиду, и, когда весной 1936 г. Кюфферле приехал в Париж, принял его очень дружески, как показывает статья Кюфферле о встречах с писателями русского Парижа².

О дальнейших контактах Кюфферле с Буниным свидетельствует письмо от 13 ноября 1936 г.:

¹ Küfferle Rinaldo. Vent'anni dopo // Stampa sera. 3–4.VIII. 1954. P. 3. (см. в приложении).

² См.: Küfferle Rinaldo. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. I.X. Русский перевод см.: Кюфферле Р. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и comment. М.Г. Талалаев // Диаспора: Новые материалы. [Вып.] IX. Париж; СПб.: Atheneum–Феникс, 2007. С. 431–451.

Дорогой Иван Алексеевич,

спасибо Вам большое за письмо с вырезкой из «П<оследних> н<овостей>»¹. Я страшно возмущен тем, что Вам причинили некультурные и дикие чиновники в Линдау, и ознакомил друзей своих с этим Вашим злоключением.

Очень радуюсь, что Вы решились навестить Италию, и очень будет мне интересно узнать потом Ваши впечатления о ней. Жаль, что маршрут Ваш не включает Милана: так хотелось-бы пожать Вам руку и провести с Вами день!²

Шлю Вам сердечный привет.

Получили ли Вы мою статью, напечатанную в «Nuova Antologia» 1-го октября, о нашем ужине в «Cloches de Moscou»? Там было много сказано о Вас³.

Искренне преданный Вам

Rinaldo Küfferle⁴.

Более поздние свидетельства о контактах между Бунином и Кюфферле не обнаружены. Можно только упомянуть о том, что в проекте издания антологии русской поэзии, над которым Кюфферле работал совместно с Б.К. Зайцевым в 1950-е гг., поэтическое творчество Бунина было представлено широко⁵. Проект не осуществился из-за скоропостижной смерти Кюфферле в 1955 г.

Литература

Бунин Ив. К писателям мира // Возрождение. 1927. 10 июля. № 768. С. 2.

Бунин Иван. Жизнь Арсеньева. Ч. 1. Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. 264 с.

Кюфферле Р. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и comment. М.Г. Талалаев // Диаспора: Новые материалы. [Вып.] IX. Париж; СПб.: Atheneum—Феникс, 2007. С. 431–451.

Aldanov Marco. Sant’Elena piccola isola / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle Milano: Bietti, 1929.

¹ Письмо Бунина о его задержании и обыске на немецкой границе со стороны местной таможни было опубликовано в газете «Последние новости» 1 ноября 1936 г. (№ 5700. С. 1–2), в сопровождении статьи: «Злоключения И.А. Бунина в Германии. Русского академика, Нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам».

² В ноябре 1936 г. Бунин провел неделю в Италии, Риме (где посещал Вячеслава Иванова), Флоренции и Пизе.

³ *Küfferle Rinaldo.* Fra gli scrittori dell’emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. I.X.

⁴ Автограф: РАЛ. MS 1066/3410; на бланке «Istituto tipografico editoriale. Milano, via Mortara. 4».

⁵ Машинопись антологии хранится в ФААМ. Для антологии были подготовлены переводы стихотворений Бунина: «Слово», «Ночлег», «Ритм», «Кадильница», «У гробницы Виргилия», «В темную ночь, в штиль, под экватором...», «Леконт де Лиль», «Луна», «Был поздний час — и вдруг над темнотой...», «Синие обои полиняли...».

Amfitheatrov A. — Küfferle R. Intorno al samovar. Umoristi russi moderni <Вокруг самовара. Русские современные юмористы>. Milano: Bompiani, 1931.

Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina Racovska e S. Catalano. Milano: Ediz. «Delta», 1928.

Bunin Ivan. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggiali. Torino: Slavia, 1930.

Bunin Ivan. Le cifre / Traduzione di E. Cadei // Novella. 1927. № 10. P. 607–612.

Bunin Ivan. La giovinezza di Arseniev / Introduzione di Rinaldo Kufferle, traduzione Badogeto. Milano: Casa Editrice Bietti, 1930.

Bunin Ivan. Valsecca. Romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano: G. Carabba, 1933.

Bunin Ivan. Il villaggio / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933.

Bunin Ivan. Il villaggio (campagna) / Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggiali. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934.

Bunin Ivan. Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934.

Bunin Ivan. L'amore di Mitia ed altre prose / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934.

Dostoevski Fiodor. Il giocatore / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti. 1930.

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin <Искусство Ивана Бунина> // Rivista d'Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667.

Küfferle R. Due amici dell'Italia. Scrittori russi all'estero <Два друга Италии. Русские писатели за рубежом> // Corriere della sera. 1929. 29.VIII. P. 3.

Küfferle R.. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin // Corriere della sera. 1929. 12.XI. P. 5.

Küfferle R.. Bivacco di un rivoluzionario. Trozki narra se stesso // Corriere della Sera. 1930. 17.VI. P. 3.

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio–6 Febbraio. P. 13.

Küfferle Rinaldo. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. I.X.

Küfferle Rinaldo. Vent'anni dopo <Двадцать лет спустя> // Stampa sera. 3–4.VIII. 1954.

Lettera degli scrittori russi agli scrittori di tutto il mondo // Fiera Letteraria. 1927. 31.VII. P. 6.

Pushkin A. Teatro / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Unitas, 1928.

Turgeniev I. Scene e commedie / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Torino: Slavia, 1927.

References

Aldanov Marco. *Sant'Elena piccola isola* [Saint Helen, a small island]. Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano, Bietti, 1929. (In Ital.)

Amfitheatrov A. — Küfferle R. *Intorno al samovar. Umoristi russi moderni* [Around a samovar. Contemporary Russian humorists]. Milano, Bompiani, 1931. (In Ital.)

Bunin Iv. K pisateliam mira [To the writers of the world]. *Vozrozhdenie*, 1927, July 10, no 768, p. 2. (In Russ.).

Bunin Ivan. *Campagna: romanzo* [The Village. A novel]. Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggiali. Torino, Slavia, 1930. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Il signore di San Francisco: racconti* [A Man from San Francisco. Stories]. Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino, Slavia (Il genio slavo), 1934. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Il villaggio (campagna)* [The Village]. Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggiali. Torino, Slavia (Il genio slavo), 1934. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Il villaggio* [The Village]. Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina Racovska e S. Catalano. Milano, Ediz. “Delta”, 1928. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Il villaggio* [The Village]. Traduzione di N. Artinoff. Milano, Corbaccio, 1933. (In Ital.)

Bunin Ivan. *L'amore di Mitia ed altre prose* [Mitya’s Love and other stories]. Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano, A. Mondadori, 1934. (In Ital.)

Bunin Ivan. *La giovinezza di Arseniev* [The youth of Arsen’ev]. Introduzione di Rinaldo Küfferle, traduzione Badogeto. Milano, Casa Editrice Bietti, 1930. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Le cifre* [The numbers]. Traduzione di E. Cadei. Novella, 1927, no 10, pp. 607–612. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Valsecca. Romanzo* [The Dry Valley. A novel]. Traduzione e introduzione di Renato Poggiali. Lanciano, G. Carabba, 1933. (In Ital.)

Bunin Ivan. *Zhizn’ Arsen’eva. Ch. 1. Istoki dnei* [The Life of Arseniev. Part one. The origins of the days]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1930, 264 p. (In Russ.).

Dostoievski Fiodor. *Il giocatore* [A Player]. Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano, Bietti. 1930. (In Ital.)

Kiufferle R. Persony i personazhi. Ocherki o russkoi emigratsii [Persons and characters. Essays on Russian emigration]. Ed. by M. Talalai. *Diaspora: Novye materialy. [Vyp.] IX* [Diaspora. New materials. [Issue] IX]. Paris, Saint Petersburg, Atheneum–Feniks Publ., 2007, pp. 431–451. (In Russ.).

Küfferle R. Bivacco di un rivoluzionario. Trozki narra se stesso [A bivouac of a revolutionary. Trotskii tell about himself]. *Corriere della sera*, 1930, 17.VI, p. 3. (In Ital.)

Küfferle R. Due amici dell’Italia. Scrittori russi all’estero [Two friends of Italy. Russian writers abroad]. *Corriere della sera*, 1929, 29.VIII, p. 3. (In Ital.)

Küfferle R. L’arte d’Ivan Bunin [The art of Ivan Bunin]. *Rivista d’Italia*, 1928, XXXI, Vol. IV, 15.IV, pp. 663–667. (In Ital.)

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin [Ivan Bunin’s poetry]. *Radiocorriere*, 1932, no 5, VIII, 30 Gennaio–6 Febbraio, p. 13. (In Ital.)

Küfferle R. Scrittori russi all’estero. Il corifeo Bunin [Russian writers abroad. Bunin a coryphaeus]. *Corriere della sera*, 1929, 12.XI, p. 5. (In Ital.)

Küfferle Rinaldo. *Fra gli scrittori dell’emigrazione russa a Parigi. Nuova Antologia* [Among Russian emigrant writers in Paris. A new anthology], 1936, I.X. (In Ital.)

Küfferle Rinaldo. Vent’anni dopo [Twenty years later]. *Stampa sera*, 3–4.VIII, 1954. (In Ital.)

Lettera degli scrittori russi agli scrittori di tutto il mondo [A letter of Russian writers to the writers of the world]. Fiera Letteraria, 1927, 31.VII, p. 6. (In Ital.)

Pushkin A. *Teatro* [A Theater]. Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano, Unitas, 1928. (In Ital.)

Turgheniev I. *Scene e commedie* [Scenes and comedies]. Traduzione di Rinaldo Küfferle. Torino, Slavia, 1927. (In Ital.)

RINALDO KÜFFERLE (1903–1955) — TRANSLATOR, EDITOR, CRITIC, AND IVAN BUNIN'S CORRESPONDENT (BASED ON PERSONAL AND EDITORIAL ARCHIVES)

© 2019, ELDA GARETTO

Abstract: The article investigates the role of the poet, prosa writer, journalist and translator Rinaldo Küfferle in popularizing the works of Ivan Bunin in Italy in the 1920–1930s. The author analyzes Küfferle's critical articles on Bunin published in Italian literary journals, his translations of Bunin's poems and stories, while assessing different stages of promoting the writer's work in the publishing houses in Milan (for example, editing “The Life of Arseniev” and a collection of stories). The article also provides a number of archive materials that prove the existence of a personal relationship between Küfferle and Bunin.

Keywords: Ivan Bunin, Rinaldo Küfferle, Bunin in Italy, translations, Italian emigration.

Information about the author: Elda Garetto, Professor, State University of Milan.
E-mail: elda.garetto@unimi.it

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЦЕНЗИИ В ЖУРНАЛЕ «NOVELLA» ПОД РУБРИКОЙ «CORRIERA DELLA RUSSIA»

ПЕРЕВОДЫ Э. ГАРЕТТО, С. ЛУРЬЕ

[«Солнечный удар»¹]

Иван Бунин, один из важнейших представителей современной русской литературы, выпустил новый сборник рассказов, включающий «Солнечный удар» (который дал заглавие книге), «Ида», «Дело корнета Елагина», «Цикады» и другие небольшие вещи, которые автор публиковал в газетах в 1925–26 гг. Каждый из приведенных здесь рассказов при первом своем появлении наделал немало шума. Прежде всего, «Дело корнета Елагина», в котором Бунин рассматривает с глубиной действительно гениальной процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего известную польскую актрису Висновскую. Со строго художественной точки зрения самыми значительными рассказами являются «Ида» и «Цикады». В «Иде» Бунин достигает наивысшего совершенства жанра, в традиции Мопассана и Чехова. Амфитеатров сразу назвал его лучшим рассказом в русской литературе за мастерство психолого-правдивости, изящество, глубину изображения повседневности, силу деталей. «Цикады» — целый урожай поэтических мыслей, которые Бунин выражает высочайшим изяществом языка в глубоком размышлении о жизни и о смерти под пение цикад. В «Цикадах» Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева, наиболее выразительным последователем которого он является больше, нежели любой другой русский писатель. Удачен и стиль рассказа «Воды многие», где описывается путешествие по Красному морю и Индийскому океану. Красотой и наблюдательностью этот рассказ не уступает известной книге путешествий Гончарова.

Рассказ «Notre Dame de la Garde» из последнего сборника «Солнечный удар» только что вышел в Италии в типографии *Eroica* (Героическая) в переводе Илларии Владимировны Амфитеатровой².

Küfferle R. // Novella. 1927. № 1. P. 58.

¹ Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. В книгу вошли рассказы Бунина «Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина», «Страшный рассказ», «Notre Dame de la Garde», «Поруганный Спас», «Обуза», «В саду», «Цикады», «Воды многие: Из путевой поэмы».

² В альманахе перевод опубликован без указания имени переводчика: *Ivan Bunin. Notre Dame de la Garde // L'Eroica. 1925. XIV. № 93/94. C. 32–36.*

[«Ермил»¹]

Ермил И. Бунина — невысокий коротконогий мужичок. Ему 50 лет. В деревне его все считают дураком, но он внутри себя знает, что это совсем не так, как думают люди. Тем не менее, чтобы спокойно перезимовать, он соглашается быть караульным в глухом лесу, прозванным «Острова», и переезжает туда со своими собаками. Один в своей избе вдали от людей он в безопасности. Но и в лесу есть свои страхи. Ветер шепчет, стонет, кричит в лесной чаще. Ермил все выносит. По крайней мере, он один. Однажды он находит на дереве собачью голову с двумя-тремя шейными позвонками. У подножия дерева — жалкие останки животного. Он теряет покой. Кто и почему убил эту собаку? Значит, и сюда, в лес, заходят люди? Вероятно, могут убить и его, Ермила, и повесить на сучку? Жуткая находка зарождает в душе Ермила ужасное намерение.

И здесь Бунин проявляется как потрясающий художник и глубокий психолог. Ермил чувствует, что его преследуют даже в его последнем убежище. Он запирает дверь. Не может спать. Прислушивается до рассвета. Обдумывает всю свою жизнь, исполненную постоянных унижений. Отчаянная тревога, настигшая его даже здесь, среди лесного одиночества, где он живет в постоянном беспокойстве и страхе, вызывает реакцию в сердце Ермила. Лучше убить, чем быть убитым. Но и этого мало. Писатель обнаруживает и показывает другой мотив, такой же сильный и естественный, в душе Ермила: «А что если никто и не придет?» Нужно убить. Теперь пора отомстить за все обиды. И вот он идет в деревню, хвалится деньгами, показывает их одному, другому. Перед сапожником Махором и его подручным Мишкой прикидывается, что боится, будто ночью кто-то придет в вывернутом полуушубке, чтобы напугать его в Рождественский сочельник². Весельчак Махор клюнул. И, когда ночью он подходит с Мишкой в вывернутом полуушубке к избе Ермила, тот внезапно появляется в окне, стреляет из ружья и убивает его. Финал достоин автора. Приговоренный к пожизненному сроку, Ермил отправлен отбывать наказание в монастырь, где остается жить послушником. «Я дюже преступный», — говорит он удовлетворенно.

Каждый новый рассказ И. Бунина вызывает при прочтении новые чувства и новый интерес. Как справедливо заметил Н. Кульман³, Бунин не из тех авторов, о будущих сочинениях которых можно судить по тому, что уже ими создано. Разнообразие его тем, стилей, образов и в самом деле неиссякаемо, что делает его одним из самых интересных современных русских писателей.

Küfferle R. // Novella. 1927. № 3. P. 168.

¹ Рассказ «Ермил» был опубликован в рождественском номере газеты «Возрождение» 7 января 1927 г.

² В тексте Бунина речь идет о Святках, с которыми связан народный мотив разгула всякой нечисти.

³ Имеется в виду: Кульман Н. «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. 17 декабря. № 198. С. 3—4.

[«Последнее свидание»¹]

Иван Бунин опубликовал очередной сборник рассказов «Последнее свидание». Это по большей части те же рассказы, которые печатались в *Возрождении* (Париж). Другие были отобраны из старых русских изданий произведений Бунина и являются переизданиями. Особенность этой краткой заметки не позволяет мне привести здесь подробное критическое исследование этой содержательной и интереснейшей книги. Впрочем, о творчестве Бунина я напишу отдельно в одной из ближайших статей. Самые сильные в «Последнем свидании» рассказы — «Иоанн Рыдалец» (имя юродивого) и «Я все молчу». В целом в сборнике передана атмосфера дореволюционной русской деревни. Великолепен характер зажиточного русского крестьянина в рассказе «Князь во князьях», в котором состоятельный землевладелец противопоставляется ослабевающему неврастеничному дворянству.

Küfferle R. // Novella. 1927. № 4. P. 275.

¹ В сборник «Последнее свидание» (Париж: Т-во «Н.П. Карбасникова», 1927) вошли следующие произведения Бунина: «Последнее свидание», «Всходы новые», «Иоанн Рыдалец», «Жертва», «Я все молчу», «Оброк», «Лирник Родион», «Князь во князьях», «Последний день», «Сказка», «Будни», «Хороших кровей», «Личарда», «Забота», «Снегур» (впоследствии рассказ получил название «Снежный бык»), «Копье Господне».

ИСКУССТВО ИВАНА БУНИНА

ПЕРЕВОД Э. ГАРЕТТО, С. ЛУРЬЕ

Слава настигла Ивана Бунина поздно, около 1910 г., благодаря полемике вокруг его повести «Деревня»¹. Это произведение, казалось, исполнено слишком отчаянного пессимизма. В нем писатель всмотрелся в сложную русскую душу, трагическую по своей сути, и вывел ее без прикрас, такой, как есть, на безучастно-ленивый суд интеллигенции.

Произведение жестко критиковали в особенности те критики и интеллектуалы, которые хотели бы видеть в каждом литературном изображении музыкант идеализированные тона, скрывающие самые болезненные язвы русской деревни.

Однако в «Деревне», в картине непохожих, но в равной степени жалких судеб двух братьев, Тихона и Кузьмы, изображенных в их унылом захолустье, где, за дальностью расстояний, стихает эхо беспокойной жизни городов, уже заметны были определенные опасения автора за будущее России (почти пророческими выглядят эпизоды деревенских беспорядков, подогретых революционными выступлениями после русско-японской войны). Ответом на придиরки критики и образованной публики стали события 1917 г. Горькие

пророчества Бунина не только сбылись, реальность превзошла их. Год спустя он уехал из Москвы на Юг России. Там продолжалось упорное противостояние между «белой армией» и «красными». В 1920 г. писателю ничего не оставалось, кроме как выбрать путь изгнания.

За границей он встретил немалое число самых именитых русских писателей. В 1921 г. покинул родину в драматических обстоятельствах и Александр Амфитеатров, друг и гость Италии; в 1922-м уехал во Францию Иван Шмелев, написавший с марта по сентябрь 1923 в Граце ужающую книгу о том, что ему довелось пережить в Крыму в 1921–22 гг. под властью большевиков². Таким образом, центр русской культурной и литературной жизни переместился с родины на Запад и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях.

Как уже сказано, слава пришла к Ивану Бунину поздно. К выходу «Деревни» он не был уже «начинающим автором» (хотя это выражение сегодня применяют и к тем, кто уже в возрасте), но в его активе было несколько томов прозы и поэзии, – частично переводов с английского, частично — собственного сочинения.

В композиции своих первых книг, Бунин придерживался нового принципа, которому следовал и в дальнейшем: делять каждый том на две части — проза и поэзия. Так поэзия, шествуя «рука об руку» с прозой, имела пропуск повсюду. Бессспорно, рассеянная и спешащая публика не обращала большого внимания на поэзию, однако идея заставить покупать ее силой не была бесплодна: стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт.

Еще совсем молодым он выпустил книги, благосклонно встреченные критикой и заслужившие даже Пушкинскую премию Российской академии наук. В 1909 г. он был избран почетным академиком. Эта степень соответствует званию французских академиков «Бессмертных». Среди почетных академиков был также Лев Толстой.

Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты, натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении. Он пристально исследовал землю, с которой был кровно связан: почти все его предки были помещиками.

Он происходил из старинного рода, который дал русскому искусству блестящие имена поэтессы Анны Буниной и поэта, знаменитого переводчика «Одиссеи» Василия Жуковского, сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. В имении прошли первые годы Ивана Бунина, отчество было омрачено духовным кризисом после смерти маленькой сестры, но, к счастью, этот кризис не оставил болезненных следов в здоровой и сильной душе поэта.

Любовь к родной земле не помешала ему предпринять длительные путешествия. Бунин посетил Балканы, Турцию, Грецию, Сирию, Палестину, Алжир, Тунис, Египет; он достиг тропиков, останавливался в Италии.

Вооруженный этим опытом, замеченный публикой благодаря полемике, которая вспыхнула вокруг его «Деревни», Бунин продолжал писать без остановки. Крылья его гения уже несколько лет отбивают ритм высокого, ровного полета и под ясным небом, и в грозовых облаках. Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого) но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя «шедевра», в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и незаурядность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но также и сложность, на первый взгляд непреодолимая, — как вкратце представить его самые характерные произведения.

Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих «жанров» и считает, что подражание определенным канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно «книжным», в недостаточной степени похожим на тех, кто уже прославился. Но в чем заключается горький плод подобного подражания? «И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее».

Творчество Ивана Бунина, напротив, лучшее выражение поэта. Форма — это сосуд, в котором, как в шкатулке, сохраняются самые редкие жемчужины, словно спасенные поэтом от огня, или из кораблекрушения. Но это вовсе не означает, что творения Бунина преимущественно автобиографичны. Напротив, он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое «я», но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох.

Нет ничего у Ивана Бунина, что не оживало бы с живой непосредственностью, которая является достоинством правдивых произведений. Однако и здесь не нужно смешивать искренность с засилием «отсебятины».

Бунин никогда не изливает душу в тексте. Он обладает высшим чувством меры. Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок.

Творчество Бунина этим выделяется: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры, свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя.

За годы эмиграции Бунин собрал и издал написанное ранее, переиздал несколько книг, создал новые произведения. Недавно был опубликован сбор-

ник рассказов 1912–13 гг., который Бунин не без умысла назвал «Последнее свидание»³. В основном в нем показаны «его» герои. Это печальное прощание изгнанника с далекой родиной. Незадолго до «Последнего свидания» был выпущен «Солнечный удар»⁴, куда вошли десять рассказов 1925–26 гг.

Особенное очарование этой книге придает разнообразие сюжетов: от любовного приключения поручика на Волге (рассказ, давший заглавие книге), до психологического портрета и истории преступления офицера Бартенева, который убил известную польскую актрису Висновскую («Дело Корнета Елагина»), и размышления поэта о жизни и смерти летней ночью под пение цикад («Цикады»). В этом сборнике есть рассказ о тайной любви, подлинный шедевр трагической исповедальности и поэзии человеческой жизни («Ида» по имени героини), а также дневник путешествия по Красному морю и Индийскому океану, свежий взгляд на дорожные впечатления, который, благодаря большой выразительной силе, оказывается интереснее «Фрегата Паллады» Гончарова («Воды многие»).

Своего рода «малым романом» или «поэмой в прозе» можно назвать «Митину любовь»⁵, в которой автор описывает неудержимое развитие любовной страсти, поселившейся в сердце простого и наивного юноши, отчаянно влюбленного в девушку из дворянской семьи. Она постепенно отдаляется от возлюбленного, и он отправляется к себе в деревню. Здесь любовь преследует его, обостряется, словно неизвестная болезнь. Тщетно ждет он писем из Москвы. Окружающая его природа и убаюкивает, и в то же время раздражает болезненную тоску. Страсть пожирает его. На мгновение он забывается в объятьях деревенской женщины, но и она не утоляет разрушительного огня, который уничтожает душу изнутри, оставляя только жгучую боль. В finale решительно и с наслаждением он убивает себя выстрелом из револьвера в рот.

Постепенное развитие любовной болезни разворачивается на фоне пробуждения земли, которая весной расцветает вокруг дома одержимого. Таинственная связь между Митеем и окружающей природой ставит это произведение в один ряд с научными трудами по исследованию психологии любви.

«Митина любовь» была написана осенью 1924 г. в Приморских Альпах, но русский пейзаж настолько достоверен, передан с такой свежестью, что хочется спросить, почему часто принято считать, что русские писатели-эмигранты не сохранили связи со своей родиной.

Бунин много путешествовал и может дать представление о самых разных уголках света, благодаря его способности уловить уникальные черты любого пейзажа. Как оживает, к примеру, остров Капри в «Господине из Сан-Франциско»⁶ или Алжир в «Сыне»!

Творчество Ивана Бунина в большей своей части пронизано глубинным пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Все. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь будет утеря-

на. Отсюда стремление успеть зафиксировать на бумаге, обессмертить в искусстве, и спасти таким образом от уничтожения смертью каждое движение души, чувствительной к красоте этого мира. Мира, который вскоре придется оставить, — оттого ко всякой радости у него примешивается горечь.

От этой постоянной борьбы против неминуемого забвения, против смерти, что ожидает каждого человека в конце его земной жизни, Бунин иногда отдыхает, возвращаясь к гармонии универсума, отдаваясь потоку великого Всего. В эти мгновения он перестает беспокоиться о себе как об индивидууме. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым.

«Счастлив я, // Что моя душа, Вергилий, // Не моя и не твоя!» — восклицает он в стихотворении «У гробницы Вергилия весной...». Другому смертному дано будет любоваться снова радостью земли, весной. Все ли равно — кому?

Но такие моменты пережитого счастья редки. Счастлива умирающая со вздохом на песке волна, не подозревающая о смерти; счастливо любое человеческое существо, погруженное в сон жизни. Кто осознает — мучается. Эта мука была дана Бунину Богом. Из двух категорий, на которые разделены люди, — той бесконечной вереницы блаженных существ, не осознающих себя, и той немногочисленной категории осознающих себя и стремящихся проникнуть в тайну вещей — он принадлежит ко второй.

Невзирая на это, неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом. Если на своем пути Бунин видел больше горя, чем радости, не потому он видит все в черном цвете, не из-за этого жизнь тяготит его. Видение Нирваны, напротив, пугает его именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной Майя.

«Все ритм и бег. Бесцельное стремление! Но страшен миг, когда стремления нет» («Ритм»). Остановка несет с собой размышление и муку. Чтобы избежать их, нужно отдаваться потоку жизни, этому “Streben” (нем. «стремление»), загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, и он продолжает свое трудовое бдение, потому, что осознает, что его крест не бесплодный, потому, что страдание художника есть утешение человечества.

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin // Rivista d'Italia. 1928. XXXI. Vol. IV. 15. IV. P. 663–667. (Rassegna di letteratura russa / Обзор русской литературы).

<примечания Кюфферле:>

¹ Переиздана в 1921 г. издательством «Русская земля» (Париж).

² Шмелев. «Солнце мертвых». Изд-во «Возрождение». (Париж).

³ Изд-во Н.П. Карбасникова. Париж, 1922.

⁴ Изд-во «Родник». Париж, 1927.

⁵ Изд-во «Родник». Париж, 1925.

⁶ Изд-во «Русская земля». Париж, 1921.

КОРИФЕЙ БУНИН

ПЕРЕВОД Э. ГАРЕТТО, С. ЛУРЬЕ

Ни мировая война, ни большевистская революция, разразившиеся над головой Ивана Бунина с внезапностью урагана, который поражает путника среди пустынного края, не сломили его. Как прочный дуб, ушедший корнями в суровую действительность, не только русскую, но и мировую, его питали философия, вопросы морали, религии, истории. Бунин был готов к моменту, когда разверзлись тучи, давно собирающиеся в небесах истории, поэтому снежная буря лишь покачнула ствол дерева, но не смогла вырвать его с корнями. Пережив ненастье, он оброс теперь новыми, более яркими листьями под тусклым солнцем изгнания.

Литературный дебют

К такой духовной стойкости, к владению стилем, гибким и блестящим, как лезвие, в котором с холодной и живой четкостью отражаются полноцветные предметы, Бунин пришел через любопытство сердца, открытого мимолетным и вечным отзвукам жизни и искусства.

Еще юношей в одиночку он сделал первые робкие шаги навстречу тому, что прекрасно и истинно.

Пред ним одинаково широко расстилались литературные поля и степь.

Родной стихией для Бунина было старинное дедовское имение в центральной России. Рожденный в старинной дворянской помещичьей семье, он с кровью предков унаследовал любовь к земле. В искусстве его вели яркие пути двух известных предков: поэтессы Анны Буниной и Жуковского, переводчика «Одиссеи», сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. Из повседневного общения с природой и наблюдений над деревенской средой рождается предмет его изображения. Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантное русское облачение. Восходя на порог зрелости, Бунин, с молодости трудолюбивый, имел уже 4 тома стихов, 2 — переводов и 6 — прозы. Духовный кризис, который он пережил в подростковом возрасте после смерти сестры, рассеялся в потоке жизни. Восторженно были приняты критикой произведения нового писателя, которому Академией наук была присуждена самая высшая награда — литературная премия имени Пушкина. В 1909-м Бунин был уже среди двенадцати почитаемых академиков, к которым относился и Лев Толстой.

Путешествия по миру

Однако, следя не за известностью, а за побуждением узнать лучше себя самого и мир, Бунин не выходил на литературную арену, где перед интеллектуальным судом дам состязались романтики, натуралисты, символисты,

декаденты. Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь, и там, среди развалин алтаря, нашел почерневшее кадило и приказал своему сердцу, исполненному огня и благоухания, пылать до конца, как это кадило. В тени эвкалиптов и сикомор он искал тени в душном Алжире. Стоя у подножия пирамид, любовался лодками на Ниле. В Скутари, завидев на рассвете переливающийся Босфор, пришпоривал ленивого верблюда. В задумчивости склонялся перед пожелтевшими руинами Акрополя. В Иерусалиме видел схождение святого огня. Плавал по Суэцкому каналу под величественными склонами горы Синай в сторону Красного моря, Индийского океана. Склонив в аскетичной каюте колени перед иконой из Суздаля, с которой он никогда не расстается, и которая, по его словам, остается для него духовной, нежной связью с его родом, с тем далеким и родным миром, где остались его колыбель, его детство, молодость, Бунин смиренно благодарил Господа за то, что уберег его в странствиях. Вид той вершины, откуда слышится еще священный глас Скрижалей, вечных, как воздух, которым дышит человек, и как земля, по которой он ступает, взволновал и наполнил ликованием душу православного. Бунин больше не заботился ни о чем, кроме созерцания моря и неба. Одну за другой он побросал за борт в воду, рассекаемую кораблем, книги, которые читал в путешествии. Ему показалось, что время, пространство, числа, все порождения духа растворились вместе с ним в темноте экваториальной ночи. Из этого оцепенения вывел его вид кокосовых зарослей на берегах Цейлона и шалашей местных жителей, затерянных в светло-зеленых зарослях банана.

По мере того, как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему было уже легко воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе; и, с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско, которого роскошный трансатлантический лайнер, искрящийся светом, наполненный элегантной толпой, перевозит в скромном гробу в глубине мрачного трюма по угрюмому океану.

«Горе, горе тебе Вавилон»

Долгая разлука позволила также Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию, с ее бедами, с предназначенней ей исторической судьбой. В поэме в прозе «Деревня» почти пророчески описана смута в русской деревне после русско-японской войны. Тем, кто хотел прикрыть язвы народа покровом идеализации, это произведение показалось исполненным

чрезмерного пессимизма. Но Бунин предвидел точно. Когда чуть позже, в феврале 14-го, он писал на Капри рассказ «Братья» и задумывал «Господи на из Сан-Франциско», его душу терзал вопль из Апокалипсиса «Горе, горе тебе Вавилон, город крепкий!» В этом пророчестве подразумевался, конечно, пожар европейский.

Действительно, началась мировая война. В России разразилась революция. И то, и другое намного превзошло опасения Бунина. С тяжелым сердцем он направился из Москвы на Юг России, где стал свидетелем агонии белой армии. Братоубийственная война захватила весь народ. Кто не был ни красным, ни белым попадал под подозрение и часто подвергался преследованиям с той или другой стороны, в зависимости от того, в чьи руки переходила деревня или город. Так образовалась третья партия, под именем зеленых, которая скрывалась в лесах, в горах. К ней примыкали беглецы, на которых и красными, и белыми велась охота как на дезертиров. До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад, не покажется ли оттуда какой-нибудь проблеск, дабы рассеять тьму; но надежды были разбиты, и неумолимая действительность вонзила им в спину смертельный клинок. Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле.

Бдения

Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, не отказываясь никогда от высокого призыва, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать. Разнообразие и богатство произведений, созданных им, как правило небольшого объема, но исключительной насыщенности мысли и удивительной психологической прозорливости, побуждают провозгласить его корифеем современной русской литературы. «Цикад» и «Митиной любви» было бы достаточно, чтобы признать за ним этот титул.

Брандес, который читал «Митину любовь» по-французски, признавался, что тонкий анализ любовной болезни вызвал в нем неподдельное волнение. Те, кто читает произведение в оригинале, покорены, кроме того, музыкальностью этой прозы, превзошедшей в красоте прозу Тургенева. То же мастерство гармонии пронизывает от начала до конца рассказ «Цикады». На берегу моря, под сияющими звездами спокойной летней ночью Бунин слушает их пение, похожее то на миллионы ручейков; то на магические цветы, растущие хрустальной спиралью. Блаженно поют они, погруженные в сон жизни. Ночное бдение приносит с собой созерцание и муку. С этой боли и начинается искусство, т.е. освобождение от смерти всего того, что живет и уходит. Продолжая бодрствовать, Бунин видит меркнущие звезды, бодствуя, он слышит дыхание волн, что расходятся пеной по берегу.

Сейчас Бунин пишет большой роман, «Жизнь Арсеньева», в котором словно в фокусе линзы, сосредоточен человеческий опыт и сходится свет его искусства. Вероятно, в нем Бунину дано будет, по наблюдению Амфитеатрова, сказать последнее слово, не дописанное пером Толстого, Достоевского и Чехова, об этой загадке, очаровавшей Запад — о славянской душе.

Küfferle R. Il corifeo Bunin // Corriere della sera. 1929. 12 Novembre. P. 5. (Scrittori russi all'estero / Русские писатели за рубежом).

ЛИРИКА ИВАНА БУНИНА

ПЕРЕВОД Э. ГАРЕТТО, С. ЛУРЬЕ

Доктор Ринальдо Кюфферле — глубокий знаток славянской литературы. Мы с радостью передаем его выступление из Милана о пантеистической лирике одного современного русского поэта.

Мне уже приходилось говорить по радио о творческом пути Ивана Бунина, который считается одним из лучших представителей, если даже не корифеем, современной русской литературы. Его имя как прозаика стало известным после перевода двух произведений, «Деревня» и «Жизнь Арсеньева», как поэта мы его еще открываем из-за известных сложностей, всегда возникающих при попытке передать поэзию за пределами того языка, в котором первоначально воплотились мысль и чувство автора. Строго говоря, поэзию нельзя было бы извлечь из прекрасного храмилища, в который ее помещает вдохновение, запечатывая совершенством герметической концовки, чтобы перенести ее в выщербленные сосуды чуждого ритмического переложения. С ней происходит то же, что и с некоторыми изысканными экстрактами экзотических ароматов, которые сразу улетучиваются. Строго говоря, поэты не должны бродить по миру в поисках праздных ушей, готовых их услышать, как не путешествуют горы, чтобы показать всем свои ледяные пики и парящих над ними орлов. Но домоседы иногда готовы довольствоваться фотографиями, волшебным фонарем, кинематографом, картиной; точно так же принимают они слабый отблеск, бледный призрак того, чем является поэзия или того, как мы представляем себе ее первоначальную форму. Этому большинству я прочту сегодня три или четыре стихотворения Ивана Бунина, которые я специально для этого случая скорее интерпретировал, чем перевел.

Помню, однажды я определил бунинское восприятие природы и человечества как подсказанное его пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Все. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь будет утеряна. Отсюда стремление успеть зафиксировать на

бумаге, обессмертить в искусстве, и спасти таким образом от уничтожения смертью каждое движение души, чувствительной к красоте этого мира: «До черноты сгори», — звучит призыв в его смертном сердце.

<перевод стих. «Кадильница»>

Неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом, даже если он в своей прозе изображает действительность без прикрас. Видение Нирваны растет в нем именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной Майе. Остановка несет с собой духовное мучение. Чтобы избежать его, нужно отдаваться потоку жизни, этому “Streben” <нем. «стремленье»>, загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, об этом он размышляет в строфах, убаюкивающих и умиротворяющих в стихотворении под названием «Ритм»:

<перевод стих. «Ритм»>

Порой Бунин так высоко воспаряет над собой, как индивидуумом, что сливаются с гармонией универсума, чувствуя себя окутанным дыханием великого Всего. Тогда Бунин уподобляется Брахманам, тогда мир и для него становится лесом, ночным приютом птиц.

<перевод стих. «Ночлег»>

Пантеистическое мировоззрение в поэзии Бунина достигает вершины, когда у гробницы Виргилия на него снисходит умиротворение. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым. Звуками радости итальянская весна на побережье Тирренского моря и мягкий свет, который освещает не только сладостно идиллический пейзаж, но и взволнованное и радостное сердце северного пилигрима, отвечают на приветствие Бунина Виргилию, от поэта поэту, от тени к тени, словно подтверждая и благословляя веру в вечную жизнь поэзии, в эту разновидность веры в бессмертие души.

<перевод стих. «У гробницы Виргилия весной»>

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio–6 Febbraio. P. 13.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ПЕРЕВОД С. ЛУРЬЕ

Как гласит русская пословица, «Жизнь пройти — не поле перейти». Даже просто сделать так, чтобы хорошая книга добралась до читателя, не всегда легко. Однако те злоключения, о которых я хочу поведать, оказались совсем уж необыкновенными, хотя некоторые вещи подобного рода случаются и поныне. Эти перипетии могут дать пищу для размышлений тем, кто не довольствуется простоватым афоризмом: *Habent sua fata libelli*¹.

¹ Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

* * *

Поздним летом 33 года меня пригласили к одному крупному издателю, чтобы я посоветовал что-нибудь интересное из современной русской литературы. Он решил справиться с моим мнением посредством своих доверенных сотрудников, — один был среднего возраста, другой — молодой.

Беседа проходила примерно так:

— Итак... — и две пары глаз уставились на меня из-за широкого барьера ярко освещенных письменных столов.

— Итак, — сказал я, — я бы предложил Бунина.

— Что? Кого?

— Бунина.

— А кто это?

— Кажется, я первым в Италии стал писать о нем, еще в апреле 1928 года. Иван Бунин — духовный наследник той классической художественной традиции, которая восходит к Пушкину и Толстому; в 1909 году он был избран почетным членом Академии наук и неоднократно был отмечен высшей русской литературной наградой, Пушкинской премией...

— Да, да, но что он написал?

— Главным образом, рассказы.

— Ну, этот жанр не пользуется большим спросом.

— Но это потрясающие рассказы, к тому же довольно пространные.

— И что с того! Никаких рассказов.

Я умолк.

Немного погодя, старший из моих собеседников вдруг спросил:

— Сколько ему лет?

— Кому?

— Ну этому Ивану, вашему писателю..

— Он родился в 1870 году.

— Слишком старый! — заключил молодой человек. — И что... он действительно так хороши?

— Более чем! К примеру, об одной его повести Брандес отозвался как о настоящем исследовании о психологии любви, настолько искусно Бунин изображает влюбленность молодого провинциала в студентку. В окружении природы, неистовой, как он сам, он сгорает от любви и страдает настолько, что стреляет себе в рот «с силой, с наслаждением».

— М-м. По нынешним временам самоубийства вообще запрещены. Они допускаются только в переизданиях: «Мадам Бовари», «Анна Каренина», — заметил старший.

— Что удивительно в Бунине, так это постоянная метаморфоза его настроений; его внутренний мир, близкий к пантеизму, постоянен, но в то же время всегда находится в фазе становления, множится, по-новому проявляя себя...

— Жаль! — прервал меня молодой и, обращаясь к коллеге сказал: — Вот если бы он умер, можно было бы поместить его среди классиков.

Я невольно вскочил.

— Нет, нет, ради Бога! Бунин сейчас работает над своим крупнейшим произведением, над «Жизнью Арсеньева»...

— Ну что ж, спасибо, — холодно сказали мне на прощанье, — больше вам нечего предложить?

— Лучше этого в настоящий момент — нет.

* * *

Однажды поздней осенью того же 33 года, едва проснувшись, я развернул газету за утренним кофе. В уголке на третьей странице я увидел короткую заметку под заголовком «Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе». Почти в то же мгновение зазвонил телефон. Звонил пожилой работник издательства. Что-нибудь из Бунина, перевести как можно скорее. Может быть даже тот самый «короткий роман», о котором мы говорили. А как быть с самоубийством? Об этом мне беспокоиться не нужно, главное перевести поскорее и хорошо.

Я сразу принялся за работу, пытаясь найти для Бунина, как и для всякого другого писателя, близкую по стилю формулу (формулу стилистического приближения). Стиль без прикрас, и в то же время, не лишенный простонародного изящества, намеренно по-бблейски простой, — например, в авторских ремарках используется только «сказал» и «ответил» — должен был стать главным инструментом для адекватного восприятия искусства Ивана Бунина.

С каким же печальным удивлением я, закончив работу, обнаружил перед собой рукопись, тщательно правленную неким третьим лицом, из кулуаров издательского бюро: это был представитель, а точнее, толкователь так называемого менталитета среднестатистического читателя. Все бунинские «сказал» и «ответил» превратились в непроходимый лес «согласился», «возразил», «прощептал», «вскричал», «подал голос», «пробормотал», «воскликнул», «вздохнул» и так далее, от которых рябило в глазах. Все фразы были переделаны по канонам элементарного синтаксиса...

Я возмутился, написал автору, добился восстановления в корректуре первоначального варианта перевода и, питая себя иллюзиями, вздохнул с некоторым облегчением, как после счастливо завершенной битвы.

Однако битва была проиграна.

Как и положено тем, кто пишет, я дни напролет, склонившись над границами, проверял самого себя. (Это еще и этическое упражнение). Но до самоубийства героя я не добрался. В конце истории, он начинал тихо плакать, падал на кровать и протягивал руку к ночному столику... Но не открывал, как в оригинале, ящик, чтобы достать револьвер и застрелиться.

«Очевидно, — подумал я, — не хватает страницы корректуры», — и позвонил в издательство.

Нет, все страницы были на месте, но самоубийство — в конце концов — было решено из благоразумия убрать.

— Тогда, — взмолился я, сдавшись, — уберите хотя бы еще несколько строк, чтобы не было и этого ночных столика!

* * *

Письмо от Бунина, полное горечи, тем летом пришло переводчику.

И еще двадцать лет, — а писатель умер несколько месяцев назад, — итальянская публика так и не знала, что на самом деле случилось с героям одного из шедевров Ивана Бунина.

Пусть этот последний штрих, в надежде, что старые порядки не вернутся, с опозданием, но все же дополнит картину.

Küfferle R. Vent'anni dopo // Stampa sera. 3–4. VIII. 1954. P. 3.

ИВАН БУНИН: ТРИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

© 2019, П. ДЕОТТО

Аннотация: Статья посвящена анализу трех автобиографий, написанных И.А. Бунином на заказ в 1921, в 1934 и в 1952 гг. и предваряющих сборники рассказов и собрание сочинений, изданные в эмиграции. В них Бунин описывает себя как антиреволюционно настроенного эмигранта и как признанного и активно публикующегося в эмиграции писателя. Однако он переосмысливает эти элементы в зависимости от времени и адресатов, придавая соответственно своей личности разную окраску.

Ключевые слова: И.А. Бунин, автобиография, русская эмиграция.

Информация об авторе: Патриция Деотто — доктор филологических наук, профессор, Университет Триеста (Италия), IUSLIT. E-mail: pdeotto@units.it

В наследии Бунина автобиографическая проза, как известно, традиционно важна. Бунин вложил в дневники, воспоминания, описания собственной жизни, много мыслей о литературной работе, об эпохе, а также, нередко, не слишком лестные отзывы о современных ему писателях.

В данной статье мы рассмотрим три автобиографии, представляющие собой вступления к рассказам и сборникам, печатавшимся в годы эмиграции: «Письмо к Боссару»¹ (1921), «Автобиографические заметки» («Из предисловия к французскому изданию «Господина из Сан-Франциско»)² (1934) и «От автора»³ (1952). Всем этим текстам свойственны классические признаки «автобиографии по заказу» — как жанра⁴, — в них автор представляет себя не спонтанно, как это бывает в стандартных автобиографиях, а явно с учетом запросов заказчиков.

Все три автобиографии имеют целью ознакомить публику с личностью Бунина-писателя. Но появление текста всякий раз обусловлено взаимоотношениями с конкретными издателями, автор сознает важность культурных кодов, которыми управляется окружающее его общество, и идет навстречу

¹ См. введение к следующему изданию: *Ivan Bounine, Le Monsieur de San-Francisco* (Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst). Paris: Editions Bossard, 1922. Пр. 7–12.

² См. введение к следующему изданию: *Бунин И.А. Собрание сочинений*. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С. 9–12.

³ См. введение к следующему изданию: *Бунин И.А. Весной, в Иудее — Роза Иерихона*. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7–9.

⁴ Подробно об особенностях жанра заказной автобиографии см.: Deotto P. Автобиография по заказу // «Образ мира в слове явленный...». Сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce: Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistyczego, 2011. С. 83–89.

читательским ожиданиям. А ожидания эти всякий раз иные, в зависимости от места публикации и от исторического момента.

Первая автобиография была напечатана во Франции в 1922 г. В отличие от двух последующих она, хоть и была написана по-русски, вышла на французском языке. Она явно предназначалась французской публике, и, кстати, ее текст обрамляется письмом, адресованным парижскому издателю Боссару¹. Перед нами образец эпистолярного жанра, написанный с четкой и ясной целью, той самой, которая, вероятно, была задана издателем: пусть Бунин расскажет свою жизнь в плане литературного творчества.

Синтез жанра письма и жанра автобиографии сам по себе интересен. В их сочетании становится еще заметнее присущая всякой автобиографии дистанция, которая возникает между автором текста и описываемым персонажем. В автобиографиях по заказу эта дистанция тем очевиднее, чем четче проявлено стремление пишущего приспособить персонаж к заданному канону.

В начале текста уже присутствуют признаки эпистолярного жанра, в частности графические. Справа простоялена дата «21 июля 1921», слева Бунин напрямую обращается к адресату: «Господин Издатель!»². Вслед за этим непосредственно вводится главная тема письма — автобиографическая. В завершающих пассажах следуют некоторые личные соображения автора о современной России и принятые формулы вежливости.

В автобиографии Бунин, определяя себя как писателя, делает упор на три основных момента собственной личности. Это, во-первых, дворянское происхождение; во-вторых, знаменитые предки, среди которых были поэты Анна Петровна Бунина и Василий Андреевич Жуковский; и, в-третьих, глубинная связь с Россией.

Письмо Бунина формально адресовано издателю, но подспудное его назначение — донести до французской читающей публики, что Бунин воистину русский автор, российский талант, гордый наследник литературной традиции. Идя навстречу издателю, Бунин подчеркнул и свою принадлежность к старинному дворянскому роду, тем самым обнаруживая сходство с классиками русской литературы девятнадцатого века, широко известными и читаемыми во Франции.

¹ В издательстве «Боссар» существовала успешная серия переводов с русского «Collection des textes intégraux de la littérature russe» (1921–1925) под редакцией переводчика Анри Монго (Henri Mongault). Эта серия знакомила французскую публику с творчеством первой русской эмиграции — Ивана Бунина, Зинаиды Гиппиус, Александра Куприна и т.д. См.: *Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration* // Cahiers du Monde russe. 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 25.

² Здесь и дальше все цитаты приводятся по тексту русского перевода: *Бунин И.А. Избранные письма; Письмо к Боссару // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 30.*

В автобиографии и хронологическое повествование, и новая оценка своего творческого пути подчинены одной цели: представить личность знаменного писателя, автора произведений, заслуживающих публикации и распространения, в силу обстоятельств оказавшегося в изгнании.

В начало и в конец своего автобиографического письма Бунин помещает даты, которые считает наиважнейшими. Это, во-первых, год рождения (1870) и, во-вторых, май 1918 г. Вторая дата знаменует отъезд из Москвы на юг, бегство от Гражданской войны. Отъезд, повлекший за собою двумя годами позже, в феврале 1920 г., бесповоротную эмиграцию.

Воспоминаниям детских и отроческих лет, проведенных в деревне, служит своего рода контрапунктом переосмысление Буниным бурных страстей юности. Сильная религиозная страсть миновала, не оставив болезненного следа в душе автора; а вот страстная тяга к живописи в опосредованном виде сказалась на своеобразии его стиля. Не случайно Бунин считает основным достоинством своего мастерства способность создавать правдоподобные, живые образы.

В рассказе о жизни, о ее хронологическом течении внимание автора сфокусировано на раннем творческом созревании, на раннем вступлении в профессию и на высокой оценке литературного сообщества: книги молодого писателя не раз были удостоены премий Пушкина. Бунину, как пишет он о себе, с младых лет были подвластны самые разные литературные жанры: и стихи, и переводы, и проза.

В связи с этим писатель выделяет две важные даты. Это, прежде всего, 1909 г., когда он был избран «Почетным академиком». Для Бунина не составило труда передать французской аудитории смысл этого лестного титула: достаточно было прибегнуть к сравнению с «Бессмертными» (*«Les Immortels»*), то есть с членами Французской Академии.

Кроме того, писатель акцентирует как принципиально важный и 1910 г., тогда вышел из печати роман «Деревня», вызвавший страстную полемику у литературных критиков и столь же страстно обсуждавшийся читателями. Эта книга принесла Бунину широкий успех, который «еще больше укрепил» его последующие произведения.

Бунин-биограф анализирует главным образом два аспекта. Во-первых, он пытается определить для французских читателей причины, из-за которых эта слава оказалась локальной, ограниченной в пространстве и во времени. Во-вторых, задумывается о собственном пророчестве, предрекшем тяжкую судьбу России и ее драматичное будущее, которое прозвучало уже в самых ранних произведениях — в этом сказалось его почти пророческое чувство истории.

Останавливаясь на первом аспекте, Бунин анализирует, прежде всего, тот образ, который закрепился за ним в истории литературы: это личность самодостаточная и независимая, заинтересованная более путешествиями, нежели

мелкой славой в литературных кружках, углубленная в проблемы философии, религии, морали и истории, не приемлющая лихорадочной гонки за новизной и за сенсационностью в литературе и не заискивающая перед публикой, то есть далекая от клише и стереотипов сиюминутной культурной моды.

Складывается портрет, который определяет очертания образа Бунина в классической истории русской литературы — это образ творца, существующего «вне» собственной эпохи, связанный с великой русской словесностью девятнадцатого века. К этому добавляется восприятие Бунином Первой мировой войны и ее прямого следствия, русской революции, которая ознаменовала для российского общества разруху, разорение и зверство. И все это произошло, когда плодотворная сила писателя Бунина достигала своего лучшего расцвета.

Останавливаясь затем на втором аспекте — на почти провидческой способности к предугадыванию, — Бунин полемически возвращается памятью к тому году, когда вышел роман «Деревня». Он горько вспоминает, как отреагировала на это событие часть литературно-критической общественности. Многие обвиняли писателя в том, что он чересчур жестоко и мрачно описал деревенский народный мир. Бунин-биограф снова напоминает, что же представляла собой эта самая крестьянская стихия. Россия революционных потрясений и пост-революционных изменений описана им как сущий ад, из которого можно было только спасаться бегством.

В своем запальчивом, яростном рассказе о судьбе России Бунин подробно останавливается на мытарствах и унижениях, испытанных писателями: их обрекали на жалкие условия жизни, их лишали свободы слова и буквально выталкивали в изгнание под страхом смерти. Эти строки Бунина, конечно, были призваны пробудить во французских читателях возмущение тем жутким миром и сострадание к бедственному положению литераторов, бежавших из России от событий, совершенно не похожих на обещанное «воплощение идеалов».

Дабы еще выразительнее звучало описание драмы, которую пережил он сам, прежде чем принял решение покинуть Россию, Бунин использует евангельскую фразеологию: «испив чашу несказанных страданий и напрасных надежд»¹. Таким приемом неискорененному читателю исподволь передается все разочарование, которое пришло за крушением надежд на помощь от христианского мира. Христианского не в чисто религиозном понимании, а скорее в понимании экзистенциальном, в смысле уважения к человеческой личности, к ее достоинству, в смысле обманутых надежд на человеческую поддержку. Этим и завершается автобиография: русский писатель, изгнан-

¹ Бунин И.А. Избранные письма; Письмо к Боссару // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 32.

ник, непосредственный свидетель, передает трагический опыт, полученный в революционной России.

Однако письмо к издателю на этом не заканчивается. Дальше следует довольно пространная рефлексия. Бунин еще более подробно объясняет свою точку зрения, представляя себя писателем-прорицателем: «Некоторые критики называли меня жестоким и мрачным... Я смутно страшился за судьбу России, когда рисовал ее, — и моя ли вина, что действительность, та, которой живет Россия вот уже четыре года, сверх меры оправдала мои опасения, что те мои картины, которые казались когда-то даже русским людям слишком черными и неправдоподобными, стали “пророческими”, как некоторые называют их теперь!»¹

Повествуя о трагических последствиях российской революции, о бесчеловечности творившегося тогда, Бунин подбирает жгучие слова: «Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил *образа и подобия Божия*»² (курсив мой — П.Д.). Это библейская реминисценция³, то есть Россия здесь описана через образы Ветхого завета: «казни египетские», «бич Божий»... Слышен и апокалиптический подтекст гиперболической конструкции.

Конец послания, однако, звучит более умиротворенно. Писатель в духе сорок второго Псалма («Как лань к истокам вод, все стремится сердце мое к Тебе, Господи!») передает читателям интонацию надежды, что Россия снова «вочекловечится». Надежды этого свойства были живы в среде русских беженцев в первое время, когда многие еще верили, что рано или поздно смогут вернуться на родину, и продолжали верить, что, осознав масштабы происходящего, западный мир «протянет им руку помощи».

В «Письме к Боссару» главная тема автобиографии, специально оформленная Буниным для французской публики — тема «знаменитого русского писателя», судьбой оторванного от родины, — не исчерпана одним лишь самоописанием в условных рамках жанра. Бунинский текст перерастает в настоящее публицистическое высказывание. Этому способствовала эпистолярная форма, берущая читателей за живое, призывающая их задуматься о положении писателей революционной России, людей, лишенных прав на свободное высказывание.

Читателям передается обеспокоенность Бунина, — и не он один сокрушался об этом, с ним совпадали многочисленные русские писатели-эмигранты, — крахом традиционных ценностей, «озверением» людей в бесче-

¹ Бунин И.А. Избранные письма; Письмо к Боссару. С. 32.

² Там же.

³ Об употреблении архаичной и сакральной лексики в мемуарной прозе Бунина см.: Риннер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 625–650.

ловечности революционных бурь. Писателя страшат масштабы этих процессов, накладывающих грозный отпечаток на всю современную цивилизацию¹.

Тринадцать лет спустя Буниным было написано еще одно автобиографическое введение, на этот раз — для первого тома «Собрания сочинений», вышедшего в Берлине в 1936 г.² (издательство «Петрополис»). Это были «Автобиографические заметки» с подзаголовком «Из предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”».

Эта вторая автобиография в значительной степени воспроизводит уже рассмотренный нами автобиографический текст, помещенный в «Письме к Боссару» 1921 г. В то же время она частично отличается от предыдущей: она предваряет собой собрание произведений, печатающихся на языке оригинала.

Это значит, что основным адресатом публикации являлась русская читающая публика, уже знакомая с творчеством Бунина, и притом, вероятно, имевшая подобный бунинскому опыт существования в эмиграции.

Рассказ о жизни снова строится хронологически и повторяет основные моменты, уже присутствующие в тексте 1921 г. В то же время следует отметить, что все этапы, знаменующие начальный период творчества, в данном варианте опущены. Меньше внимания уделено описанию литературной среды, в которой на заре своего творчества вращался и утверждался Бунин-писатель. Выпало разъяснение относительно полученных им почетных наград. Из пассажей о революционных событиях удалены перечни фактов, характеризовавших эпоху, и вычеркнуты многие эпитеты. Таким образом, то, что в тексте 1921 г. использовалось для сгущения красок, чтоб тяготы жизни писателей выглядели драматичнее и чтоб читатели испытывали сочувствие к российской действительности и событиям, в данном варианте сокращено и выглядит скромнее и строже: «Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнуданности и безнаказанности, *от грабежа*,

¹ Бунин высказывается на эти темы и в своих журнальных статьях 1920-х гг., и в публичных выступлениях, см.: Миссия русской эмиграции, Париж, 16 февраля 1924. // Руль (Берлин). 1924. 3 апреля. С. 5.

² В период с 1934 до 1936 гг. престижное русскоязычное издательство, в то время работавшее уже только в Берлине, «Петрополис», выпустило собрание сочинений Бунина в одиннадцати томах. При этом хронологический порядок не соблюдался. В первую очередь (в 1934 г.) вышли седьмой и второй тома. Первый же том появился только в 1936 г. Об отношениях Бунина и издательского дома «Петрополис» см.: Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери». Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступит. статья С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова при участии В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–92.

от вина, от крови, от кокаина, или позорное (курсив мой — П.Д.) рабское существование» (1921)¹. «Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, ибо в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнуданности и безнаказанности, или рабское существование, среди библейских эпидемий...» (1934)².

Воспоминания о годах, наступивших после революции, воскрешённые с перерывом в пятнадцать лет и переписанные в виде призыва к французскому читателю и ко всему западному миру, приобретают документальную окраску и ценность.

От рассуждения о революции, заключавшего письмо к Боссару, в новом варианте сохранилось только упоминание о библейских египетских казнях, подчёркивающее драматичность жизненных условий в России.

За рассказом о жизни, воспроизведяющим парижский текст 1921 г., идет приписка 1934 г. В ней Бунин кратко добавляет основные данные о своей жизни во Франции: с 1923 г. он переселился в Приморские Альпы, возвращается в Париж только на некоторые зимние месяцы. В эмиграции им написано шесть новых книг.

Во второй автобиографии Бунин явно стремится обрисовать собственную личность, по запросу издателя, прежде всего в аспекте писательства. Всеми средствами, и стилистическими, и содержательными, он формирует у читателей образ литератора, глубинно связанного с русской словесностью девятнадцатого века и наделенного исключительным талантом, позволившим ему и в изгнании выстроить удачную литературную карьеру. В 1936 г. Бунин — знаменитость, он уже три года нобелевский лауреат, его произведения переведены на множество языков мира.

Третья автобиография под названием «От автора»³ предваряет первый из двух сборников рассказов, вышедших в свет на русском языке в 1953 году в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова «Весной в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар». Эта публикация появляется в историческом и культурном контексте, резко отличающемся от обстановки, в которой были написаны предыдущие автобиографии. Бунин по-прежнему обращается к русскому читателю, но уже не к представителю эмиграции первой волны, с которым его роднит общий жизненный опыт, а теперь уже и тому, кто после Второй мировой войны волею судьбы⁴ или следуя велению сердца оказался в Соединённых Штатах Америки. Именно на этого нового читате-

¹ Бунин И.А. Избранные письма. Письмо к Боссару [1921] // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 32.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С. 11–12.

³ Бунин написал эту автобиографическую заметку, судя по дате в конце текста, 17 октября 1952 г.

⁴ См.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж: Ymcas-Press, 1984. С. 385–390.

ля делает ставку издатель, и поэтому решительно отклоняет настоятельные просьбы Бунина сохранить старую орфографию¹.

Как и письмо к Боссару, текст биографии построен так, что читателю сообщается: «Исполняя желание “Издательства имени Чехова” даю некоторые отрывки из своих “Автобиографических заметок”»². В автобиографии доминируют две темы. Это, во-первых, дворянские корни, которым писатель придает весьма серьезное значение, а во-вторых, литературная работа. Рассказывая об аристократизме семьи, как по отцовской, так и по материнской линии, Бунин использует отрывки из своей биографической справки, написанной для автобиографического словаря русских писателей С.А. Венгерова (1915)³. В версию 1952 г. добавлена некая подробность. Бунин уточняет, что речь идет о семейном предании. Якобы стрелецкий полковник князь Чубаров, предок Бунина по материнской линии, был казнен Петром Первым за поддержку царевны Софьи. Тогда же, якобы, царь отобрал у рода Чубаровых княжеский титул.

В предреволюционные времена Бунин не подчеркивал свое дворянское происхождение: «я же чуть не с отрочества был “вольнодумец”, вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с ней»⁴. Однако в автобиографических текстах, написанных в эмиграции, он уже совсем по-другому отзывается о своей принадлежности к высшему дворянскому сословию. Причина в том, что в эмиграции эта тема наполнилась особыми политическими и культурными смыслами. Она давала писателю возможность заявлять о своей причастности к исконной, традиционной России, уходящей корнями в заветную Москвию.

Именно это проявляется в разбираемой нами третьей автобиографии. Бунин не случайно вставил туда сюжет о своем предке, посмевшем противиться самому Петру. Точно так же и сам Бунин противился новому укладу, воцарившемуся на его родине вследствие ненавистной, зверской российской революции.

¹ Изначально Бунин заявил, что отказывается от заманчивого предложения увидеть три свои книги в печати в американском издательстве, если не будет учтен основной принцип — печатать все только в старой орфографии. На это издательство отвечало категорическим отказом, поскольку новые поколения, незнакомые со старыми правилами, просто не сумеют прочесть эти книги. Бунин, в конце концов, сдался, в частности, из-за потребности в деньгах, и принял условия издателя. См.: Бунин И.А. Из писем к М.А. Алданову // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 68–72.

² Бунин И.А. Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7.

³ Бунин И. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под редакцией С.А. Венгерова / Послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 390–396.

⁴ Там же. С. 390.

Бунин рисует себя как носителя и защитника традиций, как глубокого знатока русской деревни. В этом духе освещена им история выхода романа «Деревня», сразу принесшего Бунину и успех, и «страстные враждебные отклики» коллег и журналистов.

В других рассматриваемых нами автобиографических текстах Бунин, рассказывая об этой истории, употреблял более мягкие выражения: «страстные споры» и «страстные отклики». Ныне же, оглядывая прошлое с новой временной дистанции, Бунин, как видим, прибегает даже к эпитету «враждебные». Тем самым он более наглядно передал разрыв между своим подходом — правдивое, объективное повествование о российском крестьянском укладе, — и подходом «прогрессивной общественности», предпочитавшей взирать на народ идеалистично, чем, по сути, и подпитывались силы, породившие, в конце концов, и неудержимый бунт, и его последствие — русскую революцию.

Создавая автопортрет, Бунин представляет себя как «в первую очередь писателя». При этом он возводит линию наследования к великим предкам и пользуется случаем напомнить, говоря о Жуковском, что сам Пушкин называл Жуковского «своим учителем». Подчеркивает Бунин и тему духовного сродства с Толстым, их общего происхождения из срединных российских областей, их общего с Толстым набора основных литературных наград. Рассказывая, что был избран в число двенадцати членов Российской Академии наук, Бунин тут же гордо отмечает: среди двенадцати был и Лев Толстой.

Толстой как его предшественник, предтеча, всегда интересовал Бунина. Он оказал на Бунина глубокое влияние, как в личном, так и в художественном планах. Живя во Франции, Бунин посвятил Толстому детальное исследование-монографию, которая была очень тепло принята публикой, и вовсе не только русскоязычной¹. Всем этим Бунин декларирует свою связь со Львом Толстым и дает понять, что речь идет, по сути, о единственном приемлемом для него творческом прообразе².

Бунин затрагивает и вопрос, отчего его слава в предреволюционной России оказалась недолговечной. Эта тема очерчивается буквально несколькими строками. В отличие от предыдущих автобиографий, здесь он не останавливается на истории литературных споров (для читателя в 1950-е гг. это было бы уже анахронизмом), не разбирает взаимоотношения литературных групп и кружков начала XX в. В качестве основного фактора он называет только революцию.

Со времени описываемых роковых событий прошло уже сорок лет. Бунин уже явно не влечут ярые обличения предреволюционной общественной

¹ Бунин И.А. Освобождение Толстого. Paris: Ymca-Press, 1937; *Ivan Bounine. La délivrance de Tolstoï*. Paris: Gallimard, 1939.

² См.: Михайлов О.Н. Путь Бунина — художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 47–48.

ситуации: она и без того известна нынешним адресатам текста. Разве что два момента все еще кажутся Бунину важными и символичными: это захват власти Лениным и бегство сотен тысяч людей, имевших возможность бежать.

Взволнованный, драматичный тон письма к Боссару остался в прошлом. Его сменил четкий, уничтожающий, немногословный рассказ о фактах.

Автобиография завершается двумя сведениями о литературных достижениях Бунина в период эмиграции: Нобелевская премия в 1933 г. и выход десяти новых книг.

Из проведенного здесь анализа трех автобиографий видно, что Бунин всякий раз характеризовал собственную личность несколькими неизменными чертами: он антиреволюционно настроенный эмигрант, он знаменитый писатель, сумевший утвердить себя и в чужой стране. Тем не менее, существуют и различия.

В автобиографии 1921 г. Бунин обращался к читателям, не знающим русского языка и русской ситуации, и говорил при этом от лица всей среды беженцев из России, жертв революции.

В автобиографии 1934 г., предназначавшейся русскоязычным читателям, живущим, как и он сам, в эмиграции, Бунин-писатель с гордостью описал свою успешную деятельность даже и после отъезда из России.

Нью-йоркская автобиография 1952 г. адресовалась крайне разнообразной публике, в которую входили русскоязычные читатели и из первой волны эмиграции, и из второй — послевоенной — волны, а также потомки эмигрантов, родившиеся уже вне России. Для этих читателей неприятие большевистской России было само собой разумеющимся фактором, так что Бунин смог обойтись без драматических рассказов о зверствах революции. Он сосредоточился на перечислении важнейших литературных почестей, полученных им как на родине, так и в Европе, а также подчеркивал свою связь с Толстым, тем самым отдав дань великой русской литературе Девятнадцатого века, достойным последователем которой он хотел представить себя.

Литература

Бунин И. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под редакцией С.А. Венгерова / Послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 545 с.

Бунин И.А. Весной. В Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. 229, [5] с.

Бунин И.А. Избранные письма. Письмо к Боссару [1921] // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 30–33.

Бунин И.А. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1923 г.) // Руль (Берлин). 1924. 3 апреля. С. 5.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.

Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери». Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступит. статья С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова при участии В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–92.

И.А. Бунин: *Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология.* СПб.: РХГИ, 2001. 1015 с.

Михайлов О.Н. Путь Бунина — художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 7–56.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Paris: Ymcra-Press, 1984. 425 с.

Deotto P. Автобиография по заказу // «Образ мира в слове явленный...». Сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce: Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistyczego, 2011. P. 83–89.

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration // Cahiers du Monde russe. 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 23–43.

References

Bunin I. Avtobiograficheskaja zametka [An autobiographical note]. *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910* [Russian literature of the 20th century. 1890–1910], ed. by S.A. Vengerov, afterword, text by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2004. 545 p. (In Russ.).

Bunin I.A Izbrannye pis'ma. Pis'mo k Bossaru [1921]. *I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologija* [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001. pp. 30–33. (In Russ.).

Bunin I.A. "Hochu pechatat' sam, ibo vy, izdateli, vse zveri". Perepiska I.A. Bunina s izdatel'stvom "Petropolis" ["I want to publish myself, because you, the publishers, are all beasts". Correspondence between Ivan Bunin and the "Petropolis" publishing house]. Introd. by S.N. Morozov, V.V. Leonidov; ed. and comment. by S.N. Morozov with the participation of V.V. Leonidov. *Nashe nasledie*, 2001, no 57, pp. 79–92. (In Russ.).

Bunin I.A. Missija russkoi emigratsii (Rech', proiznesennaia v Parizhe 16 fevralia 1923 g.) [Mission of Russian emigration (Speech delivered in Paris on February 16, 1923.)]. *Rul'* (Berlin), 1924, April 3, p. 5. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 11 t.* [Collected works. In 11 vols.] Berlin, Petropolis Publ. 1934–1936. (In Russ.).

Bunin I.A. Vesnoi, v Judee. Roza Ierikhona [Judea at Spring. The Rose of Jerico]. New York, Izd-vo imeni Chekhova Publ., 1953. 229, [5] p. (In Russ.).

Deotto P. Avtobiografiia po zakazu [Autobiography on request]. "Obraz mira v slove iavlennyi...". *Sbornik v chest' 70-letija Professora Ezhi Faryno* ["The image of the world in the word revealed..."]. Collection of papers in honor of the 70th anniversary of Professor Jerzy Farino], ed. by R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce, Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistyczego Publ., 2011, pp. 83–89. (In Russ.).

I.A. Bunin: *Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [Ivan Bunin: Pro et contra. Personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. An anthology]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001. 1015 p. (In Russ.).

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration. *Cahiers du Monde russe*, 2007, Vol. 48, no 1 (janvier-mars), pp. 23–43.

Mikhailov O.N. Put' Bunina — khudozhnika [The way of Bunin-artist]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: in 2 bks. Bk. 1. Moscow, Nauka Publ., 1973. pp. 7–56. (In Russ.).

Struve G.P. *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, YMCA-Press Publ., 1984, 425 p. (In Russ.).

IVAN BUNIN: THREE AUTOBIOGRAPHICAL NOTES

© 2019, PATRICIA DEOTTO

Abstract: The article analyzes three autobiographies, that were written to order by Bunin in 1921, 1934 and 1952 and that were printed at the beginning of the collections of stories and Collected works, published in emigration. There Bunin describes himself as a antirevolutionary emigrant and as an acknowledged and actively publishing writer in emigration. At the same time he thinks over those elements depending on the time and addressees, giving his personality a different touch.

Keywords: Ivan Bunin, autobiography, Russian emigration

Information about the author: Patricia Deotto, PhD, Professor, Università degli studi di Trieste, Italy, IUSLIT. E-mail: pdeotto@units.it

МАЛОИЗУЧЕННАЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

© 2019, С.А. ГАРЦИАНО

Аннотация: Современные исследования французской критики произведений И.А. Бунина проводились по трем основным направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на его книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В этой статье анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, написанные по-французски представителями первой волны эмиграции. Данная работа построена на изучении четырех тем: межвоенная эмигрантская критика о творчестве И.А. Бунина на французском языке, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» («*Ivan Bunin. Son activité littéraire en France*», 1928), образ И.А. Бунина в книге «Панорама современной русской литературы» («*Panorama de la littérature russe contemporaine*», 1929) В.С. Познера и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.). Обзор эмигрантской критики по-французски позволяет выделить некоторые основные черты бунинской поэтики, такие как ведущее место писателя в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира и основополагающая тема любви и смерти, позволяющая осмысливать онтологический смысл жизни. Упоминание об этом писателе играет первостепенную роль во франкоязычной критике русской эмиграции, проявляющуюся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях и личных письмах.

Ключевые слова: И.А. Бунин, литературоведческая критика на французском языке, первая волна русской эмиграции, А.Я. Левинсон (André Levinson), В.С. Познер (Vladimir Pozner), Н.К. Кульман (Nicolas Koulmann), В.Б. Фохт (Wsevolod de Vogt), Б.Ф. Шлётцер (Boris de Schlötzer), З.А. Шаховская (Zinaïda Schakhovskoy), Н.В. Брянчанинов (Nicolas Brian-Chaninov), Л. Лалуа (Louis Laloy), Ж. Шюзвиль (Jean Chuzeville), М. Парижанин (Maurice Parijanine), М. Алданов (Marc Aldanov).

Информация об авторе: Светлана Александровна Гарциано — доктор филологических наук, доцент кафедры славистики при Факультете иностранных языков, научный сотрудник Научно-исследовательского центра французского и сравнительного литературоведения MARGE, директор Дома иностранных языков. Лионский университет им. Жана Мулена. E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

По сравнению с другими писателями первой волны эмиграции, как, например, с Д.С. Мережковским, для которых исследовательская область литературного наследия на французском языке почти что является *tabula rasa*, франкоязычная критика о бунинском творчестве достаточно досконально изучена, хотя в ней и присутствуют некоторые лакуны, объясняемые спецификой выбранных научных направлений. Наслоение эмигрантской крити-

ки на французскую образует собой малоисследованную зону на стыке двух литературных полей, несущую в себе литературное маргинальное явление изложения по-французски эмигрантскими авторами своих литературоведческих размышлений.

Во второй книге 84-го тома «Литературного наследства», вышедшего в 1973 г., приводятся некоторые отрывки из французских отзывов о творчестве Бунина: письмо Р. Роллана к Л. Круппи от 20 мая 1922 г.¹, отрывки из рецензий А. де Ренье за 1921–1924 гг.², отрывки из дневника А. Жида за 1941 г. и его письмо к Бунину за 1950 г.³ Напомним, что в течение эмигрантского периода, будучи подписан на рассылку «Аргуса прессы» («Argus de la presse»), Бунин собирал также для своего архива⁴ коллекцию газетно-журнальных вырезок европейской периодики для посмертного издания литературоведческого тома о своем творчестве. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. В.Н. Бунина передала в СССР часть бунинского архива, содержащего значительную подборку рецензий и статей по-французски, хранящуюся в ИМЛИ РАН (около 350 единиц) и РГАЛИ (около 100 листов, посвященных Нобелевской премии)⁵. 15 февраля 1957 г. В.Н. Бунина пишет Г.Н. Кузнецовой по этому поводу: «Удивило меня и одно письмо Алданова: будто бы он получил от неназванных корреспондентов Яна письма, в которых те спрашивали его, правда ли, я передала весь архив в Москву? Очень беспокоится о своих письмах... И почем было писать Алданову, а не мне, узнайте, кто это? <...> Много писем у Сазоновой, и у нас ее, но она не беспокоится. К слову сказать, пока передано в Москву только полное собрание “Петрополиса” с поправками автора, да еще иностранные рецензии и критика. <...> Людей, писавших Яну и не умерших до его смерти, мы не разбирали, да и писали большинство неинтересные письма»⁶.

В современный период французская критика произведений Бунина изучалась в диссертации С.А. Кривцовой «Личность и творчество И.А. Бу-

¹ Роллан Р. Из письма Ромена Роллана к Луизе Круппи // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 375–376.

² Ренье А. де. <О сборнике «Господин из Сан-Франциско»; <О повести «Деревня»; <О сборнике «Чаша жизни»> // Там же. С. 376–378.

³ Жид А. Из дневника Андре Жида. Письмо Андре Жида к Бунину // Там же. С. 382–387.

⁴ В письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 апреля 1953 г. мы можем прочитать: «Есть письма: мои письма к Вам и Ваши ко мне. Почему-то они в бауле у Яна?! Как-нибудь разберу их. Сейчас мне нужно для архива переписать страниц 50 еще, а время куда-то уходит» (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961. Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. С. 194).

⁵ Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 488, 464.

⁶ Письмо В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 февраля 1957 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 385.

нина в оценке французской критики»¹, а также во введении Т.В. Марченко к переводам текстов франкоязычной критики в книге «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина»². Современные исследования французской критики произведений Бунина проводились, в основном, по трем направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на бунинские книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В данной работе анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, встречающиеся на страницах французской периодики и в других источниках по-французски, причем повышенное внимание уделяется французским эссе, написанным эмигрантскими критиками, а также текстам, посвященным обзору всего творчества писателя. Изучение данной проблематики строится на освещении четырех тем: межвоенная эмигрантская критика о творчестве Бунина на французском языке на примере некоторых из ее представителей, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (1928), образ Бунина в книге «Панорама современной русской литературы» (1929) В.С. Познера и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.).

Литературоведческие заметки на французском языке критиков первой волны эмиграции до сих пор не нашли должного освещения в научной сфере, они разбросаны по многочисленным франкоязычным периодическим изданиям, малодоступным в настоящее время и недостаточно сохранившимся во французских документальных фондах. О литературном творчестве Бунина по-французски писали такие эмигрантские авторы как А.Я. Левинсон, В.С. Познер, М. Алданов, Н.К. Кульман, В.Б. Фохт, Б.Ф. Шлётцер, Г.П. Струве, В.В. Вейдле, М.Л. Слоним, Ю.В. Мандельштам, В.М. Зензинов, З.А. Шаховская, Н.В. Брянчанинов, Н.Д. Городецкая, Г.Л. Лозинский, З.Д. Львовский, Я.М. Цвибак, С.Л. Рафалович, Т.М. Бродская и т.д.³ В данном параграфе мы предлагаем бегло проанализировать французские тексты, написанные Т.М. Бродской (Tamara Brodsky), А.Я. Левинсоном (André Levinson), Н.В. Брянчаниновым (Nicolas Brian-Chaninov), Б.Ф. Шлётцером (Boris de Schlötzer), З.А. Шаховской (Zinaïda Schakhovskoy) и М. Алдановым (Marc Aldanov)⁴. Отметим также, что в научной практике существуют определен-

¹ Кривцова С.А. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: Дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2008. 220 с.

² Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина / Под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2010. С. 499–541.

³ Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. С. 93–99.

⁴ Нижеследующие статьи также малоизвестны и не исследовались, но из-за коротких сроков мы не успели с ними ознакомиться: Levinson A. La littérature russe actuelle // Revue mondiale.

ные стереотипы, связанные с обращением представителей эмиграции к французскому языку: эмигрантские авторы, в основном, ошибочно использовали французский язык, эмигранты обратились к французскому языку в нобелевские дни (ноябрь-декабрь 1933 г.); статьи эмигрантских критиков должны рассматриваться как адаптация их взглядов, появляющихся в эмигрантской периодике и уже высказанных в эмигрантской среде¹; статьи, написанные коренными носителями языка, рассматриваются как литературоведческая норма, в то время как иностранные тексты эмигрантских авторов представляются как своеобразные литературные маргиналии². Практическое значение этой темы состоит в нахождении новых возможных истолкований особенностей эмигрантской жизни и творческого наследия во франкоязычной среде³.

¹ 1921. Vol. CXLIV. 1 octobre. № 19. P. 335; *Mandelstam Iou*. Ivan Bounine // Revue de France. 1933. Vol. VI. 15 décembre. № 24. С. 697–708. *Struve G.* L'amour de la vie et le sens de la mort dans l'œuvre d'Ivan Bounine // Mois. 1931. № 12. P. 157–162; *Vogt W. de*. Les écrivains russes en France — Ivan Bounine // Figaro, supplément littéraire. 1928. 25 août. № 490. P. 5; *Weidlé W.* La littérature soviétique et littérature russe // Russie et chrétienté. 1935. Vol. II. № 3. P. 144–156; *Zenzinov V.* Un artiste — Ivan Bounine // Revue des vivants. 1934. № 3. P. 398–403.

² Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526.

³ Мельников Н.Г. Предисловие // Классик без ретуши. С. 14.

³ Из всех иностранных языков французский язык имеет первостепенное значение для полноценного осмыслиения историко-литературного феномена первой волны эмиграции, но эта тема до настоящего времени недостаточно и приблизительно изучена и несет в себе некоторые смысловые лакуны: французские тексты и французские инкрустации в тексты по-русски недостаточно верно представлены в современных изданиях по первой волне эмиграции (присутствие некоторых опечаток, связанных, в основном, с печатанием диакритических знаков; неточности в передаче материала и в переводе). Напр., во введении к франкоязычной критике из книги «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина» мы читаем следующее о справочной статье М. Алданова: «Несколько сказанных о Бунине слов совершенно точно резюмируют мнение, сложившееся к этому времени о писателе у французского критика и читателя: “Его художественное мастерство стало еще более печальным, утонченным и классическим”» (Марченко Т.В. Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526). Если мы обратимся к данному тексту Алданова, то заметим, что о Бунине упоминается не один, а семь раз, причем в самых ключевых по смыслу моментах статьи. Прилагательное «*sobre*» переведено термином «печальный», что не соответствует смыслу по-французски: «*sobre*» — «строгий». Другим наглядным примером может послужить комментарий к письму Н.Н. Берберовой Бунину от 11 июня 1941 г., в котором мы читаем: «*Voudrions avoir ici vos nouvelles contes et le petit roman*» (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. С. 70). Если первая часть комментария («Надо “nouveaux contes”» // Там же. С. 71) может подвергнуться сомнению, то вторая его часть воспринимается носителями французского языка как заведомо неправильная («но правильнее было бы “nouveaux récits”, так как “conte” значит “сказка” // Там же. С. 71»). В этом случае можно также предположить, что Берберова дает краткую литературоведческую характеристику бунинскому творчеству с уменьшительно-ласкательной окраской, выраженной по-французски нанизыванием синонимов и употреблением прилагательного «*petit*».

Бунин, в основном, был знаком близко или отдаленно с эмигрантскими авторами, пишущими или упоминающими о нем по-французски. Например, Буини знакомятся и общаются с Т.М. Бродской-Букуаран во время и после Второй мировой войны, но Бродская публикует в 1922 г. в журнале «Эроп нувель» (*«Europe nouvelle»*) статью «Русские писатели и революция» (*«Les écrivains russes et la révolution»*), в которой упоминается Бунин, стоящий между Д.С. Мережковским и А.И. Куприным в перечислении писателей, избравших Париж местом своего изгнанничества¹.

Статья «Великий прозаик: Бунин» А. Левинсона, опубликованная в газете «Комедья» за 1925 г., начинается с подробного анализа повести «Митина любовь», в которой жизнь, метафорически представленная весной, покрывается маской смерти в сознании главного героя, сравниваемого критиком для французского читателя с Раскольниковым и Анной Карениной. По сравнению с другими писателями, подчеркивается лаконичность бунинского стиля, отсылающего к характерным особенностям пушкинской поэтики². А. Левинсон называет этот текст антологией русского пейзажа, который ведет читателя к описаниям природы у И.С. Тургенева, созданным на французской чужбине. Творчество Бунина связывается эмигрантским критиком и с французской традицией, посредством «Воспитания чувств» Г. Флобера и «Жанны д'Арк» Ж. Мишле. В эссе «Мудрость Бунина» за 1927 г. А. Левинсон преподносит Бунина как писателя-классика, реализм которого опирается на материальную видимость. Его творчество характеризуется накладыванием мгновенно проходящего момента, мимолетного впечатления на вековечные базы

Если мы примем эту гипотезу, то тогда окажется, что синонимическое называние существительных *«nouvelles(-)contes»* («рассказики» или «рассказы-сказы»), эмоционально соответствующих словосочетанию *«petit roman»* («романчик»), устойчиво коллокационно употребляемых во французском языке и используемых в литературоведческой французской критике для обозначения термина «рассказ», интерпретируется как ошибочное написание словосочетания прилагательного с существительным *«nouveaux contes»* («новые рассказы»). Из этого вытекает то, что в перевод на русский язык вводится рема «новые», эксплицитно не обозначенная в письме Берберовой, и, соответственно, комментарий, вытекающий из перевода возможного существительного *«nouvelles»* («новелла/рассказ»), истолкованного как прилагательное *«nouveaux»* («новые»), приводит к двоякой интерпретации по-русски того, что в 1941 г. Берберова просила у Бунина присыпать ей новые рассказы. Заметим, что в письме к Берберовой и Н.В. Макееву от 21 января 1941 г. Бунин сам называет свои рассказы *«nouvelles»*: «J'ai écrit 12 nouvelles» (Там же. С. 68), а в следующем письме от 12 мая 1941 г. пишет: «J'ai écrit un nouveau petit roman» (Там же. С. 70); Берберова в письме от 11 июня 1941 г. только повторяет уже названные термины. Причем письмо Берберовой и В.А. Зайцевой к Буниним за 12 апреля 1942 г. снова содержит вocabулу *«conte»*: «Nous lisons nos contes» (Там же. С. 79). В письме к Бунину от 28 января 1944 г. Берберова, подразумевая присланные Б.К. Зайцеву новые рассказы, пишет: «о моих чувствах к Вам, о Ваших рассказах» (Там же. С. 91).

¹ Brodsky T. Les écrivains russes et la révolution // Europe nouvelle. 1922. 4 février. № 5. P. 139.

² Levinson A. Un grand prosateur: Bounine // Comœdia. 1925. 3 octobre. № 4669. P. 1.

бытия¹. В особенности, критик выделяет в бунинском творчестве тему любви и смерти, мотив возможной и нереализованной встречи, мотив тривиального в ужасном. Отметим, что в статье «Современные русские писатели — Иван Бунин» («Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine») переводчик первых книг писателя Морис Парижанин (Maurice Parijanine), псевдоним Мориса Донзеля (Maurice Donzel), выделяет также две главные составляющие бунинской поэтики: ненависть и любовь, противопоставляемые друг другу, но и взаимопреплетающиеся в творческом акте².

В литературной рубрике «Люди и книги» («Les Hommes et les livres») газеты «Кандид» («Candide») за 1926 г. Н.В. Брянчанинов, под псевдонимом Nicolas Brian-Chaninov³, уточняет, что творчество Бунина не имело особого успеха в начале XX в. из-за его постановки вопроса в описаниях деревенской среды, отличных от канонического представления русских крестьян⁴. В книге «Трагедия русской литературы» («La tragédie des lettres russes»), вышедшей в издательстве «Меркюр де Франс» в 1938 г., Н.В. Брянчанинов замечает, что из всех литератур у русской письменности самый трагический характер и самая трагическая судьба. Упоминание о Бунине находится в конце тома, где автор книги описывает противостояние реализма модернизму в начале XX в., выделяя трех главных писателей-реалистов: Горького, Куприна и Бунина в окружении Шмелева, Л. Андреева, Ремизова, Б. Зайцева и А. Толстого⁵.

В рубрике «Иностранные литературы» из «Нувель ревю франсез» («Nouvelle revue française») за 1933 г. Б. Шлётцер, возвращаясь к теме присуждения Нобелевской премии, уточняет, что внешний мир существует для Бунина не только в виде форм, цветов, запахов, вкусов, но также, и особенно, в телесном измерении. К внутреннему миру писатель приходит посредством мира внешнего и физической оболочки, и через эту характеристику ведется его противопоставление с поэтикой Ф.М. Достоевского и продолжение традиций художественной линии Л.Н. Толстого⁶.

В 1935 г. Зинаида Шаховская за подписью «Z.S.» публикует в рубрике русской словесности газеты «Индепенданс бельж» («Indépendance belge») обзор-

¹ Levinson A. La sagesse de Bounine // Comœdia. 1927. 16 janvier. № 5129. P. 3.

² Parijanine M. Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine // Humanité. 1922. 31 janvier. № 6521. P. 2.

³ Николай Валерианович Брянчанинов (1874–1943) — писатель и журналист, эмигрировавший во Францию и сотрудничавший в журнале «Иллюстрированная Россия». Здесь мы находим возможно лучшую звуковую адаптацию русской фамилии на французский язык. Можно также предположить отсылку к французскому писателю-эмигранту Ф. Шатобриану посредством слоговой инверсии: Brian-Chaninov — Chateaubriand.

⁴ Brian-Chaninov N. Les lettres russes dans l'émigration // Candide. 1926. 19 août. № 127. P. 3.

⁵ Brian-Chaninov N. La tragédie des lettres russes. Paris: Mercure de France, 1938. P. 133.

⁶ Schlætzer B. de. Ivan Bounine // Nouvelle revue française. 1933. 1 décembre. Vol. XLI. № 243. P. 921.

ную статью под названием «Иван Бунин. Его жизнь и его творчество» («*Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre*»)¹. Она перечисляет главные особенности бунинской поэтики: принятие своего литературного призыва, осознанного через осмысление творчества жизни и приуроченного к нему морального долга; обширные познания в деревенской жизни; понимание смерти, ведущееся через осмысление любви к жизни; музыкальность текстуры бунинских произведений; соотношение временного и вечного. Шаховская приводит два примера реализации ненависти в бунинском творчестве: личный дневник, написанный в революционные годы и опубликованный в изгнании под названием «Октябрьские дни», а также его основополагающую речь, произнесенную в 1924 г. в Париже, об исторической миссии русской эмиграции. «Жизнь Арсеньева» характеризуется критиком как выдуманная автобиография, затрагивающая темы внешнего взгляда на внутреннюю жизнь писателя, зарождения поэтического вдохновения, раздвоения поэтической личности на действующее лицо и мыслителя, а также на того, кто видит себя действующим и мыслящим.

Начиная свою справочную статью по эмигрантской литературе со сравнения французской и русской эмиграций, М. Алданов отмечает, что писатель-изгнаник Бунин, лауреат Нобелевской премии в 1933 г. и проживающий во Франции с 1920 г., относится к общерусской литературной традиции таким же образом, как Ф. Шатобриан — к французской. Классифицируя и выделяя писателей, пишущих о довоенной и предреволюционной жизни, Алданов перечисляет Бунина, И. Шмелева, Г. Гребенщикова и М. Осоргина. Религиозность является характерной чертой несоветской литературы, составитель статьи все же замечает, что она не характеризует творчество Бунина, Куприна и Сирина. По Алданову, именно в эмиграции Бунин создает свои лучшие произведения — «Жизнь Арсеньева» и «Митина любовь», его стиль став еще «более строгим, чистым и классическим»². Заключая справочную статью, Алданов приводит объективные доказательства хорошего приема эмигрантской литературы за границей: Бунин — единственный из русских писателей, получивших Нобелевскую премию уже в 1933 г., книги основных авторов эмиграции, таких как Бунин, Д. Мережковского, А. Куприна переведены и продолжают переводиться не менее, чем на двадцать языков мира.

Эмигрантская критика по-французски опирается на некоторые основные черты бунинского творчества: ведущее место Бунина в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира, а также основополагающая тема любви и смерти в творческом акте, позволяющая осмысливать онтологический смысл жизни.

¹ Z. S. <Шаховская З.А.> *Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre* // *Indépendance belge*. 1935. 3 avril. № 93. P. 6.

² Aldanov M. Les littératures non-soviétiques de langue russe // Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine. Paris: Comité de l'Encyclopédie française, 1936. V. 17, № 54. P. 5.

**По поводу статьи Н.К. Кульмана «Иван Бунин.
Его литературная деятельность во Франции»
(*«Ivan Bunin. Son activité littéraire en France», 1928*)**

В письме от 27 октября 1955 г. В.Н. Бунина, описывая Г.Н. Кузнецовой прошедший вечер по случаю 85-летия Бунина, отмечает: «Читала статью Ник~~олая~~ Карлов~~ича~~ Наталья Ивановна, 12 стр., но это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве»¹. В комментарии к этому предложению указывается, что статья Н.К. Кульмана о Бунине не публиковалась, и высказывается предположение о чтении текста одной из кульмановских лекций². Прибегая к тексту, существующему во французской эмигрантской критике, можно также предположить, что в письме речь идет о французской статье Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции».

17 марта 1928 г. Кульман (Nicolas Koulmann) произнес по-французски осеневополагающий доклад о творчестве Бунина в Сорбонне, в рамках Франко-славянской ассоциации Парижского университета. Статья по докладу была напечатана в журнале «Монд слав» (*«Monde slave»*) в мае 1928 г. под названием «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (*«Ivan Bunin. Son activité littéraire en France»*)³. В этом тексте Кульман начинает свои размышления с исторического противопоставления между французской и русской пореволюционной эмиграцией: первая волна русской эмиграции характеризуется своей повышенной интеллектуальной насыщенностью, по его словам, это был исход представителей русской интеллигенции, приверженцев свободы слова и эстетической красоты, желающих сохранить русскую литературную традицию. Исторический факт выбора Франции эмигрантскими писателями объясняется тесной взаимосвязью и влиянием французской литературы и философии на русскую словесность начиная с XVIII века. Цитируя важных представителей эмиграции: Бунина, Шмелева, Куприна, Мережковского, Б. Зайцева, Ремизова, Алданова, Бальмонта, Гиппиус, Тэффи и т.д., Кульман отмечает, что среди них Бунин занимает первое место, являясь прямым наследником по толстовской линии. Критик представляет бунинский художественный талант, ясность и элегантность его стиля, силу его описаний и тематическую множественность⁴. Черты тревожности, грусти и печальности навеяны в бунинской поэзии русской природой, но феномен тревожности проступает в ней не как отчаяние, а под видом сновидений: на тревожность наслаждаются чувства радости, возникающие как в предверии новой весны;

¹ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

² Там же. С. 328.

³ Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // Monde slave. 1928. № 4. P. 34–51.

⁴ Там же. С. 36.

биполярность тревожности/счастья выявляется же в бунинской поэзии как выражение русской души¹. В повести «Деревня» тревожность проявляется под видом профетического взгляда на особенный и противоречивый характер русской революции. По критику, основными темами бунинского творчества являются жизнь, мучения, страх смерти, тщетность человеческих начинаний, непрочность наслаждений жизнью, кратковременность счастья². Главная же его тема — взаимосвязь любви и смерти в призме категорий вечного и сверхъестественного, но в этой художественной призме смерть призвана лишь только оттенять ценность и красоту жизни. Начало рассказа «Цикады» предстает, таким образом, поэтическим символом жизни и смерти, слияния вечности и творческого таинства. Эта же и следующие за ней идеи уже были высказаны Кульманом в рецензии на данный рассказ, опубликованной в «Возрождении» в 1925 г.³

Считая вполне вероятным чтение данной статьи на вечере, посвященном бунинскому 85-летию, мы можем понять, что чтение происходит по-французски, и тогда становится понятной реплика В.Н. Буниной: «...это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве». Пробное чтение на французском языке оказывается не в соответствии с общей направленностью мемориального литературного вечера. Черты живого Бунина не передаются на французском языке, они могут быть оживлены только на родном наречии, посредством личных воспоминаний, а не скрупулезного анализа бунинского творчества. Поэтому В.Н. Бунина продолжает свое письмо словами: «Если доживу до будущего года, то попрошу и Вас, и Магду, и Федора, прислать по несколько страниц о живом Бунине»⁴. Заметим, что отрицательное мнение о французском языке как о неспособном выразить самую сущность вещей и как об уступающем по своей выразительности русскому языку отчасти присуще эмиграции. Например, в воспоминаниях Г.В. Адамовича о Бунине мы можем найти следующую бунинскую реплику: «— Вы, я слышал, сомневаетесь, не начать ли писать по-французски? <...> Пишите на том языке, с которым родились и выросли. Двух языков человек знать не может. Понимаете, знать, чувствовать всякую мельчайшую мелочь, всякий оттенок... Что, можете вы, например, подмигнуть читателю по-французски?»⁵. Или же другое замечание в переложении Адамовича по поводу того, что Андре Жид считает «Деревню» бунинским шедевром: «— Ну что же с француза спрашивать? Он умный старик, а всё-таки француз... Я как-то стал читать себя в переводе, а потом прочел Наживина, тоже в переводе.

¹ Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // Monde slave. 1928. № 4. С. 40.

² Там же. С. 44.

³ Кульман Н. «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. 17 декабря. № 198. С. 3–4.

⁴ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

⁵ Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 124.

Честное слово, никакой разницы!»¹. Мы также можем прочитать в письме В.Н. Буниной к Кузнецовой за 11 августа 1960 г.: «Писала ли я Вам, что Зика Шаховская получила *légion d'honneur*. Я спросила, за что. Она обиделась — “за 11 французских книг”, “за резистанс”»². Такое же мнение высказывается В.Н. Буниной о передаче иностранных статей и рецензий в СССР в уже выше цитированном письме.

Возвращаясь к Н.И. Кульман, можно заметить, что критические высказывания о ней уже присутствуют в письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 1 ноября 1954 г., в котором описывается выступление Н.И. Кульман на первом после кончины И.А. Бунина литературном вечере, посвященном его 84-летию: «выступила Н.К. Кульман, рассказала с чужих слов один эпизод, который, между нами, был так да не так: уже начинаются легенды»³.

Но возникает еще один вопрос, вопрос о несоответствии страниц в упомянутой статье: В.Н. Бунина упоминает в своем письме 12 страниц, а статья Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» насчитывает, все же, 16 страниц. Изучение данной статьи приводит нас к возможному текстологическому истолкованию: из 16 страниц статьи первые две и последние две страницы предназначались для французского читателя, они оказываются совершенно ненужными для эмигрантского слушателя, так как на первых двух страницах высказываются общие мысли об историко-литературном феномене русской эмиграции, а на последних двух бунинское творчество привязывается к французскому наследию и моральным ценностям. Таким образом, французское слагаемое эмигрантского быта может явиться достаточно существенным в истолковании литературных парадигм, присущих первой волне русской эмиграции.

Образ И.А. Бунина в «Панораме современной русской литературы» («Panorama de la littérature russe contemporaine», 1929) В.С. Познера

В книге «Панорама современной русской литературы» Владимир Познер (Vladimir Pozner), деля литературу рубежа XIX и XX в. на четыре составляющих, упоминает Бунина в первой части после М. Горького, в одной главе с В.Г. Короленко и А.И. Куприным, представляющей реалистическую школу с 1885 по 1905 гг. В главе о началах русской литературы рубежа веков Познер указывает на упадок реализма в начале XX в., несмотря на таланты таких

¹ Адамович Г. Бунин // Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 100.

² В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 11 августа 1960 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 538.

³ В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 1 ноября 1954 г. // Вып. III. С. 264.

писателей, как Короленко, Горького и Бунина¹. Изучая бунинское творчество, автор книги перечисляет сильные и слабые черты русского реализма: пристрастие к самоценным описаниям, деталям, точности, рационализму с легким налетом мистицизма, изучение характеров, структурированное развитие повествования. Все эти характеристики являются неоспоримыми принципами бунинского творчества. Познер называет наблюдение шестым чувством у Бунина, обладающего мастерством уникально точного определения: описательные бунинские картины сравниваются Познером с живописной техникой театрального художника М.А. Шишкова; в бунинской поэтике метафора и сравнение не преображают предмет, а точно определяют его место и характеристики. Следовательно, абсолютная власть над языком приводит у него к описаниям для описаний, и в этом он сближается с даром наблюдения, свойственного И. Тургеневу. Заметим, что в газете «Комедья» за 1922 г. Луи Лалуа (Louis Laloy; 1874–1944) за подписью L.L. публикует обзор новых публикаций русской литературы, в котором в первую очередь упоминает о творчестве Бунина, именуя его прямым последователем тургеневской линии².

По Познеру, бунинский рассказ состоит из статичностей: пейзажей, настурмортов и портретов. Движение и его кинетические составляющие не имеют места в бунинской поэтике, таким образом, жизнь у Бунина представляется недвижимой формой. Разрушающая дезинтеграция форм движет предметами, превращая точность в хаос. Статичность в описании персонажей заключается в том, что развитие героев изображается путем повествования о различных моментах в их жизни, без представления переходных моментов, как бы посредством кинематографического приема. Бунинский мир создан, главным образом, из предметов, он глубоко вещественен. Писатель констатирует сущность вещественного мира, предельно точно его описывая в пространственном, а не временном измерении. Критик приходит к выводу, что, по сравнению с Чеховым и Куприным, движущаяся и текущая жизнь отсутствуют в бунинском творчестве³.

Нarrативная динамика действия развивается вне рамок повествовательного пространства. Например, в текстах рассказов «Чаша жизни», «Грамматика любви», «Клаша» автор представляет читателю только результаты действий, в повести «Деревня» описываются герои, их жизненное пространство и природа, а стилистическая строгость и отсутствие движения в «Господине из Сан-Франциско» создают тяжелую атмосферу, подчеркивающую бесмысленность смерти. В поэтическом пространстве диалоги замещаются чередованием длинных монологов. Как замечает Познер, «люди у Бунина не действуют: они смотрят, слушают, размышляют, вспоминают и мало говорят»⁴.

¹ Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. Paris: Kra, 1929. P. 22–23.

² L. L. <Laloy L.> Littérature russe // Comœdia. 1922. 24 novembre. № 3630. P. 6.

³ Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. P. 144.

⁴ Там же. Р. 143.

Бунинская поэзия похожа на его прозу и обладает теми же характеристиками: языковые простота и совершенство, пристрастие к перечислениям и точности выражения, описательность. Бунин-поэт уклоняется от новшеств в поэзии и следует классическому метру, точным рифмам и точно определенным сюжетам.

Упоминая об эволюции реалистической школы в 1905–1914 гг., Познер говорит о двух столпах реализма, Горьким и Бунине, которых другие писатели-реалисты имитировали в эту эпоху¹. Анализируя литературную эпоху рубежа веков, противопоставляя реализм — модернизму и прозу — поэзии (наряду с «Петербургом» Белого и «Детством» Горького цитируется «Господин из Сан-Франциско»), Познер представляет Бунина как одного из ведущих романистов начала XX в., повлиявших на развитие постреволюционных писателей не только в Русском зарубежье, но и в Советской России². Например, прямое и незавуалированное описание народной жизни у Горького и Бунина оказало влияние на таких советских писателей, как Всеволод Иванов, Владимир Лидин и Борис Пильняк³.

В конце книги, делая беглый обзор литературы эмиграции, Познер упоминает Бунина наряду с Гиппиус, Мережковским, Куприным, Бальмонтом, Шмелевым, Б. Зайцевым, Вяч. Ивановым, Ходасевичем, Шестовым, Ремизовым, Цветаевой⁴. В последних строчках, дописанных в Париже в 1928 г., автор задается вопросом о будущем развитии русской литературы: пойдет ли развитие по горьковско-бунинской линии или другим путем (розановско-ремизовской линии, по линии Белого, Хлебникова и Пастернака или же по блоковско-есенинскому направлению)?⁵

В рецензии на «Панораму современной русской литературы», опубликованной в «Нувель ревю франсез» («Nouvelle revue française») за 1929 г., Б. Шлётцер не согласен с оценками Познера по поводу бунинского творчества. По мнению критика, Бунина нельзя ставить на один уровень с В. Короленко и А. Куприным, руководствуясь чисто эстетическим критерием, так как его место в истории русской литературы представляется более значительным и его влияние распространяется не только на эмигрантскую, но и советскую литературу⁶. В другой рецензии на книгу, вышедшей в «Меркюр де Франс» за 1930 г., Жан Шюзвиль относится достаточно критически к познеровским оценкам современной литературы⁷. Заметим, что в этом журнале за 1925 г.

¹ Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. P. 201.

² Там же. Р. 233.

³ Там же. Р. 359.

⁴ Там же. Р. 356.

⁵ Там же. Р. 364.

⁶ Schlaetzer B. de. V. Pozner. Panorama de la littérature russe // Nouvelle revue française. 1929. 1 décembre. T. XXXIII, № 195. P. 854.

⁷ Chuzeville J. V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine // Mercure de France. 1930. 15 juillet. T. CCXXI, № 770. P. 496–497.

Шюзвиль публикует статью-обзор русской поэзии, начиная с 1890 г., в которой он достаточно хвалебно упоминает о бунинском творчестве¹.

И.А. Бунин в свете литературоведческих размышлений Франко-русской студии

Франко-русская студия (*Studio franco-russe*) сыграла в конце 1920-х — начале 1930-х гг. достаточно важную роль в укреплении литературных связей между русской эмиграцией и французской литературной средой. В продолжении четырнадцати собраний, прошедших с 29 октября 1929 г. по 28 апреля 1931 г., имя Бунина произносится во время некоторых докладов, а также звучит в прениях. Например, на втором заседании 26 ноября 1929 г. писателя упоминает Ю.Л. Сазонова, его будущий биограф, в докладе «Влияние французской литературы на русских писателей, начиная с 1900 г.»², опубликованном в специальном выпуске «Кайе де ля кензен» (*«Cahiers de la quinzaine»*) за 1930 г.

Седьмое собрание, посвященное жанру романа начиная с 1918 г., прошло 29 апреля 1930 г. Тексты докладов Б. Кремье и В. Фохта, а также последующие дискуссии были напечатаны восьмом номере двадцатой серии «Кайе де ля кензен» (*«Cahiers de la quinzaine»*) за 5 мая 1930 г. В докладе «О некоторых аспектах русского романа начиная с 1918 г.» Всеволод Фохт (Wsevolod de Vogt) характеризует Бунина как мэтра среди современных русских писателей, между творчеством Д. Мережковского и М. Алданова. Философские подконтексты обнаруживаются и проникают в поэтическую ткань бунинских произведений незаметным для читателя образом. Писатель в особенности интересуется человеком в его конфронтации со стихией любви и смерти, поскольку в эти два предельных момента он раскрывает свою настоящую сущность, что позволяет художнику слова проникнуть в тайны и смысл бытия, чтобы найти оправдание человеческой жизни в вечности³. Спокойность же уступает место, в бунинской поэтике, тревожности из-за фатализма, присущего жизненному развитию в историческом процессе. Таким образом, ценность жизни понимается в художественном осмысливании черезсмертное состояние. Из этого вытекает, что целью бунинского искусства становится попытка примирить человека с природой и природу с божественным началом без прибегания к вере и религиозному мистицизму. В. Фохт отмечает, что бунинская вера

¹ Chuzeville J. La poésie russe de 1890 à nos jours // Mercure de France. 1925. 15 septembre. T. CLXXXII. № 654. P. 596–597.

² Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005 (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 64.

³ Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. P. 226.

не выходит за рамки смертной событийности и что его творчество решает проблемы гуманизма, а не христианства¹.

В прениях после доклада В. Познер высказывает мысль, что И. Бунин является великим писателем начала века, но не эмиграции². Выступая также против разделения русской литературы на две составляющие, эмигрантскую и советскую, он настаивает на том факте, что Бунин и Горький относятся к одной и той же литературе³. В. Фохт, вступая в полемику, замечает, что Познер в «Панораме современной русской литературы», цитируя эмигрантские издания, останавливается на 1920 г., не упоминая не только «Жизнь Арсеньева», но даже «Митину любовь» и «Солнечный удар»⁴.

Имя Бунина появляется также в рецензиях, посвященных литературным встречам Франко-русской студии. В отчете «Парижские вечера» («Soirées de Paris»), написанном В. Фохтом и вышедшем в журнале «France et monde» («France et monde»), говорится также о публикациях основных русских писателей, в особенности о четырех опубликованных по-французски книгах Бунина⁵. Упоминается тот факт, что писатель лучше всех понял душу русского народа еще в предвоенный период и что в своей прозе он исследует поэтические темы, присущие великим русским поэтам⁶.

В отклике на седьмое собрание, опубликованном в «Возрождении» 5 мая 1930 г., Л.И. Львов снова выделяет определяющую бунинское творчество тему, заключающуюся в переплетении любви и смерти⁷. В газете «Сегодня» за 12 сентября 1930 г. Ю. Фельзен в статье «Парижские встречи русских и французских писателей» пишет следующее об атмосфере франко-русских вечеров: «Часто бывают Бунин, Алданов и Зайцев. Можно наблюдать, как французы шепчутся о русских и russes о французах»⁸. И далее: «Фохт остановился на Бунинской Жизни Арсеньева, на последних произведениях Мережковского, Алданова, Зайцева, на творчестве некоторых молодых зарубежных беллетристов, в том числе Газданова и Сиринा»⁹.

Текстологический анализ некоторых малоизученных литературоведческих источников о творчестве Бунина на французском языке может приве-

¹ Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. P. 227.

² Les débats // Там же. Р. 232.

³ Там же. Р. 233.

⁴ Там же. Р. 248.

⁵ Vogt W. de. Soirées de Paris // France et monde. 1929. № 135. Р. 59.

⁶ Там же. Р. 61-62.

⁷ Львов Л.И. Роман после 1918 г. Встреча французских и русских писателей // Возрождение. 1930. 5 мая. № 1798. С. 3.

⁸ Фельзен Ю. Парижские встречи русских и французских писателей // Сегодня. 1930. 12 сентября. № 252. С. 5.

⁹ Там же.

сти нас к следующим заключительным размышлением. Несомненно, упоминание об этом писателе играет главенствующую роль во франкоязычной критической мысли русской эмиграции, проявляющейся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях, личных письмах и т.д. Критики эмиграции перенимают манеру письма по-французски, их литературные замечания переплатаются с философскими размышлениями и наполняются философскими подтекстом и глубиной, чрезвычайно свойственными французской критике. Таким образом, можно предположить, что вследствие тесного контакта с французской словесностью эмигрантская литературоведческая критика, в частности, обогащается приемом философского остранения, присущего литературоведческим размышлениям на французском языке. При чтении французских источников можно констатировать тот факт, что обобщенные, вычурные формулировки, свойственные французской критической мысли в целом, появляются и в суждениях о Бунине. Тема французского наследия и использования французского языка в творчестве Бунина и первой волны эмиграции в целом нуждается в дальнейших тщательных научных исследованиях.

Литература

- Адамович Г.* Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115–137.
- Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 317 с.
- И.А. Бунин.* Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 535 с.
- И.А. Бунин.* Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Научн. ред. серии О.А. Коростелев и Р. Дэвис / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводительные статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.
- Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2010. 926 с.
- Кривцова С.А.* Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: дис. ... к-та филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2008. 220 с.
- Кульман Н.* «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. 17 декабря. № 198. С. 3–4.
- Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. 551 с.
- Лъвов Л.И.* Роман после 1918 г. Встреча французских и русских писателей // Возрождение. 1930. 5 мая. № 1798. С. 3.
- Фельзен Ю.* Парижские встречи русских и французских писателей // Сегодня. 1930. 12 сентября. № 252. С. 5.
- Aldanov M.* Les littératures non-soviétiques de langue russe // Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine. Paris: Comité de l'Encyclopédie française, 1936. V. 17. № 54. P. 3–5.
- Brian-Chaninov N.* La tragédie des lettres russes. Paris: Mercure de France, 1938. 164 p.

- Brian-Chaninov N. Les lettres russes dans l'émigration // *Candide*. 1926. 19 août. № 127. P. 3.
- Brodsky T. Les écrivains russes et la révolution // *Europe nouvelle*. 1922. 4 février. № 5. P. 139–140.
- Chuzeville J. La poésie russe de 1890 à nos jours // *Mercure de France*. 1925. 15 septembre. T. CLXXXII. № 654. P. 577–618.
- Chuzeville J. V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine // *Mercure de France*. 1930. 15 juillet. T. CCXXI. № 770. P. C. 496–497.
- Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // *Monde slave*. 1928. № 4. P. 34–51.
- L. L. <Laloy L.> Littérature russe // *Comœdia*. 1922. 24 novembre. № 3630. P. 6.
- Levinson A. La sagesse de Bounine // *Comœdia*. 1927. 16 janvier. № 5129. P. 3.
- Levinson A. Un grand prosateur: Bounine // *Comœdia*. 1925. 3 octobre. № 4669. P. 1.
- Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. P. 93–99.
- Parijanine M. Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine // *Humanité*. 1922. 31 janvier. № 6521. P. 2.
- Pozner V. Panorama de la littérature russe contemporaine. Paris: Kra, 1929. 376 p.
- Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900// Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005 (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 63–72.
- Schlætzer B. de. Ivan Bounine // *Nouvelle revue française*. 1933. 1 décembre. Vol. XLI. № 243. P. 920–921.
- Schlætzer B. de. V. Pozner. Panorama de la littérature russe // *Nouvelle revue française*. 1929. 1 décembre. T. XXXIII, № 195. P. 853–855.
- Vogt W. de. Soirées de Paris // *France et monde*. 1929. № 135. C. 59–63.
- Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005 (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 224–250.
- Z. S. <Шаховская З.А.> Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre // *Indépendance belge*. 1935. 3 avril. № 93. P. 6.

References

- Adamovich G. Bunin. Vospominaniia [Bunin. Memoirs]. *Novyi zhurnal*, 1971, no 105, pp. 115–137. (In Russ.).
- Adamovich G. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom]. New York, Izd-vo im. Chekhova Publ., 1955. 317 p. (In Russ.).
- Aldanov M. Les littératures non-soviétiques de langue russe. *Encyclopédie française*, T. XVII, *Arts et littératures dans la société contemporaine*. Paris, Comité de l'Encyclopédie française Publ., 1936, v. 17. № 54. P. 3–5.
- Brian-Chaninov N. *La tragédie des lettres russes*. Paris, Mercure de France Publ., 1938, 164 p.
- Brian-Chaninov N. Les lettres russes dans l'émigration. *Candide*, 1926, 19 août, № 127, p. 3.

- Brodsky T. Les écrivains russes et la révolution. *Europe nouvelle*, 1922, 4 février, № 5, pp. 139–140.
- Chuzeville J. La poésie russe de 1890 à nos jours. *Mercure de France*, 1925, 15 septembre, T. CLXXXII, № 654, pp. 577–618.
- Chuzeville J. V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine. *Mercure de France*, 1930, 15 juillet, T. CCXXI, № 770, pp. 496–497.
- Fel'zen Iu. Parizhskie vstrechi russkikh i frantsuzskikh pisatelei [Russian and French writers meeting in Paris]. *Segodnia*, 1930, September 12, no 252, p. 5. (In Russ.).
- I.A. Bunin. *Novye materialy. Vyp. II* [New materials. Issue II]. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkij put' Publ., 2010. 535 p. (In Russ.).
- I.A. Bunin. *Novye materialy. Vyp. III: «... Kogda perepisyyayutsya blizkie lyudi».* Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [Ivan Bunin. New materials. Issue III: «...when close persons correspond»: Letters of Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov to Galina Kuznetsova and Margarita Stepun. 1934–1961]. Series eds. O. Korostelev and R. Davies, ed. by E. Ponomarev and R. Davies, articles by E. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.).
- Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina [A classic without retouching. The literary world about the works of Ivan Bunin], ed. by N.G. Mel'nikov. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 926 p. (In Russ.).
- Koulmann N. Ivan Bunin. Son activité littéraire en France. *Monde slave*, 1928, № 4, pp. 34–51
- Krivtsova S.A. *Lichnost'i tvorchestvo I.A. Bunina v ocenke francuzskoj kritiki: dis. ... k-ta filol. nauk* [The personality and works of Ivan Bunin by French critics: PhD thesis]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2008. 220 p. (In Russ.).
- Kul'man N. "Tsikady" Bunina. *Vozrozhdenie*, 1925, December 17, no 198, pp. 3–4. (In Russ.).
- Levinson A. La sagesse de Bounine. *Comædia*, 1927, 16 janvier, № 5129, p. 3.
- Levinson A. Un grand prosateur: Bounine. *Comædia*, 1925, 3 octobre, № 4669, P. 1.
- Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Moscow, Nauka Publ., 1973. Bk. 2. 551 p. (In Russ.).
- Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010, pp. 93–99.
- L'vov L.I. Roman posle 1918 g. Vstrecha frantsuzskikh i russkikh pisatelei [The novel after 1918. French and Russian writers meeting each other]. *Vozrozhdenie*, 1930, May 5, no 1798, p. 3. (In Russ.).
- Parijanine M. Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine. *Humanité*, 1922, 31 janvier, № 6521, p. 2.
- Pozner V. *Panorama de la littérature russe contemporaine*. Paris, Kra Publ., 1929. 376 p.
- Sazonova Iou. *L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900. Le studio franco-russe. 1929–1931*, Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005 (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 63–72.
- Schlötzer B. de. Ivan Bounine. *Nouvelle revue française*, 1933, 1 décembre, Vol. XLI, № 243, pp. 920–921.
- Schlötzer B. de. V. Pozner. Panorama de la littérature russe. *Nouvelle revue française*, 1929, 1 décembre, T. XXXIII, № 195, pp. 853–855.

Vogt W. de. *Quelques aspects du roman russe depuis 1918. Le studio franco-russe. 1929–1931*, Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005 (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 224–250.

Vogt W. de. Soirées de Paris. *France et monde*, 1929, № 135, pp. 59–63.

Z.S. <Shakhovskaya Z.A.> Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre, *Indépendance belge*. 1935, 3 avril, № 93, p. 6.

LITTLE KNOWN LITERARY CRITICISM OF IVAN BUNIN'S WORKS IN FRENCH IN THE CONTEXT OF RUSSIAN FIRST WAVE EMIGRATION

© 2019, SVETLANA GARZIANO

Abstract: Modern studies of the French criticism of Bunin's works were mainly conducted in three directions: literary criticism published by the French authors, single reviews of his works and the articles on occasion of the Nobel prize win. Our article aims to analyze previously not studied or little studied texts, that were written in French by the first wave emigration authors. It develops in four ways: interbellum emigration criticism of Bunin's works in French, N. Kulman's article "Ivan Bunin. Son activité littéraire en France" (1928), the image of Bunin in V. Pozner's book "Panorama de la littérature russe contemporaine" (1929) and in the context of literary thoughts expressed during the sessions of the Russian-French studio in Paris (October 1929 — April 1931). A review of the emigration criticism written in French allows us to reveal certain traits of Bunin's poetics, such as the leading role of the writer as a follower of realistic tradition and the Russian literary main stream in the emigrant literature; the excessive physicality and corporeality of Bunin's creative world; the basic theme of love and death giving life an ontological sense. Bunin is mentioned passim in the French-speaking criticism of Russian emigration (literary articles, reviews, books, reference articles, and personal letters).

Keywords: Ivan Bunin, French-speaking literary criticism, first wave of Russian emigration, André Levinson, Vladimir Pozner, Nicolas Koulmann, Wsevolod de Vogt, Boris de Schlötzer, Zinaïda Schakhovskoy, Nicolas Brian-Chaninov, Louis Laloy, Jean Chuzeville, Maurice Parijanine, Marc Aldanov.

Information about the author: Svetlana Garziano, PhD, Assistant Professor, Slavic Studies Department, Faculty of Languages, researcher, L'équipe MARGE, head of Maison des Langues, Jean Moulin Lyon 3 University. E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ ИВАНА БУНИНА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

© 2019, МАРЗИЕ ЯХЬЯПУР

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы перевода стихотворений И.А. Бунина на персидский язык на примере подготовленных автором статьи и изданных сборников: «Иван Бунин и мир Востока» (Тегеран, 2007), «Соловьи» (Тегеран, 2016), «Листопад» (2018).

Трудности при переводе стихов Бунина можно разделить на две категории: семантические и грамматические. Последние возникают из-за того, что грамматический строй русского и персидского языков очень сильно различается. В русском языке, в отличие от персидского, есть категория рода, склоняются существительные, прилагательные, местоимения, числительные и по-другому спрягаются глаголы. Чтобы понять смысл некоторых стихов, приходится сначала реконструировать их без инверсии, поставить вопросы к каждому слову.

Семантические сложности связаны с тем, что в поэтическом языке Бунина огромное количество сравнений, индивидуально-авторских новообразований, инверсий, иностранных слов и выражений. В его стихах много религиозных терминов и смысловых отсылок к сакральной истории человечества, названий исторических мест и событий, иногда упоминаемых только намеками, ассоциативно. В стихах Бунина о природе часто встречаются названия птиц и растений, которых обычно нет в русско-персидских словарях.

В статье рассматриваются сложные случаи перевода авторских метафор Бунина, религиозных терминов и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, аналоги которых отсутствуют в персидском языке.

Ключевые слова: И. Бунин, перевод, русский язык, персидский язык, стихи

Информация об авторе: Марзие Яхъяпур (Marzieh Yahyapour) — кандидат филологических наук, профессор Тегеранского университета (Иран), почётный член «Петербургского Общества Почитателей Ивана Бунина», почётный член «Бунинского общества России», главный редактор журнала ИАРЯЛ «Исследовательский журнал русского языка и литературы», Тегеран, Иран. E-mail: myahya@ut.ac.ir

Перевод является одним из средств экономической, политической, культурной связи между нациями. При этом литературный перевод является самым подходящим способом для создания отношений между людьми, так как взгляды, мысли и мнения одного народа другому лучше всего передаются именно языком художественной литературы.

Но сам процесс перевода художественных произведений с одного языка на другой порой вызывает значительные трудности, а некоторые нюансы оригинального текста вообще не поддаются переводу. Это проявляется на уровне лексико-семантических средств, фразеологических единиц, пословиц и поговорок, мифов, культурно-исторического контекста. Как показывает

анализ художественных переводов, особую трудность представляет сохранение динамики и красоты оригинального произведения.

Поэзия наиболее сложна и иногда неосуществима для перевода. Именно поэтому переводчиков поэзии значительно меньше, чем переводчиков художественной прозы.

Передать многозначный смысл стихотворения, поэтический строй, особенности стиля и иногда энергетику разных поэтов — сложнейшая задача при переводе. Очевидно, переводчики убеждены в том, что их труд поможет обогащению их собственной национальной литературы. Не случайно лучшие поэты России брались за переводы классической персидской поэзии и обогатили русскую литературу образами, созданными великими поэтами Ирана — такими как Фирдоуси, Хафиз, Саади, Хайям, Мовлана, Аттар, Джами и другие.

Перевод произведений русской художественной литературы на персидский язык (он же фарси) тоже имеет свою историю, которая насчитывает минимум полтора столетия. Переведены многочисленные произведения русских писателей и поэтов. И этот процесс постоянно продолжается. Только за последние десятилетия иранские переводчики не раз обращались к переводу поэзии таких авторов как Пушкин, Лермонтов, Есенин, Н. Гумилев, А. Ахматова и многие другие.

С произведениями Ивана Алексеевича Бунина, мыслителя, поэта и писателя с мировым именем, иранская публика также познакомилась благодаря переводам, хотя гораздо позже, чем с творчеством других известных русских поэтов.

Нам довелось быть переводчиком поэзии Бунина, с которой считаем необходимым знакомить будущих иранских русистов. В 2007 г. в Тегеране вышла моя книга «Иван Бунин и мир Востока» со смысловыми переводами более сорока его стихов восточной тематики. В 2016 г. в Тегеране вышел сборник «Соловьи» с переводом на фарси более семидесяти стихотворений Бунина (периода 1886–1899 гг.), осуществленном мной и профессором Тегеранского университета Дж. Карими-Мотахаром. В 2018 г. вышел сборник «Листопад» с переводом на фарси 50 стихотворений Бунина (периода 1900–1902 гг.).

В чем же состоят трудности перевода поэзии Бунина на персидский язык?

Поэтический язык Бунина чрезвычайно богат и метафоричен. В нем огромное количество сравнений, индивидуально-авторских новообразований, инверсий, иностранных слов и выражений. В его стихах много религиозных терминов и смысловых отсылок к сакральной истории человечества, названий исторических мест и событий, иногда упоминаемых только намеками, ассоциативно. В стихах Бунина о природе часто встречаются названия птиц и растений, которых обычно нет в русско-персидских словарях.

Любое новое слово и новая фраза — это новая задача для переводчика, и невозможно найти некий универсальный прием или общее решение для всех случаев. В то же время наиболее важной задачей при переводе остается

максимальная смысловая точность и верность оригинальному тексту в максимально возможной степени.

Перечислим несколько наиболее характерных сложностей перевода стихов И. Бунина на фарси.

Русский язык один из самых трудных языков в мире для восприятия иностранцами. Он сильно отличается от персидского языка своим грамматическим строем. В отличие от персидского, в русском языке есть категория рода, склоняются существительные, прилагательные, местоимения, числительные и по-другому спрягаются глаголы. Без досконального знания грамматики переводчик не сможет избежать неточностей. Например, очень трудно перевести на персидский смысл последней строфы стихотворения «**Отчего ты печально, вечернее небо?**» И. Бунина:

**И шумят тихим шумом вечерние волны
И баюкают песней своей
Одинокое сердце и грустные думы
В беспредельном просторе морей?**

1897

При работе над переводом сначала пришлось написать эти строки без инверсии:

*вечерние волны шумят тихим шумом и
баюкают своей песней В беспредельном просторе морей
Одинокое сердце и грустные думы*

А потом разбираться, что происходит, ставя вопросы. То есть:

Кто? — вечерние волны
Что делают? — шумят и баюкают — то есть усыпляют своей колыбельной песней

Кого? — одинокое сердце и грустные думы
Где? — в беспредельном просторе морей
Как? — тихим шумом

Религиозные слова и фразы

Сложность перевода с русского на персидский язык относится и к религиозным текстам. Вот, например, в стихотворении «**Ночь и день**» поэтом описывается ночное бдение с мыслями о вечном Боге и упоминается некая «Старая книга», но не говорится, какая именно:

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихом дрожащем огне:
**«Всё мимолётно — и скорби, и радость, и песни,
Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине».**

Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы к лазури зовут:
**«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного Бога поют!»**

1901

Цитаты Бунином взяты из Апокалипсиса, то есть из «Откровения Иоанна Богослова», которым заканчивается Новый Завет¹. Это позволяет понять, что в данном стихотворении под «Старой Книгой» поэт подразумевает Евангелие (Новый Завет).

В тот год (1901) Бунин увлекался поэтическими переводами из Апокалипсиса.

Позднее, во время своих путешествий на Восток, Бунин задумывается о поэтических переводах из Корана и книг шейха Саади Ширази.

Бунин использовал цитаты из Корана в качестве эпиграфа или внутри текста, чтобы выразить свои мысли и идеи, в целом ряде стихотворений: «Ко всемирь», «Ночь Аль-Кадра», «Тайна», «Тэмджид», «За измену», «Путеводные знаки», «Авраам», «Сатана Богу», «Птица», «Нищий» и многих других.

Из 114 сур Священного Корана 29 сур начинаются с шифрованных букв, а суры Аль-Бакара, Аль-Имран, Паук, Ар-Рум, Лукман, Ас-Саджда — с букв ЭЛИФ, ЛАМ, МИМ². Секрет этих букв еще не раскрыт. Бунин приводит эти буквы со ссылкой на Коран в качестве эпиграфа к стихотворению «Тайна».

ТАЙНА

Элиф. Лам. Мим.

Коран

Он на клинок дохнул — и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:
Под дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною резьбой.

¹ Манчук Г.Н. «Старую книгу читаю я в долгие ночи...» (2017, рукопись).

² Яхъяпур М. Обучение чтению Священного Корана. Иран: Центр редакции переводов священного Корана на иностранные языки, 1998. С. 56.

«Во имя Бога и Пророка.
 Прочти, слуга небес и рока,
 Свой бранный клич: скажи, каким
 Девизом твой клинок украшен?»
 И он сказал: «Девиз мой страшен.
 Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

«Элиф. Лам. Мим? Но эти знаки
 Темны, как путь в загробном мраке:
 Сокрыл их тайну Мохаммед...»
 «Молчи, молчи! — сказал он строго, —
 Нет в мире Бога, кроме Бога,
 Сильнее тайны — силы нет».

Сказал, коснулся ятаганом
 Чела под шелковым тюрбаном,
 Окинул жаркий Атмейдан
 Ленивым взглядом хищной птицы —
 И тихо синие ресницы
 Опять склонил на ятаган¹.

<1905>

Многие стихи Бунина обнаруживают, что, по его мнению, божественные религии, а именно Иудаизм, Христианство и Ислам, имеют один корень, но, с другой стороны, он понимает отличительные черты Ислама. В своих работах Бунин говорит о «человеке» в общем смысле, и для него не имеет никакого значения, какова его нация и религия. Для Бунина ценные нравственные черты и достоинства. Ерейка Сафия стала женой Пророка. В стихотворении «Магомет и Сафия» Бунин указывает на союз между божественными религиями.

МАГОМЕТ И САФИЯ

Сафия, проснувшись, заплетает ловкой
 Голубой рукою пряди чёрных кос:
 «Все меня ругают, Магомет, жидовкой», —
 Говорит сквозь слёзы, не стирая слёз.

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 314–315; Яхъянур М. Иван Бунин и мир Востока. 2-е изд. Тегеран: Тегеранский университет, 2015. С. 53–56.

Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг:
Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя,
Магомет — супруг»¹.

24.III.14

К трудностям перевода религиозных слов относятся и **разнообразные эквиваленты**.

Например, слова *церковь, церквишка, церковка; собор, молельня, часовня, храм, кирха, костел* в персидском языке обозначаются одним и тем же словом «*kalisa*» и на персидский язык переводятся одинаково, иногда с комментарием или прилагательным:

کلیسا -	<i>церковь</i>
کلیسای کوچک -	<i>маленькая церковь</i>
کلیسای کاتولیک -	<i>католическая церковь</i>
کلیسای جامع -	<i>всеобщая церковь</i>

Сам переводчик понимает разницу по контексту, но передать ее на фарси, не нарушая эстетики стихотворения, очень трудно.

Сложность представляет и **перевод уменьшительно-ласкательных слов и имен**.

Например, имя Анна в русском языке имеет следующие сокращенные формы: Аня, Анка, Анюта, Нюра, Нюта, Анюша, Нюша, Анёта, ласкательные формы: Анечка, Аннушка.

В персидском языке имена ласкательные переводятся одинаково:

آنچکا، آنونیش (Анияе назанин)

В персидском языке для выражения ласкательности при обращении добавляются слова **азизам, делбарам, назанинам, джанам** и др. Например, **Мариам джан!** или **Мариам-е азизам! / Мариамакам! /**.

Русский язык обладает большим количеством уменьшительных суффиксов. Для каждого русского уменьшительно-ласкательного суффикса нет эквивалента в персидском языке. Нюансы русских уменьшительно-ласкательных суффиксов часто непередаваемы на фарси, в некоторых случаях дословный перевод выглядит абсурдным. При переводе уменьшительных и ласкательных имен приходится давать сноску, что это уменьшительная или ласкательная форма от данного имени, а иногда нужно целым предложением обозначать то или иное значение.

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 105; Яхъяпур М. Иван Бунин и мир Востока. 2-е изд. Тегеран: Тегеранский университет, 2015. С. 76.

Таким образом, перевод поэзии Бунина, как и перевод русской поэзии вообще, требует от переводчика не только хорошего уровня владения русским языком — его грамматикой, лексикой, морфологией, но и достаточно глубокого знания культуры и истории России и мест, которые посетил поэт.

Литература

Бунин И.А. Соловьи: (Стихотворения 1886–1899) / Пер. на перс. М. Яхъяпур, Дж. Карими-Мотаххар. Тегеран: Джахад данешгахи Тегеран, 2016. 208 с. (На перс. яз.)

Бунин И.А. Листопад: (Стихотворения 1900–1902) / Пер. на перс. М. Яхъяпур. Тегеран, 2018. 172 с. (На перс. яз.)

Манчук Г.Н. «Старую книгу читаю я в долгие ночи...» (2017, рукопись, на англ. яз.).

Яхъяпур М. Обучение чтению Священного Корана. Иран: Центр редакции переводов священного Корана на иностранные языки, 1998. 80 с.

Яхъяпур М. Иван Бунин и мир Востока. Тегеран: Тегеранский университет, 2007. 205 с. (На перс. яз.)

References

Bunin I.A. *Solov'i: (Stihotvoreniya 1886–1899)* [Nightingales: (Poems 1886–1899)]. Transl. into Pers. by M. Yahyapur, J. Karimi-Motahhar. Tehran, Dzhahad daneshgahi Tehran Publ., 2016. 208 s. (In Persian)

Bunin I.A. *Listopad: (Stihotvoreniya 1900–1902)* [Fall of the leaves: (Poems 1900–1902)]. Transl. into Pers. by M. Yahyapur. Tehran, 2018. 172 s. (In Persian)

Yahyapur M. *Obuchenie chteniiu Sviashchennogo Korana* [Learning to read the Holy Quran]. Iran, Tsentr redaktsii perevodov sviashchennogo Korana na inostrannye iazyki Publ., 1998. 80 p. (In Russ.)

Yahyapur M. *Ivan Bunin i mir Vostoka* [Ivan Bunin and the world of the East]. Tehran, University of Tehran, 2007. 205 p. (In Persian)

THE DIFFICULTIES IN TRANSLATING THE POETRY OF IVAN BUNIN INTO PERSIAN

© 2019, MARZIE YAHYAPUR

Abstract: The article deals with the problems arising in translation of Bunin's poems into Persian, with examples taken from the translations prepared by the author of the article, that were subsequently published: "Ivan Bunin and the World of the East" (Tehran, 2007), "Nightingales" (Tehran, 2016), and "Listopad" (2018).

The difficulties in translating Bunin's poems can be divided into two categories: semantic and grammatical. The latter arise from the fact that the grammatical structure of

the Russian and Persian languages is very different. In Russian, unlike Persian, there is a category of gender, the nouns, adjectives, pronouns, and numerals have declination, and verbs are conjugated differently. In order to understand the meaning of some poems, you must first reconstruct them without inversion, put questions to each word.

Semantic difficulties are connected with the fact that in Bunin's poetic language there is a huge amount of comparisons, individual authorial neoplasms, inversions, foreign words and expressions. In his poems one can find many religious terms and semantic references to the sacred history of mankind, the names of historical sites and events, sometimes only hinted at, or connected by association. In Bunin's poems about nature, the names of birds and plants are often found, which are usually not found in Russian-Persian dictionaries.

The article deals with complex cases of translation of author's metaphors of Bunin, religious terms and words with diminutive suffixes, that have no counterparts in the Persian language.

Keywords: Ivan Bunin, translation, Russian, Persian, poems.

Information about the author: Marzieh Yahyapour, Candidate of Philology, Professor at University of Tehran (Iran), Honorary Member of the St. Petersburg Society of Fans Ivan Bunin, Editor-in-Chief of the IARAL Journal, Russian Language and Literature Research Journal, Tehran, Iran, E-mail: myahya@ut.ac.ir

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА БУНИНА В ИРАНЕ

© 2019, ДЖАНОЛАХ КАРИМИ-МОТАХХАР

Аннотация: Произведения русских писателей XIX в. занимают важное место в Иране. Однако переводов произведений русских писателей XX в. недостаточно для того, чтобы дать по-настоящему полное представление персидским читателям о русской литературе XX в.

Творчество И.А. Бунина вызывает повышенный интерес иранских читателей в начале нового тысячелетия. Особенно популярны те его произведения, в которых представлен культурный и религиозный мир Востока. Очевидно, здесь возникает эффект транскультурной близости — читатели чувствуют, что Бунин описывает восточные реалии не как некую занимательную экзотику, а видят себя сопричастным исламскому миру, глубоко восприняв его культуру.

Творчество И.А. Бунина было практически неизвестно в Иране на протяжении всего XX в. Открытие И.А. Бунина как классика русской и мировой литературы произошло здесь только в конце XX — начале XXI вв. благодаря иранским поклонникам русской поэзии и прозы. Своим первым знакомством с творчеством И.А. Бунина иранские читатели обязаны переводам Мусы Бидаджа и Марзие Яхъяпур. В 1999 г. Муса Бидадж перевел на персидский язык книгу египетского писателя Макарема Аль-Гомри «Влияние персидской культуры на русскую литературу», где анализируются, помимо прочего, восточные мотивы в творчестве И.А. Бунина на примере нескольких его стихотворений, переведенных на персидский через язык-посредник (арабский).

Сейчас можно уверенно сказать, что в Тегеранском университете сложилась своя собственная школа буниноведения.

Ключевые слова: Бунин, переводы Бунина, буниноведение в Иране.

Информация об авторе: Джанолах Карими-Мотаххар — профессор Тегеранского университета (Иран), председатель «Иранской ассоциации русского языка и литературы», почётный член «Петербургского Общества Почитателей Ивана Бунина», почётный член «Бунинского общества России», Тегеран, Иран. E-mail: jkarimi@ut.ac.ir

Еще в XVIII в. иранские читатели познакомились с русской культурой и литературой. Корифеи иранского просветительства всегда ездили в Россию по разным вопросам. Так, например, Мухаммед бен Мухаммед Мохсен Ашрафи, посланник Муртазы Кули-Хана (брата Ага Мухаммед-шаха Каджара, основателя династии Каджаров) в конце XVIII в. отправляется в Петербург ко двору Екатерины II за помощью для восхождения Муртазы Кули-хана на трон в Иране. О своей поездке в Россию он пишет в книге «Шахнаме Екатерины». В ней иранский посланник хвалит Екатерину II, хорошо отзыается о ситуации России под ее управлением, с восторгом пишет о ее реформах в области образования и градостроения, об устройстве больниц в России, о красоте ее

городов, особенно Петербурга. Эта книга в 1793 г. была опубликована в Петербурге на двух языках — русском и персидском¹.

Произведения русских писателей занимают важное место в Иране. Иранская образованная публика всегда проявляла живой интерес к творчеству русских классиков, таких как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький. Иранские писатели использовали достижения русских художников слова в своем оригинальном творчестве. Можно согласиться с суждением А.З. Розенфельда о том, что «многие проблемы, оказавшиеся в центре внимания русской классики XIX — XX веков, нашли благодатную почву в Иране и в той или иной форме легли в основу ряда оригинальных и самобытных произведений национальной литературы»².

По сей день наибольшим спросом у иранских читателей пользуется творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. В произведениях Достоевского иранцев привлекает духовная напряженность — художественная, философская, религиозная, свойственная мысли великого русского писателя. Произведения Достоевского не только расширили представления иранцев о русской литературе, но и обогатили саму духовную жизнь иранского общества³.

В произведениях Льва Толстого иранцев привлекают титанизм мысли и грандиозность идей, вселенская глубина его нравственной философии, признание единого источника Божественной мудрости.

В Чехове иранцев привлекают лаконичность, изящество, легкость письма, а также свойственная иранскому национальному характеру ироничность. И в то же время краткая шутливая форма чеховских рассказов позволяет показать трагедию «маленького человека», обличить чинопочитание и корысть, ложь, лицемерие и другие неистребимые пороки людей в любом обществе⁴.

Творчество этих трех писателей, наряду с творчеством Пушкина и Лермонтова, тщательно изучается в иранских университетах, произведения многократно переводятся и переиздаются.

Русская литература XX в., конечно, тоже оказалась доступна иранской публике благодаря тому, что были переведены произведения М. Горького, М. Шолохова, В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Набокова, А. Солженицына и других крупнейших писателей. Их также изучают в иран-

¹ Аирафи Мухаммед бен Мухаммед Мохсен. Шахнаме Екатерины, Петербург, 1793. С. 4–5. (В 2015 г. она с вступительным словом Маджида Голами Джалисеха и Мухаммеда Джавада Ахмединия была переиздана в Тегеране. 184 с.).

² Розенфельд А.З. Проза Пушкина на персидском языке // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 382–390.

³ Комиссаров Д.С. Русская классика в Иране // Русская классика в странах Востока. М.: Наука, 1982. 251 с.

⁴ Розенфельд А.З. Проза Пушкина на персидском языке // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 382–390.

ских университетах, им посвящены монографии и критические статьи. Однако в целом русская литература XX в. в переводах на персидский представлена значительно хуже, чем классика XIX в., что мешает дать по-настоящему полное представление о русской литературе XX в.¹

Имя Ивана Бунина, крупнейшего русского писателя XX в., долгое время оставалось неизвестным широкой иранской публике. Переводы его произведений появились в Иране только в самом конце XX столетия. Литературовед Геннадий Манчук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств и председатель Петербургского общества ценителей творчества Бунина, объясняет это «исторически объективными причинами, вызвавшими в русской литературе раскол на два лагеря — русское зарубежье и советскую литературу, а также субъективными особенностями в самом иранском литературном мире»².

Но, едва проникнув в Иран, творчество Бунина стало настоящим открытием и для писателей, и для литературоведов, и для читателей. Особенно популярными сразу стали те произведения Бунина, в которых представлен культурный и религиозный мир Востока. Как известно, Бунин совершил несколько путешествий на Восток — в Турцию, Сирию, Палестину, Египет. И хотя Бунин не был в Иране, он воспел розы Шираза, вершины Эльбурса, Заветы Саади и дух Истины, заключенный в Коране. Растворяющаяся популярность Бунина в Иране не случайна. Очевидно, здесь возникает эффект транскультурной близости — читатели чувствуют, что Бунин описывает восточные реалии не как некую занимательную экзотику, а видят себя сопричастным исламскому миру, глубоко восприняв его культуру.

Открытие И.А. Бунина как классика русской и мировой литературы произошло благодаря иранским поклонникам русской поэзии и прозы. Своим первым знакомством с творчеством Ивана Бунина иранские читатели обязаны переводам Мусы Бидаджа и Марзие Яхъяпур. В 1999 г. Муса Бидадж перевел на персидский язык книгу египетского писателя Макарема Аль-Гомри «Влияние персидской культуры на русскую литературу», где анализируются, помимо прочего, восточные мотивы в творчестве И.А. Бунина на примере нескольких его стихотворений, переведенных на персидский через язык-посредник (арабский)³.

В 2007 г. Марзие Яхъяпур написала монографию «Иван Бунин и мир Востока», где она сделала комментированный перевод 31 стихотворения (во втором издании — 49), а также рассказов «Господин из Сан-Франциско» и «Смерть Пророка». В 2016 г. Марзие Яхъяпур в соавторстве со мной выпустила книгу «Соловьи», в которую вошли 72 стихотворения Бунина.

¹ Дорри Д.Х. Персидская литература XX века. М.: Муравей, 2005. 192 с.

² См.: <http://www.iarll.ir>

³ Аль-Гомри М. Влияние персидской культуры на русскую литературу / пер. с арабского Мусы Бидаджа. Тегеран, 1999.

В 2018 г. вышла ее книга «Листопад», в которую включены переводы 50 стихотворений Бунина периода 1900–1902 гг. В целом Марзие Яхъяпур перевела с русского на персидский язык 171 стихотворение Бунина¹.

Профессор М. Яхъяпур ввела изучение творчества И.А. Бунина в учебную программу для студентов кафедры русского языка в Тегеранском университете и в качестве рекомендации — в программу по русской литературе всех других университетов, которые входят в Иранскую Ассоциацию русского языка и литературы. Произведения Бунина вызывают неподдельный интерес у иранских студентов и аспирантов. К настоящему времени около 10 из них выбрали темой своих дипломных и докторских работ исследование разных сторон творчества Ивана Бунина. Сейчас можно уверенно сказать, что в Тегеранском университете сложилась своя собственная школа буниноведения. В Иране стали проводиться международные бунинские конференции.

Работы М. Яхъяпур и других иранских писателей о творчестве И. Бунина:

- 1) Яхъяпур М. Доклад «Речь Шейха Саади в творчестве Ивана Бунина» на международной научной конференции «Металингвистическая составляющая инновационных образовательных программ подготовки переводчиков» (Москва, МГЛУ, 2008. Не опубликован).
- 2) Яхъяпур М. Анализ рассказа «Смерть пророка» И. Бунина в аудитории Тегеранского университета // XI Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. М.: МГПУ, 2009. С. 28–32. (На рус. яз.).
- 3) Яхъяпур М. Отражение рассказов Саади в рассказах «Тень птицы» и «Смерть пророка» русского писателя XX века И. Бунина // Сборник тезисов докладов научной конференции «Сравнительное литературоведение и его перспективы». Тегеран, Иран, 13 июня 2012 г. Университет Шахид Бехешти. Тегеран, 2012. С. 31. (На перс. яз.).
- 4) Яхъяпур М. Мудрость Шейха Саади в речи русских писателей (на примере творчества И. Бунина) // VI International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism, Грузия. Тбилиси, 2012. С. 225–226. (На рус. яз.).
- 5) Яхъяпур М. Наследие Шейха Саади в контексте русской художественно-философской мысли (на примере творчества И. Бунина) // Материалы Международной научно-практической конференции «Роль русского языка в межкультурном диалоге: Россия и персоязычные страны мира (Афганистан, Таджикистан и Иран)». Душанбе, Таджикистан. 22–27 сентября 2013. Душанбе, 2013. С. 163–165. (На рус. яз.).
- 6) Яхъяпур М. Мусульманский мир в творчестве великих русских писателей // Вопросы языковедения в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. Пермь, 2007. С. 138–149. (На рус. яз.).

¹ Яхъяпур. М. Иван Бунин и мир Востока. Тегеран: Тегеранский университет, 2007. 205 с. (На перс. яз.); Бунин И.А. Соловьи: (Стихотворения 1886–1899) / Пер. на перс. М. Яхъяпур, Дж. Кари-ми-Мотаххар. Тегеран: Джакад данешгахи Тегеран, 2016. 208 с. (На перс. яз.); Бунин И.А. Листопад: (Стихотворения 1900–1902) / Пер. на перс. М. Яхъяпур. Тегеран, 2018. 172 с. (На перс. яз.)

- 7) Яхъяпур М. Изучение воздействия коранических и восточных мотивов на поэзию И. Бунина // Магалат и барресиҳа. Факультет теологии и исламского учения Тегеранского университета. Тегеран, 2005. № 1(77). С. 131–152. (На перс. яз.).
- 8) Яхъяпур М. Жизнь и смерть в рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско» // Пажухеш забанхае ҳареджи. Тегеранский университет. Тегеран, 2006. № 28. С. 197–211. (На перс. яз.).
- 9) Яхъяпур М. Ислам и Пророк Мухаммад в творчестве русских писателей // Фаслнаме моталеат Русие, Асияе маркази ва Гафгаз. Тегерен, 2006. № 2. С. 35–49. (На перс. яз.).
- 10) Яхъяпур М. Место Саади в русской литературе. (Воздействие драгоценных слов Шейха Саади на творчество великого русского поэта И. Бунина) // Журнал Факультета литературы и гуманитарных наук Исфаханского университета. Исфахан, 2008. № 52. С. 1–14. (На перс. яз.).
- 11) Яхъяпур М. Вдохновение ширазских поэтов (Саади и Хафиза) в русской поэзии // Пажухеш забан ва адабият фарси Пажухешгах улум енсанӣ ва моталеат еҷтемаӣ Джаҳад данешгахи. Тегеран, 2018. С. 163–184. (На перс. яз.).
- 12) Яхъяпур М. Место «Голестан» Шейха Саади в творчестве Ивана Бунина // Сборник тезисов докладов Международной научной конференции «День поэзии» (21 March International Poem Day). Шираз, 2008. С. 39–40. (На перс. яз.).
- 13) Яхъяпур М. Бунин И.А. Листопад: (Стихотворения 1900–1902) / Пер. на перс. Тегеран, 2018. 172 с. (На перс. яз.).
- 14) Яхъяпур М. и Дж. Карими-Мотаххар. Бунин И.А. Соловьи: (Стихотворения 1886–1899) / Пер. на перс. Тегеран: Джаҳад данешгахи Тегеран, 2016. 208 с. (На перс. яз.).
- 15) Аль-Гомри М. Влияние персидской культуры на русскую литературу / пер. с арабского Мусы Бидаджа. Тегеран, 1999. 297с. (На перс. яз.).
- 16) Аташбараб X.-Р. и Шахаб Б. «Господин из Сан-Франциско» и другие рассказы. Тегеран: Ней, 2005. 272 с. (На перс. яз.)
- 17) Каримираби Э. Восточная лирика И.А. Бунина: истоки, произведения, образы // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 73–78.
- 18) Каримираби Э. Стихия огня / света в восточной лирике И. Бунина // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 230–236.
- 19) Каримираби Э.М. Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока: дисс. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. 188 с.

Творчество Бунина объединяет людей разных стран, разных религий, разных политических взглядов, так как для писателя, прежде всего, была важна личность — Вселенная, заключенная в человеческом сердце. И этим он как бы продолжает традицию великих персидских классиков, столь ценимых им: «в стихотворении “Завет Саади” Бунин в форме поэтического перевода привел наиболее полюбившиеся ему строки:

*Будь щедрым, как пальма. А если не можешь,
То будь стволом кипариса, прямым и простым — благородным*¹.

¹ См.: <http://www.iarll.ir>

Литература

- Аль-Гомри М.* Влияние персидской культуры на русскую литературу / пер. с арабского Мусы Бидаджса. Тегеран, 1999. 297с.
- Ашрафи Мухаммед бен Мухаммед Мохсен.* Шахнаме Екатерины, Петербург, 1793. (переиздана в 2015 г. в Тегеране. 184 с.)
- Бунин И.А.* Соловьи: (Стихотворения 1886–1899) / Пер. на перс. М. Яхъяпур, Дж. Карими-Мотаххар. Тегеран: Джахад данешгахи Тегеран, 2016. 208 с. (На перс. яз.).
- Бунин И.А.* Листопад: (Стихотворения 1900–1902) / Пер. на перс. М. Яхъяпур. Тегеран, 2018. 172 с. (На перс. яз.).
- Дорри Д.Х.* Персидская литература XX века. М.: Муравей, 2005. 192 с.
- Каримираби Э.* Восточная лирика И.А. Бунина: истоки, произведения, образы // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 73–78.
- Каримираби Э.* Стихия огня / света в восточной лирике И. Бунина // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 230–236.
- Каримираби Э.М.* Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока: дисс. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. 188 с.
- Комиссаров Д.С.* Русская классика в Иране // Русская классика в странах Востока. М.: Наука, 1982. 251 с.
- Розенфельд А.З.* Проза Пушкина на персидском языке // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 382–390.
- Яхъяпур М.* Литература персидского и русского зарубежья и ее история // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 128–131.
- Яхъяпур М.* Отражение иранской природы в творчестве Ивана Бунина // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 133–136.
- Яхъяпур М.* Тема родины в «Окайенных днях» И.А. Бунина и «Чудеса в решете» Мохаммада Али Джамаль-заде // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (63). С. 136–141.
- Яхъяпур М.* Иван Бунин и мир Востока. Тегеран: Тегеранский университет, 2007. 205 с. (На перс. яз.).

References

- Al'-Gomri M. *Vlijanie persidskoj kul'tury na russkuju literaturu* [Influence of Persian culture on the Russian literature]. Transl. from Arab. by Musa Bidaj. Tehran, 1999. 297s.
- Ashrafi Muhammed ben Muhammed Mohsen. *Ekaterina's shahname*, Saint Peterburg, 1793. (repr. in Tehran in 2015. 184 p.)
- Bunin I.A. *Solov'i: (Stihotvorenija 1886–1899)* [Nightingales: (Poems 1886–1899)]. Transl. into Pers. by M. Yahyapur, J. Karimi-Motahhar. Tehran, Dzhahad daneshgahi Tehran Publ., 2016. 208 s. (In Persian)
- Bunin I.A. *Listopad: (Stihotvorenija 1900–1902)* [Fall of the leaves: (Poems 1900–1902)]. Transl. into Pers. by M. Yahyapur. Tehran, 2018. 172 s. (In Persian)
- Dorri D.Kh. *Persidskaia literatura XX veka* [Persian literature of the twentieth century]. Moscow, Muravei Publ., 2005. 192 p. (In Russ.)

Karimiriabi E. Stikhia ognia / sveta v vostochnoi lirike I. Bunina [The element of fire / light in the oriental lyrics of Ivan Bunin]. *Filologiya i kul'tura*, 2015, no 1 (39), pp. 230–236. (In Russ.)

Karimiriabi E. Vostochnaia lirika I.A. Bunina: istoki, proizvedeniia, obrazy [Oriental lyrics by Ivan Bunin: origins, works, images]. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2015, no 4 (251), pp. 73–78. (In Russ.)

Karimiriabi E.M. *Misticheskoe v lirike I.A. Bunina v kontekste filosofskoi estetiki Vostoka: diss. ... kand. filol. nauk* [Mystical in the lyrics of Ivan Bunin in the context of the philosophical aesthetics of the East: PhD thesis]. Kazan', Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet Publ., 2015. 188 p. (In Russ.)

Komissarov D.S. Russkaia klassika v Iran'e [Russian classics in Iran]. *Russkaia klassika v stranakh Vostoka* [Russian classics in the countries of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 251 p. (In Russ.)

Rozenfel'd A.S. Proza Pushkina na persidskom iazyke [Pushkin's prose in Persian]. *Pushkin i mir Vostoka* [Pushkin and the world of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 382–390. (In Russ.)

Yahyapur M. *Ivan Bunin i mir Vostoka* [Ivan Bunin and the world of the East]. Tehran, University of Tehran, 2007. 205 p. (In Persian)

Yahyapur M. Literatura persidskogo i russkogo zarubezh'ia i ee istoriia [Persian and Russian foreign literature and its history]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2017, no 2, pp. 128–131. (In Russ.)

Yahyapur M. Otrazhenie iranskoi prirody v tvorchestve Ivana Bunina [The reflection of Iranian nature in the works of Ivan Bunin]. *Evraziiskii vestnik gumanitarnykh issledovanii*, 2015, no 1 (2), pp. 133–136. (In Russ.)

Yahyapur M. Tema rodiny v «Okaiannykh dniakh» I.A. Bunina i «Chudesa v reshete» Mokhammada Ali Dzhamal'-zade [The theme of the homeland in the “Cursed Days” of Ivan Bunin and “Wonders in a Sieve” by Mohammad Ali Jamal-zade]. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2017, no 3 (63), pp. 136–141. (In Russ.)

THE PLACE AND SIGNIFICANCE OF THE WORKS OF IVAN BUNIN IN IRAN

© 2019, JANOLAH KARIMI-MOTAHHAR

Abstract: Works of Russian writers of the 19th century occupy a significant place in Iran. However, there are not enough translations of works of Russian writers of the 20th century to paint a complete picture of 20th century Russian literature for the Persian readers.

Ivan Bunin is an outstanding Russian writer of the twentieth century, whose works arouse increased interest of Iranian readers at the beginning of the new millennium. His works that represent the cultural and religious world of the East are especially popular. Obviously, a transcultural proximity effect can be detected here — the readers feel that Bunin doesn't describe the oriental realities as a kind of entertaining exotic, but rather feels himself a part of the Islamic world, deeply embracing its culture.

Works of Ivan Bunin were virtually unknown in Iran throughout the 20th century. Ivan Bunin appeared as a classical writer of Russian and world literature only at the end of the 20th and the beginning of the 21st century in Iran thanks to Iranian fans of Russian poetry

and prose. Musa Bidaj and Marzie Yahyapur were the first translators of his works. In 1999, Musa Bidaj translated into Persian a book by the Egyptian writer Makarem Al-Gomri, "The Influence of Persian Culture on Russian Literature", which analyzes, among other things, oriental motifs in the works of Ivan Bunin on the example of several of his poems translated into Persian through the intermediate language (Arabic).

Now the Tehran University has its own school of Bunin studies.

Keywords: Bunin, translations of Bunin, Bunin studies in Iran.

Information about the author: Janolah Karimi-Motahkhar, Professor of Tehran University (Iran), Chairman of the Iranian Association of Russian Language and Literature, Honorary Member of the St. Petersburg Society of Ivan Bunin's Admirers, Tehran, Iran. E-mail: jkarimi@ut.ac.ir

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА БУНИНА В БЕЛОРУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2019, И.Б. ЛАПТЕНОК

Аннотация: Статья посвящена вопросам осмысления традиций И.А. Бунина в белорусской литературе. В ней рассмотрены актуальные аспекты интерпретации концепции произведений Бунина в гуманистической и патриотической позиции белорусских прозаиков (М. Горецкого, Я. Коласа и др.), проанализирован «бунинский элемент» в поэзии М. Богдановича, определена специфика отражения его творчества в белорусских переводах. Путем изучения особенностей восприятия, репрезентации и интерпретации творческого наследия Бунина показано его значение для развития белорусской культуры.

Ключевые слова: литературный процесс, литературные связи, репрезентация, интерпретация, типологическая общность, литературная традиция, художественный перевод.

Информация об авторе: Ирина Брониславовна Лаптенок — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе, УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Беларусь. E-mail: laptenokirina@tut.by

Сложный процесс постоянного взаимообогащения литератур оказывает существенное воздействие на эволюцию мирового литературного процесса, становление каждой из литератур, участвующих в коммуникационном обмене. Литературно-творческие связи и художественный перевод способствуют обогащению национальных литератур.

Значимое место в развитии русско-белорусских литературных связей принадлежит И.А. Бунину. Об этом свидетельствуют исследования, посвященные связям писателя с белорусской землей, изучению влияния его творчества на развитие белорусской литературы, а также издания его произведений в Беларуси на языке оригинала и в переводе.

Как известно, с 1955 г. Бунин являлся самым издаваемым в СССР писателем. Его произведения, пользующиеся большим читательским спросом, публиковались огромными тиражами. Несмотря на то, что белорусский читатель, свободно владеющий русским языком, имел возможность знакомиться с произведениями Бунина по многочисленным российским изданиям (только в 1980-е гг. в Москве было издано три собрания его сочинений), в Беларуси, начиная с 1970-х гг., печатаются сборники избранных произведений писателя, подготовленные национальными издательствами — «Мастацкая літаратура», «Вышэйшая школа», «Юнацтва» и др. С этого времени начинается последовательное изучение его творческой личности, связей с предшественниками, современниками и последователями.

1990-е гг. характеризовались наибольшей исследовательской активностью белорусского контекста наследия Бунина. Появились обобщающие исследования, посвященные историко-литературному и критико-биографическому анализу художественной проблематики наследия русского классика (А. Бабореко, В. Люкевич, В. Нефедов, В. Коваленко и др.). Акцент в данных исследованиях сделан на изучении художественной индивидуальности писателя с целью постижения эстетического, морального и социального содержания наследия, особенностей поэтики в национальной духовной традиции.

С целью устранения лакун в восприятии студентами наследия Бунина в Беларуси в Минском институте культуры (в настоящее время — Белорусский государственный университет культуры и искусств) по курсу «Русская литература второй половины XIX — начала XX века» было разработано учебно-вспомогательное пособие для студентов «Бунин как художник» (1992), задачей которого обозначен «анализ творческого самосознания Бунина в его важнейших аспектах при тщательном учете тех из них, которые по настоящее время вызывают противоречивые суждения»¹.

Важным аспектом в изучении творческой личности писателя литературоведами являлось изучение связей Бунина с белорусской землей. Публикации 1970–1990-х гг. в печати (А. Бабореко, С. Букчина, В. Нефедова, М. Ткачева, В. Коваленко и др.). открыли читателям уникальные факты белорусского контекста наследия классика. Наибольшее количество литературно-критических работ посвящены теме путешествий Бунина по белорусским городам (Полоцк, Витебск, Смоленск).

Особое внимание удалено влиянию белорусской действительности на творческие искания писателя — отражение в автобиографической повести «Жизнь Арсеньева» и стихотворении «Князь Всеслав» представлений писателя о Полоцке, написание стихотворения «В костеле» по мотивам пребывания в Витебске и др. Акцент исследователей был сделан на плодотворности пребывания писателя в имении Клеевка Витебской губернии: «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи <...>. Иногда по несколько стихотворений в день, почти без помарок»².

В некоторых работах отражено влияние белорусской действительности на творческие искания писателя: при создании произведений «Два голоса», «Ночь зимняя мутна и холодна», «Пращуры», «Ночная змея», «Алисафия», «Светляк», «Первая любовь» и др.³

Ярким элементом фактологии стало внимание Бунина к национальным особенностям белорусов. В интервью репортеру «Московской газеты» писа-

¹ Нефедов В.В. Бунин как художник: учебно-вспомогательное пособие. Минск: Минский институт культуры, 1992. С. 7.

² Букчин С. «Чудесные впечатления от Клеевки»: образы Беларуси у Бунина // Всемирная литература. 2008. № 3. С. 203.

³ Там же. С. 203–205.

тель так описал свои впечатления о Беларуси: «Огромный лесной край, чрезвычайно любопытный в бытовом отношении. Мне пришлось очень много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, изучать их язык. Причем я сделал ряд интересных наблюдений. У крестьян этой полосы, по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода. Да и живут они хорошо, далеко не в тех ужасных, некультурных условиях, как наш музик в средней России...»¹.

Помимо разработки историко-биографического аспекта, внимание литературоведения привлек и такой значимый аспект коммуникации, как восприятие творчества Бунина белорусскими писателями.

Бунин, крупнейшая творческая индивидуальность мировой литературы, в процессе своей творческой эволюции искал ответы на вечные темы — о зарождении жизни и смерти, смысле бытия, предназначении и целях земного существования, любви и счастье, добре и зле. И поэтому, безусловно, вызвал неподдельный интерес к своему наследию, вдохновляя на осмысление и интерпретации. Литературовед В. Нефедов отмечал, что в романе «Чужая бацькаўшчына» В. Адамчика были использованы «бунинские изобразительные приемы»². Влияние на творчество В. Быкова сказалось в особом впечатлении от его стиля, отличавшегося «ясностью и точностью мысли, изысканностью фразы»³.

Как показал анализ литературно-документальных источников, перечень писателей, на которых Бунин оказал особое влияние, которые высоко оценивали его творчество, довольно впечатляющий. Он состоит из самых ярких индивидуальностей, представляющих литературное движение Беларуси, — А. Адамович, В. Адамчик, М. Богданович, Я. Брыль, В. Быков, М. Горецкий, Я. Колас, В. Короткевич, И. Науменко, Б. Саченко, И. Шамякин и др.

Воздействию Бунина на творчество М. Богдановича и Я. Коласа посвящены научная статья В. Коваленко «М. Багдановіч і І. Бунін: некаторыя аспекты тыпалагічнай блізкасці» (Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1991. № 3. С. 101–109) и монография В. Люкевича «Проза Ивана Бунина и Якуба Коласа» (Могилев, 2008) и др.

Влияние Бунина выражалось не только в непосредственном воздействии, но и опосредованно, в типологическом подобии. Об этом свидетельствуют исследования творчества Богдановича, осуществленные белорусскими литературоведами⁴. Они указывают на то, что элементы бунинской поэзии присут-

¹ Букчин С. «Чудесные впечатления от Клеевки»: образы Беларуси у Бунина. С. 202.

² Нефедов В.В. Художественная культура Ивана Бунина и ее восприятие белорусскими писателями: к постановке вопроса // Вопросы культуры и искусства Беларуси. Вып. 9. Минск: Вышэйшая школа, 1990. С. 107.

³ Там же.

⁴ Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: У 4 кн. Кн. 2. Минск: Навука і тэхніка, 1994. С. 403.

ствуют в творчестве Богдановича. Первое, что сближает двух поэтов, — тема далекого прошлого: они отражают в своих произведениях непрерывность историко-культурного развития, бессмертие созданных человеком ценностей («Могила в скале» Бунина, сонет «Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі..» Богдановича). Обоих поэтов влечет к себе и одновременно отталкивает все то, что связано с недоступной разуму тайной смерти («В костеле» Бунина и «Хаўтуры» Богдановича). В их лирике перекликаются темы Вселенной, Космоса, который персонифицируется в образе звездного небоскреба, недолговечности земного пути человека и наполненности его существования. Удивительно, но из всего наследия Г. Гейне для перевода Богданович выбрал «Азру» — роман, который звучит лейтмотивом в повести Бунина «Митина любовь». Таким образом, «бунинское» у Богдановича — это «переработанное для нужд белорусской литературы философско-трагедийное начало лирики русского писателя, пойманное им дыхание далеких столетий и вера в вечное существование созданных человеком ценностей»¹.

Типологическая общность в моделировании национальных универсумов сближает прозаиков Бунина и Я. Коласа. В монографии В. Люкевича рассмотрены функции основных локусов художественного пространства и концептов художественного времени, а также сюжетообразующая роль отдельных хронотопов в рассказах и автобиографических романах Бунина и Коласа. В исследовании выявлены схождения и расхождения поэтик художественного моделирования национальных картин мира в прозе классиков. Оба писателя увлечены духовным, субстанциальным началом мироздания, пластикой выявления одухотворенного ландшафта, исторического времени: «Благодаря и исконной, и индивидуальной семантике, пластическому мастерству обоих художников нерукотворная красота панорамированных темпоральных картин приобретает, как и поэтика локусов, особый историософский смысл, зовет к той гармонии, на которую в исторической перспективе бытия должны ориентироваться соотечественники Бунина и Коласа»².

Особенно значимым было влияние Бунина на белорусскую литературу в плане развития крестьянской темы. Близость социально-экономических условий существования обоих народов способствовала некоторым типологическим схождениям в русской и белорусской прозе в разработке крестьянской темы, которые были детерминированы сходством условий социального развития. Значительные общественные сдвиги, которые произошли в начале XX в., способствовали развитию интереса к личности крестьянина. У русских прозаиков начала XX в. был богатый опыт предшественников в освоении крестьянской темы. В произведениях «Антоновские яблоки», «Суходол»,

¹ Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: У 4 кн. Кн. 2. С. 403.

² Люкевич В.В. Проза Ивана Бунина и Якуба Коласа: типология поэтик. Могилев: МГГУ, 2008. С. 257.

«Деревня», «Ночной разговор» Бунина отражена правда о быте и нравах крестьян послереформенного периода, аргументирована неизбежность социальных перемен. Писатель показывал крестьянина на бытовом фоне, большое внимание уделял анализу социальных условий его существования. В произведениях белорусских прозаиков данного периода также подчеркивалась сложность крестьянской жизни, своеобразность перемен. В произведениях, написанных и опубликованных М. Горецким вскоре после революции, он сближается во взглядах на деревню и на народный характер с Буниным. Как известно из воспоминаний его брата, Горецкий интересовался творчеством Бунина. Оба прозаика с особым вниманием относились к социально-этическим и философско-эстетическим проблемам и обостренно переживали за будущее Отечества.

В изданиях Бунина на белорусском языке наиболее полно представлена проза. В 1958 г. в Госиздате БССР вышел сборник избранных произведений Бунина в переводе Я. Скрыгана. В него были включены повести «Антоновские яблоки», «Суходол», «Деревня» и 18 рассказов (Бунін І.А. Выбранае. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры. 1958. 379 с.).

Следующий переводной сборник был подготовлен в издательстве «Мастацкая літаратура» (серия «Скарбы сусветнай літаратуры») в 1992 г. В него вошло большинство представленных в предыдущем сборнике переводов Скрыгана и несколько новых (рассказы «В ночном море», «В Париже», «Ночлег»): Бунін, І.А. Выбранная проза / Іван Бунін, Аляксандар Купрын; пер. з рус. мовы Я. Скрыгана, Л. Салаўя. Мінск : Mast. літ., 1992. 588 с.

Значимым событием в белорусской литературе стал выход книги «Выбраные творы» в 2010 г. в переводе А. Коляды — наиболее полное издание избранных произведений русского классика на белорусском языке. В нем представлены роман «Жизнь Арсеньева», повести «Митина любовь», «Суходол» и «Деревня», 75 рассказов, а также «Автобиографическая заметка», «Из интервью», «Речь на юбилее газеты “Русские Ведомости”», «Как я пишу», «Нобелевские дни», «Из записей»: Бунін, І.А. Выбраныя творы; уклад., пер. з рус. А. Каляды. Мінск: Логвінаў І.П., 2010. 846 с.

Коляда не только познакомил белорусского читателя с произведениями, до этого времени неизвестными ему на белорусском языке, но и воссоздал большинство из ранее опубликованных. В связи с этим некоторые повести и рассказы Бунина в Беларуси известны в нескольких вариантах — «Антоновские яблоки», «Последнее свидание», «Захар Воробьев», «Сны Чанга», «Легкое дыхание», «Лапти», «Солнечный удар», «Темные аллеи», «В Париже», «Волки», «Ночлег».

Таким образом, Бунин занял особую нишу в белорусской культуре. О внимании к его творческой индивидуальности и влиянии его творчества на развитие белорусской литературы указывают многочисленные переиздания его

произведений, включение их в тематические антологии, переводы на белорусский язык, существующие в нескольких вариантах, исследования, посвященные его связи с белорусской землей, осмыслению литературного влияния.

Интерес к наследию русского классика не угасает во времени, раскрывая новые грани для изучения и интерпретации. Переводные произведения становятся частью национальной литературы, способствуют ее обогащению и развитию. Сосуществуя с оригиналами в различных культурных контекстах, преодолевая пространство и время, они дают художественным произведениям уникальную возможность прожить множество жизней, способствуя поискам нового смысла и понимания наследия Бунина.

Литература

Букчин С. «Чудесные впечатления от Клеевки»: образы Беларуси у Бунина // Всемирная литература. 2008. № 3. С. 193–206.

Люкевич В.В. Проза Ивана Бунина и Якуба Коласа: типология поэтик. Могилев: МгГУ, 2008. 268 с.

Нефедов В.В. Бунин как художник: учебно-вспомогательное пособие. Минск: Минский институт культуры, 1992. 17 с.

Нефедов В.В. Художественная культура Ивана Бунина и ее восприятие белорусскими писателями: к постановке вопроса // Вопросы культуры и искусства Беларуси. Вып. 9. Минск: Вышэйшая школа, 1990. С. 107–111.

Бунін І.А. Выбранае. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры. 1958. 379 с.

Бунін, І.А. Выбранная проза / Иван Бунін, Аляксандр Купрын; пер. з рус. мовы Я. Скрыгана, Л. Салаўя. Мінск : Маст. літ., 1992. 588 с.

Бунін, І.А. Выбранныя творы; уклад., пер. з рус. А. Каляды. Мінск: Логвінаў І.П., 2010. 846 с.

Коваленко В. М. Багдановіч і І. Бунін: некаторыя аспекты тыпалагічнай блізкасці // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1991. № 3. С. 101–109.

Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: У 4 кн. Кн. 2. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 444 с.

References

Bukchin S. “Chudesnye vpechatleniiia ot Kleevki”: obrazy Belarusi u Bunina [“Wonderful experience of Kleevka”: images of Belarus in Ivan Bunin’s works]. *Vsemirnaiia literatura*, 2008, no 3, pp. 193–206. (In Russ.).

Bunin I.A. *Vybranae* [Selected]. Minsk, Dziarzhaўnae vydavetstva BSSR Publ., Redaktsiya mastatskai literatury Publ. 1958. 379 p. [In Belaruss.]

Bunin I.A. Vybrannaya proza [Selected prose]. *Ivan Bunin, Aliaksandr Kupryn*. Transl. from Russ. by Ia. Skrygan, L. Salaўei. Minsk, Mast. lit. Publ., 1992. 588 p. [In Belaruss.]

Bunin I.A. *Vybranyia tvory* [Selected works]. Ed. and transl. by A. Kaliada. Minsk, Logvinaў I.P. Publ., 2010. 846 p. [In Belaruss.]

Kovalenko V. M. Bagdanovich i I. Bunin: nekatoryia aspeky typalagichnai blizknosti [M. Bagdanovich and Ivan Bunin: Some aspects of typological closeness]. *Vestsi AN BSSR. Ser. gramad. navuk.* 1991. no 3. pp. 101–109. [In Belaruss.]

Liukevich V.V. *Proza Ivana Bunina i Iakuba Kolas: tipologija poetik* [Prose by Ivan Bunin and Yakub Kolas: typology of poetics]. Mogilev, MgGU Publ., 2008, 268 p. (In Russ.).

Narysy pa gistoryi belaruska-ruskikh litaraturnykh suviazei: U 4 kn. Kn. 2 [Essays on the history of Belarusian-Russian literary relations: In 4 vols. Vol. 2]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1994. 444 p. [In Belaruss.]

Nefedov V.V. *Bunin kak khudozhhnik: uchebno-vspomogatel'noe posobie* [Bunin as an artist: learning additional manual]. Minsk, Minskii institut kul'tury Publ., 1992, 17 p. (In Russ.).

Nefedov V.V. Khudozhestvennaia kul'tura Ivana Bunina i ee vospriiatie belorusskimi pisateliами: k postanovke voprosa [Creative culture of Ivan Bunin and its perception by Belarusian writers: to the posing of a question]. *Voprosy kul'tury i iskusstva Belarusi* [Questions of culture and art of Belarus]. Issue 9. Minsk, Vysheishaia shkola Publ., 1990, pp. 107–111. (In Russ.).

IVAN BUNIN'S WORKS IN BELARUSSIAN TRANSLATED LITERATURE

© 2019, IRINA LAPTENOK

Abstract: The article researches how Ivan Bunin's traditions and concepts were interpreted in Belarusian literature, especially in the humanistic and patriotic position of Belarusian prosa writers (M. Goretskii, Ia. Kolas etc.). “Bunin tratis” in M. Bogdanovich poetry are also analyzed, as well as the specifics of translations of Bunin's works into Belarusian. The analysis of reception, representation and interpretation of Bunin's works show its importance for the development of Belarusian culture.

Keywords: literary process, literary connections, representation, interpretation, typological unity, literary tradition, literary translation.

Information about the author: Irina Laptenok, PhD, Assistant Professor, Deputy director for curriculum, Belarusian University of Culture and Arts, Minsk, Belarusia. E-mail: laptenokirina@tut.by

ТЕКСТОЛОГИЯ И КОММЕНТАРИЙ

ОБЩИЙ ОЧЕРК ТЕКСТОЛОГИИ ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА*

© 2019, Т.М. ДВИНЯТИНА

Аннотация: Настоящая работа является обобщающим итогом выработки принципов научного издания лирики И.А. Бунина. В ней собраны, описаны и проанализированы все ныне известные источники поэтических текстов (автографы, авторские издания, позднейшая правка в них самого Бунина, публикации в периодике и т.д.), выработано правило основного текста для научного издания, описаны и определены правила датировки стихотворений Бунина, предложена композиция основного раздела издания. Концепция научного (академического) издания поэтического наследия Бунина обсуждается с учетом опыта предшествующих его изданий и в широком контексте эдиционной практики XX века.

Ключевые слова: И.А. Бунин, текстология, поэзия, архивы, источники, основной текст, датировка, научное издание.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двinyaтина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Задача настоящей работы — подробное рассмотрение текстологических особенностей поэтического наследия И.А. Бунина и обоснование принципов научного издания его лирики. Для этого надо остановиться как на истории уже состоявшихся изданий (прижизненных и посмертных), так и на рабочих материалах поэта, которые он завещал своим издателям. Тогда, в совокупности всех данных может быть определена концепция издания, которым поэзия Бунина может и должна быть представлена в истории русской литературы.

1. История прижизненных изданий

История публикаций Бунина началась 22 февраля 1887 г., когда на страницах еженедельной иллюстрированной «политической, общественной, литературной» газеты «Родина» (1887. № 8) было напечатано сти-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). За всестороннюю и постоянную помощь в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса, за деятельное участие в работе над текстологией Бунина приношу искреннюю признательность С.Н. Морозову.

хотоврение шестнадцатилетнего автора «На смерть С.Я. Надсона». Однако сам Бунин, судя по всему, пропустил свое первое появление в печати и всегда считал своим литературным дебютом следующую публикацию стихотворения «Деревенский нищий» (оно было напечатано в «Родине» 17 мая 1887 г.). В течение 1887 г. в том же издании увидели свет еще восемь стихотворений Бунина, позже им уже не перепечатывавшиеся («В венке из свежих роз я Музу увидал...», «О, если б жизнь моя спокойно, безмятежно...», «Ночь тиха... Голубые зарницы...», «В глухи» («Тишина... Только шепчутся нивы...»), «Из записной книжки» («Как долго не гаснет закат золотистый!...»), «Не шумный бал, увенчанный цветами...», «Ангелы сна» («По лазури неба темной...»), «Воспоминание» («Раскинулось поле равниной безбрежной...»), а также рассказы «Два странника» (28 сентября) и «Нефедка» (20 декабря).

С сентября 1888 г. стихи Бунина стали появляться в петербургском журнале «Книжки “Недели”», с 1889 г., когда Бунин стал сотрудником газеты «Орловский вестник», и в ней, причем некоторые стихотворения перепечатывались из журнала «Книжки “Недели”», а некоторые публиковались на страницах провинциальной газеты впервые. Со второй половины 1889 г. стихотворения Бунина постепенно стали проникать на страницы столичных изданий: с июля 1889 г. его начинает печатать «Северный вестник», с апреля 1890 г. — «Газета А. Гатцку», с августа 1890 г. — журнал «Наблюдатель» и с июля 1892 г. — «Мир Божий». В июльском номере «Вестника Европы» за 1893 г. при поддержке А.М. Жемчужникова состоялась публикация поэтического цикла Бунина «Песни о весне», и это придало его имени определенную известность в литературных кругах. С 1895 г. бунинские стихи появляются в журналах «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация» и «Труд» (литературное приложение к «Всемирной иллюстрации»). В 1896 г. свои страницы для молодого поэта предоставляют «Нива», «Русская мысль», «Север» (первые публикации соответственно в феврале, марте и мае 1896 г.), и, наконец, с ноября 1897 г. Бунин становится одним из постоянных авторов журнала «Детское чтение». В то же время он продолжает публиковаться в провинциальной прессе (с июня 1896 г. — в газете «Одесские новости», в 1897 г. — в «Полтавских губернских ведомостях», с июля 1898 г. — в одесском «Южном обозрении», и т.д.), и розыск его произведений, напечатанных вдали от Москвы и Петербурга, до сих пор представляет собой отдельную задачу для исследователя и библиографа.

В дальнейшем Бунин станет одним из ведущих авторов целого ряда «толстых» журналов дореволюционной поры (в эмиграции их роль будут играть «Современные записки»), однако практически полное повторение опубликованных в периодике стихотворений Бунина в его авторских изданиях избавляет от необходимости подробно останавливаться здесь на истории первых публикаций и позволяет обратиться сразу к истории изданий.

Итак, первый поэтический сборник Бунина вышел в конце 1891 г. Всё, что было написано им раньше и что не было включено в это собрание стихов, по авторскому определению, «чисто юношеских, не в меру интимных» (Бунин—9, 9. С. 261), можно отнести к ранним поэтическим опытам. В большинстве своем, сохранившиеся в рукописях и не опубликованные автором, они представляют интерес, скорее, как «предыстория» его литературной биографии, начатая, собственно, отдельными публикациями 1887–1891 гг. и упомянутым сборником, вышедшим в качестве приложения к газете «Орловский вестник».

В 1890-е — начале 1900-х гг. были изданы «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891; Прилож. к газ. «Орловский вестник»), сборник «Под открытым небом» (М.: Изд. ред. журнала «Детское чтение»; И.Н. Кушнерев и К°, 1898; Биб-ка «Детского чтения»), «Стихи и рассказы» (М.: Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», В. Рихтер, 1900; Биб-ка «Детского чтения»); «Листопад: Стихотворения» (М.: Скорпион, 1901), «Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества» (М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1901), «Новые стихотворения» (М.: О.О. Гербек, 1902).

В 1902–1909 гг. в издательстве «Знание» выходили тома первого собрания сочинений Бунина. Стихотворения составили его второй, третий и четвертый тома. Во втором томе были собраны лучшие, по мнению автора, стихи предыдущих лет (Стихотворения. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1903; Собр. соч. Т. 2); позднее, в 1909 г., вышло второе издание этого тома. В третьем томе были напечатаны стихотворения 1903–1906 гг. (Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1906; Собр. соч. Т. 3). Четвертый том включал в себя стихотворения 1907 г. и ряд «больших» переводов (Стихотворения 1907 г. «Годи-ва». Поэма Теннисона. Из «Золотой легенды». Лонгфелло. «Каин». Мистерия Байрона. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1908; Собр. соч. Т. 4); в 1912 г. вышло второе его издание. После «Знания» бунинское собрание перешло в издательство «Общественная польза», где в 1910 г. был издан состоящий из стихов шестой том собрания (Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы. СПб.: Книгоизд-во «Общественная польза», 1910; Собр. соч. Т. 6).

Далее стихотворения Бунина входили в состав его книг, на равных включавших в себя и стихи и прозу. Такими были «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (М.: Московское книгоизд-во, 1912. Изд. 2-е, доп. — расширенное издание шестого тома, вышедшего в издательстве «Общественная польза»), «Иоанн Рыдаец: Рассказы и стихи, 1912–1913 гг.» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913), «Чаша жизни: Рассказы 1913–14 гг.» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1915; 2-е изд. 1917), «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916), «Храм Солнца» (Пг.: Жизнь и знание, 1917; Биб-ка для юношества).

В то же время, в 1915 г. в издательстве А.Ф. Маркса вышло Полное собрание сочинений Бунина в шести томах (Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд. т-ва

А.Ф. Маркс, 1915; Прилож. к ж. «Нива»). Стихи заняли в нем первый, третий и часть шестого тома.

Спустя короткое время было предпринято еще одно собрание сочинений — на этот раз в петроградском издательстве «Парус», однако выпущен был только один, десятый, том, очевидно, продолжающий издание, начатое «Знанием» и «Общественной пользой» и состоящий из произведений (в том числе стихов) последних лет (томами с седьмого по девятый считались «Суходол» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1912) и названные выше сборники «Иоанн Рыдалец» и «Чаша жизни»).

В первые эмигрантские годы Бунин переиздал несколько своих прежних книг: в Париже вышли «Господин из Сан-Франциско» (Париж: Русская земля, 1920; на тит. л. 1921) и «Чаша жизни» (Париж: Русская земля, 1922; на тит. л. 1921); в Праге — сборник «Начальная любовь», составленный из ранних рассказов и стихотворений, когда-то вошедших в сборники «Листопад» и «Новые стихотворения» (Начальная любовь. Прага: Славянское изд-во, 1921). Затем стали выходить книги, написанные Буниным во Франции, — среди них и те, в которых стихи по-прежнему выступали наравне с прозой: «Роза Иерихона» (Берлин: Слово, 1924) и «Митина любовь» (Париж: Русская земля, 1925). Наконец, и предварительное подведение своих литературных итогов Бунин начал, как некогда литературный путь, с поэзии, выпустив в 1929 г. «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929).

После присуждения Бунину в 1933 г. Нобелевской премии по литературе берлинское издательство «Петрополис» выпустило последнее прижизненное — в одиннадцати томах — собрание сочинений Бунина (Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936). Оно не было полным даже на момент издания: за его рамками осталось множество невостребованных или отложенных автором произведений, а впереди у Бунина было еще почти двадцать лет творческой жизни (правда, всё больше обращенной в сторону прозы, чем поэзии). Стихи, вместе с рассказами, составили первый — шестой и восьмой тома этого собрания и в последний раз вошли (всего несколько текстов последних лет) в сборник «Весной, в Иудее. Роза Иерихона», изданный в год смерти Бунина (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953).

Итак, всего при жизни Бунина его стихи, отдельно или вместе с прозой, входили в состав 28 изданий, в том числе трех собраний сочинений. Первым было собрание сочинений, предпринятое в 1902–1910 гг. издательствами «Знание» и «Общественная польза»; вторым — полное собрание сочинений в 6 томах, вышедшее в 1915 г. в издательстве А.Ф. Маркса бесплатным приложением к журналу «Нива»; третьим — собрание сочинений, выпущенное в 1934–1936 гг. в Берлине издательством «Петрополис».

Так как все стихотворения, которые были напечатаны в первом собрании, вошли затем во второе, то оно, в силу хронологического преимущества, является для них решающим. Таким образом, для определения концепции научного издания лирики Бунина релевантными оказываются два издания:

Полное собрание сочинений 1915 года (*ПСС–1915*) и Собрание сочинений 1934–1936 годов (*Петрополис*).

Однако история прижизненных изданий Бунина не заканчивается с выходом в свет его последних томов или изданий. В последние десятилетия жизни, сначала в связи с подготовкой *Петрополис*, затем в 1947–1953 гг., готовя свои произведения для гипотетического будущего издания, Бунин неоднократно возвращался к своим стихам (последняя правка была внесена 20 октября 1953 г.). В авторских экземплярах *ПСС–1915* и *Петрополис* он отметил, какие произведения следует взять в его будущее собрание, а какие нет, дал библиографические указания о первых публикациях, уточнил датировки и, главное, выправил тексты для того издания, которым хотел бы остаться в русской литературе. При этом чрезвычайно важно, что он работал не в одном, а в нескольких экземплярах одного и того же тома, и на его рабочем столе одновременно или последовательно могли находиться несколько комплектов *ПСС–1915* и *Петрополис*. Кроме собраний сочинений, Бунин внес правку в единичные авторские экземпляры *СС–1906*, *ГСФ–1916*, *ГСФ–1920*, *Чаша жизни–1922* и в несколько экземпляров сборника *Избранные стихи–1929*¹.

После смерти Бунина, откликаясь на просьбу советской стороны прислать материалы его архива, вдова В.Н. Бунина передала в Москву отдельные тома, в целом составившие собрания *Петрополис* и *ПСС–1915*, но, как будет показано ниже, принадлежащие разным «комплектам правки» (поступление в РГБ 1957 г.)². Эти тома, не представляющие единого и единовременного целого, легли в основу девятитомного собрания сочинений Бунина (*Бунин–9*) и всех следующих изданий. Другие экземпляры томов *Петрополис* и *ПСС–1915* с правкой Бунина, как и прочих перечисленных сборников, остались в Париже и ныне хранятся в Русском архиве в Лидсе (Великобритания, РАЛ).

Составители посмертных бунинских изданий не знали о том, что в их распоряжении находятся разрозненные тома с разновременной правкой — это стало ясно только в последние годы, при изучении и сравнении материалов российских архивов и РАЛ. Но, к сожалению, этим системным недостатком источниковедческой базы *всех* до 2014 г. вышедших собраний и изданий Бунина, критика их не исчерпывается.

В 2014 г. вышло издание «Стихотворений» Бунина в «Новой Библиотеке поэта», которое «представляет собой попытку первого научного издания лирики Бунина» (*Бунин–БП*. Т. 1. С. 374)³. Его принципы были сформулированы в процессе работы, описанной далее в настоящей статье, и сжато изложены

¹ См. ниже в разделе об авторских экземплярах «Избранных стихов».

² Поступление еще одного экземпляра *Петрополис*, 4 (РГБ. Ф. 429. Карт. 3. Ед. хр. 26) относится к 1971 г.

³ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).

в текстологической преамбуле к изданию. В связи с начинаящейся подготовкой нового Полного собрания сочинений Бунина, имеет смысл теперь уже подробно остановиться как на критике предшествующих изданий, так и на систематическом определении принципов нового.

2. Критика посмертных изданий

Важнейшими посмертными изданиями Бунина являются:

1) *Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965–1967* (стихам 1886–1917 гг. в нем отведен первый том, стихам 1918–1953 гг. и переводам — восьмой том); *Бунин–9*;

2) *Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Ред. коллегия Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М., 1987–1988* (стихи и переводы составили его первый том); *Бунин–6*;

3) *Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., comment., подгот. текста и подбор илл. к тт. 1–8 А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000* (стихи составили его первый том); *Бунин–8*;

4) а также изданный в 1973 г. в двух книгах 84-й том «Литературного наследства», содержащий наряду с научными статьями ряд важных публикаций бунинских текстов: *Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. М.: Наука, 1973 (Литературное наследство; Т. 84); ЛН*.

Рассмотрим эти издания подробнее.

Вышедшее в 1965–1967 гг. девятитомное собрание сочинений (*Бунин–9*) явилось важнейшим событием в истории возвращения эмигрантского поэта и писателя отечественному читателю и сегодня остается самым цитируемым изданием Бунина. Как сказано в текстологической преамбуле к нему, для стихотворений, входивших в последнее прижизненное собрание сочинений Бунина, источником текста служил экземпляр *Петрополис* с авторской правкой (*Петрополис, 1–8 — РГБ*); для большинства стихотворений, которые не входили в *Петрополис*, — предыдущее собрание сочинений Бунина, *ПСС–1915*, и авторские экземпляры его томов; в остальных случаях приводился иной источник текста (*Бунин–9, I. С. 522*). После этого общего указания для каждого конкретного текста уже не уточнялось, по какому именно изданию (*Петрополис* или *ПСС–1915*) он печатается (или, что могло бы прояснить ситуацию: входил ли он в *Петрополис*), совпадает ли с текстом издания или был исправлен автором от руки позднее; указания на первопубликации текстов могли восприниматься как источники окончательной версии и т.д. Уточним: стихотворения, включенные в *ПСС–1915* и *Петрополис*, печатались по авторским экземплярам этих собраний. Для стихотворений, не вошедших в эти издания, преимущество имели наиболее поздние варианты в других книгах Бунина: *Начальная любовь — 1921, Роза Иерихона — 1924, Митина любовь — 1925, Избранные стихи — 1929, Весной, в Иудее — 1953*.

В 1973 г. двумя книгами был издан том 84 «Литературного наследства» (ЛН), посвященный Бунину. В нем были напечатаны как ранее не публиковавшиеся стихотворения, так и вошедшие в *Бунин–9*, а именно те, в тексты и датировки которых автором были внесены корректизы («позднейшие редакции стихотворений, напечатанных в собрании сочинений 1965–1967 гг. по более ранним публикациям» (ЛН, I. С. 173)). Декларировалось, что «были просмотрены все прижизненные сборники произведений Бунина, ряд периодических изданий и альманахов, в которых он печатался, обследованы все автографы, хранящиеся в советских архивах, учтены посмертные публикации в советской и зарубежной печати» (ЛН, I. С. 173). Среди ранее неизвестных текстов особое место в публикации ЛН принадлежало стихотворениям из тетради автографов 1915–1917 гг. (*Тетрадь*; см. ниже), однако использование этого первостепенного источника для текстологии бунинской поэзии, как и множества единичных автографов, хранящихся в фонде Бунина в РГАЛИ, и здесь и в следующих изданиях было фрагментарным и усеченным.

Следующим шагом стало выпущенное в 1987–1988 гг. шеститомное собрание сочинений Бунина (*Бунин–6*). В нем был учтен опыт ЛН, однако в основных позициях составители пошли по пути воспроизведения собрания сочинений 1965–1967 гг. В новом издании был уточнен ряд текстологических и хронологических решений, но в то же время сокращено количество публикуемых произведений. Главным открытием *Бунин–6* стало использование *Парижской тетради* Бунина 1943 г., полученной РГАЛИ после издания *Бунин–9* и ЛН, по ней была проведена сверка ряда текстов.

Восьмитомное собрание (*Бунин–8*), вышедшее в 1993–2000 гг., повторило издание *Бунин–6*, несколько расширив состав произведений, но не изменив текстологическую, источниковедческую иcommentаторскую основу издания.

Каждое из названных собраний, наряду с очевидными достоинствами, имеет и ряд не менее очевидных недостатков. Они коренятся в недостаточно разработанном источниковедческом и текстологическом базисе издания, что было вполне объяснимо в 1960–1970-е гг., но осталось недопустимо законсервированным и в более поздние, открытые для самых разнообразных исследований годы. Ни в одном из названных изданий не было аналитического описания автографов, не проводилась сверка текстов по всем прижизненным изданиям автора, раздел «Другие редакции и варианты» стихотворений отсутствовал, и его только в малой степени мог заменить основанный на первых журнальных публикациях раздел «Из ранних редакций», напечатанный в *Бунин–9*, и только в нем.

Всё сказанное относится и к Полному собранию сочинений Бунина в 16-ти томах (*Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 16 т. <т. 14–16 доп.> / Сост., примеч. И.И. Жуков. М.: Воскресенье, 2005–2007, далее *Бунин–16*), два первых тома которого занимают стихотворения, а седьмой — переводы. Это собрание (во всяком случае, в его поэтической части) не является ни полным,*

ни научным, а в иных частях пиратски копирует сделанную в рамках других проектов работу, что заведомо исключает его из круга обсуждаемых изданий¹.

Теперь, рассматривая названные издания в целом, мы остановимся только на «первой ступени» поправок — на тех промахах, не совершив которые было в силах составителей отечественных собраний Бунина (если не всегда *Бунин—9*, то уже *Бунин—6* и след.) и для восполнения которых не требовалось привлекать материалы западных архивов, в том числе важнейшего среди них — Бунинской коллекции в Русском архиве в Лидсе (РАЛ).

Прежде всего, по названным изданиям едва ли можно счесть установленным сам *состав поэтического наследия* Бунина. Речь сейчас идет даже не о том, включать ли и на каких условиях его «малые» и «большие» переводы (об этом см. в разделе «Переводы в составе собрания»), а о первичном наборе текстов. Во-первых, не все поэтические тексты, отложившиеся в российских архивах, присутствуют в бунинских собраниях. Так, ни в одном из названных изданий не нашли себе места стихотворения «Странная» (РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 2), «Дочь на коленях матери сидела...» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 8775 оф.), «Опустели аллеи сквозные...» (*Парижская тетрадь. 4*), «Нарядность есть в твоей прическе скромной...» (*Парижская тетрадь. 4*), «Вечерний Ангел грустным звоном...» (*Парижская тетрадь. 6*), ряд фрагментов, хранящихся в РГАЛИ и ОГЛМТ (при том, что в ОГЛМТ хранится, кроме того, значительное число ранних юношеских стихотворений, только частично опубликованных в *ЛН*). Во-вторых, забытыми в периодике оказалось несколько текстов, не сохранившихся в рукописях Бунина. Например, в «Ежемесячном журнале для всех» (1905. № 8) рядом было опубликовано два бунинских стихотворения: «Под вечер» («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...») и «Утренний туман» («Ночные вздохи волн еще далеко слышно...»). Первое из них позже включалось Буниным в авторские издания — и попало в *Бунин—9* и следующие издания. Второе осталось только в журнальном варианте и не вошло ни в прижизненные, ни в посмертные издания (хотя в последних декларировался просмотр всех источников, при котором пропустить это стихотворение, сверяя стихотворение «Под вечер», было бы трудно). В-третьих, не все тексты, которые вошли в *Бунин—9*, сохранили свои позиции в следующих изданиях — видимо, по соображениям общего объема часть их из бунинских собраний ушла².

¹ Другое дело — этическая и правовая оценка этого предприятия, см.: Открытое письмо генеральному директору Российского авторского общества С.С. Федотову 13-ти исследователей, чьи публикации без согласия и указания авторства были присвоены составителями *Бунин—16*: Новая газета. 2008. 17 апреля. № 27, а также: Коростелев О.А. Я объявляю вам войну: Открытое письмо чиновникам, лезущим не в свое дело // Русский журнал. 2008. 6 октября. <http://www.russ.ru/pole/YA-ob-yavlyayu-vam-vojnu/>; От редакции // Новые материалы, 2. С. 3–5.

² Мы не касаемся здесь вопроса об экспромтах, шуточных и «домашних» стихотворениях Бунина, открывающихся по мере знакомства с его семейным архивом (об этом см. в разделе «Порядок текстов и композиция научного издания»).

Далее, самой общей, композиционной особенностью посмертных собраний Бунина явилось деление стихов на хронологические блоки: 1886–1899, 1900–1902, 1903–1906, 1906–1911, 1912–1917 в первом томе *Бунин–9* (более поздние стихи без указания временных границ были напечатаны восьмом томе *Бунин–9*, в *Бунин–6* помещены в раздел «1918–1952»). В целом логика составителей была ясна, но публикация стихов одного, 1906 г. в двух разделах привела к тому, что порядок текстов выглядит таким образом: в разделе «1903–1906» последовательно идут стихи 1906, <1906>, <1903–1906>, затем в разделе «1906–1911» — стихи 1906, <1906>, 1907, <1906–1907> и т.д. В итоге создается впечатление некоторого сумбура, тем более что и внутри года оказываются перемешаны стихи с точной (день — месяц — год) и общей (год) датами.

Небезупречным было и определение основного текста. Причина этого в том, что во всех собраниях, начиная с *Бунин–9*, вопреки утверждениям их составителей, далеко не полностью были использованы хранящиеся в российских архивах авторские экземпляры прижизненных собраний сочинений. Так, в распоряжении составителей было три авторских экземпляра первого тома *ПСС–1915* с пометами Бунина. Один хранится в ИМЛИ (*ПСС–1915, 1 — ИМЛИ*) и датирован Буниным «16 дек~~абря~~ 1952 г.». Два других (а не один, как оказывается в *Бунин–9, 1*. С. 522; см. то же в *Бунин–6*. С. 578) находятся в РГАЛИ (*ПСС–1915, 1 — РГАЛИ*). Они сохранились не полностью (часть страниц отсутствует) и не датированы Буниным, но содержат правку тех текстов, которые остались нетронутыми в экземпляре ИМЛИ (см., например, стихотворения «Вечерняя молитва», «За мирным Днепром, за горами...» <заглавие «На Днепре» вычеркнуто>, «На хуторе», «Метель»). Эта правка в современных изданиях Бунина не учтена (ни в текстах, ни в примечаниях), из экземпляров РГАЛИ в *Бунин–9* и следующих изданиях используются «только рукописные исправления в датах стихотворений» (*Бунин–9, 1*. С. 522; *Бунин–6, 1*. С. 578).

Кроме того, четвертый том *Петрополис* в российских архивах сохранился в двух экземплярах (оба в РГБ). Первый (*Петрополис, 4 — РГБ (1)*) исправлялся Буниным в марте 1951 г., второй (*Петрополис, 4 — РГБ (2)*) — в августе 1952 г., затем в апреле 1953 г. В собраниях Бунина учитывался только второй экземпляр, но ряд стихотворений — «Мушкет», «Венеция» («Восемь лет в Венеции я не был...»), «Теплой ночью, горною тропинкой...» — был исправлен только в первом. Следуя логике «последней правки», тексты этих стихотворений должны были бы печататься по *Петрополис, 4 — РГБ (1)*, но печатались не по нему, а по типографскому экземпляру книги (или, что в данном случае одно и то же, по *Петрополис, 4 — РГБ (2)*).

Основой научного издания является подготовка текстов, сверка их с автографами и прижизненными изданиями, а также аргументированная датировка текста. К сожалению, это правило в современных изданиях Бунина не всегда выдержано. Примером смысловой погрешности может служить стихотворение «Трон Соломона», представляющее собой поэтическое переложение мусульманского предания о том, как джинны сооружали трон Соломону (Сулейма-

ну) и состарившийся Соломон опасался, что с его смертью джинны прекратят свою работу и трон останется не окончен. Для того чтобы этого не произошло, он просил Господа скрыть от джиннов час его кончины. Так и случилось: он умер во время молитвы, и джинны, не заметив того, закончили трон. В стихотворении Бунина Соломон обращается к Господу с такими словами: «Трон Мудрости я им велел построить, / Но я умру — и, бросив труд, в Геджас / Уйдут они. Ты мог мне жить устроить: / Сокрой от них моей кончины час». Так стихотворение читается в прижизненных бунинских публикациях (*СС—1908, ПСС—1915, 3*). В *Бунин—9* и, вслед за ним во всех последующих, строка высокого поэтического накала «Ты мог мне жизнь устроить» превратилась во вполне меркантильную: «Ты мог мне жизнь устроить», а само стихотворение, в прижизненном (четвертом) томе собрания сочинений Бунина (*СС—1908*) вошедшее в раздел «Стихотворения 1907 г.», в тех же современных собраниях без каких-либо объяснений датировано условно <1906—1908>.

На следующей странице в *Бунин—9* (т. 1, с. 311) напечатано стихотворение «Баба-Яга». Сравним его со стихотворением «Русская сказка», напечатанным в том же издании (т. 8, с. 10):

БАБА-ЯГА

Гулкий шум в лесу нагоняет сон —
К ночи на море пал сырой туман.
Окружен со всех четырех сторон
Темной осенью островок Буян.

А еще темней — мой холодный сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только бурый дуб,
Под которым смерть закопал Кощей.

Я состарилась, изболелась вся —
Десять сот годов берегу ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
Будь дрова в печи — похлебала б щец.

Да огонь — в моря мореходу весть,
Да на много верст слышен дым от лык...
Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

<1906—1908>

РУССКАЯ СКАЗКА

Ворон

Ну, что, бабушка, как спасаешься?
У тебя ли не рай, у тебя ль не мед?
Яга
Ах, залетный гость! Изdevаешься!
Уж какой там мед — шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
Ночь и день стоит над волной туман,
Окружен со всех с четырех сторон
Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб.
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
Будь капустный клок — похлебала б щец.
Да огонь-то, виши, в океане — весть,
Да не то что щец — нету прелых лык!

Ворон

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

15.08.1921

В первом случае текст напечатан по *СС–1908*, во втором — по *Петрополис*, 8, перекрестных отсылок или разъяснений нет (те же два текста напечатаны в *Бунин–6*. С. 237, 364). Между тем совершенно очевидно, что в 1921 г. Бунин переосмыслил «сказку» и переработал первый вариант. Более того, позднее, в авторском экземпляре *Петрополис*, 8 — РГБ заглавие было дополнено Бунним от руки: «Русская сказка дней Ленина», и это в корне меняет смысл стихотворения¹. Полностью название появляется только в первом томе *Бунин–8*, но и там ни оно, ни дата (там — 15.08.1921) не прокомментированы, а в примечании дана только ссылка на *Роза Иерихона — 1924*, где второе стихотворение напечатано под названием «На острове Буйне».

Примером композиционного разлада оказывается стихотворение «Одно лишь небо светлое, ночное...». Для выбора окончательной редакции текста, входившего и в сборники Бунина 1920-х гг. и в *Петрополис*, преимущественно имеет более позднюю редакцию *Петрополиса*. Однако названное стихотворение печатается в *Бунин–9* и следующих изданиях по версии *Избранные стихи — 1929* и таким образом содержит на одну строфу больше, чем окончательный текст в *Петрополис*, 8. Возможно, это связано с тем, что в авторском экземпляре *Петрополис*, 8 — РГБ стихотворение, помещенное в томе последним, вырезано.

Наконец, примером пунктуационно-семантического нарушения представляется стихотворение «Портрет»:

ПОРТРЕТ

Бродя по залам, чистым и пустым,
Спокойно озаренным бледным светом,
Кто пред твоим блистающим портретом
Замедлит шаг? Кто будет золотым
Восхищен сном, ниспосланым судьбою,
В жизнь давнюю, прожитую тобою?
— Кто б ни был он, познаешь ты, поэт,
С грядущим другом радость единенья
В стране, где нет ни горечи, ни тленья,
А лишь нерукотворный твой Портрет!

Напечатанное в *Бунин–9* по своей единственной прижизненной публикации², оно в этом издании еще сохранило все авторские знаки препинания. Но уже в следующем издании, *Бунин–6*, из строки 5 «ушла» вторая запятая, а вместе с ней поменялся смысл: был «сон, ниспосланный судьбой, который

¹ О вариантах заглавия этого стихотворения в авторских экземплярах *Петрополис*, 8, хранящихся в РАЛ, см. ниже.

² Возрождение. 1927. 23 июля. № 781. С. 2.

восхьщет, то есть заберет, приобщит, вознесет к твоей давней жизни» — стал «сон, ниспосланный судьбой в твою давнюю жизнь», что противоречит значению и слова, и всего текста, ориентированного, в том числе, на заветное стихотворение Е.А. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой не громок...» (<1828>), в котором выражена та же идея обретенного «в потомстве» друга-поэта. Смысл, который был еще жив в 1960-е гг. (различим составителями *Бунин–9*), оказался потерян в 1980-е.

Скорее, научно-популярным, чем строго научным характером бунинских изданий можно объяснить и тот факт, что в них не были выработаны и единые *правила датировки*. В частности, непоследовательно были использованы авторские даты из *ПСС–1915, I*, в принципе принятые в *Бунин–9* и следующих изданиях как достоверные. В *ПСС–1915, I* ранние стихотворения «Месяц задумчивый, полночь глубокая...», «Как печально, как скоро померкла...», «Октябрьский рассвет», «Ветер осенний в полях подымается...», «Серп луны над тучкой длинной...», «В степи» датированы двумя датами — по двум редакциям текста: первой и второй, а в *Бунин–9* без всяких пояснений только одной — первой. Недоумения могло и не возникнуть, если бы в примечаниях был указан источник датировки или если бы находящееся точно в таком же положении стихотворение «Метель» («Ночью в полях под напевы метели...») не было датировано двумя датами, «1887–1895».

В то же время сравнение датировок из собраний Бунина с теми, которые зафиксированы в его рукописном наследии и были известны издателям, начиная с *Бунин–9*, свидетельствует о прямых ошибках. Некоторые примеры приведены в Таблице 1¹:

Таблица 1. Сравнение датировок стихотворений Бунина в посмертных собраниях сочинений и архивных источниках

	Бунин–9	Бунин–6	Бунин–8	Автограф
«Серп луны над тучкой длинной...»	1887	—	—	1887–1894 РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 1. Маш.
«Слово»	7.I.15. Москва — по <i>Petropolis</i>	7.I.15. Москва	7.I.15. Москва	7.II.1915. Москва <i>Tempadъ</i>
«Перстень»	7.I.15. Москва — по <i>Petropolis</i>	7.I.15. Москва	7.I.15. Москва	7.II.1916. Глотово <i>Tempadъ</i> ²

¹ Прочерк здесь означает, что в данном издании стихотворение отсутствует.

² Подробнее о стихотворениях «Слово» и «Перстень» см. на с. 637–638.

	Бунин–9	Бунин–6	Бунин–8	Автограф
«Казнь»	13.IX.15 — по <i>Петрополис</i>	13.IX.15	13.IX.15	29.X.1915 <i>Тетрадь</i>
«Кобылица»	<3.II.16>	<3.II.16>	<3.II.16>	13.II.1916 <i>Тетрадь</i>
«Гадание»	<10.V.16>	<10.V.16>	1.V.16	10.V.1916 РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 21. Вырезка, дата от руки
«Да исполняются сроки»	<1916> В разделе «Переводы»	—	—	23.III.1916 1) <i>Тетрадь</i> . С подзагол. «Х.- Н. Бялику»; 2) РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 8. Маш. с правкой, датой и библиограф. указ. Бунина ¹
«—Дай мне, бабка, зелий приворотных»	<1920> — по газ. публ. 1920	<1918> — по газ. публ. 1919	<1918>	11.II.1915 РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 3. Вырезка, дата от руки
«Древний образ»	<1924> — по ред., опубл. в 1925	<25 сентября 1919— 1924> — по газ. публ. 1919 и др. ред., опубл. в 1925	<25 сентября 1919—1924>	VII. 1914 Ростов Великий РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 3. Вырезка, дата от руки
«Гор сиреневых кручи встают...»	Б.д.	<январь 1920> — по газ. публ.	<январь 1920>	9.VIII.1916 РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 8. Вырезка, дата от руки
«Земной, чужой душе закат...»	Б. д. (здесь и в след. изд. ссылка: Возрождение. Париж, 1926, 27 мая)	Б. д.	Б. д.	9.II.1916 <i>Тетрадь</i>

¹ Стихотворение опубл.: Еврейская жизнь. 1916. 3 апреля. № 14–15. Номер газеты был посвящен 25-летию литературной деятельности Х.-Н. Бялика (1873–1934), там же напечатаны переводы стихотворений Бялика Вяч. Иванова, В. Брюсова, Федора Сологуба. Как ни странно, в Бунин–9 указано, что текст печатается по этому изданию. Ошибочная публикация этого оригинального текста как переводного уже отмечалась в научной литературе (см.: Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х.Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 105, 113), тем не менее в Бунин–16 (т. 7, с. 380) оно снова публикуется как перевод.

Из этого сравнения следует, в частности, что авторские датировки в *Петрополис* могут расходиться с датировками в более ранних автографах, собственно, и фиксирующих время создания текста. Как раз с помощью архивных источников можно распознать позднейшие «ошибки памяти» Бунина и дать более точную картину его поэтического пути.

До сих пор в изданиях Бунина не было раздела «*Другие редакции и варианты*», — раздел «Из ранних редакций» в *Бунин—9* вобрал в себя лишь малую часть разночтений, выявленных по печатным источникам. Доказывать необходимость этого раздела в научном издании нет необходимости. В фонде Бунина в РГАЛИ находится более ста отдельных автографов и машинописных копий стихотворений с авторскими пометами, и они только в редких случаях были учтены при подготовке бунинских изданий (некоторые примеры см. выше в таблице). Там же хранится *Тетрадь* стихотворных автографов Бунина в 121 страницу (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 3). Заполнявшаяся Буниным с февраля 1915 по конец сентября 1917 гг., она содержит черновые и беловые с правкой автографы 107 стихотворений, дающие отчетливое представление о характере работы Бунина над поэтическими текстами в этот период. Ничем подобным, относящимся к другим годам зрелого творчества Бунина, мы более не располагаем. В *Бунин—9* и следующих изданиях были использованы только единичные беловые и правленые автографы из этой *Тетради* (например, стихотворения «В арабской деревне», «По теченью») и вовсе не использованы (кроме нескольких упоминаний в *ЛН, I*) многослойные черновые автографы, которые призваны стать базовым ресурсом сведений об одном из самых плодотворных поэтических периодов Бунина. Приведем только несколько примеров из этой *Тетради*, говорящих о том, что для Бунина проблема раннего и окончательного текста была более чем существенна.

«Слово». Что вычеркнуто

Окончательный текст:

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас другого достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы
и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Черновой автограф (*Тетрадь. С. 4*):

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана:
[Звучат в веках.] Из древней тьмы на
мировом погосте,
[Лишь наши] Звучат лишь Письмена.

[Покрытые грехом братоубийства

В могилы ляжем мы
К потомкам нашим жалкие витийства
Дойдут из древней тьмы —]

[И всё ж священно наше достоянье:
И нет у нас иного достоянья!

Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

7.02.1915 Москва

В данном случае черновой автограф — это, по сути, самостоятельный вариант стихотворения. В нем открывается то, что Бунин убрал из текста: было — преодоление слабости, сознание греха во всей человеческой истории, сознание, что другого способа оставаться в вечности, кроме слова, нет, осталась — абстрактная декларация, лишенная психологической напряженности, которую очень удобно цитировать, чем и занимаются все, кому она приходится «к слову». Таким образом, первоначальный вариант может быть небезразличен не только для истории текста стихотворения, но и для понимания его философского и художественного потенциала.

«В горах». Что есть поэзия?

Окончательный текст:

В ГОРАХ

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий
скат,
Пустой кремнистый дол, загон овечьих
стад,
Пастушеский костер и горький запах
дымы!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись
назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий
аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю
мимо.
Поэзия не в том, совсем не в том, что
свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почувяв темный след
Того, что пращур мой почувял в древнем
детстве:
Нет в мире разных душ и времени в нем
нет!

Черновой автограф (*Тетрадь. С. 25*):

В [АПЕННИНАХ] ГОРАХ

[Что есть поэзия?]
[Душа поэзии — она]
Поэзия темна, в словах невыразима.
Как взволновал меня вот этот дикий скат,
Глухой кремнистый дол, загон овечьих
стад,
[Пастушеский костер] [Пастущий грубый
конь]
Пастушеский костер и горький запах дымы!

Тревогой [творчества] странною и радостью
томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись
назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо...
Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве:
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

[Поэзия в чутье — в уменье чуять]
Я говорю себе, почувяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем
детстве:
[И в том, что] — Нет в мире разных душ
и времени [ей] в нем нет!

12.02.1916

Стихотворение начиналось как определение смысла и существа поэзии, первая строка была: «Что есть поэзия?» — и тут же сбой; вторая попытка: «Душа поэзии — она...» — опять сбой. Наконец определилось: «Поэзия темна, в словах невыразима», — и далее весь текст, который в целом мало от-

личается от окончательного. Существенных отличий — два. Первое: вместо строчки «Тревогой страною и радостью томимо» было: «Тревогой *творчества* и радостью томимо, / Мне сердце говорит: “Вернись, вернись назад!”» и т.д. Второе отличие — в finale:

Поэзия в чутье — в уменье чуять след
Того, что прашур мой воспринял в древнем детстве
И в том, что разных душ и времени в нем нет!

— в этом отвергнутом варианте содержится самое откровенное определение того, в чем состояло для Бунина поэтическое творчество. Оно не слова и не эстетика, а *опыт и онтология*, довременной и древний опыт предка, улавливаемый, вспоминаемый, повторяемый потомком в тот миг, когда обостряется родовое сознание, когда зрительные, слуховые и обонятельные ощущения пронзают чувством уже бывшего. В первом варианте акцентировалась способность потомка / поэта найти и разгадать, в окончательном — способность воспринять. Прямой вывод растворен в перечислении впечатлений и их связанныности с *наследством*, — поэтическое творчество поворачивается своей более субстанциональной, нежели активной стороной.

«Что в том, что где-то на далеком...». Разница в 20 лет

Окончательный текст:

Что в том, что где-то на далеком
Морском прибрежье, валуны
Блестят на солнце мокрым боком
Из набегающей волны?

Не я ли сам, по чьей-то воле,
Вообразил тот край морской,
Осенний ветер, запах соли
И белых чаек шумный рой?

О, сколько их — невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зrimых,
И что они? И чей в них зов?

Черновой автограф (*Тетрадь*. С. 29):

Что в том, что где-то на далеком
Морском прибрежье, валуны
Блестят на солнце мокрым боком
Из набегающей волны?

Не я ли сам, по чьей-то воле,
Вообразил тот край морской,
Осенний ветер, запах соли
И белых чаек шумный рой?

[А вот томлюсь и в муках страстных
Ловлю какой-то дальний зов —
Их много есть в душе, — прекрасных
Еще не сказанных мной слов.]

[А вот томлюсь и чую, чую
Что есть душа в мечте моей —
И эту душу неземную
Язык не выразит ничей.]

[А вот томлюсь и выражений
Ищу зачем-то для таких
Созданий видений
И темных чувств, сокрытых в них.]

[Мы жизнью все живем двойною,
И может та сильней всего,
Что в этот мир пришла со мною
Душою предка моего.]

О, сколько их — невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зrimых,
И что они? И чей в них зов?

10.09.1915

Собственно, все явное движение стихотворения осталось в зачеркнутых строфах. В первой из них появляется определение первого толчка — «томлюсь», во второй оно подкреплено удвоенным «чую» (ср. в черновом варианте «В горах»). В третьей усиление продолжается, вместо повторенного «чую» найдено активное «ищу», *несказанные слова и дальний зов* перемещаются во внутреннее пространство героя и конкретизируются: в видениях сокрыты его *темные чувства*. Затем появляется следующая строфа, бывшая метафизическим центром стихотворения: признание двойной (удвоенной?) жизни, связи живущих и живших, власти предков над потомками, единства родового (ср. в стихотворении «У гробницы Виргилия» — мирового) опыта. Все эти строфы были последовательно зачеркнуты, и в окончательном варианте вместо ответов — вопросы, что делает текст формально более простым, но при этом более многозначным и непроясненным.

Отдельного внимания заслуживает время написания этого стихотворения. В *Бунин–9* и следующих изданиях оно определяется по дате, приведенной в первой публикации 1926 г.¹: 1895. Но в *Тетради* черновой автограф датирован автором: 10.09.1915 (*Тетрадь*. С. 29). Анализ рукописи не оставляет сомнения: 1895 г. — вымысел, заставляющий усомниться и в датах других стихотворений, напечатанных Буниным в 1926–1927 гг. под общим заглавием «Старая тетрадь» (см. с. 659–660). Написанное за полгода до ключевого во всем бунинском творчестве стихотворения «В горах», это стихотворение было ближайшим подступом к нему, подготовительным эскизом, попыткой «взять след».

¹ Возрождение. 1926. 23 мая. № 355. С. 2.

«На глазки синие, прелестные...» («Колыбельная»). Проблема адресата

Окончательный текст:

На глазки синие, прелестные
Нисходит сумеречный хмель:
Качайте, ангелы небесные,
Всё тише,тише колыбель.

В заре сгорели тучки вешние,
И поле мирное темно:
Светите, дальние, нездешние,
Огни в открытое окно.

Усни, усни, дитя любимое,
Цветок, свернувший лепестки,
Лампадка, бережно хранимая
Заботой Божеской руки.

Черновой автограф (*Тетрадь. С. 49*):

[КОЛЫБЕЛЬНАЯ]

На глазки синие, прелестные,
Нисходит сумеречный хмель.
Качают ангелы небесные
Твою простую колыбель.

Усни, усни! Усни, любимая!
Цветок, закрывший лепестки,
[Душа, земной тоской томимая
Освободилась от тоски.]
Лампадка, бережно хранимая,
Заботой Божеской руки.

[И тучки на заре растаяли]
В заре сгорели тучки вешние
И поле тихо и темно —
И звезды светят — [и чудная ли,]
ах, нездешние! —
[Моя ли ты — всё — всё ль равно!] —
И с ними ты — одно, одно.

[С какою нежностью [и мukoю] глубокою
Живет душа моя в твоей
Мечтою, памятью далекою
Моих младенческих ночей!]

А я с тобою, синеокою,
А я душой — в душе твой:
Мечтою, памятью далекою
Моих младенческих ночей.

13.10.<1915>

В *Бунин-9*, как и во всех последующих изданиях, стихотворение прокомментировано так: «Стихотворение посвящено сыну Бунина Коле (1900–1905), родившемуся от брака с А.Н. Цакни (1879–1963). В.Н. Бунина пишет, что летом 1901 года, “будучи в деревне, Иван Алексеевич писал стихи, и среди них «На глазки синие, прелестные...». Это стихотворение, конечно, о сыне”. По ее словам, у Бунина были еще стихи о сыне, “очень пронзительные, но нигде не напечатанные. Раз он прочитал их мне” (<Муромцева-Бунина В.Н.> «Жизнь Бунина» <Париж, 1958>, с. 131, 159)» (*Бунин-9*, I. С. 535–536; *Бунин-6*. С. 588 и т.д.).

В своей последней редакции с авторской датой «1901» стихотворение напечатано в *Петрополис*, I. В *Тетради* остался черновой автограф с датой «13.10.<1915>¹». Здесь же — библиографическая помета Бунина: «<газ.> “Народное слово”. 4 мая (21 апр.). 1918 г. № 20» — там стихотворение было опубликовано в той редакции, которая записана в *Тетради*. Указание на газетную публикацию воспроизведено в примечаниях в *Бунин-9* и следующих изданиях, однако никаких упоминаний об изменениях, которые претерпел текст на пути в *Петрополис*, в них нет. Даже если газетная публикация была известна составителям не по *Тетради*, увидеть пускай не автограф, но публикацию, на которую составители собрания ссылаются как на первоисточник, и не увидеть затеянную автором путаницу дат и адресатов, — невозможно. Если же место первой публикации стихотворения было известно издателям по *Тетради* (а об этом говорит тот факт, что подробные указания Бунина о публикациях стихов, присутствующие в *Тетради*, точно перенесены в его современные издания), то мы должны признать свое бессилие объяснить выбранные ими датировку и комментарий к этому тексту. Ни к сыну Бунина, ни к 1901 г., вопреки воспоминаниям вдовы поэта и его собственной позднейшей датировке, он не имеет никакого отношения, и в комментарии к стихотворению должны быть отражены как легенды (в том числе авторские), так и истинные обстоятельства его создания.

«Nel mezzo del cam<m>in di nostra vita». Этапы текста

Окончательный текст:

NEL MEZZO DEL CAM<M>IN
DI NOSTRA VITA

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу Божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза...
Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На их синеющие кручи...
Дни, вечно памятные мне!

Черновой автограф (*Тетрадь*. С. 48):

АБРИКОСЫ

В помпейский серый день, в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Но сладок сердцу Божий мир,
Они в долинах розовели.
[В долинах голубой туман]
Там голубой стоял туман
Ракиты серые торчали,
Деревни [и сады] сонные молчали
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза.
Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне
Каким в горах спускались тучи
На темно-синие их кручи

7.04.1916

¹ Год восстанавливается нами по почерку, чернилам и последовательности дат в *Тетради*.

В хронологическом ряду поэтических текстов Бунина это стихотворение печатается одним из последних. Впервые (без заглавия) оно было опубликовано в 1947 г. в газете «Русские новости» (Париж), затем вошло в *Весной, в Иудее — 1953* и по этому тексту печатается в *Бунин—9* и следующих изданиях с датой: 1947. Однако в фонде Бунина в РГАЛИ хранятся два автографа, позволяющих серьезно скорректировать представление о творческой истории текста. Во-первых, это черновой автограф в *Тетради*, представляющий собой, как видим, первую редакцию стихотворения и датированный 7.04.1916; во-вторых, автограф с небольшой правкой, текст которого отличается от окончательного только отсутствием заглавия и эпитетом «темно-синие» вместо итогового «синеющие» в строке 13. На этом автографе имеется стертая, но читаемая, карандашная надпись Бунина: «Послал <Б.К.> Зайцеву 2.02.<19>44» (Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 26). Есть и газетная вырезка с текстом стихотворения, на которой рукой Бунина проставлен год: «1947», но очевидно, что таким образом автор отметил год публикации, а не создания текста (Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 28). В итоге оказывается, что к тексту, который считался написанным «в один прием» в 1947 г., Бунин обращался на протяжении более тридцати лет — трижды: 7 апреля 1916 г., в <феврале 1944> (когда послал его Зайцеву) и в <1947> (как указал на вырезке).

Итак, мы рассмотрели текстологические особенности предыдущих изданий лирики Бунина *sub specie* композиции, выбора основного текста, определения датировок и учета нескольких редакций одного стихотворения. Приходится признать, что ни одно из них не может считаться научным изданием в точном смысле этого понятия. Первая причина уже была обозначена выше. Это пренебрежение доступными архивными источниками и обилие ошибок в прочтении, датировке и расположении текстов. Но есть и другая, чрезвычайно веская причина. Это разделенность бунинского архива, значительная часть которого осталась за пределами России и не могла быть использована составителями советских изданий. Однако в настоящее время Бунинская коллекция, являющаяся частью Русского архива в Лидсе (Великобритания; РАЛ) и имеющая научное описание¹, доступна исследователям, и обращение к ней выводит проблему научного издания Бунина на новый уровень.

3. Источники научного издания

3.1. Собрания сочинений и их авторские (рабочие) экземпляры

Как было сказано выше, основными источниками во всех рассмотренных собраниях сочинений Бунина считались хранящиеся в российских архивах авторские экземпляры двух этапных прижизненных собраний сочинений:

¹ Heywood A.J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by R.D. Davies, with the Assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000 (Leeds Russian Archive. University of Leeds).

- (1) *Петрополис* с правкой Бунина 1947–1953 гг. (РГБ);
- (2) для произведений, не вошедших в *Петрополис*, — *ПСС–1915* с правкой Бунина <1934–1952> гг.¹ (ИМЛИ, РГАЛИ);
- (3) для произведений, не вошедших ни в *Петрополис*, ни в *ПСС–1915*, — последнее прижизненное издание².

Повторим, что уже на примере этих источников выявилась специфическая особенность работы Бунина со своими изданиями: исправления, уточнения (например, дат) и пометы (например, библиографические — о первых публикациях) заносились не в один, а в несколько экземпляров одного тома. Так, в российских хранилищах (кроме томов, представленных одним авторским экземпляром) находятся по два авторских экземпляра третьего и четвертого томов *Петрополис* с правкой (все в РГБ) и три авторских экземпляра первого тома *ПСС–1915* (один в ИМЛИ, два в РГАЛИ). Сравнение разных экземпляров одного тома позволяло в конце концов выбрать из них наиболее поздний вариант каждого конкретного текста, и публикация именно по позднейшему варианту, хотя и не полностью выдержанная, являлась нормой издания Бунина, как и других русских классиков.

Обращение к материалам Русского архива в Лидсе (РАЛ) показывает, что в действительности источников для издания Бунина значительно больше и что одновременная или последовательная, систематическая работа в нескольких экземплярах одного тома, одного издания была не возможной, а неотъемлемой частью творческого процесса поэта.

Стихотворения входили в семь из одиннадцати томов *Петрополис* (кроме т. 7, 9–11), из оригинальных и переводных поэтических произведений Бунина составлены первый, третий и частично шестой тома *ПСС–1915*. Сравнение всех экземпляров каждого тома позволяет (в отдельных случаях с определенной долей условности, в других — более уверенно, в третьих — однозначно) установить порядок и характер работы Бунина с ними.

Ниже приводим суммарное описание авторских экземпляров собраний сочинений Бунина (*ПСС–1915* и *Петрополис*), находящихся в российских хранилищах и РАЛ.

¹ Обоснование датировки см. ниже.

² Об авторских экземплярах сборника «Избранные стихи» см. в след. разделе. Одиночные, не визированные для будущих изданий экземпляры книг «Господин из Сан-Франциско» (М., 1916), «Господин из Сан-Франциско» (Париж, 1920 <на тит. л. 1921>), «Чаша жизни» (Париж, 1922) с фрагментарной правкой автора хранятся в РАЛ и до начала 2000-х гг. не были знакомы составителям бунинских изданий. Хранящиеся в РАЛ экземпляры сборников «Начальная любовь» (Прага, 1921), «Роза Иерихона» (Берлин, 1924), «Митина любовь» (Париж, 1925) и «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953) помет Бунина не имеют.

ПСС–1915:*Том 1:*

1. РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 20. 2 неполных экз. <1934>¹.

2. РАЛ. MS 1066/905. <1934–1952>. На обложке: «Всё зачеркнутое ни-
где не перепечатывать. Незачеркнутое перепечатывать в исправленном мною
здесь виде — и всё располагая в <хро>²нологич<еском> порядке». Непол-
ный экземпляр: с. 109–111 отсутствуют (стихотворения «Эпитафия», «Зим-
ний день в Оберланде», «Сиваш» («Багряная печальная луна...»), «Кондор»,
«Широко меж вершин дубов...»).

3. ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 64. <1934–1952>. На с. 1: «16 Дек. 1952 г.,
Париж. Зачеркнутое не вводить в будущее собрание моих сочинений, даже
самое полное. Ив. Б.».

Несмотря на датирующую помету Бунина на экземпляре ИМЛИ, основ-
ная работа со всеми четырьмя экземплярами и проходила в начале 1934 г.,
когда Бунин готовил *Петрополис*.

В одном из экземпляров РГАЛИ правка минимальна, отдельные поправки
внесены только в несколько текстов³. Во втором экземпляре РГАЛИ многие
стихотворения перечеркнуты красным и простым карандашами, и в данном
случае, в отличие от других экземпляров этого тома, перечеркивания не оз-
начают включения отмеченных таким образом текстов в *Петрополис* (ср.
ниже). Так как в большинстве авторских экземпляров *ПСС–1915*⁴ перечерки-
вание красным карандашом оказалось устойчивым знаком включения текста
в *Петрополис*, можно думать, что первый экземпляр РГАЛИ — более ранний
и система авторских помет при работе с ним находилась еще в стадии станов-
ления.

Пометы и исправления в экземплярах РАЛ и ИМЛИ значительно разно-
образнее и сложнее. В *ПСС–1915, 1 — РАЛ* шесть слоев правки, *ПСС–1915,
1 — ИМЛИ* — четыре слоя. Разграничение слоев правки показывает меха-
низм работы Бунина над *Петрополис* и отражает его дальнейшие колебания
в выборе текстов для будущего издания.

Для *ПСС–1915, 1 — РАЛ* может быть определен такой порядок:

¹ Здесь и далее указываются даты обращения (для томов *Петрополис* — последнего об-
ращения) к авторским экземплярам томов, зафиксированные в визирующих надписях Бунина
(в угловых скобках — даты, восстановляемые по характеру и смыслу правки). Подчеркнутые
слова и их фрагменты подчеркнуты Буниным.

² Здесь край страницы оборван.

³ Кроме того, ряд стихотворений в этом экземпляре отмечен одним, двумя и тремя каран-
дашными крестами, прагматика которых не ясна. Можно только предположить, что эти пометы
отражают определенную стадию отбора Буниным произведений для *Петрополис* и количество
крестиков каким-то образом связано со ступенями этого отбора или категоричностью выбора.
Таким же образом отмечены некоторые стихотворения в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* (MS 1066/908).

⁴ *ПСС–1915, 1 — РАЛ, ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ.*

1. Красный карандаш. Им перечеркнуты стихотворения, которые вошли в *Петрополис*¹: «Листопад», с. 16–17, «Ракета» (в *Петрополис* без заглавия, по первой строке: «Был поздний час — и вдруг над темнотой...»), с. 77, «Подснежники» (в *Петрополис* без заглавия, по первой строке «Раскрылось небо голубое...»), с. 77–78, «Зеленый цвет морской воды...», с. 84, «Первая любовь» («Перед закатом набежало...»), с. 105 и т.д. На с. 16 запись: «[Зачеркнутое <(по тексту)?> красным карандашом] взято в “Избранные стихи”² и в издание “Петрополиса”»³.

2. Черные чернила. Ими сделаны пометы «Взято в изд. “Петрополиса”» и т.п., вычеркнуты некоторые строфы, сделаны небольшие исправления в текстах. Стихотворения, не перечеркнутые красным карандашом, но снабженные указующей пометой черными чернилами, еще успели войти в *Петрополис*: «Нет солнца, но светлы пруды...» (в редакции *ПСС–1915*, 3 «Счастье» («Весеннего ливня мы ждем...»)), с. 82–83, «Зарница» (в *Петрополис* без заглавия, по первой строке «Зарницы лик, как сновиденье...»), с. 86. Этот этап для работы над составом *Петрополис* оказался итоговым. Предположительно тогда же на с. 17 была сделана запись: «При перепечатке [в новом издании] поставить [в нем] всё здесь незачеркнутое в хронологическом порядке. Ив. Б.».

3. Простой карандаш. Им была частично продублирована, частично скорректирована или дополнена правка, сделанная прежде красным карандашом. Например, стихотворение «Еще от дома на дворе...» (с. 51–52) сначала лишилось *** перед первой строкой и последней строфы (вычеркнуты красным карандашом), затем всё было зачеркнуто черными чернилами, поверх них перечеркнуто простым карандашом, и им же напротив вычеркнутой красным последней строфы Бунин добавил: «Вон!». Тем же простым карандашом были сделаны указания о том, какие стихотворения «можно взять» или просто «взять»: «Учан-Су», с. 54, «Высоко полный месяц стоит...», с. 67, «Мать» («И дни и ночи до утра...»), с. 73–74 и т.д. Однако в *Петрополис* эти стихотворения уже не вошли.

4. В некоторых случаях (стихотворение «Зной, — но ясно лазурное небо глядится...», с. 34) написанное простым карандашом указание «взять» подчеркнуто синим карандашом. Им же сделаны аналогичные указания напротив некоторых других текстов и более жирно обведены исправления, сделанные черными чернилами (стихотворение «Эпиталама», с. 98).

5. По хронологии работы с синим карандашом конкурируют еще раз возникающие черные чернила, которыми были перечеркнуты многие тексты

¹ Карандаш мог быть в этих случаях обведен позднее черными чернилами.

² В *Избранные стихи — 1929* эти тексты отсутствуют.

³ Кроме того, красным карандашом в этом экземпляре зачеркнуты многие заглавия стихотворений, убраны точки в конце оставленных заглавий, выправлены или зачеркнуты отдельные строки.

и акцентированы некоторые записи, сделанные простым карандашом. Например, у стихотворения «После половодья», которое сначала лишилось заглавия (вычеркнуто красным карандашом, по первой строке «Прошли дожди, апрель теплеет...», с. 32), затем было перечеркнуто черными чернилами, затем восстановлено простым карандашом с указанием «Взять», — поверх последней пометы надписано снова черными чернилами: «Ошибочно зачеркнуто. Можно взять». По смыслу и результату (отсутствие в *Петрополис*) это указание близко тем, которые были сделаны раньше простым карандашом, и, вероятно, близко им и по времени. Отнести правку синим карандашом (а значит, и всех до сих пор названных слоев) к периоду подготовки *Петрополис* позволяет анализ авторских экземпляров *ПСС–1915, 3* (см. ниже). И, судя по почерку и смыслу правки этого слова, именно тогда Бунин написал на первой странице: «Всё зачеркнутое нигде не перепечатывать» и т.д.

6. Наконец, последним оказывается слой правки, которую синей шариковой ручкой внесла В.Н. Бунин. Напротив некоторых вычеркнутых ранее стихотворений ею, вероятно со слов Бунина, сделаны пометы «оставить» (один раз «взять», один раз «вон»)¹. Эти пометы могут быть датированы 1952 г. — в сопоставлении с правкой, перенесенной В.Н. Буниной с этого экземпляра в *ПСС–1915, 1 — ИМЛИ*, который визирован Буниным 16 декабря 1952 г.

ПСС–1915, 1 — ИМЛИ представляется наиболее поздним. В него, параллельно с *ПСС–1915, 1 — РАЛ*, вносилась правка красным и простым карандашами и, позднее, синей шариковой ручкой²: ею Бунин вычеркнул в экземпляре ИМЛИ стихи, которые не хотел видеть в своем поэтическом наследии, и сделал итоговую надпись на первой странице 16 декабря 1952 г., и этой же ручкой В.Н. Бунина перенесла в этот экземпляр правку из *ПСС–1915, 1 — РАЛ*³.

Таким образом, на первых этапах подготовки *Петрополис* Бунин пользовался экземплярами, хранящимися ныне в РГАЛИ, которые с течением времени отошли для него на второй план. Тогда же, в 1934 г., он начал работу с экземплярами РАЛ и ИМЛИ и затем вернулся к ним в 1952 г.⁴ Важность этих экземпляров в 1952 г., видимо, чередовалась, но хронологическое пре-

¹ Один и тот же знак — зачеркивание — означает в 1930-е гг., что стихотворение надо взять в новое издание, а в конце 1940-х — начале 1950-х гг., что стихотворение надо убрать из собрания. В связи с этим важно и то, кто именно, сам Бунин или его жена, и чем (например, красным карандашом — взять, синей ручкой — не брать) делал соответствующие пометы.

² Синей шариковой ручкой Бунин стал пользоваться летом 1949 г.

³ При этом правка ряда текстов, исправленных во втором экземпляре РГАЛИ, ни самим Буниным, ни его женой не была перенесена в *ПСС–1915, 1 — ИМЛИ*.

⁴ До сих пор в буниноведении считалось, что правка в этих томах относится только к 1952 г., см. архивное описание ИМЛИ, по умолчанию принятное в отечественных изданиях (*Бунин–9, 1. С. 521* и др.).

имущество осталось за экземпляром ИМЛИ как более поздним. Кроме анализа слоев правки, это подкрепляется отбором текстов. Так, стихотворения «Помню — долгий, зимний вечер...» и «Астры. А. Асныка», вычеркнутые в экземплярах РГАЛИ и РАЛ, были затем восстановлены в экземпляре РАЛ (помета «оставить» рукой В.Н. Буниной), а в экземпляре ИМЛИ без сомнений оставлены для будущего издания стихов. Видимо, решение относительно этих текстов на момент работы Бунина с *ПСС–1915, 1 — ИМЛИ* уже было взвешено и принято.

Том 3:

1. ОГЛМТ. № 749/2 оф. / РК. Ф. 14. Оп. 1.2. <1917–1918>.
2. ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 65. <1934>. Неполный экз. С. 1–16. На с. 1: «Много заглавий зачеркнуто — эти заглавия не восстанавливать»; «Из этого можно взять многое (если не все) незачеркнутые. Зачеркнутое красным карандашом уже взято (в издание “Петрополиса” и в “Избранные стихи”). Зачеркнутое чернилами (с начала и до конца этой книжки) никуда не брать».
3. РАЛ. MS 1066/909. <1934>. Неполный экз. С. 17–248.
4. РАЛ. MS 1066/908. <1934–1953>. На с. 1: «<...>¹ “Петрополиса”. Вообще всё, что зачеркнуто красным карандашом, взято туда. Незачеркнутое взять в будущее собрание (следуя, как всегда, <хронологическому порядку?>²)».

Формально экземпляров *ПСС–1915, 3* четыре: один в ОГЛМТ, один неполный в ИМЛИ, один полный (хотя и с частично вырезанными страницами, MS 1066/908) и один неполный (MS 1066/909) в РАЛ. Однако сопоставление двух неполных экземпляров позволяет утверждать, что один разорванный экземпляр (до с. 16 — в ИМЛИ, другая, значительно большая часть — в РАЛ), и, значит, содержательно, по сути, авторских экземпляров три: один — ОГЛМТ (*ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ*), второй — ИМЛИ + РАЛ. MS 1066/909 (*ПСС–1915, 3 — ИМЛИ + РАЛ*), третий — РАЛ. MS 1066/908 (*ПСС–1915, 3 — РАЛ*).

Раньше всего Бунин работал с тем экземпляром, который остался в России, был передан в ОГЛМТ вдовой Н.А. Пушешникова К.П. Пушешниковой в 1956 г. и ныне хранится в ОГЛМТ. Судя по характеру чернил и правки (простым и фиолетовым карандашами), Бунин работал с ним в 1917–1918 гг., до своего отъезда из Москвы в Одессу. Несмотря на то, что на этом экземпляре нет завещательной надписи, он должен рассматриваться наравне с *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* как наиболее близкий по времени к созданию напечатанных в нем стихотворений.

Два других экземпляра использовались Буниным в течение определенного времени параллельно, хотя по количеству слоев правки они разнятся: в экземпляре *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ + РАЛ* три слоя правки (красный карандаш,

¹ Начало фразы вырезано.

² Восстанавливается по аналогии с записями Бунина на других экземплярах.

черные чернила, простой карандаш), в экземпляре *ПСС–1915, 3 — РАЛ* — четыре слоя (красный карандаш, черные чернила, синий карандаш, синяя шариковая ручка). Последний экземпляр, наиболее насыщенный правкой, видимо, использовался Буниным дольше других. Смысл правки красным карандашом и чернилами следует из бунинских пояснений на обоих экземплярах, при этом порядок слоев во всех авторских экземплярах *ПСС–1915, 3* соотносим с порядком слоев в *ПСС–1915, 1*. Приведем для примера описание правки в наиболее полном экземпляре — РАЛ. MS 1066/908 (*ПСС–1915, 3 — РАЛ*).

а. Красный карандаш. Им отмечены (перечеркнуты) тексты, которые затем вошли в *Петрополис*.

б. Черные чернила. Ими проставлены даты под стихотворениями и сделаны пометы о том, что отмеченные красным карандашом тексты в *Петрополис* взяты (помета «Взято»). Кроме того, в *Петрополис* вошли стихи, не перечеркнутые красным карандашом, но перечеркнутые позднее чернилами с пометой «Взято», например, «Сентябрь» (в *Петрополис* без заглавия: «Уж подсыхает хмель на тыне...»), «Кошка» (в *Петрополис* без заглавия: «Кошка в крапиве за домом жила...»), «Геймдаль», «Лен» (в *Петрополис* без заглавия: «Присела на могильнике Савуре...») и др. Черной ручкой была сделана правка и в ряде других стихотворений, не включенных Буниным в *Петрополис* («Сапсан», «Судра», «Атлант» и др.).

с. Синий карандаш. Им зачеркнуты некоторые знаки вопроса, проставленные Буниным рядом с датами, написанными черными чернилами. Показательно стихотворение «Летаргия» («В полях — сухие стебли кукурузы...», с. 85): оно не отмечено красным карандашом, крест-накрест перечеркнуто только синим карандашом, которым сделана рядом с текстом помета «Взято», и в *Петрополис* оно присутствует (без заглавия). Видимо, именно на стадии проставления этих помет по всему экземпляру тома происходил окончательный отбор в новое издание¹. Этим же синим карандашом была сделана правка в некоторых стихотворениях, не рассматривавшихся как кандидаты в *Петрополис* («Чужая», «Наследство»).

д. Синяя шариковая ручка. Напротив отдельных стихотворений ею сделаны пометы «Взять», «Отменить», которые можно датировать условно, по аналогии с правкой в *ПСС–1915, 1 — ИМЛИ, <1952–1953>*.

Как видно из сравнения слоев правки в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* и состава *Петрополис*, временной шаг в ходе подготовки издания сказался на том, какой слой правки успел войти в него: для *ПСС–1915, 3 — РАЛ* это уже не черные чернила (как для *ПСС–1915, 1 — РАЛ*), а синий карандаш. Таким образом, можно датировать 1–5 слои правки в *ПСС–1915, 1 — РАЛ* и 1–3

¹ В то же время одного перечеркивания синим карандашом для включения в *Петрополис* (как это было с красным карандашом) недостаточно: так, стихотворения «Пугало» (с. 75–76) и «Джордано Бруно» (с. 93–94), крест-накрест перечеркнутые синим карандашом, но без пометы «Взять», в *Петрополис* не попали.

слой правки в *ПСС–1915, 1 — ИМЛИ* периодом подготовки *Петрополис*, то есть 1934 г.

Кроме описанных трех экземпляров *ПСС–1915, 3* в РАЛ находится еще один экземпляр (MS 1066/10150), в который синей шариковой ручкой внесены единичные поправки в стихотворения «Атлант», «Агни», «День гнева», «Сын Человеческий» и «Сквозь ветви», не превышающие исправлений, сделанных в более полных экземплярах, и единственное изменение — вычеркивание заглавия в стихотворении «Золотой невод», — отсутствующее в других экземплярах тома.

В целом стихотворения, которых коснулась правка Бунина в разных экземплярах *ПСС–1915, 1* и *ПСС–1915, 3*, могут быть разделены на четыре группы:

1) стихи, отмеченные только пометами о включении / невключении их в *Петрополис* (1934) или литературное наследие, каким его видел сам Бунин (1952);

2) стихи, которые были исправлены Буниным в ходе подготовки *Петрополис* (1934) и взяты в новое собрание;

3) стихи, которые были исправлены в *ПСС–1915*, но не были напечатаны ни в *Петрополис*, ни в каких других прижизненных изданиях Бунина и при сравнении правки в разных экземплярах одного тома сводимы к единому варианту;

4) стихи, которые были исправлены в *ПСС–1915*, но не были напечатаны ни в *Петрополис*, ни в каких других прижизненных изданиях Бунина и при этом к единому варианту не сводимы.

После выхода *Петрополис* Бунин долгое время не обращался к своим изданиям. Следующий этап его работы с опубликованными в его собраниях поэтическими текстами относится к 1947–1953 гг. и затрагивает уже не только авторские экземпляры *ПСС–1915*, но и авторские экземпляры *Петрополис*.

Петрополис:

Том I:

1. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 11. Июль 1953. На обложке: «Все стихи просмотрены — и отмечено что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 г.» <красной шариковой ручкой>; на с. 73 на верхнем поле: «В новое издание моих Избранных стихов взять только то, что отмечено красным крестиком» <красной шариковой ручкой>¹.

2. РАЛ. MS 1066/10157. Июль 1953. На обложке: а. «Исправлено в [октябре] ноябре 1951 г.» <синей шариковой ручкой>; б. «Все стихи просмотрены — и отмечены что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 года» <красной шариковой ручкой>.

¹ Здесь и далее характер ручки позволяет косвенно судить о времени работы и порядке правки, вносившейся Буниным сначала черными чернилами, затем, с июня 1949 г. синей, а с марта 1950 г. красной шариковыми ручками.

3. РАЛ. MS 1066/10156. Июль 1953. На обложке: *a. <рукой В.Н. Буниной:>* «Исправлено в ноябре 1951 г.»; *б.* «Все стихи просмотрены — и отмечено что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 г.».

Во всех трех экземплярах отмечены стихи для нового издания¹ и совпадают содержательная правка, при этом в *Петрополис, I — РАЛ (2)*² правка и пометы принадлежат В.Н. Буниной — они перенесены ею с двух предыдущих экземпляров. О времени работы можно судить по визирующей записи Бунина на экземпляре РГБ и атрибуции почерков, его и жены.

Кроме того, известен авторский экземпляр Бунина в собрании Н. Воронцова (Мюнхен): в нем единичные пометы, но на обложке стоит датирующая надпись Бунина: «Янв. 1950 г. Исправлено для нового издания»³. Сохранились также отдельные листы из тома (РАЛ. MS 1066/912)⁴.

Том 2:

1. РАЛ. MS 1066/10158. Ноябрь 1952. На обложке: «Исправлено мною для нового издания в ноябре 1952 г. Ив. Б.».

2. РАЛ. MS 1066/10159. Апрель 1953. На обложке: *a.* «28.X.34 вышла из печати. Авторский» <сверху на обл., черными чернилами <1934>>⁵, «вышла из печати» <красной шариковой ручкой <1953>>; *б.* «Исправлено для нового издания в [августе 1952] апреле 1953 г. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой, подпись красной>.

3. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 12. 20 октября 1953. На обложке: «Окончательно исправлено для нового издания 20 окт. 1953 г. Ив. Б.» <синей шариковой рукой>; на шмуртитуле (с. 273): «Отмеченное крестиком взять в новое издание моих “Избранных стихов”» <красной шариковой ручкой>.

То, что в экземпляре РАЛ. MS 1066/10158 Бунин работал раньше, чем в других, подтверждается характером правки. С одной стороны, в нем нет исправлений, которые есть в других экземплярах (стихотворения «Бог», «В мелколесье пело глухо, строго...»). С другой стороны, не все сделанные в нем исправления нашли отражение в более поздних экземплярах РГБ

¹ В РАЛ. MS 1066/10156 отобранные стихотворения отмечены крестиком, проставленным синим карандашом, в РАЛ. MS 1066/10157 и в РГБ — также, но красным карандашом.

² Здесь и далее используются сокращения авторских экземпляров различных томов Бунина, в конце которых (в скобках) указан порядковый номер согласно приводимому описанию. См. также «Архивные источники. Перечень и описание».

³ Благодарю Н. Воронцова за предоставление копий правленых страниц этого издания.

⁴ На первой странице этого экземпляра запись Бунина с подчеркиванием: «В этом собрании окончательно установлен текст всего его содержания (и я очень прошу читателей, критиков и переводчиков пользоваться только этим текстом)».

⁵ По наблюдению Р. Дэвиса, черные чернила, которыми Бунин пользовался в середине 1930-х гг., со временем приобрели более светлый, коричневатый оттенок, тогда как черные чернила, которыми сделаны надписи второй половины 1940-х гг. (ср. надписи 1947 г.) сохранили определенный черный цвет.

и *Петрополис, 2 — РАЛ (2)*: в ряде случаев правка совпадает в двух последних экземплярах и не совпадает с *Петрополис, 2 — РАЛ (1)* (стихотворения «В архипелаге», «Долина Иосафата», заглавие в стихотворении «После Мессинского землетрясения»). Ср., например, «Долина Иосафата», ст. 11: *Петрополис, 2: Всех, что в плену и что мечом убиты*, в *Петрополис, 2 — РАЛ (1)* переправлено на: *Всех верных, всех, что не убиты*, в *Петрополис, 2 — РАЛ (2)* и экземпляре РГБ переправлено на: *Всех, что в чужбине не были убиты*. По-разному изменено название стихотворения, которое в *Петрополис, 2* озаглавлено «После землетрясения». В *Петрополис, 2 — РАЛ (1)* оно переправлено на «После Мессины», в *Петрополис, 2 — РАЛ (2)* и экземпляре РГБ — «После Мессинского землетрясения».

В некоторых случаях правка в экземпляре РГБ отражает решение, зафиксированное не в *Петрополис, 2 — РАЛ (2)*, а в более раннем *Петрополис, 2 — РАЛ (1)*. Можно предположить, что в экземпляре РГБ сводилась правка из обоих экземпляров РАЛ (см. стихотворения «В роще» («Там иволга, как флейта, распевала...»), «При дороге») и при этом Бунин отказывался от некоторых решений, принятых прежде в *Петрополис, 2 — РАЛ (1)*. О более позднем характере правки в экземпляре РГБ говорит и то, что только в нем отмечены стихи для нового издания.

Кроме названных, в архиве Бунина остался неправленый экземпляр с дарственной надписью «тете Маше» (видимо, М.Н. Муромцевой, тете В.Н. Буниной), датированный 2 сентября 1935 г. (РАЛ. MS 1066/10160).

Том 3:

- 1) РАЛ. MS 1066/10161. Апрель 1953. На обложке: «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952 г.] [январе] апреле 1953 г. Ив. Б.» <синей шариковой ручкой; «январе» зачеркнуто и «апреле» вписано красной шариковой ручкой>.
- 2) РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 13. <После апреля 1953>.
- 3) РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 14. <После апреля 1953>.
- 4) РАЛ. MS 1066/914. Неполный экз. <После апреля 1953>.

В первом экземпляре, РАЛ. MS 1066/10161, правки немного, и даты (месяцы) не переправлены с римских (типографских) на арабские, что чем дальше, тем чаще встречается в авторских экземплярах Бунина. Между экземплярами РГБ выделить авторитетный трудно. Только в первом экземпляре РГБ первая строка стихотворения «Два голоса» переправлена на «Ночь, сыночек, не месячна,», во всех других экземплярах тома она изменена на «Ночь, сынок, непроглядная,»; только в нем поправлено стихотворение «Ночная змея» (ст. 16) — во втором экземпляре РГБ оно не менялось. С другой стороны, во втором экземпляре РГБ дана полная правка стихотворений «Ночь зимняя мутна и холодна...» и «Летняя ночь», которой нет в первом экземпляре РГБ. Оба экземпляра РГБ и второй экземпляр РАЛ правились Буниним, по всей видимости, примерно в одно и то же время. Затем в какой-то

момент экземпляры РГБ стали, вероятно, считаться Буниным «черновыми»: правка из них последовательно перенесена во второй экземпляр РАЛ или же впервые появляется в нем. Это становится ясно на примере стихотворения «На пути из Назарета»: а) в первом экземпляре РАЛ и обоих экземплярах РГБ ст. 2 не тронута: *Встретил я Святую Деву* — и только во втором экземпляре РАЛ переправлена на: *Встретил я Марию Деву*; б) ст. 6 в первом экземпляре РАЛ и обоих экземплярах РГБ: *Шла по ней, а по долине* (переправлено с напечатанного: *С юга шла — и по долине*) — во втором экземпляре РАЛ дан новый вариант: *Без конца шла по долине*. Другие примеры — стихотворения «Алисафия», «Потомки пророка» и «Как дым пожара, туча шла...»: в *Петрополис, 3 — РАЛ (1)* не исправлены, в экземплярах РГБ правки тоже нет, а в *Петрополис, 3 — РАЛ (2)* правка внесена. Правка внесена и в стихотворение «Ночь зимняя мутна и холодна...», но иная, чем в *Петрополис, 3 — РГБ (2)*: во втором экземпляре РГБ зачеркнуты ст. 11–16 и внесены отдельные коррективы в ст. 2 и 4, а во втором экземпляре РАЛ зачеркнуты ст. 15–18 и исправлены ст. 13–14, 19, 21 и 23. Таким образом, даже если считать *Петрополис, 3 — РАЛ (2)* итоговым экземпляром, отражающим последнюю авторскую волю, относительно стихотворений «Два голоса» и «Ночь зимняя мутна и холодна...» ее придется искать в других экземплярах — или отказываться от последней правки.

Кроме того, в РАЛ сохранился экземпляр с минимальной правкой, поглощаемой правкой в других экземплярах (РАЛ. MS 1066/10162).

Том 4:

(1) РАЛ. MS 1066/915. Неполный экз. 28 августа 1947. На обложке: а. «[Исправлено для нового издания. 28 Авг. 47 г. Ив. Бунин]» <черными чернилами <1947>>; б. «Дефективный, изорванный экземпляр. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой; <Д> сначала красной>.

(2) РГБ. Ф. 429. Карт. 3. Ед. хр. 26. Март 1951. «Исправил для нового издания Март 1951 г. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой>.

(3) РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 15. Апрель 1953. На обложке: «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952 г.] апреле 1953 г. Этот экз<емпляр> оставить у себя. Вышла в свет 21.3.1935 г.» <всё красной шариковой ручкой>.

(4) РАЛ. MS 1066/10163. Апрель 1953. На обложке: а. «21.III.35 вышла из печати. Ив. Б.» <сверху на обл.; дата и «Ив. Б.» черными чернилами <1935>, «вышла из печати» вписано красной шариковой ручкой <1952>>; б. «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952] апреле 1953. Ив. Б.» <красной шариковой ручкой; зачеркивание и «апреле 1953. Ив. Б.» синей>.

В первом экземпляре РАЛ (MS 1066/915) правка минимальна. Из экземпляров РГБ более поздний по авторской датировке — *Петрополис, 4 — РГБ (2)*, по содержанию правки — *Петрополис, 4 — РГБ (1)*: стихотворения

«Мушкет», «Венеция», «Теплой ночью, горною тропинкой...» исправлены только в нем. Итоговая дата у вторых экземпляров РГБ и РАЛ одна — апрель 1953 г., хотя по правке к *Петрополис, 4 — РАЛ (2)* ближе датированный марта 1951 г. первый экземпляр РГБ. При этом некоторые различия есть и между ними. Так, например, в стихотворении «Венеция» в *Петрополис, 4 — РГБ (1)* Бунин вычеркивает ст. 62–64, и стягивает ст. 72–74 («В переулках — / Слякоть, грязь. Идут посередине, — / В опере как будто. Сладко пахнут / Крепкие сигары. И Но как уютно»), а в *Петрополис, 4 — РАЛ (2)* этой правки нет, зато небольшие изменения внесены в ст. 18–19, 95, 107, не тронутые ни в первом, ни во втором экземпляре РГБ. Аналогично, последняя строка в стихотворении «Теплой ночью, горною тропинкой...» в *Петрополис, 4 — РГБ (1)* из «Звон цикад журчит среди камней» переменилась на «Звоночных цикад журчит за ней», а в *Петрополис, 4 — РАЛ (2)* — на «Звон цикадочных за ней». В итоге мы имеем несогласованную правку между тремя экземплярами, и одновременность датировки двух из них никак не помогает однозначному решению.

Кроме того, в РАЛ хранится еще один, недатированный, экземпляр этого тома, в котором Бунин правил рассказы, но не правил стихотворения (РАЛ. MS 1066/10164).

Том 5:

1. РАЛ. MS 1066/916. Неполный экз. <1951–1953>.
 2. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 16. Апрель 1953. На обл.: а. «9.II.35 вышла из печати. Авторский <экземпляр> <черными чернилами <1935>, «вышла из печати» — синей шариковой ручкой»; б. «Исправлено мною для нового издания. [31 Авг. 1947 г. Ив. Бунин.] [в марте 1951 г.] [в августе 1952 г.] <в> апреле 1953 г. Ив. Бунин» <первоначально черными чернилами <1947>, исправления — синей шариковой ручкой».

3. РАЛ. MS 1066/10165. Неполный экз. Апрель 1953. На обл.: а. «Исправлено для нового издания в [августе 1952 г.] апреле 1953 г. Ив. Бунин»; б. <сверху> «NB не полный экз.» <обе записи красной шариковой ручкой>.

Самый ранний экземпляр — РАЛ. MS 1066/916: в нем минимум правки и помет, сделанных красным карандашом, синей и красной шариковыми ручками. Следующий (по объему правки) — экземпляр РГБ. Итоговый — РАЛ. MS 1066/10165. В нем правка либо совпадает с экземпляром РГБ, либо превышает ее, что особенно заметно на примере стихотворений «Людмила», «На Невском», «Зимой» (переправлено на «Атлантик»), «Глупое горе» (переправлено на «Скора»). Кроме того, ряд стихотворений в этом экземпляре отмечены красными крестиками и знаком «NB», вероятно, как отобранные для будущих изданий («Синие обои полиняли...», «Мулы», «Сирокко»). Порядок работы с экземплярами очевиден по слоям правки стихотворения «На Невском»: в *Петрополис, 5 — РАЛ (2)* Бунин зачеркивает вариант, возникший

у него в экземпляре РГБ, и пишет новый. Вместе с тем, в этом экземпляре Бунин существенно поправил стихотворение «Зимой» ((«Покрывало море свитками...»); новое заглавие — «Атлантик» («Покрывал он, мирный, свитками...»)). Отметим, что, как и в случае с четвертым томом, судя по авторским датировкам, временной промежуток в работе с разными экземплярами пятого тома минимальный, и здесь, как и в авторских экземплярах *Петрополис, 4*, есть стихотворения, о конечном варианте которых остается только гадать. Так, стихотворение «Кончина» («И скрылось солнце жаркое в лесах...») в экземпляре РГБ дополнено: «Кончина святителя», но во второй экземпляр РАЛ это дополнение не вписано. Заглавие стихотворения «Глупая ссора» сначала одинаково было исправлено в экземпляре РГБ и втором экземпляре РАЛ на новое: «Ссора», но затем в *Петрополис, 5 — РГБ* и это исправление было зачеркнуто, а в *Петрополис, 5 — РАЛ (2)* оставлено. В целом, учитывая правку всех стихотворений тома, наиболее полным из экземпляров надо признать *Петрополис, 5 — РАЛ (2)*, и, значит, при соблюдении последней воли следует ориентироваться именно на него. Но можно ли счесть тогда правку в *Петрополис, 5 — РГБ* промежуточным вариантом на пути к последнему? Ясно, что при фактически параллельной работе Бунина в обоих экземплярах, ответ будет отрицателен.

Том 6:

1. РАЛ. MS 1066/917. Неполный экз. Август 1952. На обложке: «Прочитано и исправлено мною [22 Авг. 47 г.] [в марте [августе] 19<51?>] для нового издания мною в августе 1952 г. Ив. Б.» <выделенное курсивом — черными чернилами <1947>; остальное — синей шариковой ручкой>.

2. РГБ. Ф. 429. Карт. 2. Ед. хр. 1. Июнь 1953. На обложке: а. «Исправлено мною для нового издания в июне 1953 г. Ив. Б.» <красной шариковой ручкой>; б. «NB Стихотворения» <синей шариковой ручкой>; «[Авторский] [С датами]» <черными чернилами, зачеркнуто синей шариковой ручкой>.

3. РАЛ. MS 1066/10166. <Июнь 1953>. На обложке: «Досмотреть!».

4. РАЛ. MS 1066/10167. Неполный экз. <Июнь 1953>.

По объему и характеру наиболее ранняя правка содержится в *Петрополис, 6 — РАЛ (1)*. Так, например, название «Петербург» к стихотворению «Просыпаюсь в полумраке...» вписывается Буниным от руки только в *Петрополис, 6 — РАЛ (2, 3)*. Так же со стихотворением «Цейлон» («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...»): в *Петрополис, 6* оно названо «Гора Алагалла», в первом экземпляре РАЛ заглавие не изменилось; в экземпляре РГБ дано двойное заглавие: «Цейлон. Гора Алагалла» («Цейлон» вписано), в *Петрополис, 6 — РАЛ (2, 3)* «Гора Алагалла» вычеркнуто, «Цейлон» вписано от руки в качестве единственного заглавия. Аналогичные случаи, когда в *Петрополис, 6 — РАЛ (2, 3)* содержится более поздняя правка, чем в двух дру-

гих экземплярах тома, — стихотворения «Роса при бледно-розовом огне...» и «Когда-то, над тяжелой баркой...».

Выделить итоговый между вторым и третьим экземпляром РАЛ довольно трудно. За *Петрополис, 6 — РАЛ (3)* говорит стихотворение, которое в *Петрополис, 6* озаглавлено «Прокаженный»: в РГБ первый вариант заглавия «Прокаженный в разрушенном городе» (возможное прочтение: «В разрушенном городе», при котором слово «прокаженный» зачеркнуто дважды: как самостоятельное заглавие в книге и как часть заглавия, вписанного от руки), второй вариант «Война». В *Петрополис, 6 — РАЛ (2)* первый вариант «Прокаженный в разрушенном городе» (без вариантов, ср. РГБ), второй вариант «Война»; в *Петрополис, 6 — РАЛ (3)* — «Война». Эти колебания в выборе заглавия и характер правки (во втором экземпляре РАЛ для некоторых строк Бунин давал сначала один вариант, а потом другой, — в третьем экземпляре РАЛ правка более аккуратная, она явно перенесена из предыдущего) позволяют считать *Петрополис, 6 — РАЛ (3)* наиболее поздним экземпляром. С другой стороны, за *Петрополис, 6 — РАЛ (2)* как наиболее поздний вариант свидетельствует правка стихотворения «В жарком золоте заката Пирамиды...»: она значительно более грязная как раз в третьем экземпляре РАЛ и чистая (перенесенная) во втором экземпляре.

Более того, и решительно выделить второй и третий экземпляры РАЛ как самостоятельный этап работы над томом нельзя. Эпизодически мелкая правка (как, например, исправление знаков при прямой речи в стихотворении «У нубийских черных хижин...») совпадает со сделанной в экземпляре РГБ и *Петрополис, 6 — РАЛ (2)* и отсутствует в *Петрополис, 6 — РАЛ (3)*. Вероятнее всего, Бунин работал со всеми этими тремя экземплярами одновременно и не выделял одного из них в качестве главного и основного. Об этом же свидетельствует датировка экземпляра РГБ июнем 1953 г. и датировка правки под стихотворением «В жарком золоте заката Пирамиды...» в *Петрополис, 6 — РАЛ (2)*: «23.VI.1953» (от руки). В таком случае и правку в *Петрополис, 6 — РАЛ (3)* можно датировать июнем 1953 г. Тогда до кончины Бунина оставалось четыре месяца, он беспрестанно болел и мог возвращаться к работе только эпизодически. Очевидно, что и в этом и в других случаях его поиски окончательного текста были остановлены более самим временем, чем личной волей.

Многие стихотворения Бунин сопроводил в своих авторских экземплярах библиографическими указаниями о месте первых публикаций и указаниями на место написания (как правило, «Васильевское»). В первом экземпляре РАЛ эти указания сделаны в 1947 г. (по черной перьевой ручке и почерку, идентичному датированным записям того времени); во втором и третьем экземплярах РАЛ большинство таких указаний, судя по особенностям написания (синей шариковой ручке, наклону букв, общему характеру сокращений), были сделаны одновременно, видимо, в июне 1953 г.

Том 8:

1. РГБ. Ф. 429. Карт. 2. Ед. хр. 3. Март 1951. На обложке: «Исправлено [23 августа 47 г.] в марте 1951 года для нового издания. Ив. Бунин» <черными чернилами>; «Драный» <синей шариковой ручкой>.
2. РАЛ. MS 1066/10171. Май 1953. На обложке: «Прочитано и исправлено для нового издания в [начале ноября 1951 г.] мае 1953 г. Ив. Бунин».
3. РАЛ. MS 1066/10172. Май 1953. На обложке: «Всё исправлено мною для нового издания в мае 1953 г. Ив. Б.».

Уже из авторских датировок ясно, что самый ранний экземпляр — РГБ. Над двумя экземплярами РАЛ Бунин работал практически одновременно, но первый, что следует и из датировки, и из анализа правки, он использовал не только на общем для этих двух экземпляров этапе, но и раньше. Так, правка стихотворения «Морфей» (ст. 11) есть только в *Петрополис, 8 — РАЛ (1)*, а правка стихотворения «Шепнуть заклятие при блеске...» в *Петрополис, 8 — РАЛ (2)* более полная, чем в *Петрополис, 8 — РАЛ (1)* (начало убрано, первая строка «Уже не будет, нет возврата...» — во втором экземпляре РАЛ; «Уж нет, не может быть возврата...» — в первом экземпляре РАЛ). В то же время параллельное обращение к обоим экземплярам подтверждается колебаниями в выборе заглавия для стихотворения «Наполовину вырубленный лес...»: в *Петрополис, 8 — РАЛ (2)* сначала один вариант заглавия «Лето 1917 года», затем он зачеркнут, вписан другой — «Семнадцатый год», и этот последний вариант заглавия начисто вписан в *Петрополис, 8 — РАЛ (1)*. Наконец, еще один пример — стихотворение «Райское древо» («В час полуденный, зыбко свиваясь по Древу...»), заглавие которого заменено на «Искушение» только в экземпляре РГБ, после чего весь текст был построчно вычеркнут Буниным, как и в двух других авторских экземплярах тома (РАЛ), где заглавие не менялось¹.

Оба экземпляра РАЛ одинаково визированы Буниным для нового издания, но какое заглавие следует выбрать тогда для стихотворения «Москва», которое дополнено только в *Петрополис, 8 — РАЛ (1)*: «Москва в царствии Ленина»?² Так же сложно судить об окончательных вариантах стихотворений «Мечты любви моей весенней...» и «Пантера». Каждое из них исправлено только в одном из двух параллельных авторских экземпляров *Петрополис, 8*: «Мечты любви моей весенней...» — в *Петрополис, 8 — РАЛ (1)*, «Пантера» — в *Петрополис, 8 — РАЛ (2)*. Из двухstrofного стихотворения «Мечты любви моей весенней...» Бунин сначала построчно вычеркнул вторую строфу и поставил на ее место четыре строки отточий, затем крест накрест перечеркнул весь текст. Из стихотворения «Пантера» Бунин вычеркнул ст. 3—4, никакого иного варианта не вписал, но и всего текста не зачеркнул. В поэти-

¹ Заглавие «Искушение», вместе с новой редакцией, закрепилось только в последнем издании Бунина *Весной, в Иудее — 1953*.

² См. далее в связи со стихотворением «Русская сказка».

ческой практике Бунина отточия не принятые, и что они означают: обещание текста или сам текст, с уверенностью сказать трудно, но в любом случае получившийся таким образом в последней правке текст едва ли можно считать завершенным.

Надо добавить, что в объективно более поздних экземплярах РАЛ не тронуто стихотворение «Золотыми цветут остриями...», тогда как в более раннем авторском экземпляре РГБ над ним вписано от руки заглавие «Воспоминание». Точно так же только в экземпляр РГБ внесены пунктуационные поправки в текст стихотворения «На даче тихо, ночь темна...», в более поздних экземплярах (РАЛ) их нет. Означает ли это, что Бунин со временем отказался от этих поправок или просто забыл о них, остается неясно.

Кроме названных экземпляров *Петрополис*, 8, в РАЛ хранится экземпляр, не содержащий ни помет, ни правки автора (РАЛ. MS 1066/10173).

Итак, анализ авторских экземпляров *ПСС–1915* и *Петрополис* позволяет прояснить хронологию и особенности работы Бунина со своими собраниями.

В начале 1934 г., заключив с берлинским издательством «Петрополис» договор на издание собрания своих сочинений¹, Бунин обратился к своему предыдущему собранию, *ПСС–1915*. К этому времени относится наиболее значительная часть правки в авторских экземплярах *ПСС–1915*, 1 и *ПСС–1915*, 3.

После того как издание «Петрополиса» (1934–1936) завершилось, Бунин долгое время не возвращался к своим прежним изданиям. В августе 1947 г. появилась надежда на новое издание: переговоры с австрийскими и немецкими издательствами за Бунина вели тогда Г.Н. Кузнецова и М.А. Степун². Тогда Бунин начал пересматривать — теперь уже издание «Петрополиса». Он выправил четвертый (РАЛ. MS 1066/915), пятый (РГБ), шестой (РАЛ. MS 1066/917) и восьмой (РГБ) тома. Вскоре стало ясно, что осуществить новое издание не удастся, и Бунин снова отложил работу над своими текстами.

В следующий раз он вернулся к ним в марте 1951 г., и с тех пор работал с отдельными томами (с каждым — по несколько раз) в ноябре 1951 г., в апреле, августе и ноябре 1952 г., в апреле, мае, июне, июле, октябре 1953 г. (последняя правка (т. 2, РГБ) за две с половиной недели до смерти — 20 октября 1953 г.). Он уже не рассчитывал быть изданным при жизни столь масштабно,

¹ Историю издания см.: «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступит. статья С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–92.

² См. comment. Р. Дэвиса и К. Хуфена к публ.: Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // С двух берегов. С. 157–158; письма М.А. Степун И.А. Бунину (1948) и М.А. Гофману (1952), опубл.: Бунинские материалы из архива М. А. Гофмана / Предисл., публ. и примеч. В.В. Бойкова // Филологические записки (Воронеж). 2003. Вып. 20. С. 22–24.

как раньше, и множество завещательных помет на первых страницах его авторских экземпляров говорят о том, что он оставлял свою последнюю правку в надежде скорее на будущих издателей, чем на современников.

Примерно в то же время, в ноябре 1952 г. Бунин пересмотрел свое издание «Стихотворений 1903–1906» (СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906) и внес в него ряд изменений¹. В декабре 1952 г. он сделал итоговые пометы на первых страницах первого и третьего томов *ПСС–1915*, но не свел различные варианты правки одних текстов в разных авторских экземплярах к единому варианту.

3.2. «Избранные стихи» (1929) и их авторские (рабочие) экземпляры

Помимо томов собраний сочинений, с которыми Бунин работал в разные годы, в РАЛ сохранилось шесть авторских экземпляров его итогового (до *Петрополис*) поэтического сборника «Избранные стихи» (Париж, 1929; *Избранные стихи*)². Приведем их описание:

1. РАЛ. MS 1066/897. С авторской правкой. Неполный экз. <1934>; <1947–1953>. Часть правки в этом экземпляре сделана красным, простым и синим карандашами и по смыслу совпадает с правкой теми же карандашами и ручками в авторских экземплярах *ПСС–1915*, 1 и *ПСС–1915*, 3. Таким образом, есть все основания полагать, что работа с этим томом велась примерно в то же время, что и над *ПСС–1915* при подготовке *Петрополис*. Следующие исправления сделаны Буниным черными чернилами, синей и красной шарикоподобными ручками (<1947–1953>; ср. выше надписи на томах *Петрополис*), а последние, уже В.Н. Буниной (вероятно, в 1951–1953 гг.).

2. РАЛ. MS 1066/10201. Вклеена фотография Бунина с его надписью от руки «Париж, апрель 1929 г.». Правка внесена В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). <1951–1953 гг.>³

3. РАЛ. MS 1066/10205. Правка <Бунина> (синий и простой карандаши) и В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Неполный экз. Декабрь 1936 г.; <1951–1953 гг.> На обл. рукой Бунина: «Ив. Бунин. Декабрь 1936 г. Париж».

¹ РАЛ. MS 1066/903. На авантитуле издания рукой Бунина: «С мукой перечитал многое, многое в этой книжке! Ужели это я так писал? Ночь с 18 на 19 ноября 1952 г. Париж».

² Кроме того, на сегодняшний день известно еще о двух пропавших авторских экземплярах «Избранных стихов». Один из них, присланный вдовой Бунина А.К. Бабореко и содержащий пометы Бунина, упоминается в текстологической преамбуле к комментариям: *Бунин–9*, 1. С. 521; *Бунин–6*, 1. С. 577. В ЛН, 1 (с. 201) указан ее шифр: ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 67. Однако в российских архивах книга не обнаружена и была, по всей видимости, утеряна. Второй, также утраченный, экземпляр сборника, был прислан В.Н. Буниной О.Н. Михайлову и погиб во время пожара в его доме (сообщение С.Н. Морозова).

³ Хотя все поправки в этот экземпляр вносились только В.Н. Буниной, они не всегда имеют источник в правке самого Бунина и должны учитываться в истории текста.

4. РАЛ. MS 1066/10206. Правка Бунина (синяя и красная шариковые ручки), в стихотворении «Долина Иосафата» — В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Неполный экз. <1951–1953 гг.> На обложке рукой Бунина (синяя шариковая ручка): «[Исправленный экз.] Испорченный»; «Стр. 143. NB. 132» <на этих страницах напечатаны стих. «Райское древо» и «Малайская песня»>.

5. РАЛ. MS 1066/10207. Правка Бунина (синие чернила, синяя и красная шариковые ручки) и В.Н. Буниной (синяя шариковая ручка). Неполный экз. <1947–1953 гг.> На обложке рукой Бунина: «NB Стр. 105, 132, 160» <на этих страницах напечатаны стихотворения «Мушкет», «Малайская песня», «Аленушка»>. Между с. 22 и 23 (стихотворения «Багряная печальная луна...» и «Обрыв Яйлы. Как руки фурий...») вложен лист, на котором рукой Бунина написано: «1903 г. Сюда “Одиночество” — И ветер и дождик и мгла... Заглавие зачеркнуть». Между с. 26 и 27 вложен лист, на котором рукой Бунина написано: «И меж пальцев течет не вода, а несметные / Искры синего пламени — Жизнь» (см. стихотворение «Жизнь»), и вырезки из издания *ПСС–1915*, 3 с фрагментами стихотворений «Жизнь», «Канун Купалы», «Горе», «Голуби», «Огонь».

6. РАЛ. MS 1066/10208. Правка рукой Бунина (синяя шариковая ручка) и В.Н. Буниной (синие чернила, синяя и красная шариковая ручка). Неполный экз. <1947–1953 гг.> В верхней части обложки рукой Бунина: «Для нового издания» (синяя шариковая ручка); далее рукой В.Н. Буниной под заглавием «Избранные стихи»: «Издание исправленное и дополненное»; выходные данные «Издательство “Современные записки” Париж 1929» зачеркнуты (то и другое — красной шариковой ручкой); ниже: «Проверенный В. Б.» (синие чернила). На титульном листе выходные данные также перечеркнуты.

Видимо, экземпляр MS 1066/897¹ является наиболее ранним: как уже сказано, Бунин работал с ним еще при подготовке *Петрополис*. Следующим по времени оказывается MS 1066/10205, — об этом свидетельствует дата на обложке «Декабрь 1936 г.» и правка, сделанная карандашами (как это было и при работе Бунина с другими своими изданиями в 1930-е гг.). Три других экземпляра Бунин правил примерно в одно и то же время: сначала во второй половине 1940-х гг. (если соотносить работу над «Избранными стихами» с работой над *Петрополис*, то это август 1947 г.), затем в 1951–1953 гг. Часть исправлений во всех экземплярах сделаны В.Н. Буниной в 1951–1953 гг. Надпись на MS 1066/10208 «Для нового издания», на первый взгляд, склоняет отдать этому экземпляру предпочтение перед остальными. Но она не содержит даты, что не характерно для работы Бунина со своими изданиями,

¹ Далее при указании на тот или иной экземпляр «Избранных стихов» из РАЛ прямо приводится шифр единицы хранения: MS 1066/..., при перечислении нескольких начиная со второй — только номер.

и в целом должна восприниматься в контексте аналогичных надписей на авторских экземплярах томов *Петрополис*. Как будет подробно описано дальше, правка «скакет» из экземпляра в экземпляр, и «условно визированный» MS 1066/10208 может содержать нетронутый текст, и другой — очевидно, параллельный экземпляр — может сохранить тот же текст с правкой. В этой ситуации все названные выше экземпляры «Избранных стихов», уступая в значимости авторским томам собраний сочинений, тем не менее, входят в круг важнейших источников научного издания. Вместе с рабочими экземплярами *ПСС–1915* и *Петрополис* они отражают поздние поправки, сделанные Бунином в своем поэтическом пути и наследии.

Кроме того, в РАЛ находятся еще три экземпляра «Избранных стихов» без следов правки. Это 1) РАЛ. MS 1066/10202. С дарственной надписью И.А. Бунина: «Милому Леониду Федоровичу Зурову с самыми лучшими пожеланиями. Ив. Бунин». <1930-е гг.>; 2) РАЛ. MS 1066/10203. С дарственной надписью Л.Ф. Зурова: «Дорогой Милице Эдуардовне <Грин> на добрую память. Л. З. 1955 г. Paris». 1955 г.; 3) РАЛ. MS 1066/10204. Б. д.

3.3. Автографы

В РАЛ, РГАЛИ, РГБ, РНБ, ИМЛИ, ИРЛИ, МКТ, ОГЛМТ и других архивохранилищах находится несколько сот отдельных автографов и машинописных копий стихотворений с авторскими пометами, и приходится отметить, что до сих пор они только в редких случаях были учтены при подготовке собраний сочинений Бунина.

Самый яркий пример — хранящаяся в РГАЛИ *Тетрадь* стихотворных автографов Бунина (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 3), подробнее о которой шла речь выше. Повторим, что для установления наиболее точной версии текста и точной даты создания *Тетрадь* имеет исключительное значение. Бунин редко оставлял в своих бумагах черновики опубликованных стихотворений, и, видимо, *Тетрадь* сохранилась в неразберихе революционных месяцев во многом случайно. Проставленные в ней даты существенно корректируют бунинские датировки в более поздних изданиях (об этом см. в разделе «Принципы датировки»), а черновые автографы записанных в ней стихотворений дают редкий пример работы поэта над своими произведениями.

Еще одним важнейшим источником для бунинской текстологии является *Парижская тетрадь* 1943 г., которая представляет собой собрание тетрадных листов, объединенных в шесть единиц хранения (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 20–25). На первой странице читаем: «Это тоже можно ввести в будущее собрание, вставив куда надо в хронологическом <подчеркнуто Бунином. — Т. Д.> порядке. 1943 г. Ив. Бунин». Однако относится ли это предписание ко всем текстам, не ясно, так как листы, на которых записаны стихотворения, разного формата и происхождения, а сами тексты обладают разной степенью

законченности: одни из них — беловые, другие — правленые автографы стихотворений, третьи — черновые наброски или отрывки, здесь же по-разному комбинируемые автором в подборки «Заметок». Тем не менее, *Парижская тетрадь* несомненно заслуживает внимания: это одно из последних возвращений Бунина собственно к поэтическому творчеству и свидетельство того, каким видел его Бунин в 1943 г.

Для определения состава поэтического наследия Бунина существенное значение также имеют составленные им сборники ранних стихотворений, один из которых, датированный 1952 г., хранится в РГАЛИ, другой (отличающийся по составу и не датированный) — в РАЛ (РАЛ. MS 1066/39).

3.4. Периодика

Как показывает опыт подготовки бунинского тома «Новой Библиотеки поэта», 95 законченных стихотворений были опубликованы только в периодике и не вошли ни в одно авторское издание. Среди них и первое опубликованное стихотворение «На смерть С.Я. Надсона» и вместе с ним целый ряд ранних стихотворений, напечатанных в газете (с 1888 г. — журнале) «Родина», и публикации в провинциальной прессе 1890—1900-х гг. («Орловский вестник», «Одесские новости», «Южное обозрение») и журналах, которые Бунин со временем мог счесть «несерьезными» (например, «Детское чтение», «Отдых» и т.п.), и стихи, в первый и в последний раз напечатанные в 1920-е гг. в парижской газете «Возрождение», и еще много других публикаций. Часть из этих стихотворений сохранилась и в рукописях, но для 30 (главным образом, ранних) стихотворений публикация является единственным источником текста. Надо признать, что при существующих еще на сегодня лакунах в бунинской библиографии, не исключено, что число оставшихся в периодике стихотворений может несколько пополниться за счет еще не найденных публикаций, что не уменьшает, а только повышает ценность периодических изданий как возможных источников «затаенных» бунинских произведений.

Теперь, располагая всем разнообразием источников, как печатных, так и рукописных, как отложившихся в российских архивах, так и сохранившихся в РАЛ, мы понимаем, что только сопоставление всех данных, сведенных воедино, задает то поле, на котором должна определяться концепция научного издания Бунина. Характер работы Бунина со своими уже вышедшиими изданиями ставит во главу угла проблему, получившую в эдиционной практике название «последней авторской воли». Однако прежде, чем решать ее применительно к текстам Бунина, посмотрим, какие подходы были выработаны в отечественной традиции применительно к другим авторам.

4. История и контекст современных текстологических решений. Понятие последней авторской воли при издании русских классиков

Презумпция «последней авторской воли» применительно к эдиционной практике обсуждается в специальной литературе начиная с 1920-х гг. Императив, заставляющий редактора-издателя так или иначе определять свою позицию по отношению к этому понятию, с течением времени менялся. В 1920-е гг. таковым было стремление к идеальному представлению автора и его наследия, в 1950–1960-е гг. — перенесенное из политической сферы желание раз и навсегда зафиксировать определенный (окончательный) текст для всех будущих / разнообразных изданий. В 1970–1990-е гг. при всё большем осознании индивидуальных особенностей разных авторов — с одной стороны, и при всё упрочивающемся взгляде на текст как на вечно становящуюся систему — с другой, принцип «последней авторской воли» начал сдавать свои позиции. И сейчас уже не внешние идеологические требования, а осознание этической ответственности издателя могло бы служить отправной точкой для воплощения последней воли автора в отборе и расположении текстов посмертного издания. Главным итогом почти уже вековых споров о принципах издания авторов, принадлежащих прошедшим эпохам, стало представление о том, что структура и содержание книги должны находить опору в художественном сознании издаваемого автора и литературном континууме его эпохи. Полное соответствие обоим полюсам сделало бы издание идеальным. Однако если автор имел привычку снова и снова обращаться к своим текстам, то между его субъективным сознанием и объективным ходом истории то и дело возникают противоречия, делающие эдиционные принципы полем научного обсуждения и, порой, компромисса. Нижеследующий беглый очерк существующих текстологических подходов задает координаты, в которых решался самый существенный на сегодня вопрос научного издания лирики Бунина — вопрос об основном тексте.

Как известно, начало текстологическим спорам было положено на рубеже 1920-х гг., прежде всего работами М.Л. Гофмана о Пушкине¹. В них были «впервые вынесены на широкое обсуждение вопросы, доселе считавшиеся “кабинетными” — вопросы текстологии и критики текста» (Томашевский 1922. С. 171), и их предстояло решать, исходя из определения «канонического текста» и «художественной воли поэта»². К «каноническому, по неудачному,

¹ Прежде всего: Гофман М.Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922 (Гофман), но, кроме того, его же работы «Пропущенные строфы “Евгения Онегина”» и «Посмертные стихотворения Пушкина 1833–1836 гг.» (Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXIII–XXXV. Пб., 1922), «История создания и текста «Домика в Коломне» (в изд.: Пушкин А. С. Домик в Коломне. Пб., 1922. С. 27–121) и др.

² Намечая общий очерк задач, которые надлежит решить пушкинистам, Гофман заключал: «Без изучения поэтики, без изучения Пушкинской эпохи, без изучения биографии и проч. и проч.,

но популярному словоупотреблению» тексту (*Томашевский 1934. С. 1055*), надо было стремиться и для каждого отдельного произведения, и для поэтического наследия в целом (сочетающего «создания гения» и «материалы поэтической мастерской» или исключающего последние)¹, — утверждение «самодержавной воли художника» (*Гофман. С. 55*) должно было состояться для каждого фрагмента и уровня поэтической системы².

Этот подход вызвал развернутую критику Б.В. Томашевского³. Отвечая Гофману, он призвал «прежде всего усомниться в самой законной научной постановке вопроса о *выборе*» (то есть прежде всего отборе «подлинно-поэтических», в понимании Гофмана, текстов): «Ведь каждое обращение поэта к поэтической форме есть безусловно поэтический факт, зафиксированный поэтическим документом. Каждое поэтическое произведение может быть объектом художественного восприятия. Деление произведений на поэтические и технические не может быть оправдано никаким объективным критерием <...> Вопрос о “воле автора”? Но ярче всего эта воля выражается в самом акте обращения к поэтической форме.

Точно так же и с вопросом о выборе текста. Каждая стадия поэтического творчества есть сама по себе поэтический факт. Каждая редакция стихотворе-

не может быть научного историко-литературного изучения Пушкина, но и историко-литературное исследование, и поэтика, и биография не могут существовать без точного, канонического и полного текста сочинений Пушкина. И потому вопросы текста должны предшествовать всяkim другим вопросам, и потому вопросы текста должны составить *первую главу* науки о Пушкине» (*Гофман. С. 47*; выделено автором), — и далее упор делался на обе позиции: «канонический текст» и «полное собрание», выработать которые необходимо прежде всего.

¹ «Неужели поэт не имеет права на то, чтобы в потомстве сохранился его подлинно-поэтический лик “взыскательного художника”, не имеет права сам оберегать свой священно-поэтический огонь на своем алтаре? Неужели не имеет права поэт скрыть от читателя свои черновые тетради, свои неосуществленные замыслы, свои неудачные и незаконченные стихи, не имеет права зачеркнуть хотя бы $\frac{3}{4}$ всего, что он написал?» и ниже: «Не в излишней “полноте” упрекаем мы редакторов полных собраний сочинений Пушкина, а в <...> хаотическом смешении разнородного <...> творческого материала, <...> в искажении его художественной композиции, в искажении его поэтического лика» (*Гофман. С. 52, 55–56*).

² В 1920-е гг. само собой разумелось, что вопрос о «каноне» существует «в двойственной постановке его (выбор произведений и выбор текста)» (*Томашевский 1922. С. 172*). Позже о *выборе* произведений уже не говорили — в изданиях академического типа ставка делалась на полноту, обсуждались только проблемы, связанные с выбором текста и *расположением* произведений.

³ Томашевский не только критиковал Гофмана, но и спустя десять с лишним лет защищал своего бывшего оппонента от нападок, которым тот подвергся из-за научные методы, и за эмиграцию (в 1922 г. Гофман уехал в научную командировку по делам Пушкинского Дома в Париж). Не отказываясь от критики текстологических принципов Гофмана, Томашевский напоминал: «Новая литература по текстологии начинается с работ Модеста Гофмана» (*Томашевский 1934. С. 1055*). См. также позднейшую оценку трудов Гофмана: *Измайлова Н. С. 571–572*. За указание этих источников благодарю Т.И. Краснобородью.

ния отражает творческий замысел поэта. Наличие разных, разновременных “исправлений” (вернее — “изменений”) свидетельствует об художественной изменичивости поэта. Еще неизвестно, которая стадия — первая или последняя — ценнее нам. И сам Пушкин часто отвергал свои исправления и возвращался к первоначальному чтению. Слишком упрощенным является хронологический критерий: что позже, то и лучше. А как же быть с Богдановичем, который на старости лет портил свою “Душеньку”¹, или с “самим Пушкиным”, изменившим для изданий поэтический стиль лицейского творчества? Очевидно и здесь выбора нет. Для науки нужны все редакции и все стадии творчества. Если даже переработку вызвал посторонний повод (цензура), то самый факт обработки остается фактом поэтического творчества.

Принцип “воли” и здесь является слабым методологическим приемом, и даже просто словесной заменой одной проблемы другой, не упрощающей положения. Как установить волю поэта? Какие завещания он нам оставил? Да и была ли такая единая “каноническая” воля. Воля менялась, и каждая редакция отмечает изменение воли. Вычтем отрицательный фактор — борьбу с механизмом языка — и увидим, что проблема воли — тавтологическое повторение проблемы о “первом” и “последнем” состоянии. Что лучше — первая или последняя воля? Ведь предпочел же Гофман в своем собрании сочинений Баратынского первую волю всем прочим. А если последняя воля поэта представлена случайной — по памяти — записью в захудалом альбоме — неужели и она канонична?

Очевидно, не должно быть никакого выбора, никакого предпочтения. Канона нет и быть не может» (Томашевский 1922. С. 172–173)².

В 1925 г. с обоснованием совокупного, примирительного подхода выступил Г. О. Винокур³. С одной стороны, упрекая Гофмана в механическом и «догматическом» решении вопроса об авторской воле, Винокур отказался от тождества авторской воли последней воле (по этой логике, «что в последний раз написано Пушкиным — это и есть канон», Винокур. С. 14)⁴. С другой стороны, возражая Томашевскому, он продолжил отстаивать необходимость представ-

¹ Оспаривание этой точки зрения см.: *Основы текстологии* 1962. С. 268–269.

² Продолжением этой статьи стал курс лекций по текстологии, который Томашевский читал в 1926/27 учебном году в Институте истории искусств в Ленинграде. В следующем году была издана его монография «Писатель и книга. Очерк текстологии» ([Л.], 1928; 2-е изд. М., 1959).

³ В 1927 г. вышла книга Г. О. Винокура «Критика поэтического текста», в основу которой легли прочитанный в 1925 г. в Государственной академии художественных наук доклад и последовавшая за ним статья «Русская филология и русские поэты», см.: Винокур. С. 5.

⁴ Вслед за Гофманом приводя примеры возвращения Пушкина к первоначальным вариантам тех или иных строк, Винокур задается вопросом: «Кто же решится после этого утверждать, что в так наз. последней редакции мы имеем “высший судзыскательного художника”? Разве мы знаем пределы этой взыскательности? Суд этот очевидно есть суд не высший, а только последний из нам известных в каждом отдельном случае в обычном хронологическом смысле» (Винокур. С. 19–20). Ср. пассаж Гофмана о «взыскательном художнике» в примеч. 1 на с. 597.

лять произведение своего рода идеальным текстом, отражающим «предельное и окончательное воплощение авторского замысла», ибо «наличному текстовому сырью, как бы его ни оценивать, всё же должна быть придана какая-то внешняя издательская форма» (*Винокур.* С. 15, 20). Определению и выводу этого текста, по мысли Винокура, должен служить «филологический метод», то есть «взаимная обусловленность понимания и критики, оценки и истолкования» (*Винокур.* С. 40). Такой подход оставлял возможность и для редакторских конъектур (предположительных прочтений, не имеющих подтверждения в сохранившихся источниках), и для сводных редакций, и для реконструкции целого из фрагментов («такие реконструкции иногда обладают большой ценностью и высокой степени вероятности», *Винокур.* С. 84). «Не механическое воспроизведение раз отысканной редакции, а критическая сводка текста различных списков и редакций — вот прямой путь к установлению подлинного в художественном отношении текста» (*Винокур.* С. 108). Следование этому принципу нацелено на «осуществление того идеального задания, которое стоит перед критиком», т.е. издателем, и должно представить текст произведения если не как «канон», то как «приближение к канону» (*Винокур.* С. 59)¹.

Итог усилий М.Л. Гофмана и Г.О. Винокура (в приложении к пушкинским штудиям его поддержал С.М. Бонди) определил развитие московской школы текстологии. В мае 1954 г. на Всесоюзном совещании по текстологии, которое, по словам одного из его участников, «задумывалось по образцу научных съездов сталинских времен» (*Гришунин.* С. 43), прозвучал доклад В.С. Нечаевой «Установление канонического текста литературных произведений»². В нем, в частности, жестко критиковалось «отрицание возможности установления канонического текста» (*Нечаева.* С. 38), что, в свою очередь, вызвало «резкие возражения» со стороны Томашевского³. В 1962 г., среди многих текстологи-

¹ См. также итоговый вывод ученого о выборе основного текста: «Выбирать же приходится не “лучшее” и не “последнее”, — а только художественно-подлинное. Художественно-подлинный текст, т.е. то идеальное воплощение авторского задания, какое мы с помощью критического акта пытаемся раскрыть в мертвом документе — и есть текст правильный» (*Винокур.* С. 131).

² В статье В.С. Нечаевой «Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков» эта проблема также была центральной: «Нет надобности доказывать <выделено мной. — Т.Д.> необходимость установления единого окончательного текста литературного произведения, который должен публиковаться во всех изданиях этого произведения от академического до массового. Такой единый окончательный текст мы в дальнейшем называем каноническим, подчеркивая этим названием его обязательность и необходимость ограждать его от произвольных редакторских изменений» (*Нечаева.* С. 33); «<...> основной текст может считаться каноническим текстом после того, как он критически рассмотрен текстологом и освобожден от всех вкравшихся в него искажений» (*Там же.* С. 37).

³ Позицию Томашевского, оболганныю в официальной хронике («Выступление Б.В. Томашевского не содержало каких-либо конструктивных предложений» и т.д.), разделили тогда Т.Г. Цявловская и П.Н. Берков. См. в хронике: *Совещание 1954.* С. 392–396; а также в ретроспективных обзорах: *Гришунин.* С. 43–44, и др.

ческих изданий тех лет¹, сектор текстологии ИМЛИ выпустил коллективный труд «Основы текстологии», авторы которого «ставили перед собой задачу научно-теоретического осмысления опыта» текстологов XIX–XX вв., «не задаваясь целью создания учебника или учебного пособия по текстологии» (*Основы текстологии* 1962. С. 3). Однако в исторической перспективе «Основам текстологии» суждена была именно роль «учебника», «пособия» и своего рода развернутой текстологической инструкции для будущих изданий². В ее основу следовало положить принцип «ненарушимости авторской воли» (*Основы текстологии* 1962. С. 252)³. «Современный текстолог подходит к вопросу “воли автора” с позиций научной критики текста и, руководствуясь ею при выборе источника основного текста, имеет в виду не просто творческую волю художника, отражением которой являются все источники текста, — планы, наброски, черновики, беловики, разновременные издания и т.д., — и тем более не “волю” вообще, как подсознательную область психологии творчества, а конкретную в отношении текста данного произведения *последнюю творческую волю писателя* <здесь и далее выделено в тексте. — Т.Д.>. <...> во всех случаях это должен быть *последний этап творческой работы над текстом*» (*Основы текстологии* 1962. С. 253–254)⁴.

Вместе с тем в пушкинистике, в недрах которой вырабатывались и оттачивались в том числе и общие текстологические принципы, сохранялось весьма осторожное отношение к «каноническим» требованиям. Осмысливая путь, пройденный публикаторами Пушкина, Н.В. Измайлов (применительно к Гофману, но, думается, и с проекцией на современные тенденции) отметил, что требование «установить некий “канонический”, т.е. незыблемый и непререкаемый основной текст произведений Пушкина <...> не только тогда, но и теперь далеко не всегда достижимо, а главное — далеко не во всех случаях *принципиально законно* <выделено мной. — Т.Д.>» (Измайлов Н. С. 571–572) (далее, правда, как и в труде ИМЛИ, речь шла о необходимости восстанавливать цензурные пропуски и о пользе конъектур, т.е. творческом, активном изучении и критике текста).

¹ Об изданиях, составивших «текстологический бум» 1960-х гг., см., напр.: Смирнова Л. Из истории сектора текстологии ИМЛИ // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения [Вып. 1]. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 725–733.

² Позднейшую оценку издания см. в работе одного из его авторов: Гришуин А.Л. Ук. соч. С. 43–51.

³ Выделено в тексте. Автор главы «Выбор источника основного текста», из которой взяты это и следующее определения, Е.И. Прохоров (при участии Л.Д. Опульской).

⁴ Несмотря на высказанное в той же главе предупреждение не впадать «в крайность при соблюдении принципа ненарушимости авторской воли, возводя ее в абсолют» (*Основы текстологии* 1962. С. 252), на практике господствовало представление о том, «текстолог “обязан” “активно охранять” “волю автора” от возможных ее нарушителей, и понимание этого было совершенно юридическим, даже полицейским» (Гришуин. С. 45).

На более широком материале оправдание альтернативному подходу дал С.А. Рейсер. В книге, одноименной с выпущенной ИМЛИ и наряду с ней ставшей общепринятой, приводя творческие завещания Салтыкова-Щедрина, Бунина¹, Заболоцкого, Андрея Белого, он писал о том, что «права текстолога почти несовместимы с обязанностями душеприказчика и в ряде случаев он <текстолог> вынужден нарушать “волю” автора».

Эта драгоценность наследия писателя для культуры народа в целом освобождает редактора от несвойственных ему функций нотариуса и позволяет без угрозений совести не выполнять завещательных распоряжений художника, а отчуждать его творчество в пользу народа.

Мы по праву игнорируем сегодня запретительные пометы Пушкина на некоторых из его произведений; его “не надо” или “не печатать” теперь не принимаются во внимание.

На рукописи статьи “Н.Х. Кетчер” Герцен пишет: “Ничего для печати”. Мы не выполняем ныне это распоряжение.

Критические статьи во “Времени”, от которых Достоевский “отрекся” в письме к П.В. Быкову 15 апреля 1876 г., входят сегодня в собрание его сочинений.

Мы навсегда останемся благодарны Максу Броду, который не выполнил предсмертной воли завещателя и сохранил для мира наследие Кафки» (*Рейсер. С. 16–17*).

Всё это относилось к составу собрания, но и для конкретных произведений Рейсер (вслед за Г.О. Винокуром) обосновал различение последней авторской воли (автор мог не увидеть опечатки, передоверить рукопись другим лицам, уступить цензуре или автоцензуре, не закончить правку и т.д.) и последней творческой воли (с ней, в отличие от авторской, надо считаться безусловно).

В последующие годы всё чаще стали появляться работы, в которых принцип «последней воли» подвергался сомнению и критике под напором индивидуальных особенностей того или иного автора. И сегодня можно назвать уже несколько научных изданий, базирующихся не на принципе последней воли, а на иных основаниях. Приведем некоторые примеры.

Одним из таких оснований может быть «принцип читателя-современника».

Так, издатели малого академического собрания сочинений А.М. Ремизова² определили свою позицию следующим образом: «В применении к творчеству Ремизова определение редакций, основанное на хронологическом принципе

¹ Имеется в виду высказывание Бунина в письме Н.Д. Телешову от 8 декабря 1945 г.: «Если собрание моих сочинений когда-нибудь будет издано, горячо прошу пользоваться только исправленными мною текстами — в собрании моих сочинений изд. “Петрополиса”» (ЛН, 1. С. 627).

² Ремизов А.М. Собрание сочинений: В 10 т. / Гл. ред. А.М. Грачева. М.: Русская книга, 2000–2003.

(1-я, 2-я, 3-я), условно. Оно фиксирует лишь временную последовательность создания текстов. Но эта последовательность не равнозначна движению текста к основному в классическом понимании этого термина — как к наиболее полному, “лучшему” и законченному отражению творческого замысла. <...> Новая редакция раннего текста — это новое самодостаточное произведение, не перечеркивающее и не отвергающее предыдущего. <...> В связи с этим в настоящем собрании сочинений выбор текста для воспроизведения определяется не принципом издания текста по последней авторизованной публикации или рукописной версии, а принципом его издания в редакции, сыгравшей наиболее существенную роль в развитии литературного процесса» (*Грачева. С. 74*).

Той же логике следовали издатели Н. Минского и А. Добролюбова в серии «Новой Библиотеки поэта» (см. *Ранние символисты*). Объясняя решение «в пользу исторического критерия», публикатор Н. Минского С.В. Сапожков пишет: «Многие более ранние тексты, опубликованные в этих итоговых сборниках в своих позднейших редакциях, хотя и выражают “последнюю волю” автора, однако, увы, представляют нам поэта, уже потерявшего свою читательскую аудиторию. <...> Важно представить стихотворения Минского в том виде, в котором они завоевали популярность у его современников и отвечали потребностям своей литературной эпохи» (*Ранние символисты. С. 318*). Так и подготовивший стихотворения А. Добролюбова А.А. Кобринский отказываеться «от внесения поправок в тексты даже тогда, когда есть неоспоримые доказательства цензурного или автоцензурного воздействия. Причина такого подхода состоит в том, что корпус текстов, заключенный в вышедшей книге, представляет собой литературный факт, создавший определенный контекст и породивший определенную традицию»¹.

Другая причина, заставляющая издателей уходить от единственно верного текста, может быть заложена в художественном методе автора и стремлении адекватно представить его поэтический мир и развитие.

«Не вызывает сомнений необходимость печатать в основном корпусе тексты поздних редакций, отражающих поздние авторские решения. Но ранние редакции многих стихотворений имеют самостоятельную эстетическую и историко-литературную ценность, что позволяет сомневаться в правомерности их размещения вне основного корпуса текстов <...>», — говорится в статье «От редакции» к полному собранию сочинений и писем Е.А. Баратын-

¹ И далее: «Конечно, в комментариях мы последовательно описываем все поправки, вмешанные Добролюбовым в экземпляры своих книг в 1938 году, но различие творческого сознания поэта в 1895–1905 годах, с одной стороны, и в 1938 году, с другой, заставляют нас воспринимать эти поправки лишь как авторский взгляд через несколько десятилетий на собственное раннее творчество, — взгляд хотя и весьма интересный, но всё же не имеющий возможности изменить литературные факты, которые уже состоялись — как в поэтике, так и в истории литературы» (<Кобринский А.А.> Примечания <к разделу «Александр Добролюбов. Стихотворения»> // *Ранние символисты. С. 624*).

ского (*Боратынский*, I. С. 6). Исходя из этого критерия, для нового издания была изменена традиционная структура академического издания: из нее ушел раздел «Другие редакции и варианты» и все редакции каждого стихотворения были последовательно представлены в основном разделе.

В предпринимаемом ныне полном собрании сочинений Пушкина раздел «Другие редакции и варианты» остается в силе, но отдельные стихотворения представлены в основном корпусе двумя равноправными редакциями, сложившимися в процессе изменения текстов и в истории их бытования¹.

По сходному пути, представления одного стихотворения «гнездом» самостоятельных редакций (но выдержанному фронтально для всех текстов), пошли издатели готовящегося сейчас собрания стихотворений Ф. Сологуба, чья творческая манера, основанная на многократном повторении и варьировании текстовых единиц (строф, строк, стихотворений при формировании разных циклов и книг), была бы искажена одномерной подачей «канонических» текстов².

Третим аргументом против «последней авторской воли», даже при твердо выраженным завещательном ее характере, может стать *неоформленность / недооформленность* завершающей правки.

Например, выбранное в издании стихотворений и поэм Андрея Белого, подготовленном А.В. Лавровым и Дж. Малмстадом, «сохранение каждой книги Андрея Белого в ее первоначальном установленном автором составе и композиции» (<Лавров, Малмстад>. С. 504) связано с тем, что сам автор не довел свою ревизию ранних текстов до конца и не оставил верного ориентира на будущее. «Такое решение нарушает предсмертную волю Белого, поскольку стихотворения “Золота в лазури” и многие другие предлагаются читателю в той редакции, которая впоследствии не удовлетворяла автора. Белый, однако, не принимал во внимание то обстоятельство, что редактор научного издания обязан представить творчество поэта в исторической эволюции и перспективе, хотя и упоминал об этом во вступлении к предполагаемому изданию “Золота в лазури” в 1920 г. у Гржебина» (*Там же*).

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1999; Т. 2. СПб.: Наука, 2004. Теоретическое обоснование см. в текстологической преамбуле (Т. 2. С. 457–458), а также, напр., в статье С.А. Фомичева «Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий» (*Проблемы текстологии и эдиционной практики*. С. 129–151), где твердо указывается на «архаичность» термина «канон» для современного пушкиноведения.

² См., напр., резюме доклада М.М. Павловой в хронике: Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // *Russian Studies*. 2000. Vol. III, № 3. С. 453; Мисникевич Т.В. К проблеме основного текста в лирике Федора Сологуба // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 434–447, а также на материале прозы Сологуба: Павлова М.М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес / Изд. подгот. М.М. Павлова. СПб.: Наука, 2004. С. 753 («Литературные памятники»).

Новаторским по своим текстологическим решениям стало продолжающееся академическое Полное собрание сочинений и писем А.А. Блока¹, для которого был выработан разветвленный понятийный аппарат, описывающий разные стадии работы автора над текстом и, соответственно, разные способы обозначения получающихся вариантов текста в издании². Такой дифференцированный подход позволил дать адекватное представление о творческом пути автора и в его развертывании, и в его целости, и в менявшемся со временем самовосприятии, учесть как случаи твердо выраженной воли поэта, так и его колебания в выборе того или иного варианта стихотворения. Столь же исчерпывающим и «равным автору» по текстологическому описанию предстает начатое Полное собрание сочинений и писем Л.Н. Андреева³.

Один из наиболее сложных случаев — неопубликованная при жизни А.А. Ахматовой «Поэма без Героя», «окончательных» текстов которой «насчитывается не менее девяти <...> при отсутствии самого последнего, истинно окончательного, полностью завершенного автором текста» (*Крайнева*. С. 17). Опубликовать ее по «последней воле» никак нельзя, потому что таковая не была выражена. В этой ситуации исследователь может взять на себя установление *критического текста* произведения, который должен быть всесторонне обоснованным и сможет быть использован в изданиях разного типа, ибо общеизвестно, что выработка единого текста для тиражирования в массовых изданиях считается одной из первых задач текстологии и наиболее весомым аргументом сторонников «канонического текста». Работа, проведенная Н.И. Крайневой, с подробнейшим описанием всех редакций и списков «Поэмы» и выводом критического ее текста, творческой истории и бытования в культуре, является в этом смысле образцовой и для Ахматовой, и для других авторов, чье литературное наследие оказалось в сходном положении.

Кроме перечисленных изысканий, получивших эдиционное воплощение, есть целый ряд не доведенных до издания, но заслуживающих внимания

¹ Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997—(изд. продолжается).

² См. широкое обсуждение в докладах О.А. Кузнецовой и Н.В. Лощинской (Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // Russian Studies. 2000. Vol. III, № 3. С. 450–452), статьях: *Быстров В.Н.* К вопросу об основном тексте первого тома «лирической трилогии» Блока // Русский модернизм: Проблемы текстологии: Сб. ст. СПб.: Алетейя, 2001. С. 60–72; *Лошицкая Н.В.* О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А.А. Блока (к постановке вопроса) // Там же. С. 73–91; *Она же.* «Жизнь — без начала и конца...»: проблема «авторской воли» и практика академического издания лирики А. Блока // Русская литература. 2008. № 3. С. 13–35; *Грякалова Н.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики. С. 112–126; а также в др. работах исследователей, участвовавших в подготовке академического собрания Блока, и, суммарно, в: *Лавров А.В.* Текстологические принципы издания // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т. 1. С. 185–192.

³ Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: В 23 т. М.: Наука, 2007—(издание продолжается).

работ, в которых принцип «последней воли» расшатывается аргументами в пользу эстетического преимущества и / или авторского участия. Ведь и сам автор со временем мог «портить» текст или не проявлять к нему должного внимания, отдавая в руки доверенных лиц и издателей, — и в том и в другом случае «лучший» текст оказывается предшествующим «худшему», «более близкий» автору заслоняется «менее близким».

В связи с этим можно вспомнить, например, что к изданию «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголь возвращался четыре раза (1831–1832; 1836; 1842; 1851 готовил, вышло в 1855), но с каждым разом его участие становилось всё меньше, появлялась (с 1842 г.) правка друга и редактора Н.Я. Прокоповича, с которой сам Гоголь почти не работал, но которую он все-таки авторизовал. И как теперь определить, где последняя воля Гоголя? При этом литературными событиями стали как раз два первых издания «Вечеров»¹...

Известно и то, что Л.Н. Толстой оставил три редакции «Войны и мира», причем последняя редакция, отраженная в издании 1873 г., разрушила структуру первой редакции (1869 — 2-е изд.; 1-е изд. 1867 представляло незавершенный текст) и дала «новое произведение, имеющее свои эстетические принципы, стиль и композицию» (*Великанова. С. 63*).

Аналогично — если вернуться к поэтическим примерам — сделанное Н.В. Котрелевым сравнение разных редакций одного стихотворения (перевод Вл. Соловьевым «Ночного плаванья» Гейне) привело к выводу о том, что «<t>ак называемый “окончательный текст” (дефинитивный, канонический текст, “последняя авторская воля” и т.п.) — функционально ограниченный, частный момент внутренней (история создания и авторская публикация как содержательный жест литературного поведения автора) и внешней (бытование в культуре) жизни авторского текста. На примере соловьевского “Ночного плавания” мы видим, что оставшийся неопубликованным вариант в известных отношениях важнее, “глубже” по содержанию, чем вариант, отанный автором в печать; если довольствоваться нормативной, “для широкого читателя” перепечаткой текста “последней авторской воли”, произведение выходит за пределы авторского текста. Напротив, содержательная ценность текста сохраняется вполне, если мы воспринимаем его как произведение становящееся, чей смысл создается и пересоздается в течение четверти века — если мы воспринимаем и представляем его себе и читателю как упорядоченное множество волеизъявлений автора» (*Котрелев. С. 170–171*).

Все эти споры и опыты происходят не без (косвенного хотя бы) влияния французской генетической критики², для которой основополагающим является представление о становящемся — но не остановленном (не останавливаемом?) — тексте. То, что перед смертью автора текст остался в таком виде,

¹ Подробнее см.: Дмитриева. С. 33–50. Иная точка зрения высказана в: *Основы текстологии 1962. С. 307*.

² См., напр.: Генетическая критика во Франции: Антология. М.: ОГИ, 1999.

в каком он остался, может быть не более, как случайностью, остановленным мгновением в потоке неостановимого времени. Автор в любом случае, в принципе *мог* к нему вернуться и что-то изменить, так что нет смысла принимать хронологическую частность за идеальный итог. Резюме различий между советской текстологической школой и генетической критикой выглядит на сегодняшний день «противоречием <, за которым> стоит на самом деле простейшая, базовая, оппозиция “романтизма” и “классицизма”, включающая в себя ряд дробных парадигм <...>: установка соответственно на *плюрализм* или *единственность*, на *фрагментарность* или *завершенность*, на *поступательное движение вперед, прогресс* или отсутствие *определенной оси движений* <выделено в тексте. — Т.Д.>. Иными словами, классическая парадигма оппозиций, представленных в свое время Генрихом Вельфлиным для определения стиля барокко и его отличия от “классического” Ренессанса, полностью подошла бы и здесь» (Дмитриева. С. 36).

Нетрудно заметить, что, оставаясь в типологическом плане антиподами, в прикладной, эдиционной, плоскости два означенных полюса идут навстречу друг другу¹ и что положения генетической критики присутствовали уже в работах Томашевского начала 1920-х гг. ... А также то, что над всем разнообразием подходов, которые были представлены в XX веке, воцарилось представление, высказанное им же: «<...> прежде чем вырабатывать общую программу издания классиков, необходимо выработать ряд инструкций <...> для каждого писателя в отдельности» (Томашевский 1959. С. 238)².

Какие же инструкции можно выработать для Бунина?

5. Концепция научного издания лирики Бунина

Концепция научного издания (Бунина, как и любого другого автора) должна определяться исходя из сопоставления всех источников, имеющих признаки обращения к ним автора, и состоит из пяти решений:

1. состав собрания,
2. текст, избираемый в качестве основного (или тексты),
3. датировки (авторские и критически установленные),

¹ Современные тенденции и опыты отражены, в частности, в сб. «Текстологический временнник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения» (М., 2009), где среди других опубликована статья С.Н. Морозова «Вопросы атрибуции и датировки в изучении литературного наследия И. Бунина» (Морозов).

² Стоит отметить, что в этом вопросе с Томашевским солидаризировался и его оппонент Г.О. Винокур: «Какой бы единый критерий ни клали мы в основание критического анализа, он будет несомненной абстракцией <...> В области практической, когда наши критические суждения принимают форму критики *текста*, это означает, что только конкретная интерпретация каждого отдельного варианта или списка, в предельном его освещении филологическим комментарием, может дать нам ответ на вопрос: что же следует печатать» (Винокур. С. 44).

4. порядок текстов,
5. композиция издания в целом.

Кроме того, в случае Бунина отдельно стоит рассмотреть положение переводных текстов в составе собрания, что понятным образом предшествует определению порядка текстов и композиции издания.

5.1. Состав собрания

Известно, что Бунин тщательно готовил для будущих изданий свое литературное наследство: отбирал достойные, по его мнению, произведения, запрещал публиковать недостойные, ставил различные пометы напротив достойных и недостойных («вон!», «вон навсегда!», «можно взять»), иногда тут же, на полях, отменял прежние решения («нет, это можно оставить», «оставить») и т.д. Если следовать его воле, то из 176 стихотворений, сохранившихся в одном из авторских экземпляров первого тома *ПСС–1915* (*ПСС–1915, 1 — РАЛ*), останется 125 (а если бы Бунин не отменял своих первоначальных решений, то осталось бы 55), из 240 стихотворений наиболее полно сохранившегося авторского экземпляра третьего тома *ПСС–1915* (*ПСС–1915, 3 — РАЛ*) останется 196. Кроме того, уязвимыми останутся те стихотворения, под которыми Бунин поставил знак вопроса («?»), который, судя по всему, означает колебания, брать текст в будущие издания или нет.

В ту пору, когда Бунин правил свои уже давно вышедшие издания, в библиотеках его современников хранились тысячи экземпляров его книг, над которыми автор не имел уже никакой власти. Прилежный читатель помнил их и желал видеть в переизданиях. Так, получив *Избранные стихи — 1929* и не найдя там знакомых стихотворений, Набоков писал «великому мастеру»¹: «Я все-таки продолжаю утверждать, что стихов — мало. Дело в том, что выраженье “Избранные стихи” Бунина значит “полное собранье стихов” Бунина. Где обезьянка, пьющая воду (какая жарища в этом стихотвореньи!), где звезда, качавшаяся в темном пруду, где “...пискнула и села на подоконник...”, где млеющий в золотом лунном свете тополь, — и много-много других дивных стихов?» (*Набоков — Бунин. С. 194*)².

Понятно, что в научном издании невозможно отбросить ни те тексты, которые Бунин не взял в «избранное», ни те тексты, которые он вычеркнул из «полного» своего собрания, и в этом расширении в первую очередь проявляется насилие над последней волей. Все позднейшие оценки автора своего

¹ Так Набоков назвал Бунина в дарственной надписи на книге своих рассказов и стихов «Возвращение Чорба» (Берлин, 1930), посланной Бунину в декабре 1929 г., см. *Набоков — Бунин. С. 195*.

² Письмо от 18 мая 1929 г. Набоков вспоминает здесь стихотворения «С обезьянкой», «Ту звезду, что качалася в темной воде...», «Вечер» и, вероятно, «Восход луны». На недостаточный объем книги Набоков сетовал и в рецензии на *Избранные стихи — 1929* (*Набоков*).

творчества должны быть учтены — но не при отборе текстов, а в комментарии к ним, где подобные отметки являются необходимым пунктом текстологической легенды. Конечно, хорошо было бы, наконец, издать том тех стихотворений, которые Бунин до последнего оставил в своем поэтическом наследстве, но сделать это будет проще и логичнее после того, как появится полное научное издание.

5.2. Проблема основного текста

5.2.1. Основной текст — последний текст?

Первым делом надо ответить на вопрос: было ли в художественном сознании Бунина понятие окончательного, завершенного текста, или различные редакции одного стихотворения были для него равнозначны? Если было, то понятие последней воли имеет и внутреннее, субъективное подкрепление со стороны самого поэта. Если нет, то оно оказывается исключительно внешним по отношению к его художественному устройству концептом, которое может обсуждаться только применительно к принципам его издания.

И понятие завершенного, окончательного текста, и понятие последней авторской воли в творческой системе Бунина есть, и выражены они вполне традиционно. Он и сам старался не оставлять черновиков, желая сохранить для истории только окончательный, лучший, на его взгляд, текст. А.В. Бахрах, живший у Буниных в 1940–1944 гг., свидетельствует: «Он <Бунин. — Т.Д.> очень тщательно и на мелкие клочки разрывает свои черновики, методически засовывает их в камин, от которого не отходит, пока последний листочек не превратится в пепел.

— Не хочу, чтобы кто-нибудь любовался потом моим пищеварением. Вот Толстой сохранял свои рукописи, и теперь все кому не лень копаются в его грязном белье. Черновики обязательно надо уничтожать. Да заодно и письма.

На его письменном столе много папок и тетрадей в твердых переплетах. В них он заносит всякую всячину, материалы для будущей работы, выписки из книг» (Бахрах. С. 73). «Сохранились ли все эти списки, все эти записи? Или эти грасские тетради стали жертвой одного из тех аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей печурке, опасаясь, как он утверждал, что какой-нибудь «монах трудолюбивый», вернее, что кто-нибудь когда-нибудь проникнет в его творческую лабораторию и какие-то литературоведы, — а чрезмерной благосклонностью к ним он не отличался, — будут копаться в его черновиках и придут к каким-то заключениям, которые он, словно заглядывая далеко вперед, считал нецелесообразными и глубоко ему враждебными» (Бахрах. С. 175–176). Далее Бахрах пишет об авторском экземпляре издания «Жизни Арсеньева», который был «от начала до конца весь испещрен авторскими правками, делавшимися Буниным, как гласит его собственноручная надпись

на обложке, еще в феврале 1934 года» и заключает: «Оттого-то перед будущим редактором академического издания сочинений Бунина и встанет трудноразрешимый вопрос — какой же текст, в конце концов, считать каноническим» (*Бахрах*. С. 177, 178).

Ни в коей мере не оспаривая право автора именно так относиться к своим будущим издателям, принимая и на свой счет приведенные выше слова, мы едва ли можем удержаться от того простого замечания, что как бы то ни было — без издателей автору не обойтись и, если он хочет, чтобы его читали и в будущем, то должен смириться с тем, что в его архиве всё же придется «копаться», и на этот случай было бы хорошо оставить какие-то внятные инструкции для будущих «монахов». И Бунин, действительно, как мог старался облегчить их труд... Однако что из этого вышло?

И для текстологов-теоретиков 1960-х гг., и для издателей *Бунин-9* и *Бунин-6*, которым по условиям времени был недоступен бунинский архив в полном виде, Бунин являлся одним из самых удачных примеров твердого выражения творческой воли автора. Отвечая на вопрос, как именно определяется авторская воля, они приводили просьбу Бунина из его предисловия к *Петрополис*: «В этом издании, — писал Бунин, — окончательно установлен текст всего его содержания (и я очень прошу читателей, критиков и переводчиков пользоваться только этим текстом)¹. «Далеко не все авторы оставляют такое завещание, какое дал, например, Бунин <...>», — утверждалось в «Основах текстологии» (*Основы текстологии 1962*. С. 252). На деле оказывается, что не все авторы оставляют такое путаное завещание, какое дал Бунин...

На первый взгляд обращение к авторским экземплярам итоговых собраний Бунина еще больше укрепляет мысль о нерушимости его авторской воли, только сдвигает ее от итогового собрания *Петрополис* (1934–1936) к авторским экземплярам этого собрания (1947–1953). Когда в 1951–1953-х гг. Бунин снова и снова правил *Петрополис*, он едва ли мог надеяться увидеть при жизни его переиздание или какое-нибудь другое значительное издание своих сочинений. Тем не менее, как мы видели, на обложках и первых страницах всех отредактированных томов и *ПСС-1915*, и *Петрополис* оставлено множество директивных (и весьма пылких) помет, говорящих о том, что под обложками этих книг выражена именно последняя воля автора, а эти издания покрывают абсолютное большинство бунинских стихотворных текстов, не считая юношеских. Завещательные надписи Бунина, как будто, не оставляют сомнений: мы

¹ См. также в письме к М. Алданову от 31 июля, 1 августа 1947 г.: «<...> горячо прошу, прямо умоляю не читать меня, если у Вас не будет собрания моих сочинений издания “Петрополиса”, до всех других изданий ради Бога не касайтесь: я идиотичен, психопатичен насчет своих текстов — вспомню вдруг, например, что в таком-то рассказе моем не вычеркнуто в первом издании какое-нибудь лишнее, глупое слово — и готов повеситься, кричу, как Толстой, когда вспоминал что-нибудь неприятное из своих слов и поступков, на весь дом: а-а-а!» (*Бунин — Алданов*. С. 175–176; выделено Буниным).

располагаем итоговыми редакциями стихотворений, и долг издателя донести тексты бунинских стихотворений до читателя именно в том виде, в каком жела л их видеть сам автор.

Здесь, однако, обнаруживается первый, самый общий, момент выбора — между текстом как фактом литературного процесса и текстом как фактом авторского самосознания в последние годы жизни. Как бы незначительны или значительны ни были изменения, которым поэт подверг свои тексты, читателю-современнику эти произведения в таком виде — не известны, для него они были бы новы, и хорошо, если изменения не слишком трансформируют привычный для него текст. Здесь — коренной вопрос эдиционной практики: что важнее — текст «от автора» или текст «от времени»? и как их примирить? Разность изданий, конечно, может смягчить это противоречие, но если уж надо выбирать для научного издания, то — что?

Этот вопрос логично решать с учетом характера правки. Прежде всего 1) была ли правка в завизированных перед смертью авторских экземплярах единообразной и 2) насколько получившиеся тексты отличаются от напечатанных при жизни. Может быть, последнюю правку стоит принять и не умалять последнюю волю автора в угоду литературному сознанию эпохи. Может быть, напротив, представления о литературном процессе должны быть скорректированы с учетом последних изменений, сделанных поэтом в своих стихах.

Ни в «исчерпывающем пособии» (Грищунин. С. 44) «Основы текстологии», описывающем, в частности, самые разные случаи работы автора с текстом, ни в истории русской литературы нам не встретилось случая правки автором нескольких экземпляров уже вышедшего издания, при том, что правка в них не сведена к единообразию, но в каждом случае сопровождается завещательной надписью. А это как раз случай Бунина.

5.2.2. Авторская правка vs авторская воля. Несогласованная правка

Статистика

Поэтическое наследие Бунина включает в себя более 900 оригинальных стихотворений¹, около 30 переводных стихотворений и несколько переводных произведений больших жанровых форм («Песнь о Гайавате» Лонгфелло, мистерии Байрона «Каин» и «Небо и земля», его же драматическая поэма «Манфред», отрывки из «Золотой легенды» Лонгфелло).

В *ПСС–1915, 1* вошло 182 стихотворения.

В *ПСС–1915, 3* вошло 259 стихотворений.

В *ПСС–1915, 6* вошло 51 стихотворение.

¹ Мы не учтываем здесь самые ранние стихотворения, неопубликованные и хранящиеся, главным образом, в Музее И.А. Бунина в Орле, и отрывки последних лет.

В *Петрополис* включено 296 стихотворений. Из них только 5 стихотворений взято из *ПСС–1915, 1*, и только 66 стихотворений взято из *ПСС–1915, 3¹*. Для всех других стихотворений *ПСС–1915, 1* ($182 - 5 = 177$) и *ПСС–1915, 3* ($259 - 66 = 193$) публикация в *ПСС–1915* была при жизни Бунина последней.

ПСС–1915

В наиболее полном авторском экземпляре **первого тома ПСС–1915, 1** (ИМЛИ) исправлено 52 стихотворения. 5 из них («Ту звезду, что качалася в темной воде...», «Листопад», «Зеленый цвет морской воды...», «Зарницы лик, как сновиденье...», «Багряная печальная луна...») вошли в *Петрополис*, остальные 47 в своем последнем варианте при жизни автора напечатаны не были.

Так как в поле зрения составителей *Бунин–9* и следующих изданий находился наиболее полный и поздний экземпляр *ПСС–1915, 1*, то все вошедшие в него стихотворения напечатаны в *Бунин–9* и следующих изданиях по последней волне².

Однако надо учитывать, что экземпляр ИМЛИ по времени и этапам работы конкурирует с экземпляром РАЛ: в 1934 г. основная правка вносилась Буниным в оба экземпляра одновременно (правка в обоих неполных экземплярах РГАЛИ носит более фрагментарный характер). Но при сравнении правки в экземплярах ИМЛИ и РАЛ обнаруживается 23 случая несовпадения правки одних и тех же текстов в разных экземплярах одного тома или правки одного текста в одном из экземпляров тома при отсутствии ее в другом экземпляре.

Так, например, стихотворения «Последняя гроза», «Новолуние» («Народился месяц молодой...»), «На пруде». «Отдохни, — еще утро не скоро...», «Подражание Пушкину», «Родник», «Плеяды», «Мать» («И дни и ночи до утра...»), «Весенний вечер», «В костеле», «На озере», «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?...», исправлены только в экземпляре РАЛ;

стихотворения «Ковыль», «В отъезжем поле», «Вьется путь в снегах, в степи широкой...», «Ночная выюга», «Счастье» («Весеннего ливня мы ждем...») — только в экземпляре ИМЛИ;

стихотворения «На распутье», «Не видно птиц. Покорно чахнет...», «В феврале», «Закат» («За всё Тебя, Господь, благодарю!...»), «Курган» («Любил он ночи темные в шатре...»), «Крест в долине при дороге...» по-разному исправлены в обоих экземплярах.

Схожая ситуация с авторскими экземплярами **третьего тома ПСС–1915**: работа шла в них параллельно, в разорванном экземпляре (ИМЛИ + РАЛ) три слоя правки (1934), в неразорванном экземпляре (РАЛ) четыре слоя правки

¹ Все остальные — либо из сборников, вышедших после 1915 г. (их авторские экземпляры либо неизвестны, либо не содержат тотальной правки, как *ПСС–1915*), либо из газетных публикаций Бунина 1920-х гг.

² Напомним, что речь идет об изданиях, выпущенных до 2014 г. (до *Бунин–БП*).

(три слоя 1934 г. и один — 1952 г.) и, кроме того, некоторые стихотворения и строфы вырезаны.

В разорванном экземпляре исправлено 71 стихотворение, в неразорванном — 59. Из этих исправленных в авторских экземплярах *ПСС–1915*, 3 стихотворений в *Петрополис* включено 10, все прочие при жизни Бунина напечатаны уже не были.

В распоряжении составителей *Бунин–9* и следующих изданий была только часть одного авторского экземпляра, содержащая 25 стихотворений (ИМЛИ). 11 из них были исправлены Буниным и по этой правке напечатаны в *Бунин–9* и следующих изданиях. Но при сравнении двух авторских экземпляров *ПСС–1915*, 3 только для первых 25 стихотворений находится девять случаев несовпадения правки одних и тех же текстов¹.

Общий объем несогласованной правки между двумя авторскими экземплярами *ПСС–1915*, 3 — 44 текста из 259 включенных в том; кроме того, 7 стихотворений (или существенных их фрагментов) вырезаны из экземпляра *ПСС–1915*, 3 — РАЛ и при этом не включены в *Петрополис*.

Приведем самые существенные примеры несовпадения синхронной правки в авторских экземплярах *ПСС–1915*, 3, нигде более не отраженной и до последнего издания (*Бунин–БП*) не учтенной.

Стихотворение «Развалины» во всех изданиях Бунина содержит шесть строф. В авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — РАЛ вычеркнуто его заглавие, а в авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ, с которым Бунин работал в то же время, кроме заглавия, вычеркнуты строфы IV–V².

Стихотворение «Гробница Сафии» в авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — РАЛ оставлено без изменений, а в авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ из него вычеркнуты строфы II и IV³.

Стихотворение «Тайна» в авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — РАЛ не тронуто, а в авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ из него вычеркнута строфа III.

¹ Стихотворение «Жизнь» («Набегает впеньмах...»): в экземпляре ИМЛИ+РАЛ заглавие вычеркнуто, в экземпляре РАЛ заглавие оставлено; стихотворение «Норд-Ост» («Норд-Остом жгут пылающие зори...»): в обоих экземплярах вычеркнуто заглавие, но в РАЛ дополнительно — редакторская правка; то же самое — стихотворение «Хризантемы» («На окне, серебряном от инея...»); стихотворение «Жасмин»: в экземпляре ИМЛИ+РАЛ заглавие не тронуто, в экземпляре РАЛ — вычеркнуто; то же самое — стихотворение «В порту» («Огромный, красный, старый пароход...»); стихотворение «Русская весна» имеет редакторские пометы только в экземпляре РАЛ; так же только в экземпляре РАЛ вычеркнуты заглавия в стихотворении «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...») и «Призрак Одина» («В сумраке утра проносится призрак Одина...») и строфа в стихотворении «Невольник».

² Кроме того, строка «И усыпляет моря шум атласный.» изменена на «А за стенами моря шум атласный.»

³ Кроме того, строки «Как чернец, над белым саркофагом / В синем небе замер кипарис.» изменены на «Смоляной, над белым саркофагом / В синем небе замер кипарис.».

В связи с отсутствием единства правки в параллельных авторских экземплярах *ПСС–1915* обостряется вопрос о ее статусе. Зачеркнутые строфы в приведенных примерах — что это: последняя редакция? Вычеркивание одних строк с неосуществленным намерением вписать на их место новые? Отношение автора к удавшимся и неудавшимся, на взгляд автора, фрагментам? Вариант, который может считаться равноправным предыдущему варианту? Но у нас нет оснований считать, что творческой манере Бунина было свойственно создание нескольких текстов, организованных вокруг одного семантического и / или образного центра. По всей видимости, приведенные примеры — свидетельство неупорядоченной правки, отсутствия последнего решения, а не осознанный поэтический прием.

В авторских экземплярах *ПСС–1915*, 6 правки нет; вероятнее всего, Бунин с ними просто не работал.

Петрополис

Работая в 1947–1953 гг. над томами *Петрополис*, Бунин внес правку в 86 стихотворений (из 296).

Из исправленных Буниным в авторских экземплярах *Петрополис* стихотворений в *Бунин–9* и следующих изданиях по последней воле можно считать опубликованными только 12 текстов из второго тома («Бог», «Саваоф», «Гальциона», «Караван», «Долина Иосафата», «Имру-уль-Каис», «После Мессинского землетрясения», «В мелколесье пело глухо, строго...», «Собака», «В роще» («Там иволга, как флейта, распевала...»), «Ночные цикады», «Мелькают дали черные, слепые...»): в РГБ хранится наиболее поздний его авторский экземпляр. Наиболее поздние экземпляры других томов *Петрополис* хранятся в РАЛ, и даже если стихотворения из этих томов печатались в *Бунин–9* и следующих изданиях по авторской правке (экземпляры, хранящиеся в РГБ), то надо понимать, что не обязательно по *последней* правке, а значит в настоящее время соответствующее текстологическое решение уже не имеет смысла.

Если строго и формально придерживаться принципа последней воли, то по правке в авторских экземплярах *Петрополис*, хранящихся в РАЛ, должно быть исправлено еще 26 текстов. Из них 18 текстов были подвергнуты Буниным незначительной правке объемом не более 2 строк¹, в случаях изменения кос-

¹ «Мать» («На пути из Назарета...»), «Венеция» («Восемь лет в Венеции я не был...»), «Теплой ночью, горюю тропинкой...»), «Людмила», «На Невском», «Роса, при бледно-розовом огне...», «Когда-то, над тяжелой баркой...»), «Море, степь и южный август, ослепительный и жаркий...», «Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны...»), «Луна», «Эпитафия», «Мы рядом шли, но на меня...»), «Белые круглятся облака...»), «Мы сели у печки в прихожей...»), «В дачном кресле, ночью, на балконе...»), «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»), «Морфей», «Пантера». Кроме того, для стихотворений «Звезда дрожит среди вселенной...» и «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» в *Петрополис, 8 — Бунин РАЛ (2)* были вписаны пояснения (в параллельном экземпляре *Петрополис, 8 — Бунин РАЛ (1)* — только для первого из этих стихотворений).

нулись заглавия¹, 2 стихотворения претерпели более значительные изменения («Зимой» и «Мечты любви моей весенней...», см. выше, с. 588, 590).

Но крайне важны те случаи, когда правка, зафиксированная в одном из поздних авторских экземпляров того или иного тома *Петрополис*, может быть оспорена правкой в параллельных экземплярах того же тома, с которыми Бунин работал в то же самое время. Это значит, что не только в авторских экземплярах *ПСС–1915*, но и в авторских экземплярах *Петрополис* находится ряд текстов, относительно которых однозначно установить последнюю волю Бунина нельзя. Многочисленные примеры этого были приведены выше, при описании авторских экземпляров томов *Петрополис*.

Несогласованность последней правки бросает сомнение и на те тексты, для которых выделить последний слой было бы теоретически возможно. Как уже было сказано, в 1951–1953 гг. и особенно в апреле–июне 1953 г. Бунин параллельно правил несколько экземпляров разных томов *Петрополис*. Даже если бы можно было выстроить точный порядок его работы над каждым томом, то совершенно очевидно, что он был бы во многом случайным: Бунин менял экземпляры, обращался к одному, переносил правку из него и продолжал работать с другим, возвращаясь к первому и т.д. И даже для тех из них, для которых возможно определить наиболее авторитетный экземпляр или хотя бы наиболее поздние исправления, такая вариативность в близких по времени экземплярах заставляет сомневаться в статусе последней правки, окончательности авторского решения.

Таким образом, **несогласованность (и, вероятно, незавершенность²) правки в конкурирующих авторских экземплярах двух главных собраний сочинений — прежде всего, *ПСС–1915*, но также и *Петрополис* — есть наиболее уязвимое звено в установлении и выполнении последней воли Бунина для издания его стихотворений.** Общее количество стихотворений, не имеющих итогового варианта по авторским экземплярам собраний сочинений, — 80, что составляет чуть менее десятой части бунинского поэтического

¹ «Глупое горе» («Тихой ночью поздний месяц вышел...»), «Просыпаюсь в полуумраке...», «Ночью звездной и студеной...», «Сорвался вихрь, промчал из края в край...», «О, слез не выплаканных яд!...», «Была весна и жизнь была легка...» — заглавия даются по *Петрополис*, см. также дальше. Кроме того, для стихотворений «Вид на залив из садика таверны...» и «Роняя снег, проходят тучи...» в *Петрополис*, 8 — Бунин РАЛ (2) были вписаны, а потом вычеркнуты заглавия (в параллельном экземпляре *Петрополис*, 8 — Бунин РАЛ (1) — только для первого из этих стихотворений).

² Косвенным подтверждением того, что Бунин не успел оставить полный свод своих произведений в том виде, в каком желал бы видеть его в будущем, является то, что стихотворения, отобранные им для новых изданий, отмечены только в авторских экземплярах первого и третьего томов *ПСС–1915* и в первых двух и пятом томе *Петрополис*; стихотворения из других томов *Петрополис* уже никак для будущих изданий не отобраны.

наследства. Но при этом к несогласованности правки Бунина в авторских экземплярах основных его изданий стоит добавить близкую по времени правку тех же текстов в авторских экземплярах других его изданий.

Параллельная правка в других изданиях

Стихотворения 1903–1906 (1906)

В ноябре 1952 г. Бунин пересматривает свое издание стихотворений 1906 г. (*СС–1906*), все 134 стихотворения которого вошли затем в *ПСС–1915*, 3. Правка 38 стихотворений в авторском экземпляре *СС–1906* расходится с правкой в том или другом авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3, сделанной раньше, в 1934 г., но скрепленной директивной надписью Бунина. Что в данном случае «последняя воля» и как ее обосновать?

Примером может служить стихотворение «Сапсан», для которого Бунин оставил три разных варианта правки: один — в авторском экземпляре *СС–1906*, второй — в одном экземпляре, *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ + РАЛ, третий — в другом экземпляре, *ПСС–1915*, 3 — РАЛ. Аналогично, три разных варианта зафиксировано для стихотворения «Невольник»: в авторском экземпляре *СС–1906* из шестистрофного стихотворения вычеркнута первая строфа, в *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ из того же текста вычеркнута третья строфа, в *ПСС–1915*, 3 — РАЛ текст оставлен без изменений.

Избранные стихи (1929)

Не менее разнообразную и пеструю картину представляет собой правка, оставленная Буниным в авторских экземплярах «Избранных стихов» — книги, которая в момент ее выхода в свет была для Бунина итоговой. Как следует из приведенного выше описания, на сегодняшний день известно шесть рабочих экземпляров сборника, поэтому на внесенной в них правке стоит остановиться отдельно. По всем ныне известным авторским экземплярам «Избранных стихов» те или иные поправки и / или отметки, сделанные Буниным или его женой, В.Н. Буниной, имеют 37 текстов (из 205 включенных в издание)¹. Рассмотрим их, разделив по группам и дополнив описание каждой из них ответом на сопутствующий вопрос.

¹ В это число не входят стихотворения, перечеркнутые в авторских экземплярах «Избранных стихов». (Как показывает опыт работы с авторскими экземплярами бунинских собраний (прежде всего, *ПСС–1915*), перечеркивание могло означать, что стихотворение либо вовсе изымается из будущего поэтического наследия автора, либо, напротив, отбирается для следующего издания, либо вообще не рассматривается в данном конкретном экземпляре издания.) Кроме того, мы не описываем здесь замену римских цифр в обозначении месяцев на арабские (характерная черта всей поздней работы Бунина со своими изданиями) и сугубо пунктуационные исправления, сделанные Буниным в том или ином экземпляре «Избранных стихов», — их можно будет учесть в полном собрании.

1) Правка согласована по экземплярам «Избранных стихов»¹ и в целом соответствует правке в (поздних) экземплярах *Петрополис*. Когда Бунин работал с «Избранными стихами»?

В данном случае речь идет о таком варианте текста, который не вошел в его печатную историю, но уже был известен нам по правке в рабочих экземплярах *Петрополис*. Анализ того, с какими авторскими экземплярами *Петрополис* этот вариант совпадает, а с какими нет, позволяет косвенно судить о времени работы с авторскими экземплярами «Избранных стихов».

Как было показано при описании сохранившихся экземпляров сборника, самым ранним является MS 1066/897, который Бунин начал править в середине 1930-х гг. при подготовке *Петрополис*. О следующем этапе обращения к «Избранным стихам» свидетельствует изменение заглавия в стихотворении «Невестка» на «Отрава». Этого изменения еще нет в *Петрополис*, 4 — РАЛ (1) (датируется 1947 г.), оно появляется в трех экземплярах берлинского собрания, с которыми автор работал в 1951–1953 гг. (*Петрополис*, 4 — РГБ (1, 2), РАЛ (2)), и в двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/897, 10206). Так возникает «нижняя граница» поздней правки — не ранее 1947 г.

Правка стихотворения «В дачном кресле, ночью, на балконе...»² совпадает с правкой его во всех авторских экземплярах *Петрополис*, 8, один из которых (*Петрополис*, 8 — РГБ) датирован мартом 1951 г., а два других (*Петрополис*, 8 — РАЛ (1, 2)) — маем 1953 г. Значит, следующие корректизы были внесены Буниным в 1951 г. (наиболее вероятное время возвращения Бунина к «Избранным стихам»).

Единичные поправки в стихотворениях «Луна»³ и «Дочь»⁴ совпадают с поправками в *Петрополис*, 8 — РАЛ (1, 2), сделанными в мае 1953 г., и отсутствуют в *Петрополис*, 8 — РГБ, который Бунин держал в руках раньше, в марте 1951 г. Соответственно, часть правки сделана в мае 1953 г. и, может быть, чуть позже⁵.

¹ Так как рассматриваемые ниже стихотворения присутствуют не во всех авторских экземплярах «Избранных стихов» (среди них есть неполные), мы считаем согласованной такую правку, которая совпадает, будучи внесена в два и более экземпляра. Случай правки текста только в одном экземпляре «Избранных стихов», при неизменности в других экземплярах издания, оговариваются.

² Ст. 2: [Океана] Моря колыбельный шум... (MS 1066/897, 10201, 10207, 10208).

³ Ст. 1: Настанет Ночь моя, Ночь [долгая] вечная, немая, (MS 1066/10207).

⁴ Ст. 9: [Мне почему-то] Не по себе мне, тяжело, (MS 1066/10201, 10208).

⁵ К этому же времени, очевидно, относится и единственный случай «возведения» текста «Избранных стихов» к тексту *Петрополис*, 6: в три экземпляра (MS 1066/10201, 10207, 10208) в стихотворение «Малайская песня» рукой В.Н. Буниной вписан эпиграф: «L'éclair vibre sa flèche... L. de Lisle». Запись сделана одной и той же синей шариковой ручкой с одним и тем же наклоном букв и в одном и том же (верхнем правом) углу страницы, — вероятно, она была перенесена из *Петрополис* сразу в три экземпляра издания.

Правка «Гробницы Рахили»¹ и «Цирцеи»² полностью совпадает с правкой этих текстов во всех авторских экземплярах *Петрополис, 1* и *Петрополис, 6*, с которыми Бунин работал летом 1953 г. В совокупности с другими особенностями (обилием исправлений красной шариковой ручкой, постепенно «заглушавшей» синюю, твердостью почерка и характерным наклоном букв) мы склонны считать это время основным периодом работы Бунина с экземплярами «Избранных стихов».

Стихотворение «Караван», не тронутое в *Петрополис, 2 — РАЛ (1, 2)*, которые Бунин перечитывал соответственно в ноябре 1952 г. и апреле 1953 г., тем не менее, правится в трех экземплярах «Избранных стихов»³, и это исправление отражается также в *Петрополис, 2 — РГБ* (последняя дата на нем — 20 октября 1953 г.). Следовательно, время работы Бунина с «Избранными стихами» можно продлить до второй половины октября 1953 г., то есть до последних недель его жизни.

Таким образом, после середины 1930-х гг. основная работа над «Избранными стихами» шла в самый последний период жизни Бунина, не раньше 1951-го, и вероятнее всего — в конце весны — начале осени 1953 г.

К этой же группе отнесем другие тексты, согласованная правка которых в экземплярах «Избранных стихов» не полностью совпадает с правкой в экземплярах *Петрополис*.

Например, во всех авторских экземплярах *Петрополис, 6* и в четырех экземплярах «Избранных стихов» в стихотворении «Просыпаюсь в полумраке...» Бунин зачеркивает строфу III («Счастлив этим финским утром...») и вносит правку в ст. 14⁴, но ремарку «Петербург», которую можно расценивать и как заглавие, и как место написания стихотворения, он в рабочие экземпляры «Избранных стихов» не заносит.

Во всех авторских экземплярах *Петрополис, 5* и в трех экземплярах «Избранных стихов» единообразно исправлены две строки в стихотворении «Зимой» («Покрывало море свитками...»)⁵, но в экземплярах «Избранных стихов» без изменения оставлено его заглавие, которое в *Петрополис, 5 — РГБ* просто зачеркнуто, а в *Петрополис, 5 — РАЛ (2)* заменено на «Атлантик» (при том, что работал Бунин с этими экземплярами в апреле 1953 г. одновременно и на обоих оставил надписи о том, что тексты исправлены для нового издания).

¹ Ст. 8–9: И с трепетом целую [прах] мел и пыль

На этом камне, [женственном] выпуклом и белом...

(MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

² Ст. 3: Зелень глаз и [трепещущий] аттический нос — (MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

³ Ст. 11: [Прильнув] Склонясь лицом к верблюжьей теплой шее! (MS 1066/10201, 10206, 10208).

⁴ Ст. 14: Запах кофе, [яркий] люстры свет, (MS 1066/10201, 10206, 10207, 10208).

⁵ Ст. 3: Берег с [глупыми] нестрыми кибитками

Ст. 5: [Слава Богу —] Вот зима — и за туманами (MS 1066/10201, 10207, 10208).

Просматривая стихотворение «Летняя ночь», Бунин в четырех экземплярах «Избранных стихов» последовательно исправляет ст. 9¹, но только в двух из четырех авторских экземплярах (*Петрополис*, 3 — РГБ (2), РАЛ (2)) мы встречаем тот же вариант замены, — в двух других, с которыми Бунин тоже работал весной 1953 г., их нет.

Наконец, стихотворение «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», заключительная строчка которого переправлена в трех авторских экземплярах «Избранных стихов»², совпадает только с вариантом *Петрополис*, 8 — РАЛ (2); в синхронном с ним (май 1953 г.) *Петрополис*, 8 — РАЛ (1) правка иная³, а в более раннем *Петрополис*, 8 — РГБ (март 1951 г.) ее вообще нет.

Четыре последних стихотворения — примеры нередкой у Бунина несогласованной правки в одновременных и равноправных источниках, о которых мы уже говорили и о которой придется говорить еще.

2) *Правка согласована, но не соответствует правке в экземплярах *Петрополис*. Как меняется история текста?*

Конечно, до сих пор не известные варианты стихотворений, возникшие при пересмотре Буниным «Избранных стихов» в последние месяцы жизни, продолжают историю текста и дают представление о том, какими видел их автор, оглядываясь назад. Здесь мы можем только перечислить те изменения, которым Бунин подверг свои произведения.

В стихотворении «Багряная печальная луна...» в двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201 и 10208, который обозначен на обложке как «Проверенный»), рукой В.Н. Буниной исправлена — и так, что получился новый образ —

ст. 8: И допотопной [лилией] розою краснеет⁴.

В тех же экземплярах «Избранных стихов» меняется (и тоже рукой В.Н. Буниной) один эпитет в стихотворении «Морская краса» (в *Петрополис* без заглавия; «Уж как на море, на море...»):

ст. 11: Моя [белая] нагая краса,

В заглавие стихотворения «После землетрясения» в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10206) Бунин вписывает дополнение: «После землетрясения в Мессине». Это новый вариант на фоне других попыток исправить заглавие: на «После Мессины» в *Петрополис*, 2 — РАЛ (1) и на «После Мессинского землетрясения» в *Петрополис*, 2 — РГБ, РАЛ (2).

¹ Ст. 9: [Берет] Глядит в худое лицико: — «Что милый?» (MS 1066/897, 10201, 10206, 10207, 10208).

² Ст. 8: К милосердным [коленям] Коленам припав (В MS 1066/10208 правка внесена Буниным, в MS 1066/10201 и 10207 В.Н. Буниной).

³ К Милосердным Коленям припав.

⁴ <...> Мне кажется, луна оцепенеет:

Она как будто выросла со дна

И допотопной лилией краснеет. <...>

Минимальная поправка коснулась и заглавия стихотворения «Бегство в Египет». В двух экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10208) оно рукой В.Н. Буниной переправлено на «Бегство *во* Египет». При том, что один из этих экземпляров снабжен завещательной надписью автора (MS 1066/10208), вставка «о» его собственной рукой до нас не дошла.

Вместе с тем в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10206), и тоже, вероятно, рукой В.Н. Буниной оказалось вычеркнуто заглавие стихотворения «Ритм». Ни в одном из авторских экземпляров *Петрополис, 3*, куда оно было включено, эта правка не подтверждается.

Точно так же только по правке В.Н. Буниной в одном из экземпляров «Избранных стихов» (MS 1066/10201) известна поправка, внесенная в стихотворение «Святогор и Илья»:

ст. 10: Лег, [накрылся] *надвинул* и шутит: «А впору!

— и это оказывается новым штрихом в и без того богатой истории правки этого стихотворения, которую можно проследить по авторским экземплярам *Петрополис*¹.

Еще в одном экземпляре (MS 1066/10207) В.Н. Бунина внесла сразу несколько поправок в стихотворение «Канун Купалы», и только одна из них находится в двух (из трех) авторских экземпляров *Петрополис, I*:

ст. 2: Ходит в темной роще Богоматерь[,] : <пункт. замена>

ст. 11: Пахнет под росою медуница[,] ... <пункт. замена>

ст. 12: Золотой [венец] *Veneц* по роще светит².

ст. 25: Но Христос Ей молвит: «Мать! [не] *Не* солнце,

Уже анализ приведенных поправок показывает, что далеко не всегда правка вносилась в «условно визированный» экземпляр «Избранных стихов» (MS 1066/10208), — ни в качестве единственного, вбирающего в себя правку других экземпляров, ни даже в качестве ведущего, «первого среди равных» рассматривать его нельзя.

Пересмотр Буниным стихотворения «Помпея» в разных экземплярах «Избранных стихов» не только дает новый эпитет, но и позволяет судить о порядке и особенностях работы автора со своим изданием. Так, в определении «грубые следы» сначала сам Бунин (в MS 1066/10207) меняет эпитет на *римские*. Затем В.Н. Бунина (со слов Бунина или перенося эту правку из недошедшего до нас источника) зачеркивает «римские» и вписывает «древние». Тем самым прочерчивается путь от вещественной ощущимости (*грубые*) — к давно-прошедшему и конкретно-историческому (*римские*) — и, наконец, к обобщенному (*древние*). Получается:

ст. 9: Я помню только [грубые] [*римские*] *древние* следы

¹ См.: *Бунин–БП*. Т. 2. С. 421.

² Из всех приводимых поправок только эта присутствует в двух из трех авторских экземпляров *Петрополис, I* — РАЛ (1, 2).

Итоговый вариант вписывается В.Н. Буниной в MS 1066/10201 и MS 1066/10208. При этом в двух из трех авторских экземпляров берлинского издания (*Петрополис, 5 — РГБ, РАЛ (2)*) зафиксирован первый переход, и ни в одном — второй. Но «пропустивший» эту поправку *Петрополис, 5 — РАЛ (1)* хотя и является самым ранним из всех трех экземпляров, но только по восстанавливаемой «нижней границе» — 1951-му г.; по «верхней границе» он приближается к двум другим экземплярам тома, на которых рукой Бунина проставлен апрель 1953 г. Всё это дает еще один аргумент в пользу датировки основной бунинской работы с «Избранными стихами» не ранее поздней весны 1953 г.¹

Особый случай, попытку возвращения текста *Петрополис* к более раннему варианту представляет собой правка стихотворения «Сириус» (1922). В трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10207, 10208) строфа II («Где вы, скитания полночные...») вычеркнута, а вместо нее вписана другая, минимально расходящаяся с той, которая была *после строфы II* в первых публикациях²:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу [привычном] любимом и родном,
И старый дом, и ель смолистая
В сугробах белых под окном?³

В итоге и здесь получился текст, отличающийся от всех его прижизненных публикаций.

Наконец, только в MS 1066/897 внесена поправка в текст стихотворения «Москва» («Темень, холод, предрассветный...»)⁴ и вычеркнуты ст. 13–14 из

¹ Последним, приводимым для исчерпывающей полноты, примером и одновременно еще одним подкреплением высказанного тут предположения является «история одной запятой» в стихотворении «Настанет день — исчезну я...». В *Петрополис, 5 — РАЛ (2)*, который Бунин визировал для будущего издания в апреле 1953 г., запятая зачеркнута, новый вариант отсутствует, и правка, видимо, не завершена, так как какой бы то ни было знак препинания на этом месте грамматически необходим. В MS 1066/10208 и 10201 в ст. 6 запятая исправлена на тире:

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку [...] —
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

² Окно: Альманах / Изд. М. и М. Цетлин. Кн. 1. Париж: Я. Поволоцкий и Ко, 1923; *Rosa Perihona — 1924*.

³ Так выглядит эта строфа в MS 1066/10208. Первоначально она была записана Буниным, затем рукой В.Н. Буниной «привычном» было исправлено на «любимом», дописано недостававшее «под окном?» и вся строфа перенесена в MS 1066/10201 и 10207. В первых публикациях (см. пред. примеч.) строфа печаталась без втяжек четных строк (как и всё стихотворение), перечисления в ст. «И старый дом и ель смолистая» не отделялись запятой, а вместо «В сугробах» было «Среди сугробов».

⁴ Ст. 6: В храме [тоже] та же пустота,

стихотворения «Петух на церковном кресте», в результате чего последняя строфа осталась усеченной¹.

3) Правка не согласована. В чем авторская воля?

Почти для трети текстов в «Избранных стихах», затронутых поздними авторскими вторжениями, выделить непротиворечивую правку невозможно. И хотя эти варианты не вошли в печатную историю текста и не находят согласованного соответствия в авторских экземплярах *Петрополис*, знание их служит обогащению текстологической «легенды» и заостряет вопрос о статусе последней воли автора. То, что эта правка уже не была отражена в рабочих экземплярах *Петрополис* (скорее всего, не была перенесена в них), означает, что она делалась в самые последние месяцы и недели жизни Бунина и была прервана с ее концом. Продлись жизнь — и нет никакой уверенности, что Бунин сам не отказался бы от только что сделанных изменений, как это не раз бывало с ним при работе с другими его изданиями, начиная с 1930-х гг. Но в случае правки «Избранных стихов» это становится особенно наглядно, и пределы воплощения авторской воли оказываются наиболее проницаемы и уязвимы.

Если начинать с названий стихотворений, то в наиболее подготовленном экземпляре «Избранных стихов» (MS 1066/10208) заглавие стихотворения «Цикады» вычеркнуто, а в другом (MS 1066/10201) сначала вычеркнуто — затем восстановлено. То же заглавие в одном, более раннем, экземпляре собрания сочинений было зачеркнуто без какой-либо замены (*Петрополис*, 2 — РАЛ (1); ноябрь 1952 г.), а в двух других экземплярах того же тома — с которыми Бунин работал в то же самое время, что и с «Избранными стихами», — исправлено на «Ночные цикады» (*Петрополис*, 2 — РАЛ (2), РГБ; апрель и 20 октября 1953). Таким образом, вместо одного авторского решения перед нами, в последнем синхронном срезе, минимум два (восстановленное «Цикады» и дополненное «Ночные цикады»).

Заглавие исправлено и в стихотворении «Мать» («На пути из Назарета...»): во всех авторских экземплярах *Петрополис*, 3 и в четырех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/897, 10201, 10207, 10208) вместо него вписано «На пути из Назарета», и, кроме того, вычеркнута последняя строфа XIII («Содрогался я от счастья...»). Правку можно было бы счесть согласованной, но есть еще один экземпляр сборника (MS 1066/10205), где строфа вычеркнута, а заглавие (то ли по недосмотру, то ли умышленно) оставлено².

Точно так же и совпадающая в трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) правка в стихотворении «На Невском» — и «дотягивающая» текст «Избранных стихов» до текста в *Петрополис*, 5

ст. 20: [Я долго] Всю жизнь я позабыть не мог

¹ Ср. Бунин–БП. Т. 2. С. 193.

² Разнообразную правку этого стихотворения в авторских экземплярах *Петрополис*, 3 см.: Бунин–БП. Т. 2. С. 399–400.

и обновляющая текст *Петрополис, 5* в двух из трех авторских экземпляров со-брания сочинений (*Петрополис, 5 — РГБ, РАЛ (2)*)

- ст. 1: Колеса [острый] мелкий снег взрывали и скрипели,
- ст. 4: [Блеснув уютом] Блеснуши глянцем стекол [неза]мерзлых,
- ст. 10: Всё пронеслось и скрылось за [дворцом] мостом,

— нарушается правкой заглавия. В одном из экземпляров (MS 1066/10206) Бунин меняет заглавие на «*Петербург*», а В.Н. Бунина при переносе правки в два других (MS 1066/10201 и 10208) по неизвестным причинам его опускает¹.

Еще один пример сознательности / небрежности / недоведенности правки до конца представляет собой стихотворение «Дурман». В трех экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) из него вычеркнута строфа II («Звон дивный — слышный и не слышный...») — как и во всех авторских экземплярах *Петрополис, 6*², но при этом в одном из экземпляров сборника (MS 1066/10206) нетронутыми остались строки, исправленные во всех других³.

В двух случаях несогласованная правка касается текстов, ни цельность, ни само наличие которых в поэтическом наследии Бунина не было для него безусловным: автор то убирал их из своего будущего собрания, то возвращался к ним вновь.

Первое из них — стихотворение «В лесу, в горе родник, живой и звонкий...», вторую часть которого составляет признание

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты,
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

Это стихотворение уже было вычеркнуто Буниным из всех авторских экземпляров последнего собрания: из *Петрополис, 1 — РАЛ (1, 2)* построчно, из *Петрополис, 1 — РГБ* еще и с ремаркой «*вон, навсегда!*» (и это было сделано, судя по авторским пометам, в июле 1953 г.). Тем не менее, просматривая «Из-

¹ Под заглавием «*Петербург*» Бунин включил это стихотворение в цикл «Далекое», опубликованный в газете «Руль» (1920. 25 декабря. № 34). Подробнее варианты правки см.: *Бунин-БП*. Т. 2. С. 447–448.

² Пользуемся случаем, чтобы исправить опечатку в *Бунин-БП*. Т. 2. С. 426, где она обозначена как «строфа III».

³ Ст. 19–22: На утро [губки покернели] *гробик сколотили*,
[Лоб посинел... Ее одели,
Принярядили — и отец]
Над ним попели, покадили,
Мать порыдала... И отец
Прикрыл [ее сосновой] *его тесовой крышкой*

бранные стихи», Бунин не вычеркивает, а в трех экземплярах (MS 1066/10201, 10207, 10208) правит

ст. 7: [Но] О, этот крест [, но] и этот ковшик белый...

— и кроме того, в двух (MS 1066/10207, 10208) дополнительно зачеркивает ст. 5–6. Один из этих экземпляров (MS 1066/10208) скреплен завещательной надписью, но как отнестися к получившемуся тексту, лишенному двух строк: закончен он или оставлен для будущей — уже несостоявшейся — правки?¹

Второе — стихотворение «Райское древо» (1916; в последней редакции «Испытание», 1952). В трех экземплярах (*Петрополис, 6 — РАЛ (1, 2, 3)*) Бунин его пробовал править, но в итоге перечеркнул весь текст; в наиболее позднем *Петрополис, 6 — РГБ* (июнь 1953) оно было вычеркнуто построчно. В трех авторских экземплярах «Избранных стихов» (MS 1066/10201, 10206, 10208) текст тоже перечеркнут, но в MS 1066/897 он переработан и в таком виде (с иным заглавием и небольшими корректировками в тексте) напечатан в «Новом журнале» (1952. Кн. 28) и в последней книге Бунина *Весной, в Иудее — 1953*². В итоге, правка воедино не сведена, решения о будущем текста не принято, и значение невизированного MS 1066/897 (текст которого, единственный, продолжает жить в творческом сознании Бунина) на фоне «утвержденных для будущего» экземпляров *Петрополис, 6* (откуда он изгнан)³ явно возрастает.

Как уже ясно из приведенных выше примеров, ситуация еще более запутывается, когда в дело вступает *правка, внесенная В.Н. Буниной*.

Наиболее простой в этом ряду пример — стихотворение «Аленушка», в котором сам Бунин правит (в MS 1066/10206)

ст. 7–8: [Желалося любовь понять,
Ресницами в дружка стрелять,
Да юбочкой в кустах вилять,
[Да кто] Но кто ж в лесу встречается?

и вычеркивает последние

ст. 17–18: [И где сама девалася —
Доныне не узналося!]

В.Н. Бунина в двух других экземплярах (MS 1066/10201, 10208) правит ст. 7–8 иначе — так, как они исправлены в авторских экземплярах *Петрополис, 5 — РГБ* (апрель 1953)⁴, а правка Бунина в MS 1066/10206, вполне законченная и художественно самодостаточная, продолжения не имеет.

¹ Те же изменения отразились в *СС-1906-РАЛ*.

² Подробно историю текста см.: *Бунин-БП*. Т. 2. С. 131, 309–310, 427–428.

³ Таковы *Петрополис, 6 — РГБ, РАЛ (1)*.

⁴ Вместе с ними правится ст. 12, исправленная рукой Бунина и в «Избранных стихах» (MS 1066/10206), и в *Петрополис, 5 — РГБ*: [Лесной жарой] *Безделием* измучилась,

Однако если здесь мы еще можем проследить, что послужило источником правки, внесенной В.Н. Буниной, то относительно следующих текстов ответ может быть только гадательным.

В стихотворении «Русская весна» сначала Бунин (в MS 1066/10207), потом В.Н. Бунина (в MS 1066/10208) исправляют

ст. 8: [С мешками к деревне] *По деревушке* бредут

и эта правка совпадает с той, которая была внесена во все авторские экземпляры *Петрополис, 1, ПСС–1915, 3 и СС–1906–РАЛ*. Однако есть еще один вариант: в MS 1066/10201 В.Н. Бунина вписывает «*По деревушкам*», и оснований такой правке рукой Бунина мы не знаем.

Пестрое разнообразие встречаем в вариантах стихотворения «Долина Иосафата», исправленного в трех экземплярах «Избранных стихов» рукой В.Н. Буниной. В MS 1066/10201 и MS 1066/10208 совпадает правка

ст. 11–12: Всех, [что в плену и что мечом] *что врагом в чужбине не убиты,*
Сбирает милосердный Судия.

В MS 1066/10206 дана иная версия:

ст. 11–12: Всех, [что в плену и что мечом] *что врагами были не убиты,*
Сбирает милосерд[н]ый Судия.

Параллельная правка в *Петрополис, 2* фиксирует еще два других варианта¹, — значит, из четырех редакций правки Бунин так и не выбрал, какая должна остаться на будущее.

Почти то же происходит в стихотворении «В мелколесье пело глухо, строго...». В. Н. Бунина в MS 1066/10201 и MS 1066/10208 исправляет

ст. 10: Дед-[колдун] лесник, как мертвый, спал в избушке.

— а в MS 1066/10206, не тронув эту строчку, меняет

ст. 20: И в [стекло угрюмо] *окошке мрачно* муха билась.

При этом авторские экземпляры *Петрополис, 2*, как и в предыдущем примере, предлагают два других варианта ст. 10 и ни одного — ст. 20².

В стихотворении «Мушкет» сначала Бунин (в MS 1066/897) правит

ст. 23–24: И Господь [ответил] *сказал ей*: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, — попы тебя отпели».

— а затем В.Н. Бунина в двух экземплярах (MS 1066/10201 и 10208) вписывает другой вариант:

¹ Итоговые варианты ст. 11–12 в *Петрополис, 2 — РАЛ (1)*: Всех верных, всех, что не убиты, Сзыгает милосердый Судия; *Петрополис, 2 — РГБ, РАЛ (2)*: Всех, что в чужбине не были убиты, Сбирает милосердый Судия.

² *Петрополис, 2 — РГБ, РАЛ (1)*: Дед-лесник мертвейки спал в избушке; *Петрополис, 2 — РАЛ (2)*: Дед-колдун мертвейки спал в избушке.

ст. 23–24: И Господь [ответил] утешил: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, — попы тебя отпели».

Стихотворение разнообразно правилось в авторских экземплярах *Петрополис*,¹ но если первый из приведенных вариантов (наряду с другой правкой, которой в экземплярах «Избранных стихах» нет) мы еще встречаем в одном из них (*Петрополис*, 4 — РГБ, 1), то источник для того варианта, который вписывает В.Н. Бунина, нам не известен.

Такое же недоумение вызывает правка стихотворения «Проносились над островом зимние шквалы и бури...». Сначала Бунин в MS 1066/10206 вписывает заглавие *«Капри»* и правит

ст. 2: То во мгле и дожде, то в [сиянье небесной] сиянии яркой лазури
— что соответствует правке в *Петрополис*, 5 — РГБ, РАЛ (2). Затем это заглавие вписывается в MS 1066/10201 и MS 1066/10208 (в первом случае это делает В.Н. Бунин, во втором сам Бунин), а ст. 2 в обоих случаях правится В.Н. Буниной, но иначе:

ст. 2: То во мгле и дожде, то в [сиянье небесной] сиянии влажной лазури
— и определить происхождение этого дважды внесенного в текст эпитета, по меньшей мере, затруднительно. Во всяком случае, такая правка рукой самого Бунина до нас не дошла, — как не дошел и вариант «яркой» рукой В.Н. Буниной².

И наконец, полный разлад в правке демонстрирует стихотворение «Этой краткой жизни вечным измененьем...». В уже вошедшем в *Петрополис*, 8 тексте Бунин меняет в MS 1066/10206

ст. 4: В [свежем] тихом парке листьев [медленным] розовым паденьем
— затем в MS 1066/10207:

ст. 4: В [свежем] аллом парке листьев медленным паденьем

Эти колебания отражаются в MS 1066/10208, где В.Н. Бунина последовательно правит первый эпитет и зачеркивает оба варианта второго, не вписывая замены:

ст. 4: В [свежем] [тихом] аллом парке листьев [медленным] [розовых <так!>]
паденьем³

В MS 1066/10201 утверждается (рукой В.Н. Буниной)

ст. 4: В [свежем] аллом парке листьев медленным паденьем
и, кроме того, не известная в правке Бунина, но последовательно вписанная его женой во все названные экземпляры

ст. 10: В этом парке [розовом] аллом, в этой тишине.

¹ См.: *Бунин-БП*. Т. 2. С. 407.

² Возможно, в данном случае «промежуточными звенями» были те самые экземпляры «Избранных стихов», которые считаются ныне потерянными (см. примеч. 2 на с. 592).

³ Под зачеркнутым вариантом «розовых» В.Н. Буниной вписано «аллом», но размер не позволяет считать этот вариант ни рабочим, ни окончательным: скорее, это погрешность или дубль исправления для ст. 10 (см. ниже).

Таким образом, правку «В алом парке» можно считать согласованной, замену второго эпитета — незавершенной, источник коррективы в ст. 10 — достоверно не известным, и ни одной из этих поправок нет ни в одном из авторских экземпляров *Петрополис*, 8, завизированных Бунином для будущих изданий.

Обилие изменений, внесенных рукой В.Н. Буниной без документированного источника, в котором они были бы зафиксированы рукой Бунина, не только говорит о том, что у самого Бунина уже не было сил сводить воедино правку во всех экземплярах самому, но и заставляет предполагать наличие «утраченного звена» — одного или обоих пропавших экземпляров «Избранных стихов», в которые эта правка была внесена автором¹. Но в любом случае анализ сохранившихся экземпляров «Избранных стихов» подтверждает, что все авторские экземпляры «Избранных стихов» должны *в их совокупности* восприниматься по отношению к самому сборнику, как, собственно, и рабочие экземпляры других прижизненных изданий Бунина должны учитываться в поле всей поэтической работы Бунина.

Теперь, так как правка в авторских экземплярах других поэтических сборников, т.е. *ГСФ–1916*, *ГСФ–1920* и *Чаша жизни — 1922*, не составляет отдельной проблемы и в целом совпадает с правкой в *Петрополис*, можно подвести итоги.

Итак, суммируя 80 текстов, не имеющих итоговой правки в авторских экземплярах собраний сочинений, 38 текстов, не имеющих итоговой правки при сравнении близких по времени авторских экземпляров *СС–1906* и *ПСС–1915*, и 22 текста, правка которых в «Избранных стихах» либо не сведена в целое даже в экземплярах этого стихотворного сборника, либо отличается от итоговой правки в *Петрополис*², мы получим 140 стихотворений. Иными словами, при основном корпусе в 965 стихотворений (состав *Бунин–БП*) каждое восьмое стихотворение Бунина не было доведено им до единственного и окончательного варианта³. С точки зрения принципа, положенного в основу издания, это более чем существенно.

Таблица 2. **Вывод несогласованной правки
в авторских экземплярах изданий Бунина**

	Состав	Исправлено	Осталось в правке, при жизни не опубликовано	Объем несогласованной правки
<i>ПСС–1915, 1</i>	182	52 ⁴	52 – 5 (<i>Петрополис</i>) = 47	23

¹ См. примеч. 2 на с. 592. Или же можно представить себе, что эти исправления были сделаны В.Н. Буниной со слуха, под диктовку Бунина; но трудно представить себе, чтобы Бунин затем не проверил внесенную правку сам.

² В данном случае речь именно об итоговой правке в разных экземплярах томов *Петрополис*, то есть о тех случаях, когда возможно определить окончательный авторский вариант текста. Если же рассматривать всю правку, то таких текстов, как следует из приведенного анализа, будет больше — 26.

³ Речь в данном случае не идет о ранних, юношеских и поздних, «домашних» стихотворениях, текстологические особенности которых достойны отдельного рассмотрения.

	Состав	Исправлено	Осталось в правке, при жизни не опубликовано	Объем несогласованной правки
<i>ПСС–1915, 3</i>	259	71 (ИМЛИ + РАЛ), 59 (РАЛ)	[71 – 10 (<i>Петрополис</i>) = 61] ¹	44 ²
<i>Петрополис</i>	96	86	86	13
Всего по собр. соч.				80
<i>СС–1906</i>	134	Отличается от правки в экз. <i>ПСС–1915, 3</i> :		38
<i>Избр. ст. – 1929</i>	205	Отличается по разным экз. или от правки в <i>Петрополис</i> :		22
Всего по авторским экз. изданий				140

Очерченные проблемы существенно осложняют издателю проблему выбора текста и корректируют его возможности воплотить бунинскую волю в посмертных изданиях так, как хотел того сам автор. Но эти проблемы касаются, в конце концов, ограниченного числа стихотворений и связаны с неупорядоченной правкой Бунина. Предположим, что для них удалось бы выработать приемлемый способ подачи и что решающими источниками были бы признаны авторские экземпляры *ПСС–1915* и *Петрополис* без привлечения правки в авторских экземплярах «Стихотворений 1903–1906» и «Избранных стихов». Что означало бы следование последней воле автора для текстов с согласованной правкой?

5.2.3. Текстология vs история. Согласованная правка

Сугубо текстологические особенности работы Бунина со своими произведениями дополняются историческим фактором³. Надо признать, что если бы Бунин и привел итоговую правку к единственному для каждого стихотворения

¹ Подсчеты были бы точны, если бы 10 текстов, исправленных в *ПСС–1915, 3 – ИМЛИ+РАЛ* и перешедших затем в *Петрополис*, были взяты в него в варианте этой правки, что, однако, далеко не всегда так. В некоторых случаях в *Петрополис* оказывается вариант из другого авторского экземпляра — РАЛ (несогласованная правка), или вариант, отличающийся от представленного в обоих авторских экземплярах: напр., снятые заглавия стихотворений «В плавнях» («Там, на припеке спят рыбацкие ковши...»), «На ущербе» («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...») и т.д. Экземпляр *ПСС–1915, 3 – ОГЛМТ* в данном случае не рассматривается: Бунин с ним при подготовке *Петрополис* не работал.

² Выводится не из общего количества стихотворений в томе: несколько стихотворений вырезаны в одном из экземпляров (РАЛ. MS 1066/908) и таким образом не имеют соответствия в другом.

³ О сложности выбора между «художественно-подлинным» и «исторически-подлинным» критериями выбора текста см. прежде всего: Томашевский 1959. С. 175–179, и далее целый ряд работ, в которых этот вопрос обсуждался и обсуждается применительно к конкретным авторам.

решению, то он, возможно, поставил бы своих издателей в еще более трудное положение. Ни автор, ни издатель не могут игнорировать то обстоятельство, что после первой же публикации любой текст «отрывается» от своего создателя и живет самостоятельной жизнью. С тех пор, как текст впервые вышел в свет, печатался в периодике ли, в сборниках или собраниях сочинений, и, наконец, был опубликован в своей последней прижизненной редакции, он проходит своеобразную кульминацию в своем развитии. И так же, как зарождение стихотворения — «пролог» его истории, так позднейшая правка, не вошедшая в прижизненные издания, — «эпилог», причем в случае Бунина — эпилог часто не только несогласованный, но и распадающийся, как содержательно, так и формально (см. ниже историю сонета «Солнечные часы», с. 632). И это еще одно основание для того, чтобы представлять творческое наследие поэта теми вариантами, которые являются вершинными в истории текста.

Однако если говорить только о согласованной правке, то вот несколько направлений, по которым стихи Бунина были изменены им в последние годы жизни, и, соответственно, те коррективы, которые надо было бы внести в тексты, если бы главным принципом была выбрана последняя воля автора.

Заглавия

По наиболее поздним и полным авторским экземплярам *ПСС–1915* следовало бы «обезглавить» 26 стихотворений из первого тома (РАЛ. MS 1066/905) и 44 стихотворения из третьего тома (РАЛ. MS 1066/908). Некоторые из этих текстов были и полностью вычеркнуты Бунином из его литературного наследия, но заглавие в таких случаях вычеркивалось дополнительно. То есть публикуй мы все тексты (не соблюдаем последнюю волю), но в последней редакции (соблюдаем авторскую волю) — и 70 стихотворений из 416 (176 (1-й том) + 240 (3-й том)¹) стихотворений из первого и третьего томов *ПСС–1915* бунинский читатель 1910-х гг. узнал бы не сразу.

Из них только 2 стихотворения первого тома («Зарницы лик, как сновиденье...», в *ПСС–1915, 1* под заглавием «Зарница», и «Багряная печальная луна...», в *ПСС–1915, 1* под заглавием «Сиваш») и 30 стихотворений третьего тома были затем напечатаны без заглавий в *Петрополис*², а все прочие

¹ Считается не из общего числа текстов в томе, а из сохранившихся в данных экземплярах, так как ряд стихотворений Бунин вырезал (соответственно, вырезались и тексты на обратной стороне листа).

² Кроме того, 24 стихотворения, сохранившие свои заглавия в обоих авторских экземплярах *ПСС–1915, 3*, напечатаны в *Петрополис* без них, и сегодня мы не можем точно указать источник, в котором, собственно, эти заглавия были рукой Бунина вычеркнуты (возможно, это было сделано им в корректуре): «В плавнях» («Там, на припеке, спят рыбацкие ковши...»), «На даче» («Луна еще прозрачна и бледна...»), «На ущербе» («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»), «В лесу» («В лесу, в горе — родник живой и звонкий...»), «Мертвый час» («Про-

(38) остались в авторских экземплярах первого и третьего томов *ПСС–1915* и больше уже не печатались Бунином.

Далее, надо было бы последовательно изменить заглавия 24 стихотворений из *Петрополис*.

Во всех авторских экземплярах соответствующих томов были переименованы стихотворение «Смерть» в «Воскресение» (*Петрополис, 1*), стихотворение «Мать» в «На пути из Назарета» (*Петрополис, 3*), стихотворение «Невеста» в стихотворение «Отрава» (*Петрополис, 4*), еще для двух текстов были уточнены заглавия: «После Мессинского землетрясения», «Ночные цикады» (*Петрополис, 2*).

В двух из трех наиболее поздних авторских экземпляров *Петрополис, 5* (РГБ и РАЛ. MS 1066/10165) стихотворение «За степью, в приволжских песках...» получило заглавие «В Орде», стихотворение «Хозяин умер, дом забит...» заглавие «Канун», стихотворение «Проносились над островом зимние шквалы и бури...» заглавие «Капри» (в третьем, более раннем экземпляре РАЛ. MS 1066/916 все три текста без изменений). Во всех трех авторских экземплярах *Петрополис, 5* Бунин вычеркнул заглавие в стихотворении «Песенка» («Рыжими иголками...»).

В двух из четырех, сравнительно более поздних авторских экземпляров *Петрополис, 6* (оба в РАЛ) для стихотворения «Просыпаюсь в полумраке...» Бунин вписал от руки заглавие «Петербург» (в экземпляре РГБ, также завизированном завещательным предписанием в марте 1951 г., заглавия нет, но есть указание места: «П<е>т<ер>б<ург>»), для стихотворения «Ночью звездной и студеной...» вписано заглавие «Метеор» (в экземпляре РГБ это стихотворение было озаглавлено «Падучая звезда»). Во всех трех экземплярах *Петрополис, 6* вычеркнуто заглавие в стихотворении «Песня» («Мне вечер, младой, скучен терем был...»).

В двух из трех, сравнительно более поздних экземпляров *Петрополис, 8* (оба в РАЛ) для стихотворения «Наполовину вырубленный лес...» Бунин дал заглавие «Семнадцатый год» (так же в экземпляре РГБ), для стихотворе-

снулся я внезапно, без причины...»), «Олень» («Густой зеленый ельник у дороги...»), «После дождя» («Всё море — как жемчужное зерцало...»), «Панихида» («Ограда, крест, зеленая могила...»), «Забвение» («Растет, растет могильная трава...»), «Под Хевроном» («На пути под Хевроном...»), «Цветные стекла» («Люблю цветные стекла окон...»), «Слепой» («Вот он идет проселочной дорогой...»), «Кошка» («Кошка в крапиве за домом жила...»), «Геймдаль» («Геймдаль искал родник божественный...»), «Лен» («Присела на могильнике Савуре...»), «Утро» («И скрип и визг над бухтой наводненной...»), «Летаргия» («В полях — сухие стебли кукурузы...»), «Египет» («Ра-Озирис, владыка дня и света...»), «Старинные стихи» («— Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), «Дача» («Открыты окна. В белой мастерской...»), «На току» («Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»), «Будни» («Бегут, бегут листы раскрытой книги...»), «Сиротка» («Шла сиротка пыльною дорогой...»), «Колдун» (В мелколесье пело глухо, строго...»).

ния «Сорвался вихрь, промчал из края в край...» — «Тропики», для стихотворения «О, слез невыплаканных яд!..» — «России Ленина» (в экземпляре РГБ — «России»), для стихотворения «Была весна и жизнь была легка...» — «Весна 1885» (в экземпляре РГБ — «1885 год»), для стихотворения «Русская сказка» — новое заглавие «В царствии Ленина»¹ (в экземпляре РГБ «Русская сказка дней Ленина»), для стихотворения «Эпитафия» вписал подзаголовок «На Скутарийском погосте» (в экземпляре РГБ приписка под датой: «При воспоминании о кладбище в Скутари»).

Кроме того, отдельную сложность представляют случаи неоднозначной правки заглавий стихотворений, которые уже были рассмотрены выше: «Зимой», «Глупое горе» (*Петрополис*, 5), «Прокаженный», «Гора Алагалла», «Райское Древо» (*Петрополис*, 6), «Москва» (*Петрополис*, 8).

Сокращения

Следуя принципу последней воли, пришлось бы согласиться со всеми сокращениями, которые Бунин сделал в авторских экземплярах своих книг.

В двух наиболее поздних по времени авторских экземплярах первого тома *ПСС–1915* (ИМЛИ и РАЛ) сокращено 3 стихотворения: «Учан-Су» (зачеркнуты последние 4 строки), «Это было глухое, тяжелое время...» (вычеркнуты строфы II и IV из пяти), «Бродяги» (вычеркнуто 11 строк). Эти изменения отражены в *Бунин–9* и следующих изданиях, подготовленных с учетом авторского экземпляра тома, хранящегося в ИМЛИ.

Стихотворений, которые подверглись сокращению в последнем по времени авторском экземпляре *ПСС–1915*, 3 — РАЛ, восемь, и только одно из них, «С обрыва» («Стремнина скал. Как руки фурий...»), урезанное на две строфы, то есть вдвое, вошло в *Петрополис*. Все остальные в *Петрополис* взяты не были, при жизни Бунина уже не печатались и в посмертных изданиях в своей последней правке не учтены. Это стихотворения, чью правку можно счесть редакторской: «Чужая» (вычеркнуты строфы III–IV из пяти), «Наследство» (вычеркнуты строфы III–VI из десяти), «Кольцо» (вычеркнуты ст. 16–18), и стихотворения, чья правка носит, скорее, семантический характер, так как серьезно повлияла на их образный и композиционный строй: «Диза» (вычеркнуты строфы IV–VI из девяти), «Мертвая зыбь», «Судра» (в обоих случаях вычеркнута последняя, третья строфа), «Каин» (вычеркнуты строфы III–IV из восьми).

Сокращений в *Петрополис*, в том числе в «решающих» экземплярах томов, нет.

¹ Ср. непосредственно предшествующее ему стихотворение «Москва», заглавие которого Бунин уточнил только в одном авторском экземпляре (*Петрополис*, 8 — РАЛ (2)): «Москва в царствии Ленина».

Редакторская правка

Под ней понимаются пунктуационные и другие изменения объемом не более двух строк, не влияющие на семантику стихотворений¹. Распределение ее по томам следующее:

на *ПСС–1915, 1* приходится 3 пунктуационных исправления, 5 — изменений отдельных слов и 1 перемена порядка строф (по наиболее позднему и полному авторскому экземпляру *ПСС–1915, 1 – ИМЛИ*);

на конкурирующие экземпляры *ПСС–1915, 3* — всего четыре согласованных исправления: одно пунктуационное и три лексических;

на все тома *Петрополис* — 25 редакторских поправки, 3 пунктуационных, в одном стихотворении («Морфей») есть и лексическая, и пунктуационная поправки.

Самые значимые редакторские изменения — исправление на прописные первых букв в словах «Книга Бытия» (стихотворение «Долина Иосафата»), «Царские Врата» (стихотворение «Саваоф»), «Бог» (стихотворение «Собака») и т.д., напечатанных в *Петрополис* со строчных букв.

Семантическая правка

Как известно, даже минимальные изменения текста, одной строки или одного слова, могут существенным образом влиять на образный строй и смысл всего стихотворения.

Так, например, в стихотворении «В Альпах» (написанном в 1901 г., в пору наибольшей близости Бунина к символистам) в 1934 г., при подготовке *Петрополис* (*ПСС–1915, 1 – ИМЛИ, РАЛ*), убирается заглавие и меняется одно слово. Было: «Я вырезал в вечерний час сонет» — стало: «Я вырезал в полдневный час сонет». Эта замена «вечернего» колорита, с возможными коннотациями сумеречной зыбкости, свойственной поэтике символизма, на определенную «полдневность», яркость и подразумеваемую вместе с тем твердость почерка того, кто вырезает на горной вершине свой сонет, важна для Бунина, задним числом выстраивающего свой литературный путь и позицию, и заставляет переосмыслить весь текст.

Еще более явная перемена постигла в авторских экземплярах *ПСС–1915, 3 – ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* стихотворение «Мистику» («В холодный зал, луною освещенный...»; первая публикация — 1906, под заглавием «Мистикам»), написанного уже после охлаждения отношений с В. Брюсовым. В 1934 г. Бунин вычеркнул заглавие и последнюю строфиу («Теперь давно мистического храма / Мне жалок темный бред: / Когда идешь над бездной — надо прямо /

¹ Примерами могут служить изменение последней строки в стихотворении «Гроза прошла над лесом стороною...» «Как я люблю тебя!» на «Как я любил тебя!», правка первой строки в стихотворении «Звезды» (в *ПСС–1915, 1 – ИМЛИ* заглавие вычеркнуто) «Не устанем воспевать вас, звезды!» на «Не устану...» и т.д.

Смотреть в лазурь и свет»). Убрав эти «ключи», Бунин превратил нагруженное актуальными внутрилитературными ассоциациями стихотворение в нейтральное лирическое воспоминание о детстве.

Необходимо учитывать и тот очевидный факт, что современная критика отзывалась именно на те тексты, которые печатались в бунинских изданиях до последующей работы автора с ними. Если, следуя последней авторской воле, из стихотворения «В отъезжем поле» (в *Листопад–1901* и *СС–1903* посвященного В. Брюсову) изъять последнюю строфиу (как это было сделано в *Бунин–9* и следующих изданиях), то будет неясно, что вызвало язвительную реакцию критики (на содержащееся в этой строфе заявление «Старых предков я наследье чую, / Зверем (!) в поле осенюю ночую, / На заре добычу жду»¹), — ведь именно она была идейным центром стихотворения, ставшего без нее пейзажной зарисовкой.

И «В Альпах», и «Мистику», и «В отъезжем поле» читались бунинскими современниками в том числе и как своеобразные поэтические декларации, тогда предположить их позднейшие изменения было никак нельзя. В каком же варианте следует публиковать их теперь?

Тот же вопрос можно отнести к стихотворениям, которые подверглись серьезным формальным переделкам. Одним из примеров резкого композиционного сдвига может служить правка стихотворения «Атлант». В авторских экземплярах *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ Бунин из 36 строк стихотворения вычеркивает 4 и тем самым резко нарушает структуру текста, превращая его из диалогического в монологический. Можно легко оценить степень изменений, прочитав это стихотворение в *Бунин–БП* без двух строк в конце первой строфы и без последних строк во второй и третьей строфах соответственно.

Наиболее радикальный вариант изменения структуры — правка сонета «Солнечные часы», из которого Бунин в тех же экземплярах *ПСС–1915*, 3 оставил только два заключительных терцета, исправив при этом и начальную строку. Это единственный случай разрушения сонетной формы, допущенный Буниным при правке своих стихов. Допустимо ли выбирать этот вариант в качестве основного текста для научного издания? Или это тот случай, когда стихотворение может быть представлено в основном собрании двумя редакциями? Но если так, то почему не сделать того же исключения не только для описанных здесь стихотворений, но и для всех других, исправленных Буниным в одном авторском экземпляре тома и не исправленных (или иначе исправленных) в другом? На первый взгляд, такая подача текстов могла бы дать представление о работе автора над своими произведениями, но на деле, при помещении подобных двойных редакций в основной раздел издания она

¹ См., напр., рецензию П. Якубовича (*Якубович*), в которой это стихотворение процитировано именно так, с «(!)».

вызывала бы больше вопросов и недоумений, показав только часть работы автора и размыв границу между действительно оконченными и едва ли оконченными текстами.

5.2.4. Вывод основного текста

Таким образом, надо признать, что специфика работы Бунина со своими изданиями — при всей строгости его завещательных надписей на авторских экземплярах изданий — едва ли оставляет возможность выбора. Стремление к воплощению бунинской «последней воли» в рамках научного издания привело бы к произвольному выдвижению одних вариантов текста при умалении других. В этой ситуации *стержнем издания почти неизбежно становится последняя публикация, которая, в случае Бунина является и главной прижизненной публикацией, то есть публикацией, зафиксированной в наиболее ответственном и тиражированном издании, отредактированном самим автором и прочитанном его современниками*. Иными словами, основу научного издания лирики Бунина должны составить стихотворения, включенные Буниным в *Петрополис* и *ПСС–1915*, в том виде, в каком они напечатаны в этих изданиях. В спорных случаях преимущество остается за *Петрополис* как за более поздним. Стихотворения, которые в эти собрания не входили, следует печатать по последней прижизненной публикации, а если таковой не было — по наиболее репрезентативному автографу.

В отличие от многих других случаев публикации классического наследия, принципиальный выбор последнего авторизованного издания в качестве основного текста в данном случае не будет выражением последней авторской воли, а только неизбежным компромиссом, вытекающим из особенностей работы Бунина со своими изданиями, с одной стороны, и отражением его творческого пути, явленного в литературном процессе своего времени, с другой.

Вся позднейшая правка Буниным своих собраний, не получившая при его жизни типографского воплощения, может быть при этом вынесена за основной раздел. Ее следует подробно описать в текстологическом примечании к стихотворению, и, если его текст уже после последней публикации был значительно изменен автором, в разделе «Другие редакции и варианты» поместить последнюю, переработанную редакцию.

5.2.5. Исключения

Вместе с тем для стихотворений, помещенных в основной раздел лирики Бунина, из этого правила надо сделать *три исключения*.

Во-первых, это стихотворения, которые сначала были напечатаны Буниным в его книгах, а затем в переработанном (или, напротив, в более раннем) варианте заново напечатаны в периодике (таковы «Крещенская ночь»,

«...Не думай, позабудь... Не вспоминай о том...», «В Москве», «Источник звезды», «В пустом, сквозном чертоге сада...», «В жарком золоте заката Пирамиды...», — для них в качестве основной должна быть выбрана «главная» редакция в авторском сборнике или собрании, а позднейшая отнесена в дополнительный раздел)¹.

Во-вторых, для стихотворений, напечатанных в *ПСС—1915* и затем включенных в *Начальная любовь — 1921* и только, в спорных случаях преимущество остается за *ПСС—1915*. В письме к П.М. Бицилли от 14 января 1951 г. Бунин писал: «Ужасно огорчен, что Вам попалась в руки без моего ведома изданная когда-то (кажется, в Праге) книжка моих очень давних рассказов “Начальная любовь”!» (*Бунин — Бицилли*. С. 172). В этом сожалении есть, по крайней мере, две неточности: в книгу вошли не только рассказы, но и стихи, и издана она была, скорее всего, с ведома автора: об этом ясно свидетельствуют именно в этом издании произошедшие изменения в стихотворениях «Как флером даль полей закрыв на полчаса...» (в *Начальная любовь — 1921* «Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»), «В феврале» («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»), «Родник», «Когда деревья в светлый майский день...», «В заливе», «К прибрежью моря длинная аллея...», «Веснянка», «Ночью в июле», «Что напрасно мечтать? Кто на песню откликнется?...», «На озере». Кроме того, именно в *Начальная любовь — 1921* «Листопад» был впервые напечатан без подзаголовка и посвящения М. Горькому, и это могло быть только решением самого Бунина. Тем не менее, доля истины в позднем бунинском огорчении, видимо, есть: мы можем только предполагать, что ему не пришлось держать последней корректуры сборника, иначе он едва ли допустил бы смысловую невнятницу в стихотворении «Зной, — но ясно лазурное небо глядится...», напечатанном в этом издании как «Лес, — и ясно-лазурное небо глядится...» («лес», возможно, был просто «подтянут» в первую строку из пятой), и едва ли бы утвердил только в этом издании появившуюся замену в стихотво-

¹ Вместе с приоритетом авторского издания это вызвано и тем обстоятельством, что, как показывает история стихотворения «Крещенская ночь», для публикации журналом без участия автора могла быть выбрана любая редакция, и если бы мы буквально следовали принципу последней прижизненной публикации, то в качестве таковой напечатали бы в данном случае с точностью до наоборот — первую. Между публикациями стихотворения «Источник звезды» в авторских сборниках и поздней газетной публикацией есть только одно отличие — специфические отступы строк: разработанные в изданиях, они «потеряны» в более позднем варианте, напечатанном «по слуху» в рождественском номере газеты «Россия» (1928. 7 января. № 20), что может быть скорее типографской погрешностью, чем авторским умыслом. Стихотворение «В жарком золоте заката Пирамиды...» опубликовано в год смерти Бунина и, по всей видимости, уже без его участия (Новый журнал. 1953. Кн. 34). Уязвимыми оказываются также стихотворения «В Москве», «...Не думай, позабудь... Не вспоминай о том...» и «В пустом, сквозном чертоге сада...», чьи «главные» публикации в авторских сборниках состоялись прежде газетных: в этом случае решение основывается исключительно на приоритете издания перед газетной публикацией, отличия между ними полностью стоит отнести в текстологическое примечание.

рении «Веснянка»: «И только комары звенели *сонно* / Да нежно пахло *теплою* водой» на «И только комары звенели *сонно* / Да нежно пахло *сонною* водой». И, во всяком случае, тираж и резонанс, который имел этот сборник, не сопоставим со значением *ПСС–1915* в литературной биографии Бунина и в читательских кругах России, так что, выбирая между более надежным и значимым, хотя и более ранним, изданием, с одной стороны, и менее надежным и вторичным (составленным из ранних произведений), хотя и более поздним, изданием — с другой, в качестве источника основного текста логично предпочесть первое, поместив описание второго в текстологическое примечание¹.

В-третьих, стоит принять редакторские исправления слов «Бог» («Собака»), «Царские Врата» («Саваоф», «Москва»)², «Книга Бытия» («Долина Иосифа»), которые Бунин внес в свои последние авторские экземпляры.

Во всех иных случаях, предпочтение должно быть отдано текстам, опубликованным автором и прочитанным его современниками прежде, чем сам он начал пересмотр своего литературного наследия.

5.3. Принципы датировки

Проблема датировок наряду с проблемой основного текста является ключевой в концепции научного издания лирики Бунина. До недавнего времени считалось, что, как и вся бунинская текстология, она довольно прозрачна и не представляет серьезных трудностей. Исследования последнего времени показали, что это не так, и причиной тому — поздняя публикация ранних текстов и специфика последующей работы поэта над своими уже изданными произведениями.

5.3.1. Датировки в изданиях и их авторских экземплярах

Хотя Бунин и не соблюдал абсолютную хронологию при публикации своих текстов, но регулярно выделял в своих собраниях хронологические разделы. Так, в *ПСС–1915*, I последовательно входят разделы «Из юношеских

¹ В поэтической биографии Бунина был еще один сборник — *Новые стихотворения — 1902*, подготовку которого вел не он сам (в данном случае это были Н.Д. Телешов и А.А. Карзинкин), однако ни для одного из включенных в него текстов эта публикация не была последней и, следовательно, не может влиять на выбор основного текста. Из других поэтических книг, вышедших после *ПСС–1915*, в этой связи стоит назвать *Чаша жизни — 1922*: в ней стихотворение, прежде называвшееся «Конь Святогора», напечатано под заглавием «Святогор». Однако, так как Бунин не высказывал своего неудовольствия по поводу выхода этого издания в таком виде (во всяком случае, они неизвестны), можно решить это единственное разночтение в пользу наиболее позднего варианта.

² Это не относится, однако, к стихотворению «Океан под ясною луной...», в тексте которого написание «царских врат» Бунином не менялось.

стихотворений», «Листопад. Стихотворения 1886–1900 г.», «Новые стихотворения. 1901 г.», «Стихотворения. 1902 г.». Таким образом, получается, что все стихотворения в *ПСС–1915, 1* имеют конкретные даты: в двух первых разделах они даны непосредственно под стихотворением, в двух следующих входят в названия разделов. *ПСС–1915, 3* состоит из разделов «Стихотворения 1903–06 гг.» и «Стихотворения 1906–11 гг.». С первого по шестой и затем восьмой тома издания *Петрополис* включают в себя стихотворения 1888–1925 гг. в хронологической последовательности. Точные даты проставлены под стихотворениями в *ПСС–1915*,¹ а также в сборниках *Роза Иерихона — 1924²*, *Избранные стихи — 1929* и *Весной, в Иудее — 1953*.

Внося правку в авторские экземпляры *ПСС–1915* (первый и третий тома) и *Петрополис* и готовя к посмертному изданию свои произведения, Бунин стремился к тому, чтобы каждое стихотворение получило определенную дату (если не конкретное число, то хотя бы год), и под теми стихами, для которых он не мог эту дату восстановить или вспомнить, был оставлен вопросительный знак «?» (иногда только в одном из экземпляров тома, — при точной дате — или ее отсутствии вовсе — в другом). Сейчас трудно установить, на основании каких записей, дневников, списков или т.п. Бунин, которого от времени создания его стихов тогда отделяли уже многие годы и порой десятилетия, проставлял даты, — мы располагаем только итогом его работы над своим поэтическим наследием, и он закреплен в завещательных надписях едва ли не на каждом авторском экземпляре того или другого тома. Примечательно, что строгие предписания автора касались не только самих текстов (включающих в себя авторскую датировку), но и порядка их расположения в будущем собрании. Отбирая в 1934–1935 гг. стихи для *Петрополис*, Бунин оставил на первой странице первого тома *ПСС–1915* указание: «Всё зачеркнутое нигде не перепечатывать. Незачеркнутое перепечатывать в исправленном мною здесь виде — и всё располагая в <хро>³нологич<еском> порядке» (*ПСС–1915, 1 — РАЛ*; здесь и далее подчеркнуто Буниным). Аналогичная надпись на *Парижской тетради* 1943 г.: «Это тоже можно ввести в будущее собрание, вставив куда надо в хронологическом порядке».

Таким образом, вопрос дат и хронологии имеет прямое отношение к композиции того издания, которым Бунин хотел войти в историю литературы. Осталось только решить его, исходя из совокупности всех данных, оставленных поэтом своим будущим издателям.

¹ Несколько стихотворений из второго раздела третьего тома этого издания также имеют конкретную датировку («После землетрясения», «Пустошь», «Туман», «При дороге»).

² Кроме первого — видимо, ключевого — в поэтическом разделе стихотворения «Свет незакатный», оставленного в этом издании без даты.

³ Здесь край страницы оборван.

5.3.2. Типографские опечатки?

Первое, что поражает при столь твердо выраженном авторском отношении к своим будущим изданиям, — обилие разнотений в датах, не сведенных Бунином к одному варианту¹.

Стихотворение «Укоры» напечатано в *Роза Иерихона — 1924* с датой *11.08.1916*, а в *Петрополис, 8 — 11.08.1917*.

Стихотворение «На Альпы к сумеркам нисходят облака...» в *Роза Иерихона — 1924* помечено *30.01.1916*, а в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 6 — 31.01.1916*.

Под стихотворением «Первый соловей» в *Роза Иерихона — 1924* читаем *2.10.1917*, а в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 5 — 2.10.1916*.

Для стихотворения «О радость красок! Снова, снова...» в *Роза Иерихона — 1924* указано *23.09.1917*, а в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 8 — 24.09.1917*.

Стихотворение «Сорвался вихрь, промчал из края в край...» в *Роза Иерихона — 1924* считается написанным *4.10.1917*, а в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 8 — 1.10.1917*.

С теми же датами в разных изданиях помещается стих. «Осенний день. Степь, балка и корыто...».

Стихотворение «Шепнуть заклятие при блеске...» в *Роза Иерихона — 1924* датировано *28.08.1922*, в *Избранные стихи — 1929 — 28.07.1922*, в *Петрополис, 8* снова *28.08.1922*.

Под стихотворением «Вход в Иерусалим» в *Роза Иерихона — 1924* стоит *29.08.1922*, в *Избранные стихи — 1929 — 29.07.1922*, в *Петрополис, 8* опять же *29.08.1922*.

Стихотворение «Встреча» в *Избранные стихи — 1929* публикуется с датой *12.09.1922*, а в *Петрополис, 8* с датой *12.10.1922*.

То, что даты в *Петрополис*, как и даты в других изданиях нельзя полностью принимать на веру, ярко демонстрирует история стихотворений «Перстень» и «Слово». Под черновым автографом стихотворения «Перстень» указана дата и место написания: *7.02.1916. Глотово (Тетрадь. С. 5)*; под публикациями в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 6 — 7.01.1915* (в последнем случае с указанием места: Москва). Под черновым автографом стихотворения «Слово» — *7.02.1915. Москва (Тетрадь. С. 4)*; в *Петрополис, 6* — та же дата, что под «Перстнем» — *7.01.1915*. Все эти даты принадлежат Бунину. Какие из этих дат — или их комбинации — верны, а какие нет?

В январе, затем после недолгого перерыва в феврале 1915 г. Бунин, действительно, был в Москве, а в феврале 1916 г. — в Глотово. В Глотово написано значительное число стихотворений *Тетради*, «Слово» и «Перстень» помещены в ней друг за другом. «Слово» было опубликовано в конце 1915 г.

¹ Здесь и далее унифицированные обозначения дат даны курсивом, авторские — в кавычках.

(журнал «Летопись». 1915, декабрь), таким образом, относительно этого текста сохраняется сомнение только в месяце: 7.01. или 7.02.1915. «Перстень» впервые опубликован в 1918 г., таким образом, неясность относительно времени написания этого текста остается. При этом указание на день (7-е) при разнице месяцев и годов позволяет в этом видеть не умысел, а случайность. Определенной подсказкой может служить то, что в первой части *Тетради* на нечетных страницах, справа, записаны стихи 1915 г., на четных страницах, слева, — стихи 1916 г., что подтверждает датировку «Слова» — 1915 г., «Перстня» (автограф на четной странице) — 1916 г. По-видимому, имеет место простой перенос дат по смежности при подготовке автором стихотворений к печати или при наборе книги. Но в любом случае, сейчас мы можем только предположить более вероятный вариант, зафиксированный в черновых автографах: «Слово» — 7.02.1915, Москва; «Перстень» — 7.02.1916, Глотово, и перечислить все иные возможности.

Столь же смазанной получается дата стихотворения «Феска», которое вошло в *Роза Иерихона* — 1924 с датой 29.06.1916, а в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 5 с датой 30.06.1916. Хорошо, что сохранился автограф ранней редакции 29.06.1916 (*Тетрадь*) и известна отличная от нее первая публикация в газете «Южное слово» (1920. 12 января. № 9), после которой текст практически не менялся: в данном случае все эти данные могут быть вынесены под текст.

Однако гораздо чаще из оставленных автором вариантов датировки необходимо выбрать одну.

Бывает, что весомым аргументом в пользу той или иной даты выступает сочетание численного преимущества и авторитетности изданий, в которых она закреплена. Так, например, под стихотворением «Магомет и Сафия» в *ПСС-1915*, 6 значится «Рим. 25.III.1914», а в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 4 — 24.03.1914. Нелепый разрыв обнаруживают датировки стихотворения «Холодная весна»: 2.08.1912 — в *ПСС-1915*, 6, и 2.03.1913 — в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 4. В этих случаях, на наш взгляд, издатель волен выбрать одну, последнюю датировку, приведенную в поздних решающих изданиях, обозначив предыдущую в текстологическом сопровождении¹.

Бывает, что ошибки типографского набора можно исправить исходя из биографических обстоятельств. Так, стихотворение «Туман», в *ПСС-1915*, 3 имеющее помету «Сиракузы. 25.III.1909», в *Петрополис*, 2 получило новую

¹ Исключение в данном случае составляет стихотворение «Ночлег», которое вошло в «Сборник 1914 года» (М., 1914) с пометой: «Индийский океан. Март 1910 г.», в *ПСС-1915*, 6 с пометой: «Индийский океан. II. 1911», в *Чаша жизни* — 1915 с пометой: «Индийский океан. Март». В данном случае хронологические указания парадоксально дополняют друг друга: путешествие по Индийскому океану Бунин совершал с 13 февраля по 2 марта 1911 г., поэтому стихотворение может быть напечатано с редакторским указанием: *Индийский океан. <Февраль — март> 1911*.

дату: 25.08.1909, которая, по всей видимости, является опечаткой, так как Бунин был в Сиракузах именно в марте — но не в августе — 1909 г.

Бывает, что разногласие в датах разрешается, если принять во внимание сроки выхода тех или иных изданий в свет. Так, стихотворение «Степь» («Синий ворон от падали...») в *ПСС–1915, 6* имеет дату: 21.09.1913, а в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 3* — 21.09.1912. Выручает дата первой публикации — 1 октября 1913 г. (газета «Русское слово». № 225) и последующее включение «Степи» в сборник *Иоанн Рыдалец — 1913*, вышедший в декабре того же года, а также неопределенного времени автограф, на котором Бунин поставил под текстом 21.09.1913 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2 об.), что в совокупности закрепляет эту дату как основную и лишает датировку из итогового издания убедительной силы. Аналогично дата первой публикации стихотворения «Нет солнца, но свѣтлы пруды...», напечатанного 20 мая 1901 г. (газета «Курьер». № 138), в сочетании с трехкратной публикацией текста в разделах «Новые стихотворения. 1901 г.» (*СС–1909(2)*, *ПСС–1915, 1*, *Начальная любовь — 1921*) лишает убедительности датировку в *Петрополис, 1*, где под текстом стоит 1900.

Наконец, бывает, что одна из дат находит подкрепление в письмах Бунина. Трудно было бы решить, отнести ли стихотворение «Затрепетали звезды в небе...» к 1901 — по *ПСС–1915, 1*, или к 1900 — по *Петрополис, 1*, если бы беловой автограф этого стихотворения не был приложен к письму Бунина А.П. Чехову от 30 апреля 1901 г.¹

И всё же далеко не все спорные случаи можно уладить с помощью литературно-биографического контекста. Чересполосица авторских дат в разных изданиях приводит к тому, что мы не можем выделить из них те, которые заслуживают доверия, и те, которые определенно требуют перепроверки: под сомнением оказываются все. И тогда, в случае отсутствия решающего автографа, издатель вынужден ставить под текстом двойную дату, объясняя свою растерянность в примечаниях (это касается всех стихотворений, перечисленных в начале этого раздела).

Отнеся (возможно, что и волюнтаристски) предыдущие примеры к техническим сбоям в работе наборщика, обратимся теперь к примерам, выдающим ошибки авторской памяти, и рассмотрим спорные случаи датировок как серию конфликтов между различными источниками текста.

¹ Точно так же письмо Бунина К.П. Пятницкому от 6 декабря 1905 г. (см. *Письма, 2*. С. 15, 430) уточняет дату стихотворений «Песня» («Я — простая девка на баштане...») и «Каменная баба», которые иначе датировались бы по своей первой публикации <1906> (Сборник товарищества «Знание». 1906. Кн. 9), а письмо Бунина Пятницкому от 1 января 1907 г. (*Письма, 2*. С. 40) сдвигает дату стихотворений «Один», «Истара», «Розы Шираза», опубликованных в 1907 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 16) и включенных в *СС–1908* в раздел «Стихотворения 1907 г.», на год раньше, так как, судя по этому письму, они уже посланы в редакцию «Знания» прежде.

5.3.3. Конфликты источников

Издание (том 1 — том 2)

Прежде всего, достойны внимания двойные публикации одного стихотворения в разных томах одного собрания.

Это стихотворение, которое в *Петрополис, 1* напечатано без заглавия, по первой строке — «Там иволга, как флейта, распевала...» с датой 1907, в *Петрополис, 2* повторено под заглавием «В роще», с датой 15.08.1909;

и стихотворение, которое в *Петрополис, 1* напечатано без заглавия, по первой строке — «Щебечут пестрокрылые чекканки...» с указанием «Дамаск. 1907», а в *Петрополис, 2* повторено под заглавием «За Дамаском» и с датой 22.08.1908.

К счастью, в обоих случаях на помощь приходят даты первых публикаций. Стихотворение «В роще» («Там иволга, как флейта, распевала...») впервые напечатано в 1908 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 21) — значит, для него верной датой может быть только 1907. Стихотворение «Щебечут пестрокрылые чекканки...» впервые напечатано в ноябре 1908 г. (журнал «Белый камень». № 1) — значит, для него вполне возможны обе даты, но 22.08.1908 «переигрывает» за счет точности и приближенности ко времени журнальной премьеры¹.

Автограф — издание

Как уже было сказано в разделе об основном тексте, рукописное наследие Бунина сохранилось очень фрагментарно, и единственным в своем роде источником, фиксирующим его поэтическую работу в течение длительного времени, является тетрадь черновых и беловых автографов, которая заполнялась Буниным с февраля 1915 по конец сентября 1917 г. и на 121 страницах содержит черновые и беловые автографы 107 стихотворений (*Тетрадь*).

Почти все стихотворения, записанные в *Тетради*, имеют даты, — сравним их с теми, под которыми те же тексты вошли в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*. Если они совпадают, история текста прозрачна и идеальна. А если нет²?

¹ Надо добавить, что, если бы в авторских экземплярах *ПСС-1915, 3* содержалась согласованная дата этого стихотворения, она могла бы также войти в рассмотрение. Но, напечатав его в этом издании без конкретной даты, Бунин в *ПСС-1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ* поставил «22.VII.08», а в *ПСС-1915, 3 — РАЛ* сначала написал, а потом зачеркнул «22.VII.07», в *ПСС-1915, 3 — ОГЛМТ* остался третий вариант: «22.VIII.1908». Разнобой в источниках лишает поздние ремарки убедительности, — для издания остаются как текст, так и дата из *Петрополис, 2*.

² За пределами *Тетради* нам известен только один подобный случай: стихотворение «Канарейка», впервые опубликованное в газете «Общее дело» 16 мая 1921 г. (в составе подборки «Заметки») и затем в *Роза Иерихона — 1924* с датой 10.05.1921, могло бы прочитываться как первое поэтическое высказывание Бунина после эмиграции из России (см. эпиграф: «На родине она

Что ж, в каких-то случаях разница между ними будет вполне объяснима разницей между неоконченным текстом и готовым. Таковы, например, стихотворения, написанные в один из тех периодов, когда Бунин жил в Глотово и, по собственному выражению, «строчил стихи»¹:

«Шестикрылый»: правленый автограф в *Тетради* — 12.09.1915, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 6 — 14.09.1915;

«Святогор и Илья»: правленый автограф в *Тетради* — 21.01.1916, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 6 — 23.01.1916;

«Святой Прокопий»: правленый автограф в *Тетради* — 22.01.1916, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 6 — 23.01.1916;

«Князь Всеслав»: правленый автограф в *Тетради* — 23.01.1916, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 6 — 24.01.1916;

«Богом разлученные»: черновой автограф в *Тетради* — 24.01.1916, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 6 — 25.01.1916;

«Дедушка в молодости»: правленый (минимально) автограф в *Тетради* — 20.07.1916, дата в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 5 — 22.07.1916.

В других случаях разница между датой законченного текста в *Тетради* и датой, с которой он вошел в издание, больше.

Так, например, стихотворение «Глупое горе» («Тихой ночью поздний месяц вышел...»), беловой автограф первой редакции которого помечен 14.08.1916 (*Тетрадь*), напечатано во второй редакции в *Роза Иерихона* — 1924 с той же датой, а в *Петрополис*, 5 с датой 27.08.1916. Но еще прежде Бунин опубликовал первую редакцию в 1918 г. (альманах «Творчество». Кн. 2. М.; Пг.), а вторую — в 1919 г. (газ. «Южное слово». 14 (27) сентября. № 19). Таким образом, даже объединенная дата <14–27.08.1916> может относиться только к первой редакции и должна быть дополнена условной датой второй редакции <1919> — по ее публикации.

Труднее разобраться в указаниях относительно стихотворения «Аркадия», над которым в *Тетради* стоит «21.VII.1916. Ночью, засыпая», а в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 5 датированного 29.08.1916 (здесь можно дать оба варианта) и объяснить разницу в датировке стихотворения «Калабрийский пастух», записанного в *Тетради* 26.06.1916 и имеющего в *Избранные стихи* — 1929 и *Петрополис*, 5 дату 28.08.1916, равно как и стихотворения

зеленая... Бэм»). Однако недавно (уже после выхода в свет *БП–Бунин*) С.Н. Морозовым был обнаружен автограф этого стихотворения в Альбоме И.В. Репина (РГАЛИ. Ф. 1279. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 6), отличающийся от итогового текста только в пунктуации и — дате: 18.11.1917. Таким образом, впредь этому тексту предстоит не открывать эмигрантский период бунинского творчества, а фиксировать его настроение в первый месяц после возвращения из охваченного крестьянскими волнениями Глотова в революционную Москву, см. вторую строфу: «Птицей вольной, изумрудной / Уж не будешь, — как ни пой / Про далекий остров чудный / Над трактирою толстой!».

¹ Выражение из письма Бунина А.М. Федорову, написанного в один из предыдущих поэтических пиков, 17 июля 1905 г. (*Письма*, 2. С. 12).

«Компас», записанного в *Тетради* 28.06.1916 и имеющего в *Петрополис*, 5 дату 28.08.1916 (в двух последних случаях, так как текст в *Тетради* равен окончательному, то выбираем его дату)¹.

Но еще труднее, когда итоговая дата в изданиях опережает дату, поставленную под еще даже неоконченным текстом. Иногда это еще может быть склонено субъективным неразличением одного–двух дней, как это происходит относительно стихотворений:

«У нубийских черных хижин...», датированного в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 6 — 12.09.1915, при дате автографа в *Тетради* — 13.09.1915;

«Синие обои полиняли...», датированного в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 5 — 31.01.1916, при дате автографа в *Тетради* — 1.02.1916.

Однако порой хронологический разрыв более значителен:

под черновым автографом стихотворения «Казнь» в *Тетради* видим 29.10.1915, а под итоговым текстом в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 6 — 13.09.1915;

под правленым автографом стихотворения «Невеста» («Я косы девичьи плела...») в *Тетради* — 29.10.1915, под итоговым текстом в *Роза Иерихона — 1924* — 9.09.1915, а в *Петрополис*, 6 третий вариант — 2.09.1915;

под правленым автографом стихотворения «Аленушка» в *Тетради* читаем 30.10.1915, а под итоговым текстом в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 5 — 20.06.1916;

под беловым автографом стихотворения «Песенка» («Рыжими иголками...») в *Тетради* стоит конкретное указание «3.VII.1916. Возвращаясь из Семенков» (что не может быть датой записи, а только датой создания), а под тем же текстом в *Петрополис*, 5 — 30.06.1916;

под правленым автографом стихотворения «Парус» в *Тетради* написано 29.10.1915, а под итоговым текстом в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 6 — 14.09.1915.

Принять ли позднюю авторскую датировку или отдать предпочтение объективным данным автографа? На наш взгляд, в контексте всех других вопросов, которые сам Бунин поставил перед будущим издателем датировкой своих стихов, оправданно и логично в качестве основной выбирать дату *Тетради*, а дату *Петрополис* либо отнести в затекстовое описание, либо (если речь идет о смежных днях) дать «расширением» безусловной даты *Тетради*².

¹ Похожий случай — стихотворение «Качаюсь, плескаюсь — и с шумом встаю...», не включенное Буниным в свои издания. Его беловой автограф в *Тетради* помечен 14.08.1916, но на машинописи (РАЛ. MS 1066/47) стоит другая дата: 26.08.1916. Так как в *Тетради* записан окончательный текст, то и дата ее выглядит предпочтительней.

² Частным случаем рассмотренных примеров является отличие даты автографа от даты, проставленной Буниным от руки на машинописи, газетной или книжной вырезке. Например, стихотворение «Заклинание» с беловым автографом в *Тетради* 26.01.1916, на вырезке помечено

За пределами *Тетради* приведем только два примера того, как автограф помогает прояснить подлинную историю текста.

Стихотворение «Светляк» в *ПСС–1915, 6* напечатано с указанием «Под Себежем. 24.VIII.1912». Сохранившийся в Орле автограф помечен «24/VII 12 г. Клеевка», что вкупе с положением текста в *ПСС–1915, 6* (а в другие итоговые издания оно не вошло) между стихотворениями «Прашуры» («24.VII.1912») и «Дедушка» («19.VIII.1913») выдает возможную ошибку печати и утверждает дату автографа.

Под стихотворением «Плакала ночью вдова...» в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 4* стоит дата: 24.03.1914, а в более раннем *ПСС–1915, 6*: «Капри. 10.III.1914». Разрешить недоумение помогает машинопись с авторской правкой и пометой: «10/23 марта 1914 г. Капри» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 8781 оф. Л. 1 об.), позволяющей принять датировку *ПСС–1915, 6*, объединив это стихотворение с написанными в тот же день на Капри стихотворениями «Иаков» и «Господь скорбящий» и отделив от написанных 24 марта 1914 г. в Риме стихотворений «Новый Завет» и «Магомет и Сафия»¹.

Первая публикация — издание — (издание)

Одним из вариантов авторской датировки является включение текста в тот или иной хронологический раздел своих изданий. Так было и в итоговых собраниях Бунина *ПСС–1915* и *Петрополис* (см. выше) и раньше, когда в четвертый том предыдущего собрания, вышедшего в издательстве «Знание» (*СС–1908*), Бунин наряду с переводами поместил раздел «Стихотворения 1907 г.».

Однако вошедшее в этот раздел стихотворение «На рейде» увидело свет еще в 1906 г. (журнал «Перевал». № 2, декабрь), и, значит, должно датироваться по времени первой публикации: 1906².

Обратный случай — стихотворение «Магомет в изгнании», до *СС–1908*, появившееся в том же 1907 г. в Сборнике товарищества «Знание» (кн. 16), в *Петрополис, I* имеет дату 1906, которая должна быть соответственно исправлена: 1907.

Усложненный вариант — стихотворение «Не видно птиц. Покорно чахнет...», впервые опубликованное в 1898 г. (журнал «Мир Божий». № 10)

1915 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 7); стихотворение «В жарком золоте заката Пирамиды...» с беловым автографом в *Тетради 13.09.1915* (та же дата в *Петрополис, 6*), в машинописи датировано 13.09.1916 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 9). Преимущество в том и другом случае остается за автографом.

¹ Из этого примера видно, что стихи, написанные за границей до 1918 г., Бунин датировал то по юлианскому, то по григорианскому календарю. При этом в решающих прижизненных изданиях зафиксирована дата по григорианскому календарю, — это образует определенное смещение относительно стихотворений, написанных в России и датированных по юлианскому календарю.

² В более поздние издания не включалось.

и напечатанное с этой датой в *Начальная любовь — 1921¹*, оказывается в *Петрополис, I* с датой 1889. Учитывая приведенные выше примеры несогласованности датировок в *Петрополис* с более ранними изданиями и премьерное появление на страницах этого итогового издания целого ряда стихов с более чем юношескими датами (о чём речь впереди), — а также время первой публикации, — конфликт между датировками решается в пользу первых публикаций и издания: 1898.

И последний здесь пример — стихотворение «Молодой король». Посланное А.М. Горькому 26 января 1916 г. (*Письма, 2. С. 357–358, 723*) и вскоре напечатанное в журнале «Летопись» (1916. № 2), оно перенесено в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 5* с датой 27.06.1916, что является очевидной ошибкой: под текстом должна стоять дата, хотя и не столь конкретная, но зато более реальная: <не позднее 26.01.1916>.

Так, довольно неожиданно время первой публикации может сдвигать позднюю авторскую дату, которой, ограничясь мы последним изданием, ничего бы не угрожало.

Петрополис — авторские экземпляры ПСС—1915

Ситуация приобретает новые очертания, когда к типографским датам в изданиях добавляются даты, проставленные Буниным в своих книгах от руки. Речь идет, главным образом, о сравнении дат, зафиксированных в *Петрополис*, с датами, вписанными Буниным в авторские экземпляры третьего тома *ПСС—1915* (*ПСС—1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ, ОГЛМТ*)².

В *ПСС—1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ* из 259 стихотворений от руки датировано 152 (не считая библиографических указаний и знаков «?», выдающих авторское размыщление о дате написания). В *ПСС—1915, 3 — РАЛ* таких стихотворений 159. В *ПСС—1915, 3 — ОГЛМТ* — 203.

При этом во всех трех экземплярах *ПСС—1915, 3* авторские датировки совпадают только для 40 стихотворений. Для всех остальных текстов, датированных в авторских экземплярах третьего тома (всех трех, двух или только одном), приходится искать свои *варианты решения с опорой на дату первой публикации и / или биографические обстоятельства*.

¹ В *ПСС—1915, 1* стихотворение «Не видно птиц. Покорно чахнет...» входит в раздел «Листопад. Стихотворения 1886–1900 гг.».

² Напомним, что даты во всех авторских экземплярах первого и третьего томов *ПСС—1915*, кроме одного экземпляра третьего тома, хранящегося в ОГЛМТ, судя по чернилам и почерку, Бунин проставлял примерно в одно и то же время, в 1934–1935 гг., в ходе подготовки издания *Петрополис*. В *ПСС—1915, 3 — ОГЛМТ* Бунин работал раньше, в 1917–1918 гг., и не использовал его при подготовке *Петрополис*, однако этот экземпляр несет в себе более конкретные указания относительно времени и места создания многих текстов и должен рассматриваться здесь наравне с *ПСС—1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ*.

Порой стихотворение датировано Буниным только в одном авторском экземпляре, но и эта датировка способна поставить в тупик. Так, для стихотворения «Джордано Бруно», впервые опубликованного в 1906 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 14), напечатанного в *ПСС–1908* как стихотворение 1907 г., в *ПСС–1915, 3* — в разделе «Стихотворения 1906–11 гг.» и не взятого в *Петрополис*, в авторском экземпляре *ПСС–1915, 3* — РАЛ Бунин вписывает дату 1903. Обозначить ее в примечании, конечно, надо, но выносить под текст в основном разделе было бы, пожалуй, опрометчиво.

В двух экземплярах, *ПСС–1915, 3* — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ, для стихотворения «Сенокос» проставлена дата «3.VIII.09». Но в двух последних изданиях, *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 2* (как и в воспоминаниях В.Н. Буниной, см.: *Муромцева-Бунина*. С. 464), месяц иной: 3.07.1909, так что даты авторских экземпляров опять приходится переносить в затекстовое описание.

Для стихотворения «В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...» в *ПСС–1915, 3* — ИМЛИ+РАЛ проставлена дата 29.07.1903, а в *ПСС–1915, 3* — ОГЛМТ — 23.07.1905 (с уточнением места: «Глотово»), а в *ПСС–1915, 3* — РАЛ даты нет вовсе. Из двух присутствующих дат вторая, во всяком случае, ближе к истине: стихотворение опубликовано в 1906 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 9) и вошло в *Петрополис, 1* с датой 29.07.1905. Есть ли в дате *Петрополис, 1* опечатка, неизвестно, «наращивать» ее дополнительными данными едва ли имеет смысл: текст может быть датирован по дате в решающей публикации, но, конечно, с приведением в комментарии и других вариантов.

Теперь, убедившись, что ни исключительная датировка в одном экземпляре, ни согласованная датировка в двух экземплярах из трех не является гарантией истинности, а подкрепление датировкой, зафиксированной в *Петрополис*, может вызвать дальнейшие вопросы, обратимся к тем случаям, когда проставленные Буниным датировки его собственных стихотворений в авторских экземплярах первого, а затем и центрального для всего его дореволюционного поэтического творчества третьего тома *ПСС–1915* складываются в разнообразные и многочисленные комбинации и узоры.

Авторские экземпляры *ПСС–1915, 1* — первая публикация

В авторских экземплярах первого тома *ПСС–1915* нам встретилось только два примера возможного переписывания Буниным своего поэтического прошлого. Любопытно, что если в первом случае Бунин на десять лет отдаляет датировку стихотворения от момента его создания, то во втором он на тот же хронологический шаг приближает текст к реальному времени его сочинения.

Первым примером служит стихотворение «В темнеющих полях, как в безграничном море...». Напечатанное в *ПСС–1915, 1* с датой 1897, оно в двух авторских экземплярах (*ПСС–1915, 1* — ИМЛИ, РАЛ) получило вместо старой исправленную дату 1887 (в третьем экземпляре тома, *ПСС–1915, 1* — РГАЛИ

дата не исправлена). Однако стихотворение впервые опубликовано только в *Бунин—1898*, в *СС—1909(2)* включено в раздел «Листопад. 1889—1900 г.», и едва ли его надо смещать с определенной ему во всех трех изданиях даты. В данном случае важно и то, что в хранящемся в Орле авторском экземпляре *Листопад—1901* (*Листопад — ОГЛМТ*) под стихотворением стоит авторская помета: «Москва 1898 г.»¹.

«Зеркальный» пример — стихотворение «Ту звезду, что качалася в темной воде...», которое в *Петрополис*, I автор датировал 1891. Но в *ПСС—1915*, I текст входит в раздел «Новые стихотворения. 1901 г.», и в двух авторских экземплярах тома (*ПСС—1915*, I — ИМЛИ, РАЛ) на первой странице раздела сделана надпись, закрепляющая эту датировку, что возвращает стихотворение ко времени его первой публикации (журнал «Мир Божий». 1901. № 11, под заглавием «Былое») и дезавуирует датировку в итоговом издании².

Авторские экземпляры *ПСС—1915*, 3 — первая публикация

Переписка Бунина с издателями и обстоятельства его жизни, в которых он постоянно зависел от гонораров, говорят о том, что ему не было свойственно подолгу держать готовые произведения в своем литературном портфеле. Разница между написанием стихотворения и его публикацией более двух лет в любом случае должна насторожить издателя, однако зачастую у него просто нет данных, которые могли бы прояснить историю текста. Поэтому большинство разногласий, характерных для авторских датировок в *ПСС—1915*, 3, — и пути их решения — можно описать следующим образом.

Если в любых двух авторских экземплярах *ПСС—1915*, 3 Буниным вписана одна дата, а в третьем — другая, и ни одна из них не подходит к дате первой публикации *ближе чем на два года* (или, напротив, таковы обе), то, чтобы не приводить под текстом весь «обоз» авторских вариантов, текст датируется по «численному преимуществу» датировок, а «уступившие» даты приводятся в комментарии.

¹ Этот экземпляр *Листопад—1901* (в свое время подаренный Буниным Ф.К. Татариновой) содержит множество авторских помет, касающихся дат и мест написания тех или иных стихотворений. Чаще они подтверждают даты *ПСС—1915*, I, иногда — противоречат им («Гаснет вечер, даль синеет...», «В темнеющих полях, как в безграничном море...»). Кроме того, они в ряде случаев объясняют проставленные в *ПСС—1915*, I двойные даты (создания и переработки текста: «Три ночи», «Октябрьский рассвет» и др.), порой уточняют до месяца указанную в *ПСС—1915*, I дату создания стихотворения («В феврале», «Северное море» и др.), а в некоторых случаях фиксируют позднее сомнение автора в датировке («В Гефсиманском саду», «В поезде», «Ночь и даль седая...», «Родина»). Эта неуверенность автора, с одной стороны, и незакрепленность датирующих помет ни типографским статусом, ни позднейшим авторским вердиктом, с другой, определяют использование *Листопад—ОГЛМТ* как дополнительного, но не решающего источника датировок.

² Приводим этот пример для полноты общего списка; прежде он уже рассматривался в работе: Морозов. С. 122–123.

Так, впервые опубликованное в 1914 г. стихотворение «Норд-ост» (журнал «Северные записки». № 2) датируется по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (25.08.1903)*, а не по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (25.08.1906)*;

появившееся в 1906 г. стихотворение «Птица» (*СС–1906*) датируется по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (25.06.1905)*, а не по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (20.06.1906)*;

увидевшее свет в 1905 г. стихотворение «Келья» («Ежемесячный журнал для всех». № 9) датируется по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (3.07.1905)*, а не по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (3.08.1905)*;

вошедшее в *РиС–1912* стихотворение «Лимонное зерно», датируется по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ (2.07.1907)*, а не по *ПСС–1915, 3 — РАЛ (27.07.1907)*.

Если при этом сохранился автограф, который со своей стороны подкрепляется и без него сложившийся перевес датировок, то авторскую ремарку в одном рабочем экземпляре и вовсе можно счесть недоразумением. Так произошло, например, со стихотворением «Иней», под которым в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* вписано *27.02.1907*, а в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ — 21.02.1907*, как и на беловом автографе: «21 февр. 97 г.» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1).

Однако если при этом «уступающая» датировка подкреплена датой первой публикации, аргументы уравниваются и стихотворение получает двойную дату. Ровно это происходит со:

стихотворением «Кольцо», датируемым по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (1902)* и, с учетом первой публикации (Сборник товарищества «Знание». 1904. Кн. 1), по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ («1904 (1903?)»)*;

стихотворением «Развалины», датируемым по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (1903)* и, с учетом первой публикации (журнал «Правда». 1904. № 11), по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (1904)*;

стихотворением «Тропами потаенными», датируемым по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (1903)* и, с учетом первой публикации (журнал «Мир Божий». 1905. № 10), по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (1904)*;

стихотворением «Дюны», датируемым по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (1903)*, и, с учетом первой публикации (*СС–1906*) по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* дата «*1905 (1904?)*», то есть в данном случае <1903–1905>;

стихотворением «Жизнь», датируемым по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (1904)* и, с учетом первой публикации (*СС–1906*), по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (1905)*¹.

¹ См. также стихотворение «Первый утренник, серебряный мороз!..» и его даты: в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ «1905»*; в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ «1905»*, затем исправлено на «1903»; в *ПСС–1915, 3 — РАЛ «1903»*. Впервые опубликованное в 1906 г. («Ежемесячный журнал для всех». № 9), стихотворение вошло в *Петрополис, I* с датой 1903, что привело к уравниванию обеих дат.

Иногда «уступающую» датировку подкрепляет не дата первой публикации, а положение текста в определенном хронологическом разделе близкого по времени издания. Скажем, стихотворение «Зимняя вилла» (первая публикация: журнал «Современный мир». 1911. № 4) логично было бы датировать не только по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ (3.01.1904)*, но и, с учетом публикации в *ПСС–1915, 3* в разделе «Стихотворения 1906–11 гг., по *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (3.01.1907)*.

Повторим, что по этому правилу обе предложенные в авторских экземплярах *ПСС–1915, 3* датировки находятся либо ближе к дате первой публикации, чем два года, либо дальше, чем два года, и ни одна из них эту черту в два года не переступает. Признавая, что в этом отсчете «двуухлетия для первопубликаций» есть некоторый волюнтаризм, мы должны отдавать себе отчет в том, что какая-то времененная граница между авторской версией даты и реальным временем выхода текста в свет должна быть, и в случае Бунина, именно для авторских экземпляров *ПСС–1915, 3*, она представляется наиболее взвешенной.

Однако если проставленная в одном авторском экземпляре датировка отличается от проставленных в двух других, но подходит к дате первой публикации ближе, чем на два года? В этом случае мы, возможно, столь же своевольно, склонны признать эту «ближнюю» дату более достоверной. И тогда:

стихотворение «После битвы», в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* имеющее дату *31.08.1903*, будет стоять в издании по своей дате в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ («31.VII.1905. Глотово»)*, которую поддержит дата первой публикации осенью 1905 г. (журнал «Правда». № 9–10);

стихотворение «Мороз», в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* имеющее дату *21.07.1903*, займет место согласно *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ («1905. 21.VI. Глотово»)*, ибо впервые было напечатано в 1906 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 9);

стихотворение «Печаль», в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* имеющее дату *5.08.1903*, переместится на два года вперед, как указано в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (5.08.1905)*, ибо увидело свет в том же издании, что и предыдущее стихотворение;

стихотворение «Няня», в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* имеющее дату *26.12.1903*, уйдет на три года вперед, учитывая не только дату в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (26.12.1906)*, но и близкую к ней первую публикацию (журнал «Новое слово». 1907. № 4).

Это применимо и к стихотворению «Косогор», для которого Бунин в обоих экземплярах *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* сначала предложил, а потом отклонил датировку *1900*. Пребывающая в меньшинстве (зато незачеркнутая) датировка из *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (26.05.1904)* подтверждается и временем первой публикации (журнал «Русская мысль». 1904. № 11).

Наконец, самый неоднозначный пример — стихотворение «О Петре-разбойнике». Имеющее в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ* дату 2.01.1904, оно в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* содержит указание даты и места: «I.1911. Ассуан». Это явная ошибка: стихотворение впервые напечатано 28 декабря 1910 г. (газета «Русское слово». № 299) и в *ПСС–1915, 3* вошло в раздел «Стихотворения 1906–11 гг.». Но доля истины в этом возможна: Ассуан Бунин посетил в декабре 1910 г. (по пути на Цейлон), позднее мог сбиться, проставляя под стихотворением месяц (декабрь 1910 — январь 1911). Однако, может ли издатель пренебречь двумя точными датами в других авторских экземплярах тома и не было ли это указание («Ассуан») такой же ошибкой памяти, как и дата рядом с ним? Мы полагаем более корректным поставить под текстом более размытую дату <2.01.1904–1910>, оставив историю про Ассуан для комментария.

Разумеется, во всех подобных случаях (как вообще в случаях неоднозначной датировки) предпочтенные даты оказываются под текстом в угловых скобках, призванных передать не только отсутствие четкой авторской воли, но и долю редакторского сомнения, и колебание в выборе, которое, если не обнаружатся новые данные, едва ли может быть остановлено.

Авторские экземпляры *ПСС–1915, 3* — биографический контекст и «(?)» под текстом

Еще одним авторитетным ориентиром для издателей могут служить и биографические обстоятельства, известные из мемуарных свидетельств людей, входивших в близкое окружение Бунина. Тем более они были известны самому поэту и тем более удивительно, что относительно некоторых текстов на поздних этапах работы со своими изданиями он колебался, как, например, в выборе между двумя годами: 1902 или 1906, 1902 или 1909.

Стихотворение «Путеводные знаки» (первая публикация в «Литературно-научном сборнике». СПб., 1906) в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ* получило дату «2.VI.06», которая в первом затем была исправлена на «2.VI.02», а в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* сразу было датировано «2.VI.02»¹. В дальнейшие издания стихотворения не входило, и, учитывая дату первой публикации, полностью совпадающую с одним из вариантов авторской датировки и частично с другим, и то, что описанный в стихотворении мир Ближнего Востока занимает поэтическое воображение Бунина только с 1903 г., после его первого путешествия в Константинополь, наиболее вероятной представляется дата 2.06.1906.

На один вариант датировки больше имеет стихотворение «Тонет солнце, рдяным углем тонет...» (первая публикация: «Ежемесячный журнал для всех». 1906. № 5, под заглавием «Пастухи»). В *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ* под ним вписана дата «23.I.06», которая в первом из этих экземпля-

¹ В дальнейшие издания не входило.

ров затем исправлена на «23.I.02», в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* написанная от руки дата «23.I.02» зачеркнута и другого варианта нет. Более того, в *Петрополис, I* для стихотворения выбрана новая датировка — 1905, но совпадение числа и месяца в двух экземплярах оставляют преимущество за ними, а год 1906 закрепляется исходя из тех же биографических реалий, что и в предыдущем примере.

Тот же 1902 г. фигурирует в поздних колебаниях Бунина относительно стихотворения «Прометей в пещере». Впервые напечатанное в 1912 г. (газета «Русское слово». 30 марта. № 74), оно в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* датируется «10.VI.02». Но и в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ*, и в воспоминаниях В.Н. Буниной (*Муромцева-Бунина. С. 464*) значится другая дата — 10.06.1909 — и совпадение этих источников снимает противоречие в авторских экземплярах, оставляя второй вариант единственным.

Стихотворение «Сторож» датировано в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* «16.VIII.02», но дата в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ* «16.VIII.09» и время первой публикации (сборник «Друкарь». М., 1910) окончательно подрывают доверие к поздней датировке стихов 1902 г. и заставляют вынести под текст дату из других экземпляров.

Обратный случай, но с путаницей тех же лет, представляет стихотворение «Без имени». Теперь в двух других экземплярах, *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, РАЛ*, встречаем согласованную дату «26.VI.02». Ей противоречат не только дата первой публикации (газета «Одесские новости». 1909. 25 декабря. № 8001) и положение текста в *ПСС–1915, 3* (в разделе «Стихотворения 1906–11 гг.»), но и дата в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* (26.05.1909) — с ней преимущество объективных данных становится очевидным.

Впрочем, и с 1909 г. дело обстоит не лучше. Стихотворение «Спор» по *ПСС–1915, 3 — РАЛ* считается написанным 17.07.1909, а по *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ* и воспоминаниям В.Н. Буниной (*Муромцева-Бунина. С. 467*) — 17.08.1909. Тем самым спор, по крайней мере, хронологический, улаживается¹.

Под стихотворением «“Мимо острова в полночь фрегат проходил...”», впервые опубликованным в 1910 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 29), Бунин в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ, ОГЛМТ* поставил точное число «16.VIII.09», а в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* задумался: «16.VII.?» (так!)². В *Петро-*

¹ Само по себе свидетельство В.Н. Буниной еще не могло бы явиться решающим доводом, во-первых, потому что, приводя датировки тех или иных стихов, вдова поэта, возможно, пользовалась не только своими «конспектами», но и бунинскими изданиями, а во-вторых, потому что сообщаемые ею сведения не всегда верны. Так, стихотворение «Могила поэта» написано, по ее словам, 6 августа 1909 г. (*Муромцева-Бунина. С. 467*), тогда как уже летом 1905 г. оно было опубликовано («Ежемесячный журнал для всех». № 7). Это обстоятельство разрешает также конфликт между датировками в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* («V.1905») и *ПСС–1915, 3 — РАЛ* (1903).

² В двух первых изданиях печаталось под заглавием «Старинные стихи».

полис, 1 стихотворение вошло с датой 1906, но, сопоставив время первой публикации и ремарки в двух авторских экземплярах *ПСС–1915*, 3, логичнее остановиться на них.

Мы не говорим здесь о тех случаях, когда, взяв в руки свои старые издания, Бунин в нерешительности поставил под стихотворениями вместо дат только знаки «?». Но в сочетаниях с другими элементами датировок, как в предыдущем случае, знаки «?» заслуживают внимания, тем более что речь идет чуть ли не о самых известных бунинских стихотворениях.

Стихотворение «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...») впервые было напечатано в 1906 г. (Сборник товарищества «Знание». Кн. 9) и в *ПСС–1915*, 3 вошло в раздел «Стихотворения 1903–06 гг.». Больше чем через четверть века после его первой публикации, просматривая последнее собрание, Бунин засомневался и в одном авторском экземпляре поставил сначала «1903(?)», затем «(?)» зачеркнул (*ПСС–1915*, 3 — РАЛ), а в другом авторском экземпляре сначала поставил «1905?», затем всё зачеркнул и заново написал только «?» (*ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ). В один из авторских экземпляров «Избранных стихов» (РАЛ. MS 1066/10207) оказался вложен лист, на котором рукой Бунина написано: «1903 г. Сюда “Одиночество” — И ветер и дождик и мгла... Заглавие зачеркнуть». В *ПСС–1915*, 3 — ОГЛМТ между тем стоит уверенное 1905. И тот, и другой год вполне правдоподобны, и, если не откроется дополнительных обстоятельств, стихотворение получает пусть расплывчатую, но зато реальную дату <1903–1905>, верхняя граница которой косвенно подкрепляется временем первой публикации.

Если для стихотворения «Одиночество» публикация в *ПСС–1915*, 3 была последней, то стихотворение «Мы встретились случайно, на углу...»¹ (впервые в *СС–1906*) было напечатано также в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис*, 1, оба раза с датой 1905. Та же дата, вероятно, во время подготовки издания *Петрополис*, поставлена в авторских экземплярах *ПСС–1915*, 3 — РАЛ, ОГЛМТ. В *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ под текстом написано «1903(?)». В этом случае мы можем только описать ситуацию, но сомневаться не приходится: 1905 без вопросительных знаков закреплен в двух последних, решающих изданиях.

Точно так же для стихотворения «Звезды горят над безлюдной землею...»² визирование в *Петрополис* датировки 1903 из *ПСС–1915*, 3 — РАЛ утверждает ее в качестве основной и окончательно выносит датировку из *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ «1904 (?)» в примечание. Дата же в *ПСС–1915*, 3 — ОГЛМТ «19.I.1906» и вовсе опровергается датой первой публикации (Сборник товарищества «Знание». 1905. Кн. 7).

Если же после *ПСС–1915*, 3 стихотворение уже не публиковалось, то само разнообразие авторских помет в авторских экземплярах этого тома может навести на верную дату. Трижды — каждый раз точные и каждый раз разные —

¹ В *ПСС–1915*, 3 см. под заглавием «Новая весна».

² В *ПСС–1915*, 3 см. под заглавием «Джинсы».

даты Бунин поставил под стихотворением «Стон»: в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ* — 2.08.1903, в *ПСС–1915, 3 — РАЛ* — 2.07.1903; в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* — 2.08.1906. При этом год, предложенный в последнем варианте, опровергается датой первой публикации (журнал «Русская мысль». 1905. № 9), но месяц подкрепляет дату в *ПСС–1915, 3 — ИМЛИ+РАЛ*, и она становится ведущей версией датировки.

Всё же частое совпадение датирующих помет в экземпляре *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ*, оставшемся в России, с одним из экземпляров того же тома, лежавшим на рабочем столе Бунина, когда он готовил *Петрополис* (*ИМЛИ+РАЛ, РАЛ*), заставляет предполагать наличие общего для них, четвертого источника, которым могли бы быть такие же «конспекты», о которых, применительно к своим мемуарам, пишет В.Н. Бунина (*Муромцева-Бунина*. С. 467). Если они были, то возможно, что тоже «стали жертвой одного из тех аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей печурке», как писал А.В. Бахрах в приведенных выше воспоминаниях, — во всяком случае, они неизвестны, и в нашем распоряжении находится не предполагаемый первоисточник-инвариант, а разнообразие оставшихся вариантов, из которых каждый раз надо выбирать наиболее осмысленный и обоснованный.

Публикация с отложенной датировкой

Далеко не все стихотворения Бунина, опубликованные в периодике, попадали затем в авторские издания и собрания. Так, довольно значительное число текстов 1919–1920-х гг. были напечатаны в газете «Южное слово» (Одесса) и не вошли после этого ни в одно издание, где они имели бы конкретную дату. Но на вырезке со стихотворением «Дай мне, бабка, зелий приворотных...» от руки проставлено 11.02.1915 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 3);

на вырезках со стихотворением «Вот он снова, этот белый...» и «Гор си-реневых кручи встают...» значится 9.08.1916 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 8);

на вырезке со стихотворением «Высокий белый зал, где черная рояль...» стоит 1918 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 10);

Точно так же для стихотворений, составивших подборку в «Русской газете» (1924. 22 июля. № 75), не печатавшихся после *Митина любовь — 1925* и не имеющих автографа, на вырезках из последнего издания вписаны:

для стихотворения «Голубь», «Рабыня», «Грот» — 1916 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 21)¹;

для стихотворения «Уныние и сумрачность зимы...» — 20.07.1918 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 10).

Никакими данными, которые оспорили бы эти датировки, мы не располагаем.

¹ Стихотворения «Рабыня» и «Грот» впервые опубликованы в газете «Южное слово» (соответственно: 1919. 20 октября. № 51 и 1920. 12 января. № 9).

В то же время надо признать, что в тех случаях, когда сохранились другие источники, датировка на вырезке не всегда выдерживает проверку ими. Так, например,

стихотворение «Эллада», черновой автограф которого в *Тетради* записан на 6.02.1916, на вырезке из *Митина любовь — 1925* (последняя книжная публикация) помечен 16.07.1916 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 21);

стихотворение «Кобылица», черновой автограф которого в *Тетради* записан на 13.02.1916, на вырезке из *Митина любовь — 1925* (последняя книжная публикация) отнесено на 1917 (РАЛ. MS 1066/722);

стихотворение «Свет», черновой автограф которого в *Тетради* записан на 7.07.1916, на газетной вырезке датирован 1923 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 13).

Само собой разумеется, что порой дата на вырезке списывается на по-грешности поздней авторской памяти. Но если возможности перепроверить нет — а точная уверенная авторская дата есть, — слишком расточительно было бы пренебречь ею, и слишком доверчиво не оговорить кажущуюся надежность ее источника.

Все описанные в этом разделе случаи относятся к позднейшей работе Бунина со своими изданиями и не обнаруживают, как нам представляется, какого-либо специального авторского умысла. Теперь, чтобы быть объективными, нам осталось описать попытки содержательной переверстки Буниным своей литературной биографии.

5.3.4. Стратегия поздних лет

Четыре раза на протяжении своего долгого творческого пути Бунин подключал к своему актуальному поэтическому «сегодня» стихотворения из своего забытого или неизвестного поэтического «вчера». Это произошло в издании *ПСС–1915*, в серии газетных публикаций 1926–1927 и 1935 гг., в издании *Петрополис* (1934–1936) и в рукописном собрании стихов и набросков разных лет, получивших название *Парижская тетрадь* 1943 г. Каждый раз внимательное рассмотрение этих «подключений» ставит перед издателем ряд вопросов, касающихся не только психологий творчества, но и практики научного издания. Рассмотрим их последовательно.

ПСС–1915

Итак, и *ПСС–1915*, и *Петрополис* Бунин начал со стихотворений, которые ко времени выхода этих собраний либо ушли из поля зрения его актуального читателя, либо вовсе не были ему известны.

Открывающие *ПСС–1915*, 1 стихотворение «Шире, грудь, распахнись для принятия...» («28 марта 1886 г.») и стихотворение «Поэт» («1886») прежде в печати замечены не были¹, и только третьим после них идет стихотворение

¹ Их ранних автографов, насколько мы можем судить, также не сохранилось.

«Деревенский нищий», которое Бунин снабдил специальным подзаголовком «(Первое напечатанное стихотворение)». Это указание хотя и опровергается опережающей публикацией стихотворения «Над могилой С.Я. Надсона»¹, но, во всяком случае, имеет отношение к печатной истории произведения. Едва ли Бунин не знал о первом появлении своего имени в печати, но в своей поздней памяти он оставил второе, и, начиная с этого момента, мы должны обратить внимание на то, как Бунин участвовал в сюжете своей литературной биографии².

Отношение Бунина к *ПСС–1915* с годами менялось. В год выхода этого издания в свет он утверждал: туда «входит *всё*, что я считаю более или менее достойным печати» (*Бунин–9*, 9. С. 264). На склоне своих дней, в 1951 г. жалел: «Я <...> был вынужден дать Марксу многие из очень слабых вещей, написанных мною в первые годы моей литературной деятельности со всей небрежностью, присущей мне в ту пору, и напечатанных большей частью из-за нужды или по слабости характера» (*Бунин–9*, 9. С. 482). Так или иначе, для *ПСС–1915* Бунин сам выступил отчасти в роли «литературных гробокопателей» (*Бунин–9*, 9. С. 480), наводивших на него ужас в последние годы жизни, и достал из своих запасников несколько ранних текстов, составивших своеобразный метатекст его юношеской лирики. При этом многие из них были напечатаны в первом томе *ПСС–1915* с датами, намного отстающими от времени их первых публикаций.

Вот их список (после двоеточия первая установленная публикация, после тире — дата в *ПСС–1915, I*)³:

стихотворение «Высоко полный месяц стоит...»: 1897 (журнал «Детское чтение». № 11) — 1887;

стихотворение «Зной, — но ясно лазурное небо глядится...»⁴: 1897 (журнал «Север». 1 июня. № 22) — 1891;

стихотворение «В поезде»: 1898 (журнал «Детское чтение». № 6) — 1893;

стихотворение «Гаснет вечер, даль синеет...»: 1898 (журнал «Детское чтение». № 7) — 1892;

стихотворение «Мать» («И дни и ночи до утра...»): 1898 (журнал «Мир Божий». № 1) — 1893;

¹ Стихотворение «Над могилой С.Я. Надсона», опубл.: газета «Родина». 1887. 22 февраля. № 8. Стихотворение «Деревенский нищий», опубл.: журнал «Родина». 1887. 17 мая. № 20 (с 1888 г. газета «Родина» была преобразована в журнал).

² См. уже приведенный выше, но в данном контексте иначе звучащий отрывок из воспоминаний Бунина: «Утра, когда я шел с этим номером <журнала «Родина»>, где был напечатан «Деревенский нищий». — Т.Д.> с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландышши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду» (*Бунин–9*, 9. С. 260).

³ Стихи, чьи датировки отстают от первых публикаций на три года и меньше, не приводятся.

⁴ В *Бунин–9* и следующих изданиях напечатано по правке в *Начальная любовь* — 1921 «Лес, — и ясно-лазурное небо глядится...», от которой Бунин в конце жизни откrestился (см. выше, с. 634).

- стихотворение «Весеннее»: 1898 (журнал «Мир Божий». № 4) — 1893;
- стихотворение «За рекой луга зазеленели...»: 1898 (журнал «Север». 10 мая. № 19) — 1893;
- стихотворение «Если б только можно было...»: 1898 (журнал «Север». 5 июля. № 27) — 1894;
- стихотворение «Месяц задумчивый, полночь глубокая...»: 1898 (газета «Южное обозрение». 19 июля. № 532) — 1886—1890;
- стихотворение «Ветер осенний в лесах подымается...»: 1898 (журнал «Мир Божий». № 10) — 1888—1895;
- стихотворение «Крупный дождь в лесу зеленом...»: 1898 (газета «Жизнь и искусство» (Киев). 22 ноября. № 323) — 1893;
- стихотворение «Ночь идет — и темнеет...»: 1900 (газета «Южное обозрение». 14 апреля. № 1118) — 1893;
- стихотворение «Троица»: 1897 (журнал «Живописное обозрение». 1 июня. № 22, первая редакция) — 1893;
- стихотворение «Полевые цветы»: 1900 (журнал «Детское чтение». № 9) — 1887;
- стихотворение «Метель»: 1899 (журнал «Детское чтение». № 2) — 1887—1895;
- стихотворение «На Днепре»: 1900 (журнал «Жизнь». № 9) — 1896;
- стихотворение «Как печально, как скоро померкла...»: 1890 (журнал «Северный вестник». № 9 и газета «Орловский вестник». 23 сентября. № 237, первая редакция) — 1886—1889;
- стихотворение «Серп луны над тучкой длинной...»: *Листопад—1901* — 1887—1894;
- стихотворение «Один встречаю я дни радостной недели...»: 1895 (журнал «Живописное обозрение». № 14. 2 апреля, первая редакция под заглавием «С далекого юга») — 1889;
- стихотворение «Подражание Пушкину»: 1895 (журнал «Труд». № 9) — 1890;
- стихотворение «Ангел»: 1901 (журнал «Детское чтение». № 8) — 1891;
- стихотворение «В стороне далекой от родного края...»: 1901 (журнал «Русское богатство». № 12) — 1893.

Даже при утраченности многих автографов столь частая разница между первой публикацией и авторской датой в 5—7 и даже в 10—13 (см. стихотворение «Полевые цветы») лет кажется чрезмерной, и тут возникает вопрос о возможности / рациональности новой датировки, при отсутствии архивных источников — по первой публикации.

Но тут в дело вступают контраргументы.

Во-первых, нельзя сказать, чтобы Бунин всегда «оттягивал» дату написания стихотворения, подправляя свой литературный путь. Нет, зачастую имеют место, скорее, вполне объяснимые человеческие сомнения, напластования и ошибки памяти, потому что:

и стихотворение «Счастлив я, когда ты голубые...», опубликованное еще в 1896 г. (Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». № 9), в *ПСС–1915, 1* имеет дату 1898;

и стихотворение «Алушта ночью» («Крымские сонеты» Мицкевича), отмеченное в печати еще в 1902 г. (журнал «Мир Божий». № 12), на вырезке, сохранившейся в бунинском архиве, датировано 1903 (РАЛ. MS 1066/722);

и для стихотворения «Канун Купалы», вышедшего в 1904 г. («Ежемесячный журнал для всех». № 7), в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ* стоит дата 1905¹;

и для стихотворения «Пугач», впервые напечатанного в 1906 г. (журнал «Золотое руно». № 7–9), в двух авторских экземплярах *ПСС–1915, 3 (ИМЛИ+РАЛ, РАЛ; в экземпляре ОГЛМТ даты нет)* указан 1907;

и даже для стихотворения «В полях сухие стебли кукурузы...», увидевшего свет в 1908 г. (сборник «Зарницы». Вып. 1), вполне определенно в *Избранные стихи — 1929* значится 1910, а в *Петрополис, 2 — 12.09.1910*².

Во-вторых, несмотря на высказанные выше соображения о, как правило, скорой публикации Буниным своих произведений, отсутствие раннего стихотворения в изданиях до *ПСС–1915* все-таки еще не означает его отсутствия в литературном портфеле Бунина. Стихотворение «Нет, не о том я со-жалею...», впервые опубликованное в 1893 г. (журнал «Мир Божий». № 5), 22 года не входило ни в одно издание Бунина, и напечатано только в *ПСС–1915, 1* с датой 1891, возражать которой благодаря первой публикации у нас нет оснований³.

В-третьих, за принятие авторских датировок в *ПСС–1915, 1* говорят стихотворения с двойными датами. Одно из них — стихотворение «В степи».

¹ В *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 1* датировано 1903 и эта дата, допустимо отличающаяся от даты первой публикации, переходит в основной раздел.

² Источник этой датировки не известен, и даже если предположить, что и в данном случае Бунин пользовался какими-либо утраченными ныне записями, их преломление в двух последних изданиях было явно ошибочным. Мы можем только выдвинуть «предположение второй степени», что, прочитав спустя много лет это стихотворение заново, Бунин каким-то образом связал его со своим пребыванием в Одессе в сентябре 1909 г. (!), отнеся его, также ошибочно, к 1910 г. Сентябрь 1910 г. Бунин провел в разъездах между Москвой и Петербургом и был далек от каких-либо южных впечатлений, отразившихся в этом тексте.

³ Здесь стоит вспомнить также судьбу стихотворений «Родине» («Они глумятся над тобой...») и «Широко меж вершин дубравы...». После своих первых публикаций они пропустили все издания вплоть до *ПСС–1915, 1*, где для первого текста определен 1891 (при том, что в первой публикации — в газете «Южное обозрение» (1898. 4 октября. № 603) — под текстом стоит ясное указание: «Ялта, 28 сент. 1898 г.»), а для второго 1902. Отметим, кстати, еще одно «ялтинское» стихотворение — «Кипарисы»: по сравнению со своей последней публикацией в *ПСС–1915, 1* (там дата 1896) оно имеет в первой публикации (газета «Ялта». 1896. 11 июня. № 4) уточненную дату: «Ялтинское кладбище, 4 июня 1896 г.», которая вполне может быть вынесена под текст в основном разделе.

Оно было впервые опубликовано в марте 1899 г. (сборник «Памяти В.Г. Белинского»), затем Бунин посвятил его Н.Д. Телешову и почти без поправок стал включать в свои издания, от *Бунин–1900* до *ПСС–1915, 1*, где дал ему датировку 1889–1897. Если отринуть ее, заменив на <1899> (по первой публикации), история текста станет гораздо более короткой и плоской, но если сохранить, придется оговорить — почему¹.

Другое — стихотворение «В костеле». Его ранняя редакция была напечатана в 1896 г. (журнал «Нива». 24 февраля. № 8), обновленная редакция появилась в *Листопад–1901*, затем с некоторыми сокращениями стихотворение публиковалось до тех пор, пока в законченном виде не вошло в *ПСС–1915, 1* с датой 1889. Не принимать или корректировать эту датировку означает либо вообще убирать из основного раздела датировку 1889 и заменять ее на две даты: <1896> (публикация ранней редакции) и <1901> (первая публикация второй), либо надстраивать ими авторскую датировку со всеми долгими объяснениями в примечании. Но кажется, что этими объяснениями в примечании можно и ограничиться, дополнив авторскую дату только датой публикации новой редакции, и распространить это правило на все стихи, имеющие две печатные редакции при одной авторской дате — первой².

Наконец, в-четвертых, к тому, чтобы принять авторские даты, склоняет история ряда текстов из шестого тома *ПСС–1915*. Впервые опубликованные в 1914 г. (журнал «Северный вестник». № 2), они в *ПСС–1915, 6* перешли с такими датами:

стихотворение «Отчаяние» — 1908,
стихотворение «Купальщица» — 1906,
стихотворение «Причастницы» («Свежа в апреле ранняя заря...») — 30.06.1907³.

¹ Однако в других случаях двойные датировки в *ПСС–1915, 1* отражают реальную двухступенчатую историю редакций. См., напр., стихотворение «Три ночи», под которым в *ПСС–1915, 1* стоит 1889–1897: первая редакция появилась в 1890 г. (журнал «Наблюдатель». № 8), вторая — в *Бунин–1898*. Или стихотворение «Как флером даль полей закрыв на полчаса...», для которого в том же издании автор определил дату 1889–1895: первая редакция после публикаций в периодике сразу вошла в *Бунин–1891*, вторая в *Бунин–1898*.

² Из перечисленных выше по такому же принципу датируется стихотворение «Троица»: 1893; <1900>, и стихотворение «Один встречаю я дни радостной недели...»: 1889; <1901>, а также стихотворение «Полевые цветы»: 1887; <1900>: его основную редакцию в *ПСС–1915, 1* Бунин датировал временем написания ранней, сохранившейся только в автографе (среди текстов 1886 г.!); соответственно, вторая составляющая критической датировки — время первой публикации основной редакции (журнал «Детское чтение». 1900. № 9), а первая может быть дополнена <1886–1887>.

³ Кроме названных здесь, в подборку вошли стихотворения: «Псковский бор» (в *ПСС–1915, 6* «VII.1912»; в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, 3 — 23.07.1912*), «При свече» (автограф с пометой «Авг. 06 г.»: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8783 оф. Л. 1), и «Норд-ост» («Норд-остом жгут пылающие зори...»), о нем см. выше.

При этом дата третьего стихотворения была подтверждена затем в *Петрополис, I*, дата второго, по сообщению С.Н. Морозова, устанавливается исходя из положения автографа этого текста среди других бунинских рукописей, находящихся в Орле (ОГЛМТ. Ф. 14. № 8783 оф. Л. 1). Таким образом, и сомнение, сохраняющееся относительно первого стихотворения, «Отчаяние», если бы нашлись какие-либо дополнительные сведения, вполне могло бы разрешиться так же благополучно¹. Но так как их нет, лучше поверить «по смежности», чем переверстывать всю историю текста.

Все приведенные примеры, каждый со своей стороны, показывают, почему на поставленный выше вопрос о предпочтении датировок по первым публикациям авторским датировкам в *ПСС–1915, I* стоит ответить отказом и почему для названных стихотворений все-таки имеет смысл принять бунинские датировки в *ПСС–1915, I*, даже если они не вызывают абсолютного доверия.

В третьем томе *ПСС–1915* находится, по крайней мере, два случая явного перекраивания Буниным своего поэтического настоящего. Первый — стихотворение «Полярная звезда». Имеющее в *Избранные стихи — 1929* и *Петрополис, I* дату 1904, оно в действительности создано в январе 1906 г., о чем свидетельствует письмо Бунина П.А. Нилусу, написанное между 14 и 20 января 1906 г., в котором Бунин приводит это стихотворение как «самое последнее, сегодняшнее» (*Письма, 2. С. 21*), что подтверждается, кстати, и датой в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ (18.01.1906)*. Второй — стихотворение «Бальдер». Впервые опубликованное в 1906 г. (журнал «Мир Божий». № 7), оно в обоих авторских экземплярах этого тома впервые было точно датировано Буниным 1904. Точно в данном случае не значит верно: поздняя авторская датировка опровергается письмом Бунина его двоюродному племяннику Н.А. Пушешникову от 26 марта 1906 г., в котором он, живя в Глотово оторванным от внешнего мира, просил адресата спешно уточнить сюжет мифа о Бальдере и имена героев. «А нужно мне всё это потому, что написал я, между прочим, такие стишкы», — сообщал Бунин и приводил следом текст стихотворения (*Письма, 2. С. 27*). Таким образом, более вероятная датировка «Бальдера» <март 1906>². Годом раньше было опубликовано стихотворение В. Брюсова «Бальдеру — Локи» (альманах «Северные цветы ассирийские», 1905), одно из ключевых в мифотворческом поведении Брюсова и его противостоянии с Андреем Белым. Возможно, стихотворение Бунина было скрытым «ответом» Брюсову, но ответом, значимым только внутри художественного мира самого Бунина, не желавшего афишировать свою полемику с символистским подходом к теме³.

¹ Оно единственное, кстати, напечатано с датой 1908 уже в журнальной публикации.

² Ср. датировку в *ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ: 1905*.

³ Еще один неоднозначный пример — стихотворение «Закат» («Вдыхая тонкий запах чай...»). Появившееся в 1909 г. (газета «Одесские новости». 25 декабря. № 8001), оно напечатано

Из последнего примера понятно, что — по крайней мере, в 1900-е гг. — одним из побудительных мотивов корректирования Буниным своей поэтической истории могло быть желание хотя бы перед самим собой отстоять свою независимость и первенство. В эмиграции — в то время, когда со сцены сошли уже практически все поэты-соперники, а о самом Бунине как о поэте стали забывать, — это желание только упрочилось. Не этим ли объясняются те казусы поздней (пере)датировки, к которым мы постепенно переходим?

«Старая тетрадь» и «Первые стихи» 1926–1927 и 1935 гг.

В 1926–1927 гг. в газете «Возрождение» и в 1935 г. в газете «Последние новости» (двух центральных газетах парижской эмиграции) Бунин печатает шесть подборок стихов, пять первых называются «Старая тетрадь», шестая (1935) — «Первые стихи». Тем самым выстраивается образ поэта, который, достигнув зрелости, оглядывается на свои юношеские опыты. Приведем список «Старой тетради».

«Старая тетрадь»: «Звезда, воспламеняющая твердь...», «Что в том, что где-то, на далеком...», «Поздно, склонилась луна...», «В окошко из темной каюты...» — газета «Возрождение». 1926. 23 мая. № 355.

«Старая тетрадь»: «На глазки синие, прелестные...», «Земной, чужой душе закат...», «Луна над шумною Курою...», «Гор сиреневых кручи встают...», «Ночь и алые зарницы...» — газета «Возрождение». 1926. 27 мая. № 359.

«Старая тетрадь»: «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...», «Высокий белый зал, где черная рояль...» — газета «Возрождение». 1926. 6 июня. № 369.

«Старая тетрадь»: «Портрет» («Бродя по залам, чистым и пустым...»), «Будни» («Бегут, бегут листы раскрытої книги...»), «Пугач», «Ночной путь», «Отрывок» («Старик с серьгой, морщинистый и бритый...»), «Бред» — газета «Возрождение». 1927. № 781. 23 июля.

«Старая тетрадь»: «Разлука» («Бледна приморская страна...»), «Лен» («Присела на могильнике Савуре...») — газета «Возрождение». 1927. 28 июля. № 786.

Судьба этих стихотворений была различна. В газетных публикациях 1926–1927 гг. они были напечатаны без дат и представлялись поэтическим образованием, довольно случайно составленным из разных источников. Одни из них уже были когда-то опубликованы, и некоторые даже входили в *ПСС–1915* и продолжили свой путь в *Петрополис*: «Будни» («Бе-

в *ПСС–1915*, 3 в разделе «Стихотворения 1903–06 гг.» и в *ПСС–1915*, 3 — РАЛ осталось с датой 1903, в *ПСС–1915*, 3 — ИМЛИ+РАЛ та же дата поставлена самим автором под сомнение «1903 (?)», а в *ПСС–1915*, 3 — ОГЛМТ видим 1904. Против объективных данных первой публикации авторские указания создают ощущимый перевес: за текстом закрепляется <1903–1904>, но сомнение в этой дате проступает в первой же позиции списка публикаций.

гут, бегут листы раскрытой книги...»), «Лен» («Присела на могильнике Савуре...»)¹;

другие публиковались сейчас впервые и затем вошли в *Петрополис* («Поздно, склонилась луна...», «В окошко из темной каюты...», «Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...») или были переписаны Бунином в *Парижскую тетрадь* в 1943 г. («Звезда, воспламеняющая твердь...», «Луна над шумною Курою...», «Портрет», «Ночной путь»², «Бред», «Разлука», «Земной, чужой душе закат...») с конкретными датировками, о которых будет идти речь в особом разделе.

Теперь обратимся ко второму циклу, появившемуся в 1935 г.:

«*Первые стихи*»: «В полночь выхожу один из дома...», «Пустыня, грусть в степных просторах...», «Как всё вокруг сурово, снежно...», «Под орган душа тоскует...», «На поднебесном утесе, где бури...», «Седое небо надо мной...», «В туче, солнце заступающей...», «Беру твою руку и долго смотрю на нее...», «При свете звезд померкших глаз сиянье...», «Я к ней вошел в полночный час...», «Что в том, что где-то на далеком...», «“Тут поконится хан, покоривший несметные страны...”» — газета «Последние новости». 1935. 31 октября. № 5334.

Кроме стихотворения «Что в том, что где-то на далеком...», ни одно из этих стихотворений не было известно читающей публике прежде и не сохранилось в автографе. Все они были включены в первый том издания *Петрополис*, который вышел позже всех остальных томов, весной 1936 г. (что еще раз говорит о том, что над своими стихами Бунин работал дольше, чем над прозой). Вполне возможно, что, готовя *Петрополис* к изданию, Бунин извлек эти стихи из своих старых записей, переработал ранние тексты³ и оставил им ранние даты, с которыми «*Первые стихи*» и перешли в его итоговое собрание, на первые его страницы.

Петрополис

Вот эти даты:

«В полночь выхожу один из дома...» — «Ноябрь, 1888 г.»,

«Пустыня, грусть в степных просторах...» — 1888,

«Как всё вокруг сурово, снежно...» — 1889,

«Под орган душа тоскует...» — 1889,

«На небесном утесе, где бури...» — «Крым, 1889»,

«Седое небо надо мной...» — 1889,

«В туче, солнце заступающей...» — 1891,

¹ Так же были опубликованы все, не перечисленные ниже, кроме стихотворения «Отрывок».

² Единственное в этой группе стихотворение, имеющее сразу две предыдущих публикации: газета «Южное слово». 1920. 12 января. № 9, под заглавием «Ночное плаванье»; журнал «Сполохи». Берлин, 1922. № 5.

³ На это уже обращалось внимание в работе: Морозов. С. 122.

«Беру твою руку и долго смотрю на нее...» — 1898,
 «При свете звезд померкших глаз сиянье...» — 1898,
 «Я к ней вошел в полночный час...» — 1898¹.

Разница между временем первой публикации и датой, указанной под текстом, составляет от 38 до 48 лет. Но никакой другой даты, кроме указанной Бунином и следующей из времени первой публикации этих текстов, нет. И нет другого пути, кроме того, при котором в научном издании поэта под этими текстами повторяются его даты этих стихов — и оговаривается их поздняя публикация.

Дополнительное подтверждение тому — два последних стихотворения из «Первых стихов».

Стихотворение «Что в том, что где-то на далеком...» имеет в *Петрополис*, I дату 1895, — а черновой автограф этого стихотворения в *Тетради* записан 10.09.1915. Этот автограф содержит вместо трех строф семь и, созданный за полгода до ключевого во всем бунинском творчестве стихотворения «В горах», представляет собой ближайшую ступень к нему. Отнести его к 1895, сместив на 20 (!) лет и выполнив тем самым желание автора, никак нельзя, указать на него — необходимо².

Стихотворение «“Тут покоится хан, покоривший несметные страны...”» в автографе не сохранилось, а в газетной публикации датировано тем же годом — 1895. Затем напечатано и датировано в *Петрополис*, I — 1907. Тут остается только дать обе даты в угловых скобках, оговорив, что из двух дат к правде ближе 1907³, хотя оснований для уверенности в ней тоже немного.

Дальнейшие вариации датировок в *Петрополис* и принятие или непринятие их в дальнейших бунинских изданиях связаны с тем, сохранился ли автограф стихотворения или заменяющая его вырезка с авторской правкой.

К уже рассмотренным «Первым стихам» примыкают еще несколько стихотворений из первого тома *Петрополис*, не имеющих достоверной предыстории:

стихотворение «Жена Азиса», впервые напечатанное в 1919 г. (газета «Южное слово». 20 октября. № 51), вошло в итоговое издание с датой 1903;

стихотворение «В окошко из темной каюты...», прежде Бунином не опубликовавшееся, появилось в *Петрополис*, I с датой 1896, —

¹ Три последних стихотворения в газетной публикации датированы 1893.

² Сравнение редакций см. на с. 572–573.

³ К рассмотренным примерам примыкает единственный в своем роде случай — стихотворение «Спутница», впервые напечатанное в журнале «Жизнь» (Одесса. 1918. № 5, июнь) и последний раз напечатанное в *Роза Иерихона* — 1924 с датой 28.06.1916. Между этими публикациями — публикация в газете «Звено» (Париж. 1923. 20 августа. № 29) с датой 1907, которая, судя по всему, является вымыслом.

и ни в том ни в другом случае Бунин не оставил издателю альтернативы: никакой другой даты, кроме указанной им самим, без долгих и бесплодных споров поставить нельзя.

А вот стихотворение «Цыганка», в *Петрополис, I* напечатанное с датой 1889, только в своей ранней редакции под заглавием «Разлука» обнаружено в 1919 г. (газета «Южное слово». 13 декабря. № 98), поэтому в этом случае датировку текста придется, по крайней мере, удвоить: 1889, <1919>.

Если же рукописный источник или источники сохранились, дата в *Петрополис* либо обретает полновесную устойчивость, либо, наоборот, ретируется в примечание¹.

Яркий пример — стихотворение «В столетнем мраке черной ели...», без конкретной даты (как и все стихотворения) напечатанное в *Митина любовь — 1925*, затем с датой 1907 взятое в *Петрополис, I* и на вырезке из первого издания помеченное 16.07.1916 (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 8). Это тот редкий случай, когда стихотворение, над которым Бунин работал в *Тетради*, оставлено им без даты, — но сам факт нахождения его в *Тетради* 1915–1917 гг., свидетельствует в пользу даты на вырезке, а не даты, неожиданно появившейся в *Петрополис, I*.

Сохранившийся автограф стихотворения «Льет без конца. В лесу туман...», наоборот, смещает дату в другую сторону. Это стихотворение не только включено автором в *Петрополис, 8* с датой 10.05.1923, но и было им начертано в *Тетради* под датой 7.07.1916. При этом текст черновика не содержит особых разнотечений с итоговым текстом, и, значит, нет никаких оснований переносить время написания этого стихотворения на семь лет позже.

В том же направлении, хотя и по чуть более понятным мотивам, Бунин передатировал в свое время стихотворение «В мелколесье пело глухо, строго...», впервые напечатанное в *СС—1910*, и имеющее в *Петрополис, 2* вполне обоснованную дату 25.05.1909. На вырезке Бунин жирно зачеркнул типографскую дату и вместо нее написал «1919» (РАЛ. MS 1066/722). Возможно, что в позднем сознании Бунина образный строй стихотворения, рисующего природную смуту, оживание темных народных поверий, атмосферу надвигающейся грозы, гораздо больше ассоциировался с разрушительными послереволюционными годами, чем с исторически нейтральным 1909 г. Но это не значит, что и в объективном собрании Бунина связь пока еще свободного от актуальных ассоциаций текста и позднее вложенного в него смысла должна быть выражена так же прямолинейно.

Наконец, уникальный случай не только передатировки, но и переадресации представляет собой уже упоминавшееся стихотворение «На глазки синие, прелестные...», под которым в *Петрополис* стоит 1901. Во всех существую-

¹ Понятно, что мы не приводим здесь примеров «устойчивых» дат, — обозреть и перечислить их можно только в полном издании.

ших изданиях это стихотворение, со ссылкой на В.Н. Бунину, печатается как посвященное сыну Бунина Коле (1900–1905)¹. Однако черновой автограф, записанный в *Тетради 13.10.1915*², и первая публикация в 1918 г. (газета «Народное слово». 4 мая (21 апреля). № 20) предлагают хотя и не полностью совпадающие тексты, но в любом случае обращенные к «ней»: в черновике, вероятнее всего, к матери («С какою нежностью глубокою / Живет душа моя в твоей / Мечтою, памятью далекою / Моих младенческих ночей!»), в тексте газетной публикации образ расплывчат (мать? дочь? любимая?), но в любом случае женский. Ясно, что если издание Бунина ориентировано на однократную подачу текстов в основном разделе, в него должен войти текст последней, в данном случае третьей, редакции. Только легендарную дату 1901 лучше раскрыть в комментарии, а под текстом обозначить период <13.10.1915—1936>, когда Бунин реально работал над текстом.

Итак, пожалуй, только датировки черновых и правленых автографов Бунина остаются вне подозрений. Безоговорочно верить другим указаниям — будь то в изданиях, авторских экземплярах или на вырезках — нельзя. Если предложенная в них авторская дата существенно расходится с первой публикацией текста, для нее каждый раз приходится искать дополнительное подкрепление, а если такого не находится, помнить, что она может оказаться «позднейшей вставкой», отдаляя (чаще) или приближая (реже) дату создания к дате правки.

Парижская тетрадь 1943 г.

В 1943 г. Бунин переписал некоторые из своих старых стихотворений, набросал несколько новых стихотворных фрагментов, некоторые из них попробовал соединить в небольшие циклы («Заметки»). Он пользовался разными чернилами и работал в разное время на листах разного формата, но, переданные в Москву, эти рукописи получили общее название *Парижская тетрадь* и образовали шесть единиц хранения (см. «Архивные источники. Перечень и описание», с. 684 и далее). С точки зрения датировок и истории текста 50 стихотворений, записанных в *Парижской тетради*³, можно разделить на несколько групп.

Первую составляют стихотворения, датировки которых в *Парижской тетради* совпадают с датировками в других источниках, прежде всего в *Тетради 1915–1917* гг.: «На исходе» (6.02.1916), «Венчик» (3.06.1916), «Никогда вы не воскреснете, не встанете...» (27.06.1916), «И шли века, и стены Рая пали...» (29.06.1916), — или в *Петрополис*, 8: «Звезда дрожит среди вселенной...» (в *Парижской тетради* с уточнением места: «22.X.17. Васильев-

¹ См.: Бунин–9, 1. С. 535–536; Бунин–6. С. 588, и т.д.

² Год восстанавливается по положению среди других стихов.

³ Ниже речь идет только о законченных стихотворениях, записанных в *Парижской тетради*; наброски нигде больше не зафиксированы, и таким образом никаких иных источников датировки для них нет.

ское»), «Была весна, и жизнь была легка...» (9.09.1922), — или в датированной машинописи: «В караване» (28.08.1917) (РАЛ. MS 1066/56).

Однако порой совпадение дат только затушевывает историю текста. Например, под стихотворением «По древнему унывному распеву...» («Плащаница») в *Парижской тетради* стоит дата первой редакции (ее черновой автограф в *Тетради* 27.06.1918), тогда как записанный текст представляет собой уже третью (а в издание в качестве основной войдет вторая, ибо только она была опубликована при жизни автора). Так же и стихотворение «Иконку, черную дощечку...» («Иконка»), правленый автограф которого в *Тетради* помечен «21.VII.1916. Ночью», тем же точным указанием «21.VII.16 (Во сне)» сопровождается в *Парижской тетради*, хотя текст ее далеко не равен первоначальному.

Таким образом, мы переходим ко второй группе стихотворений, чья датировка в *Парижской тетради* входит в противоречие с датировками в других источниках, опять же — главным образом, в *Тетради*:

стихотворение «Снег дымился в раскрытой могиле...» начерно записано в *Тетради* с датой 7.07.1916 и набело в *Парижской тетради* с датой 1888 (!);

стихотворение «Земной, чужой душе закат!..» начерно записано в *Тетради* с датой 9.02.1916 и набело в *Парижской тетради* с датой 1900 (!);

стихотворение «И снова вечер, степь и четко...» начерно записано в *Тетради* с датой 3.07.1916 и набело в *Парижской тетради* с датой 1900 (!).

Это один из самых болезненных пунктов в системе бунинских датировок. Мы не можем назвать точные причины, по которым Бунин так резко передавал свои произведения, а догадки, какие бы они ни были, едва ли найдут документальное подтверждение. Как это часто бывает не только в бунинских стихах, замысел доступен — или не доступен — только через свое воплощение. Ясно одно: в собрании Бунина должны стоять реальные даты — позднейшие авторские коррективы будут уместны в примечаниях¹.

Третья группа стихотворений — те, которые до *Парижской тетради* были опубликованы в периодике: «Луна над шумною Курою...», «Разлука», «В рощах Урвельы», «Сомкнулась степь сияющим кольцом...», «Бред», «Ночной путь», «Изгнание», «Звезда, воспламеняющая твердь...». В публикациях эти стихи не датированы — датировка в *Парижской тетради* остается для них единственной².

¹ См. также стихотворение «Мы разделились — мир и я...», в *Парижской тетради* датированное 29.08.1917, а в машинописи (РАЛ. MS 1066/14) отмеченное, скорее, сомнением: датой «23.8.17» и вопросительным знаком на полях. Попутно укажем на то, что стихотворение «Во полуночи» («В сосудах тонких и прозрачных...»), записанное в *Парижской тетради* под заглавием «Се Жених грядет» с датой 2.09.1914, содержит авторскую ошибку в годе: черновой автограф той же его редакции в *Тетради* датирован 2.09.1915 (эта ошибка повторяется в Бунин—9 и следующих изданиях).

² К этой группе примыкает единственное стихотворение («Смотрит луна на поляны лесные...»), которое после *Парижских тетрадей* было опубликовано в последнем бунинском издании *Весной, в Иудее — 1953* под заглавием «Ночная прогулка».

Четвертую группу образуют тексты, записанные только в *Парижской тетради* и при жизни Бунина не печатавшиеся: «На столбах пустой террасы...» (1901), «Луна полночна глядит...» (июнь 1904), «В кофейнях поздние огни...» («Каир. Январь 1911 г.»)¹, «Луна и Нил. По берегу, к пещерам...» (22.07.1916), «Нет Колеса на свете, Господин...» (25.07.1916), «На всякой высоте прельщает Сатана...» (26.08.1916), «Высокие нездешние цветы...», «В белой зыби облаков...», «Дует ветер, море хлеба...» (все три на одном листе, под последним помета «ночь, лето <19>17 г.», что дает основание и для условной датировки двух других), «Нарядность есть в твоей прическе скромной...» (23.09.1917), «Смерть — мысль твоя, не боле. Ты душою...» (24.09.1917), «И вновь морская гладь бледна...» («Засыпая, в ночь с 24 на 25.VIII.22»), «Что впереди? Счастливый долгий путь...» (15.09.1922), «Вечерний Ангел грустным звоном...» (15.10.1938), «Ночью, в темном саду, постоял вдалеке...» (16.10.1938), «Ты жила в тишине и покое...» (18.10.1938), «Под окном бродила и скучала...» (6.11.1938), «Здесь клад зарыт. Здесь жутко: тайна, клад...» (21.10.1938), «Панихида» (22.10.1938).

К ним примыкают стихотворения, имеющие в *Парижской тетради* косвенные датировки. Так, беловой автограф стихотворения «Опустели аллеи сквозные...» вписан между строф стихотворения «Чем дальше дни твои от нас...» (вариант стихотворения «Портрет»), над которым стоит число 9.09.1917, возможно, относящееся к обоим текстам. Время написания стихотворения «Ночь и дождь, и в доме лишь одно...» можно определить по его положению среди набросков, сделанных в августе 1922 г. в Шато Нуарэ в Амбуазе; и т.д.

Порой только сочетание *Парижской тетради* с другими источниками может помочь в датировке текста или, во всяком случае, дополнить ее.

Как только что упоминалось, стихотворение «Портрет» («Бродя по залам, чистым и пустым...»), вошедшее в подборку «Старая тетрадь» 1927 г. (газета «Возрождение». 23 июля. № 781), в первоначальной, судя по всему (более полной и несокращенной), редакции, помещено в *Парижской тетради* с датой 9.09.1917. Меж тем сохранилась вырезка из «Возрождения», на которой стоит 1924 (РАЛ. MS 1066/763), и таким образом время написания «Портрета» можно обозначить <9.09.1917; 1924>.

Другим примером служит стихотворение «Порыжели холмы. Зноем выжжены...». Автограф в *Парижской тетради* содержит указание даты и места: «3.10.1926 [Grasse]»², та же дата стоит на машинописи (РАЛ. MS 1066/30). Но в *Тетради* в ряду стихов 1916 г. записаны начальные строки его ранней редакции, и хотя под ними не значится конкретной даты, время создания стихотворения раздвигается: <1916>; 3.10.1926.

¹ Судя по пометам автора, переписаны им из записных книжек соответствующих лет.

² Указание места в квадратных скобках, так как Бунин его зачеркнул. На обороте вверху и внизу листа написана еще одна дата: 25.10.1926, но она не относится к тексту.

Но порой и сочетание с другими источниками не помогает. Нам известны два автографа стихотворения «Ты высоко, ты в розовом свете зари...» (*Парижская тетрадь. 4; РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 16*) — и оба они не датированы.

Так как при правке издания *Петрополис* в 1947–1953 гг. Бунин уже не задавал своим будущим издателям особых загадок относительно дат (только относительно текстов), то на *Парижской тетради* завершается обзор некоторых особенностей его стихотворений *sub specie* датировки. Разобранные здесь с точки зрения времени их создания 225 стихотворений составляют примерно четверть всех законченных поэтических текстов Бунина и позволяют сделать вывод о том, какое место очерченная проблема занимает в представлении бунинского наследия. Однако полный спектр всех особенностей, связанных с конкретными датировками и общей хронологией, можно будет увидеть только в полноценном научном издании.

5.4. Переводы в составе собрания

Кроме оригинальных стихотворений, поэтическое наследие Бунина включает в себя порядка 30 переводных стихотворений и «большие переводы»: «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло и трех мистерий Дж. Г. Байрона («Каин», «Манфред», «Небо и земля»). Не отдавая особого предпочтения какому-либо одному автору, Бунин перевел по одному или несколько стихотворений английских (Т. Мур, Ф. Гименс, А. Теннисон), немецких (И.-В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне), французских (А. Мицкевич, А. Ламартин), итальянских (Ф. Петрарка, А. Негри), польских (А. Аснык, А. Мицкевич), украинских (Т. Шевченко, В. Чайченко), армянских (А. Цатуриан, А. Исаакян) поэтов, попробовал свои силы в переложении песен казанских татар и дважды принимался за переводы из Саади.

При такой разнонаправленной переводческой деятельности более половины всех стихотворных переводов сделано Буниным в пору его поэтической юности, до начала 1900-х годов. На более поздние годы приходятся только переводы из армянской поэзии, выполненные соответственно в 1903 и 1907 гг., поэма А. Теннисона «Годива», над которой Бунин работал в 1906 г., переводы из Саади 1907 и 1913 гг., отрывки из «Золотой легенды» Г. Лонгфелло, которые Бунин переводил в 1908 г. («Буря Рождественской ночи», «Очарованный инок») и затем в 1915 г. («О Христе и дочери Халифа») и один перевод из Леконта де Лиля («В темную ночь, в штиль, под экватором»), сделанный в том же, 1915 г. Отдельного рассмотрения достойны «Песнь о Гайавате» и переводы из Байрона, о которых мы здесь говорить не будем.

Почти все остальные переводы иноязычной поэзии либо остались в ранних рукописях, либо вошли в первые сборники Бунина наряду с оригинальными стихами, либо, не включенные в сборники, были напечатаны в перио-

дике и именно как переводы¹. Так как в научном собрании изначально разделяются тексты, опубликованные и не опубликованные при жизни автора, и поскольку наша цель — определить положение переводных текстов Бунина в общем ли поэтическом разделе или особом, традиционном разделе «Переводы», мы сосредоточимся на тех из них, которые Бунин включил в свои сборники, предшествовавшие его первому собранию сочинений. Вышедшее в середине 1900-х гг., оно закрепило сложившуюся к тому времени практику, от которой Бунин не отступил и в Полном собрании сочинений, изданном книгоиздательством А.Ф. Маркса приложением к журналу «Нива» в 1915 г.

Итак, первый, казалось бы, внешний и формальный, аспект рассмотрения уже назван: в поэтических сборниках Бунина переводные стихотворения вливались в общий поток, не образуя отдельного русла и направления. Этому принципу Бунин остался верен всю жизнь. В указаниях «К моему литературному завещанию» (1951) он, хотя и просил впредь публиковать, кроме «Песни о Гайавате» и трех мистерий Байрона, только «Крымские сонеты» Мицкевича, поэму А. Теннисона «Годива» и отрывки из «Золотой легенды» Лонгфелло, но настоятельно просил их «разместить (следуя хронологии <...>) среди <...> оригинальных стихов» (Бунин–9, 9. С. 481–482).

Второй аспект заключается в том, что переводные стихотворения так плотно вписаны в систему собственно бунинской лирики, так тесно связаны с окружающими их оригинальными текстами, что это не может быть случайностью, — здесь виден обдуманный композиционный прием автора, выстраивавшего свои тексты в сборник. Тем самым Бунин значительно сокращает дистанцию между собственными и «присвоенными» стихами, заставляя и в «присвоенных» видеть больше собственного, бунинского, чем самоценного перевода, или, по меньшей мере, существующего наравне с ним. Последнее, очевидно, сглаживает и границу между переводами иноязычных авторов и стихотворениями «на мотив», кем-то уже озвученный: и те, и другие с той или иной пропорцией «своего» и «чужого» существуют в едином течении ранней лирики Бунина. В этом смысле он оказывается гораздо ближе к поэтам начала XIX в., для которых переводы были частью оригинального творчества (в первую очередь — Жуковский, но также и Батюшков, Пушкин, Баратынский, Лермонтов), чем к своим непосредственным предшественникам, видевшим в переводе «особый вид литературной деятельности» (Д. Михайловский, П. Вейнберг и др.)².

¹ О четырех исключениях («Смерть птиц», «В темную ночь, в штиль, под экватором», «Малайская песня» и «Завет Саади») см. ниже.

² См. об этом: Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. С. 7–8; подробнее: Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода (к истории русской переводческой мысли) // Международные связи русской литературы. Сб. ст. / Под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. С. 5–63.

В первой книге «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Бунин–1891) находим четыре текста, в названиях которых уже дано указание на «вторичность», и все они напечатаны единым блоком: «На мотив П. Бурже» («Скоро властной, холодной рукой...»)¹; «Из Фелиции Гименс» («Убаюкай меня, дорогая моя...»)²; «Из сказки “Солнце Гарема” Т. Мура» («На земле, меж богатствами мира...»); «Из песен казанских татар».

Несмотря на такую «слитность», подключение «чужих» текстов к собственно бунинским происходит довольно плавно. Переложению Бурже предшествует цикл «Крым» и стихотворение «На юге», созданные под впечатлением первой поездки Бунина в Крым весной 1889 г. Приведем первое стихотворение «крымского» цикла:

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

...Вся долина в зеленых садах,
Вся долина полна ароматом...
По горам, на цветущих холмах
Кипарисы толпятся по скатам.

Тонут горные выси кругом
В голубом, чуть заметном тумане;
Дышит утро весенным теплом,
Легки тучек узорные ткани...

Но манят очарованный взор
Еще больше крутые стремнины,
Где долина скрылась меж гор
И пред ней расступились вершины...

Там прибой свои песни поет,
Вольный ветер свежей на просторе,
И свободное, гордое море
Ходит медленно взад и вперед...

Мало того, что «Байдарская долина» создавала композиционную рифму начальному стихотворению сборника («Снились мне цветущие долины...») и переводила прежде снившиеся лирическому герою леса и долины в план настоящего переживания, представляя их сбывшимся поэтическим

¹ Вольный перевод стихотворения «Epilogue» из сборника «Œuvres de Paul Bourget. Poésies 1872–1876» (Paris: Librairie Alphonse Lemerre, <1885>).

² Вольный перевод стихотворения «Mother, oh sing me to rest...» из сборника «Poems of Felicia Hemans» (London and Edinburgh, 1878).

идеалом¹. Этому реальному переживанию суждено было найти дополнительное подкрепление в том поэтическом пейзаже, которым к нему на следующем повороте темы подключался Бурже:

Скоро властной холодной рукой
Смерть-царица мне очи закроет,
Скоро в темной могиле сырой
Мое сердце она успокоит;
Одного бы я только желал,
Я б хотел, чтоб уснул я безмолвно
На морском берегу, где у скал
Вечно ропщут холодные волны...

Здесь созерцание безбрежного моря завершает человеческую жизнь и переносит ее в надмирное и надвременное бытие:

А когда к безмятежной волне
Льнет волна, утомясь от волненья,
Будут сниться лобзания мне
В плеске их и в задумчивом пенье...
И пускай на меня навевать
Тихий сон будут песни былого,
Чтобы мог я хотя вспоминать
Дальней юности счастье снов².

Тем самым впервые был сформулирован и замкнут важнейший для Бунина круг идей и ощущений, связанных с напряженным переживанием великолепия мира (тем более — крымская природа после среднерусского подступья) и своей сопричастности ему (тем более — на границе воды и земли, перед бесконечным морем и под бесконечным небом). Этот новый опыт оказался столь ярким и сильным, что его влияние будет и дальше сказываться на бунинском восприятии многих других, схожих и не схожих, пейзажей, времен и ситуаций, вплоть до стихотворения «В дачном кресле, ночью, на балконе...», написанного на краю России (в Одессе) и всей прошлой жизни (летом 1918 г., за полтора года до эмиграции), и последнего в жизни Бунина стихотворения «Ночь», написанного *на морском берегу* Франции, у скал

¹ Крым был связан для Бунина и с кумиром его юности С.Я. Надсоном, умершим 19 января 1887 г. в Ялте.

² Эта строфа может быть прочитана, в том числе, как вариация на лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...»: «Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел» и т.д.

(«гор, холмов нагих»), при холодном ночном ветре: пожелание, высказанное в первой строфе переложения П. Бурже, сбылось¹.

Пока же, в юности, не обостренные экзистенциальные переживания, а упоение земной красотой доминировало над всеми поэтическими настроениями, и бунинский вариант «Вступления» к поэме «Солнце Гарема», четвертой части «Лаллы-Рук» Т. Мура, через шаг (см. ниже о переводе из Ф. Гименс) подхватывало ту же тональность, что и начальное стихотворение сборника, и упомянутый уже «крымский» цикл: в условно-восточных декорациях переложения Буниным «Лаллы-Рук» соединялись его условно-поэтические представления о земном рае и реальные впечатления Крыма:

На земле, меж богатствами мира,
Нет богаче долины Кашмира,
Нет роскошней нигде красоты.
 Там леса ароматами полны,
 Там струятся священные волны,
 Круглый год расцветают цветы.

Если солнце, прощаясь с землею,
Догорает вечерней порою, —
Вся долина объята зарей
 И, в зеркальных водах отражаясь,
 Как невеста в цветы наряжаясь,
 Ослепляет своей красотой.

и т.д.

Между «мотивами» Бурже и Мура² в первом бунинском сборнике помещен перевод «Из Фелиции Гименс» («Убаюкай меня, дорогая моя...»). В поэзии Бунина он представляется «затактом» для целого ряда текстов, посвященных

¹ Бунину принадлежит еще один, не включенный в авторские книги, перевод стихотворения П. Бурже, само название которого — «У Средиземного моря» — говорит об устойчивом интересе переводчика к южным пейзажам французского поэта.

² О том, что Бунин «создал не столько перевод, сколько самостоятельное произведение на мотив поэмы Томаса Мура», см. в примечаниях к публикации этого текста в: ЛН, 1. С. 220. Стоит отметить, что и перевод «Из сказки “Солнце гарема”» (под заглавием «Из сказки “Светило Гарема”» в пер. В.А. Жуковского), и перевод стихотворения Ф. Гименс («Убаюкай, родная, больную меня...» в пер. М. Михайлова) вошли в любимую Буниным антологию: Английские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н.В. Гербель. СПб., 1875. В ней же, среди других, были напечатаны отрывки из перевода Д.Л. Михайлова «Песни о Гайавате» и «Годива» А. Теннисона в переводе М. Михайлова. Выбор Буниным текстов для перевода (напр., выбор «Лаллы-Рук», овеянной для молодого поэта знаменитым переводом и семейно, и поэтически родственного ему В.А. Жуковского) и соотношение его переводов с чужими, прочитанными в детстве (см. Бунин-9, 9. С. 258) может составить тему отдельной работы.

матери: «Помню — долгий, зимний вечер...» (первая публикация — 1889), «Мать» («И дни и ночи до утра...», 1893), «Матери» («Я помню спальню и лампадку...»; первая редакция написана в 1901 г.; вторая — в 1910 г., в год смерти матери Бунина, Людмилы Александровны). Строки представительницы Озерной школы в переводе Бунина и его собственные стихи звучат едва ли не в унисон:

ИЗ ФЕЛИЦИИ ГИМЕНС

Убаюкай меня, дорогая моя,
Как в былые годы, убаюкай меня!
Как в былые годы, ты опять перед сном
Успокой и утешь, осеняя крестом!..

После долгого дня и дневной суэты
По ночам в тишине засыпают цветы,
Отдыхает и путник под кровом друзей...
Успокой и меня, убаюкай скорей!..

И зачем мне пришлось опять полюбить?
И зачем милый образ нельзя позабыть?..
Тяжела ты мне, жизнь молодая моя!..
Ах, баюкай, родная, баюкай меня!..

МАТЕРИ

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!» <...>

Ты перекрешишь, поцелуешь,
Напомнишь мне, что Он со мной,
И верой в счастье очаруешь...
Я помню, помню голос твой!

Я помню ночь, тепло кроватки,
Лампадку в сумраке угла
И тени от цепей лампадки...
Не ты ли ангелом была?

К уже названным присоединяются стихи, написанные на евангельские сюжеты: «Мать» («На пути из Назарета...», 1912), «Бегство в Египет» (1916): созданные позже «автобиографических», они подготовлены ими не меньше, чем ближневосточными странствиями автора.

С другой стороны, мотив утешения, успокоения Бунин переносит в стихи, обращенные к любимой, но ближайшим поэтическим предшественником его служит тот же перевод из Ф. Гименс, обращенный к матери, — сравнить с ним хотя бы следующее стихотворение, тоже опубликованное в первом бунинском сборнике:

Засыпай, засыпай, дорогая,
Убаюкана лаской моей!..
Засыпает и чаща лесная,
Затихает в саду соловей...

Я пойму твои горькие слезы,
Я пойму и сомненья твои
И хочу, чтобы светлые грезы
Унесли тебя в царство любви...

Сам твою я грустью страдаю
 И отрадней становится мне,
 Если счастлива ты, дорогая,
 Убаюкана счастьем во сне!¹

Настроения ранней любовной лирики Бунина подхватывают и несколько фрагментов, объединенных заглавием «Из песен казанских татар», для которых до сих пор не найден источник, из которого они могли быть знакомы молодому поэту (см. ЛН, 1. С. 225). Если же говорить о том, почему именно на них пало его внимание, то вполне возможно, что выраженная в первой же «песне» просьба к любимой о понимании и участии, как и желание разделить с ней лучшие думы и чувства юности, были расслышаны Буниным как собственные слова, адресованные В. Пащенко:

Не за Белой ли рекою,
 О беляночка моя! —
 Не за Белой ли рекою
 Слышны песни соловья?..
 Всё тебе бы рассказал я,
 Много сказок прежних дней,
 Если б только испытал я
 Сладость нежности твоей!..
 («Из песен казанских татар»)

Вот и всё... Да на прощанье
 Дай мне ручку поласкать,
 Дай хоть видеть, что могла ты
 Всё простить и всё понять!...
 («...Нынче ночью поезд шумный...»)
 Когда душа моя была полна любви,
 Когда разлукою иль ревностью скорбела, —
 Не оценила ты страдания мои
 И успокоить лаской не хотела...
 («...Не думай, позабудь... Не вспоминай о том...»)

Завершался этот лирический сюжет горьким тютчевским перифразом «...Зачем и о чем говорить?...» (1890), а также шлейфом автобиографических мотивов и в более поздних стихах, проникнутых тем же разочарованием (стихотворение «С каждым днем ты со мной холоднее...», <1891>; «Если б только можно было...», 1894; «По вечерней заре», 1900; «Из дневника», 1901², и др.). Третий фрагмент «Из песен казанских татар» через десятилетие отозвался в стихотворении Бунина, обращенном уже то ли к В. Пащенко, то ли к первой жене, А. Цакни, отношения с которой были окрашены той же тоской взаимного непонимания³:

¹ Через мотив «убаюкивания» открывался и мотив, выраженный призывом «отдохни / дай отдохнуть»,ср. стихотворение «Отдохни, — еще утро не скоро...» (1900; в Бунин — 9, 1 «Еще утро не скоро, не скоро...» — по последней правке автора) и строки «Утомясь, она просила нежно: “Убаюкай, дай мне отдохнуть <...>”» в стихотворении «В поздний час мы были с нею в поле...» (1901).

² В Бунин—9 под заглавием «Отрывок» («В окно я вижу груды облаков...»).

³ Стихотворение «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется...» в Бунин—9 и следующих изданиях до Бунин—БП напечатано по последней правке Бунина без первой строфы, то есть см. по первой строке второй строфы «Если б вы и сошлись, если б вы и смирились...». См. в начальных строках — продолжение темы «...Зачем и о чем говорить?...».

Не поют ли соловьи
 В чаще темной и густой?..
 Друг любимый, дорогой,
 Я страдаю от любви!
 Теплым гнездышком в лесу
 Соловьи обзавелись...
 Только нам уж никогда
 В этом мире не сойтись!..

(«Из песен казанских татар»)

Чтò напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?
 Каждый слышит в ней только свое...
 Пусть же сердце скорей с одиночеством свыкнется:
 Все равно не воротишь ее!
 Если б вы и сошлись, если б вы и смирилися, —
 Уж не той она будет, не той!
 Кто вернет тот закат, как навек вы простилися,
 Темный взор, засиявший слезой? <...>
 («Чтò напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?...»)

Таким образом, то, что в «песнях казанских татар» звучало легким мотивом любовной игры, со временем превратилось для Бунина в глубокую личную боль утраченного счастья и так и не обретенного понимания. А сам жанр «песни», как уже говорилось, дал обильные ростки в бунинском творчестве 1900–1910-х гг., см. «Песня» («Я — простая девка на баштане...»), «Послушник. Грузинская песня», «Из анатолийских песней», «Песня» («На пирах веселых...»), «Песня» («Зацвела на воле...»), фольклорные песенные истоки стихотворений «Степь», «Белый олень», «Два голоса» и т.д.

«Стихотворения 1887–1891 гг.» заканчивались стихотворением «...Однодобразные, печальные сомненья...», к последней строке которого было сделано примечание: «Многие места этого стихотворения написаны на мотив отрывка из “Confession d'un enfant du siècle” А. Миоссе»¹. Только из него неосведомленный читатель мог понять, что этот текст инициирован не личными переживаниями автора, а литературным претекстом, иначе говоря, в жанровом отношении представляет собой сниженную параллель стихотворения «На мотив П. Бурже», где источник обозначен не в примечании, а в заглавии. Стихотворением «на мотив» открывался и следующий сборник Бунина, «Под открытым небом» (М., 1898; Бунин–1898). Это «Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича», её литературной основой служит рассказ Г. Сенкевича «Идиллия. Лесная картинка»². Оба стихотворения («по следам» Миоссе и Сенкевича) являются благодатным материалом для определения того, как Бунин

¹ Под «отрывком» в данном случае Бунин имеет в виду вторую главу первой части «Исповеди сына века» Миоссе, четыре фрагмента которой последовательно и точно аккумулированы четырьмя строфами его переложения (в первом варианте бунинский текст содержал еще по четыре строки в начале и в конце, тематически примыкающих соответственно к первой и последней строфам). По-видимому, Бунин пользовался публикацией в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1897. № 2), где роман Миоссе был напечатан в переводе М.Л. Лихтенштадт.

² Источник указан С.Н. Морозовым. Очевидно, Бунину этот текст был знаком по его первой на русском языке публикации в журнале «Русская мысль» (1890. № 12), так как в следующий раз «Идиллия» вошла в сборник Г. Сенкевича «Повести и рассказы», изданный после публикации бунинского текста, в 1898 г. Интересно, что Бунин использовал не весь рассказ, а только заключительный фрагмент, где звучит хорал деревьев.

преобразовывал источник и насколько точно передавал его содержание, но так как они являются поэтическими переложениями фрагментов уже переведенных на русский язык прозаических произведений, сомнений, в какой раздел научного издания — оригинальных или переводных стихотворений — их помещать, нет.

Второе «заимствованное» стихотворение в сборнике «Под открытым небом» — «Из В. Чайченко»¹. Если бы не заглавие, в читателе едва ли зародилось бы сомнение о его принадлежности именно тому автору, чье имя обозначено на обложке книги. Между стихами «Летнее утро» («Еще от дома на дворе...») и «Начало осени» («За днями серыми и темными ночами...») — каждое на отдельной странице — он прочитал бы:

Воет буря, хлещут волны,
Жизнь и смерть — во власти волн...
Ты же в даль, к заветной цели,
Направляй спокойно челн!

Светит солнце, манит душу
Отчий дом, родимый край...
Ты же в даль, к заветной цели,
Челн спокойно направляй!²

— и увидел бы в этом призывае регулярный риторический прием, характерный для раннего Бунина, ср. например:

Не пугай меня грозою:
Весел грохот вешних бурь!
После бури над землею
Светит радостней лазурь,
и т.д. («Не пугай меня грозою...», <1888; 1898>)

Кроме того, читатель тут же заметил бы сходное художественное обрамление текста (начальные буквы каждого стихотворения вписаны в тот или иной более или менее соответствующий теме пейзаж), и только «третьим подходом» обратил бы внимание на отнюдь не кричащее (ни оформлением, ни готовыми литературными ассоциациями) заглавие «Из В. Чайченко». По всей видимости, Бунин намеренно расположил это стихотворение так, чтобы контекст (и литературный, и внешний, оформленительский) сгладил границу

¹ Василь Чайченко — псевдоним украинского поэта Бориса Дмитриевича Гринченко (1863–1910).

² Перевод стихотворения «Вітер віє, плеще хвиля...» (Грінченко Б.Д. Пісні та думи. Книжка перша. Чернігов, 1895; то же: Чайченко В. Під хмарним небом. Вірши. Львов, 1893).

между оригинальным и переводным текстами, тем самым они уравнивались и в поэтическом сознании автора, и в воспринимающем сознании читателя.

В следующем сборнике «Стихи и рассказы» (М., 1900; *Бунин—1900*) переводов и переложений вовсе нет, а в вышедших через год «Полевых цветах» (М., 1901; *Полевые цветы — 1901*) встречаем сразу два переводных «подключения» к авторским текстам Бунина. В самом начале книги переведенный им «Псалом жизни» («*Psalm of Life*») Г. Лонгфелло следует сразу за собственно бунинским стихотворением «Ангел», будучи связан с ним апелляцией к высшим силам, наставляющим / благословляющим человека / ребенка на жизненный путь:

«Благослови меньшого брата, —
Сказал Господь. Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»
(«Ангел»)

Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй.
(«Псалом жизни»)

И здесь параллель тоже закреплялась визуально: обоим стихотворениям предшествовали картинки, причем ангела с первой из них (встречающего в поле ребенка), легко можно было принять за него же на второй (сидящего в лесу и играющего на лире). Заметим, кстати, что далеко не все стихотворения сборника сопровождались иллюстрациями, что для следующих четырех стихотворений таковых не нашлось и что это еще более подчеркивало особое положение «Ангела» и «Псалма жизни» в ряду других текстов.

Далее в том же сборнике друг за другом идут «Завещание. Из Шевченко» и «В Колизее. Монолог Манфреда. Из Байрона». При всей разнице источников, тем, настроений, они объединены с окружающими их стихами Бунина, и в этом контексте друг с другом, сквозным образом вечного неба, дающего герою ощущение целости и величия жизни: в предшествующем «Завещанию» стихотворении «Звездная ночь» ночные светила оживляют всю земную природу, в «Завещании» ощущение небесного простора передано в пожелании, «чтобы даль вокруг синела» и после смерти, как при жизни, монолог Манфреда звучит тогда, когда «Сверкают звезды, — полная луна / Над горными вершинами сияет», потому что тогда, говорит герой, «Я постигаю речь иного мира». И дальше «небесный» мотив, на разные лады и постепенно угасая, звучит еще в трех следующих стихотворениях книги: «В детской» (первая редакция уже процитированного выше стихотворения «Матери»), «Крещенская ночь», где звезда блещет «На востоке, у трона Господня», и «Облачко», в котором небу, симметрично «Звездной ночи», возвращается изначальное природное значение, а многообразие иных смыслов растворяется в пейзаже подобно тому, как само «облачко» растворилось «в ярком зное».

В изданный прежде «Полевых цветов», но как будто открывающий новую страницу в бунинской поэзии сборник «Листопад» (М., 1901; *Листо-*

пад–1901) было сделано сразу несколько переводческих «вставок». В первой с незначительными изменениями повторялась перенесенная из сборника «Под открытым небом» «Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича», а напечатанный ровно перед ней перевод стихотворения А. Асныка «Лилии» удачно корреспондировал с идущим сразу после «Вечерней молитвы» стихотворением «Отдохни, — еще утро не скоро...» — через образ юной девушки, охваченной любовной истомой вочных грезах о любимом («Лилии»), или перед разлукой с ним летней ночью, «Под навесами солнного бора» («Отдохни, — еще утро не скоро...»).

Второй «аккорд заимствований» начинался с еще одного перевода «Из А. Асныка» («Безмолвно мы простилися с тобой...»), как будто подхватывавшего тему, на которой Бунин остановился в стихотворении «Отдохни, — еще утро не скоро...». За ним был напечатан «Псалом жизни», который уже был знаком читателю (см. выше) и не мог восприниматься среди бунинских текстов как чужеродный. Затем следовали стихотворения «Учан-Су» и «Кипарисы», поэтические описания пышной крымской природы, плавно продолженные переводом «Из Л. де-Лиля», позже получившим у Бунина название «Золотой диск»¹.

Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий иней. <...>

И дыханье земли, как священных кадильниц дыханье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханием лесов,
С ароматом плантаций в глубоком вечернем молчанье.

Перевод Ш. Леконта де Лиля оказался, в свою очередь, центральным текстом своеобразного «южного цикла», так как за ним в бунинском сборнике последовали еще два отчетливо «прибрежных» стихотворения: «Зной» («Горячо сухой песок сверкает...») и «Закат» («Корабли в багряном золоте заката...»). Тем самым «южные» образы потеснились «морскими», что и определило художественное развитие темы в следующем стихотворении «Так небо низко и уныло...», продолжившем тему моря, края земли и грозного величия одухотворенной природы, но уже в северном, свинцовом и сумрачном, колорите.

Что касается третьего «включения» инокультурного текста в *Листопад–1901*, им стало стихотворение того же А. Асныка «Астры», точно впи-

¹ Это заглавие появляется только в *ЛСС–1915, I*. Стихотворение Бунина является переводом стихотворения Леконта де Лиля «L'orbe d'or» из сборника «Poèmes tragique» (1884).

сыгающееся не только в общую художественную систему Бунина, «певца» «пустеющих полей», но и в течение конкретных, до и после него стоящих текстов. Вот развитие сходных мотивов в последовательно сменяющих друг друга стихотворениях книги:

И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно... <...>
Оттого ли, что близкая осень
Веет чем-то знакомым, родным —
Молчаливою грустью деревни
И безлюдьем степным?
(«Как печально, как скоро померкла...»)

Грустно я встречаю осень...
Ах, не так, как в дни былые!
Так же вянут, блекнут листья
Золотые <...>
(«Астры. А. Асныка»)

Таинственно шумит лесная тишина,
Незримо по лесам поет и бродит Осень...
Темнеет день за днем, — и вот опять слышна
Тоскующая песнь под звон угрюмых сосен.
(«Таинственно шумит лесная тишина...»)¹

В последний перед «знаниевским» собранием сборник *Новые стихотворения — 1902* вошли едва ли не самые известные бунинские стихотворные переводы: два «крымских сонета» Мицкевича «Аккерманские степи» («Stepy Akermańskie») и «Чатырдаг» («Czatyrdah»)². В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин вспоминал о своем увлечении «некоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами из “Пана Тадеуша”: ради Мицкевича я даже учился по-польски» (*Бунин—9*, 9. С. 261).

Очевидно, что, с одной стороны, переводы Бунина из Мицкевича вырастали из уже десятилетнего к тому моменту опыта его собственных «крымских» стихов, с другой стороны, они сами давали толчок к дальнейшему развитию его лирических пейзажей. Переводы оказались для Бунина тем же,

¹ См. также далее стихотворение «Нагая степь пустыней веет...», «В пустынной вышине...», пока, наконец, в лирическом сюжете осень не сменится на зиму в стихотворении «Скачет пристяжная, снегом обдаст...».

² Третий перевод из Мицкевича («Алушта ночью» / «Ałuszta w nocu») был написан чуть позже и после журнальной публикации в конце 1902 г. (журнал «Мир Божий». № 12) включен только во второй том собрания сочинений «Знания» (CC—1906).

чем для многих других начинающих авторов, — поэтической школой, и, пожалуй, именно к 1901 г. (год выхода «Листопада») и на «крымских сонетах» она была Бунином окончена. Последний раз голос переводчика звучал направне, если не громче, голоса автора, но внутренние связи между его собственными и «заимствованными» текстами внутри одной книги уже ослабли: «Аккерманские степи» довольно одиноко смотрятся среди чужеродных им авторских стихов в центре сборника, «Чатырдагом» он заканчивается (перед ним — републиканский перевод «В Колизее»). Отныне поэтические потоки разойдутся и переводы будут существовать в бунинской поэзии отдельно от его собственных стихов: недаром в авторских экземплярах *ПСС–1915, I* только для «крымских сонетов» Бунин сделал указание перенести в переводы — для переводов из А. Асныка, Г. Лонгфелло, Ш. Леконта де Лиля, вошедших в тот же том, такого указания сделано не было.

Во многих случаях ранние переводы Бунина были, скорее, переложениями, вольными вариациями на темы, прежде заданные другими поэтами, но решенные с куда большей степенью свободы, чем предполагалось законами жанра, и, значит, куда ближе стоящими к собственному творчеству переводчика, чем к иноязычному оригиналу¹.

В Полном собрании сочинений (*ПСС–1915*) они пополнились еще четырьмя текстами.

Первый — стихотворение «Смерть птиц», перевод стихотворения Франсуа Коппе «Le soir, au coin du feu, j'ai pense bien des fois...» из сборника «Les Humbles» («Смиренные», 1872). Впервые напечатанное в 1910 г. («Наш журнал». № 7), оно вошло в *ПСС–1915, I* с датой 1898. Таким образом, его, скорее, стоит отнести к ранним переводам, но в первые бунинские книги оно не вошло, да и в *ПСС–1915, I* стоит особняком, замыкая раздел «Листопад. Стихотворения 1886–1900 гг.».

Второе и третье отсылают к творчеству Ш. Леконта де Лиля, точнее, его сборнику «Трагические стихотворения» (*Poèmes tragiques*, 1884). Это стихотворение «В темную ночь, в штиль, под экватором» (1915) — перевод стихотворения «Une nuit noire, par un calme sous l'équateur», и «Малайская песня» (1916), написанная на мотив стихотворения «Pantoun Malais». Оба стихотворения печатались Бунином как собственные тексты, а на прообраз указывали строчки, взятые им в эпиграфы².

Наконец, четвертое — двустишие из Саади, которое в газетной публикации («Русское слово». 1913. 29 сентября. № 224) было напечатано в ряду других фрагментов из поэм Саади «Гулистан» (см. *Гулистан*) и «Бустан» (под общим заглавием «Персидская мудрость»), а затем публиковалось в бунинских изданиях отдельно и называлось «Завет Саади».

¹ См. аналитические комментарии к некоторым бунинским переводам: *ЛН, I*. С. 220–226.

² За уточнения, связанные с характером работы Бунина с французскими текстами, благодарю Е.Ю. Кулакову.

Из более поздних стихотворений можно отметить только стихотворение «Пантера» (1922), которое представляет собой вольное переложение стихотворения Р.М. Рильке «Der Panther», написанного за 20 лет до него. Отличие этого текста (и подобных ему) от ранних состоит в том, что источник его даже косвенно не указан автором и остается всецело в компетенции образованного читателя. Такой тип переводческого заимствования Р. Чайковский определяет как «перевод-реминисценция»¹.

Ясно, что все эти тексты составляют неотъемлемую часть бунинских изданий. Они печатались Бунином в общем потоке оригинальных стихотворений и, с соответствующим комментарием, должны печататься так и впредь.

Возвращаясь к ранним переводам, приведем еще два общих соображения.

Позднее, говоря о том, что в юности он «довольно много переводил», Бунин ссылался на то, что «чужое было легче передавать» (Бунин–9, 9. С. 262). Кажется, это объяснение содержит в себе не только «ученический» ракурс, но и тот, который, по Бунину, прямо относится к существу поэзии. Выше уже говорилось о том, что самым мучительным творческим переживанием для Бунина было переживание невозможности выразить свое ощущение жизни и мира. «Поэзия темна, в словах невыразима», — сказал он, будучи уже состоявшимся поэтом, в одном из самых важных своих стихотворений («В горах», 1916). В стихотворении, написанном за полгода до него, «Что в том, что где-то на далеком...», Бунин писал о том же:

О, сколько их — невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зрымых, —
И что они? И чей в них зов?

Перекладывая на русский язык стихи П. Бурже, Ф. Гименс, Г. Лонгфелло, А. Асныка, А. Мицкевича и т.д., Бунин искал выражений для своих «чувств и снов», и это была еще одна попытка избежать ощущения их «невыразимости», — уже не только в смысле ремесла, но и в смысле экзистенциального переживания несказанности жизни.

Наконец, еще один, чрезвычайно важный аспект ранних переводов Бунина состоит в том, что с ними рождаются в его поэзии те направления, которые составят ее историко-культурную матрицу и определят ее характер в 1900–1910-е гг. С ними — помимо «своего» — приходит к Бунину «чужое», и это

¹ Р.Р. Чайковский, теоретик перевода и исследователь творчества Рильке, предлагает считать «переводом-реминисценцией» такую форму скрытого поэтического заимствования, при которой «художественный поэтический текст, созданный под воздействием оригинала и с использованием компонентов его содержания и (или) формы, но представляемый в виде авторского произведения без указания первоисточника» (Чайковский. С. 83). В качестве примера он приводит как раз «Пантеру» Бунина.

«чужое» акцептируется, принимается и усваивается как «свое»: между ними стирается не только языковая граница — происходит осознание их общих истоков в глубине мировой истории и человеческой памяти. Позже по такому же принципу — узнавания в чужом родном — в поэтический мир Бунина входят переложения библейских и исламских сюжетов, древних восточных («Потоп», «Эльбурс»), средиземноморских («Океаниды», «Эсхил», «Гальциона»), европейских («Бальдер», «Один», «Геймдаль»), индийских («Агни») мифов, фольклорных текстов самого различного происхождения (от «малайской» и «анатолийских песен» до русских народных песен, услышанных в деревнях или прочитанных в сборниках¹). А от переложения библейских или мусульманских сюжетов — один шаг снова до «пейзажных» стихотворений, но теперь уже — фотографически передающих те места, где разворачивались события далекой древности: их канонические описания неотделимы от восприятия лирическим «я» и заложены в «культурной памяти» бунинских стихов.

Все перечисленные приложения образуют разветвленную систему поэтических преломлений, в которых отражается глубинный поэтический миф Бунина своей сопричастности всему живому на земле в ее прошлом и настоящем: «Я — человек. Как Бог, я обречен / Познать тоску всех стран и всех времен» («Собака», 1909). Поэтические переводы и переложения — только одна из его сторон. И это дополнительный довод в пользу того, чтобы, решая вопрос о статусе таких стихотворений в научном собрании, те «инородные» (а на самом деле *соприродные*) тексты, которые сам поэт включил в общий ряд собственных произведений, оставить в окружении оригинальных стихотворений, поместив в особый раздел только те, которые сам Бунин обособленно публиковал как переводные.

5.5. Порядок текстов и композиция научного издания

Таким образом, основной раздел научного издания лирики Бунина призваны составить стихотворения, которые поэт включил в свои издания, начиная от первого сборника 1891 г. до итогового собрания сочинений *Петрополис* и последнего сборника стихов и рассказов *Весной, в Иудее — 1953*.

Стихотворения 1887–1953 гг., которые были напечатаны Буниным только в периодике, равно как и стихотворения 1891–1953 гг., которые остались не напечатанными вовсе, относятся при этом в дополнительный раздел («Стихотворения, не вошедшие в авторские издания»). В третьем разделе («Не-

¹ См., например, стихотворение «Белый олень» (1912), написанное вскоре после выхода в свет сборника «Песни, собранные П.В. Киреевским» (Новая серия. Вып. 1. М., 1911) и имеющее явные параллели с напечатанными в нем вариантами песни «Не разливайся, мой тихий Дунай...» (см. указатель вариантов на с. 337 этого изд.).

оконченное») могут быть представлены наброски и отрывки неоконченных стихотворений, как правило, последних десятилетий.

Если речь не идет об академическом полном собрании сочинений, а «только» о полноценном научном издании Бунина, то значительное количество неопубликованных при его жизни ранних, юношеских произведений не стоит включать в него не только по причине объема, но, прежде всего, из-за неизбежного искажения масштаба поэтического творчества Бунина, того значения, которое его поэзия имеет в истории русской словесности¹. Отступление от этого правила может быть сделано для двух самых ранних из дошедших до нас стихотворений Бунина «Клубился туман над землею...» и «Ночи зимней темень...», которые задают «точку отсчета» его поэтического пути и перекликуются с его гораздо более поздними стихами (ср. ««Опять холодные седые небеса...»»). В академическом собрании ранние произведения поэта могут быть представлены в особом разделе, помещенном после основного корпуса стихов.

Точно так же особый раздел в полном собрании могут составить стихотворения «на случай», экспромты и стихотворения, написанные «в порядке домашних упражнений»². Известны три стихотворных экспромта Бунина в письмах к В.В. Пащенко (6, 8 и 19 ноября 1891)³, три экспромта, вписанные Буниным в тетрадь А.Н. Бибикова: «Давай на память напишу...» (19 сентября 1893), «Всё светлее луна восходила...» (б. д.), «Для чего любить людей, природу...» (20 сентября 1893)⁴, а также ряд шуточных стихотворений, стилистически сниженных и зачастую наполненных нецензурной лексикой. Все они вполне привольно существовали в домашнем обиходе Бунина, но едва ли мыслились им как часть поэтического наследия⁵.

¹ Ранние опыты поэта были опубликованы частично в *ЛН*, 1 и теперь вышли в значительно более полном и выверенном прочтении: Стихотворения 1885–1898 гг. / Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова // Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн. / Сост. и ред. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 1. С. 10–45.

² Выражение Б.В. Томашевского применительно к стихам О.С. Пушкиной (*Томашевский Б.В. Пушкин*. Т. 1. Изд. 2-е. М.: Художественная литература, 1990. С. 9).

³ Письма от 6 и 8 ноября 1891 г. см.: *Письма*, 1. С. 123–124; письмо от 19 ноября 1891 г. см. в публ.: Неизвестная шутливая поэма Ивана Бунина в письме Варваре Пащенко / Публ. и comment. А.К. Гоморева // Наше наследие. 2012. № 101. С. 98–101.

⁴ ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 3. Лл. 50, 74; ед. хр. 4. Л. 5.

⁵ См.: Нецензурный Бунин: Стихотворные пародии конца 1940-х годов / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Е. Пономарева // Новые материалы, 2. С. 478–499. Среди шуточных можно назвать также написанные в соавторстве или во всяком случае «за компанию» с А.И. Куприным — «В столовой у Варвары Константиновны...», и А.М. Федоровым — «О, верный, вечный, помнишь ты...» (см.: *Бунин–9*, 9. С. 243; *Муромцева-Бунина*. С. 256–257, 277–278), посланное в письме Н.Д. Телешову с Цейлона 11 марта 1911 г. «Я живу у Сандунова на полкé...» (см. *Письма*, 2. С. 174), четверостишие «Нелепо созданы собаки...», вписанное

В собрание лирики не входят не только «большие» переводы (из Лонгфелло, Байрона и Теннисона), но и многочисленные переводы отдельных стихотворений (опубликованы в *ЛН*, 1). Но при этом должно быть сделано исключение для тех переводов, которые печатались Буниным в его книгах наряду с собственными стихами: как было показано выше, грань между оригинальным творчеством, стихотворением «на мотив» и переводом для Бунина, как и для многих его современников, была весьма размыта¹.

Наконец, стоит назвать несколько стихотворений, известных только по заглавиям, не разысканных в архивах и, судя по всему, не дошедших до нас. Это «Ночь, метель... Холодной пылью...», «Отрывок» (все 1892)², «Дворовая» (1905; *Письма*, 2. С. 41, 451) и «Карл I» (1908; *Летопись ИБ*. Т. 1. С. 729).

У предложенного решения может быть две альтернативы. Первая — обозначенная Буниным в указаниях «К моему литературному завещанию» (1951), где из всех стихов он просил в будущем (в данном случае — в основном корпусе текстов) печатать только те, что вошли в *Петрополис*, а также те, относительно которых им сделаны распоряжения на авторских экземплярах *ПСС—1915*, и отдельные переводы (см. выше). Но это, как уже было сказано, во-первых, удаляет из собрания множество произведений, без которых нельзя представить себе поэтический путь Бунина, а во-вторых, оставляет нерешенным вопрос относительно стихов, отмеченных для будущего издания в одном и не отмеченных в другом экземпляре *ПСС—1915*, 3, одинаково снабженных завещательными надписями.

Вторая — выбор для основного раздела именно и только тех текстов, которые вошли не во все его сборники, а лишь в собрания сочинений: изданное товариществом «Знание» (*СС—1903*, *СС—1906*, *СС—1908*, *СС—1909* (2)), *ПСС—1915* и *Петрополис*, с помещением всех других, более ранних, в дополнительный раздел. Подкреплением такого подхода мог бы служить тот факт, что сам Бунин начал стихотворный раздел своего первого собрания сочинений, вышедшего в «Знании», поэмой «Листопад», которая, как писали многие критики, стала «визитной карточкой» Бунина-поэта (см., например, С. Глаголь). Однако затем Бунин и в *СС—1906*, и в *ПСС—1915* (там «Листопад» начинает второй, основной раздел, первый — «Из юношеских стихотворений») включает стихотворения более ранних лет, сочетая стихи

в альбом А. Гингеру (см.: Прегель С.Ю. Из воспоминаний о Бунине // *ЛН*, 2. С. 355), стихи к Оле Жировой (см., напр., *Бунин—6*, б. С. 494, 497, 503, 529, и др.), стихотворный фрагмент из письма к Г.В. Адамовичу от 4 ноября 1947 г. «...Монпарнасом погулять...» (см. *Бабореко*. С. 383) и т.п.

¹ Также в виде исключения стоит привести оба перевода из Шевченко, напечатанные в одном номере «Журнала для всех» (1900. № 12), хотя только один из них после этого входил в авторские издания.

² Все эти стихотворения Бунин послал в январе 1892 г. в «Северный вестник». Напечатаны они не были, и их названия известны из ответного письма секретаря редакции А. Волынского (см. *Летопись ИБ*. Т. 1. С. 128).

из сборников 1891, 1898 и 1901 гг. так, что последние могут предшествовать первым, и в итоге создается некий единый текст его ранней поэзии (еще более выражен этот принцип в *Избранные стихи — 1929*, где собраны стихи 1900–1920-х гг.¹). При этом Бунину не было свойственно характерное для многих поэтов начала XX в. мышление поэтическими сборниками и циклами, выстроеннымми соответственно ясному внутреннему сюжету или концепции. Стихотворения из ранних книг наряду с новыми включались им в следующие издания, напечатанные в периодике циклы и подборки расформировывались², и единое течение его лирики пополнялось новыми текстами плавно и органично.

Бунин настойчиво просил печатать стихи в хронологическом порядке. Издателю легко пойти навстречу этому пожеланию, а порядок стихотворений внутри одного года логичнее всего определить либо по ближайшему к дате написания авторскому изданию, либо (если они не включались в издания) по хронологии установленных публикаций. Однако распределять стихи по хронологическим разделам придется исходя уже не из синхронных, а из итоговых представлений о творчестве поэта.

Композиционно стихи, вошедшие в авторские издания, условно могут быть поделены в основном разделе на четыре периода: 1887–1899 гг. (время становления Бунина-поэта), 1900–1909 гг. (от стихотворений, вошедших в *Листопад—1901*, до переломного в литературной репутации Бунина 1910 г., когда была напечатана «Деревня» и он стал восприниматься читающей публикой преимущественно как прозаик), 1910–1919 гг. (вместе с предыдущим разделом он представляет наиболее яркий и плодотворный этап творчества, совпадающий со временем наибольшего прижизненного признания Бунина на родине, и заканчивается последними стихами, написанными в России), 1921–1953 гг. (годы эмиграции, отмеченные немногими поэтическими всплесками и давшие, тем не менее, русской поэзии ряд совершенных произведений). Таким образом, поэтические этапы будут соотноситься с биографическими вехами и Бунин-поэт предстанет в единстве своей поэтической и человеческой судьбы.

¹ Это отнюдь не означает, что стихи напечатаны Буниным в необдуманном произвольном порядке. О выверенном расположении текстов свидетельствует, в частности, «рамочная» композиция этого главного на тот момент эмигрантского сборника: он открывается и заканчивается ключевыми стихотворениями 1920-х гг. — «Петух на церковном кресте» и «День памяти Петра», — между которыми помещены стихи разных лет. См. также приведенные выше примеры того, как осознанно Бунин «сплетал» свои оригинальные тексты с переводными.

² Что, разумеется, не избавляет издателя от необходимости указывать, в какие циклы или подборки входило то или иное стихотворение. Под циклом мы понимаем совокупность одновременно опубликованных текстов, имеющую именное заглавие («Акварели», «На морских берегах», «Восток», «Ислам», «Русь» и т.д.); под подборкой — более аморфное образование без специального заглавия («Из “Летних песен”», «Заметки», «Восьмистишия» и т.д.).

Все рассмотренные в этой работе текстологические аспекты подчинены **основной задаче научного издания**. Она состоит в том, чтобы сегодняшний читатель увидел Бунина глазами его просвещенного современника, то есть того гипотетического и почти идеального читателя, который следил за поэтическим развитием Бунина, мог оценить его главные собрания 1915 г. (*ПСС–1915*) и 1934–1936 гг. (*Петрополис*) и прочесть их как в историко-литературной перспективе своего времени, так и в контексте той колossalной работы, которую поэт вел над своим наследием до последних дней жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Архивные источники. Перечень и описание¹

Издания с правкой И.А. Бунина

ПСС–1915, 1 — РГАЛИ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой. РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 20. 2 неполных экз. <1934>².

ПСС–1915, 1 — РАЛ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/905. <1934–1952>. На обл.: «Всё зачеркнутое нигде не перепечатывать. Незачеркнутое перепечатывать в исправленном мною здесь виде — и всё располагая в <хро>³нологич<еском> порядке». Неполный экз. (с. 109–111 отсутствуют).

ПСС–1915, 1 — ИМЛИ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой. ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 64. <1934–1952>; 16 декабря 1952. На с. 1: «16 Дек. 1952 г., Париж. Зачеркнутое не вводить в будущее собрание моих сочинений, даже самое полное. Ив. Б.».

ПСС–1915, 3 — ИМЛИ + РАЛ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой. ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 65. С. 1–16. На с. 1: «Много заглавий зачеркнуто — эти заглавия не восстанавливать»; «Из этого можно взять многое (если не все) незачеркнутые. Зачеркнутое красным карандашом уже взято (в издание “Петрополиса” и в “Избранные стихи”). Зачеркнутое чернилами (с начала и до конца этой книжки) никуда не брать»; РАЛ. MS 1066/909. С. 17–248. <1934>.

¹ В этом разделе приводятся только те архивные источники, ссылки на которые есть в основном тексте. Порядок расположения: авторские экземпляры собраний сочинений — авторские экземпляры отдельных изданий — рукописные материалы.

² Здесь и далее указываются даты обращения (для томов *Петрополис* — последнего обращения) к авторским экземплярам томов, зафиксированные в визирующих надписях Бунина (в угловых скобках — даты, восстанавливаемые по характеру и смыслу правки).

³ Здесь край страницы оборван.

ПСС–1915, 3 — РАЛ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой и частично вырезанными страницами. РАЛ. MS 1066/908. <1934–1953>. На с. 1: «<...>¹Петрополиса». Вообще всё, что зачеркнуто красным карандашом, взято туда. Незачеркнутое взять в будущее собрание (следуя, как всегда, <хронологическому порядку?>²).

ПСС–1915, 3 — ОГЛМТ — Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. пометами. ОГЛМТ. № 749/2 оф. / РК. Ф. 14. Оп. 1.2. <1917–1918>.

Петрополис, 1 — РГБ — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 11. Июль 1953. На обл.: «Все стихи просмотрены — и отмечено что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 г.» <красной шариковой ручкой>; на с. 73 на верхнем поле: «В новое издание моих Избранных стихов взять только то, что отмечено красным крестиком» <красной шариковой ручкой>.

Петрополис, 1 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. Неполный экз. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10157. Июль 1953. На обл.: а. «Исправлено в [октябре] ноябре 1951 г.» <синей шариковой ручкой>; б. «Все стихи просмотрены — и отмечены что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 года» <красной шариковой ручкой>³.

Петрополис, 1 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10156. Июль 1953. На обл.: а. <рукой В.Н. Муромцевой-Буниной:> «Исправлено в ноябре 1951 г.»; б. «Все стихи просмотрены — и отмечено что брать для нового издания “Избранных стихов”. Ив. Б. Июль 1953 г.».

Петрополис, 2 — РГБ — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 2. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 12. 20 октября 1953. На обл.: «Окончательно исправлено для нового издания 20 окт. 1953 г. Ив. Б.» <синей шариковой рукой>; на шмидтитуле (с. 273): «Отмеченное крестиком взять в новое издание моих “Избранных стихов”» <красной шариковой ручкой>.

Петрополис, 2 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10158. Ноябрь 1952. На обл.: «Исправлено мною для нового издания в ноябре 1952 г. Ив. Б.».

Петрополис, 2 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10159. Апрель 1953. На обл.: а. «28.X.34 вышла из печати. Авторский» <сверху на обл., черными чернилами <1934>>, ⁴ «вышла из печати» <красной шариковой ручкой <1953>>; б. «Исправле-

¹ Начало фразы вырезано.

² Восстанавливается по аналогии с записями Бунина на других экземплярах.

³ Здесь и далее характер ручки, которой сделаны надписи на авторских экземплярах, отменен в тех случаях, когда Буниным использовались разные ручки, что позволяет косвенно судить о времени его работы.

⁴ По наблюдению Р. Дэвиса, черные чернила, которыми Бунин пользовался в середине 1930-х, со временем приобрели более светлый, коричневатый оттенок, тогда как черные чернила, которыми сделаны надписи второй половины 1940-х (ср. надписи 1947 г.), сохранили определенный черный цвет.

но для нового издания в [августе 1952] апреле 1953 г. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой, подпись красной>.

Петрополис, 3 — РГБ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 3. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 13. <После апреля 1953>.

Петрополис, 3 — РГБ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 3. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 14. <После апреля 1953>.

Петрополис, 3 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 3. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10161. Апрель 1953. На обл.: «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952 г.] [январе] апреле 1953 г. Ив. Б.» <синей шариковой ручкой; «январе» зачеркнуто и «апреле» вписано красной шариковой ручкой>.

Петрополис, 3 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 3. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/914. <После апреля 1953>.

Петрополис, 4 — РГБ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 3. Ед. хр. 26. Март 1951. На обл.: «Исправил для нового издания. Март 1951 г. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой>.

Петрополис, 4 — РГБ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 15. Апрель 1953. На обл.: «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952 г.] апреле 1953 г. Этот экз-емпляр оставить у себя. Вышла в свет 21.3.1935 г.» <все красной шариковой ручкой>.

Петрополис, 4 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/915. 28 августа 1947. На обл.: а. «[Исправлено для нового издания. 28 Авг. 47 г. Ив. Бунин]» <черными чернилами <1947>>; б. «Дефективный, изорванный экземпляр. Ив. Бунин» <синей шариковой ручкой; <Д> сначала красной>.

Петрополис, 4 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10163. Апрель 1953. На обл.: а. «21.III.35 вышла из печати. Ив. Б.» <сверху на обл.; дата и «Ив. Б.» черными чернилами <1935>, «вышла из печати» вписано красной шариковой ручкой <1952>>; б. «Исправлено мною для нового издания в [августе 1952] апреле 1953. Ив. Б.» <красной шариковой ручкой; зачеркивание и «апреле 1953. Ив. Б.» синей>.

Петрополис, 5 — РГБ — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 1. Ед. хр. 16. Апрель 1953. На обл.: а. «9.II.35 вышла из печати. Авторский <экземпляр>> <черными чернилами <1935>, «вышла из печати» — синей шариковой ручкой>; б. «Исправлено мною для нового издания. [31 Авг. 1947 г. Ив. Бунин.] [в марте 1951 г.] [в августе 1952 г.] <в> апреле 1953 г. Ив. Бунин» <первоначально черными чернилами <1947>, исправления — синей шариковой ручкой>.

Петрополис, 5 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/916. <1951—1953>.

Петрополис, 5 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 5. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/10165. Апрель 1953. На обл.: а. «Исправлено для нового издания в [августе 1952 г.] апреле 1953 г. Ив. Бунин»; б. <сверху> «NB не полный экз.» <обе записи красной шариковой ручкой>.

Петрополис, 6 — РГБ — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 6. С авт. правкой. РГБ. Ф. 429. Карт. 2. Ед. хр. 1. Июнь 1953. На обл.: а. «Исправлено мною для нового издания в июне 1953 г. Ив. Б.» <красной шариковой ручкой>; б. «NB Стихотворения» <синей шариковой ручкой>; «[Авторский] [С данными]» <черными чернилами, зачеркнуто синей шариковой ручкой>.

Петрополис, 6 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 6. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/917. Август 1952. На обл.: «Прочитано и исправлено мною [22 Авг. 47 г.] [в марте [августе] 19<51?>] для нового издания мною в августе 1952 г. Ив. Б.» <выделенное курсивом — черными чернилами <1947>; остальное — синей шариковой ручкой>.

Петрополис, 6 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 6. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10166. <Июнь 1953>. На обл.: «Досмотреть!».

Петрополис, 6 — РАЛ (3) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 6. С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/10167. <Июнь 1953>.

Петрополис, 8 — РГБ — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8. С авт. правкой. Неполный экз. (нет двух последних стихотворений: «Одно лишь небо, светлое, ночное...» и «День памяти Петра»). РГБ. Ф. 429. Карт. 2. Ед. хр. 3. Март 1951. На обл.: «Исправлено [23 августа 47 г.] в марте 1951 года для нового издания. Ив. Бунин» <черными чернилами>; «Драный» <синей шариковой ручкой>.

Петрополис, 8 — РАЛ (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10171. Май 1953. На обл.: «Прочитано и исправлено для нового издания в [начале ноября 1951 г.] мае 1953 г. Ив. Бунин».

Петрополис, 8 — РАЛ (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 8. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10172. Май 1953. На обл.: «Всё исправлено мною для нового издания в мае 1953 г. Ив. Б.».

Воронцов — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С авт. правкой. Январь 1950. (Частное собрание.)

ГСФ-1916 — РАЛ — Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10198. Б. д.

ГСФ-1920 — РАЛ — Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская земля, 1920 (на тит. л. 1921). С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10199. <1930-е>.

Избранные стихи — РАЛ (1–6) — Бунин И.А. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929:

(1) РАЛ. MS 1066/897. С авт. правкой. Неполный экз. <1934>; <1947–1953>.

(2) РАЛ. MS 1066/10201. С правкой В.Н. Буниной <синей шариковой ручкой>. <1951–1953>.

(3) РАЛ. MS 1066/10205. С правкой <И.А. Бунина> <синим и простым карандашами> и В.Н. Буниной <синей шариковой ручкой>. Неполный экз. Декабрь 1936 г.; <1951–1953>. На обл. рукой И.А. Бунина: «Ив. Бунин. Декабрь 1936 г. Париж».

(4) РАЛ. MS 1066/10206. С правкой И.А. Бунина <синей и красной шариковыми ручками> и В.Н. Буниной <синей шариковой ручкой, стихотворение «Долина Иоса-

фата»>. Неполный экз. <1951–1953>. На обл. рукой И.А. Бунина <синей шариковой ручкой>: «[Исправленный экз.] Испорченный»; «Стр. 143. NB. 132» <на этих страницах напечатаны стихи. «Райское древо» и «Малайская песня»>.

(5) РАЛ. MS 1066/10207. С правкой И.А. Бунина <синими чернилами, синей и красной шариковой ручкой> и В.Н. Буниной <синей шариковой ручкой>. Неполный экз. <1947–1953 гг.> На обл. рукой И.А. Бунина: «NB Стр. 105, 132, 160» <на этих страницах напечатаны стихи. «Мушкет», «Малайская песня», «Аленушка»>.

(6) РАЛ. MS 1066/10208. С правкой И.А. Бунина <синей шариковой ручкой> и В.Н. Буниной <синими чернилами, синей и красной шариковой ручкой>. Неполный экз. <1947–1953>. В верхней части обл. рукой И.А. Бунина: «Для нового издания» <синей шариковой ручкой>; далее рукой В.Н. Буниной под заглавием «Избранные стихи»: «Издание исправленное и дополненное»; выходные данные «Издательство “Современные записки” Париж 1929» зачеркнуты <то и другое — красной шариковой ручкой>; ниже: «Проверенный В. Б.» <синими чернилами>. На титульном листе выходные данные также перечеркнуты.

Листопад — ОГЛМТ — Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М.: Скорпион, 1901. ОГЛМТ. Ф. 14. № 31801 о.оф. (арх.). / РК. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 126 (бидл.). <Начало 1900-х>.

СС—1906 — РАЛ — Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906 (Собрание сочинений. Т. 3). С авт. правкой. Неполный экз. РАЛ. MS 1066/903. 18–19 ноября 1952. На авантитуле: «С мукой перечитал многое, многое в этой книжке! Ужели это я так писал? Ночь с 18 на 19 ноября 1952 г. Париж».

Чаша жизни — РАЛ — Бунин И.А. Чаша жизни. Париж: Русская земля, 1922. С авт. правкой. РАЛ. MS 1066/10194. <Не раньше 1949>.

Рукописные источники

Тетрадь — Бунин И.А. Стихотворения. Автограф в тетради. 1915–1917 гг. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 3.

Парижская тетрадь. 1. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Предисловие; Стихотворения 1888–1904 гг.). Автограф. 8 л. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 20.

Парижская тетрадь. 2. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Стихотворения 1910–1914 гг.). Автограф. 3 л. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 21.

Парижская тетрадь. 3. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Стихотворения 1916 г.). Автограф. 14 л. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 22.

Парижская тетрадь. 4. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Стихотворения 1917 г.). Автограф. 10 л. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 23.

Парижская тетрадь. 5. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Стихотворения 1918–1922 гг.). Автограф. 12 л. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 24.

Парижская тетрадь. 6. — Бунин И.А. Парижская тетрадь 1943 г. (Стихотворения 1926–1938 гг.). Автограф. 6 л. — РГАЛИ. Ф. 44, оп. 4, ед. хр. 25.

Сборник—РГАЛИ — Сборник стихотворений, составленный и отредактированный И.А. Буниным. Маш. 1952. — РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 30.

Сборник—РАЛ — <Сборник стихотворений И.А. Бунина, с пометами В.Н. Буниной>. Маш. Б. д. — РАЛ. MS 1066/39.

II. Издания произведений И.А. Бунина

Бунин—1891 — Бунин И.А. Стихотворения 1887–1891 гг. Орел: Тип. газ. «Орловский вестник», 1891. 76 с. (Прилож. к газ. «Орловский вестник»)

Бунин—1898 — Бунин И.А. Под открытым небом. М.: Изд. ред. журнала «Детское чтение»; И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 64 с. (Биб-ка «Детского чтения»)

Бунин—1900 — Бунин И.А. Стихи и рассказы. М.: Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», В. Рихтер, 1900. 98 с. (Биб-ка «Детского чтения»)

Весной, в Иудее — 1953 — Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 233 с.

Воспоминания — Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 273 с.

ГСФ—1916 — Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916. 192 с.

ГСФ—1920 — Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская земля, 1920 (на тит. л. обл.: 1921). 210 с.

Избранные стихи — 1929 — Бунин И.А. Избранные стихи, 1900–1925. Париж: Современные записки, 1929. 237 с.

Иоанн Рыдалец — 1913 — Бунин И.А. Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи, 1912–1913 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. 160 с.

Листопад—1901 — Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М.: Скорпион, 1901. 178 с.

Митина любовь — 1925 — Бунин И.А. Митина любовь. Париж: Русская земля, 1925. 203 с.

Муза Диаспоры — Муза Диаспоры: Избр. стихи зарубежных поэтов. 1920–1960 / Под ред. Ю.К. Терапиано. Франкфурт-на-Майне, 1960. 360 с.

Начальная любовь — 1921 — Бунин И.А. Начальная любовь. Прага: Славянское изд-во, 1921. 269 с.

Новые стихотворения — 1902 — Бунин И.А. Новые стихотворения. М.: О.О. Гербек, 1902. 106 с.

О Чехове — Бунин И.А. О Чехове: Незаконч. рукопись. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 412 с.

Петрополис (с указанием тома) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.

Полевые цветы — 1901 — Бунин И.А. Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1901. 90 с.

ПСС—1915 (с указанием тома) — Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. «Нива»)

РиС—1912 — Бунин И.А. Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг. Изд. 2-е, доп. М.: Московское книгоизд-во, 1912. 252 с.

Роза Иерихона — 1924 — Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. 310 с.

СС—1903 — Бунин И.А. Стихотворения. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1903. (Собрание сочинений. Т. 2) 222 с.

СС—1906 — Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906 (Собрание сочинений. Т. 3). 214 с.

СС–1908 — Бунин И.А. Стихотворения 1907 г. «Годива». Поэма Теннисона. Из «Золотой легенды». Лонгфелло. «Каин». Мистерия Байрона. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1908 (Собрание сочинений. Т. 4). 251 с.

СС–1909 (2) — Бунин И.А. Стихотворения. 1889–1902 гг. — СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1909 (Собрание сочинений. Т. 2. Изд. 2-е). 203 с.

СС–1910 — Бунин И.А. Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы. СПб.: Книгоизд-во «Общественная польза», 1910 (Собрание сочинений. Т. 6). 190 с.

СС–1912 (2) — Бунин И.А. Стихотворения 1903–1906 гг. Манфред Байрона. 2-е изд., доп. М.: Московское книгоизд-во, 1912. 259 с.

СС–1918 — Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 10. Пг.: «Парус», 1918. 189 с.

Храм Солнца — 1917 — Бунин И.А. Храм Солнца. — Пг.: Жизнь и знание, 1917. 174 с. (Биб-ка для юношества).

Чаша жизни — 1915 — Бунин И.А. Чаша жизни: Рассказы 1913–14 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. 173 с.

Чаша жизни — 1917 — Бунин И.А. Чаша жизни: Рассказы 1913–14 гг. 2-е изд. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1917. 164 с.

Чаша жизни — 1922 — Бунин И.А. Чаша жизни. Париж: Русская земля, 1922 (на тит. л. 1921). 280 с.

Бунин—9 (с указанием тома) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. Вступит. статья А.Т. Твардовского; Примеч. О.Н. Михайлова и А.К. Бабореко, В.Г. Титовой, А.С. Мясникова, П.Л. Вячеславова, О.В. Сливицкой, Л.В. Котляр, В.С. Гречаниновой, Н.М. Любимова. М.: Художественная литература, 1965–1967.

Бунин—6 (с указанием тома) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. / Ред. коллегия Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлова, В.П. Рынкевич. М.: Художественная литература, 1987–1988.

Бунин—8 (с указанием тома) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., коммент., подгот. текста и подбор илл. к тт. 1–8 А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.

Бунин—16 — Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 16 т. / Сост., примеч. И.И. Жуков. М.: Воскресенье, 2005–2007.

Бунин—БП (с указанием тома) — Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Вита Нова, 2014 (Новая Библиотека поэта).

Письма, 1 — Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.

Письма, 2 — Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. С.Н. Морозов; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 829 с.

III. Цитируемая литература

Бахрах — Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступит. статья, коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2004. 592 с.

Боратынский (с указанием тома) — *Боратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений и писем / Руководитель проекта А.М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002 — (изд. продолжается).

Бунин — Алданов — Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым. <1946–1947> / Публ. А. Звеерса // Новый журнал. 1983. Кн. 152. С. 153–191.

Бунин — Бицилли — Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / Вступит. статья Т. Двинятиной; публ. Т. Двинятиной и Р. Дэвиса // *Новые материалы*, 2. С. 109–178.

Великанова — Великанова Н. Воля и неволя автора «Войны и мира» (издание рукописей и основного текста) // *Проблемы текстологии и эдиционной практики*. С. 51–63.

Винокур — Винокур Г.О. Критика художественного текста. М., 1927 (История и теория искусств. Вып. 10 / ГАХН).

С. Глаголь — С. Глаголь <Голоушеев С.С.> Поэт русского пейзажа: [Рец. на кн.: Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М., 1901] // Курьер. 1901. 14 ноября. № 315.

Гофман — Гофман М.Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922. 160 с.

Грачева — Грачева А.М. Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А.М. Ремизова) // *Проблемы текстологии и эдиционной практики*. С. 64–78.

Гришуин — Гришуин А.Л. Современное состояние теории текстологии // Современная текстология: теория и практика. М.: Наследие, 1997. С. 43–51.

Гулистан — Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади ширазского, славный под названием Гулистан / Пер. с перс. О. Назарианца. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1857. ХХ, 174 с.

Дмитриева — Дмитриева Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // *Проблемы текстологии и эдиционной практики*. С. 33–50.

Измайлов Н. — Измайлов Н.В. Текстология // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б.П. Городецкого, Н.В. Измайлова, Б.С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. С. 555–610.

Котрелев — Котрелев Н. История текста как континуум волеизъявлений автора: Вл. Соловьев. Ночное плавание: Из «Романцero» Гейне // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 151–174.

Крайнева — Крайнева Н.И. (при участии Ю.В. Тамонцевой). К творческой истории «Поэмы без Героя» // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н.И. Крайнева; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб.: Издат. дом «Міръ», 2009. С. 13–160.

<Лавров, Малмстад> — <Лавров А.В., Малмстад Дж.> Примечания // Андрей Белый. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 1. С. 499–630 (Новая Библиотека поэта).

Летопись ИБ. Т. I. — Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 943 с.

ЛН (с указанием книги) — Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.

Морозов — Морозов С.Н. Вопросы атрибуции и датировки в изучении литературного наследия И. Бунина // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 116–123.

Муромцева-Бунина — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступит. статья, примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

Набоков — Сирин В. <Набоков В.В.>. [Рец. на кн.: Бунин И А. Избранные стихи. Париж, 1929] // Руль. 1929. 22 мая. № 2577.

Набоков — Бунин — В.В. Набоков и И.А. Бунин. Переписка / Вступит. ст. М.Д. Шраера, публ. и примеч. Р. Дэвиса и М.Д. Шраера // С двух берегов. С. 167–219.

Нечаева — Нечаева В.С. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии. М.: Изд-во АН СССР, 1957. <Вып. 1.> С. 29–88.

Новые материалы, 1 — И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

Новые материалы, 2 — И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. 536 с.

Основы текстологии 1962 — Основы текстологии: Сб. ст. / Под ред. В.С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.

Проблемы текстологии и эдиционной практики — Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. 344 с.

Ранние символисты — Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья, подгот. текста, сост., примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова. СПб.: Академический проект, 2005. 698 с. (Новая Библиотека поэта).

Рейсер — Рейсер С.А. Основы текстологии. Изд. 2-е. Л.: Просвещение. Ленингр. отд., 1978. 176 с.

Совещание 1954 — Совещание по вопросам текстологии // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. 1954. Т. XIII, вып. 4. С. 392–396.

Томашевский 1922 — Томашевский Б.В. Новое о Пушкине // Литературная мысль. Альманах. И. Пг., 1922. С. 171–186.

Томашевский 1934 — Томашевский Б.В. Издания стихотворных текстов // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1055–1112.

Томашевский 1959 — Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М.: Искусство, 1959. 279 с.

Чайковский — Чайковский Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: Кордис, 1997. 197 с.

Якубович — Якубович П.Ф. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Новые стихотворения. М., 1902; Бунин И.А. Рассказы. СПб., 1902. (Сочинения; Т. 1)] // Русское богатство. 1902. № 7. Отд. II. С. 99–107.

Архивы

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей. Москва.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Санкт-Петербург.

МКТ — Мемориальный кабинет Н.Д. Телешова. Москва.

ОГЛМТ — Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева. Орел.

РАЛ — Русский архив в Лидсе. Leeds Russian Archive. University of Leeds. Великобритания.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Москва.

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Санкт-Петербург.

SOURCES AND LITERATURE

I. Archive sources listed and described

Editions corrected by Ivan Bunin

PSS–1915, 1 — RGALI — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 1. Petrograd, 1915. With author's correction. RGALI. F. 44. Op. 1. Ed. khr. 20. 2 incomplete copies. <1934>.

PSS–1915, 1 — RAL — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 1. Petrograd, 1915. With author's correction. RAL. MS 1066/905. <1934–1952>. On the cover: “Vse zacherknutoe nigde ne perepechatyvat”. Nezacherknutoe perepechatyvat’ v ispravленном mnoiu zdes’ vide — i vse raspolagaia v <khro>nologich<eskom> poriadke” [All that is striken out — not for print anywhere. All not striken out — for print as corrected by myself, putting everything in chronological order]. Incomplete copy. (pages from 109 to 111 are missing).

PSS–1915, 1 — IMLI — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 1. Petrograd, 1915. With author's correction. IMLI. F. 3. Op. 1. Ed. khr. 64. <1934–1952>; December 16, 1952. On page 1: “16 Dek. 1952 g., Parizh. Zacherknutoe ne vvodit’ v budushchee sobranie moikh sochinenii, dazhe samoe polnoe. Iv. B.” [December 16, 1952. Paris. All that is striken out — not to put in any future collection of my works, even in the most full one. Iv. B.]

PSS–1915, 3 — IMLI + RAL — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 3. Petrograd, 1915. With author's correction. IMLI. F. 3. Op. 1. Ed. khr. 65. S. 1–16. On page 1: “Mnogo zaglavij zacherknuto — eti zaglaviiia ne vosstanavlivat”; “Iz etogo mozhno vziat’ mnogoe (esli ne vse) nezacherknutye. Zacherknutoe krasnym karandashom uzhe vziato (v izdanie “Petropolis” i v “Izbrannye stikhi”). Zacherknutoe chernilami (s nachala i do kontsa etoi knizhki) nikuda ne brat” [“Many titles are striken out — those not to be restored”. “A lot of non-striken out things can be taken. What is striken out by the red pencil is already taken (in “Petropolis” edition and in “Selected poems”). What is striken out by pen (from the beginning till the end of this book) — not to be taken anywhere]; RAL. MS 1066/909. pp. 17–248. <1934>.

PSS–1915, 3 — RAL — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 3. Petrograd, 1915. With author's correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/908.

<1934–1953>. On page 1: “<...>” “Petropolis”. Voobshche vse, chto zacherknuto krasnym karandashom, vziato tuda. Nezacherknutoe vziat’ v budushchee sobranie (sleduiia, kak vsegda, <kchronologicheskому poriadku?>)” [“<...>” of “Petropolis”. Everything that is striken out by red pencil is taken there. That is not striken out — take in the future collection of works (following, as usual, <the chronological order?>)”].

PSS-1915, 3 — OGLMT — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 3. Petrograd, 1915. With author’s notes. OGLMT. № 749/2 of. / RK F. 14. Op. 1.2. <1917–1918>.

Petropolis, 1 — RGB — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1936. Vol. 1. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 11. July 1953. On cover: “Vse stikhi prosmotreny — i otmecheno chto brat’ dlia novogo izdaniia “Izbrannykh stikhov”. Iv. B. Iiul’ 1953 g.” [“All poems looked through — and noted, what to be taken for a new edition of “Selected poems”. Iv. B. July 1953] <*red ball-point pen*>; on page 73 on the upper margin: “V novoe izdanie moikh Izbrannykh stikhov vziat’ tol’ko to, chto otmecheno krasnym krestikom” [“Take in the new edition of my Selected poems only what is noted by a cross] <*red ball-point pen*>.

Petropolis, 1 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1936. Vol. 1. Incomplete copy. With author’s correction. RAL. MS 1066/10157. July 1953. On cover: a. “Ispravлено в [октябрь] ноябрь 1951 г.” [“Corrected in [October] November 1951”] <*blue ball-point pen*>; b. “Vse stikhi prosmotreny — i otmecheny chto brat’ dlia novogo izdaniia “Izbrannykh stikhov”. Iv. B. Iiul’ 1953 goda” [“All poems are looked through — and noted what to be taken for the new edition of “Selected poems”. Iv.B. July 1953] <*red ball-point pen*>.

Petropolis, 1 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1936. Vol. 1. With author’s correction. RAL. MS 1066/10156. July 1953. On cover: a. <*by hand of Vera Muromtseva-Bunina*> “Ispravлено в ноябрь 1951 г.” [Corrected in November 1951]; b. “Vse stikhi prosmotreny — i otmecheno chto brat’ dlia novogo izdaniia “Izbrannykh stikhov”. Iv. B. Iiul’ 1953 g.” [“All poems are looked through — and noted what to be taken for the new edition of “Selected poems”. Iv.B. July 1953].

Petropolis, 2 — RGB — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1936. Vol. 2. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 12. October 20, 1953. On cover: “Okonchatel’no ispravлено dlia novogo izdaniia 20 okt. 1953 g. Iv. B.” [“Final correction for a new edition Oct. 20, 1953. Iv.B.”] <*blue ball-point pen*>; on fly title (p. 273): “Otmechennoe krestikom vziat’ v novoe izdanie moikh “Izbrannykh stikhov”” [“Noted by a cross to take in a new edition of my “Selected poems”] <*red ball-point pen*>.

Petropolis, 2 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 2. With author’s correction. RAL. MS 1066/10158. November 1952. On cover: “Ispravлено mnoiu dlia novogo izdaniia v noiabre 1952 g. Iv. B.” [“Corrected by me for a new edition in November 1952. Iv.B.”].

Petropolis, 2 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 2. With author’s correction. RAL. MS 1066/10159. Apr’el’ 1953. On cover: a. “28.X.34 vyshla iz pechat. Avtorskii” [“October 28, 1934 out of print, For the author”] <*on the upper part of the cover, black ink <1934>*>, “vyshla iz pechati” [out of print] <*red ball-point pen <1953>*>; b. “Ispravлено dlia novogo izdaniia

v [avguste 1952] aprele 1953 g. Iv. Bunin” [Corrected for a new edition in [August 1952] April 1953. Iv. Bunin] <blue ball-point pen, signed by red ball-point pen>.

Petropolis, 3 — RGB (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 3. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 13. <After April 1953>.

Petropolis, 3 — RGB (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 3. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 14. <After April 1953>.

Petropolis, 3 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 3. With author’s correction. RAL. MS 1066/10161. April 1953. On cover: “Ispravleno mnoiu dlia novogo izdaniia v [avguste 1952 g.] [ianvare] aprele 1953 g. Iv. B.” [Corrected by me for a new edition in [August 1952] April 1953. Iv.B.] <blue ball-point pen; “ianvare” striked out and “aprele” inscribed with a red ball-point pen>.

Petropolis, 3 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1934. Vol. 3. With author’s correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/914. <After April 1953>.

Petropolis, 4 — RGB (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 4. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 3. Ed. khr. 26. March 1951. On cover: “Ispravil dlia novogo izdaniia. Mart 1951 g. Iv. Bunin” [I corrected it for a new edition, March 1951. Iv. Bunin] <blue ball-point pen>.

Petropolis, 4 — RGB (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 4. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 15. April 1953. On cover: “Ispravleno mnoiu dlia novogo izdaniia v [avguste 1952 g.] aprele 1953 g. Etot ekz<empliar> ostavit’ u sebia. Vyshla v svet 21.3.1935 g.” [Corrected by me for a new edition in [August 1952] April 1953. This <copy> I will leave for myself. Out of print on 21.3.1935] <all in red ball-point pen>.

Petropolis, 4 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 4. With author’s correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/915. August 28, 1947. On cover: a. “[Ispravleno dlia novogo izdaniia. 28 Avg. 47 g. Iv. Bunin]” [[Corrected for a new edition. Aug. 28, year 47. Iv.Bunin]] <black ink <1947>>; b. “Defektivnyi, izorvannyi ekzempliar. Iv. Bunin” [Defective, torn copy. Iv. Bunin] <blue ball-point pen; <D> first with red>.

Petropolis, 4 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 4. With author’s correction. RAL. MS 1066/10163. April 1953. On cover: a. “21.III.35 vyshla iz pechatи. Iv. B.” [21.III.35 out of print. Iv.B.] <on the upper part of the cover; dates and “Iv. B.” in black ink <1935>, “vyshla iz pechatи” inscribed with a red ball-point pen <1952>>; b. “Ispravleno mnoiu dlia novogo izdaniia v [avguste 1952] aprele 1953. Iv. B.” [Corrected by me for a new edition in [August 1952] April 1953] <red ball-point pen; striking out and “aprele 1953. Iv. B.” — blue>.

Petropolis, 5 — RGB — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 5. With author’s correction. RGB. F. 429. Kart. 1. Ed. khr. 16. April 1953. On cover: a. “9.II.35 vyshla iz pechatи. Avtorskii <ekzempliar>” [Out of print on 9.II.35. Author’s <copy>] <black ink <1935>, “vyshla iz pechatи” — blue ball-point pen>; b. “Ispravleno mnoiu dlia novogo izdaniia. [31 Avg. 1947 g. Iv. Bunin.] [v marte 1951 g.] [v avguste 1952 g.] <v> aprele 1953 g. Iv. Bunin” [Corrected by me for

a new edition [August 31, 1947. Iv. Bunin] [in March 1951] [in August 1952] <in> April 1953. Iv. Bunin] <first by black ink <1947>, corrections — blue ball-point pen>.

Petropolis, 5 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 5. With author's correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/916. <1951–1953>.

Petropolis, 5 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 5. With author's correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/10165. April 1953. On cover: *a*. “Ispravлено для нового издания в [августе 1952 г.] апреля 1953 г. Ив. Бунин” [Corrected for a new edition in [August 1952] April 1953. Iv. Bunin]; *b*. <on the upper part> “NB не полный экз.” [NB Incomplete copy] <both inscriptions with a red ball-point pen>.

Petropolis, 6 — RGB — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 6. With author's correction. RGB. F. 429. Kart. 2. Ed. khr. 1. June 1953. On cover: *a*. “Ispravлено мною для нового издания в [июне 1953 г. Ив. Б.]” [Corrected by me for a new edition in June 1953. Iv. B.] <with red ball-point pen>; *b*. “NB Stikhotvoreniia” [NB Poems] <blue ball-point pen>; “[Avtorskii] [S datami]” [[Author's] [With dates]] <with black ink, striken out with blue ball-point pen>.

Petropolis, 6 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 6. With author's correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/917. August 1952. On cover: “Prochitano i ispravлено мною [22 Авг. 47 г.] [в марте [августе] 19<51?>] для нового издания мною в августе 1952 г. Ив. Б.” [Read and corrected by me [22 Aug. year 47] [in March [August] 19<51?>] for a new edition by me in August 1952. Iv. B.] <in cursive — with black ink <1947>; the rest — with blue ball-point pen>.

Petropolis, 6 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 6. With author's correction. RAL. MS 1066/10166. <June 1953>. On cover: “Dosmotret!” [To look through again!].

Petropolis, 6 — RAL (3) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 6. With author's correction. Incomplete copy. RAL. MS 1066/10167. <June 1953>.

Petropolis, 8 — RGB — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 8. With author's correction. Incomplete copy. (two last poems are missing: “Odno lish’ nebo, svetloe, nochnoe...” and “Den’ pamiatи Petra”). RGB. F. 429. Kart. 2. Ed. khr. 3. March 1951. On cover: “Ispravлено [23 августа 47 г.] в марте 1951 года для нового издания. Ив. Бунин” [Corrected [August 23, 1947] in March 1951 for a new edition. Iv. Bunin] <with black ink>; “Dranyi” [Torn] <blue ball-point pen>.

Petropolis, 8 — RAL (1) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 8. With author's correction. RAL. MS 1066/10171. May 1953. On cover: “Prochitano i ispravлено для нового издания в [начале ноября 1951 г.] мае 1953 г. Ив. Бунин” [Read and corrected for a new edition in [beginning of November 1951] May 1953. Iv. Bunin].

Petropolis, 8 — RAL (2) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1935. Vol. 8. With author's correction. RAL. MS 1066/10172. May 1953. On cover: “Vse ispravлено мною для нового издания в мае 1953 г. Ив. Б.” [Everything is corrected for a new edition in May 1953. Iv. B.].

Vorontsov — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 11 vols. Berlin, Petropolis Publ., 1936. Vol. 1. With author's correction. January 1950. (Private collection)

GSF–1916 — RAL — Bunin I.A. *Gospodin iz San-Frantsisko: Proizvedeniia 1915–1916 gg.* [The Gentleman from San Francisco: works of 1915–1916] Moscow, Knigoizdat vo pisatelei v Moskve Publ., 1916. With author's corrections. RAL. MS 1066/10198. S.d.

GSF–1920 — RAL — Bunin I.A. *Gospodin iz San-Frantsisko* [The Gentleman from San Francisco]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1920 (on title-page 1921). With author's corrections. RAL. MS 1066/10199. <1930s>.

Izbrannye stikhi — RAL (1–6) — Bunin I.A. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1929:

(1) RAL. MS 1066/897. With author's corrections. Incomplete copy <1934>; <1947–1953>.

(2) RAL. MS 1066/10201. Corrections by Vera Bunina <blue ball-point pen. <1951–1953>>.

(3) RAL. MS 1066/10205. Corrections by <Ivan Bunin> <blue and graphite pencils> and Vera Bunin <blue ball-point pen>. Incomplete copy. December 1936; <1951–1953>. On cover by hand of Ivan Bunin: “Iv. Bunin. Dekabr’ 1936 g. Parizh” [Iv. Bunin. December 1936. Paris].

(4) RAL. MS 1066/10206. Corrections Ivan Bunin <blue and red ball-point pens>, in poem “Dolina Iosafata” — by Vera Bunina <blue ball-point pen>. Incomplete copy. <1951–1953>. On cover by hand of Ivan Bunin <blue ball-point pen>: “[Ispravlennyi ekz.] Isporchennyi” [[Corrected copy] Defective]; “Str. 143. NB. 132” [Page 143. NB 132] <on those pages — poems “Raiskoe drevo” and “Malaiskaia pesnia”>.

(5) RAL. MS 1066/10207. Corrections by Ivan Bunin <blue ink, blue and red ball-point pens> and Vera Bunina <blue ball-point pen>. Incomplete copy. <1947–1953>. On cover by hand of Ivan Bunin: “NB Str. 105, 132, 160” [NB P. 105, 132, 160] <on those pages — poems “Mushket”, “Malaiskaia pesnia”, “Alenushka”>.

(6) RAL. MS 1066/10208. Corrections by hand of Ivan Bunin <blue ball-point pen> and Vera Bunina <blue ink, blue and red ball-point pen>. Incomplete copy. <1947–1953>. In the upper part by hand of Ivan Bunin: “Dlia novogo izdaniia” [For a new edition] <blue ball-point pen>; then by hand of Vera Bunina under the title “Izbrannye stikhi”: “Izdanie ispravленное и дополненное” [Revised and suppl.]; date-line “Izdatel’stvo ‘Sovremennye zapiski’ Parizh 1929” striken out <both in red ball-point pen>; lower: “Proverennyi V. B.” [Revised by V. B.] <blue ink>. On the title-page date line is also striken out.

Listopad — OGLMT — Bunin I.A. *Listopad: Stikhovoreniiia* [Fall of the Leaves. Poems]. Moscow, Skorpion Publ., 1901. OGLMT. F. 14. № 31801 of. (arkh.). RK. F. 14. Op. 2. Ed. khr. 126 (bibl.). <1900s>.

SS–1906 — RAL — Bunin I.A. *Stikhovoreniiia 1903–1906* [Poems 1903–1906]. Saint Petersburg, Izd-e t-va “Znanie” Publ., 1906 (Sobranie sochinienii. T. 3 [Collected works. Vol. 3]). With author's corrections. Incomplete copy. — RAL. MS 1066/903. November 18–19, 1952. On foretitle: “S mukoi perechital mnogoe, mnogoe v etoi knizhke! Uzheli eto ia tak pisal? Noch’ s 18 na 19 noiabria 1952 g. Parizh” [With great pain did I read many, many things in this book! Was it really me who wrote in such a way? November 18–19 night, 1952. Paris].

Chasha zhizni — RAL — Bunin I.A. *Chasha zhizni* [The Chalice of Life]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1922. With author's corrections. RAL. MS 1066/10194. <terminus ante quem 1949>.

Manuscript sources

Tetrad' — Bunin I.A. *Stikhotvoreniia. Avtograf v tetradi. 1915–1917 gg.* [Poems. Autograph in writing book. 1915–1917]. — RGALI. F. 44. Op. 2. Ed. khr. 3.

Parizhskaia tetrad'. 1. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Predislovie; Stikhotvoreniia 1888–1904 gg.)* [Paris writing book 1943 (Foreword; Poems 1888–1904)]. Autograph. 8 sheets — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 20.

Parizhskaia tetrad'. 2. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Stikhotvoreniia 1910–1914 gg.)* [Paris writing book 1943 (Poems 1910–1914)]. Autograph. 3 sheets. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 21.

Parizhskaia tetrad'. 3. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Stikhotvoreniia 1916 g.)* [Paris writing book 1943 (Poems 1916)]. Autograph. 14 sheets. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 22.

Parizhskaia tetrad'. 4. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Stikhotvoreniia 1917 g.)* [Paris writing book 1943 (Poems 1917)]. Autograph. 10 sheets. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 23.

Parizhskaia tetrad'. 5. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Stikhotvoreniia 1918–1922 gg.)* [Paris writing book 1943 (Poems 1918–1922)]. Autograph. 12 sheets. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 24.

Parizhskaia tetrad'. 6. — Bunin I.A. *Parizhskaia tetrad' 1943 g. (Stikhotvoreniia 1926–1938 gg.)* [Paris writing book 1943 (Poems 1926–1938)]. Autograph. 6 sheets. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 25.

Sbornik–RGALI — *Sbornik stikhotvorenii, sostavленный и отредактированный И.А. Бунином* [Collection of poems, edited and corrected by Ivan Bunin]. Typewrit. 1952. — RGALI. F. 44. Op. 4. Ed. khr. 30.

Sbornik–RAL — <*Sbornik stikhotvorenii I.A. Bunina, с пометами В.Н. Буниной*> [Collection of Ivan Bunin's poems with noted by Vera Bunina]. Typewrit. S.d. — RAL. MS 1066/39.

II. Editions of Ivan Bunin's works

Bunin–1891 — Bunin I.A. *Stikhotvoreniia 1887–1891 gg.* [Poems 1887–1891] Orel, Tip. gaz. “Orlovskii vestnik” Publ., 1891. 76 p. (Suppl. for “Orlovskii vestnik” newspaper)

Bunin–1898 — Bunin I.A. *Pod otkryтым небом* [En plein air]. Moscow, Izd. red. zhurnala “Detskoe chtenie” Publ.; I.N. Kushnerev i K° Publ., 1898. 64 p. (library of the “Detskoe chtenie” magazine)

Bunin–1900 — Bunin I.A. *Stikhi i rasskazy* [Poems and stories]. Moscow, Izd. red. zhurnalov “Detskoe chtenie” i “Pedagogicheskii listok” Publ., V. Rikhter Publ., 1900. 98 p. (library of the “Detskoe chtenie” magazine)

Vesnoi, v Judee – 1953 — Bunin I.A. *Vesnoi, v Judee. Roza Ierikhona* [Judea in Spring. Rose of Jerico]. New York, Izd-vo im. Chekhova Publ., 1953. 233 p.

Vospominaniia — Bunin I.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1950. 273 p.

GSF–1916 — Bunin I.A. *Gospodin iz San-Frantsisko: Proizvedeniia 1915–1916 gg.* [The Gentleman from San Francisco: works of 1915–1916]. Moscow, Knigoizd-vo pisatelei v Moskve Publ., 1916. 192 p.

GSF–1920 — Bunin I.A. *Gospodin iz San-Frantsisko* [The Gentleman from San Francisco]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1920 (on title and cover: 1921). 210 p.

Izbrannye stikhi — 1929 — Bunin I.A. Izbrannye stikhi, 1900—1925 [Selected poems, 1900—1925]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1929. 237 p.

Ioann Rydalets — 1913 — Bunin I.A. Ioann Rydalets: Rasskazy i stikhi, 1912—1913 gg. [Ioann the Mourner: Stories and poems, 1912—1913]. Moscow, Knigoizd-vo pisatelei v Moskve Publ., 1913. 160 p.

Listopad—1901 — Bunin I.A. Listopad: Stikhovoreniia [The Fall of the Leaves: Poems]. Moscow, Skorpion Publ., 1901. 178 p.

Nachal'naia liubov' — 1921 — Bunin I.A. Nachal'naia liubov' [First love]. Prague, Slavianskoe izd-vo Publ., 1921. 269 p.

Novye stikhovoreniia — 1902 — Bunin I.A. Novye stikhovoreniia [New poems]. Moscow, O.O. Gerbek Publ., 1902. 106 p.

Mitina liubov' — 1925 — Bunin I.A. Mitina liubov' [The Mitya's Love]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1925. 203 p.

Muza Diaspora — Muza Diaspora: Izbr. stikhi zarubezhnykh poetov. 1920—1960 [Diaspora Muse: Selected poems by foreign poets. 1920—1960]. Ed. by Iu.K. Terapiano. Frankfurt am Main, 1960. 360 p.

O Chekhove — Bunin I.A. O Chekhove: Nezakonch. rukopis' [On Chekhov: An unfinished manuscript]. New York, Izd-vo im. Chekhova Publ., 1955. 412 p.

Petropolis (with volume number) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 11 t.* [Collected works. In 11 vols.] Berlin, Petropolis Publ., 1934—1936.

Polevye tsvety — 1901 — Bunin I.A. Polevye tsvety: Sbornik stikhovoreniii i rasskazov dlia iunoshestva [Wild flowers: collection of poems and stories for the youth]. Moscow, I.N. Kushnerev i K° Publ., 1901. 90 p.

PSS—1915 (with volume number) — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. In 6 vols. Petrograd, Izd-vo t-va A.F. Marks Publ., 1915. (Suppl. For the “Niva” magazine)

RiS—1912 — Bunin I.A. Rasskazy i stikhovoreniia 1907—1910 gg. [Stories and poems 1907—1910]. 2nd ed., revised and suppl. Moscow, Moskovskoe knigoizd-vo Publ., 1912. 252 p.

Roza Ierikhona — 1924 — Bunin I.A. Roza Ierikhona [The Rose of Jerico]. Berlin, Slovo Publ., 1924. 310 p.

SS—1903 — Bunin I.A. Stikhovoreniia [Poems]. Saint Petersburg, Izd-e t-va “Znanie” Publ., 1903. (*Sobranie sochinenii. T. 2* [Collected works. Vol. 2]). 222 p.

SS—1906 — Bunin I.A. Stikhovoreniia 1903—1906 [Poems 1903—1906]. Saint Petersburg, Izd-e t-va “Znanie” Publ., 1906 (Collected works. Vol. 3). 214 p.

SS—1908 — Bunin I.A. Stikhovoreniia 1907 g. “Godiva”. Poema Tennisona. Iz “Zolotoi legendy”. Longfello. “Kain”. Misteriya Bairona [Poems of 1907. “Godiva”. Tennisson’s poem. From the “Golden legend”. Longfellow. “Cain”. Mystery]. Saint Petersburg, Izd-e t-va “Znanie” Publ., 1908 (*Sobranie sochinenii. T. 4*). 251 p.

SS—1909 (2) — Bunin I.A. Stikhovoreniia. 1889—1902 gg. [Poems. 1889—1902]. — Saint Petersburg, Izd-e t-va “Znanie” Publ., 1909 (*Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 2. 2nd ed.). 203 p.

SS—1910 — Bunin I.A. Stikhovoreniia 1907—1909 gg. Rasskazy [Poems of 1907—1909. Stories]. Saint Petersburg, Knigoizd-vo “Obshchestvennaia pol’za” Publ., 1910 (*Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 6). 190 p.

SS—1912 (2) — Bunin I.A. Stikhovoreniia 1903—1906 gg. Manfred Bairona [Poems of 1903—1906. Byron’s Manfred]. 2nd ed., suppl. Moscow, Moskovskoe knigoizd-vo Publ., 1912. 259 p.

SS—1918 — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 10. Petrograd, “Parus” Publ., 1918. 189 p.

Khram Solntsa — 1917 — Bunin I.A. *Khram Solntsa* [The Temple of the Sun]. — Petrograd, Zhizn’ i znanie Publ., 1917. 174 p. (library for the youth).

Chasha zhizni — 1915 — Bunin I.A. *Chasha zhizni: Rasskazy 1913–14 gg.* [The Chalice of Life: Stories of 1913–14]. Moscow, Knigoizd-vo pisatelei v Moskve Publ., 1915. 173 s.

Chasha zhizni — 1917 — Bunin I.A. *Chasha zhizni: Rasskazy 1913–14 gg.* [The Chalice of Life: Stories of 1913–14]. 2nd ed. Moscow, Knigoizd-vo pisatelei v Moskve Publ., 1917. 164 s.

Chasha zhizni — 1922 — Bunin I.A. *Chasha zhizni* [The Chalice of Life]. Paris, Russkaia zemlia Publ., 1922 (on title-page 1921). 280 p.

Bunin—9 (with volume number) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: In 9 vols. Ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovskii. Introd. by A.T. Tvardovskii; comment. O.N. Mikhailov i A.K. Baboreko, V.G. Titova, A.S. Miasnikov, P.L. Viacheslavov, O.V. Slivitskaia, L.V. Kotliar, V.S. Grechaninova, N.M. Liubimov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967.

Bunin—6 (s ukazaniem toma) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: In 6 vols. Ed. by Iu.V. Bondarev, O.N. Mikhailov, V.P. Rynkevich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987–1988.

Bunin—8 (s ukazaniem toma) — Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: In 8 vols. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1993–2000.

Bunin—16 — Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: In 16 vols. Ed. by I.I. Zhukov. Moscow, Voskresen’e Publ., 2005–2007.

Bunin—BP (s ukazaniem toma) — Bunin I.A. *Stikhovoreniiia* [Poems]: In 2 vols. Ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo doma Publ.; Vita Nova Publ., 2014 (New poet’s library).

Pis’ma, 1 — Bunin I.A. *Pis’ma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904]. Ed. by O.N. Mikhailov, text, comment. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 767 p.

Pis’ma, 2 — Bunin I.A. *Pis’ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919]. Ed. by O. N. Mikhailov; ed. in chief S.N. Morozov; text and comment. by S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 829 p.

III. References

Bakhrakh — Bakhrakh A.V. *Bunin v khalate. Po pamiatii, po zapisiam* [Bunin in dressing-gown. By memory, by notes]. Ed. by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 592 p.

Boratynskii (with volume number) — Boratynskii E.A. *Polnoe sobranie stikhovorenii i pisem* [Complete works and letters]. Ed. by A.M. Peskov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2002 — (continuing edition)

Bunin — Aldanov — Perepiska I.A. Bunina s M.A. Aldanovym. <1946–1947> [Correspondence between Ivan Bunin and Mark Aldanov. <1946–1947>]. Ed. by A. Zveers. *Novyi zhurnal*. 1983. Bk. 152. Pp. 153–191.

Bunin — Bitsilli — Perepiska I.A. Bunina i P.M. Bitsilli (1931–1951) [Correspondence between Ivan Bunin and Petr Bitsilli (1931–1951)]. Introd. by T. Dviniatina; ed. by T. Dviniatina and R. Davies. *Noyye materialy* [New materials], 2. Pp. 109–178.

Velikanova — Velikanova N. Volia i nevolia avtora “Voiny i mira” (izdanie rukopisei i osnovnogo teksta) [Will and necessity of “War and Peace” author (publishing the manuscripts and main text)]. *Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki* [Problems of textology and editorial practice]. Pp. 51–63.

Vinokur — Vinokur G.O. Kritika khudozhestvennogo teksta [Literary criticism]. Moscow, 1927 (History and theory of art. Issue 10, GAKHN).

S. Glagol’ — S. Glagol’ <Goloushev S.S.> Poet russkogo peizazha [Poet of Russian landscape]: [Review: Bunin I.A. *Listopad: Stikhotvoreniia* [The Fall of the Leaves. Poems]. Moscow, 1901]. *Kur’er*. 1901. November 14, no 315.

Gofman — Gofman M.L. Pushkin. Pervaia glava nauki o Pushkine [Pushkin. First chapter of Pushkin studies]. Peterburg, Atenei Publ., 1922. 160 p.

Gracheva — Gracheva A.M. Tekstologicheskie problemy nauchnogo izdaniia sochinenii pisatelei pervoi volny russkoi emigratsii (Sobranie sochinenii A.M. Remizova) [Textological problems of an academic edition of the works of writers of the first wave of Russian emigration (Collected works of A. Remizov)]. *Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki* [Problems of textology and editorial practice]. Pp. 64–78.

Grishunin — Grishunin A.L. Sovremennoe sostoianie teorii tekstologii [Contemporary level of the textology theory]. *Sovremennaia tekstologija: teoriia i praktika* [Modern textology: theory and practice]. Moscow, Nasledie Publ., 1997. Pp. 43–51.

Gulistan — Rozovyi kustarnik sheikha Muslekheddin Saadi shirazskogo, slavyi pod nazvaniem Gulistan [Rose bush of Shiraz Sheikh Muslekheddin Saadi, known under the name of Gulistan]. Transl. from Pers. by O. Nazarians. Moscow, Tip. Lazarevskogo in-ta vostochnykh iazykov Publ., 1857. XX, 174 p.

Dmitrieva — Dmitrieva E. Izdanie Gogolia: problema eticheskaiia, esteticheskaiia, tekstologicheskaiia? [Publishing Gogol’: a problem of ethics, aesthetics, textology?]. *Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki* [Problems of textology and editorial practice]. Pp. 33–50.

Izmailov N. — Izmailov N.V. Tekstologija [Textology]. *Pushkin: Itogi i problemy izuchenija* [Pushkin: results and problems of the studies]. Collection of papers ed. by B.P. Gorodetskii, N.V. Izmailov, B.S. Meilakh. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. Pp. 555–610.

Kotrelev — Kotrelev N. Istorija teksta kak kontinuum voleiziavlenii avtora: VI. Solov’ev. Nochnoe plavanie: Iz «Romantsero» Geine [The history of text as an author’s will’s continuum: Vladimir Solov’ev. The night voyage: from the Heine’s “Romancero”]. *Shipovnik: Istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiu Romana Davidovicha Timenchika* [Dogrose: a collection of papers on history and philology for the 60th anniversary of Roman Timenchik]. Moscow, Vodolei Publ., 2005. Pp. 151–174.

Kraineva — Kraineva N.I. (with participation of Iu.V. Tamontseva). K tvorcheskoi istorii «Poemy bez Geroia» [For the creative history of “A Poem without Hero”]. “Ia ne takoi tebia kogda-to znala...”: Anna Akhmatova. *Poema bez Geroia. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: Materialy k tvorcheskoi istorii* [“You were different when once I knew you...”: Anna Akhmatova. A Poem without Hero. Prose on Poem. Drafts of a ballet libretto: Materials for the creative history]. Ed. by N.I. Kraineva and O.D. Filatova. Saint Petersburg, Izdat. dom “Mir” Publ., 2009. Pp. 13–160.

<*Lavrov, Malmstad*> — <*Lavrov A.V., Malmstad J.*> Primechaniia [Notes]. Andrei Belyi. *Stikhotvoreniia i poemy* [Lyrics and poems]: In 2 vols. Ed. by A.V. Lavrov and J. Malmstad. Saint Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Progress-Pleiada Publ., 2006. Vol. 1. Pp. 499–630 (The new poet's library).

Letopis' IB. T. 1 — *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Ivan Bunin's chronicle of life]. Vol. 1 (1870–1909). Ed. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 943 p.

LN (with book number) — *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 bks. Moscow, Nauka Publ., 1973.

Morozov — Morozov S.N. Voprosy atributsii i datirovki v izuchenii literaturnogo nasledstva I. Bunina [Problems of attribution and dating of Bunin's literary heritage]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [Textological Annals. Russian literature of the 20th century: questions of textology and source studies]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. Pp. 116–123.

Muromtseva-Bunina — Muromtseva Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [The Life of Bunin. Conversations with memory]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p.

Nabokov — Sirin V. <*Nabokov V.V.*>. [Review: Bunin I.A. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Paris, 1929] *Rul'*. 1929. May 22. no 2577.

Nabokov — *Bunin* — V.V. Nabokov i I.A. Bunin. *Perepiska* [Vladimir Nabokov and Ivan Bunin. Correspondence]. Introd. by M.D. Shraer, ed. by R. Davies and M.D. Shraer. *S dvukh beregov* [From two shores]. Pp. 167–219.

Nechaeva — Nechaeva V.S. Problema ustanovleniia tekstov v izdaniakh literaturnykh proizvedenii XIX i XX vekov [Problem of establishing the texts in the literature editions of 19th and 20th centuries]. *Voprosy tekstologii* [Questions of textology]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. <Issue 1.> Pp. 29–88.

Novye materialy, 1 — I.A. Bunin. *Novye materialy* [New materials]. Issue I. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p.

Novye materialy, 2 — I.A. Bunin. *Novye materialy* [New materials]. Issue II. Ed. by O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 536 p.

Osnovy tekstologii 1962 — *Osnovy tekstologii: Sb. st.* [Basic textology: Collection of papers]. Ed. by V.S. Nechaeva. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. 500 p.

Problemy tekstologii i editcionnoi praktiki — *Problemy tekstologii i editcionnoi praktiki: Opyt frantsuzskikh i rossiiskikh issledovatelei* [Problems of textology and editorial practice: essay of French and Russian researchers]. Ed. by M. Delon, E.E. Dmitrieva. Moscow, OGI Publ., 2003. 344 p.

Rannie simvolisty — *Rannie simvolisty: N. Minskii, A. Dobroliubov. Stikhotvoreniia i poemy* [Early poems: N. Minskii, A. Dobroliubov. Lyrics and poems]. Ed. by A. Kobrinskii and S. Sapozhkov. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 698 p. (The new poet's library).

Reiser — Reiser S.A. *Osnovy tekstologii* [Basic textology]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie. Leningr. otd. Publ., 1978. 176 p.

Soveshchanie 1954 — Soveshchanie po voprosam tekstologii [Debate on textological questions]. *Izvestiia AN SSSR. Otd. lit. iazyka*. 1954. Vol. XIII, issue 4. Pp. 392–396.

Tomashevskii 1922 — Tomashevskii B.V. Novoe o Pushkine [New on Pushkin]. *Literaturnaia mysль. Al'manakh* [Literary thought. Almanach]. I. Petrograd, 1922. Pp. 171–186.

Tomashevskii 1934 — Tomashevskii B.V. Izdaniia stikhovnykh tekstov [Editions of poems]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, 1934. Vol. 16–18. Pp. 1055–1112.

Tomashevskii 1959 — Tomashevskii B.V. *Pisatel’i kniga: Ocherk tekstologii* [Writer and book. Essay on textology]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 279 p.

Caikovskii — Chaikovskii R. *Real’nosti poeticheskogo perevoda* [Realities of poetic translation]. Magadan, Kordis Publ., 1997. 197 p.

Iakubovich — Iakubovich P.F. [Review: Bunin I.A. *Novye stikhovreniia* [New poems]. Moscow, 1902; Bunin I.A. *Rasskazy* [Stories]. Saint Petersburg, 1902. (*Sochineniia* [Works]; Vol. 1)]. *Russkoe bogatstvo*. 1902. no 7. Part II. Pp. 99–107.

Archives

IMLI — A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Department of manuscripts. Moscow

IRLI — Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Department of manuscripts. Saint Petersburg

MKT — Memorial Cabinet of N.D. Teleshov. Moscow

OGLMT — Orel United State Literary Museum of I.S. Turgenev. Orel

RAL — Russian Archive of Leeds. University of Leeds. Great Britain

RGALI — Russian State Archive of Literature and Art. Moscow

RGB — The Russian State Library (RSL). Department of manuscripts. Moscow

RNB — The National Library of Russia. Department of manuscripts. Saint Petersburg

2013, 2018

GENERAL REVIEW OF TEXTOLOGY OF IVAN BUNIN’S POETRY

© 2019, TATIANA DVINIATINA

Abstract: The present article is the general outlining of the editing principles worked out for academic publishing of Bunin’s poetry. All the sources for the poetic texts (autographs, author’s editions, later editing by Bunin himself, publications in periodicals etc.) known for the present moment are collected, described and examined, a rule of main text for the academic edition is elaborated, rules for dating the poems are described and established, a composition of the main sections of the edition is outlined. The concept of the academic edition of Bunin’s poetic heritage is discussed within the context of the editing practice of the 20th century and the previous editions.

Keywords: Ivan Bunin, textology, poetry, archives, sources, main text, dating, academic edition.

Information about the author: Tatiana Dviniatina, PhD (Dr. hab.), leading researcher, Department of manuscripts, Institute of Russian literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of sciences, Makarova quai, 4, 199034, Saint Petersburg, Russia. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

ТЕКСТОЛОГИЯ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»*

© 2019, С.Н. МОРОЗОВ

Аннотация: В статье подробно рассматривается текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки», проанализированы 11 прижизненных публикаций этого произведения, выявлены многочисленные разнотечения: сокращения, изменения и варианты текста. Отдельно рассмотрен вопрос о датировке рассказа и проблема выбора его места в хронологическом ряду будущего научного собрания сочинений И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, рассказ «Антоновские яблоки», текстология, датировка, история текста, научное собрание сочинений.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Изучение текстологии прозы И.А. Бунина только начинается. В разные годы исследователи частично затрагивали вопросы текстологии прозаического наследия писателя, но фундаментального рассмотрения этих вопросов еще не было. Впервые на разнотечения в разных публикациях рассказа обратил внимание М.Л. Сурпин в статье «В творческой лаборатории И.А. Бунина. (Работа над рассказом “Антоновские яблоки”)¹. В своем исследовании автор выявил только шесть прижизненных публикаций этого рассказа, разнотечения в тексте «Антоновских яблок» приводились частично, по мере необходимости для разбора содержания данного произведения.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть историю текста «Антоновских яблок», его текстологические варианты на основе всех прижизненных публикаций рассказа. Прежде всего, следует отметить, что автограф «Антоновских яблок» не сохранился. Бунин не любил оставлять черновики, после написания рассказа он их уничтожал. Особенно это касается раннего периода творчества писателя 1887–1900-х гг. За эти годы сохранилось очень мало рукописей художественных произведений, при этом за указанный период, в основном, остались автографы тех текстов, которые Бунин не публиковал.

Писатель ценил рассказ «Антоновские яблоки», он включил его в свои два Собрания сочинений и целый ряд авторских сборников. Как обычно, Бунин

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (№ 17-18-01410).

¹ Сурпин М.Л. В творческой лаборатории И.А. Бунина. (Работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период). Сб. 4: Творчество И.А. Бунина. Калуга, 1973. С. 3–16.

правил текст рассказа при каждой новой публикации. Главная цель статьи показать какого рода была эта правка, насколько она была существенной и менялся ли сам рассказ (содержание, идея, форма) в результате этой правки. Однако мы не ставим задачу представить здесь полный свод разнотений, будут приведены наиболее крупные и значимые изменения текста, а также отмечены характерные отличия между разными изданиями текста. Сразу отметим, что заглавие рассказа «Антоновские яблоки» писатель не менял на протяжении всех его публикаций, в отличие от целого ряда других своих поэтических и прозаических сочинений, заглавия которых изменялись иногда несколько раз. Так же осталась неизменной структура рассказа, состоящего из четырех глав.

Перечислим все прижизненные публикации рассказа «Антоновские яблоки», в круглых скобках даны условные сокращения, применяемые в тексте данной статьи:

- 1) Жизнь. 1900. № 10. С. 149–166. (*Жизнь*).
- 2) Собрание сочинений. СПб.: Знание, 1902. Т. 1. Рассказы. С. 75–97. (*СС, 1902*).
- 3) Собрание сочинений. СПб.: Знание, 1903. Т. 1. Рассказы. 2-е изд. С. 74–96. (*СС, 1903*).
- 4) Собрание сочинений. СПб.: Знание, 1904. Т. 1. Рассказы. 3-е изд. С. 74–96. (*СС, 1904*).
- 5) Перевал и другие рассказы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 231–252. (*Перевал, 1912*).
- 6) Перевал. Рассказы 1892–1902 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912. С. 231–252.
- 7) Перевал. Рассказы 1892–1902 гг. 5-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 247–269. (*Перевал, 1913*).
- 8) Избранные рассказы. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 13–33. (Народно-школьная библиотека). (*ИР, 1914*)
- 9) Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркса, 1915. Т. 2. С. 163–177. (*ПСС*).
- 10) Избранные рассказы. 2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 12–29. (Народно-школьная библиотека). (*ИР, 1918*).
- 11) Избранные рассказы. 3-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. С. 9–25. (Народно-школьная библиотека). (*ИР, 1919*).
- 12) Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. С. 7–28. (*НЛ, 1921*).

Сразу стоит оговориться, что издания под № 5 и 6 фактически являются одной и той же книгой, которая вышла в свет как бы два раза. Выпустив сборник «Перевал и другие рассказы» в «Московском книгоиздательстве», Бунин позднее выкупил у издателя остатки тиража этой книги и отдал их в новое «Книгоиздательство писателей в Москве», в котором были переклеены титульные листы на каждом экземпляре книги, и она была выпущена в свет уже под маркой «Книгоиздательства писателей в Москве». В связи с этим в нашем

исследовании это «переиздание» (№ 6) не рассматривается. Также мы не принимаем во внимание советские перепечатки «Антоновских яблок» в сборниках Бунина «Рассказы» (М.; Л.: Гослитиздат, 1928), «Худая трава» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1928), к которым писатель не имел никакого отношения.

Впервые рассказ «Антоновские яблоки» был напечатан в петербургском журнале «Жизнь» (1900. № 10. С. 149–166), в журнальной публикации рассказ имел подзаголовок «Картины из книги “Эпиграфии”», впоследствии автором снятый. Второй раз «Антоновские яблоки» появились в печати в Собрании сочинений Бунина (Т. 1. СПб., 1902). Для новой публикации писатель, как он это обычно делал, переработал свое произведение, значительно сократив его.

Первая же фраза рассказа в *Жизни*: «Антоновские яблоки...» (с. 149) — в *СС, 1902* отсутствует. При этом характерные для ранних произведений Бунина многоточия в дальнейшем автор менял на другие знаки препинания (обычно на точку), реже оставлял без изменения, это встречается и в этом произведении.

Из первого абзаца в *СС, 1902* исчезли фразы: «известно, как сильно действуют на нас запахи...», «Красота природы, песня, музыка, колокола в солнечное утро...» (*Жизнь*. С. 149).

Из второго абзаца после слов садовника в *СС, 1902* исключен целый фрагмент текста: «И я с удовольствием вспоминаю теперь эти слова. Много хороших деревенских впечатлений улетучилось за последнее время из моей души. Но порою достаточно какого-нибудь звука, лица, намека, чтобы прошлое сполна охватило меня. Иногда на базаре услышишь запах сена и сразу вспомнишь сенокосы, Петровки, жаркие летние дни, вечерние зори... Иногда пахнет в окно вагона весенним ветром, сыростью земли — и сразу точно по-молодеешь на несколько лет...» (*Жизнь*. С. 149).

В конце второго абзаца в *СС, 1902* после слов «помещичьи усадьбы» вычеркнуты два предложения: «А ящики моего письменного стола полны антоновскими яблоками, и здоровый осенний аромат их переносит меня в деревню, в помещичьи усадьбы, настраивает на бодрый деревенский лад и рисует мне много картин, с которыми связаны мое детство и юность. Антоновские яблоки — главный фрукт наших садов, любимый осенний десерт в старосветских усадьбах» (*Жизнь*. С. 150).

В третьем абзаце значительное сокращение:

Жизнь

«Это мещане-садовники наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, — непременно в ночь: и мужики, и мелкопоместные, и мещане любят именно по ночам ездить с обозами, чувствуют в этом что-то поэтичное, и, по-моему, они вполне правы» (с. 150).

СС, 1902

«Это мещане-садовники наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, — непременно в ночь» (с. 76).

В начале 2-й главы первый абзац переработан:

Жизнь

«“Ядреная антоновка — к веселому году”, — говорят в деревне. В переводе с народного языка на книжный, это значит, что все деревенские дела обстоят очень хорошо, если антоновка уродилась, как следует. Говорят, что прежде, даже очень недавно, дела шли недурно. Это, конечно, не совсем справедливо, но некоторые мои воспоминания о наших Выселках отчасти подтверждают только что сказанное» (с. 153).

При описании усадьбы А.Г. Кологривовой в *СС, 1902* вычеркнут фрагмент: «Запах антоновских яблок до мельчайших подробностей рисует мне ее усадьбу. Вижу я перед собою опять-таки солнечное сентябрьское утро» (*Жизнь*. С. 155). В следующем абзаце, в продолжение этого описания, изменено и сокращено его начало.

«Эти телеграфные столбы только одни составляли резкий контраст со всем, что окружало живописную усадьбу тетки. А усадьба представляла из себя настоящее старосветское гнездо» (с. 155).

В конце этого абзаца в *СС, 1902* изъято одно предложение: «Как здорово пахло здесь садом, плодами и — главным образом — антоновскими яблоками!» (*Жизнь*. С. 156).

Начало 3-й главы рассказа существенно сокращено.

«“Ядреная антоновка — веселый год”, — опять вспоминается мне деревенская пословица. Я опять открываю ящик письменного стола и долго вдыхаю крепкий аромат яблок, стараясь определить его. Но этого положительно нельзя сделать. Я только с грустью вспоминаю прошлое и думаю о том, что, вероятно антоновка плохо стала родить за последние годы, ибо деревенские дела пошли очень невесело. Деревня, впрочем, уже давно и сама почувствовала это...» (с. 157).

СС, 1902

«“Ядреная антоновка — к веселому году”, — говорят в деревне, — т.е. деревенские дела обстоят отлично, если антоновка уродилась, как следует. Это, конечно, не совсем справедливо, но некоторые мои воспоминания о наших Выселках отчасти подтверждают пословицу» (с. 80).

«Эти телеграфные столбы только одни составляли резкий контраст со всем, что окружало старосветское гнездо тетки» (с. 83).

«“Ядреная антоновка — к веселому году”... Увы, вероятно, антоновка плохо стала родить за последние годы, ибо деревенские дела пошли очень невесело...» (с. 85).

При описании усадьбы Арсения Семеныча сокращен конец абзаца, в *Жизни*: «...его поместью и старому дому, неизбежно пахнущему опять-таки антоновскими яблоками, любимой закуской после водки Арсения Семеныча. И вот бодрые и светлые впечатления начала осени сменялись мало-по-малу другими, уже более резкими впечатлениями начала октября...» (с. 157). В *СС, 1902* этот абзац заканчивается словами «его поместью и старому дому...» (с. 85).

При описании погоды в *СС, 1902* исключено предложение: «Тучи низко шли тяжелыми сплошными грядами над Выселками и от края до края затуманивали поля частым дождем» (*Жизнь*. С. 157). В сцене, когда Арсений Семеныч прогоняет свою собаку, забравшуюся на стол с едой, вычеркнута одна деталь.

Жизнь

«Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, изо всей силы бьет своего любимца свинцовым набалдашником арапника в голову и оглушает залу выстрелом» (с. 158).

СС, 1902

«Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, внезапно оглушает залу выстрелом» (с. 87).

Конец абзаца с описанием внешности Арсения Семеныча также сокращен, в *СС, 1902* нет следующего фрагмента: «В детстве я боялся его, как огня, но зато и любил его почти до обожания, особенно в те минуты, когда он, бывало, носится, как ветер, у нас по двору на своем “киргизе” и на всем скаку хватает с земли брошенный в воздух картуз» (*Жизнь*. С. 159). В реплике Арсения Семеныча, приглашающего гостей выходить на улицу, чтобы отправиться на охоту, в *СС, 1902* изъята стихотворная цитата: «— Ну, однако, нечего терять золотое время. “Псари уж на конях сидят, борзыe прыгают на сворах”¹. Едем!» (*Жизнь*. С. 159).

В 4-й главе в конце второго абзаца, где описывается обнищание дворянских усадеб, Бунин для *СС, 1902* исключил одно предложение: «И мне уже не рисуются веселые и ясные осенние дни» (*Жизнь*. С. 163). В рассказе о встрече свадьбы и свадебной песне, которую поют бабы, в *СС, 1902* исключено последнее слово: «удалая песня выходит фальшивой и жалкой...» (*Жизнь*. С. 163). В следующем абзаце — опять сокращение.

Жизнь

«Проходит два-три дня, погода меняется, становится свежее и бодрее, и уже усадьба и деревня начинают казаться иными, — опять родными и близкими» (с. 163).

СС, 1902

«Проходит два-три дня, погода меняется, становится свежее и бодрее, и уже усадьба и деревня начинают казаться иными» (с. 93).

¹ Сокращенная цитата из поэмы А.С. Пушкина «Граф Нулин» (1825). В тексте: «Псари в охотничьях уборах / Чем свет уж на конях сидят, / Борзыe прыгают на сворах».

При сравнении первых двух публикаций «Антоновских яблок» ясно видно, что Бунин только сокращает текст, не заменяя одни слова другими, не дописывая новых предложений. Вычеркиваются, по мнению автора, лишние детали, повторяющиеся слова, частично смягчается лирический настрой рассказа.

Текст «Антоновских яблок» для переиздания 1-го тома «знаньевского» Собрания сочинений автор правил мало. Далее представлены все изменения в тексте между 1-м и 2-м изданием 1-го тома *CC, 1902* и *CC, 1903*. Текст рассказа в 3-ем издании 1-го тома *CC, 1904* полностью идентичен тексту во 2-м издании.

CC, 1902

Последнее предложение 1-й главы: «Как холодно, росисто и хорошо, чувствуешь всем существом своим!» (с. 79).

Последнее предложение 2-й главы: «Окна в сад, между тем, подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой и чистой осенней лазурью...» (с. 85).

Последнее предложение 3-й главы: «Да разве могла эта сантиментальная жизнь, равно как и беспутное существование с охотами и пирами, не погибнуть при первом столкновении с новой жизнью?..» (с. 92).

В конце рассказа: «Там, в этом маленьком флигеле, пылает печка, в воздухе плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи и идут разговоры о “прежнем”» (с. 97).

Таким образом, во 2-м издании 1-го тома «знаньевского» Собрания сочинений (*CC, 1903*) автор не только сокращает текст, а начинает изменять его (см. правку концовки 1-й главы).

Затем рассказ «Антоновские яблоки» был напечатан в книге Бунина «Перевал и другие рассказы» (М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 231–252), которая являлась 4-м изданием 1-го тома «знаньевского» Собрания сочинений, исправленным и дополненным. В этом сборнике рассказ претерпел значительные изменения.

Первый абзац и начало второго абзаца рассказа в *Перевале, 1912* изъяты. В *CC, 1903* рассказ начинался так: «Где-то я читал, что Шиллер любил, чтобы в его комнате лежали яблоки: уложавшись, они своим запахом возбуждали в нем творческие настроения. Не знаю, насколько справедлив этот рассказ,

CC, 1903

«Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!..» (с. 78).

«Окна в сад, между тем, подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой...» (с. 84).

«Да разве могло все это не погибнуть при первом столкновении с новой жизнью?..» (с. 91).

«Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи и идут разговоры о “прежнем”» (с. 96).

но вполне понимаю его: есть вещи, которые прекрасны сами по себе, но больше всего потому, что они заставляют нас сильнее чувствовать жизнь. Запахи особенно сильно действуют на нас, и между ними есть особенно здоровые и яркие: запах моря, запах леса, чернозема весною, прелой осенней листвы, улежавшихся яблок... чудный запах крепких антоновских яблок, сочных и всегда холодных, пахнущих слегка медом, а больше всего — осенней свежестью!

Садовники так и говорят про них: “осенне яблочко, русское!” Теперь на дворе идут беспрерывные дожди <...>» (с. 74). В книге *Перевал, 1912* рассказ начинается так: «Осень, идут беспрерывные дожди» и далее по тексту.

Далее изменен фрагмент предложения:

СС, 1903

«Но по вечерам я читаю старых поэтов, родных мне по быту и по многим своим настроениям и, наконец, просто по местности, — средней полосе России» (с. 74).

Перевал, 1912

«Но по вечерам я читаю старых поэтов, родных мне по быту, по душе и даже по местности, — средней полосе России» (с. 231).

Перерабатывая следующее предложение, Бунин переносит в него оттенки аромата антоновских яблок, которые были в вычеркнутом первом абзаце рассказа.

«А ящики моего письменного стола полны антоновскими яблоками, и здоровый осенний аромат их переносит меня в деревню, в помещичьи усадьбы... И вот передо мною проходит целый мир, целый быт, который скудел, дробился, а теперь уже умирает, так что, может быть, через каких-нибудь пятьдесят лет его будут знать только по нашим рассказам...» (с. 74–75).

«А ящики моего письменного стола полны антоновскими яблоками, и здоровый аромат их — запах меда и осенней свежести — переносит меня в деревню, в помещичьи усадьбы, в тот мир, который скудел, дробился, а теперь уже гибнет, о котором через каких-нибудь пятьдесят лет будут знать только по нашим рассказам...» (с. 231).

В следующем абзаце рассказа в *Перевале, 1912* отсутствует предложение: «И примета насчет тенетника оправдалась: наступает средина сентября, а погода все еще держится» (*СС, 1903. С. 75*). Далее изменены фрагменты предложений:

«Воздух так чист и чуток, точно его совсем нет, и по саду громко раздаются голоса и скрип телег. Это мещане-садовники наняли мужиков <...>» (с. 75).

«Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники наняли мужиков <...>» (с. 232).

СС, 1903

«И потому-то, должно быть, сборы в город с хлебом или с яблоками совсем не то, что отправка какого-нибудь другого товара. Тут даже “тархане” ведут себя не так, как в других хозяйственных случаях: если, например, мужик, насыпающий яблоки, и ест их с сочным треском одно за одним, мещанин не оборвет его, а еще весело скажет:

— Вали, Матвей, — делать нечего!
На сливань все мед пьют» (с. 75–76).

«Долго прислушиваемся и, наконец, различаем дрожь в земле: далеко идет поезд. <...> И вдруг начинает стихать и, наконец, замрет, точно уйдет в землю» (с. 78).

Начало 2-й главы значительно сокращено.

«“Ядреная антоновка — к веселому году”, — говорят в деревне, — т.е. деревенские дела обстоят отлично, если антоновка уродилась, как следует. Это, конечно, не совсем справедливо, но некоторые мои воспоминания о наших Выселках отчасти подтверждают пословицу» (с. 79).

В следующем абзаце изменен фрагмент текста.

«<...> особенно бодро чувствуешь себя в седле, проезжая по Выселкам на охоту» (с. 79).

В рассказе об усадьбе А.Г. Кологривовой изменено предложение.

«Пока, бывало, доедешь до этой усадьбы, — день уже совсем разыграется» (с. 81).

Писатель вместо нескольких слов вставляет одно областное слово «ободряется», означающее полное наступление дня.

Из следующего абзаца в *Перевале, 1912* изъято предложение: «Отдаю ему лошадь и иду к дому» (*СС, 1903. С. 82*).

Перевал, 1912

«Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском одно за одним, но уж таково заведение — никогда мещанин не оборвет его, а еще весело скажет:

— Вали, ешь досыта, — делать нечего! На сливань все мед пьют» (с. 232).

«Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле. <...> И вдруг начинает стихать, глухнуть, точно уходя в землю...» (с. 234).

«“Ядреная антоновка — к веселому году”. Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась, как следует: значит и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год» (с. 235).

«<...> с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту» (с. 235).

«Пока, бывало, доедешь до этой усадьбы, — уже совсем ободряется» (с. 238).

Начало 3-й главы значительно сокращено.

СС, 1903

«“Ядреная антоновка — к веселому году”... Увы, вероятно, антоновка плохо стала родить за последние годы, ибо деревенские дела пошли очень невесело... И мне вспоминается то, что за последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков, — охота» (с. 84).

Перевал, 1912

«За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков, — охота» (с. 240).

Портрет Арсения Семеновича также претерпел сокращения.

«Теперь глаза у него блестят почти дико, и он очень ловок и колоритен в своем щегольском наряде, — в шелковой малиновой рубахе, в бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку, и гостей выстрелом, он, как ни в чем не бывало, закуривает папиросу и театрально, но с чувством, декламирует баритоном: <...>» (с. 86).

«Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубахе, в бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку, и гостей выстрелом, он закуривает папиросу, декламирует баритоном: <...>» (с. 242).

Концовка 3 главы в *СС, 1903*: «Да разве могло все это не погибнуть при первом столкновении с новой жизнью?..» (с. 91) в *Перевале, 1912* отсутствует.

Начало 4 главы также было сокращено:

«Запах антоновских яблок начинает рассеиваться и исчезает из помещичьих усадеб» (с. 91).

«Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб» (с. 247).

Далее почти в каждом абзаце 4 главы имеются сокращения:

«На весь наш уезд осталось пять-шесть “барских” поместий; на весь уезд теперь приходится три-четыре состоятельных дворянина, но и они живут в деревне уже новою жизнью, — чаще всего летом, на дачный лад» (с. 91).

«На весь наш уезд приходится теперь три-четыре состоятельных дворянина, но и они живут в деревне уже новою жизнью, — чаще всего только летом» (с. 247).

«Однако, первым впечатлениям не следует доверять, деревенским после городских — особенно» (с. 92).

«Однако, первым впечатлениям не следует доверять» (с. 248).

«Целый день я скитаюсь по пустым равнинам, думаю, вспоминаю прошлое и все более вхожу в его вкус» (с. 92).

«Зазимок, первый снег! Как он оживит и освежит деревню, как обрадуется ему мелкопоместный барин!» (с. 95).

В конце рассказа также были сделаны сокращения:

«Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи и идут разговоры о “прежнем”. Потом настраивается гитара...» (с. 96).

«Но песня разрастается сама собою. И еще до сих пор звучит в ней прежняя удаль, теперь уже грустная и безнадежная, которая скоро и совсем замрет, а как далекий отзвук былого сохранится только в ней, — в этой старой песне...» (с. 96).

В следующем году вновь печатается рассказ «Антоновские яблоки» в переиздании книги «Перевал. Рассказы 1892–1902 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 247–269), это было уже 5-е издание 1-го тома «знаньевского» Собрания сочинений Бунина. По сравнению с *Перевалом*, 1912 текст почти не изменился, автор внес в *Перевал*, 1913 всего три маленьких исправления: в 3-й главе заменил предлог «из» на «от»: «Крепко пахнет от оврагов грибною сыростью <...>» (с. 260). В сцене сбора собак после охоты слово «слышится» исправлено на «слышатся»: «<...> долго слышатся крик, брань и визг собак...» (с. 261). Далее о книге «Дворянин-философ» слово «такого-то» заменено на «какого-то»: «<...> иждивением какого-то “кавалера многих орденов” <...>» (с. 262).

В очередной раз рассказ «Антоновские яблоки» был включен в сборник, составленный Буниным для серии «Народно-школьная библиотека» — «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 13–33). В *ИР*, 1914 по сравнению с *Перевалом*, 1913 рассказ получил следующие существенные исправления.

В начале рассказа были сделаны сокращения:

Перевал, 1913

«Осень, идут беспрерывные дожди; на улице дребезжат извозчики экипажи, и с гулом, с грохотом, со звонками катятся среди толпы тяжелые конки <...>» (с. 247).

ИР, 1914

«Осень, идут беспрерывные дожди; на улице дребезжат извозчики экипажи, и с гулом, с грохотом, катятся тяжелые конки <...>» (с. 13).

«Целый день я скитаюсь по пустым равнинам...» (с. 249).

«Зазимок, первый снег!» (с. 251).

«Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара» (с. 252).

«И песня разрастается. Еще до сих пор звучит в ней удаль, но уже грустная, безнадежная. Она скоро и совсем замрет, а как далекий отзвук былого сохранится только в ней, — в этой старой песне...» (с. 252).

Перевал, 1913

«<...> переносит меня в деревню, в помещичьи усадьбы, в тот мир, который скудел, дробился, а теперь уже гибнет, о котором через каких-нибудь пятьдесят лет будут знать только по нашим рассказам...» (с. 247).

«Август был веселый, с теплыми дождиками» (с. 247).

«Помню большой, уже весь золотой, подсохший и поредевший сад» (с. 248).

«<...> никогда мещанин не оборвет его, а еще весело скажет» (с. 248).

«В шалаше <...> позеленевший самовар на соломе» (с. 248).

«<...> за деревьями поминутно мелькают красные праздничные уборы» (с. 248–249).

«Толпятся бойкие девки-однодворки в ситцевых платьях и сарафанах» (с. 249).

«<...> молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом» (с. 249).

«<...> ксятся на лохматую свирепую овчарку» (с. 249).

«Надышавшись на гумне ржаным ароматом свежей соломы и мякины» (с. 249).

«И вдруг все это скользнет с яблони — и исполинская тень упадет по всей аллее» (с. 250).

«Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в полночном небе» (с. 250).

«Дрожь переходит в шум. Он постепенно разрастается, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренным темпом выбивают шумный такт колеса: громыхая и стуча, несется поезд...» (с. 250).

IP, 1914

«<...> переносит меня в помещичьи усадьбы, в тот мир, который скудел, дробился, а теперь уже гибнет, о котором через пятьдесят лет будут знать только по нашим рассказам...» (с. 13).

«Август был с теплыми дождиками» (с. 13).

«Помню весь золотой, подсохший и поредевший сад» (с. 14).

«<...> никогда мещанин не оборвет его, а еще скажет» (с. 14).

«В шалаше <...> позеленевший самовар» (с. 14).

«<...> за деревьями поминутно мелькают красные уборы» (с. 14).

«Толпятся бойкие девки-однодворки в сарафанах» (с. 14–15).

«<...> молодая старостиха с широким сонным лицом» (с. 15).

«<...> ксятся на лохматую овчарку» (с. 15).

«Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины» (с. 15).

«И вдруг все это скользнет с яблони — и тень упадет по всей аллее» (с. 16).

«Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе» (с. 16).

«Дрожь растет, переходит в шум — и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: громыхая и стуча, несется поезд...» (с. 16).

2-я глава тоже подверглась сокращениям:

Перевал, 1913

«Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась, как следует» (с. 251).

«Мелкая листва почти уже облетела» (с. 251).

«Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, сыт и весел» (с. 252).

«И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку и не умер совершенно неожиданно для всех» (с. 252).

«<...> несокрушимые сапоги с медными подковками» (с. 253–254).

«Небо — легкое, бирюзовое и такое просторное и глубокое» (с. 254).

«А в ясную и чистую даль убегают» (с. 254).

Начало следующего абзаца сокращено. В *Перевале, 1913* читаем: «Эти телеграфные столбы только одни составляли резкий контраст со всем, что окружало старосветское гнездо тетки» (с. 254). В *ИР, 1914* этого предложения нет.

3-я глава рассказа также переработана.

«Были и запущенные, уже разрушающиеся, но еще жившие на широкую ногу, усадьбы с огромным поместьем, с садом в 20–30 десятин и с величавым барским домом, украшенным колоннами на главном фасаде» (с. 257).

«Но мои поездки имели всегда главной целью усадьбу Арсения Семеныча. Старое гнездо Анны Герасимовны было только перепутем, и после нее воспоминания мои тотчас же переходят к “Княжому”, его поместью и старому дому...» (с. 257).

«<...> даже и в доме с еще не вставленными зимними рамами» (с. 257).

ИР, 1914

«Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась» (с. 17).

«Мелкая листва почти вся облетела» (с. 17).

«Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен» (с. 18).

«И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку» (с. 18).

«<...> несокрушимые сапоги со стальными подковками» (с. 19).

«Небо — легкое и такое просторное, глубокое» (с. 20).

«А в ясную даль убегают» (с. 20).

«Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу, усадьбы с огромным поместьем, с садом в двадцать десятин» (с. 22).

«Но мои поездки имели всегда главной целью усадьбу Арсения Семеныча: старое гнездо Анны Герасимовны было только перепутем...» (с. 23).

«<...> даже и в доме с еще летними рамами» (с. 23).

Перевал, 1913

«<...> а из этих туч медленно вы плывали и четко вырисовывались на небе хребты снеговых гор-облаков» (с. 257–258).

«Наступала долгая, тревожная и не-настная ночь...» (с. 258).

«Черный сад будет сквозить на хо лодном бирюзовом небе» (с. 258).

«Черный и высокий борзый кобель» (с. 258–259).

ИР, 1914

«<...> а из-за этих туч медленно вы плывали хребты снеговых гор-облаков» (с. 23).

«Наступала долгая тревожная ночь...» (с. 23).

«Черный сад будет сквозить на хо лодном небе» (с. 24).

«Черный борзой» (с. 24).

Фрагменты об Арсении Семеновиче сокращены:

«<...> он закуривает папиросу, де кламирует баритоном: <...> и громко го ворит, надевая шапку:

— Ну, однако, нечего терять золотое время. Едем.

И один за другим вспоминаются мне дни в “отъезжем поле”.

Мне кажется, что я сейчас еще чув ствую <...>, бывало, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча мимо сада в поле, возбужденный предстоящей травлей или музыкальным гамом собак» (с. 259).

Далее несколько сокращений:

«Наконец все стихает, и уже совсем в темноте <...> весь двор усадьбы, кото рая весело озаряется фонарями, свечами и лампами, вынесеннымими навстречу го стям из дома...» (с. 261).

«<...> а к сумеркам опять возвраща щались к соседу — возвращались все в грязи, <...> волком, который <...> лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди зала и окрашивает своей бледной и уже холодной мертвкой кровью пол. После водки и еды чувствуешь та кую сладкую усталость» (с. 261).

«<...> он полуушутя декламирует ба ритоном: <...> и громко говорит:

— Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчас еще чувствую <...>, быва ло, едешь с ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом со бак» (с. 24–25).

«Наконец, уже совсем в темноте <...> весь двор усадьбы, которая озаряется фо нарями, свечами и лампами, вынесенны ми навстречу гостям из дома...» (с. 26).

«<...> а к сумеркам опять возвраща лись, все в грязи, <...> волком, который <...> лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди зала и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол. После водки и еды чувствуешь та кую усталость» (с. 26–27).

В ИР, 1914 исчезает имя старика Нила Афанасьевича.

Далее следующие сокращения:

Перевал, 1913

«Во всем доме — мертвая тишина»
(с. 262).

«Их портреты и дагеротипы глядят
на меня» (с. 263).

IP, 1914

«Во всем доме тишина» (с. 27).

«Их портреты глядят на меня» (с. 29).

В 4-й главе также есть изменения и сокращения:

«Я надолго покинул родные “палестины”, как любят говорить в наших местах, а когда недавно заглянул в них, невесело встретили меня родные палестины» (с. 264).

«Скверно было утро, когда я покинул поезд на нашем полустанке, затерянном среди полей» (с. 264).

«Я надолго покинул родные “палестины”, как любят говорить у нас, а когда недавно заглянул в них, невесело встретили меня они» (с. 29).

«Скверное было утро, когда я вышел из вагона на нашем полустанке, затерянном среди полей» (с. 30).

Вторая половина данного абзаца в *Перевале, 1913* (с. 265) после слов «как в киргизской степи.»: «Навстречу попалась свадьба, — три телеги с бабами, покрывшимися от дождя армяками и подолами верхних юбок. Бабы кричат пьяными голосами песни, стараясь возбудить в себе удальство и веселость. Одна стоит среди телеги, машет платком, с криками погоняет веревочными вожжами лошадь, — но лошадь неловко тычет ногами, колокольчики звенят в разбивку, телега не в лад стучит по дороге, удалая песня выходит фальшивой... Слава Богу, показываются более подходящие к этому серому дню фигуры. Едет кабатчик, возвращаясь из города с винными ящиками, в которых тяжело бутылается в штофах зеленая влага, прокатил на дрожжах, весь закиданный грязью из-под колес, урядник, а за ним в тележке поп, — рослый, рыжий поп в большой шапке и в тулупе с поднятым воротником, который повязан полотенцем, свернутым в жгут на груди и завязанным на спине в узел... А вот из-за бугра, сбегающего к лощине, показываются и деревья нашего сада...» в *IP, 1914* отсутствует.

«<...> становится свежей, и уже усадьба и деревня начинают казаться иными» (с. 265).

«Дни стоят синеватые, пасмурные, но свежие» (с. 266).

«<...> становится свежее, и деревня начинает казаться иною» (с. 30).

«Дни стоят синеватые, пасмурные» (с. 30).

Перевал, 1913

«<...> и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья, осенней уютной и мирной жизни» (с. 266).

В следующем абзаце исключено предложение. В *Перевале, 1913* после слов «<...> а в зеркале отражается заспанное лицо татарского склада» читаем: «В полутемном теплом домике стоит мертвая тишина» (с. 267). Этого предложения в *ИР, 1914* нет. В следующем предложении в *Перевале, 1913* читаем: «За дверью в коридоре мирно похрапывает старая кухарка» (с. 267). В *ИР, 1914* слова «мирно» нет (с. 31).

«А барабан гудит все настойчивее, оживленнее и дружнее закипает работа, и скоро все звуки сливаются в общий веселый шум молотьбы» (с. 268).

«Барин стоит, весь посеревший от него, и лицо его задумчиво. Часто он поглядывает в поле, вспоминает банковские платежи, охоты, молодость, свое разорение...» (с. 268–269).

После слов «<...> грудным тенором»: «Несколько голосов нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают: <...>

И песня разрастается. Еще до сих пор звучит в ней удаль, но уже грустная, безнадежная. Она скоро и совсем замрет, а как далекий отзвук былого сохранится только в ней, — в этой старой песне...» (с. 269).

Очередная публикация рассказа «Антоновские яблоки» была в Полном собрании сочинений И.А. Бунина (Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2. С. 163–177). Следует сразу отметить, что И.А. Бунин в целом ряде фрагментов в тексте возвращает слова и словосочетания, исключенные им в *ИР, 1914*. В связи с этим создается впечатление, что писатель правил текст рассказа не только по последнему изданию *ИР, 1914*, а привлекал еще издание *Перевал, 1913*.

Так, в начале рассказа Бунин возвращает словосочетание «среди толпы», исключенное в *ИР, 1914*. В *ПСС* читаем: «<...> с грохотом катятся среди толпы тяжелые конки» (с. 163). Во втором абзаце в *ПСС* автор восстанавливает слово «большой» в предложении «Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад» (с. 163).

ИР, 1914

«<...> и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья» (с. 30).

«А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы» (с. 33).

«Барин стоит, весь посеревший от него. Часто он поглядывает в поле, вспоминает охоты, молодость, свое разорение...» (с. 33).

«И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают — с грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...»
(с. 33).

Далее в портрете старостихи в *ПСС* возвращено слово «беременная», исключенное в *ИР, 1914*: «<...> молодая старостиха, беременная, с широким лицом» (с. 164).

Затем в описании сада в *ПСС* возвращено вычеркнутое в *ИР, 1914* слово «бирюзовом»: «Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе» (с. 170).

В 4-й главе автор вернул прежний вариант начала 3-го абзаца. В *ИР, 1914*: «Скверное было утро, когда я вышел из вагона на нашем полустанке» (с. 30). Как и в *Перевале, 1913*, в *ПСС* читаем: «Скверное было утро, когда я покинул поезд на нашем полустанке» (с. 174).

Фрагмент о деревенской свадьбе в *ПСС* вновь вернулся на свое место: «Навстречу попалась свадьба <...>» (с. 175). См. также *Перевал, 1913* (с. 265).

Слово «усадьба» автор вернул в *ПСС* на свое место: «<...> погода меняется, становится свежей, и усадьба и деревня начинают казаться иными» (с. 175). См. также *Перевал, 1913* (с. 265).

В *ПСС* автор вернул на место после слов «лицо татарского склада» предложение «В полутемном, теплом домике мертвая тишина» (с. 176).

Однако работа автора при подготовке текста рассказа для нового издания не ограничилась только восстановлением ранее снятых слов и фрагментов. Следует отметить, что большая часть сокращений, сделанных в *ИР, 1914*, осталась и в тексте *ПСС*. При этом работа над текстом продолжилась, но в целом она опять была связана с сокращениями.

ИР, 1914

«<...> по саду, между деревьями, мирно расстилается длинной полосой голубоватый дым» (с. 14).

«Дрожь растет, переходит в шум — и вот <...>» (с. 16).

Далее о богатстве деревни. В *ИР, 1914*: «<...> Выселки спокон веку, еще со времен дедушки Аполлона Платоновича, славились “богатством”» (с. 18). А в *ПСС* имя и отчество дедушки отсутствует.

Затем следуют другие сокращения и изменения:

«И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде, на тихом, круглом дворе, под бирюзовым осенним небом!» (с. 21).

«<...> он полуслыша декламирует баритоном» (с. 24).

«Наконец, уже совсем в темноте, крупным шагом вваливается ватага охотников в усадьбу» (с. 26).

ПСС

«<...> по саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым» (с. 164).

«Дрожь переходит в шум, растет, и вот <...>» (с. 165).

«И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде, под бирюзовым осенним небом!» (с. 169).

«<...> он декламирует баритоном» (с. 171).

«Наконец, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу» (с. 172).

ИР, 1914

«<...> старика, имя которого окружено крепостными легендами» (с. 27).

«И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы и гросс-фатер на клавикордах, <...>. И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою, как живая...» (с. 29).

«Хуторяне осенью чувствуют себя вообще недурно, особенно ежели год неурожайный и банк отсрочит уплату процентов. Хуторянин любит осень, потому что осенью есть хоть какая-нибудь охота, любит длинные вечера» (с. 31).

«Часто он поглядывает в поле, вспоминает охоты, молодость, свое разоренье... Скоро-скоро забелеют поля» (с. 33).

«Борзых нет, охотиться осенью не с чем» (с. 33).

ПСС

«<...> старика, имя которого окружено мрачными крепостными легендами» (с. 173).

«И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, <...>. И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою...» (с. 174).

«Хуторянин любит осень, любит длинные вечера» (с. 176).

«Часто он поглядывает в поле... Скоро-скоро забелеют поля» (с. 177).

«Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем» (с. 177).

В следующий раз «Антоновские яблоки» были напечатаны во 2-м издании книги «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 12–29).

В 1-й главе в диалоге с караульщиком сада изменено слово «пассажир-ный». В ПСС (как и в *ИР, 1914*): «Вон, кажись, пассажирный поезд идет...» (с. 165), В *ИР, 1918*: «Вон, кажись, пассажирский поезд идет...» (с. 15).

В 3-й главе про убитого волка сокращено. В ПСС: «<...> и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол» (с. 172). В *ИР, 1918* слова «и уже холодной» отсутствуют (с. 24).

В 4-й главе исправлено слово. В *ИР, 1914*: «Старые книги, старые портреты, разрозненные и никому ненужные <...>» (с. 29). В *ИР, 1918* — «Старые книги, старые портреты, разорванные и никому ненужные <...>» (с. 26). Здесь, возможно, в этом измененном слове «разорванные» опечатка.

Кроме этих трех поправок весь текст рассказа идентичен в 2-х изданиях книги «Избранные рассказы». Принимая во внимание то, что И.А. Бунин, готовя текст для ПСС, вернул часть исключенных ранее слов и выражений, а также то, что тексты двух изданий *ИР, 1914* и *ИР, 1918* практически идентичны, можно сделать вывод, что Бунин создал специальный вариант рассказа для учащихся школ, возможно, и эти три исправления он вносил именно по 1-му изданию *ИР, 1914*.

Через год рассказ «Антоновские яблоки» был напечатан в третьем издании книги «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. С. 9–25), эта книга вышла в свет уже по новой орфографии. В текст внесены только три исправления. В 3-й главе — в *ИР, 1918*: «Только что очень сытно пообедали» (с. 21), в *ИР, 1919* слово «очень» отсутствует (с. 18). Далее исправлено слово «взлезает» — в *ИР, 1918*: «Черный борзой <...> взлезает среди гостей на стол» (с. 21), в *ИР, 1919*: «Черный борзой <...> влезает среди гостей на стол» (с. 18). В 4-й главе — в *ИР, 1918*: «<...> снова пропадает и в новых впечатлениях» (с. 26–27), в *ИР, 1919* союз «и» отсутствует (с. 23).

Скорее всего, Бунин не имел отношения к корректуре 3-го издания своей книги, т.к. уехал 23 мая (5 июня) 1918 г. из Москвы в Одессу. Эти изменения в тексте похожи, скорее, на опечатки или редакционную правку издательства, т.к. в следующем издании в *НЛ, 1921* сохранено слово «очень» и авторское написание слова «взлезает».

Последний раз Бунин напечатал рассказ «Антоновские яблоки» уже в эмиграции в книге «Начальная любовь» (Прага: Славянское издательство, 1921. С. 7–28). Далее будут представлены различия между *ПСС* и *НЛ, 1921*, т.к. сборник «Избранные рассказы» (М., 1914, 1918, 1919), как мы уже отмечали, представляет собой отдельный «детский» вариант, подготовленный Бунином для серии «Народно-школьная библиотека».

В *НЛ, 1921* Бунин вновь сокращает свой рассказ, лишив его первого абзаца, с которого начинается текст в *ПСС*: «Осень, идут беспрерывные дожди; на улице дребезжат извозчики экипажи, и с гулом, с грохотом катятся среди толпы тяжелые конки; по целым дням сижу я за работой, гляжу в окно, на мокрые вывески и серое небо, и все деревенское далеко от меня. Но по вечерам, я читаю старых поэтов, родных мне по быту, по душе и даже по местности, — средней полосе России. А ящики моего письменного стола полны антоновскими яблоками, и здоровый аромат их — запах меда и осенней свежести — переносит меня в поместья усадьбы, в тот мир, который скучел, дробился, а теперь уже гибнет, о котором через пятьдесят лет будут знать только по нашим рассказам...» (с. 163). В *НЛ, 1921* рассказ начинается с многоточия: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень» (с. 7).

Оставшиеся в сокращенном абзаце определения автор переносит во второй абзац, с которого начинается рассказ в *НЛ, 1921*:

ПСС

«<...> тонкий аромат опавшей листвы и — запах яблок» (с. 163).

НЛ, 1921

«<...> тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести» (с. 7).

Далее идут следующие сокращения и изменения:

ПСС

«<...> и худой чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах» (с. 164),

«<...> так большого и желать невозможно!» (с. 167).

«Склад мелкопоместной дворянской жизни, который теперь стал сбиваться уже на мещанский, в прежние года, да еще и на моей памяти, — очень недавно <...>» (с. 167).

«Лет двадцать тому назад такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были еще не редкость» (с. 169).

В *НЛ, 1921* исчезает фамилия тетки — Кологривова и фамилия шурина Климентьев, а также исключен следующий абзац: «К тетке я ездил до самой глубокой осени, до поры, когда прекращалась охота с борзыми. Но мои поездки имели всегда главной целью усадьбу Арсения Семеныча. Старое гнездо Анны Герасимовны было только перепутем» (ПСС. С. 169). Начало следующего абзаца так же изменено и сокращено:

«С конца сентября сады и гумна пустели. Погода, по обыкновению, круто изменялась и делала меня на время заторником» (с. 170)

Далее после слов «волновались от ветра» в *НЛ, 1921* исключено предложение: «Но зато становилось еще холоднее не только на дворе, но, казалось, даже и в доме с еще летними рамами и с раскрытым балконом» (ПСС. С. 170).

В следующих абзацах также встречаются сокращения.

«Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, поломанным, засыпанным мокрыми листьями» (с. 170).

«Черный сад будет <...> ждать зимы, пригреваясь после полудня в солнечном блеске» (с. 170).

«Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, пользуясь суматохой, взлезает среди гостей на стол и начинает пожирать <...>» (с. 170–171).

НЛ, 1921

«<...> и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах» (с. 9).

«<...> так больше и желать невозможно!» (с. 14).

«Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно <...>» (с. 14).

«Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость» (с. 17).

«С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась» (с. 17).

«Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями» (с. 18).

«Черный сад будет <...> ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске» (с. 18).

«Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, взлезает на стол и начинает пожирать <...>» (с. 19).

Перед стихотворной цитатой вставлено определение. В *ПСС*: «<...> он декламирует баритоном» (с. 171), а в *НЛ, 1921*: «он шутливо-важно декламирует баритоном» (с. 19).

Далее следуют другие сокращения:

ПСС

«<...> ты попал в какие-то заповедные чертоги, в бесконечные амфилады сказочных покоев и колонн» (с. 172).

«<...> в лесу холоднеет и темнеет, становится жутко...» (с. 172).

«<...> дедовские книги, в толстых кожаных переплетах с сафьяном и золотыми звездочками на корешках» (с. 173).

«“Бьет полночь! — читаешь с улыбкой. — Священная тишина <...>”» (с. 173).

НЛ, 1921

«<...> ты попал в какие-то заповедные чертоги» (с. 21).

«<...> в лесу холоднеет и темнеет...» (с. 21).

«<...> дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьяновых корешках» (с. 22).

«“Бьет полночь! Священная тишина <...>”» (с. 23–24).

4-я глава в *НЛ, 1921* значительно сокращена и переработана. После слов «застрелился Арсений Семеныч...» в *НЛ, 1921* изъят следующий фрагмент текста *ПСС*: «И вот я уже пишу им эпитафии. / Я надолго покинул родные “палестины”, как любят говорить у нас, а когда недавно заглянул в них, не-весело встретили меня они. Старые книги, старые портреты, разрозненные и никому ненужные, затерялись по городам, по мещанским хуторкам, по ястребиным гнездам новых помещиков, — гнездам, на которые раздробились прежние поместья. На весь наш уезд приходится теперь три-четыре состоятельных дворянами, но и они живут в деревне уже новою жизнью, — чаще всего только летом» (с. 174).

Следующие два предложения сокращены и переработаны:

«Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства, и чахнувших серых деревушек. Идет ноябрь, глухая пора деревенской жизни» (с. 174).

«Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!» (с. 24)

Далее в *НЛ, 1921* исключены еще два абзаца текста *ПСС*: «Скверное было утро, когда я покинул поезд на нашем полустанке, затерянном среди полей. И поля после долгой городской жизни показались мне мучительно убогими и скучными, когда мужик под дождем потащил меня на телеге к старой нашей усадьбе... Деревушки над лощинами кажутся издали кучами навоза. В лесу, — голом, мокром, и черном, — синеватый туман и шумит сырой ветер, а на проселочной дороге — пустынно, как в киргизской степи. Навстречу

попалась свадьба, — три телеги с бабами, покрывши мися от дождя армяками и подолами верхних юбок. Бабы кричат пьяными голосами песни, стараясь возбудить в себе удальство и веселость. Одна стоит среди телеги, машет платком, с криками погоняет веревочными вожжами лошадь, но лошадь неловко тычет ногами, колокольчики звенят в разбивку, телега не в лад стучит по дороге, удалая песня выходит фальшивой... Слава Богу, показываются более подходящие к этому серому дню фигуры. Едет кабатчик, возвращаясь из города с винными ящиками, в которых тяжело бултыкается в штофах зеленая влага, прокатил на дрожках, весь закиданный грязью из-под колес, урядник, а за ним в тележке поп, — рослый, рыжий поп в большой шапке и в тулупе с поднятым воротником, который повязан полотенцем, свернутым в жгут на груди и завязанным на спине в узел... А вот из-за бугра, сбегающего к лощине, показываются и деревья нашего сада...

Однако первым впечатлениям не следует доверять. Проходит два-три дня, погода меняется, становится свежей, и усадьба и деревня начинают казаться иными. Начинаешь улавливать связь между прежней жизнью и теперешней, и то, что вспомнилось мне при запахе антоновских яблок, — здоровье, простота и домовитость деревенской жизни, — снова пропаивает и в новых впечатлениях. Прошло почти пятнадцать лет, многое изменилось кругом, но я опять чувствую себя дома почти так же, как пятнадцать лет тому назад: по-юношески грустно, по-юношески бодро. И мне хорошо среди этой сиротливоющей и смиряющейся деревенской жизни» (с. 174–175).

В *НЛ*, 1921 следующий абзац начинается новым предложением: «Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью» (с. 25), а далее по тексту *ПСС*: «Дни стоят синеватые, пасмурные <...>». В конце данного абзаца в *НЛ*, 1921 исключено слово «вечером» (с. 25), в *ПСС*: «Иногда вечером заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед <...>» (с. 176).

Сокращено и изменено начало следующего абзаца:

ПСС

«Хуторянин любит осень, любит длинные вечера, долгую темную ночь в теплом и уютном кабинете. Встает он рано. Крепко потянувшись на лежанке, отчего со стуком падает на пол кирпич с ее угла («Давно, давно пора вмазать этот кирпич, — да все не соберешься!»), он идет к столу и, подымая брови и хмуясь, крутит толстую папиросу» (с. 176).

НЛ, 1921

«Мелкопоместный встает рано. Крепко потянувшись, поднимается он с постели и крутит толстую папиросу» (с. 25).

В результате сверок всех прижизненных публикаций рассказа «Антоновские яблоки» можно сделать следующий вывод. Было два варианта текста: для взрослых и для детей. На приведенных примерах правки наглядно видно, как изменился текст в книге «Избранные рассказы» в серии «Народно-школьная

библиотека». Именно для этой серии Бунин намеренно исключил сцену встречи на дороге с деревенской свадьбой и отдельные слова и выражения. Как видно из рассмотренной правки, в *ПСС* часть этих сокращений вернулась на свое место. В связи с этим, можно утверждать, что для эмигрантской публикации «Антоновских яблок» в *НЛ, 1921* Бунин редактировал рассказ по тексту *ПСС*.

Остается вопрос: имеем ли мы разные редакции рассказа «Антоновские яблоки» или это варианты? Этот вопрос, прежде всего, относится именно к «взрослому» варианту рассказа. При всех довольно значительных изменениях текста, на наш взгляд, говорить о разных редакциях рассказа «Антоновские яблоки» в дореволюционный период не приходится. Содержание и идея рассказа во всех публикациях оставались одинаковой, эти основные элементы автор не менял. Основная правка рассказа была осуществлена автором при подготовке изданий: *СС, 1902; Перевал, 1912; ПСС*. Следует отметить, что настроение рассказа между этими публикациями, безусловно, значительно изменилось. От издания к изданию Бунин постепенно убирал лирический оттенок рассказа, который становился с каждой новой публикацией строже, лаконичнее, сдержаннее.

Наиболее радикальные изменения в текст рассказа были внесены в эмигрантской публикации в *НЛ, 1921*. Это и понятно, потому что это требовало и время, и место этого издания. В связи с этим эту публикацию можно назвать другой редакцией. Автор отказывается от некоторых имен действующих лиц, убирает временные определения («через пятьдесят лет», «лет двадцать тому назад», «прошло почти пятнадцать лет»), значительно сокращает текст, появляются и новые акценты («Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»; «Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью»).

Таким образом, было четыре основные этапа работы над текстом этого рассказа: *СС, 1902; Перевал, 1912; ПСС; НЛ, 1921*. На каждом этапе рассказ подвергался существенной правке, которая, главным образом, состояла в сокращении текста. Если говорить об изменениях текста (замена одних слов или фраз другими, включение новых предложений и фраз), то они начинают встречаться уже в *СС, 1903*, затем в *Перевале, 1912*, а в основном появляются в *НЛ, 1921*. До *ПСС* рассказ, безусловно, претерпел немало изменений, но в основном он остался прежним, а в эмиграции, помимо того, что «Антоновские яблоки» были значительно сокращены, они получили и довольно определенные содержательные изменения. Если в российских публикациях этот рассказ читался как рассказ — повествование, то в эмигрантской редакции это уже рассказ — воспоминание.

На основании всего вышеизложенного следует решить один из главных текстологических вопросов относительно рассказа «Антоновские яблоки» — выбор основного текста. Принимая во внимание творческую волю автора, в данном случае следует избрать в качестве основного текста публикацию рассказа «Антоновские яблоки» в *НЛ, 1921*. Однако в разделе вариантов не-

обходимо представить полный свод разнотений во всех публикациях рассказа и рассмотреть всю историю его текста.

В рамках исследуемой нами темы вновь встает вопрос о проблеме датировки прозы И.А. Бунина. В датировке рассказа «Антоновские яблоки» сомнений нет — это рассказ 1900 г. Следовательно, и располагаться он должен на своем хронологическом месте, но в редакции 1921 г. Вот здесь начинается определенная сложность: в 1900 г. И. Бунин написал несколько другой рассказ «Антоновские яблоки». Первая и последняя редакции (1900 и 1921) рассказа во многом отличаются. При этом главные кардинальные отличия появились именно в редакции *НЛ, 1921*. В связи с этим необходимо применить двойную датировку этого рассказа: 1900; 1921. Однако вопрос о расположении «Антоновских яблок» на его хронологическом месте в 1900 г. можно решить положительно, т.к. в целом рассказ, хотя и получил отчасти даже и содержательные изменения, остался прежним — и по форме, и по тематике, и по настроению.

Тем не менее вопросы выбора основного текста каждого рассказа и его места в хронологическом ряду будущего научного собрания сочинений И.А. Бунина остаются довольно сложными и требуют дальнейшего исследования.

Литература

Бунин И.А. [Собрание сочинений]. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1902. Т. 1. Рассказы. 290 с.

Бунин И.А. [Собрание сочинений]. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1903. Т. 1. Рассказы. 2-е изд. 286 с.

Бунин И.А. [Собрание сочинений]. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1904. Т. 1. Рассказы. 3-е изд. 286 с.

Бунин И.А. Антоновские яблоки: Картинки из книги «Эпитафии» // Жизнь. СПб., 1900. № 10. С. 149–166.

Бунин И.А. Избранные рассказы. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 130 с. (Серия «Народно-школьная библиотека»).

Бунин И.А. Избранные рассказы. 2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 116 с. (Серия «Народно-школьная библиотека»).

Бунин И.А. Избранные рассказы. 3-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 116 с. (Серия «Народно-школьная библиотека»).

Бунин И.А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. 270 с.

Бунин И.А. Перевал и другие рассказы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912. 344 с.

Бунин И.А. Перевал. Рассказы 1892–1902 гг. 5-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. 368 с.

Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2. 248 с. Приложение к журналу «Нива».

Сурпин М.Л. В творческой лаборатории И.А. Бунина. (Работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период). Сб. 4: Творчество И.А. Бунина. Калуга, 1973. С. 3–16.

References

- Bunin I.A. [Sobranie sochinenii] [Collected Works]. Saint Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1902. Vol. 1. Rasskazy [Stories]. 290 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. [Sobranie sochinenii] [Collected Works]. Saint Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1903. Vol. 1. Rasskazy [Stories], 2 ed. 286 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. [Sobranie sochinenii] [Collected Works]. Saint Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1904. Vol. 1. Rasskazy [Stories], 3 ed. 286 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Antonovskie iabloki: Kartiny iz knigi «Epitafii» [Antonov apples: Pictures from the book "Epitaph"]. Zhizn', Saint Petersburg, 1900, no 10, pp. 149–166. (In Russ.)
- Bunin I.A. Izbrannye rasskazy [Selected Stories]. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1914. 130 p. (Series "National School Library"). (In Russ.)
- Bunin I.A. Izbrannye rasskazy [Selected Stories], 2 ed. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1918. 116 p. (Series "National School Library"). (In Russ.)
- Bunin I.A. Izbrannye rasskazy [Selected Stories], 3 ed. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1919. 116 p. (Series "National School Library"). (In Russ.)
- Bunin I.A. Nachal'naia liubov' [Initial love]. Prague, Slavianskoe izdatel'stvo Publ., 1921. 270 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Pereval i drugie rasskazy [Pass and other stories], 4 ed. with changes and add. Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1912. 344 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Pereval. Rasskazy 1892–1902 gg. [Pass. The stories of 1892–1902], 5 ed. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1913. 368 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii: V 6 t. [Complete Works: In 6 vols.]. Petrograd, Izd. T-va A.F. Marks Publ., 1915. Vol. 2. 248 p. Appendix to the "Niva" magazine. (In Russ.)
- Surpin M.L. V tvorcheskoi laboratorii I.A. Bunina. (Rabota nad rasskazom "Antonovskie iabloki") [In the creative laboratory of Ivan Bunin. (Working on the story "Antonov apples")]. Russkaia literatura XX v. (Dooktiabr'skii period). Sb. 4: Tvorchestvo I.A. Bunina [Russian literature of the twentieth century. (Pre-October period)]. Coll. 4: Works by Ivan Bunin]. Kaluga, 1973, pp. 3–16. (In Russ.)

TEXTOLOGY OF IVAN BUNIN'S STORY "ANTONOV APPLES"

© 2019, SERGEY MOROZOV

Abstract: The article deals with the textology of Ivan Bunin's story "Antonov apples", analyzes 11 lifetime publications of this work, reveals numerous discrepancies: reductions, changes and variations of the text. A separate problem is the issue of dating the story and the problem of choosing its place in the chronological series of the future academic collection of works by Ivan Bunin.

Keywords: Ivan Bunin, the story "Antonov apples", textology, dating, text history, academic collection of works.

Information about the author: Sergey Morozov, Candidate of Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya str, 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

ДНЕВНИКИ И.А. БУНИНА 1920–1953 гг.: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

© 2019, Т.М. ДВИНЯТИНА

Аннотация: В статьерабатываются правила публикации дневников И.А. Бунина эмигрантских лет: восстанавливается список источников собственно дневниковых записей, оговариваются правила их отбора из записных книжек и отдельных фрагментов архива, обсуждается вопрос общей композиции публикации и принципов комментирования, определяется место дневниковых записей среди мемуарных заметок и художественных набросков.

Ключевые слова: И.А. Бунин, дневники, эмиграция, архивы, источники, текстология, научное издание.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

И.А. Бунин говорил, что дневники — «одна из самых прекрасных литературных форм»¹, но сам большую часть своих дневников сжег. Он по крайней мере дважды избавлялся от записей, которые не хотел доверять чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 г. мы знаем из записи его жены, Веры Николаевны Буниной², о том, как это было в 1941 г., — из его собственной: «Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клошков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни»³.

Очевидно, что таких случаев было в его жизни значительно больше. В декабре 1931 г. Бунин признался жене, что сжег семнадцать страниц «Жизни Арсеньева»⁴. В 1934 г. он забрал у Г.Н. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их⁵. О том, что «различные тетрадки с картонными обложками» время от времени становились жертвой «аутодафе, которые Бунин периодически

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

¹ И далее: «Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. С. 149; запись от 23 февраля 1916 г.).

² См.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. <...> “Я не хочу показываться в одном белье”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 145–146; запись от 30 июля 1925 г.).

³ Устами Буниных. Т. 3. С. 86. Запись И.А. Бунина от 8 марта 1941 г.

⁴ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В.Н. Буниной, запись от 24 декабря 1931 г.

⁵ РАЛ. MS 1067/532. Дневник И.А. Бунина, запись от 2 мая 1940 г.

устраивал в своей печурке», вспоминал и А.В. Бахрах, проведший военные годы в доме Бунина в Грассе¹. Наконец, разбирая свой архив перед планировавшейся отправкой его в Колумбийский университет (Нью-Йорк) в конце 1952 г., Бунин имел возможность избавиться от тех рукописей, которые не должны были, по его мнению, попасться на глаза «каким-то литературоведам», — «а чрезмерной благосклонностью к ним он не отличался»². А.В. Бахрах, которому принадлежит последнее наблюдение, описал один из своих разговоров с Буниным: тот признался, что ведет дневник и «невольно делает это с оглядкой на печать <...> Ведь это профессиональная деформация, — добавил он, улыбнувшись, но одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. — <...> Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками ни случилось, полный их текст никогда не увидит света»³. В заметках «К моему литературному завещанию» Бунин писал: «Дневники мои <...> мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем»⁴.

Возвращаясь к предыдущему замечанию Бунина, надо согласиться: не только полный текст его дневников не существует более (и принимая во внимание вышесказанное, никогда не существовал), но и те фрагменты, которые не были уничтожены автором, приходится собирать по частям в разных сегментах его архива. В тетрадях остались только дневники 1941–1945 гг.⁵ Все прочие дневниковые записи Бунина — первичные, сохраненные им на протяжении всей жизни, или позднейшие, переписанные в более поздние своды с начальных, — рассеяны: они встречаются и в составленных самим Буниным дневниковых подборках, и в записных книжках, и среди единичных записей на отдельных листах или обрывках бумаги.

Часть дневников Бунина уже была напечатана в трехтомном издании «Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы», подготовленном М.Э. Грин⁶. Задача нынешнего этапа — полная публикация дневников И.А. Бунина (и, в перспективе, В.Н. Буниной).

¹ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступит. статья, comment. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 175–176.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 119.

⁴ Бунин И.А. К моему литературному завещанию // Новый журнал. Нью-Йорк. 1961. Кн. 66. С. 172.

⁵ РАЛ. MS 1066/533–535, в общей сложности эти дневники включают в себя записи с 1 февраля 1941 по 24 марта 1945 гг.

⁶ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt a/M., 1977–1982.

Приведем перечень источников дневников И.А. Бунина 1920–1953 гг.

1920 — РАЛ. MS 1066/517. Единичная запись (19 августа), маш. с правкой.

1921 — РАЛ. MS 1066/518. Маш. с правкой (до 6/19 апреля), затем рукопись на бумаге «с тремя дырочками»¹ и на вырванных из тетрадей листах; запись 9 октября — вновь машинопись, с 27 октября — снова рукопись.

1922 — РАЛ. MS 1066/519. Начало — рукопись, с 6/19 января — машинопись, запись 1/14 сентября — снова рукопись, с 20 сентября / 3 октября — вновь машинопись, с 28 ноября / 11 декабря — опять рукопись. Все записи сделаны на бумаге “Omo Ring Book”.

1923 — РАЛ. MS 1066/520. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

1924 — РАЛ. MS 1066/521. Рукопись на отдельном листе (3 марта) и на бумаге “Omo Ring Book”.

1925–1927 — дневниковых записей нет.

1928 — РАЛ. MS 1066/522–523. Два дневниковых «свода»: на трех больших листах (MS 1066/522), на листке, вырванном из блокнота (MS 1066/523).

1929–1931 — РАЛ. MS 1066/524. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

1932–1933 — РАЛ. MS 1066/524–525. Записи на разноформатных листах (вырванных из тетради, из блокнота, на бумаге “Omo Ring Book”); записи 1932 и 1933 гг. частично перепутаны.

1934 — РАЛ. MS 1066/526. Рукопись (один лист, дневниковый свод) на бумаге “Omo Ring Book”.

1935 — РАЛ. MS 1066/527. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1936 — РАЛ. MS 1066/528. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1937 — РАЛ. MS 1066/529–530. Рукопись на двух разных листах бумаги: один — “Omo Ring Book”, другой — вырван из блокнота «на пружинках».

1938–1939 — РАЛ. MS 1066/531. Рукопись на одном листе бумаги “Omo Ring Book”.

1940 — РАЛ. MS 1066/532. Рукопись на больших тетрадных листах без переплета (до 28 апреля) и на бумаге “Omo Ring Book” (начиная с 30 апреля; в этой части отдельные записи вырезаны и наклеены на белые листы бумаги).

1941 — РАЛ. MS 1066/532–534:

MS 1066/532 — записи со 2 января (начало дневника) по 30 января — на бумаге “Omo Ring Book”.

MS 1066/533 — тетрадь, рукопись, 2 февраля — 10 августа 1941 г.

MS 1066/534 — тетрадь, рукопись, с 11 августа 1941 г. (по 28 февраля 1942 г.).

¹ В 1938 г., в пору активной работы над рассказами «Темных аллей» он просил В.Н. Бунина купить такую в ближайшем канцелярском магазине на Avenue Mozart: «называется Ommo Ring Book, intérieur № 66» (РАЛ. MS 1066A/182; письмо от 15 октября 1938 г.; имеется в виду бумага, выпускавшаяся фирмой канцелярских принадлежностей “Omo Ring Book”). В дальнейшем будем называть ее «бумага “Omo Ring Book”».

1942 — РАЛ. MS 1066/534–535:

MS 1066/534: продолжение в тетради (рукопись), начатой в 1941 г., 1 января — 27 февраля.

MS 1066/535: 1 марта — 31 декабря 1942 г. (и дальше в той же тетради записи 1943–1945 гг.).

1943–1945 — РАЛ. MS 1066/535. Тетрадь, рукопись, 1 января 1943 г. — 24 марта 1945 г.

Иными словами, дневники Бунина до 1940 г. представляют собой рукописные или машинописные записи, тщательно отобранные автором из разных источников (несохранившихся тетрадей, блокнотов и т.д.) и отредактированные автором. Судя по бумаге, эта подборка была сделана во второй половине 1930-х гг.¹ Можно сказать, что все эти записи относятся к отдельным событиям бунинской жизни и сохранились в его архиве после того, как все остальные, несомненно существовавшие, записи были уничтожены. Тем самым целостность дневника 1920–1939 гг. оказалась утрачена. Помимо общего бунинского нежелания «показываться в одном белье»² перед досужим читателем, причиной было, по всей вероятности, тяжелейшее расставание с последней возлюбленной, Г.Н. Кузнецовой, растянувшееся для Бунина, по крайней мере, до начала 1940-х гг.: недаром за годы начала их романа (1926–1927 гг. и предшествующий им 1925 г.) не сохранилось вовсе ни одной записи.

Начиная с 1940 г. Бунин возобновляет регулярный дневник³, и его записи 1940-го, а затем тетради дневников 1941–1945 гг. — наиболее выстроенный, полный и подробный сохранившийся фрагмент его подневных записей.

После 1945 г. Бунин, судя по всему, уже не вел постоянного дневника. Во всяком случае относящихся к этим годам тетрадей дневников или позднейших, специально составленных дневниковых подборок Бунина не сохранилось и, скорее всего, не было. Если бы они были, Бунин в последние годы уничтожил бы, скорее, отдельные записи, перенеся их в дневниковые своды, — однако отдельные записи остались, а сводов послевоенных лет в его архиве нет. Таким образом, дневниковые записи его последних лет жизни могут быть воссозданы только по материалам его записных книжек и разрозненных единичных заметок⁴.

¹ Если в 1938 г. Бунин должен был подробно описать жене, какая именно бумага ему нужна, то очевидно, до тех пор она еще не была для него «основной», иначе бы В.Н. Бунина, перепечатывавшая тексты мужа, знала бы это без дополнительных объяснений. В таком случае «уничтожение дневников» в 1925 г., о котором писала В.Н. Бунин (см. выше) затрагивало более ранние записи (до 1920 г.).

² См. примеч. 3.

³ См. запись Бунина в дневнике 1 марта 1941 г.: «Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад!» (РАЛ. MS 1066/533).

⁴ Из них пять записей нашли отражение в биографическом своде «Устами Буниных» (см. выше): 14 октября 1946 г., 2–3 октября 1949 г., 27–28 января, 23 февраля и 2 мая 1953 г.

Первая из полностью сохранившихся записных книжек Бунина, содержащих в том числе записи дневникового характера, датируется 1944 г.¹ Всего до конца жизни Бунин успеет начать десять записных книжек². В пяти из них (РАЛ. MS 1066/548, MS 1066/550, MS 1066/551, MS 1066/555, MS 1066/556) записи, относящиеся к конкретным дням жизни, присутствуют вкраплениями среди других, не имеющих четкой хронологической привязанности записей всего, что занимало ум и душу Бунина в это время. Способ адекватной публикации этих записей представляет отдельный вопрос. На наш взгляд, наиболее точной и корректной подачей их была бы двойная публикация: и в составе собственно записных книжек, и в составе дневников. Таким образом удалось бы передать и конкретное, «дневниковое», и более общее, «поэтическое» течение бунинской мысли, сохранив при этом целостность каждого из них³.

Как уже сказано выше, дневниковые записи поздних лет (с 1945 по 1953 гг.) остались и на отдельных листах, обрывках бумаги и т.д. Назовем здесь несколько архивных источников, которые не должны ускользнуть от внимания публикатора: РАЛ. MS 1066/538–544, MS 1066/577, MS 1066/565, MS 1066/557, MS 1066/418, MS 1066/457–458, MS 1066/459, MS 1066/557, MS 1066/465, MS 1066/594. По ним должны быть собраны дневниковые записи Бунина 1946–1953 гг.

Итак, публикацию дневников Бунина эмигрантских лет призваны составить все записи, переписанные и/или сохраненные им из дневников 1920–1939 гг., тетради 1941–1945 гг., записи дневникового характера из записных книжек 1944–1953 гг. и дневниковые заметки, оставленные на разных листах и обрывках бумаги. Отдельные записи, не сохранившиеся в рукописи Бунина, могут быть опубликованы по машинописным копиям, сделанным В.Н. Буниной с дневников 1920–1922 гг. (см. выше), и по ее рукописным копиям, снятым в последние годы с записей Бунина последних лет⁴.

Включение в публикацию *дневниковых заметок из записных книжек* требует точного определения принципов их отбора и дефиниции самого понятия.

Под дневниковыми записями понимаются записи событий, впечатлений и размышлений, приходящиеся на конкретные дни текущей жизни. В них не

¹ РАЛ. MS 1066/548. См.: Двинятина Т.М. Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131–146 (Тр. Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215).

² РАЛ. MS 1066/547–556.

³ Так см. в наших публикациях: И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; И.А. Бунин. Дневники 1946–1953 гг. // Русская литература. 2019. № 1. С. 178–192.

⁴ Переписанные В.Н. Буниной записи Бунина см.: РАЛ. MS 1066/557. Из записей 1944–1953 гг. лишь одна (января 1950 г., см. ниже, примеч. 32) представлена в Бунинской коллекции только в копии В.Н. Буниной.

входят ни творческие наброски, ни мемуарные заметки, ни готовые рукописи произведений, ни отпуски отправленных писем¹.

Характер записных книжек не предполагает строгой хронологии и тематического единства. Бунин, во-первых, имел обыкновение сводить в записные книжки разрозненные фрагменты, прежде набросанные им на случайных листах или обрывках², во-вторых, он мог параллельно пользоваться не одной, а несколькими тетрадями, и страницы одной записной книжки заполнять не-последовательно, порой занося свои заметки на любые свободные страницы³. Собственно дневниковые записи оказывались там в ряду иных, время записи которых представлялась Бунину неважным, — они и остались недатированными. Но те записи, которые в этом потоке мыслей, образов, заметок, воспоминаний Бунин отметил конкретной датой (не тем временем, к которому относится записанное воспоминание, и не датой, которая вместе с цитатой оказалась взятой из источника, откуда он сделал ту или иную выписку, а датой его личного переживания и письменного запечатления), могут и должны рассматриваться в том числе в контексте его дневниковых записей.

Иными словами, определяющим признаком дневниковой записи является синхронная событию авторская дата.

Однако из этого правила есть исключения. Во-первых, оно не действует применительно к дневниковым «сводам», составленным на основе уничтожаемых дневников: в этом случае свод является единственной и равноправной заменой дневнику (это касается, главным образом, записей 1920–1930-х гг.). Во-вторых, некоторые записи, имеющие конкретную дату, продолжаются другими, формально не имеющими даты, но определенно связанными с предыдущими временными указаниями и приуроченностью к текущим событиям (это относится к более поздним записям). В таком случае и те, и другие могут рассматриваться как дневниковые (см., например, две записи «Вчера, 10/23 окт. 1949 г. <...>» и «Нынче Вера видела...»⁴). Если же временных привязок между записями нет, то только в редких случаях очевидное совпадение чернил, почерка, наклона письма позволяет объединять записи, со-

¹ Примерами таких записей, присутствующих в записных книжках Бунина и не относящихся к дневниковым, могут быть ретроспективная заметка «Начало января 33 г. Мы с Г<алиной> в Париже в отеле Пажу — больны оба» (РАЛ. MS 1066/550) и стихотворение «Х. Аллю Б. нередко прославлял...» (РАЛ. MS 1066/551), датированное «Весна 1945 г.», но записанное, очевидно, позже (так как записано оно синей шариковой ручкой, которой у Бунина весной 1945 г. в только освободившемся от войны Грассе еще не было).

² См. записи от 10 декабря 1950 г. и 17 января 1951 г., расположенные в одной и той же записной книжке в обратной последовательности (РАЛ. MS 1066/554. Лл. 2, 3).

³ См. две записи 10 ноября 1944 г., помещенные в одной записной книжке отнюдь не на соседних страницах (РАЛ. MS 1066/548. Лл. 31–31 об., 39), а также записи декабря 1952 г., имеющие разные источники (РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1; РАЛ. MS 1066/457).

⁴ РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 23–23 об.

проводженные авторской датой с формально не датированными соседними (см. 14 октября 1944 г.¹, 29 марта 1950 г.², 17–18 мая и 22–23 июня 1951 г.,³ 8–9 декабря 1952 г.⁴).

Если в отдельных (не связанных с датированными) записях встречаются временные маркеры («вчера» и т.п.), то при отсутствии прочих хронологических указателей они к дневниковым записям не относятся, пребывая в кругу записей значительно более широкого характера.

Так же и записи, взятые, возможно, из других источников и не подкрепленные датировками самого Бунина, остаются за рамками дневниковых. Так, например, запись «24 дек. 47 г. на 84-м году жизни умер в Москве С.Л. Толстой»⁵, судя по контексту всей записной книжки, чернилам и т.д., была сделана вскоре после получения известия, в ней отраженного, но за немением решающего аргумента — даты Бунина — в собственно дневниковые записи включена быть не может.

Наконец, в дневниковые записи не включаются вклеенные в записные книжки газетные вырезки, как, например, лист отрывного календаря от 16 февраля 1948 г., на котором в качестве памятных дат отмечены те или иные события: например, годовщины смерти Э. Багрицкого (1934) и И.М. Москвина (1945)⁶.

Отбор и публикация записей дневникового характера, оставленных Бунином на обрывках или отдельных листах бумаги, в целом, подчиняются правилам, описанным выше. Как и в случае записных книжек, в дневниковый свод не включаются записи, не имеющие даты; единственное исключение — запись января 1950 г., в самой себе несущая однозначное указание о времени, когда она сделана⁷.

Точно так же в дневниковые записи не входят выписки, лишенные дополнительных бунинских помет или комментариев и датированные только датой источника, из которого они взяты. Примерами могут служить выписка из дневника Б.К. Зайцева от 10 мая 1945 г. (в данном случае дата при-

¹ РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 34–34 об.

² РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 28.

³ РАЛ. MS 1066/553 (записная книжка). Л. 20–21; РАЛ. MS 1066/551 (записная книжка). Л. 23–23 об.

⁴ РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1 об.

⁵ РАЛ. MS 1066/550. Л. 2 об.

⁶ Первая дата была подчеркнута Бунином красной шариковой ручкой один раз, вторая — дважды и дополнительно отчеркнута на полях. Возможно, что о смерти Москвина, с которым Бунин был знаком с гастроляй МХТ в Ялте в апреле 1900 г. (тогда театр привез и показывал в присутствии Чехова четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокие» Г. Гауптмана и «Гедда Габлер» Г. Ибсена) и которого встречал во время гастролей МХТ в Париже в декабре 1922-го и в декабре 1929 г., Бунин и узнал из этого календаря в 1948 г.

⁷ «30 лет, как я покинул Россию (значит, это написано в 1950 году. — прим. В.Н. Буниной)» (РАЛ. MS 1066/557; запись и пояснение рукой В.Н. Буниной).

надлежит дневнику Зайцева, а не Бунина)¹ и записи по поводу языковых экспериментов Ремизова, которые стали постоянной темой бунинских разговоров последних лет².

Стоит учитывать, что часть единичных записей, хоть и была датирована Бунином, носит, скорее, не дневниковый, а мемуарный или художественный характер, поэтому решение относительно них требует особого обоснования³. Творческие рукописи Бунина, как правило, имеют дату, фиксирующую время окончания работы над ними и, соответственно, поставленную под текстом, в конце. В дневниковой записи место проставления даты может варьироваться: она может стоять и до текста, и после него, и быть включена в саму заметку (см. записи от 1 июля 1944 г.⁴, 2, 3 и 5 декабря 1952 г.⁵). Из этого следует, что наличие в тексте даты, поставленной в самом начале, должно как будто по определению вынести его из разряда художественных и приблизить к дневниковым. Но это правило соблюдается не всегда, и решающим аргументом здесь по-прежнему является характер записи, что подтверждается, по крайней мере, двумя примерами. Во-первых, это набросок «Отель на Антибском мысу» (перед его заглавием стоит дата: «10.6.44»), имеющий характер творческого эскиза к возможному / будущему рассказу и никак не связанный с событиями текущей бунинской жизни⁶. Во-вторых, это наброски, в первоначальной рукописи начинающиеся словами: «Вспоминаю происхождение моих рассказов...», — еще до этих слов даны время и место «вспоминаний»: «Сентябрь 1944 г., Grasse, A<lpes> M<aritimes>⁷».

Если же в датированной записи сходятся личное и художественное, воспоминания о прошлом и ощущения сегодняшнего дня и разделить их — значит нарушить целостность запечатленного высказывания, то при всей условности такого определения она может публиковаться и в составе записных книжек, и в составе дневниковых записей. Например:

10.3.45. Grasse, A<lpes> M<aritimes>

В теплую, светлую ночь в июле, в деревне, в одинокой возле нее, давно необитаемой усадьбе, где когда-то родился его отец, ночевал в кабинете с открытыми окнами.

Из окон виден широкий, заросший травой двор, за разрушенной каменной оградой которого деревенский выгон, а за ним поля. Ночь веселая, мирная —

¹ РАЛ. MS 1066/715 (178).

² РАЛ. MS 1066/715 (128), (130), (133).

³ Для записных книжек оно нерелевантно: все пограничные случаи так или иначе датированных записей в них разобраны нами выше.

⁴ РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 20 об. –21.

⁵ РАЛ. MS 1066/459 (записи 2 и 5 декабря 1952 г.); РАЛ. MS 1066/557 (запись 3 декабря 1952 г., рукой В.Н. Буниной).

⁶ РАЛ. MS 1066/614.

⁷ РАЛ. MS 1066/665.

и даль особенно прекрасна там, напротив, в полях, под светлым южным небосклоном.

Казалось, что выходил в сад за домом — по комнатам в сумраке, по залу, потом по гостиной и по балкону, по его склонившим доскам. Сад редкий, мелкий, одичавший, тоже сливаются вдали с полями под северным небосклоном, спокойным и несколько сумрачным, грустным. От балкона идут среди кустов и старых яблонь два ряда старых берез, оставшихся от вырубленной аллеи. Тень от крыши дома падает до одной из них, ближней, ствол которой особенно бледно-ярок от лунного света, и звездное небо над ее высокой вершиной кажется глубже... Потом опять кабинет — и сон или явь? Окна в теплом месячном свете, в комнате легкий сумрак. И из сумрака слышен ласковый, спокойный голос отца, невидимого, давно умершего. Его расспросы, долгая беседа с ним, рассказ ему о своей жизни...¹

Этот фрагмент может служить выразительным образцом того, насколько зыбкой была у Бунина грань между дневниками записями, мемуарными заметками и художественными набросками. Возможно, он представляет собой изложение сна или набросок рассказа. Неопределенная модальность высказывания («сон или явь») отражена и в неопределенности того «я», от лица которого ведется речь (сам Бунин? рассказчик? герой?). Запись сделана на одном из листов, сложенных вместе, на которых зафиксированы размышления, воспоминания, выписки Бунина из разных книг и т.д. Собрание этих листов по своему характеру приближается к записным книжкам и отличается от них только отсутствием общего переплета. Наряду с явным личным характером высказывания, отнести эту запись к дневниковым позволяет дата и точное место, данные так, как обычно это было в дневниковых записях Бунина².

Отдельного внимания при публикации дневников заслуживает вопрос общей композиции материала. Думается, что наиболее взвешенным здесь был бы принцип «один год — один комментарий», при котором комментарий к записям за конкретный год следует сразу за ними. Это позволяет параллельно и цельно представить год жизни Бунина и в его собственном изложении, и в историко-бытийном контексте. Более дробное деление (по записям) повредило бы внутреннему единству хронологических отрезков, более общее (вынесение всех комментариев в конец публикации) — стерло бы границы между периодами.

При этом надо помнить, что такая рубрикация не всегда совпадает с соотношением «один год — один источник». Как следует из приведенного выше описания источников, записи за один год могут иметь в бунинском архиве

¹ РАЛ. MS 1066/568.

² Другим примером может служить заметка от 15 мая 1951 г. «Не раз слышал я в детстве, как говорили про кого-нибудь...» (РАЛ. MS 1066/418). Датировка Бунина и протяженность этой, в целом мемуарной, записи в его будущее позволяет рассматривать ее в ряду дневниковых записей.

разные источники и, как следствие, быть распределенными между разными единицами хранения. Так, между двумя разными источниками поделены и 1928, и 1942 гг.¹, между тремя источниками — 1941 г. Записи 1938–1939 гг., напротив, объединены одним источником, а записи 1932–1933 гг., хотя и имеют два источника, но перемешаны внутри них, и т.д. Все источники, по которым печатаются записи одного года, с точным описанием их соотнесенности с конкретными периодами внутри него, должны быть предметом описания в «легенде», следующей за «общегодовым» текстом и предваряющей комментарий к нему.

От этого правила придется сделать три отступления.

Первое касается дневниковых записей апреля — июня 1928 г. Выписывая на будущее из дневников этого года лишь избранное (и, судя по всему, уничтожив основное, см. выше), Бунин составил два пересекающихся свода: один на трех больших листах (РАЛ. MS 1066/522), другой на листке, вырванном из блокнота (РАЛ. MS 1066/523). Записи, относящиеся к периоду 6 апреля — 21 июня, не совпадающие друг с другом, присутствуют и в том, и в другом. Перемежать их, укладывая в одну хронологическую «линейку», значило бы нарушить цельность каждого свода и сеять недоумение, отчего события одного дня дважды и с некоторой разницей представлены в едином потоке бунинских дневников. Логичнее и яснее оставить двумя самостоятельными сводами, сохранив представление о двух разных текстах, которыми Бунин оставил события этого времени в своем наследии.

Второе отступление охватывает дневниковые записи 1944–1945 гг., сделанные и в тетради (РАЛ. MS 1066/535), и в записных книжках. Они также могли бы быть представлены параллельно: после записей марта 1945 г. (на которых заканчивается последний «регулярный» дневник) уместно привести отдельную подборку дневниковых записей 1944–1945 гг., рассеянных по разным источникам.

Третье относится к записям 1946–1953 гг., не имеющим авторского свода и так же распыленным по разным листам и обрывкам бумаги. Эти последние дневниковые заметки Бунина не только имеют в каждом случае самостоятельный источник, но и инспирированы никак не связанными между собой впечатлениями или поводами. Явленная в публикации атомарность записей в этом случае была бы адекватным отражением дробности, прерывистости жизненного течения, в котором Бунин оказался после 1945 г.²

¹ При этом за 1942 г. есть еще две одиночные записи: РАЛ. MS 1066/536, 537, оставленные на отдельных листах. Представляется возможным включить их в общую хронологию, оговорив отдельный источник в примечании.

² Позднее Бунин вспоминал о переломном для него 1945 г.: «<...> до возвращения в Париж из Грасса, до мая 45-го года, я молодым козлом носился вверх и вниз по той почти отвесной горе, на которой стоит та английская вилла, где жили мы все время войны, да даже первый, и, кажется, второй год в Париже был еще ничего себе, а осенью второго года схватил воспаление легких, —

Наконец, особо стоит оговорить принципиальную *полноту публикуемых текстов*, также и в тех случаях, когда отдельные его фрагменты могут шокировать современного читателя. Бунин не готовил дневник к печати, сохраняя его для своей «внутренней» биографии. И публикатор, который его сегодня обнародует, и читатель, который его открывает, должны быть готовы к разным проявлениям личности того, в чей мир они таким образом вторгаются.

В целом, публикация дневниковых записей Бунина эмигрантских лет предложит значительно более содержательный и глубокий взгляд на его жизнь и мировосприятие, чем это было возможно раньше, и привлечет внимание не только специалистов, но и всех, кому интересен художественный мир этого писателя.

Литература

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступит. статья, коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. 592 с.

Двинятина Т.М. Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131–146. (Tr. Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215.)

И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. Дневники 1946–1953 гг. / Вступит. статья, подгот. текста и comment. Т.М. Двинятиной // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; 2019. № 1. С. 178–192.

Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Звеерса // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. Кн. 118. С. 120–128.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Bakhrakh A.V. *Bunin v khalate. Po pamiaty, po zapisiam* [Bunin in a dressing gown. By memory, by records], ed. by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2006. 592 p. (In Russ.)

Dvinatiina T.M. *Zapisnaya knizhka I.A. Bunina 1944 g.: Svod zhizni i putevoditel' po tvorchestvu* [Notebook of Ivan Bunin of 1944: Life and Guide to Works]. *Khudozhestvennaya antropologiya Serebrianogo veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Literaturnye chtenia»* [The artistic anthropology of the Silver Age: Proceedings of the international academic conference “Literary readings”]. Saint Petersburg, 2017, pp. 131–146. (Tr. Sankt-Peterburgskogo gos. instituta kul’tury; t. 215.) (In Russ.)

I.A. Bunin. *Iz dnevnikov 1944–1945 gg. Dnevniki 1946–1953 gg.* [Ivan Bunin. From the diaries of 1944–45. The Diaries of 1946–53], ed. by T.M. Dvinatiina. *Russkaia literatura*, 2018, no 4, pp. 190–201; 2019, no 1, pp. 178–192. (In Russ.)

всю мою жизнь бывших на редкость отличных, а с тех <пор> пошла писать губерния!» (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Звеерса // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. Кн. 118. С. 121. Письмо от 26 марта 1951 г.).

Pis'ma I.A. Bunina k F.A. Stepunu [Letters of Ivan Bunin to Fiodor Stepun], publ. by A. Zveers. *Novyi zhurnal* (NY), 1975, book 118, pp. 120–128. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevnikи Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [From the mouth of the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by Militsa Grin. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

IVAN BUNIN'S DIARIES OF 1920–53: TEXTOLOGICAL ASPECT

© 2019, TATIANA DVINIATINA

Abstract: The article develops the rules for publishing the diaries of Ivan Bunin's emigrant years: the list of sources of diary entries is restored, the rules for their selection from notebooks and separate fragments of the archive are discussed, the overall composition of the publication and commenting principles are discussed, the place of diary entries among memoirs and artistic sketches is determined.

Keywords: Ivan Bunin, diaries, emigration, archives, sources, textology, academic publication.

Information about the author: Tatiana Dviniatina, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

«СУНДУК С ВЫРЕЗКАМИ» ИВАНА БУНИНА*

© 2019, З.С. ЗАКРУЖНАЯ, О.А. КОРОСТЕЛЕВ

Аннотация: Статья посвящена малоисследованному корпусу материалов — коллекции газетно-журнальных вырезок, которую И.А. Бунин собирал на протяжении всей жизни. Коллекция насчитывает несколько десятков тысяч вырезок из русской и зарубежной периодики 1890—1950-х гг. и является собой богатейший материал для изучения жизни и творчества И.А. Бунина и всей его эпохи. Печатные отзывы о себе Бунин не только собирали и внимательно просматривали, но на многих оставлял свои маргиналии. Это уникальный свод суждений писателя о собственном творчестве и современной ему литературе и критике. Систематическая опись этих вырезок уже сама по себе была бы ценнейшим инструментом для ученых, а для исследователей, составляющих библиографию публикаций о Бунине, «Сундук с вырезками» — основоположный и необходимейший материал. В статье дается обзор материалов коллекции, которая после смерти писателя была разрознена и оказалась в хранилищах разных стран, основное внимание уделяется собранию Лидского университета (Великобритания). Авторы статьи полагают, что по материалам вырезок, на которых Бунин оставил свои маргиналии, можно судить о художественных принципах писателя, его взаимоотношениях с современниками, взглядах на жизнь и, прежде всего, о личности писателя и его отношении к собственному творчеству. В подтверждение своих положений авторы сопоставляют и анализируют отдельные маргиналии и ищут способ, как эти материалы могут быть введены в научный оборот. В приложении к статье дается описание одной из коробок «Сундука с вырезками».

Ключевые слова: И.А. Бунин, архивистика, рецепция, литературная критика, библиография, академическая эдиция.

Информация об авторах: Зоя Сергеевна Закружная — старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

Олег Анатольевич Коростелев — кандидат филологических наук, заместитель директора, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: okorostelev@mail.ru

Изучение жизни и творчества И.А. Бунина продолжается уже много десятилетий, но особо крупные свершения произошли в самые последние годы, в преддверии 150-летия со дня рождения Нобелевского лауреата. Появилась

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

наконец библиография его книг¹ и публикаций в периодике², начали выходить тома писем³, «Летописи жизни и творчества»⁴, выпуски специального издания, целиком посвященного И.А. Бунину⁵, вышло научное издание поэзии в серии «Библиотека поэта»⁶, готовится к выходу новый фундаментальный, в четырех книгах, том архивных материалов в серии «Литературное наследство», готовятся научные издания в серии «Литературные памятники». Все это составляет необходимую базу и позволяет предметно вести речь о подготовке академического собрания сочинений писателя⁷.

Работа в этом направлении уже начата⁸, однако до сих пор остается множество архивных материалов, еще не введенных в научный оборот. Отдель-

¹ Иван Алексеевич Бунин: Библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Йитка Кржесалкова. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики; Славянская библиотека, 2007. 503 с.

² Иван Алексеевич Бунин: Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Славянская библиотека, 2011. 335 с.

³ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и comment. С.Н. Морозова, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.; Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Отв. ред. С.Н. Морозов. Подг. текстов и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.

⁴ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

⁵ И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.; И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 536 с.; И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун 1934–1961 / Науч. ред. серии О.А. Коростелев, Р. Дэвис; Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит ст. Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

⁶ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, изд-во «Вита Нова», 2014. Т. 1. 544 с., Т. 2. 544 с.

⁷ Тема эта уже не раз поднималась исследователями: Закружная З.С. Академический Бунин. Текстологические проблемы подготовки научного собрания сочинений // Studia litterarum. 2017. Т. 2. № 4. С. 394–404; Закружная З.С., Коростелев О.А., Фролов М.А. Записи и выписки И.А. Бунина для академического собрания сочинений // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 65–73.

⁸ См. целый ряд появившихся в последнее время архивных публикаций, призванных стать источниковой базой для собрания сочинений: Коростелев О.А. «Вести из Пасси»: Рукописная газета В.Н. Буниной // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 348–369; Бунин И.А. Записная книжка / Подгот. текста и comment. Е.Р. Пономарева // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 227–246; Бакунцев А.В. Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 121–142; Двинягина Т.М. Нобелевский год И.А. Бунина (По материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. 2017. № 4. С. 143–161; Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

ный специфический корпус таких материалов представляет собой «Сундук с вырезками».

И.А. Бунин внимательно следил за печатными отзывами о себе и своем творчестве, и в эмиграции вновь, как и в свое время в России, заказал агентствам подписку на просмотр прессы и присылку вырезок. Помимо того, ему нередко присыпали опубликованные статьи и заметки друзья, коллеги, критики, читатели. Свою коллекцию Бунин хранил в отдельном сундуке, так и называя его «сундук с вырезками».

В целом бунинская коллекция насчитывает несколько десятков тысяч вырезок из русской и зарубежной газетно-журнальной периодики 1890-х–1950-х гг. Разбиравшая архив Бунина Т.И. Алексинская писала: «Очень обширен в архиве отдел иностранной прессы со статьями о творчестве Бунина. Он один занимает семь больших папок. Стихи и проза Ивана Алексеевича переведены на 19 языков, включая эсперанто, еврейский, турецкий и китайский <...> Весь же архив в целом — ключ к пониманию Бунина и свидетельство удивительного общения между писателем-творцом и теми, для кого он пишет. Большая культурная сокровищница»¹.

Коллекция впрямь является собой богатейший материал для изучения жизни и творчества И.А. Бунина и всей его эпохи. Здесь представлены едва ли не все возможные жанры: статьи, рецензии, интервью, заметки разнообразного содержания. Тут и хроника, и рецепция во всех мельчайших нюансах, и материал для оценки критики, журналистики, печатных изданий. По отношению к Бунину можно судить об эволюции умонастроений критиков, направления печатных изданий, добавлять дополнительные штрихи к литературной ситуации разных периодов и вносить коррективы в установившиеся мнения.

Систематическая опись этих вырезок уже сама по себе была бы ценнейшим инструментом для исследователей. А для исследователей, составляющих библиографию публикаций о Бунине, «сундук с вырезками» — основоположный и необходимейший материал².

Однако «сундук» важен не только в плане библиографии.

Печатные отзывы Бунин внимательно просматривал, а порой перечитывал и на многих оставил на полях свои замечания, комментируя те или иные оценки собственных произведений, соглашаясь или споря с авторами. Это

¹ Алексинская Т.И. Разбирая архив И.А. Бунина // Границы. 1953. № 18. С. 135.

² Библиография публикаций самого Бунина все же увидела свет стараниями чешских учеников, а библиография публикаций о нем пока что существует только в самом предварительном наброске, составители которого сразу оговорились: «Предлагаемый библиографический свод вынужденно не полон <...> носит выборочный, фрагментарный характер» (Иван Алексеевич Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / Составители Т.М. Двинятина, А.Я. Лапидус // И.А. Бунин: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 847). Эта работа должна быть продолжена в первую очередь, поскольку необходимость более полной библиографии очень велика.

уникальный свод суждений писателя о собственном творчестве и современной ему критике и литературе, тем более ценный, что Бунин о своих произведениях отзывался не часто. По свидетельству современника: «Бунин разговоров об источниках своего творчества не переносил, считая их чуть ли не бес tactностью, залезанием в его душу»¹. Но в маргиналиях на газетных вырезках он зачастую раскрывался и высказывал свои мнения и суждения, не оглядываясь на редакторов или цензуру и не делая скидку на возможного читателя.

Весь этот материал должен быть введен в научный оборот, и такая работа ведется. Сложность в том, что он оказался разрознен. После смерти Бунина коллекция вырезок, как и весь архив писателя, оказалась разделена на несколько частей и ныне находится в нескольких хранилищах разных стран: наибольшая часть в Русском архиве Лидского университета (Leeds, Great Britain), значительные части в РГАЛИ и ОР ИМЛИ РАН (Москва), а также в Орловском государственном объединенном литературном музее им. Тургенева (Орел).

Часть вырезок с маргиналиями Бунина хранится в отделе рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН в фонде № 3 («Иван Алексеевич Бунин»). Здесь статьи, заметки, рецензии и отзывы о Бунине из французской прессы (Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 43–95), статьи, отзывы и рецензии о Бунине из английской и американской печати (Ф. 3. Оп. 4а. Ед. хр. 1–12). Также в архиве имеются вырезки из немецкой прессы о Бунине (Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 31–70), однако без маргиналий писателя.

Еще часть отложилась в РГАЛИ в фонде № 44 («Бунин Иван Алексеевич»), см. раздел «Материалы о И.А. Бунине» (Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 142–148). Некоторые статьи доступны в электронном виде на сайте РГАЛИ «Объединенный электронный архив Бунина» (<http://www.bunin-rgali.ru>) в разделе «Вырезки из газет и журналов».

Но большая часть материалов из «Сундука с вырезками» И.А. Бунина хранится в Русском архиве Лидского университета (Leeds, Great Britain). Эти материалы не раз цитировались благодаря любезности куратора архива Ричарда Дэвиса, предоставляющего к ним доступ исследователям, но ни разу не становились даже предметом обзора, не говоря уже о полноценной публикации. Настоящая статья как раз и представляет собой первую попытку такого обзора.

Коллекция Лидского университета содержит более полутора тысяч единиц хранения, десять коробок вырезок (РАЛ. MS 1066/7988–9568), которые охватывают почти вековой период — с 1903 по 1997 гг. (кураторы архива продолжали ее пополнять и после того, как бумаги Бунина попали в Лидс, но основное ядро коллекции составляют материалы «сундука с вырезками»;

¹ Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Bayville, New Jersey: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979. С. 117.

разумеется, маргиналии писателя содержатся только на прижизненных изданиях). Коллекция включает в себя вырезки из газет и журналов как дореволюционной России, так и России советской, вырезки из периодических изданий Русского Зарубежья, а также огромный пласт вырезок из иностранной периодики — не только европейской, но также американской, японской и др. Соответственно, и спектр языков, на которых написаны материалы, необычайно широк: от русского, французского, английского, немецкого, итальянского, португальского и испанского до голландского, шведского, чешского, хорватского, венгерского, сербского и даже японского и идиш.

Существенные коллекции вырезок, касающихся И.А. Бунина, сохранились также в других фондах, например, в личных бумагах Г.П. Струве, находящихся ныне в Гуверовском архиве (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 47. Folder 2–14), или в личном архиве П.Н. Милюкова, попавшем в Русский заграничный исторический архив (ныне: ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 595), последняя коллекция вырезок (более 150 единиц) описана¹. Но они не содержат маргиналий И.А. Бунина, собирались не им и не могут быть отнесены к «Сундуку с вырезками», хотя могут помочь при описании и атрибуции.

Коллекция, разошедшаяся по архивам разных стран, физически уже не может быть воссоединена, но в этом и нет большой необходимости. Воссоздать «сундук с вырезками» можно и в виде библиографии, если опубликовать ее, атрибутировав вырезки и воспроизведя маргиналии И.А. Бунина. Еще более соблазнительно оцифровать все эти материалы и разместить на сайте в открытом доступе, предоставляя всем интересующимся возможностьзнакомиться с полнотекстовыми версиями вырезок и маргиналиями на них в том виде, в каком они сохранились в архивах.

К сожалению, даже сохранившиеся вырезки дошли до нас не в самом лучшем виде, зачастую это фрагменты газетных полос без названия и подписи, атрибуция нередко превращается в нелегкую задачу, а в некоторых случаях практически невозможна.

Маргиналии Бунина на вырезках очень разнообразны: от исправления опечаток и неточно приведенных цитат до концептуальных рассуждений. Немало поправок и уточнений фактического характера: Бунин подчеркивает упоминаниепольской газеты о том, что он родился в Варшаве, подпись к фотографии «И.А. Бунин у себя дома» сопровождает ремаркой: «Нет, это кабинет Чехова» (РАЛ. MS 1066/7988), а фотопортаж в «Иллюстрированной России» снабжает пометой: «Мы жили тогда на гие Любек» (РАЛ. MS 1066/8119).

¹ Библиография напечатана в приложении к публикации: «Знаем, что на подъем Вы не очень легки...»: Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг. / Публ., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. А.В. Бакунцева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2016. С. 376–405.

Еще чаще возмущение Бунина вызывают неудачные сравнения критиков и поспешные суждения о влияниях и заимствованиях. Василий Бутенко в статье заявляет: «Бунин последовательно перешел через влияние Некрасова и Никитина», это наблюдение сопровождается ремаркой: «Какой вздор» (РАЛ. MS 1066/8683). Марк Слоним начинает статью с констатации: «Бунин — наследник Тургенева», к ней в разное время (разными чернилами) сделано три ремарки, из которых самая мягкая: «О, идиот!» (РАЛ. MS 1066/8604). Косноязычные откровения С. Темирова: «Его стихи стоят на уровне подлинного мастерства, но Бунин в поэзии уже давно сказал свое слово» сопровождены лаконичным заключением: «Болван» (РАЛ. MS 1066/8707).

ЭРКА в статье «Опоздавший на поезд» (Красная газета. 1926. 3 ноября) упрекает Бунина в архаичности и несовременности революционной эпохи, а в качестве примера приводит стихотворение «Кружево», Бунин скромно помечает на полях: «Это написано в 1901 г.!». И только когда автор заявляет, что стихотворение Бунина написано «под Городецкого», не выдерживает: «Ох, идиот!» (РАЛ. MS 1066/8107).

В той же «Красной газете» (1926. 19 декабря) появилась заметка «Советская печать о “Митиной любви”», автор которой категорически заявил: «Наш советский читатель пройдет мимо повести Ив. Бунина — она его не тронет». Реакция Бунина: «А зачем же вы, е.в.м., издали ее в Москве (без моего ведома и спроса)?» (РАЛ. MS 1066/8125).

Опубликованный в «Русских новостях» от 15 октября 1948 г. текст собственного интервью Бунин испещрил возмущенными ремарками: «Этого я не говорил!», «Все выдумал», «Очень глупо!», «Свинья!», «Дурацкая брехня» (РАЛ. MS 1066/8614).

Разумеется, некоторые записи сделаны в сердцах и больше говорят о характере Бунина. Но при всей запальчивости Бунина и резкости многих маргиналий нельзя сказать, чтобы высказывания критиков совсем никак не воздействовали на него. Г.В. Адамович в статье «Лица и книги» написал: «Кто-то очень остро и зло заметил о Бунине: “не кончил консерватории”»¹. Бунин откликнулся на полях: «Брехня. Никто обо мне этого не говорил. Это о Куприне — и это есть в моей статье о нем» (РАЛ. MS 1066/8225). Действительно, в статье Бунина «Перечитывая Куприна» есть строки: «Читаешь о нем и сейчас то же самое: <...> то, что он “не кончил консерватории”, как говорили символисты о бытовиках»². Однако статья Адамовича опубликована в 1933 г., а статья Бунина пятью годами позже. Видимо, Бунин, делая свою запись на полях уже после войны, просто забыл о том, как все разворачивалось на самом деле. А тогда, осенью 1933 г., вскоре после публикации первой статьи, Бунин не без смущения написал Алданову: «Адамович врет, будто кто-то

¹ Адамович Г. Лица и книги. 1. Бунин // Современные записки. 1933. № 53. С. 325.

² Бунин И. Перечитывая Куприна // Современные записки. 1938. № 67. С. 310–311.

сказал, что я “не кончил консерватории”, но по-хорошему “консерватории” я и правда не кончил¹.

Многие из маргиналий — ценнейшие свидетельства, проясняющие позицию Бунина по целому ряду вопросов, прежде всего его взгляды на литературу и литературную критику. Это может послужить материалом для цикла статей об отношении Бунина к критике, как дореволюционной, так и советской, и эмигрантской.

Бросается в глаза негативное отношение Бунина к советской критике, и вряд ли этому приходится удивляться, советская критика 1920–1930-х гг. часто провоцировала такое отношение своей бесцеремонностью, грубостью и невежеством.

К критике эмигрантской у Бунина другое отношение. Претензий и здесь предостаточно, но общий тон уже другой. Восклицания на полях при малейшем несогласии с высказываниями критика у Бунина и тут не менее эмоциональны, однако это не перерастает во враждебность и остается в рамках литературной полемики. К критикам иностранным отношение еще мягче, похоже, Бунин считает, что они не могут знать и понимать многих нюансов, а стало быть, с них и спрос иной.

Больше всего среди маргиналий Бунина не записей, а подчеркиваний, значков и помет на полях, не превращающихся в словесные заключения, однако тоже о многом говорящих. По ним можно судить о его художественных принципах, взаимоотношениях с современниками, взглядах на жизнь и прежде всего о личности писателя и его отношении к собственному творчеству. При внимательном изучении помет и подчеркиваний можно составить представление или дополнить и уточнить многое в воззрениях Бунина на волновавшие его вопросы, в том числе и на те, о которых он не высказывался открыто.

Каким образом включить все это в собрание сочинений, вопрос непростой. Вот лишь один пример. В Лидской коллекции хранится вырезка статьи Ф.А. Степуна «Литературные заметки (“Тонкий и чуткий г-н Воронский”)» из «Современных записок» за 1925 г.², содержащая множество помет и маргиналий И.А. Бунина.

В статье Ф.А. Степун полемизирует с А.К. Воронским по поводу попутчиков, современных советских и эмигрантских писателей, послереволюционного развития русской литературы, а также по поводу «Митиной любви» И.А. Бунина — в контексте вышеперечисленных тем. Для буниноведения эта вырезка интересна не столько отзывами Ф.А. Степуна и А.К. Воронского о «Митиной любви», сколько многочисленными пометами и маргиналиями.

¹ 40 лет назад скончался Иван Бунин / А 60 лет назад он стал нобелевским лауреатом [4 письма И.А. Бунина М.А. Алданову 1933 г.] / Публ. О.А. Коростелева // Независимая газета. 1993. 9 ноября. № 214 (638). С. 7.

² Степун Ф.А. Литературные заметки («Тонкий и чуткий г-н Воронский») // Современные записки. 1925. № 26. С. 313–329. [РАЛ. MS 1066/8085].

ями самого Бунина на ней. Очевидно, статья представляла особый интерес и для писателя, поскольку к этой вырезке Бунин возвращался как минимум дважды — пометы сделаны в два слоя: первый — карандашом, второй (более поздний) — красной ручкой.

Отдельные высказывания Ф.А. Степуна И.А. Бунин отмечает на полях, некоторые строки подчеркивает в тексте, и эти пометы позволяют судить о представлениях и взглядах самого Бунина на русскую революцию и на развитие послереволюционной литературы.

И.А. Бунин отметил на полях фразу Ф.А. Степуна «<...> в революции есть стихия трагического безумия, от которой пойдет все живое и значительное в новом, пореволюционном искусстве...»¹, равно как и в следующем высказывании подчеркнул несколько слов: «<...> все живое и существенное в советской литературе связано не с положительным советским строительством, не с идеологией коммунизма, а с трагическим и стихийным безумием революции <...>»². И.А. Бунину, по-видимому, оказалось близким представление о революции как о стихии, безумном хаосе, высказанное и в другом фрагменте статьи: «Советское искусство <...> все более будет тянуться к той единственной большой теме, которая сейчас ждет своего писателя, к теме революционного хаоса: безумия, страдания и смерти и тем самым, конечно, и к теме рождения из всего этого испытания нового духовного человека, новой духовной России»³.

Пометы И.А. Бунина — дополнительный штрих к его взглядам на взаимодействие «новой» России с Россией «старой». Далее он отчеркивает на полях рассуждение (подчеркивая еще и отдельные слова в тексте): «<...> коммунизм <...> связует своих приверженцев друг с другом не прямо и непосредственно через любовь к новой жизни, а отрицательно, через акт обязательной ненависти к старой. Не будь в коммунизме этой ненависти, он остался бы в России гласом вопиющим в пустыне. Только через свою ненависть к старой России связан он с новой и только благодаря тому, что старая Россия, несмотря на все свои грехи и падения, была все-же подлинною духовною реальностью, светила отраженным светом идейности и большевицкая революция против нее»⁴. Окончание этого рассуждения И.А. Бунин отчеркнул на полях, добавив восклицательный знак: «Это значит, что духовно реальная была в революции только расплата России за свои грехи, или расплата русских людей за свои грехи перед Россией»⁵.

¹ Степун Ф.А. Литературные заметки («Тонкий и чуткий г-н Воронский») // Современные записки. 1925. № 26. С. 313–329. [РАЛ. MS 1066/8085].

² Там же. Здесь и далее передаются подчеркивания И.А. Бунина, сделанные карандашом, если не оговорено иное (курсив в цитатах — автора статьи, т.е. Ф.А. Степуна).

³ Там же. Здесь и далее курсивом выделены строки, отчеркнутые И.А. Буниным на полях — карандашом, если не оговорено иное.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В статье Ф.А. Степун полемизирует с А.К. Воронским по поводу «Митиной любви». Маргиналии Бунина проясняют не только его отношение к высказываниям современников, находящихся «по разные стороны баррикад», но и его представления о задачах и функциях литературы в целом: «Упрекая Бунина в том, что “ему не о чем писать” <минус на полях>, утверждая, что его “Митина любовь” — “безусловный провал” <минус на полях>, так как она чужда эпохе, г-н Воронский либерально замечает, что дело не в том, что в “Митиной любви” изображены “времена давно прошедшие” и что “она не имеет отношения к революции”, а в том, что роман Бунина “несозвучен ни сегодняшнему, ни завтрашнему дню — и завтрашнему больше чем сегодняшнему” <двойное отчеркивание на полях>. Но почему бы “Митиной любви” быть уже так несозвучной завтрашнему дню, когда все ее звучание о вечной красоте природы и о столь же вечной трагедии любви? Или советский критик действительно думает, что коммунистическая революция уничтожит в будущем и природу, как красоту, и любовь, как трагедию <подчеркивание ручкой>. Если таковы его тайные мысли о гигантском коммунистическом строительстве, то стоит ли ему вообще говорить о несозвучии завтрашнему дню “Митиной любви”. Не проще ли тогда говорить о том о несозвучии завтрашнему дню не только всей большой русской литературы, но и всей литературы вообще?»¹.

Из данного фрагмента вполне можно сделать вывод не только о высокой оценке самим И.А. Бунином «Митиной любви» и о согласии со Степуном в определении сути произведения, но и — самое главное — о представлении Бунина о литературе как искусстве, говорящем о вечном, непреходящем, не зависящем от времени (сегодняшнего или завтрашнего дня) — о любви, красоте, природе, трагедии.

Бунин и здесь отпускает несколько реплик, но довольно миролюбивых. Все возражения Воронскому фиксируются лишь в подчеркиваниях на полях цитат, несогласие со Степуном выражается не в эмоциональных оценках, а в иронических вопросах.

На полях статьи самого А.К. Воронского² (несмотря на высокую оценку собственного творчества) Бунин оставляет маргиналии совсем другого рода. Воронский, отзываясь о книге «Роза Иерихона», безоговорочно ставит Бунина на первое место в эмигрантской литературе, однако для Воронского эмигранты откровенные враги, а главное, и литература эта, и сама эмиграция — «обитель мертвых»: «У Бунина звучит только тишина, она реальнее звуков. Есть что-то дремотное, могильное, холодное, беззвучное в этом восприятии и в этом видении мира. Иногда поэту чудится, что он и сам не живет³. Фраза отчеркнута на полях и добавлено лаконичное: «Идиот!».

¹ Там же. Весь текст отчеркнут на полях ручкой.

² Воронский А. Вне жизни и вне времени (Русская зарубежная художественная литература) // Прожектор. 1925. 15 июля. № 13. С. 18–22. [РАЛ. MS 1066/8088].

³ Там же.

Степун такого раздражения у Бунина не вызывает, даже если совпадает с Воронским в каких-то мнениях. В частности, Степун убежден, что молодому писателю «в атмосфере эмигрантского безбытичества <...> никогда не стать достойным наследником великого русского искусства»¹. Бунин на полях иронично, но не без горечи, написал: «А Есенин, Бабель станет?».

Идею «нового искусства», вырастающего в «новой России», Бунин категорически не разделял. Однако, несмотря на то, что в этом вопросе позиция Ф.А. Степуна была близка к постулатам Воронского, Бунин оставляет на полях лишь риторические вопросы, без возмущения или резкого неприятия. Степун писал: «Будущая же Россия растет сейчас конечно не в эмиграции, а в России; и в ней, и с ней, с этюдою новою Россией растет сейчас и новое русское искусство»². На полях возле подчеркнутых слов саркастическая ремарка: «И любовь, и пол будут новые?».

Соглашаясь со Степуном в том, что предметом литературы является вечное, непреходящее, Бунин явно не разделяет его представлений о перспективах развития русской литературы и по-своему смотрит на взаимоотношения писателя со своим временем: «Конкретность искусства и требует от всякого художника кровной связи со своим временем, со своим народом, с вполне определенным укладом жизни. У Бунина эта связь налицо. Каждая его строчка есть кровь от крови и плоть от плоти его России. Оттого, быть может, так и совершенно его искусство, что оно искусство уже совершившего свой жизненный путь времени; оттого, быть может, и так трепетно живо оно сейчас для нас, что трепещет о том, что уже отошло...»³. На полях возле подчеркнутых слов Бунин оставляет запись: «Завтра изменится?». У Бунина собственные представления на этот счет, в его мире и его творчестве вечные темы и ценности носят куда более долгосрочный неизменный характер, куда менее зависят от времени и обстоятельств.

Воспроизведение одних только высказываний на полях без учета других помет не передает всех нюансов. До конца их смысл раскрывается только во всей полноте контекста. Соответственно, главная задача, стоящая перед исследователями, — найти способ подготовить к публикации в наиболее лапидарной форме этот особый корпус наследия писателя, сохранив все оттенки мысли. «Сундук с вырезками» должен быть полноценно введен в научный оборот и занять свое место в собрании сочинений.

¹ Степун Ф.А. Литературные заметки («Тонкий и чуткий г-н Воронский») // Современные записки. 1925. № 26. С. 313–329. [РАЛ. MS 1066/8085].

² Там же.

³ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работа по созданию аннотированной росписи «Сундука с вырезками» И.А. Бунина активно ведется. В качестве приложения к статье предлагается роспись одной из коробок, хранящихся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ. MS 7989–8092. Box 1). Приводятся только атрибутированные материалы с полным описанием источника. Минимальные аннотации даются в тех случаях, если необходимая информация не содержится в названиях. Маргиналии И.А. Бунина выделены полужирным шрифтом.

Ашесов Ник. Новые писатели. И. Рассказы Ив. Бунина [Рубрика: Литературное обозрение под ред. С.А. Венгерова] // Вестник и Библиотека самообразования. 1903. № 13. Стлб. 598–601. [РАЛ. MS 1066/7989]

О рассказах «Руда», «Туман», «Сосны», «Тарантелла», «На Донце», «Новая дорога» из второго издания первого тома сочинений: *Бунин И.* Рассказы. СПб.: Знание, 1903.

[Б.п.] К 25-летию литературной деятельности [Фото 1912 г. с подписью «Писатель, почетный академик, И.А. Бунин за рабочим столом» и пометой: «Специальный снимок, по поручению “Огонька”, С.Г. Смирнова»] // Огонек. 1912. 28 октября (10 ноября). № 44. С. 12. [РАЛ. MS 1066/7991]
Сообщение о юбилейном банкете 28 октября.

Дерман А. Победа художника // Русская мысль. 1916. № 5. С. 23–27
3-й паг. [РАЛ. MS 1066/7992]
«Господин из Сан-Франциско».

Отчеркнуты фрагменты о том, что уже десять лет «не появлялось на русском языке художественного произведения, равного по силе и значению», а также о «позиции разоблачителя темных сторон русской жизни» и что от рассказа веет «силой Толстого».

Выгодский Д. Поэзия и поэтика (Из итогов 1916 г.) // Летопись. 1917. № 1. С. 248–258. [РАЛ. MS 1066/7993]

Бунин — «истинный классик, истинный реалист», одиноко стоящий среди «молодой и почти совершенно бесплодной поросли». О книге «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.».

В тексте множество подчеркиваний слов и фрагментов, а также маргиналии: «**Все это писал какой-то Д. Выгодский;** «**Ах, если б М~~аяковский~~ только мычал! Это было бы самое подходящее этому скоту! Ив. Б.**»

Эренбург И. Au-dessus de la mêlée // Русская книга. 1921. № 7/8. Июль–август. С. 1–2. [РАЛ. MS 1066/7997]

Вырезана и наклеена на лист плотной бумаги страница 2. На листе под вырезкой надпись: «Где это было напечатано? Ив. Бунин».

Отчеркнуты фрагменты: «Конечно, К.Д. Бальмонт, А.Н. Толстой и И.А. Бунин — крупные и всеми уважаемые писатели. Конечно, переиздавать, читать и чтить наших классиков великое дело. Но ведь надо признать очевидный факт: живая русская литература — в России»; «Я жду от читателей не беспристрастия потомства, но простой любви к художественному русскому слову; я вполне понимаю, что иным близок Бунин и чужд Белый, но, любя в Бунине не публициста, а художника, они тем самым приобщаются кциальному неделимому сокровищу русской литературы и должны дорожить, пусть далеким им, но великим писателем Белым».

Поляков-Литовцев С. Иван Алексеевич Бунин // Жар-птица. 1921. № 3. С. 33–35. [РАЛ. MS 1066/8006]

«Деревня».

Несколько мест отчеркнуто на полях, маргиналия: «Верно!».

Алексеев Г. Живые встречи (Русские писатели в революцию) // Сполохи. 1922. Март. № 5. С. 31–33. [РАЛ. MS 1066/8007]

О встречах в Одессе.

Несколько мест отчеркнуто на полях, проставлены вопросительные знаки. На первой странице маргиналия: «Какой лгун, с.с.! Какой мерзавец! Ив. Б.».

Цетлин М.О. «Чаша жизни» // Последние новости. 1922. 14 апреля. № 613. С. 2; 15 апреля. № 614. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8012]

О кн.: Бунин И.А. Чаша жизни. Париж: Русская земля, 1922.

На полях отчеркнут фрагмент: «Мы имеем за границей почти всего Бунина, словно драгоценную ношу, взятую нами с собою в изгнание». Маргиналия: «1921 или 1922».

[Б.п.] Печать // Последние новости. 1922. 15 августа. № 713. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8017]

«Литературные заметки», полемика с Е.Д. Кусковой.

Маргиналия: «“Последние новости”? Год?».

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1923. 15 (2) апреля. № 722. С. 10–11. [РАЛ. MS 1066/8021]

Проза и стихи Бунина в альманахе «Медный всадник».

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1923. 29 (16) апреля. № 734. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8022]

«Безумный художник» в первом выпуске трехмесячника «Окно».

Левинсон А. Парижская ветвь русской литературы (Второй сборник «Окно») // Звено. 1923. 13 августа. № 28. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8023]
«О дураке Емеле, какой вышел всех умнее».

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Осколки // Руль. 1923. 13 мая. № 744. С. 10–11. [РАЛ. MS 1066/8023]
«Господин из Сан-Франциско».

Левинсон А. «Последнее каррэ» (О трехмесячнике «Окно») // Звено. 1923. 30 апреля. № 13. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8025]
«Безумный художник» в первом выпуске трехмесячника «Окно». Маргиналия: «**Глупо!**».

Шлётцер Б.Ф. [Рец. на журн.:] Окно: Трехмесячник лит-ры / Ред.-изд. М.О. Цетлин и М.С. Цетлин. Париж: Я. Поволоцкий, 1923. Кн. 1 // Современные записки. 1923. № 16. С. 414–419. [РАЛ. MS 1066/8029]
«Безумный художник» в первом выпуске трехмесячника «Окно». Маргиналии: «**Самоуверенный дурак**»; «**Верно**».

С. П. [Познер С.В.] «Окно». Трехмесячник литературы. I. Париж 1923 // Дни. 1923. 24 июня. № 196. С. 13, 15. [РАЛ. MS 1066/8031]
«Безумный художник» в первом выпуске трехмесячника «Окно». На полях отчеркнуты фрагменты, вопросительные и восклицательные знаки, маргиналия: «**Глупо!**».

Адамович Г. О Бунине // Звено. 1924. 11 февраля. № 54. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8033]
На полях отчеркнуты фрагменты, вопросительные и восклицательные знаки, маргиналия: «**Очень глупо**».

Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1924. 10 ноября. № 93. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8034]
О кн.: Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. Подчеркивания в тексте.

Черный А. «Роза Иерихона» // Русская газета. 1924. 29 ноября. № 189. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8039]
О кн.: Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. На полях отчеркнуты фрагменты.

Яблоновский С. Два вечера // Руль. 1924. 23 февраля. № 979. С. 1–2; 26 февраля. № 981. С. 1–2 [РАЛ. MS 1066/8044]
Выступление Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г.

Гримм Мария. Стихотворение («По ночам, у злобы в заточеньи...») // Возрождение. 1925. 28 сентября. № 118. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8044]
Стихотворение с посвящением: «И.А. Бунину».

Б. Каменецкий]. [Айхенвальд Ю.И.] Современные записки. XVIII. 1924. Париж // Руль. 1924. 17 февраля. № 974. С. 8–9. [РАЛ. MS 1066/8045]
«Несрочная весна».

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1924. 30 марта. № 1010. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8046]
«В ночном море» в третьем выпуске трехмесячника «Окно».

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1924. 23 июля. № 1104. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8047]
«Звезда любви» и «Преображение» в № 20 «Современных записок».

Крайний Антон. [Гиппиус З.Н.] Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 123–138. [РАЛ. MS 1066/8048]
О Бунине на с. 128–129. На полях отчеркнуты фрагменты, подчеркивания в тексте.

Н. С. [Смирнов Н.П.] Маскарад мертвцевов // Известия. 1924. 16 марта. № 63. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8053]
«Миссия русской эмиграции», «Несрочная весна». Подчеркивания в тексте.

Осоргин М.А. [Ильин М.А.] Миссия Ив. Бунина // Последние новости. 1924. 10 апреля. № 1217. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8054]
Опубликованная в «Руле» речь Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г.
Маргиналия: «**Оссоргин. Злой был болван!**».

Мих Ос. [Ильин М.А.] [Рец.:] На посту: Ежемес. лит.-критический журнал. М.: Новая Москва, 1923. № 1 // Современные записки. 1924. Кн. 18. С. 435–437. [РАЛ. MS 1066/8055]

На первой странице маргиналия: «**См. на обороте! Ив. Бунин**». На следующих страницах отчеркнуты характеристики: «Ив. Бунин. Эмигрантский погромный писатель. Грезил — и посейчас грезит — о тихо дремлющей поместьей усадьбе», «Демьян Бедный. Мастер поэтического языка, какого со временем Пушкина и Некрасова еще не было».

Р. С. [Калишевич Н.В.] Вечер страшных слов // Последние новости. 1924. 20 февр. № 1174. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8056]
Выступление Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. Подчеркивания в тексте.

С. П. [Познер С.В.] Вечер самооправданий и демагогии // Последние новости. 1924. 8 апреля. № 1215. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8057]

Выступление Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. На полях отчеркнуты фрагменты, подчёркивания в тексте.

Самсонов М. [Соловейчик С.М.] «Современные записки» (XX-ая книжка) // Дни. 1924. 13 июля. № 510. С. 7, 9. [РАЛ. MS 1066/8058]

«Звезда любви» в № 20 «Современных записок».

Шлётцер Б. «Окно». Литературный сборник, кн. 3. (Изд. М. и М. Цетлин. Париж, 1924 г.) // Современные записки. 1924. № 20. С. 432–434. [РАЛ. MS 1066/8059]

«В ночном море».

«Миссия русской эмиграции» // Русская газета в Париже. 1924. 25 февраля. № 8. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8061]

Выступление Бунина на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. Маргиналия: «Вечерняя газета».

Шлецер Б. Современные записки // Звено. 1924. 11 февраля. № 54. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8062]

«Несрочная весна» в № 18 «Современных записок».

[*Милюков П.Н.?]* Ветка мира // Последние новости. 1924. 19 марта. № 1198. С. 1. [РАЛ. MS 1066/8063]

По поводу мнений З.Н. Гиппиус о вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. На полях отчеркнуты фрагменты, подчёркивания в тексте.

Гиппиус З. Религия и аполитизм // Последние новости. 1924. 19 марта. № 1198. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8064]

О вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. Подчёркивания в тексте.

[*Милюков П.Н.?]* Новый апокалипсис // Последние новости. 1924. 6 апреля. № 1214. С. 1. [РАЛ. MS 1066/8066]

О вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. и статье Бунина в «Руле». Подчёркивания в тексте.

[*Милюков П.Н.?]* Бессильные потуги // Последние новости. 1924. 8 апреля. № 1215. С. 1. [РАЛ. MS 1066/8068]

Продолжение полемики о вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. Подчёркивания в тексте.

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1925. 22 июля. № 1408. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8073]
«Митина любовь».

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 28 апреля. № 1642. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8074]
«Дело корнета Елагина» в № 27 «Современных записок».

М. Арцыбашев. Литературные заметки: «Митина любовь» // За свободу! 1926. 31 января. № 25 (1756). С. 5. [РАЛ. MS 1066/8075]
О кн.: *Бунин И.А.* Митина любовь: Повесть, рассказы, стихи. Париж: Русская земля, 1925. На полях отчеркнуты фрагменты.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». Книга XXIII // Последние новости. 1925. 26 марта. № 1509. С. 2. [РАЛ. MS 1066/8076]
«Митина любовь». Подчеркивания в тексте.

Кадашев В. [Амфитеатров В.А.] Трагедия первой любви // Возрождение. 1925. 3 августа. № 62. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8078]
О кн.: *Бунин И.А.* Митина любовь: Повесть, рассказы, стихи. Париж: Русская земля, 1925.

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. 1925. 11 февраля. № 1274. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8079]
«Товарищ Дозорный»; «Красный генерал» в № 22 «Современных записок».

Кульман Н.К. «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. 17 декабря. № 198. С. 3–4. [РАЛ. MS 1066/8080]
«Товарищ Дозорный»; «Красный генерал» в № 22 «Современных записок».

Левинсон А. «Современные записки» (книга 25-ая) // Дни. 1925. 4 октября. № 818. С. 4. [РАЛ. MS 1066/8082]
«Митина любовь».

Самсонов М. [Соловейчик С.М.] Записки читателя («Современные записки», книга 27-я) // Дни. 1926. 11 апреля. № 978. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8083]
«Митина любовь». На полях отчеркнуты фрагменты, вопросительные и восклицательные знаки, подчеркивания в тексте.

Шевченко Е. «Недоразумение» // За свободу! 1925. 20 декабря. № 320 (1724). С. 5. [РАЛ. MS 1066/8084]
По поводу письма Георгия Брандеса к Бунину.

Степун Ф.А. Литературные заметки («Тонкий и чуткий г-н Воронский») // Современные записки. 1925. № 26. С. 313–329. [РАЛ. MS 1066/8085]

Полемика с Воронским по поводу «Митиной любви» Бунина. На полях отчеркнуты фрагменты, вопросительные и восклицательные знаки, подчёркивания в тексте. Маргиналии: «Завтра изменится?», «И любовь, и пол будут новые?», «Не только мяса на базаре...», «А Есенин, Бабель станет?», «Русская тоска всегда опасна».

Таманин Т. [Манухина Т.И.] Правда Бунина // Звено. 1925. 30 марта. № 113. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8087]

О кн.: *Бунин И.А.* Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924.

Воронский А. Вне жизни и вне времени (Русская зарубежная художественная литература) // Прожектор. 1925. 15 июля. № 13. С. 18–22. [РАЛ. MS 1066/8088]

О кн.: *Бунин И.А.* Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. Подчёркивания в тексте. Маргиналии: «Идиот!»; «Это из моего рассказа “Несрочная весна”», «Это я!», «Обомни. Ив. Б.».

Ант. Крайний. [Гиппиус З.Н.] «Течение» «Современных записок» (Книга XXVI) // Последние новости. 1925. 24 декабря. № 1740. С. 2–3. [РАЛ. MS 1066/8089]

«Митина любовь».

Цетлин М. «Современные записки». XXVI. Париж // Дни. 1926. 24 января. № 912. С. 4. [РАЛ. MS 1066/8090]

«Цикады». На полях отчеркнуты фрагменты, подчёркивания в тексте.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». Книга XXVII // Последние новости. 1926. 15 апреля. № 1849. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8091]

«Дело корнета Елагина».

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] Россия в Пасси и Отейле: Русские зарубежные писатели в изображении англичанина // Последние новости. 1926. 15 апреля. № 1849. С. 3. [РАЛ. MS 1066/8092]

Отрывок «Иван Бунин» из книги: *Graham S.* The dividing line of Europe. New York: D. Appleton and Company, 1925.

Литература

- Алексинская Т.И. Разбирай архив И.А. Бунина // Границы. 1953. № 18. С. 134–137.
- Бакунцев А.В. Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 121–142.
- Бунин И.А. Записная книжка / Подгот. текста и comment. Е.Р. Пономарева // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 227–246.
- Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и comment. С.Н. Морозова, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
- Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Отв. ред. С.Н. Морозов. Подг. текстов и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
- Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, изд-во «Вита Нова», 2014.
- Двинягина Т.М. Нобелевский год И.А. Бунина (По материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. 2017. № 4. С. 143–161.
- Закружная З.С. Академический Бунин. Текстологические проблемы подготовки научного собрания сочинений // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 4. С. 394–404.
- Закружная З.С., Коростелев О.А., Фролов М.А. Записи и выписки И.А. Бунина для академического собрания сочинений // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 65–73.
- «Знаем, что на подъем Вы не очень легки...»: Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг. / Публ., подгот. текста, вступит. ст. и comment. А.В. Бакунцева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2016. С. 376–405.
- И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.
- И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 536 с.
- И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун 1934–1961 / Науч. ред. серии О.А. Коростелев, Р. Дэвис; Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.
- Иван Алексеевич Бунин: Библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Йитка Кржесалкова. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики; Славянская библиотека, 2007. 503 с.
- Иван Алексеевич Бунин: Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Славянская библиотека, 2011. 335 с.
- Коростелев О.А. «Вести из Пассии»: Рукописная газета В.Н. Буниной // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 348–369.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.
- Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

References

- Aleksinskaia T.I. Razbiraia arkhiv I.A. Bunina [Analyzing the archive of Ivan Bunin]. *Grani*, 1953, no 18, pp. 134—137. (In Russ.)
- Bakuntsev A.V. Ivan Bunin — nesostoiavshiisia redaktor gazety «Iuzhnoe obozrenie» [Bunin — a failed editor of the newspaper “Southern Review”]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no 4, pp. 121—142. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Pis'ma 1885—1904 godov* [Letters of 1885—1904], ed. by O.N. Mikhailov; text and comment. by S.N. Morozov, I.A. Kostomarova, L.G. Golubeva. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Pis'ma 1905—1919 godov* [Letters of 1905—1919], ed. by O.N. Mikhailov; Chief ed. S.N. Morozov. Text, comment. by S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubev, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Stikhotvoreniia: V 2 t.* [Poems: In 2 Vols.], ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo doma, izd-vo “Vita Nova” Publ., 2014. (In Russ.)
- Bunin I.A. Zapisnaia knizhka [Notebook], ed. by E.R. Ponomarev. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no 4 (146), pp. 227—246. (In Russ.)
- Dviniatina T.M. Nobelevskii god I.A. Bunina (Po materialam dnevnikov i semeinoi perepiski) [Nobel Year of Ivan Bunin (Based on diaries and family correspondence)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no 4, pp. 143—161. (In Russ.)
- I.A. Bunin: *Novye materialy. Vyp. I* [Ivan Bunin: New materials. Issue I], ed. by O. Korostelev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)
- I.A. Bunin: *Novye materialy. Vyp. II* [Ivan Bunin: New materials. Issue II], ed. by O. Korostelev, R. Davies. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 536 p. (In Russ.)
- I.A. Bunin: *Novye materialy. Vyp. III: «...Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi»: Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun, 1934—61* [Ivan Bunin: New materials. Issue III: “... when close people are in correspondence”: Letters of Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov to Galina Kuznetsova and Margarita Stepun, 1934—61], ed. by O. Korostelev, R. Davies. Comp., text, subject-matter by E.R. Ponomarev and R. Davies; introd. article by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)
- Ivan Alekseevich Bunin: *Bibliografia original'nykh knizhnykh izdanii (1891—1990)* [Ivan Alekseevich Bunin: Bibliography of Original Book Publications (1891—1990)], comp. by Iitka Krzhesalkova. Prague, Natsional'naya biblioteka Cheskoi respubliki; Slavianskaia biblioteka Publ., 2007. 503 p. (In Russ.)
- Ivan Alekseevich Bunin: *Bibliografia pervykh izdanii v gazetakh, zhurnalakh, literaturno-khudozhestvennykh al'manakhakh i sbornikakh (1887—1987)* [Ivan Alekseevich Bunin: Bibliography of the first editions in newspapers, magazines, literary almanacs and collective editions (1887—1987)], ed. by I. Krzhesalkova. Prague, Slavianskaia biblioteka Publ., 2011. 335 p. (In Russ.)
- Korostelev O.A. «*Vesti iz Passi*»: Rukopisnaia gazeta V.N. Buninoi [“*Vesty iz Passy*”: Vera Bunina’s Handwritten Newspaper]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no 1—2, pp. 348—369. (In Russ.)
- Letopis'zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the life and work of Ivan Bunin], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. Vol. 1: 1870—1909. 944 p. (In Russ.)
- Letopis'zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the life and work of Ivan Bunin], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017. Vol. 2: 1910—1919. 1184 p. (In Russ.)

Morozov S.N. Istoryia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel'stve «Petropolis» (po materialam perepiski) [History of the preparation of the collected works of Ivan Bunin in the “Petropolis” publishing house (based on correspondence)]. *Literaturnyj fakt*, 2017, no 5, pp. 248–265. (In Russ.)

Zakruzhnaya Z.S. Akademicheskii Bunin. Tekstologicheskie problemy podgotovki nauchnogo sobraniia sochinenii [Academic Bunin. Textological problems of preparing an academic collection of works]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 4, pp. 394–404. (In Russ.)

Zakruzhnaya Z.S., Korostelev O.A., Frolov M.A. Zapisi i vypiski I.A. Bunina dlja akademicheskogo sobraniia sochinenii [Records and extracts of Ivan Bunin for the academic collection of works]. *Vestnik arkhivista*, 2018, no 1, pp. 65–73. (In Russ.)

«Znaem, chto na pod’em Vy ne ochen’ legki...»: Pis’ma P.N. Miliukova k I.A. Buninu, 1921–1937 gg. [“We know that you are not readily going somewhere...”]: Letters of Pavel Milyukov to Ivan Bunin, 1921–1937], ed. by A.V. Bakunsev. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja im. A. Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad]. Moscow, 2016, pp. 376–405. (In Russ.)

A “CHEST WITH CLIPPINGS” OF IVAN BUNIN

© 2019, ZOYA ZAKRUZHNAIA, OLEG KOROSTELEV

Abstract: The article is devoted to a little-studied corpus of materials – a collection of newspaper and magazine clippings, which Ivan Bunin collected throughout his life. The collection includes several tens of thousands of clippings from Russian and foreign periodicals of the 1890s — 1950s and provides the richest material for studying the life and work of Bunin as well as his whole era. Bunin not only collected and carefully viewed the printed reviews about himself, but he also left his marginalia on many of them. This is a unique set of judgments of the writer about his own work and contemporary criticism and literature. A systematic inventory of these clippings would be the most valuable tool for the scholars, while for the researchers who work on the bibliography of publications about Bunin, the “Chest with clippings” is a fundamental and necessary material. The article provides an overview of the materials of the collection, which after the death of the writer was scattered and ended up in the repositories of different countries, with a focus on the collection of the University of Leeds (Great Britain). The authors of the article believe that the materials of the clippings on which Bunin left his marginalia can lead us to various judgments on the writer’s artistic principles, his relationship with the contemporaries, his views on life and, above all, the writer’s personality and his attitude to his own work. In support of their positions, the authors compare and analyze some marginalia and look for a way to introduce these materials into the scholarly scientific use. Attached to the article is an inventory of one of the boxes of the “Chest with clippings”.

Keywords: Ivan Bunin, archival research, reception, literary criticism, bibliography, academic edition.

Information about the authors: Zoya Zakruzhnaya, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya str., 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

Oleg Korostelev, Candidate of Philology, Vice-Director, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya str., 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: okorostelev@mail.ru

СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ НАУЧНОГО КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ И.А. БУНИНА

© 2019, Е.А. КАГАНОВА

Аннотация: В статье выдвигается тезис о комплексном подходе к составлению реального комментария к «Жизни Арсеньева». На нескольких примерах из романа и набросков И.А. Бунина доказывается состоятельность такого подхода. Также автор комментирует лакуны научного комментария, которые необходимо устраниить.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», текстология, научный комментарий.

Информация об авторе: Елена Андреевна Каганова — студентка 4 курса Санкт-Петербургского государственного института культуры, ул. Миллионная, д. 7, 191186 Санкт-Петербург, Россия. E-mail: 79217867899@yandex.ru

Научный семинар под руководством Е.Р. Пономарева (Бунинский семинар СПбГИК) не первый год занимается подготовкой научного комментария к роману «Жизнь Арсеньева» и записным книжкам И.А. Бунина. На данный момент результатом работы является издание в новом бунинском томе «Литературного наследства» набросков к роману. Сейчас находится в процессе доработки реальный комментарий к «Жизни Арсеньева», выявление сложных случаев и решение дискуссионных вопросов.

В рамках этой статьи мы выдвигаем тезис о комплексном подходе к комментированию текстов Бунина, что подразумевает проверку содержания комментария не только по тексту произведения¹, но и по данным биографии писателя, и по другим его произведениям. Далее это положение будет проиллюстрировано конкретными материалами из записных книжек и романа «Жизнь Арсеньева».

Первый пример из романа «Жизнь Арсеньева». В тексте Бунина мы читаем: «Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь»². В поисках указанной цитаты и ее источника, мы выстраивали несколько гипотез: от халдейских оракулов до книг английского мага Алистера Кроули — все они были отвергнуты. Необходимо было найти такое популярное издание, цитата из которого органично звучала бы из уст малообразованного человека. Более того, и в повести «Деревня», и в рассказе «Сны» фразы из «оракулов» произносят деревенские жители и сторож.

¹ См. утверждение С.А. Рейсера: «Комментарий должен комментировать текст, а не быть автономным от него» // Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. С. 143.

² Бунин И.А. Жизнь Арсеньева; Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. С. 204.

«Три раза, говорит, на оракул кидал, — кто, мол, раньше помрет, я или жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... как это? “Нечего тебе простирать вдаль свои намерения”, а потом и того хуже: “Молись богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь”. А вчера, говорит, во сне видел: будто обрили его догола и все зубы вынули...»¹ (Здесь и далее курсив мой — Е.К.)

«И Настасья Петровна надевала по вечерам очки, катала из воска шарик и начинала кидать его на круги оракула. А Тихон Ильич искоса поглядывал. Но ответы получались все грубые, зловещие или бессмысленные.

— “Любит ли меня мой муж?” — спрашивала Настасья Петровна.

И оракул отвечал:

— “Любит, как собака палку”»².

Такой книгой оказался «Новый полный оракул и чародей...», который представляет собой гадательную книгу и сонник с большим количеством цитат и различными способами гадания, в частности способ гадания по кругу. Книга издавалась, начиная с первой половины XIX в., а с 1880-х гг. почти каждый год издательства Сытина или братьев Губониных выпускали новые экземпляры.

В «Новом полном оракуле и чародее...» были найдены необходимые цитаты:

«Если ты намерение свое захочешь вдаль простирать, то лишишься на-
сильственно жизни»³.

«Не надлежит быть опрометчиву, приступая к исполнению своего наме-
рения, разсмотреть простирать вдаль оное»⁴.

Таким образом, благодаря обращению к творчеству Бунина в целом, мы смогли сузить круг поиска, что помогло в работе над комментарием.

Второй случай — феномен «сузdalского носа» в романе «Жизнь Арсеньева»: «похожим своим бурьми прямыми волосами и сузdalским носом на старообрядца»⁵. Нами было найдено антропологическое исследование Н.Ю. Зографа⁶ последней трети XIX в., в котором анализируются черты лица

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Произведения, 1887–1909 гг. М.: Художественная литература, 1987. С. 239.

² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Произведения, 1909–1914. М.: Художественная литература, 1987. С. 10.

³ Новый полный оракул и чародей, предсказывающий будущее по предложенным вопросам с присовокуплением легчайшего способа гадать и отгадывать на картах, бобах и кофе. Толкователь снов египетских и индийских мудрецов и астрономов. Астрономический телескоп, предсказывающий судьбу человека. Хиромантия и физиognомика. Открытие тайн древних магиков. Предсказания Брюса и Мартына Задеки: В 4 ч. М.: П.Н. Шарапов, 1880. С. 199.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева; Юность. С. 183.

⁶ Зограф Н.Ю. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. М., 1892.

и телосложения, типичные внешние приметы жителей Владимирской и других губерний. В исследовании также есть фотографии жителей губерний, которые посещал ученый.

На основании этого материала можно было бы написать ошибочный комментарий, раскрывающий, конечно, наглядно, суть феномена «суздальского лица» и его типичных черт. Однако, значительно расширив материал, обратившись ко всему творчеству Бунина, мы понимаем, что первое пришедшее нам в голову объяснение неверно. Стихотворения «Наследие» и «Пустошь» отсылают нас к традиции иконописи в Суздале. Следовательно, комментарий следует писать с данной позиции.

*«Теперь их скоро выберут — и будут
Выпахивать то пористые кости,
То суздальские черные иконки...»¹.*

*«А в образничке — сузальские лики
Угодников»².*

Отсутствие комплексного подхода к составлению комментария в данном случае стало бы причиной неверной трактовки и интерпретации произведения. И хотя в рамках одного романа правомерность ссылки на антропологическое исследование могла быть доказана, то делая поправку на творчество Бунина в целом, мы констатируем несоответствие контексту.

Другие два случая относятся к наброскам Бунина, они иллюстрируют необходимость обращения к биографии писателя, в частности к его читательскому кругу.

«Из книги священника Щукина:

— Умер человек. Мы полагаем его тело в церкви, пред ним возжигаем свечи, покрываем его священными покровами. И священник воздает ему честь каждением и поклонением. Этим церковь указывает: веруй — тело не умрет, оно восстанет. Смерть будет уничтожена. “Царствует ад, но не вечнует” (из “Пасхальной Полunoщницы”))».

При работе с данным фрагментом мы выдвинули предположение, что Бунин ссылается на одну из работ Сергея Сергеевича Щукина, священника, эмигрировавшего в начале XX в. В 1940-х гг. он, как и Бунин, проживал во Франции и мог издавать свои работы, и, хотя фактов знакомства писателя и священника обнаружено не было, Бунин, вероятно, мог познакомиться с его книгами. Отталкиваясь от этой гипотезы, мы провели поиск в базах данных

¹ Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двиггиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014 («Новая Библиотека поэта»). Т. 2. С. 52.

² Там же. С. 26.

эмигрантской литературы и каталогах зарубежных библиотек, что не дало положительных результатов.

Основой следующей теории стал факт близкого общения Бунина с А.П. Чеховым, духовником которого на рубеже XIX–XX вв. был отец Сергий Щукин. Документов, однозначно подтверждающих их знакомство, обнаружить не удалось, однако Бунин выписал фрагмент именно из его сборника статей «Около церкви», вышедшего в 1913 г.

«Умер человек. Мы полагаем его тело в церковь, перед ним возжигаем светильники, покрываем его священными покровами. И священник “воздает ему честь каждением и поклонением” / Это церковь указывает через священника всем: веруй, оно не умрет, оно восстанет. Смерть не будет победительницей, она будет унижена. “Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим” (из пасхальной полунощницы)»¹.

В тех же набросках Бунин приводит последние слова Фомы Аквинского: «Св. Фома Аквинский, месяца за три до кончины, имел, служа обедню, “восхищение” и, приходя в себя, сказал своему другу и духовнику Реджинальду:

— *Venit finis scripturae meae. (Наступает конец моим писаниям)*».

В списке прочитанных Буниным книг (до его эмиграции) нет издания, в котором мы могли бы найти эту цитату. Вероятно, до отъезда из России писатель не имел возможности читать труды и жизнеописание Фомы Аквинского, так как православная церковь не допускала публикации трудов католиков, существовали только критические статьи, опровергающие учение Фомы Аквинского. Мы также не имели иных цитат из трудов философа в произведениях Бунина и биографических данных о прочтении им книг самого Фомы или Реджинальда.

Когда поисковый запрос был изменен со слов Фомы Аквинского до полного фрагмента, записанного у Бунина, мы смогли установить, что в данном случае цитируется роман «Данте» Д.С. Мережковского.

«В 1273 году, лет за пятьдесят до смерти Данте, внутренне очень ему близкий, хотя и противоположный человек, св. Фома Аквинский, месяца за три до кончины служа обедню, имел “восхищение”, raptus, и когда пришел в себя, сказал другу своему и духовнику, Реджинальду: “Наступил конец моим писаниям, verdi finis scripturae meae”»².

Поскольку Буниным изменена первая фраза, возникла сложность в определении источника цитаты. Однако при сравнении фрагмента в набросках Бунина с текстом романа Мережковского, мы наблюдаем полное сходство, кроме первой части предложения. Почти полное совпадение текста и наличие у Бунина других цитат из романа «Данте» говорит о том, что произведения Фомы Аквинского не являются источником цитаты. Вопрос же о том,

¹ Щукин С.Н. Около церкви: Сб. статей. М.: Путь, 1913. С. 151.

² Мережковский Д.С. Данте; Наполеон. М.: Республика, 2000. С. 136.

каков первоисточник цитат у Мережковского, предлагается на рассмотрение исследователям его творчества.

Приведенными примерами не исчерпываются лакуны и сложные случаи в комментировании указанных текстов. Остаются открытыми вопросы о структуре комментария к «Жизни Арсеньева», определении издания Библии и Псалтыри, по которым будут проверены отрывки, приведенные в романе. Среди лакун реального комментария есть такие, как датировка «табельных дней», неопределенные цитаты: «в знамение того, что усопший переходит в царство бесплотных духов, окружающих престол Вседержителя и немолчно воспевающих Ему трисвятую песнь», «жизнь все-таки великолепная вещь».

Однако выработанный комплексный подход позволит вести дальнейшее исследование и проводить проверку выдвинутых гипотез эффективнее.

Литература

Бунин И.А. Жизнь Арсеньева; Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. 388 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2: Произведения, 1887–1909 гг. М.: Художественная литература, 1987. 510 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Произведения, 1909–1914 гг. М.: Художественная литература, 1987. 670 с.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступит. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. («Новая Библиотека поэта»).

Зограф Н.Ю. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. М., 1892. 288 с.

Мережковский Д.С. Данте; Наполеон / Сост. О.А. Коростелев и А.Н. Николюкин; вступит. статья А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 541 с.

Новый полный оракул и чародей, предсказывающий будущее по предложенным вопросам с присовокуплением легчайшего способа гадать и отгадывать на картах, бобах и кофе. Толкователь снов египетских и индийских мудрецов и астрономов. Астрономический телескоп, предсказывающий судьбу человека. Хиромантия и физиognомика. Открытие тайн древних магиков. Предсказания Брюса и Мартына Задеки: В 4 ч. М.: П.Н. Шарапов, 1880. 688 с.

Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. 220 с.

Щукин С.Н. Около церкви: Сб. статей. М.: Путь, 1913. 183 с.

References

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 2: Proizvedeniia, 1887–1909 gg.* [Collected works: In 6 vols. Vol. 2: Works, 1887–1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, 510 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 2: Proizvedeniia, 1909–1914 gg.* [Collected works: In 6 vol. Vol. 3: Works, 1909–1914]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1987, 670 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Stikhotvoreniiia: V 2 t. T. 2* [Poems: In 2 vols. Vol. 2]. Ed. by T.M. Dviniatina. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2014 ("Novaia Biblioteka poeta"), 543 p. (In Russ.).

Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva; Iunost'. Pervoe polnoe izdanie* [The Life of Arseniev. Youth. A first complete edition]. New York, Izdatel'stvo im. Chekhova Publ., 1952, 388 p. (In Russ.).

Merezhkovskii D.S. *Dante; Napoleon*, comp. by O.A. Korostelev and A.N. Nikoliukin; introd. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2000, 541 p. (In Russ.).

Novyi polnyi orakul i charodei, predskazyvaiushchii budushchee po predlozhennym voprosam s prisovokupleniem legchaishego sposoba gadat'i otgadyvat' na kartakh, bobakh i kofe. Tolkovatel' snov egipetskikh i indiiskikh mudretsov i astronomov. Astronomiceskii teleskop, predskazyvaiushchii sud'bu cheloveka. KHiromantiia i fiziognomika. Otkrytie tain drevnikh magikov. Predskazania Briusa i Martyna Zadeki. V 4 ch. [A new full Oracle and a sorcerer, predicting the future on the proposed issues with the addition of the easiest way to telling and telling by cards, beans and coffee. Interpreter of dreams of Egyptian and Indian sages and astronomers. Astronomical telescope, predicting the fate of man. Palmistry and physiognomy. The discovery of the secrets of ancient magicians. Bruce and Martin Zadek's predictions. In 4 parts]. Moscow, P.N. Sharapov Publ., 1880, 688 p. (In Russ.).

Rejser S.A. *Osnovy tekstologii* [The basics of textual criticism]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978, 220 p. (In Russ.).

Shchukin S.N. *Okolo tserkvi: Sb. statei* [Near the church: a collection of articles]. Moscow, Put' Publ., 1913, 183 p. (In Russ.).

Zograf N.Iu. *Antropometricheskie issledovaniia muzhskogo velikorusskogo naseleniiia Vladimirskei, Jaroslavskoi i Kostromskoi gubernii* [Anthropometric studies of the male population of Vladimir, Yaroslavl' and Kostroma regions]. Moscow, 1892, 288 p. (In Russ.).

COMPLEX CASES IN ACADEMIC COMMENTARY FOR THE “THE LIFE OF ARSENIEV” NOVEL AND DIARIES OF IVAN BUNIN

© 2019, ELENA KAGANOVA

Abstract: The author proposes a complex method of writing so-called “real” commentaries for the “The Life of Arseniev” novel; a couple of examples from Bunin’s novel and its drafts are given in order to prove the method’s validity. Also, the author points to certain shortcomings in the academic commentary that can be eliminated.

Keywords: Ivan Bunin, “The Life of Arseniev”, textology, academic commentary.

Information about the author: Elena Kaganova, 4th year student, Saint Petersburg State Institute of Culture. Millionnaya str., 7, 191186 St. Petersburg, Russia. E-mail: 79217867899@yandex.ru

КРУГ ЧТЕНИЯ И.А. БУНИНА (ДО 1920 г.)

© 2019, М.С. ЩАВЛИНСКИЙ

Аннотация: В данной статье описывается метод восстановления «круга чтения» И.А. Бунина. Приводятся первые практические результаты этой работы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, круг чтения

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский — студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, ул. Миллионная, д. 7, 191186 Санкт-Петербург, Россия. E-mail: maxim.shavlinsky@yandex.ru

Творчество первого русского Нобелевского лауреата исследовалось многократно и очень многими учеными (Ю.В. Мальцев¹, Б.В. Аверин², О.В. Сливицкая³ и др.). Написано огромное количество литературоведческих работ об этом писателе (Т.М. Двинятина <поэзия>⁴, Е.Р. Пономарев <проза>⁵, А.В. Бакунцев <публицистика>⁶). Об отдельных аспектах его творчества пишется множество работ (К.В. Анисимов, О.А. Бердникова, Э. Гаретто и др.). В настоящее время активно изучается его биография. Так, например, С.Н. Морозов выпустил два тома «Летописи жизни и творчества Бунина», в настоящее время идет работа над третьим. Публикуются многие ранее неизвестные произведения, отрывки, письма. Готовится к публикации первая книга нового бунинского тома «Литературного наследства» (под ред. О.А. Коростелёва и С.Н. Морозова), в которую, в числе прочего, войдут обширные наброски И.А. Бунина (под ред. Е.Р. Пономарева).

В общем контексте современного буниноведения кажется важной разработка вспомогательной базы для изучения наследия И.А. Бунина. Мы предлагаем изучить и описать круг чтения писателя. Под «кругом чтения» мы понимаем совокупность текстов, которые были прочитаны автором на протяжении всей жизни.

¹ Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. Москва: Посев, 1994. 431 с.

² Аверин Б.В. Дар Мнемозины (романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции). СПб.: Амфора, 2003. 399 с.

³ Сливицкая О.В. Повышенное чувство жизни: Мир Ивана Бунина. Москва: РГГУ, 2001. 270 с.

⁴ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 437 с.

⁵ Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Тёмным аллеям» // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238.

⁶ Бакунцев А.В. И.А. Бунин и цензура // Цензура в России: история и современность: сб. научных трудов. Вып. 7. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. С. 263–271.

Эта теоретическая проблема в сущности никогда не изучалась, в то время как круг чтения может существенно помочь исследователям в работе над текстологией автора и над комментированием его текстов (а также при работе над полным академическим собранием сочинений И.А. Бунина).

Круг чтения устанавливается двумя способами: **фактографическим** — это установление изданий по мемуарам и письмам, а также известным биографическим источникам; и **текстологическим** — это установление круга чтения непосредственно по текстам Бунина.

При использовании **фактографического подхода** мы изучаем все сохранившиеся письма, биографические данные и мемуары и фиксируем всю информацию, относящуюся к кругу чтения.

При использовании **текстологического подхода** мы изучаем все тексты Бунина, в которых цитируются произведения других авторов. Точно установленные реминисценции или аллюзии считаем разновидностью цитат. Что касается стилистического подражания (например, один из абзацев «Жизни Арсеньева» определенно пародирует стилистику Гоголя), то здесь мы опираемся на литературоведческие исследования, доказывающие стилистическую ссылку. Для каждой цитаты устанавливается источник, этот источник вносится в круг чтения. Для удобства представления материала творчество И.А. Бунина мы делим на поэзию и прозу¹.

Исследование «круга чтения» предполагает не только определение произведения, прочитанного Буниным, но и установление конкретного издания, которое автор читал. В ряде случаев издание устанавливается однозначно². Но во многих случаях установить точное издание не представляется возможным. В такой ситуации мы определяем «подходящее издание». Оно **отбирается по следующим критериям:**

1. Хронологически близкое издание (издание 5 последних лет, в соответствии с известной датой).
2. Максимально полное издание (собрание сочинений, избранные произведения и т.д.).
3. Географически близкое издание — по месту издания.

¹ Мы хотим разделить круги чтения на **практический** и **гипотетический**. Хотелось бы сразу заметить, что в данной работе мы хотим восстановить **практический** круг чтения. Разработка **гипотетического** круга чтения впереди и включает в себя много дополнительных нюансов.

В **практический круг чтения** входят издания, о которых есть фактическое упоминание в исследуемых материалах.

В **гипотетический круг чтения** входят издания, которые И.А. Бунин читал предположительно. Большинство периодических изданий, вероятно, прочитанных Буниным, следует отнести к **гипотетическому** кругу — кроме тех случаев, когда известен год или номер журнала/газеты или конкретная журнальная/газетная статья (в этом случае издание включается в **практический круг чтения**). В **гипотетический** круг чтения следует включить и гимназические учебники, по которым Бунин должен был учиться. **Гипотетический** круг чтения мы планируем разработать в дальнейшем.

² Например, если это единственное издание произведения или биографический источник указывает на конкретное издание.

Например, часто нам неизвестно конкретное произведение, прочитанное Бунином, но известен автор, которого он читал. Тогда мы включаем в круг чтения собрания сочинений данного писателя, поскольку полагаем, что собрания сочинений более авторитетны, чем отдельные издания.

Пример: Белинский В.Г. Сочинения В. Белинского: в 12 т.: С портр. авт. и его факс. — [4-е изд. Печ. с изд. 1867 г. без перемен]. — Москва: тип. Гравева и К°, 1872–1892.

Если речь идет о журналах и неизвестен конкретный номер, но известен год, библиографическая запись (далее БЗ) выглядит таким образом: <Заглавие журнала (год)>. — <год выпуска>.

Пример: Вестник Европы, 1882. — 1882.

Бунин часто посещал театральные представления. Просмотренные им пьесы правомерно внести в круг чтения. Для БЗ мы находим хронологически близкое издание пьесы или ссылаемся на собрание сочинений автора.

Пример: «1890. Июль, 27. Бунин смотрит в летнем театре в саду “Эрмитаж” пьесу П.П. Гнедича “Перекати-поле” с участием В.В. Пащенко»¹.

Гнедич П.П. Перекати-поле: современные силуэты: в 4 д / П.П. Гнедич. Москва: Ред. журн. «Артист», 1890. 84 с.²

Если И.А. Бунин знакомился с рукописью, созданной другом или знакомым, дается следующая БЗ: Автор (фамилия, инициалы). Название произведения / сведения об ответственности. — год (написания, прочтения).

Пример: Андреев Л.Н. Младость / Л.Н. Андреев. — 1916.

Поскольку установить конкретные прочитанные издания священных текстов проблематично (это вопрос, требующий дополнительного обсуждения), в случаях со священными текстами мы ссылаемся на издание Синодальной типографии, однако вопрос авторитетности остается открытым.

Пример: Библия. Новый завет господа нашего Иисуса Христа. — Санкт-Петербург: Синод. тип., 1870. — 628 с.

Круг чтения может структуироваться разными способами:

в виде **алфавитного указателя** — библиографическое пособие, в котором БЗ приводятся в алфавите фамилий авторов и (или) заглавий отражаемых документов;

в виде **предметного указателя** — библиографическое пособие, в котором БЗ группируются по предметным рубрикам, приводимым в алфавите;

в виде **систематического указателя** — библиографическое пособие, в котором БЗ группируются в соответствии с принятой системой классификации;

в виде **хронологического указателя** — библиографическое пособие, в котором БЗ объединяются по хронологии выхода в свет и (или) по датам написания отражаемых документов.

¹ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. С. 72.

² Хронологически близкое издание.

На данный момент нами разработан хронологический и алфавитный указатели.

В хронологическом указателе круг чтения представляется погодно, при этом мы можем наглядно увидеть, в какой конкретно год было прочитано то или иное произведение. Исключение составляет первое деление: «До 1887». Рубежом является год первой публикации Бунина. Для удобства мы решили объединить в один раздел книги за первые 17 лет жизни Бунина.

После представления книг по годам следует раздел «Книги разных лет». Этот раздел нужен для книг, прочтение которых доказано, но нельзя точно сказать, в каком году они были прочитаны. Отдельно находятся книги некоторых русских классиков (Пушкина, Лермонтова и др.). Это те авторы, которых Бунин читал всю свою жизнь и сам не раз об этом говорил в интервью, автобиографии, статьях, письмах.

Далее следует библиографический указатель установленных изданий. В алфавитном порядке.

Ниже приведены примеры работы с фактографическими и текстологическими источниками. По аналогии с данными примерами проводилась вся работа по сбору информации для круга чтения.

Фактографический пример: «1916. Октябрь, 27. Бунин читает книгу В. Бертенсона “За тридцать лет”, “Дневник” М.К. Башкирцевой <...> Прочел (перечел)¹ “Дневник Башкирцевой”...»².

Бертенсон В.Б. За 30 лет: (Листки из воспоминаний) / В.Б. Бертенсон. Санкт-Петербург: тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. IV, 283 с.³

Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: С портр. и карт / М.К. Башкирцева; пер. под ред. Л.Я. Гуревич. 3-е изд. Петроград; Москва: Т-во М.О. Вольф, 1916. [2], XX, 543 с.⁴

«1892. Июнь, 28. <...> целый день сижу в саду, читаю старинный толстый том К. Новицкого “Энциклопедия Законоведения”»⁵.

Неволин К.А. Энциклопедия законоведения / Соч. д-ра прав и орд. проф. энциклопедии законоведения и учреждений Рос. империи в Ун-те св. Владимира Константина Неволина. Т. 1–2. Киев: Унив. тип., 1839–1840. 2 т.⁶

¹ Следовательно, Бунин читал эту книгу в первый раз до 1916 г.

² Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919. С. 800.

³ Мы полагаем, что речь именно об этом издании, других в этот хронологический период не обнаружено.

⁴ Хронологически близкое издание. Первое издание на русском в 1893 г.

⁵ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. С. 145.

⁶ Скорее всего, речь об этой книге. В издании писем Бунина в комментарии к этому письму сказано, что не удалось установить книгу. Мы полагаем, что Бунин просто допустил ошибку, так как по другим признакам эта книга подходит по описанию.

Поэтический (текстологический) пример: «Влияние Некрасова сказалось уже в самых первых стихотворениях Бунина: “Клубился туман над землею...” (1883) и “Апрельский день” (“Весело в поле весною бродить...”, 17 апреля 1886)»¹.

Некрасов Н.А. Стихотворения Николая Алексеевича Некрасова / Н.А. Некрасов; Рис. Н.Н. Каразина. Санкт-Петербург: С.-Петербург. ком. грамотности, сост. при Имп. Вольн. экон. о-ве, 1882. 42 с.²

Прозаический (текстологический) пример: «Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лет тому назад “Грамматика любви или Искусство любить и быть взаимно любимым”»³.

Демольер И.Ж. Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым / И.Ж. Демольер, пер. с фр. С.Ш. Москва: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1831. 83 с.

В ближайшее время мы планируем довести до конца круг чтения И.А. Бунина, изучив эмигрантский период его жизни с 1920 г. по 1953 г. Затем начнется работа над гипотетическим кругом чтения. Опираясь на выполненное исследование, можно будет разработать новый метод для исследования творчества И.А. Бунина.

Литература

Аверин Б.В. Дар Мнемозины (романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции). СПб.: Амфора, 2003. 399 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 829 с.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 437 с.

И.А. Бунин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Отв. ред. Д.К. Бурлака; Сост. Б.В. Аверин и др. СПб.: РХГИ, 2001. 1015 с.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.

¹ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. С. 28.

² Точных указаний нет, но хронологически это издание подходит. Выходило множество сборников, где были напечатаны произведения Некрасова. Возможно, что: Некрасов Н.А. Русская библиотека. Т. 10: Стихотворения Н. Некрасова / Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Лейпциг: В. Гергард, 1859. XVIII, 226, IV с.

³ Бунин И.А. Произведения 1914–1931. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. С. 50.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919. 1184 с.

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в.: (1891–октябрь 1917) / Под общ. ред. А.В. Лаврова. М.: ИМЛИ РАН, 2002–2005.

Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. М.: Посев, 1994. 431 с.

Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Тёмным аллеям» // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238.

Сливицкая О.В. Повышенное чувство жизни: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2001. 270 с.

Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 2 т. М.: Посев, 2005.

Цензура в России: история и современность: сб. научных трудов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2001—. Вып. 7 / Сост. и науч. ред. М.Б. Конашева и др., 2015. 504 с.

References

Averin B.V. *Dar Mnemoziny (romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii)* [The Gift of Mnemosyne (Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition)]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2003. 399 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904], ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919], ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 829 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987–1988. (In Russ.)

Dviniatina T.M. *Poeziiia I.A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiiia: dis. ... d-ra filol. nauk* [Poetry of Ivan Bunin: Evolution. Poetics. Textology: PhD thesis]. Saint Petersburg, 2015. 437 p. (In Russ.)

I.A. Bunin: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiiia [Ivan Bunin: pro et contra: The personality and works of Ivan Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers: an anthology]. Ed. by D.K. Burlaka, comp. B.V. Averin et al. Saint Petersburg, RKhGI Publ., 2001. 1015 p. (In Russ.)

Letopis' literaturnykh sobytiy v Rossii kontsa XIX — nachala XX v.: (1891–oktyabr' 1917) [Chronicle of literary events in Russia of the late 19th—early 20th century: (1891—October 1917)], ed. by A.V. Lavrov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002–2005.

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of the life and works of Ivan Bunin], ed. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. Vol. 1: 1870–1909. 944 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of the life and works of Ivan Bunin], ed. by S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017. Vol. 2: 1910–1919. 1184 p. (In Russ.)

Mal'tsev Yu.V. *Ivan Bunin, 1870–1953*. Moscow, Posev Publ., 1994. 431 p. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Ot “Zhizni Arsen'eva” k “Temnym alleiam” [From “The Life of Arseniev” to the “Dark Avenues”]. *Russkaia literatura*, 2017, no 4, pp. 228–238. (In Russ.)

Slivitskaia O.V. *Povyshennoe chuvstvo zhizni: Mir Ivana Bunina* [Increased sense of life: the world of Ivan Bunin]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 270 p. (In Russ.)

Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost': sb. nauchnykh trudov [Censorship in Russia: history and modernity: Collection of papers]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2001—. Issue 7, ed. by M.B. Konashev, 2015. 504 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 2 t. [From the mouth of the Bunins: the diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 2 vols.]. Moscow, Posev Publ., 2005. (In Russ.)

WHAT BUNIN READ (BEFORE 1920)

© 2019, MAXIM SCHAVLINSKY

Abstract: This article describes the method of restoring the texts Ivan Bunin read. The first practical results of this study are given.

Keywords: Ivan Bunin, reading.

Information about the author: Maxim Schavlinksy, 4th year student, St. Petersburg State Institute of Culture, Millionnaya str., 7, 191186 St. Petersburg, Russia. E-mail: maxim.shavlinksy@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

**БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ В ПЕРИОДИКЕ И КОЛЛЕКТИВНЫХ
СБОРНИКАХ 1887–1920 ГОДОВ***
СОСТАВИТЕЛЬ С.Н. МОРОЗОВ

К составлению библиографии И.А. Бунина исследователи обратились уже давно, но до сих пор в печати появлялись преимущественно отдельные фрагменты и рекомендательные списки, научной библиографии изданий произведений И.А. Бунина и литературы о нем все еще нет. Первая попытка собрать более представительную библиографию писателя была предпринята в издании «История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель» (Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 152–161), в котором была персональная рубрика И.А. Бунина с перечнем книжных изданий писателя, публикаций его писем в периодике и сборниках, литературы о нем.

За рубежом велась работа по учету эмигрантских публикаций И.А. Бунина, в частности, основные его публикации были отражены в известном указателе Л.А. Фостер «Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 гг.: В 2 т.» (Boston, 1970). Список произведений И.А. Бунина в основных эмигрантских журналах был представлен в издании «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920–1980. Сводный указатель статей» (Париж, 1988).

Попытка собрать представительную библиографию литературы об И.А. Бунине была предпринята в 2001 г.: И.А. Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / Сост. Т.М. Двинятина, А.Я. Лапидус // И.А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 847–1011.

Наиболее полная библиография изданий произведений писателя была выпущена Национальной библиотекой Чешской Республики и Славянской библиотекой: Иван Алексеевич Бунин. Библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага, 2007; Иван Алексеевич Бунин. Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага, 2011.

Составители из разных стран руководствовались собственными правилами, и теперь мы имеем разрозненные части библиографии И.А. Бунина, составленные с разной степенью полноты.

* Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (№ 17–18–01410).

В результате работы, начавшейся в 1989 г., над составлением научной библиографии изданий произведений И.А. Бунина и литературы о нем на русском языке, удалось собрать большой массив информации за 1887–2018 гг. На основании проведенных изысканий и собранной информации можно сказать, что ни одна из вышеуказанных изданных библиографий не может считаться достаточно полной. Следует сразу оговориться, что собрать абсолютно исчерпывающую библиографию И.А. Бунина (как и любого другого писателя) невозможно. Речь идет лишь о наиболее полной библиографии писателя, доведенной до наших дней. Задача эта сложная по многим причинам, как научным, так и организационным. Многие газеты не сохранились или не выдаются по причине ветхости, фронтальный просмотр дореволюционной периодики требует большого времени, т.к. И.А. Бунин в ранний период своего творчества печатался во многих газетах и журналах, как столичных, так и провинциальных. В эмиграции количество периодики было меньше, но она разбросана по всему миру, полных комплектов журналов и газет почти не сохранилось, некоторые издания труднодоступны.

Одной из задач научного проекта «Академический Бунин» является именно составление научной библиографии И.А. Бунина. И здесь уже есть определенные результаты. На сайте «Академический Бунин», созданном в рамках проекта по гранту РНФ, имеется рубрика «Библиография», в которой выложен перечень книжных изданий произведений писателя 1891–1955 гг., а также библиография произведений И.А. Бунина в периодике и коллективных сборниках за 1920–1954 гг. На сайте выложена и библиография литературы о писателе за 1892–1954 гг.

Публикуемая ниже часть библиографии дополняет указатель, выложенный на сайте. Здесь собраны сведения о произведениях И.А. Бунина, появившихся в периодике и сборниках, начиная с первой его публикации 1887 г. до отъезда из Одессы в эмиграцию в 1920 г. Ведется работа по составлению других частей научной библиографии: издания произведений И.А. Бунина 1955–2016 гг., литература об И.А. Бунине 1955–2016 гг., текущая библиография И.А. Бунина за 2017–2019 гг. Таким образом, постепенно из этих отдельных частей будет складываться научная библиография изданий произведений И.А. Бунина и литературы о нем за 1887–2019 гг., которая необходима для работы над научным Полным собранием сочинений писателя.

Над могилой С.Я. Надсона («Угас поэт в расцвете силы...») // Родина. — 1887. — № 8. — 22 февр. — Стб. 228–229.

Деревенский нищий («В стороне от дороги, под дубом...») // Родина. — 1887. — № 20. — 17 мая. — Стб. 611–612.

«В венке из свежих роз я Музу увидал...» // Родина. — 1887. — № 21. — 24 мая. — Стб. 657.

«Ночь тиха. Голубые зарницы...» // Родина. — 1887. — № 27. — 5 июля. — Стб. 848.

В глуши («Тишина... Только шепчутся нивы...») // Родина. — 1887. — № 28. — 12 июля. — Стб. 875.

Из записной книжки («Как долго не гаснет закат золотистый!...») // Родина. — 1887. — № 29. — 19 июля. — Стб. 902.

«Не шумный бал, увенчанный цветами...» // Родина. — 1887. — № 30. — 26 июля. — Стб. 933.

Ангелы сна («Ангелы сна над землей пролетают...») // Родина. — 1887. — № 32. — 9 авг. — Стб. 1009–1010.

Два странника // Родина. — 1887. — № 39. — 28 сент. — Стб. 1224–1229.

«О, если б жизнь моя спокойно, безмятежно...» // Родина. — 1887. — № 41. — 11 окт. — Стб. 1296.

Воспоминание («Раскинулось поле равниной безбрежной...») // Родина. — 1887. — № 49. — 6 дек. — Стб. 1551.

Нефедка: Святочный рассказ // Родина. — 1887. — № 51. — 20 дек. — Стб. 1613–1615.

«Пошли, о Боже! — новой силы...» // Родина. — 1888. — № 2. — 10 янв. — Стб. 44.

Поэту («Не разрешит твой ум тревожного сомненья...») // Родина. — 1888. — № 8. — 21 февр. — Стб. 219.

«Кто испытал и тоску, и мученья...» // Родина. — 1888. — № 11. — 13 марта. — Стб. 290.

Перед разлукой («Скоро сбудутся сомненья...») // Родина. — 1888. — № 12. — 20 марта. — Стб. 312.

При разлуке («Ненастные дни и туманные ночи...») // Родина. — 1888. — № 14. — 3 апр. — Стб. 371.

Листки из дневника («И теплый ветерок, и теплый вечер мая...») // Родина. — 1888. — № 22. — 29 мая. — Стб. 572.

«Отрадно сознавать, что в жизни есть мгновенья...» // Родина. — 1888. — № 35. — 28 авг. — Стб. 933.

I. «За днями серыми и темными ночами...», II. «Когда вечернею порою...», III. «Прости мне, милый друг!.. Те скорбные мгновенья...» // Книжки Недели. — 1888. — № 9.

Осенние листья («Листья сухие с деревьев летят...») // Родина. — 1888. — № 41. — 9 окт. — Стб. 1132.

«Осыпаются розы в садах...» // Книжки Недели. — 1888. — № 10.

«Снились мне цветущие долины...», «Не пугай меня грозою...» // Книжки Недели. — 1888. — № 12.

«Помню, — долгий зимний вечер...» // Книжки Недели. — 1889. — № 1.

Детство («Нас было, дитя мое, двое...»). Г. Гейне // Родина. — 1889. — № 18. — 30 апр. — Стб. 565.

«Далеко на море...» // Северный вестник. — 1889. — № 7. — С. 88.

Божьи люди: Очерк // Орловский вестник. — 1889. — 20 сент. (№ 125). — С. 2–3.

Байдарская долина («Вся долина в зеленых садах...») // Книжки Недели. — 1889. — № 9.

«Пустынные поля, пейзажи деревень...» // Книжки Недели. — 1889. — № 10.

День за день: Старая история // Орловский вестник. — 1889. — 22 нояб. (№ 156). — С. 2.

Усы: Рассказ А.П. Стороженко // Орловский вестник. — 1889. — 22 дек. (№ 171). — С. 2–3; 24 дек. (№ 172). — С. 2.

Тяжелые мгновенья («Бывают тяжкие мгновенья...») // Родина. — 1890. — № 5. — 28 янв. — Стб. 199.

Первая любовь. Из воспоминаний детства: Рассказ // Орловский вестник. — 1890. — 13 февр. (№ 26). — С. 2–3; 14 февр. (№ 27). — С. 2–3.

«Не пугай меня грозою...» // Орловский вестник. — 1890. — 8 марта (№ 48). — С. 2. — Из «Книжек Недели».

«Когда вечернею порою...», «Прости мне, милый друг!.. Те скорбные мгновенья...» // Орловский вестник. — 1890. — 13 марта (№ 53). — С. 3. — Из «Книжек Недели».

Приход весны («Старый сад всю ночь шумел угрюмо...») // Газета А. Гатцука. — 1890. — 22 апр. (№ 15). — С. 270.

Памяти М.Е. Салтыкова («Кончен путь. Засыпана могила...») // Орловский вестник. — 1890. — 28 апр. (№ 94). — С. 2–3.

(Посвящается В.В.П.) («Нет, друг мой, не верьте сомненьям своим...») // Орловский вестник. — 1890. — 29 апр. (№ 95). — С. 2.

«Поздно... Замолчали...» // Орловский вестник. — 1890. — 1 июня (№ 126). — С. 2.

Из крымского дневника: I. «Светает... Над морем, под пологом туч...», II. «У Байдар, на прибрежной скале...» // Газета А. Гатцука. — 1890. — 10 июня (№ 22). — С. 393.

«Далеко на море...» // Орловский вестник. — 1890. — 20 июня (№ 145). — С. 3. — Из «Северного вестника».

Кляча: Повесть С.М. Абрамовича // Орловский вестник. — 1890. — 21 июня (№ 146). — С. 2–3; 22 июня (№ 147). — С. 2; 24 июня (№ 149). — С. 2.

«Снились мне цветущие долины...» // Орловский вестник. — 1890. — 24 июня (№ 149). — С. 2. — Подпись: И.Б.

Шаман и Мотька: Очерк // Орловский вестник. — 1890. — 26 июня (№ 151). — С. 2; 27 июня (№ 152). — С. 2–3. — Подпись: И.А. Чубаров.

«Светает... Над морем, под пологом туч...» // Орловский вестник. — 1890. — 10 июля (№ 165). — С. 3. — Из «Газеты А. Гатцука».

«Любил я в детстве сумрак в храме...» // Книжки Недели. — 1890. — № 7.

Три ночи («Старый сад всю ночь шумел угрюмо...») // Наблюдатель. — 1890. — № 8. — С. 69–70.

«Отчего так печальна природа?..» // Северный вестник. — 1890. — № 9 (1 сент.). — С. 138.

«Осыпаются астры в садах...» // Орловский вестник. — 1890. — 12 сент. (№ 226). — С. 2.

«Отчего так печальна природа?..» // Орловский вестник. — 1890. — 23 сент. (№ 237). — С. 3. — Из «Северного вестника».

«Юным и беспечным я когда-то был...» // Орловский вестник. — 1890. — 11 нояб. (№ 284). — С. 2. — Подпись: И. Б-н.

Из крымского дневника: I. «Светает... Над морем, под пологом туч...», II. «На морском берегу, на скале...» // Наблюдатель. — 1890. — № 11. — С. 177–178.

«Голубчик! Зачем говорить?..» // Орловский вестник. — 1891. — 22 янв. (№ 22). — С. 2. — Подпись: И.А. Б-н.

«Было время дорогое... Сердце радости искало...» // Орловский вестник. — 1891. — 14 февр. (№ 44). — С. 2.

Божьи люди: Очерк из жизни обездоленных: Дементьевна // Орловский вестник. — 1891. — 17 февр. (№ 47). — С. 2. — Подпись: Ив. Б-н.

«Старый сад всю ночь шумел угрюмо...» // Орловский вестник. — 1891. — 10 марта (№ 66). — С. 3. — Из «Наблюдателя».

На мотив П. Бурже («Уже скоро холодной рукой...») // Наблюдатель. — 1891. — № 4 (1 апр.). — С. 67.

«Уже скоро холодной рукой...» // Орловский вестник. — 1891. — 9 апр. (№ 95). — С. 2. — Из «Наблюдателя».

В лесу («Как флером голубым, закрыв на полчаса...») // Наблюдатель. — 1891. — № 6 (1 июня). — С. 332.

«Любил я в детстве сумрак в храме...» // Орловский вестник. — 1891. — 6 июня (№ 147). — С. 2. — Из «Книжек Недели».

Божьи люди: Очерки из жизни обездоленных: «Судорожный» // Орловский вестник. — 1891. — 9 июня (№ 150). — С. 2; 12 июня (№ 152). — С. 2. — Подпись: И.А. Б-н.

«Как флером голубым закрыв на полчаса...» // Орловский вестник. — 1891. — 12 июня (№ 152). — С. 3. — Из «Наблюдателя».

«Поздним летом...» // Орловский вестник. — 1891. — 13 июля (№ 182). — С. 2.

«Пустынные поля, пейзажи деревень...» // Орловский вестник. — 1891. — 14 сент. (№ 243). — С. 3. — Из «Книжек Недели».

Мелкопоместные: Очерки из жизни елецких помещиков // Орловский вестник. — 1891. — 27 окт. (№ 285). — С. 2; 29 нояб. (№ 317). — С. 2; 8 дек. (№ 326). — С. 2–3; 13 дек. (№ 331). — С. 2–3; 17 дек. (№ 335). — С. 2–3; 22 дек. (№ 340). — С. 2. — Подпись: И.А.Б.

На мотив А. Мюссе («...Однообразные печальные сомненья...») // Северный вестник. — 1891. — № 11. — С. 200.

Праздник: Сказка // Русская жизнь. — 1891. — 25 дек. (№ 351). — С. 3.

На мотив А. Мицкевича («Как новый феникс крылья распускает...») // Орловский вестник. — 1892. — 14 мая (№ 125). — С. 2.

«Не оскорбляй меня хоть ты!...» // Орловский вестник. — 1892. — 20 мая (№ 130). — С. 2.

Помещик Воргольский: Из очерков «Старое и новое» // Орловский вестник. — 1892. — 3 июня (№ 143). — С. 2; 4 июня (№ 144). — С. 2–3; 5 июня (№ 145). — С. 2; 6 июня (№ 146). — С. 2.

«Жизнь увлекает пошлостью дневной...» // Мир Божий. — 1892. — № 7 (1 июля). — С. 115.

«Жизнь увлекает пошлостью дневной...» // Орловский вестник. — 1892. — 19 июля (№ 188). — С. 3. — Из «Мира Божьего».

Праздник: Сказка // Орловский вестник. — 1892. — 2 авг. (№ 202). — С. 2. — Из «Русской жизни».

Деревенский эскиз // Русское богатство. — 1893. — № 4. — С. 1–13.

«Нет, не о том я сожалею...» // Мир Божий. — 1893. — № 5. — С. 33.

Песни о весне: I. «Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...», II. «Бушует полая вода...», III. «Догорел апрельский поздний вечер...», IV. «То разрастаясь, то невнятно...», V. «Еще от дома на дворе...» // Вестник Европы. — 1893. — № 7. — С. 362–365.

В лесу («Как флером голубым закрыв на полчаса...») // Четыре времена года: Стихотворения современных русских поэтов. — СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1893. — С. 10.

Федосевна: Рассказ // Голодный год. — Харьков: Изд. Харьковского общества распространения в народе грамотности, 1893. — С. 23–32.

«Прозрачен звездный свет апрельской темной ночи...» // Книжки Недели. — 1894. — № 4. — С. 179.

I. Из Адама Асныка. «Без слов мы навсегда простились с тобою...» II. «...И снился мне, что осенней порой...», III. «Неуловимый свет разлился над землею...» // Вестник Европы. — 1894. — № 6. — С. 645–647.

Песня работника. Томаса Гуда («Давайте заступ, грабли, лом...») // Мир Божий. — 1894. — № 11. — С. 36–37.

С далекого юга («Одна встречаешь ты дни радостной недели...») // Живописное обозрение. — 1895. — № 14. — 2 апр. — С. 262.

Кастрюк: Очерк // Русское богатство. — 1895. — № 4. — С. 127–137.

Святая ночь // Мир Божий. — 1895. — № 4. — С. 1–8.

Вознесение Христово («Звон ранней утренней зарею...») // Всемирная иллюстрация. — 1895. — № 20. — 13 мая. — С. 375.

В южных степях: I. «Что шумит задолго пред зарею...», II. «И день настал... Но все ты молчалива...» // Труд. — 1895. — № 5. — С. 389–390.

На хуторе: Очерк // Русское богатство. — 1895. — № 5. — С. 120–125.

Альбатрос («Взвывает и мычит разгневанный Борей...»). Ш. Леконт де Лиль // Полтавские губернские ведомости. — 1895. — 4 июня (№ 117). — Часть неофициальная. С. 2.

В лесах: Из дневника // Орловский вестник. — 1895. — 11 июня (№ 151). — С. 2.

Буря («Истомлена полдневным зноем...») // Наблюдатель. — 1895. — № 6. — С. 253.

Неожиданность: Очерк // Русское богатство. — 1895. — № 6. — С. 123–132.

По Днепру: Из письма // Полтавские губернские ведомости. — 1895. — 5 июля (№ 142). — Часть неофициальная. С. 2–3.

Посв. К.Д. Бальмонту («Ни песен, ни солнца... О, сердце мое!...») // Орловский вестник. — 1895. — 22 июля (№ 192). — С. 1.

Маленькие сказки: I. В летний вечер, II. О милых людях // Орловский вестник. — 1895. — 2 авг. (№ 202). — С. 1.

«Поздняя ночь. В стороне от селения...» // Всемирная иллюстрация. — 1895. — № 7 (1385). — 12 авг. — С. 122.

Кошмар («Как за горные кручи...»). Неизвестный автор // Полтавские губернские ведомости. — 1895. — 20 авг. (№ 180). — Часть неофициальная. С. 2.

В темную ночь («Холодные, темные ночи стоят...») // Наблюдатель. — 1895. — № 8. — С. 360.

«От мертввой скучной лени, от суетных забав...» // Труд. — 1895. — № 9. — С. 535.

На край света: Из записной книжки. (Посвящается Д.И. Звереву) // Новое слово. — 1895. — № 1 (окт.). — С. 148–155.

В осеннем лесу («Ворох листвьев сухих все сильней, веселей разгорается...») // Труд. — 1895. — № 11. — С. 320.

«Жизнь увлекает пошлостью дневной...», «Бушует полая вода...» // На доброе дело: Литературный сборник. — М.: Тип. Г.С. Ломакина, 1894—1895. — С. 4–5, 24.

«Пустынныя поля, пейзажи деревень...» // Лирика и антология русских поэтов: Сборник стихотворений. — СПб.: Изд. П.Ф. Порфиррова, 1895. — С. 227–228.

«Бушует полая вода...», «То разрастаясь, то невнятно...», «Помню, — долгий, зимний вечер...», В лесу («Как флером голубым, закрыв на пол-часа...») // Молодая поэзия: Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов / Сост. П. и В. Перцовы. — СПб.: Б.М. Вольф, 1895. — С. 14–19.

Из Леконта де Лиля. Усопшему поэту («Ты, чей блуждающий взор в последние мгновенья...») // Всемирная иллюстрация. — 1896. — № 3. — 13 янв. — С. 64.

«Угрюмые, зимние ночи царя...» // Нива. — 1896. — № 3. — 20 янв. — С. 63.

На край света // Полтавские губернские ведомости. — 1896. — 27 янв. (№ 8). — С. 2–3. — Из «Нового слова».

Степная ночь («Неуловимый свет и чуткое молчанье...») // Север. — 1896. — № 6. — 11 февр. — Стб. 244.

В костеле («Гаснет день — и звон тяжелый...») // Нива. — 1896. — № 8. — 24 февр. — С. 176.

«Февральский ветер по вершинам...» // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». — 1896. — № 2. — Стб. 365–366.

Лилии («Золотые кудри в косы...»). А. Асныка // Наблюдатель. — 1896. — № 2. — С. 146–147.

Морские сумерки («Орлы кричали, ветер холодел...») // Север. — 1896. — № 9. — 3 марта. — Стб. 337.

Из Леконта де Лиля. Усопшему поэту («Ты, чей блуждающий взор в последние мгновенья...») // Петербургская жизнь. — 1896. — № 174. — 3 марта. — С. 1489.

Вечерняя молитва: Мотив Генр. Сенкевича («Солнце уходит в далекие страны...») // Русская мысль. — 1896. — № 3. — С. 24–26.

«Ни песен, ни солнца... О, сердце мое!..» // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». — 1896. — № 3. — Стб. 497—498.

Тарантелла: (Из жизни деревенской интеллигенции) // Новое слово. — 1896. — № 7 (апр.). — С. 45—93.

Песнь о Гайавате. Г. Лонгфелло / Предисл. И. Бунина // Орловский вестник. — 1896. — 2 мая (№ 114). — С. 1; 4 мая (№ 116). — С. 1; 9 мая (№ 120). — С. 1; 18 мая (№ 128). — С. 1; 22 мая (№ 132). — С. 1; 23 мая (№ 133). — С. 1. — Гл. I—III.

В море («Долог был во мраке ночи...») // Нива. — 1896. — № 19. — 11 мая. — С. 438.

На высоте («Далеко на низах остались долины...») // Север. — 1896. — № 19. — 12 мая. — Стб. 658.

Кипарисы («Амфитеатр Яйлы дымится облаками...») // Ялта. — 1896. — 11 июня (№ 4). — С. 2.

Прилив. Посв. А.М. Федорову («Темной ночью к прибрежной скале...») // Одесские новости. — 1896. — 16 июня (№ 3662). — С. 2.

Из Петрарки («Когда, как солнца луч, внезапно озаряет...») // Одесские новости. — 1896. — 23 июня (№ 3669). — С. 2.

Песнь о Гайавате. Г. Лонгфелло // Орловский вестник. — 1896. — 23 июня (№ 163). — С. 1; 28 июня (№ 168). — С. 1; 6 июля (№ 175). — С. 1; 11 июля (№ 180). — С. 1; 30 июля (№ 198). — С. 1; 1 авг. (№ 200). — С. 1; 2 авг. (№ 201). — С. 1; 3 авг. (№ 202). — С. 1; 9 авг. (№ 208). — С. 1; 11 авг. (№ 210). — С. 1; 14 авг. (№ 213). — С. 1; 18 авг. (№ 217). — С. 1; 21 авг. (№ 220). — С. 1; 27 авг. (№ 226). — С. 1; 31 авг. (№ 229). — С. 1; 7 сент. (№ 236). — С. 1; 14 сент. (№ 243). — С. 1; 20 сент. (№ 248). — С. 1; 21 сент. (№ 249). — С. 1; 24 сент. (№ 252). — С. 2. — Гл. IV—XXII.

«Счастлив я, когда ты голубые...» // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». — 1896. — № 9. — Стб. 173—174.

Байбаки: Из быта мелкопоместных // Новое слово. — 1896. — № 3 (дек.). — С. 193—209.

«Как было радостно и ново...» // Живописное обозрение. — 1897. — № 2. — 12 янв. — С. 30.

Ночь. На мотив Леконта де Лиля («Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни...») // Север. — 1897. — № 2. — 12 янв. — Стб. 45—46.

Из Ады Негри («О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...») // Север. — 1897. — № 8. — 23 февр. — Стб. 240.

«Ночь бесконечная, глухая...» // Мир Божий. — 1897. — № 3. — С. 33.

«...И в этот час, — гласит преданье...» // Север. — 1897. — № 14. — 6 апр. — Стб. 417—418.

«Христос воскрес! Опять с зарею...» // Полтавские губернские ведомости. — 1897. — 13 апр. (№ 82). — Часть неофициальная. С. 2.

Из «Песен о весне» («Зной, — но ясно лазурное небо глядится...») // Север. — 1897. — № 22. — 1 июня. — Стб. 685–686.

Троица («День светлой Троицы, весны и обновленья!...») // Живописное обозрение. — 1897. — № 22. — 1 июня. — С. 358.

«О этот вечерний, печальный привет!..» // Живописное обозрение. — 1897. — № 25. — 22 июня. — С. 410.

Астры («Все увяло... Только астры...»). А. Асныка // Север. — 1897. — № 35. — 31 авг. — Стб. 1103–1104.

На закате («О, этот вечерний, прощальный привет!..») // Живописное обозрение: Ежемесячные приложения к журналу «Живописное обозрение». — 1897. — № 10. — С. 266.

На Левкадском утесе («Какие дни, какие муки!..») // Русская мысль. — 1897. — № 10. — С. 107–108.

В ноябре («Опять кругом печалью веет...») // Всходы. — 1897. — № 21. — 1 нояб. — Стб. 6.

Осеннй рассвет («Ночь побледнела, и месяц садится...») // Живописное обозрение. — 1897. — № 45. — 9 нояб. — С. 795.

Ночь («Высоко полный месяц стоит...») // Детское чтение. — 1897. — № 11. — С. 108.

«Ночь наступила, день угас...» // Мир Божий. — 1897. — № 12. — С. 41.

Из Крымского дневника («...Светает... Над морем, под пологом туч...»), «На морском берегу, на скале...», Байдарская долина («Вся долина в зеленых садах...») // Крым в русской поэзии: Сборник стихотворений / Сост. А. Маркевич. — Симферополь: Изд. С.Б. Синани; печатня М.Б. Карского, 1897. — С. 70–72, 173–174.

«Помню, — долгий, зимний вечер...» // Розинки с цветов всемирной поэзии / Под ред. В.А. Мазуркевича. Издание журнала «Стрекоза» (Германа Корнфельда). — СПб.: Тип. МПС И.Н. Кушнерева, 1897. — С. 78–79.

Темная ночь («Ночь и даль седая...») // Живописное обозрение. — 1898. — № 2. — 11 янв. — С. 26.

Песнь о Гайавате. Г. Лонгфелло // Всходы. — 1898. — № 2. — 15 янв. — С. 1–194.

В деревне: Из детских воспоминаний // Детское чтение. — 1898. — № 1. — С. 87–96.

Мать («И дни, и ночи до утра...») // Мир Божий. — 1898. — № 1. — С. 126–127.

Ночная выюга («Когда на темный город сходит...») // Мир Божий. — 1898. — № 2. — С. 30.

Геракл: Сонеты Адама Асныка: I. «Предание его Гераклом называет...», II. «Но и другой он принимает вид...», III. «Еще себя не сознавая сам...» // Русское богатство. — 1898. — № 2. — С. 116–117.

Из «Песен о весне» («Тает снег — и солнце ярко...») // Мир Божий. — 1898. — № 4. — С. 124–125.

На севере («Под небом мертвенно-свинцовым...») // Русское богатство. — 1898. — № 4. — С. 244.

«За рекой луга зазеленели...» // Север. — 1898. — № 19. — 10 мая. — Стб. 578.

Летние песни: I. В поезде («Все шире вольные поля...») // Детское чтение. — 1898. — № 6. — С. 208–209.

У Средиземного моря («О, нежная заря, — как ласково восходит...»). П. Бурже // Южное обозрение. — 1898. — 1 июля (№ 514). — С. 2.

«Истомлена полдневным зноем...» // Южное обозрение. — 1898. — 4 июля (№ 517). — С. 2.

«В твоих задумчивых, внимательных глазах...» // Южное обозрение. — 1898. — 5 июля (№ 518). — С. 2.

Из дневника: I. «О, да, от злобы я молчу...», II. «Если б только можно было...» // Север. — 1898. — № 27. — 5 июля. — Стб. 839–840.

Гайавата и Мэджекивис: Из «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло («Миновали детства годы...») // Южное обозрение. — 1898. — 8 июля (№ 521). — С. 2.

«Снова сон пленительный и сладкий...» // Южное обозрение. — 1898. — 12 июля (№ 525). — С. 2.

В июле («Месяц склоняется... Полночь глубокая...») // Южное обозрение. — 1898. — 19 июля (№ 532). — С. 2.

«Счастлив я, когда ты голубые...» // Южное обозрение. — 1898. — 26 июля (№ 538). — С. 2.

Летние песни: На проселке («Веет утро прохладой степною...»), Степной вечер («Гаснет вечер, даль синеет...»), После дождя («Туча растаяла. Влажным теплом...»), На пруде («Ясным утром на тихом пруде...») // Детское чтение. — 1898. — № 7. — С. 11–13.

Лилии («Золотые кудри в косы...»). А. Асныка // Южное обозрение. — 1898. — 2 авг. (№ 545). — С. 2.

«Я покинул тебя... Я навек схоронил...» // Южное обозрение. — 1898. — 30 авг. (№ 571). — С. 2.

Из В. Чайченко («Воет буря, хлещут волны...») // Детское чтение. — 1898. — № 8. — С. 180.

В летний вечер // Южное обозрение. — 1898. — 19 сент. (№ 589). — С. 2.

«О, замолчи, забудь — не вспоминай о том...» // Южное обозрение. — 1898. — 20 сент. (№ 590). — С. 2.

Индийская любовная песня («Онава! Проснись, родная!..»). Г. Лонгфелло // Южное обозрение. — 1898. — 27 сент. (№ 597). — С. 3.

«Листья падают в саду...» // Живописное обозрение. — 1898. — № 40. — 4 окт. — С. 794.

Родине («Они глумятся над тобою...») // Южное обозрение. — 1898. — 4 окт. (№ 603). — С. 2.

На юге осенью («Здесь осень светлая и тихая стоит...») // Детское чтение. — 1898. — № 10. — С. 40–42.

Осень: I. «Уж поздно. Вдоль аллей, над темными прудами...», II. «Не видно птиц. Безмолвно чахнет...», III. «И вот опять уж по зарям...», IV. «Ветер осенний в лесах подымается...» // Мир Божий. — 1898. — № 10. — С. 16–18.

На «Чайке» // Всходы. — 1898. — № 21. — 1 нояб. — Стб. 143–164.

В южных степях: I. «Что шумит-звенит перед зарею?..», II. «День уж давно... Дорога прихотливо...» // Южное обозрение. — 1898. — 7 нояб. (№ 636). — С. 2.

Ночь. Из Леконта де Лиля («Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни...») // Южное обозрение. — 1898. — 15 нояб. (№ 644). — С. 2.

«Крупный дождь в лесу зеленом...» // Жизнь и искусство. — 1898. — 22 нояб. (№ 323). — С. 2.

«Скачет пристяжная, снегом обдаёт...» // Жизнь и искусство. — 1898. — 28 нояб. (№ 329). — С. 2.

«Проплыла в небесах и вдали потонула...» // Живописное обозрение. — 1898. — № 48. — 29 нояб. — С. 954.

Велга: Северная легенда. (Посв. Н.Д. Телешову) // Сын отечества. — 1898. — 25 дек. (№ 350). — С. 3.

«...Поздний час. Корабль и тих, и темен...» // Привет!: Художественно-научно-литературный сборник. — СПб.: Изд. Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Васильеостровской женской гимназии, 1898. — С. 189.

Кукушка // Всходы. — 1899. — № 1. — 1 янв. — С. 24–37.

Кипарисы («Амфитеатр Яйлы дымится облаками...») // Южное обозрение. — 1899. — 24 янв. (№ 707). — С. 2.

На хуторе («Свечи нагорели, долог зимний вечер...») // Журнал для всех. — 1899. — № 1. — Стб. 39—40.

В метель («Ночью в полях, под напевы метели...») // Детское чтение. — 1899. — № 2. — С. 246.

«Жаль мне юности задумчивой и нежной!..» // Журнал для всех. — 1899. — № 2. — Стб. 171—172.

Из А. Негри («О, умчи меня ввысь, в беспределный простор...») // Южное обозрение. — 1899. — 9 апр. (№ 779). — С. 2.

В Гефсиманском саду: Из книги «Под открытым небом» («...И в этот час, — гласит преданье...») // Южное обозрение. — 1899. — 16 апр. (№ 786). — С. 2.

Без роду-племени: Из повести о современных людях // Мир Божий. — 1899. — № 4. — С. 19—33.

(Посвящ. К.Д. Бальмонту) «Да, томит наше сердце предчувствие странное...» // Север. — 1899. — № 20. — 16 мая. — Стб. 611—612.

26-е мая («Поэт нам дорог тем, что он...») // Журнал для всех. — 1899. — № 5. — Стб. 525—526.

В степи («Вчера в степи я слышал отдаленный...») // Южное обозрение. — 1899. — 3 июля (№ 853). — С. 2. — Из книги «Памяти Белинского».

«Если б только можно было...» // Южное обозрение. — 1899. — 17 окт. (№ 952). — С. 2.

Астры («Все поблекло... Только астры...»). А. Асныка // Южное обозрение. — 1899. — 24 окт. (№ 958). — С. 3.

«Поздний час. Корабль и тих, и темен...» // Южное обозрение. — 1899. — 7 нояб. (№ 972). — С. 2.

«Ветер осенний в лесах подымается...» // Южное обозрение. — 1899. — 14 нояб. (№ 979). — С. 2.

Осенью («Не видно птиц. Безмолвно чахнет...») // Южное обозрение. — 1899. — 21 нояб. (№ 985). — С. 3.

Байбаки: Степная картина // Южное обозрение. — 1899. — 25 дек. (№ 1016). — С. 1—2. — Прибавление к Рождественскому номеру.

«Вчера в степи я слышал отдаленный...» // Памяти В.Г. Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов с тремя фототипиями. Издание Пензенской общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. — М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. — С. 565—566.

Федосевна // Три рассказа. — Харьков: Изд. Харьковского общества распространения в народе грамотности, 1899. — С. 37—46.

«Бледной зеленью луга зазеленели...» // Южное обозрение. — 1900. — 13 февр. (№ 1061). — С. 2.

Из А. Негри («О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...») // Южное обозрение. — 1900. — 5 марта (№ 1081). — С. 2.

«Ночь идет — и темнеет...» // Южное обозрение. — 1900. — 14 апр. (№ 1118). — С. 1.

Из «Песен о весне»: I. Полая вода («С каждым днем синеет мягче...»), II. Апрельский день («Весело в поле весною бродить...»), III. Первый гром («Вновь тучи синие нахмурились кругом...») // Детское чтение. — 1900. — № 4. — С. 13–14.

Из «Песен о весне»: IV. Майский полдень («Помнишь? — С грустным шумом рощи обнажались...»), V. После дождя («Дождь прошел. Уж не трепещет...»), VI. Рассвет («Сквозь весенний лазурный туман...») // Детское чтение. — 1900. — № 5. — С. 204–206.

Из «Песен о весне»: VII. Летняя картина («Там, где тенистыми шатрами...»), VIII. Звездная ночь («Звезды на небе зажглись...») // Детское чтение. — 1900. — № 6. — С. 380.

Дома: Урожай («Опять я дома. Кончен путь...»), Отдых («Сухо кузнечики в живицах трещат...») // Детское чтение. — 1900. — № 8. — С. 173–174.

Из путевого альбома: 1. Учан-Су («Свежее веет воздух горный...»), 2. По вечерней заре («Засинели, темнеют равнины...»), 3. Утро («Тих и чуток предрассветный час...»), 4. В лесах над Десною («Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...»), 5. В море («Отчего ты печально, вечернее небо?...») // Мир Божий. — 1900. — № 8. — С. 25–27.

«Ночь печальна, как мечты мои...» // Журнал для всех. — 1900. — № 8. — Стб. 917–918.

Акварели: Из сказки («Все лес и лес. А день темнеет...»), На Днепре («За синим Днепром, за горами...»), После половодья («Прошли дожди, апрель теплеет...»), Молодой месяц («Народился месяц молодой...»), В отъезжем поле («Сумрак ночи к западу уходит...»), Закат («Корабли в багряном зареве заката...»), В мае («Все темней и кудрявой березовый лес зеленеет...»); Вирь («Где ельник сумрачный стоит...») // Жизнь. — 1900. — № 9. — С. 302–304, 356–357.

Дома: Вечерняя заря («Вечерняя заря за лесом догорает...»), Полевые цветы («В блеске огней за зеркальными стеклами...») // Детское чтение. — 1900. — № 9. — С. 334–335.

Осень («Таинственно шумит лесная тишина...») // Книжки Недели. — 1900. — № 9. — С. 176.

Последняя гроза («Не прохладой, не покоем...») // Мир Божий. — 1900. — № 9. — С. 23–24.

«Снова сон, пленительный и сладкий...» // Журнал для всех. — 1900. — № 9. — Стб. 1085–1086.

Песни бури: Осенний гимн («Слышишь, как бушует море?...») // Всходы. — 1900. — № 19. — 1 окт. — С. 798–800.

Листопад: Осенняя поэма. Посв. М. Горькому («Лес, точно терем расписаной...»), Антоновские яблоки: Картины из книги «Эпитафии» // Жизнь. — 1900. — № 10. — С. 1–6, 149–166.

На распутье («На распутье в диком древнем поле...») // Книжки Недели. — 1900. — № 10. — С. 112–113.

Псалом жизни: Из цикла стихотворений Г. Лонгфелло «Voices of the Night» («Не тверди в строфах унылых...») // Детское чтение. — 1900. — № 10. — С. 32–33.

Ночная песня («Рдеют леса над вершиною дальней...») // Отдых. — 1900. — № 12 (окт.). — С. 431. — На с. 432 воспроизведен фотопортрет И.А. Бунина с факсимиле первых двух строк стихотворения «На распутье в диком древнем поле...».

Зимний день («...Вьется путь в снегах, в степи широкой...») // Русское богатство. — 1900. — № 11. — С. 105.

На морских берегах: 1. В бурю («На мертвый якорь кинули бакан...»), 2. Зной («Горячо сухой песок сверкает...») // Жизнь. — 1900. — № 11. — С. 111–112.

На морских берегах: I. «К прибрежью моря грустная аллея...», II. «Так небо низко и уныло...» // Мир Божий. — 1900. — № 11. — С. 19–20.

Осенняя ночь («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»), Примирение («Ночь темна и долгая... Море глухо шумит...») // Журнал для всех. — 1900. — № 11. — Стб. 1311–1312.

«В пустынной вышине...» // Курьер. — 1900. — 24 дек. (№ 356). — С. 3.

«В стороне далекой от родного края...» // Русское богатство. — 1900. — № 12. — С. 256.

По лесам: 1. Глушь («Лес шумит невнятным, ровным шумом...»), 2. Пред грозою («Отдохни, — еще утро не скоро...») // Жизнь. — 1900. — № 12. — С. 130–131.

Завещание («Как умру, похороните...»). Т.Г. Шевченко, «Во зеленой темной роще...». Т.Г. Шевченко, «...Как светла как нарядна весна!..», Степная ночь («Могилы, ветряки, дороги и курганы...»), «Нынче ночью кто-то долго пел...» // Журнал для всех. — 1900. — № 12. — Стб. 1411–1412, 1423–1424, 1456.

«Помню: долгий зимний вечер...» // За тридцать лет: Образцы новой русской поэзии / Выбрал для юношества В.П. Авенариус. — СПб.: Изд. книжного магазина П.В. Луковникова, 1900. — С. 72–73.

«Когда деревья в светлый майский день...» // Курьер. — 1901. — 18 янв. (№ 18). — С. 3.

Крещенская ночь («Темный ельник снегами, как мехом...») // Детское чтение. — 1901. — № 1. — С. 48–49.

«Гроза прошла над лесом стороною...» // Жизнь. — 1901. — № 1. — С. 310.

«Звезды ночью весенней нежнее...», «Открыты жнивья золотые...» // Журнал для всех. — 1901. — № 1. — Стб. 30, 39–40.

На морских берегах: Сумерки («Все — точно в полусне. Над серою водой...») // Мир Божий. — 1901. — № 1. — С. 27.

«Я покинул тебя... Я навек склонил...» // Отдых. — 1901. — № 4 (февр.). — С. 124.

Первые ручьи: Весенняя сказка («В белом поле, на просторе...») // Юный читатель. — 1901. — № 6. — 15 марта. — С. 3–5.

Туман, Новая дорога // Жизнь. — 1901. — № 4. — С. 1–6, 162–171.

«Темный кедр растет среди долины...» // Курьер. — 1901. — 6 мая (№ 124). — С. 2.

«Весеннего ливня мы ждем...» // Курьер. — 1901. — 20 мая (№ 138). — С. 2.

Весенний вечер («Затрепетали звезды в небе...») // Журнал для всех. — 1901. — № 5. — Стб. 586.

Мелкие рассказы: I. В погоду, II. Три просьбы // Курьер. — 1901. — 24 июня (№ 172). — С. 2.

Из «Летних песен»: 1. В лесу («Тропинкой темною лесною...»), 2. Перед дождем («Какая теплая и темная заря...»), 3. Вечерняя звезда («Звезда над темными далекими лесами...») // Детское чтение. — 1901. — № 6. — С. 328–330.

«Высоко в просторе неба...» // Русская мысль. — 1901. — № 6. — С. 198.

«Мил мне жемчуг нежный, — чистый дар морей!..» // Мир Божий. — 1901. — № 6. — С. 27.

«Спокойный взор, подобный взору лани...» // Журнал для всех. — 1901. — № 6. — Стб. 661–662.

Весной: I. «Отошли закаты на далекий север...», II. «Облака, как призраки развалин...» // Курьер. — 1901. — 1 июля (№ 179). — С. 3.

«Был поздний час — и вдруг над темнотой...» // Курьер. — 1901. — 29 июля (№ 207). — С. 3.

В июле («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...»); Скит // Журнал для всех. — 1901. — № 7. — Стб. 803–804, 819–826.

На Женевском озере; Стихотворения: На закате («За все Тебя, Господь, благодарю...»), В старом городе («С темной башни колокол уныло...») // Мир Божий. — 1901. — № 7. — С. 34–38, 143–144.

На юге: 1. Утро («Светит в горы небо голубое...»), 2. У залива («Над морем дремлют, зеленеют...»), 3. Вечер («Светит алым светом...») // Детское чтение. — 1901. — № 7. — С. 21–22.

«Полями пахнет, — свежих трав...» // Народное благо. — 1901. — № 31. — 15 авг. — С. 590.

Утро («В прозрачной лазури, где ласточка реет...»). Ш. Леконт де Лиль // Курьер. — 1901. — 19 авг. (№ 228). — С. 2.

Вечерний ангел («В вечерний час над степью мирной...») // Детское чтение. — 1901. — № 8. — С. 153–154.

В степи: 1. Зарницы («Зарницы лиц, как сновиденье...»), 2. Отрывок («...В поздний час мы были с нею в поле...»), 3. Курган («Любил он ночи темные в шатре...»), 4. Сон-цветок («Это было глухое, тяжелое время...») // Мир Божий. — 1901. — № 8. — С. 25–27.

Надпись на могильной плите («Несть, Господи, грехов и злодеяний...»), Ночью («Стояли ночи северного мая...»), Руда: Из книги «Эпитафии». Посвящается С.Я. Елпатьевскому // Журнал для всех. — 1901. — № 8. — Стб. 919–920, 963–968.

«Ночного неба свод далекий...» // Отдых. — 1901. — № 10 (авг.). — С. 381.

С кургана («Дымится поле, рассвет белеет...»), Три рассказа: 1. Костер, 2. Перевал, 3. В августе // Русская мысль. — 1901. — № 8. — С. 48, 141–150.

В Колизее: Монолог Манфреда. Из Байрона («Сверкают звезды — полная луна...») // Вестник Европы. — 1901. — № 8. — С. 777–778.

Осенью: I. «Шумели листва, облетая...», II. «Моя печаль теперь спокойна...» // Курьер. — 1901. — 30 сент. (№ 270). — С. 2.

На горах («Пока я шел, я был так мал!...») // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». — 1901. — № 9. — Стб. 131–132.

«Ручей среди сухих песков...», «Раскрылось небо голубое...» // Мир Божий. — 1901. — № 9. — С. 273–274.

Эпиталама. К.Д. Бальмонту («Озарен был сумрак мрачный...») // Журнал для всех. — 1901. — № 9. — Стб. 1087–1088.

В море. (Посвящается В.П. Курловскому) («Высоко наш флаг трепещет...») // Курьер. — 1901. — 14 окт. (№ 284). — С. 2.

Осенняя ночь («Светло, как днем, и тень за нами бродит...») // Курьер. — 1901. — 28 окт. (№ 298). — С. 2.

В Альпах: Рассвет («С высоты привет тебе, заря!..») // Курьер. — 1901. — 11 нояб. (№ 312). — С. 2.

Звезды: 1. На рассвете («Зеленый цвет морской воды...»), 2. Осень («Звезды ночи осенней, холодные звезды!...»), 3. Просветы («Из тесной пропасти ущелья...»), 4. Былое («Ту звезду, что качалася в темной воде...»), 5. Вечное («Не устану воспевать вас, звезды!...»); Сосны // Мир Божий. — 1901. — № 11. — С. 37–38, 99–110.

Метель («Жесткой, черной листвой шелестит и трепещет кустарник...») // Русская мысль. — 1901. — № 11. — С. 166.

Stella maris («Я, заливаемый волнами...») // Курьер. — 1901. — 25 дек. (№ 356). — С. 2.

«Был поздний час, — и вдруг над темнотой...», Аккерманские степи: Из «Крымских сонетов» А. Мицкевича («Выходим на простор степного океана...») // Журнал для всех. — 1901. — № 12. — Стб. 1423–1424.

Ночь и день («Старую книгу читаю я в долгие ночи...») // Мир Божий. — 1901. — № 12. — С. 255.

Гроза («Перед грозой в Петровки, жаркой ночью...») // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». — 1901. — № 12. — Стб. 659–664.

На острове («Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...») // На трудовом пути: Литературно-художественный сборник к тридцатипятилетию литературно-педагогической деятельности Д.И. Тихомирова (1866–1901). — М., 1901. — С. 58.

Поздней ночью // Северные цветы. — М.: Скорпион, 1901. — С. 42–45.

На монастырском кладбище («Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц...») // Курьер. — 1902. — 1 янв. (№ 1). — С. 3.

Из дневника («В окно я вижу груды облаков...»); Осеню: Эскиз // Мир Божий. — 1902. — № 1. — С. 26–27, 151–157.

Новый год; Ночь («Ищу я в этом мире сочетанья...») // Русская мысль. — 1902. — № 1. — С. 99–105, 243–244.

Оттепель («Еще и холоден и сыр...»), «Смотрит месяц ненастный, как сыплются желтые листья...» // Журнал для всех. — 1902. — № 1. — Стб. 53–56.

В Альпах: Сонет на льдине («На высоте, на снеговой вершине...») // Русская мысль. — 1902. — № 2. — С. 180.

«Надежда» // Одесские новости. — 1902. — 7 марта (№ 5571). — С. 1.

Чатырдаг: Из «Крымских сонетов» А. Мицкевича («Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни...») // Курьер. — 1902. — 10 марта (№ 68). — С. 3.

Слава Господу: Апокалипсис, гл. IV («И я узрел: отверста дверь на небе...») // Журнал для всех. — 1902. — № 3. — Стб. 303–304.

Горный путь к морю: Отрывок («Весенний день синеет в вышине...») // Курьер. — 1902. — 14 апр. (№ 103). — С. 2.

На кладбище: Сонет («Я девушкой, невестой умерла...») // Курьер. — 1902. — 26 мая (№ 144). — С. 3.

На озере («На озере, среди лесов зеленых...»), Свиданье. Посвящается М.П.Ч. // Русская мысль. — 1902. — № 7. — С. 159–168. — Посвящено М.П. Чеховой.

Лесная дорога («В березовом лесу, где распеваются птицы...») // Русская мысль. — 1902. — № 8. — С. 151.

Пять стихотворений: Первая любовь («Перед закатом набежало...»), В море («Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пена...»), «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется...», Смерть («Спокойно на погосте под луной...»), «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...») // Мир Божий. — 1902. — № 8. — С. 127–128.

Первая любовь («Я уснул в грозу, среди ненастья...») // Журнал для всех. — 1902. — № 8. — С. 963–964.

Кондор: Сонет («Громады гор, зазубренные скалы...») // Мир Божий. — 1902. — № 9. — С. 211.

«Крест в долине при дороге...», Мраморная пристань («Какие дни! Как светит золотая...»), Осень («Как все спокойно и как все открыто...») // Журнал для всех. — 1902. — № 9. — Стб. 1035–1036.

Осенние дни: Сонет («Рассыпался чертог из янтаря...») // Русская мысль. — 1902. — № 9. — С. 118.

Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...») // Образование. — 1902. — № 10. — С. 106–107.

Зимний день в Оберланде: Сонет («Лазурным пламенем сияют небеса...») // Русская мысль. — 1902. — № 10. — С. 176.

На окраинах Сиваша: Сонет («Багряная печальная луна...») // Мир Божий. — 1902. — № 10. — С. 34.

Над городом // Журнал для всех. — 1902. — № 11. — Стб. 1283–1288.

Ночная птица, В Альпах // Журнал для всех. — 1902. — № 12. — Стб. 1451–1454.

Алушта ночью: Из «Крымских сонетов» А. Мицкевича («Повеял ветерок, долины освежая...») // Мир Божий. — 1902. — № 12. — С. 48.

Из Крымского дневника («...Светает... Над морем, под пологом туч...»), «На морском берегу, на скале...», Байдарская долина («Вся долина в зеленых садах...») // Крым в русской поэзии: Сборник стихотворений / Сост. А. Маркевич. — 2-е изд., доп. — Симферополь: Тип. С.Б. Синани, 1902. — С. 68–69, 156–157.

Руда; Рассвет («Тих и чуток предрассветный час...»), Подснежники («Раскрылось небо голубое...») // Книга рассказов и стихотворений. — М.: С. Кургин и К°, 1902. — С. 14–20, 335, 350.

- Лирические картины: I. Ночлег // Курьер. — 1903. — 16 марта (№ 18). — С. 2.
 «Высоко в небе месяц ясный...» // Мир Божий. — 1903. — № 11. — С. 81.
- Голуби («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...»), В плавнях («Там на припеке спят рыбацкие ковши...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1903. — № 11. — Стб. 1303–1304.
- Полдень («Был весел этот полдень знойный...») // Итоги: Сборник. — М.: Изд. газеты «Курьер», 1903. — С. 17–18.
- «Жаль мне юности задумчивой и нежной!..», Над городом, «Счастлив я, когда ты голубые...» // Восходящие звезды: Сборник рассказов и стихотворений / Собрал из разных источников С.С. Полятус. — Одесса, 1903. — С. 13–20, 32.
- «Ясным утром на тихом пруде...», На юге («Поле желтою равниною...») // Белоусов И.А. Крылатые друзья: Сборник стихотворений русских писателей. — М.: Изд. «Дамского комитета для борьбы с жестокими модами и для защиты птиц», 1903. — С. 37, 51.
- Перевал, In memoriam («Спокойный взор, подобный взору лани...») // Наши вечера: Литературно-художественный сборник / Одесское Литературно-артистическое общество. — Одесса, 1903. — Вып. I. — С. 27–30, 61.
- «Ясным утром на тихом пруде...», Осень («Уж поздно. Вдоль аллей, над темными прудами...») // Образцы изящной русской речи (для взрослых) / Сост. А. Ачкасов. — М., 1903. — С. 352.
- «Мрачна, темна душа моя!..». А. Цатуриан // Современные армянские поэты. — М., 1903. — С. 53.
- С высоты; Сказка («...И снилось мне, что мы, как в сказке...») // Правда. — 1904. — № 1. — С. 1–3, 17.
- В горах («Катится диском золотым...») // Правда. — 1904. — № 2. — С. 73.
- Стихотворения: I. Диза («Вечернее зимнее солнце...»), II. Перед бурей («Тьма затопляет лунный блеск...»), III. Сумерки («Как дым, седая мгла мороза...»), IV. Дома («Ночь тепла, светла и золотиста...»), V. Кольцо («В белом песке золотое блеснуло кольцо...»), VI. В Евпаторийских степях («Синеет снеговой простор...»), VII. Над Окой («...Домой я шел по скату вдоль Оки...»), Чернозем: I. Золотое дно, II. Сны // Сборник товарищества «Знание» за 1903 год. — СПб., 1904. — Кн. 1 (1 марта). — С. 99–131.
- Ваятелю («Изваяй красоту из холодного белого мрамора...»); В хлебах // Правда. — 1904. — № 3. — С. 35, 105–111.
- «Блистая, облака лепились...» // Правда. — 1904. — № 6. — С. 68.
- Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1904. — № 7. — С. 386.

«Склон гор, сады и минарет...» // Ежемесячный журнал для всех. — 1904. — № 8. — С. 450.

Угасшие звезды («Огни небес, тот серебристый свет...») // Мир Божий. — 1904. — № 8. — С. 29.

Разлив («Паром, скрипя, ушел. В разлив, по тусклой зыби...») // Мир Божий. — 1904. — № 9. — С. 16.

«Косогор над разлужьем и пашни кругом...» // Русская мысль. — 1904. — № 11. — С. 180.

На берегу океана: I. «В пустой маяк в лазурь оконных впадин...», II. «На белых песках от прилива...» // Мир Божий. — 1904. — № 11. — С. 18.

Развалины («Над синим понтом — серые руины...») // Правда. — 1904. — № 11. — С. 1.

«Я долго в сумеречном свете...» // Ежемесячный журнал для всех. — 1904. — № 11. — С. 642.

«Весна и ночь, и трепет звезд...» // Ежемесячный журнал для всех. — 1904. — № 12. — С. 707.

Слепота («Был ослеплен Самсон, был Господом обижен...») // Мир Божий. — 1904. — № 12. — С. 152.

Штиль («На плоском взморье мертвый штиль и зной...») // Правда. — 1904. — № 12. — С. 49.

Из сказки («...Все лес да лес. А день темнеет...»), После дождя («Гроза прошла над лесом стороною...»), С кургана («Дымится поле, рассвет белеет...»), Ночь и день («Старую книгу читаю я в долгие ночи...») // Сто русских писателей: Портреты, биографические данные, образцы произведений / Сост. В.А. Никольский. — СПб., 1904. — С. 159–160.

Ковыль («Ненастный день. Дорога прихотливо...»), В феврале («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»), «Догорел апрельский светлый вечер...», Весенняя гроза («То разрастаясь, то слабея...»), В поезде («Все шире вольные поля...»), «В темнеющих полях, как в безграничном море...» // Русская муза: Собрание лучших, оригинальных и переводных, стихотворений русских поэтов XIX века / Сост. П.Я. — СПб.: Изд. редакции журнала «Русское богатство», 1904. — С. 392–394.

Каин: Мистерия Д. Байрона // Правда. — 1905. — № 2. — С. 1–22; № 3. — С. 1–24; № 4. — С. 1–19.

Весна («Скучно в лощинах березам...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 3. — С. 138.

Небо («В деревне капали капели...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 4. — С. 202.

Сапсан: Поэма («В полях, далеко от усадьбы...») // Мир Божий. — 1905. — № 4. — С. 27–29.

Стихотворения: I. «Леса, скалистые теснины...», II. «В открытом море — только небо...», III. «Нет ничего грустней ночного...», IV. «Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...» // Сборник товарищества «Знание» за 1905 год. — СПб., 1905. — Кн. 6 (3 мая). — С. 289–294.

Могила поэта («Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов...»), Неугасимая лампада («Она молчит, она теперь спокойна...»), Призраки («Нет, мертвые не умерли для нас!..») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 7. — С. 394.

«За морями всходит алый свет...» // Правда. — 1905. — № 7. — С. 1.

Океаниды («В полдневный зной, когда на щебень...») // Правда. — 1905. — № 8. — С. 1.

Под вечер («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...»), Утренний туман («Ночные вздохи волн еще далеко слышно...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 8. — С. 457.

Dies irae: Апокалипсис, гл. VI («...И Агнец снял четвертую печать...») // Мир Божий. — 1905. — № 8. — С. 136.

Келья («День распогодился с закатом...»), Судра («Жизнь впереди, до ста-рости далеко...»), Статуя рабыни-христианки («Не скрыть от дерзких взоров наготы...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 9. — С. 521.

Стон («Как розовое море — даль пустынь...») // Русская мысль. — 1905. — № 9. — С. 139.

После битвы («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...») // Правда. — 1905. — № 9/10. — С. 1.

Осенью: «Тропами потаенными, глухими...», «Проснулся я внезапно, без причины...» // Мир Божий. — 1905. — № 10. — С. 34.

Сентябрь («Уж подсыхает хмель на тыне...»), Сквозь ветви («Осень ли-стья темной краской метит...»), В горной долине («Бледно-зеленые грустные звезды...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1905. — № 10. — С. 601.

Восток: Тайна («Он на клинок дохнул — и жало...»), Тэмджид («В тихом старом городе Скутари...»), Черный камень («Он драгоценной яшмой был когда-то...»), За измену («Их Господь истребил за измену несчастной отчизне...»), Мираж («Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны...»), Джинны («Стынут пески в тишине и молчании ночи...»), Гробница Сафии («Горный ключ по скалам и оврагам...») // Сборник товарищества «Знание» за 1905 год. — СПб., 1905. — К. 7 (28 нояб.). — С. 251–261.

Ормузд («Ни алтарей, ни истуканов...») // Жупел. — 1905. — № 1 (нояб.). — С. 3.

Лирические картины: I. Эйгер («С высоты привет тебе, заря!...»), II. Канны («Еще была зима, еще прибой жемчужный...»), III. На винограднике («На винограднике нельзя дышать. Лоза...») // Правда. — 1905. — № 12. — С. 23.

Песня работника («Давайте заступ, грабли, лом...»). Томас Гуд // Песни труда. — 2-е изд., доп. — Ростов-на-Дону, 1905. — С. 35–37.

В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...») // Новое слово. — 1906. — № 3 (янв.). — С. 51.

Южный март («Весна лазурью светит в вышине...») // Новое слово. — 1906. — № 9 (март). — С. 181.

Стихотворения: Жизнь («Набегает впутьмах...»), Детская («От пихт и елей в горнице темней...»), Тлен («В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...»), Мороз («Так ярко звезд горит узор...»), Хризантемы («На окне, серебряном от инея...»), Печаль («На диких скалах, среди развалин...»), Песня («Я — простая девка на баштане...»), Эсхил («Я содрогаюсь, глядя на твои...»), Каменная Баба («От зноя травы сухи и мертвы...»), Аяя-София («Светильники горели, непонятный...»), У северных берегов Малой Азии («Здесь царство Амазонок. Были дики...»), Атлант («И долго, долго шли мы плоскогорьем...»), Одиночество. П.А. Нилусу («И ветер, и дождик, и мгла...») // Сборник товарищества «Знание» за 1906 год. — СПб., 1906. — Кн. 9 (16 марта). — С. 193–209.

Млечная Река («В вечернем сумраке сошлись, слились вершины...») // Пробуждение. — 1906. — № 7. — 1 апр. — С. 175.

«В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...» // Новое слово. — 1906. — № 15 (апр.). — С. 275.

1. Полюс («Свой дикий чум среди снегов и льда...»), 2. Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»), 3. Зеленый стяг («Ты почиешь в ларце, в драгоценном ковчеге...») // Факелы. — СПб., 1906. — Кн. 1 (апр.). — С. 45–48.

Чужая («Ты чужая, но любишь...»), Новый год («Ночь прошла за шумной встречей года...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1906. — № 4. — С. 194.

За сохой («Сияет небо бледно-голубое...») // Новое слово. — 1906. — № 19 (май). — С. 339.

Пастухи («Тонет солнце, рдяным углем тонет...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1906. — № 5. — С. 258.

1. Невольник («Угрюмый варвар, сын Востока...»), 2. Портрет («Платан, часовенка над склепом...») // Золотое руно. — 1906. — № 5. — С. 26.

Мудрым: Из книги «Восток» («Герой — как вихрь, срывающий палатки...») // Адская почта. — 1906. — № 1 (май). — С. 6.

Священный прах: Из книги «Восток» («Пыль, по которой Гавриил...») // Новое слово. — 1906. — № 24/25 (июнь). — С. 418.

Белые крылья («В пустыне красной над Пророком...»), Из «Крымских сонетов» А. Мицкевича («Повеял ветерок прохладою лаская...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1906. — № 6. — С. 322.

Два стихотворения: 1. Столп огненный («В пустыне долго, долго мы блуждали...»), 2. Бальдер («Хаду — слепец, он жалок. Мрак глубокий...») // Мир Божий. — 1906. — № 7. — С. 165.

Детство («Чем жарче день, тем сладостней в бору...»), Поморье («Белый полдень, жар несносный...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1906. — № 7. — С. 386.

Мистикам («В холодный зал, луною освещенный...») // Русская мысль. — 1906. — № 7. — С. 70.

Речка («Легко, светло и своенравно...») // Новое слово. — 1906. — № 34/35 (сент.). — С. 554.

С обрыва («Стремнина скал. Волной железной...»), На даче («Луна еще прозрачна и бледна...»), После дождя («Все море — как жемчужное зерцало...»), Пугач («Он сел в глухи, в шатре столетней ели...») // Золотое руно. — 1906. — № 7/9. — С. 109–110.

Утренник («Первый утренник, серебряный мороз...») // Ежемесячный журнал для всех. — 1906. — № 9. — С. 514.

Из книги «Восток»: 1. На обвале («Печальный берег! Сизые твердыни...»), 2. В порту («Огромный, красный старый пароход...») // Современный мир. — 1906. — № 1 (окт.). — С. 34–35.

Терем («Высоко стоит луна...») // Народная весть. — 1906. — № 1 (нояб.). — С. 60.

Стихотворения: I. Пугач («Он сел в глухи, в шатре столетней ели...»), II. Утро («И скрип, и визг над бухтой, наводненной...»), III. Джордано Бруно («Ковчег под предводительством осла...»); Годива: Поэма А. Теннисона // Сборник товарищества «Знание» за 1906 год. — СПб., 1906. — Кн. 14 (19 дек.). — С. 185–198.

Звезда Морей («Я в бездне был, я жил кошмаром...») // Новое слово. — 1906. — № 46/50 (дек.). — С. 732.

Панихида («Ограда, крест, зеленая могила...»), На рейде («Люблю сухой, горячий блеск червонца...») // Перевал. — 1906. — № 2 (дек.). — С. 12.

Путеводные знаки («Бог дляочных паломников в Могребе...») // Литературно-научный сборник. — СПб.: Книгоиздательство «Мир Божий», 1906. — С. 144.

Русская весна («Скучно в лощинах березам...») // Посильная помощь: Сборник в пользу пострадавших от неурожая. — М.: Изд. редакций журналов «Светлячок», «Путеводный огонек», «Дело и потеха», 1906. — С. 60.

«Во зеленой, темной роще...». Т.Г. Шевченко // Шевченко Т.Г. Кобзарь / В переводе русских писателей под. ред. И.А. Белоусова. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Знание, 1906. — С. 290.

«Моя душа объята тьмой полночной...». А. Исаакян // Армянская муз: Сборник / Под ред. Ю. Веселовского и проф. Г.А. Халатяница; Вступ. ст. Ю. Веселовского. — М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1907. — С. 135.

Казбек («Цветет жасмин. В зеленой чаше...») // Новое слово. — 1907. — № 1. — С. 2.

Няня. (Н.А. Крашенинникову) («В старой темной девичьей...») // Новое слово. — 1907. — № 4 (янв.). — С. 78–79.

Цветные стекла: Пять стихотворений: I. Цветные стекла («Люблю цветные стекла окон...»), II. «Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...», III. «За окнами — снега, степная гладь и ширь...», IV. Слепой («Вот он идет проселочной дорогой...»), V. Пугало («На задворках, за ригами...») // Сборник товарищества «Знание» за 1907 год. — СПб., 1907. — Кн. 15 (9 февр.). — С. 193–200.

Дия («Штиль в безграничном светлом Ак-Денизе...»), На Плющихе («Пол навошен, блестит паркетом...») // Перевал. — 1907. — № 4 (февр.). — С. 3.

В день суда («В подземный мир введет на суд Отца...») // Русская мысль. — 1907. — № 3. — С. 198.

«За погостом Скутари, за черным...» // Образование. — 1907. — № 3. — С. 21.

Стихотворения: Истара («Луна, бог Син, ее зарей встречает...»), Египет («Ра-Озирис, владыка дня и света...»), Один («Он на запад глядит — солнце к морю спускается...»), Розы Шираза («Пой, соловей! Они томятся...»), Магомет в изгнании («Джины близ Тайифа пролетали...»), Бессмертный («Ангел Смерти в Судный День умрет...») // Сборник товарищества «Знание» за 1907 год. — СПб., 1907. — Кн. 16 (14 апр.). — С. 145–152.

Тезей («Тезей уснул в венке из мирт и лавра...»), Берег («Вдоль этих плоских знайных берегов...»), Наследство («В угольной — солнце, запах кипариса...»), Стамбул («Облезлые худые кобели...»); Цифры // Новое слово: Товарищеские сборники. — М., 1907. — Кн. 1 (май). — С. 5–21.

У истока дней; Стихи: Петров день («Девушки-русалочки...»), Проводы («Забил буграми жемчуг, заклубился...»), Гейм达尔 («Гейм达尔 искал родник божественный...»), Александр в Египте («К оракулу и капишу Сиваха...») // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». — СПб., 1907. — Кн. 2 (июнь). — С. 75–89, 105–109.

В балагуле («Балагула убегает и трясет меня...») // Русская мысль. — 1907. — № 8. — С. 30.

Из цикла «Русь»: Баба-Яга («Гулкий шум в лесу нагоняет сон...») // Образование. — 1907. — № 8. — С. 17.

Из цикла «Смерть»: 1. Сатурн («Рассеянные огненные зерна...»), 2. Трясины («Болото тихой северной страны...»), 3. Безнадежность («На севере есть розовые мхи...»), 4. С корабля («Для жизни жизнь! Вон пенные буруны...») // Перевал. — 1907. — № 10 (авг.). — С. 3.

Каир («Английские солдаты с цитадели...») // Литературно-художественная неделя. — 1907. — 17 сент. (№ 1). — С. 2.

Иерусалим («Это было весной. За восточной стеной...»), Под Хевроном («На пути под Хевроном...») // Русская мысль. — 1907. — № 9. — С. 12–13.

Из цикла «Смерть»: Кошка («Кошка в крапиве за домом жила...»), «В степи, с обрыва на сто миль...» // Современный мир. — 1907. — № 9. — С. 46–47.

Каин («Род приходит, уходит...») // Русская мысль. — 1907. — № 10. — С. 196.

Из цикла «Восток»: 1. Мекам («Мекам — восторг, священное раденье...»), 2. Гермон («Великий Шейх, седой могучий друг!...»); Из цикла «Восток»: 1. Закон («Во имя Бога, вечно всеблагого!..»), 2. Мандрагора («Цветок Мандрагора из могил расцветает...») // Современный мир. — 1907. — № 11. — С. 18–19, 53.

Астма: Рассказ // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». — СПб., 1907. — Кн. 3 (нояб.). — С. 69–108.

Дикарь («Над стремью скал — чернеющий орел...») // Былое — грядущее. — 1907. — Кн. 3/4 (дек.). — С. 17.

Христос («По алтарям пустым и белым...»), Храм Солнца: Терцины («Шесть золотистых мраморных колонн...»), Лен («Присела на могильнике Савуре...»), Забвение: Конет («Растет, растет могильная трава...»), Каир («Английские солдаты с цитадели...»), Стрижи («Костел-маяк, примета мореходу...»), Из Анатолийских песней: 1. Девичья («Свежий ветер дует в сумерках...»), 2. Рыбацкая («Летом в море легкая вода...») // Новое слово: Товарищеские сборники. — М., 1907. — Кн. 2 (дек.). — С. 51–61.

Ковыль («Что шумит, звенит перед зарею?...»), «Как флером даль полей закрыв на полчаса...», «Счастлив я, когда ты голубые...», Соловьи («То разрастаясь, то слабея...»), В феврале. (А.М. Жемчужникову) («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»), В отъезжем поле. (В.Я. Брюсову) («Сумрак ночи к западу уходит...»), «Ненастный день. Дорога прихотливо...» // После Пушкина: Сборник стихотворений русских поэтов. — 2-е изд., доп. и пересмотренное. — М.: Изд. редакции журнала «Русская мысль»; Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1907. — С. 61–65.

Счастье // Корабли: Сборник стихов и прозы. — М.: Книгоиздательство «Гриф», 1907. — С. 47–54.

Рыбалка («Вода за холодные серые дни в октябре...») // Современный мир. — 1908. — № 1. — С. 110.

Тень птицы; Из «Золотой Легенды» Г. Лонгфелло: 1. Ночь, 2. Утро // Земля: Сборник первый (янв.). — М.: Московское книгоиздательство, 1908. — С. 229–272, 275–281.

Рассказы в стихах: С обезьяной («Ай, тяжела турецкая шарманка!..»), Трон Соломона («На письмена исчезнувших народов...») // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. — СПб., 1908. — Кн. 20 (февр.). — С. 117–122.

Русь: Стихи: В роще («Там иволга, как флейта, распевала...»), Сиротка («Шла сиротка пыльною дорогой...»), Пустошь («...Мир вам, в земле почившие! — За садом...»), Будни («Бегут, бегут листы раскрытої книги...»), Кружево («Весь день метель. За дверью, у соседа...») // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. — СПб., 1908. — Кн. 21 (апр.). — С. 303–310.

Христя («Христя угощает кукол на говоре...»), На току («Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»), Летаргия («В полях — сухие стебли кукурузы...»), Звезда морей («Я в бездне был, я жил кошмаром...»), Вдовец («Железный крюк скрипит над колыбелью...»), Смерть («В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...»), Один («В сумраке утра проносится призрак Одина...») // Зарницы: Сборник беллетристики, стихотворений, художественной критики, философских, социальных, политических, экономических и общественных статей. — СПб., 1908. — № 1 (апр.). — С. 106–112.

Сон («О, красота склоненных глаз!..»), След («...Ушли с рассветом. Опустели...»), Вино («— На Яиле зазеленели буки...»), Колибри («Трава пестрит — как разглядеть змею?..»), Дача («Открыты окна. В белой мастерской...») // Новое слово: Товарищеские сборники. — М., 1908. — Кн. 3 (окт.). — С. 7–14.

Бог полдня («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...») // Золотое руно. — 1908. — № 10. — С. 24.

Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...») // Бодрое слово. — 1908. — № 1 (окт.). — Стб. 19–20.

Море богов // Северное сияние. — 1908. — № 1 (1 нояб.). — С. 31–46.

Сонеты: Последние слезы («Изнемогла, в качалке задремала...»), Рыбачка («— Нет, не стучи. Не встану, не открою...»), Горный лес («Тих горный лес. В долину тень сползла...»), В архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...») // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. — СПб., 1908. — Кн. 24 (3 нояб.). — С. 97–102.

Гробница Рахили («И умерла и схоронил Иаков...») // Бодрое слово. — 1908. — № 2 (нояб.). — Стб. 15–16.

За Дамаском («Щебечут пестро крылья чекканки...») // Белый камень: Художественный журнал. — 1908. — № 1 (нояб.). — С. 12.

Солнечные часы («Те часики, с эмалью, что вптымах...») // Новый журнал для всех. — 1908. — № 1 (нояб.). — С. 2.

Бог («Дул с моря чистый ветер, месяц рогом...») // Современный мир. — 1908. — № 11. — С. 72.

Иудея: Сонеты: Караван («Звон за оградой, нежный, полусонный...»), Иерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»), Бедуин («За Мертвым морем — пепельные грани...») // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. — СПб., 1908. — Кн. 25 (12 дек.). — С. 79–83.

Источник звезды: Сирийский апокриф («В ночь рождения Исы...») // Бодрое слово. — 1908. — № 5 (дек.). — Стб. 1–2.

Клад («Все, что хранит следы давно забытых...») // Современный мир. — 1908. — № 12. — С. 27.

Цифры: Рассказ // Избранные сочинения А.И. Куприна, Е.Н. Чирикова, И.А. Бунина: Рассказы. — СПб.: Акционерное общество типографского дела в СПб. (Герольд), 1908. — С. 85–107. — (Современные русские писатели, кн. 2). — Бесплатное приложение к журналу «Пробуждение».

На распутье. В.М. Васнецову («На распутье в диком древнем поле...»), Вирь («Где ельник сумрачный стоит...»), Ковыль («Ненастный день. Дорога прихотливо...»), «Догорел апрельский светлый вечер...», «Весна, весна! И все ей радо...», «То разрастаясь, то слабея...», «Нынче ночью кто-то долго пел...», «Отдохни — еще утро не скоро...», «Под небом мертвенно-свинцовым...» // Лира: Сборник произведений русской художественной лирики / Сост. М.Л. Биншток. — Спб., 1908. — С. 179–187.

Северная береза («Над озером, над заводью лесной...») // Литературный календарь-альманах / Сост. О. Норвежский. — СПб., 1908. — С. 102.

Зодиакальный свет // Слово: Литературно-художественные сборники. — М., 1908. — Кн. 1. — С. 11–39.

На дальнем севере («Так небо низко и уныло...»), «Вьется путь в снегах, в степи широкой...», На распутье. В.М. Васнецову («На распутье в диком древнем поле...»), «Скачет пристяжная, снегом обдаёт...», Метель («Ночью в полях, под напевы метели...»), Бальдер («Хаду — слепец, он жалок. Мрак глубокий...»), Ормузд («Ни алтарей, ни истуканов...»), Самсон («Был ослеплен Самсон, был Господом обижен...»), За измену («Их Господь истребил за измену несчастной отчизне...») // Избранные произведения русской поэзии / Сост. В. Бонч-Бруевич. — 3-е изд., вновь пересмотренное и значительно доп. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. — С. 201–204.

Листопад: (Отрывки) // Декламационная хрестоматия: Материал для систематических занятий выразительным чтением на драматических курсах, в театральных училищах и других учебных заведениях / Сост. артист Императорских театров Н.Л. Глазунов: В 2 ч. — СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1908. — Ч. 1. — С. 177–178.

Иней («Леса в жемчужном инее. Морозно...») // Современный мир. — 1909. — № 1. — С. 61.

«Мир не забудет веры древних лет...» // Современный мир. — 1909. — № 2. — С. 65.

Небо и земля: Мистерия Д. Байрона // Земля: Сборник второй (февр.). — М.: Московское книгоиздательство, 1909. — С. 1–44.

Старая песня: Рассказ // Северное сияние. — 1909. — № 5 (март). — С. 5–21.

Стихотворения: I. Мертвая зыбь («Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката...»), II. Пилигрим («Стал на ковер, у якорных цепей...») // Русское слово. — 1909. — 3 нояб. (№ 252). — С. 2.

Утро: Из повести // Утро России. — 1909. — 15 нояб. (№ 34–1). — С. 5. — Отрывок из повести «Деревня».

Сенокос («Среди двора, в батистовой рубашке...»); Беден бес... // Сборник товарищества «Знание» за 1909 год. — СПб., 1909. — Кн. 27 (нояб.). — С. 1–4, 1–14.

Из цикла «Русь»: 1. Закат («Вдыхая тонкий запах четок...»), 2. Без имени («Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...») // Одесские новости. — 1909. — 25 дек. — (№ 8001). — С. 2.

Разлука: I. «Взвевая легкие гардины...», II. «Поблекший дол под старыми платанами...» // Утро России. — 1909. — 25 дек. (№ 67–34). — С. 3.

Пустыня дьявола: Очерк // Русское слово. — 1909. — 25 дек. (№ 296). — С. 3.

Храм солнца; Вино («— Счастливы мы, фессалийцы! Черное, с розовой пеной...») // Современный мир. — 1909. — № 12. — С. 33–42, 62.

Остров («Ноябрь, сырая полночь. Городок...») // Сборник первый / Под ред. И.А. Белоусова. — М.: Книгоиздательство для детей «Утро», 1909. — С. 18.

Сталь («Бью звонкой сталью по кремню...»), Лён («Зацвела на воле...») // Вершины: Литературно-критический и философско-публицистический сборник. — СПб.: Книгоиздательство «Прометей», 1909. — Кн. 1. — С. 153–154.

Учан-Су («Свежее веет воздух горный...»), В крымских степях («Синеет снеговой простор...»), После дождя («Все море — как жемчужное зерцало...»), Штиль («На плоском взморье — мертвый зной и штиль...»), На винограднике («На винограднике нельзя дышать. Лоза...»), На даче («Луна еще прозрачна и бледна...»), С обрыва («Стремнина скал. Волной железной...»), Океаниды («В полдневный зной, когда на щебень...»), Диа («Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе...»); Из «Крымских сонетов» А. Мицкевича: Аккерманские степи («Выходим на простор степного океана...»), Алушта ночью («Повеял ветерок, прохладою лаская...»), Чатырдаг («Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни...») // Поэзия Крыма: Сборник стихов русских поэтов / Под ред. И.А. Белоусова. — М.: Книгоиздательство для детей «Утро», 1909. — С. 11–20, 126, 129, 130.

«Спокойный взор, подобный взору лани...», Проводы («Забил буграми жемчуг, заклубился...»), Элегия («Стояли ночи северного мая...»), «Ту звезду, что качалася в темной воде...», «Как светла, как нарядна весна!..» // К новым далям: Современная лирика / Сост. Л.Д. Свербеева. — СПб.: Огни, 1909. — С. 69, 78, 79, 95, 99.

Лес осенью: (отрывок из поэмы «Листопад»), «Помню: долгий зимний вечер...» // Живое слово: Книга для изучения родного языка / Сост. А.Я. Острогорский. — СПб., 1909. — Ч. II. — С. 4–5, 174–175.

Сон Обломова-внука // Студенческая жизнь. — 1910. — 17 янв. (№ 1). — С. 11–13.

Стихи: Старинные стихи («—Мимо острова в полночь фрегат проходил...»), В детстве («Я помню сумрак каменных аркад...») // Сборник товарищества «Знание» за 1910 год. — СПб., 1910. — Кн. 29 (янв.). — С. 1–4.

Гальциона («Когда в волне мелькнул он мертвым лицом...») // Одесские новости. — 1910. — 21 марта (№ 8071). — С. 3.

Деревня: Повесть // Современный мир. — 1910. — № 3. — С. 3–65.

В первый раз («Ночью лампа на окне стояла...») // Одесские новости. — 1910. — 18 апр. (№ 8094). — С. 2.

Стихи: Собака («Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей...»), Полдень («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»), Могила в скале («То было в полдень, в Ну-бии, на Ниле...»), Цикады («Прибрежный хрящ и голые обрывы...») // Сборник товарищества «Знание» за 1910 год. — СПб., 1910. — Кн. 30 (май). — С. 1–6.

Статуя рабыни-христианки («Не скрыть от дерзких взоров наготы...»); Смерть птиц («В безмолвье сумерек, мечтая у огня...»). Ф. Коппе // Наш журнал. — 1910. — № 7 (17 окт.). — Стб. 1.

Деревня: Повесть // Современный мир. — 1910. — № 10. — С. 3–44; № 11. — С. 7–48. — Продолжение и окончание.

Сон: Из книги пророка Даниила («Царь! вот твой сон: блистал перед тобою...») // Одесские новости. — 1910. — 25 дек. (№ 8303). — С. 2.

О Петре-разбойнике («В воскресенье, раньше литургии...») // Русское слово. — 1910. — 28 дек. (№ 299). — С. 3.

Люцифер («В святой Софии голуби летали...») // Литературно-художественный сборник издательства «Непогасшие огни». — Екатеринослав, 1910. — Кн. 1. — С. 71.

Морской ветер («Волны и ветра свежее дыханье...»), Хаджи («Стал на ковер у якорных цепей...»), Сторож («И снова вечер, сухо позлативший...»), Берег («За окнами весна сияет новая...»); Иудея // Друкарь: Литературный сборник / Под ред. Н.Д. Телешова. — М.: Изд. вспомогательной кассы типографов, 1910. — С. 37–69.

Песня («Я простая девка на баштане...»), Иерихон («Текут, скользят огни зеленых мух...»), Одиночество («И ветер, и дождик и мгла...»), Христос («По алтарям пустым и белым...») // Живые слова: Писатели, общественные деятели и артисты, записавшие свои голоса или музыкальные исполнения в пользу Общества деятелей периодической печати на пластинках Акционерного общества Граммофон / Под ред. И.И. Митропольского. — М., 1910. — Вып. I. — С. 50–54. — Перед стихотворениями напечатана краткая биографическая справка.

Песня («На пирах веселых...») // Новая жизнь. — 1911. — № 4 (март). — С. 3.

Закат: I. «Две радуги — и золотистый, редкий...», II. «Вдыхая тонкий запах четок...» // Наш журнал. — 1911. — № 5 (март). — С. 1.

Зимняя вилла («Мистраль качает ставни. Целый день...») // Современный мир. — 1911. — № 4. — С. 192.

Мужичок («Ельничком, березничком — где душа захочет...») // Наш журнал. — 1911. — № 8 (1 мая). — С. 1.

Усы: Рассказ А. Стороженко // Наш журнал. — 1911. — № 11 (июнь). — Стб. 5–14.

Мертвое море // Русское слово. — 1911. — 10 июля (№ 158). — С. 3.

Сто восемь // Русское слово. — 1911. — 14 авг. (№ 187). — С. 3–4.

Сила // Русское слово. — 1911. — 18 сент. (№ 214). — С. 3.

Крик // Русское слово. — 1911. — 1 окт. (№ 225). — С. 3.

Березка («На перевале дальнем, на краю...») // Всеобщий ежемесячник. — 1911. — № 11. — С. 11.

Из рассказов без заглавия // Путь. — 1911. — № 1 (ноябр.). — С. 3–5. — Позднее озаглавлен «Снегур», «Снежный бык».

Смерть Моисея // Русское слово. — 1911. — 28 дек. (№ 298). — С. 3.

Сверчок // Всеобщий ежемесячник. — 1911. — № 12. — С. 3–12.

При дороге («Окно по ночам голубое...») // Новая жизнь. — 1911. — № 13 (дек.). — С. 3.

Запускение («...Домой я шел по скату вдоль Оки...») // Русская муз: Сборник произведений выдающихся русских поэтов с краткими биографиями, характеристикой их творчества и портретами. — СПб.: Книгоиздательство В.И. Бафталовского, 1911. — С. 122–124.

Песня («Я — простая девка на баштане...»), Терем («Высоко стоит луна...») // Думы и песни: Сборник новых песен / Сост. А. Чеботаревская. — М.: Книгоиздательство «Польза» В. Антик и К°, 1911. — С. 26–27. — (Универсальная библиотека, № 559).

Солнечные часы («Те часики с эмалью, что впотьмах...») // Поток: Литературно-художественный альманах современных писателей. — М., 1911. — С. 80.

Песнь о Гайавате. Г. Лонгфелло (отрывки) // Петерсон О. Г.В. Лонгфелло и его произведения: (Певец молодой Америки). — СПб., 1911. — С. 23–30.

Хорошая жизнь: Рассказ // Современный мир. — 1912. — № 1. — С. 57–78.

Ночной разговор: Из рассказа // Руль. — 1912. — 3 февр. (№ 335). — С. 2. — Отрывок.

Утро («В прозрачной лазури, где ласточка реет...»). Ш. Леконт де Лиль // Одесские новости. — 1912. — 25 марта (№ 8680). — С. 2.

Прометей в пещере («Вокруг пещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...») // Русское слово. — 1912. — 30 марта (№ 74). — С. 2.

Захар Воробьев // Сборник товарищества «Знание» за 1912 год. — СПб., 1912. — Кн. 38 (март). — С. 1–22.

Веселый двор: Повесть // Заветы. — 1912. — № 1 (апр.). — С. 20–61.

Суходол // Вестник Европы. — 1912. — № 4. — С. 3–60.

Игнат // Русское слово. — 1912. — 14 июля (№ 162). — С. 1; 17 июля (№ 164). — С. 2; 18 июля (№ 165). — С. 2; 19 июля (№ 166). — С. 1; 20 июля (№ 167). — С. 3.

Череп: Из поэмы Саади «Бустан» («Над Тигром жил отшельник. Древний череп...») // Женское дело. — 1912. — № 19. — 1 окт. — С. 6.

Завеса («Так говорит Господь: “Когда, Мой раб любимый...”») // Рампа и жизнь. — 1912. — № 44. — 28 окт. — С. 5.

Мать («На пути из Назарета...») // Русское слово. — 1912. — 28 окт. (№ 249). — С. 3.

«Жизнь увлекает пошлостью дневной...» // Путь. — 1912. — № 12 (окт.). — С. 38.

Алисафия («На песок у моря синего...») // Современный мир. — 1912. — № 11. — С. 1–2.

Гробница («Глубокая гробница из порфира...») // Современник. — 1912. — № 11. — С. 3.

Светляк («Леса, пески, сухой и теплый воздух...») // Заветы. — 1912. — № 8 (нояб.). — С. 61.

Судный День: Из сур о Великой Вести («В щит золотой, висящий у Престола...») // Живое слово. — 1912. — № 44 (нояб.). — С. 1.

Зов («Как старым морякам, живущим на покое...») // Речь. — 1912. — 25 дек. (№ 354). — С. 4.

Геннисарет // Русское слово. — 1912. — 25 дек. (№ 297). — С. 4.

Белый Олень («Едет стрелок в зеленые луга...») // Русская мысль. — 1912. — № 12. — С. 1.

Монастыри («Монастыри в предгориях глухих...») // Новая жизнь. — 1912. — № 12. — С. 34.

На большой дороге («Как дым пожара, туча шла...») // Вестник Европы. — 1912. — № 12. — С. 74. — Опечатка в стихотворении исправлена в «Вестнике Европы» (1913. — № 1. — С. 446), следует читать: «Но в духоте песчаных нив...».

Ночной разговор // Издательское товарищество писателей. — Спб., 1912. — Сборник первый. — С. 75–100.

В порту («Огромный, красный, старый пароход...»), Проводы («Забил бурами жемчуг, заклубился...»), Трон Соломона («На письмена исчезнувших народов...»), Ночью в июле («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...»), Бессмертный («Ангел Смерти в Судный День умрет...»), Гробница Сафии («Горный ключ по скалам и оврагам...»), Могила поэта («Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов...»), После битвы («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...»), Новый год («Ночь прошла за шумной встречей года...»), Балагула («Балагула убегает и трясет меня...»), Пугач («Он сел в глухи, в шатре столетней ели...»), С обрыва («Стремнина скал. Волной железной...»), Сентябрь («Уж подсыхает хмель на тыне...»), Портрет («Платан, часовенка над склепом...»), Рыбалка («Вода за холодные серые дни в октябре...»), На даче («Луна еще прозрачна и бледна...»), Русская весна («Скучно в лощинах березам...»), Дюны («За сизыми дюнами — северный тусклый туман...»), Мертвый час («Проснулся я внезапно, без причины...»), В плавнях: Сонет («Там, на припеке, спят рыбаккие ковши...»), Христос («По алтарям пустым и белым...»), Колдун («В мелколесье пело глухо, строго...») // Антология современной поэзии / Сост. Ф.М. Самоненко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Киев, 1912. — Чтец-декламатор, т. IV. — С. 480–491.

Ночь на светлый праздник, Зимой в лесу, Ночь, Скит, В степной деревне, На край света, На Донце // В родном мире: Хрестоматия для средних классов средних учебных заведений / Сост. Н.В. Пуцило, М.М. Лебедкина. — СПб.: Изд. «Петербургского учебного магазина», 1912. — С. 19–21, 270, 273–274, 388–391, 477–479, 505–507, 641–642.

В порту («Огромный красный, старый пароход...»), Речка («Светло, легко и своенравно...»), Змея («Покуда март гудит в лесу по голым...»), Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»), Пугач («Он сел в глухи, в шатре столетней ели...»), «В холодный зал, луною освещенный...» // Утренняя звезда. Сборник стихов для отрочества / Сост. Н. Томашева и С. Томашева. — СПб., 1912. — С. 13, 34, 36, 49, 73, 192.

«По алтарям пустым и белым...», В Гефсиманском саду («И в этот час, гласит преданье...»), Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...»),

Сын человеческий. Апокалипсис, I («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...») // Христос в мировой поэзии / Сост. И. Брихничев. — М., 1912. — С. 34–35, 237, 241–242, 262.

Пращуры: Голоса с берега и с корабля («— Лицом к туманной зыби хоро-
ните...») // Речь. — 1913. — 1 янв. (№ 1). — С. 4.

Пращуры: Голоса с берега и с корабля («— Лицом к туманной зыби хоро-
ните...») // Современное слово. — 1913. — 1 янв. (№ 1791). — С. 4.

Великий Лось («Ночь зимняя мутна и холодна...») // Русское слово. — 1913. — 20 янв. (№ 17). — С. 3.

Летняя ночь («“Дай мне звезду”, — твердит ребенок сонный...») // Вест-
ник Европы. — 1913. — № 1. — С. 52.

Преступление: Рассказ // Современник. — 1913. — № 1. — С. 55–67.

Ритм («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...») // Современный мир. — 1913. — № 1. — С. 22.

Будни // Русское слово. — 1913. — 10 февр. (№ 34). — С. 3.

Последний день // Речь. — 1913. — 17 февр. (№ 47). — С. 2.

Ночная змея («Глаза козюли, медленно ползущей...») // Современный
мир. — 1913. — № 2. — С. 80.

Ноябрьская ночь («Туман прозрачный по полям...») // Современник. — 1913. — № 2. — С. 3.

Песня («Ночь мутна и немесячна...») // Вестник Европы. — 1913. — № 2. — С. 44.

Чибисы («Заплакали чибисы, тонко и ярко...») // Путь. — 1913. — № 2. — С. 5.

Забота // Русское слово. — 1913. — 7 марта (№ 55). — С. 2.

Рана от копья // Русская молва. — 1913. — 10 марта (№ 88). — С. 3.

Личарда // Русское слово. — 1913. — 14 марта (№ 61). — С. 2.

Илья пророк // Современный мир. — 1913. — № 3. — С. 1–4.

Вера, Князь во князьях // Вестник Европы. — 1913. — № 3. — С. 5–12,
15–24.

Весна // Речь. — 1913. — 14 апр. (№ 102). — С. 2.

Псальма, Сказка // Русское слово. — 1913. — 14 апр. (№ 87). — С. 6–7.

Илья пророк // Сибирская новь. — 1913. — 14 апр. (№ 66). — С. 4. — Из
«Современного мира».

Иоанн Рыдалец // Вестник Европы. — 1913. — № 4. — С. 5–10.

Матрос («Ночью в море крепко спать хотелось...») // Просвещение. — 1913. — № 4. — С. 48.

Мудрость: I. Уголь («Могол Тимур принес малютке сыну...»), II. Потомки пророка («Не мало царств, не мало стран на свете...»); Худая трава // Современник. — 1913. — № 4. — С. 3, 41–61.

О. Кир // Русское слово. — 1913. — 26 мая (№ 120). — С. 4. — Фрагмент рассказа «Чаша жизни».

Художник («Хрустя по серой гальке, он прошел...») // Современник. — 1913. — № 5. — С. 30.

Олень («Густой зеленый ельник у дороги...») // Жемчужины русской поэзии: Для детей среднего и старшего возраста / Сост. В. Лемке. — М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1913. — Вып. V. — С. 73. — Бесплатное приложение к журналу «Задушевное слово».

Хороших кровей // Русское слово. — 1913. — 28 июля (№ 174). — С. 3.

После дождя («Все море — как жемчужное зерцало...»), «То разрас-таясь, то слабея...» // Жемчужины русской поэзии: Для детей среднего и старшего возраста / Сост. В. Лемке. — М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1913. — Вып. VII. — С. 97–98, 110–111. — Бесплатное приложение к журналу «Задушевное слово».

Пять стихотворений: 1. Холодная весна («Среди кривых стволов, сре-ди ветвей коряевых...»), 2. Конь Святогора («В чистом поле, у камня Алатыря...»), 3. Матрос («Ночью в море крепко спать хотелось...»), 4. Дальняя гроза («Мелькают дали, черные, слепые...»), 5. Ночные облака («Океан под ясною луной...») // Русское слово. — 1913. — 18 авг. (№ 190). — С. 4–5.

Три стихотворения: 1. Дедушка («Дедушка ест грушу на лежанке...»), 2. Невестка («Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась...»), 3. Мачеха («У меня, сироты, была мачеха злая...») // Русское слово. — 1913. — 28 авг. (№ 198). — С. 3.

Два стихотворения: 1. На камнях («Теплой ночью горною тропинкой...»), 2. Мушкет («Видел сон Мушкет...») // Русское слово. — 1913. — 13 сент. (№ 212). — С. 3.

Персидская мудрость. Саади // Русское слово. — 1913. — 29 сент. (№ 224). — С. 4. — Авторская дата: «Трапезонд—Стамбул. Июнь 1913 г.»

Два стихотворения: 1. Степь Моздокская («Синий ворон от падали...»), 2. Могильная плита («Могильная плита, железная доска...») // Русское слово. — 1913. — 1 окт. (№ 225). С. 4.

Я все молчу // Русское слово. — 1913. — 8 окт. (№ 231). — С. 2–3.

При дороге // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. — Сборник 1 (окт.). — С. 221–255.

Седьмой номер: Глава из рассказа // Утро юга. — 1913. — 25 дек. (№ 311). — С. 7. — Фрагмент рассказа «Братья».

В Венеции. А.А. Карзинкину («Восемь лет в Венеции я не был...») // Современный мир. — 1913. — № 12. — С. 94—98.

Чаша жизни // Вестник Европы. — 1913. — № 12. — С. 65—84.

Чужая («Ты чужая, но любишь...»), «Как светла, как нарядна весна!..», Панихида («Ограда, крест, зеленая могила...»), В порту («Огромный, красный, старый пароход...»), Мать («И дни, и ночи до утра...»), Олень («Густой зеленый ельник у дороги...»), Надпись на чаше («Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»), Одиночество. П.А. Нилусу («И ветер, и дождик, и мгла...»), Пустошь («Мир вам, в земле почившие! — За садом...») // Современные русские лирики, 1907—1912: Стихотворения / Сост. Е. Штерн. — СПб.: Изд. А.Л. Попова, 1913. — С. 85—96.

Остров («Ноябрь, сырая полночь. Городок...») // Сборник первый / Под ред. И.А. Белоусова. — 2-е изд. — М.: Книгоиздательство для детей «Утро», 1913. — С. 18.

Нищий («Все сады в росе, но теплы гнезда...») // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. — 1914. — № 1. — С. 1.

Пыль: Глава из повести // Заря. — 1914. — № 5. — 2 февр. — С. 2—3.

Шесть стихотворений: Псковский бор («Вдали темно и чащи строги...»), Причастницы («Свежа, прохладна ранняя заря...»), При свече («Голубое основанье...»), Купальщица («Смугла, ланиты побледнели...»), Норд-ост («Норд-остом жгут пылающие зори...»), Отчаяние («Вновь Каина порфирой облекли...») // Северные записки. — 1914. — № 2. — С. 5—8.

Братья // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. — Сборник 3 (март). — С. 233—272.

Четыре стихотворения: 1. Иаков («Иаков шел в Харан и ночевал в пути...»), 2. Плач ночью («Плакала ночью вдова...»), 3. Господь скорбящий («Воззвал Господь, скорбящий о Сионе...»), 4. На пути из Назарета («С Иосифом Господь беседовал в夜里...») // Русское слово. — 1914. — 6 апр. (№ 80). — С. 3.

Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...») // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. — 1914. — № 4. — С. 3.

Святые // Вестник Европы. — 1914. — № 4. — С. 72—83.

Первый шаг // Русское слово. — 1914. — 11 мая (№ 108). — С. 4.

Святочный рассказ // Русское слово. — 1914. — 25 дек. (№ 297). — С. 3.

Магомет и Сафия («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...») // Современный мир. — 1914. — № 12. — С. 80.

Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...»), Нищий («Все сады в росе, но теплы гнезда...») // Сборник 1914 год / Ред. С.А. Лопашов. — М., 1914. — С. 5, 6.

Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...»), Три ночи («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»), «Христос воскрес! — Опять с зарею...», Жизнь («Набегает впотьмах...»), Берег («За окном весна сияет новая...»), День гнева: Апокалипсис, VI («...И Агнец снял четвертую печать...») // Волны вечности в русской художественной литературе. — Киев: Изд. киевского религиозно-философского общества, 1914. — С. 315–316, 351–353, 423–424, 462, 486.

В Альпах («На высоте, на снеговой вершине...»), Трясина («Болото тихой северной страны...»), На распутье. (В.М. Васнецову) («На распутье в диком древнем поле...»), Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...»), С кургана («Дымится поле, рассвет белеет...»), «Бушует полая вода...», Счастье («Весеннего ливня мы жаждем...»), Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»), «Нынче ночью кто-то долго пел...», «Как светла, как нарядна весна...», «Звезды ночи осенней, холодные звезды...», Вечерняя звезда («За все Тебя, Господь, благодарю...») // Избранные стихи русских поэтов: Серия сборников по периодам. Период третий. — СПб., 1914. — Вып. 1. — С. 36–46.

Косогор («Косогор над разлужьем и пашни кругом...»), В лесу («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...») // Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по темам. Россия. — СПб., 1914. — С. 82–84.

Из повести // Голос Москвы. — 1915. — 1 янв. (№ 1). — С. 5. — Отрывок из рассказа «Аглая».

Весенний вечер // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — Сборник 4 (янв.). — С. 1–16.

Топа («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...») // Отечество. — 1915. — № 5/6 (февр.). — С. 105.

Из повести // Северное утро. — 1915. — 7 марта (№ 52). — С. 2. — Отрывок из рассказа «Алая».

Из повести // Северное утро. — 1915. — 8 марта (№ 53). — С. 2. — Отрывок из рассказа «Алая».

О Христе и дочери халифа: (Из «Золотой Легенды» Г. Лонгфелло) // Русское слово. — 1915. — 22 марта (№ 67). — С. 3.

Весенний вечер // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — Сборник 4. — 2-е изд. (май) — С. 1–16.

Господин из Сан-Франциско // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — Сборник 5 (нояб.). — С. 259–288.

Слово («Молчат гробницы, мумии и кости...»), Поэту («В глубоких колодцах вода холодна...»), Шестикрылый: Мозаика в соборе («Алел Ты в заревах Батыя...») // Летопись. — 1915. — № 1 (15 дек.). — С. 1–3.

Прокаженный («От кипарисовых гробниц...») // Биржевые ведомости. — 1915. — 25 дек. (№ 15290). — С. 4.

Три стихотворения: 1. К Ночи («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»), 2. Белый цвет («Пустынник нам сказал: “Благословен Господь!..”»), 3. В Аравийском море («Лик прекрасный и бескровный...») // Русское слово. — 1915. — 25 дек. (№ 296). — С. 3.

Что ты мутный, светел-месяц... («Что ты мутный, светел-месяц?...»), За Ассуаном («У нубийских черных хижин...») // Северные записки. — 1915. — № 11/12. — С. 5–6.

Стихотворения: I. Парус («Звездами вышит парус мой...»), II. Гора Алагалла («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...») // Вестник Европы. — 1915. — № 12. — С. 97–98.

Дедушкины стихи («Светло в светелке от окна...») // Новая жизнь. — 1915. — № 12. — С. 6.

Невеста («Косоглазая девушка, ножки скрестив...») // Современный мир. — 1915. — № 12. — С. 192.

В поезде («Все шире вольные поля...») // Цветник: Сборник стихотворений современных поэтов. — М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1915. — С. 14–15. — Бесплатное приложение к журналу «Проталинка».

Грамматика любви // Клич. День печати: Сборник на помощь жертвам войны / Под ред. И.А. Бунина, В.В. Вересаева, Н.Д. Телешова. — М., 1915. — С. 47–53.

Новый завет («С Иосифом Господь беседовал в ночи...») // В год войны. Артист — солдату: Сборник / Под ред. Л.Ю. Рахмановой и А.В. Руманова. — Пг., 1915. — С. 6.

День гнева: Апокалипсис, 6 («...И Агнец снял четвертую печать...»), Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), Гробница Рахили («И умерла, и скончался Иаков...»), «София, проснувшись, заплела ловкой...», Столп огненный («В пустыне долго, долго мы блуждали...») // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. — М.: Русское общество для изучения еврейской жизни; Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915. — С. 46–50.

Ольха («Осень. Чащи леса...»), В лесу («В лесу, в горе — родник, живой и звонкий...»), Листопад. М. Горькому («Лес, точно терем расписной...») // Россия в родных песнях: Стихотворения / Сост. А. Чеботаревская; Предисл. Ф. Сологуба. — Пг.: Книгоиздательство бывшее М.В. Попова, 1915. — С. 111–114. — «Листопад» напечатан в отрывке.

В темную ночь, в штиль, под экватором («Время, Пространство, Число...»). Ш. Леконт де Лиль // Невский альманах. Жертвы войны. Писатели и художники. — Пг., 1915. — С. 87.

Засуха в раю («От пальм увядших слабы тени...»), Аленушка («Аленушка в лесу жила...»), Скоморохи («Веселые скоморохи...») // Летопись. — 1916. — № 1. — С. 1–3.

Невесты («Жених идет в одеждах брачных...») // Ежемесячный журнал. — 1916. — № 1. — Стб. 5.

Дедушкины стихи («Светло в светелке от окна...») // Новая жизнь: Альманах второй (янв.). — М., 1916. — С. 6.

Заклинание («Из тонкогорлого фиала...») // Современный мир. — 1916. — № 2. — С. 22.

Малайская песня («Чернеет зыбкий горизонт...») // Северные записки. — 1916. — № 2. — С. 5–6.

Молодой король («То не красный голубь метнулся...»), Святитель («Твой гроб, дубовая колода...») // Летопись. — 1916. — № 2. — С. 1–3.

Господин из Сан-Франциско // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. — Сборник 5. — 2-е изд. (февр.). — С. 259–288.

Людмила («На западе весною под вечер тучи сини...») // Вестник Европы. — 1916. — № 3. — С. 44.

Святой Прокопий («Бысть некая зима...»), Князь Всеслав (Князь Всеслав в железы был закован...») // Летопись. — 1916. — № 3. — С. 5–6.

Сын // Северные записки. — 1916. — № 3. — С. 5–15.

Да исполнятся сроки. Х.Н. Бялику («— Почто, о Боже, столько лет...») // Еврейская жизнь. — 1916. — 3 апр. (№ 14/15). — С. 14.

Легкое дыхание // Русское слово. — 1916. — 10 апр. (№ 83). — С. 3.

Песня о гоце // Донская жизнь. — 1916. — 10 апр. (№ 81). — С. 2.

Песня о гоце // Орловский вестник. — 1916. — 10 апр. (№ 81). — С. 2.

Песня о гоце // Чернозем. — 1916. — 10 апр. (№ 80). — С. 2.

Святогор и Илья («На гривастых конях на косматых...»), Песня («Мне вечер, младой, скучен терем был!..») // Летопись. — 1916. — № 4. — С. 70–71.

Песня («Там не светит солнце, не бывает ночи...») // Труд вновь даст тебе жизнь и счастье: Однодневная газета / Общество «Трудовая помощь инвалидам мировой войны»; Под непосредственным наблюдением гр. А.Н. Толстого. — 1916. — 10 мая. — С. 2.

У гробницы Виргилия, весной («Дикий лавр и плющ и розы...»); Казимир Станиславович // Летопись. — 1916. — № 5. — С. 5, 48–56.

Райское Древо («В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу...»), Псалтирь («Бледно-синий загадочный лик...») // Летопись. — 1916. — № 6. — С. 65–66.

Мулы («Под сводом хмурых туч, спокойствием объятыых...»), Эллада («Меж островов Архипелага...») // Летопись. — 1916. — № 7. — С. 73–74.

Дурман («Дурману девочка наелась...»), Сон («По снежной поляне...»), Зеркало («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...») // Летопись. — 1916. — № 8. — С. 86–88.

Бегство в Египет («По лесам бежала Божья Мать...») // Летопись. — 1916. — № 9. — С. 107.

Пять стихотворений: 1. Бонна («Худая некрасивая ирландка...»), 2. Дачная прогулка («Полночь, море и зарницы...»), 3. Дача на севере («К вечеру море шумней и мутней...»), 4. Близ Биаррица, зимой («Покрывало море свитками...»), 5. На крыше отеля у Пирамид («В жарком золоте заката Пирамиды...») // Современный мир. — 1916. — № 9. — С. 139–143.

Кончина («И скрылось солнце жаркое в лесах...»), Руслан («Гранитный крест меж сосен, на песчаном...»), Без истории («Край без истории... Все лес и лес, болота...»), Сон епископа («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), Вечерний жук («На лиловом небе...») // Ежемесячный журнал. — 1916. — № 9/10. — Стб. 165–166.

Восемь стихотворений: Казнь («Туманно утро красное, туманно...»), Сон епископа («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), За Соловками («Солнце полночное, тени лиловые...»), На Невском («Колеса острый снег взрывали и скрипели...»), Молодость («В сухом лесу стреляет длинный кнут...»), Колизей («Дул теплый ветер, — точно сея...»), Сирокко («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»), Последний шмель («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...») // Современный мир. — 1916. — № 10. — С. 142–144.

Двенадцать стихотворений: Цветы («Проносились над островом зимние шквалы и бури...»), Компас («Качка слабых мучит и пьянит...»), Дедушка в молодости («Вот этот дом сто лет тому назад...»), В пустом доме («Синие обои полиняли...»), Без меня («Настанет день — исчезну я...»), В Апеннинах («Поэзия темна, в словах невыразима...»), Помпея («Помпея! Сколько раз я проходил...»), Калабрийский пастух («Лохмотья, нож — и цвета черной крови...»), Аркадия («Ключ гремит на дне теснины...»), Среди звезд («Настала ночь, остыл от звезд песок...»), Чернец («В ризы черные одели...»), Колотушка («Светит, сети ткет паук...») // Северные записки. — 1916. — № 10. — С. 5–10.

Орда («За степью, в приволжских песках...»); Аглая // Летопись. — 1916. — №. — 10. — С. 5, 25–33.

Цейлон: I. Отлив («В кипящей пене валуны...»), II. Богиня («Навес кумирни, жертвенник в жасмине...»), III. Будда почивающий («Сверкала Ступа снежной белизною...») // Вестник Европы. — 1916. — № 10. — С. 42–44.

Матфей Прозорливый («Ночь и могильный мрак пещеры...») // Современный мир. — 1916. — № 11. — С. 111–112.

В цирке («С застывшими в блеске зрачками...») // Приазовский край. — 1916. — 25 дек. (№ 340). — С. 3.

Пост («Темень, сырость, предрассветный...»), Благовестие («Они пришли тропинкою лесною...»), Индийский океан («Над черной тьмой твоих морей...») // Киевская мысль. — 1916. — 25 дек. (№ 358). — С. 4.

Три рассказа: I. Старуха, II. Постом, III. Третья петухи // Русское слово. — 1916. — 25 дек. (№ 298). — С. 4.

Кадильница («В горах Сицилии, в монастыре забытом...») // В помощь пленным русским воинам: Литературный сборник / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Д. Телешова. — М., 1916. — С. 19.

В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...») // Москва в истории и литературе / Сост. М. Коваленский. — М.: Акционерное общество «Универсальная библиотека», 1916. — С. 475.

День гнева: Апокалипсис, 6 («...И Агнец снял четвертую печать...»), Тора («Был с Богом Моисей на дикой горной круче...»), Гробница Рахили («И умерла, и скончалася Иаков...»), «София, проснувшись, заплела ловкой...», Столп огненный («В пустыне долго, долго мы блуждали...») // Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. — 2-е изд., доп. — М.: Русское общество для изучения еврейской жизни; Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. — С. 47–51.

«Мрачна, темна душа моя...». А. Цатуриан, «Моя душа объята тьмой полночной...». А. Исаакян // Сборник армянской литературы / Под ред. М. Горького. — Пг.: Книгоиздательство «Парус», 1916. — С. 114–115, 198–199.

«Мрачна, темна душа моя...». А. Цатуриан, «Моя душа объята тьмой полночной...». А. Исаакян // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводах русских поэтов / Под ред., со вступ. очерком и примеч. В. Брюсова. — М.: Изд. Московского Армянского комитета, 1916. — С. 315, 378–379.

Игроки («Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...») // Творчество: Альманах. — М.; Пг.: Книгоиздательство «Творчество», 1917. — Кн. 1 (янв.). — С. 3–5.

Стихи Ив. Бунина: (Из произведений 1915–1916 гг.): I. Поэту («В глубоких колодцах вода холодна...»), II. Парус («Звездами вышил парус мой...»), III. Св. Прокопий («Бысть некая зима...»), IV. Засуха в раю («От пальм увядших слабы тени...») // Журнал журналов. — 1917. — № 7 (февр.). — С. 14.

Петлистые уши // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917. — Сборник 7 (февр.). — С. 217–231.

Из повести // Русское слово. — 1917. — 1 апр. (№ 73). — С. 3. — Отрывок из рассказа «Отто Штейн».

Песня о войне («Там не светит солнце, не бывает ночи...») // Одесский листок. — 1917. — 2 апр. (№ 89). — С. 1.

В рощах Урувелы («— Ты ль повинна, Майя, что презрел...») // Свобода. — 1917. — 10 июля (№ 10). — С. 2.

Весенний вечер // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917. — Сборник 4. — 3-е изд. (июль). — С. 1–16.

Господин из Сан-Франциско // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917. — Сборник 5. — 3-е изд. (авг.). — С. 259–288.

Молчание («По знойно-желтому ущелью...») // Слову — свобода! — 1917. — 10 дек. — С. 1.

Звезда морей Мария («На диких берегах Бретани...») // Раннее утро. — 1917. — 25 дек. (№ 274). — С. 2.

Миньона («В горах, от снега побелевших...») // Власть народа. — 1917. — 25 дек. (№ 195). — С. 1.

«Молчат гробницы, мумии и кости...» // Похвала книге / Сост. И.А. Шляпкин. — Пг., 1917. — С. 35–36.

Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»), Гробница Рахили («И умерла, и склонил Иаков...»), Иерусалим («От Галгала до Газы — сказал проводник...») // У рек вавилонских. Национально-еврейская лирика в мировой поэзии / Сост. Л.Б. Яффе. — М.: Сафрут, 1917. — С. 15–18.

«Ходили в мире лже-messии...», «По лесам бежала Божья Мать...», «Молчат гробницы, мумии и кости...» // Восемьдесят восемь современных стихотворений, выбранных З.Н. Гиппиус. — Пг.: Огни, 1917. — С. 30, 55, 89.

Изба в поле // Раннее утро. — 1918. — 21 (8) марта (№ 43). — С. 4.

Из цикла «Русь» («Едем бором, черными лесами...») // Понедельник «Народного слова». — 1918. — 15 апр. (№ 1). — С. 5.

Монгол («Сокнулась степь синеющим кольцом...») // Неделя «Народного слова». — 1918. — 22 апр. (№ 2). — С. 3.

Могила («Там, в полях, на погосте...»), Август («Как много звезд на тусклой синеве!...»), «Настанет ночь моя, ночь долгая, немая...» // Эпоха: Сборник. — М.: А.А. Левенсон, 1918. — Кн. 1 (апр.). — С. 23–25.

Колыбельная («На глазки синие, прелестные...») // Народное слово. — 1918. — 4 мая (№ 20). — С. 5.

«У ворот Сиона, над Кедроном...» // Наш век. — 1918. — 4 мая (21 апр.) (№ 89). — С. 3.

Соотечественник // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. — Сборник 8 (май). — С. 7–16.

Из «Путевой книги» («Осенний день. Степь, балка и корыто...») // Возрождение. — 1918. — 8 июня (26 мая) (№ 6). — С. 2.

Из «Путевой книги» («На даче тихо, ночь темна...») // Возрождение. — 1918. — 16 (3) июня (№ 12). — С. 5.

Спутница («Шелковой юбкой шурша...») // Жизнь. — 1918. — № 5 (июнь). — С. 1.

Поэтесса («Большая муфта, бледная щека...») // Жизнь. — 1918. — № 8 (июль). — С. 1.

Треты петухи // Объединение. — 1918. — № 1 (сент.). — С. 5–7.

Треты петухи // Одесские новости. — 1918. — 21 сент. (4 окт.) (№ 10808). Прибавление. — С. 1. — Из «Объединения».

I. «В дачном кресле, ночью, на балконе...», II. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»; Конец // Родная земля. — 1918. — № 1 (сент.–окт.). — С. 11–12, 57–62.

Москва («Темень, холод предрассветный...») // Одесские новости. — 1918. — 11 (24) окт. (№ 10824). — С. 1.

Из цикла «Русь»: 1. Плоты («С востока дует холодом, чернеет зыбь реки...»), 2. Сон епископа Игнатия («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...») // Одесский листок. — 1918. — 14 (27) окт. (№ 227). Приложение. — С. 1.

Из цикла «Русь»: 1. Белый мак («На помории далеком...») // Огоньки. — 1918. — № 28. — 10 (23) нояб. — С. 1. — Факсимиле.

22 декабря 1918 г. («И боль и стыд и радость. Он идет...») // Одесский листок. — 1918. — 9 (22) дек. (№ 279). — С. 1.

Благовестие о рождении Исаака («Они пришли тропинкою лесною...») // Сборники «Сафрут» / Под ред. Л. Яффе. — М.: Сафрут, 1918. — Кн. 3. — С. 116.

В Апеннинах («Поэзия темна, в словах невыразима...»), Кадильница («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»), У гробницы Виргилия, весной («Дикий лавр, и плющ, и розы...»), Бегство в Египет («По лесам бежала Богъя Мать...»), Даль («Лиман песком от моря отделен...») // Весенний салон поэтов: Сборник. — М.: Книгоиздательство «Зерна», 1918. — С. 53–56.

Конец // Скрижаль. — Пг.: Дом печати, 1918. — Сборник 1. — С. 5–14.

«Не видно птиц. Безмолвно чахнет...» // Наш мир: Книга для занятий родным языком в младших классах средних школ / Сост. Н.Л. Бродский, Е.Д. Домашевский, Н.М. Мендельсон и др. — 10-е изд. — М.; Пг.: Изд. Т-ва В.В. Думнов, 1918. — Ч. 1. — С. 336.

На распутье («На распутье в диком древнем поле...») // На сцене и дома: Избранные произведения художественной литературы / Ред. Н.А. Ульянов. — М.: Наука, 1918. — Сборник 2. — С. 87–88.

Сны Чанга; Стихотворения: Стой, солнце! («Летят, блестят мелькающие спицы...»), Глупое горе («Тихой ночью поздний месяц вышел...»), Песня

(«На помории далеком...»), Перстень («С индийской пышностью осыпан перстень мой...») // Творчество: Альманах. — М.; Пг.: Книгоиздательство «Творчество», 1918. — Кн. 2. — С. 9–21, 77–78.

Из цикла «Русь»: Укоры («Море с голой степью говорило...») // Огоньки. — 1919. — № 1–34. — 4 янв. (1918. — 22 дек.) — С. 1.

Мадонна: I. «В норе, домами сдавленной...», II. «На диких берегах Бретани...» // Одесские новости. — 1919. — 7 янв. (1918. — 25 дек.) (№ 10884). — С. 2.

Архангел («Архангел в сияющих латах...») // Приазовский край. — 1919. — 14 (1) янв. (№ 1). — С. 4.

Сны Чанга // Объединение: Альманах. — Одесса, 1919. — № 1/2 (февр.). — С. 5–21.

Путевая книга: I. «Древняя обитель супротив луны...», II. «Солнце полночное, тени лиловые...», III. «Полночный звон степной пустыни...», IV. «Роса, при бледно-розовом огне...», V. «Осенний день. Степь, балка и корыто...», VI. «Стена горы — до небосвода...», VII. «Стали дымом, стали выше...», VIII. «На Альпы хмурые спустились облака...», IX. «Роняя снег, проходят тучи...», X. «Вид на залив из сада под таверной...», XI. «Пустыня в тусклом, жарком свете...», XII. «Сорвался вихрь, промчал из края в край...», XIII. «Смятенье, крик и визг рыбаков...», XIV. «На даче пусто, ночь темна...», XV. «Звезда дрожит среди вселенной...» // Отчизна: Литературный сборник. — Симферополь: Русское книжное издательство в Крыму, 1919. — Кн. 1 (февр.). — С. 5–19.

Из цикла «Молодость»: 1. Ландыш («В голых рощах веял холод...»), 2. Накануне («Мы рядом шли, но на меня...»), 3. Первый соловей («Тает, сияет луна в облаках...»), 4. Рассвет («Ранний, чуть видный рассвет...»), 5. Глупое горе («Тихой ночью поздний месяц вышел...») // Южное слово. — 1919. — 27 (14) сент. (№ 19). — С. 2.

Плоты («С востока дует холодом, — чернеет зыбь реки...»): Из цикла «Русь» // Русская мысль. — 1919. — 29 (16) сент. (№ 33). — С. 2.

Из цикла «Русь»: 1. Дорога («Едем бором, черными лесами...»), 2. Песня («— Дай мне, бабка, зелий приворотных...»). 3. У райской стены («У райской запретной стены...»), 4. Михаил («Архангел в сияющих латах...») // Южное слово. — 1919. — 5 окт. (22 сент.) (№ 26). — С. 2.

Скоморохи: Новая погудка («Ах, ах, ах, ах!..») // Одесский листок. — 1919. — 5 окт. (22 сент.) (№ 124). — С. 1.

Из цикла «Русь»: 1. Мученица («Она стоит в серебряном венце...»), 2. Плащаница («По древнему унывшему распеву...»), 3. Во полуночи («В сосудах, тонких и прозрачных...») // Одесский листок. — 1919. — 8 окт. (25 сент.) (№ 127). — С. 1.

Из цикла «Восток»: 1. Эпитафия («На земле ты была точно дивная райская птица...»), 2. Радость («У ворот Сиона, над Кедроном...») // Южное слово. — 1919. — 12 окт. (29 сент.) (№ 33). — С. 2.

Из цикла «Молодость»: 1. «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...», 2. «Золотыми цветут остриями...», 3. «Старинный белый зал, где черная рояль...», 4. «Там, в полях, на погoste...» // Южное слово. — 1919. — 19 (6) окт. (№ 39). — С. 2.

Соотечественник // Южное слово. — 1919. — 23 (10) окт. (№ 42). — С. 2.

Летние стихи: I. Зной («В одной рубашке, босиком...»), II. Одиночество («Худая компаньонка, иностранка...») // Южное слово. — 1919. — 26 (13) окт. (№ 45). — С. 2.

Из цикла «Восток»: 1. Мудрость («Чалма на мудром — как луна...»), 2. Волны («Смотрит на море старый султан...»), 3. Жена Азиса («Уличив меня в измене...»), 4. Рабыня («Странно создан человек...») // Южное слово. — 1919. — 2 нояб. (20 окт.) (№ 51). — С. 2.

Из цикла «Ночь»: 1. Индийский океан («Над черной тьмой твоих морей...»), 2. К Ночи («Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»), 3. Стой, солнце! («Летят, блестят мелькающие спицы...»), 4. Луна («Настанет Ночь моя, Ночь долгая, немая...») // Южное слово. — 1919. — 11 нояб. (29 окт.) (№ 58). — С. 2.

Петлистые уши // Южное слово. — 1919. — 18 (5) нояб. (№ 64). — С. 2–3.

Егорий Заступник («На песок у моря синего...») // Южное слово. — 1919. — 9 дек. (26 нояб.) (№ 84). — С. 1.

Из цикла «Русь»: 1. Разлука («Табор двинулся... Отсталая...»), 2. Степь («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»), 3. Иконка («Иконку, черную дощечку...»), 4. Пожары («Наполовину вырубленный лес...»), 5. Зазимок («Си-вером на холоде...») // Южное слово. — 1919. — 26 (13) дек. (№ 98). — С. 2.

Соотечественник // Слово. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. — Сборник 8. — 2-е изд. (дек.) — С. 7–16.

«Бушует полая вода...», Русская весна («Скучно в лощинах березам...»), «В стороне далекой от родного края...», «Как флером даль полей закрыв на полчаса...», Утренник («Первый утренник, серебряный мороз...»), Сентябрь («Уж подсыхает хмель на тыне...»), Из поэмы «Листопад» («Лес, точно терем расписной...»), «Не видно птиц. Покорно чахнет...», Хризантемы («На окне, серебряном от инея...») // Времена года в русской поэзии: Сборник стихотворений / Сост. Н.С. Клестов; Предисл. Н.Л. Бродского. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. — С. 21, 23, 35, 61, 79, 81, 85, 86, 97, 98, 125. — Серия «Народно-школьная библиотека».

«Взойди, о Ночь, на горний свой престол...» // Дальние окна: Альманах. — М.; Киев: Северные долины, 1919. — С. 5.

Из цикла «Русь»: Плоты («С востока дует холодом — чернеет зыбь реки...»), Сон епископа Игнатия («Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме...»), Из книги пророка Исаии («...Возьмет Господь у вас...»), Москва («Темень, холод предрассветный...») // Стихи 1918. — М.; Одесса: Современные проблемы, 1919. — С. 35–43.

Соотечественник // Альманах современной избранной литературы. — Симферополь: Русское книжное издательство в Крыму, 1919. — Вып. 1. — С. 5–13.

Отто Штейн // Южное слово. — 1920. — 14 (1) янв. (№ 112). — С. 2.

Готами // Южное слово. — 1920. — 17 (4) янв. (№ 114). — С. 2.

Путевая книга: 1. Снова («Вот он снова, этот белый...»), 2. Феска («Мятую красную феску мастер водой окропил...»), 3. На Ривьере («Этот старый погост на Ривьере похож на острог...»), 4. Колизей («Дул теплый ветер. Точно сея...»), 5. В неаполитанском цирке («С застывшими в блеске зрачками...»), 6. Каприйский грот («Волна, хрустальная, тяжкая, лизала...»), 7. Вечер («Гор сиреневых кручи встают...»), 8. Газелла («Холодный ветер дует с Мензалэ...»), 9. Ночное плавание («Стой со сжатыми скулами...»), 10. В рощах Урувелы («— Ты ль повинна, Майя, что презрел...») // Южное слово. — 1920. — 25 (12) янв. (№ 120 (9)). — С. 2.

Маленькие рассказы. 1 // Родное слово. — 1920. — 29 (16) янв. (№ 3). — С. 2.

Маленькие рассказы. 2 // Родное слово. — 1920. — 31 (18) янв. (№ 5). — С. 2.

Миньона («В горах, от снега побелевших...»), Зимний вечер («На Альпы хмурые спустились облака...») // Объединение. — 1920. — Кн. 5 (янв.). — С. 5–6.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ О РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» (1961–2018 ГГ.)

СОСТАВИТЕЛЬ Е.А. КАГАНОВА

Осмысление творческого наследия И.А. Бунина в России начинается с первых книг писателя. Сперва дореволюционная российская критика, затем эмигрантская и советская параллельно друг другу отражали, как современники понимали и оценивали творчество Бунина. Важное место в бунинском наследии занимает роман «Жизнь Арсеньева», который и в критике, и в научных работах заслуживал оценку итогового произведения писателя.

В России (Советском Союзе) научное знание о романе начало формироваться после первой публикации «Жизни Арсеньева» в 1961 году в журнале «Москва». Ранее была издана «Лика» (пятая книга романа), представленная повестью в составе первого Собрания сочинений Бунина в 5 томах (М., 1956) и отдельным изданием (М., 1958). Начиная с 1961 г., публикуются статьи и монографии, содержащие комплексный анализ романа, причем большое место в них занимала проблема оправдания Бунина с позиции советской идеологии.

Количество работ до 1990–х годов было невелико, наибольшее число публикаций приходилось на годовщины (со дня рождения\смерти\вручения Нобелевской премии). С 2000–х годов ежегодный поток научной литературы заметно возрастает. Этот процесс сопровождается изменением характера работ. По мере того, как снижается, а затем и вовсе исчезает давление идеологии государства, исследователи в работах все больше сосредоточиваются на конкретных аспектах, а не на интерпретации романа в целом. К 2018 году мы можем выделить блоки работ, посвященные психологии романа, истории текста, проблеме интертекста, композиции и структуре, языку и стилю.

В данный библиографический список включается научная литература о романе «Жизнь Арсеньева», совокупность которой дает не полное, но достаточно обширное представление о развитии научного знания о романе в России (ранее — СССР). В данный список не включались прижизненные литературно-критические статьи о романе и зарубежные исследования «Жизни Арсеньева» на иностранных языках, что требует отдельной поисковой и составительской работы и является важным перспективным направлением в бунинской библиографии.

Имея целью осветить развитие отечественного буниноведения (в частности, развитие научного знания о романе «Жизнь Арсеньева»), мы сконцентрировались на тех научных работах, которые выходили на территории СССР (России) с 1961 года, когда был впервые опубликован полный, хотя и подвергшийся цензуре, текст романа. Второй крайней датой является 2018 год — год составления данного указателя.

Данная библиография включает в себя научные статьи в периодических изданиях, монографии или главы монографий, диссертации на русском языке, а также общие работы о И.А. Бунине, в которых в той или иной степени рассматривался роман «Жизнь Арсеньева».

Библиографические записи расположены в хронологическом порядке по годам, внутри каждого года — по алфавиту авторов. Отдельные записи снабжены краткими аннотациями, которые раскрывают суть работы, если она не очевидна из названия.

1961

Газер И.С. О художественном своеобразии прозы Ив. Бунина // Ювілейна наукова сесія, присвяч. 300річчю Львівського державного університету ім. І. Франка: Тези доповідей секцій філології, журналістики та педагогіки. — Львів, 1961. — С. 27–30.

Исследуется поэтика прозы Бунина. Указывается на стиль пейзажных описаний и доминирующие лейтмотивы романа «Жизнь Арсеньева».

Грановская Л.М. Из наблюдений над языком И.А. Бунина: (О некоторых особенностях употребления определений прилагательных) // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та иностранных языков им. М.Ф. Ахундова. — Баку, 1961. — Вып. 9. — С. 253–266.

Никулин Л.В. Роман или автобиография?: «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Москва. — 1961. — № 7. — С. 146–148.

1962

Михайлов О.Н. Исповедь Алексея Арсеньева // Сибирские огни. — 1962. — № 1. — С. 177–181.

Дается очерк биографии автора в сравнении с историей Арсеньева. Выделены тематические доминанты романа, охарактеризованы особенности стиля Бунина.

1965

Забелин П.В. Бунин и белоэмигрантская критика: (По материалам архива писателя) // Ангара. — Иркутск, 1965. — № 3. — С. 125–127.

В статье дан обзор критики, которая сопровождала первые издания романа в эмигрантской среде. Представлены сведения об изданиях и авторах, критиковавших произведение.

Сливицкая О.В. К эволюции творческого метода И.А. Бунина // Вопросы литературоведения и языкоznания. — Харьков, 1965. — Вып. 2. — С. 30–33.

По материалам рукописных источников романа конструируется процесс работы Бунина над романом. Текстологическое исследование дополнено анализом творческого метода автора.

1966

Афанасьев В.Н. Роман «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин: очерк творчества / В.Н. Афанасьев. — М., 1966. — С. 323–349.

Афанасьев В.Н. За рубежами родины // Художественная проза И.А. Бунина / В.Н. Афанасьев: автореферат дис. ... доктора филологических наук. — М., 1966. — С. 20–38.

Волынская Н.И. К проблеме героя в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 1966. — № 1. — С. 49–58.

Михайлов О.Н. И.А. Бунин: очерк творчества: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — М., 1966. — 20 с.

Михайлов О.Н. [О романе «Жизнь Арсеньева»] // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. — М., 1966. — Т. 6. — С. 311–323.

1967

Котляр Л.В. Проза Бунина 20–30-х годов (1923–1933) // Художественная проза И.А. Бунина (1917–1953): автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Л.В. Котляр. — М., 1967. — С. 10–15.

Михайлов О.Н. Эмиграция // Иван Алексеевич Бунин: очерк творчества / О.Н. Михайлов. — М., 1967. — С. 140–162.

1968

Никольская Л.Д. Лирическое и эпическое в повести Бунина «Жизнь Арсеньева» // Материалы XXIV науч. конф. профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои. Сер. филол. наук. — Самарканд, 1968. — С. 38–42.

1969

Волков А.А. Возвращение к истокам // Проза Ивана Бунина / А.А. Волков. — М., 1969. — С. 371–435.

1972

Бунджулова Б.Е. «Жизнь Арсеньева» как энциклопедия бунинского стиля // Стилевые особенности прозы И.А. Бунина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Б.Е. Бунджулова. — М., 1972. — С. 13–15.

Ляданский Э.К. К вопросу об источниках автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // XXV Герценовские чтения: межвузовская конф. Литературоведение. Краткое содержание докладов. — Л., 1972. — С. 68–70.

Поднимается проблема прототипов в романе: проводятся параллели между героями романа и реальными историческими лицами, которых мог иметь в виду Бунин.

1973

Антонов С.П. И. Бунин. «Жизнь Арсеньева» // От первого лица: рассказы о писателях, книгах и словах / С.П. Антонов. — М., 1973. — С. 42–89.

Ляданский Э.К. Из истории текста романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: (Работа писателя над композицией произведения) // XXVI Герценовские чтения: межвузовская конф. Литературоведение. Научные доклады. — Л., 1973. — С. 83–88.

Лявданский Э.К. К творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: (Рассказы 1890–1900-х гг. как один из источников романа) // Жанры в советской литературе: Сборник науч. трудов / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; отв. ред. А.И. Хватов. — Л., 1973. — С. 142–166.

1974

Аверин Б.В. Из творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Бунинский сборник: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. — Орел, 1974. — С. 67–89.

Материалом исследования стали архивные источники: рукописи романа, журнальные и прижизненные издания. На основе источников исследователь не только восстанавливает историю издания, но и показывает, как меняется замысел и стиль писателя.

Ачатова А.А. Концепция личности художника в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы методы и жанра. — Томск, 1974. — Вып. 2. — С. 62–72.

Бунджулова Б.Е. «Жизнь Арсеньева» как энциклопедия бунинского стиля // Годишник на Софийския унив. Фак. по славянски филологии. — 1974. — Т. 67, кн. 2. — С. 97–171.

Крутикова Л.В. «Жизнь Арсеньева» — итоговая книга И.А. Бунина // Бунинский сборник: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. — Орел, 1974. — С. 17–34.

В статье дан комплексный анализ поэтики произведения. Поднимаются проблемы соотношения факта и вымысла, лейтмотивов, психологии героя.

Курляндская Г.Б. Авторская позиция И.А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» // Бунинский сборник: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. — Орел, 1974. — С. 35–66.

Степанов А.В. Об одном свойстве «поэтической речи»: (Замечания к стилю романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Исследование по славянской филологии: сборник, посвящ. памяти акад. В.В. Виноградова / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; отв. ред.: В.А. Белошапкова, Н.И. Толстой. — М., 1974. — С. 290–300.

1975

Лявданский Э.К. Иван Бунин: от рассказов 1910-х гг. к роману «Жизнь Арсеньева»: (Некоторые стороны эволюции метода художника) // XXVII Герценовские чтения. Литературоведение: науч. докл. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; науч. ред. А.Л. Григорьев. — Л., 1975. — С. 74–79.

Лявданский Э.К. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: автореферат дис.... кандидата филологических наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. — Л., 1975. — 18 с.

Сливицкая О.В. К творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: (по материалам рукописных редакций) // Проблемы реализма / Вологодский гос. пед. ин-т; под ред. В.В. Гура. — Вологда, 1975. — Вып. 1. — С. 121–141.

1976

Ачатова А.А. И. Бунин. «Жизнь Арсеньева»: (Наблюдения над композицией) // Художественное творчество и литературный процесс. — Томск, 1976. — Вып. 1. — С. 116–126.

1977

Казаркин А.П. Художественная перспектива в романе «Жизнь Арсеньева» // Проблемы метода и жанра: [сб. ст.] / Томский гос. ун-т им. В.В. Куйбышева; ред. Н.Н. Киселев. — Томск, 1977. — Вып. 4. — С. 84–97.

Основной коллизией романа представляются вопросы человека и отсутствие ответа от мира вокруг. Отмечается, как снимаются противоречия внутри героя и как коллизия отражена в поэтике романа.

1978

Положенцев В.И. Л.Н. Толстой и И.А. Бунин: («Детство», «Отрочество», «Юность» и «Жизнь Арсеньева») // Толстовский сборник: К 150-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. — Тула, 1978. — С. 89–95.

1981

Никольская Л.Д. Лирический строй романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы истории критики и поэтики реализма: межвузовский сборник / Куйбышев. гос. ун-т; отв. ред. Л.А. Финк. — Куйбышев, 1981. — С. 98–119.

1983

Альберт И.Д. Проблема памяти в системе этикофилософских и эстетических взглядов И. Бунина // Вопросы русской литературы. — Львов, 1983. — Вып. 1. — С. 113–120.

Тема памяти в романе называется центральной. Бунин обращается к памяти индивидуальной и коллективной, памяти поколений. Это обеспечивает связь человека со всеменной.

Антонов С.П. От первого лица // Собрание сочинений: В 3 т. / С.П. Антонов. — М., 1984. — Т. 3. — С. 237–549. — Из содерж.: Гл. 2. И. Бунин. «Жизнь Арсеньева». — С. 271–314.

Михайлов О.Н. Личность художника // Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. — Красноярск, 1983. — С. 268–279.

1985

Альберт И.Д. Некоторые вопросы психологии творчества в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вопросы русской литературы: респ. межведомственный науч. сб. / Черновиц. гос. ун-т; отв. ред. Н.В. Николаев. — Львов, 1985. — Вып. 1. — С. 58–65.

Ляданский Э.К. О работе И.А. Бунина над текстом романа «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 1985. — № 4. — С. 25–29.

Сукова Н.Н. К спорам о жанре произведения И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Идейно-эстетическая борьба за реализм в русской критике и публицистике второй половины XIX — начала XX веков: тезисы докладов. — Белгород, 1985. — С. 57–58.

1987

Блюм А.В. Книга и книжники в русской литературе конца XVII – начала XVIII вв.: (Две атрибуции) // Федоровские чтения, 1982: сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. — М., 1987. — С. 203–205.

Автор атрибутирует цитаты в романе, используя архивные источники древнерусской литературы.

Вихрян О.Е. Художественное слово И.А. Бунина // Русская речь. — 1987. — № 4. — С. 104–107.

К характеристике стиля романа «Жизнь Арсеньева».

Дарийчук Л.Д., Зверева Л.И. Мир детства у И. Бунина и Л. Толстого // Вопросы русской литературы. — 1987. — Вып. 2. — С. 82–87.

Панкратов В.А. Эстетическая проблематика в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Внутренняя организация художественного произведения: межвузовский научно-тематический сборник / Дагестанский гос. ун-т им. В.И. Ленина; отв. ред. Н.А. Горбанев. — Махачкала, 1987. — С. 38–45.

1989

Абрамов А.И. К вопросу об эстетике истории в «Слове о полку Игореве» и в «Жизни Арсеньева» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура: сборник статей. — М., 1989. — С. 59–67.

1990

Вихрян О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — М., 1990. — 16 с.

Михайлов О.Н. Неизданный Бунин // Литературная Россия. — 1990. — 9 марта. — С. 14–15.

Автор ставит вопрос о необходимости издания академического собрания сочинений Бунина. В частности, освещается история текста и изданий романа «Жизнь Арсеньева».

Михайлов О.Н. Освобождение Бунина: (О судьбе бунинского литературного наследия) // Слово. — 1990. — № 7. — С. 55–57.

Освещается текстологическая проблема подготовки текста романа, работы с архивными источниками. Поднимается вопрос о месте «Жизни Арсеньева» в структуре книжного рынка.

1991

Сидякова Т.В. Жанровое своеобразие романа Бунина «Жизнь Арсеньева» // Содержательность форм в художественной литературе: проблемы поэтики: межвузовский сб. науч. ст. / Самарский гос. ун-т; отв. ред. Л.А. Финк. — Самара, 1991. — С. 70–84.

1992

Бердникова О.А. Изображение процесса формирования личности художника-творца в романе «Жизнь Арсеньева» // Концепция творческой личности в прозе И.А. Бунина / О.А. Бердникова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Воронеж, 1992. — С. 13–20.

Николина Н.А. Композиционно-речевая организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Образно-языковая структура прозы И.А. Бунина. — Елец, 1992. — С. 16–33.

Скобелев В.П. О лирическом начале в русском романе начала XX столетия: («Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Доктор Живаго» Б. Пастернака) // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века: материалы международной науч. конф., 9–10 окт. 1992 г. / Воронежский гос. ун-т; гл. ред. Т.А. Никонова. — Воронеж, 1992. — С. 57–60.

1993

Бронникова Н.Г. Тема «детства» и детская речь в прозе И.А. Бунина // Анализ художественного произведения. — Киров, 1993. — С. 135–143.

Тема детства, одна из важнейших в романе, изучается с помощью лингвистических методов. Предметом является речь детей, преломленная нарративом взрослого рассказчика.

Бунджулова Б.Е. «Жизнь Арсеньева» как энциклопедия бунинского стиля // Болгарская русистика. — София, 1993. — № 4. — С. 16–19.

1994

Карпов И.П. Религиозность в условиях страстного сознания (И. Бунин. «Жизнь Арсеньева. Юность») // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — № 3. — С. 341–347; то же: Карпов И.П. Авторское сознание в русской литературе XX века: (И. Бунин, М. Булгаков, С. Есенин, В. Маяковский). — Йошкар-Ола, 1994. — С. 21–27.

Мальцев Ю.В. Феноменологический роман // Иван Бунин, 1870–1953 / Ю.В. Мальцев. — Frankfurt a. M.; М.: Посев, 1994. — С. 302–321.

1995

Атаманова Е.Т. Гимназия и гимназисты в прозе Ф.М. Достоевского и И.А. Бунина: («Братья Карамазовы» и «Жизнь Арсеньева») // Материалы

международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина / Междунар. слав. Акад. наук, образования, искусств и культуры; Елецкий гос. пед. ин-т; отв. ред. А.М. Стрельцов. — Елец, 1995. — С. 103–105.

Атаманова Е.Т. Лермонтовские реминисценции в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Материалы IX-й межвузовской научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. — Липецк, 1995. — С. 126.

Атаманова Е.Т. Пушкинские и гоголевские реминисценции в романе «Жизнь Арсеньева» // Сборник докладов, прочитанных на международной научной конференции в Елецком педагогическом институте, 7–12 сентября 1995 г. — Елец, 1995. — С. 100–107.

Белякова С.М. Лексика природы в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Безопасность жизнедеятельности в Сибири и на Крайнем Севере. — Тюмень, 1995. — С. 41–42.

Белякова С.М. Цветообозначения в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков: тез. международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения писателя, 11–14 окт. 1995 г. / Воронежский гос. ун-т. — Воронеж: Квадрат, 1995. — С. 94–97.

Богомолова М.Г. О прототипах некоторых литературных персонажей в произведениях И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 213–220.

Исследуется автобиографическая основа романа «Жизнь Арсеньева». Высказываются гипотезы о людях, на которых похожи герои романа.

Бочаева Н.Г. Мир детства и традиции классической литературы в творчестве И.А. Бунина // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина / Междунар. слав. Акад. наук, образования, искусств и культуры; Елецкий гос. пед. ин-т; отв. ред. А.М. Стрельцов. — Елец, 1995. — С. 152–154.

Интертекст классической русской литературы изучается с точки зрения его влияния на юного героя романа «Жизнь Арсеньева», который с детства читал художественную литературу.

Бронникова Н.Г. Семантика слова семья в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина / Междунар. слав. Акад. наук, образования, искусств и культуры; Елецкий гос. пед. ин-т; отв. ред. А.М. Стрельцов. — Елец, 1995. — С. 81–83.

Дмитриева Т.Г. Проблема национального характера в прозе И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 66–71.

Изучается отношение автора к русскому народу, оценка народа рассказчиком, в частности, в романе «Жизнь Арсеньева».

Зубарева Е.Е. Символика детства в творчестве И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 168–172.

Детство становится ключом к проблемам мироздания. Мир, воспринятый глазами ребенка в романе «Жизнь Арсеньева», обретает иные черты и приближает к пониманию строения вселенной.

Ильинский О. Преобразование стихии: О «Жизни Арсеньева» Бунина // Записки Русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 1995. — Т. 27. — С. 215–225.

Климова Г.П. Образ города в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 117–124.

Кожевникова Н.А. Сравнения и метафоры И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 138–143.

Обзор специфики и функций художественных средств и тропов в прозе Бунина. В частности — о «Жизни Арсеньева».

Колядич Т.М. Память в системе мемуарного повествования: (на материале романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Творческое наследие И.А. Бунина и мировой литературный процесс: материалы международной научной конференции. — Орел, 1995. — С. 57–60.

Мегирыянц Т.А. Культура как элемент личностного самосознания в «Охранной грамоте» Б. Пастернака и «Жизни Арсеньева» И. Бунина // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков: тез. международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения писателя, 11–14 окт. 1995 г. / Воронежский гос. ун-т. — Воронеж, 1995. — С. 42–44.

Михайлов О.Н. Мировое значение Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 3–6.

Дается оценка бунинскому наследию с точки зрения его места в мировой литературе. В качестве аргументов приводятся отзывы мировых критиков, в частности, о романе «Жизнь Арсеньева».

Плешков В.В. «Я» и «другие» в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Материалы Международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина / Междунар. слав. Акад. наук, образования, искусств и культуры; Елецкий гос. пед. ин-т; отв. ред. А.М. Стрельцов. — Елец, 1995. — С. 142–144.

Сигов В.К. Народный характер и судьба России в творчестве И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 100–108.

Анализируется авторская оценка судьбы России, транслируемая на трех уровнях: от рассказчика и от героя, который уже эмигрировал; в частности, говорится о романе «Жизнь Арсеньева».

Смоголь Н.Н. Орел в судьбе И.А. Бунина и на страницах романа «Жизнь Арсеньева» // Творческое наследие И.А. Бунина и мировой литературный процесс: Материалы международной научной конференции. — Орел, 1995. — С. 61–62.

Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина: (образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века: по материалам международной науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1995. — С. 109–116.

Лейтмотив звездного неба исследуется, в частности, в романе «Жизнь Арсеньева».

Толоконникова С.Ю. Мотив детского постижения Бога и смерти в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и А. Белого «Крещеный китаец» // Творческое наследие И.А. Бунина и мировой литературный процесс: материалы международной науч. конф. — Орел, 1995. — С. 110–112.

Эртнер Е.Н. Человек и природа в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Безопасность жизнедеятельности в Сибири и на Крайнем Севере. — Тюмень, 1995. — С. 40–41.

Яблоновская Н.В. Крым в творческой биографии И.А. Бунина // Материалы международной науч. конф., посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина / Междунар. слав. Акад. наук, образования, искусств и культуры; Елецкий гос. пед. ин-т; отв. ред. А.М. Стрельцов. — Елец, 1995. — С. 58–60.

Образ Крыма в романе «Жизнь Арсеньева», анализируется через факты биографии самого писателя и сравнивается с образом полуострова в других произведениях.

1996

Зверева Л.И. Формирование творческой личности в детские годы по роману И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин и русская культура: межвузовский сборник науч. тр. / Елецкий гос. пед. ин-т; сост. Г.П. Климова; отв. ред. С.В. Краснова. — Елец, 1996. — С. 110–116.

Карпов И.П. Проза Ивана Бунина: (очерки авторства). — М.; Йошкар-Ола, 1996. — 120 с. — Из содеж.: Интенциальное содержание авторского сознания (роман «Жизнь Арсеньева»). — С. 23–33; Религиозность в условиях страстного сознания («Жизнь Арсеньева» — «Освобождение Толстого»). — С. 34–41.

Курепина Т.Г. Художественное воплощение авторского сознания в творчестве И. Бунина // И.А. Бунин и русская культура: межвузовский сборник науч. тр. / Елецкий гос. пед. ин-т; сост. Г.П. Климова; отв. ред. С.В. Краснова. — Елец, 1996. — С. 65–74.

Из-за автобиографичности повествования не очевидно, какой позиции сам Бунин придерживается в разных вопросах. Исследователь предлагает теорию, в которой критерием воплощения авторского сознания становятся образные средства.

Курляндская Г.Б. Идейно-эстетическая позиция И.А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» // Литературная срединная Россия: (Тургенев, Фет, Лесков, Бунин, Л. Андреев) / Г.Б. Курляндская. — Орел, 1996. — С. 152–178.

Соколова В.П. Поэтика романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Короленковские чтения, 15–16 окт. 1996 г.: тез. докл. науч.-практ. конф. / Публ. науч. б-ка им. В.Г. Короленко. — Глазов, 1996. — С. 32–34.

Сукова Н.Н. Влияние ранних рассказов И.А. Бунина на создание романа «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин и русская культура: межвузовский сборник науч. тр. / Елецкий гос. пед. ин-т; сост. Г.П. Климова; отв. ред. С.В. Краснова. — Елец, 1996. — С. 55–65.

Яблоновская Н.В. Мотив памяти как организующее начало повествования в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина // Литература и религия: материалы Шестых крымских пушкинских международных чтений, Крым, 15–21 сент. 1996 г. / Крым. центр гуманит. исслед.; Крым. о-во рус. культуры; отв. ред. В.П. Казарин. — Севастополь, 1996. — С. 157–159.

1997

Короткова М.С. Каждый человек — это целый мир: Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» в XI кл. // Бунин И.А. Избранная проза. — М., 1997. — С. 626–638. — (Школа классики). — (Кн. для учителя и ученика).

Кулабухова М.А. Факт и вымысел в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Актуальные проблемы современного литературоведения: материалы межвузовской науч. конф. / Московский гос. открытый пед. ун-т; отв. ред. А.С. Георгиевский. — М., 1997. — С. 46–48.

Плешков В.В. От этической идеи — к онтологической модели. Концепция человека в романе «Жизнь Арсеньева» // Концепция человека в творчестве И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / В.В. Плешков. — Елец, 1997. — С. 107–151.

Пронин А.А. Судьба одной анкеты: (К истории текста «пушкинской» главы в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Север. — 1997. — № 11/12. — С. 140–144.

Пронин А.А. Цитата в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Петрозаводск, 1997. — 20 с.

Худенко Е.А. Поведенческий текст персонажа—писателя и авторский «выбор» в системе заданностей: («Кашеева цепь» М. Пришвина и «Жизнь Арсеньева» И. Бунина) // Культура и текст: материалы международной науч. конф., 10–11 сент. 1996 г. — СПб.; Барнаул, 1997. — Вып. 1: Литературоведение, ч. 2. — С. 29–32.

Штерн М.С. «Жизнь Арсеньева» — роман, биография, исповедь? Жанровый синкретизм произведения. Автор и герой // В поисках утраченной гармонии: проза И.А. Бунина 1930–1940-х годов: монография / М.С. Штерн; Омский гос. ун-т. — Омск, 1997. — С. 74–128.

Штерн М.С. «Жизнь Арсеньева» — роман, биография, исповедь // Проза И.А. Бунина 1930–1940-х годов: жанровая система и родовая специфика: автореферат дис. ... доктора филологических наук / М.С. Штерн. — Екатеринбург, 1997. — С. 13–22.

Яблоновская Н.В. Севастополь в «наследственной» памяти И.А. Бунина: (Роман «Жизнь Арсеньева») // Крымские пенаты: альманах литературы музеев Крыма. — Симферополь, 1997. — № 4. — С. 124–130.

1998

Асташенко О.А. «Есть некий свет, что тьма не сокрушит»: (Слово и память в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Проблемы эволюции русской литературы XX века. — М., 1998. — Вып. 5: Третья Шешуковские чтения. Материалы межвузовской науч. конф. МРГУ. — С. 11–17.

Атаманова Е.Т. И.А. Бунин и В.А. Жуковский: (К проблеме реминисценций в творчестве И.А. Бунина) // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. — Белгород, 1998. — С. 3–6.

В частности, об эпизоде из «Жизни Арсеньева», в котором цитата из баллады В.А. Жуковского стала сюжетообразующей.

Атаманова Е.Т. Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И.А. Бунина (проблема реминисценций): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Елец, 1998. — 20 с.

Калинина Е.А. «Жизнь Арсеньева» в контексте традиций символистского романа // XX век: Проза. Поэзия. Критика. — М., 1998. — Вып. 2. — С. 12–19.

Колобаева Л.А. От временного к вечному: Феноменологический роман в русской литературе XX в. // Вопросы литературы. — 1998. — № 3. — С. 132–144.

«Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака.

Колобаева Л.А. Феноменологический роман в русской литературе XX века // Научные доклады филологического факультета МГУ. — М., 1998. — Вып. 2. — С. 155–166.

Проблема «прозы поэта», специфичность ее стиля. На материале сопоставительного анализа романов И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Кондратенко А.А. Женщина по имени Надежда // Подъем. — 1998. — № 2. — С. 231–239.

На основе архивных источников и фактов биографии писателя делается предположение о прототипе одного женского персонажа романа «Жизнь Арсеньева».

Кулабухова М.А. Автобиографическое начало и художественный вымысел в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: материалы науч.-практ. всероссийской конф., посвящ. 127-й годовщине со дня рождения И.А. Бунина, 16–17 окт. 1997 г. / Белгородский гос. ун-т; отв. ред. Г.М. Благасова. — Белгород, 1998. — С. 156–159.

Меренкова С.Б. Древнерусская литература в эстетическом восприятии и творческой практике И.А. Бунина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Елец, 1998. — 18 с.

Николина Н.А. Художественное время романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: материалы науч.-практ. всероссийской конф., посвящ. 127-й годовщине со дня рождения И.А. Бунина, 16–17 окт. 1997 г. / Белгородский гос. ун-т; отв. ред. Г.М. Благасова. — Белгород, 1998. — С. 159–167.

Пращерук Н.В. «Пространственная форма» в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Кормановские чтения: материалы межвузовской науч. конф. / Удмуртский гос. ун-т; отв. ред. В.А. Зарецкий. — Ижевск, 1998. — Вып. 3. — С. 190–201.

Пронин А.А. Судьба цитат из христианских источников в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск, 1998. — Вып. 2: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. — С. 505–513.

1999

Белякова С.М. Цветовая картина мира И.А. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева» и цикла рассказов «Темные аллеи») // И.А. Бунин: диалог

с миром: межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Никонова. — Воронеж, 1999. — С. 146–151.

Болдырева Е.М. Феноменологический автобиографический роман: И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева» // Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.М. Болдырева. — Ярославль, 1999. — С. 131–160.

Бочаева Н.Г. История становления личности художественно одаренного ребенка в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Мир детства в творческом сознании и художественной практике И.А. Бунина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Н.Г. Бочаева. — Елец, 1999. — С. 14–17.

Житков А.В. Особенности организации функционально-семантического поля восприятия запаха в произведениях И.А. Бунина // Слово в языке, речи и тексте: материалы науч. конф., 28–29 сент. 1999 г. / редколл.: А.П. Чудинов, Н.Б. Руженцева. — Екатеринбург, 1999. — С. 27.

Лиао Ле-Йуех. Контраст в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» И. Бунина // Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / Ле-Йуех Лиао. — СПб., 1999. — С. 131–172.

Нива Ж. Цирк братьев Труцци: Иван Бунин // Возвращение в Европу / Ж. Нива. — М., 1999. — С. 296–299.

О романе «Жизнь Арсеньева».

Полупанова А.В. Субъектные формы выражения авторского сознания в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: всероссийская науч.-практ. конф.: Сборник материалов: В 4 ч. — Стерлитамак, 1999. — Ч. 3: Фольклор, русская литература и методика их преподавания. — С. 86–89.

Пращерук Н.В. Пространство жизни в книге «Жизнь Арсеньева» // Феноменология И.А. Бунина: авторское сознание и его пространственная структура: диссертация ... доктора филологических наук / Н.В. Пращерук. — Екатеринбург, 1999. — С. 104–177.

Ри Чжон Хи. Проблема памяти в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Голоса молодых ученых. — М., 1999. — Вып. 5. — С. 72–83.

Ри Чжон Хи. Роман «Жизнь Арсеньева» и проблема Памяти // Проблема Памяти в творчестве И.А. Бунина / Чжон Хи Ри: диссертация ... кандидата филологических наук. — М., 1999. — С. 56–86.

Родионова Н.А. О некоторых особенностях литературного портрета: (на материале романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Проблемы изучения литературы

турного процесса XIX–XX вв.: Сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. Л.А. Финка. — Самара, 1999. — С. 69–75.

Родионова Н.А. Портретные характеристики в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Типы портретных характеристик в художественной прозе И.А. Бунина: лингвостилистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / Н.А. Родионова. — Самара, 1999. — С. 87–116.

Смоленцев А. Небесная составляющая русской литературы: (Несколько слов к вопросу о «бессюжетности». Из работы «Иван Бунин. Гармония страдания») // Русское эхо. — Самара, 1999. — № 5. — С. 49–57.

«Жизнь Арсеньева» И. Бунина как логическое завершение «бессюжетности» русской классической литературы.

Чой Чжин Хи. От рассказов к роману: Рассказы И.А. Бунина 1920-х гг. и его роман «Жизнь Арсеньева» // Голоса молодых ученых. — М., 1999. — Вып. 5. — С. 62–71.

Чой Чжин Хи. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Проблема жанра: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — М., 1999. — 23 с.

2000

Альберт И.С. И.А. Бунин о творческой личности и мире творчества в романе «Жизнь Арсеньева» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. — Белгород, 2000. — Вып. 2. — С. 3–15.

Богданова О.Ю. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: XI класс // Литература в школе. — 2000. — № 7. — С. 22–26.

Бочаева Н.Г. Детство в провинции: (По роману И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Культура российской провинции: век XX – XXI веку: тезисы докладов всероссийской науч.-практ. конф. — Калуга, 2000. — С. 182–185.

Калинина Е.А. Особенности художественного языка романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» в сопоставлении с символистским романом // XX век: Проза. Поэзия. Критика. — М., 2000. — Вып. 3: Ф. Сологуб, А. Белый, И. Бунин, Ю. Трифонов. — С. 45–51.

Полторацкая С.В. Лейтмотив «потерянной» России в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. — Белгород, 2000. — Вып. 2. — С. 78–81.

Полупанова А.В. Доминантные черты авторского сознания в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М. Осоргина «Времена» // Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры: материалы науч. конф. — М., 2000. — С. 138–140.

Юрченко Л.Н. Поэтика мотивов Украины в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. — Белгород, 2000. — Вып. 2. — С. 95–100.

Юрченко Л.Н. Диалектика образа Украины в творчестве И.А. Бунина: Историко-культурный и структурно-поэтический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Елец, 2000. — 20 с.

2001

Аверин Б.В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминания // И.А. Бунин: Pro et contra. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 651–677.

Галыгин О.В. Один из аспектов воплощения темы смерти в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Молодая филология: сборник науч. тр. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3. — С. 123–129.

Иванова Д.М. Космические образы неба в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Русский роман XX века: духовный мир и поэтика жанра: сборник науч. тр. — Саратов, 2001. — С. 98–103.

Корсакова Л.Е. Импрессионистический тип личности в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. Языкоzнание. Лингводидактика. — Чебоксары, 2001. — № 3. — С. 30–34.

Ничипоров И.Б. Литературные реминисценции в художественном целом романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Русский роман XX века: духовный мир и поэтика жанра: сборник науч. тр. — Саратов, 2001. — С. 90–98.

Петинова Е.А. Биография души // Бунин И. Жизнь Арсеньева: Роман. — СПб., 2001. — С. 5–22.

Полупанова А.В. Автор и герой в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М. Осоргина «Времена» // Вестник Башкирского университета. — Уфа, 2001. — № 4. — С. 46–49.

Полупанова А.В. Особенности пространственно-временной организации в автобиографической прозе И. Бунина и М. Осоргина («Жизнь Арсеньева» — «Времена») // Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры: материалы II международной науч. конф. — М., 2001. — С. 163–168.

Полупанова А.В. Пейзаж как средство реализации авторской концепции в автобиографической прозе И. Бунина и М. Осоргина («Жизнь Арсеньева» — «Времена») // Проблемы филологии: сборник науч. тр. аспирантов, соискателей и молодых ученых: В 2 ч. — Уфа, 2001. — Ч. 2. — С. 89–94.

Смирнов В.А. Идея «золотого века» в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина (мистериальное начало) // Пастораль в театре и театральность пасторали. — М., 2001. — С. 149–156.

Смирнов В.А. «Жизнь Арсеньева» // Литература и фольклорная традиция, вопросы поэтики: архетипы «женского начала» в русской литературе XIX–начала XX вв. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Бунин: диссертация ... доктора филологических наук / В.А. Смирнов. — Иваново, 2001. — С. 229–247.

Смирнова А.И. Роман «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и русская автобиографическая проза // Русский роман XX века: духовный мир и поэтика жанра: сборник науч. тр. — Саратов, 2001. — С. 84–90.

Смоленцев А.И. Перечитывая «Жизнь Арсеньева»: 130 лет со дня рождения И. Бунина // Час России. — 2001. — № 1. — С. 105–110.

Смоленцев А.И. Иван Бунин. Гармония страдания: «Жизнь Арсеньева». Художественный мир. Пафос. Жанр — автобиография лирического героя. Инстинкт истины. Творческий космос / вступ. ст. Н. Переяслова; послесл. протоиерей Е. Шестун. — Самара, 2001. — 96 с.

Созина Е.К. Сознание и память в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина // Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850-х гг. и стратегия письма классического реализма: диссертация ... доктора филологических наук / Е.К. Созина. — Екатеринбург, 2001. — С. 449–472.

2002

Ковалеева Т.Н. Моделирующая функция начала романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: (опыт семиотического исследования художественного времени–пространства) // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. — 2002. — № 1. — С. 54–55.

Лебедева Т.А. Поэтика дворянской усадьбы в романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук / Т.А. Лебедева. — Череповец, 2002. — С. 27–103.

Ничипоров И.Б. Творчество И.А. Бунина и художественные принципы модернизма: диссертация ... кандидата филологических наук. — М., 2002. — 187 с.

Новикова Е.А. «Новый тип прозы» И.А. Бунина в интерпретации филологической науки (роман «Жизнь Арсеньева» и цикл «Темные аллеи») // Миро восприятие и философия автора и героев в художественном мире И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.А. Новикова. — Елец, 2002. — С. 127–185.

Погодина Е.В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе: (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — СПб., 2002. — 16 с.

Полупанова А.В. Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе И. Бунина и М. Осоргина: «Жизнь Арсеньева» — «Времена»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — М., 2002. — 24 с.

Сидорова Е.В. Сравнения в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в цикле рассказов «Темные аллеи» // Труды молодых ученых Воронежского гос. ун-та. — 2002. — №2. — С. 340–345.

2003

Аверин Б.В. Метафизика памяти («Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина) // Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б.В. Аверин. — СПб.: Амфора, 2003. — С. 176–230.

Астащенко О.А. Ритмические особенности романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Принципы художественной организации текста И.А. Бунина (поэзия и проза эмигрантского периода): диссертация ... кандидата филологических наук / О.А. Астащенко. — М., 2003. — С. 120–177.

Кулабухова М.А. Автобиографическое начало и художественный вымысел в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.А. Булгакова «Белая гвардия»: диссертация ... кандидата филологических наук. — Белгород, 2003. — 245 с.

Пашкова Е.В. Компаративные единицы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в цикле рассказов «Темные аллеи» // Компаративные единицы в когнитивном аспекте в произведениях Л.Н. Толстого и И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.В. Пашкова. — Воронеж, 2003. — С. 93–159.

Сидорова Е.В. Компаративные единицы, раскрывающие философские взгляды Л. Толстого и И. Бунина (на материале романов «Анна Каренина» и «Жизнь Арсеньева») // Культура общения и ее формирование. — М., 2003. — С. 13–14.

Сидорова С.Ю. Концепция творческой памяти в художественной культуре, Марсель Пруст, Владимир Набоков, Иван Бунин: диссертация ... кандидата культурологии. — М., 2003. — 212 с.

Циммерман С.С. Автобиографичность как элемент художественного мира И.А. Бунина. Вопросы типологии жанра, своеобразие композиции и хронотопа в романе «Жизнь Арсеньева» // Художественный мир прозы И.А. Бунина в сознании учащихся 11 класса: диссертация ... кандидата педагогических наук / С.С. Циммерман. — Самара, 2003. — С. 131–138.

2004

Богданова Т.В. Архетипическое содержание сна героя в finale романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Культура и текст. — 2004. — № 7. — С. 191–197.

Кириллина О.М. И. Бунин и В. Набоков: проблемы поэтики: «Жизнь Арсеньева» и «Другие берега»: диссертация ... кандидата филологических наук. — М., 2004. — 204 с.

Ковалева Т.Н. Художественное время—пространство романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: диссертация ... кандидата филологических наук. — Ставрополь, 2004. — 182 с.

Меренкова С.Б. Русский консерватизм И.А. Бунина («Слово о полку Игореве» и «Жизнь Арсеньева»: связь времен) // Философия хозяйства. — 2004. — № 4 (34). — С. 109–114.

Родионова Н.А. Особенности портретного «самоописания» повествователя в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. — Самара, 2004. — С. 203–209.

Сливицкая О.В. Большие формы // «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина / О.В. Сливицкая. — М.: РГГУ, 2004. — С. 211–237.

2005

Агаджанян Д.А. Тема формирования творческой личности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения. X Шешуковские чтения. — М., 2005. — С. 453–458.

Белозерцев Е.П. Автобиографический роман «Жизнь Арсеньева», рассказ «Бернар» И.А. Бунина: философско-образовательная интерпретация // Иван Бунин: философский дискурс: коллективная монография. — Елец, 2005. — С. 11–22.

Болдырева Е.М. Категория памяти в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2005. — № 8. — С. 49–53.

Кириченко М.В. Специфика романа в творчестве И.А. Бунина // Жанровая морфология прозы И.А. Бунина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / М.В. Кириченко. — М., 2005. — С. 19–20.

Пономарев Е.Р. Воскрешение России. Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве Бунина // И.А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи: межвузовский сборник науч. тр. — Воронеж, 2005. — С. 116–144.

Родугина И.А. Реальный факт и художественный вымысел в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (краеведческий аспект) // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения. X Шешуковские чтения. — Москва, 2005. — С. 542–545.

Снежко Е.В. Лирико-автобиографическое повествование в романе «Жизнь Арсеньева» // Поэтика мемуарного и автобиографического повествования в прозе И.А. Бунина эмигрантского периода: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.В. Снежко. — М., 2005. — С. 54–91.

2006

Альгазо Х. Процесс духовного возмужания: «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского Зарубежья: И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, А.И. Куприн: диссертация ... кандидата филологических наук / Х. Альгазо. — М., 2006. — С. 56–97.

Болдырева Е.М. «Искусство блуждания»: мемориальные диаграммы Ивана Бунина («Жизнь Арсеньева») и Вальтера Беньямина («Берлинская хроника») // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2006. — № 6. — С. 97–102.

Тема памяти рассматривается в контексте взаимодействия героя с пространством города. Доказывается связь концепции памяти и пространственной организации произведения.

Грицкевич Н.Н. Структурные и семантические функции сочинительных союзов и их конкретизаторов: на материале прозаических текстов И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук. — Ставрополь, 2006. — 213 с.

Захарова В.Т. «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина: особенности жанровой поэтики // Русское зарубежье: история и современность: сборник статей. — М., 2015. — С. 120–137.

Кулабухова М.А. Автобиографическое начало и художественный вымысел в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.А. Булгакова «Белая гвардия». — Белгород: Политехра, 2006. — 222 с.

Полторацкая С.В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И.А. Бунина и И.С. Шмелева: диссертация ... кандидата филологических наук. — Белгород, 2006. — 219 с.

2007

Белоусова Е.Г. «...Чувствовать, любить, ненавидеть...»: о поэтике «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина // Русская речь. — 2007. — № 1. — С. 30–37.

Белоусова Е.Г. «Разведение — сопряжение» — константы стилевой формы И. Бунина («...все мучает меня своей прелестью») // Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920–1930-х годов: диссертация ... доктора филологических наук / Е.Г. Белоусова. — Екатеринбург, 2007. — С. 30–87.

Болдырева Е.М. Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: диссертация ... доктора филологических наук. — Ярославль, 2007. — 496 с.

Ванюков А.И. «Жизнь Арсеньева. Юность» И.А. Бунина: «жизненный состав» и структура пятикнижия // Филологос. — 2007. — № 1/2. — С. 339–352.

Ливаненков Е.Е. Лексические средства организации повествовательной структуры романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2007. — № 2. — С. 111–113.

Пузырёва О.Г. Речевое сознание как способ выражения личности в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» // Русская литература за рубежом: сборник науч. тр. — М., 2007. — С. 151–166.

Смольянинова Е.Б. Роман «Жизнь Арсеньева» — элементы буддийской философии в осмыслении человеческой жизни // Буддийский Восток в творчестве И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.Б. Смольянинова. — СПб., 2007. — С. 242–254.

Болдырева Е.М. Изучение романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» на уроках литературы в классах гуманитарного профиля // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы. — Ярославль, 2008. — С. 72–75.

Курбатова Ю.В. Хронотопическая организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К.Г. Паустовского // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 4. — С. 83–86.

Лау Н.В. Образ отца в прозе И. Шмелева («Лето Господне») и И. Бунина («Жизнь Арсеньева») // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2008. — № 18. — С. 99–102.

Молчанова Н.А. «Детскость» мировосприятия в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и К.Д. Бальмонта «Под новым серпом» // Метафизика И.А. Бунина. — Воронеж, 2008. — С. 149–161.

2009

Болдырева Е.М. Между жизнью и творчеством: своеобразие автобиографического письма в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и модернистских автобиографиях первой половины XX века // Ярославский педагогический вестник. — 2009. — № 4 (61). — С. 227–230.

Горницкая Л.И. Поэтика импрессионизма в «Жизни Арсеньева» Бунина и «Вечере у Клэр» Газданова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2009. — № 11. — С. 302–303.

Круглова А.А. Творчество И. Бунина и «Темные аллеи»: поэтика взгляда // «Темные аллеи» И. Бунина в контексте его творчества эмигрантского периода.

да: феноменология жанра и стиля: диссертация ... кандидата филологических наук / А.А. Круглова. — Шуя, 2009. — С. 108–154.

Курбатова Ю.В. Художник и время в автобиографической прозе И.А. Бунина («Жизнь Арсеньева») и К.Г. Паустовского («Повесть о жизни»): диссертация ... кандидата филологических наук. — М., 2009. — 223 с.

Ляйрих Е.Б. Культурное пространство России XIX столетия в автобиографических романах «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и «Лето Господне» И.С. Шмелёва // Вестник Томского гос. ун-та. — 2009. — № 329. — С. 16–18.

Млечко А.В. «Жизнь Арсеньева» и «усадебный миф» И. Бунина на пространстве русского текста «Современных записок» // Мифосимволическая структура художественного дискурса журнала «Современные записки» (1920–1940): диссертация ... доктора филологических наук / А.В. Млечко. — Волгоград, 2009. — С. 130–177.

Толмачёв В.М. Бунин. Поэт империи // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2009. — № 4 (18). — С. 56–59.

Биография и творчество писателя рассматриваются в контексте империализма XIX–XX веков. Выявляются черты Бунина и Арсеньева, которые характеризуют их как людей Империи.

Хайнази З. Чувственное искушение слов. Бунин. «Жизнь Арсеньева. Юность» // Вопросы литературы. — 2009. — № 1. — С. 253–270.

Исследователь считает, что Бунин действует на читателя посредством передачи процесса восприятия через органы чувств. Такой подход включает читателя через психологию в область философии.

Черкашина Е.Л. Образ детства в цикле рассказов «Темные аллеи» и романе «Жизнь Арсеньева» // Образ детства в творческом наследии И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.Л. Черкашина. — М., 2009. — С. 93–121.

Шитакова Н.И. И. Бунин и Г. Газданов: творческие связи // Ученые записки Орловского гос. ун-та. — 2009. — № 3. — С. 151–158.

Проведены параллели между творческими методами авторов, указано на сходства между биографиями писателей. В частности, исследуется автобиографический дискурс авторов на примере «Жизни Арсеньева» у Бунина.

2010

Ляйрих Е.Б. Образное пространство русской провинции в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Альманах современной науки и образования. — 2010. — № 1. — С. 103–106.

Переверзева Н.А. Миросимволический контекст романа Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. — 2010. — № 3. — С. 14–22.

Пузырёва О.Г. Языковое бытие человека в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Русская литература за рубежом. — М., 2010. — С. 96–107.

Рябова С.Г. Феноменология страсти и страстности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: диссертация ... кандидата филологических наук. — Иркутск, 2010. — 219 с.

2011

Анисимов К.В. Бунинские оценки современников и современности в исторической ретроспективе: о художественных механизмах антиутопического сознания // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. — М.: Флинта, 2011. — С. 165–204.

Указывается на особенности исторического и религиозного мышления Бунина в контексте романа «Жизнь Арсеньева».

Белоусова Е.Г. Мотив тайны в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева»: к вопросу о внутренней активности стиля // Вестник Челябинского гос. ун-та. — 2011. — № 25. — С. 28–31.

Болдырева Е.М. Пространство города — пространство памяти: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина и «Берлинская хроника» В. Беньямина // Человек в информационном пространстве. — 2011. — С. 146–149.

Листрова-Правда Ю.Т. Собственные имена (топонимы) в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» («русскость» писателя) // Язык и национальное сознание: межвузовский науч. сб. — М., 2011. — Вып. 16. — С. 53–59.

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: И.А. Бунин и В.Г. Короленко // Метафизика И.А. Бунина: межвузовский сб. науч. тр. — Воронеж, 2011. — С. 16–32.

Пустовойтова О.В. Эстетизация повседневности в произведениях И.А. Бунина 1930–1940-х гг. // Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: диссертация ... кандидата филологических наук / О.В. Пустовойтова. — Магнитогорск, 2011. — С. 91–150.

Свиридова Т.М. Функционирование восклицательных предложений в художественном пространстве текста И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И.А. Бунин и XXI век: материалы международной науч. конф., посвящённой 140-летию со дня рождения писателя, 21–23 окт. 2010 г. — Елец, 2011. — С. 309–318.

Соустова О.А. Особенности ономастического пространства романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Воронежское лингвокраеведение: межвузовский сб. науч. тр. — Воронеж, 2011. — Вып. 2. — С. 310–316.

Юрченко Л.Н. Образ Ельца в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Литературное краеведение Липецкой области. — Елец, 2011. — С. 16–22.

2012

Болдырева Е.М. «Генетическое досье» романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: формирование автобиографической поэтики в мемориальном авантексте // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 2. — С. 226–229.

Болдырева Е.М. Трансформация автобиографического инварианта и автобиографическая авторефлексия в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Культура. Литература. Язык. — Ярославль, 2012. — С. 150–159.

Булгакова С.Ю. Особенности перевода интертекстуальных включений (на материале переводов романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Труды молодых ученых Воронежского гос. ун-та. — 2012. — № 1/2. — С. 90–94.

Галлямова Т.А. Образ русского поля в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. — 2012. — № 1. — С. 120–125.

Жаплова Т.М. Усадебное пространство и время в эпическом и лирическом контексте творчества И.А. Бунина // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. — 2012. — № 4 (4). — С. 43–56.

Проведен сравнительный анализ стихотворений И. Бунина и «Жизни Арсеньева». Выявлены специфические способы описания усадебного быта.

Кудряшова А.А. Особенности стиля И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Филологos. — 2012. — № 4 (15). — С. 35–40.

Смоленцев А.И. «Землячество» как «контекст понимания» в творчестве Ивана Бунина // Вестник Тамбовского университета. — 2012. — № 7 (111). — С. 57–61.

Основой исследования стали автобиографические заметки, текст романа, критические статьи. Выдвинут тезис о том, что дефиниция через географическую локацию равна культурному коду человека.

Смоленцев А.И. Замысел «Воскресить чей-то далекий юный образ...» (стихотворение И.А. Бунина «1885 год» и роман «Жизнь Арсеньева») // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. — 2012. — № 2/3. — С. 776–783.

Смоленцев А.И. Мир бога в художественном мире И.А. Бунина (роман «Жизнь Арсеньева») // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. — 2012. — № 1/2. — С. 111–115.

Смоленцев А.И. Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: «контексты понимания» и символика образов: диссертация ... кандидата филологических наук. — Воронеж, 2012. — 223 с.

2013

Болдырева Е.М. «Les sygnes de la memoïge» как конкретно-образные эквиваленты архитектоники автобиографического дискурса (И. Бунин «Жизнь Арсеньева») // *Русское слово*. — Ульяновск, 2013. — С. 119–124.

Болдырева Е.М. Литературоведческое исследование феномена автобиографического метатекста: проблемно-методологические аспекты (на примере романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // *Настоящее как сюжет*. — Тверь, 2013. — С. 294–299.

Болдырева Е.М. Феноменология времени — феноменология памяти: нарративная и темпоральная модель в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Культура. Литература. Язык*. — Ярославль, 2013. — С. 101–110.

Галлямова Т.А. Образ русской усадьбы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы теории и истории литературы*. — Киров, 2013. — С. 104–108.

Гаршина Е.А. Концепт «сад» как доминанта лексико-семантической группы «лес, парк, роща, огород», репрезентирующей пространство в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Мир науки, культуры, образования*. — 2013. — № 5 (42). — С. 329–332.

Гаршина Е.А. Концептуализация пространства и времени в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: на материале лексики с ценностным компонентом: диссертация ... кандидата филологических наук. — Липецк, 2013. — 180 с.

Гаршина Е.А. Лексико-семантическая группа «сад, лес, парк, роща, огород» как вербализатор пространства в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Вестник Липецкого гос. пед. ун-та*. — 2013. — № 1 (8). — С. 79–84.

Гаршина Е.А. Память как ведущая аксиологема романа-воспоминания «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // *Мир науки, культуры, образования*. — 2013. — № 4 (41). — С. 72–76.

Капинос Е.В. Вариации на темы романа: «Поздний час» vs «Жизнь Арсеньева» // *Филологос*. — 2013. — № 3 (18). — С. 56–61.

Ставится текстологическая проблема предтекста романа. Между рассказом и романом отмечается сюжетное сходство и вариация одних мотивов.

Романова Г.Р. Становление сознания героя-ребенка в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Филологическая наука в условиях диверсификации образования*. — 2013. — № 1. — С. 79–92.

Тагавердиева З.Р. Библейские мотивы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Вестник Дагестанского гос. ун-та*. — 2013. — № 3. — С. 18–21.

2014

Атаманова Е.Т. Поэзия Е.А. Боратынского в восприятии И.А. Бунина-художника // Диалог пространства и культуры в национальном самосознании: материалы всероссийской науч. конф. — Елец, 2014. — С. 3–8.

Интертекстуальное исследование включений текстов Е.А. Боратынского в роман «Жизнь Арсеньева».

Борисова Н.В. Феномен поэтического дара в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 3–7.

Галлямова Т.А. «Глухая Русь» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2014. — № 1. — С. 155–161.

Грунина Л.П. Лексическая объективация концепта жизнь в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Инновационная наука и современное общество: сборник статей международной науч.-практ. конф. — Уфа, 2014. — С. 55–59.

Димяненко А.А. Творчество В.Н. Буниной и жанр автобиографии в культуре русской эмиграции: «Беседы с памятью» и «Жизнь Арсеньева» // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. — 2014. — № 4 (21). — С. 170–172.

Дронова О.В. Религиозные концепты как средство понимания русской ментальности иностранными студентами (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Билингвальное (полилингвальное) образование и межкультурная коммуникация в XXI веке. — 2014. — С. 218–222.

Капинос Е.В. Динамика и статика лирического текста (на примере VI главы пятой книги романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 4. — С. 34–41.

Капинос Е.В. Притяжение рассказа и романа (И.А. Бунин 1920-х годов) // Культура и текст. — 2014. — № 2 (17). — С. 107–138.

Сюжеты, которые И. Бунин использовал в романе «Жизнь Арсеньева», содержатся в более ранних рассказах. Исследователь указывает на эволюцию замысла.

Ливанова Р.Ю. Становление сознания героя в книгах И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и В. Набокова «Другие берега» // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира. — 2014. — № 2. — С. 103–107.

Логвиненко С.В. Эрос и танатос в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 17–21.

Подоксенов А.М. Иван Бунин: мотивы буддизма в романе «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 29–38.

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину: часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. — 2014. — № 4 (21). — С. 152–165.

Свиридова Т.М. Рефлексивные вопросы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 243–254.

Смирнов В.А. Принцип космологизации личности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвящ. 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 38–48.

Тагавердиева З.Р. Мотив смерти в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Актуальные вопросы и тенденции развития в современной науке. — Махачкала, 2014. — С. 184–195.

Трубицына Н.А., Жигулина Е.А. Музыка в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы всероссийской науч. конф., посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю / отв. ред. Е.Т. Атаманова. — Елец, 2014. — С. 176–180.

Урюпин И.С. Ветхозаветный текст в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И.А. Бунина. — Воронеж, 2014. — С. 34–39.

Чумакова Т.В. Синтаксические средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12–1 (42). — С. 199–201.

Яровая Т.Ю. Русская литература в зеркале антропонимии романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Актуальные проблемы современного языкоznания и методики преподавания языка. — Елец, 2014. — С. 105–112.

2015

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и цензура // Цензура в России: история и современность. — СПб., 2015. — Вып. 7. — С. 263–271.

Указывается на советскую цензуру, которая задерживала выход полного текста романа.

Белевцова Т.Б. Роль звука в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологический аспект. — 2015. — № 3. — С. 2.

Белоусова Е.Г. О мотиве «многолюдства» и стилевом своеобразии русской прозы рубежа 1920–1930-х годов (на материале романов «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького и «Счастливая Москва» А. Платонова) // Литература в контексте современности: жанровые трансформации в литературе и фольклоре. — Челябинск, 2015. — С. 80–84.

Болдырева Е.М. Стратегия дискретного воспоминания в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 2. — С. 24–30.

Большев А.О. Исповедь и грэза в любовной истории у И. Бунина // Научные труды Sworld. — 2015. — № 1 (38). — С. 78–85.

Поднимается тема любви в романе. Сон Арсеньева анализируется с позиции психологии архетипов.

Галлямова Т.А. Русь как «интертекст» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Тюменского гос. ун-та. — 2015. — № 1. — С. 109–115.

Гехтляр С.Я. Категории текста как репрезентанты содержательной структуры концепта «дворянская усадьба» (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы. — Орел, 2015. — С. 119–124.

Дмитриевская Л.Н. Фотография и смерть в творчестве И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 291–300.

Фотографией называется любое видение героем самого себя. Через восприятие собственного отражения герой, как считает исследователь, постигает смерть.

Дубова М.А., Ермачихина В.А. Концепция истории И.А. Бунина: к вопросу о способах создания исторического времени в романе «Жизнь Арсеньева» // Философия и методология истории: сб. науч. ст. — Коломна, 2015. — С. 265–273.

Дубова М.А. История взросления героя: к вопросу постижения пространственно-временных границ мира в первой книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Российской ун-та дружбы народов. — 2015. — № 4. — С. 50–58.

Есаулов И.А. Россия Бунина: миф, модель, реальность // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник науч. тр. — Елец, 2015. — С. 12–16.

Исследование репрезентации образа России на примере романа «Жизнь Арсеньева».

Захарова В.Т. Импрессионизм в поэтике романа Ив. Бунина «Жизнь Арсеньева» (проблема хроноса) // Грехнёвские чтения. — Нижний Новгород, 2006. — С. 126–129.

Зеленцова С.В. Импрессионизм в прозе: «В поисках утраченного времени» М. Пруста и «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Ученые записки Орловского гос. ун-та. — 2015. — № 5 (68). — С. 117–119.

Зеленцова С.В. Особенности изображения мира природы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы. — Орел, 2015. — С. 30–33.

Казарина В.И. К вопросу о проблематической модальности достоверности в русском языке (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Вестник Томского гос. ун-та. — 2015. — № 6 (38). — С. 19–28.

Казарина В.И. Модальность необходимости — одно из условий потенциальности «возможных миров» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 385–394.

Калинина Е.А. «Фотографический опыт» писателя в художественном тексте: фотография как один из ключей к прочтению «Жизни Арсеньева» И. Бунина // *Studia culturae*. — 2015. — № 24. — С. 120–131.

Капинос Е.В. Уездный и губернский город в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Новосибирского гос. ун-та. — 2015. — № 9. — С. 256–260.

Колупанова Т.Ю. «Россия богаче, праведней и славней всех стран в мире» (концепты «Россия», «Русский» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 397–403.

Крамарь О.К. «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и «Тяпкатань» Т.В. Чурилина: к вопросу о разных типах авторской модальности // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 94–99.

Кудряшова А.А. Автобиографический стиль И.А. Бунина: поэтика первичного и завершающего событий // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 317–324.

Указывается на цикличность фабулы романа «Жизнь Арсеньева».

Мартirosян К.Г. Синтетизм в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Московского ун-та. — 2015. — № 6. — С. 179–188.

Марченко Т.В. Поэтика совершенства. — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. — 205 с.

Орлова А.П. Полтавские впечатления в образном отражении Ивана Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 190–197.

Исследование украинских образов, в частности — на примере романа «Жизнь Арсеньева».

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину: часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — № 1 (22). — С. 143–150.

Свиридова Т.М. Риторические высказывания в романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. — Елец, 2015. — С. 442–454.

Урюпин И.С. Об одном «бibleйском» племени в художественном сознании М. Горького и И.А. Бунина // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 1/2 (61). — С. 189–192.

Исследование касается упоминания племени амаликитян. Указывается на дополнительные смыслы, которые могли иметь в виду авторы.

2016

Гаршина Е.А. Пространство разоренного «родового гнезда» и его центральные составляющие «усадьба» и «сад» в произведении И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Слово. Словесность. Словесник. — 2016. — С. 20–23.

Дубова М.А. Детство как период духовно-нравственного становления личности: формирование нравственных основ мировоззрения героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Педагогическое образование и наука. — 2016. — № 1. — С. 29–31.

Дубова М.А., Ермачихина В.А. Концепт «время» и его роль в создании хронотопа романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX–XX вв.: сб. статей. — Коломна, 2016. — Вып. 2. — С. 50–55.

Дубова М.А., Ермачихина В.А. Концепт «историческое время» как способ раскрытия нравственных основ характера героя (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX–XX вв.: сб. статей. — Коломна, 2016. — Вып. 2. — С. 60–67.

Ермачихина В.А. Концепт «время» и способы его создания в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Экология языка. — Пенза, 2016. — С. 89–94.

Жаплова Т.М. И.А. Бунин: лирико-эпический контекст творчества. — Оренбург, 2016. — 149 с.

Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 361–383.

Курочкина А.В. Концепция русского национального характера в творчестве И. Бунина и Б. Зайцева (на примере романов «Жизнь Арсеньева» и «Путешествие Глеба») // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура: материалы всероссийской науч. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения писателя (20–22 апр. 2016 г.). — Орел, 2016. — С. 77–81.

Смирнов В.А. Проблема космизации личности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Костромского гос. ун-та. — 2016. — № 2. — С. 134–139.

Анализируется женский образ романа и его взаимосвязь с романтизмом и символизмом. Предлагается увидеть в образе Лики Прекрасную Даму, которой служит Арсеньев.

Чумакова Т.В. Синтаксические конструкции с оценочной семантикой И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. статей. — Нижний Новгород, 2016. — С. 195–199.

Чэнь Д. Любовь в романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина // Культура. Духовность. Общество. — 2016. — № 22. — С. 69–67.

Представлен обзор китайской литературы о романе «Жизнь Арсеньева». Особое внимание уделяется теме любви в романе.

Щербакова М.В. Концепт «память» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. — Чебоксары, 2016. — С. 279–283.

Яровая Т.Ю. Роль литературы в процессе становления личности главного героя романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (на примере ономастикона) // Русское слово: сб. науч. тр. памяти проф. Е.И. Никитиной / отв. ред. Е.В. Баканова. — Ульяновск, 2016. — С. 67–74.

2017

Белозерова М.Е. Образы родителей в автобиографических повестях И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Вестник магистратуры. — 2017. — № 11–2 (74). — С. 23–25.

Гайдарова К.Э. Память и воспоминание в романе «Жизнь Арсеньева» // Успехи современной науки и образования. — 2017. — № 4. — С. 92–94.

Двинятина Т.М. Нобелевский год И.А. Бунина: (по материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. — 2017. — Т. 4. — С. 143–161.

Материалы дневников могут стать дополнительными источниками при текстологической работе над романом «Жизнь Арсеньева».

Дубова М.А. Тема детства в автобиографическом романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы. — Коломна, 2017. — С. 43–48.

Жулькова К.А. Религиозный экфрасис в феноменологической прозе И.А. Бунина и И.С. Шмелева // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы международной заочной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Никульцева. — М., 2017. — С. 258–264.

Представлен анализ образов икон в романе «Жизнь Арсеньева».

Зинковская С.В. Взаимодействие прекрасного и трагического в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Приволжский научный вестник. — 2017. — № 3 (67). — С. 56–58.

Зинковская С.В. Религия и вера как основа трагического мироощущения героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Перспективы и технологии развития гуманитарных наук: сб. науч. тр. — Нижний Новгород, 2017. — Вып. 2. — С. 11–12.

Климова Г.П. Россия Бунина: Елецкий уезд в жизни и творчестве писателя // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 4 (21). — С. 102–104.

Поднимается проблема географических прототипов.

Ковалева Т.Н. Путь по воле Бога в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Т. 15. — № 2. — С. 127–140.

Ковалева Т.Н. Роль цитат из произведений русской литературы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Университетские чтения – 2017: материалы научно-методических чтений. — Пятигорск, 2017. — Ч. 6. — С. 26–30.

Ливанова Р.Ю. Становление сознания героя-ребёнка в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Grand Altai research & education. — 2017. — № 1. — С. 105–113.

Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям». Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 228–238.

Щавлинский М.С. Лейтмотивы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Молодежный вестник Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. — 2017. — № 2 (8). — С. 184–186.

2018

Богатырева Ж.В. Орнаментальность образных средств и элементы сказочности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 4 (71). — С. 407–408.

Долинин А.А. Еще раз о зачине «Жизни Арсеньева» // Русская литература. — 2018. — № 2. — С. 272–273.

Освещается текстологическая проблема комментирования цитат в романе. Приводится новая версия комментария первой фразы романа, противоречащая раннему варианту А. Блюма (см. Блюм А.В., 1987).

Дударева М.А. Фольклорная эйдология в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: моральный подтекст // Ученые записки Худжанского гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. — 2018. — № 1 (54). — С. 74–79.

Казарина В.И. Субмодус «истинная уверенность»: разновидности и способ выражения в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 18–25.

Ковыришина О.А. Роль колоративной лексики в изображении природного пространства (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Вторые Щеулинские чтения: материалы всероссийской науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В.В. Щеулина. — Липецк, 2018. — С. 59–63.

Кондратенко А.И. Губернский Орел — город юности И.А. Бунина, хронотоп его автобиографической прозы // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской науч. конф. / отв. ред. И.М. Курносова. — Елец, 2018. — С. 113–119.

Проводится сравнение между реальной географией в жизни Бунина и географией романа «Жизнь Арсеньева».

Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей»: растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 2 (150). — С. 186–203.

На уровне сюжетов, поэтики и текстологии проводятся параллели между произведениями, в частности, с романом «Жизнь Арсеньева».

Сотникова Е.А. Семантические особенности религиозной лексики в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вопросы филологии в современных исследованиях: международный сб. науч. тр., посвящ. памяти елецких языковедов / отв. ред. Т.М. Свиридова. — Елец, 2018. — С. 144–149.

Фокина М.А. Фразеологические средства коммуникативной организации романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник науч. статей к юбилею проф. А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. — Кострома, 2018. — С. 314–322.

**БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ УЧАСТНИКОВ
БУНИНСКОЙ ГРУППЫ
(1993–2019 гг.)**

СОСТАВИТЕЛИ О.А. КОРОСТЕЛЕВ, С.Н. МОРОЗОВ

1990-е годы открыли новый этап в буниноведении. Именно в это время начинают публиковаться запрещенные ранее тексты И.А. Бунина, снимаются цензурные купюры, начинается публикация неизвестных текстов писателя, его переписки. В течение 1990-х — 2000-х годов постепенно сформировалась научная группа исследователей, занимающихся изучением жизни и творчества И.А. Бунина, публикацией и комментированием его текстов и переписки. В эту группу входят: О.А. Коростелев и С.Н. Морозов (ИМЛИ РАН), Р.Д. Дэвис (Русский архив в Лидсе, Великобритания), Т.М. Двинятина (ИРЛИ РАН), Е.Р. Пономарев (СПбГУКИ), А.В. Бакунцев (МГУ). Все члены Бунинской группы участвуют в работе над исследовательским проектом «Академический Бунин» под руководством директора ИМЛИ РАН В.В. Полонского (грант РНФ). Все они также являются авторами нового Бунинского тома серии «Литературное наследство» (т. 110 в четырех книгах). Настоящая библиография подводит итоги работы членов группы за 25 лет.

40 лет назад скончался Иван Бунин / А 60 лет назад он стал нобелевским лауреатом / Публ. О.А. Коростелева // Независимая газета. — 1993. — 9 ноября. — № 214 (638). — С. 7. — Предисловие и первопубликация четырех писем И. Бунина к М. Алданову 1933 г. из фондов ГАРФ.

Морозов С.Н. Повторение пройденного // Вопросы литературы. — 1993. — № 6. — С. 350–355. — Рец. на кн.: Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество: Книга для учителя. — М., 1991.

Двинятина Т.М. Новеллистическая композиция и «драматическая» деталь у Бунина и Ахматовой: (К сопоставлению поэтических систем И. Бунина и акмеизма) // Судьбы отечественной словесности XI–XX веков: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов, 20–21 апреля 1994. — СПб., 1994. — С. 34–35.

Иванов Ю.Н., Морозов С.Н. Дарственные надписи на книгах из парижской библиотеки И.А. Бунина // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. — М.: Наследие, 1994. — Кн. 2. — С. 237–243.

Морозов С.Н. Жизнь и творчество И.А. Бунина // Бунин И.А. Несрочная весна: Стихотворения. Избранная проза / Сост. С.Н. Морозов. — М.: Школа-пресс, 1994. — С. 5–22.

Пономарев Е.Р. Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. — 1995. — № 4. — С. 168–171.

Морозов С.Н. О Бунине // Россияне. — 1995. — № 9/10. — С. 7–15.

Двинятина Т.М. Координаты поэтического мира И. Бунина: между Тютчевым и Чеховым // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. — Воронеж, 1995. — С. 37–40.

Морозов С.Н. И.А. Бунин — литературный критик // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. — М.: Наследие, 1995. — С. 72–78.

Двинятина Т.М. Научная конференция «Творчество И.А. Бунина и традиции мировой литературы» <хроника> // Русская литература. — 1996. — № 2. — С. 235–239.

Двинятина Т.М. Специфика прозаического в поэзии Бунина // Русская литература. — 1996. — № 3. — С. 197–205.

Двинятина Т.М. О книге Ю. Мальцева «Иван Бунин» // Русская литература. — 1997. — № 2. — С. 245–254.

Двинятина Т.М., Двинягин Ф.Н. К изучению интертекстуальных связей поэзии И. Бунина 1910-х годов // Филологические записки. — Воронеж, 1997. — Вып. 8. — С. 83–92.

Двинятина Т.М. Заметки о поэзии Бунина начала 1920-х годов // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: Материалы междунар. семинара. — Тарту, 1997. — С. 87–98.

Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. — 1998. — № 1. — С. 109–119.

«...Наша культура, отраженная в капле...» / Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. — СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. — Вып. 24. — С. 123–165.

Пономарев Е.Р. Тематика и композиция «Освобождения Толстого» И.А. Бунина // От Ивана Грозного до Бориса Пастернака: Статьи о русской литературе. — СПб., 1998. — Вып. 2. — С. 172–184.

Морозов С.Н. Комментарии к 42 текстам публицистических статей И. Бунина за 1918–1923 гг. // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. — М.: Наследие, 1998. — С. 470–534.

И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова / Предисл. и публ. С.Н. Морозова // Российский литературоведческий журнал. — 1999. — № 12. — С. 160–167.

Морозов С.Н. Письма И.А. Бунина и его корреспондентов. Библиография. 1896–1997 годы // Российский литературоведческий журнал. — 1999. — № 12. — С. 197–213.

Морозов С.Н. Н.А. Тэффи и И.А. Бунин: К истории творческих отношений // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. — М.: Наследие, 1999. — С. 280–286.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем. Автограферат дис. ... канд. филол. наук / Российская Академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — СПб., 1999. — 25 с.

«Он был очень страстный человек»: Неизвестные письма И.А. Бунина / Предисл. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и comment. С.Н. Морозова // Родная Кубань. — 2000. — № 4. — С. 90–107.

Морозов С.Н. Художник слова // Бунин И.А. Поэзия. Рассказы. — М.: Синергия, Московские учебники, 2000. — С. 5–22.

«А Париж Вам может быть полезен всячески...»: Письма Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных к Ивану Сергеевичу и Ольге Александровне Шмелевым / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.Н. Морозова // Москва. — 2001. — № 3. — С. 175–195.

«Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. статья С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; Подгот. текста и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. — 2001. — № 57. — С. 79–92.

Морозов С.Н. История одного автографа И.А. Бунина // Наше наследие. — 2001. — № 57. — С. 93.

Морозов С.Н. Мастерство классика // Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Рассказы. — М.: Синергия, Московские учебники, 2001. — С. 5–36.

Пономарев Е.Р. И.А. Бунин. Освобождение Толстого (Фрагмент, исключенный цензурой в советских изданиях) (подготовка текста, комментарий) // И.А. Бунин. Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — СПб., 2001. — С. 14–16, 770–771.

Двинятина Т.М. Поэзия Ивана Бунина и акмеизм: Заметки к теме // И.А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 518–543.

И.А. Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / Сост. Т.М. Двинятина, А.Я. Лапидус // И.А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 847–1011.

Коростелев О.А. И восемьсот страниц в нагрузку // Каталог. 2001. 7 августа. http://www.litcatalog.al.ru/books/bunin_proetcontra.html — То же без названия и с сокращениями: Новое литературное обозрение. — 2002. — № 54 (2). —

С. 381–382. — Рец. на кн.: И.А. Бунин: *pro et contra* / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, comment. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинягиной, А.Я. Лапидус. СПб.: РХГИ, 2001.

Двинягина Т.М. Каталог Бунинской коллекции // Русская литература. — 2002. — № 1. — С. 255–257. — Рец. на кн.: Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.

Морозов С.Н. Как фамилия Бунина стала псевдонимом Алданова: История одной литературно-критической мистификации // Библиофил. Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия. — М., 2002. — № 1 (6). — С. 200–203.

Морозов С.Н. И.А. Бунин — литературный критик: Автограферат дис. ... канд. филол. наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. — М., 2002. — 24 с.

Двинягина Т.М. «Криптографические» стихотворения И. Бунина // И.А. Бунин в диалоге эпох: Межвуз. сб. науч. трудов. — Воронеж, 2002. — С. 37–48.

Пономарев Е.Р. Дискурсивные сплетения в «Освобождении Толстого» // И.А. Бунин в диалоге эпох. — Воронеж, 2002. — С. 81–101.

Морозов С.Н. Комментарии к 479 письмам И. Бунина // Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Письма И.А. Бунина к М.Н. Семенову 1950–1951 гг. / Предисл., публ. и comment. Л.Г. Голубевой и С.Н. Морозова // Москва. — 2004. — № 2. — С. 217–222.

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. — М.: Русский путь, 2004. — 584 с., ил.

Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публикация Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. — М., 2004. — Вып. I. — С. 8–164.

Письма И.А. Бунина к С.А. Циону (1940–1947) / Публикация Жоржа Шерона. Подготовка текста Александра Тюрина и Ричарда Дэвиса. Комментарии Олега Коростелева и Магнуса Юнггрена // И.А. Бунин: Новые материалы. — М., 2004. — Вып. I. — С. 285–316. — То же под названием: Иван Бунин: «Не до любви теперь людям» // Дружба народов. — 2005. — № 1. — С. 200–220.

Двинягина Т.М. Модернисты против академика: «Избранные стихи» И. Бунина в критике русской diáspory // Русская литература. — 2005. — № 1. — С. 53–66.

Морозов С.Н. [Рец. на кн.: Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004] // У книжной полки. — 2005. — № 1. — С. 70–71.

Двинятина Т.М. Сюжеты памяти в русской литературе (Андрей Белый, Вяч. Иванов, И.А. Бунин, В.В. Набоков) // Русская литература. — 2005. — № 2. — С. 227–231. — Рец. на кн.: Аверин Б.В. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

Коростелев О.А. Новые материалы — новый взгляд <о планах сборника «И.А. Бунин: Новые материалы» // Талисман: Еженедельник «Липецкой газеты» для Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. — 2005. — 7 октября. — № 16–17 (471–472). — С. 7.

Пономарев Е.Р. Русский фон «Темных аллей» И.А. Бунина // Вестник СПбГУКИ. Научный журнал. — СПб., 2005. — № 1 (3). Декабрь. — С. 78–85.

Пономарев Е.Р. Что такое толстовство? К вопросу о толстовстве И.А. Бунина // Литературные чтения. Сборник статей. — СПб., 2005. — С. 45–61. — (Труды СПбГУКИ. Том 166).

Пономарев Е.Р. Воскрешение России. Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве Бунина // И.А. Бунин в начале XXI века: Материалы и статьи: Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж, 2005. — С. 116–144.

Двинятина Т.М. «<...> в качестве поэта русской природы»: Еще раз к вопросу о литературной репутации И.А. Бунина // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2005): Сб. науч. трудов. — СПб., 2005. — С. 155–169.

Двинятина Т.М. Translatio mundi: Oriental Realia in the Poetry of Ivan Bunin // ICCEES VII World Congress: Europa — Our Common Home? Abstracts. July 25–30. — Berlin, 2005. — Р. 107.

Пономарев Е.Р. Беспардонное буниноведение // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 86. — С. 425–426. — Рец. на кн.: Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного: Дневники, Письма. М., 2006.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Проблемы текстологии. I // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. — М., 2007. — С. 359–381.

Морозов С.Н. Комментарии к 725 письмам И. Бунина // Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и comment. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2007.

Набоков защищает Бунина: Открытое письмо генеральному директору Российского авторского общества С.С. Федотову // Новая газета. — 2008. — 17–20 апреля. — № 27 (1345). — С. 20. — Коллективное письмо подписали: Б.Б. Вайль, Р.Д. Дэвис, В.А. Келдыш, О.А. Коростелев, Дж. Малмстад, В.А. Москвин, Д.В. Набоков, Д. Риникер, В.А. Рогов, А. Тюрин, Ж. Шерон, М.Д. Шраер, М. Юнггрен. — <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/27/27.html>

Двинятина Т.М. «Мир Ивана Бунина»: Идеальная проекция // Русская литература. — 2008. — № 2. — С. 216–223. — Рец. на кн.: Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004.

Двинятина Т.М. Заметки о поздней лирике И. Бунина // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы). Взгляд из XXI века / Под ред. Л.А. Иезуитовой, С.Д. Титаренко. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — С. 159–168.

Бакунцев А.В. «Сердечный привет от всей редакции...» И.А. Бунин и рижская газета «Сегодня»: переписка (1927–1936) // Филологические науки. — 2009. — № 3. — С. 55–66.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и рижская газета «Сегодня» в 1921–1933 гг. // Медиаскоп. — 2009. — Вып. 2. — 27 апр. — <http://www.mediascope.ru/node/351/0420900082/0032>

Бакунцев А.В. «Почему я вообще мало печатаюсь у Вас?...» К истории сотрудничества И.А. Бунина в рижской газете «Сегодня» (1921–1933) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2009. — № 3. — С. 145–155.

Бакунцев А.В. Триумфатор и прагматики. К истории взаимоотношений И.А. Бунина с рижской газетой «Сегодня» (1933–1938) // Медиаскоп. — 2009. — Вып. 3. — 14 июля / <http://www.mediascope.ru/node/403/0420900085/0054>

Бакунцев А.В. Переписка И.А. Бунина с редакцией рижской газеты «Сегодня» (1927–1936) // Медиаскоп. — 2009. — Вып. 3. — 25 сент. — www.mediascope.ru/node/438/0420900085/0039

Бакунцев А.В. «Такие факты не забываются и не проходят бесследно...» И.А. Бунин и рижская газета «Сегодня» в 1933–1938 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2009. — № 5. — С. 212–224.

Бакунцев А.В. «Памяти А.Ф. Кони»: неизвестная статья И.А. Бунина // Медиаскоп. — 2009. — Вып. 4. — 27 дек. — www.mediascope.ru/node/497/0420900082/0059

Бакунцев А. И.А. Бунин и газета «Сегодня»: переписка 1927–1936 годов // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2009. — № 257. — С. 207–218.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и русская пресса Прибалтики в 1920–1930-е гг. // Журналистика в 2008 году: Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: Сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции. — М.: Ф-т журн. МГУ, 2009. — С. 338–339.

Bakuntsev A.V. Ivan Bunin and the Riga Newspaper «Segodnya» in 1921–1933 // World of Media: Yearbook of Russian Media and Journalism Studies, 2009. — Moscow: MediaMir, 2009. — P. 61–72.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Новые источники для научного издания (Проблемы текстологии. II) // На рубеже веков: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 208–223.

Морозов С.Н. Вопросы атрибуции и датировки в изучении литературного наследия И. Бунина // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 116–123.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Основной текст (Проблемы текстологии. III) // Русская литература. — 2010. — № 1. — С. 61–84.

Бакунцев А.В. «Записная книжка» И.А. Бунина: проблема жанра: Доклад на XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 15–20 марта 2010 г.) // Медиаскоп. — 2010. — 7 апр. — www.mediascope.ru/node/552

Бакунцев А.В. Два варианта стихотворения И.А. Бунина «Скоморохи» // Медиаскоп. — 2010. — Вып. 2. — 23 апр. — www.mediascope.ru/node/551

Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Латвии. Долгое приближение (1933–1938) // Медиаскоп. — 2010. — Вып. 2. — 24 мая. — www.mediascope.ru/node/560

Бакунцев А.В. Неизвестная статья Ивана Бунина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 97–102.

Бакунцев А.В. «Скоморохи» И.А. Бунина: три варианта одного стихотворения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. — 2010. — № 6. — С. 121–128.

Бакунцев А.В. Рижская газета «Сегодня» в «нобелевские дни» И.А. Бунина (ноябрь 1933 — январь 1934 гг.). Материалы редакционного архива // Меди@льманах. — 2010. — № 5. — С. 68–75; № 6. — С. 64–71.

Бакунцев А.В. «Вокруг» Бунина. Газета «Сегодня» в «нобелевские дни» 1933 // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2010. — № 260. — С. 156–166.

Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. — 2010. — № 4. — С. 118–127.

Бакунцев А.В. Чехов и Бунин смеются... // А.П. Чехов и мировая культура: взгляд из XXI века: Тезисы докладов Международной науч. конференции (Москва, 29 янв.–2 февр. 2010 г.) / Сост. и ред. Р.Б. Ахметшин, М.О. Горячева, В.Б. Катаев (отв. ред.). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 7–8.

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. — М.: Русский путь, 2010. — 536 с.

Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / Вступ. ст., публ. Т.М. Двинятиной, Р. Дэвиса // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. — М., 2010. — Вып. II. — С. 109–178.

«Драгоценная скучность слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сazonовой (Слонимской) (1952–1954) / Вступительная статья Кита Триббла; Публикация Кита Триббла, Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. — М., 2010. — Вып. II. — С. 267–397.

Пономарев Е.Р. Нет ни красных, ни белых...: М.В. Раскольникова и В.Н. Бунина // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. — М., 2010. — Вып. II. — С. 463–478.

Пономарев Е.Р. Нецензурный Бунин: Стихотворные пародии конца 1940-х годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарий) // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. — М., 2010. — Вып. II. — С. 479–500.

Двинятина Т.М. А.П. Чехов в лирике И.А. Бунина: «художник» и «поэт» // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сб. ст. и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). — СПб., 2010. — С. 452–464.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин о Л.Н. Толстом для рижской газеты «Сегодня» // Коммуникация в современном мире: Материалы науч.-практич. конференции «Проблемы массовой коммуникации» (Воронеж, 13–15 апреля 2010 г.): В 2 ч. — Воронеж: Ф-т журн. ВГУ, 2010. — Ч. 1. — С. 51–53.

Бакунцев А.В. Бунин в Латвии // Северные грани: Информационно-культурологический альманах. — М.: МАКС Пресс, 2010. — Вып. 1. — С. 88–96.

Пономарев Е.Р. К вопросу о толстовских корнях «Митиной любви» // Литературные чтения. Сборник статей к юбилею В.Я. Гречнева. — СПб., 2010. — С. 193–200.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и газета «Южное обозрение». Новые материалы // Медиаскоп. — 2011. — Вып. 1. — 28 февр. — www.mediascope.ru/node/753

Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина (Продолжение) // Иные берега. — 2011. — № 1. — С. 62–70.

И.А. Бунин. «Из “Великого дурмана”». Фрагмент № 2: восстановленный текст / Публ. А.В. Бакунцева // Южное сияние. — Одесса, 2011. — № 1. — С. 178–182.

Бакунцев А.В. Сборник «И.А. Бунин на страницах газеты “Сегодня” (1920–1939)». Подготовка к изданию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 103–114.

Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина (Окончание) // Иные берега. — 2011. — № 2. — С. 62–73.

Двинятина Т.М. Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). I. <Поэзия> // Литература русского зарубежья (1920–1940): Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б.В. Аверин, С.Д. Титаренко. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 135–154.

Двинятина Т.М. Бунин на мотив: О статусе переводов в ранней лирике И.А. Бунина // Метафизика И.А. Бунина: Межвуз. сб. науч. трудов. — Воронеж, 2011. — С. 148–167.

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника (И.А. Бунин и В.Г. Короленко) // Метафизика И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж, 2011. — С. 16–32.

Бакунцев А.В. «...Препятствий не встречал бы...»: Новые материалы о несостоявшемся назначении И.А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» (1898–1899) // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. — Одесса: Симекс-принт, 2011. — Вып. 6. — Ч. 1. — С. 192–200.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 / Отв. ред. Н.Ф. Гриценко. — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. — С. 17–44.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1: (1870–1909 годы) / Составитель С.Н. Морозов; Науч. ред. О.Н. Михайлов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 944 с.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» в отзывах одесской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 101–112.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Латвии. Знатный гость (апрель — май 1938 г.) // Медиаскоп. — 2012. — Вып. 1. — 3 февр. — <http://www.mediascope.ru/node/1010>

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в формировании литературной репутации писателя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 4. — С. 72–78.

Бакунцев А.В. Древнерусская литературная традиция в послереволюционной публицистике И.А. Бунина // Медиаскоп. — 2012. — 6 нояб. — <http://www.mediascope.ru/node/1217>

Бакунцев А.В. Соотношение художественного и документального в лекции И.А. Бунина «Великий дурман» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 6. — С. 71–79.

Бакунцев А.В. Взаимное разочарование: И.А. Бунин и русские прибалтийцы в 1938 году (анонсирование книги) // Журналистика и культура русской речи. — 2012. — № 4. — С. 92–98.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и русские диаспоры Прибалтики в 1938 г. // Диаспоры. — М., 2012. — № 2. — С. 174–191.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в формировании литературной репутации писателя // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации: Материалы Международной научн.-практич. конференции (Москва, 6–8 февраля 2012 г.). — М.: Ф-т журн. МГУ, 2012. — С. 82–83.

Бакунцев А.В. Бунин в Латвии (Окончание) // Северные грани: Информационно-культурологический альманах. — М.: МАКС Пресс, 2012. — Вып. 2. — С. 59–74.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин о роли Запада в борьбе против большевизма: Тезисы // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. СПб., 2012. [Электронный ресурс] <http://rus.jf.spbu.ru/conference/2197/2202.html>

Бакунцев А.В. И.А. Бунин о роли Запада в борьбе против большевизма // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 51-й Международной науч.-практич. конференции (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2012 г.) / отв. ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2012. — С. 196–199.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Датировки (Проблемы текстологии. IV) // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Кн. 2. — С. 215–240.

Морозов С.Н. «Окайанные дни» И.А. Бунина: к истории текста // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Кн. 2. — С. 302–311.

Двинятина Т.М. И.А. Бунин в 1910 году // L'anno 1910 in Russia / a cura di Duccio Colombo e Caterina Craziadei. — Salerno, 2012. — С. 131–144.

Бакунцев А.В. Прибалтийское турне Ивана Бунина: Опыт документальной реконструкции. — М.: Ф-т журн. МГУ, 2012. — 166 с.

Бакунцев А.В. Средневековая нарративная традиция в творчестве И.А. Бунина // Contemporary Issues of Literary Criticism: Medieval Literary Processes. Georgia, Europe, Asia: VI International Symposium dedicated to 300th Anniversary from the first printed publication of Shota Rustaveli's Poem "The Knight in the Pinter's Skin": Theses (Тбилиси, 26–30 сентября 2012 г.). — Tbilisi: Institute of Literature Press, 2012. — С. 36–38.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин-публицист: от «Великого дурмана» к «Окайенным дням» // Powrócić do Rosji wierszami i prozą: Literatura rosyjskiej emigracji / Под ред. Г. Нефагиной. — Słupsk: Akademia Pomorska w Słupsku, 2012. — С. 41–48.

Бакунцев А. Преломление средневековой литературной традиции в творчестве И.А. Бунина // Contemporary Issues of Literary Criticism: Medieval Literary Processes. Georgia, Europe, Asia: Materials of VI International Symposium dedicated to 300th Anniversary from the first printed publication of Shota Rustaveli's Poem "The Knight in the Pinter's Skin" (Tbilisi, September 26–30, 2012): В 2 т. — Tbilisi: Institute of Literature Press, 2012. — Т. 2. — С. 97–106.

«Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступ. ст. О.А. Коростелева // «Современные

записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — Т. 2. — С. 697–932.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. — 156 с.

Двинятина Т.М. Новые книги о Бунине // Русская литература. — 2013. — № 4. — С. 235–243. — Рец. на кн.: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы): Антология / Общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010.; И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / [Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис]. М., 2010; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М., 2011.

Двинятина Т.М. Это и есть те «зеркала» // Вышгород. — Таллинн, 2013. — № 6. — С. 101–105. — Рец. на кн.: Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М., 2012.

Бакунцев А. Как готовилось бунинское турне по Прибалтике // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2013. — Кн. 270. — С. 282–293.

Бакунцев А. Вечный странник Иван Бунин. К 60-летию со дня смерти писателя // Иные берега. — М., 2013. — № 2. — С. 94–102.

Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2013. — № 4. — С. 22–36.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в отзывах эмигрантской и советской прессы // Журналистика в 2012 году: Социальная миссия и профессия: Материалы Международной научн.-практич. конференции (Москва, 9–11 февраля 2013 г.). — М.: Ф-т журн. МГУ, 2013. — С. 111–112.

Бакунцев А.В. Политические взгляды И.А. Бунина // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. СПб., 2013. [Электронный ресурс] <http://rus.jf.spbu.ru/conference/3090/3118.html>

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в отзывах эмигрантской и советской прессы // История отечественных СМИ. Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс. Ежегодник-2012. — М.: Ф-т журн. МГУ, 2013. — С. 122–128.

Бакунцев А.В. Политические взгляды И.А. Бунина // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й Международной науч.-практич. конференции (Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2013 г.) / Отв. ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2013. — С. 16–19.

Бакунцев А. Факты и их художественное переосмысление в «Окаянных днях» И.А. Бунина // Sjani. — Тбилиси, 2013. — № 14. — С. 167–183.

Бакунцев А. «Окаянные дни» И.А. Бунина как литературоведческая и текстологическая проблема // Contemporary Issues of Literary Criticism: Literature in exile: Emigrant's fiction (20th century experience): VII International Symposium: Theses (Tbilisi, September 25–29, 2013). — Tbilisi: Institute of Literature Press, 2013. — С. 40–42.

Бакунцев А. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» как текстологическая проблема // Contemporary Issues of Literary Criticism: Literature in exile. Emigrants' fiction (20th century experience): Materials of VII International Symposium (Tbilisi, September 25–29, 2013). — Tbilisi: Institute of Literature Press, 2013. — Vol. I. — С. 326–337.

Бакунцев А.В. Вечный странник Иван Бунин // Журналистика и культура русской речи. — 2013. — № 3/4. — С. 50–61.

Пономарев Е.Р. Бунин и литература второй эмиграции: К постановке вопроса (Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин) // Филологические записки. — Воронеж, 2013. — Вып. 31. 2012–2013. — С. 178–195.

Двинятина Т.М. «Осенняя поэма» «Листопад» и эстетические основы поэтического мира И.А. Бунина // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 53–60.

Двинятина Т.М. Параллельные источники в интертекстуальной поэтике И. Бунина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Филология. Журналистика. — 2014. — № 2. — С. 28–33.

Аболина М.М., Пономарев Е.Р. Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: Материалы для научного комментария // Вестник СПбГУКИ. — 2014. — № 2 (19). — С. 144–148.

Двинятина Т.М. Запад и Восток в поэзии И.А. Бунина // Образование и общество: научный, информационно-аналитический журнал. — Орел, 2014. — № 3 (86). Май–июнь. — С. 127–130.

Двинятина Т.М. «Der Panther» Р.-М. Рильке и «Пантера» И.А. Бунина: типология и преемственность // Вестник Омского университета. — 2014. — № 3. — С. 161–165.

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть I // Вестник СПбГУКИ. — 2014. — № 4 (21). — С. 152–165.

Морозов С.Н. 25-летний юбилей литературной деятельности И.А. Бунина в освещении русской печати 1912–1913 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2014. — № 5. — С. 71–86.

Двинятина Т.М. Издания стихотворений И.А. Бунина в критике современников // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2014. — Сер. 9. Вып. 2. — С. 5–23.

Двинятина Т.М. О некоторых очевидных и неочевидных источниках поэзии И.А. Бунина // Метафизика Бунина: Межвузовский сб. науч. трудов, посвященных творчеству И.А. Бунина. — Воронеж: Издательский Дом ВГУ, 2014. — С. 12–17.

Двинятина Т.М. И. Бунин и Н. Гумилев: стихи о провинциальной России // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — № 8. — Том 3. — С. 133–141.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина. Текстология (2014) // Академический Бунин: Электронный ресурс. <http://ivbunin.ru/nauka/nauchnyie-stati>

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. — М.: ДРЗ, 2014. — С. 268–337.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2014. — № 5. — С. 55–71.

Бакунцев А.В. «Оскотиневший от злобы вражий лик»: Леворадикальная эмигрантская и советская печать о речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2014. — № 6. — С. 87–102.

Бакунцев А. Неизвестная «заметка» Бунина на смерть Блока // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2014. — Кн. 277. — С. 218–240.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции»: история текста // Бунинские чтения в Орле — 2013: Коллективная монография (По материалам Всероссийской научной конференции) (Орел, 3–4 октября 2013 г.). — Орел: Орловский гос. ун-т, 2014. — С. 18–24.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Журналистика в 2013 году: Регионы в российском медиапространстве: Материалы Международной науч.-практич. конференции (Москва, 7–9 февраля 2014 г.). — М.: МедиаМир; Ф-т журн. МГУ, 2014. — С. 372–373.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин-публицист в годы Гражданской войны // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Журналистика и войны (к 100-летию Первой мировой войны). СПб., 2014. [Электронный ресурс] <http://jf.spbu.ru/conference/4279/4292.html>

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и П.Н. Милюков: «Тут двух мнений не может быть...» // История отечественных СМИ: Ежегодник-2013. — М.: Ф-т журн. МГУ, 2014. — С. 7–17.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин-публицист в годы Гражданской войны // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 53-й Международной науч.-практич. конференции (Санкт-

Петербург, 23–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб.: Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, 2014. — С. 9–12.

Бакунцев А.В. Бунин Иван Алексеевич // Цензура в России: Материалы к энциклопедическому словарю // Открытый текст: Электронное периодическое издание: <http://opentextnn.ru/censorship/russia/encslov/?id=5499>

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и П.Н. Милюков: «разомкнутая» переписка (1923–1939) // Метафизика И.А. Бунина: Межвузовский сб. науч. трудов. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2014. — Вып. 3. — С. 173–187.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинягиной. — СПб.: Изд-во Пушкинского дома, изд-во «Вита Нова», 2014. — (Новая библиотека поэта. Большая серия). — Т. 1. — 544 с.; Т. 2. — 544 с.

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун 1934–1961 / Науч. ред. серии О.А. Коростелев, Р. Дэвис; Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит ст. Е.Р. Пономарева. — М.: Русский путь, 2014. — 714 с., ил.

Иван Бунин: Неизвестные письма дореволюционного периода (1897–1901) / Публ., вступит. ст., подгот. текста и примеч. А. Бакунцева // Москва. — 2015. — № 1. — С. 211–217.

Бакунцев А. Бунин, Бабель и другие. Вольное рассуждение о непереводимом в переводе // Иные берега. — М., 2015. — № 1. — С. 10–14. Электронная публикация: www.inieberega.ru/node/623 [PDF-версия: http://www.inieberega.ru/files/berega_137-web_0.pdf]

Двинятина Т.М. Бунин в 1914 году // Русская литература. — 2015. — № 1. — С. 161–171.

Двинятина Т.М. И.А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 43–50.

Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть II // Вестник СПбГУКИ. — 2015. — № 1 (22). — С. 143–150.

Бакунцев А.В. «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И.А. Бунина на смерть А.А. Блока // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2015. — № 3. — С. 100–114.

Неопубликованный рассказ И.А. Бунина / Вступ. статья, подгот. текста, comment. Е.Р. Пономарева // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 4 (134). — С. 3–7.

Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И.А. Бунина / Вступ. статья, подгот. текста, comment. Е.Р. Пономарева // Вопросы литературы. — 2015. — № 5. — С. 318–330.

Письма И.А. Бунина 1920–40-х годов / Публ., подгот. текста, примеч. А. Бакунцева // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2015. — Кн. 280. — С. 163–176.

Переписка И.А. Бунина и В.Л. Бурцева: 1920–1933 / Публ., подгот. текста, примеч. и перевод А. Бакунцева // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2015. — Кн. 280. — С. 177–182.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // *Ad multos annos: К 60-летию В.А. Москвина / Под ред. Н.Ф. Гриценко.* — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. — С. 131–158.

Бакунцев А.В. Полемика вокруг речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 года): Сб. докладов. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. — С. 11–21.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и цензура // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. трудов. — СПб.: Рос. нац. б-ка, 2015. — Вып. 7. — С. 263–271.

Морозов С.Н. О Международном эко-просветительском фестивале «Бунинские Озёрки» // Бунинские Озёрки. Литературный альманах. — М.: Содружество современных литераторов, 2015. — С. 123–127.

Морозов С.Н. Проблемы подготовки научного Собрания сочинений И.А. Бунина // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Официальный сайт. <http://www.bfrz.ru/data/images/2015/news05/260515/Morozov.pdf>

Бакунцев А.В. Иван Бунин и Владимир Бурцев в 1917–1934 гг. // *Iwan Bunin. Człowiek, pisarz, tłumacz w świetle współczesnej buninologii / Иван Бунин. Человек, писатель, переводчик в освещении современного буниноведения / Pod red. B. Kozak, T. Marczenko, I.A. Ndiaye.* — Olsztyn: UWM w Olsztynie, 2015. — С. 159–183.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология. Автореферат дис. ... доктора филол. наук / Российская Академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — СПб., 2015. — 46 с.

Пономарев Е.Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. — 2016. — № 1. — С. 52–63.

Коростелев О.А. «Вести из Пасси»: Рукописная газета В.Н. Буниной // Литературный факт. — 2016. — № 1–2. — С. 348–369.

Двинятина Т.М. Две ночи позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах) // Текст и традиция: Альманах. — СПб., 2016. — Вып. 4. — С. 114–129.

«Знаем, что на подъем Вы не очень легки...»: Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг. / Публ., подгот. текста, вступит. ст. и comment. А.В. Бакунцева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра

Солженицына, 2016 / Отв. ред. Н.Ф. Гриценко. — М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2016. — С. 376–405.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин: «Это какая-то особенная, “утробная” чисто русская глупость...» // История отечественных СМИ. 2016. — М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. — Вып. 2. — С. 19–35.

Морозов С.Н. Научные проблемы буниноведения на современном этапе // «В kraю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: Материалы Всероссийской научной конференции 1–3 октября 2015 / Воронежский гос. ун-т. — Воронеж, 2016. — С. 34–43.

Двинятина Т.М. И. А. Бунин в 1916 году // Эмигрантика.ru. Русское зарубежье: Электронный ресурс. html — <http://www.emigrantika.ru/publications/845-dviniatina.pdf> — http://www.emigrantika.ru/images/pdf/Dviniatina_Bunin-1916.pdf

Бакунцев А.В. «Ехать нам не миновать...»: И.А. Бунин накануне эмиграции из России (1919–1920) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2017. — № 3. — С. 151–167.

Васильева М.А., Коростелев О.А. Свидетельницы истории (по материалам дневников В.Н. Буниной и Е.И. Булгаковой) // Русская литература. — 2017. — № 3. — С. 127–141.

Пономарев Е.Р. Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина (на материале уникальной записной книжки) // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 4 (146). — С. 213–226.

Бунин И.А. Записная книжка (подготовка текста, вступительная статья, комментарии) // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 4 (146). — С. 227–246.

Бакунцев А. Как Бунин готовился стать эмигрантом. 1919–1920 // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2017. — Кн. 287. — С. 238–252.

Бакунцев А.В. Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. — 2017. — № 4. — С. 124–142.

Двинятина Т.М. Нобелевский год И.А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. — 2017. — № 4. — С. 143–161.

Морозов С.Н. Проблема датировки прозы И.А. Бунина // Литературный факт. — 2017. — № 4. — С. 317–325.

Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям»: Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 228–238.

Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. — 2017. — № 5. — С. 248–265.

Двинятина Т.М. Авторские экземпляры сборника И.А. Бунина «Избранные стихи» (1929) в контексте источников научного издания // Литературный факт. — 2017. — № 6. — С. 143–161.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин о Февральской революции // Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия: Сб. материалов международной науч.-практич. конференции. — М.: МедиаМир; Ф-т журн. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. — С. 375–376.

Бакунцев А.В. Образы христианско-иудаистской эсхатологии в пореволюционной публицистике И.А. Бунина // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 56-го международного научного форума (13–14 апреля 2017 г.) / Отв. ред. В.В. Васильева. — СПб.: Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2017. — № 2: В 2 т. — Т. 1. — С. 16–17.

«С “Литнаследством” у меня была переписка долгая»: К истории несостоявшегося сотрудничества Г.В. Адамовича в бунинском томе / Подготовка текста, вступительная статья, примечания О.А. Коростелева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 19. № 2 (163). — С. 9–37.

Двинятина Т.М. Переписка И.А. и В.Н. Буниных 1920–1940-х годов как биографический источник // *Rusistica Latviensis* 6. — Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2017. — С. 20–38.

Двинятина Т.М. Записная книжка И.А. Бунина 1944 года: свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». — СПб., 2017. — С. 131–146. — (Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры; Т. 215.)

Пономарев Е.Р. Записные книжки и дневники И.А. Бунина в свете антропологии литературы: Бунин, Чехов, Л. Толстой как писательские типы // Труды СПбГИК. Художественная антропология серебряного века. Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». 20–21 октября 2016 года. Том 215. — СПб., 2017. — С. 62–68.

Морозов С.Н. Туристические маршруты по бунинским местам // Бунинские Ozёрки. Литературный альманах. — М.: Минувшее, 2017. — Вып. 3. — С. 90–93.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2: (1910–1919 годы) / Составитель С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 1184 с.

Закружная З.С., Коростелев О.А., Фролов М.А. Записи и выписки И.А. Бунина для академического собрания сочинений // Вестник архивиста. — 2018. — № 1. — С. 65–73.

Морозов С.Н. И.А. Бунин в школе // Русская словесность. — 2018. — № 1. — С. 20–28.

Пономарев Е.Р. Столичный ресторан как феномен русской жизни fin de siècle (от Тургенева, Достоевского и Толстого к Куприну и Бунину) // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 1 (149). — С. 132–144.

Двинятина Т.М., Коростелев О.А. До и после «Позднего часа» (эпизод из переписки И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой) // Русская литература. — 2018. — № 2. — С. 237–244.

Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей». Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 2 (150). — С. 186–203.

Пономарев Е.Р. Как И.А. Бунин оказался красным? (по материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. — 2018. — № 4. — С. 202–208.

Бакунцев А.В., Морозов С.Н. И.А. Бунин и Е.В. Спекторский: переписка (1928–1933) // Studia Litterarum. — 2018. — № 4. — С. 298–315.

И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и комментарии Т.М. Двинятиной // Русская литература. — 2018. — № 4. — С. 190–201.

Морозов С.Н. Эмиграция Буниных: истоки, предпосылки, обстоятельства // Филологос. — 2018. — № 4 (39). — С. 69–75.

Коростелев О.А., Кузнецова Е.В. Иван Бунин и Георгий Иванов: спор о поэзии длиною в жизнь // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 56. — С. 226–247.

Бакунцев А.В. Письма И.А. Бунина в фондах Государственного архива Российской Федерации // Текстологический временник: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. Вопросы текстологии, источниковедения и интерпретации. — М.: ИМЛИ, 2018. — С. 100–108.

Двинятина Т.М. Записи И.А. Бунина 1934–1939 годов: разрозненное и уцелевшее // Текст и традиция: Альманах. — СПб., 2018. — Вып. 6. — С. 155–172.

Коростелев О.А. «Окаянные дни» В.Н. Буниной (по материалам дневников революционных лет) // Литература и революция. Век двадцатый / Ред. О.Ю. Панова, В.Ю. Попова, В.М. Толмачёв. — М.: Литфакт, 2018. — С. 24–34.

Морозов С.Н. Периодизация творчества И.А. Бунина // Метафизика И.А. Бунина: Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж, 2018. — Вып. 4. — С. 7–13.

Морозов С.Н. Путь Буниных в эмиграцию // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: Материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции, 20–21 сентября 2018 г. — Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. — С. 191–202.

Морозов С.Н. Эпистолярное наследие И.А. Бунина: вопросы источниковедения и комментирования // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — Кн. 3. — С. 109–116.

Морозов С.Н. Рассказ И.А. Бунина «Роза Иерихона». История текста // Зборник Матице Српске за славистику. — Белград: Нови Сад, 2018. — Т. 94. — С. 153–158.

Пономарев Е.Р. Бунин И.А. Окайные дни / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. Е.Р. Пономарева // Красное и белое: Pro et contra. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 гг. Антология. — СПб: Изд-во РХГА, 2018. — С. 33–120, 595–623.

И.А. Бунин. Дневники 1946–1953 гг. / Подгот. текста и комментарии Т.М. Двинягиной // Русская литература. — 2019. — № 1. — С. 178–191.

Закружная З.С., Коростелев О.А. «Сундук с вырезками» Ивана Бунина // Новый филологический вестник. — 2019. — № 1 (48). — С. 65–73.

Двинягина Т.М. Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. — 2019. — № 1 (11). — С. 341–353.

Коростелев О.А., Кузнецова Е.В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на однотомнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского университета. Филология. — 2019. — № 58. — С. 196–224.

И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с., ил. — (Литературное наследство. Т. 110).

Бунин И.А. Стихотворения 1885–1898 гг.; Повесть «Увлечение»; Неоконченные литературно-критические статьи / Подгот. текста, предисл. и примеч. С.Н. Морозова // И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — С. 10–78, 323–350. — (Литературное наследство. Т. 110).

Бунин И.А. Рассказы круга «Темных аллей»; <Смерть в Ялте>; Отдельные наброски; <Путешествия на Цейлон>; Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»; Наброски, тематически близкие книге «Темные аллеи»; Наброски, тематически близкие книге «Воспоминания» / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Р. Пономарева // И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — С. 79–322. — (Литературное наследство. Т. 110).

Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947 гг. / Предисловие Т.М. Двинягиной, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой. Подготовка текста и примечания Г.З. Брэдли, Т.М. Двинягиной, Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой // И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — С. 351–1169. — (Литературное наследство. Т. 110).

Именной указатель*

- Аболина М.М. 200–220, 865
Абрамов А.И. 826
Абрамович С.М. 779
Августин Блаженный 329
Авенариус В.П. 789
Аверин Б.В. 91, 389, 403, 445, 457, 766,
 770, 824, 836, 838, 857, 858, 861
Авилова Л.А. 252, 254–261
Аксентьев Н.Д. 206
Авриль М. 250, 432
Агаджанян Д.А. 839
Агеносов В.В. 153
Адамович А.М. 550
Адамович Г.В. 67, 102, 120, 150, 152, 256,
 261, 369, 372, 383, 386, 388, 522, 523,
 528, 682, 745, 752, 855, 857, 870
Адамчик В.В. 550
Адрианов С.А. 447
Азаров Ю.А. 316, 334
Айвазовский И.К. 235
Айхенвальд Ю.И. (*Каменецкий Б.) 93,
 104, 286, 361–373, 751–753, 755
Акиньшин А.Н. 180–190
Алданов М.А. 120, 138, 210, 214, 223, 247,
 254, 255, 261, 315, 320–322, 324–327,
 329, 332, 385, 388, 409, 410, 421, 449,
 464, 468, 472, 473, 477, 509, 514–517,
 520, 521, 526, 527, 609, 691, 745, 746,
 854, 857
Алданова Т.М. 223
Александр, протодьякон (Кедров) 197
Александр, епископ (Семенов-Тян-Шан-
 ский А.Д.) 157
- Александр Македонский 799
Александр Невский 191, 192, 196
Александр II 35
Александров В.К. 316
Алексеев М.П. 667
Аллой В.Е. 5
Аль-Гомри М. 540, 542, 544, 545
Альберт И.Д. 825
Альберт И.С. 835
Альваро К. 447
Альгазо Х. 840
Амфитеатров А.В. 11, 19, 22, 306, 394,
 448, 449, 465, 466, 468, 469, 473, 475,
 477–480, 487, 490
Амфитеатров-Кадашев В.А. 755
Амфитеатрова И.В. 487
Ананьин Е.А. 448, 449, 457
Андреев В.Л. 380
Андреев Л.Н. 239, 301, 302, 449, 453,
 519, 604, 768, 812, 815, 831
Анисимов К.В. 24–47, 766
Анисимова Е.Е. 33, 42
Анна Византийская 385
Анненкова Е.С. 403
Анненский И.Ф. 102
Антонини Дж. 454, 457, 459
Антонов С.П. 823, 825
Анучин Д.Н. 58, 62
Арнольди Е.А. 183
Арриан Ф. 333
Арсеньева Л.В. см. Часинг Л.
Артеменко-Толстая Н.И. 395
Архимед 284

* Знаком астериска (*) обозначены псевдонимы.

- Арцыбашев М.П. 755
 Аснык А. 581, 666, 676–679, 781, 782, 784,
 785, 787
 Астащенко О.А. 832, 838
 Атаманова Е.Т. 827, 828, 832, 846, 847
 Аташбараб Х.-Р. 544
 Афанасьев А.Н. 54, 56, 57, 58, 61, 62
 Афанасьев Г.Ф. 235
 Афанасьев Л.Н. 434, 441
 Афанасьев В.Н. 822
 Ахматова А.А. 533, 541, 604, 691, 854
 Ахмединия М. Дж. 541
 Ахметшин Р.Б. 860
 Ахундова М.Ф. 822
 Ачатова А.А. 824, 825
 Ачкасов А. 794
 Ашешов Н.П. 750
 Ашрафи М. бен М.М. 540, 541, 545
- Бабель И.Э. 749, 756, 867
 Бабореко А.К. 22, 58, 62, 86, 89, 103, 176,
 178, 226, 231, 232, 240, 249, 263, 274,
 275, 276, 278, 282, 284, 286, 291, 306,
 315, 334, 361, 364, 373, 549, 562, 592,
 682, 690, 692, 857
 Багрицкий Э.Г. 734
 Базанов П.Н. 207, 209, 213
 Байрон Дж. Г. 131, 150, 202, 213, 273, 283,
 471, 494, 559, 610, 666, 667, 675, 682,
 690, 791, 795, 803
 Бакст Л.С. 357
 Бакунцев А.В. 6, 200, 203, 205, 213, 310,
 311, 313, 315–336, 741, 744, 757, 766,
 847, 854, 859–871
 Балашова В.С. 176, 178
 Бальмонт К.Д. 126, 133, 163, 173, 174,
 177, 192, 201, 341, 342, 378, 389, 521,
 525, 751, 781, 787, 791, 841
 Баратынский Е.А. 119, 126, 131–133, 135–
 138, 568, 598, 602, 603, 667, 691, 846
 Баренбаум И.Е. 201, 207, 209, 213
 Бартенев А.М. 465, 487, 492
 Батюшков К.Н. 667
 Бафталовский В.И. 805
- Бахрах А.В. 66–68, 81, 227, 240, 243–251,
 386, 388, 608, 609, 652, 690, 729, 738,
 743
 Бахрах В.А. 245
 Бахтеяровы 228
 Бахтин М.М. 61, 87
 Бахтин Н.М. 349
 Башкирцева М.К. 352–359, 769
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 753
 Бейдгави А. 163
 Белевцова Т.Б. 848
 Белобровцева И.З. 316, 334, 384, 388
 Белодубровский Е.Б. 403
 Белозерова М.Е. 851
 Белозерцев Е.П. 839
 Белоусов И.А. 794, 799, 803, 810
 Белоусова Е.Г. 840, 843, 848
 Белошапков В.А. 824
 *Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 394, 603,
 691, 751, 835, 858
 Беляев Н.С. 295, 307
 Белякова С.М. 828, 833
 Бенардаки Д.Е. 183, 184
 *Бенедиктов М. (Берхин М.Ю.) 755, 756,
 Бенуа А.Н. 304, 385
 Беньямин В. 840, 843
 Берберова Н.Н. 67, 315, 386, 388, 517, 518
 Бердникова О.А. 49, 101–118, 766, 827
 Бердяев Н.А. 61, 62, 421
 Березовая Л.Г. 201, 213
 Берков П.Н. 599
 Берковский Н.Я. 366, 372
 Бернов А. 326, 334
 Бернюкович Т.В. 173
 Бертемет Э. 194, 196
 Бертенсон В.Б. 769
 Берхин М.Ю. см. *Бенедиктов М.
 Биберштейн-Казимирский А. де 163–170
 Бибиков А.Н. 681
 Бидадж М. 540, 542
 Билибин И.Я. 304, 378, 379, 385
 Бицилли П.М. 66, 67, 69, 78, 634, 691, 860
 Благасова Г.М. 49, 833
 Блейк Дж. 346

- Блок А.А. 12, 36, 91, 93, 94, 95, 99, 112, 124, 126, 138, 139, 159, 295, 307, 365, 372, 386, 394, 604, 866, 867, 872
Блох Я.Н. 206
Блюм А.В. 826, 853
Бобринская В.Н. 12
Бобровский П.С. 157
Богатырева Ж.В. 853
Богданов О.Ю. 835
Богданова Т.В. 838
Богданович М.А. 548, 550, 551, 598
Богомолова М.Г. 828
Богуславский В.М. 165, 170
Бодрых Е.П. 188
Бодрых К.А. 188
Бойков В.В. 191–199, 591
Болдырева Е.М. 834, 839, 840, 841, 843, 844, 845, 848
Болховитинова Е.А. 114
Большев А.О. 848
Бомпиани В. 478
Бондарев Ю.В. 98, 297, 306, 562, 690
Бондаренко 233
Бонди С.М. 598
Бонч-Бруевич В.Д. 802
Бонье С.П. 277
Борджезе Дж. А. 463
Борисова Н.В. 846
Боссар, издатель 502, 503, 505–509, 511
Бочаева Н.Г. 828, 834, 835
Брандес Г. 496, 499, 755
Бринкман 181
Брихничев И.П. 808
Брод М. 601
Бродская-Букуаран Т.М. 516, 518
Бродский Н.Л. 817, 819
Бройтман С.Н. 31, 34, 36, 43
Брокгауз Ф.А. 58, 62
Бронникова Н.Г. 827, 828
Брыль Я. 550
Брэдли Г.З. 872
Брюллов К.П. 183
Брюс Я.В. 761, 764
Брюсов В.Я. 124, 126, 130, 133, 138, 365, 366, 569, 631, 632, 658, 761, 801, 815
Брянчанинов Н.В. 514, 516, 519, 529
Буковецкий Е.О. 221
Букс Н. 403
Букчин С. 549, 550, 553
*Булановский М. см. Наживин И.Ф.
Булгаков М.А. 36, 412–419, 827, 838, 840
Булгакова Е.И. 869
Булгакова С.Ю. 844
Бунджулова Б.Е. 823, 824, 827
Бунин А.Е. 240
Бунин А.Н. 16, 180, 181
Бунин В.А. 240
Бунин Е.А. 181, 227, 228, 231, 234, 235, 240
Бунин И.П. 16
Бунин К.А. 234
Бунин М.А. 240
Бунин Н.Д. 15
Бунин Н.Н. 16
Бунин Ю.А. 186, 227, 228, 234
Бунина А.П. 503
Бунина В.Н. см. Муромцева-Бунина В.Н.
Бунина Вар.Ник. 16
Бунина Л.А. (Чубарова) 16, 194, 228, 229, 232
Бунина М.А. (Ласкаржевская) 181, 227–229
Бунина Т.А. см. Родионова Т.А.
Бурже П. 779, 785, 666, 668–670, 673, 679
Бурцев В.Л. 868
Бутенко В.Ф. 745
Быков В.В. 550
Быков П.В. 286, 287, 601
Быковцева Л.П. 294, 300, 301, 304, 306, 307
Быстрова О.В. 201–204, 214, 294–308
Бюргер Г.А. 28
Бялик Х.Н. 569, 813
Вайль Б.Б. 858
Ван Чан-лин 177
Ванюков А.И. 841
Варшавский В.С. 389
Василевский И.М. (*Не-Буква) 315, 317, 334

- Василий II 385
 Васильев В.П. 176, 178
 Васильев О. 363, 372
 Васильева Б.В. 870
 Васильева М.А. 869
 Васнецов В.М. 802, 811
 Вахтин И.В. 304
 Вацек Й. 214
 Вдовенко Е. 197
 Вейдле В.В. 68, 82, 102, 108, 385, 516, 517
 Вейнберг П.И. 667
 Вейнштейн К.А. 183
 Великанова Н. 605, 691,
 Вельфлин Г. 606
 Венгеров С.А. 509, 511, 750
 Верга Дж. 455
 Вергилий 493, 131
 Веред Ю.Т. 333
 Вересаев В.В. 309–313, 812, 874
 Веселовский Ю.А. 799
 Виктор Эммануил II 357
 Вильгельм II 277
 Виноградов В.В. 824
 Винокур Г.О. 598, 599, 601, 606, 691
 Винокур Н.Г. 246
 Виролайнен М.В. 389, 445, 457, 857
 Висновская М. 465, 487, 492
 Витторини Э. 451
 Вихрян О.Е. 826
 Вишняк М.В. 206, 367
 Владимиров О.Н. 25
 Волков А.А. 823
 Волконский А.А. 183
 Волошин М.А. 13, 130
 Волынская Н.И. 823
 Волынский А.Л. 682
 Вольф Б.М. 782
 Вольф М.О. 769, 809
 Вормс 163
 Воронский А.К. 746–749, 756,
 Воронцов Н. 584, 687
 Воронцова Г.Н. 11–22
 Воропаева Е.В. 420
 Врангель П.Н. 323
 Вреден Н.Р. 209, 211
 Выгодский Д.И. 750
 Вырковский А.В. 333
 Вюйар Э. 357
 Гагарин Д.И. 862
 Гагарин Е.А. 865
 Гаек З.С. 189
 Газданов Г.И. 527, 841, 842
 Газер И.С. 822
 Гайдарова К.Э. 851
 Галай К.Н. 149–154
 Галлен-Калела А. 304
 Галлямова Т.А. 844–846, 848
 Галыгин О.В. 836
 Гальперин М.Л. 177
 Гаретто Э. 463–498, 766
 Гарсен-де-Тасси Ж.Э.С.В. 163
 Гарциано С.А. 514–531
 Гаршина Е.А. 845, 850
 Гатцук А.А. 558, 778, 779
 Гауптман Г. 264, 734
 Гафурова Б.Г. 853
 Гегель Г.В.Ф. 158, 161
 Гейне Г. 551, 605, 666, 691, 778
 Гендлин Л. 291, 292
 Георгиевский А.С. 831
 Герасимов Н.И. 173, 174, 176, 178
 Гербек О.О. 559
 Гербель Н.В. 230, 670,
 Гергард В. 771
 Германовская А.Е. 180, 184, 187
 Германовский А.Г. 184
 Герцен А.И. 601, 824
 Гессен И.В. 202
 Гете И.-В. 407, 666
 Гехтляр С.Я. 848
 Гименс Ф. 666, 668, 670, 679, 671
 Гингер А.С. 682
 Гинзбург Л.Ф. 454
 Гинзбург Л.Я. 131, 139
 Гиппиус З.Н. (*Крайний А.) 130, 132, 139,
 192, 315, 355, 369, 372, 446, 503, 521,
 525, 753, 754, 756, 816, 855

- Гиппиус Ф. 42
Гитлер А. 247
*Глаголь С. (Голоушев С.С.) 274, 682, 691
Глазунов Н.Л. 802
Гликберг А.М. см. *Черный Саша
Глотина Г.А. 136, 139
Гнедич П.П. 768
Гобетти П. 447
Гоголь Н.В. 21, 183, 472, 605, 691, 767, 828
Голдсмит О. 28
Головачева А.Г. 291
Голоушев С.С. см. *Глаголь С.
Голубева Л.Г. 5, 178, 690, 741, 757, 857, 858
Гольдберг И. 780
Гомер 230
Гоморева А.К. 681
Гончаров И.А. 436, 465, 487, 492
Гончаров Ю.Д. 180, 181, 182, 186, 188, 189
Горбанев Н.А. 826
Гордиенко Т.В. 263–293
Горецкий М.И. 548, 550, 552
Горницкая Л.И. 841
Горобец А.Л. 377–392
Городецкая Н.Д. 516
Городецкий Б.П. 691
Городецкий С.М. 745
Горький А.М. 7, 11, 12, 18, 19, 22, 27, 28, 43, 48, 159, 201, 239, 264, 273, 290, 294–307, 315, 320–322, 334, 365, 366, 446, 447, 449, 454, 456, 519, 523–525, 527, 541, 634, 644, 789, 812, 815, 848, 850
Горячева О.М. 860
Гофман М.А. 591
Гофман М.Л. 596–599, 691
Грановская Л.М. 822
Граф Е.Н. (Клочкова) 191
Грачева А.М. 601, 602, 691
Гребенщикова Г.Д. 223, 520
Гречанинова В.С. 690
Гречнев В.Я. 68, 82, 861
Гржебин З.И. 204, 603
Григорьев А.Л. 824
Гrimm M. 753
Грин М.Э. 26, 44, 120, 139, 226, 245, 248, 250, 277, 292, 316, 334, 351, 353, 359, 361, 373, 383, 384, 389, 390, 403, 424, 432, 594, 728, 729, 738
Гринченко Б.Д. см. *Чайченко В.
Грицаенко Д.В. 406–411
Грищенко Н.Ф. 862, 868, 869
Грицкевич Н.Н. 840
Гришунин А.Л. 599, 600, 610, 691
Гронский Н.П. 385
Грунина Л.П. 846
Грюк, фотограф 304
Гряkalova Н.Ю. 31, 43, 604
Губонины 761
Гуд Т. 781, 797
Гукасов А.О. 209, 211
Гуковский А.И. 206
Гумилев Н.С. 866, 138, 163, 169, 533, 866
Гур В.В. 825
Гура А.В. 56, 57, 62
Гуревич Л.Я. 769
Гусефф К. 192
Густерин П. 164, 170
Гутенберг И. 201, 215
Гюго В. 407
Давыдов Н.В. 815
Даламбер Ж.Л. 165, 170
Даль В.И. 112, 113, 116
Дамиани Э. 450, 458
Дарийчук Л.Д. 826
Дауд Х.С. ибн 169
Двинятина Т.М. 6, 66, 68, 104, 106, 109, 110, 111, 113, 116, 119–121, 124, 126, 127, 131, 135–139, 167, 170, 389, 418, 445, 446, 457, 536, 537, 557–703, 728–739, 741, 742, 757, 764, 766, 770, 775, 852, 854–872
Дейвид Г. 346
Делакур А. 149
Делон М. 692
Демидова О.Р. 353, 359, 384, 389

- Демольер И.Ж. 770
 Деникин А.И. 157, 342, 378
 Деотто П. 502–513
 Державин Г.Р. 136, 168, 239
 Дерибас А.М. 191
 Дерман А.Б. 750
 Джалисех Г.М. 541
 Джам Д. 169
 Джером Д.К. 97, 414
 Джильи Л. 447
 Джулиан Р. 357, 358
 Диdro Д. 165, 170
 Димяненко А.А. 846
 Динесман Т.Г. 389
 *Дионео см. Шкловский И.В.
 Дмитриева Е.Е. 605, 606, 691, 692
 Дмитриева Т.Г. 829
 Дмитриевская Л.Н. 848
 Добролюбов А.М. 602, 692
 Долгина-Бадольо В. 473
 Долинин А.А. 395, 403, 853
 Домашевский Е.Д. 817
 Донзель М. см. *Морис Парижанин
 Дорри Д.Х. 542, 545
 Достоевский Ф.М. 36, 40, 43, 74, 92, 363,
 472, 477, 497, 519, 541, 601, 827, 837,
 870
 Дрозда М. 403
 Дронова О.В. 846
 Дружинин П.А. 294, 307
 Дубинская С.С. (Иванова) 235
 Дубова М.А. 848, 850, 852
 Дубовиков А.Н. 389
 Дударева М.А. 853
 Думнов В.В. 817
 Дымшиц С.И. 17
 Дэвис Р.Д. 5, 32, 43, 66, 67, 82, 102, 117,
 178, 197, 212, 215, 291, 316, 317–319,
 333, 334, 341, 342, 351, 384, 388, 389,
 394, 395, 432, 515, 517, 528, 557, 584,
 591, 685, 690–692, 741, 743, 757, 854,
 857, 858, 860, 861, 864, 867, 872
 Дюкорруа 163
 Дюпперре Р. 328
- Дягилев С.П. 13
 Дякина А.А. 122, 124, 135, 139
- Евдокимов А.И. 48
 Евлогий, митрополит (Георгиевский) 421
 Екатерина II 540, 545
 Елисеев Н.Л. 40, 43
 Елпатьевский С.Я. 266, 791
 Ельяшевич В.Б. 331, 332, 421, 422
 Ельяшевич Ф.О. 422
 Епанчин Н.А. 157
 Еремина З. 231
 Ермаченко 188
 Ермачихина В.А. 848, 850
 Ернефельдт см. Ярнефельт Э.Н. 304
 Ерофеев В.В. 396
 Есаулов И.А. 848
 Есенин С.А. 525, 533, 749, 756, 827
 Есикова Н.Д. 49, 62
 Есипов В.В. 406, 409, 410
 Ефрон И.А. 58, 62
- Жаплова Т.М. 844, 851
 Жемчужников А.М. 558, 800
 Жемчужный И.С. 29, 41, 43
 Жердева М.В. 234, 240
 Жигуллина Е.А. 847
 Жид А. 515, 522
 Жиров А.М. 428, 429
 Жирова Е.Н. 222, 223, 428
 Жирова О.А. (Колар) 222, 428, 682
 Житков А.В. 834
 Жолковский А.К. 24, 43
 Жуков И.И. 563, 690
 Жуковский В.А. 24, 25, 27, 28, 31, 33, 36,
 41, 42, 43, 469, 474, 490, 494, 503, 510,
 667, 670, 832
 Жулькова Т.А. 852
 Жюльен С.Э. 173
- Забелин П.В. 822
 Заболоцкий Н.А. 601
 Зайцев Б.К. 104, 106, 116, 190, 223, 248,
 283, 385, 389, 395, 420–433, 447, 455,

- 464, 469, 472, 483, 518, 519, 521, 525,
527, 576, 735, 840, 844, 851
Зайцев И. 434
Зайцев К.И. 6, 101, 102, 103, 116, 342, 395
Зайцева В.А. 191, 420, 421, 428, 432, 518
Зайцева Н.Б. (Соллогуб) 67, 102, 198,
420–433
Закружная З.С. 6, 740–759, 870, 872
Замятин Е.И. 603, 604, 827
Заусайлов В.А. 54, 62
Захарова В.Т. 840, 849
Звеерс А. 691, 738
Зверев Д.И. 782
Зверева Л.И. 826, 830
Зеелер В.Ф. 331
Зеленцова С.В. 849
Зелюк О.Г. 50, 209, 211, 212
Зензинов В.М. 516, 517
Зильберштейн И.С. 13, 22
Зинковская С.В. 852
Зограф Н.Ю. 761, 764
Золя Э. 149
Зощенко М.М. 449
Зубарева Е.Е. 829
Зуров Л.Ф. 98, 212, 214, 245, 246, 254,
316, 341, 342, 351, 379, 384, 388, 423,
424, 427, 515, 528, 594, 741, 757, 867
- Иаков, прот. (Смирнов) 197
Ибсен Г. 264, 436, 734
Иванов Вс.В. 449, 525
Иванов Вяч.И. 446, 447, 483, 525, 569, 858
Иванов В.Ф. 315
Иванов Г.В. 212, 215, 871
Иванов Ю.Н. 226, 854
Иванова Д.М. 836
Иванова С.С. 227–242
Иваск Ю.П. 120
Игнатий, еп. Ростовский 107, 817, 820
Иезуитова Л.А. 403, 859, 861
Измайлова Н.В. 597, 600, 691
Ильин И.А. 73, 82, 315, 366, 373
Ильин М.А. см. *Осоргин М.А.
Ильин С.Б. 395
- Ильинский О. 829
Иоанн Богослов 312, 535
Иоанн Златоуст 113, 117
Иокар Л.Н. 300, 301, 307
Ионафан, архиеп. Ростовский 59
Исаакян А. 799, 815
Исаева В.Н. 194
- Каган А.С. 206
Каганова Е.А. 760–765, 821–853
Кадашев В. см. Амфитеатров-Кадашев
В.А.
Кадей Э. 467
Каджар А.М.-шах 540
Каджезе Р. 46
Казаневская-Никитинская 189
Казарин В.П. 831
Казарина В.И. 849, 853
Казаркин А.П. 825
Казем-бек М. 163
Калинина Е.А. 832, 835, 849
Калишевич Н.В. 753
*Каменецкий Б. см. Айхенвальд Ю.И.
Капинос Е.В. 845, 846, 849
Капица П.Л. 349
Капчинский О.И. 158, 161
Каразин Н.Н. 770
Каракалла 385
Карамзин Н.М. 136
Карбасников Н.Н. 203
Карбасников Н.П. 203, 213, 214, 222, 464,
489, 493
Карзинкин А.А. 810
Карими-Мотаххар Дж. 533, 540–547
Каримириаби Э. 544, 545
Карл I 682
Карпенко Г.И. 173
Карпов И.П. 81, 82, 827, 831
Карташев А.В. 207, 215
Кассаньянк П. де 356
Катаев В.Б. 860
Катаев В.П. 449
Катенин П.А. 36
Кафка Ф. 601

- Кашин Д.Н. 54
 Квятковская М.Ф. 234
 Кедрова Е.Н. 426
 Келдыш В.А. 5, 394, 858
 Кельнер В.Е. 331, 334
 Кетчер Н.Х. 601
 Ким Кен-Тэ О.С. 173
 Кимменталь П.В. 188, 189
 Кимменталь-Нечаева Д.Ф. 188
 Кимменталь Ф. 188
 Киплинг Р. 176
 Киприан, архимандрит (Керн) 53, 58, 62
 Кир II Великий 333
 Киреевский П.В. 58, 61, 680
 Кириллина О.М. 839
 Кириченко М.В. 839
 Киселев Н.Н. 825
 Кишкин Л.С. 203, 215
 Клементьев А. 53, 62
 Клестов Н.С. 194, 819
 Клименко-Ратгауз Т.Д. 316
 Климова Г.П. 829–831, 852
 Климова С.Б. 445, 457
 Клочкова Е.Н. см. Граф Е.Н.
 Книппер-Чехова О.Л. 252, 256–258, 264,
 267, 272, 278, 283–285, 292
 Кнут Д. 380
 Кобринский А.А. 602, 695
 Ковалева Т.Н. 165, 170, 837, 839, 851, 852
 Коваленко В.А. 549, 550, 553,
 Коваленский М. 815
 Коварский И.Н. 202, 205
 Ковтун Н.В. 843
 Ковыршина О.А. 853
 Кожевникова В.М. 63
 Кожевникова Н.А. 829
 Козлов В.И. 27, 32, 43
 Колар О.А. см. Жирова О.А.
 Колас Я. 548, 550, 551, 553
 Колобаева Л.А. 833
 Кологривова А.Г. 707, 711, 722
 Колтоновская Е.А. 21, 22
 Колтыгина Р.М. 234, 240
 Колупанова Т.Ю. 849
 Коляда А. 552
 Колядич Т.М. 829
 Комаров Л.Н. 17
 Комиссаров Д.С. 541, 545
 Комиссо Дж. 451, 458, 460
 Конашев М.Б. 771
 Кондратенко А.А. 833
 Кондратенко А.И. 853
 Кони А.Ф. 859
 Конисси Д.П. 173, 174,
 Конюшенко Е.И. 366, 373,
 Копельман З.Л. 569
 Коппе Ф. 678, 804
 Коринфский А.А. 229
 Корконосенко С.Г. 863, 864, 867
 Корнилов Ф.Д. 326
 Корнфельд Г.К. 784
 Коровин К.А. 291
 Короленко В.Г. 82, 290, 447, 456, 523, 524,
 831, 843, 847, 850, 862, 865, 867
 Коростелев О.А. 5, 6, 32, 43, 66, 67, 82,
 102, 117, 202, 205, 206, 208, 214–216,
 316, 334, 367, 369, 372, 384, 388, 389,
 432, 517, 528, 564, 681, 740–759, 764,
 766, 854–872
 Короткевич В. 550
 Короткова М.С. 831
 Коррадо А. 447
 Корсакова Л.Е. 836
 Костомарова И.А. 5, 178, 229, 240, 252,
 261, 291, 292, 690, 741, 757, 857, 858
 Котляр Л.В. 690, 823
 Кочергина И.В. 361–376
 Крайнева Н.И. 604, 691
 *Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
 Крамарь О.К. 849
 Краснобородъко Т.И. 597
 Краснов П.Н. 453
 Краснова С.В. 49, 830, 831
 Крачковский И.Ю. 164, 170
 Крашенинников Н.А. 799
 Крейд В. 150, 152,
 Кремье Б. 526
 Кржесалкова Й. 202, 215, 741, 758, 775

- Кривцова С.А. 68, 82, 515, 517, 528
Криничная Н.А. 57, 62
Кроули А. 760
Круглова А.А. 841, 842,
Круппи Л. 515
Крутикова Л.В. 33, 34, 43, 824
Крюкова А.М. 294, 304, 306, 307
Ксенофонт 333
Ксенофонтов И.В. 49, 50, 53, 62
Куванова Л.К. 240
Куденис В. 316, 317, 323, 328, 333, 334
Кудряшова А.А. 844, 849
Кузмин М.А. 163, 169
Кузнецова Г.Н. 212, 214, 222, 228, 240,
245, 315, 341, 342, 351–359, 361, 373,
379, 384, 386, 388, 389, 420, 423–426,
489, 315, 379, 515, 521–523, 528–591,
604, 728, 731, 741, 757, 855, 858, 867,
871
Кузнецова Е.В. 119–142, 871, 872
Куйбышев В.В. 825
Кулабухова М.А. 831, 833, 838
Кулешов Ф.В. 313
Кули-Хан М. 540
Куликов Е.Ю. 678
Кульман В.Н. 342, 345
Кульман Н.И. 340–343, 345, 521
Кульман Н.К. 331, 339, 340–343, 521, 529
Куприн А.И. 192, 194, 196, 197, 201, 239,
276, 280–283, 378, 387, 388, 453, 456,
503, 518–525, 681, 745, 802, 840, 870
Курбатова Ю.В. 841, 842
Курепина Т.Г. 831
Курляндская Г.Б. 824, 831
Курносов 229
Курносова И.М. 49, 853
Куровский В.П. 269, 281, 791
Курочкина А.В. 851
Кускова Е.Д. 751
Кушнерев И.Н. 296, 300, 559, 689, 784,
799
Кюфферле П. 463
Кюфферле Р. 7, 448, 450, 452, 453, 454,
458, 460, 463–501
Лавров А.В. 603, 604, 691, 771, 859
Ладинский А.П. 377–392
Лалуа Л. 514, 524
Ламартин А. 666
Ландольфи Т. 446, 452, 453, 458, 460, 461
Лао-цызы (Лаоси, Лао-тзе) 173, 174, 178
Лапидус А.Я. 389, 445, 457, 742, 775, 856,
857
Лаптенок И.Б. 548–554
Ларделэ, граф 357
Ласкаржевская М.А. см. Бунина М.А.
Ласкаржеский Е.И. 181, 231, 232
Ласкаржевский И.А. 228, 229
Ласкаржевский Н.И. 180–182, 189, 227–
242
Ласунский О.Г. 182
Лау Н.В. 841
Лашков 312
Ле Гуи К. 352–360
Лебедев В. 119, 120, 139
Лебедева О.Б. 446, 457
Лебедева Т.А. 837
Лебедкина М.М. 807
Левенсон А.А. 173, 174, 178, 816
Левин Ю.Д. 667
Левин Ю.И. 396
Левинсон А.Я. 514, 516, 518, 519, 529,
752, 755
Левинтон Г.А. 403
Левитан И.И. 266, 274, 290
Лейкин Н.А. 260
Леконт де Лиль Ш. 481, 483, 666, 781,
791, 806, 812
Ленин В.И. 112, 511, 567, 590, 630
Лённквист Б. 29, 35, 43
Ленотр А. 196
Леонидов В.В. 207, 213, 507, 512, 591, 856
Леонов Л.М. 449
Лермонтов М.Ю. 31, 122–124, 137, 533,
667, 669, 769, 828, 837
Лесков Н.С. 300, 831
Лесман М.С. 294, 307
Лесняк Б.Н. 408
Лиао Ле-Йуех 834

- Либерман А.Б. 243, 248, 249, 250
 Либерман С. 248, 249
 Ливаненков Е.Е. 841
 Ливанова Р.Ю. 846, 852
 Лиденкова О.А. 55, 56, 62
 Лидин В.Г. 525
 Лиокумович Т. 230
 Липец Р.С. 60, 63
 Листрова-Правда Ю.Т. 843
 Литошенко Л.Н. 25, 26, 43
 Лихошерстов А.А. 194, 196
 Ло Гатто Э. 447, 452, 456, 458, 459, 461, 479
 Лобанова Т.К. 173
 Логвиненко С.В. 846
 Лозинский Г.Л. 206, 207, 215, 516
 Ломакин Г.С. 782
 Ломакин И.С. 447
 Ломоносов М.В. 315, 352, 824, 870
 Лонгфелло Г.У. 201, 203, 215, 409, 471, 494, 559, 610, 666, 675, 678, 679, 690, 783–786, 789, 801, 806, 811
 Лопатин В.В. 434
 Лопашов С.А. 810
 Лосская В.К. 250, 432
 Лоти П. 353
 Лоуренс Д.Г. 455
 Лохвицкая М.А. 447
 Лошинская Н.В. 604
 Луковников П.В. 789
 Лупп Солунский 57
 Лурье С. 487–501
 Лушенкова Фосколо А.В. 66–85, 395, 396
 Любимов Л.Д. 150, 152
 Любимов Н.М. 82
 Люкевич В.В. 549, 550, 551, 553
 Люкимсон П.Е. 166, 170
 Лявданский Э.К. 823, 824, 826
 Ляйрих Е.Б. 842
 Ляцкий Е.А. 203, 215
 Магомедова Д.М. 34, 43
 Мазуркевич В.А. 784
 Май К. 245, 249
 Макашин С.А. 389
 Макиавелли Н. 328
 Макогоненко Г.П. 294
 Маликова М.Э. 403
 Малмстад Дж. 603, 691, 858
 Мальцев Ю.В. 25, 43, 68, 82, 131, 139, 151, 152, 156, 161, 316, 334, 766, 771, 827, 855
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 264, 300, 301
 Мамонтов А.И. 787, 815
 Мамонтова И.С. (Серова) 429
 Мамченко В.А. 380
 Мандельштам О.Э. 827
 Мандельштам Ю.В. 516, 517
 Манухина Т.И. см. *Таманин Т.
 Манчук Г.Н. 535, 538, 542
 Марголина О.Б. 249
 Маркс А.Ф. 222, 274, 286, 288, 289, 559, 560, 654, 667, 684, 685, 689, 705, 718, 726
 Марриэт Ф. 436
 Мартин Турский 57
 Мартиросян К.Г. 849
 Мартынова Л.А. 252–262
 Марулло Т.Г. 173
 Марченко Т.В. 24, 43, 149, 152, 331, 332–334, 383, 389, 445, 457, 516, 517, 850
 Матисс А. 357
 Маяковский В.В. 124, 365, 373, 449, 541, 827
 Мегириянц Т.А. 829
 Медарич М. 396
 Меднис Н.Е. 446, 457
 Мейлах Б.С. 691
 Мелерович А.М. 853
 Мельгунов С.П. 315
 Мельников Н.Г. 120, 139, 149, 152, 389, 445, 457, 516, 571, 528, 864
 Мендельсон Н.М. 817
 Меньшов К.Л. 812
 Мережковский Д.С. 192, 315, 324, 380, 384, 385, 446, 472, 514, 518, 520, 525, 526, 763, 764, 855

- Меренкова С.Б. 833, 839
Мерзляков А.Ф. 54
Меркурий Смоленский 15
Мескин В.А. 149–154
Метерлинк М. 436
Мефодий, архиепископ см. Кульман В.Н.
Мещерский А. 66, 67, 82
Мизинова Л.С. 256
Мийи Ж. 81
Микеланджело Буонаротти 448
Микешина Л.А. 165, 170
Милюков П.Н. 315, 320, 379, 744, 754,
757, 866–868
Минаев И.П. 146
Минералов Ю.И. 49, 63
Минералова И.Г. 49, 63
Минн, проф. 347, 349
Минский Н.М. 602, 692
Мириманова Л.А. 312
Мисникевич Т.В. 603
Митропольский И.И. 805
Михайлов А.Д. 68, 82
Михайлов М.Л. 670
Михайлов О.Н. 5, 68, 82, 98, 105, 116, 178,
225, 229, 240, 252, 261, 276, 279, 291,
292, 297, 823, 825, 829, 298, 306, 316,
317, 334, 364, 372, 510, 512, 562, 592,
690, 741, 757, 770, 822, 823, 825, 826,
829, 855–858
Михайлова М.В. 352–360
Михайловский Б.В. 297
Михайловский Д.Л. 670
Мицкевич А. 656, 666, 667, 677, 679, 780,
792, 793, 798, 603
Мишле Ж. 518
Млечко А.В. 842
Мнухин Л.А. 250, 420–428, 431, 432
Моисеева Ф. 453
Молотов В.М. 290
Молчанова Н.А. 841
Монго А. 503
Моне К. 73
Мопассан Г. де 67, 149–154, 196, 352, 354,
356, 436, 465, 487
Мордвинов А.А. 424
Мордерер В.Я. 295, 307
Мориак Ф. 67
*Морис Парижанин (Донзель М.) 519, 529
Морозов М.В. 18, 22
Морозов С.Н. 5, 6, 48–65, 106, 117, 178,
201, 207, 208, 213, 215, 225, 226, 229,
240, 252, 261, 267, 273, 276, 279, 281,
283–285, 289, 291, 292, 297, 298, 317–
319, 332–334, 373, 507, 512, 557, 591,
592, 606, 641, 646, 658, 660, 673, 681,
690–692, 704–727, 741, 757, 766, 768–
771, 775–820, 854–872
Морозова Ю.Г. 48–65
Москвин В.А. 858, 868
Москвин И.М. 734
Мур Дж. 455
Мур Т. 666, 668, 670
Муравьева-Логинова Т.Д. 246, 250
Муратова К.Д. 775
Муромцев Н.А. 194, 255
Муромцева Л.Ф. см. Соколова Л.Ф.
Муромцева М.Н. 585
Муромцева-Бунина В.Н. 16, 17, 22, 26, 42,
97, 98, 120, 139, 164, 170, 180, 187,
189, 191, 192, 194–197, 222, 227–232,
226, 230, 240, 245, 246, 248, 249, 250,
254–256, 268, 277, 283–285, 287, 292,
316, 319, 341, 342, 351, 353, 359, 361,
373, 379, 383, 384, 387, 390, 394, 403,
421–424, 431, 432, 515, 74, 645, 650,
681, 685, 692, 728, 729, 733, 738, 771,
856, 872
Муссолини Б. 450, 451, 454, 480
Мущенко Е.Г. 115, 117
Мэнсфилд К. 353
Мюссе А. 666, 673, 780
Мясников А.С. 62, 103, 397, 398, 400, 401,
690
Набоков В.В. (*Сирин В.) 67, 68, 119, 120,
121, 137, 139, 315, 349, 377, 378, 389,
390, 393–405, 541, 607, 692, 766, 770,
838, 839, 846, 858

- Надсон С.Я. 121, 558, 595, 654, 669, 776
 Наживин И.Ф. 315–336, 522
 Назариант О. 691
 Найденов С.А. 239, 272, 273, 286, 300
 Науменко И.Я. 550
 Наумов М.М. 17
 Нахимов П.С. 73
 Неволин К.А. 769
 Негри А. 666, 783, 787, 788
 Некрасов Н.А. 753, 770, 839, 840, 841
 Немирович-Данченко В.И. 258, 264
 Нерон 385
 Нефагина Г. 863
 Нефедов В.В. 170, 549, 550, 553
 Нечаева В.С. 599, 692
 Нива Ж. 834
 Нивьер А. 198
 Никитин И.С. 221, 745
 Никитин С.П. 187
 Никитина Е.И. 851
 Николаев Д.Д. 225, 273, 317, 334, 855
 Николаев К. 163, 164, 166, 167, 170
 Николаев Н.В. 825
 Николаев П.А. 63
 Николаевский Б.И. 403,
 Николай I 35
 Николай Михайлович, вел. кн. 13
 Николай Николаевич Младший, вел. кн.
 320, 321
 Николай Чудотворец 57, 329
 Николеску Т.Н. 67, 102
 Николина Н.А. 827, 833
 Никольская Л.Д. 823, 825
 Николюкин А.Н. 509, 511, 764
 Никоненко С.С. 690, 729, 738
 Никонова Т.А. 31, 44, 827, 834
 Никулин Л.В. 230, 289, 822
 Никульцева В.В. 434–442, 852
 Нилус П.А. 192, 193, 220, 272, 658, 797,
 810
 Ничипоров И.Б. 124, 133, 134, 139, 836, 837
 Ноай А. де 353
 Нобель А.Б. 67, 91, 143, 200, 206, 207, 290,
 315, 318, 321–323, 325, 326, 331–334,
 343, 359, 364, 377, 383–385, 388, 389,
 394, 395, 406, 409, 423, 430, 445, 452,
 453, 454, 457, 469, 479, 480, 483, 500,
 508, 511, 514, 516, 517, 519, 520, 552,
 560, 740, 741, 746, 757, 766, 846, 847,
 852, 854, 860, 869
 Нобель Г.Л. 322
 Нобель Э.Л. 321, 322
 Новак М. 245, 250
 Новиков В. 403
 Новикова Е.А. 837
 Новицкий К. 769
 Новичкова Д.А. 309–314
 Нольде В.М. 313
 Оболенский Д. 349
 Оболенский Н.Л. 316
 Огинский М.К. 16, 38
 Озеров Л.А. 55, 63
 Ольденберг Г. 172, 173, 175, 178
 Олькеницкая-Нальди Р. 448
 Опульская Л.Д. 600
 Орлова А.П. 850
 *Осоргин (Ильин) М.А. 244, 247, 248,
 250, 315, 322, 327, 329, 384, 421, 520,
 753, 835, 836–838
 Осоргина-Бакунина Т.А. 67, 102
 Острогорский А.Я. 804
 Осьминина Е.А. 172–179
 Оффенбах Ж. 192, 194, 196, 245, 318
 Ошар К. 79
 Павезе Ч. 450
 Павел, ап. 57
 Павлович 350
 Панкратов В.А. 826
 Панова О.Ю. 871
 Парнис А.Е. 295, 307
 Парфенов М.И. 197
 ПаSTERnak Б.Л. 408, 409, 445, 457, 525,
 827, 829, 833, 855
 Паустовский К.Г. 228, 240, 408, 841, 842
 Пашкова Е.В. 838
 Переверзева Н.А. 842

- Переяслов Н.В. 837
Перова Е.Ю. 86–90
Перрон, переводчик 163
Персиваль К. Де 163
Перцов В.В. 782
Перцов П.П. 782
Песков А.М. 691
Петерсон О. 806
Пети Э. 192
Пети-Балаховская С.Г. 192
Петинова Е.А. 836
Петлюра С.В. 416
Петр I 509
Петрарка Ф. 666, 783
Петров Г.С. 21, 22
Петров С.Г. см. *Скиталец
Петрова М.Г. 296, 298, 299
Петровский В.С. 186, 189
Петровский С.А. 188, 189
Пешков А.М. см. *Горький А.М.
Пешкова Е.П. 297, 306
Пильняк Б.А. 449, 525
Пильский П.М. 122, 129, 137, 139, 240
Писаревы 54
Платонов А.П. 827, 848
Плещков В.В. 830, 831
Погодина Е.В. 837
Поджоли Р. 25, 26, 44, 46, 445, 449, 452–
456, 458–462, 473, 480, 484, 485
Подоксенов А.М. 847
Познер В.С. 454, 455, 514, 516, 523–525,
527, 752, 754
Познер С.В. 330–332, 334
Полледро А. 474, 476
Полнер Т.И. 201, 205
Положенцев В.И. 825
Полонская Л.А. 222, 223, 224
Полонский А.Я. 224
Полонский В.В. 854
Полонский Я.Б. 222, 223, 224, 225
Полторацкая С.В. 835, 840
Полупанова А.В. 834, 835, 836, 838
Поляков-Литовцев С.Л. 751
Померанцева Э.В. 31, 44, 48, 49, 58
Пономарев Е.Р. 5, 6, 70, 82, 91–100, 207–
209, 212, 215, 341, 342, 351, 384, 389,
432, 515, 528, 681, 741, 757, 760, 766,
771, 839, 843, 847, 850, 852–858, 861,
862, 865, 867–872
Пономарев Л.И. 297, 307
Поплавская И.А. 28
Попов А.Л. 810
Попов Е.И. 173
Попов М.В. 812
Попов П.А. 183, 185, 189,
Попова В.Ю. 871
Попова О.Н. 222
Порфириев П.Ф. 782
Потапова А.С. 297, 307
Пращерук Н.В. 29, 44, 833, 834
Примочкина Н.Н. 317, 320, 334
Пришвин М.М. 832
Прокопов Т.Ф. 420, 424, 432
Прокопович Н.Я. 605
Прокофьев Д.С. 436, 441
Пронин А.А. 832, 833
Пропп В.Я. 56, 63
Прохоров Е.И. 600
Пруст М. 66–85, 838, 849
Прутцков Г.В. 333
Пузырева О.Г. 841, 843
Пустовойтова О.В. 843
Пуцило Н.В. 807
Пушинников Н.А. 232, 581
Пушинникова К.П. 581
Пушинникова С.Н. 232, 282, 283
Пушкин А.С. 13, 22, 36, 41, 99, 104, 132,
136, 137, 201, 321, 328, 403, 409, 436,
455, 463, 469, 490, 494, 499, 504, 510,
518, 533, 541, 545, 596–601, 603, 611,
655, 667, 691, 692, 708, 753, 769, 800,
828, 831, 832, 837
Пушкина О.С. 681
Пятницкий К.П. 253, 304, 639
Раев М. 201, 215
Раевская-Хьюз О.П. 403
Рак И.В. 169, 170

- Раков Ф. 186
 Расин Ж. 385
 Раскольникова М.В. 861
 Распутин В.Г. 841
 Ратгауз Д.М. 316
 Рафалович С.Л. 516
 Рахманинов С.В. 193, 239
 Рахманова Л.Ю. 812
 Рац И.М. 393–405
 Ревякина И.А. 298, 305, 307, 446, 457
 Резник О.В. 155–162
 Рейсер С.А. 601, 692, 760, 764
 Рейтблат А.И. 363, 373
 Ремизов А.М. 192, 366, 380, 421, 449, 519,
 521, 525, 601, 735
 Ренье А. де 515
 Репин И.В. 641
 Репин И.Е. 97
 Рёскин Д. 71
 Ресневич-Синьорелли О.И. 451
 Ржевский Л.Д. 151, 153, 865
 Ри Чжон Хи 834
 Рильке Р.-М. 679, 865,
 Римский-Корсаков Н.А. 478
 Риникер Д. 32, 43, 156, 161, 208, 215, 389,
 445, 457, 506, 578, 857, 858
 Риппинг М. 368, 370, 374
 Рихтер В. 559, 689
 Рицци Д. 445–462
 Родионова Н.А. 839, 834
 Родионова Т.А. (Бунина) 229, 240
 Розанов В.В. 525
 Розанов И.Н. 54, 63
 Розенфельд А.З. 541, 545
 Ролдугина И.А. 839
 Роллан Р. 515
 Романова Г.Р. 845
 Ромашков Н.О. 229, 230
 Росов В.А. 858
 Ростова О.А. 198, 420–433
 *Рощин Н. (Федоров Н.Я.) 98, 329, 428
 Рошина О.С. 446, 457,
 Руднев В.В. 206
 Руженцева Н.Б. 834
 Рукальский С. 349
 Руманов А.В. 812
 Руми 398
 Рынкевич В.П. 98, 297, 306, 562, 690
 Рюриков Б.С. 397, 398, 400, 401, 562, 690
 Рябова С.Г. 843
 Саади 163, 165, 166, 168, 169, 533, 535,
 542, 543, 544, 666, 667, 678, 691, 806,
 809
 Саблин Е.В. 428
 Саблина Н.П. 112, 117
 Савари К. 163
 Савоева Н.В. 408
 Савонарола Дж. 328
 Сазонова Ю.Л. (Слонимская) 97, 515,
 526, 860
 Салтыков-Щедрин М.Е. 601, 778
 Самарин В.Д. 865
 *Самсонов М. (Соловейчик С.М.) 754,
 755
 Сандунов С.Н. 681
 Санин А.А. 478
 Сапожков С.В. 692
 Сафиуллина Р.М. 163–171
 Саченко Б.И. 550
 Сватиков С.Г. 315, 321, 322, 328–332
 Сватикова П. 326, 334
 Свербеева Л.Д. 804
 Свиридова Т.М. 843, 847, 850, 853
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 434–442
 *Седых А. (Цвибак Я.М.) 98, 192, 245,
 247, 424
 Сейфуллина Л.Н. 366
 Семенов М.Н. 67, 857
 Сенкевич Г.И. 385, 673, 676, 782
 Серебренников А.И. 328, 329
 Серов С.М. 429
 Серова И.С. см. Мамонтова И.С.
 Сечин Д.Е. 369, 372
 Сигов В.К. 830
 Сидорова Е.В. 838
 Сидорова С.Ю. 838
 Сидякова Т.В. 827

- Силина Л.А. 221–226
*Сирин В. см. Набоков В.В.
Сиротинская И.П. 407, 408, 410
Скабичевский А.М. 324
*Скиталец (Петров С.Г.) 302
Скобелев В.П. 827
Сливицкая О.В. 822, 825, 839
Слоним М.Л. 448, 449, 451, 481, 516, 745
Слонимская Ю.Л. см. Сазонова Ю.Л.
Смирнов В.А. 836, 837, 847, 851
Смирнов Н.П. 753
Смирнова А.И. 837
Смоленцев А.И. 835, 837, 844
Смольниова Е.Б. 173, 841
Снежко Е.В. 840
Созина Е.К. 837
Соколова Л.Ф. (Муромцева) 194
Соколова В.П. 831
Солдатенков К.Т. 54, 62, 175, 770,
Солженицын А.И. 409, 541
Соллогуб А.В. 423, 424, 427, 430, 431
Соллогуб Н.Б. см. Зайцева Н.Б.
Соловейчик С.М. см. *Самсонов М.
Соловьев Вл.С. 27, 61, 63, 163, 399, 401,
605, 691
Сологуб Ф.К. 447, 569, 603, 812, 815, 835
Соломон, царь 143, 145, 163, 165–170,
565, 566, 801, 807
Сомов К.А. 304
Сондзоньо Э. 478
Сотникова Е.А. 853
Соустова О.А. 843
Софьев Ю.Б. 380, 389
Спекторский Е.В. 871
Спивак Р.С. 124, 139
Спиридонова Л.А. 304, 306
Средин Л.В. 300, 301
Сталин И.В. 409, 430, 599
Станиславский К.С. 258, 264
Станюкович К.М. 264
Стасюлевич М.М. 802
Стахорский С.В. 130, 139
Степанов А.В. 824
Степанов К.В. 389, 445, 457, 857
Степун М.А. 212, 214, 245, 341, 342, 351,
359, 384, 389, 426, 515, 528, 591, 741,
757, 867
Степун Ф.А. 123, 124, 127, 130, 135, 137,
139, 370, 591, 738, 746, 747, 748, 749,
756
Столыпин П.А. 343
Стрельцов А.М. 828, 830
Струве А.П. 222, 223
Струве Г.П. 244, 384, 389, 393, 396, 508,
512, 516, 744
Струве Ник. Алекс. 53, 62,
Струве Нина Александ. 222
Струве П.Б. 222
Субботник М.А. 80
Суворин А.С. 260, 287, 769
Сукова Н.Н. 826, 831
Сумароков А.П. 54, 55
Суперфин Г.Г. 244
Сурина Н. 76, 82
Сурпин М.Л. 704, 726
Сухотина-Толстая Т.Л. 446
Сушкова Е.А. 353
Сысоев Н.А. 264, 265, 267, 269, 283, 288,
290, 292
Сытин И.Д. 286, 287, 288, 761
Тагавердиева З.Р. 845, 847
Таганов А.Н. 68, 82
Талалай М.Г. 482, 483
*Таманин Т. (Манухина Т.И.) 756
Тамонцева Ю.В. 691
Татаринова Ф.К. 272, 646
Твардовский А.Т. 397, 398, 400, 401, 407,
562, 690
Телешов Н.Д. 264, 265, 300–302, 601, 635,
657, 681, 693, 786, 804, 812, 815
Темиров С. 745
Теннисон А. 559, 666, 670, 682, 690
Тер-Абрамянц А.П. 830
Терапиано Ю.К. 380, 389, 689
Терехина В.Н. 435, 441
Тибекина Т. 186
Тилль Г.О. 203

- Тименчик Р.Д. 569, 691
 Тимковский Н.И. 447
 Тимошенкова В.С. 143–148
 Тирген П. 28, 44
 Титаренко С.Д. 859, 861
 Титова В.Г. 690
 Тихомиров Д.И. 792
 Ткачев М.А. 549
 Толмачев В.М. 842, 871
 Толоконникова С.Ю. 830
 Толстой А.К. 120, 436
 Толстой А.Н. 11–23, 192, 201, 321, 338, 350, 519, 751, 813
 Толстой Л.Н. 68, 69, 77, 82, 93, 94, 130, 131, 143–147, 172–175, 177, 178, 207, 208, 213–215, 276, 277, 290, 316, 318, 328, 329, 333, 382, 383, 407, 455, 472, 477, 490, 494, 497, 499, 510, 511, 519, 521, 541, 605, 608, 750, 825, 826, 831, 838, 855–858, 861, 870
 Толстой Н.И. 824
 Томашева Н. 807
 Томашева С. 807
 Томашевский Б.В. 596–599, 606, 627, 681, 692
 Тредиаковский В.К. 380
 Третьякова И.Ю. 853
 Трибл К. 860
 Трибунский П.А. 209, 210, 215
 Тригуб Виктор В. 189
 Тригуб Владимир В. 189
 Трифонов Ю.В. 835
 Троцкий И.М. 246, 250
 Троцкий Л.Д. 233, 477
 Трубилова Е.М. 273, 316, 317, 334, 855
 Трубицына Н.А. 847
 Трусова А.С. 155, 161
 Труцци 834
 Туббе О.К. 228
 Туббе семья 228
 Тургенев И.С. 21, 92, 231, 235, 393, 403, 415, 418, 436, 455, 463, 465, 471, 472, 487, 491, 496, 518, 524, 693, 745, 831, 870
 Тургенев Л.Б. 17
 Тургенева М.Л. 17
 Тургенева О.Л. 17
 Тыркова-Вильямс А.В. 349
 Тэффи Н.А. 157, 192, 224, 315, 338, 342, 349, 350, 385, 421, 435, 464, 521, 856
 Тюпа В.И. 28, 34, 35, 44
 Тюрин А.Н. 857, 858
 Тютчева Ф.И. 124, 135, 137, 672, 855
 Уайлд О. 356, 358, 359, 398
 Уилсон Э. 394
 Ульянов Н.А. 817
 Уральский М.Л. 243–251
 Урюпин И.С. 847, 850
 Устинов В.М. 191, 198
 Фаусбелль В. 173, 174, 178
 Федин К.А. 449
 Федоров А.М. 76, 82, 641, 681, 783, 867
 Федоров Н.Я. см. *Рошин Н.
 Федорова М.К. 188
 Федотов С.С. 564, 858
 Федякин С.Р. 256
 *Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 527, 528
 Фет А.А. 397, 398, 831
 Фетисов П.И. 184, 187
 Фетисова А.С. 184, 185, 186, 187
 Феэр 349
 Филатова О.Д. 691
 Филатьев В.Д. 430
 Филькина Е. 378, 389, 435, 441
 Финк Л.А. 825, 827, 835
 Фиш М.Ю. 49
 Фишер К.А. 300, 301, 302
 Флейшман Л.С. 403
 Флери Р. 357
 Флобер Г. 150, 455, 518
 Флоренский П.А. 399
 Флюгель Г.Л. 163
 Фокина М.А. 853
 Фома Аквинский 763
 Фомичева С.А. 603

- Фондаминский И.И. 205, 206, 208, 367
Форд Г. 209, 215
Фостер Л.А. 275
Фохт В.Б. 514, 516, 526, 527
Фохт-Бабушкин Ю.Ф. 311
Франко И.Я. 822
Франковский А.А. 71, 80, 82
Фролов М.А. 741, 757, 870
Фурцева Е.А. 235
- Хазан В.И. 244, 247, 248, 250
Хайнази З. 842
Хаккель С. 349
Халатьянц Г.А. 799
Халил ибн Исак 163
Ханджани Л. 164, 170
Хасан Д.-А. 333
Хилл Е.Ф. 346, 347
Хлебников В.В. 525
Ходасевич В.Ф. 120, 121, 130, 137, 139,
249, 385, 525
Худенко Е.А. 832
Худяков С. 260
Худякова Н. 260
Хуфен К. 591
Хьюз Р. 403
- Цакни А.Н. 191, 194, 269, 574, 672
Царев Л.Н. 337
Царева-Браунер В.Л. 337–351
Цатуриан А. 666, 794, 815,
Цветаева М.И. 113, 250, 420, 427, 431,
432, 449, 525, 541, 868
Цвibак Я.М. см. *Седых А.
Цетлин М.О. 209, 211, 393, 396, 620, 751,
752, 754, 756
Цетлина А.М. 222
Цетлина М.С. 223, 246, 250, 752, 754
Цивьян Т.В. 858
Циммерман С.С. 838
Цяловская Т.Г. 599
- Чайковский Р.Р. 679, 692
*Чайченко В. (Гринченко Б.Д.) 666, 674,
786
- Чанг-Чанг-Линг см. Ван Чан-лин
*Часинг Л. (Арсеньева Л.В.) 387, 388, 389
Чебоненко О.С. 173
Чеботаревская А.Н. 805, 812
Челлини Б. 448
Чена Дж. 447
Черкашина Е.Л. 842
Чернова Н.М. 380, 389
*Черный Саша (Гликберг А.М.) 379, 421
Чернышев А.А. 410
Чехов А.П. 82, 94, 98, 209–215, 228, 239,
252–262, 263–293, 297, 298, 369, 382,
383, 408, 423, 447, 448, 449, 456, 465,
477, 487, 497, 502, 508, 509, 511, 523,
524, 528, 541, 560, 639, 689, 734, 744,
760, 763, 764, 793, 855, 860, 861, 870
Чехов И.П. 285
Чехов С.М. 291
Чехова Е.Я. 276
Чехова М.П. 263–293
Чжуан-цзы (Чжуан-Чжоу) 176
Чинг-Чанг 177
Чириков Е.Н. 302, 802
Чой Чжин Хи 835
Чубаров, князь 509
Чубаров И.А. 16
Чубарова Л.А. см. Бунина Л.А.
Чудинов А.П. 834
Чулков М.Д. 39
Чумаков Ю.Н. 24, 43
Чумакова Т.В. 847, 851
Чупкова О.В. 412–419
Чурилин Т.В. 849
Чуркина Л. 189
Чэнь Д. 851
- Шаламов В.Т. 203, 215, 407–411
Шалюгин Г.А. 291
Шаляпин Ф.И. 192, 239, 302, 378, 389
Шамракова И.А. 201, 207, 209, 212, 213,
215
Шамякин И.П. 550
Шарапов П.Н. 761, 764
Шаров Д.А. 239

- Шаров Е.А. 239
 Шатобриан Ф. 519, 520
 Шахаб Б. 544
 Шаховская З.А. 159, 222, 323, 324, 334,
 394, 397, 514, 516, 519, 520, 529
 Шевченко Е. 755
 Шевченко Т.Г. 666, 675, 682, 789, 799
 Шелли П.Б. 150
 Шемшурин А.А. 284
 Шерон Ж. 857, 858
 Шестаков В.П. 61, 63
 Шестов Л.И. 77, 82, 525
 Шестун Е. 837
 Шиллер Ф. 666, 709
 Шинкова Е.М. 872
 Шитакова Н.И. 842
 Шишков М.А. 524
 Шишков С. 17
 Шкловский И.В. (*Дионео) 348, 349
 Шлётцер Б.Ф. 525, 529, 752, 754
 Шмелев И.С. 157–159, 192, 310, 315, 316,
 334, 342, 350, 373, 421, 464, 468, 490,
 493, 519, 520, 521, 525, 840, 841, 842,
 852, 856
 Шолохов М.А. 294, 306, 409, 453, 541
 Шомракова И.А. 201, 207, 209, 212, 213,
 215
 Шраер М.Д. 378, 390, 393–396, 403, 692,
 858
 Шруба М. 5, 202, 205, 206, 208, 214–216,
 367, 372, 863, 864
 Штерн Е. 810
 Штерн М.С. 832
 Штраусс В. фон 173
 Шубникова-Гусева Н.И. 435, 441
 Шюзвиль Ж. 514, 525, 526, 529
 Щавлинский М.С. 6, 766–772, 852
 Щекатихина-Потоцкая А.В. 379
 Щепкин Н.М. 770
 Щербакова М.В. 851
 Щербина В.Р. 297, 307
 Щербов П.Е. 304
 Щеулин В.В. 853
 Щукин В. 29, 44
 Щукин С.Н. 763, 764
 Щукин С.С. 762
 Эйгес А.Р. 264
 Эйснер А.В. 119, 120, 139
 Эпштейн М.Н. 104, 117
 Эренбург И.Г. 453, 751
 Эртель А.И. 222
 Эртнер Е.Н. 830
 Эсхил 680, 797
 Этвеш Л. 393
 Эфендиева Г.В. 297, 307
 Эфрон А.С. 420, 427
 Эфрон С.Я. 420, 427
 Юнггрен М. 857, 858
 Юрченко Л.Н. 836, 844
 Юрьева О.Ю. 49, 63
 Юрьева Т.В. 60, 63
 Яблоновская Н.В. 830, 831, 832
 *Яблоновский С. (Потресов С.В.) 752
 Яковлев И.Я. 836
 Якубович П.Ф. 632, 692
 Яновский В.С. 314, 464
 Ярнефельт Э.Н. 304
 Яровая Т.Ю. 847, 851
 Яхъяпур М.М. 532–539, 540, 542–545
 Antonini G. 454, 457, 459
 Billiani F. 450, 457, 459
 Bobryk R. 502, 512
 Boele O. 399, 403, 404
 Boyd B. 403, 404
 Comisso G. 451, 458, 460
 Damiani E. 450, 458, 460
 Deotto P. 502, 512, 513
 Dupierreux R. 328

- Ginzburg L. 454, 458, 460
Gölz C. 395
Goujon F. 73
- Hansen-Löve A.A. 396
Hermiston R. 346, 351
Hetenyi Zs. 403, 404
Heywood A.J. 198, 576, 857
- Küfferle R. 448, 450, 452, 458, 460, 463–501
- Laloy L. 514, 524, 529, 531
Landolfi T. 452, 453, 458, 460, 461
Livak L. 503, 512, 513, 516, 526, 529–531
Lo Gatto E. 447, 452, 456, 458, 459, 461
Lushenkova Foscolo A. 69, 83–85, 396
- Medarić M. 396, 403, 404
Messina G. 453, 458, 461
- Milly J. 81, 83, 84
Nemi 446, 458, 461
- Pavese C. 450, 458, 461
Peterson D. 31, 32, 40, 44, 46
Poggiali R. 25, 44, 46, 445, 449, 452, 455, 456, 458, 459, 460–462, 473, 480, 484, 485
- Praz M. 452, 459, 461
- Ramperti M. 451, 459, 461
Rutten E. 399, 403, 404
- Salvini L. 453, 459, 462
Stafford-Smith J. 347, 350, 351
- Vacek J. 220
Varley K. 248, 250, 251
Vinitsky I. 28, 44, 47
Vogt W. 514, 517, 526, 527, 529, 531

Составитель *E.B. Кузнецова*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ. БИОГРАФИЯ

<i>Г.Н. Воронцова (Москва).</i>	
«Момент итогов и концов»: «Суходол» И.А. Бунина и цикл «Заволжье»	
А.Н. Толстого	11
<i>К.В. Анисимов (Красноярск).</i>	
Балладность бунинского «Суходола»: влияет ли историософия на жанровую	
поэтику?	24
<i>С.Н. Морозов, Ю.Г. Морозова (Москва).</i>	
Рассказ И.А. Бунина «Баллада»: композиционно-образные и жанровые	
особенности	48
<i>А.В. Лушенкова Фосколо (Лион).</i>	
«Прустовские места» в произведениях И.А. Бунина	66
<i>Е.Ю. Перова (Москва).</i>	
Особенности поэтики новеллы «Холодная осень» в контексте мировосприятия	
И.А. Бунина	86
<i>Е.Р. Пономарев (Санкт-Петербург).</i>	
Путь Бунина. Динамизм и эксперимент как основы бунинской поэтики	91
<i>О.А. Бердникова (Воронеж).</i>	
Стихотворения И.А. Бунина: текстология и интерпретация	101
<i>Е.В. Кузнецова (Москва).</i>	
Сборник И.А. Бунина «Избранные стихи» 1929 года: проблема художественной	
целостности	119
<i>В.С. Тимощенко (Москва).</i>	
Мифопоэтика образа Л.Н. Толстого в рассказе И.А. Бунина «Ночь»	143
<i>В.А. Мескин, К.Н. Галай (Москва).</i>	
Ги де Мопассан в творчестве Ивана Бунина	149
<i>О.В. Резник (Симферополь).</i>	
Творчество И.А. Бунина в контексте мемороцентристской прозы русской	
эмиграции первой волны	155

<i>P.M. Сафиулина (Москва).</i>	
Раннее творчество И.А. Бунина и Коран Альбера де Биберштейн-Казимирского	163
<i>E.A. Осьминина (Москва).</i>	
Китайские реалии в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга»	172
<i>A.H. Акиньшин (Воронеж).</i>	
Дом в Воронеже, в котором родился и жил И.А. Бунин	180
<i>B.B. Бойков (Воронеж).</i>	
Новые бунинские документы из парижских архивов	191
<i>M.M. Аболина (Санкт-Петербург).</i>	
И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920–1955 гг.)	200
<i>L.A. Силина (Воронеж).</i>	
Эпистолярное наследие И.А. Бунина эмигрантского периода в контексте музеиного пространства	221
<i>C.S. Иванова (Ефремов).</i>	
Воспоминания Н.И. Ласкаржевского о пребывании И.А. Бунина в городе Ефремове	227
<i>M.L. Уральский (Брюль, Германия).</i>	
Тема «Бунин и евреи» в контексте воспоминаний А. Бауха о его «грасском сидении»	243
<i>L.A. Мартынова (Москва).</i>	
Бунин и Чехов: к истории одного заблуждения	252
<i>T.B. Гордиенко (Москва).</i>	
И.А. Бунин и М.П. Чехова в переписке и воспоминаниях	263
<i>O.B. Быстрова (Москва).</i>	
Дарственные надписи М. Горького И.А. Бунину: (к проблеме публикации)	294
<i>D.A. Новичкова (Мытищи).</i>	
И. Бунин и В. Вересаев: родственные картины в литературных хрониках революции	309
<i>A.B. Бакунцев (Москва).</i>	
«Злойший черносотенник и турица, он окончательно разложился...»:	
И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.)	315
<i>B.L. Царёва-Браунер (Кембридж).</i>	
Неизвестные автографы И.А. Бунина: выставка в Кембриджском университете (Великобритания)	337

<i>М.В. Михайлова (Москва), К. Ле Гуи (США).</i>	
Неожиданный треугольник: Иван Бунин — Мария Башкирцева —	
Галина Кузнецова	352
<i>И.В. Кочергина (Москва).</i>	
Проза И.А. Бунина периода эмиграции в оценке Ю.И. Айхенвальда	
(по материалам эмигрантской прессы)	361
<i>А.Л. Горобец (Вена).</i>	
По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский	377
<i>И.М. Рац (Будапешт).</i>	
Бунинское влияние в «Машеньке» Владимира Набокова	393
<i>Д.В. Грицаенко (Москва).</i>	
Иван Бунин в прочтении Варлама Шаламова	406
<i>О.В. Чупкова (Серпухов).</i>	
И.А. Бунин и М.А. Булгаков: проблема одиночества в творчестве	412
<i>О.А. Ростова (Москва).</i>	
Иван Алексеевич Бунин и Наташа Зайцева	420
<i>В.В. Никульцева (Москва).</i>	
«В его стихах — веселая капель...» (Образ Ивана Бунина в лирике Игоря-Северянина)	434

ВОСПРИЯТИЕ И.А. БУНИНА ЗА РУБЕЖОМ

<i>Д. Рицци (Венеция).</i>	
Восприятие И.А. Бунина в Италии в первой половине XX века	445
<i>Э. Гаретто (Милан).</i>	
Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов)	463
<i>Приложение.</i> Р. Кюфферле о творчестве И.А. Бунина: Рецензии в журнале «Novella» на сборники и рассказы «Солнечный удар», «Ермил», «Последнее свидание». Статьи «Искусство Ивана Бунина», «Корифей Бунин», «Лирика Ивана Бунина», «Двадцать лет спустя»	487
<i>П. Деомто (Триест).</i>	
Иван Бунин: три автобиографические заметки	502
<i>С.А. Гарциано (Лион).</i>	
Малоизученная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина на французском языке в свете первой волны русской эмиграции	514
<i>М.М. Яхъяпур (Тегеран).</i>	
Трудности перевода поэзии Ивана Бунина на персидский язык	532

<i>Д. Карими-Мотаххар (Тегеран).</i>	
Место и значение творчества Ивана Бунина в Иране	540
<i>И.Б. Лаптевок (Минск).</i>	
Своеобразие творчества Ивана Бунина в белорусской переводной литературе	548

ТЕКСТОЛОГИЯ И КОММЕНТАРИЙ

<i>Т.М. Двинятина (Санкт-Петербург).</i>	
Общий очерк текстологии поэзии И.А. Бунина	557
<i>С.Н. Морозов (Москва).</i>	
Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки»	704
<i>Т.М. Двинятина (Санкт-Петербург).</i>	
Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: текстологический аспект	728
<i>З.С. Закружная, О.А. Коростелев (Москва).</i>	
«Сундук с вырезками» Ивана Бунина	740
<i>Е.А. Каганова (Санкт-Петербург).</i>	
Сложные случаи научного комментария к роману «Жизнь Арсеньева» и записным книжкам И.А. Бунина	760
<i>М.С. Щавлинский (Санкт-Петербург).</i>	
Круг чтения И.А. Бунина (до 1920 г.)	766

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография публикаций художественных произведений И.А. Бунина и его переводов в периодике и коллективных сборниках 1887–1920 годов	
<i>Составитель С.Н. Морозов</i>	775
Библиография научных работ о романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1961–2018 гг.). <i>Составитель Е.А. Каганова</i>	821
Библиография статей и публикаций участников Бунинской группы (1993–2019 гг.). <i>Составители О.А. Коростелев, С.Н. Морозов</i>	854
Именной указатель. <i>Составитель Е.В. Кузнецова</i>	873

Научное издание

Серия «Академический Бунин»
Выпуск 1

**Творчество И.А. Бунина в историко-литературном
контексте (биография, источниковедение, текстология)**

Редакторы *З.С. Закружная, А.В. Протопопова, М.А. Фролов*
Художественный редактор *Т.О. Прокофьев*

Технический редактор *Е.Ю. Тихомирова*

Корректор *Е.Н. Сченснович*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953 000 — книги, брошюры

Издательство ЛИТФАКТ
Почта: 121069. Москва, ул. Поварская, 25а, каб. 4
E-mail: litfakt@gmail.com

Сдано в производство 15.06.2019. Подписано в печать 10.09.2019

Формат 70 x 100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Печ. л. 45. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография “Наука”»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-6043382-4-7